9(4)
С-31

9(4)
С-31

Семьобос Ш.

Политическая история современной Европы.

1901

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ
СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ

(1814—1896).

Ш. Сеньобоса.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Профессора А. Трачевскаго,

съ предисловіемъ автора, написаннымъ для русской публики.

2-е изданіе Ф. Павленкова.

Цѣна 1 р. 50 к.

524 2

Установ. ... Вищий ... університет ... ім. Т. Шевченка БІБЛІОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1901.

Милостивый Государь,

Господинъ Издатель!

Я очень признателенъ Вамъ, что Вы доставили мнѣ удовольствіе сказать нѣсколько словъ Вашимъ читателямъ по поводу издаваемаго Вами перевода моей **Политической исторіи современной Европы**,—третьяго русскаго перевода этой книги, печатающагося втеченіе 1897 года. Я счастливъ, что имѣю случай поблагодарить русскую публику за пріемъ, оказанный ею сочиненію, лишенному всякихъ литературныхъ украшеній и могущему удовлетворить только одному стремленію научиться. Я слышалъ, что въ настоящее время это — преобладающее стремленіе русскаго народа, и я радуюсь за будущее этой великой націи.

Вашъ переводъ—**единственное полное изданіе** моей исторіи; оно даже полнѣе французскаго оригинала; въ него вошло болѣе шестнадцати страницъ, относящихся къ внѣшней исторіи Европы, которыми, ради чисто матерьяльныхъ соображеній, я, къ великому моему сожалѣнію, долженъ былъ пожертвовать во французскомъ изданіи. Я очень радъ, что ими воспользуются по крайней мѣрѣ Ваши читатели.

Ш. Сеньобосъ.

Парижъ, 20 декабря 1897 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ IX

Глава I. Европа въ 1814 г. 1

Паденіе Наполеоновскаго режима.—Вѣнскій конгрессъ.—Распредѣленіе территоріи.—Европа послѣ передѣловъ 1815 года.

Англія.

Глава II. Англія до реформы 1832 г. 9

Центральное правительство.—Мѣстныя власти.—Организація выборовъ.—Церковь. — Соціальный строй. — Положеніе Ирландіи. — Движеніе въ пользу реформъ. — Радикальная агитація и исключительные законы. — Частичныя реформы.—Эмансипація католиковъ.—Избирательная реформа 1832 года.

Глава III. Англія въ періодъ между двумя реформами 1842—1867 г. . . . 37

Новыя условія политической жизни.—Административныя реформы.—Рабочее движеніе.—Движеніе хартистовъ.—Ирландская агитація.—Агитація въ пользу свободной торговли. — Законы въ пользу рабочихъ. — Ирландскій кризисъ. — Періодъ бездѣйствія и демократической эволюціи. — Союзы. — Избирательная реформа 1867 года.

Глава IV. Демократическая Англія 61

Условія политической жизни. — Реформы перваго министерства Гладстона. — Законы о ремесленныхъ союзахъ.—Имперьялистская политика консервативнаго министерства.—Образованіе партіи Ирландскаго самоуправленія, Гомъ-Руля.—Аграрная лига.—Борьба либеральнаго министерства съ ирландской партіей.—Гомъ-Руль.—Избирательная реформа.—Распаденіе либеральной партіи.—Управленіе уніонистской коалиціи.—Образованіе соціалистическихъ партій.—Лига въ пользу націонализаціи земли. — Соціальная демократическая федерація. — Попытки либеральнаго министерства.—Возвращеніе къ власти уніонистовъ.—Политическая эволюція Англіи въ XIX столѣтіи. — Соединенное королевство Великобританіи и Ирландіи.

Франція.

Глава V. Монархія, основанная на избирательномъ цензѣ 95

Возстановленіе Бурбоновъ.—Политическія учрежденія хартіи.—Конституціонная хартія.—Условія политической жизни.—Сто дней и вторая реставрація.—Послѣдствія ста дней.—Контръ-революціонный кризисъ.—Правленіе конституціонной партіи.—Правительство правой.—Столкновеніе между королемъ и палатой.—Революція 1830 г.—Политическій порядокъ при Луи-Филиппѣ.—Борьба партій въ правительствѣ.— Борьба противъ возстаній.— Подавленіе республиканской партіи. — Возникновеніе соціалистической и коммунистической партіи.—Борьба въ парламентѣ.— Министерство Гизо.— Католическая и демократическая оппозиціонныя партіи.—Результаты конституціонной монархіи.

Глава VI. Республика и демократическая имперія 145

Революція 1848 г.—Борьба во временномъ правительствѣ.—Управленіе учредительнаго собранія.—Управленіе монархическихъ партій.—Столкновеніе между президентомъ и собраніемъ.—Установленіе личной власти. — Неограниченная имперія.—Ослабленіе правительственнаго произвола.—Либеральная имперія и радикальная партія.

Стр.

Глава VII. Парламентская республика 175

Правительство національной обороны. — Выборы въ національное собраніе и коммуна. — Правительство Тьера. — Правительство монархическихъ партій.— Конституція 1875 г.— Борьба между президентомъ и палатою.—Господство и преобразованіе республиканской партіи.—Распаденіе республиканской партіи и возстановленіе консервативной.—Буланжистское движеніе.—Преобразованіе крайнихъ партій.—Новая группировка партій.—Политическая эволюція Франціи въ XIX вѣкѣ.

Нидерланды (Бельгія и Голландія).

Глава VIII. 219

Образованіе королевства Нидерландовъ.—Бельгійская оппозиція.—Революція 1830 г.—Основаніе Бельгійскаго королевства.—Конституція 1848 г.—Политическія партіи послѣ 1848 г. — Люксембургъ. — Возникновеніе партій. — Борьба между католиками и либералами. — Либеральная федерація. — Введеніе всеобщаго избирательнаго права.

Швейцарія.

Глава IX. 247

Швейцарія въ 1814 г.— Періодъ реставраціи.—Возрожденіе.—Мѣстныя столкновенія.—Зондербундъ и гражданская война.—Союзная конституція 1848 г.— Установленіе прямого народнаго правительства.— Законодательный починъ и санкція въ области конституціонныхъ законовъ. — Починъ и санкція въ области обыкновеннаго законодательства.—Перемѣны въ политическихъ партіяхъ послѣ 1848 г.

Испанія и Португалія.

Глава X. 279

Испанія въ концѣ наполеоновскихъ войнъ.— Реставрація 1814 г.— Революція 1820 г.—Реставрація 1823 г.—Споръ изъ-за престолонаслѣдія.—Статутъ 1834 г. и конституція 1837 г. — Карлистская война. — Военныя диктатуры Эспартеро и Нарваэса.— Конкордатъ 1851 г. и распаденіе партій.— Либеральный союзъ и революція 1854 г. — Революція 1868 г. — Конституція 1869 г. — Республика 1873—1874 гг.—Реставрація 1874 г.— Конституціонная монархія.— Конституція 1826 г. — Борьба между хартистами и сентябристами.— Партія возрожденія и дефицитъ.

Италія.

Глава XI. 319

Реставрація въ Италіи.—Военныя революціи 1820—1821 гг.—Революція 1831 г.— Мадзини и республиканская партія.—Risorgimento.—Революція 1848 г.— Внутренніе раздоры.—Реакція.—Конституціонное Сардинское королевство.—Политика Кавура.— Образованіе Итальянскаго королевства.— Присоединеніе Венеціи и Рима.—Формированіе партій и внутреннія затрудненія.—Консортерія.— Вступленіе во власть лѣвой.—Тройственный союзъ и личныя соперничества.— Управленіе Криспи.

Германія и Австрія.

Глава XII. Германія до объединенія. 367

Германія въ 1814 г.— Образованіе Германскаго Союза.— Отдѣльныя правительства и конституціи.—Политическія партіи въ Германіи.— Преслѣдованіе университетовъ.—Оппозиція южно-германскихъ конституціонныхъ государствъ.— Движеніе 1830 г.— Революція 1848 г. въ Германіи. — Франкфуртскій парламентъ.—Прусская унія.—Реакція въ Германіи.

Глава XIII. Австрійская имперія въ эпоху неограниченной монархіи. . . . 393

Австрійская имперія въ 1814 г.— Система Меттерниха.— Національная оппозиція въ Венгріи.— Оппозиція славянскихъ народовъ.—Либеральная нѣмецкая оппозиція.—Революція 1848 г.—Революція въ Венгріи.—Революція въ славянскихъ земляхъ. — Междуусобная война и подавленіе революцій. — Венгерская война.—Абсолютическая реставрація 1849 г.—Конкордатъ 1855 г.

Стр.

Глава XIV. Прусское королевство до Вильгельма I. 417

Преобразованія въ Пруссіи во время наполеоновскихъ войнъ.—Условія политической жизни. — Преобразованія, носившія абсолютическій характеръ. — Учрежденіе провинціальныхъ штатовъ.—Конецъ царствованія Фридриха-Вильгельма III. — Попытки Фридриха-Вильгельма IV. — Соединенный ландтагъ. — Революція 1848 г. — Національное собраніе. — Конституція 1850 г. — Реакція (1850—1859 гг.). — Политика Пруссіи въ общегерманскихъ дѣлахъ.—Таможенный союзъ.

Глава XV. Объединеніе Германіи 447

Преобразованіе прусской арміи.—Образованіе прогрессистской партіи.—Конституціонный конфликтъ. — Національное и либеральное движеніе въ Германіи.—Герцогства Шлезвигъ и Голштинія.— Распаденіе Германскаго Союза.— Расширеніе Пруссіи.— Возникновеніе Сѣверо-Германскаго Союза.—Преобразованіе партій.—Южная Германія.—Основаніе Имперіи.

Глава XVI. Германская имперія 477

Партіи въ Имперіи.—Условія политической жизни.—Культуркампфъ и организація Имперіи.—Борьба съ соціалистами.— Экономическая и соціальная политика Бисмарка.—Военный законъ и Картель.—Вильгельмъ II и христіанская политика. — Новый курсъ. — Эльзасъ и Лотарингія. — Политическая эволюція Германіи въ XIX столѣтіи.

Глава XVII. Австрія въ періодъ конституціоннаго правленія 511

Октябрьская конституція 1860 г. — Конституція 1861 г. — Опытъ установленія централизованнаго правительства. — Временная отмѣна конституціи. — Соглашеніе съ Венгріей.—Либеральныя конституціи 1867 г.—Условія политической жизни въ Австріи.—Политическія и національныя партіи.—Либеральное министерство.—Попытка федеративной конституціи.—Избирательная реформа и конституціонныя министерства.—Партіи и политическая жизнь въ Венгріи.—Кризисъ, вызванный оккупаціей Босніи.—Федералистская политика министерства Тааффе.— Нѣмецко-польская коалиція и избирательная реформа 1886 г.— Политическая борьба въ Венгріи, начиная съ 1878 года.— Политическая эволюція Австро-Венгріи въ XIX вѣкѣ.

Глава XVIII. Скандинавскія государства 551

Образованіе Скандинавскихъ государствъ.—Преобразованіе шведской конституціи.—Партіи въ Швеціи.—Демократическая партія въ Норвегіи.—Конституціонный конфликтъ.—Національный конфликтъ.—Датская монархія до отдѣленія герцогствъ. — Герцогства Шлезвигъ и Голштинія. — Конфликтъ герцогствъ.— Отдѣленіе герцогствъ.— Конституція 1866 г.— Конституціонный конфликтъ.— Исландія.

Глава XIX. Оттоманская имперія 579

Оттоманская имперія въ 1841 г. — Кризисъ, вызванный греческимъ возстаніемъ.— Реформы Махмуда.— Столкновеніе съ Египтомъ.—Реформы Решидъ-паши. — Кризисъ, вызванный Крымской войною. — Попытки реформъ Фуадъ-паши и Али.— Финансовый кризисъ и Молодая Турція. — Русское вторженіе и новое раздробленіе имперіи.—Личное управленіе Абдулъ-Гамида.

Глава XX. Христіанскія націи Балканскаго полуострова 603

Христіанскія націи Оттоманской имперіи въ 1814 г. — Княжества Молдавія и Валахія до 1856 года. — Образованіе государства Румыніи. — Конституціонная монархія.—Греческая нація до 1820 г.—Образованіе греческаго королевства.— Абсолютическій порядокъ правленія.—Образованіе княжества Сербіи.—Сербія при конституціонномъ образѣ правленія.—Черногорія.—Болгарскій народъ до объединенія 1885 г.—Болгарія послѣ объединенія 1885 г.

Глава XXI. Преобразованіе матеріальныхъ условій политической жизни. . . . 641

Изобрѣтенія. — Новѣйшія орудія истребленія. — Новыя средства сообщенія.— Измѣненія въ размѣрѣ населенія и въ его распредѣленіи. — Ростъ народнаго богатства.—Преобразованія въ экономической жизни.

Глава XXII. Церковь и католическія партіи 655

Церковь до революціи.—Революція и церковь.—Реставрація церкви.—Ультрамонтанская партія. — Либеральная католическая партія. — Католическая демократія и революція 1848 г.—Реакція въ церкви.— Энциклика „Quanta cura“ и Силлабусъ.— Ватиканскій соборъ.— Столкновенія между церковью и государствомъ.—Политика Льва XIII.

Стр.

Глава XXIII. Международныя революціонныя партіи 691

Франмасоны и карбонаріи. — Республиканская „Молодая Европа“. — Соціалистическія школы.—Коммунистическія партіи.—Революціонныя партіи во время революціи 1848 г. и реакціи.—Интернаціоналъ.—Выработка соціалистической программы въ Германіи.—Анархическія партіи.—Возникновеніе національныхъ соціалистическихъ партій.—Тактика революціонныхъ партій.—Международные соціалистическіе конгрессы.

Глава XXIV. Европа при господствѣ системы Меттерниха. 1815—1830 гг. . . 721

Европейскіе вопросы въ 1815 г.—Священный союзъ.—Соперничество императора Александра и Меттерниха.—Ахенскій конгрессъ и перемѣна въ настроеніи Александра.—Австрійскіе конгрессы и политика вмѣшательства.—Англійская политика Каннинга. — Вмѣшательство въ восточныя дѣла. — Распаденіе европейскаго союза.

Глава XXV. Соперничество Россіи и Англіи. 1830—1854 гг. 739

Внѣшнія политическія условія послѣ 1830 г.—Признаніе іюльской монархіи.—Устройство Бельгіи.—Польскій вопросъ.—Вмѣшательство Австріи и Франціи въ итальянскія дѣла.—Вмѣшательство въ дѣла Испаніи и Португаліи.—Восточный вопросъ. — Эмигранты и союзъ неограниченныхъ монархій. — Разрывъ союза между Франціей и Англіей. — Восточный вопросъ и конвенція о проливахъ.—„Сердечное согласіе“.—Испанскіе браки.— Краковское дѣло. Португальскія и итальянскія дѣла. — Швейцарскія дѣла. — Реставрація. — Торжество Австріи надъ Пруссіей.—Признаніе Французской имперіи.—Императоръ Николай и восточный вопросъ.

Глава XXVI. Преобладаніе Франціи и національныя войны (1854—1870 гг.). . 769

Поворотъ въ европейской политикѣ. — Крымская война. — Парижскій конгрессъ. — Преобладаніе Наполеона. — Союзъ между Франціей и Сардиніей. — Итальянская война. — Миръ съ Австріей. — Территоріальныя присоединенія и итальянскій вопросъ. — Польскія дѣла. — Война изъ-за герцогствъ. — Разрывъ между Пруссіей и Австріей. — Война 1866 года. — Пражскій миръ. — Люксембургское дѣло. — Скрытый конфликтъ между Франціей и Пруссіей. — Объявленіе войны.

Глава XXVII. Преобладаніе Германіи и вооруженный миръ 801

Французская война. — Лондонскій и франкфуртскій трактаты. — Новыя условія европейской политики 1871 года. — Союзъ трехъ императоровъ. — Восточныя дѣла. — Турецкая война. — Санъ-Стефанскій миръ и Берлинскій конгрессъ. — Образованіе Тройственнаго Союза. — Возникновеніе франко-русскаго соглашенія. — Вооруженный миръ.

Заключеніе.

Политическая эволюція въ Европѣ 823

Библіографія . . . . . 839—864

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская въ свѣтъ исторію новѣйшей Европы, въ одномъ томѣ, я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ въ оправданіе столь дерзкаго предпріятія.

Я не буду доказывать, какъ важно имѣть передъ глазами сжатую общую картину того историческаго періода, который всего лучше можетъ намъ помочь понять окружающее насъ общество. Вопросъ не въ томъ, представитъ ли интересъ для читателя такого рода исторія, а въ томъ, можетъ ли она быть написана. Поэтому я откровенно выставлю на видъ всѣ затрудненія, связанныя съ предпринятою мною работою, а также укажу на тѣ выходы изъ нихъ, которые были найдены мною, и на тѣ пробѣлы, съ которыми я по неволѣ долженъ былъ примириться. Читатель увидитъ тогда, почему эта дерзкая попытка показалась мнѣ практически осуществимой, подъ условіемъ извѣстныхъ, неизбѣжныхъ ограниченій, которыми вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлились цѣль, методъ и планъ этого сочиненія.

Самое главное препятствіе, могущее привести въ отчаяніе человѣка, задумавшаго написать исторію XIX вѣка, заключается въ подавляющемъ обиліи документовъ. Строгій историческій методъ требуетъ непосредственнаго изученія источниковъ; между тѣмъ цѣлой человѣческой жизни не достало бы—я уже не говорю на изученіе и критику—но даже только на то, чтобы прочесть всѣ офиціальные документы какого-либо одного государства Европы. Слѣдовательно, физически невозможно написать новѣйшую исторію Европы, согласно строгимъ требованіямъ исторической критики. Вслѣдствіе этого профессіональные историки, считая свой методъ неприложимымъ къ изученію XIX столѣтія, предпочитаютъ вовсе не касаться этого періода. Такимъ образомъ публика потому не знаетъ современной исторіи, что ученые обладаютъ слишкомъ совершенными методами для ея изученія.

Мнѣ казалось возможнымъ смягчить суровость критическаго метода и замѣнить непосредственное изученіе документовъ—менѣе совершеннымъ, но болѣе практическимъ пріемомъ, достаточнымъ для достиженія, по крайней мѣрѣ, части исторической истины. Всѣ событія новѣйшей политической исторіи изложены въ монографіяхъ, спеціальныхъ исторіяхъ и ежегодныхъ сборникахъ, составленныхъ на основаніи перво-источниковъ; благодаря извлеченіямъ изъ документовъ и ихъ критикѣ, содержащимся въ этихъ работахъ, событія изображены въ нихъ съ достовѣрностью, достаточною для того, чтобы можно было, вообще говоря, уже не обращаться къ оригинальнымъ документамъ. Точность и подлинность, свойственныя новѣйшимъ документамъ, значительно сокращаютъ работу ихъ критика. Наконецъ тождественное изложеніе фактовъ въ сочиненіяхъ, написанныхъ въ различныхъ странахъ по одному и тому же вопросу, облегчаетъ контроль, при условіи, что въ выборъ и изученіе этихъ сочиненій будетъ внесена та строгая критика, которая должна была бы быть примѣнена къ источникамъ.

Второе затрудненіе для историка этой эпохи заключается въ невозможности снабдить свое сочиненіе ссылками на источники. Одно изъ главныхъ правилъ историческаго метода требуетъ, чтобы въ историческомъ сочиненіи всякое утвержденіе сопровождалось подтверждающими документами. Но въ новѣйшей исторіи число документовъ такъ велико, что приходится отказаться отъ такого рода ссылокъ. Однако этотъ пробѣлъ также извинителенъ. Главнѣйшія событія выясняются изъ чтенія документовъ съ такою очевидностью и устанавливаются съ такою достовѣрностью, что вполнѣ достаточно однихъ указаній на тѣ сочиненія, въ которыхъ приведены доказательства. Вслѣдствіе этого я счелъ воз-

можнымъ отказаться отъ подстрочныхъ примѣчаній и ограничиться критической библіографіей въ концѣ каждой главы *).

Что касается самой библіографіи, то въ этомъ случаѣ я также принужденъ былъ замѣнить строго-научный методъ практическимъ пріемомъ. Библіографія новѣйшей исторіи, составленная по всѣмъ правиламъ, могла бы занять цѣлый томъ. Я долженъ былъ ограничиться только необходимымъ. Я принялъ за правило указывать одни библіографическіе сборники и историческія сочиненія общаго характера, въ которыхъ читатель найдетъ ссылки на спеціальные труды, а также главнѣйшіе сборники документовъ и наиболѣе надежныя и удобныя монографіи по каждому вопросу, такъ, чтобы читатель могъ меня контролировать, обращаясь къ тѣмъ сочиненіямъ, которыми я пользовался самъ при моей работѣ.

Этотъ сокращенный методъ чтенія и ссылокъ заставилъ меня ограничиться въ моемъ изложеніи только общими событіями политической жизни, извѣстными всѣмъ современникамъ этихъ событій и не допускающими никакихъ сомнѣній; но именно такого рода безспорные факты и составляютъ главный матеріалъ политической исторіи. Я не пытался установить ни одного спорнаго факта и не стремился открыть ни одного неизвѣстнаго событія; но я думаю, что мнѣ удалось придти къ нѣкоторымъ новымъ выводамъ путемъ сопоставленія общеизвѣстныхъ, но разрозненныхъ фактовъ.

Ограничившись изложеніемъ однихъ безпорныхъ результатовъ, я долженъ былъ отказаться отъ всякаго ученаго изысканія, отъ всякаго спора по поводу какого-нибудь отдѣльнаго факта, вызывающаго разногласія,—такъ какъ въ противномъ случаѣ мнѣ пришлось бы выступить съ утвержденіемъ, для доказательства котораго я не имѣлъ бы ни времени, ни мѣста. Такимъ образомъ я долженъ былъ отказаться не только отъ всякой полемики и отъ всякой критики текстовъ, но также и отъ разсказовъ о событіяхъ, отъ описаній, характеристикъ, анекдотовъ, такъ какъ все это почти всегда можетъ подлежать оспариванію. Я отступалъ отъ этого правила только по отношенію къ нѣкоторымъ событіямъ, повлекшимъ за собой важныя послѣдствія; но и въ такихъ случаяхъ я разсказываю только главнѣйшіе эпизоды, и притомъ подтверждающіеся согласными между собой документами.

Такимъ образомъ, лишивши себя одновременно всего, что придаетъ литературный интересъ исторіи и что сообщаетъ ей характеръ ученаго сочиненія, я вышелъ изъ рамокъ тѣхъ двухъ родовъ историческихъ сочиненій, къ которымъ историки пріучили публику: повѣствовательнаго и ученаго. Моею задачею было—познакомить читателя съ главнѣйшими явленіями европейской политической жизни XIX вѣка, объяснивши организацію государствъ, правительствъ и партій, постановку политическихъ вопросовъ втеченіе этого вѣка и тѣ рѣшенія, которыя они получили. Я хотѣлъ написать *толковую исторію.*

Исходнымъ пунктомъ моего труда естественно явился 1814 годъ, годъ всеобщей реставраціи дореволюціонныхъ европейскихъ правительствъ. Я не хотѣлъ связывать себя никакой конечной датой, чтобы сохранить право слѣдить за развитіемъ политической жизни до самыхъ послѣднихъ событій.

Задчаа состояла въ томъ, чтобы объяснить политическія перемѣны, происшедшія въ Европѣ за послѣднія восемьдесятъ лѣтъ. Не имѣя возможности представить картину всей европейской цивилизаціи, я добровольно ограничилъ себя рамками политической исторіи. Я устранилъ всѣ соціальныя явленія, не имѣющія прямого вліянія на политическую жизнь: искусство, науку, литературу, религію, моды, обычаи частной жизни. Я стремился главнымъ образомъ познакомить читателя съ возникновеніемъ, составомъ, тактикой и программами политическихъ партій, такъ какъ онѣ имѣли рѣшающее вліяніе на судьбу учрежденій. Но я не считалъ возможнымъ ограничить политическую исторію изложеніемъ событій и учрежденій только чисто политическаго характера. Занятый прежде всего *объясненіемъ* явленій и указаніемъ ихъ взаимной связи, я отводилъ извѣстное мѣсто и неполитическимъ фактамъ: мѣстному управленію, арміи, церкви, народному образованію, печати, политическимъ ученіямъ, экономическому строю—всякій разъ, когда они оказывали вліяніе на политическую жизнь.

Когда былъ установленъ выборъ фактовъ, оставалось ихъ классифицировать. Тутъ явилось еще одно затрудненіе. Можно было представить себѣ три способа классификаціи: въ *логическомъ* порядкѣ, при которомъ политическая организаціи европейскихъ государствъ анализировалась бы и изучалась бы одновременно во всѣхъ странахъ, причемъ послѣдовательно разсматривалось бы каждое изъ учрежденій (центральное правительство, армія, финансы, правосудіе и т. д.); въ *хронологическомъ* порядкѣ, при которомъ вся совокупность европейскихъ событій была бы распредѣлена по періодамъ и затѣмъ излагалась бы послѣдовательно періодъ за періомъ; наконецъ, въ *географическомъ* порядкѣ, при которомъ брались бы поочередно различныя страны, и исторія каждой изъ нихъ исчерпывалась бы окончательно, прежде чѣмъ изложеніе переходило къ другой.

Логическій порядокъ лучше выяснилъ бы какъ

*) Въ моемъ изданіи она помѣщена въ концѣ книги. *Издатель.*

черты, общія всѣмъ европейскимъ націямъ, такъ и особенности каждой изъ нихъ.

Хронологическій порядокъ удобнѣе въ томъ случаѣ, когда приходится разсматривать событія, общія нѣсколькимъ странамъ, и взаимное вліяніе одного государства на другое *).

Географическій порядокъ позволяетъ лучше выяснить политическую организацію и особенности развитія каждаго народа, такъ какъ въ современной Европѣ каждая страна составляетъ одно общество, подчиненное одному политическому режиму, и развивается подъ вліяніемъ однѣхъ и тѣхъ же причинъ.

Такимъ образомъ каждый изъ этихъ трехъ способовъ классификаціи способствуетъ лучшему выясненію какой-нибудь одной стороны развитія новѣйшихъ обществъ; если бы я принялъ одинъ изъ нихъ, при исключеніи остальныхъ, я рисковалъ бы тѣмъ, что какая-нибудь часть явленій представилась бы читателю въ болѣе или менѣе запутанномъ видѣ; я предпочелъ воспользоваться поочередно всѣми тремя способами классификаціи и распредѣлилъ событія новѣйшей исторіи на три группы.

Первая часть моего труда посвящена внутренней политической исторіи европейскихъ государствъ, причемъ я слѣдовалъ географическому порядку. Послѣ краткаго описанія Европы 1814 года, какою ее сдѣлали территоріальныя реставраціи вѣнскаго конгресса, я изучалъ *отдѣльно* внутреннюю исторію каждаго изъ европейскихъ государствъ; при этомъ я размѣщаю ихъ приблизительно въ томъ порядкѣ, какой соотвѣтствуетъ относительному старшинству развитія въ нихъ политической жизни: во главѣ стоитъ Англія, послужившая образцомъ политической организаціи для всей Европы; затѣмъ слѣдуетъ Франція и ея наиболѣе цивилизованные сосѣди: Нидерланды и Швейцарія; затѣмъ—Иберійскія страны; затѣмъ—группа центральной Европы: Италія, Германія и Австрія, скандинавскія земли; наконецъ—Россія **) и Оттоманская имперія. Я удержалъ въ этой части ту форму изложенія, которая является для насъ вполнѣ естественной,—форму серіи національныхъ исторій, слѣдующихъ одна за другою и вполнѣ независимыхъ; это даетъ возможность отчетливѣе различить національную структуру каждаго изъ государствъ и событія, имѣвшія наибольшее вліяніе на его эволюцію.

Во второй части я слѣдую логическому порядку и помѣщаю въ особыя группы нѣкоторыя политическія явленія, общія различнымъ европейскимъ странамъ; я выдѣлилъ ихъ изъ исторіи развитія каждаго народа, чтобы оттѣнить ихъ универсальный характеръ. Сюда вошли: измѣненіе матеріальныхъ условій политической жизни и вліяніе международныхъ партій (католической и революціонно-соціалистической).

Третья часть посвящена внѣшнимъ отношеніямъ между европейскими государствами; событія распредѣлены здѣсь по періодамъ, слѣдуя хронологическому порядку; каждый періодъ отмѣченъ преобладающею ролью одной изъ великихъ державъ: Австріи, Англіи, Россіи, Франціи и Германіи. Въ этомъ отдѣлѣ мое вниманіе было обращено не столько на разсказъ о дипломатическихъ и военныхъ операціяхъ, подробности которыхъ уже болѣе или менѣе знакомы читателямъ, сколько на то, чтобы отмѣтить въ каждомъ періодѣ главнѣйшія черты внѣшней политики наиболѣе крупныхъ государствъ и объяснить, какимъ образомъ между государствами измѣнялись ихъ взаимныя отношенія, распредѣленіе территорій и вліяніе на общеевропейскую политику.

Самый языкъ составлялъ для меня также весьма затруднительный вопросъ. Придавши этому труду форму научнаго руководства, я долженъ былъ стремиться къ сжатому, ясному и точному языку; вмѣстѣ съ тѣмъ практическая необходимость обязывала меня прежде всего къ краткости, доходящей порой, какъ я опасаюсь, даже до неполной ясности; но я никогда не жертвовалъ ясностью ради изящества выраженія. Каждый разъ, когда уже употребленное мною слово дѣлало, какъ мнѣ казалось, фразу понятнѣе, я, не колеблясь, повторялъ его; изъ двухъ выраженій я всегда употреблялъ наиболѣе обычное, а потому и легче понимаемое; я избѣгалъ метафоръ, блескъ которыхъ не способствуетъ ясности. Читатель врядъ ли повѣритъ тому, сколько времени я употребилъ на пріисканіе такихъ выраженій, которыя потребовали бы отъ него наименьшихъ усилій.

Достиженіе точности представляло большую трудность. Исторія, какъ наука, находится еще въ такомъ зачаточномъ состояніи (если только можно серьезно называть ее наукой), что не имѣетъ своего техническаго языка. Для обозначенія политическихъ явленій историки заимствовали у юристовъ или философовъ отвлеченные термины, которые и вошли въ историческій языкъ; они обнимаютъ собою еще очень смутныя понятія, такъ какъ при нашемъ незнаніи внутренней природы политическихъ явленій только такія понятія и доступны для насъ; но, благодаря юридическимъ и философскимъ отвлеченнымъ терминамъ, эти понятія получаютъ внѣшнюю форму научной точности. Мнѣ казалось болѣе честнымъ съ научной точки зрѣнія оста-

---

*) Этотъ порядокъ является общепринятымъ; ему слѣдуютъ во всѣхъ ежегодникахъ; онъ принятъ Гервинусомъ, Буллемъ и недавно Сторномъ, авторомъ послѣдней изъ исторій новѣйшаго времени.

**) Отдѣльный очеркъ политической исторіи Россіи выпущенъ нами при переводѣ этого сочиненія, такъ какъ, вслѣдствіе своей краткости, онъ не могъ бы представить никакого интереса для русскаго читателя.

Издатель.

вить вульгарнымъ понятіямъ ихъ вульгарныя имена. Вслѣдствіе этого я избѣгалъ абстрактныхъ существительныхъ, вродѣ *королевская власть*, *церковь*, *элементы*, *стремленія*,— такъ какъ они слишкомъ легко превращаются въ мистическія силы. Когда мнѣ приходилось описывать дѣятельность или идеи какой-нибудь группы людей, я всегда обозначалъ эту группу именемъ народа, партіи, класса, или же собирательнымъ существительнымъ (правительство, министерство, духовенство), такъ, чтобы за именемъ читатель всегда могъ усмотрѣть людей, которые дѣйствовали или думали.

Что касается политическаго и національнаго безпристрастія, достиженіе котораго считается капитальнымъ затрудненіемъ для авторовъ новѣйшей исторіи, то я не хочу обижать ни читателя, ни себя самого признаніемъ за рѣдкую заслугу того, что составляетъ прямую обязанность каждаго историка. Придавши изложенію характеръ научнаго трактата, я не имѣлъ случая обнаруживать личныя чувства по отношенію къ той или другой партіи или націи; а ясное сознаніе, что мои личныя предпочтенія на сторонѣ либеральнаго, свѣтскаго, демократическаго и западно-европейскаго режима, гарантировало меня, какъ я думаю, отъ неточнаго описанія или упущенія тѣхъ явленій, антипатичность которыхъ самому мнѣ вполнѣ ясна. Если я ошибаюсь, то читатель предупрежденъ относительно того, въ какую сторону я могъ уклониться.—Быть можетъ найдутъ, что я удѣляю слишкомъ много мѣста кратковременнымъ революціоннымъ эпохамъ въ ущербъ продолжительнымъ консервативнымъ періодамъ. Это— потому, что я хотѣлъ написать *толковую* исторію политической *эволюціи*. Охраненіе существующаго—нормальное явленіе въ жизни человѣчества и не нуждается въ объясненіи; съ другой стороны, когда данный порядокъ не мѣняется, достаточно описать его одинъ разъ; революція, будучи исключительнымъ явленіемъ, дѣлается понятной только при детальномъ описаніи вызвавшихъ ее причинъ, и такъ какъ она измѣняетъ общественную организацію, то послѣднюю приходится описывать снова.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ.

ГЛАВА I.

Европа въ 1814 году.

Паденіе Наполеоновскаго режима.—Вѣнскій конгрессъ.—Распредѣленіе территорій.—Европа послѣ передѣловъ 1815 года.

Паденіе наполеоновскаго режима.—Современная исторія Европы начинается событіемъ общеевропейскимъ: пораженіемъ Наполеона I. Это событіе отразилось на всѣхъ государствахъ, ниспровергая ихъ внутреннее устройство или измѣняя ихъ внѣшнія отношенія. Прямо или косвенно Наполеонъ вліялъ на всѣ народы. Онъ царствовалъ непосредственно надъ Французской Имперіей, которая заключала въ себѣ не только прежнюю Францію и области, присоединенныя къ ней Республикою (Бельгія и Рейнскія провинціи), но также часть Швейцаріи, треть Италіи, Нидерланды, нѣмецкія области, прилегающія къ Нѣмецкому морю, и Иллирію. Во всѣхъ этихъ странахъ онъ ввелъ неограниченное и военное правительство.—Наполеонъ господствовалъ надъ всѣми сосѣдними государствами, заставивъ ихъ вступить въ оборонительный и наступательный союзъ съ Франціей: надъ королевствами Испанскимъ, Неаполитанскимъ, Итальянскимъ и Вестфальскимъ, въ которыхъ онъ воцарилъ своихъ родственниковъ, надъ нѣмецкими государствами, соединенными въ Рейнскій Союзъ, надъ Швейцаріей и Даніей.—Въ 1812 г. Наполеонъ принудилъ даже двѣ независимыя нѣмецкія монархіи—Австрію и Пруссію—соединиться съ нимъ противъ Россіи. Внѣ его вліянія оставались только воевавшія съ нимъ окраины Европы: Англія, Россія, Швеція, Сицилія, Португалія,—и испанскіе инсургенты. Вся Европа раздѣлилась на два лагеря: Наполеонъ и его враги.

Пораженіе Наполеона ниспровергло всю территоріальную организацію Европы. Въ 1813 г. Пруссія и Австрія порвали съ Наполеономъ и присоединились къ его врагамъ. Такимъ образомъ составилась коалиція четырехъ великихъ державъ, назвавшихся *Союзниками* (Англія, Россія, Австрія и Пруссія). Союзники сообща руководили военными дѣйствіями противъ Наполеона и присоединили къ своей коалиціи нѣмецкія государства и низложенныхъ государей Италіи. Они методически сосредоточивали свои силы въ Саксоніи противъ арміи Наполеона. Битва подъ Лейпцигомъ отдала въ ихъ руки всю Германію. Тогда они предложили Наполеону Францію въ предѣлахъ 1800 г. (Франкфуртъ, ноябрь 1813 г.,). Затѣмъ, послѣ вторженія ихъ армій во Францію, они предложили Наполеону только территорію Франціи 1790 г. (Шатильонъ, февраль 1814 г.). Наконецъ, овладѣвъ Парижемъ, Союзники рѣшили низложить Наполеона (мартъ 1814 г.).

Тогда всѣ территоріи, присоединенныя къ Франціи съ 1790 года, и всѣ государства, созданныя Наполеономъ, оказались безъ верховной власти. Ставъ господами Европы, Союзники взяли на себя ихъ устройство. Прежде чѣмъ покинуть Францію, они рѣшили созвать въ Вѣнѣ конгрессъ изъ уполномоченныхъ «всѣхъ державъ, принимавшихъ участіе въ войнѣ съ той или другой стороны». Это значило пригласить на конгрессъ всѣ европейскія государства. Однако, въ секретномъ пунктѣ заключеннаго между ними трактата, Союзники сохраняли за собою право установить основанія, которыхъ слѣдовало держаться «при распредѣленіи территорій, отошедшихъ отъ Франціи, и при выработкѣ системы прочнаго европейскаго равновѣсія». Они начертали планъ раздѣла, такъ что конгрессу оставалось только произвести распредѣленіе территорій «на основаніяхъ, принятыхъ Союзниками», т. е., въ сущности, только запротоколировать ихъ рѣшенія (трактатъ 30 мая 1814 г.).

Вѣнскій конгрессъ.—Всѣ государства Европы принимали участіе въ войнѣ, и всѣ они прислали своихъ уполномоченныхъ въ Вѣну. Туда съѣхались представители девяноста царствующихъ государей и пятидесяти трехъ медіатизированныхъ. Такое многочисленное собраніе дипломатовъ, послѣ продолжительныхъ войнъ и подъ вліяніемъ побѣды законныхъ монархій надъ революціонной Франціей, придали Вѣнѣ чрезвычайное оживленіе. Австрійское правительство учредило придворную комиссію, задачей которой было сдѣлать пріятнымъ пребываніе въ Вѣнѣ ея многочисленныхъ гостей. Время проходило въ пріемахъ, празднествахъ и балахъ.

Дѣла должны были разсматриваться въ общемъ собраніи, открытіе котораго Союзники назначили черезъ два мѣсяца послѣ 30 мая; потомъ они отложили его до 1 октября и нако-

цецъ оффиціально объявили 1 ноября днемъ «формальнаго открытія конгресса». Занятія должны были начаться съ представленія и провѣрки полномочій. Въ дѣйствительности эта формальность не была исполнена: *конгрессъ не открывался вовсе.* Конгресса не было; были только отдѣльныя комиссіи уполномоченныхъ, подписавшихъ частные трактаты между государствами; затѣмъ всѣ эти трактаты были соединены въ одинъ актъ, извѣстный подъ именемъ *заключительнаго акта Вѣнскаго конгресса* (9 іюня 1815 г.).

Въ дѣйствительности великія державы однѣ взяли на себя устройство Европы и подчинили своимъ рѣшеніямъ остальныя государства. Принципы этого устройства четверо Союзниковъ установили еще 30 мая. Распредѣленію подлежали территоріи, отобранныя отъ Франціи, и государства, созданныя Наполеономъ: Бельгія, Голландія, лѣвый берегъ Рейна, Италія, Германія и великое герцогство Варшавское. Союзники были единогласны относительно судьбы нѣкоторыхъ территорій, но не могли столковаться относительно другихъ. 30 мая они разрѣшили всѣ пункты, не возбуждавшіе спора: объ Италіи, Бельгіи и лѣвомъ берегѣ Рейна; спорные же вопросы о Германіи и Польшѣ были отложены до рѣшенія ихъ въ Вѣнѣ.

Въ Вѣнѣ представители четырехъ державъ рѣшили предварительно согласиться между собой относительно спорныхъ вопросовъ и только послѣ того, изъ одной вѣжливости, пригласить *присутствовать* на совѣщаніяхъ уполномоченныхъ Франціи и Испаніи. Вотъ какъ, по разсказу французскаго представителя Талейрана, происходила первая конференція (30 сентября). Англійскій уполномоченный сказалъ Талейрану: «Цѣль этого собранія—довести до вашего свѣдѣнія о томъ, что было сдѣлано четырьмя дворами, съ тѣхъ поръ какъ мы находимся здѣсь». Ему сообщили протоколъ, въ которомъ четыре державы называли себя *Союзниками.* Талейранъ протестовалъ противъ этого выраженія, ставившаго Францію внѣ концерта великихъ европейскихъ державъ. «Гдѣ мы, сказалъ Талейранъ, въ Лаонѣ или Шомонѣ? война у насъ или миръ?» Потомъ онъ взялъ протоколъ. «Я прочелъ нѣсколько параграфовъ, продолжаетъ онъ, и сказалъ: «Я ничего не понимаю». Я перечелъ ихъ внимательно съ видомъ человѣка, желающаго вникнуть въ сущность дѣла, и опять сказалъ, что все-таки ничего не понимаю. «Я вижу два числа, между которыми нѣтъ ничего: 30 мая, когда было рѣшено созвать конгрессъ, и 1 октября, когда онъ долженъ былъ собраться».

Талейранъ потребовалъ открытія конгресса, согласно обѣщанію Союзниковъ, и образованія комиссіи для *предварительной разработки* вопросовъ, которые могли быть *рѣшены* только конгрессомъ. Его политика заключалась въ томъ, чтобы сгруппировать малыя государства вокругъ Франціи для противодѣйствія Союзникамъ.—Онъ добился оффиціальнаго объявленія, что конгрессъ будетъ открытъ 1 ноября, и настоялъ на включеніи словъ: «согласно принципамъ публичнаго права». Его ссылка на «публичное право» и *право законныхъ государей* (*légitimité*) имѣла цѣлью помѣшать Союзникамъ распредѣлять завоеванныя территоріи по своему усмотрѣнію. «Король, сказалъ онъ, рѣшился не признавать, что одно завоеваніе дастъ право на верховную власть». Вслѣдствіе этого Талейранъ бралъ подъ свою защиту короля саксонскаго и отказывался признать неаполитанскимъ королемъ узурпатора Мюрата, лишившаго престола законнаго государя.—Онъ добился также учрежденія подготовительной комиссіи изъ представителей четырехъ Союзниковъ и уполномоченныхъ четырехъ другихъ державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ: Франціи, Испаніи, Португаліи и Швеціи. Впрочемъ эти уступки были только формальныя: конгрессъ открытъ не былъ, и всѣ рѣшенія были постановлены одними Союзниками.

Распредѣленіе территорій.—Англія сохранила свои завоеванія: Мальту, Іоническіе острова, Гельголандъ, и внѣ Европы Капштадтъ и Иль-де-Франсъ.—Австрія получила обратно Иллирію и земли, уступленныя Баваріи, которую вознаградили Пфальцомъ по лѣвому берегу Рейна. Такимъ образомъ Англія и Австрія были удовлетворены безъ споровъ. Устройство Нидерландовъ и Италіи также не вызвало возраженій. Бельгія была присоединена къ Голландіи; онѣ составили Нидерландское королевство, отданное принцу Оранскому.—Въ Италіи Австрія присоединила къ Ломбардіи Венецію и Вальтелину; сардинскій король получилъ древнюю Генуэзскую республику; остальныя итальянскія государства были возстановлены въ прежнемъ видѣ.

Но по вопросу о Польшѣ и Германіи между Союзниками возникло разногласіе. Александръ I хотѣлъ оставить за собою все герцогство Варшавское, т. е. всю часть Польши, доставшуюся Пруссіи по раздѣламъ 1793 и 1795 годовъ. Пруссія не стояла за эту часть Польши; она предпочитала вознаградить себя присоединеніемъ Саксонскаго королевства; это королевство можно было считать упраздненнымъ, такъ какъ оно было завоевано у союзника Наполеона, короля саксонскаго, не успѣвшаго, подобно другимъ нѣмецкимъ государямъ, подписать трактата съ четырьмя державами, чтобы гарантировать свои владѣнія. Александръ не противился такому рѣшенію: онъ не могъ простить саксонскому королю, что тотъ принялъ отъ Наполеона великое герцогство Варшавское, «измѣнивъ дѣлу Европы». Такимъ образомъ, дѣйствуя согласно, Пруссія и Россія предложили присоединить Саксонію къ Прусскому королевству, вознаградивъ саксонскаго короля свободными германскими землями. Но Англія и въ особенности Австрія не хотѣли

допустить, чтобы Россія вдвинулась такъ далеко въ Европу, а Пруссія—въ Германію, и воспротивились присоединенію Саксоніи. Талейранъ, подъ предлогомъ поддержки законнаго государя Саксоніи противъ «революціонныхъ» притязаній Пруссіи, воспользовался разногласіемъ Союзниковъ, чтобы заключить оборонительный союзъ между Англіей, Австріей и Франціей. Онъ писалъ королю: «Теперь коалиція распалась и распалась навсегда» (январь 1815 г.). Въ дѣйствительности же его вмѣшательство вызвало только передвиженіе прусской арміи къ французской границѣ. Прусскіе уполномоченные предпочли бы избѣжать непосредственнаго соприкосновенія границъ Пруссіи съ Франціей; они предложили образовать для саксонскаго короля государство на лѣвомъ берегу Рейна; это было бы католич. государство, и его государь былъ-бы естественн. союзникомъ Франціи. Русскій Императоръ далъ свое согласіе; но два остальныхъ союзника воспротивились, и Талейранъ помогъ имъ отвергнуть комбинацію, столь очевидно выгодную для Франціи. Въ концѣ концовъ была создана *статистическая комиссія*, которая выкроила четыре отдѣльныхъ куска, предназначавшихся для вознагражденія Пруссіи. Послѣдняя должна была получить 3.400.000 душъ; она получила: 1) одну изъ польскихъ провинцій, а именно Познань (810.000 душъ), 2) лѣвый берегъ Рейна (1.000.000); 3) Вестфалію (829.000), и 4) часть Саксоніи (782.000). Александръ удержалъ за собою остальную Польшу и обѣщалъ образовать изъ нея конституціонное королевство.

Другія территоріальныя измѣненія были установлены отдѣльными трактатами; Швеція уступила Пруссіи Померанію; Данія получила отъ Пруссіи Лауэнбургъ взамѣнъ Норвегіи.

Но прежде чѣмъ были окончены эти переговоры, пришло извѣстіе о возвращеніи Наполеона. Уполномоченные всѣхъ державъ, по общему соглашенію, объявили, отъ имени Европы, что «Наполеонъ Бонапартъ поставилъ себя внѣ гражданскихъ и общественныхъ законовъ и, какъ врагъ и нарушитель спокойствія всего міра, предаетъ себя общественному мщенію». Они обѣщали военную помощь противъ него французскому королю и всякому правительству, которое подверглось бы его нападенію (13 марта 1815 г.). Затѣмъ они поспѣшили составить «окончательный актъ конгресса». Онъ былъ подписанъ представителями восьми державъ, образовавшими «подготовительную комиссію», причемъ остальныя государства «приглашались присоединиться» къ этому договору. Въ него была включена конвенція о свободномъ плаваніи по рѣкамъ и о нейтралитетѣ Нидерландовъ и Швейцаріи.

Послѣ сраженія при Ватерлоо у Союзниковъ снова начались тайныя конференціи съ цѣлью установить гарантіи противъ Франціи. Они всѣ согласились требовать оккупаціи, денежнаго вознагражденія и территоріальныхъ уступокъ. Но относительно размѣровъ этихъ уступокъ мнѣнія раздѣлились. Оба нѣмецкія государства—Пруссія и Австрія,—которымъ угрожала болѣе непосредственная опасность, требовали Эльзаса и даже Лотарингіи и Фландріи, Англія и Россія допускали только возвращеніе Савойи сардинскому королю и исправленіе границъ, отнимавшее у Франціи нѣсколько крѣпостей. Австрія согласилась на это; прусскій король, оставшись одинъ, сначала угрожалъ, но потомъ уступилъ. Тогда Союзники выработали *ультиматумъ*, которому слѣдовало подчинить Францію (20 сентября); этотъ ультиматумъ, съ нѣкоторыми смягченіями, и составилъ *Парижскій трактатъ*.

Въ то же время Союзники заключили между собой постоянный союзъ «для безопасности своихъ государствъ и общаго спокойствія Европы»,—обязавшись дѣйствовать согласно, въ случаѣ если-бы революціонные принципы снова начали «раздирать Францію и угрожать спокойствію другихъ государствъ» (20 ноября 1815 г.).

Европа послѣ передѣловъ 1815 г.—Основаніемъ вѣнскихъ территоріальныхъ измѣненій служили принципы дипломатовъ XVIII вѣка: *европейское равновѣсіе* и системы *вознагражденій*. Чтобы возстановить это равновѣсіе, Франція, казавшаяся слишкомъ сильною, была введена въ границы, которыя она имѣла до своихъ завоеваній. Остальныя великія державы должны были получить только *вознагражденія* за земли, уступленныя ими другимъ государствамъ. Но двѣ державы сохранили свои завоеванія: Англія—Мальту и Іоническіе острова; Россія—Бессарабію, Финляндію и Польшу. Для обѣихъ этихъ странъ война съ Франціей завершилась увеличеніемъ ихъ территорій на счетъ уничтоженныхъ государствъ (Венеція и Мальта) или же на счетъ прежнихъ союзниковъ Франціи (Швеція, Турція, Польша).—Австрія и Пруссія получили только вознагражденія; но эти вознагражденія были исчислены въ соотвѣтствіи съ наибольшимъ размѣромъ ихъ владѣній, какой оказался у нихъ послѣ третьяго раздѣла Польши. Австрія вознаградила себя Венеціей за потерю Бельгіи и Зальцбургомъ за Швабію. Взамѣнъ польскихъ провинцій, трудно поддающихся ассимиляціи, Пруссія получила три нѣмецкія провинціи: Вестфалію, Саксонію и Рейнскую провинцію. Взамѣнъ Лауэнбурга она пріобрѣла Померанію. Итакъ, обѣ державы оказались съ территоріями, если не бо́льшими, то удобнѣе составленными, чѣмъ въ 1795 г.—Нѣмецкіе государи удержали всѣ земли, которыя были секуляризованы или медіатизированы во времена Наполеона. Небольшія государства, которымъ покровительствовали Союзники, оказались съ чистою прибылью. Принцу Оранскому досталась Бельгія, королю сардинскому—Генуя, Швейцарія—бернская Юра и часть Савойи.

Эти увеличенія производились на счетъ мел-

кихъ государствъ, не имѣвшихъ династій: республикъ Генуэзской и Венеціанской, церковныхъ владѣній и владѣній нѣмецкихъ вольныхъ городовъ; а также на счетъ двухъ союзниковъ Наполеона, Саксоніи и Даніи. Всѣ церковныя владѣнія Европы, за исключеніемъ папскихъ, исчезли. Конгрессъ отказалъ въ возвращеніи земель другимъ церковнымъ князьямъ. Папа протестовалъ противъ рѣшенія свѣтскихъ дипломатовъ Вѣны, такъ-же, какъ нѣкогда онъ протестовалъ противъ постановленій Вестфальскаго конгресса.

Такимъ образомъ Вѣнскій конгрессъ не ограничился простымъ возстановленіемъ прошлаго. Союзники признали тѣ изъ разрушительныхъ мѣропріятій революціонной эпохи, которыя были удобны для нихъ и не нарушали правъ свѣтскихъ государей; земли же, оставшіяся вакантными, они употребили на вознагражденія и увеличенія территорій. Они производили эти операціи согласно обычаямъ XVIII вѣка, не справляясь съ мнѣніями населенія и не обращая вниманія на его интересы; дипломаты представляли тогда правительства, а не націи.

Установленный такимъ образомъ порядокъ покоился, какъ и въ XVIII столѣтіи, на равновѣсіи пяти великихъ европейскихъ державъ: двухъ западныхъ—Англіи и Франціи, и трехъ восточныхъ—Россіи, Австріи и Пруссіи. Ни одна изъ нихъ не была достаточно сильна, чтобы господствовать надъ Европою или даже вести войну противъ желанія остальныхъ. Фактически это равновѣсіе поддерживалось втеченіе полувѣка; миръ же сохранялся втеченіе сорока лѣтъ.—Между двумя указанными группами оставалось центральное пространство, раздѣленное на мелкія государства: нѣмецкія и итальянскія, Нидерланды и Швейцарію; два послѣднихъ государства были объявлены нейтральными подъ гарантіей великихъ державъ. Австрія держала въ своихъ рукахъ двѣ раздробленныя страны: Италію, посредствомъ своихъ итальянскихъ владѣній, и Германію, благодаря преобладающему положенію въ ней австрійскаго императора. Не имѣя надобности увеличивать свои владѣнія, Австрія была заинтересована въ поддержаніи этого раздробленія. —На востокѣ Россія поглотила страны, отдѣлявшія ее прежде отъ Европы. Отъ бывшаго польскаго государства остался только Краковъ, обращенный въ аристократическую республику. Швеція, лишенная Финляндіи и Помераніи, была введена въ предѣлы Скандинавіи. Оттоманская имперія оставалась внѣ европейскаго международнаго права.

Возстановленіе европейскаго равновѣсія сопровождалось реставраціей старыхъ правительствъ. Страны, государственное устройство которыхъ было ниспровергнуто французскими войсками, были отданы прежнимъ государямъ, къ цѣлью возстановленія въ нихъ *стараго порядка*. Абсолютная монархія сдѣлалась нормальной формой европейскаго правительства. Только въ Англіи, Франціи, Нидерландахъ, аристократическихъ республикахъ Швейцарскаго союза, Норвегіи и новомъ Царствѣ Польскомъ верховная власть была ограничена конституціями, хотя и здѣсь она фактически находилась въ рукахъ государя или малочисленной аристократіи. Но подъ вліяніемъ опыта французской революціи и революціонныхъ идей, во всѣхъ европейскихъ странахъ появились люди съ болѣе либеральными или болѣе демократическими стремленіями; эти недовольные элементы образовывали *либеральныя* партіи, враждебныя политическому режиму, возстановленному въ 1814 году. Такъ какъ при распредѣленіи территорій въ Вѣнѣ не обращалось никакого вниманія на желанія самого населенія, то нѣкоторыя изъ вновь образованныхъ государствъ не соотвѣтствовали національностямъ; три европейскія націи: нѣмецкая, итальянская и польская были подѣлены между нѣсколькими государствами; въ одной Австріи было соединено въ искусственную группу нѣсколько совершенно различныхъ народностей. Это также порождало недовольныхъ, соединявшихся въ *національныя партіи*. Недовольные либералы и націоналисты, сливавшіеся обыкновенно въ одну оппозиціонную группу, стремились разрушить дѣло вѣнскихъ дипломатовъ; а такъ какъ правительства вошли въ соглашеніе между собою для его поддержанія, то и оппозиціонныя партіи всѣхъ странъ, сознавая свою солидарность, старались дѣйствовать единодушно.

Австрійское правительство было болѣе всѣхъ другихъ заинтересовано въ подавленіи либеральнаго и національнаго движенія, такъ какъ оно угрожало одновременно и внутреннему государственному строю Австріи, и ея вліянію на Германію; естественно поэтому, что глава австрійскаго правительства, Меттернихъ, сдѣлался руководителемъ политики сопротивленія всякимъ нововведеніямъ. Онъ называлъ *революціонерами* всѣхъ членовъ оппозиціи, такъ какъ они опирались на принципы, провозглашенные французской революціей: народное самодержавіе, свободу и равенство; онъ въ слѣдующихъ словахъ резюмировалъ положеніе: «Цѣль возмутителей одна: *ниспроверженіе* всего законно-существующаго... Этому разрушенію монархи должны противопоставить принципъ *сохраненія* всего законно существующаго». Между консервативными правительствами, въ рукахъ которыхъ находилась власть, и оппозиціонными партіями—либералами, націоналистами и демократами должна была завязаться борьба, составляющая содержаніе политической исторіи Европы въ XIX столѣтіи.

АНГЛІЯ.

ГЛАВА II.

Англія до реформы 1832 года.

Центральное правительство. — Мѣстныя власти. — Организація выборовъ. — Церковь. — Соціальный строй. — Положеніе Ирландіи. — Движеніе въ пользу реформъ. — Радикальная агитація и исключительные законы. — Частичныя реформы. — Эмансипація католиковъ. — Избирательная реформа 1832 года.

Въ XIX столѣтіи политическимъ образцомъ для Европы служила Англія. Политическій механизмъ современной Европы — конституціонная монархія, парламентское правительство и гарантія личной свободы — выработаны англійскимъ народомъ. Другіе народы только подражали ему. Партіи, характеризующія политическую жизнь XIX вѣка (конституціонная, парламентская, радикальная, соціалистическая), образовались въ Англіи ранѣе, чѣмъ появились въ другихъ странахъ. Естественно поэтому начать политическую исторію Европы съ Англіи.

СТАРЫЙ ПОРЯДОКЪ ВЪ АНГЛІИ.

Въ 1814 г. Соединенное королевство Великобританіи и Ирландіи окончило продолжительную войну, которую оно вело почти безпрерывно съ 1793 г.; эта война увеличила его колоніи и укрѣпила его внутренній государственный порядокъ. Старая Англія *(Old England)* XVIII в. осталась неприкосновенной и не нуждалась въ реставраціи. Чтобы понять этотъ порядокъ, необходимо знать организацію англійскаго правительства, составъ англійскаго общества и исключительное положеніе Ирландіи.

Общественная жизнь Великобританіи сосредоточивалась въ группѣ трехъ старинныхъ учрежденій, такъ давно и такъ тѣсно связанныхъ между собой, что они казались нераздѣльными: центральномъ правительствѣ, мѣстныхъ властяхъ и церкви.

Центральное правительство. — Англійское центральное правительство, съ 1707 г. распространенное на Шотландію и съ 1800 — на Ирландію, состояло оффиціально изъ трехъ властей: *короля* съ его *совѣтомъ*, палаты *лордовъ* и палаты *общинъ*. Это были старинныя учрежденія, съ XIV столѣтія застывшія въ своей традиціонной организаціи.

Король, наслѣдственный и неприкосновенный, былъ оффиціальнымъ властителемъ королевства. Какъ представитель государства, онъ объявлялъ войну, заключалъ миръ и трактаты. Какъ «источникъ правосудія», онъ назначалъ судей, которые отправляли правосудіе его именемъ. Какъ глава правительства, онъ назначалъ всѣхъ должностныхъ лицъ, созывалъ и распускалъ парламентъ, составлялъ бюджетъ, представлялъ законопроекты и утверждалъ законы. Онъ еще сохранялъ всѣ права, какими въ средніе вѣка пользовались его предшественники; подобно имъ, онъ имѣлъ *совѣтъ*, который помогалъ ему въ управленіи, и членовъ котораго онъ назначалъ самъ.

Палата лордовъ, какъ и въ средніе вѣка, состояла изъ наслѣдственныхъ лордовъ и новыхъ, назначавшихся королемъ, но передававшихъ пожалованный имъ титулъ своимъ наслѣдникамъ. Засѣданія палаты происходили согласно старинным формамъ.

Палата общинъ состояла изъ депутатовъ, избиравшихся, по старинной системѣ, на семь лѣтъ, и придерживалась въ своихъ дѣйствіяхъ старыхъ обычаевъ. Обѣ палаты засѣдали въ одномъ и томъ же зданіи, въ Вестминстерѣ, и образовали вмѣстѣ *Парламентъ*.

Власть короля, совѣта и парламента опредѣлялась обычаемъ. Англичане не имѣли ни писанной конституціи *), ни гражданскаго кодекса и гордились этимъ. Въ политическихъ вопросахъ они руководились традиціями и прецедентами такъ же, какъ въ частныхъ дѣлахъ обычнымъ правомъ *(common law)*.

---

*) Конституціонные законы сводились къ тремъ актамъ: *habeas corpus* 1679 г., биллю о правахъ 1689 года и учредительному акту 1700 г. Артуро Юнгъ смѣялся въ 1789 г. надъ французами, воображавшими, что существуетъ «рецептъ для изготовленія конституціи».

Съ формальной стороны, король былъ еще единственнымъ главою правительства; все дѣлалось его именемъ; парламентъ былъ только его помощникомъ и даже не могъ собираться безъ его указа; министры были только его совѣтниками. Но три обычая, утвердившіеся въ XVIII вѣкѣ, радикально измѣнили этотъ порядокъ:

1) Король, облеченный всѣми видами власти, лично не осуществлялъ ни одного изъ нихъ; всякій политическій актъ, подписанный королемъ, долженъ былъ скрѣпляться подписью одного изъ министровъ; король не управлялъ; онъ предоставлялъ управленіе своимъ совѣтникамъ.

2) Министры дѣйствовали не отдѣльно; они составляли совѣтъ кабинета, въ которомъ принимались правительственныя рѣшенія. Въ дѣйствительности это собраніе министровъ было только фактически установившимся обычаемъ; даже понынѣ слово *кабинетъ* не можетъ быть употреблено въ оффиціальномъ актѣ. Но на дѣлѣ собраніе министровъ *(министерство)*, которому поручается управлять именемъ короля, сдѣлалось главнымъ учрежденіемъ государства (его называли *администраціей)*. Такъ какъ министерство никогда не было признано оффиціальнымъ учрежденіемъ, то число его членовъ никогда не было опредѣленнымъ (оно колеблется отъ 12 до 20). Нѣкоторые министры носятъ старинные титулы *(лордъ казначейства, великій канцлеръ, канцлеръ казначейства)*; остальные называются государственными секретарями (слово министръ не употребляется въ оффиціальномъ языкѣ). Съ XVIII столѣтія на министерство смотрятъ, какъ на *солидарную* группу, составленную изъ людей, рѣшившихся держаться одной политики. Одинъ изъ его членовъ считается главою министерства и говоритъ отъ его имени. Онъ назначается королемъ и уже самъ избираетъ своихъ товарищей. Его называютъ *первымъ министромъ;* но и это названіе только разговорное, а не оффиціальное. Еще 1806 г. говорилось, что «англійская конституція не выноситъ мысли о первомъ министрѣ».

3) Назначая министровъ, король не былъ свободенъ въ ихъ выборѣ. Лично онъ былъ безотвѣтственнымъ. Согласно англійской фикціи, «король не можетъ поступать дурно»; если же онъ поступаетъ дурно, то это значитъ, что онъ получаетъ дурные совѣты; слѣдовательно отвѣтственны его совѣтники. Но эта фикція привела къ признанію того, что министры, какъ совѣтники короля, *отвѣтственны* передъ парламентомъ. Отсюда на практикѣ вышло, что министерство можетъ держаться только съ согласія большинства палаты общинъ. Еслибы оно захотѣло помѣшать министерству оставаться у власти, то ему не было бы даже надобности прибѣгать къ формальному обвиненію, чтобы заставить министерство выйти въ отставку: ему стоило бы только вотировать ему порицаніе или отказъ въ утвержденіи бюджета. Такимъ образомъ, косвенно, король былъ вынуждаемъ назначать министрами вождей парламентскаго большинства, которые одни могли добиться поддержки палаты общинъ. (Обычай требовалъ также назначать министровъ поровну изъ лордовъ и членовъ нижней палаты.) Отсюда видно, что такъ какъ король уступалъ управленіе министерству, а министерство было простою делегаціей палаты общинъ, то королевская власть косвенно перешла къ этой палатѣ.

Еслибы палата общинъ ограничивалась одною принадлежащею ей властью вотировать бюджетъ и вырабатывать совмѣстно съ лордами законы, то она осталась бы второстепенною властью, какою остается нижняя палата въ конституціонныхъ монархіяхъ Австріи и Пруссіи. Палата общинъ установила въ Англіи *парламентское правительство* не законнымъ осуществленіемъ своей законодательной власти, а присвоеніемъ себѣ, путемъ обычая, власти исполнительной, осуществляемой ею черезъ посредство кабинета, дѣйствующаго отъ имени короля. Сущность парламентскаго правительства заключается въ переходѣ дѣйствительной королевской власти къ парламентскому большинству, причемъ у короля остаются только почетныя прерогативы, согласно французской формулѣ: «король царствуетъ, но не управляетъ».

Въ настоящее время этотъ парламентскій режимъ кажется до такой степени соотвѣтствующимъ англійскимъ нравамъ и обычаямъ, что мы охотно забываемъ о столь его недавнемъ происхожденіи. Онъ уже функціонировалъ въ царствованіе двухъ первыхъ Георговъ, съ 1715 по 1760 г.; но эта практика не была еще окончательно установлена и даже не была еще признана въ теоріи, когда Георгъ III сдѣлалъ попытку положить ей конецъ. Двумъ первымъ Георгамъ было угодно назначать министровъ изъ среды парламентскаго большинства и предоставлять имъ вмѣсто себя управлять государствомъ; но такой способъ дѣйствія не отмѣнялъ законныхъ прерогативъ короны, такъ что преемникъ Георга II могъ воспользоваться ими совершенно иначе. Опираясь на свои права, Георгъ III захотѣлъ лично осуществлять королевскую власть и во все свое долгое царствованіе (1760—1820 г.) держался старинной практики, согласной впрочемъ съ оффиціальною доктриною равновѣсія трехъ властей, представлявшихся королемъ, лордами и общинами *). Онъ не призналъ безъ ограниченій ни одного изъ новыхъ парламентскихъ обычаевъ. Онъ лично предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ кабинета, говоря, что «хочетъ быть самъ своимъ первымъ министромъ», и отказывался подписывать поста-

*) Эта доктрина, изложенная Монтескьё въ его *Духѣ законовъ* (XI, 6), осталась классической для Англіи. Что касается теоріи парламентскаго правительства, то она была формулирована только въ царствованіе Георга III.

новленія, лично ему не нравившіяся. Два министерства вышли въ отставку (въ 1800 и 1806 гг.), потому что король воспрепятствовалъ имъ смягчить законы противъ католиковъ. Онъ долго пытался нарушать однородность министерства, систематически соединяя министровъ, взятыхъ изъ противоположныхъ партій. Онъ даже не считалъ себя обязаннымъ призывать въ министерство вождей парламентскаго большинства.

Въ своей борьбѣ противъ парламентскаго режима, Георгъ III нашелъ поддержку въ самомъ парламентѣ. Старая роялистская партія, образовавшая партію *тори*, продолжала поддерживать королевскія прерогативы и отвергала систему, парламентскій режимъ, въ томъ видѣ, въ какомъ его признавали *виги*. Весьма вѣроятно, что еще въ XVIII столѣтіи *тори* имѣли за себя большинство избирателей, потому что помѣстное дворянство *(gentry)* и англиканское духовенство *(clergymen)* принадлежали къ ихъ партіи. *Виги* создали искусственное большинство въ палатѣ общинъ, путемъ правительственной поддержки (они занимали министерскія мѣста съ 1715 г.). Но когда король присоединился къ *тори*, эта партія пріобрѣла въ палатѣ подавляющее большинство и сохраняла его втеченіе полувѣка (1783—1830 г.). Во все это время министерства составлялись изъ торіевъ и управляли страною, не нарушая королевскихъ прерогативъ.

При содѣйствіи торіевъ, Георгъ III, по крайней мѣрѣ въ тѣ промежутки, когда онъ находился въ здравомъ умѣ, могъ проводить свою личную политику и подчинять ей министровъ. Поэтому сынъ Георга III, замѣнившій его, въ качествѣ регента, въ 1811 г., когда онъ окончательно помѣшался, и царствовавшій потомъ подъ именемъ Георга IV (1820—1830 годы), нашелъ конституціонные порядки сильно расшатанными. Англія еще колебалась между двумя системами. Партія тори защищала традиціонную систему конституціонной монархіи, низводившей парламентъ до второстепенной роли контролера дѣйствій правительства, и признавала за королемъ право назначать министровъ и руководить ими, т. е. практически установлять личное правительство. Партія виговъ поддерживала новую теорію *парламентскаго* или *кабинетнаго режима*, который лишаетъ короля реальной власти, оставляя за нимъ только очень неопредѣленное вліяніе, и передаетъ эту власть министерству, которое само является простою делегаціей большинства палаты общинъ.

На время войнъ съ Франціей эта внутренняя борьба прекратилась; парламентъ подчинился министерству и вотировалъ исключительные законы для подавленія радикаловъ, восхищавшихся французской революціей (1795 года): онъ утвердилъ мѣры, направленныя противъ французской торговли и установленныя простыми приказами совѣта министровъ, т. е. королевскими ордонансами (1806 г.).

Вопросъ о верховной власти былъ отложенъ въ виду установившагося согласія между королемъ и большинствомъ палаты; но онъ не былъ разрѣшенъ, и въ 1814 году вновь возникъ вопросъ, будетъ ли въ Англіи парламентское или личное правительство.

Мѣстныя власти.—Самый составъ парламента опредѣлялся давно установившимися обычаями. Палата общинъ избиралась не націей, а привилегированными мѣстными корпораціями. Благодаря этому, центральное правительство Англіи сливалось съ мѣстными учрежденіями.

Мѣстныя англійскія учрежденія были организованы крайне безсистемно и вопреки общепринятому мнѣнію, были весьма слабы. Столь превозносимое англійское самоуправленіе, *self-government*, существовало только въ старыхъ городахъ и привилегированныхъ мѣстечкахъ, которыми управлялъ муниципалитетъ, избираемый группою гражданъ, передававшихъ свои права по наслѣдству. Вся остальная страна, всѣ деревни и новые города вовсе не имѣли мѣстной выборной администраціи; ихъ мѣстными дѣлами завѣдывали приходскій совѣтъ *(vestry)* и церковные старосты *(churchwarden)*, находившіеся въ полной зависимости отъ приходскаго пастора и мѣстнаго помѣщика. Мировые судьи, назначаемые правительствомъ изъ среды богатыхъ мѣстныхъ жителей, дворянъ, духовенства и владѣльцевъ промышленныхъ заведеній, принимали на себя *безвозмездно* полицейскія функціи, распредѣленіе налоговъ и даже отправленіе правосудія; иногда они дѣйствовали единолично, иногда же обсуждали дѣла на общихъ собраніяхъ. Каждый изъ нихъ былъ полнымъ господиномъ своего участка; его власть ограничивалась только правомъ заинтересованныхъ лицъ обращаться къ обыкновеннымъ судамъ.

Въ каждомъ графствѣ находился также *шерифъ*, оффиціальный представитель правительства, и *лордъ-лейтенантъ*, командовавшій милиціей; оба они назначались изъ крупныхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Но эти должности были только почетными. Оригинальная черта англійской администраціи заключалась въ отсутствіи должностныхъ лицъ, получающихъ жалованье. Весь трудъ мѣстной администраціи безвозмездно несли высшіе классы населенія. Только служба въ королевскомъ судѣ составляла профессію, оплачиваемую государствомъ. Но королевскіе судьи были очень малочисленны, сосредоточены въ столицѣ и выѣзжали въ провинціи только на сессіи, чтобы руководить присяжными, составленными опять-таки изъ мѣстныхъ почетныхъ жителей. Постоянныхъ судовъ въ провинціи не было.

Итакъ, этотъ англійскій *self-government* былъ не самоуправленіемъ націи, а управленіемъ страны мѣстною аристократіею.

Организація выборовъ.—Депутаты нижней палаты избирались на 7 лѣтъ мѣстными корпо-

раціями троякаго рода: *собраніями графствъ* (185 депутатовъ), *корпораціями городовъ и мѣстечекъ* (467 депутатовъ), университетами (5 депутатовъ). Это были не избирательные округа, а привилегированныя корпораціи, неравномѣрно распредѣленныя, безъ всякаго соотношенія съ численностью населенія и пространствомъ территоріи. Шотландія посылала только 45 депутатовъ; Валлисъ—24; Ирландія, присоединенная въ 1800 году,—100. Въ Англіи привилегированныя мѣстечки находились главнымъ образомъ на югѣ-востокѣ, въ окрестностяхъ Лондона; 10 южныхъ графствъ посылали 237 депутатовъ; другіе 30 графствъ—всего 252; Корнвалисъ—44 (столько же, сколько Шотландія).

У большинства этихъ корпорацій не было никакой политической жизни. 34 изъ англійскихъ привилегированныхъ мѣстечекъ представляли собой заброшенныя деревни (въ Биралстонѣ былъ всего одинъ домъ; Дунвичъ находился подъ водою уже не одно столѣтіе; Гаттонъ былъ просто паркомъ); ихъ называли *гнилыми мѣстечками.* Во многихъ другихъ не насчитывалось и 50 избирателей; ихъ называли *карманными городками;* всѣ дома въ нихъ принадлежали одному крупному собственнику, причемъ этотъ послѣдній указывалъ своимъ квартирантамъ кандидатовъ, за которыхъ они должны были подавать голоса; вслѣдствіе этого владѣлецъ смотрѣлъ на депутатскія мѣста своего мѣстечка, какъ на свою собственность, и раздавалъ или продавалъ ихъ. Многія мѣстечки зависѣли отъ правительства, которое заставляло избирать въ нихъ креатуръ министерства. Было высчитано, что на 658 депутатовъ 424 были заранѣе назначаемы министерствомъ и двумя стами пятьюдесятью двумя собственниками.

Только въ собраніяхъ англійскихъ графствъ и въ корпораціяхъ нѣкоторыхъ большихъ городовъ находилось достаточное число избирателей, чтобы составить дѣйствительную избирательную коллегію; но и тутъ избиратели нерѣдко избавляли себя отъ труда производить выборы. Въ день, назначенный для заявленія кандидатуръ, являлось лишь столько кандидатовъ, сколько предстояло избрать депутатовъ; это были обыкновенно мѣстные вліятельные люди, которыхъ шерифъ и объявлялъ избранными. Такіе выборы назывались *безспорными,* и такимъ именно путемъ производилось большинство выборовъ. Спорныхъ же, т. е. дѣйствительныхъ выборовъ бывало обыкновенно не болѣе 50-ти. На избирательную борьбу 1818 года смотрѣли, какъ на очень ожесточенную, потому что число спорныхъ выборовъ доходило тогда до 100. Въ Шотландіи, во всѣхъ графствахъ насчитывалось не болѣе 3,000 избирателей. Въ графствѣ Бьютъ (Bute) (14,000 жителей, 21 избиратель) ходилъ разсказъ о выборахъ, на которые явился одинъ избиратель. Онъ составилъ собраніе, сдѣлалъ перекличку, отвѣтилъ, когда произнесъ свое имя, выбралъ себя предсѣдателемъ, сказалъ рѣчь въ пользу своего избранія, пустилъ свое имя на голоса и объявилъ себя избраннымъ единогласно.

Выборы «спорные» производились по старинной, крайне безпорядочной системѣ. Собравшейся подъ открытымъ небомъ толпѣ шерифъ представлялъ, одного за другимъ, кандидатовъ; толпа вотировала за нихъ поднятіемъ рукъ, среди восклицаній и сумятицы, причемъ дѣйствительные избиратели смѣшивались съ неимѣющими права голоса, также поднимавшими руки. Это была простая избирательная комедія. Неизбранный кандидатъ имѣлъ право требовать poll, т. е. поименнаго голосованія. Тогда начиналась настоящая баллотировка. Открывался реэстръ, и всякій избиратель имѣлъ право требовать, чтобы туда было внесено, за кого онъ подалъ свой голосъ; эта операція могла длиться цѣлыя недѣли, потому что избирателямъ было выгодно тянуть ее, такъ какъ въ случаѣ очень спорныхъ выборовъ цѣны голосамъ все поднимались. Голоса подавались публично и записывались въ реэстръ, а потому кандидаты могли систематически подкупать или запугивать избирателей. Подкупъ производился открыто; нѣкоторыя мѣстечки даже прямо пускали въ продажу принадлежавшія имъ депутатскія мѣста. Владѣльцы мѣстечекъ предписывали ихъ жителямъ, своимъ квартирантамъ, за кого подавать голоса; въ 1829 г. въ Ньюэркѣ герцогъ Ньюкастльскій выгналъ изъ своихъ домовъ 587 квартирантовъ, позволившихъ себѣ вотировать за соперника его кандидата. Въ палатѣ протестовали противъ этого; но герцогъ отвѣчалъ: «Развѣ я не имѣю права дѣлать, что хочу, съ своею собственностью?»

Питтъ предложилъ избирательную реформу, впрочемъ очень робкую, заключавшуюся въ томъ, чтобы выкупить гнилыя мѣстечки у ихъ владѣльцевъ,—но не могъ провести ее въ парламентѣ. Выборы остались продажными, и всякіе выскочки, банкиры, промышленники и люди, нажившіеся въ Индіи (такъ называемые набабы), еще болѣе подняли цѣну на голоса, вступая въ конкуренцію между собою съ цѣлью пріобрѣсти званіе члена парламента.

Въ 1814 г. большинство депутатскихъ мѣстъ составляло собственность, пріобрѣтенную по наслѣдству или посредствомъ купли; палата была представительною только по имени; въ сущности, это было собраніе вельможъ и милліонеровъ, независимыхъ отъ націи. Верховная власть принадлежала королю и аристократіи. Англійскій парламентскій режимъ былъ правительствомъ не представительнымъ, а олигархическимъ.

Церковь.—Организація церкви была очень сложна. Не считая многихъ сектъ, Соединенное Королевство имѣло три церкви, изъ которыхъ каждая господствовала въ одномъ изъ королевствъ; англиканская—въ Англіи, пресвитерь-

Установа адукацыі
«Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя П.М. Машэрава»
БІБЛІЯТЭКА

янская—въ Шотландіи, католическая—въ Ирландіи; но только двѣ изъ нихъ были признаны оффиціально: англиканская была государственною церковью въ Англіи; пресвитеріанская—въ Шотландіи; католическая же ирландская церковь была запрещена закономъ и только *терпима* фактически.

Однѣ государственныя церкви пользовались покровительствомъ закона и субсидіями государства. Съ 1688 г. правительство примирилось съ диссидентами и признало ихъ терпимыми; но это было сдѣлано путемъ отдѣльныхъ актовъ, издававшихся особо для каждой секты, безъ отмѣны общихъ законовъ объ обязательности для всѣхъ государственной церкви. Чтобы вступить въ какую-либо должность или корпорацію (университеты, городскія корпораціи), все еще требовалось причащеніе по уставамъ англиканской церкви. Посѣщая свои молельни, диссиденты совершали преступленіе, за которое подлежали наказанію; нуженъ былъ особый билль (*bill of indemnity*), вотировавшійся ежегодно палатами, чтобы освободить ихъ отъ этого наказанія. Имъ дозволялось отправлять богослуженіе и содержать на свой счетъ свои школы не въ силу права, а только благодаря временной терпимости.

Католическая же церковь не была терпима даже и въ такой степени. Она попрежнему была запрещена закономъ. Обязательное причащеніе по обрядамъ англиканской церкви и обязательная присяга, установленная въ 1673 г., дѣлали невозможнымъ для католика вступить въ какую-либо должность или корпорацію. Георгъ III два раза отказывалъ министрамъ въ своемъ согласіи на производство католиковъ въ офицерскіе чины.

Англиканская церковь сохранила свои церковные суды, которымъ подлежали не только исповѣдные вопросы, но и свѣтскіе процессы о разводѣ, законности происхожденія и о завѣщаніяхъ. Она хранила метрическіе акты, совершала браки, вела запись родившимся и умершимъ.

Она сохранила всѣ свои привилегіи и получала, кромѣ доходовъ съ ея церковныхъ имуществъ, государственныя субсидіи и десятину, взимавшуюся со всѣхъ вѣрующихъ, т. е. со всѣхъ жителей, не исключая католиковъ и диссидентовъ, потому что законъ признавалъ всѣхъ жителей принадлежащими къ оффиціальной церкви. Она сохранила свою старую іерархію: архіепископовъ, епископовъ, капитулы и архидіаконовъ,—назначаемыхъ правительствомъ, пасторовъ (*parsons*), назначаемыхъ по представленію *патрона*, которымъ былъ епископъ или капитулъ, или же чаще всего наслѣдникъ основателя прихода. Фактически англиканское духовенство (*clergymen*) пополнялось обыкновенно младшими сыновьями аристократическихъ семействъ, которые, пользуясь доходами со своихъ мѣстъ, продолжали вести жизнь джентльменовъ, занимаясь охотой, верховой ѣздой, исполняя обязанности мировыхъ судей и воспитывая своихъ дѣтей; многіе изъ нихъ даже не жили въ своихъ приходахъ, нанимая вмѣсто себя замѣстителей (*curate*) изъ духовенства, принадлежавшаго къ мелкой буржуазіи, — которымъ они платили небольшую часть своего дохода.

Шотландская церковь сохраняла (и сохраняетъ по настоящее время) федеративное устройство, гарантированное ей актомъ Соединенія 1707 г. Всякій приходъ составляетъ общество, управляемое пасторомъ и старѣйшинами изъ прихожанъ. Группа приходовъ соединяется въ *пресвитерство* (*presbytery*), управляемое собраніемъ всѣхъ пасторовъ и извѣстнаго числа старѣйшинъ, назначаемыхъ по одному отъ каждаго прихода. Собраніе членовъ нѣсколькихъ пресвитерствъ составляетъ *приходскій синодъ*. Наконецъ во главѣ всей іерархіи находится *Соборъ*, состоящій изъ делегатовъ отъ каждаго пресвитерства, каждаго королевскаго бурга и каждаго университета. Этотъ соборъ и составляетъ высшую власть шотландской церкви. Всѣ эти собранія представляютъ собою дисциплинарные суды, обладающіе правомъ надзора за чистотою вѣры и поведеніемъ какъ пасторовъ, такъ и частныхъ лицъ, принадлежащихъ къ пресвитерьянской церкви. На практикѣ пресвитерство, назначающее пасторовъ, является наиболѣе сильною изъ этихъ властей.

Въ XVIII столѣтіи шотландская церковь деспотически управляла частною жизнью прихожанъ; но правительство и свѣтскіе суды, не признавая за шотландскою церковью принудительной власти по отношенію къ частнымъ лицамъ, въ концѣ концовъ ограничили кругъ ея дѣйствій исключительно религіозными дѣлами. (Столкновеніе же съ государствомъ въ 1843 г. привело къ отдѣленію отъ нея свободной церкви).

Источниками доходовъ шотландской церкви служили десятины, государственныя субсидіи и (почти на половину) частныя пожертвованія.

Бѣдная шотландская церковь плохо оплачивала свое духовенство; зато ей были неизвѣстны ни громадное неравенство въ доходахъ пасторовъ, ни продажность духовныхъ должностей англиканской церкви. Шотландское духовенство было независимѣе и дѣятельнѣе англиканскаго.

Соціальный строй.—Въ строеніи англійскаго общества господствовалъ средневѣковой принципъ: рѣзкое различіе между богатыми и бѣдными. Классъ владѣющій пользовался всѣми правами, какъ гражданскими, такъ и политическими; неимущіе же были лишены не только участія въ общественныхъ дѣлахъ, но и гарантій личной свободы. Это были какъ бы двѣ націи, стоявшія одна надъ другою: привилегированная и обездоленная.

Авторы, описывавшіе политическую жизнь Англіи или создававшіе на основаніи ея политическія теоріи, знали только привилегированную

націю; они полагали, что всѣ англичане равны передъ закономъ и одинаково пользуются его покровительствомъ. Дѣйствительно, оффиціальные политическіе акты не отличали дворянина отъ простолюдина. *Билъ о правахъ* исчисляетъ «права англичанъ», не устанавливая различія между классами. Но на практикѣ сила обычая и спеціальные законы, мало кому извѣстные, создали въ концѣ концовъ подъ верхнимъ слоемъ націи, покровительствуемой закономъ, низшій классъ, исключенный изъ общаго права.

Конституція не допускала обязательной военной службы. Но когда правительство нуждалось въ матросахъ для военнаго флота, оно вербовало ихъ силою, задерживая всѣхъ моряковъ— и даже не-моряковъ; это былъ тотъ насильственный наборъ матросовъ (*presse*), который поражалъ еще Вольтера. Такимъ путемъ вербовались только бѣдняки.

Конституція не допускала, чтобы занятіе ручнымъ трудомъ лишало рабочаго правъ англійскаго гражданина. Но парламентъ, состоявшій изъ землевладѣльцевъ и хозяевъ промышленныхъ заведеній, издавалъ законы, ставившіе рабочаго въ полную зависимость отъ нанимателя. Законъ, изданный въ XIV столѣтіи, обязывалъ сельскихъ поденщиковъ принимать работу отъ всякаго собственника, который предлагалъ имъ плату, установленную закономъ; а мировой судья единоличною своею властью могъ подвергнуть ослушника тюремному заключенію. Такимъ образомъ поденщики приклѣплялись къ землѣ.

Рядъ законовъ (отъ XVI до XVIII вѣка) создалъ особый классъ нищихъ (*poor*) и мѣстные налоги въ ихъ пользу (*poor tax*). Не имѣвшіе собственныхъ средствъ существованія содержались на счетъ прихода и подпадали подъ власть «надзирателя за бѣдными», который имѣлъ право принудить ихъ ко всякой работѣ, а если они отказывались,—заключать ихъ въ рабочій домъ (*workhouse*), а ихъ дѣтей отдать въ ученье къ любому мастеру; на практикѣ это значило продать ихъ промышленникамъ для работы на фабрикахъ. Бѣдный не могъ свободно перемѣнить своего мѣстожительства, такъ какъ каждый приходъ имѣлъ право запретить селиться на своей территоріи всякому, кто могъ впасть въ нищенство и очутиться на его содержаніи. Между тѣмъ въ Англіи вся земля принадлежала дворянамъ, и крестьяне не имѣли обезпеченныхъ средствъ существованія; вслѣдствіе этого большинство ихъ попало въ классъ бѣдныхъ, получающихъ вспомоществованіе отъ прихода; число таковыхъ возрасло съ 1.340,000 въ 1811 году до 3.500,000 въ 1820 г. и 1.850,000 — въ 1827 г.

Конституція признавала свободу ассоціацій. Городскіе ремесленники составляли профессіональныя ассоціаціи, охранявшіяся уставами, которыми опредѣлялись максимальное число учениковъ и низшій предѣлъ заработной платы. Но когда промышленность была преобразована введеніемъ машинъ, владѣльцы промышленныхъ заведеній стали брать новыхъ рабочихъ не принадлежавшихъ къ корпораціямъ, и основывать заводы въ деревняхъ; даже въ городахъ, когда рабочіе стали требовать примѣненія ихъ ремесленнаго устава, заводчики добились въ парламентѣ не только уничтоженія старыхъ ограниченій, но и закона о сообществахъ (1799—1800 гг.), запрещавшаго рабочимъ подъ страхомъ продолжительнаго тюремнаго заключенія входить въ соглашенія между собою для повышенія рабочей платы. Съ тѣхъ поръ составленіе союзовъ обратилось для рабочихъ въ преступленіе, и было достаточно приговора мирового судьи, чтобы отправить ихъ въ тюрьму.

Такимъ образомъ матросы, сельскіе поденщики, бѣдняки и рабочіе, поставленные внѣ общаго права, преданные на произволъ вербовщиковъ, приходскихъ совѣтовъ, фабричныхъ хозяевъ и мировыхъ судей, составляли низшую націю, не имѣвшую ни политической власти, ни обезпеченныхъ средствъ существованія, ни гарантій личной свободы.

Изъ этого обездоленнаго класса выходило много преступниковъ, въ особенности воровъ. Чтобы навести на нихъ страхъ, парламентъ издавалъ безчеловѣчные законы, опредѣлявшіе смертную казнь болѣе чѣмъ за 200 различныхъ преступныхъ дѣяній. Подстрѣлить кролика или украсть какую-нибудь вещь съ выставки магазина составляло преступленіе, каравшееся смертью.

Нація, покровительствуемая закономъ, находилась подъ господствомъ двухъ соперничавшихъ между собою аристократій: землевладѣльцы въ союзѣ съ англиканскимъ духовенствомъ (*clergymen*) господствовали въ деревнѣ; капиталисты и крупные промышленники властвовали въ городахъ. Въ рукахъ этихъ двухъ классовъ сосредоточивалась вся экономическая сила.

Независимыхъ крестьянъ, мелкихъ собственниковъ или мелкихъ арендаторовъ почти не было вовсе. Всѣ земли сосредоточились въ концѣ-концовъ въ крупныя помѣстья, принадлежавшія знатнымъ вельможамъ (*lords*) или дворянамъ (*squires*). Они сдавали ихъ въ аренду фермерамъ (*farmers*), а эти послѣдніе обрабатывали ихъ трудомъ поденщиковъ; англійская деревня представляла собою группу хижинъ, обитаемыхъ поденщиками, надъ которыми властвовалъ лордъ или сквайръ.

Въ Англіи все еще сѣяли преимущественно зерновой хлѣбъ. Чтобы держать его въ хорошей цѣнѣ, землевладѣльцы провели въ парламентѣ хлѣбные законы (*corn low*), которыми ввозъ иностраннаго зерна дозволялся только въ случаѣ голода, когда цѣны на хлѣбъ повышались до извѣстнаго предѣла. Въ 1791 г. эту предѣльную цѣну опредѣлили въ $2^1/_2$ фунта стерлинговъ

(62 франка) за бушель *); но во время французскихъ войнъ цѣны на хлѣбъ поднялись настолько выше этой предѣльной цифры, что ее увеличили до 3 фунтовъ (1801 г.); по заключеніи же мира, чтобы бороться съ иностранной конкуренціей, ее подняли еще выше (до 4 фунтовъ). Этими мѣрами былъ удвоенъ доходъ съ земли въ пользу землевладѣльца, который возвысилъ арендную плату, но не заработную плату крестьянъ.

Подобная же концентрація происходила съ XVIII столѣтія въ области обрабатывающей промышленности. Прежняя организація труда была ниспровергнута двумя крупными перемѣнами: 1) новыя машины съ водяными и паровыми двигателями и новые механическіе станки создали *крупную индустрію*, въ особенности по сосѣдству съ проточной водой, каменноугольными копями и лѣсами; 2) хозяева мелкихъ мастерскихъ, работавшіе непосредственно на заказчика, были замѣнены предпринимателями съ большими капиталами, производившими товары въ огромныхъ размѣрахъ для иностранныхъ рынковъ. Такимъ образомъ образовался особый классъ крупныхъ негоціантовъ и промышленниковъ, усиливший денежную аристократію.

Въ то же время крупная промышленность произвела перемѣщеніе населенія. До XVIII столѣтія вся экономическая и политическая жизнь Англіи сосредоточивалась на юго-востокѣ, вокругъ Лондона. Сѣверъ и западъ были населены слабо и оставались въ полудикомъ состояніи. Но крупная промышленность привлекла населеніе въ эту сторону, въ сосѣдство съ копями и горными ручьями, образуя здѣсь большое скопленіе рабочихъ. Англія раздѣлилась на двѣ области: югъ и востокъ, оставшіеся земледѣльческими, подъ господствомъ помѣщиковъ составляли центръ консерваторовъ; сѣверъ и западъ, сдѣлавшіеся промышленными, были центромъ политической агитаціи. Въ Шотландіи, гдѣ промышленность развивалась особенно по теченію Клейда, Глазговъ сдѣлался дѣятельнымъ центромъ и соперничалъ съ Эдинбургомъ.

Положеніе Ирландіи.—Въ Ирландіи жили двѣ національности различнаго происхожденія: туземные ирландцы — католики и колонисты англиканскаго и пресвитерьянскаго вѣроисповѣданія, переселившіеся изъ Англіи и особенно изъ Шотландіи. Колонисты занимали только одну изъ четырехъ провинцій, Ульстеръ, да и то не весь. Ирландцы составляли населеніе трехъ остальныхъ; но со времени завоеванія Ирландіи въ XVII столѣтіи они уже не были хозяевами въ своей собственной странѣ. Ихъ религія была воспрещена закономъ; католическое духовенство, только терпимое, не имѣло ни оффиціальной власти, ни доходовъ; оно существовало исключительно пожертвованіями прихожанъ. Государственною церковью Ирландіи признавалась англиканская, облеченная оффиціальною властью и содержимая доходами съ ея собственныхъ помѣстій и десятиною, взимавшеюся съ населенія, которое не было протестантскимъ. Доступъ къ должностямъ былъ закрытъ для католиковъ; всѣ должностныя лица и мѣстныя власти (мировые судьи, городскіе муниципалитеты, присяжные) были протестанты, слѣдовательно—иностранцы. Земля принадлежала собственникамъ англичанамъ, которые обыкновенно не жили въ своихъ владѣніяхъ, предоставляя управляющимъ завѣдывать ими или же сдавая ихъ въ аренду предпринимателямъ. Ирландскій крестьянинъ не былъ собственникомъ, онъ занималъ, нерѣдко втеченіе нѣсколькихъ поколѣній, клочекъ земли, на которомъ строилъ свою хижину и который воздѣлывалъ, внося за него ежегодную плату; но онъ не имѣлъ никакихъ правъ на эту землю; онъ былъ только ея временнымъ арендаторомъ (*tenant at will*), и собственникъ могъ выгнать его во всякое время и безъ всякаго вознагражденія. Такъ какъ населеніе въ XVIII столѣтіи значительно возросло, то земля подверглась такому дробленію, что крестьянинъ могъ только прокормиться со своего поля, засаживая его картофелемъ. Бѣдность ирландскаго крестьянина вошла въ поговорку.

Въ Ульстерѣ, населенномъ шотландскими пресвитерьянцами, положеніе крестьянина было болѣе обезпеченнымъ; собственникъ могъ отобрать у него землю только въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, уплативъ ему за произведенныя улучшенія.

До 1800 года Ирландія была областью, соединенною съ Великобританіею и подчиненною англійскимъ королю и парламенту; но она имѣла свой ирландскій парламентъ. Во время войнъ съ Франціей (отъ 1780 до 1798 года) ирландскому парламенту удалось сдѣлать Ирландію наполовину независимою; онъ уничтожилъ нѣкоторые исключительные законы, направленные противъ католиковъ, дозволилъ имъ пріобрѣтать земли и призналъ за ними избирательныя права. Но ирландская автономія была сразу уничтожена Союзомъ 1800 года, вотированнымъ вопреки желанію ирландскихъ патріотовъ. Парламентъ былъ уничтоженъ; слитая съ Англіей, Ирландія посылала своихъ депутатовъ въ англійскій парламентъ; но она сохранила свою избирательную систему, допускавшую къ голосованію католиковъ и дававшую право голоса всякому арендатору участка земли, приносившаго 40 шиллинговъ ежегоднаго дохода, т. е. почти всѣмъ крестьянамъ; такимъ образомъ протестантскіе депутаты были избираемы массою ирландскихъ католиковъ. Ирландія сохранила также особое управленіе: *вице-короля* и *тайный совѣтъ* (*privy council*), находившихся въ Ирландіи, и особаго министра въ англійскомъ министерствѣ (*секретаря по ирландскимъ дѣламъ*).

*) 1 бушель = около $1\frac{1}{3}$ четверика.

Вражда между угнетенной націей ирландскихъ крестьянъ и высшимъ слоемъ англійскихъ и шотландскихъ собственниковъ земли не выражалась въ различіи языка: даже языкъ патріотическихъ ирландскихъ пѣсенъ англійскій; за исключеніемъ западной Ирландіи, ирландцы забыли кельтскій языкъ и усвоили англійскій. Но различія религій было достаточно, чтобы напоминать ирландскому крестьянину иностранное происхожденіе собственниковъ ирландской земли. Такимъ образомъ общественная и религіозная оппозиція противъ протестантскаго собственника (*landlord*) принимала въ Ирландіи форму національнаго движенія.

РЕФОРМА.

Движеніе въ пользу реформъ.—Весь этотъ общественный порядокъ—король и парламентъ, мѣстная администрація, избирательная система, церковь, законы о бѣдныхъ, подчиненіе Ирландіи—былъ давняго происхожденія. Но онъ укрѣпился еще болѣе въ періодъ, предшествовавшій 1814 году. Французская революція, устрашивъ привилегированные классы, поселила въ нихъ отвращеніе ко всякимъ нововведеніямъ и втеченіе тридцати лѣтъ удерживала ихъ отъ всякихъ реформъ. Войны съ Франціей увеличили одновременно какъ государственный долгъ (онъ возвысился съ 237 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ въ 1791 году до 861 милліона въ 1815 году), такъ и вывозъ англійскихъ товаровъ въ Европу; это увеличило богатство и вліяніе капиталистовъ и промышленниковъ. Войны съ Франціей понизили рабочую плату и подняли цѣну на хлѣбъ;вмѣстѣ съ тѣмъ крупная промышленность потребовала бо̀льшаго числа рабочихъ. Все это еще болѣе увеличило разстояніе между богатыми и бѣдными.

Въ то время какъ Франція освобождалась отъ своего стараго режима, Англія напрягала всѣ силы, чтобы удержать свой. «Старая Англія» была въ 1814 году болѣе цѣлостной, чѣмъ въ 1789 году. Она характеризовалась столь рѣзкими и поразительными чертами, что ихъ принимали за національные, присущіе англійской натурѣ: крайнее неравенство между богатыми и бѣдными, правительство съ виду монархическое и представительное, но на дѣлѣ подчиненное олигархіи вельможъ-милліонеровъ, аристократическая церковь и принудительная религія; какъ слѣдствіе такихъ порядковъ, въ общественной жизни—продажность и запутанность, а въ частной—роскошь, гордость и формализмъ, лицемѣріе богатаго, нищета, слабость и подобострастіе въ бѣдномъ, преклоненіе передъ титулами и деньгами, необходимыми, чтобы войти въ составъ респектабельнаго общества, и то характерное явленіе, которое названо Теккереемъ словомъ *snob* *).

*) Въ послѣднее время во Франціи это слово получило иной смыслъ: имъ обозначаютъ людей, стремящихся никогда не отставать отъ моды.

Весь этотъ строй жизни былъ освященъ давностью. Въ противоположность французамъ революціи, англичанинъ начала этого столѣтія чтилъ всякое установленное учрежденіе уже потому только, что оно—давнее; онъ относился недовѣрчиво ко всякому нововведенію уже потому, что оно—ново. Теорія святости традицій, установленная Бёркомъ въ 1790 году, стала догмой англиканскаго духовенства, дворянства (*gentry*) и университетовъ. Въ 1814 году англійская нація была аристократическою и твердо держалась традицій. Партія тори, поддерживаемая королемъ и громаднымъ большинствомъ въ палатѣ, безъ труда удерживала власть въ своихъ рукахъ; министерство Ливерпуля держалось четырнадцать лѣтъ (1812—1827 г.). По окончаніи войны землевладѣльцы, составлявшіе большинство въ палатѣ, провели въ парламентѣ двѣ мѣры: 1) ввозъ иностраннаго зерна дозволялся только при цѣнѣ на хлѣбъ выше 4 фунтовъ стерлинговъ; но такъ какъ цѣна на хлѣбъ, вмѣсто того, чтобы возвышаться, стала падать и уже не достигала этой цифры, то фактически ввозъ хлѣба въ Англію былъ воспрещенъ; 2) былъ уничтоженъ (1816 г.) доходный налогъ, установленный во время войны.

Однако съ заключеніемъ мира движеніе въ пользу реформъ возобновляется. Въ большихъ городахъ это движеніе выражается въ демонстраціяхъ радикаловъ; въ парламентѣ—въ формѣ законопроектовъ, вносимыхъ отдѣльными членами. Каждый изъ нихъ посвящаетъ себя какой-нибудь спеціальной реформѣ: Уильберфорсъ—уничтоженію рабства; Ромилли и Мэкинтошъ—смягченію уголовныхъ законовъ; Граттанъ и Бёрдеттъ—эмансипаціи католиковъ; Грэй и Россель—избирательной реформѣ; Брумъ—реформѣ школьной системы. Они знали напередъ, что ихъ проекты не имѣютъ никакихъ шансовъ пройти въ парламентѣ; но ихъ тактика заключалась въ томъ, чтобы, безпрестанно настаивая на реформахъ, пріучить къ нимъ умы. Они дѣйствуютъ не только въ парламентѣ, но стараются также вліять на общество. Тогда въ Англіи по политическимъ вопросамъ начало вырабатываться общественное мнѣніе,—явленіе, новое для него.

Въ XVIII столѣтіи публика, за исключеніемъ лондонскихъ предмѣстій, живо интересовалась только религіозными распрями, войною и налогами. Въ концѣ XVIII вѣка совершился фактъ, способствовавшій пробужденію общественнаго мнѣнія: были основаны большія политическія газеты, *Morning Chronicle* въ 1769 году, *Post*—въ 1772 г., *Times*—въ 1785 г. и *Courier*—въ 1792 г. Въ нихъ печатались объявленія, коммерческія новости, передовыя статьи и отчеты о засѣданіяхъ палаты. Правительство и парламентъ были недовольны образованіемъ этой новой политической силы. Они не только не поощряли развитія прессы, но, напротивъ того, старались

стѣснить ее фискальными мимѣрами; гербовый сборъ, *съ каждаго листа*, былъ поднятъ съ двухъ пенсовъ въ 1789 г. до четырехъ (40 сантимовъ) въ 1815 г. Печать оставалась подъ дѣйствіемъ старыхъ законовъ *о пасквиляхъ*, наказывавшихъ тюремнымъ заключеніемъ и даже ссылкою всякое непочтительное слово о королѣ, принцахъ, правительствѣ, религіи; оппозиціонныя газеты постоянно подвергались судебному преслѣдованію. Въ 1812 г. братья Гентъ были приговорены на годъ въ тюрьму за высказанное ими мнѣніе, что *Morning Post* впадаетъ въ преувеличеніе, называя принца Уэльскаго Адонисомъ. Съ 1808 г. по 1821 г. 94 журналиста подверглись осужденію, и изъ нихъ 12 были приговорены къ ссылкѣ.

Журналисты занимали весьма незавидное общественное положеніе и не пользовались уваженіемъ; еще въ 1828 г. сословіе адвокатовъ запретило имъ заниматься адвокатурой; политическіе дѣятели, сотрудничавшіе въ газетахъ, скрывали это. Однако печать начинала дѣлаться силой. Нѣсколько шотландцевъ, водворившихся въ Лондонѣ, быстротою печатанія и сообщенія извѣстій преобразовали промышленную сторону газетъ. Въ 1814 г. Вальтеръ съ помощью паровой машины могъ печатать 1.500 экз. *Таймса* въ часъ и достигъ того, что имѣлъ до 60 столб. объявл.; онъ организовалъ особый штатъ агентовъ для собиранія новостей и могъ бороться даже съ правительствомъ, которое задерживало на почтѣ его корреспонденцію. Съ 1770 г. парламентъ примирился съ фактомъ печатанія отчетовъ о его засѣданіяхъ въ газетахъ. Это было и остается по настоящее время въ Англіи единственнымъ средствомъ, которымъ достигается гласность парламентскихъ преній, такъ какъ англійскій парламентъ не имѣетъ ни стенографовъ, ни оффиціальныхъ отчетовъ о своихъ засѣданіяхъ. Такимъ образомъ печать стала посредницей между палатами и обществомъ. Газеты, подавляемыя гербовымъ сборомъ, оставались предметомъ роскоши; въ 1815 г. существовало только 6 ежедневныхъ газетъ, и самая вліятельная изъ нихъ, *Times*, продавалась не болѣе какъ въ 8,000 экземпляровъ. Но продажа газетъ возрастала; общее число газетныхъ листовъ, обложенныхъ гербовымъ сборомъ, поднялось съ 16 милліоновъ (въ 1801 г.) до 25 милліоновъ (въ 1821 г.), не считая газетъ, незаконно уклонявшихся отъ налога. Возникли большіе политическіе журналы: *Edinbourg Review*, основанный партіей виговъ (1808 г.), и *Quarterly Review*—партіей тори (1809 г.).

Политическая жизнь, пріостановленная войною, возобновилась въ 1814 г. какъ въ парламентѣ, такъ и въ печати. Началась общая борьба противъ стараго порядка, поддерживаемаго правительствомъ и торійскимъ большинствомъ. Она связывалась съ глубокимъ броженіемъ, происходившимъ въ мірѣ рабочихъ. Англійская промышленность, возникшая еще недавно, оперировала съ ограниченными капиталами и еще не имѣла достаточнаго опыта для опредѣленія условій рынка. Дѣйствуя ощупью промышленники то увеличивали производство сверхъ требованій рынка, то внезапно сокращали его; они нанимали рабочихъ больше, чѣмъ было нужно для постояннаго производства, а потомъ увольняли ихъ. Втеченіе тридцати лѣтъ Англія жила среди кризисовъ, повторявшихся періодически (1816, 1819, 1826—29, 1837, 1842, 1848 годы); каждый кризисъ ввергалъ часть рабочихъ—въ особенности прядильщиковъ и ткачей шерстяныхъ и бумажныхъ издѣлій, работавшихъ для вывоза—въ безработицу и нищету; нищета вызывала бунты.

Радикальная агитація и исключительные законы (1816—1819 г.).—Миръ не произвелъ въ началѣ того оживленія въ дѣлахъ, какого ожидали; напротивъ, вслѣдъ за заключеніемъ мира наступилъ кризисъ. Континентальныя страны пытались закрыть свои рынки для англійскихъ товаровъ, и вывозъ уменьшился; фабриканты, заваленные товарами, не находившими сбыта, уменьшили плату рабочимъ; а между тѣмъ цѣны на хлѣбъ возрасли вслѣдствіе неурожая и запрещенія ввоза иностраннаго зерна. 1816 года былъ годомъ экономическаго кризиса, безработицы и нищеты. Рабочіе, не находившіе работы, приписывали это новымъ машинамъ, уменьшавшимъ спросъ на рабочія руки; въ нѣсколькихъ мѣстахъ они разбили машины. Это случалось не въ первый разъ: въ 1811 г. уже были бунты противъ машинъ, возбужденные однимъ сумасшедшимъ (*Luddite riots*). Новымъ былъ тотъ политическій характеръ, который приняло это движеніе.

Съ XVIII столѣтія въ Англіи существовала партія, требовавшая радикальныхъ политическихъ преобразованій путемъ введенія всеобщаго избирательнаго права и уже принявшая названіе *радикальной* (слово это—англійскаго происхожденія). Она обнаружила свое существованіе въ 1769 г. (въ дѣлѣ Уилькса); въ 1793 г. она была организована и вошла въ сношеніе съ французскими республиканцами черезъ посредство *Corresponding Society*. Правительство разогнало ее; но ея члены сохранили въ тайнѣ свои убѣжденія. Это была группа, состоявшая лишь изъ нѣсколькихъ человѣкъ, большинство которыхъ жило въ Лондонѣ; но она нашла себѣ сторонниковъ въ новомъ поколѣніи; такимъ образомъ создалась радикальная партія, достаточно многочисленная, чтобы принять участіе въ политической жизни. Интеллектуальнымъ центромъ партіи была группа послѣдователей Бентама, *утилитарная школа*, вступившая въ борьбу со старымъ англійскимъ порядкомъ во имя разума и счастья большинства. Душою партіи въ началѣ былъ Коббетъ, сынъ крестьянина, редакторъ популярной газеты, писавшій для рабо-

чихъ; онъ нападалъ на «непроизводительные классы», рантьеровъ и духовенство, требуя *дешеваго* правительства и *дешеваго* церковнаго управленія.

Всѣ были согласны въ томъ, что преобразованіе парламента составляло необходимое условіе всѣхъ другихъ реформъ; прежде чѣмъ требовать отъ палаты, чтобы она интересовалась судьбами бѣдныхъ классовъ, необходимо было, чтобы палата сдѣлалась дѣйствительно представительной, чтобы она представляла бѣдныхъ такъ же, какъ и богатыхъ. Вслѣдствіе этого радикалы требовали всеобщаго избирательнаго права. Коббетъ руководилъ движеніемъ, понизивъ цѣну своей газеты, *Weekly Register*, съ шиллинга (12 пенсовъ) на два пенса (1816 г.), и обращался «ко всѣмъ поденщикамъ и рабочимъ Англіи», приглашая ихъ требовать избирательной реформы. Только что избранный лондонскій лордъ-мэръ помогъ движенію, заявивъ въ адресѣ на имя регента, что реформа—единственное средство противъ кризиса.

Чтобы запугать правительство, радикалы обратились съ воззваніемъ къ недовольнымъ рабочимъ. Они придали агитаціи широкіе размѣры, организуя огромные *митинги*, многолюдныя сборища подъ открытымъ небомъ, публичныя рѣчи, громадныя процессіи со знаменами, на которыхъ были написаны ихъ требованія. Эти пріемы стали до такой степени обычнымъ явленіемъ англійской политической жизни, что ихъ принимаютъ за старинный національный обычай. Дѣйствительно, къ нимъ прибѣгали и раньше, но только какъ къ избирательной рекламѣ въ пользу того или другого кандидата, радикальная же партія воспользовалась ими, какъ манифестаціями въ пользу *общихъ* требованій.

Въ 1816 г. въ Снафильдѣ, близъ Лондона, произошла очень характерная манифестація. Афиши приглашали рабочихъ, находившихся въ нуждѣ, собраться и послать регенту и палатѣ петицію о принятіи необходимыхъ мѣръ. Собраніе состоялось и на немъ было рѣшено собраться вновь для полученія отвѣта. Организаторы расклеили афиши, въ которыхъ такъ изображали «современное положеніе Великобританіи: 4милл.людей, находящихся въ нищетѣ; 4 мил.—въ крайней нуждѣ; $1^1/_2$ милліона—полунищихъ; $^1/_2$ милліона людей, живущихъ въ ослѣпительной роскоши; наши ирландскіе братья—въ положеніи, еще худшемъ». На собраніи (дек. 1816) ораторъ, хирургъ Ватсонъ, стоя на телѣгѣ, махалъ *трехцвѣтнымъ знаменемъ*. Такимъ образомъ это движеніе было сочетаніемъ нищеты и революціоннаго настроенія во французскомъ духѣ.

Правительство разогнало сходку солдатами. Регентъ отвѣтилъ на петицію о реформѣ выраженіемъ своего «удивленія и огорченія»; при открытіи же палатъ онъ заявилъ, что англійская избирательная система—самая совершенная, изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ. Когда онъ возвращался изъ палаты, въ его карету бросали камни. Тогда правительство образовало въ палатѣ секретные комитеты и представило имъ докладъ о «пріемахъ, сходкахъ и коаліціяхъ, явно разсчитанныхъ на то, чтобы подвергнуть опасности общественный порядокъ»; оно указывало на «заговоръ, имѣющій цѣлью ниспровергнуть всѣ существующія учрежденія королевства и подорвать принципъ собственности». Палата вотировала пріостановку *Habeas Corpus* и дала каждому мировому судьѣ право арестовать и безъ суда держать въ заключеніи авторовъ и продавцевъ богохульныхъ и мятежныхъ сочиненій; при этомъ имѣлась въ виду главнымъ образомъ ежедневная печать, которую одинъ изъ министровъ назвалъ «очень опаснымъ врагомъ конституціи». Былъ изданъ законъ, дававшій правительству право распустить всякое собраніе, на которомъ возбуждались ненависть и презрѣніе къ правительству или конституціи. За отказъ разойтись виновнымъ грозила смертная казнь (1817 г.).

Такъ какъ нищета не уменьшалась, то произошло еще нѣсколько манифестацій. Манчестерскіе рабочіе, не имѣвшіе работы, двинулись большой толпою въ Лондонъ, причемъ каждый несъ съ собою одѣяло. Это шествіе «людей съ одѣялами» было остановлено на пути. Въ рабочихъ округахъ сѣвера происходили тайныя сходки, на которыхъ рѣчь шла о вооруженномъ возстаніи. Одна толпа, отчасти вооруженная, направилась на Ноттингамъ; другая напала ночью на нѣкоторые дома. Было нѣсколько громкихъ политическихъ процессовъ (противъ Ватсона, который былъ оправданъ; противъ Брандрета, предводителя ноттингамскаго мятежа, котораго осудили).

Программа радикальной партіи была окончательно формулирована въ проектѣ реформы, представленномъ въ палату Бёрдеттомъ, единственнымъ въ то время радикальнымъ депутатомъ; она требовала: всеобщаго избирательнаго права, тайной подачи голосовъ, правильнаго распредѣленія избирательныхъ округовъ и ежегодно избираемой палаты (*ежегоднаго парламента*). Такая реформа сразу передала бы всю политическую власть въ руки народной массы. Ни одна изъ парламентскихъ партій не согласилась даже допустить этотъ проектъ до преній.

Между тѣмъ кризисъ миновалъ, нищета уменьшилась, а вмѣстѣ съ этимъ пріостановилась и радикальная агитація. На выборахъ 1818 года партія виговъ увеличилась (съ 140 на 170 членовъ); но торійское большинство осталось все-таки громаднымъ. Въ 1819 г. промышленный кризисъ, а съ нимъ и нищета возобновились; радикальная партія вновь принялась агитировать, въ особенности среди горнорабочихъ и ткачей сѣверо-запада, наиболѣе пострадавшихъ отъ пониженія рабочей платы и безработицы. На

этотъ разъ очагомъ движенія былъ не Лондонъ, а манчестерскій округъ. Такъ же, какъ и въ 1816 г., радикалы организовали колоссальный митингъ и приготовили петицію объ избирательной реформѣ. Она состояла изъ пяти пунктовъ, требовавшихъ всеобщей подачи голосовъ, тайной баллотировки, ежегоднаго парламента, жалованья депутатамъ и уничтоженія ценза, дающаго право на избраніе (чтобы быть депутатомъ, надо было обладать недвижимостью, приносящею извѣстный доходъ).

На митингѣ въ Петерлоо, близъ Манчестера, куда собралось до 50,000 ч., была устроена процессія, въ которой несли знамена съ фригійскимъ колпакомъ и съ надписями: Долой хлѣбные законы!—Свобода или смерть! (девизъ французской революціи)—Равномѣрное представительство или смерть!—Ораторъ Гёнтъ началъ рѣчь. Полиція хотѣла остановить его и пустила въ ходъ мѣстную конную милицію. Толпа защищала Гёнта. Тогда гусарскій полкъ стремительно аттаковалъ толпу. Нѣсколько человѣкъ были раздавлены (авг. 1819 г.). Радикалы отвѣтили *митингами протеста* и подписками въ пользу жертвъ «патрлооскаго избіенія»; лондонскій муниципальный совѣтъ выразилъ свое негодованіе противъ «несправедливыхъ и неловкихъ» дѣйствій правительства и подтвердилъ «право англичанъ собираться для обсужденія общественныхъ злоупотребленій». Правительство было обвинено въ нарушеніи одной изъ традиціонныхъ вольностей англійскаго народа.

Правительство не только отказалось произвести разслѣдованія этого дѣла, но еще возбудило противъ Гёнта уголовное преслѣдованіе, обвиняя его «въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью угрозами измѣнить законы»; вмѣстѣ съ тѣмъ оно провело въ парламентѣ рядъ исключительныхъ мѣръ, *шесть постановленій*, прозванныхъ «законами, зажимающими рты»: 1) ускоренная процедура преданія суду; 2) запрещеніе частнымъ людямъ заниматься военными упражненіями; 3) право мировыхъ судей производить домашніе обыски съ цѣлью открытія оружія; 4) право арестовать всякій мятежный или богохульный пасквиль и, при вторичномъ обсужденіи, подвергать автора изгнанію (правительство требовало даже ссылки); 5) запрещеніе собираться «для изслѣдованія причинъ недовольства государственными и церковными порядками и для приготовленія петицій»; запрещеніе приходить на собранія съ оружіемъ, знаменами и значками; 6) всякое политическое сочиненіе размѣромъ менѣе двухъ листовъ подлежало гербовому сбору и его изданіе требовало внесенія залога.

Такъ какъ всѣ мирныя манифестаціи были воспрещены, то нѣкоторые пылкіе радикалы составили заговоръ съ цѣлью, какъ утверждаютъ, избіенія министровъ. Правительство арестовало заговорщиковъ и пятерыхъ повѣсило (1820 г.). Затѣмъ промышленный кризисъ миновалъ, дѣла возобновились, а вмѣстѣ съ этимъ прекратилась и радикальная агитація.

Частичныя реформы (1820—1827 г.).—Когда Георгъ IV сталъ королемъ, оппозиціонное движеніе направилось противъ него. Его жена Каролина, которую онъ отдалилъ отъ себя и которой не хотѣлъ позволить носить титулъ королевы, вернулась въ Англію противъ его воли и была восторженно привѣтствуема толпою; министерство не посмѣло настаивать въ палатѣ лордовъ на разводѣ, котораго требовалъ король. Георгъ IV, лишившійся всякаго уваженія за свое мотовство, долги, пьянство, распутство и грубость, не имѣлъ на своихъ министровъ того вліянія, какимъ пользовался его отецъ. Это обстоятельство благопріятствовало переходу отъ личнаго правительства къ парламентскому.

Партія тори еще сохранила значительное большинство; но мало-по-малу въ нее входили люди молодые, менѣе систематически враждебные всякой реформѣ. Министерство пополнилось новыми людьми; въ 1821 году въ него вошелъ Пиль, въ 1822 году—Каннингъ, мало-по-малу измѣнившіе политику министерства. Признавъ новыя американскія республики, возмутившіяся противъ Испаніи, Каннингъ порвалъ союзъ Англіи съ абсолютными монархіями. Пиль согласился внести въ палату общинъ законопроекты, требовавшіе различныхъ преобразованій. Такимъ образомъ были осуществлены нѣкоторыя частичныя реформы.

1) Реформа уголовныхъ законовъ, на которой настаивалъ Ромилли съ 1808 года, была отвергнута палатою лордовъ. Пиль добился отмѣны смертной казни для сотни уголовныхъ преступленій, какъ напримѣръ за кражу съ выставки магазина, кражу кошелька, за охоту на чужихъ земляхъ и проч.

2) Торговая и финансовая политика была измѣнена рядомъ мѣръ, приписываемыхъ министру Гёскисону. Въ Англіи оставался въ силѣ «навигаціонный актъ» 1651 года, воспрещавшій торговлю всякому иностранному кораблю; это грозило Англіи возмездіемъ со стороны другихъ странъ. Новый законъ уполномочилъ министерство заключать трактаты съ иностранными государствами, съ цѣлью предоставить ихъ кораблямъ одинаковыя права съ англійскими. Въ виду увеличенія государственныхъ доходовъ, правительство понизило проценты по государственному долгу, и упростило очень сложные таможенные порядки (пошлиною было обложено болѣе 1200 статей), отмѣнивъ нѣкоторые таможенные сборы и уменьшивъ пошлины по многимъ другимъ статьямъ (1823—1825 г.). Не пытаясь вовсе отмѣнить хлѣбные законы, правительство провело подвижной тарифъ, дозволявшій ввозъ иностраннаго хлѣба при цѣнѣ выше 66 шиллинговъ за бушель (вмѣсто 80) (1823 г.). Все еще ограничивая свободу торговли и не допуская свободнаго ввоза

иностраннаго хлѣба, эти реформы все-таки пробили брешь въ старой запретительной системѣ.

3) Чтобы улучшить свой бытъ, рабочіе одного какого-нибудь ремесла составляли общества взаимной помощи, называвшіяся «дружескими обществами» или «ремесленными клубами», а впослѣдствіи *ремесленными союзами* (*Trade Union*); но такъ какъ эти ассоціаціи подпадали подъ дѣйствіе закона 1800 года о сообществахъ, то рабочіе часто превращали ихъ въ тайныя общества, придавали имъ даже форму масонскихъ ложъ. Лондонскіе рабочіе, лучше организованные и болѣе опытные въ политикѣ, находились въ сношеніяхъ съ радикалами и старались добиться свободы ассоціацій. Одинъ разбогатѣвшій портной, Плэсъ, домъ котораго служилъ центромъ радикальной рабочей партіи, повелъ это дѣло очень ловко; радикальный депутатъ Юмъ убѣдилъ министровъ Пиля и Гёскисона назначить комиссію для разслѣдованія экономическихъ результатовъ трехъ запретительныхъ мѣръ, установленныхъ англійскими законами: запрещенія эмиграціи рабочихъ, вывоза машинъ и рабочихъ ассоціацій. Такимъ образомъ рабочій вопросъ незамѣтно проскользнулъ вмѣстѣ съ двумя другими. Парламентская комиссія выслушала очень искусно изложенныя показанія о вредѣ, наносимомъ промышленности законами о сообществахъ; она согласилась съ представленными доводами и предложила палатѣ отмѣну этихъ законовъ. Палата отмѣнила ихъ безъ преній (1823 годъ). Но, какъ только рабочіе, воспользовавшись предоставленною имъ свободой, начали устраивать стачки и добиваться установленія минимальной заработной платы, фабриканты и судохозяева потребовали возвращенія къ прежнимъ порядкамъ. Новая комиссія предложила отмѣну закона 1824 года. Палата пошла на компромиссъ; она дозволила рабочимъ вступать въ сообщества, но только «для установленія рабочей платы или продолжительности рабочаго дня», а не съ цѣлью ограниченія числа учениковъ и воспрещенія поштучной работы; вмѣстѣ съ тѣмъ палата издала законъ, угрожавшій трехмѣсячной каторжной работой всякому, кто, для возвышенія рабочей платы, сталъ бы прибѣгать къ насилію, угрозамъ или запугиванью. Судьи истолковали этотъ законъ такимъ образомъ, что приговаривали стакнувшихся рабочихъ даже въ томъ случаѣ, если они упрекали своихъ товарищей за то, что они не присоединились къ стачкѣ. Такимъ образомъ это была только полусвобода ассоціацій, только полумѣра, какъ всѣ мѣропріятія того времени. Около того же времени началось улучшеніе путей сообщенія. Обыкновенныя мостовыя были замѣнены шоссейными дорогами, мощеными по системѣ шотландца Макъ-Адама. Между 1825 и 1829 годами была построена первая желѣзная дорога между Ливерпулемъ и Манчестеромъ.

Эмансипація католиковъ.—Со времени присоединенія Ирландіи въ 1800 г. въ законахъ о католикахъ оказалось противорѣчіе. Въ Англіи дѣйствовали старые законы, отстранявшіе ихъ отъ всякихъ должностей и корпорацій, а слѣдовательно не позволявшіе имъ быть депутатами или избирателями; въ Ирландіи порядокъ, установленный послѣ 1780 года ирландскимъ парламентомъ, допускалъ ихъ въ число избирателей. Такимъ образомъ ирландскіе католики находились въ лучшемъ положеніи, чѣмъ англійскіе. Ирландскіе патріоты требовали отмѣны исключительныхъ законовъ противъ католиковъ. Это движеніе уже давно велось въ парламентѣ въ формѣ законопроекта объ «облегченіи католиковъ». Въ 1813 г. Граттанъ добился того, что палата приступила къ его обсужденію. Но партіи, поддерживавшей господство англиканской церкви, удалось составить большинство, стоявшее за исключеніе католиковъ. Съ тѣхъ поръ этотъ законопроектъ былъ ежегодно вносимъ въ палату и ежегодно отвергаемъ; въ 1821 г. онъ прошелъ въ палатѣ общинъ, но былъ отвергнутъ лордами. Королевская семья не хотѣла и слышать о немъ. Подобно Георгу III, Георгъ IV объявилъ, что королевская присяга обязываетъ его поддерживать англиканскую церковь; герцогъ Іоркскій подалъ въ палату лордовъ петицію противъ этой реформы.

Рѣшительное движеніе началось со стороны ирландскихъ католиковъ. Они основали *Католическую Ассоціацію* (1823 г.), руководимую могучимъ ораторомъ, адвокатомъ О'Конеллемъ, который, во имя свободы, требовалъ отмѣны исключительныхъ законовъ. Парламентъ вотировалъ законъ, воспрещавшій подобнаго рода сообщества. Католическая Ассоціація объявила, что прекращаетъ свое существованіе, но тотчасъ же возникла вновь съ измѣненнымъ уставомъ.

Партія тори раздѣлилась по этому вопросу; въ 1825 году большинство палаты общинъ вотировало проектъ реформы; въ министерствѣ произошелъ расколъ, и когда больной лордъ Ливерпуль вышелъ въ отставку, первымъ министромъ сдѣлался Каннингъ, сочувствовавшій эмансипаціи католиковъ (1827 г.). Послѣ его смерти и образовавшагося затѣмъ кратковременнаго министерства, навшаго вслѣдствіе несогласій между его членами, образовалось министерство Веллингтона, состоявшее частью изъ старыхъ тори, противниковъ всякой реформы, и частью изъ друзей Каннинга (*каннингитовъ*), сочувствовавшихъ ей; затѣмъ эти послѣдніе вышли изъ министерства. Однако, не смотря на оппозицію министерства, виги провели въ палатѣ отмѣну исключительныхъ мѣръ, направленныхъ противъ протестантскихъ диссидентовъ; былъ уничтоженъ законъ, обязывавшій всякаго, кто поступалъ на какую-нибудь должность, причаститься по уставу англиканской церкви (1828 г.). Это была только полумѣра, потому что оставался въ силѣ законъ,

обязывавшій подписываться въ отреченіи отъ догмата пресуществленія; а этого было достаточно, чтобы устранить католиковъ; тѣмъ не менѣе исключительный режимъ былъ потрясенъ. Тогда О'Коннель сдѣлалъ опытъ съ цѣлью убѣдить правительство въ необходимости уступить. Онъ выставилъ свою кандидатуру на выборахъ въ графствѣ Клэръ противъ одного изъ членовъ министерства, и хотя, какъ католикъ, онъ не могъ засѣдать въ парламентѣ и былъ лично вовсе неизвѣстенъ въ графствѣ, но католическіе священники заставили всѣхъ избирателей-католиковъ вотировать за него (1828 г.).

При открытіи парламента Пиль рѣшился внести билль о равноправности католиковъ; король сначала согласился на это, но потомъ отказалъ.

Тогда Пиль подалъ въ отставку. Георгъ IV принялъ ее; но онъ не нашелъ никого, кто согласился бы взять на себя составленіе министерства, и былъ вынужденъ снова призвать Пиля. Законъ (вотированный большинствомъ 348 голосовъ противъ 160) отмѣнилъ мѣры, направленныя противъ католиковъ (1829 г.). Въ то же время былъ повышенъ избирательный цензъ въ Ирландіи, чтобы устранить отъ выборовъ бѣднѣйшихъ крестьянъ.

Избирательная реформа 1832 года.—Избирательная реформа, которой виги добивались еще въ XVIII столѣтіи, была скомпрометтирована радикалами. Когда Россель вновь поднялъ этотъ вопросъ отъ имени виговъ, уже не было болѣе и рѣчи объ общихъ реформахъ въ демократическомъ духѣ; проектъ Росселя оставлялъ за избирательнымъ правомъ прежній характеръ привилегіи; дѣло шло только о томъ, чтобы, лишивъ этой привилегіи нѣкоторыя гнилыя мѣстечки, перенести ее на нѣкоторые новые города. Торійское министерство согласилось пожертвовать только двумя мѣстечками. Но реформа мало-помалу становилась популярною; партія виговъ, поддерживавшая ее, пріобрѣтала на выборахъ новые голоса; тогда какъ торійская партія ослаблялась раздорами между ея большинствомъ и каннингитами по вопросу о католикахъ.

Въ палатѣ, избранной послѣ смерти Георга IV (1830 г.), тори владѣли только слабымъ большинствомъ. Французская революція 1830 года еще болѣе одушевила приверженцевъ реформы. Движеніе исходило главнымъ образомъ изъ промышленныхъ округовъ сѣвера и запада, ставшихъ наиболѣе населенными и имѣвшихъ всего менѣе представителей въ парламентѣ. Центромъ движенія сталъ Бирмингамъ. Тамъ образовался *Политическій Союзъ* съ цѣлью вести агитацію въ пользу избирательной реформы. Глава торійскаго министерства, Веллингтонъ, не понялъ общественнаго настроенія. При открытіи палаты лордовъ, когда вождь оппозиціи, Грей, заговорилъ о реформѣ, Веллингтонъ объявилъ, что онъ «ничего не читалъ и не слышалъ, что доказывало бы необходимость измѣненія существующей системы представительства, и что еслибы ему было поручено составить избирательный законъ для какой-нибудь страны, въ особенности для Англіи, то онъ не рѣшается, конечно, сказать, что съумѣлъ бы создать, что-либо равное тому, что существуетъ въ Англіи, потому что люди неспособны сразу достигнуть подобнаго совершенства, но онъ употребилъ бы всѣ усилія, чтобы организовать систему законодательства, которая привела бы къ тѣмъ же результатамъ (ноябрь 1830 г.).

Это заявленіе окончательно подорвало торійское министерство. Благодаря коалиціи виговъ и послѣдователей Каннинга изъ партіи тори, оно очутилось въ меньшинствѣ по вопросу о суммахъ на содержаніе королевской семьи. Новый король, Вильгельмъ IV, поручилъ составить коалиціонное министерство вождю виговъ, лорду Грею, который и внесъ въ палату общинъ проектъ избирательной реформы. Цѣль ея заключалась въ томъ, чтобы, не измѣняя общаго числа депутатовъ, лишить шестьдесятъ гнилыхъ мѣстечекъ ихъ ста девятнадцати депутатовъ, оставить сорока шести мѣстечкамъ только по одному депутату и распредѣлить всѣ эти депутатскія мѣста между наиболѣе населенными графствами и большими городами, не имѣвшими представителей въ парламентѣ. Это былъ компромиссъ во вкусѣ виговъ, очень далекій отъ реформы, которую требовали радикалы. Тѣмъ не менѣе проектъ былъ встрѣченъ въ палатѣ ироническимъ смѣхомъ; торійская партія сплотилась вновь для борьбы съ нимъ, и при второмъ чтеніи проектъ былъ принятъ большинствомъ только одного голоса.

Министерство распустило палату. На выборахъ 1831 года виги выставили своей программой избирательную реформу съ девизомъ: «билль, полный билль, ничего кромѣ билля»—и въ первый разъ послѣ 1783 года пріобрѣли большинство въ палатѣ. Реформа прошла въ палатѣ общинъ, но палата лордовъ отвергла ее. Тогда въ большихъ городахъ началось почти революціонное движеніе рабочихъ, руководимое радикалами.

Группа лондонскихъ плотниковъ основала, по образцу религіозныхъ братствъ методистовъ, соединенную ассоціацію подъ названіемъ: *Національный Союзъ рабочихъ классовъ* (1831 г.),—съ цѣлью добиваться всеобщаго избирательнаго права для улучшенія положенія рабочихъ. Въ это именно время вожди рабочаго движенія пытались соединить всѣ мелкія ремесленныя ассоціаціи въ болѣе крупныя, которыя могли бы заставить хозяевъ установить тотъ предѣлъ, ниже котораго не должна была понижаться рабочая плата. Одинъ прядильщикъ, католикъ-ирландецъ Догерти, основалъ въ Манчестерѣ «Національную ассоціацію для покровительства труду», члены которой вербовались преимущественно между ткачами; но она разстроилась по недостатку денежныхъ средствъ.

Сплотившись между собою посредствомъ этихъ союзовъ, рабочіе возобновили тактику радикаловъ 1819 г.; но теперь они соединились съ буржуазной партіей виговъ, чтобы требовать выставленной послѣдними избирательной реформы. Рабочіе надѣялись воспользоваться этою частичной реформой, чтобы добиться потомъ болѣе радикальной. Они-то и доставили вигамъ тѣ народныя массы, которыя были необходимы для устройства манифестацій, митинговъ и грандіозныхъ процессій въ Лондонѣ и Бирмингамѣ. Это народное движеніе дало вигамъ возможность преодолѣть сопротивленіе палаты лордовъ, запугивая ихъ общимъ возстаніемъ, которое могло быть вызвано ихъ упорствомъ. На одномъ народномъ собраніи, устроенномъ бирмингамскимъ *Политическимъ Союзомъ*, рѣшено было даже не платить налоговъ, если не будетъ дана реформа.

Палата общинъ снова вотировала законопроектъ о реформѣ (мартъ 1832 г.). Палата лордовъ, не рѣшаясь отвергнуть его, пыталась его исказить. Тогда министерство потребовало у короля, чтобы онъ оказалъ давленіе на лордовъ, угрожая имъ назначеніемъ новыхъ лордовъ, съ цѣлью измѣнить большинство въ верхней палатѣ. Король не согласился на это, принялъ отставку министерства и даже пытался образовать торійское министерство съ Веллингтономъ во главѣ; но тори не рѣшились взять въ свои руки власть, и король былъ вынужденъ снова призвать въ министерство виговъ, обѣщая имъ назначеніе новыхъ лордовъ. Тогда палата лордовъ наконецъ уступила и вотировала билль объ избирательной реформѣ большинствомъ девяти голосовъ (1832 г.).

Эта реформа, проведенная съ такимъ трудомъ, была компромиссомъ между старой избирательной системой, защищавшейся торіями, и требованіями радикаловъ. Она сохраняла старую политическую организацію. Палата общинъ избиралась попрежнему на 7 гѣтъ; избирательное право считалось привилегіей (*franchise*), которою пользовались только привилегированныя корпораціи (избирательныя собранія графствъ, бурги и университеты) и которая связывалась съ владѣніемъ недвижимостью; порядокъ выборовъ оставался прежнимъ, съ открытой и письменной подачей голосовъ (*poll*), съ относительнымъ большинствомъ и съ отсутствіемъ перебаллотировки. Число депутатовъ также осталось прежнее (658). Но эта избирательная реформа уничтожила вопіющее неравенство въ представительствѣ между юго-востокомъ и сѣверо-западомъ Англіи, а равно—наиболѣе возмутительныя злоупотребленія старой системы: гнилыя мѣстечки, медленность письменной баллотировки и слишкомъ несообразныя условія выборовъ въ нѣкоторыхъ изъ мѣстечекъ».

Избирательная реформа 1832 г. состояла изъ трехъ отдѣльныхъ мѣропріятій:

1) Перераспредѣленіе парламентскихъ мѣстъ. 143 депутатскихъ мѣста были отобраны у разныхъ мѣстечекъ; 56 мѣстечекъ съ населеніемъ менѣе 2000 душъ были вовсе лишены представительства; въ тридцати число депутатовъ было уменьшено съ двухъ на одного. Освободившіяся такимъ образомъ парламентскія мѣста были распредѣлены между городами, не имѣвшими представителей (44 мѣста были даны двадцати двумъ большимъ городамъ, по два на каждый городъ; 20 городовъ получили по одному мѣсту); 65 мѣстъ были распредѣлены между англійскими графствами; 8 получила Шотландія, 4—Ирландія и 3—Валлисъ.

2) Установленіе однообразныхъ условій для полученія права голоса. Въ графствахъ избирателемъ признавался всякій владѣлецъ недвижимости, приносившей 10 фунтовъ стерлинговъ дохода, и всякій арендаторъ недвижимости, приносившей 50 фунтовъ дохода; въ городахъ—всякій собственникъ или наниматель дома, приносившаго 10 фунтовъ дохода.

3) Продолжительность баллотировки была ограничена двумя днями.

Число избирателей увеличивалось въ графствахъ съ 247,000 до 370,000; въ городахъ—съ 188,000 до 286,000; отношеніе числа избирателей ко всему населенію съ $^1/_{32}$ повысилось до $^1/_{22}$. Большинство рабочихъ все еще было лишено права голоса; число избирателей возрасло отъ того, что въ графствахъ избирательное право распространилось на мелкую буржуазію, фермеровъ и арендаторовъ; въ особенности же отъ того, что оно распространилось на промышленные города сѣвера и запада, не имѣвшіе до тѣхъ поръ представительства въ парламентѣ. Реформа 1832 г. не была демократической; но она пробила непоправимую брешь въ старой избирательной системѣ. Палата общинъ сдѣлалась съ тѣхъ поръ дѣйствительно выборнымъ и представительнымъ учрежденіемъ; поддерживаемая и контролируемая общественнымъ мнѣніемъ, она скоро стала единственнымъ верховнымъ правителемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ орудіемъ для проведенія дальнѣйшихъ реформъ.

ГЛАВА III.

Англія въ періодъ между двумя реформами 1832—1867 г.

Новыя условія политической жизни.—Административныя реформы.—Рабочее движеніе.—Движеніе хартистовъ.—Ирландская агитація.—Агитація въ пользу свободной торговли.—Законы въ пользу рабочихъ.—Ирландскій кризисъ.—Періодъ бездѣйствія и демократической эволюціи.—Союзы.—Избирательная реформа 1867 года.

Новыя условія политической жизни.—Избирательная реформа 1832 года была для Англіи концомъ стараго порядка. Въ ней почти не оставалось теперь депутатовъ, избранныхъ по указанію собственниковъ и землевладѣльцевъ. Большіе промышленные города приняли участіе въ политической жизни. Палата общинъ стала менѣе аристократическою и гораздо болѣе представляла собою націю. Это преобразованіе скоро обозначилось внѣшними признаками: возросшимъ числомъ спорныхъ выборовъ, продолжительностью парламентскихъ засѣданій, увеличеніемъ числа депутатовъ, являвшихся на засѣданія, и числа томовъ разныхъ отчетовъ, печатавшихся для палаты (въ среднемъ по 31 въ годъ съ 1824 по 1832 г. и по 50 съ 1832 по 1840 г.);—увеличеніемъ числа петицій, которыхъ съ 1839 года уже не успѣвали обсуждать.

Гласность парламентскихъ преній тоже усилилась; но она была только терпима; въ 1832 году палата общинъ еще не позволяла печатать именные списки голосовъ, поданныхъ депутатами; когда О'Конелль огласилъ ихъ въ Ирландіи, раздались протесты противъ такого посягательства на свободу слова. Согласно закону и средневѣковымъ понятіямъ, все, что происходило въ палатахъ, должно было сохраняться въ тайнѣ. Но потребность въ гласности одержала верхъ. Когда старая зала засѣданій сгорѣла, въ новой палатѣ была устроена галлерея для публики (1834 г.). Затѣмъ палата сама рѣшила печатать именные списки депутатовъ, вотировавшихъ за или противъ по каждому данному вопросу (1836 г.). Палата общинъ сохранила прежній способъ веденія дѣлъ, за исключеніемъ подачи голосовъ, при которой съ тѣхъ поръ депутаты выходятъ изъ залы засѣданій и возвращаются въ нее, проходя мимо счетчиковъ. Пренія попрежнему происходили въ полу-оффиціальныхъ засѣданіяхъ, въ такъ называемомъ «комитетѣ всей палаты», въ которомъ предсѣдательствовалъ президентъ засѣданія, *chairman*. Но рѣшенія палаты и подача голосовъ происходили въ оффиціальныхъ засѣданіяхъ, съ соблюденіемъ старыхъ формъ, подъ предсѣдательствомъ *спикера* въ парикѣ и съ булавой, лежащей передъ нимъ на столѣ; трибуны не было, и депутаты попрежнему говорили со своихъ мѣстъ; всякій депутатъ имѣлъ право вносить предложенія и могъ говорить, сколько ему было угодно. (Англичане не допускали прекращенія преній). На практикѣ палата вотировала только законопроекты, представленные министерствомъ; такъ оно остается и по настоящее время.

Однако, сохраняя прежнія формы, палата стала болѣе дѣятельною; при болѣе многочисленномъ и независимомъ составѣ избирателей она стала склоняться къ политикѣ реформъ и парламентарному режиму. Старыя традиціонныя партіи *тори* и *виговъ* приняли новыя наименованія; партія виговъ въ соединеніи съ радикалами стала называться *либеральною;* партія тори—*консервативною*. Ея вождь, Пиль, въ манифестѣ къ избирателямъ 1834 года, заявилъ, что признаетъ избирательную реформу «окончательнымъ и безповоротнымъ рѣшеніемъ конституціоннаго вопроса, которое не должно быть подрываемо, ни прямо, ни косвенно, ни однимъ человѣкомъ, желающимъ блага странѣ».

Англійская консервативная партія всегда держалась этого правила; вступая въ борьбу съ проектами реформъ, она признавала ихъ, когда они становились закономъ, никогда не пытаясь вызывать *реакцію*, чтобы уничтожать ихъ. До реформъ, консерваторы, поддерживаемые дворянствомъ (*gentry*) и духовенствомъ, имѣли перевѣсъ въ палатѣ; послѣ реформъ, большинство перешло къ либераламъ, которыхъ поддерживали промышленники и диссиденты.

Изъ 34 лѣтъ втеченіе 25 власть находилась въ рукахъ либераловъ.

Правительство перестало обращаться съ печатью, какъ со своимъ врагомъ; въ 1836 году гербовый сборъ съ газетъ былъ пониженъ до 1 пенса съ номера, а наконецъ и вовсе уничтоженъ въ 1855 году. Число газетъ мало увеличилось (въ Англіи газетъ немного, но онѣ печатаются въ громадномъ числѣ экземпляровъ); число же экземпляровъ, подлежавшихъ гербовому сбору, возросло съ 36 милліоновъ въ 1836 году до 53 въ 1838 году и до 107 милліоновъ въ 1855 году. Процессы противъ печати возбуждались рѣдко, и на практикѣ свобода обсужденія сдѣлалась полною.

Торійскія министерства отбросили парламентарный режимъ, или такъ наз. систему кабинетнаго правительства; либеральныя министерства воротились къ нему. Въ Англіи окончательно установился обычай поручать составленіе кабинета вождю большинства и предоставлять министерству управленіе страною, безъ вмѣша-

тельства короля, согласно формулѣ, ставшей около этого времени классическою: «король царствуетъ и не управляетъ».

Вильгельмъ IV пытался еще разъ воспользоваться королевскою прерогативою для назначенія министровъ по своему выбору.

Такъ какъ въ палатѣ, избранной въ 1832 г. на основаніи новаго избирательнаго закона, составилось значительное либеральное большинство, то либеральное министерство Грея удержалось у власти (1834 г.); когда въ этомъ министерствѣ произошло раздѣленіе по вопросу о церковныхъ имуществахъ въ Ирландіи, оно преобразовалось, и во главѣ его сталъ Мёльборнъ. Но король не любилъ либеральной партіи; когда *лидеръ* этой партіи въ палатѣ общинъ сдѣлался лордомъ, король уволилъ министерство простымъ письмомъ на имя Мёльборна, въ которомъ заявлялъ, что не вѣритъ болѣе въ прочность либеральнаго министерства; затѣмъ онъ образовалъ консервативное министерство (съ Веллингтономъ, а потомъ съ Пилемъ во главѣ). Но это было министерство меньшинства. Пиль распустилъ палату: но и въ новой палатѣ либералы все еще имѣли большинство, хотя болѣе слабое. Тѣмъ не менѣе, Пиль попытался управлять; но, оставшись четыре раза въ меньшинствѣ, онъ подалъ въ отставку, заявивъ, что, «согласно практикѣ, принципамъ и буквѣ конституціи, правительство не должно оставаться у дѣлъ, если, послѣ честной попытки, оно убѣдится, что не имѣетъ большинства въ палатѣ общинъ, хотя бы оно и пользовалось, какъ теперь, довѣріемъ короля и большинства палаты лордовъ». Въ этихъ словахъ было выражено основное начало парламентарнаго режима самимъ вождемъ консервативной партіи (1835 г.). Съ тѣхъ поръ этотъ принципъ постоянно примѣнялся въ Англіи.

Вскорѣ (1837 г.) Вильгельму IV наслѣдовала его племянница Викторія, которая во все время своего долгаго царствованія пользованіе своею прерогативою сводила къ тому, что поручала вождю большинства палаты общинъ составить министерство. Старая теорія равновѣсія трехъ властей—короля, лордовъ и палаты общинъ—уступила мѣсто новой теоріи—«равновѣсія между партіями».

Министерство составляется партіей, владѣющей большинствомъ въ палатѣ общинъ; эта партія управляетъ страной, потому что пользуется довѣріемъ большинства избирателей; потерявши большинство въ палатѣ, она должна передать власть той партіи, которая пріобрѣла его; но она не распадается и готова каждую минуту снова взять власть въ свои руки; ея признанный вождь называется *лидеромъ* оппозиціи. Такимъ образомъ обѣ эти партіи составляютъ какъ-бы два правительства, одно—дѣйствующее и другое—ожидающее своей очереди. Перевѣсъ той или другой партіи опредѣляется волею избирателей. Съ 1832 до 1868 г. либералы и консерваторы чередовались между собою пять разъ *).

Изъ этого вывели ту теорію, что англійскій парламентарный режимъ предполагаетъ только двѣ партіи, чередующіяся у власти. Въ дѣйствительности же партіи не всегда были рѣзко и точно разграничены. Въ 1847 г. консервативная партія распалась на двѣ фракціи — за и противъ свободной торговли (какъ въ 1827 г.— за и противъ эмансипаціи католиковъ); либеральная партія раздѣлилась по вопросу объ арміи въ 1852 г. и по вопросу о войнѣ съ Китаемъ въ 1857 г., а также по вопросу объ избирательной реформѣ въ 1866 году. Во всѣхъ этихъ случаяхъ фракція, отпадающая отъ данной партіи, присоединялась къ противной и тогда правительство вопреки теоріи опиралось не на большинство палаты, а на коалицію. Сверхъ того, рядомъ съ двумя большими партіями въ Англіи образовались двѣ новыя группы: радикальная партія и партія ирландская; обѣ вотировали обыкновенно за одно съ либералами, но оставались независимыми. Члены этихъ партій не садились ни на правой, ни на лѣвой сторонѣ палаты и держались особнякомъ.

Установившаяся такимъ образомъ въ Англіи послѣ реформы 1832 г. система кабинетнаго или парламентарнаго правительства, есть система новая, такъ какъ, не вызывая возраженій, она дѣйствуетъ лишь съ воцаренія королевы Викторіи. Такимъ образомъ установилось это чередованіе партій, основанное на большинствѣ въ палатѣ общинъ, но происходящее съ гораздо меньшею правильностью, чѣмъ это предполагается на основаніи теоріи.

Административныя реформы (1833—1840 г.).—Достигнувъ власти, либеральная партія отказалась отъ всякихъ политическихъ реформъ и занялась исключительно административными. Въ Англіи было только два территоріальныхъ дѣленія—*графство* и *приходъ*. Заботы о всѣхъ мѣстныхъ дѣлахъ, нарождавшихся и развивавшихся вмѣстѣ съ развитіемъ цивилизаціи,—общественное призрѣніе бѣдныхъ, взиманіе налоговъ, народное здравіе, пути сообщенія, полиція,—были предоставлены приходскимъ совѣтамъ и въ особенности мировымъ судьямъ, которые отправляли свои обязанности безвозмездно и безконтрольно. Города и мѣстечки не входили въ эти подраздѣленія и составляли самостоятельные

*) Вотъ списокъ чередовавшихся министерствъ: либеральное (Грей, потомъ Мельборнъ)—1832—1834 г.; консервативное (Пиль)—1834—1835 г.; либеральное (Мельборнъ)—1838—1841 года;—консервативное (Пиль)—1841—1846 г.; либеральное (Россель)—1846—1852 г.; консервативное (Дерби)—1852 г.; либеральное (Абердинъ, потомъ Пальмерстонъ)—1852—1858 г.; консервативное (Дерби)—1858—1859 г.; либеральное (Пальмерстонъ, потомъ Россель)—1859—1866 г.; консервативное (Дерби, потомъ Дизраели)—1866—1868 года.

округа; они управлялись муниципальными корпораціями, состоявшими изъ привилегированныхъ лицъ, получавшихъ свои права по наслѣдству и отдававшихъ отчетъ только другъ другу. Даже городская полиція состояла изъ *констэблей*, набиравшихся изъ мѣстныхъ жителей и служившихъ безвозмездно.

Либералы признали такой порядокъ несообразнымъ съ общественными интересами, слабымъ и произвольнымъ.

Предпринимать какую-нибудь систематическую реформу не входило въ обычай англійской либеральной партіи; но въ нѣсколько лѣтъ она провела рядъ частичныхъ реформъ, которыхъ однако было достаточно, чтобы преобразовать старый административный строй.

1) Была создана особая полиція для центральной части Лондона; эта полиція была составлена изъ профессіональныхъ полицейскихъ (*policemen*), получающихъ жалованье, организованныхъ и дисциплированныхъ по военному; но изъ уваженія къ англійскимъ обычаямъ ихъ назвали *констэблями*, а вмѣсто оружія имъ дали короткіе палки, которыя какъ бы только указываютъ на ихъ званіе, но въ случаѣ надобности могутъ служить вмѣсто кастета.

2) Была преобразована система общественной благотворительности. Призрѣніе бѣдныхъ лежало, какъ XVII столѣтіи, на обязанности каждой общины; средства для этого получались путемъ налога взимавшагося съ состоятельныхъ жителей. Парламентская комиссія, образованная въ 1832г., обнаружила возмутительные порядки. *Надсмотрщики за бѣдными* распоряжались самовластно какъ самими бѣдными, такъ и ихъ дѣтьми. Чтобы избавиться отъ дѣтей, они запродавали ихъ фабрикантамъ, которые заставляли ихъ работать до 16 ч. въ сутки; дѣвушекъ отдавали замужъ за нищихъ другихъ приходовъ; иногда надзиратели даже продавали самихъ рабочихъ или запирали ихъ въ *домъ для бѣдныхъ*, нѣчто вродѣ не здоровой и дурно содержимой тюрьмы. Чтобы не подвергаться риску новаго обремененія прихода, они изгоняли бѣдныхъ, ищущихъ работы, запрещали отдавать имъ въ наймы квартиры и даже разрушали хижины, въ которыхъ они могли бы пріютиться. Не смотря на такія мѣры, расходы по призрѣнію быстро возрастали. Въ концѣ XVIII столѣтія установился обычай давать пособіе, пропорціональное цѣнѣ на хлѣбъ, всякому рабочему, получающему недостаточную плату. Фермеры воспользовались этимъ обычаемъ, и стали давать поденщикамъ ничтожную плату, вслѣдствіе чего послѣдніе въ концѣ концовъ пріобрѣтали право на пособіе.

Такимъ образомъ собственники и фермеры обрабатывали свои земли отчасти на счетъ приходовъ; а рабочіе, потерявъ надежду выйти изъ такого состоянія, примирились съ положеніемъ бѣднаго, получающаго пособіе. Налогъ въ пользу бѣдныхъ становился крайне обременительнымъ (7 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ) и распредѣлялся очень неравномѣрно. Въ нѣкоторыхъ приходахъ онъ поглощалъ весь доходъ. Устрашенная палата рѣшилась провести радикальный и непопулярный законъ 1834 года, заключавшійся въ слѣдующемъ: 1) было постановлено прекратить выдачу пособій на домъ за исключеніемъ стариковъ и немощныхъ. 2) Всякій здоровый рабочій, просящій пособія, долженъ былъ въ видѣ искуса (test) поступить въ рабочій домъ (*work-house*), гдѣ его кормили, но заставляли работать и подвергали строгой дисциплинѣ. 3) Приходы получили право соединяться въ группы или *союзы* для болѣе равномѣрнаго распредѣленія налога и для содержанія на общій счетъ рабочихъ домовъ. Этотъ законъ казался бѣднымъ очень суровымъ, но онъ достигъ цѣли. Многіе рабочіе, не желая идти въ рабочій домъ, отказывались отъ пособія, рабочая плата немного возвысилась, а бремя благотворительности облегчилось (4 милліона фунтовъ стерлинговъ въ 1837 году). Этотъ же законъ положилъ начало преобразованію мѣстной администраціи. Между графствомъ и приходомъ создалось промежуточное звено—*союзъ*, который имѣлъ своихъ выборныхъ коммисаровъ и особыхъ чиновниковъ, получающихъ жалованье и изъятыхъ изъ подъ вѣдѣнія мировыхъ судей. Это была первая брешь въ англійской системѣ безвозмезднаго и аристократическаго мѣстнаго управленія.

3) Подобный же порядокъ былъ примѣненъ (въ 1835 году) къ производству публичныхъ работъ; приходы были сгруппированы въ округа, на которые возлагалось устройство и содержаніе дорогъ; работами распоряжались инспектора, выбранные населеніемъ и подчинявшіеся центральному бюро въ Лондонѣ. Система проведенія дорогъ частными людьми, съ правомъ взиманія пошлины за проѣздъ, была покинута. Но постройка желѣзныхъ дорогъ осталась дѣломъ частной предпріимчивости; все участіе государства при этомъ ограничивалось изданіемъ закона объ отчужденіи земель.

4) Были образованы также *союзы* приходовъ для попеченія о народномъ здравіи; этимъ дѣломъ завѣдывали санитарныя бюро.

5) Муниципалитеты городовъ и мѣстечекъ были преобразованы закономъ 1835 года, который уничтожилъ привилегіи прежнихъ корпорацій и право избирать городскіе совѣты предоставлялъ всѣмъ платящимъ налоги; всѣ совѣты получали одинаковую организацію и состояли изъ мэра, ольдерменовъ и совѣтниковъ.

6) Законъ 1836 года создалъ должностныхъ лицъ (registrars), на которыхъ было возложено веденіе записей рожденій, браковъ и смертей. Такимъ образомъ была создана и организована свѣтская система веденія актовъ гражданскаго со-

стоянія. Духовенство продолжало вести свои записи; но для желающихъ получилась возможность обойтись при заключеніи брака безъ его вмѣшательства, обращаясь прямо къ гражданскому регистратору.

7) Народное образованіе втеченіе долгаго времени было предоставлено въ Англіи исключительно частной предпріимчивости. Большинство дѣтей не посѣщало школъ. Согласно либеральной доктринѣ, государство не должно было заниматься вопросомъ народнаго образованія. Первымъ отступленіемъ отъ этого принципа была субсидія въ 20,000 фунтовъ стерлинговъ, выданная частнымъ обществомъ для основанія школъ. Потомъ были образованы комиссіи для изслѣдованія школьнаго вопроса (1834—1837 г.). Наконецъ министерство представило (въ 1834 г.) проектъ учрежденія центральнаго комитета для наблюденія за школами и школьныхъ инспекторовъ. Лорды отвергли этотъ проектъ. Провести законъ удалось, только сдѣлавши нѣсколько уступокъ англиканской партіи, которая считала необходимымъ, чтобы школа была подчинена церкви: инспекторы утверждались епископомъ и должны были представлять ему рапорты. Государственные расходы по народному образованію мало по малу возрастали, хотя и медленно (164,000 фунтовъ стерлинговъ въ 1851 г., 800,000 фунтовъ въ 1861 г.).

8) Реформа уголовныхъ законовъ заключалась въ отмѣнѣ кнута и позорнаго столба; тюрьмы также были преобразованы.

9) Въ 1839 году была произведена почтовая реформа. Вмѣсто высокой и мѣнявшейся платы за доставку письма, которую получатель уплачивалъ почтальону, были введены однообразныя и дешевыя почтовыя марки, оплачиваемыя отправителемъ (въ 1840 году цѣна марки была понижена до одного пенса). Служащіе по почтовому вѣдомству объявили тогда эту реформу неосуществимой, а директоръ почтъ утверждалъ, что почтальоны не будутъ успѣвать разносить писемъ, и что почтамтъ обрушится подъ ихъ тяжестью.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ реформъ получилась хотя еще и очень несовершенная администрація, но построенная уже на новыхъ началахъ. Всѣ прежнія мѣстныя власти, назначавшіяся изъ среды дворянства (*шерифъ*, *лордъ-лейтенантъ*, *коронеръ*, *мировой судья*), продолжали существовать только какъ почетныя должности; рядомъ съ ними возникли выборные совѣты и получавшіе жалованье чиновники *союзовъ;* къ этимъ послѣднимъ стали переходить всѣ мѣстныя дѣла. Для общаго руководительства ими въ Лондонѣ была учреждена новая власть, бюро мѣстнаго управленія (*local government broad*),—который сдѣлался впослѣдствіи чѣмъ-то вродѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ мѣстная администрація перешла мало по малу отъ деревенской аристократіи, служившей безвозмездно, въ руки особыхъ уполномоченныхъ, избираемыхъ населеніемъ, и чиновниковъ, назначаемыхъ не центральнымъ правительствомъ, какъ во Франціи, а мѣстными властями.

Рабочее движеніе 1832—34 годовъ.—Промышленные кризисы возникали попрежнему, вызывая періодически безработицу и пониженіе рабочей платы. Это было время наибольшихъ бѣдствій въ промышленныхъ городахъ. Ихъ слѣдъ остался въ литературѣ: въ двухъ знаменитыхъ романахъ — *Тяжелыя Времена* Диккенса и *Сибилла* Дизраели—описываются нищета и отчаяніе рабочихъ. Оффиціальныя изслѣдованія о причинахъ холеры, о положеніи женщинъ и дѣтей въ копяхъ обнаружили ужасающую картину нищеты и смертности: скопленіе людей въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ (въ Манчестерѣ десятая часть населенія жила въ темныхъ, вонючихъ и гнилыхъ подвалахъ, дѣти спали на сыромъ кирпичномъ полу; въ Лондонѣ семьи изъ восьми человѣкъ тѣснились въ одной комнатѣ; въ Дорчестерскомъ приходѣ приходилось въ сложности по 36 человѣкъ на одинъ домъ);—пониженіе заработной платы до 8—10 шиллинговъ въ недѣлю на семью, при очень дорогомъ хлѣбѣ;—особую систему эксплоатаціи рабочихъ (*truck*), при которой они получаютъ вмѣсто денегъ продукты, продаваемые въ пользу хозяина по возвышенной цѣнѣ. Изъ этихъ оффиціальныхъ англійскихъ отчетовъ два теоретика соціализма, Марксъ и Энгельсъ, черпали свои примѣры.

Рабочіе пытались улучшить свое положеніе устройствомъ союзовъ. Уже и раньше люди, занимавшіеся тѣмъ же ремесломъ, составляли синдикаты, чтобы сообща договариваться съ хозяевами объ условіяхъ своего труда. Теперь рабочіе захотѣли расширить эти союзы. Мысль объ этомъ принадлежала филантропу и новатору Роберту Овену, владѣльцу большой бумаго-прядильной фабрики. Онъ преобразовалъ свою фабрику въ образцовую рабочую общину и сталъ проповѣдывать необходимость *коопераціи*, приглашая рабочихъ составлять товарищества и основывать кооперативныя производства, вмѣсто того чтобы работать на капиталистовъ.

Съ 1824 года Овенъ началъ устраивать кооперативныя общества, уполномоченные которыхъ, съ 1829 года, съѣзжались на конгрессы; онъ основалъ кооперативный журналъ и пустилъ въ обращеніе нѣкоторыя выраженія, до сихъ поръ употребляющіяся рабочими: «кооперація, производительные классы, равноцѣнность труда, принципъ справедливости» — и даже самое слово *соціализмъ*. Изъ его проповѣди рабочіе вынесли мысль о солидарности интересовъ всѣхъ рабочихъ и сознаніе необходимости дѣйствовать сообща.

Они пытались составлять ассоціаціи изъ всѣхъ рабочихъ одного и того же ремесла, а также изъ рабочихъ всѣхъ ремеслъ. Движеніе это, въ 1831

году отклонившееся въ сторону политики во время борьбы за реформу, сдѣлалось теперь чисто рабочимъ. Овенъ пытался учредить банкъ, который долженъ былъ производить операціи, выпуская банковые билеты, представлявшіе цѣнность рабочаго дня (1832 г.). Но это предпріятіе не удалось. Онъ основалъ *Общество національнаго возрожденія*, имѣвшее цѣлью добиться закона, который ограничилъ бы продолжительность рабочаго дня восемью часами, чтобы дать рабочимъ возможность учиться. Затѣмъ онъ основалъ *Великій національный союзъ промышленности* (*Trades Union*) *), — т. е. ассоціацію всѣхъ ремеслъ, которой онъ придалъ форму союза масонскихъ *ложъ*. Эти ложи были не чѣмъ инымъ, какъ синдикатами рабочихъ одного и того же ремесла, но съ введеніемъ въ нихъ нѣкоторой обрядности. Принятіе въ нихъ происходило въ тайномъ засѣданіи, причемъ появлялась фигура смерти; посвященный подвергался испытанію мечомъ и топоромъ, и приносилъ присягу. Эти обряды не были новостью; новостью было только то, что въ ремесленныя ложи принимали крестьянъ и даже женщинъ. *Trades Union* разсылалъ повсюду своихъ миссіонеровъ, и число его членовъ быстро возросло до полумилліона. Цѣлью его было организовать *общую стачку*, чтобы принудить парламентъ издать законъ о *восмичасовомъ рабочемъ днѣ*.

Эта агитація навела страхъ на промышленниковъ и политическихъ дѣятелей. На союзъ рабочихъ хозяева отвѣтили (еще въ 1833 г.) лигою фабрикантовъ и заводчиковъ; члены ея обязывались не давать работы ни одному члену рабочаго синдиката; прежде чѣмъ принять рабочаго, они требовали отъ него письменнаго удостовѣренія въ томъ, что онъ не принадлежитъ ни къ какой рабочей ассоціаціи. Такимъ образомъ обѣ партіи находились въ войнѣ; рабочіе устраивали стачки, чтобы заставить хозяевъ возвысить рабочую плату и уменьшить число рабочихъ часовъ; хозяева старались смирить рабочихъ голодомъ, закрывая мастерскія.

Встревоженное правительство обратилось за совѣтомъ къ профессору политической экономіи Нассау Сеніору, который предложилъ издать исключительные законы противъ рабочихъ. Либеральное министерство не хотѣло нарушить «конституціонныхъ вольностей»; но король потребовалъ, чтобы оно приняло мѣры противъ рабочихъ, и первый министръ Мельборнъ объявилъ отъ имени своихъ товарищей, что признаетъ преступный характеръ рабочихъ союзовъ; это,—сказалъ онъ,—«противузаконные заговоры», подлежащіе наказанію (августъ 1833 года). Тогда рабочихъ стали преслѣдовать судомъ за то, что они присягали непризнанному закономъ обществу. Наиболѣе громкимъ изъ этихъ политическихъ процессовъ былъ процессъ шести поденщиковъ изъ Дорчестера. Это были крестьяне, основавшіе «Дружеское общество земледѣльческихъ рабочихъ» съ цѣлью удержать рабочую плату на высотѣ 10 шиллинговъ въ недѣлю (фермеры понизили ее до 7). Пріемъ въ это общество сопровождался тѣми же обрядами, какъ и въ трэдсъ-юніонистскія ложи. Судъ приговорилъ обвиняемыхъ къ ссылкѣ *на семь лѣтъ* за противузаконную присягу (мартъ 1834 г.); а правительство распорядилось немедленно же отправить ихъ.

Національный *Трэдсъ-Юніонъ*, поддержанный другими рабочими союзами, организовалъ громадную сходку для подачи министру петиціи въ пользу осужденныхъ. Рабочіе собрались близъ Лондона, раздѣлились на группы по ремесламъ и прошли черезъ городъ процессіей, во главѣ которой ѣхало одно духовное лицо. Всѣ рабочіе по постройкѣ домовъ прекратили работу (августъ 1834 г.). Затѣмъ образовался особый комитетъ, поставившій цѣлью добиться освобожденія осужденныхъ.

Но всѣ большіе рабочіе союзы состояли тогда преимущественно изъ самыхъ бѣдныхъ рабочихъ,—ткачей, прядильщиковъ, углекоповъ, поденщиковъ,—не имѣвшихъ денежныхъ средствъ, чтобы поддерживать стачки; вслѣдствіе этого они очень скоро распались. Въ августѣ 1834 года Овенъ преобразовалъ *Trades-Union* въ «британскую и иностранную ассоціацію промышленности, гуманности и просвѣщенія»; цѣль этой ассоціаціи была чисто гуманитарная: основать «новый нравственный міръ» и попытаться примирить общественные классы. Однако преслѣдованія рабочихъ продолжались. Въ Глазговѣ, въ Шотландіи, пять прядильщиковъ были приговорены къ семилѣтней ссылкѣ (1837 г.), а палата общинъ учредила комиссію для изслѣдованія вопроса о законности всѣхъ этихъ союзовъ. Упавшіе духомъ рабочіе отказались отъ борьбы посредствомъ объединенныхъ рабочихъ союзовъ.

Движеніе хартистовъ (1837—48 г.).—Соединившись съ вигами во время агитаціи 1831 года, радикалы разсчитывали добиться впослѣдствіи всеобщаго избирательнаго права и съ 1832 г. поддерживали либеральное министерство. По восшествіи на престолъ Викторіи они вновь потребовали избирательной реформы. Россель отвѣтилъ на это, что избирательная реформа закончена, и палата поддержала его 500 голосами противъ 22.

Радикалы возобновили агитацію въ пользу избирательной реформы; они вошли въ соглашеніе съ рабочими, возбужденными великимъ рабочимъ движеніемъ 1834 г. Послѣдователи Оуэна пытались произвести соціальную реформу путемъ од-

*) Не слѣдуетъ смѣшивать *Trades Union*, т. е. союза всѣхъ ремеслъ, о которомъ мечталъ Овенъ, съ *trade unions*, т. е. съ синдикатами отдѣльныхъ ремеслъ, продолжающими существовать по настоящее время.

нихъ рабочихъ союзовъ; потерпѣвъ неудачу, они рѣшились добиться этой реформы законодательнымъ путемъ. Для этого надо было овладѣть большинствомъ въ парламентѣ, т. е. имѣть на своей сторонѣ большинство избирателей; слѣдовательно необходимо было доставить право голоса рабочимъ; соціальная реформа обусловливалась реформою избирательною; такимъ образомъ рабочіе вернулись къ политикѣ радикаловъ 1816 г.

Соглашеніе между старыми радикалами, оставшимися индивидуалистами, и рабочими-соціалистами, послѣдователями Овена, состоялось на особомъ совѣщаніи. Движеніемъ руководила *ассоціація лондонскихъ рабочихъ*, основанная въ 1837 году послѣдователемъ Овена, рабочимъ Ловеттомъ, съ давняго времени поддерживавшимъ сношенія съ радикалами. Было рѣшено возобновить тактику радикаловъ, подать въ парламентъ петицію о всеобщей подачѣ голосовъ и поддержать ее большими манифестаціями. Петиція, составленная въ Лондонѣ (Ловеттомъ или Плэсомъ, прежнимъ вождемъ радикаловъ) и опубликованная въ маѣ 1838 года, содержала шесть слѣдующихъ требованій: всеобщее избирательное право, тайная подача голосовъ на выборахъ, жалованье депутатамъ, уничтоженіе ценза избираемости, ежегодный парламентъ, раздѣленіе страны на округа для равномѣрнаго распредѣленія депутатскихъ мѣстъ (Ловеттъ требовалъ также права голоса для женщинъ, но потомъ отказался отъ этой мысли). Эта петиція была названа *Хартіей Народа*. «Шесть статей Хартіи» были только повтореніемъ требованій, выставленныхъ радикалами во время движенія 1816—1819 г. *Хартизмъ* былъ коаліціей старой радикальной политической партіи и новой рабочей, соціалистической.

Вожди хартистовъ употребили всѣ усилія, чтобы собрать возможно большее число подписей въ пользу *хартіи*, и въ то же время старались дѣйствовать на общественное мнѣніе, устраивая большія манифестаціи. Эта агитація продолжалась десять лѣтъ (1838—1848 г.), то усиливаясь, то затихая. Ея оживленіе совпадало съ промышленными кризисами; народныя массы, принимавшія участіе въ манифестаціяхъ, состояли главнымъ образомъ изъ рабочихъ, не находившихъ занятія. Они вербовались преимущественно въ Лондонѣ, въ промышленныхъ округахъ запада (Ливерпуль, Манчестеръ, южный Валлисъ) и центра (Лидсъ, Шеффильдъ).

Движеніе хартистовъ распадается на три періода, изъ которыхъ каждый ознаменовался подачею петиціи съ громаднымъ числомъ подписей.

1) Агитація началась вслѣдъ за составленіемъ хартіи (май 1838 г.). Около Манчестера состоялись громадныя сходки; нѣкоторыя изъ нихъ происходили ночью, при свѣтѣ факеловъ. Главный ораторъ, бывшій диссидентскій пасторъ Стивенсъ, провозгласилъ слѣдующій основной принципъ хартіи: «Всякій свободный человѣкъ, вдыхающій вольный Божій воздухъ и попирающій вольную Божью землю, имѣетъ право на свой домашній очагъ (*home*)». Онъ приглашалъ присутствующихъ запастись пиками и ружьями. Тори потребовали исключительныхъ мѣръ, какъ въ 1819 г.; либеральное министерство не согласилось на это. Россель объявилъ (октябрь 1838 г.), что народъ имѣетъ право собираться и обсуждать свои дѣла. Въ тронной рѣчи 1839 г. говорилось, что правительство отклоняетъ всякія репрессивныя мѣры и «полагается на здравый смыслъ и благоразуміе народа».

Хартисты, получивши возможность дѣйствовать свободно, организовали съѣздъ делегатовъ отъ рабочихъ, названный «Національнымъ Конвентомъ» или «Парламентомъ рабочихъ». Онъ засѣдалъ въ Лондонѣ (февраль 1839 г.) одновременно съ парламентомъ и началъ свою дѣятельность съ представленія петиціи о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Петиція была подписана 1.200,000 именъ. Палата встрѣтила ее смѣхомъ и огромнымъ большинствомъ рѣшила даже не принимать ея въ соображеніе.

Между делегатами *Національнаго Конвента* произошло раздѣленіе по вопросу о дальнѣйшихъ мѣрахъ и образовались двѣ партіи. Одна изъ нихъ признавала только мирный и законный способъ дѣйствія. Эта партія состояла преимущественно изъ наиболѣе достаточныхъ и лучше организованныхъ рабочихъ, соединенныхъ въ *Лондонскую ассоціацію;* ею руководилъ радикалъ и послѣдователь Овена, Ловеттъ. Другая партія, называвшаяся «партіей физической силы», представляла собою массы бѣдныхъ и слабо организованныхъ рабочихъ (ткачей и прядильщиковъ); ею руководили два ирландскихъ оратора: О'Коннеръ и О'Бріенъ. О'Коннеръ, красавецъ, гигантскаго роста, съ могучимъ голосомъ, очень восторженный (онъ умеръ сумасшедшимъ), былъ ирландскимъ революціонеромъ, въ 1832 году депутатомъ радикаломъ, а въ 1837 г. онъ основалъ въ Лондонѣ *Демократическую Ассоціацію* и газету *Northern Star* (*Сѣверная Звѣзда*), которая сдѣлалась оффиціальнымъ органомъ хартистовъ. Онъ заявлялъ, что обращается «къ небритымъ подбородкамъ и мозолистымъ рукамъ» и упрекалъ Ловетта съ его сторонниками въ томъ, что они—не настоящіе рабочіе. О'Бріенъ былъ радикаломъ и издавалъ подпольную газету; онъ перевелъ съ французскаго языка біографію Бабёфа и принялъ самъ коммунистическую окраску.

Эти ирландцы руководили народными массами въ движеніи хартистовъ и высказались за революціонный способъ дѣйствія. Но на практикѣ они провели очень мирныя рѣшенія: О'Бріенъ заставилъ Конвентъ отказаться отъ мысли о всеобщей стачкѣ, а потомъ убѣдилъ его разойтись (сентябрь 1839 г.); О'Коннеръ объявилъ, что

если хартія не будетъ дана ко дню св. Михаила (29 сентября), то надо будетъ прекратить политическую агитацію. Онъ называлъ себя человѣкомъ «моральной силы» и не совершилъ ни одного насильственнаго акта. Онъ, впрочемъ, поссорился съ О'Бріеномъ, который называлъ его диктаторомъ.

Насилія ограничились нѣсколькими мѣстными мятежами. Въ Бирмингамѣ, куда былъ перенесенъ *Конвентъ*, собралась одна ночная сходка, произошла небольшая стычка съ полиціей, была устроена процессія и было сожжено нѣсколько домовъ. Испуганное министерство провело законъ, разрѣшавшій городамъ заводить правильную полицію, подобную лондонской; оно приказало арестовать вождей хартистовъ О'Коннора и О'Бріена, которые были осуждены за мятежныя сочиненія и рѣчи. Произошла только одна серьезная попытка къ возстанію: нападеніе вооруженной толпы на Ньюпоръ въ Валлисѣ.

2) Въ 1842 г., вслѣдствіе пониженія заработной платы, рабочіе сѣвера устроили стачку; а рабочіе союзы выбрали делегатовъ, которые должны были совѣщаться о томъ, какими средствами можно было достигнуть возвращенія къ платѣ 1840 года. Хартисты воспользовались этимъ совѣщаніемъ делегатовъ, чтобы убѣдить ихъ предложить всѣмъ рабочимъ устроить стачку и не прекращать ея до тѣхъ поръ, пока *хартія* не сдѣлается закономъ. Такимъ образомъ всеобщая стачка, предложенная въ 1834 году съ цѣлью добиться восьмичасового рабочаго дня, обратилась въ политическое средство. Стачка не удалась по недостатку денегъ. Тогда рабочіе снова подали петицію, имѣвшую, какъ говорятъ, болѣе трехъ милліоновъ подписей; но правительство отказалось принять ее. На одномъ совѣщаніи въ Бирмингамѣ рабочіе-радикалы пробовали войти въ соглашеніе съ радикалами изъ буржуазіи, которые предлагали замѣнить *народную хартію* «биллемъ о правахъ народа»; но О'Коннеръ помѣшалъ этому соглашенію.

Тогда ремесленные союзы (*trade unions*) отдѣлились отъ хартистовъ; отказавшись отъ политической агитаціи и системы застращиванія, они пытались улучшить положеніе рабочихъ путемъ соглашеній съ хозяевами и обращенія къ парламенту съ просьбам о реформахъ въ пользу рабочихъ. Была основана «Національная ассоціація соединенныхъ ремеслъ для покровительства труду» (1845 г.); она рекомендовала рабочимъ рѣшать споры съ хозяевами посредствомъ третейскаго суда и воздѣйствія членовъ парламента; это была новая мирная тактика, замѣнявшая хартистскую агитацію.

Остальные хартисты послѣдовали за О'Коннеромъ, который вернулся къ старой мысли Овена поддерживать существованіе рабочихъ, лишившихся заработка, раздачею имъ земли; онъ основалъ общество съ цѣлью покупки большихъ имѣній и раздачи ихъ мелкими участками своимъ адептамъ (1846 года). Эта «Національная Земельная Компанія» обанкротилась въ 1848 году.

3) Французская революція 1848 года въ послѣдній разъ оживила хартистское движеніе. Хартисты снова созвали конвентъ делегатовъ въ Лондонѣ (апрѣль 1848 г.) и снова приготовили громадную петицію. О'Коннеръ объявилъ о созывѣ колоссальнаго митинга и объ организаціи огромной процессіи, которая должна была нести петицію въ парламентъ. Министерство встревожилось и объявило незаконной подачу петиціи «въ сопровожденіи чрезмѣрно большого числа лицъ». Оно призвало Веллингтона и возложило на него заботу о безопасности Лондона. Старый генералъ расположилъ войска въ городѣ въ боевомъ порядкѣ и пригласилъ лондонскую буржуазію составить добровольные полицейскіе отряды. Такихъ волонтеровъ набралось до 170,000 человѣкъ. Митингъ состоялся, но процессію остановили. О'Коннеръ одинъ повезъ петицію въ парламентъ въ извозчичьей каретѣ. Петиція была разсмотрѣна особой комиссіей; вмѣсто 5.716,000 подписей, о которыхъ объявилъ О'Коннеръ, подъ ней оказалось только 1,975,000; нѣкоторыя подписи носили шуточный характеръ (Королева, Плоскій Носъ, Веллингтонъ). Этимъ и закончилось движеніе хартистовъ.

Ирландская агитація (1832—1844).—Въ то время какъ хартисты агитировали въ Лондонѣ, католики агитировали въ Ирландіи. Могучій ораторъ О'Коннель, прославившійся по всей Европѣ, соединилъ тогда въ одну партію главную массу католическаго населенія Ирландіи. Онъ былъ не только вождемъ партіи; онъ воплощалъ въ себѣ эту партію. У ирландцевъ, потерявшихъ привычку къ общественнымъ дѣламъ, не было вовсе политической жизни; они повиновались своимъ священникамъ, подавали голоса за кандидатовъ, указанныхъ духовенствомъ, и являлись массами на собранія, созываемыя О'Коннелемъ, воодушевлявшимъ ихъ своими пламенными рѣчами.

О'Коннель заявлялъ, что принадлежитъ къ либеральной католической партіи, только что возникшей тогда въ Европѣ; онъ не требовалъ, чтобы католическая религія въ Ирландіи была объявлена государственною; онъ хотѣлъ только, чтобы она пользовалась свободою и одинаковыми правами съ другими церквями. Онъ ратовалъ одновременно за свободу и за равенство, за угнетенную ирландскую націю и за угнетенную католическую религію; это привлекало къ нему вмѣстѣ съ революціонерами католиковъ и патріотовъ и сдѣлало его самымъ популярнымъ человѣкомъ во всей Европѣ. Послѣ реформы 1829 года ирландскіе католики пользовались политическими правами: они могли быть избирателями и депутатами; но они все еще находились подъ гнетомъ стараго режима, системати-

чески организованнаго съ цѣлью держать ихъ въ зависимости отъ протестантовъ: мировые судьи и полицейскіе чиновники, присяжные засѣдатели, члены верховнаго суда, присяжные, производившіе раскладку налоговъ, муниципальные совѣты, словомъ, — всѣ лица, облеченныя властью, назначались изъ протестантовъ; оффиціальною церковью была англиканская; прихожанъ у нея почти не было, но она владѣла помѣстьями и кромѣ того взимала десятину и особый налогъ на содержаніе церковныхъ зданій со всѣхъ жителей, т. е. въ дѣйствительности—съ ирландскихъ крестьянъ-католиковъ. Наконецъ, правительство не допускало для ирландскихъ католиковъ свободы собраній.

О'Коннель повидимому колебался между двумя способами дѣйствія: онъ то требовалъ отъ англійскаго парламента частныхъ реформъ для Ирландіи: свободы собранія, болѣе равномѣрнаго распредѣленія должностей между католиками и протестантами и въ особенности—уничтоженія десятины; то—пытался провести радикальную реформу: уничтожить Союзный актъ 1800 года и возвратить Ирландіи автономію. Въ 1829 г. онъ основалъ общество, имѣвшее цѣлью требовать автономіи; но правительство три раза закрывало его. Въ 1831 году О'Коннель образовалъ комитетъ для сбора подписей подъ петиціей объ отмѣнѣ Союзнаго акта; правительство привлекло его къ суду. Но въ парламентѣ, избранномъ въ 1832 г., О'Коннель пересталъ нападать на англійское правительство и сначала вотировалъ за либеральное министерство, пользуясь въ то же время засѣданіями палаты, чтобы обращать вниманіе общества на протесты ирландцевъ противъ англійскаго режима.

Ирландцы не хотѣли болѣе платить десятину англиканскому духовенству. Нѣсколько сборщиковъ было убито; вмѣсто 104,000 фунтовъ стерлинговъ поступило только 12,000. Министерство произвело отдѣльныя реформы. Оно сократило число англиканскихъ епископовъ (10 изъ 22) и уничтожило налогъ на содержаніе церковныхъ зданій. Но по вопросу о передачѣ управленія церковными имуществами Ирландіи въ руки правительства въ немъ возникли разногласія. Чтобы бороться съ консерваторами, ирландская партія, прозванная «хвостомъ О'Коннеля», соединилась съ либералами и обезпечила имъ большинство въ палатѣ (1835 годъ).

Послѣ смерти короля Вильгельма, О'Коннель поддерживалъ королеву Викторію, которой, какъ говорили, угрожалъ герцогъ Кумберландскій и торіи. Онъ даже заявилъ, что «соберетъ 500,000 храбрыхъ ирландцевъ для защиты... обожаемой молодой королевы».

Чтобы отблагодарить ирландцевъ, либеральное министерство провело законъ 1838 года, въ силу котораго десятину должны были платить не крестьяне, а владѣльцы; палата даже вотировала болѣе полную реформу, но лорды отвергли ее. Въ Ирландіи не существовало учрежденій общественнаго призрѣнія; «законъ о бѣдныхъ» 1838 года положилъ имъ начало.

Но либеральное министерство теряло мало-помалу свою популярность въ Англіи; причиной этого были быть можетъ только что упомянутые законы, быть можетъ коммерческій кризисъ, а также и то, что оно пользовалось поддержкой «ирландскихъ папистовъ». На выборахъ 1837 года оно еще сохранило большинство, благодаря шотландскимъ и ирландскимъ депутатамъ (Англія была вновь завоевана консерваторами). Въ 1839 году министерство должно было заявить о дефицитѣ въ бюджетѣ, а послѣ одного голосованія, въ которомъ оно получило большинство только пяти голосовъ, оно почувствовало себя настолько слабымъ, что вышло въ отставку (1839 годъ). Вождь консерваторовъ, Пиль, которому было поручено составленіе министерства, потребовалъ, чтобы королева удалила изъ своего придворнаго штата женъ и сестеръ либеральныхъ министровъ; королева не согласилась на это; тогда Пиль отказался составить министерство, и либералы остались у власти. Этотъ эпизодъ извѣстенъ подъ именемъ «заговора спальни». Между тѣмъ въ 1841 году дефицитъ возросъ до двухъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Чтобы покрыть его, министерство предложило понизить ввозную пошлину на сахаръ и лѣсъ, не осталось въ меньшинствѣ (36 голосовъ). Тогда оно распустило палату. Но на послѣдовавшихъ затѣмъ выборахъ консервативная партія, въ первый разъ послѣ реформы 1832 года, получила большинство (90 голосовъ). Ирландская партія въ палатѣ уменьшилась на половину (1841 годъ). Управленіе перешло къ консервативному министерству (Пиль).

О'Коннель вновь сталъ требовать радикальной реформы; онъ возстановилъ лигу отмѣны Союза (1841 годъ) и, подражая тактикѣ хартистовъ, началъ вести агитацію въ широкихъ размѣрахъ: основалъ газету и собиралъ громадные митинги, требовавшіе автономіи Ирландіи.

Подобно хартистамъ, ирландцы, вмѣстѣ съ политической реформой, добивались также и соціальной. Населеніе быстро возрастало (съ 6.800,000 въ 1826 г. до 7.760,000 въ 1836 и 8.670,000 въ 1841 году); земля дробилась все болѣе и болѣе. Въ оффиціальномъ отчетѣ 1835 г. говорилось, что описать страданія земледѣльческаго населенія невозможно; говорилось о жалкихъ лачугахъ, почти абсолютномъ отсутствіи кроватей и одѣялъ, недостаточной пищѣ, состоящей изъ одного картофеля, о крестьянахъ, живущихъ въ землянкахъ безъ стеколъ, часто вмѣстѣ съ коровами и свиньями, отдѣтыхъ въ рубища изъ холста. При всемъ этомъ они находились въ полной зависимости отъ каприза землевладѣльца, который могъ

во всякое время выгнать ихъ безъ всякаго вознагражденія. Ирланды желали болѣе всего гарантій противъ этого произвола; они требовали «прочной аренды», т. е. правъ для крестьянина на обрабатываемую имъ землю.

1843 годъ былъ годомъ усиленной агитаціи. О'Коннель утверждалъ, что королева имѣетъ право созвать ирландскій парламентъ и предсказывалъ, что этотъ парламентъ будетъ созванъ до истеченія года. Втеченіе трехъ мѣсяцевъ въ Ирландіи было до тридцати громадныхъ митинговъ. Митингъ въ Тара, на которомъ присутствовало, какъ говорятъ, до 250,000 человѣкъ, вотировалъ возстановленіе ирландскаго парламента. О'Коннель объявилъ, что онъ побѣдитъ «законными, мирными и конституціонными средствами, электрической силой общественнаго мнѣнія».

Онъ созвалъ громадный митингъ въ Клонтарфѣ, близъ Дублина. Правительство только что передъ тѣмъ провело законъ, воспрещавшій въ Ирландіи имѣть огнестрѣльное оружіе, безъ особаго разрѣшенія. Оно запретило этотъ митингъ и послало войска. О'Коннель, желая остаться на законной почвѣ, убѣдилъ своихъ сторонниковъ разойтись. Не смотря на это, его арестовали, судили съ присяжными, выбранными исключительно изъ протестантовъ, и обвинили въ заговорѣ и возбужденіи ненависти и презрѣнія къ правительству. Приговоръ былъ кассированъ, вслѣдствіе несоблюденія формальностей, и освобожденный О'Коннель былъ торжественно встрѣченъ толпою. Но его здоровье было разрушено, и онъ покинулъ борьбу. Такъ же, какъ мирное хартистское движеніе,—мирная агитація ирландцевъ оказалась безсильной противъ англійской аристократіи, захватившей въ руки правительство. Чтобы остановить оба движенія, было достаточно запрещенія митинга, отряда солдатъ и судебнаго процесса.

Агитація въ пользу свободной торговли (1838—1846 года).—Въ то время какъ хартисты агитировали въ пользу всеобщей подачи голосовъ, а ирландцы—за автономію Ирландіи, партія свободной торговли вела агитацію съ цѣлью добиться уничтоженія системы покровительственныхъ таможенныхъ пошлинъ. Вначалѣ эта партія организовалась въ Лондонѣ, а потомъ (1838 годъ)—въ Манчестерѣ, какъ «лига противъ хлѣбныхъ законовъ» (Anti-corn-law-league), и требовала отмѣны ввозныхъ пошлинъ на хлѣбъ. Обѣ протестантскія аристократіи, управлявшія Англіей, дѣйствовали дружно въ борьбѣ противъ англійской демократіи и противъ ирландскихъ католиковъ; но въ вопросѣ экономическомъ ихъ интересы оказались противоположными. Аристократія земледѣльческая желала сохранить ввозныя пошлины на хлѣбъ, поддерживавшія высокія цѣны на земледѣльческіе продукты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и высокую аренду. Аристократія промышленная стремилась понизить цѣны на хлѣбъ, чтобы понизить рабочую плату. Партія свободной торговли вербовалась преимущественно въ средѣ промышленниковъ и торговцевъ и имѣла своимъ центромъ Манчестеръ, гдѣ было выстроено особое зданіе—*Free Trade Hall*—для помѣщенія клуба свободной торговли. Оффиціальнымъ главой партіи былъ депутатъ Вилье, но движеніемъ руководилъ торговецъ ситцами Кобденъ, посвятившій ему всю свою жизнь, и радикальный ораторъ Брайтъ. Послѣдній потребовалъ въ парламентѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Палата отвергла это требованіе большинствомъ 342 голосовъ противъ 195 (1839 годъ). Тогда партія прибѣгла къ тактикѣ радикаловъ,—къ агитаціи путемъ митинговъ и рѣчей. Кобденъ и Брайтъ объѣздили всю Англію, читая публичныя лекціи. Они доказывали, что пошлины на хлѣбъ выгодны только для землевладѣльцевъ и вредны для всѣхъ остальныхъ классовъ населенія: для рабочихъ потому, что возвышаютъ цѣны на съѣстные припасы, для торговцевъ и промышленниковъ—потому, что препятствуютъ иностранцамъ продавать свой хлѣбъ англичанамъ и взамѣнъ этого—покупать англійскія произведенія.

Лига привлекла на свою сторону промышленниковъ и была поддержана рабочими, которые устраивали манифестаціи одновременно и въ пользу Хартіи, и противъ хлѣбныхъ законовъ. Либеральное министерство предложило небольшую реформу: установленіе постоянной пошлины въ 8 шиллинговъ съ бушеля,—но осталось въ меньшинствѣ (1841 годъ). Ему наслѣдовало консервативное министерство Пиля, опиравшееся на враждебное реформѣ большинство изъ землевладѣльцевъ. Но Пиль не былъ упорнымъ консерваторомъ. Какъ и въ 1829 г., во время эмансипаціи католиковъ, онъ и теперь принималъ въ соображеніе практическія условія и былъ сторонникомъ мѣръ, наиболѣе выгодныхъ для страны. Онъ началъ съ того, что возстановилъ равновѣсіе въ бюджетѣ, снова введя уничтоженный въ 1815 году налогъ на доходы, превышавшіе 150 фунтовъ стерлинговъ. Установленный въ видѣ временной мѣры, этотъ налогъ не былъ впослѣдствіи отмѣненъ и легъ въ основу англійской податной системы. Пиль также провелъ, не смотря на противодѣйствіе одной изъ фракцій своей собственной партіи, уменьшеніе пошлинъ на хлѣбъ (1842 годъ). Равновѣсіе въ бюджетѣ было возстановлено, и даже вмѣсто дефицита получилось превышеніе доходовъ надъ расходами. Пиль воспользовался этимъ для проведенія второй реформы въ духѣ свободной торговли: онъ отмѣнилъ послѣднія пошлины на вывозъ и, не смотря на протестъ своей собственной партіи, понизилъ ввозныя пошлины.

Сохраняя ввозныя пошлины на хлѣбъ, Пиль надѣялся настолько поддержать туземное его производство, чтобы, въ случаѣ войны, Англія была независима отъ иностранцевъ. Голодъ 1845 года доказалъ ему, что увеличившееся населеніе уже

не можетъ прокормиться одними отечественными сельскими продуктами. Внезапно появившаяся болѣзнь картофеля, лишившая ирландцевъ ихъ главной пищи, породила голодъ, отъ котораго погибли въ Ирландіи тысячи людей. Чтобы спасти ирландцевъ отъ голодной смерти, Пиль рѣшился потребовать отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ; его товарищи по министерству не согласились на это, и Пиль подалъ въ отставку. Но либеральная партія не могла составить министерства. Пиль вновь взялъ въ свои руки власть и добился отмѣны хлѣбныхъ законовъ, благодаря поддержкѣ либеральнаго меньшинства, но вопреки большинству своей собственной партіи. Отмѣна была вотирована 223 либералами и 104 консерваторами противъ 229 консерваторовъ. Веллингтонъ провелъ ее въ палатѣ лордовъ (1846 годъ).

Хартистское и ирландское движенія были остановлены сопротивленіемъ обоихъ господствовавшихъ классовъ; уничтоженіе хлѣбныхъ законовъ было навязано земледѣльческой аристократіи промышленною буржуазіей.

Законы въ пользу рабочихъ.—Между тѣмъ какъ рабочіе устраивали манифестаціи въ пользу радикальной политической реформы, нѣкоторые филантропы задались цѣлью улучшить положеніе рабочихъ, занятыхъ въ крупной промышленности, посредствомъ небольшихъ частныхъ реформъ. Это не были радикалы; нѣкоторые принадлежали даже къ консервативной партіи (Эшли); другіе были евангелическими христіанами (Кингсли, Деннисонъ), тронутыми страданіями бѣдныхъ. Они дѣйствовали подъ вліяніемъ гуманности или христіанской любви къ ближнему и требовали законовъ для защиты рабочихъ отъ безконтрольной власти хозяевъ. Имъ стоило большихъ усилій, чтобы привлечь на свою сторону парламентъ. Тогда всѣ либеральныя школы политической экономіи учили, что государство не можетъ вмѣшиваться въ отношенія между рабочими и хозяевами, и должно предоставить имъ самимъ установленіе условій труда по взаимному соглашенію, никогда не вмѣшиваясь въ это дѣло; всякій законъ, имѣвшій цѣлью регулировать эти условія, считался нарушеніемъ «свободы частныхъ договоровъ».

Реформаторы занялись прежде всего самыми несчастными труженниками, неспособными къ самозащитѣ,—дѣтьми. Еще въ 1802 году эпидемія въ Манчестерѣ вынудила парламентъ принять мѣры для охраны «приходскихъ учениковъ», т. е. дѣтей бѣдняковъ, получающихъ пособіе; приходъ отдавалъ этихъ учениковъ въ наймы промышленникамъ, которые заставляли ихъ работать на бумаго-прядильныхъ фабрикахъ днемъ и ночью, начиная съ 7-лѣтняго возраста. Законъ 1802 года воспретилъ фабрикантамъ заставлять дѣтей работать болѣе 12 часовъ въ сутки. Но это запрещеніе относилось только къ дѣтямъ бѣдныхъ, получающихъ пособіе.

Въ 1831 году было рѣшено образовать комиссію для изученія вопроса о дѣтскомъ трудѣ. Она обнаружила столь плачевные факты, что филантропъ Эшли добился закона о фабрикахъ (factory act) 1833 года. Этотъ законъ распространялъ покровительственныя мѣры на всѣхъ дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, каково бы ни было положеніе ихъ родителей. Онъ запрещалъ заставлять работать больше 8 часовъ въ день (48 часовъ въ недѣлю) дѣтей моложе 13 лѣтъ, и больше 12 часовъ (69 часовъ въ недѣлю),—подростковъ отъ 13 до 18-лѣтняго возраста; онъ запретилъ также ночную работу. Для наблюденія за исполненіемъ закона были учреждены особые фабричные инспекторы. Это было первою брешью въ прежней системѣ, предоставлявшей хозяевамъ неограниченную власть на ихъ фабрикахъ и заводахъ;—началомъ рабочаго законодательства и учрежденія въ Англіи особаго персонала фабричной инспекціи.

Рабочее законодательство развивалось медленно рядомъ незначительныхъ мѣръ, которыя приходилось одну за другою отвоевывать у депутатовъ. Консервативная партія помогала проводить ихъ изъ вражды къ промышленникамъ, входившимъ въ составъ либеральной партіи.

Законъ воспретилъ (truck) систему платежа рабочимъ натурой (хозяинъ держалъ лавочку и принуждалъ рабочихъ покупать въ ней все необходимое, причемъ удерживалъ изъ рабочей платы стоимость забраннаго товара).

Законъ воспретилъ работу дѣтей у трубочистовъ.

Очень важною реформой былъ законъ о работѣ въ рудникахъ и угольныхъ копяхъ, вотированный въ 1842 году, послѣ потрясающаго доклада. Было обнаружено, что пятилѣтнихъ дѣтей заставляли работать по двадцати часовъ въ сутки въ рудникахъ, дурно провѣтриваемыхъ и наполненныхъ водою, вмѣстѣ съ взрослыми негодяями, очень дурно съ ними обращавшимися; обнаружилось также, что едва двадцатая часть работавшихъ въ копяхъ мальчиковъ умѣла читать; что дѣвушекъ впрягали въ телѣжки съ каменнымъ углемъ, и онѣ должны были тащить ихъ по галлереямъ настолько низкимъ, что въ нихъ нельзя было выпрямиться. Парламентъ принялъ радикальную мѣру: онъ запретилъ подземную работу женщинамъ и дѣтямъ моложе десятилѣтняго возраста и учредилъ особыхъ инспекторовъ для рудниковъ.

Законъ 1844 года запретилъ употреблять на работу въ ткацкомъ и прядильномъ производствѣ дѣтей моложе 9 лѣтъ; для остальныхъ дѣтей законъ сократилъ рабочее время и обязалъ посылать ихъ въ школы.

Законъ 1847 года запретилъ женщинамъ и дѣтямъ, работавшимъ на фабрикахъ и заводахъ, работать больше 10 часовъ въ сутки.

Мало-по-малу рабочее законодательство распространилось почти на всѣ отрасли промышлен-

ности. Въ 1878 году всѣ эти отдѣльныя мѣры были соединены въ особый кодексъ. Эти законы защищали только женщинъ и дѣтей, такъ какъ предполагалось, что взрослые рабочіе способны сами защищать себя: однако, на практикѣ, въ мастерскихъ, гдѣ работали и женщины, и мужчины, продолжительность рабочаго дня опредѣлялась максимумомъ, установленнымъ закономъ для женщинъ, и мужчины могли этимъ воспользоваться.

Ирландскій кризисъ (1845—1848 гг.).— Послѣ того, какъ англійское правительство подавило въ Ирландіи легальную агитацію въ пользу автономіи, большая часть національной партіи, повинуясь О'Коннелю и католическимъ священникамъ, рѣшила смириться. Но наиболѣе пылкая молодежь отдѣлилась отъ нея и образовала *Молодую Ирландію*, порвавшую съ О'Коннелемъ. Это была демократическая и революціонная партія, не желавшая повиноваться духовенству и заявлявшая о необходимости завоевать независимость Ирландіи съ оружіемъ въ рукахъ.

Пиль пытался примирить съ Англіей партію мирныхъ ирландцевъ. Чтобы склонить на свою сторону духовенство, онъ, не смотря на яростныя петиціи протестантовъ, увеличилъ съ 900 до 26,000 фунтовъ стерлинговъ государственную субсидію Майнуской семинаріи, въ которой получали образованіе ирландскіе священники (1845 г.). Чтобы привлечь на свою сторону крестьянъ, Пиль образовалъ комиссію для изысканія средствъ къ улучшенію положенія ирландскихъ арендаторовъ. Затѣмъ онъ предложилъ распространить на всю Ирландію порядки, примѣнявшіеся къ крестьянамъ протестантской сѣвѣро-восточной части Ирландіи (Ульстеръ). Но палата лордовъ отвергла этотъ законопроектъ (1845 г.), и реформа не удалась. Пиль пытался ослабить взаимную ненависть протестантовъ и католиковъ учрежденіемъ при дублинскомъ университетѣ трехъ нейтральныхъ колледжей; но ирландское духовенство отвергло ихъ.

Затѣмъ появилась болѣзнь картофеля (1845 г.) и страшный голодъ 1846 г. Голодающіе являлись въ города и подбирали всякіе отбросы; они ѣли траву и мохъ; дороги были усѣяны трупами. Излишекъ населенія погибъ отъ нищеты или эмигрировалъ въ Америку. Число жителей Ирландіи съ 8.170,000 быстро упало до 6.500,000 въ 1851 г. и съ тѣхъ поръ оно постоянно уменьшалось (5.100,000 въ 1881 г., 4.700,000 въ 1891 г.).

Чтобы подавить революціонеровъ, Пиль предложилъ объявить Ирландію въ осадномъ положеніи. Консерваторы-протекціонисты воспользовались случаемъ отмстить министерству за отмѣну хлѣбныхъ законовъ и вотировали вмѣстѣ съ либералами. Оставшись въ меньшинствѣ, Пиль вышелъ въ отставку. Министерство Росселя, составленное изъ либераловъ и консерваторовъ—сторонниковъ Пиля,—продолжало его политику.

Оно предложило оградить ирландскихъ арендаторовъ отъ произвола землевладѣльцевъ и подвергнуть продажѣ имѣнія, слишкомъ обремененныя долгами (болѣе половины земельныхъ доходовъ поглощалось въ Ирландіи процентами по закладнымъ). Министерство надѣялось посредствомъ этой продажи замѣнить задолжавшихъ собственниковъ болѣе состоятельными людьми, которые были бы въ состояніи брать съ крестьянъ менѣе высокую арендную плату. Но парламентъ, вотировавъ законъ о продажѣ задолженныхъ имѣній (1848 г.), отвергъ всѣ проекты, направленные къ огражденію крестьянъ-арендаторовъ. Новые землевладѣльцы продолжали выгонять крестьянъ съ своей земли; а крестьяне продолжали мстить за это убійствами.

Революція 1848 г. вызвала сильное возбужденіе въ Молодой Ирландіи. Были основаны ирландскіе клубы и былъ посланъ адресъ временному правительству Франціи съ просьбою о помощи. Англійское правительство провело исключительные законы и арестовало 118 вождей ирландской революціонной партіи. Вооруженная толпа ирландцевъ попыталась произвести возстаніе. Полиція окружила ее и забрала на картофельномъ полѣ. Вожди были сосланы (1848 г.). Политическая жизнь въ Ирландіи снова остановилась.

Періодъ бездѣйствія и демократической эволюціи (1849—1865 г.).—Отмѣна хлѣбныхъ законовъ разбила консервативную партію на двѣ фракціи и вслѣдствіе этого надолго ее ослабила. Протекціонистское большинство ея членовъ понемногу снова сплотилось сначала подъ руководствомъ Бентинка (умершаго въ 1848 г.), а потомъ Дерби и Дизраели. Отщепенцы, послѣдовавшіе за Пилемъ (peelites), при его обращеніи въ приверженца свободной торговли, примкнули къ либераламъ. Либеральная партія, оставшаяся въ меньшинствѣ съ 1841 г., вновь пріобрѣла большинство, послѣ распущенія палаты въ 1847 г., и сохраняла его вплоть до реформы 1867 г.; она поглотила пилитовъ, вводя ихъ въ составъ всѣхъ либеральныхъ министерствъ. Одинъ изъ нихъ, Гладстонъ, кончилъ тѣмъ, что сталъ главою либеральной партіи.

Не смотря на то, что большинство въ палатѣ оставалось на сторонѣ либераловъ, министерство мѣнялось нѣсколько разъ, вслѣдствіе соперничества между двумя вождями либеральной партіи—Росселемъ и Пальмерстономъ; благодаря этому соперничеству, консервативная партія два раза возвращалась къ власти на нѣсколько мѣсяцевъ (1852, 1858—1859 г.). Это былъ періодъ политическаго бездѣйствія. Либеральная партія уже исчерпала свою программу реформъ. Вся ея дѣятельность ограничилась тѣмъ, что она окончательно установила въ Англіи свободную торговлю, отмѣнивши навигаціонный актъ (1849 г.), а потомъ почти всѣ таможенныя пошлины, и заключила съ Франціей торговый трактъ въ 1860 г. Она

немного увеличила субсидію школамъ (164,000 фунтовъ стерлинговъ въ 1851 г.; 813,000 въ 1861 г.) и установила распредѣленіе этой субсидіи, пропорціонально числу учениковъ (1853 г.). Въ то время вниманіе общественной жизни Англіи поглощала внѣшняя политика. Государственный переворотъ (Coup d'Etat), совершенный Наполеономъ, вынудилъ Пальмерстона выйти въ отставку, такъ какъ онъ одобрялъ этотъ переворотъ. Крымская война возвратила его къ власти (1855 г.); возстаніе сипаевъ повлекло за собою уничтоженіе Индійской торговой компаніи; китайская война, неодобренная палатой, повлекла за собою ея распущеніе; причемъ новые выборы дали Пальмерстону большинство; дѣло бомбъ Орсини (1858 г.) вызвало паденіе Пальмерстона. Наконецъ, послѣ непродолжительнаго консервативнаго министерства, Пальмерстонъ вновь вступилъ во власть (1859 г.) и сохранилъ ее до своей смерти (1865 г.).

Это былъ періодъ матеріальнаго благосостоянія Англіи. Англійская торговля, промышленность и богатство быстро возрастали; число бѣдныхъ, получающихъ пособіе, понизилось съ 1.429,000 въ 1842 г. (максимумъ) до 890,000 въ 1861 г. Число преступниковъ съ 31.000 въ 1842 г. (максимумъ) понизилось до 18,000 въ 1861 г. Правительство возвысило пошлины на водку (съ 2 на 16 шиллинговъ) и понизило ее на чай (съ 26 на 6 пенсовъ); вслѣдствіе этого уменьшилось и пьянство. Положеніе рабочихъ улучшалось. Въ это именно время ремесленные союзы *(trade-unions)* образовали мало по-малу одну центральную организацію, которая впослѣдствіи объединяла дѣятельность рабочихъ. Эта центральная организація создалась безъ общаго плана, подъ непосредственнымъ вліяніемъ практическихъ потребностей. Вначалѣ всякій trade-Union былъ только союзомъ рабочихъ одного ремесла, жившихъ въ одномъ городѣ, и въ сущности былъ простымъ обществомъ взаимопомощи, съ кассою, пополнявшеюся постоянными и правильными взносами, съ цѣлью выдачи пособія на похороны, въ случаѣ болѣзни, безработицы или перемѣны мѣстожительства. Общество избирало правленіе, которое служило его представителемъ и договаривалось съ хозяевами о всемъ, что касалось общихъ интересовъ рабочихъ. Многіе изъ этихъ *союзовъ* имѣли особую кассу на случай стачки, но она пополнялась спеціальными взносами.

Союзы различныхъ ремеслъ одного и того же города и *союзы* одного и того же ремесла въ разныхъ городахъ естественно образовали федераціи, съ цѣлью принимать въ свою среду рабочихъ, перемѣщавшихся изъ одного города въ другой, и придавать единство общимъ рѣшеніямъ, принимавшимся рабочими извѣстнаго раіона. Каждая изъ этихъ федерацій также имѣла свое правленіе, составленное изъ избранныхъ делегатовъ. Наконецъ образовалась объединенная ассоціація всѣхъ *союзовъ* одного и того же ремесла во всей Англіи или во всей Шотландіи, или во всей Великобританіи. Когда надо было принять общее рѣшеніе, созывали конгрессъ делегатовъ; но для текущихъ дѣлъ, въ особенности же для счетоводства, которое становилось очень сложнымъ, оказалось недостаточнымъ добровольцевъ рабочихъ, посвящавшихъ письмоводству свои вечера; пришлось учредить особыхъ секретарей, избираемыхъ изъ среды рабочихъ же товарищами и получавшихъ жалованье. Эти секретари, поступая на службу союза, должны были бросать свое ремесло. Такимъ образомъ составился генеральный штабъ рабочихъ, занятый спеціально защитою рабочихъ интересовъ.

Общее движеніе англійскихъ рабочихъ, послѣ долгаго перерыва (съ 1843 года), возобновилось, на этотъ разъ подъ руководствомъ вождей изъ самихъ рабочихъ и съ опредѣленною, ограниченною цѣлью. Секретари важнѣйшихъ ассоціацій, слесарей-механиковъ, плотниковъ, каменщиковъ, жившіе въ Лондонѣ, привыкли входить въ соглашеніе между собой по общимъ дѣламъ. Затѣмъ они добились особаго центральнаго учрежденія—совѣта всѣхъ ремесленныхъ союзовъ. Оффиціально эта организація оставалась чуждою политикѣ. Она имѣла въ виду только объединить рабочихъ, чтобы они могли коллективно договариваться съ хозяевами объ условіяхъ труда. Въ противуположность хартистамъ, вожди рабочаго движенія отвергали всякую политическую программу. Они усвоили либеральную доктрину англійской буржуазіи, не допускавшую вмѣшательства государства въ отношенія между рабочими и хозяевами. Они разсчитывали, что съ помощью союзовъ рабочіе будутъ достаточно сильны, чтобы бороться съ хозяевами. Но ихъ стѣсняли законы, ограничивавшіе право стачекъ; чтобы добиться отмѣны этихъ законовъ, необходимо было воздѣйствовать на депутатовъ; такимъ образомъ они поняли необходимость пріобрѣсти силу на выборахъ и, отказавшись отъ политическаго бездѣйствія, соединились съ радикалами, чтобы требовать распространенія избирательнаго права на рабочихъ.

Избирательная реформа 1867 года.—Послѣ смерти Пальмерстона (1865 г.) вновь былъ поставленъ вопросъ о реформѣ. Два проекта избирательной реформы уже были отвергнуты палатою; одинъ былъ представленъ консервативнымъ министерствомъ (1859 г.); другой—либеральнымъ (1860 г.). Новое либеральное министерство (Россель-Гладстонъ) внесло законопроектъ (1866 г.), понижавшій размѣръ дохода, которымъ обусловливалось избирательное право; но часть либеральной партіи, прозванная *адулламитами* *), присоединилась къ консерваторамъ,

*) Намекъ на одно мѣсто въ Библіи, гдѣ говорится, что Адулламъ хотѣлъ убить Давида.

чтобы вотировать поправку, которая требовала, чтобы этотъ доходъ быдъ внесенъ въ списки подоходнаго налога; это устраняло изъ числа избирателей всѣхъ квартирантовъ, т. е. большую часть рабочихъ. Либеральное министерство вышло въ отставку (1866 г.) и было замѣщено консервативнымъ (Дерби-Дизраели).

Консервативная партія была въ меньшинствѣ. Министерство держалось, благодаря коалиціи консерваторовъ и адулламитовъ, которые не желали избирательной реформы.

Тогда въ дѣло вмѣшались рабочіе. Возобновивъ тактику радикаловъ тридцатыхъ годовъ, они стали собирать громадные митинги. Движеніемъ руководила «Національная лига въ пользу реформы», комитетъ которой былъ составленъ частью изъ оффиціальныхъ представителей рабочихъ, секретарей ремесленныхъ союзовъ *(Trade-unions)*. На митингѣ въ Трафальгарскомъ скверѣ, въ Лондонѣ было провозглашено слѣдующее: «Палата общинъ, избираемая только частью взрослаго мужского населенія страны, составляетъ нарушеніе принциповъ и духа конституціи и насмѣшку надъ ними; крамольная оппозиція умѣренной реформы со стороны торіевъ и лже-либераловъ, а равно оскорбительныя выраженія ихъ *о рабочихъ классахъ*, обязываютъ либераловъ всей страны сплотиться, чтобы добиваться болѣе правильнаго представительства націи вплоть до избирательнаго права для всѣхъ взрослыхъ мужчинъ, имѣющихъ постоянное мѣстожительство» (2 іюля 1866 г.). Другой митингъ былъ созванъ въ Гайдъ-паркѣ. Правительство велѣло запереть ворота. Толпа, не обращая вниманія на полицію, выломала рѣшетки и ворвалась въ паркъ. Правительство удалило полицію. Затѣмъ, до конца 1866 г. происходили митинги во всѣхъ большихъ промышленныхъ городахъ Сѣверо-Запада и Шотландіи. На нихъ требовали всеобщаго избирательнаго права.

Консервативное министерство отказывалось представить опредѣленный проектъ избирательной реформы. Наконецъ, опасаясь, чтобы его не покинули его либеральные союзники, *адулламиты*, Дизраели согласился внести такой проектъ (мартъ 1867 г.), объявивъ, что правительство возвращается къ своей «первоначальной политикѣ». Три недовольные министра вышли въ отставку. Проектъ Дизраели, значительно измѣненный палатою, и сдѣлался избирательною реформою 1887 г. (въ Шотландіи и Ирландіи она была введена въ 1868 г.).

Такъ же какъ и въ 1832 г. это была частичная реформа, состоявшая изъ двухъ отдѣльныхъ мѣръ: перераспредѣленія депутатскихъ мѣстъ и пониженія избирательнаго ценза. Перераспредѣленіе отняло 53 депутатскихъ мѣста у мѣстечекъ (11 изъ нихъ были вовсе лишены представительства, а у 35 осталось по одному депутату); изъ нихъ 19 были переданы разнымъ англійскимъ избирательнымъ коллегіямъ, 9—Шотландіи и 30—графствамъ. Право голоса въ графствахъ было дано всякому, кто занималъ домъ, приносящій 12 фунтовъ стерлинговъ дохода; въ мѣстечкахъ — всякому владѣльцу или нанимателю дома, внесеннаго въ податные списки *(poor-tax)*; въ городахъ-же—всякому платящему за квартиру не менѣе 10 фунт. стерлинговъ.

Эта реформа не уничтожила неравномѣрности представительства въ графствахъ. Было высчитано, что 125 депутатовъ представляли $12^1/_2$ милліоновъ душъ, а 158 депутатовъ—$7^1/_2$ милліоновъ; города и мѣстечки съ населеніемъ ниже 50,000 душъ имѣли 230 депутатовъ, представлявшихъ 3.280,000 жителей; а города съ населеніемъ выше 50,000 душъ имѣли 130 депутатовъ на 11.537,000 жителей.—Реформа сохраняла за правомъ голоса характеръ привилегіи. Она требовала также, чтобъ избиратель прожилъ въ одномъ мѣстѣ не менѣе года. Но она увеличила число избирателей на 50 процентовъ въ англійскихъ графствахъ, на 200 процентовъ въ англійскихъ городахъ и мѣстечкахъ и на 300 процентовъ въ шотландскихъ городахъ и мѣстечкахъ. Она была наиболѣе благопріятна для городовъ. Фактически она давала право голоса большей части рабочихъ. Такимъ образомъ Англія перешла къ демократическому строю.

ГЛАВА IV.

Демократическая Англія.

Условія политической жизни.—Реформы перваго министерства Гладстона.—Законы о ремесленныхъ союзахъ.—Имперьялистская политика консервативнаго министерства.—Образованіе партіи Ирландскаго самоуправленія Гомъ-Руля.—Аграрная лига.—Борьба либеральнаго министерства съ ирландской партіей.—Гомъ-Руль.—Избирательная реформа.—Распаденіе либеральной партіи.—Управленіе уніонистской коалиціи.—Образованіе соціалистическихъ партій.—Лига въ пользу націонализаціи земли.—Соціальная демократическая федерація.—Попытки либеральнаго министерства.—Возвращеніе къ власти уніонистовъ.—Политическая эволюція Англіи въ XIX стол. Соединенное королевство Великобританіи и Ирландіи.

Условія политической жизни.—Избирательная реформа 1867 г., измѣнивъ составъ избиратей, измѣнила и условія политической жизни въ Англіи. Число избирателей значительно увеличилось; выборы начали чаще сопровождаться борьбой. На выборахъ въ городахъ и мѣстеч-

кахъ большинство зависѣло отъ рабочихъ. Почти повсюду избиратели стали составлять слишкомъ большую народную массу, чтобы какой-нибудь мѣстный воротила могъ подкупить ее или подчинить себѣ.

Партіи должны были приспособляться къ этому демократическому перерожденію страны; онѣ усвоили обычай, выработанный демократіей Соединенныхъ Штатовъ,—учреждать постоянные комитеты, для пропаганды и общаго руководительства дѣйствіями партіи во время выборовъ. Примѣръ былъ поданъ либеральной партіей, образовавшей лигу, центръ которой находился въ Бирмингамѣ; консервативная партія послѣдовала этому примѣру. Извѣстная организація партій уже существовала въ парламентѣ, такъ какъ каждая изъ нихъ имѣла тамъ своего признаннаго вождя (*leader*) и своихъ «загонщиковъ» (*whippers-in*), на обязанности которыхъ лежало созывать на засѣданіе палаты членовъ своей партіи. Парламентъ сохранилъ свои старинные обычаи: депутаты не получали жалованья и голоса подавались ими лично (раздѣленіемъ на двѣ группы). Принужденные заниматься своими личными дѣлами, депутаты часто принуждены выѣзжать изъ Лондона, и ихъ приходится созывать, когда является надобность въ ихъ голосахъ.

Каждая партія создала соотвѣтствующую организацію, стараясь охватить ею всѣхъ своихъ избирателей: каждая имѣетъ постоянный центральный комитетъ и мѣстные комитеты. Такъ-же какъ въ Соединенныхъ Штатахъ избирательныя программы кандидатовъ сдѣлались манифестами всей партіи; каждая партія стремится выразить свою программу въ одной сжатой и сильной формулѣ, которая могла бы служить боевымъ кличемъ ея сторонникамъ.

Депутаты стали въ бо́льшую зависимость отъ избирателей, а палата явилась болѣе вѣрною представительницею страны. Парламентарный режимъ дѣйствовалъ болѣе правильно; палата сдѣлалась единственнымъ носителемъ верховной власти, ни одно министерство не пыталось управлять страною, не имѣя большинства въ палатѣ общинъ. Почва дѣятельности партій осталась прежнею. Консервативная партія опирается попрежнему на избирателей англійскихъ графствъ, т. е. на деревни, гдѣ продолжаютъ господствовать англиканское духовенство и дворянство. Партію либеральную поддерживаютъ города и мѣстечки, особенно въ промышленныхъ округахъ Сѣвера и Запада Англіи; она имѣетъ также на своей сторонѣ англійскихъ диссидентовъ, враждебныхъ духовенству, и почти всю Шотландію, страну демократическую. Силы этой партіи на выборахъ увеличились; но въ палатѣ она преобразовалась. Прежніе виги—аристократы, враждебные рабочимъ, мало-по-малу исчезли; появилось новое поколѣніе буржуазныхъ радикаловъ, избираемыхъ рабочими и поддерживающихъ демократическую программу. Англійская система баллотировки съ относительнымъ большинствомъ, вынуждаетъ всѣхъ противниковъ консервативной партіи подавать свои голоса за какого-нибудь одного кандидата и препятствуетъ образованію особой радикальной партіи. Либеральная партія обратилась въ постоянный союзъ прежнихъ либераловъ и радикаловъ, и этотъ союзъ мало-помалу принялъ радикальную программу. Глава либеральной партіи, Гладстонъ, начавшій свою карьеру консерваторомъ, приверженцемъ Пиля, дошелъ путемъ непрерывной эволюціи до радикализма.

Консервативная партія сохранила свою политику, заключающуюся въ томъ, чтобы бороться до послѣдней возможности противъ новыхъ реформъ, но подчиниться имъ, когда онѣ приняты окончательно. Однако и консервативная партія также приняла болѣе демократическую окраску.

Реформы перваго министерства Гладстона (1868—1874 г.).—Консервативное министерство, главою котораго, за удаленіемъ Дерби, сдѣлался Дизраели (февраль 1868 г.), держалось до конца 1868 г., хотя и не имѣло большинства въ палатѣ общинъ. Чтобы приступить къ выборамъ новой палаты, ожидали составленія новыхъ избирательныхъ списковъ, согласно закону 1867 года. Выборы, произведенные на основаніи новаго избирательнаго закона, дали либераламъ очень значительное большинство (387 противъ 271), доставленное городами и Шотландіей. *Аду́ллами́ты* (аристократическіе виги) исчезли; либералы, избранные союзомъ либеральныхъ и радикальныхъ избирателей, явились въ палату съ программой реформы, которую они выставляли передъ избирателями; въ сущности у нихъ было двѣ программы.

Глава коалиціи либераловъ и радикаловъ, либеральный-консерваторъ Гладстонъ выдвигалъ на первое мѣсто Ирландскую реформу. Глава радикаловъ, Брайтъ, требовалъ сверхъ того даро́вого начальнаго обученія, аграрной реформы, имѣвшей въ виду надѣленіе крестьянъ землею, отмѣны таможенной пошлины на чай и сахаръ», чтобъ доставить рабочимъ «дешевый завтракъ, и сокращенія расходовъ на флотъ и армію.

Такъ-же какъ и послѣ реформы 1832 года, новая избирательная реформа оживила парламентскую дѣятельность, и либеральное большинство предприняло рядъ преобразованій, чтобы удовлетворить своихъ союзниковъ—ирландцевъ и радикаловъ. Гладстонъ началъ съ Ирландіи. Послѣ голода и эмиграціи 1848 г., ирландцы переживали продолжительный періодъ упадка, во время котораго политическая жизнь замерла, такъ что въ Англіи объ Ирландіи почти забыли. Но при помощи ирландцевъ, переселившихся въ Америку, образовалась новая національная партія. Она приняла форму тайнаго общества, съ присягой, ночными собраніями и символическимъ знаменемъ

члены ея назвались *феніями* (это имя заимствовано изъ легендарной исторіи Ирландіи). Это была партія революціонная и республиканская; она задалась цѣлью основать ирландскую республику, путемъ вооруженнаго возстанія противъ Англіи. Она разсчитывала на ирландцевъ, служившихъ во время американской войны въ арміяхъ сѣверныхъ и южныхъ штатовъ. Она надѣялась также привлечь на свою сторону ирландскихъ солдатъ, очень многочисленныхъ въ англійской арміи. Ирландское населеніе тайно поддерживало это движеніе (въ 1861 г. произошли даже грандіозныя манифестаціи въ честь національныхъ ирландскихъ мучениковъ). Правительство захватило тайную типографію феніанской газеты, вожди партіи были арестованы, преданы суду и обвинены (1865 г.). Но партія возродилась. Феніи, остававшіеся въ Соединенныхъ Штатахъ, пытались вторгнуться въ Канаду. Феніи, прибывшіе изъ Америки—офицеры и солдаты американской арміи,—подготовили общее возстаніе въ Ирландіи (мартъ 1867 г.), окончившееся неудачей. Феніи пытались также дѣйствовать въ самой Англіи: одинъ изъ нихъ, Келли, американскій генералъ, составилъ заговоръ съ цѣлью овладѣть оружіемъ честерскаго арсенала. Онъ былъ арестованъ. Банда феніевъ напала на карету, въ которой его везли, и освободила его. Три человѣка изъ этой банды были казнены и прославлены ирландцами какъ мученики. Другой феніанскій генералъ содержался въ лондонской тюрьмѣ; чтобы освободить его, произвели попытку взорвать тюрьму (1867 г.).

Эти два происшествія обратили на себя вниманіе англичанъ. Гладстонъ заявилъ, что реформа въ Ирландіи сдѣлалась необходимой. Подобно Пилю въ 1845 г., онъ не предлагалъ удовлетворить революціонеровъ дарованіемъ Ирландіи автономіи, а хотѣлъ только успокоить массу населенія, духовенство и крестьянъ. «Надобно,—говорилъ онъ,—чтобы ирландцы такъ-же уважали законъ, какъ уважаютъ его англичане; а чтобы достичь этого, необходимо, чтобы ирландцы полюбили законъ и убѣдились, что онъ ихъ другъ, а не врагъ».

Согласно этой программѣ, министерство провело въ палатѣ двѣ слѣдующія реформы.

1) Оно лишило англиканскую церковь въ Ирландіи характера государственной церкви *), отнявъ у нея судебную власть и право взиманія десятины. Оно отобрало у нея церковныя имѣнія **), оцѣненныя въ 16 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, и раздѣлило ихъ на три части: большая часть была возвращена англиканской церкви, которая должна была преобразоваться въ корпорацію безъ оффиціальнаго характера; другую часть (наименьшую) предназначили на пособіе двумъ другимъ ирландскимъ церквамъ—пресвитерьянской и католической; наконецъ, третью часть опредѣлили на благотворительныя учрежденія (больницы и пріюты). Это не было радикальною реформою; англиканская церковь въ Ирландіи сохранила свои зданія и была еще очень богата; но реформа уничтожила оскорбительное для большинства оффиціальное неравенство церквей (1869—1871 годъ).

2) Чтобъ улучшить положеніе крестьянъ, министерство провело земельный билль (Landact) 1870 г. Эта реформа возводила въ общій законъ обычай протестантской провинціи Ульстеръ, гдѣ землевладѣлецъ не имѣлъ права удалить арендатора иначе, какъ давъ ему вознагражденіе и уплативъ за всѣ произведенныя имъ на землѣ улучшенія. Это ульстерское «право арендатора» было распространено на остальныя три католическія провинціи. Этимъ надѣялись оградить ирландскихъ крестьянъ отъ произвольнаго выселенія ихъ помѣщикомъ. Но мѣра эта оказалась недостаточною, такъ какъ землевладѣльцы сохраняли право *свободнаго* заключенія контрактовъ о наймѣ земли, и пользовались этимъ, чтобы вынуждать крестьянъ отказываться отъ выгодъ, предоставляемыхъ имъ новымъ закономъ.

Въ то же время, съ цѣлью обуздать революціонеровъ, министерство провело законъ, подчинявшій Ирландію исключительнымъ мѣрамъ. Въ Англіи, чтобы удовлетворить радикаловъ, либеральное министерство произвело реформу въ первоначальномъ образованіи. Старые либералы удовлетворялись субсидіями частнымъ школамъ; въ основаніи закона 1870 года былъ положенъ принципъ обязательнаго начальнаго обученія. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ число частныхъ школъ казалось недостаточнымъ, правительство было уполномочено учреждать школьныя комиссіи (*school board*), избираемыя плательщиками налоговъ; эти комиссіи имѣли право установлять особые налоги для постройки школьныхъ зданій и содержанія школъ, а также обязывать родителей посылать дѣтей въ школы и освобождать бѣдныхъ отъ платежа за обученіе. Эти общественныя школы не должны принадлежать къ какому-нибудь вѣроисповѣданію, но въ нихъ объясняли Библію. Центральный школьный комитетъ сдѣлался своего рода министерствомъ народнаго просвѣщенія; на него возлагалась обязанность учреждать школы и руководить ими. Такимъ образомъ была установлена система безвозмезднаго, обязательнаго и свѣтскаго обученія; но рядомъ съ нею продолжали существовать для желающихъ платныя школы различныхъ вѣроисповѣданій.

Министерство уничтожило давній обычай продажи офицерскихъ чиновъ въ англійской арміи *).

*) Эта мѣра называется *disestablishment*.
**) Эта мѣра называется *disendowment*.

*) Это не была *продажа* чиновъ въ точномъ

Билль прошелъ черезъ палату общинъ, но лорды отвергли его. Тогда министерство произвело реформу административнымъ порядкомъ, не давая разрѣшеній на продажу офицерскихъ патентовъ (1871 г.).

Наконецъ, согласно обѣщанію, данному радикаламъ, министерство измѣнило порядокъ баллотировки на выборахъ. Съ 1832 года радикалы тщетно добивались тайной подачи голосовъ, чтобы поставить избирателей въ бо́льшую независимость и избавить ихъ отъ давленія со стороны духовенства и аристократіи. Реформа 1867 года сохранила прежній порядокъ устной баллотировки; старыя партіи хотѣли сохранить этотъ порядокъ, потому что при немъ землевладѣльцы имѣли возможность слѣдить за подачею голосовъ ихъ арендаторами. Этотъ порядокъ защищали теоретики, утверждая, что подача голоса составляетъ общественную функцію, а потому должна совершаться публично. Наконецъ, въ 1872 г. либеральная партія рѣшилась установить тайную подачу голосовъ. Была принята не французская система обозначенія имени каждаго депутата на отдѣльномъ билетикѣ, а порядокъ, введенный въ англійской демократической колоніи Викторіи, въ Австраліи. Избирательный комитетъ печатаетъ билетики съ именами всѣхъ кандидатовъ; каждый избиратель получаетъ такой билетикъ и отмѣчаетъ на немъ имена лицъ, за которыхъ онъ подаетъ свой голосъ.

Министерство Гладстона хотѣло еще основать свѣтскій университетъ въ Ирландіи (1873 г.), но большинство палаты уже не слѣдовало за нимъ и отвергло проектъ.

Законы о ремесленныхъ союзахъ (trade-unions).—Рабочіе помогли либераламъ добиться избирательной реформы и теперь требовали измѣненія законовъ объ ассоціаціяхъ. Ихъ ремесленные союзы trade-unions были только терпимы; законъ не признавалъ ихъ; законъ 1825 г. (см. глава II) дозволялъ рабочимъ устраивать союзы, но съ такими ограниченіями, что мировые судьи, истолковывая этотъ законъ по своему, приговаривали ихъ къ тюремному заключенію за простые упреки товарищамъ, не вступившимъ въ стачку. Старый законъ, озаглавленный *хозяинъ и рабочій*, установлялъ неравенство между хозяиномъ и рабочимъ. За нарушеніе договора хозяина приговаривали только къ вознагражденію убытковъ; рабочій за то же самое могъ быть приговоренъ къ тюремному заключенію на срокъ до трехъ мѣсяцевъ; мировой судья единоличною властью могъ арестовать его и приговорить къ тюрьмѣ безъ права апелляціи. Въ этого рода дѣлахъ законъ допускалъ хозяина въ качествѣ свидѣтеля, но отказывалъ въ томъ же рабочему. Въ 1867 году было болѣе 10,000 процессовъ противъ рабочихъ.

Въ періодъ промышленнаго процвѣтанія, послѣдовавшаго за 1860 годомъ, произошло сильное рабочее движеніе, въ формѣ стачекъ, съ цѣлью добиться возвышенія рабочей платы и уменьшенія продолжительности рабочаго дня. Хозяева отвѣчали на это закрытіемъ мастерскихъ и, какъ въ 1834 году (см. глава III), требовали отъ рабочихъ, чтобы они не состояли членами синдикатовъ.

Въ Шефильдѣ нѣсколько рабочихъ, изъ мести, прибѣгли къ насиліямъ; былъ даже произведенъ взрывъ (1866 г.). Общественное мнѣніе приписало это насиліе рабочимъ союзамъ, и втеченіе нѣкотораго времени въ Англіи вошло въ моду проклинать ремесленные союзы, ввергавшіе рабочихъ въ нищету, подстрекавшіе ихъ къ мятежу и путемъ угрозъ вынуждавшіе ихъ подчиняться своей тираніи; секретарей ассоціацій изображали эксплуататорами, живущими на счетъ рабочей массы. Правительство учредило комиссію для изслѣдованія насилій, совершенныхъ союзами втеченіе десяти лѣтъ (1857—1867 г.). Въ 1867 году судебный приговоръ установилъ, что *Trade-unions* не должны пользоваться правами обществъ взаимопомощи, потому что они стѣсняютъ промышленность. Однако въ комиссіи секретари рабочихъ федерацій доказали, что союзы не причастны насиліямъ; они доказали, что союзы не только не подстрекали рабочихъ къ стачкамъ, но содѣйствовали ихъ предотвращенію и умѣряли раздраженіе рабочихъ. Обслѣдованіе, направленное противъ союзовъ, обратилось въ ихъ пользу. Свой докладъ комиссія заключила мнѣніемъ, что слѣдовало признать союзы законными и дозволить имъ всякаго рода коаліціи.

Согласно этому мнѣнію, либеральное большинство палаты вотировало законъ 1871 г., который призналъ юридическую правоспособность союзовъ. Но для удовлетворенія крупныхъ промышленниковъ палата вотировала въ то же время «поправку къ уголовному закону».

Было запрещено, подъ страхомъ тюремнаго заключенія, ставить караульнаго для предупрежденія рабочихъ, приходящихъ со стороны, что ихъ товарищи находятся въ стачкѣ, или для упрашиванія ихъ не вредить стачкѣ; запрещалось даже считать рабочихъ, снова принявшихся за работу. Стачка дозволялась закономъ, но всѣ средства, которыми можно было доставить ей успѣхъ, признавались незаконными. Семь женщинъ были приговорены къ заключенію въ тюрьму за то, что при проходѣ рабочаго, отставшаго отъ стачки, крикнули «ба!». Ремесленные союзы возобновили агитацію, чтобы добиться отмѣны этого закона. Ихъ центральный органъ, называвшійся «совѣтомъ соединенныхъ ремеслъ», былъ

смыслѣ слова: офицеръ, желавшій повышенія, входилъ въ соглашеніе съ офицеромъ, чинъ котораго онъ хотѣлъ пріобрѣсти; этотъ же послѣдній, получивъ условленную сумму, выходилъ въ отставку.

замѣненъ парламентскимъ комитетомъ (1871 г.), которому было поручено вліять на депутатовъ. Этотъ комитетъ потребовалъ отмѣны закона 1871 г. Гладстонъ отказалъ. Тогда рабочіе отдѣлились отъ либеральной партіи, которая и оказалась въ меньшинствѣ на выборахъ 1874 г. Консервативная партія обѣщала отмѣнить законъ 1871 года, и консервативное министерство провело эту отмѣну. Законъ 1875 г. установилъ, наконецъ, равенство передъ закономъ между нанимателемъ (*employer*) и рабочимъ (*workman*); онъ отмѣнилъ тюремное заключеніе за нарушеніе наемнаго договора, а равно и всѣ ограниченія въ законѣ о рабочихъ союзахъ 1825 г., объявивши, что всякое дѣйствіе, законное для одного человѣка, законно и для группы людей.

Съ тѣхъ поръ въ Англіи вошло въ моду хвалить ремесленные союзы и противупоставлять ихъ умѣренность буйству рабочихъ на материкѣ Европы.

Имперьялистская политика консервативнаго министерства (1874—1880 г.).—Либеральное министерство мало-по-малу потеряло большинство; диссиденты отстали отъ него за то, что оно учредило общественныя школы, въ которыхъ обучали Библіи; рабочіе—за то, что оно отказалось отмѣнить законъ 1871 г. Гладстонъ распустилъ парламентъ. Но въ палатѣ, избранной въ январѣ 1874 г., консервативная партія, въ первый разъ послѣ 1847 года, оказалась въ большинствѣ (около 50 голосовъ). Консервативное министерство управляло $6^1/_2$ лѣтъ, имѣя на своей сторонѣ большинство палаты. Программа его главы, Дизраели (пожалованнаго лордомъ въ 1876 г.), по внутреннимъ дѣламъ, носила чисто отрицательный характеръ: поддержаніе учрежденій старой Англіи, королевской власти, палаты лордовъ, англиканской церкви. Но этой традиціонной политикѣ онъ придалъ новую форму. Ораторъ и романистъ, склонный къ театральнымъ эффектамъ и литературнымъ пріемамъ, онъ вздумалъ приписать консервативной партіи доктрину, вовсе несвойственную старой торійской аристократіи. Самъ онъ, происходя изъ перекрещеннаго еврейскаго семейства, выступилъ сначала радикальнымъ кандидатомъ, и въ своемъ романѣ *Sybil* (1845 г.) выражалъ симпатіи къ рабочимъ-чартистамъ. Даже сдѣлавшись консервативнымъ депутатомъ, онъ продолжалъ нападать на аристократію; онъ уподоблялъ англійскій государственный строй, за періодъ отъ 1688 до 1832 года, венеціанской конституціи; онъ обвинялъ аристократическія фамиліи въ томъ, что онѣ захватили королевскую власть, и говорилъ о необходимости «освободить государя» отъ тиранніи парламента и основать правительство на трехъ силахъ: монархіи, церкви и народѣ. Позже онъ заявилъ, что у консерваторовъ были три великія цѣли: сохранить національную церковь, поддержать неприкосновенность Англійской имперіи, поднять народное благосостояніе. Для поддержки государя и церкви онъ обращался къ народу; съ другой стороны государь долженъ былъ улучшить матеріальное, а церковь—нравственное состояніе народа. Его идеаломъ была монархія церковная и демократическая, нѣчто среднее между планами Наполеона III, Бисмарка и Льва XIII.

За исключеніемъ законовъ о рабочихъ 1875 года, да еще нѣсколькихъ мелкихъ преобразованій (по школьному дѣлу, гигіенѣ, общественному призрѣнію бѣдныхъ), консервативное министерство ничѣмъ не заявило себя во внутреннихъ вопросахъ. Оно занималось преимущественно внѣшними дѣлами; это входило, впрочемъ, въ традиціонную политику тори съ половины прошлаго столѣтія. Дизраели старался возбудить національное чувство англичанъ, возобновивъ воинствующую политику во имя англійской чести, которой былъ нанесенъ ущербъ, говорилъ онъ, нейтральною политикою Гладстона.

Онъ направилъ патріотическую агитацію на два вопроса: колоніальный и восточный. Либеральная школа готова была допустить отдѣленіе колоній, на которыя она смотрѣла, прежде всего, какъ на источникъ расходовъ. Консервативная партія объявила, что стоитъ за «цѣлость Британской имперіи», и старалась укрѣпить связь между Англіей и колоніями, посредствомъ военнаго и торговаго союза.

Правительство провело билль о провозглашеніи королевы индійскою императрицей. Оно пыталось даже организовать южно-африканскую федерацію, но эта попытка окончилась войною съ Трансваалемъ.

Въ восточномъ вопросѣ Дизраели высказался за поддержаніе Турецкой имперіи. Гладстонъ мѣшалъ ему нѣкоторое время, возбуждая общественное мнѣніе противъ турокъ, виновныхъ въ «Болгарскихъ ужасахъ» (заглавіе брошюры Гладстона); въ 1876 году въ большихъ городахъ состоялось много *митинговъ негодованія*. Но парламентъ рѣшился одобрить политику вмѣшательства, и Англія, какъ во время Крымской войны, возобновила воинственную политику и играла дѣятельную роль въ Европѣ. По возвращеніи съ Берлинскаго конгресса, Биконсфильдъ былъ встрѣченъ въ Лондонѣ съ тріумфомъ (1878 г.). Консервативное министерство окончило также войну съ ашантіями (1874 г.) и начало войну въ Афганистанѣ и противъ зулусовъ.

Образованіе партіи ирландскаго самоуправленія (Home-Rule).—При консервативномъ министерствѣ образовалась въ Ирландіи новая оппозиціонная партія, которая, усвоивши новую тактику, пріобрѣла рѣшительное вліяніе на внутреннюю политику Англіи. До сихъ поръ англичане занимались ирландскими дѣлами только съ перерывами; ирландскій вопросъ выступалъ пе-

редъ каждымъ поколѣніемъ (въ 1801,1820—29, 1843—48, 1865—67 годахъ), но никогда не разрѣшался. Ирландцы оставались въ томъ же бѣдствующемъ положеніи, но такъ какъ они переставали агитировать, то о нихъ забывали. Ирландская оппозиція состояла изъ двоякаго рода людей, дѣйствовавшихъ врознь; въ Лондонѣ это была маленькая группа ирландскихъ депутатовъ-автономистовъ, державшихся въ сторонѣ отъ большихъ политическихъ партій; она состояла изъ небогатыхъ людей, не пользовавшихся уваженіемъ своихъ болѣе богатыхъ товарищей и не имѣвшихъ вліянія въ парламентѣ. Въ Ирландіи это была аграрная партія, состоявшая изъ молодыхъ людей, которые мстили за выселеніе крестьянъ убійствомъ землевладѣльцевъ и ихъ управляющихъ, или калѣченіемъ ихъ скота. Къ такому мщенію ирландцы прибѣгали еще въ XVIII ст.; и въ XIX вѣкѣ въ деревняхъ всегда находились мстители этого рода: бѣлые ребята (*white-boys*), люди луннаго свѣта (*moon-lighters*), названные такъ потому, что они дѣйствовали преимущественно по ночамъ; но они не составляли политической партіи. Кромѣ того оставалось еще нѣсколько *феніевъ*, но они были дезорганизованы.

Сначала ирландцы требовали уничтоженія союза съ Англіей; потомъ—республики. Парламентская группа приняла новую формулу: она назвалась партіей home-rule и требовала не полнаго отдѣленія отъ Англіи, а автономнаго правительства, руководимаго ирландскимъ парламентомъ.

Въ началѣ эта группа не имѣла никакого вліянія, и англійская палата просто не слушала ирландскихъ депутатовъ. Но положеніе измѣнилось, когда Парнелль принялъ на себя руководительство ирландской партіей; онъ былъ протестантъ и происходилъ изъ англійской семьи, но воспитывался въ Ирландіи и былъ страстно преданъ дѣлу ирландской независимости. Онъ заставилъ свою партію принять новую тактику, какъ въ англійскомъ парламентѣ, такъ и въ Ирландіи. Въ палатѣ его тактика состояла въ томъ, чтобы ирландская партія держалась совершенно въ сторонѣ отъ англійскихъ партій; чтобы она не приставала, какъ дѣлалось при О'Коннелѣ, ни къ одной изъ нихъ, а посвятила себя исключительно тому, чтобы задерживать ходъ парламентской работы и, препятствуя англійскимъ депутатамъ заниматься англійскими дѣлами, принудить ихъ заняться дѣлами ирландскими. Въ англійскомъ парламентѣ существовалъ обычай, освященный давностью, въ силу котораго всякій депутатъ могъ говорить сколько ему угодно, и палата не могла остановить его, вотировавши закрытіе преній. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждый членъ палаты имѣетъ право предложить поправку ко всякому слову всякаго законопроекта и требовать поименнаго голосованія для каждой предложенной имъ поправки,—что отнимаетъ около получаса времени; кромѣ того онъ можетъ, послѣ всякой баллотировки, требовать отсрочки засѣданія до другого дня, можетъ заявить, что въ палатѣ нѣтъ установленнаго для преній числа депутатовъ, и требовать провѣрки числа присутствующихъ (*count out*). Такимъ образомъ достаточно было небольшого числа рѣшительныхъ депутатовъ, чтобы помѣшать любымъ преніямъ быть доведенными до конца.

Къ этой тактикѣ, названной *обструкціонизмомъ* (obstruction), прибѣгали всѣ партіи, находившіяся въ меньшинствѣ, — Пиль въ 1831 г. и Гладстонъ,—но только въ исключительныхъ случаяхъ; Парнель возвелъ ее въ систему. Ирландскіе депутаты, смѣняя другъ друга, произносили безконечныя рѣчи, о которыхъ газеты не считали даже нужнымъ давать отчетовъ, и такимъ образомъ затягивали засѣданія палаты; во время преній по закону объ Южной Африкѣ (1877 г.) засѣданіе, начавшееся въ среду, тянулось до двухъ часовъ пополудни четверга. Обструкціонизмъ «ирландской бригады» сдѣлался до такой степени неудобнымъ для палаты, что она, отступивъ отъ обычаевъ, дала своему президенту право внести предложеніе объ изгнаніи всякаго члена, который будетъ уличенъ въ томъ, что онъ «умышленно и настойчиво препятствуетъ рѣшенію общественныхъ дѣлъ». Въ 1879 г. было сосчитано, что втеченіе одной сессіи одинъ изъ ирландскихъ депутатовъ говорилъ 500 разъ, а другой—369.

Въ Ирландіи парламентская партія вошла въ соглашеніе съ дѣятелями аграрной партіи. Дэвиттъ, осужденный феній, вернувшійся изъ ссылки въ 1877 г., устроилъ между крестьянами оборонительный союзъ, который затѣмъ обратился въ *Аграрную Лигу* (*Land-league*), основанную въ Галловеѣ и распространенную потомъ на всю Ирландію (1879 г.). Законъ 1870 года не препятствовалъ владѣльцу требовать непомѣрной аренды и выселять арендаторовъ, не платившихъ ея. Вслѣдствіе многихъ неурожаевъ множество крестьянъ оказались не въ силахъ платить аренду, и выселенія умножились (съ 1,269 въ 1876 г. дошли до 2,267 въ 1879 г.).

Аграрная Лига приняла программу, заключающуюся въ трехъ пунктахъ: 1) постоянная арендная плата (*fixity of tenure*): право крестьянина оставаться на землѣ, не опасаясь выселенія, пока онъ платитъ аренду; 2) свободная продажа (*free sale*): право крестьянина продать свое владѣніе; 3) справедливая арендная плата (*fair rent*): запрещеніе землевладѣльцу требовать чрезмѣрной аренды. Этой программѣ дали названіе «трехъ *F*». Цѣль Лиги состояла въ томъ, чтобы ограничить права крупныхъ землевладѣльцевъ (*land-lord*) и превратить ирландскихъ крестьянъ въ мелкихъ собственниковъ,

обложенныхъ опредѣленною денежною повинностью. Чтобы принудить лендъ-лордовъ къ уступкамъ, Парнелль совѣтовалъ выселяемымъ крестьянамъ оставаться на землѣ, пока ихъ не изгонятъ силой. Онъ надѣялся, что многіе изъ владѣльцевъ не рѣшатся выселять крестьянъ посредствомъ полиціи, такъ какъ это обходится дорого.

Аграрная Лига должна была помогать крестьянамъ, которые будутъ сопротивляться выселенію; члены Лиги обязывались не занимать участка, арендаторъ котораго былъ выселенъ.

Для борьбы нужны были деньги. Парнелль потребовалъ ихъ отъ ирландскихъ патріотовъ, проживавшихъ въ Америкѣ. Онъ совершилъ поѣздку по Соединеннымъ Штатамъ, былъ принятъ тамъ какъ представитель Ирландіи и воротился съ 72,000 фунтовъ стерлинговъ (1879—1880 г.).

Партія home-rule объединила три силы: ирландскихъ крестьянъ, ирландскихъ депутатовъ и ирландцевъ Америки. Въ Ирландіи она дѣйствовала на крестьянъ обѣщаніемъ улучшить ихъ матеріальное положеніе; она вызвала въ нихъ желаніе имѣть ирландскій парламентъ для проведенія аграрной реформы; она заставляла ихъ избирать въ парламентъ кандидатовъ партіи home-rule. Въ Англіи она пользовалась ирландскими депутатами, чтобы заставить парламентъ обратить вниманіе на ирландскій вопросъ и добиться автономіи. Въ Америкѣ она собирала деньги, необходимыя для поддержки національнаго движенія.

Партія, окончательно организованная въ 1879 году, избрала Парнелля своимъ президентомъ.

Борьба либеральнаго министерства съ ирландской партіей.—Консервативное министерство все еще сохраняло большинство въ палатѣ. Послѣ своихъ успѣховъ на Берлинскомъ конгрессѣ, Биконсфильдъ надѣялся, что можетъ разсчитывать на избирателей, и распустилъ парламентъ съ цѣлью обезпечить за собою власть еще на одинъ семилѣтній періодъ (мартъ 1880 г.). Но избиратели, вѣроятно равнодушные къ иностранной политикѣ и недовольные цѣлымъ рядомъ неурожаевъ, покинули консерваторовъ. Выборы 1880 года дали либераламъ неожиданное большинство (349 либераловъ, 235 консерваторовъ и 63 гомъ-рулера).

Либеральное министерство Гладстона (1880—1885 г.) было поглощено борьбою съ ирландской партіей и вопросомъ объ избирательной реформѣ.

Оно пыталось успокоить ирландцевъ аграрною реформою и предложило законъ о вознагражденіи всякаго арендатора, выселеннаго землевладѣльцемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ была назначена аграрная комиссія, чтобы опредѣлить размѣръ этого вознагражденія. Но въ партіи home-rule сторонники борьбы взяли въ это время верхъ надъ сторонниками союза съ либералами. Парнелль былъ избранъ президентомъ партіи 23 голосами противъ 18.

Онъ объявилъ, что предложеніе министерства недостаточно, и требовалъ реформы радикальной: уничтоженія *ленлордизма* и національной независимости. Ирландское движеніе, вмѣсто того чтобы успокоиться, усилилось. Аграрныя преступленія, т. е. число случаевъ мести землевладѣльцамъ, увеличились. Былъ придуманъ новый способъ борьбы противъ враговъ лиги. Ихъ подвергали своего рода карантину: ни одинъ ирландецъ не долженъ былъ имѣть сношеній съ ними, и они не могли найти ни прислуги, ни рабочихъ, ни поставщика, который продалъ бы имъ какіе-либо продукты. Способъ этотъ былъ примѣненъ въ первый разъ къ капитану Бойкоту (ноябрь 1880 г.), и потому былъ прозванъ *бойкотированіемъ*. Пассивное сопротивленіе выдвореніямъ, *бойкотированіе* и частная месть сдѣлали положеніе ирландскихъ землевладѣльцевъ невыносимымъ. Депутація отъ 105 крупныхъ собственниковъ обратилась къ ирландскому вице-королю за защитой; но, боясь мщенія Лиги, просила сохранить ихъ имена въ тайнѣ.

Правительство рѣшилось вступить въ борьбу съ Лигой. Оно привлекло къ суду ея вождей, обвиняя ихъ въ заговорѣ, имѣющемъ цѣлью препятствовать арендаторамъ вносить арендную плату, а владѣльцамъ сдавать въ аренду свои земли. Парнелль продолжалъ свои разъѣзды по Ирландіи.

Правительство предложило установить въ Ирландіи исключительный режимъ и представило проектъ принудительныхъ законовъ.

Ирландская партія отвѣтила обструкціонизмомъ противъ этого билля. Засѣданіе палаты 31 января началось въ понедѣльникъ въ 4 часа и продолжалось безъ перерыва до утра среды. Наконецъ, предсѣдатель рѣшился отказать ораторамъ въ словѣ, и подвергъ билль голосованію въ первомъ чтеніи, не смотря на крики ирландцевъ. Сначала палата установила лишь временныя правила (1881 г.) о правѣ прекращать пренія, но потомъ (1882 г.) приняла его окончательно, съ тѣмъ однако ограниченіемъ, что прекращеніе преній должно быть вотировано не менѣе какъ 200 голосами противъ 40.

Правительство не замедлило воспользоваться исключительными законами, чтобы арестовать нѣкоторыхъ изъ ирландскихъ вождей; но число выселеній все возрастало. Министерство предложило новый аграрный законъ, болѣе благопріятный арендаторамъ; онъ давалъ имъ право требовать установленія неизмѣнной арендной платы на 15 лѣтъ черезъ посредство особаго суда и обѣщалъ имъ субсидію со стороны государства для покупки и расчистки земель. Но ирландская партія продолжала борьбу. «Націо-

нальный конвентъ» изъ 1,200 делегатовъ, созванный Аграрною Лигою въ Дублинѣ, вотировалъ декларацію, что «причина всѣхъ золъ политическихъ и соціальныхъ заключается въ чужеземномъ господствѣ», и что единственное средство противъ этого — вернуть Ирландіи автономію (сентябрь 1881 года); Гладстонъ обличалъ «новое евангеліе грабежа» и «тиранію мистера Парнелля», и объявилъ, что рѣшился поддерживать какъ англійское господство, такъ и право собственности. Затѣмъ онъ велѣлъ арестовать Парнелля, который отвѣтилъ на это слѣдующимъ паролемъ для своей партіи: «Не платить аренды, пока правительство не откажется отъ терроризма и не возвратитъ ирландскому народу его конституціонныхъ правъ. Противъ пассивнаго сопротивленія цѣлаго народа военная власть—безсильна». Правительство объявило Лигу распущенной (октябрь 1881 г.). Но Лига перенесла свое правленіе въ Англію; а лига женщинъ, руководимая сестрою Парнелля, продолжала борьбу въ Ирландіи.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ агитаціи, арестовъ и процессовъ, министерство предпочло вернуться къ примирительной политикѣ и вошло въ соглашеніе съ вождями ирландской партіи, которые содержались въ Кильменгамской тюрьмѣ. Это и былъ такъ называемый «Кильменгамскій договоръ». Министерство освободило узниковъ и обѣщало имъ аграрный законъ о сложеніи съ арендаторовъ просроченныхъ платежей.

Но небольшая революціонная группа «Непобѣдимыхъ» сохранила феніанскія традиціи и желала вооруженнаго возстанія и окончательнаго разрыва съ Англіей. Она упрекала *гомрулеровъ* за то, что они довольствовались автономнымъ парламентомъ, и отвергала ихъ тактику легальнаго сопротивленія. Чтобы сдѣлать политику примиренія невозможною, эти непримиримые совершили преступленіе въ Феникъ-Паркѣ. Статсъ-секретарь по ирландскимъ дѣламъ и его помощникъ были убиты среди бѣлаго дня въ одномъ изъ парковъ Дублина (6 мая 1882 года). Министерство отвѣтило закономъ объ учрежденіи въ Ирландіи суда безъ присяжныхъ и о введеніи исключительнаго режима на три года. Непримиримые революціонеры, состоявшіе въ связи съ ирландскими обществами Соединенныхъ Штатовъ, прибѣгли къ террористическимъ пріемамъ русскихъ революціонеровъ, динамитнымъ взрывамъ, чтобы принудить англичанъ дать Ирландіи автономію. Они дѣйствовали въ самой Англіи, въ самихъ правительственныхъ учрежденіяхъ: въ 1883 г. былъ произведенъ взрывъ въ помѣщеніи одного изъ министерствъ (*local government*), а въ январѣ 1885 г.—въ палатѣ депутатовъ; въ 1883 г. была открыта шайка, приготовлявшая динамитъ въ Бирмингамѣ и Ливерпулѣ для взрыва общественныхъ зданій. На одномъ собраніи въ Соединенныхъ Штатахъ ирландскій революціонеръ, О'Донованъ-Росса, провозгласилъ публично эту тактику динамита; «терроръ,—сказалъ онъ,—единственное средство вырвать уступки отъ Англіи».

Въ Ирландіи была открыта національная подписка въ пользу Парнелля, и на банкетѣ, гдѣ ему передали собранную сумму, вмѣсто тоста за королеву былъ провозглашенъ тостъ за «Ирландію, какъ націю».

Избирательная реформа (1884—1885 г.).— Давно уже либералы требовали избирательной реформы; дѣло шло главнымъ образомъ о томъ, чтобы уничтожить неравенство въ представительствѣ между городами и графствами. На совѣщаніи делегатовъ либеральной партіи было рѣшено (окт. 1883 г.) провести эту реформу. Министерство Гладстона внесло ее въ видѣ двухъ отдѣльныхъ законопроектовъ, которые были вотированы палатою общинъ безъ сопротивленія (1884 г.). Всѣ партіи были согласны, что реформа необходима. Даже лорды задержали ее лишь не на долго (1885 г.).

Реформа 1884 года не была, какъ предшествовавшія ей, мѣрою чисто эмпирическою.

Въ ея основаніе положенъ раціональный принципъ, согласный съ идеями радикаловъ и выраженный даже въ самомъ ея заглавіи: законъ о *народномъ представительствѣ*. Въ первый разъ, вмѣсто *перераспредѣленія* прежнихъ депутатскихъ мѣстъ, создавались новыя (число депутатовъ въ палатѣ общинъ было доведено до 670). Реформа систематически стремилась устранить неравенство установленіемъ однообразной системы выборовъ.

1) До тѣхъ поръ право голоса (*franchise*) въ городахъ опредѣлялось другими условіями, чѣмъ въ графствахъ; теперь эти условія были сравнены, и правила, дѣйствовавшія въ городахъ, были распространены на графства. Вслѣдствіе этого число избирателей въ графствахъ почти утроилось. Во всей странѣ было установлено одно и то же избирательное право.

2) Города и мѣстечки обнимали до тѣхъ поръ значительно меньшіе округа, простиравшіеся на 8 миль въ окружности отъ центральнаго пункта города или мѣстечка. Было высчитано, что вслѣдствіе этого они пользовались почти двойнымъ представительствомъ; въ нихъ приходилось въ среднемъ по депутату на 41,000 душъ, тогда какъ въ графствахъ одинъ депутатъ приходился на 78,000 душъ. Новый законъ отнялъ право посылать депутатовъ у 105 мѣстечекъ съ населеніемъ менѣе 16,000 душъ и оставилъ по одному депутату 37 мѣстечкамъ съ населеніемъ менѣе 50,000 душъ; затѣмъ онъ распредѣлилъ эти мѣста между графствами и городами съ населеніемъ свыше 165,000 душъ такъ, чтобы приходилось по одному депутату на 50,000 душъ. Графства были раздѣлены на округа такимъ

образомъ, чтобы повсюду (кромѣ 34 мѣстечекъ) избиратели одного округа посылали только одного депутата. (Испытанная въ 1865 г. система представительства меньшинства въ округахъ, имѣвшихъ нѣсколькихъ депутатовъ, была отмѣнена).

Однако это все-таки не было еще радикальною реформою. Англійскій избирательный строй еще сохранялъ отъ своей старой организаціи, основанной на обычаѣ, многіе слѣды, указывавшіе на отсутствіе общаго плана, и этимъ отличался отъ избирательныхъ порядковъ на континентѣ, основанныхъ на раціональныхъ началахъ.

1) Англія сохраняла двоякаго рода избирательное право (*franchises*): избирательное право хозяина дома (*house-holder*), которому достаточно имѣть домъ, внесенный въ окладные списки,—и избирательное право квартиранта.(*lodger*), платящаго не менѣе 10 ф. стерлинговъ за квартиру.

Различіе это не всегда ясно; покидая домъ, въ которомъ онъ ранѣе жилъ вмѣстѣ со своими квартирантами, собственникъ превращаетъ своихъ *lodgers* въ *house-holders*.

2) Такъ какъ право голоса связано съ домомъ, а не съ лицомъ, то люди, владѣющіе домами въ нѣсколькихъ округахъ, являются нѣсколько разъ избирателями; люди, не имѣющіе вовсе домовъ или квартиръ, лишены права голоса. Въ 1885 г. оказалось до 1.800,000 совершеннолѣтнихъ безъ права голоса: сыновей, живущихъ въ своихъ семьяхъ, лицъ, живущихъ въ меблированныхъ комнатахъ, рабочихъ, помѣщающихся у хозяевъ.

3) Въ избирательные списки вносится не всякій, имѣющій по закону право голоса: для этого необходимо предварительно исполнить нѣкоторыя формальности и кромѣ того доказать, въ моментъ выборовъ, что живешь въ данномъ округѣ не менѣе года; это требованіе устраняетъ отъ подачи голоса многихъ рабочихъ.

4) Выборы производятся не въ одинъ и тотъ же день по всей странѣ.

5) Избраннымъ считается кандидатъ, получившій хотя бы только относительное большинство; вслѣдствіе этого перебаллотировокъ нѣтъ; при такомъ порядкѣ случается, что избраннымъ оказывается консервативный кандидатъ въ такомъ округѣ, гдѣ нѣтъ консервативнаго большинства; этотъ же порядокъ препятствуетъ радикаламъ сосчитать свои голоса при первомъ голосованіи на кандидатѣ своего оттѣнка, обязывая ихъ сразу же вотировать за либеральнаго кандидата.

6) По закону палата общинъ попрежнему избирается на 7 лѣтъ. На практикѣ установился обычай распускать парламентъ до истеченія этого срока. Но такъ какъ вопросъ о роспускѣ палаты рѣшаетъ правительство, то существованіе палаты зависитъ отъ произвола правительства, которое держитъ депутатовъ подъ страхомъ распущенія. Созывъ избирателей производится неожиданно, въ очень короткій срокъ.

7) Депутаты жалованья не получаютъ, а избирательные расходы и теперь еще очень отяготительны.

Такъ какъ избирательное право связано съ жилищемъ и такъ какъ женщины не исключены изъ него формально, то были попытки требовать права подачи голосовъ для женщинъ; суды отвергли такое толкованіе закона. (Съ тѣхъ поръ палата общинъ признала за женщинами это право, но только въ принципѣ).

Распаденіе либеральной партіи (1885—1886 г.).—Вслѣдствіе осложненій во внѣшнихъ дѣлахъ (Афганистанъ и Египетъ) министерство Гладстона рѣшилось удалиться отъ дѣлъ; оно воспользовалось для этого однимъ вотумомъ по бюджетному вопросу, гдѣ оно осталось въ меньшинствѣ 12 голосовъ, благодаря тому, что 50 либераловъ не приняли участія въ голосованіи (іюнь 1885 г.). Наслѣдовавшее ему консервативное министерство (Салисбери) не имѣло большинства въ палатѣ и держалось только съ согласія Гладстона (какъ и въ 1868 году ожидали, пока можно будетъ произвести выборы по новому закону). Это министерство старалось склонить на свою сторону ирландцевъ, объявивъ, что не потребуетъ возобновленія исключительныхъ законовъ противъ Ирландіи.

На выборахъ въ ноябрѣ 1885 года либеральная партія представила программу демократическихъ реформъ; Гладстонъ требовалъ болѣе справедливаго распредѣленія налоговъ, административной реформы, которая передала бы мѣстныя дѣла выборнымъ совѣтамъ; преобразованія палаты лордовъ, аграрной реформы, которая надѣлила бы сельскихъ поденщиковъ небольшими участками земли и такимъ образомъ обратила бы ихъ въ крестьянъ-собственниковъ. Избирательнымъ кличемъ были слова: «три акра земли и корова»; что касается Ирландіи, Гладстонъ объявилъ, что готовъ дать ей всю ту независимость, какая будетъ совмѣстима съ единствомъ имперіи. Вождь радикаловъ, Чемберленъ, прибавилъ къ программѣ Гладстона еще отдѣленіе церкви (англиканской) отъ государства.

Парнелль совѣтовалъ ирландцамъ не подавать голосовъ за либераловъ. Онъ приготовлялся принять тактику еще болѣе дѣйствительную, чѣмъ обструкціонизмъ. Дѣло шло уже не только о томъ, чтобы мѣшать англійскому парламенту заниматься англійскими дѣлами, но поставить англійское министерство въ зависимость отъ ирландцевъ: еслибы каждая изъ англійскихъ партій сама по себѣ находилась въ меньшинствѣ, то отъ ирландской партіи, необходимой для составленія большинства, зависѣло бы предоставить власть той или другой партіи и она могла бы диктовать правительству свои условія.

Эта тактика увѣнчалась успѣхомъ. Въ палатѣ, избранной въ 1885 году, оказалось 333 либерала, 251 консерваторъ и *86 ирландцевъ гомрулеровъ*. Консервативное министерство, низвергнутое союзомъ либераловъ и ирландцевъ (январь 1886 г.), было замѣщено министерствомъ Гладстона.

Съ тѣхъ поръ вопросъ объ отношеніи къ Ирландіи первенствуетъ въ англійской политикѣ. По этому вопросу произошло раздѣленіе либеральной партіи. Гладстонъ, въ союзѣ съ ирландцами, сталъ на сторону радикальной реформы и требовалъ *home-rule* какъ справедливой мѣры и лучшаго практическаго средства для умиротворенія Ирландіи.

Огромное большинство либерально-радикальной партіи послѣдовало за Гладстономъ; но отъ него отдѣлилась фракція, которая стоитъ прежде всего за поддержаніе уніи съ Ирландіей и считаетъ *home-rule* за раздѣленіе имперіи. Эти либеральные «диссиденты» приняли названіе *уніонистовъ*. Они состоятъ изъ группы аристократовъ, сохранившихъ традиціи виговъ (ихъ вождь—Гартингтонъ), и изъ небольшой радикальной группы, руководимой бывшимъ вождемъ радикаловъ Чемберленомъ и состоящей главнымъ образомъ изъ депутатовъ Бирмингамскаго округа, родины Чемберлена.

Расколъ начался, когда Гладстонъ сообщилъ товарищамъ по министерству свой проектъ закона объ Ирландіи; Чемберленъ подалъ въ отставку. Окончательный расколъ произошелъ, когда этотъ законопроектъ былъ представленъ палатѣ. Гладстонъ предлагалъ учредить ирландскій парламентъ, съ двумя выборными палатами, и отвѣтственный исполнительный совѣтъ, подобный англійскому министерству; но по всѣмъ общимъ дѣламъ право окончательнаго рѣшенія сохранялось за англійскимъ правительствомъ. Общественное мнѣніе въ Англіи было явно враждебно этому проекту. Въ Ирландіи протестанты Ульстера, давно уже сгруппировавшіеся въ тайныя общества (*loges*), образовали національную англійскую партію, названную партіей *Оранжистовъ;* они сильно волновались и учредили лигу противъ *home-rule*. Они не ограничились протестомъ противъ министерскаго проекта, но организовались по военному и объявили, что скорѣе прибѣгнутъ къ оружію, чѣмъ примутъ управленіе ирландскаго парламента. 30,000 ульстерскихъ женщинъ послали королевѣ петицію, умоляя ее не утверждать закона. Послѣ страстныхъ преній въ газетахъ и въ палатѣ общинъ, проектъ былъ отвергнутъ большинствомъ 341 голоса противъ 311, среди безпримѣрнаго возбужденія какъ депутатовъ, такъ и публики въ трибунахъ (7 іюля 1886 года). Гладстонъ распустилъ палату, чтобы обратиться къ странѣ. Выборы произошли исключительно на почвѣ ирландскаго вопроса. Это была борьба не между консерваторами и либералами, а между *гомрулерами* и *уніонистами*.

Либеральные избиратели, озадаченные столь быстро выработаннымъ Гладстономъ рѣшеніемъ вопроса, не успѣли еще освоиться съ смыслью о *home rule*; многіе изъ нихъ воздержались отъ подачи голоса. Консерваторы дѣйствовали дружно и являлись сторонниками національнаго единства; сверхъ того они пользовались поддержкой либераловъ уніонистовъ. Выборы 1886 года были крушеніемъ партіи Гладстона; въ Англіи изъ 455 депутатскихъ мѣстъ на его долю досталось только 125 (въ Лондонѣ 11 изъ 62); въ палатѣ оказалось только 191 сторонникъ Гладстона и 85 *гомрулеровъ* противъ 317 консерваторовъ и 75 уніонистовъ.

Группировка партій совершенно измѣнилась. Вмѣсто двухъ большихъ партій, поочередно управлявшихъ страною, явились двѣ разнородныя коалиціи: коалиція *home-rule,* состоящая изъ либераловъ-гладстоніанцевъ и изъ ирландскихъ *націоналистовъ*, и коалиція *уніонистская*, состоящая изъ консерваторовъ и двухъ либеральныхъ вѣтвей:—группы виговъ Гартингтона и радикальной группы Чемберлена.

Управленіе уніонистской коалиціи (1886—1892 г.).—Уніонистская коалиція имѣла большинство 116 голосовъ и удерживала власть втеченіе 6 лѣтъ. Министерство (Салисбери) состояло исключительно изъ консерваторовъ, но управляло при содѣйствіи либеральныхъ диссидентовъ, которые вынудили его провести радикальную реформу—мѣстнаго самоуправленія. Коалиція имѣла цѣлью удержать Ирландію въ зависимости отъ центральнаго правительства; министерство было занято въ особенности борьбою противъ *націоналистской* партіи ирландцевъ. Въ палатѣ положеніе ирландцевъ измѣнилось: вмѣсто того чтобы стоять особнякомъ въ систематической оппозиціи, они соединились съ либеральной партіей, которая соглашалась требовать для нихъ автономіи Ирландіи. Эта партія вербовалась преимущественно въ наиболѣе демократическихъ округахъ Англіи (сѣверъ) и въ присоединенныхъ странахъ: въ Шотландіи и Валисѣ. Эта партія стала смотрѣть на автономію не какъ на мѣру исключительную, вызываемую особыми условіями Ирландіи, а какъ на нормальный порядокъ, примѣнимый ко всѣмъ частямъ королевства; вслѣдствіе этого она стала требовать автономіи (и даже особаго парламента) для Шотландіи, для Валиса и для Англіи (или для различныхъ областей Англіи); такимъ образомъ британская имперія преобразовалась бы въ федерацію, въ которую, въ случаѣ надобности, можно было бы включить и колоніи. Принявъ такую программу, партія *home-rule* теряла характеръ исключительно ирландскій и дѣлалась партіею федерально-демократическою. Въ палатѣ партія эта была безсильна противъ уніонистскаго боль-

шинства; но она агитировала въ странѣ, чтобы вновь завоевать большинство на ближайшихъ выборахъ.

Относительно Ирландіи, правительство заявило, что оно готово поддерживать порядокъ, т. е. поддерживать землевладѣльцевъ, отказывавшихся понизить арендную плату. Рѣшенія аграрной комиссіи, учрежденной для опредѣленія арендной платы, не имѣли обязательной силы. Она объявляла свое мнѣніе о справедливомъ размѣрѣ арендной платы, но владѣлецъ былъ воленъ не обращать никакого вниманія на это мнѣніе. На политику правительства Аграрная Лига отвѣтила новою тактикой, которую назвала «планомъ кампаніи» (1886 г.). Она предложила крестьянамъ не платить аренды въ томъ случаѣ, если владѣлецъ не соглашается на цѣну, предложенную комиссіей, и вмѣстѣ съ тѣмъ составить изъ крестьянъ, нанимающихъ землю у одного владѣльца, центральный комитетъ, который долженъ былъ принимать отъ крестьянъ опредѣленную комиссіей арендную плату и вести переговоры съ землевладѣльцемъ, чтобы заставить его согласиться на эту плату; такимъ образомъ наниматели каждаго *ленлорда* составляли своего рода синдикатъ противъ землевладѣльца. На практикѣ Лига дѣлала этотъ синдикатъ обязательнымъ, угрожая местью тѣмъ, которые не захотѣли бы войти въ него. Правительство объявило, что «планъ кампаніи» составляетъ незаконную коалицію, а организаторовъ его привлекло къ суду.

Тогда началась открытая борьба. Землевладѣльцы увольняли своихъ арендаторовъ; арендаторы отказывались оставлять свои дома; землевладѣльцы изгоняли ихъ съ помощью полиціи. Въ Ульстерѣ происходили настоящія битвы между оранжистами и націоналистами; въ Бельфастѣ на улицахъ стрѣляли другъ въ друга. Нѣкоторые епископы открыто приняли сторону Аграрной Лиги. Правительство попыталось избавиться отъ вождей Лиги путемъ судебныхъ преслѣдованій. Но присяжные не хотѣли или не смѣли выносить обвинительныхъ приговоровъ, а свидѣтели отказывались давать показанія. Правительство внесло въ палату исключительный уголовный законъ для Ирландіи, который давалъ мировому судьѣ право приговаривать безапелляціонно къ каторжнымъ работамъ на срокъ до шести мѣсяцевъ за угрозы и бойкотированіе (*boycottage*), а правительству право судить обвиняемыхъ внѣ Ирландіи.

Партія Гладстона пыталась помѣшать изданію закона посредствомъ обструкціонизма, но правительство провело въ палатѣ особый сокращенный порядокъ обсужденія законопроектовъ. Закрытіе преній было заранѣе назначено на 17 іюня; затѣмъ всѣ статьи, остававшіяся къ этому числу необсужденными, были пущены на голоса безъ преній. Это было уже не только прекращеніе преній, а просто «гильотина», въ томъ видѣ, какъ ее практикуютъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Гладстоніанцы протестовали и вышли изъ залы засѣданій (1887 г.). Вождь радикальной фракціи уніонистовъ, Чемберленъ, объявилъ, что отказывается отъ всякой попытки возстановить прежнюю либеральную партію. Либералы уніонисты окончательно слились съ консерваторами въ одну національную партію *уніонистовъ*, которая сохранила министерство и образъ дѣйствія консерваторовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ приняла часть радикальной программы.

Чтобы дать удовлетвореніе своимъ либеральнымъ союзникамъ, министерство провело для Ирландіи аграрный законъ, имѣвшій цѣлью предоставить крестьянамъ возможность сдѣлаться собственниками. Однако законъ этотъ борьбы не прекратилъ. Тогда правительство объявило Аграрную Лигу опасною (августъ 1887 г.), привлекло къ суду ирландскихъ вождей, добилось ихъ осужденія и обращалось съ ними въ тюрьмѣ, какъ съ уголовными преступниками. Обстоятельство это подало гладстоніанцамъ и ирландцамъ поводъ къ жестокимъ нападеніямъ на министерство въ палатѣ; а въ Лондонѣ былъ созванъ митингъ негодованія противъ секретаря по ирландскимъ дѣламъ А. Бальфура, открытаго сторонника системы подавленія (1889 г.).

Наиболѣе значительною мѣрою уніонистскаго министерства была административная реформа 1888 г., которою имѣлось въ виду удовлетворить его радикальныхъ союзниковъ. Прежде вся мѣстная власть находилась въ рукахъ мировыхъ судей, т. е. аристократіи. Законъ 1888 года учредилъ *совѣты графствъ* (*county councils*), избираемые на три года всѣми плательщиками налоговъ; эти совѣты состоятъ, на подобіе городскихъ совѣтовъ, изъ совѣтниковъ, *ольдерменовъ* и предсѣдателя. Имъ были переданы почти всѣ несудебныя полномочія мировыхъ судей (общественныя зданія, мосты, разрѣшеніе праздниковъ, дома умалишенныхъ, исправительные дома, эпизоотіи и т. д.) съ правомъ устанавливать налоги и заключать займы. Это была новая административная инстанція, поставленная выше приходскихъ *союзовъ*. Подъ старымъ названіемъ графства (*county*) было создано новое территоріальное дѣленіе страны, причемъ учреждено 60 административныхъ графствъ, 61 городское графство, изъ которыхъ каждое состоитъ изъ города съ населеніемъ свыше 50,000 душъ, и лондонское графство, обнимающее всю территорію столицы.

Въ 1889 г. эта реформа была распространена на Шотландію.

Чтобы удовлетворить радикаловъ, совѣтамъ графствъ было разрѣшено пріобрѣтать земли и продавать ихъ малыми участками, съ цѣлью образовать классъ крестьянъ-собственниковъ. Въ ирландской національной партіи нача-

лись раздоры. Папа, въ своей энцикликѣ, осудилъ «планъ кампаніи» (1888 г.), вслѣдствіе чего всѣ ирландскіе священники должны были покинуть аграрную агитацію. Затѣмъ Парнелль былъ скомпрометтированъ *) судебнымъ преслѣдованіемъ его по обвиненію въ прелюбодѣяніи (1890 г.); англійскіе диссиденты, главные избиратели партіи Гладстона, грозили порвать всякія сношенія съ ирландской партіей, если она сохранитъ во главѣ своей прелюбодѣя. Гладстонъ публично разорвалъ съ Парнеллемъ. Группа ирландскихъ депутатовъ распалась на двое; большинство ея избрало новаго вождя, чтобы сохранить союзъ съ англійскими партіями; только незначительное меньшинство осталось вѣрнымъ своему прежнему вождю. Такимъ образомъ образовались двѣ ирландскія партіи: партія антипарнеллистовъ, въ которую, подъ вліяніемъ католическаго духовенства, враждебнаго Парнеллю, вошла главная масса избирателей, и партія парнеллистская, свѣтская и революціонная, составленная изъ самыхъ пылкихъ націоналистовъ. Эти двѣ партіи вели между собою страстную борьбу. Смерть Парнелля (1891 г.) не вполнѣ возстановила единство, и ирландская партія осталась обезсиленной. Министерство въ концѣ концовъ предложило парламенту особый законъ для Ирландіи объ измѣненіи мѣстнаго управленія (1892 г.), но не успѣло провести его до распущенія палаты.

Образованіе соціалистическихъ партій (1884—1892 гг.) —Во время борьбы между уніонистами и націоналистами въ Англіи возникла новая политическая партія,—соціалистическая. Кромѣ нѣсколькихъ доктринеровъ, безъ всякаго политическаго вліянія, въ Англіи долго не было соціалистовъ. Существовало два частныхъ общества, нападавшихъ на систему крупнаго землевладѣнія, сосредоточивавшую всѣ земли въ рукахъ немногихъ аристократовъ (landlords) и низводившую англійскихъ крестьянъ (а еще болѣе шотландскихъ и ирландскихъ) до положенія наемныхъ пролетаріевъ:

Шотландская *лига въ пользу націонализаціи земли*, основанная натуралистомъ Уоллэсомъ (1880 г.), требовала, чтобы земли были выкуплены у владѣльцевъ и составляли собственность всей націи; *лига въ пользу возвращенія земли*, основанная послѣдователями Генри Джоржа, объявляла, что земля принадлежитъ націи, которая имѣетъ право отобрать ее безъ вознагражденія. Какъ мѣру практическую, она предлагала единый налогъ въ 20 шиллинговъ съ фунта стерлинговъ (100%), т. е. налогъ, равный доходу съ земли. Но обѣ лиги имѣли сторонниковъ только въ средѣ буржуазіи.

Соціальная демократическая федерація, основанная въ 1880 г. послѣдователемъ Маркса, Гайдманомъ, пыталась распространять среди рабочихъ доктрину нѣмецкой соціалистической партіи, но привлекла къ себѣ едва-едва нѣсколько тысячъ сторонниковъ.

Парламентскій комитетъ ремесленныхъ союзовъ (trade-unions), который служилъ оффиціальнымъ представителемъ рабочихъ синдикатовъ, остался вѣрнымъ радикальной программѣ и отвергъ соціалистическія предложенія, сдѣланныя конгрессомъ делегатовъ въ 1882 и 1883 годахъ: проектъ націонализаціи земли и проектъ закона объ ограниченіи рабочаго дня восемью часами.

Въ Англіи и во всей Европѣ составилось убѣжденіе, что англійскіе рабочіе, благодаря сильной организаціи ремесленныхъ союзовъ, а также благодаря своему практическому уму, останутся навсегда чуждыми соціалистической пропагандѣ.

Однако, мало-по-малу, мысль о соціальной реформѣ проникла въ среду рабочихъ. Вслѣдствіе значительнаго упадка промышленныхъ дѣлъ съ 1885 г. явилась безработица и пониженіе заработной платы. *Соціальная демократическая федерація* воспользовалась этимъ и начала устраивать въ Лондонѣ манифестаціи рабочихъ, оставшихся безъ работы (*unemployed*); въ Гайдъ-паркѣ происходили громадные митинги (1886, 1887 гг.), на которыхъ произошли стычки съ полиціей. Соціалистическая пропаганда приняла двѣ новыя формы.

Отъ федераціи отдѣлилась небольшая группа молодыхъ людей, образованныхъ и очень дѣятельныхъ, и основала въ 1883 г. фабіанское общество (*Fabian Society*). Это было научное общество, занимавшееся также и пропагандою; оно заботилось не столько о привлеченіи сторонниковъ, сколько о томъ, чтобы найти и распространять формулы практическаго разрѣшенія соціальныхъ вопросовъ.

Тактика этой ассоціаціи, какъ указываетъ самое ея названіе, заимствованное изъ классическаго воспоминанія о «Фабіи Кунктаторѣ», заключалась въ выжиданіи. Она задалась цѣлью ввести соціалистическій строй постепенно, частичными мѣрами, чтобы облегчить переходъ отъ современнаго состоянія общества къ идеальному. Такъ какъ англійское общество не было готово для воспринятія соціализма, то слѣдовало отказаться отъ мысли преобразить его сразу,—и направить всѣ усилія на то, чтобы обращать его понемногу, пользуясь для этого всякимъ отдѣльнымъ вопросомъ; вмѣсто того чтобы основывать особую соціалистическую партію, слѣдовало *пропитать* (*permeate*) соціалистическими идеями всѣ существующія политическія партіи. Фабіанское общество начало распространять свои изданія съ 1888 г. Оно начало съ общаго из-

*) Письма, напечатанныя въ газетѣ «Times» съ цѣлью доказать, что Парнелль зналъ и одобрялъ ирландскія убійства, были признаны подложными въ знаменитомъ процессѣ 1882 г. Авторъ подлога, Пиготтъ, кончилъ самоубійствомъ.

ложенія доктрины въ формѣ *tracts* (маленькихъ брошюръ или летучихъ листковъ), совѣтовъ, статистическихъ указаній, практическихъ рѣшеній, вопросовъ, которые слѣдовало предлагать кандидатамъ на общихъ выборахъ въ палату или на мѣстныхъ выборахъ. Его идеаломъ былъ общинный соціализмъ. Оно пріобрѣло замѣтное вліяніе на радикальную партію, особенно по вопросамъ мѣстнаго управленія; ему удалось даже провести нѣсколькихъ своихъ кандидатовъ при выборахъ членовъ новаго совѣта лондонскаго графства. Обѣ лиги въ пользу аграрнаго соціализма, *соціальная демократическая федерація* и *фабіанское общество*, создали цѣлую литературу по соціальнымъ вопросамъ, которая отличается отъ подобныхъ же сочиненій континентальной Европы своимъ практическимъ характеромъ. Трудно опредѣлить степень вліянія этихъ обществъ, но они создали сильное умственное движеніе, привлекли общественное вниманіе на положеніе рабочихъ и вызвали изслѣдованія объ условіяхъ ихъ жизни въ Лондонѣ. Изслѣдованія эти обнаружили факты совершенно неожиданные. Обслѣдованіе *sweating system* доказало, какъ велика эксплуатація работницъ-швей; обслѣдованіе меблированныхъ помѣщеній обнаружило тѣсноту и дурныя гигіеническія условія лондонскихъ квартиръ; обслѣдованіе нищеты, произведенное частнымъ лицомъ, Ч. Бусомъ I, доказало, что обыкновенная причина бѣдности заключается вовсе не въ дурномъ поведеніи и пьянствѣ, какъ думали, а въ болѣзни и старости.

Около того же времени преобразовались ремесленные союзы. Большая ихъ часть были синдикатами техническихъ ремеслъ, требующихъ предварительнаго обученія (*skilled*); рабочіе этихъ ремеслъ, получающіе большую плату и лучше образованные, были болѣе расположены уплачивать довольно высокіе взносы, необходимые для поддержанія кассы взаимной помощи. Чернорабочіе (unskilled labourers) и сельскіе рабочіе не могли участвовать въ этихъ союзахъ. Новое движеніе началось послѣ общей стачки рабочихъ лондонскихъ доковъ въ 1889 г. Стачкой этой руководили два соціалиста — Томъ Моннъ и Бёрнсъ. Общество стало на сторону стачниковъ, и благодаря этому стачка удалась. Тогда образовались *союзы* рабочихъ, необучавшихся ремеслу, работающихъ въ докахъ, въ портахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, на газовыхъ заводахъ, моряковъ и даже сельскихъ поденщиковъ. Въ противоположность прежнимъ союзамъ, новые требовали отъ своихъ членовъ очень малыхъ взносовъ; за то они отказались отъ задачъ обществъ взаимопомощи и задались одною лишь цѣлью: создать воинствующую организацію, чтобы вліять на общественное мнѣніе и сдѣлаться политическою силою.

Число членовъ въ прежнихъ союзахъ быстро возростало (въ 10 большихъ союзахъ рабочихъ строительныхъ ремеслъ число членовъ съ 57,000 въ 1888 году возросло до 94,000 въ 1891 г.), и большинство ихъ приняло новую программу.

Послѣ неудачъ, постигшихъ великія агитаціи въ періодъ отъ 1834 по 1884 г., рабочіе усвоили принципъ свободы договоровъ между хозяевами и рабочими. Они рѣшились дѣйствовать посредствомъ ассоціацій, чтобы заставить хозяевъ поддерживать условія жизни рабочихъ — рабочую плату и продолжительность рабочаго дня (*standart of life*) — на уровнѣ, признанномъ удовлетворительнымъ, не прибѣгая ко вмѣшательству государства. Этотъ принципъ, раздѣлявшійся рабочими ремеслъ, наилучше оплачиваемыхъ (строительное, механическое, металлургическое), а равно углекопами крайняго сѣвера, былъ принятъ оффиціальными вождями рабочаго міра, общими секретарями и членами парламентскаго комитета, составлявшими главный штабъ рабочихъ. Но рабочіе, получавшіе меньшую плату, въ особенности ткачи, прядильщики и углекопы, объявили, что одинѣ ассоціаціи недостаточны для борьбы съ хозяевами, и требовали закона, который опредѣлилъ бы минимумъ рабочей платы и максимальное число рабочихъ часовъ. Въ 1878 году они добились закона о десятичасовомъ рабочемъ днѣ для женщинъ и дѣтей. Мало-по-малу эта доктрина распространилась между всѣми ремеслами. Перемѣна началась съ глухой борьбы между сторонниками старой и новой политики; борьба эта вызвала разногласіе между центральнымъ комитетомъ, который держался доктрины невмѣшательства государства, и массою делегатовъ конгресса. Въ концѣ-концовъ этотъ послѣдній далъ перевѣсъ своей политикѣ; делегаты рабочихъ союзовъ (*trade-unions*) высказались оффиціально за двѣ соціалистическія мѣры: за націонализацію земли въ 1888 г. и за восьми-часовой рабочій день — въ 1890 г. Соціалистская рабочая партія (*labour party*) образовалась сначала въ Шотландіи (1888 г.), потомъ въ Англіи. На выборахъ 1892 г. были избраны два соціалиста. Это — первые соціалисты, засѣдающіе въ англійской палатѣ.

Попытки либеральнаго министерства 1892—1895 г. — Мало-по-малу либеральная партія склонила избирателей на свою сторону, и начала овладѣвать новыми парламентскими мѣстами почти на всѣхъ дополнительныхъ выборахъ. Консервативное министерство, чувствуя себя въ меньшинствѣ, распустило палату, прежде чѣмъ провело законъ объ административной реформѣ въ Ирландіи. Либералы явились на выборы съ радикальною программой. Съ 1891 г. самъ Гладстонъ требовалъ, кромѣ home-rule для Ирландіи, избирательной реформы, жалованья депутатамъ, реформы палаты лордовъ, *disestablishement* англиканской церкви, учрежденіе приходскихъ совѣтовъ. Уніонистскіе либералы подавали голоса

за консерваторовъ, которые признали прежняго вождя радикаловъ, Чемберлена, своимъ вождемъ въ палатѣ общинъ. Въ партіи уніонистовъ слія-ніе было полное. Іюльскіе выборы 1892 г. дали либераламъ большинство болѣе слабое, чѣмъ они ожидали: 355 голосовъ (275 либераловъ и 80 гомрулеровъ) противъ 315 (270 консерваторовъ и 45 либеральныхъ уніонистовъ). Гладстоніанцы одержали побѣду главнымъ образомъ надъ либеральными уніонистами, потерявшими 32 мѣста; но они получили большинство лишь при помощи Ирландіи и Шотландіи; въ Англіи же уніонистская коалиція сохранила большинство 71 депутата. Это англійское уніонистское большинство ставило новое министерство Гладстона въ невозможность провести какую-либо значительную реформу. Оно давало палатѣ лордовъ, большинство которой было враждебно либеральнымъ реформамъ,—силу сопротивляться министерству. Отвергая законопроекты, вотированные палатою общинъ, лорды являлись поборниками англійскаго общественнаго мнѣнія противъ враговъ національнаго единства.

Гладстонъ представилъ новый проектъ home rule, дававшій Ирландіи свой мѣстный парламентъ, но ограничивавшій его власть и уменьшавшій число ирландскихъ депутатовъ въ англійскомъ парламентѣ до 80. Этотъ проектъ прошелъ въ палатѣ общинъ большинствомъ 40 голосовъ, послѣ преній, тянувшихся 82 дня и сопровождавшихся бурными сценами. Лорды отвергли проектъ большинствомъ 419 голосовъ противъ 41. Утомленный борьбою, Гладстонъ вышелъ въ отставку, передавъ свое мѣсто молодому лорду Розбери. Либеральная партія не имѣла больше популярнаго вождя. Подчинивъ свою политику ирландскому вопросу, эта партія ослабила себя между англійскими избирателями, мало интересовавшимися ирландскими дѣлами. Чтобы удовлетворить массу населенія, либеральная партія приняла программу вполнѣ радикальную. Министерство внесло одинъ за другимъ цѣлый рядъ демократическихъ законопроектовъ: объ отвѣтственности хозяевъ въ случаѣ несчастій съ рабочими (1893 г.); о назначеніи жалованья депутатамъ, не имѣвшимъ своего состоянія (1893 г.); о производствѣ выборовъ по всей странѣ въ одинъ и тотъ же день (и непремѣнно въ воскресенье), чтобы воспрепятствовать одному и тому же лицу вотировать въ разныхъ мѣстахъ (эта реформа выразилась формулой: «одинъ человѣкъ—одинъ голосъ»); объ ограниченіи тремя мѣсяцами времени, втеченіе котораго избиратель долженъ былъ прожить на одномъ мѣстѣ; объ отдѣленіи церкви отъ государства въ Валлисѣ; о водвореніи на прежнихъ мѣстахъ арендаторовъ, изгнанныхъ собственниками въ Ирландіи; о вознагражденіи фермера за произведенныя имъ на землѣ улучшенія; о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ для рудокоповъ (1894 г.); о мѣрахъ для защиты дѣтей на фабрикахъ (1895 г.).

Палата лордовъ отвергла всѣ эти проекты, или измѣняла ихъ такъ, что министерство предпочло взять ихъ назадъ. Прошла (благодаря уступкѣ Гладстона) только одна законодательная реформа: учрежденіе выборныхъ приходскихъ совѣтовъ, подобныхъ французскимъ муниципальнымъ совѣтамъ.

Законъ 1894 г. учреждалъ во всѣхъ приходахъ, съ населеніемъ выше 300 душъ, совѣтъ, избираемый всѣми плательщиками налоговъ. Въ первый разъ въ Англіи крестьяне получили право сами заправлять своими мѣстными дѣлами; это было дополненіе къ реформѣ 1888 г. Традиціонное англійское *self-government*, т. е. самоуправленіе мѣстной аристократіи, уступило мѣсто самоуправленію въ общемъ значеніи этого слова,—управленію мѣстными дѣлами черезъ посредство уполномоченныхъ, избираемыхъ населеніемъ.

Такъ какъ, согласно англійскому обычаю, бюджетъ вотируется одною нижнею палатой, то въ этой области министерство могло произвести радикальное преобразованіе: чтобы покрыть дефицитъ, оно установило прогрессивный налогъ на наслѣдства. Въ первый разъ въ англійское финансовое законодательство былъ внесенъ радикальный принципъ прогрессивнаго налога.

Отвергнувъ home-rule и демократическія реформы, палата лордовъ вновь заняла первенствующее мѣсто въ англійской политической жизни, отъ котораго, послѣ реформы 1832 года, она, повидимому, отказалась. Втеченіе полувѣка она болѣе не пыталась бороться съ палатою представителей.

Несмотря на то, что въ царствованіе королевы Викторіи было пожаловано болѣе 300 лордовъ, зала засѣданій была обыкновенно пуста. Но лорды вновь обрѣли политическую силу, потому что они могли дѣйствовать не какъ лорды, а какъ представители партіи очень популярной въ странѣ. Борьба между либеральнымъ большинствомъ и уніонистскимъ меньшинствомъ приняла форму столкновенія между двумя палатами.

Въ 1894 г. либеральная партія, видя, что верхняя палата преграждаетъ ей путь, начала агитировать противъ нея. Какъ необходимаго условія демократическихъ реформъ, она потребовала конституціонной реформы, выраженной въ слѣдующей популярной формулѣ: *mend or end*, т. е. измѣнить или уничтожить палату лордовъ. Наиболѣе радикальные члены партіи требуютъ уничтоженія ея и управленія страною посредствомъ одной палаты (такой порядокъ существуетъ въ нѣкоторыхъ англійскихъ колоніяхъ). Большинство партіи удовольствовалось бы замѣною палаты лордовъ, избираемыхъ собраніемъ, или же даже сохраненіемъ палаты лордовъ, но безъ права безусловно отвергать зако-

ны, вотированные нижнею палатою. Лордъ Розбери объявилъ (1894 г.), что для проведенія home-rule необходимо сначала измѣнить мнѣніе Англіи; затѣмъ онъ заявилъ о намѣреніи предложить палатѣ депутатовъ вотировать резолюцію въ пользу пересмотра конституціи. На политическихъ собраніяхъ происходила сильная агитація противъ палаты лордовъ, но она не привела ни къ какому законопроекту.

Во время этой борьбы, соціалистическія идеи, повидимому, распространились въ средѣ рабочихъ. Въ январѣ 1893 г. образовалась «независимая рабочая партія» (Independent labour party), поставившая цѣлью проводить своихъ собственныхъ кандидатовъ, независимыхъ отъ всѣхъ орудій партій, съ полною соціалистическою программою; она заявила, что цѣль ея: «промышленная республика, основанная на обобществленіи земли и капитала». Конгрессъ ремесленныхъ союзовъ, созванный въ Бельфастѣ (сентябрь 1893 года), вотировалъ учрежденіе фонда для вознагражденія «кандидатовъ труда», которымъ предписывалась обязательная программа: обращеніе въ коллективную собственность всѣхъ орудій производства и распредѣленія. Конгрессъ въ Норвичѣ (1894 г.) вотировалъ 219 голосами противъ 61 резолюцію въ пользу націонализаціи земли и орудій производства.

Возвращеніе къ власти уніонистовъ (1895 г.).—Либеральное министерство, доведенное сопротивленіемъ палаты лордовъ до невозможности дѣйствовать и плохо поддерживаемое общественнымъ мнѣніемъ въ Англіи, едва удерживало въ палатѣ общинъ свое слабое большинство. Либеральная партія представляла собою разнохарактерную коалицію старыхъ либераловъ, радикаловъ-полусоціалистовъ, ирландскихъ католиковъ и протестантскихъ диссидентовъ Англіи и Валлиса. Чтобы удовлетворить всѣ эти разнородныя фракціи, министерство выставило очень сложную программу: для ирландцевъ home-rule и вознагражденіе выселяемымъ арендаторамъ; для радикаловъ-рабочихъ—8-ми-часовой рабочій день и жалованье депутатамъ; для деревенскихъ избирателей—аграрную реформу; для диссидентовъ Валлиса—лишить англиканскую церковь правъ государственной церкви; для англійскихъ диссидентовъ, сторонниковъ обязательной трезвости,—*local option bill*, дававшій всякому муниципалитету право воспретить въ своемъ округѣ продажу спиртныхъ напитковъ. Каждая фракція требовала, чтобы министерство прежде всего занялось тою реформою, которая ее интересовала.

Оставшись въ меньшинствѣ (вслѣдствіе отсутствія нѣсколькихъ депутатовъ) по одному военному вопросу, министерство удалилось (іюнь, 1895 г.). Консервативное министерство (Салисбери) тотчасъ же распустило палату.

На выборахъ 1895 г. уніонистская коалиція дѣйствовала дружно; либеральная коалиція распалась. Независимая соціалистическая партія выставила своихъ кандидатовъ, изъ которыхъ ни одинъ избранъ не былъ; за нихъ подали голоса только 30,000 избирателей. Диссиденты выдвигали вопросъ о воспрещеніи спиртныхъ напитковъ, вслѣдствіе чего отъ нихъ отстали всѣ продавцы этихъ напитковъ. Было выбрано уніонистской коалиціи 411 депутатовъ (340 консерваторовъ и 71 либерала); либеральная коалиція осталась при 259 депутатахъ (177 либераловъ или радикаловъ, 82 ирландца). Либеральные уніонисты почти достигли своей цифры 1886 г.

Англія избрала 349 депутатовъ уніонистовъ противъ 116 либераловъ; да и въ другихъ мѣстахъ было почти то же: въ Шотландіи либеральное большинство сократилось до 6 голосовъ, въ Валлисѣ—до 34.

Консервативная партія одна, даже безъ своихъ союзниковъ уніонистовъ, имѣла большинство въ палатѣ. Но союзъ сдѣлался столь тѣснымъ, что министерство продолжало состоять изъ лицъ, принадлежавшихъ къ обѣимъ партіямъ. Прежній глава радикаловъ, Чемберленъ, вождь группы уніонистовъ, сталъ дѣятельнѣйшимъ членомъ консервативнаго министерства. Отъ своей прежней программы онъ сохранилъ только заботу объ улучшеніи матеріальнаго положенія рабочихъ и крестьянъ. Но консервативное министерство, слѣдуя традиціямъ своей партіи, посвятило себя преимущественно иностранной политикѣ, и повидимому не расположено предпринимать какія-либо значительныя внутреннія преобразованія. Въ 1896 г. оно болѣе всего было занято проведеніемъ закона, который предоставлялъ духовенству англиканской церкви вліяніе на школы; но оно не могло заставить своихъ либеральныхъ союзниковъ принять этотъ законъ, и рѣшилось отказаться отъ него.

Политическая эволюція Англіи въ XIX стол.—Во всей Европѣ только Англія прожила XIX столѣтіе безъ революцій. Она сохранила въ цѣлости свою традиціонную конституцію и даже свой правительственный механизмъ. На этомъ основаніи, забывая революціи XVII столѣтія, иностранцы вывели заключеніе, что политическая устойчивость присуща англійскому характеру. Однако подъ этими наружными формами, остававшимися неизмѣнными, политическая жизнь въ Англіи подверглась въ этомъ столѣтіи столь глубокому преобразованію, что въ концѣ концовъ Англія покончила со своимъ старымъ порядкомъ. Въ 1814 году нація была еще подчинена аристократіи, которая легально господствовала въ обществѣ, въ мѣстныхъ учрежденіяхъ и въ центральномъ правительствѣ. XIX столѣтіе обновило этотъ общественный строй, установивъ равенство всѣхъ передъ закономъ. Уничтожены законы и обычаи, освящавшіе подчиненность низшихъ классовъ высшимъ, полити-

ческую неправоспособность диссидентовъ, католиковъ и евреевъ, принудительную вербовку матросовъ, лишеніе правъ бѣдныхъ, получающихъ пособіе, воспрещеніе ассоціацій рабочихъ. Управленіе мѣстными дѣлами отнято у мировыхъ судей изъ мѣстной аристократіи и передано совѣтамъ, избраннымъ населеніемъ. Центральное правительство сохранило свою прежнюю форму, но измѣненіе состава избирателей дало ему новое направленіе. Палата общинъ, бывшая аристократическимъ законодательнымъ собраніемъ, превратилась въ собраніе представителей народа. Она мало-по-малу устранила отъ власти короля и лордовъ, и почти стала носительницею верховной власти. Изъ министерства, бывшаго совѣтомъ короля, она сдѣлала исполнительный комитетъ палаты. Такимъ образомъ отъ режима конституціоннаго Англія перешла къ режиму парламентарному, а ея парламентарный режимъ все болѣе и болѣе приближается къ порядкамъ Конвента, къ республикѣ, управляемой собраніемъ, избираемымъ на демократическихъ началахъ. Эта эволюція общества и правительства въ демократическомъ направленіи была въ столь очевидномъ противорѣчіи съ аристократическимъ строемъ англійскаго общества, что втеченіе долгаго времени ее даже не замѣчали. Въ 1870 г. Тэнъ еще не отдавалъ себѣ въ ней отчета, а она уже совершалась втеченіе сорока лѣтъ. И дѣйствительно, эта эволюція происходила не въ силу внутренней эволюціи англійскаго общества, а была навязана ему извнѣ. Она можетъ быть объяснена только разнохарактернымъ составомъ англійскаго государства.

Соединенное королевство Великобританіи и Ирландіи, не точно называемое Англіей, не составляетъ, подобно Франціи, единой націи: это—соединеніе нѣсколькихъ старинныхъ національностей (гальской, шотландской, ирландской), подпавшихъ подъ управленіе господствующей націи, но отличающихся отъ нея своимъ общественнымъ устройствомъ и своей религіею. За особую націю можно считать также теперешнее промышленное населеніе округовъ запада и сѣвера Англіи, до XVIII стол. бывшихъ почти безлюдными. «Старая Англія», Англія юга и востока, которая установила правительство и церковь, была аристократическою и англиканскою, и *остается таковою по настоящее время*. Покорная своему дворянству и духовенству, она остается цитаделью консервативной партіи.

Но всѣ другія націи этого королевства не были связаны ни съ аристократіей, ни съ англиканскою церковью. Шотландія была пресвитерьянской и демократической; Ирландія—католическою и враждебною англійскимъ *лендлордамъ*. Валлисъ и новая Англія, промышленная Англія сѣвера и запада были населены диссидентами. Всѣ эти демократическія общества, не признававшія англиканской церкви, были, конечно, враждебны государственному строю, который лишалъ ихъ политической власти и обращался съ ихъ религіей, какъ съ низшею. Въ ихъ-то именно средѣ и вербовалась оппозиція англійскому дворянству и англиканскому духовенству. Шотландцы, ирландцы, жители Валлиса и англичане сѣвера и запада составляли и составляютъ по настоящее время главную массу либеральной и радикальной партій. Они-то именно и вынудили старую Англію перейти къ демократическому строю.

Но старая Англія, владѣя дворомъ и правительственною властью, пользовалась ими, чтобы поддерживать свой старый порядокъ и свое господство надъ великобританскими подданными; сопротивляясь всякому нововведенію до послѣднихъ границъ терпѣнія своихъ подданныхъ, она въ значительной степени замедляла демократическую эволюцію страны.

Этимъ объясняется та крайняя медленность, съ которою, не смотря на громадныя силы оппозиціоннаго движенія, совершилось преобразованіе англійскихъ учрежденій.

Англійская демократическая партія первая въ Европѣ начала свою пропаганду. Программа всѣхъ европейскихъ демократическихъ партій впервые въ XIX столѣтіи была формулирована англійскими радикалами 1814 г. Ни одна изъ демократическихъ партій не приводила въ движеніе такихъ огромныхъ массъ, какъ эти радикалы, хартисты, ирландцы О'Коннеля и рабочіе, производившіе манифестаціи въ 1866 г. Англія—страна колоссальныхъ волненій и манифестацій. Но эти демократическія массы, преклонявшіяся передъ законностью, останавливались передъ сопротивленіемъ аристократическаго правительства, которое, располагая властью, сдерживало ихъ безъ большого труда, посредствомъ арестовъ, исключительныхъ законовъ и солдатъ. Втеченіе полувѣка эти массы добились путемъ манифестацій меньшихъ результатовъ, чѣмъ горсть французскихъ революціонеровъ въ одинъ день однимъ сильнымъ ударомъ. Да и сверхъ того, чтобы побороть консервативную аристократію, эти массы должны были вступить въ союзъ съ либеральною аристократіей и подчиниться ей; онѣ были вынуждены довольствоваться частичными реформами, на которыя соглашались ихъ союзники. Такимъ образомъ были введены въ Англіи, путемъ компромиссовъ, почти всеобщее избирательное право, почти обязательное первоначальное обученіе, неполная равноправность вѣроисповѣданій въ Ирландіи, не вполнѣ выборная мѣстная администрація, и вполнѣ демократическое рабочее законодательство.

Во всѣхъ этихъ реформахъ руководящая роль принадлежала главному штабу либеральной партіи; демократическія же массы рабочихъ и ирландцевъ въ началѣ движенія сообщали ему си-

лу, чтобы выдвинуть впередъ реформу, а въ концѣ производили рѣшительныя манифестаціи, чтобы, запугавши консерваторовъ, сдѣлать реформу необходимой. Старые радикалы требовали полной избирательной реформы и успѣли вырвать только частичныя реформы 1832 и 1867 годовъ, за каждою изъ которыхъ слѣдовалъ рядъ другихъ демократическихъ и свѣтскихъ реформъ. Ирландцы требовали и добились политической равноправности вѣроисповѣданій. Завоевавъ, посредствомъ избирательнаго права часть политической власти, радикалы и ирландцы мало-по-малу проникли въ либеральную партію, и кончили тѣмъ, что заставили ее принять свою программу home rule и демократическихъ реформъ, такъ что сдѣлалось труднымъ отличить либерала отъ радикала или ирландца. Даже консервативная партія до такой степени смѣшалась съ группою радикальныхъ уніонистовъ, что приняла на себя иниціативу демократическихъ мѣръ. Такимъ образомъ разрушался, но по частямъ, старый порядокъ, защищаемый привилегированнымъ англійскимъ большинствомъ, подъ напоромъ большинства неанглійскаго. Новый режимъ устанавливался безъ общаго плана, удержавши королевскую власть и наслѣдственныхъ лордовъ, привилегированную государственную церковь, безвозмездность выборныхъ должностей, ограниченія избирательнаго права. Обрывки старыхъ учрежденій смѣшиваются съ новыми въ одномъ противорѣчивомъ цѣломъ, въ которомъ невозможно предвидѣть, что̀ рухнетъ и что̀ уцѣлѣетъ. Отсюда — неясный характеръ политической жизни въ современной Англіи.

ФРАНЦІЯ.

ГЛАВА V.

Монархія, основанная на избирательномъ цензѣ.

Возстановленіе Бурбоновъ. — Политическія учрежденія хартіи. — Конституціонная хартія. — Условія политической жизни. — Сто дней и вторая реставрація. — Послѣдствія ста дней. — Контръ-революціонный кризисъ. — Правленіе конституціонной партіи. — Правительство правой. — Столкновеніе между королемъ и палатой. — Революція 1830 г. — Политическій порядокъ при Луи Филиппѣ. — Борьба партій въ правительствѣ. — Борьба противъ возстаній. — Подавленіе республиканской партіи. — Возникновеніе соціалистической и коммунистической партіи. — Борьба въ парламентѣ. — Министерство Гизо. — Католическая и демократическая оппозиціонныя партіи. — Результаты конституціонной монархіи.

Возстановленіе Бурбоновъ.—Послѣ окончательнаго пораженія Наполеона и капитуляціи Парижа, во Франціи не оставалось никакого правительства. Оно было ей дано Союзниками. Союзники не хотѣли ни республики, ни Наполеона. Имѣлись въ виду три кандидата на престолъ: 1) сынъ Наполеона (король Римскій) подъ регентствомъ его матери, эрцгерцогини Маріи-Луизы, дочери австрійскаго императора; 2) одинъ изъ французскихъ генераловъ (императоръ Александръ имѣлъ въ виду Бернадотта); 3) прежняя французская королевская фамилія. Римскаго короля устранили, опасаясь слишкомъ большого вліянія Австріи. Возвести на престолъ французскаго генерала составляло личное желаніе Александра I, остальные Союзники не желали этого. Оставались Бурбоны. Одинъ Александръ I былъ противъ нихъ. На свиданіи съ Меттернихомъ въ Лангрѣхъ онъ предложилъ созвать избирательныя собранія Франціи для выбора депутатовъ, которые и рѣшили бы участь страны; союзныя арміи сдерживали бы агитаторовъ. Меттернихъ отказался отъ всякихъ «опытовъ съ принципомъ народнаго самодержавія». «Это было бы, сказалъ онъ, возобновленіемъ Конвента и революціонныхъ неистовствъ... Къ тому же о чемъ будетъ разсуждать это собраніе? *Вѣдь законный король—на лицо*».

Въ концѣ концовъ Александръ перешелъ на сторону Бурбоновъ. Затрудненіе состояло въ томъ, чтобы заставить Францію признать ихъ. Англійское правительство успѣло убѣдить Союзниковъ признать тотъ принципъ, что возстановленія монархіи слѣдовало ожидать отъ самой французской націи, чтобы не казалось, что они непосредственно вмѣшиваются во внутреннія дѣла Франціи; затѣмъ Союзники вступили бы въ переговоры съ правительствомъ, признаннымъ французами. Между тѣмъ Союзники были сильно поражены тѣмъ, что, проходя черезъ Францію, они нигдѣ ничего не слышали о Бурбонахъ: новое поколѣніе, воспитавшееся во времена республики и имперіи, Бурбоновъ не знало. Въ мартѣ Меттернихъ писалъ: «Вторженіе доказало только безпримѣрное отсутствіе воли у громаднаго большинства французскаго народа... По вопросу о Бурбонахъ, французскій народъ никогда не приметъ на себя иниціативы; принципы, провозглашенные Союзниками, препятствуютъ имъ принять эту иниціативу на себя. Бурбоны должны дѣйствовать сами». И такъ, необходима была какая-нибудь манифестація въ пользу Бурбоновъ. Талейранъ устроилъ ее. Будучи членомъ регентства, учрежденнаго Наполеономъ въ Парижѣ на время своего отсутствія, онъ послалъ въ лагерь Союзниковъ одного роялиста; графъ д'Артуа послалъ съ своей стороны другого. Союзники рѣшили (20 марта) обѣщать свою поддержку партіи Бурбоновъ, если эта партія заявитъ о себѣ публично. Они дозволили графу д'Артуа утвердиться въ провинціяхъ, занятыхъ ихъ войсками, и обѣщали отдать въ управленіе его сторонникамъ всѣ области, которыя объявятъ себя за Бурбоновъ, причемъ гарантировали имъ во всѣхъ случаяхъ безнаказанность. Но, поддерживая Бурбоновъ, Союзники совѣтовали имъ быть осторожными. Англійское правительство совѣтовало Людовику XVIII не показываться пока во Фран-

ціи; Меттернихъ рекомендовалъ графу д'Артуа не давать никакихъ должностей эмигрантамъ.

При вступленіи въ Парижъ (31 марта 1814 г.) союзники были согласны между собою. Въ афишѣ, расклеенной префектами, объявлялось, что Императоръ Александръ беретъ Парижъ подъ свое покровительство. Въ афишѣ австрійскаго генерала говорилось: «Государи желаютъ для Франціи благотворной власти, которая водворила бы общее согласіе между всѣми націями. Отъ Парижа зависитъ ускорить общій миръ. Пусть онъ выскажетъ свое желаніе, и армія, находящаяся подъ его стѣнами, поддержитъ его рѣшеніе».

Утромъ нѣсколько дворянъ роялистовъ показались съ бѣлыми кокардами. Ихъ встрѣтили криками: «Да здравствуетъ императоръ!». Но афиши придали имъ смѣлости; они проходили по улицамъ съ бѣлыми платками на своихъ тростяхъ и кричали: «Да здравствуетъ король!».

Затѣмъ, когда союзники совершили свое вступленіе въ Парижъ (черезъ Сентъ-Мартэнскія ворота), роялисты шли около царя и кричали: «Да здравствуетъ Александръ! Да здравствуютъ Бурбоны!».

Вечеромъ происходило совѣщаніе у Талейрана; присутствовало восемь человѣкъ: Александръ и его два совѣтника, король прусскій, два австрійца (Шварценбергъ и Лихтенштейнъ) и два сановника Наполеона, Дальбергъ и Талейранъ. Союзники еще возражали, что Франція не желаетъ Бурбоновъ. Талейранъ взялся устроить такъ, чтобы ихъ пригласили на тронъ оффиціальныя власти, и составилъ слѣдующую декларацію отъ имени государей: «Они не вступятъ въ переговоры ни съ Наполеономъ, ни съ кѣмъ-либо изъ его дома; они отнесутся съ уваженіемъ къ старой Франціи, какою она была подъ властью ея законныхъ королей; они признаютъ и гарантируютъ конституцію, которую Франція дастъ сама себѣ. Они приглашаютъ сенатъ назначить временное правительство, которое будетъ управлять страною и приготовитъ конституцію».

Сенатъ назначилъ временное правительство изъ пяти членовъ и редактировалъ конституцію, оставлявшую неприкосновенными всѣ учрежденія имперіи, или, выражаясь точнѣе, общественное положеніе всѣхъ лицъ, пріобрѣтенное ими въ правленіе Наполеона. Она гарантировала *сенату* и законодательному корпусу ихъ дальнѣйшее существованіе въ качествѣ основныхъ государственныхъ учрежденій; *арміи*—ея жалованье, чины и отличія; *кредиторамъ* государства—признаніе государственнаго долга; *лицамъ, купившимъ національныя имущества,* — неотъемлемое право собственности на нихъ. Она обѣщала свободу вѣроисповѣданій, свободу печати и свободу выраженія политическихъ убѣжденій. И такъ, имперія была упразднена учрежденіями самой имперіи, или, точнѣе, меньшинствомъ въ этихъ учрежденіяхъ: сенатъ—63 голосами изъ 142, а палата—77 изъ 303 объявили Наполеона лишеннымъ трона, «право престолонаслѣдія, установленное въ его семействѣ»,—отмѣненнымъ, народъ и армію—освобожденными отъ присяги ему. Наполеонъ, по совѣту своихъ маршаловъ, отрекся отъ престола въ Фонтенебло.

Только послѣ этого сенатъ издалъ декретъ: «Французскій народъ свободно призываетъ на тронъ Людовика Французскаго, брата *послѣдняго короля*», и прибавилъ, что сенаторы сохраняютъ свой санъ (6 апрѣля). Союзники могли наконецъ вступить въ переговоры съ французскимъ правительствомъ. Они начали съ того, что заключили перемиріе съ графомъ д'Артуа, чтобы дать возможность воротиться во Францію французскимъ войскамъ, разбросаннымъ по крѣпостямъ внѣ Франціи (23 апрѣля); затѣмъ они заключили миръ съ Людовикомъ XVIII (30 мая). Союзники хотѣли быть умѣренными въ своихъ требованіяхъ: они признали за Франціей ея территорію 1792 года, даже съ кое-какими прибавленіями; отказались отъ всякаго денежнаго вознагражденія; не настаивали на уплатѣ Пруссіи за поставки въ армію Наполеона, «чтобы показать ихъ желаніе изгладить всѣ слѣды этихъ несчастныхъ временъ»; они даже не потребовали возвращенія картинъ, взятыхъ Наполеономъ и помѣщенныхъ во французскіе музеи. Они выждали обнародованія Людовикомъ XVIII хартіи, гарантирующей Франціи либеральную монархію, а затѣмъ вышли изъ страны со своими арміями.

Политическія учрежденія Хартіи.—Союзники требовали для Франціи конституціоннаго образа правленія. Когда графъ д'Артуа прислалъ проектъ декларація, въ которой ничего не говорилось о конституціонныхъ гарантіяхъ, то даже Меттерних потребовалъ, чтобы король обязался управлять согласно конституціоннымъ формамъ. Вступивъ во Францію, Людовикъ XVIII отказался отъ присяги конституціи, составленной сенатомъ; но въ *Сентъ-Уанской* декларація (2 мая) онъ изложилъ общія основанія той либеральной конституціи, которую обѣщалъ предложить сенату и законодательному корпусу: представительный образъ правленія съ двумя палатами, вотирующими налоги,—отвѣтственные министры,—несмѣняемые судьи,—свобода вѣроисповѣданій, печати, личности,—гарантія чиновъ, государственнаго долга, національныхъ имуществъ, ордена Почетнаго Легіона,—доступъ къ должностямъ, открытый всѣмъ французамъ.

Конституціонная хартія (1814 г.) установила монархію. Но возстановленіе королевской власти вовсе не было возстановленіемъ стараго порядка. Франція сохранила свой *общественный* строй, какимъ его сдѣлала революція, а равно *административную* организацію, установленную Наполеономъ. Революція создала общество, основанное на равенствѣ передъ закономъ, безъ дѣленія на оффиціально признанные классы, безъ

государственной церкви, безъ привилегій;—общество, въ которомъ нѣтъ никакихъ наслѣдственныхъ общественныхъ преимуществъ, кромѣ наслѣдственнаго права собственности, и въ которомъ самая собственность распредѣлена между большимъ числомъ жителей. Имперія организовала особое сословіе чиновниковъ, раздѣленное на различныя вѣдомства по роду занятій (армія, духовенство, судъ, администрація, вѣдомство прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, пути сообщенія, вѣдомство народнаго просвѣщенія); это сословіе было сильно централизовано, подъ управленіемъ всемогущихъ министерствъ, находящихся въ Парижѣ; члены его выбирались безъ всякаго различія по происхожденію, на практикѣ были несмѣняемы и были проникнуты сильнымъ корпоративнымъ духомъ, и на протяженіи всего государства слѣдовали тѣмъ же самымъ законамъ и постановленіямъ. Въ 1814 г. нація уже имѣла свой общественный и административный строй. Она была тѣмъ, чѣмъ остается и по настоящее время—*демократическимъ* обществомъ, которымъ управляетъ централизованная *бюрократія*. Но механизмъ центральнаго правительства не былъ еще установленъ; Франція стремилась его установить. Она употребила XIX вѣкъ на то, чтобы выработать себѣ строй политическій.

Людовикъ XVIII сохранилъ всѣ учрежденія имперіи, судебныя установленія, кодексы, администрацію, церковь, наполеоновскую организацію вѣдомства народнаго просвѣщенія, орденъ Почетнаго Легіона, Національный Банкъ, даже императорское дворянство. Онъ отмѣнилъ только рекрутскій наборъ и косвенные налоги (droits réunis), которые сдѣлали Наполеона непопулярнымъ *). Ему оставалось организовать верховную власть. Александръ и англичане совѣтовали ему принять представительный образъ правленія; сенатъ требовалъ того же; Бенжаменъ Констанъ противополагалъ эту форму правленія деспотизму Наполеона; Людовикъ XVIII согласился. Такъ какъ англійская конституція вновь вошла тогда въ моду, то за образецъ приняли Англію, въ которой конституціонная монархія существовала уже болѣе столѣтія, и перенесли во Францію весь англійскій политическій механизмъ. Управленіе страною было раздѣлено между тремя властями: *королемъ*, палатою *пэровъ*, назначаемыхъ королемъ и наслѣдственныхъ, какъ англійскіе лорды, и палатою *депутатовъ*, избираемыхъ, какъ и депутаты англійской палаты общинъ, избирателями, удовлетворяющими установленному цензу. Такъ-же какъ въ Англіи, бюджетъ вотировался одною палатою депутатовъ; законы вотировались обѣими палатами; министры могли привлекаться къ судебной отвѣтственности палатою депутатовъ; судьями являлись пэры. Члены обѣихъ палатъ не получали жалованья. Такъ-же какъ въ Англіи, король имѣлъ право назначать министровъ, утверждать законы, созывать и распускать палату депутатовъ и отсрочивать ея засѣданія; министры были отвѣтственны, т. е. палаты могли подвергать ихъ судебному преслѣдованію за ихъ политическія дѣйствія. Палаты должны были созываться ежегодно; всякій актъ, подписанный королемъ, долженъ былъ быть скрѣпленъ подписью министра; печать должна была быть свободной. Все это были англійскія гарантіи противъ произвола. Введены были даже нѣкоторые англійскіе обычаи: тронная рѣчь при открытіи сессіи и отвѣтный адресъ палаты. Такъ-же какъ и въ Англіи, установленныя учрежденія предполагались неизмѣнными; не было указано способа пересмотра конституціи.

Этотъ порядокъ оставлялъ неразрѣшенными три политическихъ вопроса.

1) Каковы будутъ отношенія между королемъ и выборной палатой? Этотъ вопросъ не былъ рѣшенъ тогда даже въ Англіи. Могъ-ли король назначать министровъ по своему усмотрѣнію, согласно теоріи торіевъ? Или же онъ долженъ былъ брать ихъ изъ среды большинства палаты, согласно теоріи виговъ? Это былъ вопросъ капитальный: въ странѣ, управляемой исключительно чиновниками и имѣющей постоянную армію, сопротивляться которой невозможно, власть дѣйствительная находится въ рукахъ исполнительной власти, располагающей чиновниками и арміей. Тотъ есть настоящій носитель верховной власти, отъ кого зависятъ министры.

2) Каковъ будетъ составъ избирателей? Хартія опредѣляла цифру налога, уплата котораго требовалась для того, чтобы быть избирателемъ (300 франковъ); но она не установила порядка производства выборовъ.

3) Какими постановленіями будетъ обезпечена свобода печати?

Два послѣднихъ вопроса должны были быть рѣшены путемъ обыкновенныхъ законовъ, не включенныхъ въ конституцію, а потому всегда доступныхъ новому обсужденію палатъ. Власть назначать министровъ, избирательная система и законы о печати, вотъ три вопроса, по которымъ предстояла борьба партій и на которыхъ должна была сосредоточиться политическая жизнь во все продолженіе Реставраціи.

Условія политической жизни. — Чтобы понять исторію этой политической борьбы, необходимо ясно представить себѣ условія французской жизни того времени; а это потребуетъ нѣкотораго вниманія со стороны читателей, такъ какъ одни и тѣ же названія (избиратели, палаты, газеты) обозначаютъ въ настоящее время совершенно другіе предметы,—до такой степени измѣнилось французское общество съ 1814 г.

Экономическая жизнь Франціи была подавлена войнами имперіи, которыя изолировали страну

*) *Рекрутскій наборъ* былъ скоро замѣненъ вербовкой, а косвенные налоги возстановлены подъ другимъ названіемъ *(contributions indirectes)*.

и вынуждали ее обходиться безъ произведеній англійской промышленности. Благодаря этому, на востокѣ и въ Нормандіи возникла промышленная аристократія владѣльцевъ желѣзныхъ заводовъ и мануфактурныхъ фабрикъ, пользовавшаяся на французскомъ рынкѣ монополіей, которую она и хотѣла удержать за собою. Земельная аристократія крупныхъ собственниковъ хотѣла поддерживать высокія цѣны на хлѣбъ. Коалиція этихъ двухъ аристократій господствовала въ палатахъ и стремилась запереть границы посредствомъ такой таможенной системы, которая продолжала бы континентальную блокаду Наполеона. Подвижной тарифъ облагалъ ввозимый хлѣбъ пошлиною, которая становилась тѣмъ выше, чѣмъ ниже были цѣны на хлѣбъ, такимъ образомъ, чтобы обезпечить французскихъ землевладѣльцевъ отъ паденія цѣнъ ниже извѣстнаго минимума; это было подражаніе англійскимъ хлѣбнымъ закономъ *(corn laws)*. Протекціонный тарифъ на желѣзо и ткани былъ запретительнымъ и дѣлалъ Францію закрытымъ рынкомъ, предоставленнымъ французскимъ промышленникамъ. Робкія попытки правительства открыть Францію для иностранной торговли оканчивались, вплоть до 1860 г., лишь пониженіемъ пошлинъ на нѣкоторые предметы.

Со времени Учредительнаго Собранія, рабочіе не имѣли права входить между собою въ соглашенія, чтобы устанавливать условія труда. По уголовному кодексу, стачка и даже ассоціація составляли преступленіе, наказуемое тюрьмою. Рабочіе оставались изолированными, безъ всякой связи между собой, кромѣ остатковъ старыхъ *товариществъ (compagnonnage)*, сохранившихся въ нѣкоторыхъ ремеслахъ; они были беззащитны, отданы на произволъ хозяевъ и подчинены надзору, посредствомъ рабочихъ книжекъ. Они были невѣжественны, зависимы и устранены отъ всякой политической жизни; и однако именно изъ ихъ среды выходили энтузіасты и фанатики, которые составляли тайныя общества и производили мятежи. Въ деревнѣ, фермеры и половники *(métayers)*, составлявшіе большую часть населенія, въ особенности на западѣ и въ центрѣ, были въ зависимости отъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ, несмотря на равенство, установленное закономъ, французское общество было раздѣлено на классы: оно состояло изъ дворянской и буржуазной аристократіи, крупныхъ собственниковъ и крупныхъ промышленниковъ, изъ средней буржуазіи мелкихъ собственниковъ и чиновниковъ и изъ бѣднаго и зависимаго пролетаріата.

Буржуазія еще вела простую и малоподвижную жизнь, жизнь маленькаго городка, монотонную, безъ комфорта, безъ развлеченій, безъ умственной дѣятельности, рабски подчинявшуюся общественному мнѣнію. Сообщенія были еще очень затруднительны. Существовали только старыя дороги, дурно устроенныя и плохо содержимыя, мощеныя камнемъ, изрытыя телѣгами (шоссированіе дорогъ началось только при Луи-Филиппѣ). Желѣзныя дороги стали строиться, собственно говоря, только съ 1848 года; до тѣхъ поръ довольствовались дилижансами. Дилижансы, славившіеся своею быстротою, употребляли три дня на переѣздъ отъ Парижа до Ліона. Почта была основана на принципѣ платежа почтовыхъ расходовъ получателемъ; цѣны были высокія. Въ 1829 г. существовало только 1,300 почтовыхъ конторъ, и, за исключеніемъ городовъ, не было почтальоновъ для доставленія писемъ на домъ.

Продолжительныя войны почти совсѣмъ пріостановили умственную жизнь; ея традиціи сохранились только между стариками, пережившими XVIII столѣтіе (идеологами); новое поколѣніе не получило правильнаго образованія. Началась умственная реставрація; вновь принялись учиться и учить. Факультеты были организованы, какъ спеціальныя школы (говорили: *школа* правовѣдѣнія, медицинская *школа*); студенты были малочисленны, но общество, спѣшившее научиться, посѣщало публичныя лекціи, читало историческія сочиненія и создавало репутаціи великихъ ученыхъ профессорамъ и популяризаторамъ (Кузенъ, Вильменъ, Гизо, Ог. Тіерри, де-Барантъ). Литература, въ которой, за исключеніемъ Шатобріана и Беранже, фигурировали только иностранцы (г-жа де Сталь, Бенжаменъ Констанъ, де Местръ), обновляется подражаніемъ иностраннымъ литературамъ. Среднее образованіе, по прежнему составлявшее монополію университета (вѣдомство народнаго просвѣщенія), было раздѣлено между государственными гимназіями (collèges) и низшими духовными семинаріями; и тѣ, и другія были закрытыми, съ монастырской дисциплиной, съ подраздѣленіями на классы, съ однообразнымъ обученіемъ, основаннымъ на мертвыхъ языкахъ и математикѣ, т. е. на іезуитской школьной системѣ. Первоначальное обученіе было въ большомъ пренебреженіи; оно не поощрялось ни правительствомъ, ни буржуазіей. Въ 1821 г. въ 25,000 общинъ не было школъ, а школьный бюджетъ не превышалъ 50,000 франковъ; да и этотъ малый бюджетъ правая сторона палаты хотѣла уничтожить. Только послѣ закона 1833 г. принялись за устройство первоначальныхъ школъ. Поэтому огромное большинство французовъ не умѣло читать; умственная жизнь въ народѣ почти отсутствовала.

Религія находилась въ упадкѣ. Малочисленное духовенство потеряло отчасти свое вліяніе; буржуазія не посѣщала церквей; религіозныхъ сочиненій почти не издавалось. Въ протестантской церкви религіозная жизнь, остановленная вѣковымъ преслѣдованіемъ, возобновилась только наружнымъ образомъ. Въ католической церкви произошла религіозная реставрація, руководимая сначала конгрегаціей, частнымъ обществомъ, основаннымъ въ 1816 году, затѣмъ—іезуитами,

а съ 1830 года—партіей либеральныхъ католиковъ (Ламенне, Монталамберъ, Лакордеръ), которымъ удалось ввести религію въ моду. Въ протестантской церкви произошла подобная же реставрація, подъ вліяніемъ иностранныхъ протестантовъ. Но до 1840 года религіозная дѣятельность была слишкомъ слаба, чтобы вліять на общественную жизнь.

Преобладающею чертою политической жизни этого времени было то, что въ ней участвовала лишь малая часть населенія. Всѣ чернорабочіе, ремесленники, крестьяне, мелкіе торговцы, почти всѣ должностныя лица, все низшее духовенство и большая часть буржуазіи были исключены изъ нея. Избирательное право казалось столь опасною силою, что его можно было дать только очень небольшому числу французовъ. Всеобщая подача голосовъ напоминала о конвентѣ и плебисцитахъ Наполеона. Поэтому за основу избирательнаго права, не колеблясь, приняли, какъ въ Англіи, имущественную состоятельность, удостовѣрявшуюся уплачиваемымъ налогомъ. Но тогда какъ въ Англіи традиціонная цифра, дававшая избирательное право (franchise), была очень низка, что придавало выборамъ народный характеръ, французская хартія установила очень высокій избирательный цензъ, что придавало всему строю характеръ плутократическій. Нація была раздѣлена на два класса: громадное большинство было лишено всѣхъ политическихъ правъ; очень незначительное меньшинство пользовалось избирательнымъ правомъ (до 1830 г., при цензѣ въ 300 франковъ отъ 88,000 до 110,000; послѣ 1830 года, при цензѣ въ 200 франковъ, отъ 166,000 до 241,000); эти *избиратели*, настоящія политическія особы, созывались въ главномъ городѣ мѣстности и составляли *избирательную коллегію* (подобную теперешнимъ избирательнымъ коллегіямъ для выбора сенаторовъ). Каждый вотировавшій писалъ собственноручно имя кандидата, за котораго онъ подавалъ голосъ, на особомъ билетикѣ.

Политическая печать имѣла тотъ же характеръ плутократической привилегіи. По примѣру Англіи, отъ политическихъ газетъ требовался большой залогъ (обыкновенно 200,000 франковъ); кромѣ того онѣ были обложены гербовымъ сборомъ въ 10 сантимовъ съ каждаго экземпляра и почтовою платою въ 5 сантимовъ. Газеты отдѣльными нумерами не продавались, онѣ имѣли только подписчиковъ, причемъ подписная цѣна была очень высокой, такъ какъ каждый нумеръ уже былъ обложенъ пошлинами въ 15 сантимовъ. Подписка была роскошью, которою могли пользоваться только люди состоятельные, да и тѣ часто выписывали газету въ складчину. Газетъ было очень мало, три или тетыре у каждой партіи; до 1830 года газеты печатались не болѣе какъ въ 15,000 экземпляровъ. Въ 1824 году въ одномъ секретномъ донесеніи число экземпляровъ оппозиціонныхъ газетъ опредѣлено въ 41,000, а правительственныхъ—въ 15,000. Въ 1830 г. газета *le Constitutionnel* имѣла 23,000 подписчиковъ, и это считалось огромнымъ успѣхомъ. Въ этихъ газетахъ печатались только политическія и литературныя статьи безъ подписи авторовъ, согласно англійскому обычаю. Когда въ 1836 году газета *la Presse* стала печатать статьи по разнымъ другимъ предметамъ, то на это смотрѣли какъ на настоящую революцію въ печати; а когда та же газета, чтобы покрыть расходы, начала печатать платныя объявленія, то это произвело большой скандалъ. Газеты эпохи Реставраціи, дорогія, безсодержательныя и монотонныя, нисколько не походили на печать нашего времени. Но именно потому, что ихъ было мало, онѣ пользовались всемогущимъ вліяніемъ на своихъ подписчиковъ. Всякій читалъ только одну газету и держался ея мнѣнія.

Съ другой стороны, правительство наблюдало за газетами съ щепетильностью, для насъ совершенно непонятною. Оно привлекало ихъ къ суду за всякую оппозиціонную статью, въ которой можно было заподозрить оскорбительное намѣреніе. Въ 1818 г., при либеральномъ министерствѣ, авторы *Исторической Библіотеки* были присуждены къ тюремному заключенію на шесть мѣсяцевъ за то, что, «подъ предлогомъ собиранія матеріаловъ для современной исторіи, они разыскиваютъ и помѣщаютъ въ своихъ компиляціяхъ документы, которыми, съ помощью сопровождающихъ ихъ примѣчаній и оцѣнокъ, почти всегда имѣютъ въ виду набросить неблагопріятную тѣнь на правительство... и этимъ обнаруживаютъ постоянное и преднамѣренное недоброжелательство». Законъ 1819 года, самый либеральный изъ всѣхъ законовъ этого періода, все еще признавалъ преступленіемъ оскорбленіе королевскаго величества, а за оскорбленіе королевскаго величества преслѣдовали одного автора, который назвалъ швейцарцевъ королевской гвардіи сателлитами и янычарами.

Сто дней и вторая Реставрація.—Послѣ возвращенія Людовика XVIII полагали, что для Франціи наступилъ періодъ политическаго успокоенія. Король оставилъ на мѣстахъ должностныхъ лицъ Имперіи и даже министровъ Наполеона (Талейранъ, Фуше, баронъ Луи). Большинство пэровъ были назначены изъ сенаторовъ Имперіи. Новыхъ выборовъ не произвели; въ 1814 г. для разсмотрѣнія бюджета была созвана палата Имперіи. Казалось, что Людовикъ XVIII искренно примирился съ обществомъ, созданнымъ революціей, а общество, радуясь окончанію войны, искренно примкнуло къ Бурбонамъ, этой «безспорной династіи», какъ говорилъ Бенжаменъ Констанъ. Чтобы отмѣтить это примиреніе, Беньо сочинилъ историческую фразу, припи-

санную по его возвращеніи графу д'Артуа: «Ничто не измѣнилось во Франціи, только стало однимъ французомъ больше». Политическихъ партій не возникало; палата занималась только финансами.

Это согласіе продолжалось не долго. Король, его братъ, его приближенные, не совершая ничего важнаго, оскорбляли однако и безпокоили французское общество своими устарѣлыми пріемами. Король сталъ называться Людовикомъ XVIII и помѣчать указы восемнадцатымъ годомъ своего царствованія, какъ-будто для того, чтобы показать, что онъ не признаетъ законности предшествовавшихъ ему правительствъ. Онъ титуловалъ себя королемъ *Божіею милостію*, не упоминая о волѣ націи; онъ назвалъ конституцію старымъ средневѣковымъ именемъ—конституціонною *хартіею* и обнародовалъ ее со старою формулой: «*даруемъ и жалуемъ*», какъ бы хартію, дарованную королевскою милостію, и на которую нація не имѣла никакого права. Были возстановлены красные мушкетеры и тѣлохранители; съ дворянствомъ имперіи обращались при дворѣ съ меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ съ дворянствомъ старинным. Графъ д'Артуа, помѣщавшійся въ Марсанскомъ павильонѣ, окружилъ себя эмигрантами, которые толковали объ отобраніи національныхъ имуществъ. Этимъ приближеннымъ, которыхъ прозвали «министерствомъ антресолей», приписывали вліяніе на правительство. Въ провинціи возстановили религіозныя процессіи и обязательность воскреснаго отдыха. Всѣ эти мѣры, имѣвшія скорѣе символическій характеръ, вызывали въ буржуазіи опасеніе, что дворъ хочетъ возстановить старый порядокъ. Перемѣна знамени усилила эти опасенія. Трехцвѣтное знамя было знаменемъ арміи; бѣлое—знаменемъ эмигрантовъ. Графъ д'Артуа вступилъ въ Парижъ съ конвоемъ, имѣвшимъ обѣ кокарды, но король приказалъ трехцвѣтную кокарду окончательно замѣнить бѣлою. Эта замѣна унижала солдатъ, какъ знакъ пораженія.—Офицеры, возвратившіеся изъ чужихъ странъ, бывшихъ занятыми французскими гарнизонами, были слишкомъ многочисленны для арміи на мирномъ положеніи; ихъ уволили въ отпускъ съ половиннымъ жалованьемъ.—Военнымъ министромъ назначили непопулярнаго генерала Дюпона, того самаго, который сдался на капитуляцію въ Байленѣ. Всѣ эти мѣры раздражили армію. Образовалась имперьялистская партія, состоявшая преимущественно изъ офицеровъ. Бывшій министръ полиціи Наполеона, Фуше, вошелъ въ тайное соглашеніе съ нѣкоторыми генералами, чтобы возвратить императора. Извѣщенный объ этомъ, Наполеонъ высадился во Франціи. Избѣгая долины Роны, гдѣ преобладали роялисты, онъ прошелъ черезъ горы Дофинэ и появился въ Ліонѣ. Армія присоединилась къ нему безъ битвы и вновь надѣла трехцвѣтную кокарду; покинутые Бурбоны бѣжали въ Бельгію. Наполеонъ, чтобы не оставаться изолированнымъ, хотѣлъ вступить въ соглашеніе съ либералами и даже республиканцами. Онъ поручилъ Бенжаменъ Констану составить либеральную конституцію и обнародовалъ ее подъ названіемъ *Дополнительнаго акта къ конституціямъ имперіи*; онъ даже отдалъ ее на утвержденіе народа, приглашая всякаго гражданина внести свое имя въ особые списки. Собрали 1.500,000 голосовъ. Конституція установляла тѣ же порядки, что и хартія; но она не была приведена въ дѣйствіе. Судьба Франціи зависѣла отъ войны. Союзники отказались признать Наполеона. Ихъ арміи находились еще въ сборѣ. Бельгійская кампанія рѣшила паденіе Имперіи и возвращеніе Бурбоновъ. Наполеонъ отрекся отъ престола и провозгласилъ своего сына Наполеона II *императоромъ французовъ*. Но палаты образовали временное правительство изъ пяти членовъ, которое избѣгало признать формально Наполеона II и управляло *именемъ французскаго народа*. Затѣмъ прибыли Союзники, а съ ними Людовикъ XVIII и бѣлое знамя.

Послѣдствія Ста дней.—Эпизодъ Ста дней былъ не болѣе какъ военнымъ возмущеніемъ, *pronunciamento* Наполеоновской арміи. Но, вызвавъ вмѣшательство Союзниковъ, онъ породилъ послѣдствія огромной важности:

1-е. Прежде всего вторженіе союзниковъ, за которымъ послѣдовала продолжительная оккупація. Союзники, сильно раздраженные противъ французовъ, уже не щадили ихъ, какъ щадили въ 1814 году; они потребовали контрибуціи въ 700 милліоновъ франковъ, которые слѣдовало уплатить втеченіе 5 лѣтъ, и содержанія оккупаціонной арміи, состоявшей изъ 150,000 человѣкъ, втеченіе трехъ или пяти лѣтъ.

2-е. Послѣдовали новыя, болѣе невыгодныя территоріальныя измѣненія. Трактатъ 1815 г отнялъ у Франціи, кромѣ Савойи, еще нѣкоторые участки ея прежней территоріи 1790 года, въ сложности полъ-милліона жителей; да еще Александръ I и Англія должны были воспротивиться дальнѣйшему расчлененію Франціи, котораго требовали Пруссія, Австрія и нѣмецкіе государи.

3-е. Наконецъ, произошла глубокая перемѣна въ національныхъ и политическихъ чувствахъ, какъ во Франціи, такъ и въ Европѣ. Нашествіе 1814 года было непродолжительно и милостиво, а потому не вызвало продолжительнаго озлобленія. Тогда союзники воевали только противъ Наполеона; они не коснулись ни внутренней независимости, ни старинной территоріи Франціи. Возвращеніе Наполеона поссорило Францію съ Европой. Союзники, раздраженные противъ французовъ, которые покинули такъ легко своего законнаго государя, пришли къ убѣжденію, что, въ интересахъ мира, Европа должна надзирать за этимъ неисправимо революціоннымъ народомъ.

Они начали вмѣшиваться во внутреннюю политику Франціи, наводя справки о положеніи партій, угрожая французскому правительству, и сговариваясь между собою на случай вооруженнаго вмѣшательства, для подавленія новой революціи (секретный трактатъ 20 ноября 1815 года). Эта подозрительность европейскихъ правительствъ относительно Франціи перешла въ народное чувство, по крайней мѣрѣ въ средѣ нѣмецкаго народа.

4-е. Съ другой стороны, и французы, понесшіе большія потери отъ продолжительнаго нашествія и уязвленные въ ихъ патріотизмѣ отторженіемъ части территоріи, считали поведеніе Союзниковъ въ 1815 году оскорбленіемъ и злоупотребленіемъ силою. Съ тѣхъ поръ французскій патріотизмъ выражался въ заявленіяхъ о необходимости смыть посредствомъ новой войны позоръ *трактатовъ 1815 года*. Патріоты чувствовали также зависимость Франціи отъ иностранныхъ государей, которые дозволяли себѣ вмѣшиваться во внутреннюю политику Франціи. Это чувство выражалось въ ненависти къ коалиціи, называемой неподходящимъ именемъ *Священнаго Союза;* отсюда — привычка считать Францію врагомъ Европы.

5) Во Франціи произошло новое распредѣленіе партій; она раздѣлилась на два лагеря: одни приняли сторону Наполеона и трехцвѣтное знамя; другіе остались вѣрными Бурбонамъ и бѣлому знамени. Каждая сторона представляла собою коалицію безъ настоящаго политическаго единства.—Партія трехцвѣтнаго знамени состояла изъ республиканцевъ имперіалистовъ. Республиканцы, присоединившись къ старымъ солдатамъ, перестали считать Наполеона тираномъ. Тогда именно возникла Наполеоновская легенда; Наполеона стали считать государемъ-патріотомъ, преслѣдуемымъ ненавистью Союзниковъ за то, что онъ слишкомъ любитъ Францію, и вернувшимся въ 1815 году для защиты того, что Революція завоевала у стараго порядка. Соединяли въ одномъ общемъ поклоненіи Революцію и Имперію. Это смѣшеніе проявилось у писателей того времени, у П. Л. Курье, у Казиміра де ла Винь и въ особенности у республиканца Беранже, стараго противника Наполеона, сдѣлавшагося пѣвцомъ императорской славы. Слѣды этого направленія остались и въ историческихъ сочиненіяхъ (Тьеръ, Волабелль). Партія трехцвѣтнаго знамени вербовалась преимущественно среди офицеровъ и бывшихъ наполеоновскихъ чиновниковъ, а равно въ средѣ либеральной буржуазіи, патріотовъ и рабочихъ большихъ городовъ. Это была партія военная и патріотическая; она старалась вызвать ненависть къ чужеземцамъ и взывала къ національной чести; она упрекала Бурбоновъ въ томъ, что «они вернулись съ обозомъ враждебной арміи», въ томъ, что они—любимцы чужеземцевъ и принадлежатъ къ «Священному Союзу, губителю народовъ». Это была партія демократическая и свѣтская, старавшаяся вызвать ненависть къ старому порядку и обвинявшая Бурбоновъ въ томъ, что они хотятъ возстановить десятину, оброки и феодальныя права, привилегіи дворянства, инквизицію и административную ссылку (lettres de cachet).

Равнымъ образомъ и партія бѣлаго знамени состояла не изъ однихъ только сторонниковъ Хартіи и конституціонной монархіи. — Пылкіе роялисты не довольствовались полу-реставраціей 1814 года; они хотѣли соціальной реставраціи, *контръ-революціи*, чтобы уничтожить ею плоды Революціи,—не будучи впрочемъ согласными между собою въ вопросѣ—въ какихъ размѣрахъ слѣдовало возстановить старый порядокъ. Они особенно нападали на продажу національныхъ имуществъ и на конкордатъ. Эти роялисты «plus royalistes que le roi», прозванные *ultras* (крайними), вербовались въ средѣ эмигрантовъ и помѣстнаго дворянства, преимущественно на западѣ Франціи. Они считали своимъ главою не короля, а его брата, будущаго короля Карла X. Франція раздѣлилась на два непримиримыхъ лагеря. Въ Англіи было также двѣ партіи; но онѣ боролись только по вопросу объ общемъ направленіи политики, о томъ или другомъ толкованіи конституціи; во Франціи же было двѣ революціонныхъ партіи, не признававшихъ конституціи: партія крайнихъ *(ultras)*, подобная англійскимъ *якобитамъ* XVIII столѣтія, не признавала конституціи потому, что не признавала Революція;— партія *либераловъ* (такъ называлась республиканско-имперьялистская партія, не имѣвшая ничего себѣ подобнаго въ Англіи) не признавала конституціи, потому что монархія отвергла національное знамя и мирилась съ иностраннымъ вмѣшательствомъ.

Контръ-революціонный кризисъ (1815—1816 годы). — Нашествіе 1815 г. передало власть въ руки контръ-революціонной партіи. Роялисты, поддерживаемые присутствіемъ союзныхъ армій, стали мстить за измѣну Ста Дней. Эта месть проявилась въ формѣ политическихъ процессовъ, а на югѣ — въ формѣ убійствъ. Амнистія, дарованная «заблудшимся французамъ», не распространялась на дѣйствія, предшествовавшія 23 марту. Высшіе офицеры, обвиняемые въ содѣйствіи возвращенію Наполеона, были преданы военному суду (Нея судила палата пэровъ); многіе были обвинены и разстрѣляны. Затѣмъ были учреждены *превотальные суды* (20 декабря 1815 г.), составленные изъ пяти судей, подъ предсѣдательствомъ офицера, чтобы судить путемъ упрощеннаго судопроизводства всякаго, обвиненнаго въ мятежныхъ поступкахъ или крикахъ. Палаты вотировали законы, дававшіе правительству право держать въ тюрьмѣ безъ суда всякаго обвиненнаго въ заговорѣ, и присуждавшіе къ ка-

торжнымъ работамъ за мятежныя сочиненія и рѣчи. Изъ амнистіи, вотированной палатами, были исключены всѣ высшія должностныя лица Ста Дней и всѣ *царсубійцы*, т. е. всѣ депутаты Конвента, которые подали голоса за смертную казнь Людовика XVI.

На югѣ роялистское населеніе нѣкоторыхъ городовъ перебило генераловъ и плѣнниковъ и подвергло разнымъ насиліямъ должностныхъ лицъ Ста Дней, пріобрѣтателей національныхъ имуществъ, либераловъ и даже женщинъ. Въ Нимѣ, гдѣ протестанты стали на сторону императора, насилія приняли форму религіозныхъ преслѣдованій. Всѣ эти казни, убійства и безпорядки, прозванные *Бѣлымъ терроромъ*, довели взаимную ненависть партій до послѣдняго предѣла. Палата депутатовъ, число которыхъ было доведено до 402 (простымъ декретомъ), была избрана въ августѣ 1815 года, подъ впечатлѣніемъ нашествія и Террора, по избирательной системѣ имперіи окружными и департаментскими избирательными коллегіями, составленными изъ пожизненныхъ избирателей; окружныя коллегіи только предлагали кандидатовъ, изъ которыхъ департаментскія коллегіи назначали депутатовъ; но префекты имѣли право прибавлять десять именъ къ списку окружныхъ избирателей и двадцать къ списку департаментскихъ; кромѣ того, многіе изъ избирателей-имперьялистовъ не посмѣли принять участія въ выборахъ. Партія трехцвѣтнаго знамени почти не была представлена. Большинство палаты состояло изъ *крайнихъ* роялистовъ, а меньшинство — изъ роялистовъ-сторонниковъ хартіи и министерства. Король, сначала очень довольный этимъ неожиданнымъ роялистскимъ составомъ палаты, прозвалъ ее небывалою палатою *(Chambre introuvable)*. Согласіе между королемъ и палатой продолжалось, пока рѣчь шла о мѣрахъ противъ противниковъ короля. Палата вотировала исключительные законы (законъ о мятежныхъ сочиненіяхъ, превотальные суды, исключенія изъ амнистіи). Она безъ преній уничтожила разводъ, потому что онъ «позоритъ гражданскій кодексъ». Она предложила также упразднить нѣкоторыя изъ учрежденій, гарантированныхъ хартіей: университетъ (Наполеоновскую организацію), вѣдомство народнаго просвѣщенія, національный долгъ, несмѣняемость судей; она потребовала даже возвращенія національныхъ имуществъ. Но эти попытки реставраціи были остановлены пэрами, бывшими должностными лицами имперіи, естественными защитниками режима, установленнаго хартіей. Въ концѣ концовъ между палатою и королемъ произошло столкновеніе по вопросу о ихъ относительныхъ прерогативахъ и о порядкѣ выборовъ.

Людовикъ XVIII удалилъ бывшихъ наполеоновскихъ министровъ (Фуше, Талейрана), но онъ замѣстилъ ихъ роялистами конституціонной партіи, находившейся въ меньшинствѣ въ палатѣ, а президентомъ министерства назначилъ герцога Ришельё, личнаго друга императора Александра I; это обезпечивало Франціи покровительство императора и облегчало переговоры объ уплатѣ военнаго вознагражденія и объ очищеніи территоріи. Только три министра принадлежали къ партіи крайнихъ, имѣвшей большинство въ палатѣ; это были личные друзья графа д'Артуа; ихъ обвиняли въ томъ, что они вмѣстѣ съ нимъ составляютъ тайный совѣтъ въ Марсанскомъ павильонѣ, и ихъ товарищи сторонились ихъ. Большинство палаты протестовало противъ этого министерства и требовало министерства большинства, согласно парламентской теоріи. Король заявлялъ притязаніе на свободное назначеніе своихъ министровъ, а либерально-конституціонное меньшинство палаты поддерживало короля противъ большинства. Ораторъ этой партіи, Ройе-Колларъ, ясно формулировалъ доктрину главенства короля: «Съ того момента, когда правительство будетъ зависѣть только отъ большинства палаты и когда будетъ установлено фактически, что палаты могутъ удалять министровъ короля, наступитъ конецъ не только конституціи, но и независимой королевской власти, и мы будемъ имѣть республику» (1816 г.).

Въ это именно время во Франціи возникли двѣ противоположныхъ теоріи, которыя вновь появятся въ царствованіе Луи-Филиппа, подъ названіемъ теорій *конституціонной монархіи* и *парламентарнаго правительства*. Конституціонная доктрина признаетъ за королемъ право назначать министровъ по своему усмотрѣнію, даже противъ желанія палаты депутатовъ, лишь бы эти министры управляли согласно конституціи; эта теорія предоставляетъ исполнительную власть, единственную реальную силу, королю, а слѣдовательно дѣлаетъ его господиномъ страны. У палатъ остается только призрачное право привлекать министровъ къ суду за нарушеніе конституціи. Парламентарная доктрина заявляетъ, что король *обязанъ* назначать министровъ изъ среды большинства палаты; она ставитъ исполнительную власть въ зависимость отъ парламента, который, вотируя недовѣріе, можетъ заставить министровъ выйти въ отставку. Она косвенно передаетъ верховную власть палатѣ. Въ 1816 г. крайніе роялисты поддерживали ученіе о правахъ парламента; либералы защищали прерогативы короны противъ роялистовъ. По избирательному вопросу, крайніе роялисты требовали двойныхъ выборовъ, сначала въ кантонѣ, а потомъ въ департаментѣ; причемъ кантоны должны были назначать выборщиковъ для департаментскихъ избирательныхъ коллегій; они требовали также пониженія ценза до 50 франковъ для кантональныхъ избирателей, т. е. распространенія избирательнаго права почти на 2.000,000 избирателей. Они требовали болѣе многочисленной

палаты, возобновляющейся во всемъ составѣ черезъ каждыя 5 лѣтъ. Король и либеральное меньшинство стояли за прямые выборы, съ очень ограниченнымъ числомъ избирателей (менѣе 100,000) и за высокій цензъ (300 франковъ); они стояли также за возобновленіе палаты по частямъ и за уменьшеніе числа депутатовъ.

Избирательный законъ, предложенный *крайними*, прошелъ въ палатѣ депутатовъ, но былъ отвергнутъ палатою пэровъ (мартъ — апрѣль 1816 г.).

Крайніе хотѣли также уменьшить власть префектовъ и передать мѣстную власть въ руки землевладѣльцевъ. Либералы отстаивали централизацію, созданную Имперіей.

Роли, повидимому, совершенно измѣнились; партія стараго порядка стремилась ослабить власть короля въ пользу парламента, расширить избирательное право и усилить мѣстное самоуправленіе; либеральная партія поддерживала главенство короля, власть префектовъ и ограниченіе избирательнаго права. Это объяснялось тѣмъ, что партіи смотрѣли на политическій механизмъ лишь какъ на орудіе для обезпеченія за собою власти, и стояли не столько за форму правительства, сколько за общее направленіе политики: крайніе стремились передать власть въ руки деревенскаго дворянства, которое, при цензѣ въ 50 франковъ, господствовало бы въ палатѣ и могло бы возстановить аристократическій строй. Либералы хотѣли сохранить преобладаніе короля, префектовъ и избирателей съ цензомъ въ 300 франк., потому что считали ихъ сторонниками общественнаго порядка, созданнаго революціей.

Людовикъ XVIII, поддерживаемый иностранными правительствами, сохранилъ свое министерство и поборолъ палату; онъ началъ съ того, что закрылъ ея засѣданія (апрѣль 1816 г.); затѣмъ онъ уже не созывалъ ея вновь и въ сентябрѣ 1816 г. ее распустилъ.

Указъ о распущеніи возстановлялъ для будущей палаты прежнюю цифру депутатовъ (228). Такимъ образомъ король простымъ указомъ измѣнилъ составъ палаты; это былъ государственный переворотъ, аналогичный перевороту 1830 года. Чтобы обезпечить за собою большинство въ палатѣ пэровъ, король назначилъ новыхъ пэровъ изъ генераловъ и чиновниковъ имперіи.

Втеченіе этой борьбы между королемъ и палатою партія трехцвѣтнаго знамени, низведенная до девяти депутатовъ, бездѣйствовала. Заговоры съ цѣлью низверженія монаріи (Дидье въ Греноблѣ, *патріоты* въ Парижѣ) были отдѣльными попытками, о которыхъ партія не знала и отъ которыхъ она отреклась.

Правленіе конституціонной партіи (1816—1820 гг.).—Новая палата, созванная въ ноябрѣ 1816 года, состояла почти исключительно изъ конституціонныхъ роялистовъ, сторонниковъ министерства; двѣ крайнія партіи *(ultras)* и либералы были низведены до незначительныхъ группъ. Политика короля и министровъ заключалась въ томъ, чтобы утверждать свою власть, успокоивая буржуазію, заинтересованную въ сохраненіи хартіи, и въ особенности покупщиковъ національныхъ имуществъ, которыхъ тревожила «небывалая» палата *(chambre introuvable)*. Въ своей тронной рѣчи 1816 г. Людовикъ XVIII сказалъ: «Пусть ненависть прекратится, пусть дѣти одного отечества будутъ братьями». Въ 1818 г. онъ говорилъ: «Принятая мною система покоится на томъ принципѣ, что нельзя быть королемъ двухъ народовъ; всѣ усилія моего правительства направлены къ тому, чтобы эти два народа, на которые къ несчастью еще и теперь раздѣляется Франція, составили одинъ народъ».

Началась правильная политическая жизнь. Основной вопросъ о верховенствѣ короля или палаты не возникалъ болѣе: палата предоставляла королю свободно назначать министерство и руководить общей политикою, сама же занялась главнымъ образомъ финансовыми вопросами. При имперіи бюджетъ былъ не болѣе, какъ примѣрнымъ разсчетомъ, часто превышаемый министрами и лишенный значенія вслѣдствіе ихъ права перемѣщать ассигновки; въ 1818 г. военное министерство превысило свою смѣту на 36 милліоновъ; контроль тянулся изъ года въ годъ, безъ опредѣленнаго срока для закрытія каждаго бюджета; это дозволяло переносить неизрасходованные кредиты на слѣдующій годъ; вмѣсто одного общаго бюджета существовало нѣсколько спеціальныхъ бюджетовъ. Расходы взиманія вычитались изъ росписи доходовъ, что усложняло контроль. Палата вотировала финансовые законы, установившіе для Франціи правила составленія бюджета и его контроля. Законъ 1818 года обязывалъ каждаго министра представлять ежегодно отчетъ по операціямъ прошедшаго года, сопоставляя произведенные расходы съ ассигнованіями казначейства и кредитами, открытыми палатою. Министръ финансовъ былъ обязанъ представлять сверхъ того общій отчетъ по всѣмъ отдѣльнымъ бюджетамъ, отчетъ по валовому доходу, отчетъ по государственному долгу и отчетъ казначейства. Такимъ образомъ палата имѣла возможность знать размѣры суммъ, полученныхъ, израсходованныхъ и остающихся на-лицо. Спеціальные бюджеты были мало-по-малу уничтожены (отъ 1817 до 1829 г.). Этотъ порядокъ былъ дополненъ запрещеніемъ переносить ассигновки одного года въ другой (1822 г.). Палата вотировала также законы по двумъ политическимъ вопросамъ, разрѣшеннымъ хартіею только въ принципѣ: избирательные законы и законы о печати. Она установила (1817 г.) частичное возобновленіе палаты, въ одной пятой ея состава ежегодно, и производство выборовъ въ одной избирательной коллегіи, созванной въ главномъ

городѣ каждаго департамента; чтобы быть избирателемъ, надо было достигнуть тридцатилѣтняго возраста и платить 300 франковъ прямыхъ налоговъ; чтобы имѣть право быть депутатомъ, надо было достигнуть сорокалѣтняго возраста и платить 1,000 франковъ налоговъ. Такого порядка требовала высшая промышленная буржуазія, составлявшая главную силу либеральной партіи. Законъ о печати, долго ожидаемый, былъ вотированъ (1819 г.) подъ вліяніемъ группы поклонниковъ англійскихъ тори,—группы *доктринеровъ* (Гизо, Брольи, Ройе-Колларъ). Это было подражаніе англійскимъ порядкамъ: отмѣна цензуры, процессы о печати съ присяжными, залогъ и гербовый сборъ для газетъ. Хотѣли имѣть свободныя политическія газеты, гарантированныя посредствомъ суда присяжныхъ противъ самовластія правительства, но только газеты буржуазныя; требуя отъ издателя газеты огромнаго залога (200,000 франковъ) и облагая газеты гербовымъ сборомъ, создавали печать, недоступную для народа.

Это былъ періодъ общаго переустройства. Французская территорія была очищена отъ союзныхъ войскъ. Государственный долгъ консолидированъ и бюджетъ приведенъ въ равновѣсіе; превотальные суды упразднены; постоянная армія организована по системѣ набора по жребію и съ допущеніемъ замѣстительства; срокъ службы установленъ семилѣтній (этотъ порядокъ держался до 1871 года). За государствомъ была сохранена монополія высшаго и средняго образованія. Чтобы упрочить власть духовенства, образовалась католическая партія, названная неправильно конгрегаціей *); она требовала отмѣны конкордата, заключеннаго Наполеономъ. Папа и Людовикъ XVIII были согласны на заключеніе новаго конкордата, но палаты отказали въ этомъ.

Между тѣмъ либеральная партія усиливалась. Каждый годъ, при частичномъ возобновленіи палаты, число членовъ этой партіи увеличивалось. Она имѣла 25 депутатовъ въ 1817 г.; 45—въ 1818 г.; 90—въ 1819 г. Это обстоятельство безпокоило иностранныя правительства, и они предлагали Людовику XVIII принять мѣры противъ либераловъ—враговъ Бурбоновъ; король принялъ отставку герцога Ришельё, сторонника этой политики (декабрь 1818 г.), и удержалъ у власти министровъ—сторонниковъ нейтральной политики (министерство Дессоль-Деказа). Тогда конституціонное большинство палаты, поддерживавшее министерство Ришельё, распалось на двое. Лѣвый центръ продолжалъ стоять за министерство. Правый центръ упрекалъ его въ бездѣйствіи противъ революціи и предлагалъ измѣнить избирательный законъ, чтобы воспрепятствовать избранію либераловъ; въ концѣ концовъ онъ вступилъ въ союзъ съ крайними роялистами противъ министерства. Деказъ сначала боролся; онъ настоялъ на назначеніи 73 новыхъ пэровъ, чтобы имѣть большинство въ палатѣ пэровъ, и провелъ либеральный законъ о печати. Но противъ него были графъ д'Артуа, дворъ, католическая партія; онъ держался, лишь благодаря личной поддержкѣ короля. Наконецъ, онъ рѣшился удовлетворить правую, внеся новый избирательный законъ. Но избраніе въ 1819 г. бывшаго члена конвента, аббата Грегуара, еще болѣе ослабило его власть, и онъ былъ не въ силахъ сопротивляться роялистамъ, крайне раздраженнымъ убійствомъ герцога Беррійскаго (1820 г.). Убійца дѣйствовалъ единолично, но обвиняли всю либеральную партію. Людовикъ XVIII рѣшился наконецъ отступиться отъ Деказа и составилъ министерство правой (Ришельё), которое вступило въ борьбу съ либералами.

Правительство правой (1820—1827 гг.).— Впродолженіе семи лѣтъ, правая владѣла большинствомъ въ палатѣ и находилась у власти, поддерживая согласіе сначала съ Людовикомъ XVIII, больнымъ и потерявшимъ способность сопротивляться, а потомъ съ 1824 г. и съ Карломъ X, старымъ вождемъ *крайнихъ*, лично благопріятствовавшимъ политикѣ правой. Министромъ-президентомъ былъ сначала Ришельё; но истиннымъ вождемъ большинства и правительства былъ Вилель, одинъ изъ ораторовъ *крайнихъ* въ «небывалой» палатѣ.

Вступивъ въ управленіе, правая тотчасъ же разрушила всю политическую работу предшествовавшихъ годовъ: избирательный законъ и законъ о печати. Указъ 1820 г. возстановилъ временно предварительную цензуру и систему разрѣшеній; для того чтобы издавать газету, необходимо было имѣть разрѣшеніе правительства и затѣмъ получать разрѣшеніе цензора на выпускъ каждаго нумера; все изданіе могло быть пріостановлено безъ суда на шесть мѣсяцевъ. Новый избирательный законъ 1820 г. преобразовалъ палату и избирательныя коллегіи. Число депутатовъ было доведено до 430; всѣ они избирались одновременно, но по двумъ различнымъ системамъ. Избиратели, съ цензомъ въ 300 фр., созывались въ *окружныя коллегіи*, какъ въ 1815 г., и избирали 258 депутатовъ (что составляло прежнюю цифру); избиратели, цензъ которыхъ достигалъ ценза, требовавшагося отъ депутатовъ (1000 франковъ), собирались затѣмъ въ департаментскія коллегіи и выбирали еще 172 депутата; такимъ образомъ эти избиратели пользовались двойнымъ правомъ голоса. Палата, выбранная согласно этому закону (ноябрь 1820 г.), состояла изъ громаднаго большинства правыхъ, которое окончательно утвердило власть за партіею крайнихъ. Рожденіе графа Шамбора, наслѣдника уби-

*) Конгрегація была частнымъ обществомъ, основаннымъ въ Парижѣ въ 1816 г.; члены его собирались, чтобы заниматься сообща дѣлами благочестія; у нихъ были тѣ же идеалы, что и у католической партіи, но не доказано, чтобы они были ея вождями.

таго герцога Беррійскаго, еще болѣе укрѣпило эту партію, обезпечивъ продолженіе старшей линіи Бурбоновъ.

Партія трехцвѣтнаго знамени, низведенная въ палатѣ до слабаго меньшинства, отказалась отъ дѣйствія законнымъ путемъ и вновь начала подготовлять революцію. Это было время военныхъ мятежей въ Испаніи и Италіи. По образцу итальянскихъ *карбонаріевъ*, было создано французское тайное общество *угольщиковъ*, подраздѣленное на секціи изъ 20 членовъ, называвшіяся, какъ и въ Италіи, *вентами*, и управляемое центральнымъ комитетомъ, *высокою вентою*. Цѣль этого общества, указанная въ его учредительномъ актѣ, заключалась въ слѣдующемъ: «возстановить право французской націи свободно избирать свое правительство въ виду того, что Бурбоны были возвращены на престолъ чужеземцами». Дѣло шло о низверженіи Бурбоновъ; что касается порядка, который слѣдовало установить потомъ, мнѣнія расходились, такъ какъ революціонная партія состояла изъ республиканцевъ и имперьялистовъ. Она разсчитывала дѣйствовать путемъ возстанія (*угольщики* должны были держать оружіе наготовѣ) и главнымъ образомъ, какъ въ Испаніи и Италіи, поднимая армію. Она разсчитывала также на помощь революціонеровъ другихъ странъ, съ которыми находилась въ сношеніяхъ черезъ посредство *космополитическаго союза*. Повидимому, революціонеры были если не прямо одобряемы вождями либераловъ въ палатѣ, Лафайетомъ и Манюелемъ, то, по крайней мѣрѣ, извѣстны имъ. Въ то же время реорганизовались франкъ-масоны для борьбы противъ духовенства; однако не доказано, чтобы они дѣйствовали сообща съ тайными политическими обществами. Было нѣсколько попытокъ произвести возстаніе: въ Бельфорѣ, въ Кольмарѣ, въ Тулонѣ, въ Сомюрѣ (1822 годъ); но ни одна изъ нихъ не удалась. Заговорщики были повсюду казнены. «Четыре сержанта Ларошели», находившіеся въ связи съ угольщиками, были преданы смерти. Происходили также студенческія манифестаціи съ криками: «Да здравствуетъ хартія!». Это былъ лозунгъ, данный либералами, чтобы не испугать либеральную буржуазію. Манифестація парижскихъ студентовъ-юристовъ окончилась свалкой, въ которой было нѣсколько раненыхъ.

Правая продолжала господствовать въ палатѣ. Она провела законъ о печати 1822 г., который оставлялъ въ силѣ предварительное разрѣшеніе, право правительства пріостанавливать газеты и передавать процессы печати вѣдѣнію обыкновенныхъ судовъ, составленныхъ изъ судей, зависимыхъ отъ правительства. Цензура была отмѣнена, но въ 1823 году министерство возстановило ее *простымъ указомъ*. (Поднимался даже вопросъ о томъ, чтобы не разрѣшать ни одной новой газеты и скупить мало-по-малу всѣ существующія). На дѣлѣ, печать подвергалась такимъ систематическимъ судебнымъ преслѣдованіямъ, что оппозиція стала почти невозможною. Даже если не находилось прямо повода для привлеченія газеты къ суду, правительство могло преслѣдовать ее за *направленіе* и осудить ее за *рядъ* статей, которыя, взятыя отдѣльно, были ненаказуемы, но, сопоставленныя одна съ другою, обнаруживали разрушительную *тенденцію*. Правая вынудила короля объявить войну Испаніи, чтобы возстановить въ ней самодержавіе; Манюель, позволившій себѣ по этому поводу напомнить о казни Людовика XVI, былъ изгнанъ изъ палаты; тогда остальные либеральные депутаты вышли изъ нея сами (1823 г.). Чтобы воспользоваться роялистскимъ настроеніемъ избирателей, министерство провело законъ, который установилъ избраніе палаты на 7 лѣтъ. Затѣмъ оно распустило палату и открыто предписало всѣмъ должностнымъ лицамъ поддерживать на выборахъ правительственныхъ кандидатовъ. Министръ юстиціи, въ своемъ циркулярѣ, излагалъ слѣдующій принципъ: «кто принимаетъ должность, тѣмъ самымъ принимаетъ на себя обязанность посвятить служенію правительству свои силы, свои таланты, свое вліяніе».

Палата, избранная при такихъ условіяхъ (февраль 1824 г.), была составлена изъ *крайнихъ* въ такомъ числѣ, что ее прозвали палатою *вновь обрѣтенною (Chambre retrouvée)*; въ ней осталось только 19 либераловъ. Стремленія этого большинства обнаружились во время выборовъ. Программа либеральныхъ журналовъ («Constitutionnel» и «Courrier») говорила: «Избиратели, хотите ли вы помѣшать тому, чтобы: 1) духовенству было передано веденіе метрическихъ книгъ, чтобы ему были обезпечены независимые доходы и поручено образованіе юношества? 2) чтобы были возстановлены цехи? 3) чтобы лица, имѣющія патенты, были лишены политическаго вліянія? 4) чтобы были изданы законы для возстановленія поземельной аристократіи? 5) чтобы было назначено вознагражденіе эмигрантамъ? 6) чтобы были изданы законы, препятствующіе дробленію земельной собственности?» Роялистская газета *Quotidienne* отвѣтила на это: «Если либералы пойдутъ на выборы для того, чтобы всему этому помѣшать, то мы совѣтуемъ роялистамъ идти на выборы, чтобы все это осуществить».

Большинство признало конституціонный режимъ, дававшій ему власть; но оно хотѣло возстановить поземельную аристократію и власть духовенства. Людовикъ XVIII умеръ (1824 г.) и ему наслѣдовалъ бывшій глава *крайнихъ*, Карлъ X. Палата, министерство и король были единодушны въ желаніи совершить реставрацію.— Не будучи въ состояніи возвратить національныя имущества ихъ прежнимъ владѣльцамъ, такъ какъ хартія обезпечивала эти имущества

за лицами, купившими ихъ, они вотировали милльярдъ на вознагражденіе эмигрантовъ, у которыхъ были когда-то конфискованы имѣнія. Сумму эту добыли посредствомъ выпуска ренты и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчили государственный долгъ путемъ конверсіи 5-ти процентныхъ государственныхъ бумагъ въ 3 процентныя (1825 г.).—Затѣмъ былъ изданъ законъ о *святотатствѣ* (1826 г.), опредѣлявшій смертную казнь за кражу въ церквахъ и за поруганіе священныхъ предметовъ; палата даже вотировала казнь за отцеубійство, но пэры отвергли этотъ проектъ; это былъ символическій законъ, имѣвшій цѣлью показать, что законъ признаетъ преступленія противъ религіи.—Было увеличено число епархій.—Одинъ изъ епископовъ былъ поставленъ во главѣ вѣдомства народнаго просвѣщенія. — Епископамъ предоставлялся надзоръ за преподавателями (1824 г.). Привлекались къ суду газеты и увольнялись чиновники. Но такая политика вызвала противъ партіи, стоявшей у власти, оппозицію недовольныхъ элементовъ всякаго рода: либераловъ, подвергавшихся прямому преслѣдованію, крупныхъ промышленниковъ, которымъ угрожала земельная аристократія, галликанцевъ, которыхъ тревожило усиленіе партіи *ультрамонтановъ*, т. е. сторонниковъ папской власти. Старый роялистъ-галликанецъ, Монлозье, въ книгѣ, надѣлавшей много шума, изобличалъ *конгрегацію* и требовалъ изгнанія іезуитовъ, водворившихся во Франціи незаконно, такъ какъ возстановленіе ихъ ордена не было признано французскимъ правительствомъ; онъ требовалъ, чтобы въ школахъ преподавали постановленія галликанской церкви 1682 г. (1826 г.). Католическая партія раздѣлилась. Часть епископовъ подписала декларацію противъ іезуитовъ; парижскій апелляціонный судъ объявилъ, что принципы этого ордена несовмѣстимы съ хартіей. Въ палатѣ *галликанцы* отдѣлились отъ католиковъ и присоединились къ вольтерьянцамъ противъ *ультрамонтановъ*. Раздѣлилась и роялистская партія: лѣвый центръ, недовольный политикою правой, перешелъ въ оппозицію и присоединился къ либераламъ; одна группа крайней правой перешла въ оппозицію по причинамъ личнаго свойства (лицъ этой группы прозвали *отступниками*). Палата пэровъ, независимая отъ министерства, приняла на себя роль защитницы либеральныхъ учрежденій противъ палаты депутатовъ. Она отвергла законъ, признававшій право на двойную часть въ наслѣдствѣ за старшими сыновьями семействъ, цензъ которыхъ достигалъ 3000 франковъ; она остановила знаменитый законъ о печати (прозванный *вандальскимъ*), который обязывалъ издателей газетъ представлять рукопись каждаго нумера за пять дней до его выпуска. Наконецъ палата пэровъ вотировала законъ, допускавшій въ число присяжныхъ, кромѣ лицъ, удовлетворявшихъ избирательному цензу, еще и лицъ либеральныхъ профессій.

Министерство пыталось подавить оппозицію. Оно лишило должностей всѣхъ противниковъ закона о печати, закрыло Нормальную Школу и предложило отмѣну суда присяжныхъ. На смотру, произведенномъ королемъ, парижская національная гвардія, составленная изъ именитыхъ буржуа, кричала: «Да здравствуетъ Хартія! Долой министровъ!». Ее распустили. Наконецъ, министерство простымъ указомъ возстановило предварительную цензуру для періодической печати (1827 г.). Въ отвѣтъ на это оппозиція основала общество для защиты свободы печати.—Чтобы добиться большинства въ палатѣ пэровъ, Виллель назначилъ 76 новыхъ пэровъ, большая часть которыхъ была взята изъ среды депутатовъ. Но вмѣсто того, чтобы сохранить старую палату депутатовъ, избранную на семь лѣтъ (до 1831 г.), онъ распустилъ ее, разсчитывая повести выборы такъ-же, какъ въ 1824 г. Чтобы лишить оппозицію возможности сорганизоваться, они назначили выборы черезъ 15 дней.

Столкновеніе между королемъ и палатой (1827—1830).—На выборахъ въ ноябрѣ 1827 года всѣ противники министерства составили коалицію противъ него: либералы, лѣвый центръ и «отступники». Избиратели были раздражены аристократическими манифестаціями правой; владѣльцы государственныхъ фондовъ (rentiers) были недовольны конверсіею 5 процентной ренты въ 3 процентную, произведенною въ 1824 году. Палата оказалась въ значительномъ большинствѣ оппозиціонною; 190 депутатовъ принадлежали къ лѣвой. Министерство Виллеля вышло въ отставку. Карлъ X рѣшился назначить министерство, хотя не изъ среды большинства, но по крайней мѣрѣ изъ либеральнаго праваго центра,—министерство Мартиньяка (январь 1828 г.). Это было возвращеніемъ къ примирительной политикѣ Деказа.

Министерство Мартиньяка составило примирительную тронную рѣчь, дозволило вновь открыть университетскіе курсы Кузена и Гизо, смѣнило нѣсколькихъ префектовъ. Оно провело законъ противъ избирательныхъ подлоговъ, повелѣвавшій вывѣшивать въ каждой коммунѣ списокъ избирателей и тѣмъ предоставить имъ возможность своевременно заявить о пропускахъ; оно провело также законъ о печати, уничтожавшій предварительную цензуру, систему разрѣшеній и преслѣдованія за вредное направленіе (1828 г.). Чтобы удовлетворить галликанцевъ, правительство, королевскимъ указомъ, запретило не признаннымъ закономъ конгрегаціямъ заправлять учебными заведеніями. Для огражденія монопольныхъ правъ университета по завѣдыванію высшимъ и среднимъ образованіемъ, правительство запретило семинаріямъ при-

нимать экстерновъ и ограничило 20,000 число ихъ воспитанниковъ; онѣ должны были служить только для пополненія духовенства. Епископы сначала отказались подчиниться этому распоряженію; но министерство добилось отъ папы порицанія епископамъ.—Чтобы удовлетворить либераловъ, министерство включило въ тронную рѣчь 1829 года слѣдующія слова: «Франція знаетъ, такъ-же какъ и вы, на какихъ основахъ покоится ея счастье, и всѣ, стремящіеся искать его внѣ искренняго союза королевской власти съ вольностями, освященными *хартіею*, будутъ ею отвергнуты». Составленіе отвѣтнаго адреса было возложено въ первый разъ на лѣвую.

Но Карлъ X терпѣлъ министерство, лишь скрѣпя сердце; онъ считалъ себя вправѣ назначать министровъ безъ одобренія палаты. «Я предпочту, говорилъ онъ, пилить дрова, чѣмъ владѣть короною на условіяхъ, на которыхъ владѣетъ ею англійскій король». Да и лѣвая поддерживала министерство Мартиньяка весьма слабо. Она жаловалась, что не имѣетъ въ немъ своихъ представителей; она вотировала, вмѣстѣ съ крайнею правою, противъ законопроекта о генеральныхъ и муниципальныхъ совѣтахъ. Карлъ X считалъ попытку примиренія неудавшеюся. Онъ сказалъ Мартиньяку: «Я вамъ говорилъ, что столковаться съ этими людьми невозможно» (апрѣль 1829 г.). Онъ подождалъ до утвержденія бюджета и закрытія сессіи палатъ, а затѣмъ уволилъ министерство Мартиньяка и составилъ министерство изъ крайнихъ роялистовъ подъ предсѣдательствомъ своего личнаго друга, эмигранта Полиньяка.

Карлъ X пользовался своею королевскою прерогативой такъ-же, какъ Людовикъ XVIII въ 1816 г., когда тотъ управлялъ посредствомъ министерства, открыто враждебнаго палатѣ. Но на сторонѣ Людовика XVIII было общественное мнѣніе буржуазіи и городовъ, относившееся враждебно къ палатѣ; Карлъ X имѣлъ это мнѣніе противъ себя. Начали говорить о законномъ сопротивленіи: палата имѣла косвенное средство вынудить министерство удалиться: отказаться вотировать налоги; еслибы министерство попыталось взимать ихъ, плательщики отказались бы платить. *Journal des Débats*, органъ лѣваго центра, писалъ (10 августа 1829 года): «Хартія имѣетъ теперь такую силу, о которую разобьются всѣ усилія деспотизма. Народъ платитъ милліардъ согласно закону; онъ не дастъ и милліона по указу министра. Незаконные налоги породятъ Гемпдена, который низвергнетъ ихъ». (Въ то время еще думали, что англійская революція началась съ отказа Гемпдена уплатить налогъ, не вотированный парламентомъ *). Статья заканчивалась такъ: «Несчастная Франція! несчастный король!». Газету предали суду и обвинили; но приговоръ былъ отмѣненъ въ апелляціонной инстанціи. Противники министерства организовали ассоціацію для отказа въ платежѣ налоговъ, въ случаѣ если министры нарушатъ хартію: сначала *Бретанскую лигу сопротивленія*, потомъ—общество *Помогай самъ себѣ, Богъ тебѣ поможетъ*, въ которомъ конституціонные роялисты (Гизо, Брольи) соединились съ молодыми республиканцами. Лафайетъ, котораго считали представителемъ революціи, совершилъ политическую поѣздку по югу Франціи; либералы и франкъ-масоны устраивали ему торжественныя встрѣчи.

Противники Бурбоновъ воспользовались всеобщимъ раздраженіемъ, чтобы попытаться превратить сопротивленіе министрамъ въ революцію противъ королевской фамиліи.

Въ Парижѣ уже существовала небольшая республиканская партія, состоявшая изъ студентовъ и рабочихъ,—мало извѣстная, потому что она не имѣла ни своего депутата, ни своей газеты; но она находилась въ сношеніяхъ съ Лафайетомъ и была готова къ дѣйствію. Въ 1827 г., по поводу выборовъ, эта партія построила баррикады, первыя, которыя видѣлъ Парижъ со времени Фронды. (Въ дни возстаній первой революціи революціонеры шли въ аттаку и не строили оборонительныхъ баррикадъ). Образовалась еще другая партія, очень малочисленная, но чрезвычайно дѣятельная; ея цѣлью было замѣнить старшую линію Бурбоновъ младшею линіею Орлеановъ, происшедшей отъ Филиппа, брата Людовика XIV. Герцогъ Орлеанскій, Луи-Филиппъ, сынъ Филиппа-Эгалитэ сражался въ рядахъ французской республиканской партіи въ 1792 г. *). Воротясь во Францію въ 1814 году, онъ держался въ сторонѣ отъ двора и пріобрѣлъ популярность въ средѣ буржуазіи тѣмъ, что воспитывалъ своихъ сыновей въ гимназіи,—а также своими либеральными и вольтерьянскими убѣжденіями. *Орлеанистская* партія составилась тайно на собраніи у племянницы Талейрана изъ двухъ министровъ имперіи, Талейрана и барона Луи, и двухъ молодыхъ писателей изъ южной Франціи, Тьера и Минье, поклонниковъ революціи (1829 г.). Рѣшили основать газету; этою газетою былъ *National* Армана Карреля (3 января 1830 года); слѣдуя конституціонной модѣ и заимствуя примѣры изъ англійской исторіи, газета начала превозносить революцію 1688 года: англійская нація отдѣлалась отъ короля, который сдѣлался угнетателемъ, но избѣгнула республики и ограничилась замѣною одной вѣтви

*) Это традиціонное объясненіе англійской революціи конституціоннымъ и финансовымъ столкновеніемъ было общепринятымъ даже между англичанами. Гардинеръ, въ *History of England*, окончательно доказалъ, что революція эта имѣла религіозный характеръ и началась въ Шотландіи.

*) Публикѣ было еще неизвѣстно, что при имперіи онъ искалъ службы въ иностранныхъ арміяхъ; фактъ этотъ получилъ огласку только въ 1840 году.

королевской семьи другою. Намекъ былъ ясенъ.

Столкновеніе между палатою и министерствомъ было оффиціально подтверждено при самомъ открытіи сессіи 1830 года. Въ Тронной рѣчи говорилось: «если преступные происки породятъ препятствія моей власти, которыхъ я не долженъ, не хочу предусматривать, то въ моей рѣшимости поддержать общественный миръ я найду силу побороть ихъ». Палата въ адресѣ, вотированномъ 221 депутатомъ, отвѣчала: «Хартія освящаетъ, какъ право, участіе страны въ обсужденіи общественныхъ дѣлъ; постоянное согласіе политическихъ взглядовъ вашего правительства съ желаніями вашего народа она дѣлаетъ необходимымъ условіемъ правильнаго теченія общественныхъ дѣлъ... Этого согласія не существуетъ» (мартъ 1830 г.). Карлъ X тотчасъ же отсрочилъ засѣданія палаты, а потомъ распустилъ ее. «Дѣло идетъ не о министерствѣ, сказалъ онъ, а о монархіи».

Въ силу своей королевской власти, король считалъ себя вправѣ, въ случаѣ несогласія съ палатою, дать перевѣсъ своей волѣ.

Палата, считая себя представителемъ народа (тогда ей еще не ставили въ упрекъ, что она представляетъ только богатыхъ), хотѣла заставить короля склониться передъ волею націи. До тѣхъ поръ, съ самаго 1814 года, разрѣшеніе этого вопроса не являлось неизбѣжнымъ, потому что большинство палаты никогда не выступало противъ короля (за исключеніемъ «небывалой» палаты, которую нація не поддерживала). Въ 1830 г. стали лицомъ къ лицу двѣ непримиримыя теоріи: *самодержавія короля* и *самодержавія народа*. Согласно принципу, заимствованному у Англіи, король не могъ быть отвѣтственъ; отвѣтственными были только министры. Но, принявъ сторону своихъ министровъ, Карлъ X сдѣлалъ фикцію безотвѣтственности короля невозможною. Столкновеніе съ министерствомъ обратилось въ столкновеніе короля съ палатою.

Революція 1830 года.—Карлъ X произвелъ перемѣны въ своемъ министерствѣ и назначилъ новые выборы. Но въ новой палатѣ оппозиція состояла уже изъ 270 депутатовъ вмѣсто прежнихъ 221. Карлъ X, не смотря на предостереженія русскаго императора и Меттерниха, рѣшился сокрушить оппозицію путемъ государственнаго переворота. Французская армія только что овладѣла Алжиромъ; министерство подготовляло союзъ съ Александромъ I, чтобы вновь отвоевать Рейнъ; поэтому полагали, что можно разсчитывать на армію. Полиньяку явилось видѣніе Богоматери, которая повелѣвала ему избавить отечество отъ внутреннихъ враговъ. Парижскій архіепископъ, совершая благодарственный молебенъ по случаю взятія Алжира, совѣтовалъ тоже самое.

Основываясь на статьѣ 14-й хартіи: «король издаетъ обязательныя постановленія и указы, необходимые для исполненія законовъ и безопасности государства», министерство опубликовало четыре королевскихъ указа отъ 26 іюля (*quatre ordonnances*), которыми распускалась палата, прежде чѣмъ она была созвана, и измѣнялась организація двухъ политическихъ учрежденій: состава избирателей и печати. Для газетъ вновь установлялась система предварительнаго разрѣшенія; для палаты назначалась прежняя цифра 228 депутатовъ, возобновляемыхъ ежегодно въ одной пятой части; право избранія депутатовъ предоставлялось однимъ департаментскимъ избирательнымъ коллегіямъ, но избирательнымъ цензомъ считался только налогъ, взимаемый съ поземельной собственности,—что устраняло отъ выборовъ всѣхъ промышленниковъ, т. е. почти всѣхъ избирателей оппозиціи. Министры и Карлъ X полагали, что не нарушаютъ конституціи. Въ одной секретной запискѣ Полиньякъ говорилъ: «министры хотятъ только пріостановить ее временно, чтобы еще больше укрѣпить ее». Они такъ мало ожидали встрѣтить сопротивленіе, что имѣли въ Парижѣ всего 14,000 человѣкъ войска, а король продолжалъ охотиться въ Рамбулье. Въ дѣйствительности конституціонная партія, хотя и имѣвшая большинство въ палатѣ, не была организована для борьбы. Указы нападали одновременно на палату и на печать. Но палата не была еще въ сборѣ; депутаты конституціонной партіи, находившіеся въ Парижѣ, узнавъ объ указахъ, собрались и рѣшили оказать *легальное* сопротивленіе, но не могли придти къ соглашенію относительно практическихъ мѣръ. Либеральные журналисты подписали протестъ, въ которомъ говорили: «Правительство нарушило законъ, мы избавлены отъ обязанности повиноваться. Мы попробуемъ издавать наши газеты, не испрашивая разрѣшенія... Правительство потеряло характеръ легальности, обязывающей повиноваться. Мы будемъ сопротивляться ему въ томъ, что касается насъ; пусть Франція судитъ сама, до какого предѣла должно дойти ея собственное сопротивленіе». Это былъ косвенный призывъ къ возстанію; но печать не обладала никакими средствами дѣйствія. Революція 1830 года была произведена не депутатами и не журналистами.

Необходима была вооруженная сила, чтобы противупоставить ее войску, находившемуся въ Парижѣ. Эту силу доставила партія трехцвѣтнаго знамени. Уже нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ существовала революціонная партія, состоявшая изъ молодыхъ людей, студентовъ и рабочихъ; ея вождь, Годефруа Кавеньякъ, сынъ члена конвента, республиканецъ съ дѣтства, хотѣлъ возстановить республику 1793 года; не всѣ его товарищи имѣли точно опредѣленныя политическія убѣжденія, но ихъ соединяла ненависть къ Бурбонамъ и любовь къ трехцвѣтному знамени; ихъ было немного, не болѣе 8 или 10,000 человѣкъ;

правительство не подозрѣвало о ихъ существованіи. Но эта слабая и неизвѣстная партія и произвела революцію, воспользовавшись стеченіемъ исключительныхъ обстоятельствъ: 1) правительство было почти такъ-же плохо вооружено, какъ и инсургенты; оно имѣло въ Парижѣ всего 14,000 войска (парижской полиціи тогда еще не существовало), а въ то время кремневыхъ ружей вооруженіе солдатъ ничѣмъ не превосходило вооруженія гражданъ; 2) Парижъ, а особенно восточные кварталы, гдѣ дѣйствовали инсургенты, представлялъ тогда лабиринтъ узкихъ и извилистыхъ переулковъ; можно было въ нѣсколько минутъ устроить изъ тяжелыхъ и большихъ булыжниковъ тогдашней мостовой баррикаду, достаточную, чтобы остановить войско, а офицеры были еще очень неопытны въ уличной войнѣ; 3) солдаты неохотно шли противъ народа; 4) инсургенты подняли трехцвѣтное знамя, оставшееся національнымъ для рабочихъ и даже для солдатъ.

Бой продолжался три дня.—27 іюля республиканцы произвели нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ и начали строить баррикады; 28 іюля восточные кварталы уже были пересѣчены баррикадами; инсургенты овладѣли городскою ратушей и соборомъ Богоматери и водрузили тамъ трехцвѣтное знамя. Парижане уже не кричали: «Да здравствуетъ хартія!», кричали—«долой Бурбоновъ!». Мармонъ, командовавшій парижскою арміей, направилъ войска двумя колоннами: одну—по бульварамъ на площадь Бастиліи, другую—по берегу Сены къ городской ратушѣ, съ приказаніемъ соединиться. Но по проходѣ войскъ баррикады позади ихъ воздвигались вновь. Солдаты были изнурены усталостью и жарою; въ нихъ стрѣляли изъ оконъ; на ихъ головы обрушивали камни, черепицы, мебель. Они остановились передъ баррикадами улицы Сентъ-Антуанъ и отступили къ Лувру, покинувъ восточный Парижъ.—29 іюля инсургенты перешли въ нападеніе въ западныхъ кварталахъ, аттаковали войска въ казармахъ и швейцарцевъ въ Тюльери. Часть арміи перешла на сторону инсургентовъ.

Остальная армія вышла изъ Парижа. Послѣ сраженія нѣсколько депутатовъ, собравшись въ домъ Лаффита, организовали исполнительную комиссію «для охраненія безопасности лицъ и собственности». Эта комиссія водворилась въ городской ратушѣ, возстановила національную гвардію и вручила Лафайету военную власть. Карлъ X только на третій день рѣшился отмѣнить указы и вступить въ переговоры съ инсургентами; но комиссія отказалась принять посланныхъ имъ лицъ: Бурбоновъ не хотѣли болѣе.

Парижъ находился во власти двухъ партій, которыя соединились для борьбы съ Карломъ X, —республиканцевъ и либеральныхъ роялистовъ; республиканцы господствовали въ восточныхъ кварталахъ и въ городской ратушѣ; роялисты—въ западныхъ кварталахъ и въ палатѣ; они приняли трехцвѣтное знамя, но не хотѣли республики. Сторонники герцога Орлеанскаго воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы заставить принять среднее рѣшеніе,—воцареніе младшей линіи Бурбоновъ, съ трехцвѣтнымъ знаменемъ и хартіей. Они обнаружили свой планъ не сразу. Сначала они расклеили слѣдующую прокламацію, составленную Тьеромъ: «Карлъ X не можетъ воротиться въ Парижъ: онъ пролилъ народную кровь. Республика повергла бы насъ въ ужасные раздоры и поссорила бы насъ съ Европой. Герцогъ Орлеанскій преданъ дѣлу революціи... онъ былъ при Жемаппѣ... Это—король-гражданинъ. Онъ сражался подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ. Онъ ждетъ нашего призыва. Объявимъ этотъ призывъ, и онъ приметъ хартію, какъ мы всегда того желали. Онъ получитъ корону отъ французскаго народа». Затѣмъ, Лаффитъ и Тьеръ поѣхали за герцогомъ Орлеанскимъ, который ожидалъ ихъ въ окрестностяхъ Парижа. Герцогъ водворился въ Палэ-Роялѣ и объявилъ, что согласенъ принять званіе намѣстника королевства, впредь до собранія палатъ, и прибавилъ: «Отнынѣ хартія станетъ правдой». Прокламація, составленная Гизо и подписанная 91 депутатомъ, гласила слѣдующее: «Герцогъ Орлеанскій посвятилъ себя дѣлу національному и конституціонному... онъ будетъ уважать наши права, потому что получитъ свои отъ насъ» (30 іюля). Палата собралась и назначила Луи-Филиппа *намѣстникомъ королевства* (30 іюля).

Но въ городской ратушѣ оставалось правительство на половину республиканское. Тогда Луи-Филиппъ совершилъ знаменитую поѣздку верхомъ черезъ еще вооруженный городъ и явился въ комиссію. Тутъ онъ заставилъ прочитать прокламацію палаты, обнялъ Лафайета и былъ привѣтствуемъ народомъ (31 іюля). Республиканцы не сопротивлялись, зная, что никто во Франціи не желалъ республики. Кавеньякъ на изъявленіе благодарности Дювернье отвѣтилъ: «Вы напрасно благодарите насъ, мы уступили только потому, что не имѣемъ силы».

Революція была совершена только въ Парижѣ, и Луи-Филиппъ былъ только намѣстникомъ; но—чьимъ? Объ этомъ избѣгали говорить опредѣленно. Карлъ X попытался сохранить корону въ своей фамиліи; признавши революцію, онъ назначилъ герцога Орлеанскаго намѣстникомъ, а потомъ, отъ своего имени и отъ имени своего сына, отрекся отъ престола въ пользу законнаго наслѣдника, своего внука Генриха V, назначивши Луи-Филиппа регентомъ. Но палата большинствомъ 219 голосовъ противъ 33 (изъ 430 депутатовъ присутствовали только 252) объявила тронъ вакатнымъ и провозгласила Луи-Филиппа I королемъ французовъ (7 августа)

Карлъ X, удалившійся въ Рамбулье со своимъ дворомъ и со своей гвардіей, могъ еще продолжать войну. Парижская національная гвардія двинулась на Рамбулье въ безпорядкѣ, но Карлъ X не пытался сопротивляться и уѣхалъ въ Англію. Извѣстіе о революціи было разнесено по Франціи вмѣстѣ съ трехцвѣтнымъ знаменемъ; народъ принялъ его съ радостью, будучи счастливъ, что вновь видитъ національные цвѣта. Никто не сопротивлялся.

Политическій порядокъ при Луи-Филиппѣ.— Революція произошла вслѣдствіе столкновенія между королемъ и народомъ. Она окончилась оффиціальнымъ провозглашеніемъ народнаго самодержавія. Въ прокламаціи Тьера говорилось: «Онъ (Луи-Филиппъ) получитъ корону изъ рукъ народа». Въ прокламаціи Гизо было сказано: «Онъ будетъ уважать наши права, потому что отъ насъ получитъ свои». Луи-Филиппъ призналъ эту доктрину.—Онъ принялъ титулъ короля французовъ, «милостію Божіей и *волею народа*». Прежде чѣмъ онъ вступилъ на престолъ, ему прочитали хартію; онъ ее подписалъ и присягнулъ ей. Всѣ хорошо понимали, что это была хартія, не *пожалованная* королемъ, какъ въ 1814 г., а предписанная народомъ,— хартія, на которую король *согласился*. Палаты ограничились *пересмотромъ* хартіи; но докладъ о пересмотрѣнной хартіи назвалъ ее «новымъ учрежденіемъ» и такъ опредѣлилъ положеніе дѣлъ: «Нація, вступивъ въ обладаніе всѣми своими правами, говоритъ принцу, которому предлагается корона: желаете ли вы царствовать на этихъ условіяхъ, изложенныхъ въ законѣ?» Такимъ образомъ вопросъ о правахъ короля былъ разрѣшенъ въ пользу народа, т. е. палаты. Статья 14, послужившая поводомъ къ государственному перевороту Карла X, была измѣнена такъ: «Король издаетъ указы, необходимые для исполненія законовъ, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ пріостанавливать ихъ или дозволять не исполнять ихъ».

Въ декларації Гизо упоминалось о «гарантіяхъ», которыя должны были укрѣпить и упрочить «свободу»: о возстановленіи національной гвардіи, суда присяжныхъ для печати, «отвѣтственности министровъ, опредѣленной законодательнымъ порядкомъ, обезпеченіи положенія военныхъ, участія гражданъ въ муниципальномъ и департаментскомъ управленіи». Въ пересмотрѣнную хартію внесли обѣщаніе издать законы о присяжныхъ, о національной гвардіи, о департаментскихъ и муниципальныхъ учрежденіяхъ; въ нее внесли также воспрещеніе установлять цензуру и объявили о свободѣ преподаванія; наконецъ, чтобы указать на равенство вѣроисповѣданій, формулу: «католическая религія—религія Франціи», замѣнили формулою: «религія, которую исповѣдуетъ большинство французовъ». Пересмотръ хартіи нѣсколько измѣнилъ организацію палаты и порядокъ выборовъ. Палата депутатовъ получила право сама избирать своего президента и ей предоставлялся законодательный починъ (хотя еще не каждому депутату въ отдѣльности, а только коллективно); возрастъ, требовавшійся для того, чтобы быть депутатомъ, былъ пониженъ съ 40 на 30 лѣтъ.

Пересмотрѣнная хартія была дополнена двумя законами, изъ которыхъ одинъ понижалъ избирательный цензъ съ 300 на 200 франковъ, а другой установилъ пожизненное пэрство вмѣсто наслѣдственнаго (1831 г.).

Этотъ новый государственный порядокъ, названный «іюльскою монархіей», потому что онъ созданъ іюльской революціей, мало отличался своими учрежденіями отъ порядка, установленнаго реставраціей. Дѣйствительная перемѣна заключалась въ переходѣ власти къ другому политическому персоналу.

Фамилія Бурбоновъ, привязанная традиціями къ старому режиму и расположенная поддерживать аристократію и власть духовенства, была замѣнена фамиліею Орлеановъ, полубуржуазною и вольтерьянскою, опиравшеюся на либеральную буржуазію. Палата пэровъ лишилась половины своихъ членовъ (изъ 364 пэровъ 175 отказались присягнуть Луи-Филиппу), своей привилегіи наслѣдственности и потеряла вліяніе на правительство. Политическая власть сосредоточилась въ палатѣ депутатовъ; большинство въ ней принадлежало отнынѣ либеральной буржуазіи, враждебной аристократіи и духовенству, и придавшей политикѣ направленіе, противуположное тому, какое она имѣла при реставраціи.

Возникла новая политическая сила, созданная революціей и признанная хартіей. «Защита хартіи и всѣхъ правъ, которыя она освящаетъ, возлагается на патріотизмъ и мужество національныхъ гвардейцевъ».

Національная гвардія, реорганизованная въ 1831 г., состояла изъ всѣхъ плательщиковъ налоговъ, бывшихъ въ состояніи обмундироваться на собственный счетъ. Она избирала своихъ унтеръ-офицеровъ и офицеровъ до капитанскаго чина. Парижская національная гвардія замѣнила упраздненную королевскую гвардію; она составляла вооруженную силу, на которую была возложена защита правительства; но вмѣстѣ съ тѣмъ она была и политическимъ орудіемъ: ея клики, во время смотровъ, которые производилъ ей самъ Луи-Филиппъ, были главнымъ выраженіемъ народнаго мнѣнія. Эта политическая роль національной гвардіи была самою оригинальною чертою новаго государственнаго строя.

Борьба партій въ правительствѣ (1830—1831 гг.).—Луи-Филиппъ, ставшій королемъ по милости возмутившихся парижанъ, прозванный легитимистами «королемъ баррикадъ», долженъ былъ прежде всего выразить благодарность инсургентамъ. Національная награда была вотирована

«жертвамъ іюльской революціи»; на Бастильской площади была воздвигнута колонна «въ память гражданъ, погибшихъ, сражаясь за публичныя вольности». Король принялъ въ аудіенціи «осужденныхъ за политическія преступленія». Король ходилъ пѣшкомъ, съ зонтикомъ въ рукахъ, жалъ руку національнымъ гвардейцамъ, пилъ вино, которымъ угощали его рабочіе; эти демократическія манифестаціи служили предметомъ для остротъ въ легитимистскихъ салонахъ и газетахъ. Они забавлялись также «бунтомъ просителей», требовавшихъ мѣстъ отъ правительства; разсказывали, что Лафайетъ подписалъ свое имя на 70,000 прошеній.

Правительство было раздѣлено между двумя группами, которыя руководили революціей: старою революціонною партіей трехъ-цвѣтнаго знамени, подготовившею возстаніе противъ Бурбоновъ и образовавшею исполнительную комиссію въ городской ратушѣ (Лафайетъ, Лаффитъ, Дюпонъ);—и партіи конституціонной (Гизо, Брольи, Дюпенъ), которая руководила палатой и добилась призванія герцога Орлеанскаго.

Луи-Филиппъ отстранилъ молодыхъ республиканцевъ, но не осмѣлился отдѣлаться отъ вождей партіи трехъ-цвѣтнаго знамени, потому что только этою партіей поддерживалась популярность правительства въ Парижѣ. Вслѣдствіе этого онъ призвалъ къ власти людей обѣихъ партій; онъ поручилъ семь министерствъ конституціоналистамъ; либераламъ же далъ четыре министерства, и сверхъ того командованіе національною гвардіей (Лафайетъ) и Сенскую префектуру (Одилонъ Барро).

Благодаря этому, въ министерствѣ шла постоянная борьба за общее направленіе политики. *Партія движенія* (Лафайетъ, Лаффитъ) требовала дать проявиться «послѣдствіямъ іюльскихъ событій», какъ тогда говорили: внутри Франціи—поддерживать демократическую партію и бороться съ духовенствомъ; за предѣлами Франціи — помогать народамъ, возмутившимся противъ монархическихъ правительствъ. *Партія сопротивленія* (Гизо, Брольи, Казимиръ Перье) объявила, что «революція кончена», и хотѣла внутри Франціи бороться съ республиканцами и предоставить власть буржуазіи; а во внѣшней политикѣ поддерживать миръ и примирить Францію съ монархіями. Сначала партія движенія получила перевѣсъ. Она имѣла то преимущество, что за нее стояла національная гвардія и парижскіе инсургенты. Ея политика заключалась въ томъ, чтобы предоставить парижскому народу проявить свою волю. Народъ желалъ смерти четырехъ министровъ Карла X, которые подписали указы. Чтобы спасти ихъ, партія сопротивленія провела въ палатѣ адресъ, требовавшій отмѣны смертной казни за политическія преступленія. Возмутившійся народъ напалъ на Палэ-Рояль и на Венсенскій фортъ, въ которомъ содержались министры Карла X. Люди партіи сопротивленія вышли изъ министерства. Луи-Филиппъ, самъ сторонникъ этой партіи, предоставилъ управленіе вождямъ партіи движенія, съ цѣлью поскорѣе ослабить ихъ. Это было министерство Лаффита (2 ноября 1830—13 марта 1831 года). Оно наполнило улицы Парижа войсками, чтобы защитить министровъ Карла X и палату пэровъ, которая судила ихъ; но оно допустило народъ разграбить церковь Сентъ-Жерменъ-Оксеруа и домъ архіепископа (февраль 1831 г.). Такъ какъ духовенство поддерживало правительство Карла X, то революція 1830 г. была побѣдою либераловъ-вольтерьянцевъ надъ легитимистскимъ духовенствомъ. Въ провинціи срубали кресты миссій, оскорбляли монаховъ и священниковъ. Въ Парижѣ разграбили Сентъ-Жерменъ-Оксеруа и разрушили домъ архіепископа изъ ненависти къ архіепископу, который въ 1830 г. совѣтовалъ Карлу X произвести государственный переворотъ. Луи-Филиппъ не смѣлъ присутствовать публично на литургіи и для него служили обѣдню во внутренней часовнѣ; его коронація произошла безъ всякой религіозной церемоніи.

Но партія движенія имѣла противъ себя буржуазію, устрашенную перспективою войны и недовольною коммерческимъ кризисомъ. Дѣла остановились; говорили, что 150,000 человѣкъ покинули Парижъ; рабочіе, оставшіеся безъ работы, устраивали манифестаціи; 3-процентная рента упала до 52 франковъ, а 5-процентная—до 82. Самъ Лаффитъ былъ вынужденъ ликвидировать свой банкъ. Луи-Филиппъ не хотѣлъ войны; онъ воспрепятствовалъ министерству вмѣшаться въ итальянскія и польскія дѣла. Тогда партія движенія вышла изъ министерства и власть перешла къ партіи сопротивленія: это было министерство Казимира Перье (13 марта 1831 г.).

Его политика заключалась въ томъ, чтобы укрѣпить королевскую власть, обезпечить правительство за буржуазіей, подавляя демократическую партію, и поддерживать внѣшній миръ, отказавшись отъ политики вмѣшательства. Палата 1830 г. была распущена, а новая палата, избранная, согласно измѣненному избирательному закону, избирателями съ двухъ-сотъ франковымъ цензомъ, дала министерству обезпеченное большинство. Казиміръ Перье обрисовалъ свою политику въ тронной рѣчи: «Франція хотѣла, чтобы королевская власть была національною; она не хочетъ власти безсильной». Онъ настоялъ, чтобы король покинулъ Палэ-Рояль, свою герцогскую резиденцію, и переселился въ Тюльери, дворецъ короля. Онъ провелъ въ палатѣ законъ противъ вооруженныхъ сборищъ. Онъ запретилъ чиновникамъ быть членами *Національной ассоціаціи*, основанной съ цѣлью бороться съ Бурбонами за границей. «Отнынѣ во Франціи будетъ правительство»,—сказалъ *Journal des Débats*.

Борьба противъ возстаній (1831—1834 годы).—Монархія Луи-Филиппа, ставшая правительствомъ буржуазіи, подверглась нападенію съ двухъ противоположныхъ сторонъ; двѣ партіи путемъ возстаній пытались низвергнуть правительство.

Приверженцы старшей линіи Бурбоновъ, которыхъ противники ихъ прозвали *карлистами* и которые сами себя называли *легитимистами*, произвели въ Парижѣ попытку похитить королевское семейство (заговоръ улицы Пруверъ, февраль 1832 г.). Силы этой партіи были сосредоточены въ особенности на западѣ Франціи, въ бывшей Вандеѣ. Тамъ герцогиня Беррійская, мать Генриха V, послѣ неудачной попытки въ Марсели, подняла романическое возстаніе, которое окончилось заключеніемъ ея въ тюрьму (январь 1832 г.). Послѣ этого легитимистская партія отказалась отъ военныхъ предпріятій и ограничилась оппозиціею въ печати. Республиканская партія, обвинявшая орлеанистовъ въ томъ, что они обманомъ повернули революцію 1830 года въ свою пользу, пыталась возобновить республиканскую революцію, прибѣгнувъ къ тѣмъ пріемамъ, которые были употреблены съ успѣхомъ противъ Карла X: къ возмущенію и баррикадамъ въ Парижѣ. Какъ и въ 1830 г., это была партія студентовъ и рабочихъ, составлявшихъ тайныя и вооруженныя общества. Цѣлью ихъ было возстановленіе республики 1793 г.; ихъ идеаломъ былъ Конвентъ; ихъ планъ заключался въ томъ, чтобы собраться съ оружіемъ въ рукахъ, баррикадироваться въ непроходимыхъ переулкахъ Сен-Мартенскаго и Сен-Денисскаго кварталовъ, затѣмъ, воспользовавшись какою-либо случайностью, идти оттуда на городскую ратушу и Тюльери и провозгласить республику. Этотъ планъ, для насъ совершенно непостижимый, объясняется условіями, уже несуществующими болѣе. Въ провинціи не было никакой политической жизни; она принимала послушно всякое приказаніе, исходившее изъ Парижа. Было достаточно овладѣть Парижемъ, чтобы господствовать надъ Франціей. Парижъ состоялъ тогда изъ 12-ти старыхъ округовъ; населеніе буржуазныхъ кварталовъ запада было рѣдкое и пассивное; восточные кварталы, въ которыхъ сосредоточивалось рабочее населеніе, въ особенности на правомъ берегу, представляли крѣпость, которую не трудно было защищать посредствомъ баррикадъ и которая находилась въ сосѣдствѣ съ центрами политической жизни—городскою ратушей и Тюльери. Правительство охранялось только національною гвардіею, часть которой можно было надѣяться привлечь на свою сторону. Республиканскою партіею руководили тайныя общества, состоявшія изъ самыхъ рѣшительныхъ людей партіи; они начинали возстаніе, а затѣмъ всѣ недовольные, въ особенности рабочіе и молодые люди, помогали имъ строить баррикады и сражаться; не имѣвшіе оружія входили въ домъ какого-нибудь національнаго гвардейца и брали его ружье. Когда правительство распускало какое-нибудь тайное общество, республиканцы снова создавали его подъ другимъ названіемъ. Такимъ образомъ возникали послѣдовательно: *общество друзей народа*, закрытое въ 1831 году; оно произвело мятежи во время суда надъ министрами Карла X и организовало нападеніе на Сентъ-Жерменъ-Оксеруа; *общество правъ человѣка*, самое сильное, заправлявшее возстаніями 1832 и 1834 годовъ; общество *семействъ* (1837 г.); общество *временъ года*, которое произвело возстаніе 1839 года. *Общество правъ человѣка* было организовано по военному; оно раздѣлялось на *секціи*, изъ 20-ти членовъ каждая (чтобы обойти законъ, запрещавшій общества болѣе чѣмъ изъ 20-ти человѣкъ); каждая секція имѣла своего начальника и его помощника; секціи группировались въ серіи, имѣвшія своихъ начальниковъ. Послѣдующія общества въ Парижѣ подражали этой организаціи. Въ Ліонѣ эмиссары общества *правъ человѣка* создали подобную же организацію. При ихъ появленіи въ Ліонѣ, рабочіе находились въ возбужденномъ состояніи послѣ ноябрьскаго мятежа 1831 г., бывшаго простымъ рабочимъ бунтомъ безъ политической цѣли. Во время коммерческаго кризиса, вызваннаго революціею 1830 г., фабриканты шелковыхъ издѣлій понизили заработную плату; ихъ рабочіе, ткачи, работавшіе въ своихъ жилищахъ, добились отъ муниципалитета и префекта разрѣшенія устроить совѣщаніе изъ делегатовъ отъ фабрикантовъ и рабочихъ, на которомъ былъ опредѣленъ минимумъ рабочей платы; префектъ утвердилъ его, но фабриканты отвергли его и прекратили работу. Рабочіе спустились изъ предмѣстья *Croix Rousse* съ черным знаменемъ, на которомъ была сдѣлана знаменитая надпись: *жить, работая, или умереть, сражаясь*. Послѣ боя, рабочіе втеченіе десяти дней были хозяевами города. Это возстаніе породило въ рабочихъ Ліона сознаніе своей солидарности и силы; республиканцы сплотили ихъ въ одну организацію подъ видомъ общества взаимопомощи (*Mutuellistes*), раздѣленнаго на 122 ложи, изъ 20 членовъ каждая. У нихъ была своя касса и газета. Не считая небольшихъ мятежей въ Парижѣ въ 1830 и 1831 годахъ *) и въ Греноблѣ (мартъ 1832 г.), республиканская партія произвела два большихъ возстанія.

1) Въ 1832 г. послѣ смерти Казимира Перье и во время вандейскаго легитимистскаго возстанія республиканцы, подкрѣпленные польскими, итальянскими и нѣмецкими эмигрантами, воспользовавшись похоронами генерала Ламарка, собрались вокругъ эстрады, на которой стоялъ

*) Одинъ изъ нихъ—бунтъ на Вандомской площади—былъ разсѣянъ пожарными трубами.

гробъ, и предложили провозгласить республику; они подняли возстаніе и ночью овладѣли всею восточною частью Парижа; но затѣмъ національная гвардія и 25,000 солдатъ постепенно оттѣсняли ихъ и окружили въ Сенъ-Мартенскомъ кварталѣ, гдѣ возстаніе окончилось боемъ при монастырѣ Сенъ-Мерри (5—6 іюня).

2) Въ 1834 г. возстаніе началось въ Ліонѣ, когда правительство, послѣ стачки рабочихъ шелковыхъ издѣлій, закрыло общество *Мютюелистовъ* и арестовало его вождей. Бой продолжался четыре дня. Возстаніе, подготовлявшееся парижскими республиканцами, было разстроено арестомъ ихъ вождей, 150 членовъ общества *правъ человѣка*. Оно свелось къ битвѣ въ кварталѣ Марэ, сдѣлавшейся знаменитой такъ называемыми «убійствами Транснонненской улицы» (13—14 апрѣля). Въ этотъ же періодъ республиканская партія издавала свою газету *Tribune*, нападавшую на короля и буржуазное правительство, и два иллюстрированныхъ журнала (*Charivari* и *Caricature*), осмѣивавшіе короля. Его изображали въ видѣ фокусника, жонглирующаго двумя шарами (революція и свобода), или же убѣгающимъ послѣ того, какъ онъ убиваетъ свободу (пародія на картину Прюдона),—или же съ лицомъ въ видѣ груши. Въ обществѣ, еще мало пріученномъ къ свободѣ печати, эти надпадки и карикатуры казались нестерпимымъ оскорбленіемъ власти. Карикатуры въ формѣ груши преслѣдовались, какъ оскорбленія короля. *Трибуну* привлекали къ суду 111 разъ втеченіе четырехъ лѣтъ; она была приговорена 20 разъ, въ сложности къ 49 годамъ тюремнаго заключенія и къ штрафамъ на сумму 167,000 франковъ. Главнаго редактора привлекали даже къ суду палаты депутатовъ.

Подавленіе республиканской партіи (1834—1835 гг.).—Для борьбы съ республиканцами палата провела цѣлую систему исключительныхъ законовъ, имѣвшихъ цѣлью ограничить политическую свободу—запрещеніемъ республиканской пропаганды и манифестацій. Она начала съ законовъ объ оскорбленіи короля и палатъ, а также съ законовъ противъ мятежныхъ прокламацій (1830 г.) и сборищъ (1831 г.). Она вотировала законъ противъ мятежныхъ криковъ (февраль 1834 г.),—законъ, запрещавшій держать на дому оружіе, и законъ противъ ассоціацій. Послѣ апрѣльскихъ смутъ, предстояло судить республиканцевъ, арестованныхъ въ Парижѣ, Ліонѣ и многихъ другихъ городахъ. Вмѣсто того чтобы предать ихъ суду присяжныхъ, правительство предало ихъ суду палаты пэровъ, превращенной въ особый трибуналъ, вѣдѣнію котораго принадлежали преступленія противъ безопасности государства. Оно соединило всѣ процессы въ одинъ чудовищный процессъ, въ которомъ было 164 обвиняемыхъ (изъ 2,000 арестованныхъ), 4,000 свидѣтелей, 17,000 документовъ; подсудимые отказались признать себя подсудными палатѣ пэровъ, не хотѣли ни защищаться, ни отвѣчать и даже не хотѣли являться на засѣданія суда. Палата судила ихъ заочно; главные обвиняемые успѣли бѣжать изъ тюрьмы.

Республиканская партія, лишенная почти всѣхъ своихъ вождей, не прибѣгала болѣе къ возстаніямъ; послѣднее возстаніе, организованное Бланки и Барбесомъ съ помощью общества *времень года* (900 членовъ), кончилось неудачею, послѣ небольшого боя (1839 г.). Но нѣкоторые отдѣльные республиканцы пытались убить короля; съ 1835 по 1846 г. было шесть покушеній на его жизнь; первымъ и самымъ громкимъ было покушеніе Фіески (іюль 1835 г.). Палата отвѣтила на это *сентябрьскими законами*. Чтобы облегчить произнесеніе обвинительныхъ приговоровъ по политическимъ преступленіямъ, суду было предоставлено разбирать ихъ въ отсутствіе обвиняемыхъ, когда тѣ отказываются отвѣчать; уменьшили также число голосовъ присяжныхъ, требовавшихся для обвинительнаго приговора: вмѣсто 8 (двѣ трети), назначали 7 (простое большинство). Законъ о печати опредѣлялъ тюремное заключеніе и до 10,000 франковъ штрафа за оскорбленіе особы короля, за нападки на государственный строй и за возбужденіе къ преступленіямъ противъ безопасности государства. Были созданы новыя преступленія печати: воспрещено печатать отчеты по процессамъ о диффамаціи и списки присяжныхъ въ этихъ процессахъ; запрещено открывать подписку для уплаты штрафа, къ которому была присуждена газета; воспрещалось оспаривать *право собственности*. Была установлена цензура для рисунковъ, карикатуръ и театральныхъ пьесъ. Этотъ законъ, вотированный вопреки умѣренной партіи, былъ составленъ такъ, что можно было преслѣдовать всякую республиканскую статью, говорившую о преимуществахъ республики, а равно всякую легитимистскую статью, въ которой говорилось о законномъ правительствѣ и объ узурпаціи. Легитимистскія газеты, болѣе богатыя, пережили этотъ режимъ; республиканская партія вынуждена была довольствоваться подпольными газетами. Уцѣлѣлъ только *National*, органъ парламентской лѣвой, порвавшей съ революціонерами.

Возникновеніе коммунистическо-соціалистической партіи.—Во время борьбы противъ монархіи республиканцы раздѣлились. Общею ихъ цѣлью было возстановить республику и всеобщее избирательное право вмѣстѣ съ конституціей 1793 г. Во время процесса 1831 г. Кавеньякъ напомнилъ о своемъ отцѣ, «одномъ изъ тѣхъ, которые провозгласили республику предъ лицомъ всей Европы»; общество, руководившее республиканскою партіей, приняло названіе *Правъ человѣка* и воспроизвело своей программой *декларацію правъ* 1793 года. Но

относительно значенія и размѣровъ переворота мнѣнія расходились. Слѣдовало-ли ограничиться революціею политическою, т. е. измѣнить только форму правленія, или произвести соціальную революцію съ цѣлью улучшить положеніе бѣдныхъ? Расколъ произошелъ по поводу *декларації правъ человѣка*. Вмѣсто текста, принятаго Конвентомъ, Кавеньякъ возстановилъ проектъ, составленный Робеспьеромъ и отличавшійся слѣдующею многозначительною формулой: «Собственность составляетъ право каждаго гражданина пользоваться тою частью имущества, *которую обезпечиваетъ ему законъ*», т. е. право собственности не составляетъ права естественнаго; оно установлено закономъ и можетъ быть имъ измѣнено.

Арманъ Каррель, главный редакторъ газеты *National*, протестовалъ противъ этого заявленія. Республиканская партія распалась на двое. Чисто политическая буржуазная партія сохранила прежнюю программу, т. е. республику безъ соціальныхъ перемѣнъ, и обратилась въ мирную, дѣйствуя главнымъ образомъ посредствомъ своей газеты *National* и посредствомъ рѣчей въ палатѣ.

Соціальная партія, состоявшая преимущественно изъ рабочихъ, подъ руководствомъ нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ буржуазіи, считала республику средствомъ достичь соціальной реформы.

Эта соціальная партія руководила тайными обществами и устраивала возстанія. Она приняла красное знамя, связанное съ преданіями прежней республики, но сдѣлавшееся теперь символомъ соціальной революціи, въ отличіе отъ трехцвѣтнаго знамени буржуазной республики. Оппозиція между двумя партіями ясно обозначилась уже въ манифестѣ 1832 г.: «Мы имѣемъ въ виду гораздо менѣе перемѣну политическую, чѣмъ соціальное переустройство. Расширеніе политическихъ правъ, избирательная реформа, всеобщая подача голосовъ—вещи превосходныя, но только какъ *средство*, а не какъ цѣль. Наша же цѣль—равномѣрное распредѣленіе общественныхъ тягостей и преимуществъ, полное установленіе царства равенства». На языкѣ правительства и тогдашней буржуазіи эта программа называлась «аграрнымъ закономъ» и «раздѣломъ имуществъ».

Эта партія вербовалась въ Парижѣ въ средѣ рабочихъ восточныхъ кварталовъ (Моберъ, Сите, Сенъ-Мартенъ, Сенъ-Дени) и предмѣстій,—не нынѣшнихъ предмѣстій, изъ которыхъ образовались новые округа (Бельвилль, Виллетъ, Монмартръ и др.), и которые были тогда окрестными деревнями безъ рабочаго населенія, но только старыхъ предмѣстій (Сентъ-Антуанъ, Сенъ-Мартэнъ и Сенъ-Марсель). Это не были также заводскіе и фабричные рабочіе, но скорѣе мастеровые, плотники, слесаря, шапошники, портные, повара. Вначалѣ у нихъ были только смутныя стремленія и не было опредѣленной доктрины. Громадный процессъ 1834 года, направленный противъ апрѣльскихъ инсургентовъ, помогъ имъ выработать такую доктрину. Просидѣвши вмѣстѣ въ тюрьмѣ втеченіе цѣлаго года, обвиняемые имѣли случай усвоить извѣстное революціонное ученіе; они познакомились тамъ съ однимъ изъ оставшихся въ живыхъ членовъ коммунистической партіи 1795 года, Буанаротти, авторомъ *Исторіи заговора Бабефа*. Его книга, изданная въ 1820 году и оставшаяся почти неизвѣстною, была прочтена, изучена и пріобрѣла сторонниковъ. Въ тайномъ органѣ партіи, газетѣ *L'Homme libre*, повторялись формулы Бабефа; въ 1839 г. эта партія сама назвалась *коммунистическою*.

Общество *Временъ года* ставитъ вопросъ: «Какую реформу должны мы произвести—политическую или соціальную? и отвѣчаетъ: «Соціальную реформу». Средствомъ осуществить ее признавалась «диктатура, имѣющая цѣлью руководить революціоннымъ движеніемъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ формировалась эта революціонная и коммунистическая рабочая партія, соціалистическія школы Сенъ-Симона и Фурье вели мирную пропаганду въ средѣ буржуазіи, оставляя въ сторонѣ политику и имѣя въ виду одну соціальную реформу. Ихъ идеи не распространялись непосредственно среди рабочихъ. Но Луи Бланъ, редакторъ демократической газеты *le Bon Sens*, а потомъ *Revue du progrès*, принявши формулу Сенъ-Симонистовъ, напечаталъ книгу *Организація труда* (1839 годъ). Онъ предлагалъ въ ней, какъ практическое рѣшеніе, учрежденіе на счетъ государства *національныхъ мастерскихъ*, гдѣ рабочіе сами руководили бы работами и дѣлили бы между собою прибыли. Это уже не былъ старый коммунизмъ Бабефа; это было новое ученіе, одновременно политическое и соціальное, начинавшее выясняться подъ именемъ *соціализма* (имя это вошло въ употребленіе съ 1832 г.). Рабочіе скоро усвоили ученіе Луи Блана. Въ 1840 г., по поводу одной стачки, Араго говорилъ въ палатѣ о страданіяхъ фабричнаго населенія и прибавилъ, что необходимо «организовать трудъ»; депутація отъ рабочихъ отправилась въ зданіе обсерваторіи благодарить его (май); затѣмъ республиканцы организовали агитацію въ формѣ банкетовъ въ честь 14 іюля, и Гудшо говорилъ на нихъ объ «эксплоатаціи человѣка человѣкомъ». Одна революціонная программа, задержанная въ 1840 г., гласила: «Вотъ наши принципы. Мы хотимъ общности между рабочими, т. е. уничтоженія эксплоатаціи человѣка человѣкомъ, учрежденія національныхъ мастерскихъ, гдѣ стоимость труда дѣлилась бы между рабочими и гдѣ не было бы ни господъ, ни слугъ».

Нѣмецъ Штейнъ писалъ въ 1842 г.: «Вре-

мена движеній чисто политическихъ миновали во Франціи; будущая революція не можетъ быть иною, какъ революціей *соціальною*».

Борьба въ парламентѣ (1836—1840 гг.).— Во время борьбы съ республиканскими партіями, правительство находилось въ рукахъ конституціонной орлеанистской партіи, владѣвшей сильнымъ большинствомъ въ палатѣ. Президенты министерства мѣнялись много разъ, но въ немъ неизмѣнно находились такъ называемые «люди сопротивленія», Брольи, Гизо, или бывшій дѣятель орлеанистской партіи—Тьеръ. Они управляли съ 1832 по 1836 г., за исключеніемъ перерыва, прозваннаго трехдневнымъ министерствомъ (ноябрь 1834 г.). Затѣмъ Тьеръ и Гизо, давно соперничавшіе между собой, разошлись окончательно, и большинство палаты раздѣлилось на двѣ группы: *правый центръ* съ Гизо, *лѣвый центръ* съ Тьеромъ; между ними небольшая группа Дюпэна, *средняя партія* (*tiers parti*). Съ обѣихъ сторонъ этихъ двухъ группъ центра находились двѣ крайнія партіи: на правой сторонѣ *легитимисты*, сторонники Генриха V; на лѣвой—старая либеральная партія, которая, не смѣя объявлять себя республиканской, назвалась *династическою лѣвою*.

Оба центра оспаривали другъ у друга министерство. У каждаго изъ нихъ была своя теорія королевской власти, такъ что конституціонный вопросъ, волновавшій палаты при Реставраціи, возникъ вновь. Гизо, старый легитимистъ, бывшій секретаремъ Людовика XVIII въ 1815 г., поддерживалъ доктрину англійскихъ *тори*, согласно которой королю принадлежитъ прерогатива избранія министровъ; онъ долженъ сообразоваться съ мнѣніями палатъ, но не обязанъ строго подчиняться волѣ большинства. Тьеръ, старый революціонеръ, составлявшій заговоръ противъ Бурбоновъ, держался ученія *виговъ*, что король обязанъ назначать министровъ, сообразуясь съ народной волею, выраженною большинствомъ палаты, и долженъ предоставлять управленіе министрамъ, не вмѣшиваясь въ него лично; эту доктрину онъ выразилъ въ слѣдующей формулѣ: *король царствуетъ, но не управляетъ*. Луи-Филиппъ, не отвергая открыто послѣдней теоріи, очевидно согласной съ ученіемъ о народномъ самодержавіи, принятомъ въ 1830 году, не хотѣлъ однако играть роль *конституціоннаго короля;* онъ стремился руководить министрами и управлять подъ ихъ именемъ; онъ въ особенности желалъ удержать въ своихъ рукахъ иностранную политику, которая, какъ ему казалось, составляла сферу личной дѣятельности короля.

Когда большинство палаты вотировало противъ Гизо, онъ согласился на министерство Тьера (февраль 1836 г.); но когда Тьеръ захотѣлъ навязать ему съ Испаніей войну, онъ заставилъ его удалиться и назначилъ первымъ министромъ своего личнаго друга Моле (сентябрь 1836 г.). Обѣ соперничавшія группы соединились противъ новаго министерства. Это была борьба между палатою, хотѣвшею отстоять свое верховенство, и королемъ, желавшимъ установить свою личную власть. Борьба шла медленно и положеніе сдѣлалось запутаннымъ. Моле успѣлъ отдѣлить отъ двухъ центровъ многихъ депутатовъ, готовыхъ поддерживать всякое министерство; когда онъ остался въ меньшинствѣ, король вновь поручилъ ему же составить министерство (апрѣль 1837 г.). Старые парламентаристы, Ройе-Колларъ, де-Барантъ, жаловались на политическій индифферентизмъ; короля упрекали въ томъ, что онъ вмѣшивается въ дѣла, вмѣсто того чтобы предоставлять управленіе министрамъ, и въ томъ, что онъ добивается раздачи государственныхъ имуществъ членамъ своего семейства; начинались разговоры о «личномъ правленіи» и о «придворной политикѣ».

Наконецъ, въ 1838 г. противъ «министерства двора» составилась коалиція, въ которую вошли династическая лѣвая, лѣвый центръ и часть праваго центра (*доктринеры*). Въ печати кампанія была организована Дювержье де Гораномъ, прежнимъ сторонникомъ политики сопротивленія. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ газетами лѣвой, чтобы дѣйствовать сообща. «Замѣна личнаго управленія парламентарнымъ,— таковъ долженъ быть нашъ пароль», говорилъ онъ. Онъ изложилъ свою политическую доктрину въ книгѣ: *О принципахъ представительнаго образа правленія и о ихъ примѣненіи* (1838 г.). Въ ней онъ ясно отмѣчаетъ разницу между *парламентарнымъ правительствомъ* и *конституціонною монархіей*; въ парламентарномъ правительствѣ «парламентъ облеченъ преобладающею властью, и ему принадлежитъ то, что новѣйшіе публицисты назвали *послѣднимъ словомъ*». Это обнаружилось въ столкновеніи 1830 г. Палата вовсе не хотѣла низвергнуть Карла X, и Карлъ X вовсе не хотѣлъ упразднить палату. Но Карлъ X былъ убѣжденъ и говорилъ, что послѣднее слово должно принадлежать ему; палата думала и говорила, что послѣднее слово должно принадлежать законнымъ представителямъ страны. Авторъ не могъ себѣ представить иного твердаго правительства, кромѣ абсолютной монархіи или парламентарнаго правительства. «Съ того момента какъ выборы перестаютъ быть призрачными, необходимо дать преобладающій голосъ націи, законно спрошенной». Правда, Луи-Филиппъ не выказывалъ открыто неуваженія къ палатѣ; онъ не нарушалъ прямо конституціи; но министерство при своемъ безусловномъ подчиненіи волѣ короны» перестало быть парламентарнымъ правительствомъ и становится орудіемъ личной власти короля.

Въ палатѣ коалиція напала на министерство, предложивъ выразить ему порицаніе. Пренія продолжались двѣнадцать дней; было произнесено

сто двадцать восемь рѣчей. Это былъ величайшій парламентскій турниръ этого царствованія. За коалицію было подано 208 голосовъ, за министерство—221. Находя такое большинство слишкомъ слабымъ, Моле распустилъ палату.

Въ новой палатѣ онъ оказался въ меньшинствѣ и подалъ въ отставку (8 марта 1839 г.). Но коалиція была только оппозиціоннымъ большинствомъ, правительственнаго большинства въ палатѣ не оказалось. Втеченіе двухъ мѣсяцевъ не могли составить министерства. Тайное общество *Времена года* (Бланки и Барбесъ) воспользовалось этимъ междуцарствіемъ, чтобы произвести послѣднее республиканское возстаніе (12 мая). Тогда рѣшились образовать министерство подъ предсѣдательствомъ военнаго (Сульта). Министерство Сульта также находилось подъ личнымъ вліяніемъ короля, который вновь сталъ требовать субсидію (на этотъ разъ деньгами) для своего сына, герцога Немурскаго. Въ палатѣ коммиссія предлагала согласиться на это; но соединенныя оппозиціи отвергли предложеніе, не оспаривая его, тайною баллотировкою (226 голосовъ противъ 220). Министерство Сульта вышло въ отставку.

Въ этотъ моментъ восточный вопросъ волновалъ общественное мнѣніе буржуазіи; англійское правительство отдѣлилось отъ Франціи и вошло въ соглашеніе съ другими великими державами противъ Мехмета-Али, которому покровительствовала Франція. И такъ, Союзники 1814 года вновь соединились противъ Франціи. Лѣвая воспользовалась этимъ обстоятельствомъ, чтобы пробудить въ буржуазіи злобу противъ стараго врага Наполеона,—Англіи и упрекала короля за его угодливость ей. Чтобы удовлетворить національное самолюбіе буржуазіи, Луи-Филиппъ назначилъ министромъ Тьера (1840 г.); въ палатѣ уже не было большинства, и Тьеръ опирался только на свою собственную группу—лѣвый центръ и на остатки партіи Моле, которыхъ называли «221». Онъ имѣлъ противъ себя легитимистскую правую и правый центръ, не хотѣвшіе войны; а также—лѣвую, требовавшую отмѣны сентябрьскихъ законовъ и избирательной реформы. Чтобы успокоить правую, Тьеръ обѣщалъ не предпринимать никакихъ реформъ. Онъ пытался склонить лѣвую на свою сторону посредствомъ личныхъ услугъ, оказываемыхъ членамъ этой группы (это называлось «завоеваніемъ отдѣльныхъ лицъ»), а также посредствомъ патріотическихъ демонстрацій; онъ возвратилъ прахъ Наполеона съ острова св. Елены, призвалъ вновь на службу уволенныхъ солдатъ и предложилъ укрѣпить Парижъ. (Были предложены двѣ системы укрѣпленій: непрерывный валъ и отдѣльные форты; законъ 1841 г. сочеталъ обѣ системы.)

Эта политика парламентскаго равновѣсія и національныхъ манифестацій соединила разношерстное большинство (246 противъ 160), но натолкнулась на восточный вопросъ. Буржуазіи нравилось, что министерство протестуетъ противъ трактатовъ 1815 года и выказываетъ себя весьма энергичнымъ въ сношеніяхъ съ иностранными державами; но она не хотѣла войны. Когда Тьеръ предложилъ потребовать военнаго кредита для арміи въ 500,000 человѣкъ, Луи-Филиппъ отказалъ, и Тьеръ удалился. Министерство Гизо явилось министерствомъ мира («мира во что бы то ни стало», какъ говорили его противники) съ миролюбивою тронною рѣчью; палата, большинствомъ 247 противъ 161, вотировала такой же адресъ. «Миръ, миръ почетный и вѣрный, предохраняющій отъ всякаго потрясенія европейское равновѣсіе, вотъ наше первое желаніе». Правый центръ и центръ, соединившись вновь, составили большинство противъ лѣвой.

Въ этотъ-то періодъ парламентской борьбы вновь выступила на сцену бонапартистская партія. Послѣ смерти сына Наполеона I, Наполеона II (1832 г.), его наслѣдникомъ былъ сынъ голландскаго короля, Людовикъ-Наполеонъ. Онъ пытался низвергнуть правительство тѣмъ же способомъ, къ какому прибѣгъ Наполеонъ I по возвращеніи съ острова Эльбы: онъ появился во Франціи и призывалъ къ себѣ армію и народъ, во имя славныхъ воспоминаній Имперіи и народнаго самодержавія. Онъ совершилъ двѣ такія попытки: въ Страсбургѣ (1836 г.), гдѣ онъ увлекъ за собою артиллерійскій полкъ, и въ Булони (1840), гдѣ не произошло даже вооруженнаго столкновенія.

Министерство Гизо (1840—1848 гг.).—Втеченіе десяти лѣтъ, предшествовавшихъ 1840 году, Луи-Филиппъ смѣнилъ десять министерствъ; но въ послѣдующія восемь лѣтъ у него было только одно министерство, министерство Гизо. По виду, это было парламентарное правительство: министерство Гизо всегда имѣло большинство въ палатѣ, и это большинство увеличивалось съ каждыми новыми выборами (въ 1842 и въ 1846 г.). Слѣдовательно, король не нарушалъ правила парламентарнаго правленія: не назначать министерства, не согласнаго съ волею большинства палаты. Нельзя было также, какъ во времена Моле, упрекать его въ стремленіи къ личному правительству, такъ какъ онъ предоставлялъ управленіе Гизо, стоявшему во главѣ министерства. Но на дѣлѣ королю удавалось именемъ Гизо и въ согласіи съ нимъ руководить правительствомъ по своему усмотрѣнію, потому что его личная политика совпадала съ политикою его министра. Чтобы удерживать власть въ своихъ рукахъ, Луи-Филиппъ и Гизо подражали Вальполю; желая казаться повинующимися волѣ большинства, они старались пріобрѣсти такое большинство, у котораго не было бы другого желанія, какъ повиноваться имъ, и для этого обращались не къ политическимъ убѣжденіямъ, а къ личнымъ интересамъ. Система Гизо состояла въ томъ, чтобы добиться

избранія министерскаго большинства, дѣйствуя отдѣльно на избирателей путемъ личныхъ подачекъ: должностей, пенсій, табачныхъ лавокъ; это называлось тогда *избирательнымъ подкупомъ*.

Чтобы держать депутатовъ въ повиновеніи, правительство раздавало имъ мѣста или привлекало ихъ къ участію въ подрядахъ на большія работы, начатыя тогда. Въ то время, когда еще не существовало жалованья депутатамъ, трудно было помѣшать имъ добиваться прибыльныхъ мѣстъ: около 200 депутатовъ, т. е. почти половина палаты, были должностными лицами; это называлось *парламентскимъ подкупомъ*.

Господствуя надъ палатой, министерство держалось консервативной политики «Порядка»: внутри Франціи оно избѣгало реформъ, чтобы поддержать преобладаніе буржуазіи; во внѣшней политикѣ оно охраняло миръ и стремилось сблизить Францію съ другими монархіями Европы. Оно преслѣдовало газеты, разоблачавшія его систему. Газета *National* была привлечена къ суду за *намёкъ* на роль короля. «Мы хорошо знаемъ, кто главный виновникъ и гдѣ онъ находится; Франція тоже знаетъ это». Судъ оправдалъ *National*, но Гизо продолжалъ преслѣдованіе газетъ и въ концѣ концовъ добивался обвинительныхъ приговоровъ.

Оппозиціи въ палатѣ состояла изъ небольшого кружка легитимистовъ и изъ группъ лѣвой: изъ лѣваго центра (Тьеръ), династической лѣвой (Одилонъ Барро) и изъ радикальной лѣвой, очень малочисленной (Араго). Оппозиція упрекала министерство за подкупы и бездѣйствіе во внутренней политикѣ и за мирное положеніе, занятое имъ относительно иностранныхъ государствъ, въ особенности относительно Англіи. Эти упреки были резюмированы въ нѣсколькихъ формулахъ, сдѣлавшихся знаменитыми. Въ 1839 году Ламартинъ сказалъ: «*Франція скучаетъ*». Онъ сказалъ также: «На такую политику способна и тумба» (1842 г.). Одинъ изъ депутатовъ, резюмируя дѣятельность министерствъ, восклицалъ: «Что сдѣлано втеченіе семи лѣтъ? *Ничего, ничего, ничего!*» (1847 г.). Послѣ процесса Теста и Кюбьера, бывшихъ министровъ, осужденныхъ за то, что они торговали своимъ вліяніемъ, былъ сдѣланъ запросъ правительству; большинство палаты объявило, что оно «удовлетоорено» объясненіями министерства. Депутаты, вотировавшіе этотъ переходъ къ очереднымъ дѣламъ, были прозваны *удовлетворенными*. На всѣ эти нападенія Гизо отвѣчалъ, что ему достаточно «хорошо управлять народными дѣлами»; что онъ стремится удовлетворить «здравое и спокойное большинство общества», а не «болѣзненное меньшинство», одержимое «зудомъ нововведеній». Нападенія оппозиціи сосредоточились главнымъ образомъ на двухъ вопросахъ: на союзѣ съ Англіей и на реформѣ. Лѣвая, продолжавшая политику прежней либеральной партіи эпохи реставраціи, осталась враждебною Англіи. Она стремилась возбудить національное самолюбіе буржуазіи, упрекая министерство въ томъ, что оно приноситъ въ жертву честь Франціи. Ей представилось два случая вызвать волненіе въ палатѣ: по поводу конвенціи о правѣ осмотра кораблей, съ цѣлью воспрепятствовать торговлѣ неграми (1843 г.) и по поводу вознагражденія Притчарду, англійскому миссіонеру въ Таити (1844 г.). Это вознагражденіе было столь непопулярно, что благопріятный министерству адресъ прошелъ только большинствомъ 213 голосовъ противъ 205. Газеты напечатали списокъ депутатовъ, вотировавшихъ за вознагражденіе, и они были прозваны *притчардистами*. Съ 1842 по 1846 г. иностранная политика составляла главную почву оппозиціи. Лѣвая надѣялась привлечь къ оппозиціи даже депутатовъ, враждебныхъ реформамъ, пугая ихъ общественнымъ негодованіемъ противъ Англіи. Во внутренней политикѣ лѣвая не переставала съ 1830 г. требовать реформы палаты. Дѣло шло о двухъ мѣрахъ: *парламентской реформѣ*, имѣвшей въ виду уничтоженіе парламентскаго подкупа запрещеніемъ депутатамъ занимать должностныя мѣста, и о *реформѣ избирательной*, для устраненія подкупа избирателей увеличеніемъ ихъ числа. Предложеніе Ремильи, требовавшее, чтобы депутаты не могли занимать оплачиваемыхъ должностей и получать повышеній по службѣ, было «погребено» министерствомъ Тьера (1840 г.). Другой, подобный же проектъ былъ внесенъ въ 1842 г. По вопросу объ избирательной реформѣ лѣвая внесла нѣсколько проектовъ. Династическая лѣвая требовала *пониженія ценза и присоединенія къ избирателямъ лицъ либеральныхъ профессій* (присяжныхъ, должностныхъ лицъ, назначаемыхъ королемъ, лицъ, имѣющихъ ученую степень, нотаріусовъ, офицеровъ національной гвардіи, муниципальныхъ совѣтниковъ городовъ); радикальная лѣвая предлагала дать избирательное право всѣмъ національнымъ гвардейцамъ; Араго и Ледрю-Ролленъ требовали всеобщаго избирательнаго права. Министерство отвергало всякую реформу. Гизо отвѣчалъ, что избиратели достаточно многочисленны, и что ихъ число увеличивается съ возрастаніемъ богатства страны; ихъ было уже болѣе 200,000. «*Обогащайтесь* посредствомъ труда, сказалъ онъ, и сдѣлаетесь избирателями».

Что касается всеобщей подачи голосовъ, то Гизо не хотѣлъ даже разсуждать о ней. «*Нѣтъ мѣста на свѣтѣ для всеобщей подачи голосовъ*, этой нелѣпой системы, которая давала бы политическія права всякому живому существу».

Лѣвый центръ долго оставался равнодушнымъ къ избирательной реформѣ. Наконецъ, въ 1845 году онъ соединился съ династической лѣвой (Одилонъ Барро), чтобы вмѣстѣ требовать огра-

ниченной реформы: пониженія ценза до 100 франковъ и присоединенія лицъ либеральныхъ профессій.

Страна уже болѣе не интересовалась парламентскими преніями, результатъ которыхъ былъ извѣстенъ заранѣе. Система министерства была прочна и его большинство увеличивалось. Нація раздѣлилась на два лагеря: съ одной стороны король, министры, депутаты, избиратели (то, что̀ называлось *легальною страною*); они управляли безконтрольно и отвергали всякое нововведеніе; съ другой стороны—все остальное населеніе, въ томъ числѣ и сыновья короля, которымъ эта политика опротивѣла и которые были недовольны министерствомъ. Въ 1840 году парижская національная гвардія кричала: «Да здравствуетъ реформа!» Съ тѣхъ поръ король пересталъ производить ей смотры.

Католическая и демократическая оппозиціонныя партіи.—Внѣ палаты образовалось двѣ партіи, почти неизвѣстныя оффиціальному политическому міру; между тѣмъ въ непродолжительномъ времени имъ предстояло бороться между собою за власть.

Католическая партія начала организоваться послѣ 1830 года, когда правительство оффиціально разорвало всякую связь съ духовенствомъ. Это уже не была полу-галликанская и правительственная католическая партія 1814 года. Галликанцы исчезли, а съ ними исчезъ и антагонизмъ между церковью національною и церковью римскою, между бѣлымъ духовенствомъ и іезуитами. Во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ, новыя поколѣнія католиковъ были ультрамонтанами, преданными папѣ и расположенными къ іезуитамъ. Политическое настроеніе тоже измѣнилось; духовенство, пополняемое изъ народной среды, не желало ни возстановленія аристократическаго строя, ни отобранія національныхъ имуществъ; его власть надъ вѣрующими была достаточно велика, чтобы обезпечить ему руководящую роль въ обществѣ. Вольтерьянская буржуазія, по мѣрѣ укрѣпленія ея общественнаго положенія, начинала привыкать къ религіи, снова входившей въ моду; она воспитывала своихъ дочерей въ монастыряхъ и помѣщала своихъ сыновей во вновь возникавшія католическія учебныя заведенія. Вожди католической партіи, будучи въ оппозиціи съ правительствомъ, составили либеральную партію; они требовали для церкви не привилегій, а только свободы.

Хартія 1830 года обѣщала *свободу преподаванія*; католики требовали, чтобы имъ было предоставлено свободно учреждать католическія школы; они требовали вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣны правительственной монополіи преподаванія. Монталамберъ началъ борьбу, открывши самъ первоначальную школу, что вынудило правительство начать противъ него громкій процессъ. Послѣ великихъ ораторскихъ успѣховъ Лакордера, окрѣпшая католическая партія основала католическую газету (*l'Univers*), которая нападала на университетскую философію, называя ее нечестивою, и предлагала проектъ закона о свободѣ преподаванія (1841 г.), который обсуждался въ палатѣ въ 1844 г. Епископы протестовали противъ правительственнаго надзора за низшими семинаріями. Король держался лично въ сторонѣ отъ этой борьбы; онъ объявлялъ, что не желаетъ свободы преподаванія, но прибавлялъ: «Не слѣдуетъ класть пальца въ церковныя дѣла: онъ тамъ и останется»; или: «не ссорьте меня съ моей доброй королевой» (королева была горячею католичкой; она лично просила пэровъ отвергнуть, уже вотированный палатою, законъ о разводѣ, и онъ былъ дѣйствительно отвергнутъ). Палата оставила въ силѣ правительственную монополію преподаванія; а нѣкоторые либералы, устрашенные возрожденіемъ католической партіи, которую они считали уничтоженною, подняли походъ противъ іезуитовъ (1844 г.); Кинэ и Мишле нападали на нихъ въ лекціяхъ, которыя читали въ Collége de France, что послужило поводомъ для студенческихъ безпорядковъ.

Республиканская революціонная партія свелась къ одному тайному обществу *Временъ года*, состоявшему изъ вѣчныхъ заговорщиковъ, не имѣвшему оружія и не проявлявшему никакихъ признаковъ жизни; въ числѣ его вожаковъ находился полицейскій агентъ Ла-Годдъ. Два другія общества—*коммунисты*, находившіеся въ сношеніяхъ съ лондонскими коммунистами, и *икарійцы*, послѣдователи Кабэ, въ политику не вмѣшивались. Но оставалась еще демократическая группа, которая, не будучи правильно организованной, пыталась подготовить соціальное преобразованіе путемъ политической революціи. Ледрю-Ролленъ, единственный представитель этой партіи въ палатѣ, объявилъ въ своемъ profession de foi (1845 г.): «необходимо пройти черезъ политическій вопросъ, чтобы дойти до соціальнаго преобразованія; этотъ путь характеризуетъ демократическую партію».

Одна группа противниковъ королевской власти, недовольная газетою *National*, переставшею быть республиканскою, основала газету *la Réforme*, которая и сдѣлалась органомъ демократической партіи. Программа ея, редактированная Луи Бланомъ, признавала основнымъ принципомъ *равенство* и какъ необходимою формою его—*ассоціацію*. «Конечная цѣль ассоціаціи,—говорилъ онъ,—заключается въ томъ, чтобы удовлетворить умственныя, нравственныя и матеріальныя потребности всѣхъ». Онъ требовалъ всеобщей подачи голосовъ и жалованья депутатамъ, общаго и дарового обученія, обязательной для всѣхъ военной службы (безъ права замѣщать себя охотникомъ) и «организаціи труда», чтобы «превратить рабочихъ изъ наемниковъ въ

членовъ ассоціацій». Демократическая партія, со своего основанія, приняла программу съ соціалистической окраскою, и редакція *Реформы* находилась въ сношеніяхъ съ тайными обществами. Но ея вліяніе оставалось ограниченнымъ; число ея подписчиковъ никогда не достигало 2,000.

Пропаганда въ пользу соціальныхъ реформъ происходила путемъ спеціальныхъ соціалистическихъ журналовъ, памфлетовъ (Кабэ, Прудонъ, П. Леру) и даже романовъ Жоржъ Зандъ и Евгенія Сю. Это движеніе было настолько замѣтно, что на него было указано въ рапортѣ префекта полиціи (1846 г.). Въ этомъ рапортѣ говорилось объ опасности не партій, а «анархическихъ сочиненій», которыя распространяютъ «идеи соціальнаго обновленія». «Потерявъ надежду привлечь массы проповѣдями чисто политическаго характера,—говорится въ томъ же рапортѣ, — агитаторы начали распространять доктрины, гораздо болѣе разрушительныя, заимствованныя ими изъ мечтаній утопистовъ».

Результаты конституціонной монархіи.—Съ 1814 по 1848 г. внутренняя исторія Франціи представляетъ только политическую борьбу. Дворъ, высшіе сановники, богатая буржуазія, которымъ единственно принадлежала власть, мало заботились о нуждахъ народа, который, будучи лишенъ права голоса, не имѣлъ возможности заставить ихъ обратить вниманіе на эти нужды. Втеченіе всего этого періода были совершены только три важныхъ реформы:

1) Генеральные и муниципальные совѣты, низведенные при Имперіи и Реставраціи до призрачной совѣщательной роли, были преобразованы при Луи-Филиппѣ (проектъ Мартиньяка въ 1828 г. кончился неудачею). Муниципальные совѣты сдѣлались выборными въ 1831 г.; а совѣты генеральные и окружные—въ 1833 г. Составъ избирателей былъ очень малочисленнымъ, это были плательщики наивысшихъ окладовъ и лица либеральныхъ профессій (*capacités*). Правительство попрежнему назначало мэровъ и ихъ помощниковъ. Власть генеральныхъ совѣтовъ, установленная закономъ 1838 г., оставалась ничтожною. 2) Былъ нѣсколько смягченъ очень суровый уголовный кодексъ: законъ 1832 года уничтожилъ клейменіе раскаленнымъ желѣзомъ, желѣзный ошейникъ, четвертованіе отцеубійцъ и установилъ систему *смягчающихъ обстоятельствъ*, вслѣдствіе чего смертные приговоры стали болѣе рѣдкими (число казней уменьшилось на половину). Торговое законодательство было также смягчено закономъ 1838 года, о несостоятельныхъ должникахъ. Но заключеніе за долги продолжало существовать до революціи 1848 года. 3) Государство начало заниматься первональнымъ обученіемъ. Гизо назначилъ сначала комиссію для разслѣдованія положенія, въ которомъ находилось это обученіе (1832 г.). Слѣдствіе обнаружило плачевное состояніе школъ. Многія изъ нихъ не имѣли даже классныхъ помѣщеній; учитель, получавшій вознагражденіе отъ родителей, часто занимался какимъ-нибудь другимъ ремесломъ. Онъ собиралъ дѣтей въ своей комнатѣ, но ничему ихъ не училъ. Законъ 1833 г. обязалъ общины содержать первоначальныя школы, давать квартиру учителю и классную комнату ученикамъ; онѣ должны были платить учителю опредѣленное жалованье и пенсію послѣ отставки. Вознагражденіе учителя родителями было сохранено, но оно составляло только дополненіе къ жалованью; школьные расходы покрывались посредствомъ дополнительнаго налога, прибавлявшагося къ прямому обложенію, и сверхъ того—субсидіями со стороны департамента и государства. Учителя назначались муниципальнымъ совѣтомъ, и отъ нихъ требовался дипломъ. Бюджетъ первоначальнаго образованія достигъ къ 1847 году 3 милліоновъ; число учениковъ возросло съ 2 милліоновъ (въ 1832 г.) до 3-хъ съ половиною милліоновъ въ 1848 г. Былъ установленъ тотъ принципъ, что первоначальное образованіе составляетъ общественную обязанность.

Постройка желѣзныхъ дорогъ началась только къ концу монархіи, такъ какъ палата депутатовъ долго колебалась между бельгійскою системою государственныхъ желѣзныхъ дорогъ и англійскою системою постройки ихъ частными предпринимателями. Послѣ неудачной попытки 1838 года, палата рѣшилась на компромиссъ. Законъ 1843 г. установилъ монополію большихъ компаній, но подъ надзоромъ государства и съ переходомъ желѣзнодорожныхъ линій въ собственность государства по истеченіи ста лѣтъ. Фискальная и таможенная система имперіи была оставлена почти безъ измѣненій. Правительство Реставраціи дѣлало не безуспѣшныя попытки привести въ равновѣсіе бюджетъ. Общій дефицитъ за 15 лѣтъ не превысилъ одного милліарда 200 милліоновъ (милліардъ эмигрантамъ); средній годовой расходъ не превышалъ одного милліарда. Іюльское правительство увеличило дефицитъ на $2^1/_2$ милліарда, при среднемъ годовомъ расходѣ въ 1,200 милліоновъ.

Итакъ, нормальнымъ состояніемъ французскаго бюджета при конституціонной монархіи былъ дефицитъ, но дефицитъ небольшой. Благодаря миру, общее богатство страны возрастало быстрѣе населенія (30.460,000 въ 1821 году, 34.230,000 въ 1841 году).

ГЛАВА V.

Республика и демократическая имперія.

Революція 1848 г. — Борьба во временномъ правительствѣ. — Управленіе учредительнаго собранія.—Управленіе монархическихъ партій.—Столкновеніе между президентомъ и собраніемъ. — Установленіе личной власти. — Неограниченная имперія. — Ослабленіе правительственнаго производства. — Либеральная имперія и радикальная партія.

Революція 1848 года.—Преобладающій характеръ конституціонной монархіи, основанной на цензѣ, заключался въ томъ, что политическая власть находилась въ рукахъ немногочисленнаго класса. Только этотъ классъ составлялъ такъ называемую «легальную страну»; вся политическая жизнь сосредоточивалась въ собраніяхъ избирателей съ 200 франковымъ цензомъ, въ палатѣ депутатовъ, въ министрахъ и королѣ. Революція 1848 года распространила политическія права на всѣхъ французовъ. Однимъ ударомъ она поставила Францію на демократическую почву и измѣнила всѣ условія политической жизни.

Это была революція внезапная, неожиданная даже для тѣхъ, кто ее совершилъ. Въ 1848 г. Луи-Филиппъ и министерство Гизо, имѣя обезпеченное большинство въ палатѣ, господствовали безспорно. Оппозиція въ палатѣ, состоявшая преимущественно изъ династической лѣвой, требовала только избирательной реформы, но не хотѣла ни республики, ни всеобщей подачи голосовъ. Республиканская партія сводилась къ двумъ группамъ: одна изъ нихъ, имѣвшая органомъ газету *National*, предпочитала республику, но вовсе не стремилась къ ниспроверженію монархіи; другая группа, имѣвшая представителемъ въ палатѣ единственнаго депутата, Ледрю-Роллена, а органомъ—газету *Réforme*, которую мало кто читалъ, сохраняла традиціи революціонныхъ возстаній и требовала всеобщаго избирательнаго права, какъ средства достичь соціальной реформы, но вся ея сила заключалась въ небольшихъ тайныхъ обществахъ, потерявшихъ привычку сражаться. (По донесенію Ла-Годда, было 600 членовъ общества *Временъ Года*, *500 коммунистовъ* и *независимыхъ*, *400 икарійцевъ*).

Революція была начата коалиціею всѣхъ недовольныхъ лишь министерствомъ Гизо; она была произведена цѣлымъ рядомъ мелкихъ революцій, быстро слѣдовавшихъ одна за другою и окончившихся результатомъ для всѣхъ совершенно неожиданнымъ.

Агитація проявилась сначала (1847 г.) въ формѣ банкетовъ, устраивавшихся съ цѣлью требовать *реформы* (т. е. избирательной реформы). Династическая лѣвая, организовавшая эту агитацію, требовала только частичной реформы: *пониженія ценза* и присоединенія къ избирателямъ лицъ либеральныхъ профессій; она стремилась главнымъ образомъ взволновать общественное мнѣніе, чтобы низвергнуть министерство Гизо. Эти банкеты были не болѣе какъ манифестаціями либеральной буржуазіи и роялистовъ. На нихъ провозглашались тосты за короля и реформу. Республиканцы примѣшались къ движенію; въ Шато-Ружъ и въ Парижѣ пили за «улучшеніе участи трудящихся классовъ» (9 іюля); а на нѣкоторыхъ провинціальныхъ банкетахъ тостъ за короля не провозглашался вовсе. Правительство отвѣтило на это одною фразой тронной рѣчи, направленной противъ агитаціи, «которою руководятъ враждебныя или слѣпыя страсти»; король объявилъ, что не уступитъ, и палата вотировала адресъ въ томъ же смыслѣ (12 февр. 1848 г.). Правительство запретило банкетъ 12-го округа Парижа. Это и послужило поводомъ къ революціи. Депутаты оппозиціи протестовали противъ запрещенія и обѣщали явиться на банкетъ. Комиссія банкета пригласила національныхъ гвардейцевъ и студентовъ собраться 22-го февраля на площадь Мадлены, чтобы принять депутатовъ, которые оттуда должны отправиться на банкетъ въ сопровожденіи всѣхъ присутствующихъ. Правительство запретило сборища и кортежи на улицахъ (21 февраля).

Депутаты хотя и протестовали противъ этого, но отказались отъ манифестаціи; республиканскіе вожди, собравшись въ редакціи *Реформы*, рѣшили также воздерживаться отъ манифестаціи, чтобы не дать правительству случая уничтожить ихъ партію. Но возвѣщенная манифестація все-таки произошла, даже и безъ вождей. Громадная толпа рабочихъ и студентовъ собралась съ ранняго утра на площади Согласія, при крикахъ: «да здравствуетъ реформа!». Запѣли *Марсельезу*. День прошелъ въ стычкахъ съ полиціей, не сопровождавшихся впрочемъ большими насиліями; была разграблена одна оружейная лавка; вечеромъ въ Тюльери толпа зажгла костеръ изъ стульевъ. Вожди тайныхъ обществъ, находившіеся въ толпѣ и поджидавшіе удобнаго для нихъ случая, объявили, что революція невозможна (22 февраля).

Революція началась на другой же день и длилась два дня, 23-го и 24-го февраля. Первый день былъ возмущеніемъ партіи реформы противъ Гизо; второй былъ возстаніемъ республиканской партіи противъ монархіи. Утромъ 23-го февраля возстаніе началось, какъ всегда, баррикадами въ восточныхъ рабочихъ кварта-

лахъ (Сенъ-Мартенъ, Сенъ-Дени); рабочіе достали оружіе обычнымъ способомъ,—у національныхъ гвардейцевъ. Правительство собрало національную гвардію и двинуло ее противъ бунтовщиковъ. Національные гвардейцы Парижа были враждебны Гизо; нѣкоторые изъ нихъ пробѣгали по возставшимъ улицамъ съ крикомъ: «Да здравствуетъ реформа! Долой Гизо!». Возстаніе распространилось на западные кварталы. Луи-Филиппъ, привыкшій считать національную гвардію выразительницею общественнаго мнѣнія, сразу потерялъ мужество; онъ принялъ отставку Гизо и обѣщалъ министерство Моле. Это была побѣда партіи реформы. Казалось, что революція кончена; вечеромъ зажгли иллюминацію. Но тогда начали дѣйствовать республиканцы; они хотѣли воспользоваться возбужденіемъ мятежниковъ, которые были еще вооружены, и еще неразрушенными баррикадами. Вечеромъ 23-го февраля банда, вышедшая изъ восточныхъ кварталовъ и подкрѣпленная толпою, собравшейся для манифестаціи передъ конторою газеты *National*, прошла по бульварамъ съ криками: «Плошекъ!». На Бульварѣ Капуциновъ, передъ зданіемъ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ жилъ Гизо, банда натолкнулась на солдатъ, выстроенныхъ передъ министерствомъ. Солдаты выстрѣлили въ толпу. Это и была та знаменитая бойня, которая послужила республиканцамъ поводомъ для рѣшительной манифестаціи: по бульварамъ провезли, при свѣтѣ факеловъ, телѣгу съ тѣлами жертвъ. Присутствовавшіе разошлись по всему Парижу съ тѣмъ впечатлѣніемъ, что правительство обмануло народъ, чтобы перебить его солдатами. Въ ночь съ 23 на 24 февраля восточные кварталы были забаррикадированы. Въ день 24 февраля руководителями явились республиканцы. Наканунѣ они сами кричали: «Да здравствуетъ реформа!». Но 24 февраля они уже кричали: «Да здравствуетъ республика!». Этотъ день раздѣлился на четыре акта.

1) Луи-Филиппъ, не будучи въ состояніи составить министерство Моле, ночью рѣшился призвать Тьера изъ лѣваго центра и Одилона Барро изъ династической лѣвой. Утромъ министерство Тьера было составлено. Оно назначило Бюжо командующимъ арміей и національною гвардіей. Бюжо послалъ войска аттаковать инсургентовъ въ ихъ кварталахъ; но солдаты, утомленные и деморализованные, остановились передъ толпою на бульварѣ. Правительство отказалось отъ нападенія и отозвало войска, чтобы защитить Тюльери. Затѣмъ оно пыталось успокоить инсургентовъ, пославъ Одилона Барро извѣстить объ уступкахъ, къ которымъ принудили короля: о приказѣ прекратить огонь, о распущеніи палаты, о назначеніи Ламорисьера командиромъ національной гвардіи, о министерствѣ Тьера-Барро. Инсургенты, уже овладѣвшіе восточными кварталами, отказались принять посланныхъ короля. Сторонники газеты *Реформа* расклеили такую афишу: «Луи-Филиппъ разстрѣливаетъ насъ также, какъ Карлъ X; пусть же онъ отправляется къ Карлу X».

2) Около 10 часовъ утра инсургенты перешли въ наступленіе; часть ихъ овладѣла Палэ-Роялемъ и атаковала солдатъ, поставленныхъ въ Шато-До. Это былъ единственный настоящій бой; онъ задержалъ толпу, которая шла на Тюльери. Во время этого боя Луи-Филиппъ показался верхомъ на дворѣ Каруселя, чтобы ободрить національныхъ гвардейцевъ. Онъ услышалъ крики: «Да здравствуетъ реформа!», убѣдился, что гвардейцы недовольны, и, обезкураженный, вернулся въ Тюльери. Здѣсь, по совѣту своихъ сыновей, онъ отрекся отъ престола; его внукъ, графъ Парижскій, сдѣлался королемъ. Королевская фамилія немедленно удалилась изъ Тюльери. Герцогиня Орлеанская вмѣстѣ съ юнымъ королемъ нашла убѣжище въ палатѣ депутатовъ.

3) Въ четыре съ половиною часа пополудни толпа вошла въ Тюльери, не встрѣтивши сопротивленія, и разрушила тронъ. Въ палатѣ депутаты, собравшись на засѣданіе, приняли герцогиню и ея сына. Графъ Парижскій былъ провозглашенъ королемъ, а его мать—регентшей; послѣ этого засѣданіе было закрыто. Но вооруженная толпа ворвалась въ палату съ криками: «Долой королевскую власть!» Среди этого смятенія республиканскіе депутаты, оставшіеся на засѣданіи, предложили назначить временное правительство изъ депутатовъ. Толпа привѣтствовала списокъ, приготовленный газетою *National*. Въ то время какъ парламентскіе республиканцы совершали такимъ образомъ революцію на западѣ Парижа въ Бурбонскомъ дворцѣ, демократическіе республиканцы произвели другую революцію на востокѣ Парижа въ городской ратушѣ. Вожди тайныхъ обществъ, соединившись съ редакторами газеты *Réforme* въ ея редакціи, обсудили списокъ газеты *National* и прибавили къ нему трехъ своихъ кандидатовъ: Флокона, Луи-Блана и главу общества *Временъ Года*, рабочаго машиниста Альбера; вмѣстѣ съ тѣмъ они назначили Коссидьера префектомъ полиціи, а Араго—министромъ почтъ. Затѣмъ они водворились въ городской ратушѣ, гдѣ и была провозглашена республика.

4) Такъ же, какъ и въ 1830 г., въ Парижѣ оказалось два правительства; такъ же, какъ и въ 1830 г., правительство, провозглашенное въ Бурбонскомъ дворцѣ, прошло по возмутившимся улицамъ до городской ратуши; здѣсь оно сформировалось окончательно и распредѣлило между своими членами министерства, но должно было принять въ свою среду также и людей, назначенныхъ *Реформою*. Не имѣя болѣе свободныхъ министерскихъ мѣстъ, оно назвало ихъ *секретарями* временнаго правительства; послѣ этого правительство осталось въ городской ра-

тушѣ. На другой день оно издало декретъ: «Республика учреждается, какъ правительство Франціи», и обѣщало созвать собраніе, избранное всеобщею подачею голосовъ, для составленія конституціи. Такъ-же, какъ и въ 1830 г., революція, произведенная въ Парижѣ, была принята въ провинціи безъ сопротивленія.

Жюль Симонъ такъ резюмируетъ эту революцію: «Агитація была устроена либералами въ пользу республики, которой они боялись; а въ послѣднюю минуту всеобщая подача голосовъ была организована республиканцами въ пользу соціализма, который внушалъ имъ ужасъ».

Борьба во временномъ правительствѣ.— Временное правительство состояло изъ членовъ двухъ группъ: парламентскихъ республиканцевъ списка *National* (Араго, Кремье, Мари, Гарнье-Пажесъ, Ламартинъ) и демократическихъ республиканцевъ *Реформы* (Флоконъ, Марастъ, Луи Бланъ, Альберъ); Ледрю-Ролленъ значился въ обоихъ спискахъ. Обѣ партіи были согласны на учрежденіе республики; но каждая понимала ее по своему. Партія *National* хотѣла только политической революціи, чтобы упрочить народное самодержавіе посредствомъ всеобщаго избирательнаго права; она называла это *демократическою республикою* и сохраняла трехцвѣтное знамя. Партія *Реформы* требовала соціальной революціи, чтобы немедленно же, не справляясь съ мнѣніемъ остальной націи, улучшить положеніе рабочихъ. Она называла это *демократической и соціальной республикой* и признала красное знамя. Борьба между этими двумя партіями началась немедленно же и уже не прекращалась. Партія демократической республики, повидимому, преобладала; она состояла изъ людей наиболѣе извѣстныхъ и изъ министровъ. Но партія соціальной республики занимала наиболѣе важныя правительственныя мѣста; Коссидьеръ былъ префектомъ полиціи, а Ледрю-Ролленъ—министромъ внутреннихъ дѣлъ; особенно важно было то, что она удерживала правительство въ городской ратушѣ, во власти восточныхъ кварталовъ. И такъ, вначалѣ всѣ выгоды были на сторонѣ *соціальной* партіи, и она преобладала въ правительствѣ. Рабочіе, вооруженные революціей, сохранили свое оружіе; но у нихъ не было вождя. Имъ помогли организоваться два обстоятельства: 1) правительство издало указъ, чтобы всѣ граждане вошли въ составъ національной гвардіи; вслѣдствіе этого рабочіе вступили въ легіоны, и вмѣсто 56,000 національныхъ гвардейцевъ (1-го февраля) ихъ оказалось въ Парижѣ 190,000 (18 марта); 2) такъ какъ политическія общества уже не были запрещены, то возникли *клубы*, членами которыхъ сдѣлались рабочіе. Самымъ дѣятельнымъ клубомъ, носившимъ названіе *Правъ человѣка*, руководили вожди тайныхъ обществъ, Собріе и Бланки, прежній вождь *Временъ года*. Въ этихъ клубахъ старые коммунисты пропагандировали соціальную революцію. Рабочіе, не исповѣдавшіе опредѣленной доктрины, но соціалисты по инстинкту, составили армію, готовую къ услугамъ партіи, которая говорила объ улучшеніи ихъ участи. Черезъ посредство своихъ клубовъ вожди соціалистовъ руководили рабочими, собирали ихъ съ оружіемъ и вели въ городскую ратушу, для заявленія своихъ требованій временному правительству; а въ самомъ правительствѣ группа соціалистовъ побуждала своихъ товарищей уступать рабочимъ. Этотъ способъ примѣнялся съ успѣхомъ три раза.

1) 25 февраля вооруженная толпа вошла въ залъ засѣданій правительства и потребовала признанія *права на трудъ*. (Это была формула, принятая соціалистами.) Луи Бланъ тотчасъ же составилъ слѣдующій декретъ: «Правительство французской республики обязывается гарантировать рабочему существованіе посредствомъ труда; оно обязывается обезпечить работу всякому гражданину». На слѣдующій день былъ изданъ указъ о немедленномъ учрежденіи *національныхъ мастерскихъ*»; это названіе было пущено въ ходъ самимъ Луи Бланомъ. Одна группа пыталась выкинуть на городской ратушѣ красное знамя, какъ символъ соціальной республики, но Ламартинъ уговорилъ ее сохранить трехцвѣтное знамя.

2) 28 февраля явилась толпа со знаменами, на которыхъ была надпись: *организація труда* (старая формула Сенъ-Симонистовъ, принятая Луи Бланомъ), и потребовала учрежденія *министерства прогресса*. Луи Бланъ поддерживалъ это требованіе, но его товарищи отвергли его, и Луи Бланъ удовольствовался учрежденіемъ «правительственной комиссіи для рабочихъ, спеціально предназначенной заботиться объ ихъ участи». Луи Бланъ и Альберъ были назначены членами этой комиссіи и водворились въ Люксамбургскомъ дворцѣ. Они пригласили туда делегатовъ отъ рабочихъ различныхъ ремеслъ, чтобы выслушать ихъ желанія. Делегаты потребовали реформъ, въ которыхъ они были наиболѣе заинтересованы: уменьшенія числа рабочихъ часовъ и прекращенія сдачи работъ подрядчикамъ. Эти требованія были немедленно превращены въ указы. Рабочій день былъ установленъ для Парижа въ 10 часовъ, вмѣсто 11, а для провинціи въ 11, вмѣсто 12 часова, въ виду того, что «слишкомъ продолжительный ручной трудъ не только разрушаетъ здоровье рабочаго, но и препятствуетъ его умственному развитію и тѣмъ наноситъ ущербъ его человѣческому достоинству». Но правительство было не въ состояніи привести въ исполненіе свой декретъ, и хозяева не обращали на него никакого вниманія. Люксамбургская комиссія предложила нѣсколько проектовъ (общественныя мастерскія третейскій судъ между хозяевами и рабочими, учетную

контору для мелкой торговли), но у нея не было никакихъ средствъ для приведенія ихъ въ исполненіе. Она могла только устраивать совѣщанія, на которыя приглашала экономистовъ, и организовать комитеты изъ делегатовъ отъ рабочихъ. Эта комиссія отвлекла Луи Блана и Альбера отъ засѣданій въ городской ратушѣ и тѣмъ ослабила партію соціалистовъ въ правительствѣ.

3) Когда правительство уничтожило особыя роты національной гвардіи (стрѣлковъ и гренадеровъ) состоявшихъ изъ буржуазіи, то гвардейцы уничтоженныхъ ротъ произвели манифестацію передъ городскою ратушею, названную «манифестаціею мѣховыхъ шапокъ» (они требовали сохраненія ихъ прежней формы). Рабочіе подумали, что буржуазія угрожаетъ правительству. Руководимые клубами, они собрались на Марсовомъ полѣ и двинулись массою на городскую ратушу, гдѣ ихъ вожди предъявили свои требованія. На этотъ разъ рѣчь шла о политическомъ вопросѣ: временное правительство только что (5 марта) созвало избирателей всей Франціи на 9 апрѣля для избранія собранія, которому оно готовилось передать власть; соціалистическая партія хотѣла отложить эти выборы, чтобы дать республиканцамъ время привлечь на свою сторону избирателей. Манифестанты 17 марта требовали отсрочки выборовъ; правительство отложило ихъ до 23 апрѣля.

Но партія соціальной республики, господствовавшая надъ беззащитнымъ правительствомъ, была ничтожнымъ меньшинствомъ; противъ нея была вся Франція и половина Парижа. Ея противники, чувствуя за собою поддержку, снова стали руководить правительствомъ. Національнымъ гвардейцамъ изъ рабочихъ они противопоставили буржуазную національную гвардію и подвижную гвардію, составленную изъ молодыхъ новобранцевъ, получавшихъ жалованье. 16 апрѣля было рѣшительнымъ днемъ. Рабочіе, созванные клубами, и Люксамбургская делегація двинулись съ Марсова поля и явились въ городскую ратушу, чтобы подать петицію объ «уничтоженіи эксплоатаціи человѣка человѣкомъ и объ организаціи труда посредствомъ ассоціацій». Но Ледрю-Ролленъ, колебавшійся до этого момента между двумя партіями, рѣшился дѣйствовать противъ соціалистовъ; онъ приказалъ бить тревогу. Національная гвардія явилась передъ ратушей съ оружіемъ и встрѣтила рабочихъ криками: «долой коммунистовъ!». Манифестанты удалились, не добившись ничего.

Партія соціальной республики потеряла всякое вліяніе на правительство. Все, чего она добилась, сводилось къ обѣщаніямъ, которыя не были сдержаны, и двумъ учрежденіямъ, которыя правительство сдѣлало призрачными: Люксамбургской комиссіи и національнымъ мастерскимъ.—Комиссія не имѣла никакой дѣйствительной власти; но вся ея дѣятельность свелась къ практикѣ созданія комитетаи зъ делегатовъ отъ рабочихъ, который непрерывно засѣдалъ въ Люксамбургѣ и сдѣлался центромъ, руководившимъ манифестаціями рабочихъ.—Что касается *національныхъ мастерскихъ*, то они были организованы министромъ торговли Мари, противникомъ Луи Блана. Революція 1848 года вызвала кризисъ, остановивши дѣла и работу на фабрикахъ. Множество рабочихъ разныхъ профессій остались безъ работы. Правительство взялось доставить имъ работу; но вмѣсто того, чтобы организовать настоящія производительныя мастерскія, въ которыхъ каждый нашелъ-бы занятіе, соотвѣтствующее его ремеслу,—оно употребило всѣхъ безъ различія на земляныя работы съ одинаковою платою (2 франка въ день). Ихъ число съ 6,000 (въ мартѣ) возросло до 100,000 (въ маѣ). Тогда имъ убавили плату. Прежняя (2 франка) давалась только два раза въ недѣлю; а въ остальные дни они получали 1 франкъ, что составляло въ сложности 8 франковъ въ недѣлю. Когда были кончены всѣ земляныя работы, ихъ оставили вовсе безъ дѣла. Марсово поле, гдѣ они будто-бы работали, сдѣлалось мѣстомъ преній и соціалистской пропаганды *). Подъ видомъ этой замаскированной милостыни рабочимъ роздали 7 милліоновъ.

Временное правительство отмѣнило нѣкоторые популярные налоги: налогъ на соль, гербовый сборъ съ газетъ, ввозныя парижскія пошлины (octroi de Paris). Но, не имѣя денегъ въ кассѣ и не будучи въ состояніи совершить займа, оно установило чрезвычайный налогъ въ 45 добавочныхъ сентимовъ (т. е. 45%) къ прежнимъ прямымъ налогамъ. Эта прибавка легла не только на буржуазію, но и на крестьянъ, что возстановило ихъ противъ республики.

Управленіе учредительнаго собранія.—Собраніе, избранное всеобщею подачею голосовъ, причемъ выборы производились по кантонамъ и для избранія требовалось относительное большинство, состояло изъ 900 представителей, которые получали жалованье (25 франковъ въ день). Оно поручило управленіе исполнительной комиссіи, состоявшей изъ 5 членовъ; исполнительная комиссія должна была назначать министровъ. Это было демократическое собраніе, совершенно не походившее на прежнія палаты, основанныя на избирательномъ цензѣ. Большинство одобряло политику буржуазной фракціи временного правительства; оно хотѣло демократической республики безъ соціальнаго переворота. Соціалистическая партія имѣла въ

*) Директоръ національныхъ мастерскихъ Е. Тома, воспитанникъ центральной школы, разсказываетъ, что онъ предлагалъ устроить настоящія мастерскія, но Мари не согласился и отвѣтилъ, что «намѣреніе правительства заключается въ томъ, чтобы доказать этимъ опытомъ самимъ рабочимъ пустоту и фальшь этихъ неприложимыхъ теорій».

немъ лишь немногихъ представителей. Сильное меньшинство, избранное подъ вліяніемъ духовенства и крупныхъ землевладѣльцевъ, желало, если не монархіи, то во всякомъ случаѣ политики, враждебной революціи; эта политика носила неопредѣленное названіе *реакціи*. И такъ, власть находилась въ рукахъ демократической республиканской партіи, которая и сохраняла ее, находясь въ постоянной борьбѣ съ двумя крайними партіями: соціалистами и *реакціей*.

Соціалисты, будучи недовольны Собраніемъ, два раза пытались повторить революцію, чтобы установить правительство соціальныхъ реформъ. Они натолкнулись на вооруженное сопротивленіе, и борьба окончилась гражданской войной.

15 мая было попыткой къ насильственному перевороту со стороны клубовъ прежней партіи дѣйствія (Барбесъ и Бланки) и иностранныхъ эмигрантовъ. Подъ предлогомъ подачи петиціи въ пользу Польши, они ворвались въ Собраніе, объявили его распущеннымъ и провозгласили временное правительство, составленное изъ вождей соціалистской партіи (Барбесъ, Бланки, Луи Бланъ, Альберъ, Кабэ, Прудонъ, Распайль, Ледрю-Ролленъ). Но національная гвардія разогнала ихъ.

Іюньскіе дни были общимъ возстаніемъ, подготовленнымъ рабочими національныхъ мастерскихъ по соглашенію съ делегатами Люксамбургскаго комитета. Собраніе, относившееся враждебно къ національнымъ мастерскимъ, рѣшило сначала уволить рабочихъ, пришедшихъ изъ провинцій; затѣмъ оно постановило закрыть совсѣмъ мастерскія; декретъ приглашалъ рабочихъ или поступить въ армію, или-же быть готовыми къ отправкѣ въ провинцію, гдѣ ихъ должны были употребить на земляныя работы (21 іюня). Рабочіе уже заранѣе протестовали. «У насъ нѣтъ недостатка въ желаніи работать,—говорили они;—но у насъ нѣтъ работы полезной и соотвѣтствующей нашимъ спеціальностямъ. Что будутъ дѣдать со 110,000 рабочихъ, занятыхъ въ національныхъ мастерскихъ?» (18 іюня). Послѣ изданія декрета, делегація отъ рабочихъ отправилась къ Мари съ заявленіемъ протеста. Мари отвѣчалъ, что если рабочіе не отправятся добровольно,—ихъ принудятъ къ этому силой. Рабочіе были вооружены; весь восточный Парижъ находился въ ихъ рукахъ. Они построили баррикады въ своихъ кварталахъ; требовали распущенія собранія и возстановленія національныхъ мастерскихъ.

Собраніе поручило генералу Кавеньяку овладѣть возмутившимися кварталами и передало въ его руки всю исполнительную власть. Это былъ самый кровопролитный уличный бой, какой когда-либо видѣла Франція. Съ одной стороны было все рабочее населеніе восточныхъ кварталовъ стараго Парижа; съ другой—національная гвардія всѣхъ остальныхъ кварталовъ, подвижная гвардія и гарнизонъ (20,000 человѣкъ) и кромѣ того—національная гвардія предмѣстій (нынѣшнихъ внѣшнихъ кварталовъ) и сосѣднихъ городовъ, устремившаяся въ Парижъ, чтобы истреблять соціалистовъ. Инсургенты не имѣли вождей, но сражались съ ожесточеніемъ. Центромъ ихъ сопротивленія было Сентъ-Антуанское предмѣстье; потребовалось три дня, чтобы взять его (24—26 іюня). Плѣнные были разстрѣлены безъ суда, или-же ихъ судили и ссылали. Правительство закрыло тридцать двѣ газеты. Соціалистическая партія перестала существовать. Лишь нѣсколько народныхъ представителей, стоявшихъ во главѣ разныхъ соціалистическихъ школъ, Прудонъ, Консидеранъ, Пьеръ Леру, дѣлали попытки излагать свои идеи въ Собраніи, которое встрѣчало ихъ слова смѣхомъ или криками негодованія. Кавеньякъ сохранилъ исполнительную власть и управлялъ вмѣстѣ съ Собраніемъ, въ духѣ демократической республики.

Затѣмъ Учредительное Собраніе приступило къ дѣлу, для котораго было избрано: оно выработало конституцію 1848 года. Эта конституція выражала собою политику демократически-консервативной партіи, которая составляла большинство собранія. Согласно революціоннымъ традиціямъ, сначала была вотирована теоретическая декларація: «Передъ лицомъ Бога и во имя народа... Франція учреждаетъ у себя республику... Французская республика—демократическая... Ея принципы: свобода, равенство, братство; ея основы: семья, собственность, общественный порядокъ». Декларація не только признавала всѣ гарантіи личной свободы, уничтожала рабство, цензуру и смертную казнь за политическія преступленія; но она обѣщала даже соціальныя реформы: даровое первоначальное обученіе, ремесленныя школы, равенство въ отношеніяхъ хозяина и работника, сберегательныя кассы и организацію мелкаго кредита.

Первый проектъ конституціи, редактированный 20 іюня, предлагалъ также «признать право всѣхъ гражданъ на работу и на вспомоществованіе»; но въ проектѣ, составленномъ въ августѣ, вмѣсто этого была вотирована болѣе неопредѣленная формула: «Республика должна братскою помощью обезпечить существованіе нуждающихся гражданъ, доставляя имъ работу, въ предѣлахъ возможности, или же выдавая пособіе тѣмъ, которые не въ состояніи работать». Это было побѣдою демократической республики надъ соціальною; права личности были провозглашены, соціальныя реформы обѣщаны, но въ формѣ, не устанавливавшей ни чьихъ правъ.

Правительство было организовано согласно двумъ теоретическимъ началамъ: «Вся государственная власть исходитъ отъ народа... Раздѣленіе властей составляетъ необходимое условіе всякаго свободнаго правительства». Согласно

этой теоріи, были установлены двѣ власти, обѣ исходящія отъ *французскаго народа*: законодательная—*передаваемая народомъ собранію* изъ 750 представителей, избранныхъ всеобщею подачею голосовъ; и исполнительная—*вручавшаяся народомъ* гражданину, носящему титулъ *президента республики* и избираемаго на четыре года (вѣроятно изъ подражанія Соединеннымъ Штатамъ); президенту предоставлялось право назначать министровъ. Двухъ палатъ не хотѣли, потому что вторая палата казалась учрежденіемъ аристократическимъ; ограничились учрежденіемъ *государственнаго совѣта*, избираемаго Собраніемъ, для изготовленія законопроектовъ.

Это былъ американскій правительственный механизмъ, перенесенный изъ союзнаго государства, не имѣющаго ни арміи, ни чиновниковъ, въ государство съ сильно централизованнымъ правительствомъ, обладающимъ непреодолимою арміей и цѣлымъ корпусомъ чиновниковъ, привыкшихъ властвовать. Вся дѣйствительная сила отдавалась въ руки президента республики. Такимъ образомъ судьба всего установленнаго порядка зависѣла отъ того, кто будетъ выбирать президента? Если Собраніе, то президентомъ будетъ Кавеньякъ, и власть въ рукахъ республиканской партіи; если народъ, то исходъ оставался не извѣстнымъ. Ламартинъ зналъ, что онъ не будетъ избранъ Собраніемъ, и произнесъ рѣчь въ пользу избранія народомъ. «Пусть Богъ и народъ,—говорилъ онъ,—выскажутся! Надо предоставить что-нибудь Провидѣнію». Собраніе, большинствомъ 602 голосовъ противъ 211, остановилось на этомъ. Однако уже начинали опасаться Луи-Наполеона, котораго пять департаментовъ только-что избрали своимъ представителемъ. Кто-то предложилъ устранить членовъ прежнихъ царствовавшихъ династій. Но комиссія не согласилась на это, находя, что «законъ противъ одного человѣка недостоинъ великаго Собранія».

Избраніе президента всеобщею подачею голосовъ (10 декабря 1848 года) рѣшило вопросъ о власти. Двѣ республиканскія партіи, боровшіяся между собою со времени февральской революціи, выставляли каждая своего кандидата: соціалисты — Ледрю-Роллена, демократы — Кавеньяка. Бонапартистская партія, недавно образовавшаяся, поддерживала Луи-Наполеона, главу наполеоновской династіи, который выставлялъ себя не претендентомъ на престолъ, а гражданиномъ. Прежніе роялисты присоединились къ нему. Крестьяне еще не имѣли никакого политическаго воспитанія; они знали только одно имя императора Наполеона и вотировали за это имя. Луи-Наполеонъ получилъ 5.400,000 голосовъ (Кавеньякъ — 1.400,000, Ледрю-Ролленъ—370,000). Онъ вступилъ во власть, поклявшись «быть вѣрнымъ демократической республикѣ и защищать конституцію»; онъ избралъ парламентское министерство, состоявшее преимущественно изъ либеральныхъ орлеанистовъ и католиковъ. Учредительное Собраніе продолжало засѣдать, но находилось въ полномъ разладѣ съ нимъ; оно отказалось вотировать законъ, воспрещающій всякія политическія собранія, и выразило порицаніе посланному президентомъ приказанію французскимъ войскамъ атаковать Римъ.

Въ провинціи новые префекты, назначенные министрами, вызвали безпорядки гоненіемъ на деревья свободы и фригійскіе колпаки.

Управленіе монархическихъ партій (1849—1851 гг.).—Въ законодательномъ Собраніи (избранномъ въ маѣ 1849 года) положеніе партій совершенно измѣнилось. Изъ 750 членовъ почти 500 были монархисты, избранные подъ вліяніемъ духовенства и роялистской буржуазіи. Ихъ избраніе было подготовлено комитетомъ улицы Пуатье, лигою трехъ партій, орлеанистовъ (Тьеръ), легитимистовъ (Беррье) и католиковъ (Монталамберъ). Изъ 270 республиканцевъ только 70 представляли партію, имѣвшую большинство въ Учредительномъ Собраніи; остальные составляли партію *Горы*, которую ея противники прозвали партіею *красныхъ*. Это была коалиція всѣхъ республиканцевъ, соединившихся для спасенія республики путемъ обращенія къ демократическимъ чувствамъ страны. Она соединила остатки соціалистическихъ партій, разстроенныхъ арестомъ ихъ вождей (Бланки, Барбесъ) или бѣгствомъ ихъ за границу (Луи Бланъ). Для выборовъ въ Законодательное Собраніе она сплотилась подъ руководствомъ двухъ избирательныхъ комитетовъ, носившихъ названіе *Друзей конституціи* и *Республиканской солидарности* (секретаремъ которой былъ Жанъ Масе), и группы депутатовъ Горы въ Учредительномъ Собраніи. Программы этихъ комитетовъ обѣщали нѣкоторыя соціальныя реформы. Программа партіи Горы, составленная Феликсомъ Піа, признавала «право собственности, основанное на правѣ на трудъ», и требовала «прогрессивнаго и пропорціональнаго налога на чистый доходъ, эксплоатаціи государствомъ желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ и каналовъ и государственнаго страхованія». Депутаты Горы были избраны большими городами и департаментами восточной и южной Франціи.

Большинство, въ согласіи съ президентомъ и его министерствомъ, стремилось подавить республиканскую партію, отнявши у нея всѣ средства дѣйствія и пропаганды: газеты, право составлять политическія общества, свѣтскія школы, всеобщую подачу голосовъ.

Борьба началась по поводу римской экспедиціи. Гора требовала преданія суду министровъ за нарушеніе конституціи *), такъ какъ они вели

*) Статья 5 конституціи: «Французская республика уважаетъ всѣ иностранныя національности... и никогда

войну противъ римской республики, противъ воли Учредительнаго Собранія; большинство палаты отказало. Демократическіе комитеты напечатали воззваніе къ національной гвардіи, приглашая ее на манифестацію; эта манифестація кончилась неудавшейся попыткой у школы Искусствъ и Ремеслъ. Собраніе запретило газеты партіи Горы и приказало арестовать 33 представителей. Ледрю-Ролленъ бѣжалъ въ Лондонъ (13 іюня 1849 г.). Затѣмъ, законъ о печати установилъ залогъ въ 24,000 франковъ и далъ администраціи право воспрещать розничную продажу газетъ (іюль 1849 года); былъ изданъ также законъ, воспрещавшій публичныя политическія собранія. Всѣ эти мѣры были направлены противъ республиканскихъ партій. Послѣ подавленія *Горы*, между ея врагами начались раздоры. Президентъ воспользовался несогласіемъ со своими орлеанистскими министрами по римскому вопросу, чтобы отдѣлаться отъ нихъ, и замѣнилъ ихъ своими личными приверженцами. Изъ монархической партіи выдѣлялась мало-по-малу партія наполеоновская, которая искала популярности, воюя съ «красными». Префектъ полиціи Карлье основалъ *соціальную лигу* противъ соціалистовъ и приказалъ срубить деревья свободы.

Въ 1850 году всѣ монархическія партіи соединились вновь для борьбы противъ *Горы*. Эту борьбу прозвали «внутреннею римскою экспедиціею». Она состояла въ изданіи двухъ законовъ: закона о народномъ образованіи (мартъ 1850 года) и избирательнаго закона 31 мая 1850 года.

Законъ о народномъ образованіи былъ дѣломъ католической партіи. Республиканское правительство 1848 года предложило проектъ о даровомъ и обязательномъ обученіи; но Законодательное Собраніе не допустило этого даже въ принципѣ; оно не довѣряло свѣтскимъ учителямъ; министръ называлъ ихъ «офицерами демократической и соціальной республики», Монталамберъ—«отвратительными болтунами», Ламартинъ—«распространителями нелѣпыхъ противообщественныхъ доктринъ». Законъ 1850 года установилъ, что учителя могутъ быть удаляемы безапелляціонно, и обязалъ ихъ преподавать катехизисъ. Этотъ законъ 1850 г., вотированный во имя принципа свободы преподаванія, уничтожилъ правительственную монополію обученія и далъ частнымъ лицамъ право открывать какъ среднія, такъ и первоначальныя школы. Воспользовались этимъ правомъ почти лишь однѣ конгрегаціи. Онѣ основали по всей Франціи католическія гимназіи и первоначальныя школы. Муниципалитетамъ было предоставлено на выборъ открывать у себя свѣтскія первоначальныя школы, или конгрегаціонныя; почти всѣ школы для дѣвочекъ были поручены монахинямъ.

На дополнительныхъ выборахъ 1850 года были выбраны почти исключительно одни монтаньяры. Испуганное большинство палаты рѣшило «очистить всеобщее избирательное право». Законъ 31 мая требовалъ отъ избирателя *трехлѣтняго* пребыванія въ одномъ мѣстѣ, удостовѣреннаго внесеніемъ въ списокъ личныхъ налоговъ; онъ лишалъ права голоса людей, осужденныхъ за возмущеніе, за оскорбленіе властей, за участіе въ тайныхъ обществахъ и клубахъ. Законъ имѣлъ въ виду устранить отъ политической жизни рабочихъ и главный штабъ демократической партіи; но онъ коснулся также и крестьянъ, и убавилъ число избирателей на 3 милліона.

Столкновеніе между президентомъ и собраніемъ. — Монархическія партіи и президентъ согласно дѣйствовали противъ республиканцевъ; но по окончаніи этой борьбы между ними произошло раздѣленіе. Президентъ усиливалъ свою личную власть; онъ назначалъ министрами своихъ сторонниковъ; онъ стремился привязать къ себѣ высшихъ офицеровъ и должностныхъ лицъ; онъ производилъ смотры арміи и совершалъ поѣздки по провинціи, которыя служили поводомъ для криковъ: «Да здравствуетъ Наполеонъ!», а иногда даже и «Да здравствуетъ императоръ!» (Его противники обвиняли генераловъ и министровъ въ томъ, что они устраивали эти манифестаціи.) Въ самомъ Собраніи колеблющіеся консерваторы стали присоединяться къ нему и создавать бонапартистскую партію. Монархическія партіи испугались и вступили въ борьбу съ президентомъ. Столкновеніе началось по поводу смотра арміи въ Сатори (10 октября 1850 г.). Кавалерія кричала: «Да здравствуетъ Наполеонъ!», пѣхота молчала. Военный министръ уволилъ генерала, запретившаго солдатамъ кричать. Постоянная комиссія, засѣдавшая во время вакацій Собранія, протестовала противъ этого. Президентъ замялъ столкновеніе примирительнымъ посланіемъ.

Тогда выступили на сцену два практическихъ вопроса: о правѣ распоряжаться вооруженной силой и объ обладаніи исполнительною властью; эти вопросы, въ той или другой формѣ, заняли собою весь роковой 1851 годъ.

1) Военная власть, которую конституція ввѣрила президенту и его военному министру, въ дѣйствительности дѣлилась между ними и главнокомандующимъ арміи и національной гвардіи Парижа, генераломъ Шангарнье, который занималъ эту должность съ 1848 года и пользовался довѣріемъ монархическихъ партій. Онъ вступился за удаленнаго генерала, и вслѣдствіе этого разошелся съ президентомъ, который, не добившись отъ Собранія порицанія ему, удалилъ его отъ должности (5 января 1851 г.). Собраніе отвѣтило на это порицаніемъ министерству, вотиро-

---

не употребить своихъ силъ противъ свободы какого-либо народа».

ванному большинствомъ 417 голосовъ противъ 286, благодаря голосамъ республиканцевъ. Собраніе окончательно разошлось съ президентомъ. Но прежняго большинства въ немъ уже не существовало. Собраніе распалось на три непримиримыя между собою части: партію президента, монархическую коалицію, состоявшую изъ легитимистовъ, орлеанистовъ и *фузіонистовъ* (сторонниковъ сліянія двухъ вѣтвей королевскаго дома), и республиканцевъ. Отнынѣ большинство въ собраніи могло быть только коалиціонное, и собраніе могло проводить лишь мѣры отрицательнаго характера. Президентъ, указавъ на отсутствіе дѣйствительнаго большинства въ палатѣ, назначилъ дѣловое министерство.

2) Министерство потребовало увеличенія содержанія президента на 1.800,000 франковъ. Это предложеніе было *отвергнуто* коалиціей республиканцевъ и легитимистовъ (396 голосовъ противъ 294, февраль 1851 г.).

3) Орлеанисты потребовали отмѣны закона объ изгнаніи Орлеанскихъ принцевъ. Это требованіе было *отвергнуто* коалиціей бонапартистовъ и легитимистовъ.

4) Наполеоновская партія требовала пересмотра конституціи. Одна изъ ея статей воспрещала переизбраніе президента на второй срокъ, а Наполеонъ хотѣлъ быть избраннымъ вновь. Составился комитетъ для агитаціи въ пользу подачи петиціи о пересмотрѣ; съ помощью чиновниковъ, онъ успѣлъ набрать больше милліона подписей; 80 генеральныхъ совѣтовъ изъ 85-ти просили пересмотра. Но конституція 1848 года требовала для вотированія пересмотра большинства трехъ четвертей Собранія. Монархическая коалиція подала голоса противъ, и пересмотръ, принятый только 446 голосами противъ 278; былъ *отвергнутъ* (26 іюля).

Парламентскія вакаціи прервали борьбу. Но уже чувствовалась возможность насильственнаго переворота. Въ Дижонѣ президентъ сказалъ (1-го іюня): «Каковы бы ни были обязанности, которыя возложитъ на меня страна, она найдетъ меня готовымъ исполнить ея волю». Республиканцы организовали тайныя общества, въ особенности на юго-востокѣ и въ части центра (Ніевръ, Алліе, Шеръ); эти общества, повидимому, имѣли центральное управленіе въ Парижѣ и Ліонѣ *). Нѣкоторыя изъ нихъ заимствовали отъ прежнихъ обществъ обряды пріема въ члены (клятва на кинжалѣ), демократическія эмблемы (красное знамя, фригійскій колпакъ, нивелиръ), пароли (мать Маріанна); общества эти были въ сношеніяхъ съ иностранными революціонерами и съ лондонскими и швейцарскими эмигрантами. Агенты правительства обвиняли ихъ въ томъ, что они имѣютъ склады оружія, списки подозрительныхъ лицъ и подготовляютъ къ выборамъ 1852 года нападеніе на префектуры и учрежденіе революціонныхъ трибуналовъ. Посланіе президента, которымъ открывалось собраніе, гласило: «Обширный демократическій заговоръ организуется во Франціи и въ Европѣ».

5) Президентъ требовалъ отмѣны избирательнаго закона 1850 года, какъ несовмѣстнаго со всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Немедленное обсужденіе этого требованія, а затѣмъ и самый проектъ были *отвергнуты* большинствомъ шести голосовъ.

6) Военный министръ Сентъ-Арно приказалъ убрать изъ казармъ вывѣшенный въ нихъ декретъ 1848 года, который давалъ президенту Собранія (Учредительнаго) право требовать вооруженную силу. Монархическая партія, чувствуя, что исполнительная власть угрожаетъ Собранію, внесла «предложеніе о квесторахъ», которое давало президенту Законодательнаго Собранія право требовать вооруженную силу и содѣйствія всѣхъ властей. Но республиканцы опасались монархическаго переворота. Предложеніе было *отвергнуто* (18 ноября) *коалиціею* бонапартистовъ и республиканцевъ (408 голосовъ противъ 300).

Установленіе личной власти (1851 — 1852 гг.).—Президентъ разрѣшилъ споръ государственнымъ переворотомъ 2 декабря 1851 г. Онъ издалъ декретъ, которымъ Собраніе распускалось, возстановлялось всеобщее избирательное право и французскій народъ созывался въ избирательныя собранія. Прокламація къ народу излагала причины совершеннаго переворота и проектъ конституціи. Теоретически проектъ былъ основанъ на народномъ самодержавіи: «Мой долгъ поддержать республику... обращаясь къ единому верховному повелителю, котораго я признаю во Франціи, къ народу». Въ дѣйствительности же это было возмущеніе исполнительной власти, т. е. вооруженной силы, противъ того, кто теоретически считался представителемъ націи. Переворотъ былъ подготовленъ министрами и генералами парижской арміи; онъ начался прокламаціею къ солдатамъ.

Собраніе было дезорганизовано. Правительство позаботилось арестовать втеченіе ночи главныхъ вождей партій и заняло солдатами залу засѣданій. Однако 217 представителей, почти всѣ члены монархическихъ партій, могли собраться въ мэріи X округа и объявили засѣданіе Собранія открытымъ. Настоящій случай былъ предусмотрѣнъ конституціей. Если президентъ распуститъ Собраніе, говорилось въ ней, то онъ тѣмъ самымъ лишается власти; она переходитъ къ Собранію, верховный судъ немедленно же собирается, чтобы судить президента. Итакъ, Собраніе постановило

*) Эта организація, еще недостаточно изученная, очень затемнена раздѣленіемъ на группы, независимыя и даже враждебныя другъ другу: партію бланкистовъ (*Друзья Равенства*), *Центральный демократическій комитетъ* (Ледрю-Роллень), соціалистическую партію Луи Блана, *Коммунистическій Союзъ* Карла Маркса и *Союзъ Общинъ*.

низложеніе президента и назначило командующаго арміей; но солдаты арестовали собравшихся депутатовъ и отвели ихъ въ тюрьму. Верховный судъ собрался въ зданіи судебныхъ мѣстъ (Palais de justice) и постановилъ приговоръ; его разогнали.

Сопротивленіе перевороту организовалось медленно; оно было дѣломъ республиканцевъ. Въ Парижѣ солдаты, проходя по бульварамъ, стрѣляли въ безоружную толпу; настоящій бой произошелъ только въ восточныхъ рабочихъ кварталахъ (Сентъ-Антуанъ и Сенъ-Мартенъ). Въ пятнадцати департаментахъ юго-востока и центра произошли мѣстныя возстанія республиканцевъ, пытавшихся овладѣть главными городами департаментовъ. Возставшими, въ особенности на юго-западѣ, были крестьяне и члены тайныхъ обществъ. Правительство воспользовалось этимъ, чтобы представить движеніе, какъ *жакерію* или коммунистическій бунтъ, и такимъ образомъ выставить себя защитникомъ общества. Президентъ объявилъ осадное положеніе въ 32 департаментахъ и присвоилъ себѣ власть ссылать всѣхъ членовъ тайныхъ обществъ; онъ учредилъ смѣшанныя комиссіи изъ генерала, префекта и прокурора и предоставилъ имъ право безапелляціонно судить инсургентовъ.

Изъ документовъ, найденныхъ въ Тюльери въ 1870 г., видно, что всѣхъ арестованныхъ было 26.642 человѣка, изъ нихъ освобождено только 6.500, 5.108 отдано подъ полицейскій надзоръ, 15.033 приговорено къ ссылкѣ (9.530 человѣкъ сослано въ Алжиръ, 239 въ Каенну, послѣ продолжительнаго содержанія на понтонахъ, 2.804 человѣка водворены безъ права выѣзда во французскихъ городахъ); 80 представителей, преимущественно республиканцевъ, были изгнаны изъ Франціи. Республиканская партія, лишенная вождей и наиболѣе дѣятельныхъ членовъ, пришла въ полное разстройство и возродилась только въ 1859 году, по возвращеніи сосланныхъ и изгнанныхъ.

Избавившись отъ Собранія, которому принадлежала законодательная власть, и отъ республиканцевъ, готовившихся снова овладѣть ею на выборахъ 1852 г., президентъ оказался неограниченнымъ властелиномъ. Онъ организовалъ правительство по образцу, данному Наполеономъ I, т. е. ввелъ конституцію VIII года, которая «уже доставила однажды Франціи спокойствіе и благосостояніе». Президенту, избираемому на десять лѣтъ, предоставлялась вся исполнительная власть. Онъ управлялъ при содѣйствіи трехъ учрежденій: *государственнаго совѣта*, который назначался президентомъ для разработки законопроектовъ; *законодательнаго корпуса*, избираемаго всеобщею подачею голосовъ, обсуждавшаго и вотировавшаго законы и бюджетъ,—и «второго собранія» (впослѣдствіи его назвали *сенатомъ*), которое назначалось президентомъ, и должно было охранять «основной договоръ (pacte) и общественныя вольности». Министры назначались президентомъ и зависѣли только отъ него; они не были отвѣтственны. Отвѣтственнымъ былъ только одинъ человѣкъ,—президентъ; но онъ былъ отвѣтственъ не передъ какимъ-либо учрежденіемъ, а только передъ народомъ. Теоретически эта система сосредоточивала всю власть въ рукахъ самодержавнаго народа; практически же она предоставляла ее его представителю, главѣ государства, такъ какъ у народа не было другого способа выразить свою волю, какъ только отвѣчая «да» или «нѣтъ» на предложенные ему президентомъ вопросы (плебисциты). Однако эта конституція отличалась отъ конституціи Наполеона I въ томъ, что допускала палату, избиравшуюся непосредственно народомъ; это была уступка представительному и демократическому образу правленія при общей системѣ личнаго правительства. Созданное революціей 1848 года, общее избирательное право было сохранено и даже признано юридическою основою конституціи.

Этотъ новый государственный строй, предложенный 2-го декабря, былъ вотированъ въ формѣ плебисцита 7.500.000 голосовъ противъ 6.150.000, въ числѣ которыхъ были голоса 39.000 солдатъ. Затѣмъ онъ былъ закрѣпленъ конституціею 1852 года. Эта конституція такъ опредѣляла полномочія президента: онъ не только назначаетъ на всѣ должности, объявляетъ войну, заключаетъ трактаты и объявляетъ осадное положеніе; но ему *одному* предоставлена законодательная инціатива; палата можетъ обсуждать только внесенные имъ законопроекты. Сенатъ, состоявшій изъ 150 пожизненныхъ членовъ, долженъ былъ истолковывать текстъ конституціи; онъ не могъ вторично обсуждать законовъ, вотированныхъ законодательнымъ корпусомъ, но имѣлъ «право исправлять всякій произвольный и незаконный актъ». Число депутатовъ было низведено до 250, и они должны были присягать президенту. Наполеонъ считалъ себя продолжателемъ политики своего дяди; но онъ по своему истолковывалъ политику Наполеона I. Въ сочиненіи *Наполеоновскія Идеи* онъ называетъ Наполеона I «исполнителемъ завѣтовъ революціи», который «ускорилъ наступленіе царства свободы». Онъ изображаетъ его поглощеннымъ заботою о водвореніи демократіи и установленіи мира посредствомъ войны. Но «природа демократіи требуетъ ея олицетворенія въ одномъ человѣкѣ». Наполеонъ хотѣлъ, какъ его дядя, воплотить демократію въ своемъ лицѣ и обѣщалъ доставить ей миръ.

Онъ только временно сохранилъ титулъ президента. Во время его поѣздки по Франціи въ 1852 году его принимали какъ государя. Онъ самъ возвѣстилъ въ Бордо возстановленіе имперіи, сказавъ: «Имперія—это миръ». Назначенный

имъ сенатъ вотировалъ сенатусъ-консультъ, который провозгласилъ Наполеона III *императоромъ французовъ*. Народъ утвердилъ это постановленіе путемъ плебисцита 10 декабря 1852 года. Это было возстановленіе первой имперіи; императорская власть была объявлена наслѣдственною въ *императорской семьѣ* (дѣти короля Жерома); для императора создали придворный штатъ.

Неограниченная имперія (1852—1860 гг.)— Въ первые годы имперіи политическая жизнь была пріостановлена во Франціи. Остались политическія учрежденія, палата, выборы, газеты; но императорское правительство съумѣло сдѣлать ихъ призрачными, обративши ихъ въ простыя декораціи, маскировавшія личную власть императора и его министровъ. Это искусство заключалось въ томъ, чтобы посредствомъ частныхъ мѣропріятій парализовать всякую политическую жизнь.

Палата ежегодно засѣдала въ Парижѣ впродолженіе трехъ мѣсяцевъ; она вотировала бюджетъ и законы; депутаты получали жалованье. Но палата не могла ни установлять сама порядка своихъ засѣданій, ни избирать своего предсѣдателя, ни предлагать законопроектовъ, ни даже вносить поправки къ правительственнымъ проектамъ. Ея засѣданія были публичны, но отчетъ о ея преніяхъ могъ печататься только въ видѣ сокращеннаго оффиціальнаго отчета; а въ случаѣ требованія, заявленнаго только пятью депутатами, засѣданія должны были происходить при закрытыхъ дверяхъ. Слѣдовательно, палата не могла служить орудіемъ гласности для оппозиціи. Она вотировала бюджетъ цѣликомъ, бюджетъ цѣлаго министерства заразъ, и правительство, посредствомъ перевода суммъ, превращало этотъ бюджетъ въ призрачный. Всѣ граждане были избирателями. Конституція покоилась на всеобщемъ избирательномъ правѣ, и даже, чтобы облегчить подачу голосовъ, голосованіе по кантонамъ цѣлаго списка депутатовъ, «извращающее народное голосованіе», какъ было сказано въ прокламаціи 2 декабря, было замѣнено голосованіемъ по общинамъ съ подачею голосовъ за одного депутата. Но выборами, путемъ разныхъ пріемовъ, руководило правительство. Оно выставляло своего *оффиціальнаго кандидата*, котораго рекомендовало избирателямъ въ объявленіяхъ, напечатанныхъ на бѣлой бумагѣ, на счетъ государства, и приказывало всѣмъ своимъ агентамъ поддерживать его; по теоріи правительства, избиратели нуждались въ томъ, чтобы ихъ просвѣщали. На сторонѣ кандидата оппозиціи была та невыгода, что онъ представлялся избирателямъ отъ своего имени, какъ противникъ власти, и притомъ несъ всѣ избирательные расходы; съ 1858 года отъ кандидатовъ стали требовать подписки въ вѣрности императору и конституціи. Всякое избирательное собраніе было воспрещено, какъ посягательство на свободу избирателей. Запрещалось даже раздавать бюллетени, такъ какъ кассаціонный судъ рѣшилъ, что бюллетень, такъ же какъ и книга, подлежалъ закону о розничной торговлѣ и представленію властямъ въ извѣстномъ числѣ экземпляровъ до выпуска изъ типографіи. Выборами руководилъ мэръ, а съ 1852 г. всѣ мэры назначались правительствомъ. Выборы продолжались два дня: въ деревняхъ, вечеромъ перваго дня, мэръ уносилъ избирательную урну къ себѣ на домъ; наблюденіе за правильностью счета голосовъ дѣлалось невозможнымъ. Тамъ, гдѣ крестьяне не привыкли являться на выборы, мэръ произвольно сочинялъ итоги голосованія. Избирательные округа установлялись не закономъ, но простымъ распоряженіемъ правительства, которое, каждыя пять лѣтъ, безъ всякаго опредѣленнаго правила, передѣлывало округа такъ, чтобы они представляли всѣ выгоды оффиціальному кандидату; города раздѣлялись на нѣсколько частей, и эти части присоединялись къ сельскимъ кантонамъ, такъ чтобы городскіе избиратели составляли меньшинство.

Политическія газеты не были закрыты, даже не подвергались, какъ въ 1815 году, предварительной цензурѣ; залогъ, хотя и удвоенный съ 1852 г. (50.000 франковъ въ Парижѣ), былъ все-таки меньше, чѣмъ въ 1819 году. Но декретъ 1852 года лишилъ печать всего, что могло обезпечить ея независимость. Онъ возстановилъ предварительное разрѣшеніе; правительство не дозволяло основывать новыхъ изданій иначе, какъ съ его разрѣшенія, и сверхъ того само назначало главнаго редактора. Дѣла о печати были изъяты изъ суда присяжныхъ и переданы суду исправительной полиціи; послѣ второго обвинительнаго приговора газета запрещалась.

Декретъ давалъ правительству право закрыть всякую газету, если того требовала общественная безопасность. Онъ воспрещалъ печатать отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ по дѣламъ печати, а равно и о засѣданіяхъ палаты; онъ запрещалъ сообщать ложныя извѣстія, т. е. извѣстія, неодобренныя правительствомъ. Онъ создалъ знаменитую систему предостереженій: если статья не нравилась администраціи, газета получала предостереженіе отъ префекта; послѣ второго предостереженія изданіе пріостанавливалось. Эти предостереженія префекты давали по своему усмотрѣнію. *Observateur de Corse* получилъ предостереженіе за то, что обсуждалъ вопросъ объ общихъ пастбищахъ, такъ какъ «эта полемика могла возбудить неудовольствіе одного изъ класса гражданъ»; *Phare de la Soire* получилъ предостереженіе за слѣдующую фразу: «Императоръ произнесъ рѣчь, которая, по словамъ агентства Гаваса, вызвала неоднократные крики: «Да здравствуетъ императоръ!», такъ какъ эта сомнительная формула неприлична въ виду столь

явнаго энтузіазма, вызваннаго словами императора...» *).

Даже частныя лица состояли подъ надзоромъ полиціи, и было достаточно простого разговора о политикѣ, чтобы попасть на замѣчаніе администраціи, которая, не опасаясь гласности, произвольно располагала свободою всякаго; отъ каприза какого-нибудь агента зависѣло арестовать и заключить въ тюрьму всякаго, кто показался ему подозрительнымъ; если же онъ не арестовывалъ его, то совѣтовалъ ему быть осторожнѣе. Комическій актеръ Грассо былъ арестованъ за то, что сказалъ въ кафе, гдѣ его долго заставили ждать: «Значитъ, здѣсь, какъ въ Севастополѣ, нельзя ничего добиться». Одну женщину арестовали въ Турѣ за то, что она сказала, что на виноградѣ опять начала появляться болѣзнь; выпуская ее, префектъ грозилъ, что запретъ ее навѣки, если она станетъ распространять вредные слухи.

Національная гвардія не была упразднена; но декретъ 1852 г. объявлялъ о распущеніи національныхъ гвардейцевъ, прибавляя, что они будутъ «реорганизованы, сообразно обстоятельствамъ». Но никакой реорганизаціи не послѣдовало.

Прежнее управленіе казенными учебными заведеніями было сохранено, но его подчинили уставу, разсчитанному на искорененіе въ немъ либеральныхъ стремленій. Профессора должны были давать вѣрноподданническую присягу (многіе изъ нихъ предпочли выйти въ отставку); ихъ можно было увольнять простымъ указомъ, безъ права обжалованія. Программа преподаванія сводилась къ древнимъ языкамъ и естественнымъ наукамъ; преподаваніе философіи и исторіи было упразднено. Особенно прославило себя министерство Фортуля (1851—56 гг.); это было время, когда всѣ классныя упражненія по всей Франціи должны были происходить въ одинъ и тотъ же часъ, когда учителя получили приказаніе брить усы, чтобы «изъять изъ костюма, такъ-же какъ и изъ нравовъ, послѣдніе слѣды анархіи».

Правительство опиралось на армію, дававшую ему силу, на торговую буржуазію, довольную тѣмъ, что политическія тревоги не нарушали правильнаго теченія ея дѣлъ, и особенно на духовенство, заставлявшее деревенскихъ избирателей вотировать за оффиціальныхъ кандидатовъ. (Самая распространенная газета среди духовенства, *l'Univers*, поддерживавшая сначала республику, присоединилась къ Наполеону).

*) Театральная цензура не пропускала никакого, хотя бы самаго отдаленнаго, политическаго намека. Она запретила оперу изъ временъ Фронды, какъ «проникнутую мятежнымъ духомъ», и потому что находила опаснымъ сценическое воспроизведеніе мятежей и критиковъ «къ оружію!». Она запретила *Лоренцаччіо* Мюссе, потому что «разсужденія объ убійствѣ государя представляютъ опасное зрѣлище».

Политическая жизнь остановилась при этомъ режимѣ.—Республиканцы, лишенные ихъ вождей, изгнанныхъ изъ Франціи или сосланныхъ, и отданные подъ надзоръ полиціи, не имѣли никакой возможности проявить свою оппозицію. До 1857 г. у нихъ не было даже своихъ депутатовъ, а съ 1857 г. до 1863 г. было только пятеро, выбранныхъ Парижемъ и Ліономъ и согласившихся дать присягу.—Монархистовъ преслѣдовали менѣе; правительство надѣялось привлечь каждаго изъ нихъ отдѣльно на свою сторону; но духовенство, примкнувши къ имперіи, отняло у нихъ избирателей. Оппозиція могла проявляться только въ салонахъ и иностранныхъ газетахъ (англійскихъ, бельгійскихъ, швейцарскихъ); правительство учредило надзоръ за границею и обыскивало путешественниковъ съ цѣлью преградить доступъ во Францію книгамъ и газетамъ, враждебнымъ императору.

Общественная жизнь сосредоточилась въ дѣловой сферѣ. Важнѣйшими событіями этого времени были постройка желѣзныхъ дорогъ, учрежденіе акціонерныхъ обществъ, основаніе крупныхъ предпріятій: *Crédit foncier*, *Crédit mobilier*, земледѣльческіе синдикаты, Всемірная выставка 1855 года, перестройка Парижа, систематически предпринятая Османомъ. Наполеонъ смотрѣлъ на большія общественныя работы, какъ на средство примирить рабочихъ съ имперіей, доставленіемъ имъ занятій. Единственными внутренними политическими событіями этого періода были республиканскій заговоръ 1853 года и три покушенія на жизнь императора. Важнѣйшимъ изъ нихъ было покушеніе Орсини (1858 г.). Это было чисто итальянское покушеніе, но правительство воспользовалось имъ, чтобы отдѣлаться отъ республиканцевъ. Оно заставило палату вотировать *законъ общественной безопасности*, дававшій правительству право заключить въ тюрьму, изгнать или сослать *безъ суда* всякаго, уже бывшаго однажды осужденнымъ за политическое преступленіе,—и прикрѣпить къ опредѣленному мѣстожительству или изгнать всякаго, кто подвергся-бы такому осужденію впослѣдствіи.

Генералъ Эспинасъ, извѣстный своимъ участіемъ въ государственномъ переворотѣ, былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и ему было поручено примѣненіе этого закона. Онъ послалъ каждому префекту приказъ арестовать *опредѣленное число* лицъ, предоставляя на его усмотрѣніе ихъ выборъ; по словамъ Бланшара, это число колебалось между 20 и 41; оно было «сообразовано съ общимъ духомъ департамента». Префекты различнымъ образомъ поняли это распоряженіе; одни изъ нихъ арестовали людей, осужденныхъ во времена республики, другіе—лицъ, казавшихся имъ опасными,—преимущественно рабочихъ, адвокатовъ, врачей. Цѣлью было устрашеніе общества.

Ослабленіе правительственнаго произвола (1860—66 гг.).—Рѣшающими событіями царствованія Наполеона III были иностранныя войны. Императоръ имѣлъ право собственною властью объявить войну, не совѣщаясь съ палатою; онъ пользовался этимъ правомъ, чтобы проводить во внѣшнихъ дѣлахъ свою личную политику; но его войны и трактаты отражались на внутреннихъ дѣлахъ. Судьба націи зависѣла отъ внѣшней политики императора.

До 1859 г. правительство было въ союзѣ съ духовенствомъ противъ либераловъ. Итальянская война поссорила его съ духовенствомъ. Допустивъ итальянскому королевству создаться и лишить папу большей части его владѣній, императоръ вызвалъ противъ себя оппозицію католиковъ. Чтобы противодѣйствовать ей, онъ попытался сблизиться съ либералами. Онъ началъ со всеобщей амнистіи 1859 г., вернувшей во Францію изгнанниковъ и сосланныхъ 1851 года. Республиканская партія, подкрѣпленная возвращеніемъ своихъ старыхъ вождей, не пошла на примиреніе, но оказалась достаточно сильною, чтобы снова вступить въ открытую борьбу. Съ цѣлью привлечь къ себѣ парламентскихъ либераловъ, Наполеонъ ослабилъ режимъ, которому была подчинена палата; онъ предоставилъ ей право вотировать *адресъ* въ отвѣтъ на тронную рѣчь и разрѣшилъ печатать въ оффиціальной газетѣ, *Moniteur*, полный отчетъ о парламентскихъ преніяхъ (ноябрь 1860 года). Бюджетъ каждаго министерства былъ раздѣленъ на *секціи*, которыя вотировались палатою отдѣльно. Это было возвращеніе къ прежнимъ парламентскимъ порядкамъ. Въ то-же время императоръ, не совѣтуясь съ палатою, въ которой, какъ онъ зналъ, преобладали протекціонисты, заключилъ съ Англіею торговый договоръ 1860 г., отмѣнявшій запретительныя и понижавшій покровительственныя пошлины; такимъ образомъ Франція вступила на путь *свободной торговли*.

Надзоръ за печатью также былъ ослабленъ. Правительство терпѣло умѣренныя оппозиціонныя газеты, въ которыхъ критика высказывалась въ формѣ намековъ: орлеанистскій *Journal des Débats*, республиканскій *Siècle*, *Figaro*. Политическая жизнь началась вновь.

Образовалась коалиція между всѣми партіями, враждебными Имперіи: республиканцами, орлеанистами и даже легитимистами; это была *либеральная оппозиція*. На выборахъ 1863 г. прошло 35 оппозиціонныхъ кандидатовъ и 246 правительственныхъ. Парижъ выбралъ однихъ оппозиціонныхъ депутатовъ.

Въ это-же время Наполеонъ, снова возвращаясь къ демократической политикѣ, изложенной въ его *Наполеоновскихъ Идеяхъ*, заставилъ вотировать законъ 1864 г., разрѣшавшій рабочія ассоціаціи.

Въ палатѣ, избранной въ 1863 г., политическая жизнь пробудилась. Меньшинство старалось взволновать общественное мнѣніе рѣчами, направленными противъ правительства; оно нападало на его военныя экспедиціи, въ особенности на мексиканскую,—на его расходы и займы (Беррье упрекалъ его въ 1865 г. въ томъ, что оно въ двѣнадцать лѣтъ создало такой дефицитъ, какой при другихъ правительствахъ накоплялся въ пятьдесятъ лѣтъ),—на его полицейскій, притѣснительный режимъ (Тьеръ требовалъ *необходимыхъ вольностей*).—Католическая партія, дѣйствуя особо, нападала на итальянскую политику. Борьба съ католиками особенно обострилась, когда правительство запретило опубликованіе *силлабуса*, какъ «содержащаго предложенія, противныя основамъ, на которыхъ покоится государственный строй Франціи» (январь 1865 года). Епископы протестовали; этотъ протестъ подвергся осужденію государственнаго совѣта. Тронная рѣчь обѣщала «поддерживать права свѣтской власти»; епископы продолжали настаивать на своихъ требованіяхъ. Католическая партія, сдѣлавшись враждебною правительству, подняла войну противъ министра народнаго просвѣщенія Дюрюи; епископы протестовали противъ открытія женскихъ гимназій; они представили и поддерживали въ сенатѣ петиціи, изобличавшія въ матеріализмѣ преподаваніе въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ (1868 г.).

Мало-по-малу образовалась либеральная имперіалистская партія, расположенная поддерживать императора, но недовольная правленіемъ его министровъ; ихъ упрекали въ томъ, что каждый изъ нихъ дѣйствовалъ по своему и произвольно. Императоръ, уже начавшій страдать болѣзнью мочевого пузыря и притомъ никогда не любившій заниматься внутренними дѣлами, не былъ въ силахъ поддерживать согласіе между своими министрами и мѣшать имъ злоупотреблять ихъ властью. Дѣятельность палаты, лишенной всякаго средства вліять на министровъ, сводилась къ утвержденію законопроектовъ и бюджетныхъ смѣтъ. Согласно ученію конституціонныхъ либераловъ, стали требовать однороднаго *министерства*, хотѣли добиться для палаты возможности контролировать правительство и вмѣшиваться въ общую политику. Группа депутатовъ образовала *среднюю партію* (*tiers partie*) и внесла поправку къ адресу; это былъ единственный оставленный палатѣ способъ выразить свое мнѣніе относительно общей политики. За эту поправку оппозиціи высказалось въ 1865 и 1866 гг. 63 голоса.

Средняя партія требовала не полной парламентарной системы, но того, что она называла «развитіемъ политической свободы», т. е. отвѣтственнаго министерства, примѣненія къ печати общихъ законовъ, свободы сходокъ (въ

1865 г. только что кончился *процессъ тринадцати*: тринадцать политическихъ дѣятелей были осуждены на основаніи закона, запрещавшаго сходки болѣе чѣмъ изъ двадцати лицъ). Борьба средней партіи съ правительствомъ приняла форму соперничества въ личномъ вліяніи на Наполеона между Руэромъ, самымъ вліятельнымъ изъ министровъ, открытымъ сторонникомъ самовластнаго режима, и Олливье, однимъ изъ пяти республиканскихъ депутатовъ, сблизившимся съ Наполеономъ съ 1864 г. Эта борьба осложнялась борьбою двухъ направленій въ иностранной политикѣ: Руэръ склонялся къ войнѣ или по крайней мѣрѣ къ вызывающему положенію по отношенію къ Пруссіи и Италіи; таково-же было стремленіе императрицы и католической партіи, естественно преданныхъ папѣ и Австріи; средняя партія желала мира.

Послѣ войны 1866 г. и бѣдственнаго окончанія мексиканской экспедиціи, императоръ, чувствуя себя одинокимъ въ Европѣ и не встрѣчая одобренія даже среди оффиціальныхъ депутатовъ, рѣшился опереться на среднюю партію. Онъ объявилъ объ этомъ намѣреніи въ письмѣ 19 января 1867 г.

Либеральныя уступки (1867 — 69 гг.).— Новый порядокъ выразился прежде всего въ томъ, что палата депутатовъ получила право обращаться съ запросами къ министрамъ по поводу всякаго дѣйствія во внѣшней или внутренней политикѣ (вотированіе адреса было уничтожено, какъ ставшее безполезнымъ). Роль сената была опредѣлена точнѣе: онъ долженъ былъ разсматривать всякій законъ, вотированный палатою, чтобъ отмѣнять его, если находилъ его несогласнымъ съ конституціей. Императоръ обѣщалъ также внести законъ о печати и сходкахъ. Но онъ еще колебался, вернулся къ самовластной политикѣ Руэра, затѣмъ снова къ политикѣ Олливье и въ концѣ концовъ рѣшился въ 1868 г. провести въ палатѣ обѣщанные законы.

Законъ о печати уничтожилъ произвольную власть правительства, т. е. систему разрѣшеній и административныхъ предостереженій. Для того, чтобы основать газету, уже не требовалось правительственнаго разрѣшенія; достаточно было простого заявленія объ этомъ. Газеты могли подвергаться взысканіямъ только по судебному приговору; но процессы по дѣламъ печати попрежнему оставались подсудными не суду присяжныхъ, а исправительнымъ судамъ, и за преступленія по печати попрежнему налагались несоразмѣрно большія наказанія; также попрежнему запрещалось обсуждать конституцію и печатать о преніяхъ палаты что-либо другое, кромѣ оффиціальныхъ отчетовъ.

Законъ о сходкахъ разрѣшалъ публичныя политическія собранія, но только послѣ заявленія, подписаннаго семью гражданами, и въ закрытомъ помѣщеніи, въ присутствіи представителя власти, который могъ распустить собраніе. Правительство оставляло за собою право отложить или запретить всякое собраніе.

Послѣ 1866 г. правительство старалось добиться отъ палаты новой организаціи войска. Французская армія, состоявшая отчасти изъ старыхъ солдатъ, поступавшихъ на вторичную службу, или изъ замѣстителей, а отчасти изъ рекрутовъ, остававшихся на службѣ семь лѣтъ, представляло собою немногочисленное профессіональное войско. Вмѣстѣ съ *резервомъ*, учрежденнымъ въ 1861 г. и состоявшимъ изъ рекрутовъ, служившихъ только нѣсколько мѣсяцевъ, численность ея не превышала 600,000 Воинская повинность распредѣлялась очень неравномѣрно и падала только на бѣдняковъ. Вмѣсто замѣщенія съ 1855 г. было введено освобожденіе отъ службы путемъ выкупа (*exonération*): государство уже не требовало представленія замѣстителя; оно само бралось, за извѣстную сумму, внесенную въ военную кассу, замѣнить освобожденнаго отъ службы старымъ солдатомъ. Послѣ войны 1866 г. военный министръ Ніель предложилъ ввести всеобщую воинскую повинность по образцу прусской; но палата не согласилась на это. Во Франціи, какъ и въ остальныхъ европейскихъ странахъ, казалось еще невозможнымъ подвергать военной службѣ дѣтей буржуазіи. Республиканская партія (Жюль Симонъ) предложила ввести швейцарскую систему: всеобщую воинскую повинность, ограниченную нѣсколькими недѣлями дѣйствительной службы, — временемъ, необходимымъ для обученія военному строю, причемъ армія преобразовывалась въ оборонительную народную милицію. Эта система предполагала мирную политику; предложеніе почти не обсуждалось палатою.

Въ концѣ концовъ палата приняла среднюю мѣру. Она согласилась на введеніе девятилѣтней службы, раздѣленной на два періода: пять лѣтъ дѣйствительной службы и четыре года въ запасѣ (что должно было довести численность арміи до 800.000 человѣкъ). Правительство отказалось требовать дѣйствительной службы отъ *подвижной національной гвардіи*, куда должны были войти всѣ освобожденные или замѣщенные; эта подвижная гвардія оффиціально числилась учрежденной, но существовала только на бумагѣ.

Республиканская партія воспользовалась полусвободою, предоставленною законами 1868 г., чтобы открыто выступить противъ имперіи въ газетахъ и на публичныхъ собраніяхъ. Это было время рошфоровскаго *Lanterne* (основаннаго въ 1868 г. и осужденнаго послѣ третьяго нумера), подписки въ честь депутата Бодэна, убитаго въ 1851 году, процесса противъ подписавшихся, на которомъ Гамбетта произнесъ прославившую его рѣчь противъ государственнаго переворота (ноябрь 1868 г.).

Въ палатѣ депутаты—сторонники самовластія, недовольные либеральными уступками и политикою мира, образовали группу *аркадцевъ* (они собирались въ улицѣ l'Arcade). По ихъ программѣ слѣдовало стремиться вызвать войну, чтобы возстановить честь и вліяніе Франціи, пострадавшія отъ побѣдъ Пруссіи; побѣдоносная война укрѣпила бы наполеоновскую династію и позволила бы ей вернуться къ диктаторской политикѣ.

Либеральная имперія и радикальная партія (1869—70 гг.).—Общіе выборы 1869 г. окончательно убѣдили Наполеона принять новую систему. Роялисты и республиканцы заключили союзъ противъ правительства. Дѣйствуя согласно, оппозиція пріобрѣла на полтора милліона болѣе избирателей, чѣмъ въ 1863 г., а у оффиціальныхъ кандидатовъ ихъ оказалось милліономъ менѣе. Въ палатѣ средняя партія сдѣлалась преобладающею группою; она составила проектъ запроса, подписаннаго 116 депутатами, съ цѣлью требовать отвѣтственнаго министерства; вмѣстѣ съ 40 депутатами лѣвой она съ тѣхъ поръ составляла большинство. Императоръ сначала уступилъ только на половину; онъ обѣщалъ увеличить полномочія палаты, но не упоминалъ о министерствѣ (12 іюля). Потомъ онъ уволилъ Руэра, смѣнилъ трехъ министровъ и кончилъ тѣмъ, что утвердилъ проектъ, ставшій сенатусъ-консультомъ сентября 1869 г.

Въ этой новой системѣ законодательный корпусъ сдѣлался настоящимъ парламентскимъ собраніемъ по образцу англійскаго; онъ избиралъ своего президента и секретарей и установлялъ порядокъ своихъ засѣданій; онъ получилъ право законодательнаго почина, интерпелляцій и голосованія мотивированнаго перехода къ очереднымъ дѣламъ, правомъ вотировать бюджетъ и обсуждать поправки къ нему по каждой статьѣ.—Сенатъ также становится палатою, съ правомъ дѣлать запросы и установлять порядокъ своихъ засѣданій; засѣданія его сдѣлались публичными; онъ могъ воспротивиться всякому закону, вотированному палатой, если находилъ его несогласнымъ съ конституціей.—Министры составляли совѣтъ; они зависѣли только отъ императора, но сдѣлались *отвѣтственными;* сенатъ могъ подвергнуть ихъ судебному преслѣдованію. Такимъ образомъ отвѣтственность министровъ была провозглашена и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлана фиктивной.

Наполеонъ, обезсиленный своею болѣзнью (въ августѣ думали, что онъ уже умираетъ), употребилъ много времени на переформированіе своего правительства. Онъ признавалъ, что для новаго порядка нужны новые люди, и велъ переговоры съ Оливье, вождемъ средней партіи; но ему хотѣлось сохранить нѣкоторыхъ изъ своихъ старыхъ министровъ; тѣмъ временемъ, вопреки конституціи, онъ откладывалъ созывъ палаты. Когда же она, наконецъ, собралась (конецъ ноября 1869 г.), онъ оффиціально извѣстилъ ее о новой системѣ, «равно далекой отъ реакціи и отъ революціонныхъ теорій», основанной одновременно на порядкѣ и на свободѣ. «За порядокъ я отвѣчаю; помогите мнѣ спасти свободу». Такъ возникла *либеральная Имперія*. Это не былъ настоящій парламентарный порядокъ; императоръ попрежнему осуществлялъ исполнительную власть черезъ министровъ, зависѣвшихъ только отъ него, а учредительную власть—черезъ сенатъ, члены котораго назначались имъ самимъ.

По вопросу о дальнѣйшей тактикѣ въ средней партіи произошло раздѣленіе. Огромное большинство ея послѣдовало за Оливье, который удовлетворился сенатусъ-консультомъ; группа, руководимая старыми парламентскими дѣятелями (Бюффе, Дарю), находила нужнымъ требовать бо́льшихъ полномочій для выборной палаты и образовала *лѣвый центръ*. Остальные члены средней партіи составили *правый центръ*. Старое большинство (оффиціальные депутаты) образовали *правую*, аркадцы—*крайнюю правую*. Послѣ долгихъ переговоровъ, императоръ поручилъ Оливье «составить однородный кабинетъ, который представлялъ бы большинство законодательнаго корпуса». Это было министерство 2 января, состоявшее изъ четырехъ депутатовъ праваго центра, четырехъ—лѣваго и трехъ прежнихъ министровъ. При поддержкѣ средней партіи и депутатовъ правой, по профессіи сторонниковъ министерства, оно располагало огромнымъ большинствомъ въ палатѣ и могло произвести первые опыты либерально-императорскаго правительства. Оно обѣщало новые законы о печати, отмѣну закона 1858 г. и разрѣшило уличную продажу газетъ.

Лѣвая оставалась въ оппозиціи; она не прощала Наполеону государственнаго переворота, а Оливье—его присоединеніе къ Имперіи. Безсильная въ палатѣ, гдѣ она едва могла собрать сорокъ голосовъ, она обладала тѣмъ преимуществомъ, что за ней стояла партія, принимавшая наиболѣе горячее участіе въ политической жизни страны: всѣ большіе города, рабочіе и студенты. Префектъ полиціи констатировалъ это еще въ 1867 г.: «Массы... остаются вѣрными императору... Дѣятельная часть общества,—та, которая всего болѣе занята политикою... усиливаетъ... свою радикальную и систематическую оппозицію». Лѣвая боролась съ Имперіею во имя свободы и парламентарнаго образа правленія; но она состояла преимущественно изъ республиканцевъ.

Во время выборовъ 1869 г. образовалась партія *непримиримыхъ*, открыто республиканская; она состояла изъ остатковъ республиканцевъ 48 года и молодого поколѣнія, воспитавшагося подъ ихъ вліяніемъ, и держалась традицій демократической республики 1793 и 1848 г.

Большинство партіи, которую стали называть *радикальною*, требовало, во имя принципа народнаго суверенитета, государственнаго устройства, подобнаго швейцарскому или Соединенныхъ Штатовъ; формула его была дана *бельвильской программой* (избирательной программою Гамбетты въ 1869 г.). Она требовала: «самаго полнаго примѣненія всеобщаго избирательнаго права» для избранія муниципальныхъ совѣтниковъ и депутатовъ,—«личной свободы, охраняемой законами», свободы печати, сходокъ, ассоціацій и суда присяжныхъ для всѣхъ политическихъ преступленій,—«свѣтскаго, даровога и обязательнаго первоначальнаго образованія», «конкурса для допущенія въ высшія учебныя заведенія», — отдѣленія церкви отъ государства,—«упраздненія постоянной арміи»,—измѣненія системы налоговъ,—«прямой отвѣтственности всѣхъ чиновниковъ» (дѣло шло объ отмѣнѣ ст. 75 конституціи VIII года республики; эта статья, остающаяся въ силѣ и понынѣ, запрещаетъ судебное преслѣдованіе чиновниковъ по обвиненію въ злоупотребленіи властью),—выбора всѣхъ должностныхъ лицъ.

Къ радикальной партіи примыкали соціалисты, очень немногочисленные, безъ организаціи и общей программы: ученики Прудона (*мютюелисты*), сторонники соціальной реформы путемъ рабочихъ ассоціацій, сторонники вмѣшательства государства и группа революціонеровъ-бланкистовъ. Но все вниманіе было поглощено политической борьбой. Бельвильская программа ограничивается неопредѣленнымъ намекомъ на «экономическія реформы, затрагивающія соціальную проблему, разрѣшеніе которой почти всецѣло зависитъ отъ политическаго преобразованія».

Республиканская партія дѣйствовала на общественное мнѣніе манифестаціями, направленными противъ имперіи. Самою внушительною изъ нихъ были похороны Виктора Нуара (2 января 1870 г.), убитаго принцемъ Пьеромъ Бонапартомъ. Число участниковъ въ ней доходило до 100,000, и эта толпа, повидимому, была расположена къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Съ 1866 г. въ провинціяхъ происходилъ цѣлый рядъ стачекъ, а въ Парижѣ были мелкія возстанія съ подобіемъ баррикадъ. Но Парижъ въ концѣ Имперіи уже не походилъ на Парижъ 1848 г.; онъ увеличился всѣми предмѣстіями, включенными въ его крѣпостныя стѣны (восемь новыхъ округовъ), населенными рабочими и сдѣлавшимися республиканскими. Старые кварталы, приспособленные къ баррикадамъ, были разрушены или пересѣчены широкими бульварами, безъ каменной мостовой, удобными для кавалерійскихъ атакъ и для дѣйствія артиллеріи. Никакое возстаніе не могло болѣе бороться съ парижскимъ гарнизономъ, снабженнымъ усовершенствованнымъ оружіемъ. Уличная война, нѣкогда доставлявшая побѣду республиканской партіи, сдѣлалась невозможною.

Въ средѣ самаго министерства группа лѣваго центра требовала отмѣны двухъ остатковъ прежняго режима: права правительства выкраивать избирательные округа и выставлять оффиціальныхъ кандидатовъ, и учредительной власти сената, препятствовавшей представителямъ страны измѣнить конституцію. Лѣвая воспользовалась этимъ, чтобы обнаружить ложное положеніе министровъ. Жюль Фавръ назвалъ ихъ «часовыми, стоящими на часахъ передъ личнымъ правительствомъ, чтобы заставить повѣрить въ существованіе парламентарнаго порядка». Затѣмъ она заставила Олливье публично высказаться противъ системы оффиціальныхъ кандидатуръ. Часть правой, раздраженная этимъ заявленіемъ, отдѣлилась отъ большинства и образовала группу имперіалистской оппозиціи. Олливье, связанный своими обѣщаніями реформъ, кончилъ тѣмъ, что предложилъ сенату пересмотръ конституціи.

Пересмотръ былъ принятъ (20 апрѣля), и конституція измѣнена въ смыслѣ парламентарной системы. Сенатъ обратился, какъ и въ другихъ странахъ, въ верхнюю палату, раздѣляющую *законодательную власть* съ выборною палатою; *учредительная власть*, созданная въ 1852 г., была отнята у него и передана народу; такимъ образомъ никакое измѣненіе въ конституціи не могло болѣе совершиться иначе, какъ путемъ плебисцита.

По совѣту Руэра, императоръ рѣшился примѣнить этотъ новый принципъ, призвавши народъ вотировать слѣдующій вопросъ: «французскій народъ одобряетъ либеральныя реформы, произведенныя въ конституціи съ 1860 г., и утверждаетъ сенатусъ-консультъ 20 апрѣля 1870 года». Утвердительный отвѣтъ означалъ бы, что народъ утверждаетъ либеральныя реформы и вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ «желаетъ сохранить императора и облегчить передачу короны его сыну». Республиканская партія объявила, что она смотритъ на плебисцитъ, какъ на средство конфисковать народную волю, и рѣшила вотировать *нѣтъ*. Сторонники самодержавной власти—имперіалисты и либералы—вотировали *да*. Министерство приказало чиновникамъ употребить всѣ свои усилія, чтобъ заставить вотировать *да*. Плебисцитъ 8 мая далъ болѣе 7 милл. утвердительныхъ голосовъ и 1.500,000 отрицательныхъ.

Либеральная имперія была повидимому упрочена этимъ громаднымъ большинствомъ. Но министры лѣваго центра, неодобрявшіе плебисцита, вышли въ отставку, и Дарю, сторонникъ мира, былъ замѣненъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ врагомъ Пруссіи и Италіи, герцогомъ де-Грамономъ. Онъ именно и вызвалъ столкновеніе Франціи съ Пруссіей. Партія самодержавія, расположенная къ войнѣ, снова пріобрѣла вліяніе въ правительствѣ; министерство, составленное

на основаніи программы мира, допустила увлечь себя и объявило войну во имя національной чести. Палата одобрила это рѣшеніе, отказавшись (159 голосами противъ 84) потребовать сообщенія дипломатическихъ документовъ и вотировавши кредитъ въ 500 милліоновъ на мобилизацію арміи. Но она разсчитывала на вѣрную побѣду; военный министръ сказалъ: «Мы *готовы*, *архиготовы*», а Олливье: «Мы беремъ на себя отвѣтственность *съ легкимъ сердцемъ*».

Послѣ полученія извѣстій о первыхъ пораженіяхъ, министерство было покинуто своимъ большинствомъ; палата вотировала переходъ къ очереднымъ дѣламъ съ выраженіемъ недовѣрія, и императрица, сдѣлавшаяся регентшей въ отсутствіе императора, уѣхавшаго на границу, поручила составить министерство ген. Паликао. Это министерство, взятое изъ среды воинственной правой, было послѣднимъ министерствомъ имперіи.

ГЛАВА VII.

Парламентская республика.

Правительство національной обороны. — Выборы въ національное собраніе и коммуна. — Правительство Тьера. — Правительство монархическихъ партій. — Конституція 1875 г. — Борьба между президентомъ и палатою. — Господство и преобразованіе республиканской партіи. — Распаденіе республиканской партіи и возстановленіе консервативной. — Буланжистское движеніе. — Преобразованіе крайнихъ партій. — Новая группировка партій. — Политическая эволюція Франціи въ XIX вѣкѣ.

Правительство національной обороны. — Императорское правительство было защищено отъ республиканскаго населенія Парижа своею арміею. Потерявши армію въ войнѣ съ Пруссіей, Имперія пала, даже не оказавши сопротивленія. Когда получилось извѣстіе о седанской капитуляціи, лѣвая предложила законодательному корпусу вотировать низложеніе Наполеона III и образовать правительственную комиссію (3 сентября). Министерство попыталось спасти регентство, внеся подписанный императрицею проектъ объ учрежденіи совѣта изъ пяти депутатовъ, Тьеръ предложилъ назначить комиссію. Но законодательный корпусъ не успѣлъ вотировать это предложеніе: въ залу засѣданій ворвалась толпа съ криками «Низложеніе! Да здравствуетъ республика!». Республика была провозглашена среди общей суматохи; парижскіе депутаты, вмѣстѣ съ военнымъ губернаторомъ Трошю, образовали *Правительство національной обороны*, которое отказалось вступить въ переговоры съ палатой и, слѣдуя республиканскимъ традиціямъ, помѣстилось въ городской ратушѣ. Какъ и въ 1848 году, республика явилась результатомъ возстанія; но въ 48 году она была навязана Франціи едва ли даже половиною Парижа, тогда какъ въ 1870 г. республика была провозглашена многочисленной партіей, господствовавшей во всѣхъ большихъ городахъ, а также въ извѣстной части южной и восточной Франціи. Въ Ліонѣ, Бордо и Марсели ее провозгласили ранѣе, чѣмъ были получены извѣстія изъ Парижа.

Правительство національной обороны просуществовало до конца войны. Оно раздѣлилось на двѣ части: большинство его осталось въ осажденномъ Парижѣ; *делегація* изъ трехъ членовъ, къ которой присоединился Гамбетта, вылетѣвшій изъ Парижа на аэростатѣ, управляла остальной Франціей. Ея резиденціей былъ сначала Туръ, а потомъ Бордо.

Въ Парижѣ правительство пережило кризисъ, подобный кризису 1848 года. Какъ и тогда, республиканская партія состояла изъ демократовъ и соціалистовъ; въ правительство вошли одни демократы. Но когда была организована національная гвардія, то всѣ жители Парижа, способные къ военной службѣ (болѣе 300,000), получили оружіе; это поставило правительство въ полную зависимость отъ національной гвардіи. Революціонная партія, группировавшаяся вокругъ всегда готоваго на возстаніе Бланки, потребовала учрежденія парижской коммуны, избранной всеобщей подачей голосовъ, по примѣру 1792 года. Она снова прибѣгла къ *тактикѣ бланкистовъ*, состоявшей въ вооруженномъ нападеніи на мѣсто засѣданія правительства, и воспользовалась для этого недовѣріемъ къ Трошю, котораго обвиняли въ слабой защитѣ Парижа. При полученіи извѣстія о капитуляціи Меца и о перемиріи, объявленномъ оффиціально, національные гвардейцы бельвильскаго квартала пошли на городскую ратушу и заняли ее съ криками: «Война до послѣдней крайности! да здравствуетъ коммуна!». Правительство оказалось въ плѣну (31 октября), но было освобождено національными гвардейцами другихъ кварталовъ. Тогда, чтобы утвердить свою власть, оно обратилось съ плебисцитомъ ко всѣмъ жителямъ Парижа, и парижане признали его полномочія (оно получило 357.000 утвердительныхъ голосовъ и

62.000 отрицательныхъ). Послѣ этого произошло только еще одно нападеніе на городскую ратушу въ концѣ осады; правительство отвѣтило на него закрытіемъ клубовъ и учрежденіемъ двухъ военныхъ судовъ.

Въ провинціи правительственной делегаціей руководилъ Гамбетта, исполнявшій обязанности военнаго министра и министра внутреннихъ дѣлъ и пользовавшійся почти неограниченною властью; онъ замѣнилъ императорскихъ чиновниковъ новыми лицами, выбранными имъ самимъ, назначилъ окружныхъ правительственныхъ делегатовъ, облеченныхъ самыми общими полномочіями, распустилъ всѣ генеральные совѣты, производилъ наборъ рекрутовъ, приказывалъ доставлять припасы и лошадей и издавалъ прокламаціи; онъ дѣйствовалъ отъ имени отечества, находящагося въ опасности, безконтрольно, слѣдуя традиціямъ 1793 г. Сопротивленія нигдѣ не было; только въ Ліонѣ отрядъ вольныхъ стрѣлковъ силою овладѣлъ префектурой и пытался провозгласить коммуну. Федераціи департаментовъ, образовавшіяся подъ названіемъ лигъ (западная лига въ Реннѣ, южная—въ Тулузѣ; юго-восточная—въ Марсели), существовали только по имени.

Правительство само называло себя *временнымъ;* окончательная форма французскаго правительства зависѣла отъ рѣшенія двухъ вопросовъ: какое правительство будетъ признано нѣмцами и каково будетъ верховное собраніе, избранное французами? Необходимо было добиться признанія республики нѣмецкимъ правительствомъ и утвержденія ея французскими избирателями.

Нѣмецкое правительство колебалось; Бисмаркъ имѣлъ свиданіе съ уполномоченнымъ отъ правительства національной обороны, Жюлемъ Фавромъ, въ Феррьерѣ; но это свиданіе осталось безъ результата. Жюль Фавръ не предложилъ никакой территоріальной уступки, а Бисмаркъ требовалъ за перемиріе передачи одного изъ фортовъ, господствовавшихъ надъ Парижемъ. Въ Мецѣ оставалась императорская армія; ея главнокомандующій, Базэнъ, послалъ просить прусскаго короля позволить ему выйти изъ крѣпости, чтобы возстановить въ Парижѣ порядокъ и императорское правительство; король согласился, но подъ условіемъ, чтобы армія Базэна заявила готовность поддерживать власть регентши-императрицы, и чтобы императрица обратилась къ народу за полученіемъ отъ него согласія на миръ и территоріальныя уступки, требуемыя Пруссіей. Императрица, находившаяся въ Лондонѣ, слѣдуя мнѣнію своего совѣта, объявила, что не можетъ согласиться на искалѣченіе Франціи и просила перемирія для арміи, находившейся въ Мецѣ. Король отказалъ, и армія капитулировала (27 окт.). Съ этого времени нѣмецкое правительство, покинувши мысль о возстановленіи имперіи, вело переговоры только съ правительствомъ національной обороны и желало скорѣйшаго призыва избирателей къ выбору депутатовъ въ Національное Собраніе, которое одно могло заключить миръ.

Парижское правительство находилось въ нерѣшительности; оно вѣрило, что избиратели выберутъ большинство республиканскихъ депутатовъ, но оно знало также, что они желаютъ прежде всего мира; между тѣмъ правительство считало себя обязаннымъ, ради чести Франціи, продолжать войну до послѣдней крайности. Турская делегація издала декретъ о созывѣ избирателей на 16 октября; но парижское правительство уничтожило этотъ декретъ. Оно послало Тьера въ нѣмецкій лагерь для переговоровъ о перемиріи (31 окт.). Бисмаркъ потребовалъ нѣкоторыхъ изъ парижскихъ фортовъ, потомъ предложилъ произвести выборы, не заключая перемирія; правительство не согласилось на это. Въ провинціи Гамбетта настаивалъ на *войнѣ до послѣдней крайности.* Такимъ образомъ былъ пропущенъ удобный моментъ, когда можно было надѣяться на избраніе республиканскаго собранія; въ странѣ утвердилось мнѣніе, что избраніе республиканцевъ значило продолженіе войны.

Выборы въ національное собраніе и коммуна.—Подписавши капитуляцію Парижа, правительство заключило перемиріе для производства выборовъ въ Національное Собраніе. Оно вернулось къ избирательной системѣ 1848 года и заставило избирателей подавать голоса по кантонамъ, вотируя списокъ кандидатовъ, составленный для цѣлаго департамента, причемъ для избранія признавалось достаточнымъ относительное большинство; число всѣхъ депутатовъ равнялось 750; имъ назначалось то же жалованье, какое получали депутаты въ 1848 году. Гамбетта, находившійся въ Бордо, прибавилъ, вопреки условіямъ перемирія, еще одну статью, лишавшую права быть избранными прежнихъ чиновниковъ и депутатовъ имперіи; это вызвало столкновеніе между нимъ и парижскимъ правительствомъ, которое отмѣнило его декретъ.

Выборы 8 февраля 1871 г. произошли безъ предварительной подготовки. Имперіалисты, которыхъ Гамбетта хотѣлъ отстранить, не посмѣли выступать кандидатами; избирателямъ предстоялъ выборъ: въ Парижѣ—между сторонниками правительства и революціонерами; въ провинціи—между республиканскими списками, поддерживаемыми бордосской делегаціей, и списками, враждебными Гамбеттѣ, которые были составлены роялистами и республиканцами другихъ фракцій. Парижъ избралъ многихъ революціонеровъ; департаменты, подвергнувшіеся нашествію, и юго-востокъ выслали преимущественно республиканцевъ. Но почти во всей остальной Франціи крестьяне отвергали республиканскіе списки кан-

дидатовъ, называя ихъ «списками войны», и подавали голоса за «списки мира», т. е. за кандидатовъ, враждебныхъ Гамбеттѣ. Какъ и въ 1849 г., большинство Собранія оказалось составленнымъ изъ приверженцевъ старыхъ монархическихъ партій (орлеанистовъ и легитимистовъ), избранныхъ крестьянами; республиканцы прозвали его «мужицкимъ Собраніемъ» (assemblée de ruraux).

Національное Собраніе, засѣдавшее въ Бордо, отказалось провозгласить республику и объявило, что «рѣшеніе вопроса объ окончательной формѣ правленія оно предоставляетъ Франціи». Оно ограничилось назначеніемъ *главы исполнительной власти*, которымъ былъ выбранъ Тьеръ, наиболѣе популярный человѣкъ того времени; онъ долженъ былъ осуществлять свою власть подъ контролемъ Собранія и при содѣйствіи выбранныхъ имъ самимъ министровъ, въ совѣтѣ которыхъ ему принадлежало предсѣдательское мѣсто. Это былъ такъ называемый *бордосскій договоръ*. Тьеръ составилъ министерство изъ умѣренныхъ республиканцевъ и объявилъ, что вся его программа заключается въ умиротвореніи страны, поднятіи кредита Франціи и возстановленіи труда. Національное собраніе вотировало миръ и низложеніе Наполеона, а затѣмъ назначило мѣстомъ своихъ засѣданій Версаль (мартъ 1871 г.).

Парижское населеніе, уже обезумѣвшее отъ продолжительной осады, не хотѣло повиноваться версальскому собранію, подозрѣвая его въ желаніи упразднить республику и лишить Парижъ значенія столицы Франціи. Двѣ существенныя мѣры окончательно довели парижанъ до отчаянія. Правительство національной обороны отмѣнило на время осады квартирную плату и отсрочило платежи по долговымъ обязательствамъ въ Парижѣ. Національное собраніе отвергло предложеніе о продолженіи этой отсрочки. Ведя переговоры съ нѣмцами о разоруженіи парижскаго гарнизонта, Жюль Фавръ настоялъ на томъ, чтобы національнымъ гвардейцамъ было оставлено ихъ оружіе; такимъ образомъ парижане остались вооруженными; жалованье, получавшееся національной гвардіей (полтора франка въ день), было для многихъ единственнымъ средствомъ существованія, до открытія вновь мастерскихъ и фабрикъ. Національное собраніе отмѣнило это жалованье, сохранивши его только для людей, снабженныхъ свидѣтельствомъ о бѣдности.

Въ Парижѣ существовала революціонная партія, съ неопредѣленными соціалистическими стремленіями,—особенно многочисленная въ восточныхъ предмѣстьяхъ. Она образовала *республиканскую федерацію національной гвардіи* съ цѣлью защищать интересы національной гвардіи и противодѣйствовать всякому посягательству на республику; руководить федераціей долженъ былъ *центральный комитетъ*, составленный изъ 60 делегатовъ. Этотъ комитетъ, образованный 15 марта, состоялъ въ дѣйствительности только изъ тридцати делегатовъ; но онъ дѣйствовалъ отъ лица всей національной гвардіи и принялъ на себя роль правительства возставшаго Парижа.

Національная гвардія перевезла свои пушки на Монмартръ (сѣверный кварталъ Парижа, расположенный на возвышенности); такъ какъ временный центральный комитетъ отказался выдать ихъ, то правительство послало регулярныя войска, чтобы овладѣть ими; но войска должны были отступить; два генерала были взяты въ плѣнъ и разстрѣляны инсургентами; *центральный комитетъ* занялъ городскую ратушу (18 марта). Такъ началось возстаніе.

Только одна часть Парижа признала революціонное правительство; національные гвардейцы западныхъ кварталовъ остались вѣрными «партіи порядка», т. е. законному правительству Національнаго Собранія; они устроили мирную манифестацію, окончившуюся кровавой рѣзней. Парижскіе мэры приняли на себя роль посредниковъ между центральнымъ комитетомъ и Національнымъ Собраніемъ и добились, для успокоенія парижанъ, дальнѣйшей отсрочки платежей по срочнымъ обязательствамъ и за наемъ квартиръ, права для національной гвардіи выбирать своихъ офицеровъ и избранія членовъ *совѣта* парижской *коммуны* всеобщей подачею голосовъ. Выборы (26 марта) дали сильное большинство приверженцамъ центральнаго комитета, т. е. революціонной партіи; члены совѣта изъ партіи мэровъ, т. е. партіи примиренія, отказались принимать участіе въ засѣданіяхъ. Разрывъ былъ полный.

Французское правительство безъ сопротивленія вывело войска изъ Парижа и фортовъ (даже изъ форта Монъ-Валерьенъ, снова занятаго потомъ); оно не оказало поддержки національнымъ гвардейцамъ своей партіи въ Парижѣ и стянуло всѣ войска къ Версалю, чтобы защищать Національное Собраніе; Тьеръ или не считалъ себя въ силахъ оспаривать Парижъ у инсургентовъ, или хотѣлъ войны, чтобы освободиться отъ революціонной партіи. Такимъ образомъ Парижъ оказался возставшимъ противъ всей остальной Франціи.

Генеральный совѣтъ коммуны взялъ въ свои руки правленіе; но *центральный комитетъ* продолжалъ засѣдать въ городской ратушѣ, чтобы служить, какъ онъ говорилъ, «связью между *совѣтомъ* и національной гвардіей», вслѣдствіе чего власть осталась нераздѣленной между ними обоими. Эту смутную власть и назвали *коммуной*.

Коммуна начала съ того, что обезоружила національныхъ гвардейцевъ, принадлежавшихъ къ партіи порядка, установила обязательную службу для всѣхъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе, и объявила недѣйствительными всѣ распоряже-

нія «версальскаго правительства». Она составила изъ себя десять комиссій; главной изъ нихъ была *исполнительная комиссія* изъ семи членовъ; она была замѣнена девятью делегатами, по одному отъ каждой комиссіи; каждый изъ этихъ делегатовъ принялъ на себя управленіе однимъ изъ министерствъ.

Коммуна ввела республиканскій календарь и признала красное знамя, сдѣлавшееся эмблемой соціалистической партіи; но сама она состояла изъ революціонеровъ, не имѣвшихъ общей программы. Изъ 78 членовъ, засѣдавшихъ въ совѣтѣ, только около двадцати, принадлежавшихъ къ международному союзу рабочихъ, имѣли въ виду соціальныя преобразованія (Варлэнъ, Малонъ, Франкель); около двадцати членовъ принадлежало къ *бланкистамъ*, сторонникамъ насильственной революціи, безъ точно опредѣленной цѣли; остальные были демократами съ традиціями 1793 г., неправильно называемые якобинцами (Валлэсъ, Риго), или монтаньярами 1849 г., съ смутными соціалистическими стремленіями (Делеклюзъ, Феликсъ Піа), или же наконецъ ни во что не вѣрившими скептиками, бросившимися въ революцію, чтобы пользоваться властью.

Коммуна всегда оставалась простымъ революціоннымъ комитетомъ, на который во Франціи и въ другихъ странахъ смотрѣли, какъ на сборище авантюристовъ безъ политическаго значенія; ея приверженцы, называвшіе себя *федералистами*, остались извѣстными подъ именемъ *коммунаровъ*. Ихъ даже не признавали воюющей стороной; послѣ первыхъ же сраженій правительство велѣло разстрѣливать плѣнныхъ. Коммуна отвѣтила на это заключеніемъ въ тюрьму нѣкоторыхъ именитыхъ гражданъ, «подозрѣваемыхъ въ сношеніяхъ съ Версалемъ», какъ *заложниковъ*, предназначенныхъ къ разстрѣлянію въ видѣ возмездія.

Въ нѣсколькихъ большихъ городахъ (Марсели, Тулузѣ, Сентъ-Этьенѣ, Нарбоннѣ) революціонная партія попыталась учредить коммуну, независимую отъ Національнаго Собранія; но это движеніе было немедленно же подавлено. Только въ Ліонѣ мирно установилось незаконное правительство, водрузившее красное знамя, но въ концѣ-концовъ также мирно разсѣевшееся. Гражданская война сосредоточилась въ Парижѣ. Она началась съ наступательнаго движенія инсургентовъ на Версаль, но скоро перешла въ осаду Парижа реорганизованной французской арміей, занявшей Монъ-Валерьенъ.

Поглощенная войною, коммуна не успѣла организовать ни правительства, ни даже полиціи. Изъ соціальныхъ преобразованій она вотировала только нѣсколько второстепенныхъ мѣръ, предложенныхъ членами международнаго союза рабочихъ, а также равноправность незаконныхъ дѣтей; она даже не пыталась овладѣть деньгами французскаго банка. Ея главнѣйшимъ политическимъ актомъ была прокламація 19 апрѣля, въ которой она излагала свою теорію правительства, основаннаго на «полной общинной автономіи, распространенной на всѣ мѣстности Франціи».

Всякая коммуна должна была пользоваться «присущими ей правами: вотировать общинный бюджетъ, установлять и распредѣлять налоги,— распоряжаться мѣстными дѣлами, организовать судъ, мѣстную полицію, народное образованіе,— управлять общиннымъ имуществомъ,—обладать правомъ назначенія должностныхъ лицъ, путемъ выборовъ или конкурса, съ неотъемлемымъ правомъ ихъ смѣщенія,—организовать національную гвардію, которая сама должна была избирать своихъ начальниковъ и *одна* наблюдать за поддержаніемъ порядка». «Единство Франціи» обезпечивалось бы тогда «союзомъ общинъ, вступившихъ въ договоръ», причемъ каждая община оставалась бы суверенною; онѣ были бы соединены между собою союзною связью. Это было нѣчто противоположное тому государственному порядку, къ которому стремилась до тѣхъ поръ французская революціонная партія, слѣдовавшая преданіямъ Конвента: всемогущему центральному правительству, т. е. непосредственной власти Парижа надъ остальной Франціей. Но эта теорія общинной автономіи, быть можетъ занесенная во Францію Бакунинымъ, вполнѣ соотвѣтствовала положенію самой парижской коммуны: возставши противъ центральнаго правительства, она желала только владѣть Парижемъ, надѣясь косвенно управлять Франціей, дѣйствуя примѣромъ Парижа на всѣ остальныя французскія общины.

Этотъ новый порядокъ исчезъ послѣ взятія Парижа. Во время уличныхъ битвъ были произведены пожары и избіенія заложниковъ, хотя уже *совѣта* тогда не существовало; но у всей Франціи получилось впечатлѣніе, что дѣятели коммуны подготовили систематическое разрушеніе Парижа; поэтому казалось законнымъ обращаться съ ними, какъ съ преступниками. Эта гражданская война была самой ожесточенной, а послѣдовавшая за нею репрессія—самой безпощадной въ этомъ столѣтіи. Многіе федералисты, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, были разстрѣляны безъ суда; *оффиціальная* цифра похороненныхъ была 6.500. (Дѣйствительное число осталось неизвѣстнымъ). Взятые въ плѣнъ были судимы военными судами; 7.500 человѣкъ были сосланы въ Новую Каледонію; число всѣхъ осужденныхъ доходило до 13.000. Было отступлено отъ французскаго обычая, отличающаго политическія преступленія отъ общихъ; приговоры постановлялись безъ соблюденія точныхъ правилъ: однихъ приговаривали къ политическому наказанію—ссылкѣ; другихъ—къ каторжнымъ работамъ, какъ обыкновенныхъ преступниковъ.

Успѣвшіе бѣжать были осуждены заочно и остались заграницей. Военные суды продолжали дѣйствовать до 1876 года; въ 1876 г. ими было еще произнесено 52 обвинительныхъ приговора. Революціонная партія, обезсиленная этимъ «кровопусканіемъ», уже не могла болѣе оправиться. Во Франціи осталось только двѣ партіи: республиканская и монархическая.

Правительство Тьера (1871—73 гг.).—Національное Собраніе было выбрано на неопредѣленный срокъ. Послѣ дополнительныхъ выборовъ, бывшихъ въ іюлѣ 1871 г., стало очевиднымъ, что оно имѣло противъ себя большинство избирателей, желавшихъ сохранить республику. Но Собраніе держало въ своихъ рукахъ верховную власть, и не было никакого законнаго способа заставить его отказаться отъ нея. Оно пользовалось ею втеченіе почти пяти лѣтъ (февраль 1871 г.—январь 1876 г.) и взяло на себя создать конституцію для Франціи, не смотря на протесты лѣвой, не признававшей за нимъ учредительной власти, и не смотря на петиціи, требовавшія его распущенія.

Это было время парламентской борьбы. Въ Собраніи не было сплоченнаго большинства; оно дѣлилось на многія группы: крайнюю правую, состоявшую изъ легитимистовъ,—правую монархическую,—правый центръ,—состоявшій изъ орлеанистовъ - конституціоналистовъ,—лѣвый, республиканскій центръ,—лѣвую республиканскую группу,—крайнюю лѣвую; затѣмъ была еще партія бонапартистовъ, увеличившаяся на дополнительныхъ выборахъ. Нѣсколько независимыхъ членовъ, стоявшихъ между двумя центрами, составляли очень незначительную и колеблящуюся группу.

Правительство все время строго держалось парламентарной системы; министерство опиралось на большинство Собранія и подавало въ отставку, какъ только оказывалось въ меньшинствѣ. Такимъ образомъ правительственная политика вполнѣ зависѣла отъ группировки различныхъ партій, необходимыхъ для образованія большинства; рѣшающее значеніе имѣлъ вопросъ: составится ли большинство изъ соединенія обѣихъ центральныхъ группъ противъ крайнихъ, или же путемъ союза всѣхъ правыхъ группъ противъ всѣхъ лѣвыхъ? У обоихъ центровъ была почти одинаковая политическая программа: либеральный парламентарный образъ правленія, руководимый буржуазіей и очень благосклонный къ духовенству; лѣвый центръ состоялъ преимущественно изъ бывшихъ орлеанистовъ, вродѣ Тьера, присоединившихся къ республикѣ и всеобщему избирательному праву; все разногласіе между двумя центрами сводилось къ вопросу о формѣ правительства.

Сначала большинство образовалось союзомъ двухъ центровъ противъ двухъ крайнихъ группъ. Собраніе, согласившись удержать временно существовавшую форму правительства, вотировала законъ Риве, дававшій Тьеру титулъ *президента республики* и полномочія конституціоннаго короля, но объявила его отвѣтственнымъ передъ собраніемъ. Крайняя лѣвая вотировала противъ этого закона, не желая признать за собраніемъ учредительной власти. Соглашеніе между обоими центрами длилось почти два года; въ этотъ именно періодъ собраніе исполнило свои преобразовательныя работы. Оно вернуло орлеанскихъ принцевъ и возвратило имъ ихъ земли, выпустило два займа — въ 2 милліарда въ іюнѣ 1871 г. и въ 3 милліарда въ іюлѣ 1872 г.—для освобожденія территоріи, уничтожило принудительный курсъ банковыхъ билетовъ, вотировало муниципальный и департаментскій законы 1871 года и военный законъ 1872 года.

Въ департаментахъ самое Собраніе ввело то управленіе, котораго требовала при Имперіи либеральная оппозиція: оно расширило полномочія генеральныхъ совѣтовъ, разрѣшило имъ собираться два раза въ годъ, сдѣлало ихъ засѣданія публичными и создало *департаментскія комиссіи*, избираемыя генеральными совѣтами для наблюденія за дѣлами въ промежутокъ между ихъ сессіями. Кромѣ того, оно дало муниципальнымъ совѣтамъ маленькихъ общинъ право выбирать своихъ мэровъ.

Первымъ преобразованіемъ въ военномъ вѣдомствѣ было уничтоженіе національной гвардіи. «Къ чему вооружать все населеніе? говорилось въ докладѣ. Противъ кого? Противъ всѣхъ, потому что бунтовщиковъ нельзя отличить отъ массы населенія». — Армія была преобразована по образцу прусской съ введеніемъ всеобщей воинской повинности безъ права замѣстительства; такъ-же, какъ въ Пруссіи, она была раздѣлена на четыре части: *дѣйствующую*, *резервную* и *территоріальную армію* и *территоріальный резервъ*, съ установленіемъ опредѣленнаго времени для маневровъ. По отношенію къ состоятельнымъ молодымъ людямъ была принята система вольноопредѣляющихся съ одногоднею службою и обязательствомъ обмундироваться, какъ и въ Пруссіи, на собственный счетъ, путемъ взносовъ на это опредѣленной суммы (1.500 франковъ). Духовенство, школьные учителя и сыновья вдовъ попрежнему освобождались отъ воинской повинности.—Собраніе хотѣло установить, по примѣру Пруссіи, трехлѣтнюю обязательную службу въ дѣйствующей арміи; но Тьеръ, сохранившій предпочтеніе къ долгосрочной службѣ, заставилъ его согласиться, въ видѣ компромисса, на пятилѣтній срокъ; а такъ какъ невозможно было держать подъ ружьемъ сразу пять очередныхъ разрядовъ, то пришлось вернуться къ жребію, для раздѣленія рекрутовъ на двѣ части, изъ которыхъ одна должна была отбывать пятилѣтнюю службу, а другая — только шестимѣсячную.

Собраніе увеличило государственные доходы новыми налогами (на спички, бумагу, клубы и билліарды, квитанціи и желѣзнодорожные билеты); оно привело бюджетъ въ равновѣсіе, но не предпринимало никакихъ общихъ финансовыхъ реформъ.

Правительство одновременно подвергалось нападеніямъ со стороны правой группы роялистовъ, желавшихъ возвращенія короля,—и крайней лѣвой, недовольной тѣмъ, что во главѣ республики стояли старые орлеанисты.

У радикальной оппозиціи были отняты всѣ способы дѣйствія; правительство, со временъ коммуны, держало въ осадномъ положеніи всѣ большіе города,—имѣя такимъ образомъ возможность произвольно запретить любую газету; до самаго распущенія Національнаго Собранія, т. е. *до 1876 года*, пресса находилась въ полной зависимости отъ правительства. Рѣчи Гамбетты, вождя крайней лѣвой, служили главнымъ орудіемъ агитаціи. Онъ объѣзжалъ провинціи, чтобы требовать распущенія палаты во имя «народнаго суверенитета»; онъ возвѣщалъ о «появленіи на политической сценѣ новаго общественнаго слоя». Тьеръ, называвшій политику Гамбетты «политикою буйнаго помѣшаннаго», оффиціально порицалъ эту агитацію. По его словамъ, «республика могла быть только консервативною, или ея не будетъ вовсе».

Правая группа проявляла свое недовольство запросами правительству, предложеніями въ пользу свѣтской власти папы, паломничествами и протестами противъ республики.

Втеченіе полутора года правый центръ поддерживалъ правительство Тьера и помогалъ ему въ его преобразованіяхъ. Его противодѣйствіе ограничилось тѣмъ, что онъ помѣшалъ Ж. Симону провести проектъ школьной реформы и не допустилъ внести въ палату законъ о печати, предоставлявшій свободу газетамъ. Но мало-помалу онъ отдѣлился отъ Тьера.

Разногласія произошли по вопросамъ внутренней политики и по вопросу о конституціи.—Тьеръ хотѣлъ избѣжать разрыва съ республиканцами. Правый центръ упрекалъ Тьера въ томъ, что онъ недостаточно энергично противодѣйствуетъ пропагандѣ радикальной партіи и позволяетъ упрочиваться республикѣ; онъ требовалъ «боевого правительства».—Тьеръ хотѣлъ выйти изъ неопредѣленнаго, временнаго положенія, заставивши собраніе вотировать конституцію, которая признала бы республику окончательной формой государственнаго устройства; онъ говорилъ, что «этотъ образъ правленія наименѣе раздѣляетъ насъ», что это—«законное правительство страны», и что всякое другое было-бы «новой революціей». Правый центръ заявлялъ, что бордосскій договоръ установилъ только «временное правительство», оставляя за Собраніемъ право избрать всякую другую форму государственнаго устройства.—Собраніе согласилось назначить комиссію для выработки проекта конституціи, но въ этой *комиссіи тридцати* правой принадлежало большинство, и она, вмѣсто составленія проекта конституціи, ограничила полномочія Тьера. Онъ имѣлъ обыкновеніе являться на важныя засѣданія палаты, и его рѣчи дѣйствовали на колеблющихся членовъ; комиссія высказалась противъ «личнаго вмѣшательства главы исполнительной власти въ пренія», и собраніе подчинило Тьера, какъ конституціоннаго главу государства, формальности письменнаго сношенія съ палатою, путемъ *президентскихъ посланій*, по прочтеніи которыхъ засѣданіе должно было закрываться; Тьеръ уступилъ, протестуя противъ «китайщины».

Предвѣстникомъ разрыва было (янв. 1873 г.) избраніе члена праваго центра, Бюффе, въ президенты Собранія на мѣсто республиканца Греви, сохранявшаго президентское кресло съ 1871 года. Два событія сдѣлали этотъ разрывъ неизбѣжнымъ.—Радикальный кандидатъ Бародэ былъ избранъ депутатомъ Парижа, одержавши побѣду надъ кандидатомъ Тьера; отсюда заключили о безсиліи Тьера противодѣйствовать успѣхамъ радикаловъ.—Министерство предложило выйти изъ временнаго положенія, благопріятствовавшаго, по его словамъ, радикальной пропагандѣ; оно внесло законопроектъ объ организаціи государственныхъ властей съ двумя палатами и президентомъ.

Разрывъ произошелъ, когда Собраніе вотировало переходъ къ очереднымъ дѣламъ, приглашавшій президента «дать преобладаніе въ правительственной политикѣ твердо-консервативному направленію»; этотъ переходъ былъ принятъ 360 голосами противъ 344, благодаря небольшой группѣ Тарже, покинувшей правительство. Тьеръ, вмѣсто того, чтобы только перемѣнить министерство, сохранивши въ своихъ рукахъ исполнительную власть,—что привело-бы къ быстрому распущенію палаты, подалъ въ отставку и передалъ власть врагамъ республики.

Правительство монархическихъ партій (1873—75 гг.).—24-е мая окончательно измѣнило группировку партій: союзъ двухъ центровъ распался и былъ замѣненъ союзами группъ правой и лѣвой стороны. Коалиція правыхъ группъ овладѣла властью и держала ее въ своихъ рукахъ до самаго распущенія собранія въ февралѣ 1876 г. Она выбрала президентомъ маршала Макъ-Магона, намѣченнаго орлеанистами для подготовленія къ возстановленію монархіи (лѣвая сторона воздержалась отъ голосованія). Министерство, подобно большинству, составилось изъ представителей трехъ партій, орлеанистовъ, легитимистовъ и бонапартистовъ; во главѣ стоялъ вождь орлеанистовъ, герцогъ де-Брольи. Это было «боевое правительство», заявившее о

своемъ намѣреніи возстановить «нравственный порядокъ», потрясенный радикалами; его прозвали правительствомъ *нравственнаго порядка*.

По отношенію къ тремъ существеннымъ вопросамъ: о внутренней политикѣ; формѣ правленія и отношеніи къ духовенству, у коалиціи была общая программа, по крайней мѣрѣ въ ея отрицательной части: недопущеніе республиканцевъ къ власти; недопущеніе оффиціальнаго провозглашенія республики; непротиводѣйствіе духовенству. Такимъ образомъ правительство было единодушно во всѣхъ отрицательныхъ мѣрахъ.

1) Оно уволило всѣхъ чиновниковъ-республиканцевъ, занимавшихъ смѣняемыя должности (префекта, су-префекта, полицейскихъ комиссаровъ, мировыхъ судей, прокуроровъ и ихъ помощниковъ), и замѣнило ихъ монархистами; старый персоналъ второй Имперіи воспользовался этимъ, чтобы снова вступить на государственную службу. — Чтобы вполнѣ овладѣть администраціей, правительство провело законъ 1874 года, дававшій ему право назначать мэровъ во всѣхъ общинахъ (законъ 1871 г. оставлялъ за правительствомъ только назначеніе мэровъ въ административныхъ центрахъ кантоновъ).—Чтобы противодѣйствовать республиканской пропагандѣ, правительство, пользуясь осаднымъ положеніемъ, строго наблюдало за газетами и запретило продажу ихъ на улицахъ; оно воспользовалось закономъ, предоставлявшимъ на усмотрѣніе префекта разрѣшеніе розничной продажи спиртныхъ напитковъ, и угрожала закрытіемъ всякому виноторговцу, въ заведеніи котораго происходила оппозиціонная агитація.—Оно возстановило театральную цензуру.—На частичныхъ выборахъ министерство приказывало чиновникамъ поддерживать монархическихъ кандидатовъ и на практикѣ возстановило оффиціальную кандидатуру.

2) Въ вопросѣ о конституціи правительство затягивало обсужденіе проектовъ окончательнаго государственнаго устройства. Вмѣстѣ съ этимъ оно приказало вынести изъ мэріи бюсты республики; во всѣхъ оффиціальныхъ бумагахъ и даже въ афишахъ оно умышленно избѣгало употреблять слово *республика*.

3) Духовенство и католическая партія могли свободно устраивать всякаго рода манифестаціи: епископскіе съѣзды, процессіи и паломничества. Огромное паломничество 1873 года въ Парэ-ле-Моніаль, гдѣ находилась часовня Сердца Іисуса Христа,—устроенное іезуитами, было манифестаціей всей католической партіи въ пользу возстановленія свѣтской власти папы (надѣялись на одновременное возстановленіе правъ французскаго короля и римскаго папы). Оффиціальнымъ духовнымъ гимномъ были слова: «*Спаси Господи Римъ и Францію, во имя Христова Сердца*».—Собраніе вотировало законъ объ отчужденіи земли, чтобы сдѣлать возможной постройку на Монмартрѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ св. Игнатій собралъ своихъ первыхъ послѣдователей, церковь во имя Сердца Іисуса Христа,—символъ овладѣнія іезуитами Парижемъ.—Чтобы облегчить солдатамъ исполненіе религіозныхъ обязанностей, собраніе учредило полковыхъ священниковъ,—орудіе католической пропаганды въ войскахъ.—Префекты всячески старались препятствовать гражданскимъ похоронамъ; ліонскій префектъ запретилъ устраивать ихъ днемъ. Католическая партія держала въ своихъ рукахъ первоначальныя школы во всѣхъ коммунахъ, гдѣ она преобладала въ муниципальномъ совѣтѣ. 1850 г. она добилась отъ національнаго собранія свободы средняго образованія; теперь она требовала *свободы высшаго образованія*. Собраніе въ концѣ концовъ вотировало для нея законъ 1875 г., разрѣшавшій основывать свободные университеты, и учредило смѣшанныя экзаменаціонныя комиссіи для студентовъ этихъ университетовъ.

Для противодѣйствія монархической коаліціи три лѣвыя группы образовали одну тѣсносплоченную партію, которая вотировала единогласно по всѣмъ вопросамъ. Крайняя лѣвая, руководимая Гамбеттою, отложила до поры до времени свою собственную политику и подчинилась лѣвому центру, который до конца собранія игралъ руководящую роль. Союзъ лѣвыхъ группъ держался исключительно оборонительной политики; его цѣлью было спасти республику, добившись окончательной конституціи, и защитить частныхъ лицъ отъ злоупотребленія боевымъ правительствомъ своею властью. Правая заявила, что защищаетъ *порядокъ* и *общество* отъ радикаловъ; лѣвая обращалась также къ консервативнымъ чувствамъ населенія, поддерживая «*законное правительство народа*», т. е. республику, которую можно было ниспровергнуть только революціей.

Правая располагала очень незначительнымъ, но прочнымъ большинствомъ во всѣхъ вопросахъ отрицательнаго характера; но она не могла провести ни одной положительной мѣры, не вступивши въ соглашеніе съ лѣвой.

1) Прежде всего она хотѣла возстановить монархію. Странное дѣленіе на легитимистовъ и орлеанистовъ было уничтожено *сліяніемъ* обѣихъ группъ. Всѣ признали королемъ претендента легитимистской партіи, графа Шамбора Генриха V, главу и послѣдняго представителя старшей вѣтви королевскаго дома; его наслѣдникомъ былъ признанъ претендентъ орлеанистской партіи, графъ Парижскій, глава младшей линіи. Сліяніе было оффиціально засвидѣтельствовано визитомъ графа Парижскаго графу Шамбору, жившему въ Австріи (августъ 1873 г.).—Во время парламентскихъ вакацій, правыя группы (за исключеніемъ бонапартистовъ) образовали

«комиссію девяти», которая должна была вести переговоры съ королемъ объ условіяхъ возстановленія монархіи. Относительно главнаго вопроса пришли къ соглашенію: Собраніе не избирало короля, но должно было *провозгласить*, что Генрихъ V призывался на тронъ, какъ глава французскаго королевскаго дома, въ силу наслѣдственнаго права. Конституція являлась не вынужденной у короля, а должна была быть *предложена* имъ, вотирована Собраніемъ и санкціонирована королевскою властью; эта конституція должна была, подобно хартіи 1814 г., гарантировать конституціонный порядокъ (ежегодное вотированіе бюджета, свободу гражданъ, вѣротерпимость и равенство передъ закономъ). Но разногласіе возникло по вопросу о государственномъ знамени. Правый центръ хотѣлъ удержать трехцвѣтное знамя, графъ же Шамборъ объявилъ (какъ онъ объявлялъ это много разъ послѣ 1871 г.), что королевская честь обязываетъ его сохранить бѣлое знамя, «полученное, какъ священный залогъ, отъ его предка, стараго короля, умершаго въ изгнаніи»,—и отвергнуть трехцвѣтное знамя, «символъ революціи». Было рѣшено отложить рѣшеніе этого вопроса до возвращенія короля во Францію. Правая считала реставрацію несомнѣнной и уже дѣлала необходимыя приготовленія для голосованія въ Собраніи и для въѣзда короля, какъ вдругъ, 27 сентября, было получено письмо отъ графа Шамбора, въ которомъ онъ, узнавши изъ газетъ, что во Франціи считали трехцвѣтное знамя окончательно принятымъ, торжественно заявлялъ, что не можетъ пожертвовать бѣлымъ знаменемъ.—Правый центръ смотрѣлъ на трехцвѣтное знамя, какъ на необходимое условіе; онъ отказался отъ реставраціи и захотѣлъ упрочить свою власть, продолживши полномочія президента. Собраніе вручило Макъ-Магону президентскую власть на семь лѣтъ (20 ноября) (правый центръ предлагалъ 10 лѣтъ, лѣвый центръ—5). Этотъ законъ о *сентенатѣ* вызвалъ недовольство въ группѣ легитимистовъ, еще надѣявшихся на возвращеніе короля (20 ноября графъ Шамборъ самъ пріѣзжалъ въ Версаль). Этотъ законъ прошелъ, благодаря лѣвому центру, желавшему устранить монархію.

2) Орлеанистская партія, уже владѣвшая черезъ президента исполнительною властью, попыталась обезпечить за собою вліяніе въ будущихъ палатахъ: она предложила, для выборовъ въ палату депутатовъ, избирательную систему, напоминавшую законъ 31 мая 1850 г., требуя отъ избирателя трехлѣтняго пребыванія въ избирательномъ округѣ, и кромѣ того—учрежденіе Совѣта, члены котораго должны были назначаться президентомъ республики. Крайняя правая, опасаясь орлеанистской реставраціи, вотировала съ лѣвыми и оставила министерство въ меньшинствѣ (16 мая 1874 г.).

3) Новое министерство (Сиссэ), какъ и предыдущее, было составлено коалиціей трехъ монархическихъ партій; но въ немъ преобладали бонапартистскіе министры, пользовавшіеся правительственною властью для усиленія своей партіи. Дополнительные выборы увеличили партію *обращенія къ народу*; получилось такое впечатлѣніе, что партія бонапартистовъ снова организовалась и что на выборахъ борьба будетъ происходить только между двумя партіями: республиканской и бонапартистской. (На всѣхъ дополнительныхъ выборахъ, отъ мая 1873 г. до января 1875 г., изъ 29 депутатскихъ мѣстъ, республиканцы получили 23, а бонапартисты—6). Собраніе обнаружило *комитетъ обращенія къ народу*, организованный для бонапартистской пропаганды и находившійся въ тайныхъ сношеніяхъ съ министрами (1874 г.). Нѣкоторые члены праваго центра, считавшіе главнымъ врагомъ имперію, сблизились съ лѣвыми и помогли снова поставить на очередь обсужденіе учредительныхъ законовъ, откладывавшееся уже полтора года (іюнь 1875 г.). Министерство, низвергнутое коалиціей лѣвой и легитимистовъ еще 6 января 1875 г., оставалось послѣ того у власти цѣлыхъ два мѣсяца.

4) При обсужденіи вопроса о государственномъ устройствѣ, между правой и правымъ центромъ произошелъ разрывъ. Легитимисты хотѣли, чтобы семилѣтнія президентскія полномочія были переданы *лично* Макъ-Магону, такъ чтобы онъ могъ во всякую минуту, подавши въ отставку, уступить мѣсто законному королю. Правый центръ объявилъ *сентенатъ* независимымъ отъ личности президента; этотъ порядокъ долженъ былъ быть въ одно и то-же время временнымъ и неприкосновеннымъ; по истеченіи же семи лѣтъ палаты получали право установить новую форму правленія (тогда надѣялись передать власть герцогу Омальскому). Распавшись, монархическая коалиція потеряла возможность провести въ палатѣ свое рѣшеніе относительно формы правленія. Собраніе отвергло проектъ лѣвой: «Правительство республики состоитъ изъ двухъ палатъ и президента»; но такъ такъ необходимо было принять какое-нибудь рѣшеніе, то небольшая группа, отдѣлившаяся отъ праваго центра, присоединилась къ лѣвой и провела *большинствомъ одного голоса* (353 голосами) поправку Валлона, которая, присваивая главѣ исполнительной власти титулъ *президента республики*, тѣмъ самымъ косвенно признавала республику окончательною формою правленія Франціи (30 января 1875 г.).

5) Послѣ этого былъ организованъ будущій сенатъ. Партія орлеанистовъ не могла добиться назначенія членовъ его президентомъ; но она достигла того, что было отвергнуто избраніе ихъ всеобщею подачею голосовъ, предложенное

лѣвыми, и было рѣшено, что четверть сенаторовъ (75 членовъ) должна назначаться пожизненно Собраніемъ. Лѣвый центръ предложилъ правому сговориться относительно избранія этихъ пожизненныхъ членовъ, требуя для лѣвыхъ группъ только тридцати мѣстъ изъ семидесяти пяти; правый центръ не хотѣлъ уступить болѣе тринадцати. Но бонапартистская партія, опасаясь преобладанія орлеанистовъ, отказалась вотировать за ихъ кандидатовъ; затѣмъ на второй день вотированія она вошла съ соглашеніе съ лѣвой; обѣ партіи склонили на свою сторону около пятнадцати членовъ такъ называемой *легкой конницы* (крайнихъ легитимистовъ),которые были необходимы для составленія большинства, обѣщавши каждому изъ нихъ сенаторское кресло. Эта коалиція провела изъ 75 сенаторовъ 58 кандидатовъ лѣвой и 9 легитимистовъ противъ 8 кандидатовъ правыхъ группъ. Министерство Бюффе, составленное 10 марта 1875 г., соглашеніемъ праваго центра съ лѣвымъ, все еще противодѣйствовало республиканцамъ.

Конституція 1875 г.—Порядокъ, установленный Національнымъ Собраніемъ въ 1875 г. и дѣйствующій во Франціи по сіе время, съ тѣми измѣненіями, которыя были внесены въ него въ 1884 г., явился слѣдствіемъ компромисса, такъ какъ въ палатѣ не могло составиться большинства, чтобы вотировать какой-нибудь однородный проектъ. Въ сущности, даже не существуетъ вовсе конституціи 1875 года, подобной другимъ французскимъ конституціямъ (1791, 1793, 1795, 1800, 1848 гг.). Этимъ именемъ называютъ законъ о сенатѣ 1873 г. и совокупность трехъ *учредительныхъ законовъ*, вотированныхъ въ 1875 г.: «объ учрежденіи сената, объ организаціи трехъ властей (палаты депутатовъ, сената и президента) и о ихъ взаимномъ отношеніи»,—дополненныхъ двумя органическими законами объ избраніи сенаторовъ и о преобразованіи государственнаго совѣта. Даже и эти законы должны истолковываться при помощи двухъ законовъ 1871 и 1873 г., опредѣлявшихъ полномочія Тьера.

Въ своемъ цѣломъ, это государственное устройство представляетъ парламентскую монархію, на манеръ бельгійской. Президентъ республики, избираемый на 7 лѣтъ, занимаетъ въ ней мѣсто конституціоннаго короля; онъ обладаетъ тѣми же полномочіями, даже правомъ помилованія, и точно такъ-же онъ лишенъ возможности лично осуществлять какое-либо изъ своихъ полномочій; онъ можетъ совершить какой-либо политическій актъ только черезъ посредство министра; онъ не отвѣтственъ; онъ имѣетъ право распустить палату (впрочемъ только съ согласія сената).

Министры, въ рукахъ которыхъ находится дѣйствительная власть, составляютъ, согласно англійской теоріи, *солидарное* министерство, *отвѣтственное передъ палатами* *); это вписано во французскую конституцію въ видѣ статьи закона, между тѣмъ какъ то же самое существуетъ въ Англіи въ силу обычая; точно такъ-же во Франціи установлена оффиціальная должность президента совѣта министровъ, которая въ Англіи существуетъ только фактически. Отвѣтственность министерства, какъ во всѣхъ странахъ съ парламентарною формою правленія, предполагаетъ у собранія право не только подвергать судебному преслѣдованію министровъ, но и путемъ простого голосованія принуждать ихъ къ отставкѣ.

Такъ какъ это право не можетъ осуществляться одновременно обѣими палатами, то оно считается принадлежащимъ исключительно нижней палатѣ; такое толкованіе получило преобладаніе во Франціи даже послѣ столкновенія министерства съ сенатомъ въ 1896 г. Такимъ образомъ верховная власть осуществляется *косвенно* палатою депутатовъ, располагающей судьбою министерствъ.

Министры назначаются президентомъ республики; законъ 1871 г. гласитъ даже, что онъ *отстраняетъ ихъ отъ должности;* но парламентскій обычай не допускаетъ, чтобы президентъ избиралъ министровъ не изъ среды большинства нижней палаты, а также,—чтобы онъ пользовался правомъ увольнять ихъ отъ должности; министры покидаютъ власть только путемъ добровольной отставки. Такъ какъ въ законѣ не существуетъ никакихъ указаній на этотъ счетъ, то они сами судятъ о томъ, когда имъ слѣдуетъ подать въ отставку; на практикѣ министры обнаруживаютъ большое уваженіе къ палатѣ депутатовъ и покидаютъ власть, какъ только они оказываются въ меньшинствѣ, не ожидая выраженія недовѣрія. Отъ временнаго порядка, установленнаго въ 1871 г. для Тьера, у президента республики сохранилось право, противное обычаямъ парламентскихъ странъ,—предсѣдательствовать въ совѣтѣ министровъ.

Законодательная власть, понимаемая въ са-

*) Въ законѣ не сказано, должно-ли слово «отвѣтственный» пониматься въ своемъ старомъ или новомъ значеніи; въ своемъ старомъ значеніи оно предполагаетъ *судебную* отвѣтственность, въ силу которой министры могутъ быть *судимы* палатами, т. е. предаваемы суду палатой депутатовъ и судимы сенатомъ; въ своемъ новомъ значеніи оно подразумѣваетъ *политическую* отвѣтственность, въ силу которой министры должны подать въ отставку, какъ только палата депутатовъ какимъ либо образомъ выразитъ имъ, что они лишились ея довѣрія. Собраніе 1875 г. допускало одновременно обѣ отвѣтственности, судебную и политическую; но, обозначая ихъ однимъ словомъ, оно смѣшивало ихъ въ одной фразѣ: «министры отвѣтственны передъ *палатами*»; это множественное число, вполнѣ приложимое къ случаю судебной отвѣтственности, когда министры предаются одной палатой суду другой, не приложимо къ тому случаю, когда они просто лишаются большинства.

момъ широкомъ смыслѣ (съ правомъ вотировать миръ, войну и трактаты, съ правомъ дѣлать запросы министрамъ и производить обслѣдованія, а также и съ правомъ законодательнаго почина для каждаго члена), принадлежитъ одновременно двумъ собраніямъ: *палатѣ депутатовъ*, избираемой всеобщею подачею голосовъ и возобновляемой во всемъ ея составѣ каждые четыре года, — и *сенату*, четвертая часть членовъ котораго (75 сенаторовъ) избрана пожизненно Національнымъ Собраніемъ и пополняется самимъ сенатомъ, а остальныя три четверти избираются на девять лѣтъ особыми избирательными коллегіями каждаго департамента, въ которыхъ преобладаютъ делегаты отъ муниципальныхъ совѣтовъ, по одному отъ каждой коммуны. Правый центръ, отказавшись отъ назначенія сенаторовъ президентомъ, установилъ равенство въ сенатскомъ представительствѣ между всѣми коммунами, съ цѣлью обезпечить большинство мелкимъ деревенскимъ общинамъ. Законъ признаетъ за обѣими палатами совершенно одинаковыя права, съ тѣмъ исключеніемъ, что бюджетъ вотируется *сначала* палатою депутатовъ, а сенату принадлежитъ право вотировать распущеніе палаты депутатовъ по предложенію президента. Палаты имѣютъ право только на одну сессію въ году, продолжительностью въ пять мѣсяцевъ; на всю остальную часть года президентъ можетъ отсрочить ихъ засѣданія и втеченіе этого времени остается одинъ; мысль объ учрежденіи при немъ постоянной комиссіи была отброшена.

Соединенное засѣданіе обоихъ собраній образуетъ конгрессъ, который одинъ является верховнымъ правителемъ. Онъ избираетъ президента и вотируетъ измѣненія въ конституціи. Но пересмотръ конституціи можетъ быть предпринятъ только послѣ *отдѣльно* принятаго рѣшенія каждой изъ палатъ.

Государственный совѣтъ составляется теперь изъ чиновниковъ, назначенныхъ правительствомъ.

Такимъ образомъ изъ англійской парламентской системы Франція удержала тройственную власть, безотвѣтственность главы государства, отвѣтственное и солидарное министерство, право распущенія палаты депутатовъ и двѣ палаты. Но она присоединила сюда нѣкоторыя демократическія нововведенія: 1) глава государства избирается и на извѣстный срокъ; онъ одинъ не можетъ распустить палату; 2) верхняя палата выборная и ея права не ограничены только вотированіемъ законовъ; 3) нижняя палата избирается всеобщею подачею голосовъ; 4) члены обоихъ собраній получаютъ жалованье, а избиратели сенаторовъ—деньги на путевыя издержки. Въ общемъ, это нѣчто среднее между англійской парламентской монархіей и французскими порядками временъ конвента.

На практикѣ французская конституція приняла еще болѣе демократическій характеръ. Палата, избираемая всеобщею подачею голосовъ, сдѣлалась преобладающею властью, такъ какъ она располагаетъ министерствомъ, управляющимъ страною. Роль президента свелась къ тому, что онъ представляетъ въ своемъ лицѣ правительство на церемоніяхъ, избираетъ того вождя партіи, на котораго возлагается составленіе министерства, и предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ министровъ. Сенатъ мало пользуется своимъ правомъ законодательнаго почина: онъ рѣдко предлагаетъ законы и ограничивается наложеніемъ *veto* на законопроекты, вотированные палатою депутатовъ; онъ усвоилъ привычку утверждать безъ большихъ измѣненій бюджетъ, выработанный нижнею палатою, и ограничивается тѣмъ, что противодѣйствуетъ упраздненію должностей путемъ измѣненія бюджета.

Такъ установился политическій строй, котораго Франціи не удавалось упрочить съ самаго 1789 года. Теперь во французскомъ государственномъ правѣ существуютъ положенія, уже не оспариваемыя болѣе ни одной партіей: народное самодержавіе, осуществляемое палатою депутатовъ, всеобщее избирательное право, свобода печати, судъ присяжныхъ, право сходокъ. Въ рамкахъ этой политической конституціи сохранился общественный строй, созданный революціей, и административная организація рукъ Наполеона.

Борьба между президентомъ и палатою (1877—79 гг.).—Президентъ Макъ-Магонъ, избранный монархической правой, считалъ своимъ долгомъ сообразоваться съ ея интересами. Въ палатѣ, избранной всеобщею подачею голосовъ, было значительное республиканское большинство. Сенатъ, избранный раньше палаты депутатовъ деревенскими муниципальными совѣтами, дѣлился на двѣ почти равныя по числу членовъ партіи (благодаря республиканскому большинству пожизненныхъ сенаторовъ, выбранныхъ Національнымъ Собраніемъ); впослѣдствіи въ немъ обозначилось большинство въ нѣсколько голосовъ на сторонѣ правой. Группировка партій, происшедшая въ 1873 г. по вопросу объ установленіи республики, осталась прежнею, но взаимное положеніе партій измѣнилось. *Республиканская* партія, раздѣленная на три группы: лѣвый центръ, лѣвая республиканская (самая многочисленная) и радикальная лѣвая,—перешла въ наступленіе, чтобы заставить президента держаться республиканской политики. Прежняя монархическая партія, обратившаяся теперь въ *консервативную*, дѣлилась на три группы: правую, правый центръ и группу обращенія къ народу (крайняя правая исчезла), и была принуждена ограничиться оборонительной тактикой; не имѣя болѣе возможности оспаривать установленный государственный порядокъ, она стре-

милась, во имя общественныхъ интересовъ, удержать всѣ государственныя должности въ рукахъ консерваторовъ; эта была такъ называемая «республика безъ республиканцевъ».

Такъ какъ вопросъ о конституціи былъ рѣшенъ окончательно, то борьба велась изъ-за обладанія властью, изъ-за гарантій общественныхъ вольностей и изъ-за церковной политики.

Лѣвая начала съ того, что потребовала республиканскаго министерства. Макъ-Магонъ согласился на составленіе министерства лѣваго центра; но онъ оставилъ внѣ зависимости отъ парламента трехъ министровъ, считавшихся какъ бы непричастными внутренней политикѣ: военнаго, морского и иностранныхъ дѣлъ. Лѣвая потребовала также *очищенія* должностей, замѣщеніе которыхъ зависѣло отъ правительства, т. е. увольненія чиновниковъ, не скрывавшихъ своей вражды къ республикѣ; министерство сдѣлало это, но не вполнѣ.

Чтобы упрочить общественныя политическія вольности, палата стала бороться противъ оффиціальныхъ кандидатуръ, систематически кассируя выборы депутатовъ, избранныхъ при помощи правительственныхъ чиновниковъ или духовенства. Она возстановила свободу печати и право розничной продажи газетъ. Она вотировала законъ 1876 г., возвращавшій муниципальнымъ совѣтамъ право избирать мэровъ.

Духовенство вело борьбу противъ республиканцевъ; лѣвая относилась враждебно къ вліянію духовенства. Министерство выработало законъ объ установленіи свѣтскаго первоначальнаго обученія и о лишеніи католическихъ университетовъ права выдавать дипломы; палата отказала въ кредитѣ на уплату жалованья полковымъ священникамъ. Католическая партія приготовила петицію президенту республики, прося его поддержать папу противъ Италіи; дѣло шло о возстановленіи его свѣтской власти. Палата отвѣтила на это переходомъ къ очередному порядку, въ которомъ порицала «ультрамонтанскія манифестаціи». Это послужило поводомъ къ разрыву съ президентомъ.

Макъ-Магонъ терпѣлъ республиканскихъ министровъ, но продолжалъ руководствоваться совѣтами своихъ политическихъ друзей, прежнихъ министровъ, вождей консервативной партіи. Они убѣдили его отдѣлаться отъ республиканской палаты до осеннихъ муниципальныхъ выборовъ, отъ которыхъ зависѣли ближайшіе выборы въ сенатъ. Макъ-Магонъ уволилъ министерство Ж. Симона (16 мая), утвердилъ консервативное министерство Брольи-Фурту, отсрочилъ на мѣсяцъ засѣданія палаты, а потомъ заставилъ сенатъ распустить ее.

16 мая было столкновеніемъ между двумя консервативными властями, президентомъ и сенатомъ съ одной стороны, и республиканскою властью и палатою депутатовъ — съ другой. Конституція ставила палату и министерство въ полную зависимость отъ президента и сената; консервативная партія воспользовалась этимъ, чтобы снова захватить въ свои руки правительственную власть. Желая удержать ее возможно дольше, министерство удлинило на три недѣли срокъ, въ который конституція обязывала его назначить новые выборы, и такимъ образомъ оставалось втеченіе пяти мѣсяцевъ у кормила правленія. Оно употребило эти пять мѣсяцевъ на подготовку выборовъ: оно сразу смѣнило весь административный персоналъ, замѣстивши его своими сторонниками; оно противодѣйствовало путемъ запрещеній или судебныхъ преслѣдованій розничной продажѣ газетъ, устройству политическихъ сходокъ и республиканской пропагандѣ; оно распускало республиканскіе муниципальные совѣты, замѣняя ихъ муниципальными комиссіями. На выборахъ оно выставило оффиціальныхъ кандидатовъ, рекомендовавшихся президентомъ республики, и обнародовало манифестъ президента къ французскому народу, въ которомъ Макъ-Магонъ, выходя изъ роли безотвѣтнаго главы государства, оффиціально выступалъ противъ республиканцевъ и заявлялъ о своемъ намѣреніи «пойти до конца», даже вопреки желанію избирателей. Духовенство поддерживало оффиціальныхъ кандидатовъ и произносило проповѣди противъ республиканцевъ.

Лѣвые, принужденные снова перейти въ оборонительное положеніе, слились въ одну республиканскую партію. Всѣ депутаты (363), вотировавшіе противъ министерства 16 мая, выступили на выборахъ съ общей программой; республиканскіе сенаторы образовали комитетъ соединеннаго дѣйствія. Тактика республиканцевъ состояла въ томъ, чтобы явиться въ роли консерваторовъ: они защищали республику противъ революціонной коалиціи монархическихъ партій и духовенства, и народное самодержавіе — противъ личной власти президента. Гамбетта пустилъ въ обращеніе двѣ знаменитыя фразы: «Клерикализмъ,—вотъ нашъ врагъ»,—«Когда страна скажетъ свое слово, надо будетъ подчиниться или подать въ отставку (*se soumettre ou se demettre*)». Республиканцы пугали также избирателей войною съ Италіей, требовавшеюся католическими приверженцами свѣтской власти папы.

Выборы, происшедшіе въ октябрѣ 1877 г., дали республиканское большинство. Министерство вышло въ отставку. Консервативная партія еще колебалась въ выборѣ дальнѣйшаго способа дѣйствія. Президентъ попробовалъ составить «дѣловое министерство» Рошбуэ, взятое внѣ палаты, но въ консервативной партіи; палата заявила, что отказывается входить въ сношеніе съ этимъ министерствомъ. Сенатъ не поспѣлъ вотировать второго распущенія; бюд-

жетъ еще не былъ вотированъ, и, чтобы обойтись безъ палаты депутатовъ, пришлось бы взимать налоги незаконно и быть готовымъ употребить силу противъ гражданъ, которые не захотѣли бы ихъ платить. Нашлись консерваторы, бравшіеся образовать министерство и при такихъ условіяхъ, но Макъ-Магонъ не захотѣлъ государственнаго переворота и предпочелъ уступить. Онъ составилъ министерство лѣваго центра, вполнѣ республиканское (дек. 1877 г.). Это было окончательнымъ пораженіемъ консервативной партіи.

Власть перешла снова въ руки республиканской партіи. Министерство вернуло къ прежнимъ должностямъ весь республиканскій составъ служащихъ, уволенный во время режима, установившагося послѣ 16 мая; палата депутатовъ кассировала всѣ выборы, произведенные подъ давленіемъ администраціи или духовенства; новые выборы довели число республиканцевъ до 370. Республиканская партія все еще оставалась сплоченной; всемірная выставка 1879 года отвлекала вниманіе отъ политики. Гамбетта рекомендовалъ радикаламъ единеніе, дисциплину и терпѣніе, говоря, что необходимо проводить свою программу постепенно. Наконецъ при возобновленіи трети сенаторовъ, республиканская партія пріобрѣла сильное большинство въ сенатѣ. Макъ-Магонъ, не желая подписать назначенія корпусныхъ командировъ, потребованныя его республиканскими министрами, подалъ въ отставку и былъ замѣненъ радикаломъ Греви (янв. 1879 года). Такимъ образомъ всѣ три высшія власти въ государствѣ оказались въ рукахъ республиканцевъ.

Господство и преобразованіе республиканской партіи (1879—84 гг.).—Между республиканцами, объединившимися для самозащиты, произошло раздѣленіе, когда въ ихъ руки перешло правительство. Лѣвый центръ оказался у власти только потому, что Макъ-Магонъ еще могъ примириться съ нимъ; но у него не было никакой силы на выборахъ; послѣ паденія Макъ-Магона онъ обратился въ незначительную группу въ палатѣ; его дѣятельность сосредоточилась въ сенатѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ правой, онъ составлялъ (до 1882 г.) католическое большинство, отвергавшее мѣры палаты депутатовъ, направленныя противъ духовенства. Въ палатѣ депутатовъ большинство принадлежало двумъ группамъ, республиканской лѣвой и прежней крайней лѣвой (партіи Гамбетты), превратившейся въ республиканскій союзъ. Но образовалась новая радикальная крайняя лѣвая, упрекавшая Гамбетту и его партію въ томъ, что они покинули радикальные *принципы* ради политики приноровленія къ обстоятельствамъ (*оппортунизма*).

Большинство лѣвой начало съ того, что освободилось отъ министерства лѣваго центра (Дюфора), которое не согласилось на полное очищеніе административнаго персонала. Власть перешла къ лѣвой, которая выставила рядъ министерствъ, все болѣе и болѣе приближавшихся къ крайней лѣвой (Ваддингтонъ, 1880 года; Фрейсинэ, 1880 г.; Ферри, 1881 г.).

По предложенію правительства было мѣсто засѣданій палатъ перенесено изъ Версаля въ Парижъ (іюнь 1880 г.) и былъ установленъ національный праздникъ 14 іюля. Правительство возвѣстило о цѣломъ рядѣ законопроектовъ. Одними изъ нихъ осуществлялась часть старой радикальной программы: свобода печати и сходокъ; избраніе мэровъ муниципальными совѣтами во всѣхъ коммунахъ; выкупъ государствомъ желѣзныхъ дорогъ, и главное—*даровое, обязательное и свѣтское* первоначальное обученіе. Другія мѣры были направлены противъ католической партіи: предполагалось лишить епархіи правъ юридическаго лица, упразднить конфессіональныя кладбища, уничтожить полковыхъ священниковъ, отнять у высшихъ католическихъ школъ названіе университетовъ и право раздавать ученыя степени. Представляя законопроектъ о *высшемъ* образованіи, министръ народнаго просвѣщенія, Ферри, присоединилъ къ нему знаменитую *седьмую статью*, запрещавшую открывать *среднія школы* членамъ непризнанныхъ закономъ конгрегацій (дѣло шло объ уничтоженіи іезуитскихъ среднеучебныхъ заведеній).

Эти положительныя политическія мѣры встрѣтили пассивное сопротивленіе сената, въ которомъ лѣвый центръ, соединившись съ консерваторами, отвергъ законы, вотированные палатою; онъ пропустилъ только одинъ законъ объ университетахъ, да и то безъ седьмой статьи. Правительство отвѣтило на это *декретами*, которыми, возстановляя дѣйствіе старыхъ, еще не отмѣненныхъ, законовъ, распускало неразрѣшенныя закономъ конгрегаціи; такъ какъ эти конгрегаціи отказались повиноваться, то правительство изгнало ихъ силою. Это былъ открытый разрывъ между республикой и католическимъ духовенствомъ.

Сопротивленіе правой постепенно ослабѣвало; въ концѣ концовъ всѣ законопроекты были проведены; нѣкоторые изъ нихъ—по частямъ: въ 1882 г. прошелъ законъ объ избраніи мэровъ; въ 1884 г.—законъ, дѣлавшій засѣданія муниципальныхъ совѣтовъ публичными.—Первоначальное образованіе было преобразовано рядомъ законовъ, изданныхъ въ періодъ отъ 1881 до 1886 г. (1881 г.—даровое обученіе; 1882 г.—обязательное и свѣтское); среднее женское образованіе—въ 1880 г.—Законъ 1881 г. установилъ полную свободу печати, безъ всякихъ стѣсненій (залоговъ, разрѣшеній, налоговъ), съ судомъ присяжныхъ для всѣхъ проступковъ печати; этотъ порядокъ требовался радикальной

партіей.—Была установлена полная свобода собраній, но не свобода ассоціацій.—Въ 1884 г. законъ о профессіальныхъ *синдикатахъ* разрѣшилъ наконецъ рабочимъ устраивать союзы, подобные англійскимъ *trade-unions*.

Въ то же время министерство вело борьбу съ крайнею лѣвой, требовавшей очищенія судебнаго персонала, амнистіи для коммунаровъ и пересмотра конституціи. Но съ этой стороны сила нападенія все возрастала, и лѣвая мало по малу уступала. Въ 1880 г. она вотировала амнистію, которой предшествовали отдѣльныя помилованія и которая, вернувши во Францію осужденныхъ за участіе въ коммунѣ, позволила революціонной соціалистической партіи снова организоваться.—Въ 1882 г. было произведено очищеніе судебнаго персонала съ помощью закона, который, временно отмѣняя несмѣняемость судей, позволилъ правительству уволить въ отставку консервативныхъ судей. —Затѣмъ правительство предложило частичный пересмотръ конституціи, и сенатъ въ концѣ концовъ согласился на него (1884 г.). Избраніе 75 пожизненныхъ сенаторовъ было передано на будущее время избирательнымъ сенаторскимъ коллегіямъ департаментовъ, причемъ было увеличено число делегатовъ въ этихъ коллегіяхъ; муниципальные совѣты, сообразно съ ихъ значеніемъ, получили право посылать различное число делегатовъ; этимъ немного уменьшалось неравенство представительства въ сенатѣ, хотя преимущество все еще оставалось на сторонѣ деревень.

Послѣ выборовъ 1881 г. въ палатѣ депутатовъ оказалось 457 республиканцевъ противъ 88 консерваторовъ; въ сенатѣ—205 республиканцевъ противъ 95 консерваторовъ. Консервативная партія покинула политическую борьбу *). Республиканская партія преобразовалась: ея большинство перешло въ республиканскій союзъ. Вождь этого большинства, Гамбетта, согласился взять въ свои руки правительственную власть и составилъ «великое министерство», отъ котораго ожидали, что оно сдѣлается воплощеніемъ республиканской партіи (ноябрь 1881 г.). Но вмѣсто того, чтобы включить въ него всѣхъ вождей лѣвой, Гамбетта составилъ его исключительно изъ людей своей группы. Затѣмъ онъ предложилъ пересмотръ, съ цѣлью внести въ конституцію законъ, въ силу котораго на голосованіе избирателей представлялся бы списокъ депутатовъ всего департамента (scrutin de liste); до тѣхъ поръ способъ выборовъ опредѣляли не конституціоннымъ закономъ, съ тою цѣлью, чтобы его можно было измѣнять простымъ закономъ. Республиканская партія раздѣлилась по этому вопросу. Крайняя лѣвая давно уже нападала на Гамбетту за его политику оппортунизма. Лѣвая упрекала его за диктаторскія замашки (торжественный въѣздъ въ свой родной городъ Кагоръ), за его повелительный языкъ («тронная рѣчь» въ палатѣ депутатовъ), за его стремленіе окружить себя личными приверженцами. Недовольные составили противъ него коалицію и отвергнули пересмотръ огромнымъ большинствомъ. Онъ вышелъ въ отставку, потерявши въ три мѣсяца свою популярность (январь 1882 г.), и умеръ (декабрь 1882 г.), не успѣвши вернуть ее.

Вернулись къ министерствамъ лѣвой, управлявшимъ при поддержкѣ республиканскаго союза. Сначала образовалось министерство Фрейсинэ, потомъ Дюклерка и наконецъ Ферри, — самое продолжительное изъ всѣхъ министерствъ парламентской республики (отъ февраля 1883 г. до марта 1884 г.). Достигнувъ власти, радикальная партія отказалась отъ крупныхъ реформъ. Вмѣсто избранія судей, она произвела только очистку магистратуры; вмѣсто выкупа желѣзныхъ дорогъ государствомъ, заключила конвенціи съ главными компаніями. Она отказалась отъ подоходнаго налога, котораго требовала въ 1874 г. Изъ своей прежней программы она сохранила только преобразованіе первоначальнаго образованія и реформу воинской повинности, отвергнутую сенатомъ. Она сосредоточила все вниманіе на колоніальной политикѣ, стремясь возстановить вліяніе Франціи внѣ Европы (Тунисъ, Суданъ, Конго, Тонкинъ и Аннамъ), съ цѣлью найти рынки для французской торговли.

Распаденіе республиканской партіи и возстановленіе консервативной (1884—87 гг.).—Республиканская партія окончательно распалась на двѣ враждебныя фракціи. Лѣвая и республиканскій союзъ образовали республиканскую правительственную партію, прозванную *оппортунистской*; крайняя лѣвая опять стала называться прежнимъ общимъ именемъ всѣхъ республиканскихъ группъ и обратилась въ *радикальную* партію. Обѣ партіи были раздѣлены скорѣе личнымъ соперничествомъ, нежели различіемъ въ программахъ. Радикалами сдѣлались всѣ, не принадлежавшіе къ личной свитѣ Гамбетты или нападавшіе на колоніальную политику Ферри и вслѣдствіе этого исключенные изъ правительства. Но, выдвигая снова тѣ части старой радикальной программы, которыя были покинуты республиканцами, достигнувшими власти, радикалы воспользовались ими, какъ своей боевой программой. Они требовали пересмотра конституціи съ цѣлью лишить сенатъ права вотировать бюджетъ и распускать палату; они требовали отдѣленія церкви отъ государства и отмѣны конкордата, защищаемаго теперь *оппортунистами*, — реформы

*) Послѣ смерти сына Наполеона III (убитаго зулусами въ 1879 г.), бонапартистская партія раскололась на двое: партію прямого наслѣдника, принца Жерома, и партію его сына, принца Виктора, котораго поддерживала императрица и католики.

податной системы введеніемъ подоходнаго налога, борьбы съ большими акціонерными компаніями. (Объ избраніи судей и уничтоженіи постоянной арміи, внесенныхъ въ программу Гамбетты въ 1869 г., уже не упоминалось болѣе). Къ этому радикалы прибавляли еще прекращеніе колоніальныхъ завоеваній.

Обѣ партіи были единодушны по вопросамъ о разводѣ, о голосованіи по департаментскому списку съ подачею голосовъ въ административномъ центрѣ каждой общины и о трехлѣтнемъ срокѣ военной службы съ упраздненіемъ жребія, вольноопредѣляющихся и льготъ для учителей и духовенства; но военный законъ, задержанный сенатомъ, прошелъ только въ 1889 г.

Борьба велась главнымъ образомъ по вопросу о Тонкинѣ. Ферри объявилъ войну радикаламъ, сказавши, что «опасность грозитъ съ лѣвой стороны». Радикалы воспользовались паникой, произведенной преувеличенными извѣстіями о пораженіи французскихъ войскъ въ Тонкинѣ, чтобы побудить палату депутатовъ низвергнуть министерство Ферри (май 1885 г.). Это было послѣднее министерство, поддерживавшееся однороднымъ большинствомъ. Съ тѣхъ поръ до 1889 г. министерства составлялись коалиціями.

Во время своего правленія, лѣвая покинула финансовую политику консервативной партіи: равновѣсіе бюджета, постепенное погашеніе долга, экономія въ расходахъ. Для новыхъ желѣзныхъ дорогъ (планъ Фрейсинэ), постройки школъ и колоніальныхъ экспедицій она вошла въ расходы, увеличившіе государственный долгъ и произведшіе дефицитъ. Привыкли разсчитывать на превышеніе поступленій надъ бюджетными предположеніями; коммерческій кризисъ, начавшійся въ 1882 г. послѣ краха *Union générale*, вызвалъ недоборы. Дурное состояніе финансовъ послужило новымъ аргументомъ противъ «оппортунистовъ».

Во время избирательной кампаніи 1885 г. правительство имѣло противъ себя двойную оппозицію: слѣва — радикальную партію, ораторомъ которой былъ Клемансо; справа—консервативную и католическую партію, которая, избѣгая нападать на республику, называлась *конституціонной оппозиціей*. Послѣ смерти графа Шамбора, въ 1883 г., легитимисты примкнули къ орлеанистской партіи, за исключеніемъ маленькой группы непримиримыхъ, которая перенесла свои вѣрноподданническія чувства на вѣтвь испанскихъ Бурбоновъ. Съ обѣихъ сторонъ оппортунистовъ упрекали за тонкинскую войну, дефицитъ и коммерческій кризисъ.

При такихъ условіяхъ произошли общіе выборы въ октябрѣ 1885 г.,—первые послѣ 1871 г. съ подачей голосовъ по департаментскому списку. Республиканскіе кандидаты были выставлены въ каждомъ департаментѣ на двухъ соперничавшихъ спискахъ (республиканскомъ и радикальномъ), между которыми раздѣлились голоса республиканскихъ избирателей, что мѣшало составленію абсолютнаго большинства. Консервативные кандидаты были выставлены въ каждомъ департаментѣ на одномъ спискѣ. Выборы по департаментскимъ спискамъ были выгодны для консерваторовъ, такъ какъ ихъ избиратели составляли болѣе компактныя группы; правительственная партія лишилась многихъ мѣстъ. При первомъ голосованіи прошло болѣе консерваторовъ, чѣмъ республиканцевъ; при второмъ голосованіи встревоженные республиканцы возстановили «республиканскую дисциплину» и стали вотировать всѣ за объединенные списки, составленные изъ кандидатовъ обѣихъ республиканскихъ фракцій, получившихъ относительное большинство. Палата оказалась составленной изъ 382 республиканцевъ и 202 консерваторовъ. На политическую сцену выступило новое поколѣніе консерваторовъ съ отрицательной программой либеральной оппозиціи. Раздѣленіе палаты почти вполнѣ соотвѣтствовало областному дѣленію; весь югъ и востокъ избрали республиканцевъ; весь западъ и сѣверъ—консерваторовъ.

Республиканская партія, раздѣленная на двѣ почти равныя группы, *оппортунистовъ* и *радикаловъ*, уже не располагала большинствомъ. Для того чтобы она могла оставаться у власти, практиковались двѣ системы: одна состояла въ томъ, чтобы соединить обѣ фракціи республиканской партіи противъ правой; это была «политика республиканской концентраціи», примѣненная еще ранѣе выборовъ министерствомъ Бриссона, который смѣнилъ Ферри, и принятая первыми министерствами послѣ выборовъ. При другой системѣ правительственные республиканцы искали поддержки у консерваторовъ противъ радикаловъ; это была «политика умиротворенія», названная такъ потому, что она предполагала прекращеніе борьбы съ консерваторами и духовенствомъ. Она была испробована министерствомъ Рувье и покинута послѣ отставки Греви.

Министерство концентраціи потребовало изгнанія претендентовъ; палата депутатовъ отвергла это требованіе въ 1883 г., но вотировала его въ 1886 г., имѣя въ виду примѣнить законъ къ графу Парижскому, котораго обвиняли въ томъ, что при празднованіи свадьбы своей дочери онъ держалъ себя, какъ монархъ.

Министерства, занятыя исключительно тѣмъ, чтобы удержаться у власти, отказались отъ всякихъ положительныхъ политическихъ реформъ; ихъ программа ограничивалась приведеніемъ къ окончанію колоніальныхъ предпріятій (кредиты на Тонкинъ были вотированы большинствомъ только нѣсколькихъ голосовъ) и возстановленіемъ равновѣсія въ бюджетѣ. Палата депутатовъ свергла министерство Гоблэ за то, что оно не представило достаточныхъ сбереженій (1887 г.).

Буланжистское движеніе (1877—89 г.).— Радикалы соединились противъ Ферри съ партизанами войны, *патріотами*, недовольными колоніальными экспедиціями, отвлекавшими Францію отъ войны съ цѣлью отмщенія Германіи. Они пригласили въ министерство генерала Буланже, который, сдѣлавшись военнымъ министромъ, прославился своими демократическими и республиканскими заявленіями. Вернувшись къ власти, оппортунистская партія (май 1886 г.) удалила изъ министерства генерала Буланже; радикалы поддерживали его. Его имя пріобрѣло такую извѣстность, что около него образовалась его личная партія; ядро ея состояло изъ *Лиги патріотовъ* и небольшой группы радикальныхъ депутатовъ.

Въ это время разразился скандалъ по дѣлу о раздачѣ орденовъ; обвиняли Вильсона, зятя Греви, въ томъ, что онъ продавалъ ихъ. Греви защищалъ своего зятя. Палата депутатовъ вотировала противъ министерства и потребовала отставки президента республики. Греви попытался образовать радикальное министерство, но никто не хотѣлъ составить министерство съ генераломъ Буланже и никто не рѣшался составить его безъ генерала Буланже. Не находя министровъ, Греви рѣшился подать въ отставку (дек. 1887 г.). Партія оппортунистовъ, обладавшая большинствомъ на конгрессѣ, благодаря сенату, хотѣла избрать въ президенты республики Ферри; муниципальный совѣтъ Парижа объявилъ, что въ случаѣ его избранія онъ не отвѣчаетъ за порядокъ. Консерваторы, враждебные Ферри, такъ какъ они еще не забыли седьмой статьи его закона о высшемъ образованіи, перенесли свои голоса на генерала Соссье; Ферри не получилъ абсолютнаго большинства при первомъ голосованіи, а при второмъ радикалы провели умѣреннаго республиканца Карно.

Министры Карно, Тираръ и затѣмъ Флокэ, снова прибѣгли къ политикѣ республиканской концентраціи; но имъ приходилось бороться съ новой партіей Буланже.

Буланжистская партія нападала не только на оппортунистовъ; она порвала также съ радикалами и хотѣла уничтоженія самой парламентарной системы, обвиняя ее въ подкупности и безсиліи. У этой партіи не было положительной программы; ея программа резюмировалась въ деклараціи Буланже слѣдующими словами: *Распущеніе, пересмотръ, учредительное собраніе.* Это значило—распустить палату депутатовъ и затѣмъ избрать учредительное собраніе, которое выработало-бы республиканскую, но не парламентарную конституцію, съ одной палатой и независимой отъ нея исполнительной властью (очень приближающуюся къ конституціи 1848 г.). Прежде всего надо было доставить власть генералу Буланже; все остальное явилось-бы само собою. Партія обращалась ко всѣмъ французамъ-патріотамъ, не исключая консерваторовъ и католиковъ, приглашая ихъ основать «открытую для всѣхъ республику». Оффиціально партія называла себя *ревизіонистской* или *національной*. Она приняла новую тактику, основанную на выборахъ по спискамъ: во всѣхъ департаментахъ, которымъ предстояло избрать новаго депутата, партія выставляла кандидатуру генерала Буланже и такимъ образомъ устраивала для его имени маленькій плебисцитъ. Это было начато въ февралѣ 1888 г. безъ опредѣленнаго плана, но затѣмъ продолжалось систематически.

Консервативная католическая партія, до тѣхъ поръ враждебная Буланже за его радикальныя заявленія, присоединилась къ ревизіонистской партіи, чтобы ниспровергнуть конституцію; она пользовалась Буланже, чтобы «пробить брешь въ республикѣ». Избирательная кампанія, руководимая *республиканскимъ національнымъ комитетомъ* на деньги консерваторовъ (графа Парижскаго и герцогини д'Юзесъ), велась такими пріемами, которые напоминали коммерческіе рекламы: расклеивались массы афишъ, раздавались портреты и біографіи генерала Буланже, на улицахъ пѣлись пѣсни въ честь генерала; нанимались люди, кричавшіе: «Да здравствуетъ генералъ Буланже!».

Въ виду этой коалиціи, всѣ фракціи республиканской партіи, включая и соціалистическую, соединились, чтобы бороться противъ «личной власти», диктатуры. Когда Буланже появился въ палатѣ, его встрѣтили очень дурно; тогда, отказавшись отъ парламентской почвы, онъ началъ дѣйствовать исключительно путемъ выборной агитаціи. Онъ не имѣлъ никакого успѣха въ департаментахъ восточныхъ и южныхъ, бывшихъ съ давнихъ поръ республиканскими, но его выбрали значительнымъ большинствомъ въ консервативныхъ или сомнительныхъ департаментахъ сѣвера и центра. Онъ былъ избранъ 242.000 голосовъ противъ 165.000 въ Парижѣ, гдѣ радикальные избиратели вотировали за него изъ враждебнаго отношенія къ правительству. Этотъ успѣхъ погубилъ его *). Его тактика была основана на системѣ выборовъ по списку, обращавшей, при извѣстныхъ условіяхъ, каждые частные выборы въ своего рода плебисцитъ и позволявшей на общихъ выборахъ его консервативнымъ избирателямъ вотировать вмѣстѣ съ радикальными; онъ могъ получить большинство въ новой палатѣ, только захвативши правительство врасплохъ, но онъ имѣлъ неосторожность предупредить своихъ противниковъ. Правда, голосованіе по списку было своего рода непреложнымъ догматомъ какъ для оппортунистовъ,

*) Я не касаюсь того, въ какой степени Буланже могъ разсчитывать на успѣхъ насильственнаго переворота въ Парижѣ, гдѣ полиція была, повидимому, на его сторонѣ. Эта попытка не была организована.

такъ и для радикаловъ; но республиканцы рѣшились пожертвовать имъ и, не смотря на консерваторовъ, желавшихъ тогда удержать его, они возстановили прежнюю систему выборовъ по округамъ, при которой каждый округъ голосовалъ одного депутата. Затѣмъ предосторожность довели до того, что запретили одному и тому же лицу выставлять кандидатуру болѣе чѣмъ въ одномъ избирательномъ округѣ.

Радикальная партія, обезсиленная отпаденіемъ буланжистовъ и воспоминаніями о ея союзѣ съ ними, должна была уступить власть оппортунистамъ, все время боровшимся съ Буланже. Министерство Флоке, оказавшееся въ меньшинствѣ по вопросу о пересмотрѣ, было замѣнено министерствомъ Тираръ-Констана (февраль 1889 г.), которое избавилось отъ генерала Буланже, заставивши палату депутатовъ вотировать преданіе его суду сената, превращеннаго въ верховный трибуналъ; Буланже бѣжалъ изъ Франціи и былъ осужденъ заочно за заговоръ противъ безопасности государства. Затѣмъ парижская всемірная выставка 1889 г. произвела затишье въ политической жизни.

На общихъ выборахъ (сентябрь — октябрь 1889 г.) борьба завязалась между союзомъ всѣхъ республиканскихъ фракцій — оппортунистовъ, радикаловъ, соціалистовъ — и коалиціей враговъ парламентской республики. Партія пересмотра хотѣла національной и радикальной республики; консервативныя партіи, поддерживаемыя духовенствомъ, почти открыто говорили о низверженіи республики. Парламентскіе республиканцы держались оборонительной и консервативной политики, защищая конституцію противъ ревизіонистовъ и монархистовъ, а школьные и военные законы—противъ католической партіи.

Парламентская республиканская коалиція состояла изъ 366 депутатовъ противъ 172 консерваторовъ и 38 приверженцевъ пересмотра. Консерваторы были выбраны сѣверомъ и западомъ; сторонники пересмотра—департаментомъ Сены и нѣсколькими отдѣльными округами. Коалиція распалась. Партія пересмотра, потерпѣвшая пораженіе на муниципальныхъ выборахъ Парижа, была окончательно дезорганизована самоубійствомъ генерала Буланже.

Преобразованіе крайнихъ партій.—Вся политика республиканскаго большинства, избраннаго въ 1889 г. и выставлявшаго на выборахъ чисто отрицательную программу, сводилась къ сохраненію школьныхъ и военныхъ законовъ, подвергавшихся нападкамъ правой, и къ успокоенію страны, утомленной политическою борьбою. За четыре года палата вотировала только нѣсколько законовъ по текущимъ дѣламъ и таможенный тарифъ, возстановлявшій протекціонную систему. Въ 1860 году Наполеонъ III положилъ начало системѣ торговыхъ трактатовъ, съ цѣлью перейти постепенно къ свободной торговлѣ; палата депутатовъ отказалась возобновить трактаты, которымъ истекли сроки, и вернулась къ системѣ автономнаго тарифа, при которой страна сохраняла за собою право повышать или понижать по своему усмотрѣнію таможенныя пошлины. Союзъ крупныхъ промышленниковъ и группы представителей сельскихъ хозяевъ, требовавшей охранительныхъ пошлинъ для хлѣба и скота, провелъ очень сложную систему таможенныхъ пошлинъ, иногда очень высокихъ, придававшихъ всему тарифу характеръ почти запретительнаго. Законъ установлялъ два тарифа: *максимальный*, примѣнявшійся къ продуктамъ странъ, не заключившихъ особаго договора съ Франціею, и *минимальный*, на который Франція согласилась въ силу особыхъ договоровъ. Въ дѣйствительности, почти всѣ страны добились минимальнаго тарифа, и даже, чтобы возобновить торговыя сношенія съ Швейцаріей, пришлось спуститься ниже этого минимума.

Борьба двухъ фракцій республиканской партіи, прервавшаяся ихъ оборонительнымъ союзомъ въ 1889 г., хотя и возобновилась, но не выступала наружу; оффиціальная политика попрежнему носила характеръ республиканской концентраціи. Въ дѣйствительности, правительственные республиканцы, называвшіеся такъ-же *умѣренными*, владѣли большинствомъ въ палатѣ депутатовъ; они составляли министерства и руководили правительствомъ. Радикалы, обратившіеся въ незначительную группу, сохраняли остатки своей программы, — пересмотръ, подоходный налогъ, отдѣленіе церкви отъ государства,—но не имѣли никакой надежды заставить палату вотировать хоть одно изъ этихъ требованій.

Но въ крайнихъ партіяхъ подготовлялись перемѣны. Во Франціи, послѣ возвращенія коммунаровъ, получившихъ амнистію въ 1879 году, снова образовалась небольшая рабочая соціалистическая партія; но она оставалась малочисленною сектою безъ политическаго вліянія и сверхъ того въ 1882 году раскололась на двѣ враждебныя фракціи. Группа марксистовъ, наименѣе многочисленная и вербовавшаяся преимущественно на сѣверѣ (Ж. Гедъ), держалась нѣмецкой программы, съ централистической организаціей, сосредоточенной въ комитетѣ изъ 5 членовъ. «Французская федерація рабочихъ соціалистовъ и революціонеровъ» заявляла, что «желаетъ добиваться своей цѣли по частямъ, чтобы сдѣлать движеніе ея *возможнымъ (possible)*»; она сохраняла федеративную организацію, признавая за каждой областной федераціей право на самоуправленіе. Эта фракція, прозванная ея противниками *поссибилистской*, сама раскололась по вопросу объ организаціи и тактикѣ на двѣ враждебныя группы (1890 г.), которыя называются по именамъ своихъ вождей: партія Брусса признаетъ союзъ съ радикалами

и автономію группъ; партія Аллемана требуетъ, чтобы федерація управлялась центральнымъ органомъ, и заявляетъ, что она смотритъ на выборы, только какъ на агитаціонное средство. Остатки революціонеровъ-бланкистовъ образовали еще одну фракцію, такъ что получилось по крайней мѣрѣ четыре соціалистическихъ партіи. Ихъ дѣятельность все еще ограничивалась пропагандой среди рабочихъ большихъ городовъ и углекоповъ; а ихъ главныя усилія были направлены на муниципальные выборы Парижа. Въ палатѣ маленькая группа, носившая названіе *рабочей партіи*, сводилась къ нѣсколькимъ депутатамъ безъ опредѣленной программы. Въ 1893 г., въ виду общихъ выборовъ, всѣ соціалистическія фракціи вступили въ союзъ и образовали одну «лигу революціоннаго дѣйствія для основанія соціальной республики»; въ нее вошли не только всѣ соціалисты, строго придерживавшіеся соціалистической доктрины, но также и всѣ недовольные радикалы, составлявшіе большинство партіи пересмотра. Чтобы привлечь на свою сторону крестьянъ, соціалистическій конгрессъ 1892 г. принялъ программу аграрныхъ реформъ, причемъ партія отказалась требовать уничтоженія въ ближайшемъ будущемъ мелкой земельной собственности.

Въ то же время произошло распаденіе консервативной партіи. Графъ Парижскій, несмотря на противодѣйствіе старыхъ орлеанистовъ, заявилъ требованіе о пересмотрѣ конституціи (1888 г.) и принялъ тактику «параллельнаго дѣйствія» съ партіей Буланже. Покинувши почву традиціонныхъ королевскихъ правъ, онъ заявилъ, что монархія должна быть возстановлена путемъ прямого обращенія къ народу; но это былъ основной принципъ бонапартистской партіи. Съ тѣхъ поръ всѣ монархическія фракціи примкнули къ революціонному принципу народнаго суверенитета. Эта перемѣна вызвала недовольство въ старыхъ легитимистахъ и орлеанистахъ; но ихъ смѣнило новое поколѣніе консерваторовъ.

Большинство консервативной партіи, упавшей духомъ послѣ пораженія 1889 г., отказалось отъ возстановленія монархіи и вернулось къ политикѣ конституціонной оппозиціи, провозглашенной въ 1885 г.; оно перестало нападать на самую форму правленія, хотя все еще избѣгало открыто признавать республику; оно боролось только съ республиканскимъ составомъ правительства и его политикою. Одна изъ фракцій этой партіи въ концѣ-концовъ приняла другую тактику: она оффиціально присоединилась къ республикѣ, чтобы имѣть возможность дѣйствовать на республиканскихъ избирателей. Это присоединеніе было ускорено папой, совѣтовавшимъ католикамъ окончательно признать республику, чтобы попытаться руководить ею въ интересахъ религіи. Эта политика, оффиціально изложенная въ 1892 г., резюмируется въ словахъ, сказанныхъ, какъ говорятъ, Львомъ XIII въ одной частной бесѣдѣ: «принять конституцію, чтобы измѣнить законодательство» (дѣло идетъ главнымъ образомъ объ отмѣнѣ школьныхъ и военныхъ законовъ). Такъ образовалась, путемъ расчлененія консервативной партіи, католическая партія *присоединившихся* (*ralliés*).

Эта эволюція возродила мысль о «политикѣ умиротворенія», т. е. о примиреніи между консервативной правой и республиканскимъ центромъ. Въ 1893 г., передъ общими выборами, умѣренная партія намекала на сближеніе съ *присоединившимися* и заявила себя непримиримымъ врагомъ соціалистовъ, закрывши парижскую Биржу Труда. Примиреніе могло легко произойти на парламентской почвѣ: правая, примирившись со школьными и военными законами, требовала только консервативной политики; многіе изъ ея кандидатовъ называли себя *либералами* (это названіе стало синонимомъ консерватора-католика). Но союзу трудно было состояться на почвѣ выборовъ, такъ какъ республиканскіе избиратели оставались враждебными старому персоналу консерваторовъ, боровшихся въ 1889 г. съ республикой.

Чтобы подготовить избирательную кампанію 1893 г., консерваторы подняли панамское дѣло, которое, будучи чрезмѣрно раздуто прессою, послужило поводомъ къ доносамъ, страстной полемикѣ, процессамъ по диффамаціи и судебнымъ преслѣдованіямъ. Въ результатѣ были скомпрометтированы вожди обѣихъ республиканскихъ партій, умѣренной и радикальной, подозрѣваемые или въ участіи въ финансовыхъ предпріятіяхъ, или въ непреслѣдованіи виновныхъ. Старый персоналъ сошелъ со сцены и былъ смѣненъ новымъ поколѣніемъ.

Новая группировка партій.—Всѣ эти перемѣны обнаружились въ палатѣ, избранной въ 1893 г. Въ ней оказалось около половины новыхъ депутатовъ. Козни правой не увѣнчались успѣхомъ: только около тридцати *присоединившихся* прошло на выборахъ, а неприсоединившихся консерваторовъ осталось только 60; прежняя правая съ 170 членовъ упала до 93. Республиканское большинство попрежнему было раздѣлено на двѣ фракціи: умѣренныхъ и радикаловъ; радикальная партія возросла съ 120 на 155 членовъ. Въ крайнюю лѣвую, соціалистическій союзъ, привлекши на свою сторону избирателей прежней партіи пересмотра, провелъ 55 радикаловъ-соціалистовъ. Въ первый разъ составилась парламентская соціалистическая партія, достаточно многочисленная, чтобы имѣть вліяніе на политику. Въ общемъ произошло передвиженіе въ сторону лѣвой.

Такъ какъ консерваторы покинули поле битвы, то республиканская партія опять могла выби-

рать одно изъ двухъ рѣшеній: *концентрацію*, т. е. союзъ двухъ центровъ (умѣренныхъ и радикаловъ) противъ крайнихъ партій (консерваторовъ и соціалистовъ), или же *однородное министерство*, т. е. правительство одной изъ республиканскихъ фракцій центра. *Концентрація* обезпечила громадное большинство, но она предполагала пассивную политику, такъ какъ умѣренная партія уже исчерпала всю свою программу преобразованій и не признавала ни одной части радикальной программы. *Однороднаго* министерства требовали теоретики умѣренной партіи, какъ согласнаго съ ученіемъ о парламентарномъ правительствѣ; но такое министерство могло быть только умѣреннымъ, да и то еще оставалось сомнительнымъ, могло-ли бы оно найти большинство безъ поддержки части правой,—что заставило бы его потерять однородный характеръ и было бы возвратомъ къ политикѣ умиротворенія, сдѣлавшейся затруднительной послѣ выборовъ 1893 г.

Оффиціально политика всѣхъ министровъ за періодъ отъ 1889 до 1895 г. была основана на концентраціи, т. е. на поддержкѣ всѣхъ *умѣренныхъ*, составлявшихъ большинство палаты; это была политика охраненія, сопровождаемая демократическими заявленіями. Затѣмъ нормальная политическая жизнь была прервана рядомъ анархическихъ покушеній. Анархисты не составляли правильной партіи; они были немногочисленны и по принципу воздерживались отъ всякаго участія въ парламентской дѣятельности, отказываясь формулировать положительную программу; они говорили, что желаютъ освободить личность, разрушивши общество. Но, усвоивши пріемы русскихъ террористовъ, главнымъ образомъ покушенія путемъ взрывовъ, они придали себѣ значеніе совершенно непропорціональное ихъ дѣйствительной силѣ. «Пропаганда фактомъ», уже испробованная въ 1892 году, пріобрѣла политическое значеніе, когда анархисты стали нападать на государственныя власти, на палату депутатовъ, потомъ на президента. Публичныя власти оградили себя двумя серіями исключительныхъ законовъ: первая была вотирована послѣ взрыва въ палатѣ депутатовъ (дек. 1893 г.), вторая—послѣ убійства Карно (іюнь 1894 г.); эти законы повели къ быстрому исчезновенію анархическихъ газетъ, прекращенію пропаганды и покушеній. Но въ періодъ этого кризиса *концентрація* распалась; радикальная партія вела борьбу противъ умѣреннаго министерства, съ цѣлью ограничить значеніе и продолжительность исключительныхъ законовъ; она упрекала его въ желаніи смѣшивать при примѣненіи исключительныхъ мѣръ соціалистовъ съ анархистами. При выборѣ президента республики каждая изъ двухъ партій выставила своего кандидата. Кандидатъ умѣренныхъ, Казиміръ Перье, побѣдилъ значительнымъ большинствомъ радикала Бриссона; за него подали голоса почти всѣ сенаторы.

Между соціалистами и новымъ президентомъ, который по своему богатству и имени казался какъ бы олицетвореніемъ господства буржуазіи, завязалась личная борьба. Въ палатѣ депутатовъ, внѣ двухъ партій, *умѣренной* и *радикальной*, вступившихъ въ открытую борьбу между собой, образовалась неустойчивая группа изъ сотни депутатовъ, склонныхъ вотировать за каждое министерство, но избѣгавшихъ не понравиться своимъ избирателямъ какимъ-либо непопулярнымъ вотумомъ; ея голосовъ было достаточно, чтобы перемѣстить большинство. Эта колеблющаяся группа оставила въ меньшинствѣ три умѣренныя министерства (Казимира Перье, Дюпюи, Рибо) по вопросамъ о желѣзнодорожныхъ компаніяхъ.—При паденіи второго изъ этихъ министерствъ (янв. 1895 г.), Казиміръ Перье отказался отъ должности президента республики. Его замѣнилъ кандидатъ коалиціи умѣренныхъ и правой Феликсъ Форъ, но меньшинство, голосовавшее за Бриссона, увеличилось, а кандидатъ, представлявшій собою политику борьбы съ радикалами (Вальдекъ Руссо), былъ отстраненъ.—Третье министерство (Рибо) вернулось къ *концентраціи*, заставило палату вотировать амнистію, съ цѣлью изгладить воспоминаніе о борьбѣ противъ соціалистовъ, и даже, въ первый разъ, внесло проектъ податной реформы, основанной на радикальномъ принципѣ прогрессивнаго обложенія (прогрессивный налогъ на наслѣдства). Колеблющаяся группа примкнула къ радикальной партіи, благодаря чему президентомъ палаты былъ избранъ радикалъ Бриссонъ.

Послѣ паденія третьяго умѣреннаго министерства, во главѣ кабинета впервые сталъ радикалъ, Леонъ Буржуа. Онъ хотѣлъ составить министерство концентраціи, но съ программой реформъ; не будучи въ состояніи найти товарищей среди умѣренныхъ, онъ въ концѣ концовъ образовалъ *однородное* министерство, но радикальное. Изъ старой радикальной программы онъ удержалъ только прогрессивный налогъ на доходъ, присоединивши къ нему рядъ демократическихъ экономическихъ реформъ. Онъ обѣщалъ также пролить свѣтъ на финансовыя дѣла, въ недобросовѣстномъ веденіи которыхъ общество подозрѣвало прежній составъ умѣреннаго правительства.

Эта программа вызвала новую группировку партій въ сторону крайнихъ фракцій. *Умѣренная*, присоединившись къ правой для борьбы противъ подоходнаго налога, образовала партію охраненія общества, опиравшуюся на буржуазію, духовенство и чиновниковъ. Радикальная партія, соединившись съ соціалистической, составила партію соціальныхъ реформъ, обращающуюся къ массѣ избирателей. Это дѣленіе не-

совсѣмъ совпадаетъ съ областнымъ; но консерваторы все-таки господствуютъ на западѣ, а радикалы—на югѣ.

Привлекши на свою сторону массу колеблющихся депутатовъ, радикальная партія доставила министерству большинство въ палатѣ, чтобы вотировать въ принципѣ подоходный налогъ. Сенатъ, своими нападеніями на министерство, вызвалъ столкновеніе между двумя палатами, которое снова выдвинуло вопросъ о пересмотрѣ. Путемъ отказа въ кредитѣ для Мадагаскара, сенатъ добился отставки министерства Буржуа и составленія *однороднаго* умѣреннаго министерства (апрѣль 1896 г.), которое располагаетъ большинствомъ, благодаря поддержкѣ правой, хотя оффиціально не заявляетъ себя сторонникомъ политики умиротворенія. Обѣ партіи остаются безъ прочнаго большинства въ палатѣ депутатовъ. Но, благодаря совершенно новому для Франціи явленію, въ обѣихъ партіяхъ политикою руководятъ центры. Правая отказалась временно отъ борьбы съ законами, неблагопріятными для духовенства, и требуетъ только охраненія существующаго соціальнаго порядка; соціалистическая партія измѣнила свою доктринерскую и революціонную политику; она согласилась помогать радикальной партіи добиться частичныхъ соціальныхъ преобразованій и дѣйствовать законнымъ путемъ пересмотра конституціи. Въ первый разъ послѣ 1814 г. во Франціи существуютъ только конституціонныя партіи.

Политическая эволюція Франціи въ XIX вѣкѣ.—На первый взглядъ политическая исторія Франціи за послѣднія сто лѣтъ кажется рядомъ не связанныхъ одна съ другою революцій; этимъ объясняется общераспространенное мнѣніе за-границей, что французы—капризный народъ въ политикѣ и не знаютъ сами, чего они хотятъ. Совершенно такъ-же отзывались объ англичанахъ въ концѣ XVII вѣка *).

Есть однако точка зрѣнія, съ которой эти необъяснимыя революціи принимаютъ видъ очень понятной эволюціи. Въ концѣ XVIII вѣка французская нація была хотя еще монархической, но уже демократической и свѣтской, по крайней мѣрѣ въ городахъ и провинціяхъ востока и юга, гдѣ общество дѣйствительно болѣе демократично, гдѣ крестьяне-собственники болѣе многочисленны, а крупные землевладѣльцы менѣе вліятельны. Отъ этой монархической и демократической массы въ 1792 г., вслѣдствіе борьбы противъ короля и двора, отдѣлилась небольшая революціонная партія, ставшая республиканской почти противъ собственнаго желанія,—партія очень малочисленная, но рѣшившаяся, въ случаѣ надобности, овладѣть властью насильственно.—Съ 1792 по 1870 г. эта республиканская партія четыре раза овладѣвала властью, всегда однимъ и тѣмъ же путемъ: захватомъ Парижа, гдѣ находилось правительство; но, будучи только меньшинствомъ, она не успѣвала утвердиться окончательно. Монархическое большинство давало возможность снова восторжествовать монархическому правительству, которое разсѣевало республиканцевъ. Такимъ образомъ за каждою республиканскою революціею слѣдовала монархическая реставрація, которая длилась до тѣхъ поръ, пока новое поколѣніе не доставляло новыхъ силъ старой республиканской группѣ, для того чтобы произвести новую революцію. Но каждая революція уносила съ собою часть стараго порядка, которая уже не могла быть возстановлена. Это повторялось четыре раза.

1) Революціонная партія овладѣла властью въ Парижѣ 10 августа 1792 г. и удерживала ее въ своихъ рукахъ до монархической имперіалистской реставраціи Бонапарта, который уничтожилъ остатки республиканцевъ, не возстановивши старой монархіи. — Реставрація 1814 г., вызванная случайностями внѣшней политики, не была полною реставраціей. Она сохранила демократическій общественный строй, созданный революціей, и централистическую административную организацію, оставленную Наполеономъ. Это демократическое общество и эту бюрократическую администрацію она увѣнчала монархическою политическою системою, заимствованною у Англіи.

Революція ста дней была неудавшеюся попыткой, послѣднимъ эпизодомъ борьбы Наполеона съ Европой, первою изъ военныхъ революцій, которыя слѣдовали за общимъ умиротвореніемъ 1814 г. Однако она имѣла вліяніе на политическую эволюцію, присоединивши къ остаткамъ революціонной партіи недовольныхъ изъ партіи имперіалистовъ.

2) Небольшая республиканская партія, навербованная въ новомъ поколѣніи, но воспитанная въ традиціяхъ 1793 г., произвела въ Парижѣ революцію 1830 г.; слишкомъ слабая, чтобы заставить всю Францію признать ее, она уступила власть либеральной монархической партіи, создавшей іюльскую монархію. Она пыталась снова овладѣть ею путемъ вооруженныхъ возстаній въ Парижѣ (отъ 1831 до 1834 г.). Опиравшееся на большинство правительство устояло и путемъ вооруженной борьбы, судебныхъ преслѣдованій и законовъ дезорганизовало республиканскую партію.—Но тѣмъ не менѣе іюльская монархія осталась революціонною, основанной оффиціально на принципѣ народнаго суверенитета и скомпрометтированной трехцвѣтнымъ знаменемъ, символомъ революціи.

3) Въ слѣдующемъ поколѣніи, республикан-

*) Нація, «легкомыслію» которой извѣстно; она часто мѣняетъ идеи, говорилъ Торси.

ская партія, состоявшая всего изъ нѣсколькихъ тайныхъ обществъ, усилилась соціалистами-рабочими и произвела въ Парижѣ революцію 1848 г., которую навязала всей Франціи. На этотъ разъ она учредила «демократическую и соціальную республику». Но она не могла держаться у власти; громадное большинство націи было противъ нея. Республиканское Національное Собраніе 1848 г. вытѣснило ее изъ правительства, а когда она попыталась вернуться къ власти насильственно, оно истребило ее (іюньскіе дни). Возродившись въ формѣ демократической партіи, она потерпѣла пораженіе отъ монархическаго Національнаго Собранія 1849 г., а въ тотъ моментъ, когда она начала овладѣвать демократическими областями востока и юга, она была дезорганизована государственнымъ переворотомъ и ссылками 1851 г. — Наполеонъ III возстановилъ порядокъ, монархическій по своимъ пріемамъ, но еще болѣе революціонный по своему принципу, чѣмъ предыдущая монархія: онъ удержалъ отъ революціи 1848 г. не только *учредительную власть* народа, но и *всеобщую подачу голосовъ*, основу новаго демократическаго строя.

4) Республиканская партія, возродившаяся послѣ амнистіи 1859 г., вербовалась въ новомъ поколѣніи и еще до паденія второй имперіи въ большихъ городахъ и во всѣхъ демократическихъ областяхъ стала достаточно многочисленной, чтобы начать борьбу на избирательной почвѣ. Эта партія произвела революцію 1870 г. (вызванную, подобно революціи 1792 г., случайностями международной политики).

Но старыя роялистскія партіи, благодаря разстройству, произведенному войной, получили случайное большинство въ верховномъ національномъ собраніи, къ которому перешла власть въ 1871 г. Республиканская партія раскололась на-двое. Парижская революціонная соціалистическая партія попыталась овладѣть властью старымъ республиканскимъ пріемомъ,—путемъ возстанія въ Парижѣ; она создала коммуну и была истреблена. Франція настолько развилась политически, что не признавала болѣе парижскихъ революцій. Мирная провинціальная республиканская партія поддержала законное правительство и съ 1871 г. привлекла на свою сторону большинство избирателей.

За республиканской революціей еще разъ послѣдовала монархическая реакція, чуть не окончившаяся монархической реставраціей; республика была спасена революціоннымъ символомъ, трехцвѣтнымъ знаменемъ, до такой степени обратившимся въ національный символъ, что ни одна изъ роялистическихъ фракцій не рѣшилась пожертвовать имъ. Республиканская партія, путемъ соглашенія съ недовольными элементами роялистовъ, добилась, наконецъ, республиканской конституціи, парламентарной, какъ іюльская монархія, и демократической, какъ французское общество.

Мало-по-малу монархическія поколѣнія сходили со сцены и были замѣнены республиканскими. Съ 1869 г. республиканская партія преобладала въ городахъ; въ 1876 г. она окончательно овладѣла восточными и южными областями, которыя обезпечивали ей большинство, а слѣдовательно и власть; отнынѣ не стало болѣе причинъ для революціи; достаточно было поддерживать законный порядокъ, чтобы постепенно овладѣть западомъ и сѣверомъ. Революціи прекратились, когда единственная организованная партія, которая могла бы ихъ производить,—республиканская, не видѣла болѣе въ нихъ надобности.

Политическая эволюція XIX вѣка представляла собою рядъ восходящихъ и нисходящихъ движеній, направленныхъ въ сторону республики; эта эволюція сводится къ завоеванію Франціи путемъ повторявшихся насильственныхъ переворотовъ, произведенныхъ демократическою республиканскою партіею и ея пропагандою, становившеюся все болѣе и болѣе дѣйствительною.

Но вліяніе революціи распространялось только на механизмъ центральнаго правительства и на обладаніе властью. Общественный строй и административный механизмъ оставались внѣ этой борьбы.

Свѣтская и демократическая общественная организація, созданная революціей, была признана республиканской партіей и настолько популярна, что не подвергалась никакимъ посягательствамъ. Монархическія правительства пытались косвенно поднять значеніе крупныхъ землевладѣльцевъ и богатой буржуазіи или духовенства; но они не затронули ни одного изъ устоевъ соціальнаго строя: мелкаго землевладѣнія, равнаго раздѣла наслѣдствъ, гражданскаго равенства, доступа къ должностямъ безъ различія происхожденія, свѣтскаго характера всѣхъ общественныхъ властей. Франція сохранила соціальный строй первой революціи.

Административный механизмъ первой имперіи, централистическій и бюрократическій, также остался почти неприкосновеннымъ. Всѣ партіи объявляли его тираническимъ, пока находились въ оппозиціи, но, достигнувъ власти, сохраняли его, какъ правительственное орудіе. Франція удерживаетъ еще отъ стараго императорскаго режима:

— центральную администрацію съ ея министерствами; департаментскую администрацію съ ея префектами и супрефектами; административный надзоръ надъ общинами;

— судебную организацію съ несмѣняемыми судьями; съ прокурорскимъ надзоромъ, назначаемымъ правительствомъ; со старымъ гражданскимъ судопроизводствомъ, исполненнымъ фор-

мализма, и съ тайнымъ, инквизиціоннымъ предварительнымъ слѣдствіемъ по уголовнымъ дѣламъ, съ гражданскимъ кодексомъ 1800 г., съ очень небольшими измѣненіями (законъ о разводѣ былъ только возстановленіемъ порядка, ниспровергнутаго реакціей 1815 г.), съ продажею должностей нотаріусовъ, секретарей (avoués, greffiers) и судебныхъ приставовъ;

— административные суды: совѣты префектуры и государственный совѣтъ, подвергавшіеся горячимъ нападеніямъ со стороны либераловъ въ правленіе Наполеона III, а потомъ принятые ими вмѣстѣ съ знаменитой статьей 75 конституціи VIII года республики.

— церковную организацію, установленную конкордатомъ и органическими статьями; орденъ Почетнаго Легіона съ его титулами, заимствованными изъ дворянскихъ орденовъ;

— прежнюю организацію вѣдомства народнаго просвѣщенія: ректоры, инспекторы, лицеи съ военной дисциплиной, нормальную школу, систему экзаменовъ и конкурсовъ;

— податную систему съ прямыми обложеніями и косвенными налогами, взимаемыми чиновниками, съ монополіями и внутренними заставами, съ составомъ служащихъ, раздѣленныхъ на особыя вѣдомства (было создано нѣсколько новыхъ налоговъ, возвышены старые, сдѣланы займы съ цѣлью увеличить источники доходовъ; но не измѣнены ни система обложенія, ни способъ взиманія);

— таможенную систему, введенную съ цѣлью оградить фабрикантовъ ткацкихъ и желѣзныхъ издѣлій почти запретительными пошлинами; эта система, поколебленная Наполеономъ III, оспариваемая земледѣльческими областями юга и портовыми коммерсантами, почти вполнѣ возстановлена послѣ 1871 г.

Въ старомъ императорскомъ режимѣ, втеченіе цѣлаго столѣтія, было произведено только четыре важныхъ измѣненія:

1) муниципальныя власти сдѣлались избираемыми; это создало мѣстную политическую жизнь и положило начало самоуправленію; согласно старому аристократическому принципу, эти должности остались безплатными; но къ нимъ стремятся потому, что онѣ даютъ доступъ къ платнымъ политическимъ избирательнымъ должностямъ съ установленнымъ денежнымъ вознагражденіемъ;

2) военная организація преобразована по образцу прусской, со всеобщей и краткосрочной воинской повинностью и уничтоженіемъ національной гвардіи (съ сохраненіемъ старыхъ военныхъ школъ);

3) народное просвѣщеніе преобразовано допущеніемъ (съ 1850 г.) мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, руководимыхъ духовенствомъ,— наряду съ государственными; измѣненіемъ высшаго образованія по образцу нѣмецкихъ университетовъ; введеніемъ дарового и обязательнаго свѣтскаго первоначальнаго обученія и обученія дѣвочекъ (и то, и другое — по образцу Германіи), — что повело за собою созданіе свѣтскаго учительскаго персонала для замѣны прежняго, поставлявшагося мужскими и женскими монастырями;

4) положеніе рабочихъ измѣнено свободою ассоціацій и устройствомъ синдикатовъ по образцу англійскихъ ремесленныхъ союзовъ.

За исключеніемъ обращенія мэровъ и мѣстныхъ совѣтовъ въ выборныя власти—что было примѣненіемъ новой демократической политики—всѣ эти перемѣны состояли въ перенесеніи во Францію иностранныхъ учрежденій.

Такимъ образомъ Франціей *правитъ* политическій персоналъ, получающій свои полномочія на основаніи демократическаго принципа избранія; всѣ ея политическіе вожди—депутаты, непосредственные уполномоченные избирателей, сенаторы и министры—косвенные уполномоченные,—подчинены контролю печати и общественнаго мнѣнія. *Управляется* же Франція бюрократическимъ персоналомъ, раздѣленнымъ на спеціальныя вѣдомства и организованнымъ по іерархической системѣ; ея администрація состоитъ изъ чиновниковъ, назначающихъ и контролирующихъ другъ друга, подчиненныхъ административнымъ распоряженіямъ или особымъ обычаямъ и независимымъ отъ общественнаго мнѣнія.

Эти два персонала, полномочія которыхъ основаны на двухъ противоположныхъ принципахъ, стремятся къ осуществленію двухъ противоположныхъ представленій о правительствѣ. Политическій персоналъ, пользующійся властью, довѣренною ему снизу и временно, стремится главнымъ образомъ удовлетворить *избирателей*, отъ которыхъ онъ зависитъ, и подчиняется мнѣнію большинства. Чиновники, осуществляющіе власть, переданную имъ сверху и практически пожизненно, склонны видѣть въ гражданахъ *управляемыхъ*, которыхъ необходимо держать въ должномъ подчиненіи административнымъ распоряженіямъ и власти.

Монархическія правительства предупреждали столкновенія между этими двумя персоналами, давая преобладающее значеніе администраціи; при демократическомъ строѣ эти столкновенія сдѣлались постоянными. Избираемый персоналъ, ставши верховнымъ правителемъ, уже не довольствуется возможностью косвеннаго контроля надъ чиновниками черезъ посредство бюджета и косвеннымъ господствомъ черезъ посредство законовъ; отвлеченный суверенитетъ законодательной власти не удовлетворяетъ его болѣе. Онъ хочетъ осуществлять вмѣстѣ съ чиновниками практическій суверенитетъ, т. е. исполнительную власть. Палата депутатовъ установила свое владычество надъ чиновниками черезъ посредство

министровъ, ея косвенныхъ уполномоченныхъ, которые, дѣлаясь оффиціальными начальниками разныхъ вѣдомствъ, являются наслѣдниками той безусловной власти надъ всей подчиненной имъ іерархіей, которая принадлежитъ министрамъ монархическихъ правительствъ. А такъ какъ министры, разъ они сами становятся членами іерархіи, склонны защищать интересы своихъ подчиненныхъ и усваивать традиціи самовластія, то палата депутатовъ держитъ ихъ въ своей зависимости бюджетной комиссіей и интерпелляціями. Вслѣдствіе этого право интерпелляцій сдѣлалось господствующею чертою французской парламентской системы. Депутаты, какъ единственные прямые представители гражданъ, становятся, въ силу логическихъ послѣдствій демократическаго принципа, руководителями и защитниками населенія; они лично входятъ въ соприкосновеніе съ министрами и чиновниками, чтобы ускорить исполненіе текущихъ дѣлъ, задерживаемыхъ канцелярскими проволочками, чтобы прекратить злоупотребленія властью, чтобы указать кандидатовъ на различныя должности, или даже съ цѣлью упрочить свое личное вліяніе или вліяніе своей партіи. Это называется «вмѣшательствомъ депутатовъ въ администрацію». Частыя интерпелляціи и вмѣшательство депутатовъ въ администрацію строго осуждаются всѣми теоретиками публичнаго права, какъ вторженіе законодательной власти въ область исполнительной, противное ученію о раздѣленіи властей; тѣмъ не менѣе это сдѣлалось основнымъ обычаемъ политической жизни во Франціи. Это—практическія средства, позволяющія совмѣстить двѣ противорѣчащія одна другой системы учрежденій: демократическій общественный строй и іерархическій административный порядокъ,—заставляя чиновниковъ подчиняться народнымъ представителямъ.

НИДЕРЛАНДЫ (Бельгія и Голландія).

ГЛАВА VIII.

Образованіе королевства Нидерландовъ.—Бельгійская оппозиція.—Революція 1830 г.—Основаніе Бельгійскаго королевства.—Конституція 1848 г.—Политическія партіи послѣ 1848 г.—Люксембургъ.—Возникновеніе партій.—Борьба между католиками и либералами.—Либеральная федерація.—Введеніе всеобщаго избирательнаго права.

Образованіе королевства Нидерландовъ.—Королевство Нидерландское образовалось изъ земель, завоеванныхъ Франціей и обращенныхъ во французскіе департаменты, а потомъ снова сдѣлавшихся независимыми въ 1814 году; это было соединеніе трехъ областей, которыя до завоеванія ихъ Франціей составляли отдѣльныя владѣнія: бывшихъ австрійскихъ Нидерландовъ, бывшаго архіепископства Люттихскаго и бывшихъ Соединенныхъ Провинцій.

Присоединеніе къ Франціи не прошло безслѣдно для этихъ странъ и повело къ глубокому ихъ преобразованію; оно расчистило почву, на которой должно было воздвигнуться политическое зданіе XIX вѣка. До революціи Нидерланды состояли изъ провинцій, очень неравныхъ по своему значенію и управлявшихся на основаніи старинныхъ и разнородныхъ обычаевъ; нѣкоторыя изъ этихъ провинцій были лишены политическихъ правъ (бельгійскія земли, завоеванныя Соединенными Провинціями); это было общество, раздѣленное на классы, неравноправные передъ закономъ; вся политическая власть сосредоточивалась въ рукахъ нѣсколькихъ родовъ или привилегированныхъ корпорацій при слабомъ центральномъ правительствѣ и отсутствіи свободы вѣроисповѣданія. Франція стерла съ лица земли всѣ эти привилегіи, всѣ обычаи, всѣ провинціальныя политическія корпораціи; вмѣсто этого она установила французскіе порядки, равенство гражданъ, равенство провинцій, дѣленіе на правильные департаменты, каждый изъ которыхъ получилъ законченную систему административныхъ учрежденій. Старый аристократическій строй былъ уничтоженъ; образовалось демократическое общество съ централизованнымъ управленіемъ. Это новое общество и создало Нидерланды XIX вѣка.

Французскій революціонный порядокъ окончательно установился въ Нидерландахъ; но французское владычество не пережило паденія Наполеона. Жители мало были огорчены этимъ, такъ какъ французское владычество для нихъ сводилось къ рекрутскимъ наборамъ, блокадѣ портовъ, къ смерти и разоренію. Лишь только удалились французскія войска, французская администрація пала. Движеніе началось съ прибытія союзныхъ войскъ въ Гагу. Нѣсколько членовъ прежняго голландскаго правительства образовали изъ себя временное правительство, призвали своего прежняго штатгальтера, Вильгельма, и созвали собраніе нотаблей для устройства страны. Глава временнаго правительства, Гогендорнъ, предложилъ возстановить старый порядокъ, т. е. конфедерацію провинцій, неравныхъ по своимъ правамъ; профессоръ Кемнеръ, хотя и врагъ французовъ, доказалъ, что этотъ порядокъ не былъ способенъ къ дальнѣйшему существованію; онъ убѣдилъ собраніе разорвать съ прошлымъ, признать дѣло революціи и основать новое единое королевство. Штатгальтеръ принялъ титулъ Вильгельма I, короля Нидерландовъ.

Такъ какъ бельгійскія провинціи и архіепископство Люттихское не имѣли законныхъ династій, то на нихъ смотрѣли, какъ на вакантныя владѣнія; Союзники, дружественно расположенные къ семейству Оранскихъ, отдали ихъ Нидерландскому королевству, чтобы усилить его и «сдѣлать способнымъ сопротивляться нападенію, пока державы не успѣютъ придти къ нему на помощь». Нидерландское королевство должно было служить оплотомъ противъ Франціи. Великія державы, особою статьею вѣнскаго трактата, объявили его нейтральнымъ и обязались поддерживать его нейтралитетъ. Нейтралитетъ Нидерландовъ сдѣлался и остается понынѣ принципомъ международнаго европейскаго права.

Бельгійская оппозиція.—Сліяніе голландскихъ и бельгійскихъ Нидерландовъ казалось комбинаціей выгодной для всѣхъ. Бельгія могла

доставлять земледѣльческіе и промышленные продукты; у Голландіи были свой флотъ и свои колоніи; обѣ страны дополняли одна другую. По крайней мѣрѣ половина бельгійцевъ говорила на фламандскомъ, т. е. на голландскомъ, языкѣ.

Трактатъ 1814 г. выговорилъ равное покровительство обоимъ вѣроисповѣданіямъ, представительство бельгійцевъ въ генеральныхъ штатахъ и выражался такимъ образомъ: «Союзъ долженъ быть тѣснымъ и полнымъ». Но это присоединеніе совершилось при такихъ условіяхъ, которыя сдѣлали его ненавистнымъ для бельгійцевъ.

Король обѣщалъ дать конституцію и поручилъ составленіе ея королевской комиссіи, засѣдавшей въ Голландіи. *Основной законъ* (таково было оффиціальное названіе конституціи) установлялъ конституціонную монархію Людовика XVIII и англійскихъ торіевъ. Король раздѣлялъ законодательную власть съ *Генеральными Штатами* и осуществлялъ исполнительную власть черезъ министровъ; ему принадлежало также право войны и мира. Но министры, назначавшіеся и увольнявшіеся королемъ, не были отвѣтственными передъ палатами. Генеральные штаты обладали только очень ограниченною законодательною иниціативою и вовсе не имѣли права вносить поправки къ обсуждаемымъ законопроектамъ. Изъ двухъ, верхняя назначалась королемъ; вторая палата, единственная выборная, избиралась провинціальными совѣтами, т. е. путемъ трехстепенныхъ выборовъ, обусловленныхъ цензомъ. Административная система осталась французская; администрація состояла изъ губернаторовъ провинцій и бургомистровъ общинъ; и тѣ, и другіе назначались королемъ; удержались также французскіе кодексы и французская организація судовъ; но присяжные были уничтожены *). Въ принципѣ признавалась также свобода личности, жилища и печати, но удерживались залоги и гербовый сборъ съ газетъ, и правительству предоставлялось право отмѣнять временно всѣ эти права.

Бельгійскіе либералы, проникнутые идеями Бенжамэна Констана, были недовольны этою конституціею. Они находили, что она создастъ призрачное представительство, подчиненное личной власти короля, и призрачныя вольности, зависящія отъ усмотрѣнія администраціи.

Конституція признавала принципъ свободы вѣроисповѣданій и печати; это не нравилось бельгійскимъ католикамъ. Бельгійскіе епископы оффиціально отвергли конституцію (1815 г.) и запретили своимъ прихожанамъ присягать ей. «Мы сочли нужнымъ объявить, писали они въ своемъ «*учительскомъ посланіи*», что никто изъ принадлежащихъ къ нашимъ епархіямъ не можетъ, не впадая въ тяжкое преступленіе, приносить различныя присяги, требуемыя конституціей». Къ числу ея статей, «противныхъ духу и канонамъ католической церкви», это епископское посланіе относитъ свободу религіозныхъ мнѣній, гражданскую и политическую равноправность, публичное отправленіе богослуженій всѣхъ вѣроисповѣданій, свободу печати. «Развѣ присягать въ обязанности поддерживать свободу религіозныхъ мнѣній и равное покровительство всѣмъ вѣроисповѣданіямъ не значитъ присягать въ обязанности отстаивать и защищать заблужденіе, какъ истину, содѣйствовать торжеству антикатолическихъ ученій, сѣять, насколько это возможно, въ полѣ отца семейства плевелы и ядъ, которые должны заразить настоящія и будущія поколѣнія?.. Католическая церковь, всегда изгонявшая изъ своей среды заблужденіе и ересь, не могла бы считать своими истинными дѣтьми тѣхъ, кто осмѣлился бы присягнуть въ поддержаніи того, что она никогда не переставала осуждать. Это опасное новшество было введено въ первый разъ въ католической странѣ французскими революціонерами около двадцати пяти лѣтъ тому назадъ, и глава церкви тогда же торжественно осудилъ его. Давать присягу въ соблюденіи закона, признающаго всѣхъ подданныхъ короля, къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали, способными достигнуть всѣхъ званій и должностей, значило бы заранѣе оправдывать мѣры, имѣющія въ виду поручать протестантскимъ чиновникамъ охраненіе интересовъ нашей святой религіи въ католическихъ провинціяхъ...» Епископы указывали также на статью, «рѣшающую свободу печати и открывающую дверь нескончаемымъ неурядицамъ и цѣлому потоку антихристіанскихъ сочиненій». Епископъ Мехельнскій, авторъ *учительскаго посланія*, былъ преданъ суду и приговоренъ заочно къ ссылкѣ. Но бельгійское духовенство отказывало въ отпущеніи грѣховъ именитымъ гражданамъ, присягнувшимъ конституціи.

Эта конституція, неодобрявшаяся ни либералами, ни католиками, была введена въ дѣйствіе очень оскорбительнымъ для всѣхъ бельгійцевъ способомъ. Король созвалъ собраніе бельгійскихъ нотаблей (около 1,600), чтобы получить ихъ согласіе; собраніе высказалось противъ конституціи значительнымъ большинствомъ голосовъ. Тогда правительство объявило, что всѣ голоса, отвергнувшіе конституцію изъ-за религіозныхъ причинъ, должны быть вычеркнуты, и присоединило къ цифрѣ благопріятныхъ голосовъ голоса всѣхъ воздержавшихся отъ вотированія. Послѣ этого *основной законъ* Нидерландскаго королевства былъ провозглашенъ принятымъ.

Само правительство заслужило еще бо́льшую непопулярность среди бельгійцевъ, чѣмъ эта конституція. Резиденція центральнаго правительства

*) Они еще и до сихъ поръ не возстановлены въ Нидерландскомъ королевствѣ.

находилась въ Голландіи; почти всѣ члены правительства и почти всѣ чиновники были голландцы. Въ 1830 г. былъ всего одинъ бельгійскій министръ (изъ 7), 11 бельгійскихъ чиновниковъ (изъ 117) и 288 бельгійскихъ офицеровъ изъ 1,967. Въ Генеральные Штаты бельгійцы, при населеніи въ три съ половиною милліона, и голландцы, при населеніи въ два съ половиною милліона, посылали одно и то же число депутатовъ; правительству достаточно было привлечь на свою сторону нѣсколькихъ бельгійскихъ депутатовъ, чтобы получить голландское большинство. Всѣ общественныя учрежденія, банкъ, военныя школы находились въ Голландіи. Голландцы передали новому королевству свой прежній долгъ, очень большой, увеличившій податное бремя бельгійцевъ. Голландцы ввели свою систему налоговъ на муку (помолъ) и на мясо (за убой скота), очень непопулярныхъ въ Бельгіи. У бельгійцевъ получалось впечатлѣніе, что съ ними обращаются, какъ съ покореннымъ и эксплуатируемымъ народомъ.

Правительство повидимому стремилось къ полному сліянію бельгійцевъ съ голландскою націею и хотѣло заставить ихъ измѣнить свой языкъ. Съ 1819 г. знаніе голландскаго языка требовалось отъ всякаго, кто поступалъ на государственную службу; въ 1822 г. голландскій языкъ сдѣлался обязательнымъ, исключая валлонской области, для всѣхъ оффиціальныхъ и судебныхъ документовъ; между тѣмъ языкъ всего адвокатскаго сословія, даже въ фламандской провинціи, былъ французскій. Этою мѣрою правительство оттолкнуло отъ себя адвокатовъ. Оно сдѣлалось ненавистнымъ для журналистовъ, которыхъ преслѣдовало передъ исключительными судами. Оно довело до крайняго раздраженія духовенство, основавши въ Лувенѣ *философскій коллежъ* (1825 г.), гдѣ готовившіеся къ духовному званію должны были пройти двухлѣтній курсъ.

Нидерландское королевство не достигало того, о чемъ говорилось въ трактатѣ 1814 г.: «тѣснаго и полнаго объединенія».

Революція 1830 г.—Бельгійцы были недовольны, но у нихъ не было никакого практическаго средства освободиться отъ голландскаго владычества. Король былъ противъ нихъ, а король держалъ въ своихъ рукахъ правительственную власть. Въ Генеральныхъ Штатахъ голландцы, обладая половиною голосовъ, располагали большинствомъ, благодаря *оранжистскимъ* депутатамъ Антверпена и Гента. Даже среди самихъ бельгійцевъ не было единодушія; они дѣлились на *католиковъ*, приверженцевъ стараго порядка, и *либераловъ*, послѣдователей французской революціи. Въ 1827 г. казалось, что католики, удовлетворенные конкордатомъ, заключеннымъ между королемъ и папою, готовы присоединиться къ правительству.

Но нѣкоторые изъ политическихъ вождей католической партіи усвоили въ это время новое ученіе, внушенное имъ главнымъ образомъ сочиненіями Ламеннэ. Вмѣсто того чтобы отвергать свободу, согласно *учительскому посланію* епископовъ 1815 г., они требовали ея и считали необходимой для торжества католической истины. Эти *либеральные католики*, быть можетъ, не были особенно многочисленны, но они руководили партіей и настояли на совмѣстномъ дѣйствіи съ либералами.

Въ 1828 г. обѣ бельгійскія партіи, католическая и либеральная, заключили *союзъ* противъ общаго врага, голландскаго правительства. Онѣ начали съ того, что подали петицію королю, требуя вольностей, гарантированныхъ конституціей. Затѣмъ они потребовали для Бельгіи особой администраціи. Столкновеніе кончилось возстаніемъ.

Мысль о возстаніи была внушена бельгійцамъ французской іюльской революціей 1830 г. Во время празднествъ по случаю дня рожденія короля (25 августа 1830 г.), въ брюссельскомъ театрѣ играли *La Muette*. Эта опера съ своимъ призывомъ къ свободѣ возбудила зрителей. Они стали кричать: «Поступимъ, какъ французы!». Толпа ворвалась въ полицейскія зданія и въ редакцію министерской газеты. Это былъ еще только брюссельскій мятежъ; но граждане подняли брабантское знамя, и тогда началось возстаніе всего Брабанта. Принцъ Фридрихъ, старшій сынъ короля, вступилъ въ Брюссель съ войсками и началъ переговоры съ нотаблями. Было рѣшено просить короля созвать Генеральные Штаты, чтобы поставить на нихъ вопросъ о раздѣленіи Нидерландовъ на два государства подъ властью одного короля (личная унія). Генеральные Штаты были созваны, но король высказался противъ раздѣленія. Въ Брюсселѣ, 23 сентября, 10-ти тысячная армія принца Фридриха заняла верхній городъ и атаковала нижній. Но здѣсь она встрѣтила баррикады, защищаемыя вооруженными гражданами, и послѣ трехдневной битвы должна была отступить. Инсургенты образовали административную комиссію, чтобы руководить сопротивленіемъ; эта комиссія превратилась во временное правительство и издала декретъ, призывавшій бельгійцевъ, служившихъ въ голландской арміи: «Бельгійская кровь пролита... это пролитіе благородной крови порвало всѣ связи. Бельгійцы свободны». 29 сентября Генеральные Штаты высказались за раздѣленіе 50-ю голосами противъ 44; но уже было поздно.

Возстали всѣ бельгійскія провинціи; въ рукахъ голландцевъ оставались только крѣпости Маастрихтъ и Антверпенъ. 4 октября временное брюссельское правительство издало слѣдующій декретъ: «Провинціи Бельгіи, силою отдѣлившіяся отъ Голландіи, образуютъ независимое государство». Оно обѣщало составить «проектъ бель-

гійской конституціи» и созвать «національный конгрессъ», чтобы установить «окончательную конституцію, имѣющую обязательную силу для всей Бельгіи». Король попытался помѣшать разрыву; онъ послалъ своего сына въ Антверпенъ съ обѣщаніемъ особой бельгійской администраціи, составленной изъ бельгійцевъ. Принцъ провозгласилъ даже: «Бельгійцы, я признаю васъ независимой націею; выбирайте свободно депутатовъ въ національный конгрессъ». Временное правительство отвѣчало: «Голландцевъ изъ Бельгіи изгналъ народъ; онъ, а не принцъ Оранскій, стоитъ во главѣ движенія, которое обезпечиваетъ его независимость и упрочитъ его національность».

Основаніе бельгійскаго королевства.—Конгрессъ, которому было поручено устроить Бельгію, былъ выбранъ избирателями, достигшими двадцатипятилѣтняго возраста и платящими цензъ, который мѣнялся, смотря по мѣстности, отъ 13 до 150 флориновъ,—или же занимающимися свободной профессіей. Всего было 44,000 избирателей.

На конгрессѣ было четыре партіи: монархисты-оранжисты, приверженцы принца Оранскаго (Гентъ и Антверпенъ),—республиканцы, глава которыхъ, Поттеръ, руководилъ революціоннымъ движеніемъ,—сторонники присоединенія къ Франціи (Люттихская область)—и сторонники національной монархіи, бывшіе значительно многочисленнѣе остальныхъ партій.

Конгрессъ прежде всего вотировалъ четыре основныхъ положенія: 1) Бельгійскій народъ независимъ. 2) Бельгійскій народъ принимаетъ монархическій представительный образъ правленія съ наслѣдственнымъ главою государства. «Не стоило проливать столько крови, сказалъ Поттеръ, ради такой бездѣлицы». 3) Члены Оранскаго дома навсегда устраняются отъ всякой власти въ Бельгіи. 4) Всѣ свои постановленія конгрессъ издаетъ, какъ учредительное собраніе.

Затѣмъ надо было разрѣшить три практическихъ вопроса: 1) избрать государя; 2) составить конституцію; 3) добиться признанія новаго королевства Европою.

1) Что касается избранія короля, то конгрессъ сначала колебался между принцемъ Лейхтенбергскимъ, сыномъ Богарнэ, австрійскимъ эрцгерцогомъ Карломъ и герцогомъ Немурскимъ, сыномъ Луи-Филиппа. При второмъ голосованіи (февр. 1831 г.) былъ выбранъ герцогъ Немурскій. Луи-Филиппъ отказалъ. Конгрессъ назначилъ регентомъ барона Сюрлетъ де-Шокіера, который сталъ во главѣ правительства въ ожиданіи короля. Наконецъ англійское и французское правительства согласились предложить Леопольда Кобургскаго. Онъ былъ избранъ 152 голосами противъ 44.

2) Во время этихъ переговоровъ, тянувшихся очень долго, конгрессъ вотировалъ конституцію. Она состоитъ изъ двухъ частей: организаціи правительства и общихъ принциповъ публичнаго права.

Правительство организовано по образцу англійской парламентской системы, но согласно съ теоріей виговъ. Верховнымъ правителемъ является не король, а народъ. «Всѣ полномочія исходятъ отъ націи. У короля нѣтъ полномочій, кромѣ тѣхъ, которыя формально присвоены ему конституціей и отдѣльными законами, изданными на основаніи конституціи». Въ знакъ своего подчиненія націи, король можетъ вступить въ обладаніе тономъ, только принесши присягу: «Клянусь соблюдать конституцію и законы бельгійскаго народа; поддерживать національную независимость и цѣлость территоріи». Королю принадлежитъ исполнительная власть, но онъ можетъ осуществлять ее только черезъ министровъ; министровъ избираетъ король, но они *отвѣтственны* передъ палатами; на практикѣ эта отвѣтственность *) истолковывается въ томъ смыслѣ, въ какомъ она понимается вигами: министры должны подать въ отставку, когда они не имѣютъ на своей сторонѣ большинства въ палатѣ депутатовъ. Слѣдовательно, истиннымъ носителемъ верховной власти является эта палата. Національное представительство образуется двумя палатами: сенатомъ и палатою представителей; и тотъ, и другая избираются одними и тѣми же избирателями и обладаютъ одинаковыми правами; но сенаторы могутъ быть избраны только изъ среды богатыхъ гражданъ (платящихъ не менѣе 2,000 флориновъ налога). Всякій налогъ, а равно наборъ рекрутовъ должны быть вотированы сначала палатою представителей. Всякій законъ долженъ быть принятъ палатою, сенатомъ и королемъ; всѣмъ имъ принадлежитъ законодательная иниціатива. Сенаторы и представители получаютъ жалованье. Чтобы быть избирателемъ, надо платить налогъ, размѣръ котораго мѣняется, смотря по мѣстности; конституція установляетъ наименьшій размѣръ (20 флориновъ или 42 франка; эта цифра казалась очень низкою въ ту эпоху).

Конституція постановила, чтобы для управленія мѣстными дѣлами были учреждены общинные и провинціальные совѣты. Они были организованы закономъ 1836 г. Они избирались лицами, удовлетворяющими извѣстному цензу, но этотъ цензъ былъ нѣсколько ниже установленнаго для выборовъ въ палату представителей; совѣты получили почти тѣ же права, какія предоставлены съ 1871 г. во Франціи генеральнымъ и муниципальнымъ совѣтамъ; но въ тѣ времена

*) Законъ, обѣщанный конституціей для установленія судебной отвѣтственности министровъ и способа преданія ихъ суду, вотированъ только въ 1870 г.; практически онъ безполезенъ.

господства централизаціи эти права казались очень большими. Правительство попрежнему назначало *губернаторовъ* (т. е. префектовъ) и *бургомистровъ* (т. е. мэровъ); до 1848 г. оно имѣло даже право выбирать мэра не изъ среды общиннаго совѣта.

Основы публичнаго права, установленныя конгрессомъ, покоятся на ученіи о полной свободѣ, котораго держались вожди обѣихъ партій, католики и либералы. Конституція гарантируетъ всякаго рода вольности: личности, жилища, печати, сходокъ, ассоціацій, вѣроисповѣданія, обученія, языка. Одинъ католикъ, Вилэнъ XIV, протестовалъ даже противъ такого ограниченія: «исключая отвѣтственности за сочиненія, оскорбляющія права общества». «Съ такимъ окончаніемъ фразы, сказалъ онъ, аббатъ Ламэнне не могъ бы возвратить человѣческому роду его отпускныя грамоты, утерянныя имъ права на свободу».

Когда зашла рѣчь объ опредѣленіи положенія церкви, нѣкоторые либералы предложили подчинить ее контролю государства. Либеральные католики заявили протестъ. Нотомбъ сказалъ: «Мы переживаемъ одинъ изъ тѣхъ историческихъ моментовъ, которые не повторяются въ жизни народа: съумѣемъ же воспользоваться имъ. Отъ насъ зависитъ подать доблестный примѣръ и санкціонировать безъ ограниченій одинъ изъ величайшихъ принциповъ современной цивилизаціи. Много столѣтій идетъ борьба между двумя властями, гражданской и религіозной. Онѣ оспариваютъ другъ у друга общество, какъ будто бы одна власть исключала другую. Мы призваны прекратить этотъ раздоръ. Передъ нами два міра: гражданскій и религіозный; они существуютъ одинъ возлѣ другого, но не сливаются; они не соприкасаются ни въ одной точкѣ. Гражданскій законъ отличенъ отъ религіознаго; у каждаго своя область... Между государствомъ и религіею такъ же мало общаго, какъ между государствомъ и геометріею... Отмѣтимъ нашу дѣятельность признаніемъ великаго принципа, провозгласимъ раздѣленіе двухъ властей». Это раздѣленіе было установлено въ Бельгіи на очень оригинальномъ основаніи. Церковь была отдѣлена отъ государства въ томъ смыслѣ, что у свѣтскаго общества не осталось никакой власти надъ духовенствомъ; бельгійскіе епископы постановляются непосредственно папою и назначаютъ священниковъ безъ вмѣшательства правительства. Но церковь сохранила привилегіи, признававшіяся за нею государствомъ до раздѣленія: право получать жалованье отъ казны (установленное для всѣхъ вѣроисповѣданій), освобожденіе духовенства отъ военной службы, право на военныя почести при церемоніяхъ, владѣніе кладбищами, право надзора за религіознымъ обученіемъ въ школахъ. Отдѣленіе отъ государства освободило церковь отъ ея обязанностей, оставивши ей ея привилегіи.

3) Признаніе Бельгійскаго королевства европейскими державами было щекотливымъ дѣломъ и тянулось долго. Оно зависѣло отъ короля Вильгельма и пяти великихъ державъ, гарантировавшихъ существованіе Нидерландскаго королевства. Король не хотѣлъ отказаться отъ Бельгіи и готовился снова завоевать ее. Не имѣя регулярной арміи, Бельгія не могла-бы защититься даже противъ голландской арміи; ея судьба находилась въ рукахъ великихъ державъ. Ее спасли возникшія между ними разногласія. Три восточныя неограниченныя монархіи хотѣли поддержать Вильгельма, чтобы сохранить трактаты 1815 г. и сокрушить революцію; два либеральныхъ западныхъ правительства стали на сторону Бельгіи: французское—чтобы уничтожить непопулярный трактатъ 1815 г. и показать свою силу; англійское—чтобы помѣшать устью Шельды попасть подъ власть Франціи. Двѣ западныя державы находились въ болѣе выгодномъ положеніи, чтобы дѣйствовать, и были свободнѣе въ своихъ движеніяхъ. Онѣ настояли, чтобы каждое изъ пяти правительствъ послало своего довѣреннаго на лондонскую постоянную конференцію, чтобы рѣшить бельгійскій вопросъ.

На лондонской конференціи и была рѣшена участь Бельгіи. Бельгійскому конгрессу оставалось только подчиниться. Конференція рѣшила три капитальныхъ вопроса: о независимости Бельгіи, о границѣ между Бельгіей и Нидерландами, о раздѣлѣ государственнаго долга между обѣими странами,—и нѣсколько второстепенныхъ вопросовъ: о плаваніи по Шельдѣ, о разрушеніи крѣпостей, построенныхъ противъ Франціи, о вознагражденіи Германскаго Союза за Люксембургъ. По вопросу о независимости Бельгіи конференція высказалась очень скоро; что-же касается другихъ ея рѣшеній, то они мѣнялись въ зависимости отъ дипломатическихъ соображеній. Конференція принимала послѣдовательно три различныхъ рѣшенія, послѣднее изъ которыхъ было наименѣе выгодно для Бельгіи: оно обязывало ее уступить часть Люксембурга и Лимбурга. Конгрессъ, скрѣпя сердце, далъ свое согласіе, а державы признали королевство и объявили его нейтральнымъ (февраль 1832 г).

Король Вильгельмъ отказался признать рѣшеніе державъ. По окончаніи перемирія, къ которому онѣ обязали его въ ноябрѣ 1830 г., онъ вновь началъ войну и разбилъ обѣ бельгійскія арміи. Леопольдъ обратился за помощью къ Франціи. Французской арміи и была обязана Бельгія своимъ освобожденіемъ. Но, выступивши изъ Бельгіи, голландская армія оставила въ своемъ владѣніи Антверпенъ. Французская же армія въ 1832 г. осадила и взяла Ант-

верпенъ; она дѣйствовала безъ объявленія войны, какъ армія, которой было поручено привести въ исполненіе рѣшенія лондонской конференціи. Послѣ взятія Антверпена, въ рукахъ голландцевъ оставались только два форта на Шельдѣ; Вильгельмъ упорно не хотѣлъ сдавать ихъ. Бельгія съ своей стороны удерживала части Лимбурга и Люксембурга, которыя лондонская конференція присоединила къ Голландіи. Когда же Вильгельмъ рѣшился наконецъ требовать обмѣна (1839 г.), бельгійская палата представителей попыталась было не соглашаться на это, но должна была уступить передъ угрозами державъ, хотя и выразила свой протестъ.

Такимъ образомъ независимость Бельгіи въ принципѣ была провозглашена возставшими бельгійцами и фактически установлена Франціей, съ формальнаго согласія великихъ европейскихъ державъ.

НИДЕРЛАНДСКОЕ КОРОЛЕВСТВО ПОСЛѢ 1830 ГОДА.

Конституція 1848 г. — Въ Нидерландскомъ королевствѣ, сведенномъ къ предѣламъ бывшихъ *Соединенныхъ Провинцій*, политическая жизнь шла сначала довольно вяло. Личное правительство короля продолжалось до 1848 г. Вся политика сводилась къ бельгійскому столкновенію и къ финансовымъ затрудненіямъ. Война и личные расходы короля увеличили государственный долгъ въ десять лѣтъ на 375 милліоновъ флориновъ. Печать попрежнему находилась подъ гнетомъ стѣснительныхъ законовъ, которые первоначально были направлены противъ бельгійскихъ газетъ.

Вильгельмъ I, сдѣлавшійся очень непопулярнымъ, отрекся отъ престола въ 1840 г.; онъ хотѣлъ жениться на католичкѣ, фрейлинѣ покойной королевы. Сынъ его Вильгельмъ II уволилъ министровъ своего отца, но сохранилъ старые порядки. Недовольные образовали въ нижней палатѣ небольшую либеральную партію. Ихъ вождь, Торбеке, профессоръ публичнаго права въ Лейденѣ, поднялъ въ 1844 г. вопросъ о пересмотрѣ конституціи. Король сначала отказалъ. Но въ 1847 г. агитація усилилась, а въ 1848 г. король, несомнѣнно подъ впечатлѣніемъ европейскихъ революцій, назначилъ внѣминистерскую комиссію для выработки проекта пересмотра; Торбеке и трое другихъ либераловъ были ея членами. Затѣмъ король созвалъ учредительные генеральные штаты съ двойнымъ числомъ депутатовъ. Они вотировали новый основной законъ, обнародованный въ ноябрѣ 1848 г.

Пересмотръ 1848 года коснулся главнымъ образомъ способа выборовъ въ генеральные штаты и ихъ правъ.—Первая палата, вмѣсто того, чтобы назначаться королемъ, стала избираться провинціальными штатами; вторая или нижняя палата стала избираться непосредственно избирателями, платящими прямые налоги въ размѣрѣ, смотря по мѣстности, отъ 160 до 20 флориновъ. Депутаты получаютъ жалованье. — Вторая палата избирается на четыре года и обновляется въ два пріема, каждый разъ происходятъ выборы половины общаго числа членовъ; но король можетъ распустить всю палату. — Полномочія второй палаты значительно увеличились; она получила право иниціативы закона и право внесенія поправокъ къ правительственнымъ законопроектамъ.—Министры объявлены отвѣтственными передъ генеральными штатами.

Основной законъ 1848 г. призналъ права провинцій и общинъ.—Каждая изъ одиннадцати провинцій имѣетъ свои провинціальные штаты, избираемые на девять лѣтъ тѣми же избирателями, какъ и нижняя палата, но возобновляемые по третямъ; члены ихъ получаютъ жалованье. Эти штаты занимаются преимущественно дорогами и каналами.—Каждая община имѣетъ совѣтъ, избираемый на шесть лѣтъ и возобновляемый по третямъ (цензъ общинныхъ избирателей вдвое меньше ценза избирателей въ генеральные штаты), шеффеновъ, избираемыхъ общиннымъ совѣтомъ, и бургомистра, назначаемаго правительствомъ. Ихъ обязанности преимущественно полицейскія. Постановленія всѣхъ этихъ мѣстныхъ властей представляются на утвержденіе правительства, которое можетъ ихъ отмѣнить.— Конституція признала также за обществами для поддержанія плотинъ и шлюзовъ (*Waterschappen*) право взимать налоги и издавать обязательныя постановленія.

Политическія партіи послѣ 1848 г. — Съ изданія конституціи 1848 г. началась политическая жизнь Нидерландовъ. Отвѣтственность министровъ передъ палатами не понималась въ такомъ строго-конституціонномъ смыслѣ, какъ въ Бельгіи; на практикѣ король сохранялъ долю личной власти. Ему случалось даже составлять министерство изъ меньшинства, когда большинство въ палатѣ было слабо и раздѣлено. Но передъ ясно-выраженнымъ большинствомъ онъ всегда уступалъ. Практика все болѣе и болѣе приближалась къ парламентарной системѣ, при которой правленіе находится всегда въ рукахъ партіи, владѣющей большинствомъ въ палатѣ.

Въ Нидерландахъ политическія партіи носили преимущественно религіозный характеръ; онѣ возникли на почвѣ вопроса объ общественныхъ школахъ. Конституція 1848 г. постановила въ принципѣ, что организовать общественное первоначальное образованіе должно государство; она допускала существованіе частныхъ конфессіональныхъ школъ, но общественныя школы должны были оставаться свѣтскими.

Католики составляли по крайней мѣрѣ треть всего населенія Нидерландовъ и почти сплошь

населяли южныя провинціи (Брабантъ и Лимбургъ). Привыкнувъ подчиняться руководству своего духовенства, они составляли тѣсно сплоченную политическую партію. — Протестанты дѣлились на двѣ партіи: *ортодоксальныхъ* — сторонниковъ строго-религіознаго воспитанія въ духѣ Кальвина, и *либеральныхъ* — сторонниковъ свѣтскаго обученія. — Ортодоксальные протестанты составляли ядро *консервативной* партіи, называвшейся также *анти-революціонной*; къ нимъ примыкали сторонники порядка, господствовавшаго до 1848 г., т. е. правительства чиновниковъ, короля и аристократіи. Въ верхней палатѣ преобладали промышленники и капиталисты; нижняя палата состояла изъ представителей общественнаго мнѣнія, мелкихъ торговцевъ и мелкихъ собственниковъ; рабочіе не имѣли голоса въ политическихъ дѣлахъ.

Съ 1848 г. либеральная партія, выставлявшаяся голландскими городами, почти всегда располагала большинствомъ и обыкновенно занимала министерскія мѣста; но случалось не разъ, что она ослабѣвала отъ внутреннихъ раздоровъ, и тогда король могъ удовлетворять своимъ личнымъ убѣжденіямъ и составлялъ консервативныя министерства.

Католическая партія сначала находилась въ союзѣ съ либералами, обезпечивавшими ей свободу вѣроисповѣданія, которой угрожали ортодоксальные протестанты. Въ 1853 г., когда папа оффиціально создалъ нидерландскую католическую церковь (архіепископство въ Утрехтѣ и четыре епископства: одно въ Голландіи, два въ Брабантѣ и одно въ Лимбургѣ), ортодоксальная партія протестовала; либеральное министерство объявило, что у него нѣтъ никакихъ средствъ помѣшать католикамъ организоваться; ограничились тѣмъ, что вотировали законъ, дающій государству право надзора за приходами.—Когда было рѣшено приступить наконецъ къ организаціи первоначальнаго обученія, обѣщаннаго конституціей 1848 г., католики вотировали вмѣстѣ съ либералами законъ 1857 г., обязывающій каждую общину имѣть свѣтскія публичныя школы. Публичная школа не должна обучать никакому вѣроисповѣданію; ея цѣль— «развивать умственныя способности дѣтей и воспитывать въ нихъ всѣ *христіанскія* и общественныя добродѣтели». Учитель не долженъ «ни дѣлать, ни допускать ничего такого, что могло бы оскорбить религіозныя чувства въ людяхъ иной вѣры». Община оплачиваетъ расходы по содержанію публичной школы и назначаетъ школьныхъ учителей; она имѣетъ право взимать школьный налогъ; обученіе не даровое и не обязательное. Государство беретъ на себя часть расходовъ и назначаетъ инспекторовъ.

Ортодоксальные протестанты и католики, враждебные свѣтскому обученію, создали частныя конфессіональныя школы (по статистическимъ даннымъ 1890 г. было около 3,000 публичныхъ школъ съ 450,000 учениковъ и 1,300 частныхъ школъ съ 195,000 учениковъ). Католическая партія усилила свою организацію въ католическихъ округахъ; общинные совѣты пользуются тамъ своимъ правомъ выбора наставниковъ и надзора за обученіемъ такимъ образомъ, что превращаютъ публичныя школы въ католическія; статья закона, запрещающая обучать чему-нибудь, оскорбляющему религіозныя убѣжденія, иногда истолковывается такъ, что ею оправдывается исключеніе изъ программы исторіи реформаціи и войнъ съ Испаніей.

Усилившись, католическая партія соединилась съ ортодоксальными протестантами, чтобы отмѣнить законъ 1857 г. и установить конфессіональныя публичныя школы. Попытка началась въ 1868 г. Одинъ консервативный министръ возстановилъ департаменты католическихъ и евангелическихъ дѣлъ. Епископы издали манифестъ противъ школьнаго закона; они убѣждали родителей скорѣе оставлять своихъ дѣтей безъ образованія, чѣмъ посылать ихъ въ свѣтскія школы. Нападенія на школьный законъ возобновлялись нѣсколько разъ. Либеральная партія отвѣтила на это закономъ 1878 г., который въ той же формѣ, какъ и въ 1857 г., подтверждаетъ принципъ свѣтскаго образованія, увеличиваетъ жалованье учителямъ и беретъ 30 процентовъ расходовъ на счетъ государства.

Либеральная партія, дѣйствовавшая дружно въ школьномъ вопросѣ, раздѣлилась по вопросамъ колоніальной политики, преобразованія арміи и расширенія избирательнаго права.

1) Способъ управленія туземцами нидерландской Индіи, особенно острова Явы, приносилъ метрополіи значительныя выгоды; начиная съ 1850 г., правительство привыкло покрывать дефицитъ бюджета превышеніемъ доходовъ въ колоніяхъ и погасило часть стараго государственнаго долга. Въ 1873 г. началась на Суматрѣ война съ воинственнымъ народомъ Атже, продолжающаяся до сихъ поръ и требующая большихъ военныхъ расходовъ. Съ тѣхъ поръ колоніальный бюджетъ не только не даетъ излишка, но сводится съ дефицитомъ; этотъ дефицитъ, вмѣстѣ съ дефицитомъ метрополіи, составляетъ въ среднемъ отъ 4 до 6 милліоновъ флориновъ въ годъ. Палаты не могутъ придти къ соглашенію по вопросу о новыхъ налогахъ для возстановленія нарушеннаго равновѣсія въ бюджетѣ; прибѣгали къ займамъ. Военныя дѣйствія въ колоніяхъ и связанный съ ними дефицитъ сдѣлались почвой для нападеній оппозиціи.

2) Армія пополнялась добровольной вербовкой, къ которой въ 1861 г. былъ присоединенъ наборъ съ вынутіемъ жребія и правомъ замѣщенія; въ городахъ сохранилась національная гвардія (*schutterij*). Послѣ 1870 г., подъ впечатлѣніемъ общаго преобразованія европейскихъ

армій и изъ опасенія германскаго нашествія, возникла партія съ цѣлью требовать отмѣны жребія и права замѣщенія, и введенія всеобщей воинской повинности на прусскій образецъ съ резервомъ вмѣсто національной гвардіи. Но это движеніе встрѣтило сильное сопротивленіе со стороны духовенства и буржуазіи, господствующей въ генеральныхъ штатахъ; министерскій проектъ 1891 г. былъ отвергнутъ въ 1893 г. Палата вотировала принципъ личнаго отбыванія воинской службы, но католики помѣшали вотированію самаго закона и низвергли предложившее его консервативное министерство.

3) Расширеніе избирательнаго права требовалось частью либеральной партіи съ 1872 г. Но оно могло совершиться только путемъ пересмотра конституціи. Правительство выжидало цѣлые годы, прежде чѣмъ представило проектъ; генеральные штаты оттягивали его обсужденіе*). Пересмотръ, предложенный въ 1884 г., былъ вотированъ только въ 1887 г. Онъ распространилъ избирательное право на всѣхъ тѣхъ, «кто обладаетъ личной правоспособностью и экономическимъ достаткомъ». Эта неопредѣленная формула, принятая съ намѣреніемъ, увеличила число избирателей съ 135,000 до 350,000. Число членовъ нижней палаты установлено неизмѣнно во сто человѣкъ; палата возобновляется во всемъ составѣ каждые четыре года.

Въ Нидерландахъ образовалась соціалистическая партія, немногочисленная, руководимая очень дѣятельнымъ вождемъ, бывшимъ пасторомъ, Домела-Ньювенгюисомъ; она вербуется въ большихъ городахъ и въ Фрисландіи среди сельскихъ рабочихъ, требуетъ всеобщаго избирательнаго права и уничтоженія верхней палаты (1886 г.); въ Амстердамѣ было даже два мятежа.

По вопросу объ избирательномъ правѣ либеральная партія раздѣлилась; большинство ея поддерживало министра Така, предложившаго распространить право голоса на всѣхъ умѣющихъ читать и писать. Остальные либералы (прозванные антитакистами), вмѣстѣ съ консерваторами и католиками, получили, послѣ распущенія палаты, коалиціонное большинство, которое и овладѣло министерствомъ въ 1894 г. Въ 1895 г., не считая радикаловъ и соціалистовъ, въ нижней палатѣ было четыре партіи: либералы-прогрессисты (39 депутатовъ), либералы-консерваторы (23), антиреволюціонеры (ортодоксальные протестанты) (14), католики (24).

XIX столѣтіе было временемъ благоденствія для Нидерландовъ. Населеніе въ нихъ возросло съ 2.600,000 въ 1829 г. до 4.600,000 въ 1891 г.

*) Когда въ 1890 г. умеръ король Вильгельмъ (послѣ двухъ своихъ сыновей), тронъ перешелъ къ его дочери Вильгельминѣ, подъ регентствомъ его вдовы.

Люксембургъ.—Создавая Нидерландское королевство, великія державы поставили Люксембургъ въ исключительное и очень запутанное положеніе. Въ то время, какъ всѣ другія бельгійскія провинціи были просто уступлены нидерландскому королю «для увеличенія его территоріи», Люксембургъ былъ переданъ ему, какъ вознагражденіе за нѣмецкія владѣнія, принадлежавшія оранско-нассаускому дому и присоединенныя къ Пруссіи. Изъ него было сдѣлано великое герцогство, объявленное наслѣдственнымъ владѣніемъ въ мужской линіи оранско-нассаускаго дома и включенное въ Германскій Союзъ. Городъ Люксембургъ былъ обращенъ въ союзную крѣпость съ прусскимъ гарнизономъ (сначала въ размѣрѣ трехъ четвертей его, а затѣмъ во всемъ составѣ); нидерландскій король уступилъ Пруссіи право назначать военнаго губернатора. Великое герцогство обратилось въ одно изъ составныхъ государствъ германскаго союза, связанное съ Нидерландами только личною уніей.

Но нидерландскій король, какъ верховный повелитель Люксембурга, управлялъ имъ, какъ провинціей своего королевства, примѣняя къ нему конституцію 1815 г. и нидерландскіе законы. Провинціальные штаты носили аристократическій характеръ и были составлены изъ трехъ чиновъ: *рыцарскаго* (*ordre équestre*), *городского* и *сельскаго;* они избирались косвенною подачею голосовъ, обусловленною цензомъ, и выбирали депутатовъ въ генеральные штаты. Впрочемъ они играли только совѣщательную роль; фактически страна управлялась голландскими чиновниками.

Революція 1830. г. раздѣлила Люксембургъ на двѣ части. Подъ властью короля остался только одинъ городъ, занятый прусскимъ гарнизономъ. Вся остальная страна возстала, присоединилась къ Бельгіи и была включена въ составъ новаго королевства. Но только часть ея окончательно стала бельгійскою (въ обмѣнъ за часть Люксембурга, отошедшую отъ Германскаго Союза, въ него вошелъ Лимбургъ, обращенный въ герцогство); другая, меньшая часть была возвращена въ 1839 г. нидерландскому королю и присоединена къ городу. Это и составляетъ нынѣшнее великое герцогство Люксембургское. Такъ какъ бельгійское управленіе пріучило его къ самоуправленію и свободѣ, что мѣшало полному возстановленію старой системы управленія, то король далъ Люксембургу особую администрацію. Въ 1843 г. онъ включилъ его въ таможенный германскій союзъ (*Zollverein*), не смотря на нежеланіе жителей.

Въ 1848 г. король даровалъ великому герцогству особую конституцію, напоминавшую бельгійскую, съ отвѣтственнымъ правительствомъ и палатою, избираемою прямою подачею голосовъ избирателями съ цензомъ въ 10 фран-

ковъ. Будучи частью Германскаго Союза, Люксембургъ посылалъ своихъ депутатовъ во франкфуртскій парламентъ.

Во время всеобщей реакціи противъ революціи, король отмѣнилъ конституцію 1848 г., какъ несогласную съ принципами, принятыми другими государями Германскаго Союза, и ввелъ конституцію 1856 г., возвышавшую избирательный цензъ и отнимавшую у палаты почти всѣ ея права, за исключеніемъ права вотировать законы и *новые* налоги, предложенные правительствомъ.

Послѣ распущенія Германскаго Союза король хотѣлъ продать Люксембургъ Франціи; но Германія воспротивилась этому. Пруссія вывела свой гарнизонъ, а великія державы опредѣлили положеніе Люксембурга международнымъ соглашеніемъ (1867 г.). Онъ былъ объявленъ независимымъ и нейтральнымъ государствомъ, подъ гарантіей державъ; но ему было запрещено имѣть армію и крѣпости. Король даровалъ ему конституцію 1868 г., основанную на тѣхъ же либеральныхъ принципахъ, какъ и конституція 1848 г., но практически дѣлавшая правительство независимымъ отъ палаты. Между Люксембургомъ и Нидерландами осталась только личная унія.

Въ 1890 г. умеръ Вильгельмъ II, и на нидерландскій престолъ вступила его дочь; но великое герцогство Люксембургское, наслѣдственное только въ мужскомъ поколѣніи, перешло къ его ближайшему родственнику по мужской линіи, герцогу Нассаускому (котораго Пруссія въ 1866 году лишила герцогства Нассаускаго).

Главнѣйшимъ политическимъ вопросомъ въ этомъ маленькомъ государствѣ является вопросъ о языкахъ: французскій языкъ все еще остается оффиціальнымъ языкомъ; но большинство жителей говоритъ по-нѣмецки и ведетъ коммерческія сношенія съ Германіей; владѣтельная династія также нѣмецкая.

БЕЛЬГІЙСКОЕ КОРОЛЕВСТВО.

Возникновеніе партій.—Въ 1830 г. всѣ бельгійцы соединились въ борьбѣ противъ чужеземнаго владычества. Но послѣ окончанія борьбы началось раздѣленіе на партіи. Въ 1831 году группа либераловъ основала газету *Indépendance*, девизомъ которой было: независимость гражданской власти. Она протестовала противъ того вида религіозной свободы, которую допустилъ конгрессъ: «Религіозное католическое общество кажется намъ, по существу своему, стремящимся къ владычеству, говорилось въ газетѣ; мы считаемъ его опаснымъ для гражданскаго общества и всегда враждебнымъ ему... Мы считаемъ своею обязанностью слѣдить за его дѣйствіями и противодѣйствовать его захватамъ». Государство имѣло два университета: одинъ въ Гентѣ для фламандскаго населенія; другой въ Люттихѣ для валлонскаго. Воспользовавшись свободою высшаго обученія, каждая изъ партій основала свой свободный университетъ: католическая — въ Лувенѣ, либеральная — въ Брюсселѣ (1834 г.).

Въ первые годы существованія королевства глубокое различіе между католиками и либералами не принимало политическаго характера; партіи формировались на почвѣ практическихъ вопросовъ. Пока еще не былъ заключенъ миръ съ голландцами, партіи дѣлились на *зеленыхъ*—сторонниковъ войны, и *зрѣлыхъ*—сторонниковъ мира; партія войны хотѣла удержать Люксембургъ, вопреки рѣшенію державъ. Палаты были заняты устройствомъ мѣстной администраціи и приведеніемъ въ порядокъ финансовъ. Бельгія одновременно была отягощена частью національнаго голландскаго долга и обѣднѣла вслѣдствіе разрыва сношеній съ Голландіей; она переживала тяжелый кризисъ: въ 1839 г. ея банкъ и сберегательная касса прекратили платежи.

Правительство старалось держаться внѣ партійныхъ раздоровъ. Министерства часто мѣнялись (съ 1831 по 1847 г. смѣнилось 7 министерствъ); но король систематически избѣгалъ составлять партійное министерство, выбирая умѣренныхъ людей, державшихся среднихъ мнѣній, или даже соединяя представителей обоихъ направленій (въ министерствѣ Нотомба было 3 католика и 3 либерала). Въ Бельгіи признавалась тогда англійская теорія XVIII вѣка, согласно которой государь не долженъ допускать одной партіи завладѣть правительствомъ, и министерство должно быть не однороднымъ, а безпартійнымъ, безъ опредѣленной программы. Одинъ изъ ораторовъ говоритъ въ палатѣ, не вызывая возраженій: «Программы—источникъ безсилія для правительства. Если существуетъ два несогласимыхъ мнѣнія, осужденныхъ на постоянную взаимную борьбу, и если только одно изъ этихъ мнѣній окажется у власти, то несомнѣнно, что эта власть будетъ въ непрерывной борьбѣ съ противоположнымъ мнѣніемъ, которое осталось внѣ правительства, но которое проявится въ обществѣ, въ печати, въ палатахъ. Всѣ правительственныя силы будутъ поглощены этою борьбою, которая будетъ борьбою на жизнь и смерть... министерскіе кризисы сдѣлались бы непрерывными; правительство было бы безсильно сдѣлать что-либо полезное». Въ 1840 г. министръ юстиціи протестовалъ противъ «гибельныхъ раздоровъ, которые всегда вызываются раздѣленіями на партіи», и порицалъ «это раздѣленіе на католиковъ и либераловъ, не имѣющее никакого смысла въ виду великихъ принциповъ свободы, утвержденныхъ нашей конституціей».

Это миролюбивое настроеніе измѣнилось, когда

католики, во имя религіозной свободы, провели законъ 1842 г. относительно народнаго образованія. Глава министерства, Нотомбъ, либеральный католикъ, такъ формулировалъ принципъ этого закона: «Не должно быть первоначальнаго образованія безъ нравственнаго и религіознаго воспитанія. Мы отвергаемъ философскія ученія XVIII вѣка, стремившіяся сдѣлать образованіе вполнѣ свѣтскимъ и построить общество на чисто раціоналистическихъ основахъ». Религіозное обученіе было объявлено обязательнымъ въ общественныхъ школахъ и поручено церкви; государству предоставлялся только надзоръ за нимъ. Такое распредѣленіе показалось депутатамъ достаточной уступкой со стороны католиковъ, и законъ былъ вотированъ единогласно, кромѣ трехъ голосовъ, поданныхъ противъ.

Либералы, недовольные новымъ закономъ, стремились сплотиться для борьбы съ духовенствомъ. Ихъ вождемъ былъ великій мастеръ бельгійской масонской ложи Дефакъ. Еще въ 1841 г. онъ основалъ *Союзъ* либераловъ всѣхъ оттѣнковъ, начиная съ оранжистовъ и кончая демократами; программой этого политическаго общества было расширеніе избирательнаго права и рядъ финансовыхъ и судебныхъ преобразованій. Послѣ вотированія закона 1842 г. либералы образовали по всей Бельгіи мѣстныя общества, а въ 1846 г. *Союзъ* созвалъ конгрессъ либеральныхъ обществъ, засѣдавшій въ брюссельской городской ратушѣ; на немъ было 320 делегатовъ. Конгрессъ, подъ предсѣдательствомъ Дефака, постановилъ основать постоянныя либеральныя общества въ кантонахъ и вотировалъ проектъ программы либеральной партіи. Двѣ изъ реформъ, требовавшихся этою программою, особенно хорошо выражаютъ стремленія партіи: 1) «избирательная реформа путемъ постепеннаго пониженія ценза до предѣловъ, допускаемыхъ конституціей»; 2) «организація общественнаго образованія всѣхъ степеней подъ *исключительнымъ* руководствомъ гражданской власти съ предоставленіемъ ей средствъ выдерживать конкуренцію съ частными учрежденіями и съ недопущеніемъ вмѣшательства духовнаго начальства въ обученіе, организованное гражданскою властью». Избирательное право и народное образованіе сдѣлались съ тѣхъ поръ и остаются понынѣ въ Бельгіи двумя главнѣйшими политическими вопросами.

Король, не придя къ соглашенію съ либералами, составилъ въ мартѣ 1846 г. католическое министерство. Это министерство пыталось въ 1847 г. провести въ свою пользу законъ о среднемъ образованіи. Либералы протестовали манифестаціями въ большихъ городахъ. Луи-Филиппъ совѣтовалъ своему зятю, Леопольду, «парализовать, поразить, уничтожить этотъ дерзкій Союзъ (либеральный) и сохранить свое министерство». Леопольдъ предпочелъ уступить общественному мнѣнію, заявившему себя въ большихъ городахъ, и составилъ министерство изъ однихъ либераловъ (августъ 1847 г.).

Борьба между католиками и либералами.— Съ 1847 г. въ Бельгіи установилась система образованія однородныхъ министерствъ изъ партій, владѣющихъ большинствомъ въ палатѣ. Избиратели и депутаты группируются въ двѣ партіи, *католическую* и *либеральную*, находящіяся въ постоянной борьбѣ. Онѣ борятся между собой на всѣхъ выборахъ: въ сенатъ, въ палату, въ провинціальные и общинные совѣты. Онѣ борятся за обладаніе министерствомъ и при вотированіи законовъ по всѣмъ вопросамъ, касающимся церковной власти, народнаго образованія, общественнаго призрѣнія, кладбищъ, гражданскаго брака, дипломатическихъ сношеній съ папою; католики—во имя «свободы церкви», либералы во имя «независимости гражданской власти». Католическая партія имѣетъ на своей сторонѣ всю фламандскую область, населенную крестьянами. Либеральная партія черпаетъ свои силы въ промышленной валлонской области. Обѣ партіи оспариваютъ другъ у друга два фламандскихъ торговыхъ города (Антверпенъ и Гентъ) и валлонскій земледѣльческій округъ. Побѣда въ этихъ сомнительныхъ округахъ рѣшаетъ обыкновенно успѣхъ той или другой партіи.

Съ 1847 г. обѣ партіи чередовались у власти. Три раза она была въ рукахъ либераловъ:— всего двадцать восемь лѣтъ. Ихъ главою былъ Фрэръ Орбанъ, депутатъ Люттиха. Католики находились у власти въ общемъ двадцать три года. Ихъ вождемъ былъ Малу, умершій въ 1886 г. Это чередованіе министерствъ напоминаетъ англійскій парламентарный порядокъ; но взаимныя отношенія партій въ Бельгіи совершенно другія. Въ Англіи виги и торіи, раздѣленные второстепенными несогласіями, были единодушны въ вопросѣ о поддержаніи конституціи, что дѣлало возможными мирныя отношенія между ними. Въ Бельгіи разногласія между католиками и либералами касаются самыхъ основныхъ воззрѣній на общество; это борьба не между двумя политическими партіями, а между двумя обществами, воспитавшимися въ противоположныхъ принципахъ; она разнуздываетъ религіозныя страсти и вызываетъ ядовитую полемику въ палатахъ и въ газетахъ; эта борьба принимаетъ форму уличныхъ манифестацій, оканчивающихся иногда драками. Возникали опасенія, что конституція не устоитъ противъ этихъ волненій и что свобода будетъ подавлена торжествующей партіей. Но, благодаря практическому смыслу и природной терпимости бельгійцевъ, борьба велась въ предѣлахъ конституціи и свободы. Она не помѣшала странѣ увеличить свое богатство и свое населеніе въ неслыханныхъ размѣрахъ:

	1831 г.	1846 г.	1890 г.
Число жителей . .	3.785,000	4.337,000	6.069,000
Внѣшняя торговля.	400 милл.	—	6 милліард.

Католическая партія, объединенная и дисциплинированная подъ руководствомъ духовенства, не имѣла надобности создавать особую организацію; ея политическими вождями были епископы, ея кадрами — приходское духовенство, ея программою — рѣшенія церкви. По мѣрѣ того какъ вымирало поколѣніе либеральныхъ католиковъ 1830 г., эта партія удалялась отъ либеральнаго ученія, формулированнаго въ конституціи, уже подвергнувшагося осужденію папы Григорія XVI въ 1832 г. («это нелѣпое и ложное правило, будто надо обезпечить всѣмъ свободу совѣсти») и осужденнаго энцикликой Пія IX въ 1864 г. Либеральная партія всегда была только коалиціей противниковъ католической партіи; сплачиваясь для борьбы съ духовенствомъ, она раздѣлялась по другимъ вопросамъ; когда дѣло шло объ отнятіи власти у католиковъ, она составляла сильную организацію, но послѣ побѣды распадалась и обезсиливала себя борьбою между отдѣльными фракціями. На ея сторонѣ было то преимущество, что она приводила въ движеніе жителей большихъ городовъ, рабочихъ—валлоновъ, болѣе дѣятельныхъ и безпокойныхъ, чѣмъ фламандскіе крестьяне.

Либеральная партія долго господствовала. Изъ двадцати трехъ лѣтъ (1847 до 1870 г.) она находилась у власти втеченіе двадцати. Либеральное министерство, стоявшее у власти въ 1848 г., удержало Бельгію отъ революціоннаго движенія (за исключеніемъ незначительныхъ безпорядковъ). Законъ 1848 г. понизилъ цензъ во всей странѣ до минимальной цифры, допускаемой конституціей,—20 флориновъ (42 франка 32 сантима), и запретилъ чиновникамъ быть депутатами. Затѣмъ либеральная партія, закономъ 1850 г., организовала среднія школы; она не признала за духовенствомъ права надзора за этими школами. Но епископы, чтобы добиться его, употребили пріемъ, извѣстный подъ именемъ *антверпенской конвенціи:* такъ какъ законъ Божій могъ преподаваться только духовными лицами и съ согласія епископа, то, когда какой-нибудь городъ просилъ священника для своей гимназіи, стоило только потребовать, чтобы въ обмѣнъ за это городъ обязался подчинить преподаваніе въ своей гимназіи надзору церкви и исключить изъ нея священниковъ всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій.

Либеральная партія ослабила себя введеніемъ новыхъ налоговъ и потеряла большинство. Католическая партія вошла въ министерство въ 1855 г. Въ 1857 г. она захотѣла провести законъ, установляющій «свободу благотворительности», т. е. право учреждать благотворительныя заведенія, которыя могли бы быть управляемы духовенствомъ; въ законопроектѣ говорилось: «людьми, предназначавшимися для занятія гражданскихъ или духовныхъ мѣстъ». Либералы заволновались, оскорбляли католиковъ, разбивали стекла. Король объявилъ сначала, что онъ оставитъ у власти министерство большинства. Но когда общиные выборы оказались въ пользу либераловъ, онъ образовалъ либеральное министерство, которое распустило палату и получило сильное большинство (70 противъ 38).

Либеральная партія сохраняла власть тринадцать лѣтъ, втеченіе которыхъ провела нѣсколько полезныхъ реформъ (уничтоженіе внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ, 1860 г.; пересмотръ уголовнаго и торговаго уложенія, свобода ассоціацій, пониженіе желѣзнодорожнаго тарифа). Но въ этотъ періодъ въ ней произошло раздѣленіе, главнымъ образомъ по вопросу объ избирательномъ правѣ. *Молодые либералы* (названные впослѣдствіи *прогрессистами*) требовали расширенія избирательнаго права; радикалы хотѣли даже всеобщей подачи голосовъ *); старшіе члены партіи, прозванные *доктринерами*, желали удержать избирательный цензъ. *Либеральный Союзъ* распался; доктринеры образовали *Либеральное Общество* (*Réunion libérale*), поддерживавшее министерство. Возникли разногласія также и по вопросу объ арміи. Доктринеры хотѣли сохранить систему набора съ правомъ замѣстительства; въ Брюсселѣ образовалась въ 1868 г. *анти-милитаристская лига* съ цѣлью упраздненія постоянной арміи и замѣны ея милиціей. Къ этимъ общимъ причинамъ раздоровъ присоединились мѣстныя недовольства: фламандцы требовали равноправности французскаго и фламандскаго языковъ въ оффиціальныхъ актахъ; антверпенскіе либералы протестовали противъ постройки новыхъ укрѣпленій, которую они называли «заключеніемъ Антверпена въ Бастилію». На выборахъ 1870 года недовольные *либералы* (антимилитаристы и фламандскіе либералы) воздержались отъ подачи голоса; нѣкоторые радикалы, какъ говорятъ, даже вотировали съ католиками.

Достигнувши власти съ помощью демократовъ, католическая партія разрѣшила нѣкоторые изъ вопросовъ, раздѣлявшихъ либераловъ. Фламандскій языкъ сдѣлался оффиціальнымъ языкомъ во всей фламандской области; переписка съ

---

*) Эти новыя идеи молодыхъ бельгійскихъ поколѣній приписывались пропагандѣ французскихъ республиканцевъ, укрывшихся въ Бельгіи послѣ государственнаго переворота 1881 г. Вліянію этихъ же эмигрантовъ приписывалось также литературное возрожденіе Бельгіи, которое въ концѣ-концовъ создало очень значительную литературу для такой маленькой націи. Дѣйствительно, во второй половинѣ настоящаго столѣтія Брюссель утратилъ характеръ провинціальнаго города и сдѣлался однимъ изъ умственныхъ центровъ Европы. Но трудно сказать, объясняется-ли это движеніе вліяніемъ иностранцевъ или же исключительными способностями валлонскаго народа и городского фламандскаго населенія.

общинами и частными лицами и уголовное судопроизводство должны происходить на мѣстномъ языкѣ. Избирательный цензъ былъ пониженъ для выборовъ въ провинціальные совѣты до 20 франковъ, а для выборовъ въ общинные совѣты—до 10.

Это было время борьбы между папою и итальянскимъ королевствомъ, между духовенствомъ и правительствомъ въ Германіи. Бельгійскіе католики устраивали манифестаціи въ пользу возстановленія свѣтской власти папы, подписывали петиціи, требовавшія, чтобы церковный бракъ предшествовалъ гражданскому, устраивали процессіи и паломничества. Бельгійскіе епископы высказались противъ правительствъ Италіи и Германіи; въ 1876 г. на большомъ католическомъ банкетѣ въ Мехельнѣ, на которомъ предсѣдательствовалъ архіепископъ—примасъ Бельгіи, тостъ за папу былъ провозглашенъ раньше тоста за короля. Католическое министерство, составленное изъ партіи бывшихъ либеральныхъ католиковъ, держалось въ сторонѣ отъ этихъ манифестацій и даже заявило, что хочетъ поддерживать конституцію; въ 1877 г. оно настояло на переходѣ къ очереднымъ дѣламъ, выражавшемъ порицаніе адресу, посланному нунцію папскими зуавами изъ бельгійцевъ.

Для борьбы съ католической агитаціей, *доктринеры* и *прогрессисты* снова сплотились и снова организовали либеральную партію. Въ 1875 г. всѣ либеральныя ассоціаціи согласились образовать *либеральную федерацію*, которая должна была устраивать періодическіе конгрессы. Фламандскіе либералы основали журналъ, *la Flandre libérale*, опять стали называться *гёзами* (нищими), какъ звали себя когда-то бельгійцы, возставшіе противъ Испаніи, и снова начали пѣть *Geuezenlied* (пѣсню гёзовъ).

Либеральная федерація жаловалась, что духовенство принуждаетъ избирателей вотировать за его кандидатовъ, слѣдя за тѣмъ, какъ они подаютъ голосъ; она требовала назначенія комиссіи для изысканія средствъ обезпечить деревенскимъ избирателямъ тайну поданнаго ими голоса. Католическое министерство рѣшилось предложить законъ, измѣнявшій способъ подачи голоса. По этой новой системѣ, заимствованной у англичанъ, избиратель получаетъ печатный списокъ кандидатовъ и входитъ одинъ въ избирательную комнату, гдѣ отмѣчаетъ крестомъ имя своего кандидата.

Въ 1878 г. либералы снова завоевали большинство въ палатѣ (70 противъ 60) и министерскую власть.

Школьный законъ. — Либеральная партія оставалась у власти шесть лѣтъ и употребила ихъ на установленія свѣтскаго первоначальнаго образованія. Прежде всего она создала особое министерство народнаго просвѣщенія. Послѣ этого она провела законъ о первоначальныхъ школахъ. Всякая община обязана содержать общественную даровую школу для бѣдныхъ дѣтей (которая для другихъ *можетъ* быть платною). Назначеніе учителей зависитъ отъ общины, но они должны имѣть соотвѣтствующій дипломъ; правительство назначаетъ инспекторовъ и одобряетъ школьныя книги. «Обученіе закону Божію возлагается на семьи и священниковъ различныхъ вѣроисповѣданій. Помѣщеніе школы будетъ предоставлено въ ихъ распоряженіе для обученія дѣтей религіознымъ предметамъ» (статья 4). Такимъ образомъ религіозное образованіе перестало быть обязательнымъ, но школа была открыта для духовенства, которое могло приходить туда заниматься съ дѣтьми. Эта комбинація не удовлетворила католическую партію; она требовала, чтобы обученіе религіи составляло часть обязательнаго первоначальнаго образованія.

Епископы, собравшись въ Мехельнѣ, предали осужденію школьный законъ и обсудили сообща, какія церковныя мѣры слѣдовало принять противъ учителей и учениковъ свѣтскихъ школъ. Дѣти, по ихъ рѣшенію, могли быть допускаемы временно къ причастію, какъ дѣйствовавшія безъ полнаго пониманія; но ученики и профессора учительскихъ семинарій, учителя первоначальныхъ школъ и родители, позволившіе дѣтямъ посѣщать школы, «въ которыхъ нельзя было спасти души отъ погибели», лишались отпущенія грѣховъ. Священники должны были заботиться объ открытіи католическихъ школъ.

Тогда по всей Бельгіи началась агитація въ пользу учрежденія частныхъ католическихъ школъ и съ цѣлью помѣшать родителямъ посылать своихъ дѣтей въ общественныя школы. И то, и другое удалось духовенству, особенно въ фламандскихъ округахъ. По вычисленіямъ католической партіи, въ ноябрѣ 1879 г. государственныя школы посѣщало только 240,000 учениковъ, а частныя—379,000; а въ 1881 г. частнымъ школамъ принадлежало 63% всего числа учениковъ (въ восточной Фландріи—81%, въ западной—84%).

Бельгійское правительство не имѣетъ прямой власти надъ духовенствомъ, такъ какъ бельгійскіе епископы назначаются папою и являются начальниками священниковъ своей епархіи. Вслѣдствіе этого министерство обратилось къ римскому престолу. Нунцій сначала отвѣтилъ, что папа рекомендовалъ епископамъ умѣренный образъ дѣйствія, и что, протестуя противъ школьнаго закона, епископы дѣйствовали подъ своею отвѣтственностью. Но когда министерство попыталось выставить положеніе, занятое папою въ этомъ вопросѣ, какъ порицаніе бельгійскому духовенству, изъ Рима было получено опроверженіе этого. Тогда министерство публично обвинило римскій престолъ въ «обманѣ», отозвало

бельгійскаго посланника, находившагося при папѣ, и выслало нунція (1880 г.). Произошелъ оффиціальный разрывъ между правительствомъ и духовенствомъ. Палата назначила послѣ этого комиссію для разслѣдованія школьнаго дѣла и обнародовала отчеты комиссіи, разсказывавшіе о репрессивныхъ мѣрахъ, которыя принимало духовенство противъ учителей и родителей, и приходившіе къ заключенію о недостаточности образованія, дававшагося частными школами. Въ 1883 г. палата отмѣнила жалованье 400 священникамъ, не несшимъ священнической службы и употреблявшимся въ качествѣ учителей католическихъ школъ. Она уничтожила льготу для семинаристовъ по отбыванію воинской повинности. Либеральная партія стала изыскивать средства помѣшать возрастанію числа монастырей и монаховъ. (Съ 642 монастырей и 9,917 монахъ и монахинь въ 1846 г. эти цифры поднялись къ 1880 году до 1,495 монастырей съ 18,907 монахами и монахинями, причемъ монаховъ—3,649 человѣкъ).

Но либеральная партія снова распалась. *Прогрессисты* потребовали, чтобы право участія въ выборахъ депутатовъ въ палату было распространено на всѣхъ избирателей въ провинціальные совѣты (1881 г.); *доктринеры*, господствовавшіе въ министерствѣ, не согласились на это. Тогда образовалась *національная лига* для расширенія избирательнаго права. Радикалы потребовали пересмотра конституціи съ цѣлью введенія всеобщей подачи голосовъ; предложеніе о пересмотрѣ было отвергнуто 113 голосами противъ 11. Министерство согласилось только на дарованіе избирательнаго права для выборовъ въ провинціальные совѣты лицамъ съ высшимъ образовательнымъ цензомъ.

Правительство вызвало также недовольство своею финансовою политикою. Чтобы организовать государственныя школы, оно изъ года въ годъ увеличивало бюджетъ народнаго образованія (онъ дошелъ до 22 милліоновъ). Дефицитъ возросталъ (6 милліоновъ въ 1881 г., 13—въ 1882, 25—въ 1883). Правительство сдѣлало заемъ, а въ 1883 г. предложило на 22 милліона новыхъ налоговъ (на спиртъ и табакъ) и таможенныхъ пошлинъ.

Недовольство было столь всеобщимъ, что при частичномъ возобновленіи палаты въ 1884 г. были выбраны только 3 либеральныхъ депутата противъ 66 католическихъ. Католическая партія, сплотившись для борьбы со школьнымъ закономъ, неожиданно получила въ палатѣ большинство 32 голосовъ. Католическое министерство, какъ только оказалось у власти, занялось возстановленіемъ конфессіональнаго первоначальнаго обученія. Законъ 1884 г. разрѣшилъ общинамъ содержать вмѣсто свѣтской общественной школы частную католическую. Чтобы обязать общину сохранить общественную школу, требовалось письменное заявленіе 20 отцовъ семействъ. Община получила право включать въ школьную программу преподаваніе религіи и морали, помѣщая его въ началѣ или въ концѣ школьнаго дня, такъ чтобы родители могли освободить отъ него своихъ дѣтей. Учителя публичныхъ школъ, оказавшихся лишними, были уволены съ сохраненіемъ жалованья въ 750 франковъ. Слѣдствіемъ этого закона было то, что повсюду, гдѣ господствовало духовенство, особенно въ деревняхъ Фландріи, общественныя школы были закрыты и замѣнены католическими, учителя которыхъ, какъ изъ свѣтскихъ, такъ и изъ духовныхъ лицъ, не имѣли надобности ни въ какомъ дипломѣ.

Введеніе всеобщаго избирательнаго права.—Съ 1884 года католическая партія все время сохраняла большинство въ палатѣ и оставалась у власти. Это большинство даже возросло: въ 1886 г.—98 голосовъ противъ 40; съ 1886 по 1892 г. либералы пріобрѣли 24 депутатскихъ мѣста. Но за это время на ряду съ прежней либеральной оппозиціей возникла демократическая оппозиція, очень дѣятельная въ промышленныхъ округахъ Люттиха и Генегау, въ Брюсселѣ и Гентѣ. Въ нее входятъ очень различныя партіи, соединившіяся только для того, чтобы требовать всеобщаго избирательнаго права: соціалистическая партія, примыкающая къ нѣмецкимъ соціалистамъ и состоящая преимущественно изъ фламандскихъ рабочихъ; она группируется вокругъ гентской газеты *Voorhuit* и брюссельскаго *Народнаго дворца* (*Maison du peuple*); революціонная республиканская партія, состоящая преимущественно изъ валлоновъ, находящаяся въ связи съ французскими республиканцами и вербующаяся среди горнорабочихъ и рабочихъ металлургическихъ заводовъ; радикальная партія, враждебная системѣ избирательнаго ценза и рекрутскаго набора.

Съ самаго начала 1886 г., въ періодъ экономическаго кризиса, революціонеры устраивали въ Люттихѣ и во всемъ каменноугольномъ бассейнѣ стачки и манифестаціи, которыя окончились возстаніемъ: рабочіе подожгли заводы, противъ стачниковъ были высланы войска, и было до сотни убитыхъ. Комиссія, которой было поручено произвести разслѣдованіе положенія рабочихъ, нашла ихъ требованія въ пользу обязательной личной воинской повинности законными. Король также желалъ этого, какъ средства усилить армію; но католическая партія, уже отвергнувшая такого рода реформу въ 1872 г., продолжала противиться ей. Одновременно съ кампаніей въ пользу всеобщей подачи голосовъ, демократическія партіи добивались уничтоженія замѣстительства при отбываніи воинской повинности.

Старыя либеральныя партіи пытались сначала возобновить прежній союзъ; но переговоры

были прерваны (1887 г.). *Либеральная ассоціація* (прогрессисты) требовала предоставленія избирательнаго права всѣмъ, умѣющимъ читать и писать. *Либеральная лига* (доктринеры) не согласились на это. Такимъ образомъ противники католиковъ остались раздѣленными на три фракціи, вслѣдствіе разногласій по вопросу объ избирательномъ правѣ. Старые либералы (ФреръОрбанъ) хотѣли сохранить цензъ; прогрессисты (Янсонъ) включили оффиціально въ свою программу, на брюссельскомъ конгрессѣ (1887 г.), право голоса для всѣхъ, умѣющихъ писать; демократы требовали всеобщей подачи голосовъ.

Съ тѣхъ поръ политическая жизнь въ Бельгіи состояла не столько въ преніяхъ палаты, гдѣ католическое большинство было несомнѣнно, сколько въ манифестаціяхъ и сходкахъ демократическихъ партій. Прогрессисты присоединились къ радикальной программѣ, требовавшей уничтоженія замѣстительства (1889 года) и всеобщаго избирательнаго права. Общество постепенно свыклось съ тою мыслью, что конституція 1831 года, наиболѣе либеральная въ свое время, по прошествіи шестидесяти лѣтъ уже не вполнѣ отвѣчала условіямъ политической жизни. Самъ король выразилъ въ 1890 году желаніе, чтобы правительство взяло на себя починъ въ требованіи пересмотра конституціи.

Чтобы положить конецъ волненіямъ, католическая партія рѣшилась въ 1891 году согласиться въ принципѣ на пересмотръ. На населеніе въ 6 милліоновъ въ Бельгіи не насчитывалось 135,000 лицъ, участвовавшихъ въ выборахъ депутатовъ. Всѣ признавали, что необходимо было измѣнить условія избирательнаго права. Но прошло болѣе двухъ лѣтъ, прежде чѣмъ пришли къ соглашенію относительно новой избирательной системы.

Католики предлагали связать право голоса съ занимаемой квартирой, какъ это сдѣлано въ Англіи и Голландіи; доктринеры хотѣли связать это право съ извѣстной степенью образованія; прогрессисты требовали всеобщей подачи голосовъ. Послѣ цѣлаго года преній и переговоровъ сенатъ и палата рѣшились вотировать пересмотръ; затѣмъ были назначены новые выборы. Католическая партія получила большинство и въ новой палатѣ, но не большинство двухъ третей, необходимое для проведенія перемѣнъ въ конституціи. Палата отвергла всѣ предложенные проекты. Рабочіе, раздраженные такимъ затягиваніемъ дѣла, угрожали всеобщей стачкой, если не будетъ вотирована всеобщая подача голосовъ, и въ Брюсселѣ начались безпорядки; милиція, призванная къ оружію, не выказывала расположенія идти на рабочихъ.

Встревоженныя палаты рѣшились вотировать проектъ Ниссенса, соединявшій предложенія различныхъ партій (1893 г.). Новый избирательный законъ, прозванный *множественнымъ вотумомъ*, устанавливаетъ всеобщее избирательное право, начиная съ двадцатипятилѣтняго возраста; но онъ предоставляетъ одинъ или два лишнихъ голоса избирателямъ, удовлетворяющимъ одному или двумъ изъ слѣдующихъ условій: 1) быть отцомъ семейства; 2) обладать недвижимостью или имѣть въ сберегательной кассѣ 2,000 франковъ; 3) имѣть дипломъ объ окончаніи средняго образованія. Никто не можетъ имѣть болѣе 3 голосовъ. (Что касается сената, то 75 сенаторовъ назначаются избирателями старше тридцати лѣтъ, а 26—провинціальными совѣтами). Подача голоса сдѣлана обязательною подъ угрозою штрафа и лишенія политическихъ правъ послѣ четырехкратнаго воздержанія отъ голосованія. Правительство требовало пропорціональнаго представительства; но католики отвергли его.

Новая избирательная система создала 1.350,000 избирателей съ 2.066,000 голосами. На первыхъ выборахъ старая либеральная партія исчезла почти совсѣмъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ прогрессистовъ; католики получили громадное большинство; валлонскіе округа избирали преимущественно соціалистовъ. Католическая партія воспользовалась своимъ большинствомъ, чтобы провести въ 1895 году законъ о муниципальныхъ выборахъ, благопріятный для крестьянъ, и школьный законъ, передававшій преподаваніе закона Божія въ школахъ духовенству.

Всеобщее избирательное право совершенно измѣнило положеніе бельгійскихъ партій. Партія доктринеровъ не существуетъ болѣе; ея избиратели, изъ боязни соціализма, примкнули къ католической партіи. Остались на лицо только двѣ крайнихъ партіи: католическая, поддерживаемая фламандскими крестьянами, и соціалистическая, вербующаяся среди валлонскихъ рабочихъ. Прогрессисты, все болѣе и болѣе походящіе на французскихъ радикаловъ, должны для борьбы съ католическимъ правительствомъ вступать въ союзъ съ соціалистами. Это—борьба свѣтскихъ республиканцевъ противъ сторонниковъ церкви и монархіи.

ШВЕЙЦАРІЯ.

ГЛАВА IX.

Швейцарія въ 1814 г. — Періодъ реставраціи. — Возрожденіе. — Мѣстныя столкновенія. — Зондербундъ и гражданская война. — Союзная конституція 1848 г. — Установленіе прямого народнаго правительства. — Законодательный починъ и санкція въ области конституціонныхъ законовъ. — Починъ и санкція въ области обыкновеннаго законодательства. — Перемѣны въ политическихъ партіяхъ послѣ 1848 года.

Значеніе исторіи Швейцаріи отнюдь не соотвѣтствуетъ ея незначительному пространству. Эта маленькая страна занимаетъ очень большое мѣсто въ исторіи современныхъ государственныхъ учрежденій Европы. Каждый швейцарскій кантонъ служилъ поприщемъ для политическихъ опытовъ, и опыты эти были крайне разнообразны, такъ какъ въ каждомъ изъ кантоновъ своеобразно сочетались различные языки, религіи, размѣры территоріи и экономическія условія. Мы здѣсь не имѣемъ возможности подробно описывать политическія движенія, споры, перевороты, войны и пересмотры конституцій, происходившіе въ разныхъ швейцарскихъ кантонахъ; но несомнѣнно, что всякому, кто хочетъ понять эволюціонное движеніе современныхъ демократическихъ обществъ, можно посовѣтовать изученіе швейцарской исторіи, какъ наиболѣе богатой примѣрами практическаго примѣненія принципа народнаго суверенитета.

Швейцарія въ 1814 году. — Современная Швейцарія, подобно Бельгіи и Нидерландамъ, есть продуктъ Французской Революціи. Именно Франція разрушила въ Швейцаріи старый аристократическій строй и подготовила установленіе новаго—демократическаго.

Въ XVIII вѣкѣ Швейцарія представляла собою не болѣе какъ постоянный союзъ маленькихъ самостоятельныхъ государствъ, связанныхъ только неизмѣнной клятвой (*Eidgenossen*): не воевать между собою и оказывать помощь другъ другу. Союзъ этотъ даже не былъ единымъ и общимъ; это была совокупность нѣсколькихъ отдѣльныхъ союзовъ, образовавшихся въ разное время и при различныхъ условіяхъ. Въ немъ еще различали старыхъ союзниковъ, *confédérés* (13 кантоновъ), отъ кантоновъ, къ нимъ впослѣдствіи присоединившихся, *alliés*, не говоря уже о подчиненныхъ областяхъ, находившихся подъ властью когда-то ихъ покорившихъ кантоновъ *). Эти кантоны не были подчинены никакой союзной власти; швейцарскій сеймъ былъ лишь собраніемъ ихъ посланниковъ.

Каждый кантонъ управлялся совершенно самостоятельно, согласно своимъ обычаямъ, основанным на древнихъ привилегіяхъ. Въ каждомъ изъ этихъ маленькихъ государствъ верховная власть была предоставлена гражданамъ одного какого-нибудь города или области, а чаще всего даже только нѣсколькимъ изъ старинныхъ семей, которыя деспотически управляли остальными жителями. Каждое изъ такихъ правительствъ, имѣя право на установленіе своихъ отношеній съ Церковью, предписывало всѣмъ своимъ подданнымъ исповѣдуемую имъ религію; такимъ образомъ населеніе дѣлилось на небольшія группы, рѣзко различавшіяся по своимъ вѣроисповѣданіямъ. Союзъ между государствами не создавалъ никакой связи между ихъ жителями, такъ что жители одного кантона считались иностранцами въ другомъ, и правительствамъ приходилось вступать въ спеціальные договоры для обезпеченія за своими подданными права селиться или пріобрѣтать недвижимую собственность въ чужихъ кантонахъ. При такомъ традиціонномъ государственномъ строѣ, аристократическомъ, съ обяза-

*) Къ союзу трехъ первыхъ, такъ называемыхъ *лѣсныхъ*, кантоновъ (Швицъ, Ури и Унтервальденъ) присоединились въ XIV в. три города—Люцернъ, Цюрихъ и Бернъ, и двѣ маленькія волости, Цугъ и Глярусъ; затѣмъ, въ концѣ XV и началѣ XVI в.,—Золотурнъ, Базель, Фрейбургъ, Шафгаузенъ и Аппенцель; это и составило 13 старыхъ союзныхъ кантоновъ. Женева, Біеннъ, Невшатель и Сенъ-Галленъ и оба союза Граубюндена и Валиса были простыми союзниками. Подвластными же областями были: Ваатландъ, Ааргау, Тургау и итальянскій Тессинъ.

тельной религіей, безъ національнаго единства, безъ политической и религіозной свободы, безъ гражданскаго равенства, политическая жизнь стала невозможной для швейцарскаго народа; слѣдовательно, у него не было никакихъ средствъ самому преобразовать свой государственный строй. «Швейцарцы,—сказалъ Гёте,—освободились отъ одного тирана и могли думать, что они свободны; но изъ трупа притѣснителя солнечные лучи породили цѣлый рой маленькихъ тирановъ».

Въ 1798 году французское нашествіе сразу уничтожило такой порядокъ вещей. *Гельветическая республика*, созданная по образцу Французской республики, установляла равенство всѣхъ гражданъ и центральное правительство; это былъ первый опытъ создать швейцарскую націю; но это было также началомъ гражданскихъ войнъ, длившихся пять лѣтъ. Революціонный порядокъ, основанный на единствѣ и равенствѣ, нашелъ защитниковъ только среди ваатландцевъ, французскихъ подданныхъ Берна; берпцы же и горные жители старыхъ кантоновъ со страстью боролись противъ него.

Наполеонъ положилъ конецъ войнѣ, заставивши швейцарцевъ согласиться на компромиссъ. *Актъ Посредничества* 1803 года возстановилъ независимость кантоновъ, предоставивши сейму одни дипломатическія и военныя дѣла; причемъ депутаты должны были сообразоваться съ инструкціями, полученными ими отъ своихъ кантоновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ установилъ равенство кантоновъ, предоставивъ старымъ союзникамъ и даже подвластнымъ областямъ права кантоновъ; онъ обязалъ всѣ кантоны организовать свое управленіе на французскихъ началахъ равенства, вѣротерпимости, свободы торговли и свободнаго выбора мѣстожительства. Старые мелкіе горные кантоны сохранили свой прежній образъ правленія, при которомъ собраніе гражданъ (*Landsgemeinde*), происходившее разъ въ годъ подъ открытымъ небомъ, рѣшало всѣ дѣла. Большіе кантоны приняли новѣйшую форму государственнаго устройства съ совѣтами, члены которыхъ избирались лицами, удовлетворявшими извѣстному имущественному цензу. Эта новая Швейцарія не имѣла никакой политической жизни, находясь въ полной зависимости отъ Наполеона, который требовалъ у нея прежде всего солдатъ (ихъ погибло около 10,000 въ войнѣ съ Россіей); но зато швейцарцы начали знакомиться съ свободой, гражданскимъ равенствомъ и національнымъ чувствомъ.

Періодъ реставраціи (1814—1830 г.).— Когда арміи союзниковъ вступили въ Швейцарію, сторонники прежнихъ порядковъ подняли возстаніе съ цѣлью возстановленія прежнихъ правительствъ въ кантонахъ и прежняго союза. Они успѣли захватить власть въ аристократическихъ кантонахъ Берна и Золотурна, а потомъ и въ католическихъ кантонахъ Фрейбурга и Люцерна, въ трехъ старыхъ кантонахъ и въ Цугѣ. Въ Бернѣ было возстановлено правительство 1798 года, которое объявило Актъ Посредничества отмѣненнымъ. Въ 1814 году Союзный Совѣтъ засѣдалъ въ Цюрихѣ (онъ собирался поочередно въ шести главныхъ городахъ). Восемь кантоновъ, сторонники старыхъ порядковъ, отозвали изъ Цюриха своихъ представителей и составили отдѣльный сеймъ въ Люцернѣ. Тамъ они потребовали возстановленія старой конституціи. Бернъ и Ури потребовали возвращенія имъ прежнихъ подданныхъ. Швицъ и Унтервальденъ пожелали повторить съизнова исторію Швейцаріи: по ихъ мнѣнію, слѣдовало сначала возстановить союзъ между тремя старыми кантонами, потомъ присоединить къ нему Люцернъ и, наконецъ, всѣ другіе кантоны въ томъ порядкѣ, въ какомъ когда-то заключались эти союзы.

Новую конституцію поддерживали остальныя кантональныя правительства, въ особенности тѣ изъ нихъ, самое существованіе которыхъ было связано съ ея сохраненіемъ. Такимъ образомъ Швейцарія раздѣлилась на два враждебныхъ союза, изъ которыхъ каждый имѣлъ свой сеймъ: восемь кантоновъ, стоявшихъ за прежніе порядки, были представлены собраніемъ, засѣдавшимъ въ Люцернѣ; остальные одиннадцать кантоновъ—конституціоннымъ собраніемъ въ Цюрихѣ. Междоусобная война готова была вспыхнуть. Ее предупредили союзные государи и тѣмъ спасли созданіе Наполеона. Въ числѣ приближенныхъ императора Александра находились два ваатландца, Лагарпъ и Жомини, и онъ объявилъ себя противникомъ швейцарской реставраціи. Кантоны, ей сочувствовавшіе, будучи слишкомъ слабыми, чтобы дѣйствовать самостоятельно, рѣшились отказаться отъ своихъ прежнихъ подданныхъ за извѣстное денежное вознагражденіе. Чтобы вознаградить Бернъ, Союзники дали ему Бьенну и прежнее базельское епископство, католическую область, составлявшую ранѣе французскій департаментъ Монъ-Террибль, а теперь сдѣлавшуюся бернскою Юрою.

Восемь отдѣлившихся кантоновъ вернулись въ союзный сеймъ; къ нему присоединились три новыхъ кантона, отошедшихъ отъ французской имперіи: Женева, Невшатель и Валисъ. Этотъ сеймъ 22-хъ кантоновъ (прозванный *долгимъ сеймомъ*) посвятилъ семнадцать мѣсяцевъ на выработку конституціи. Этою конституціей былъ «Союзный договоръ» 7 августа 1815 года, заключенный послѣ жаркой борьбы по поводу прежнихъ подвластныхъ территорій. Великія державы утвердили этотъ договоръ, объявивши Швейцарію нейтральной страной, и обязались гарантировать ея нейтралитетъ, что должно было давать имъ право вмѣшиваться въ ея внутреннее управленіе.

Порядокъ, установленный въ 1815 году, мало отличался отъ Акта Посредничества. Кантоны

пользовались верховною властью; они сохранили свои верховныя права, за исключеніемъ тѣхъ, о которыхъ прямо сказано, что они переданы Союзу; въ ихъ вѣдѣніи остались почта, у каждаго своя монета, свое подданство, право заключать торговые трактаты съ иностранными государствами. Союзному правительству были предоставлены только дипломатическія и военныя дѣла и третейскій судъ въ спорахъ между кантонами. Союзный Сеймъ не былъ собраніемъ народныхъ представителей, а только собраніемъ уполномоченныхъ отъ кантональныхъ правительствъ*), засѣдавшимъ поочередно въ одномъ изъ трехъ руководящихъ (Vorort) кантоновъ—Бернѣ, Цюрихѣ и Люцернѣ; исполнительный совѣтъ Vorort'а игралъ роль федеральнаго правительства. Швейцарія не составляла еще *союзнаго государства;* это былъ *союзъ государствъ*. Ея конституція была простымъ союзнымъ договоромъ между суверенными государствами. Жители одного кантона не имѣли даже права селиться въ другомъ кантонѣ. Для этого требовались особые *конкордаты* между кантональными правительствами. Въ этомъ вопросѣ договоръ 1815 г. возвращался къ старому порядку.

Всякій кантонъ самостоятельно установлялъ свой внутренній строй; всякій имѣлъ свое особое правительство. Оставляя въ сторонѣ второстепенныя различія, можно раздѣлить всѣ кантоны по ихъ учрежденіямъ на пять группъ:

1) Малые горные кантоны—Швицъ, Унтервальденъ, Ури, два полукантона Аппенцеля, Цугъ и Гларусъ,—сохраняли свои прежнія *народныя собранія*; всѣ мужчины кантона собирались разъ въ годъ подъ открытымъ небомъ, рѣшали дѣла и избирали должностныхъ лицъ.

2) Прежніе союзы Граубюнденскій и Валійскій сохранили свое союзное устройство. Центральнымъ учрежденіемъ Граубюндена былъ *Большой Совѣтъ*, состоявшій изъ 65 делегатовъ (27—отъ *Сѣрой* Лиги, 25—отъ Лиги *Божьяго Дома*, 13 — отъ Лиги *Десяти Судовъ*). Но эти делегаты получали обязательныя инструкціи отъ Округовъ, каждый изъ которыхъ имѣлъ свое собраніе, почти съ правами верховной власти. Валисъ былъ раздѣленъ на 13 *десятковъ*. каждый со своимъ совѣтомъ. избраннымъ совѣтами общинъ; союзною властью былъ Сеймъ, на который каждый изъ десятковъ посылалъ четверыхъ делегатовъ и на которомъ четыре голоса принадлежали Сіонскому епископу.

3) Старые аристократическіе кантоны: Бернъ, Люцернъ, Цюрихъ, Фрейбургъ, Золотурнъ, Базель, Шафгаузенъ и Женева, имѣли въ большинствѣ случаевъ *Большіе Совѣты*, рѣшавшіе всѣ дѣла на правахъ верховной власти, и *Малые исполнительные Совѣты*. Какъ тѣ, такъ и другіе состояли преимущественно изъ членовъ старыхъ фамилій.

4) Новые кантоны: Сенъ-Галленъ, Ааргау, Тургау, Ваатландъ, Тессинъ, имѣли выборные совѣты, но право избранія было обусловлено цензомъ.

5) У Невшателя остался его государь, прусскій король, который *конституціонной хартіей* учредилъ въ немъ два совѣта, *Государственный исполнительный Совѣтъ*, изъ 20 членовъ, и *Общее Присутствіе*, состоявшее изъ 10 государственныхъ совѣтниковъ, 24 начальниковъ судебныхъ округовъ, 14 нотаблей, назначаемыхъ королемъ, и 30 членовъ, избираемыхъ пожизненно путемъ двустепенныхъ выборовъ.

За исключеніемъ горныхъ кантоновъ, всѣ эти государства систематически поддерживали политическое неравенство гражданъ. Жители главныхъ городовъ, составившіе конституціи, слѣдуя старымъ обычаямъ, опредѣлили составъ Большихъ Совѣтовъ такимъ образомъ, что обезпечили въ нихъ себѣ большинство противъ всего остального населенія кантона. Въ Бернѣ, изъ 299 членовъ Большого Совѣта городъ назначалъ 200, причемъ изъ этихъ 200 двѣ трети принадлежали къ 80-ти патриціанскимъ фамиліямъ; и это еще со стороны Берна было уступкою второму городу кантона — Бургдорфу — и горцамъ Оберланда, потому что, по первоначальной конституціи, Берну принадлежало 256 голосовъ, а кантону — только 43. Во Фрейбургѣ Большой Совѣтъ состоялъ изъ 108 городскихъ патриціевъ и 36 депутатовъ отъ деревень, причемъ деревенское дворянство вовсе не имѣло представителей. Въ Золотурнѣ, гдѣ населеніе кантона въ 28 разъ превосходило городское и платило въ 9 разъ болѣе налоговъ, патриціи захватили власть насильственно, при помощи австрійскихъ солдатъ, подавили возстаніе второго города кантона, Ольтена, затѣмъ составили конституцію, по которой *Большой Совѣтъ* составлялся изъ 68 членовъ отъ города и 33—отъ кантона, а *Малый Совѣтъ* — изъ 17 членовъ отъ города и 4 — отъ кантона.—Въ Люцернѣ Большой Совѣтъ состоялъ изъ пожизненныхъ членовъ—50 отъ города, 50 отъ деревень, и сверхъ того уже самъ избиралъ еще 40 членовъ отъ города и 28—отъ деревень. Малый Совѣтъ самъ избиралъ своихъ членовъ. — Въ Цюрихѣ большинство Большого Совѣта (130 членовъ изъ 212) избиралось самимъ Совѣтомъ; ремесленные цехи избирали только 82 члена.—Въ Базелѣ изъ 154 членовъ Большого Совѣта, онъ самъ назначалъ 60 отъ города и 30 отъ деревень; для 15 городскихъ цеховъ оставалось только 30 членовъ, а для деревень—34 члена.—Въ Шафгаузенѣ 12 город-

*) Эти уполномоченные были связаны въ своихъ дѣйствіяхъ инструкціями; они принимали только временныя рѣшенія, *ad referendum, ad instruendum,* или *ad ratificandum,* т. е. для доклада своему правительству, для увѣдомленія его и на его утвержденіе. Засѣданія Сейма происходили при закрытыхъ дверяхъ.

скихъ цеховъ избирали 48 членовъ, а 12 деревенскихъ цеховъ—только 24.

Въ новыхъ кантонахъ, въ которыхъ главные города еще не пріобрѣли привычки къ господству, Большіе Совѣты избирались почти въ равной пропорціи городами и селами. Но неравенство поддерживалось богатствомъ. Согласно доктринѣ, принятой въ то время во всей Европѣ, право выбора принадлежало лицамъ, платившимъ наибольшіе налоги. Кромѣ того, принимались всевозможныя мѣры съ цѣлью уменьшить вліяніе избирателей; депутаты получали долгосрочные полномочія, вслѣдствіе чего выборы производились рѣдко; самые выборы были двустепенными: сначала избиралась комиссія, а она уже избирала членовъ Большого Совѣта; процедура выборовъ намѣренно усложнялась. Большой Совѣтъ Ваатландскаго кантона состоялъ изъ 180 членовъ, избираемыхъ на 12 лѣтъ, и возобновлялся по частямъ: 63 члена избирались самимъ Совѣтомъ изъ списка, составленнаго округами; 36 членовъ—избирательной комиссіей, 63—прямыми выборами, 18—окружными собраніями. Въ то время девизомъ либераловъ было: *все для народа, ничего посредствомъ народа.*

Всякій кантонъ поступалъ вполнѣ самостоятельно въ церковныхъ и школьныхъ дѣлахъ. Многіе кантоны допускали отправленіе богослуженія только по обрядамъ государственной церкви; Валійскій кантонъ запрещалъ протестантское богослуженіе, Ваатландскій—католическое. Даже въ кантонахъ, отличавшихся вѣротерпимостью, веденіе метрическихъ записей находилось въ рукахъ духовенства.

При такихъ аристократическихъ конституціяхъ, съ религіозной подкладкой, общественная дѣятельность до 1829 года была очень слаба. Однако нѣкоторыя учрежденія, какъ, напримѣръ, федеральная военная школа въ Тунѣ, швейцарское общество естественныхъ наукъ, студенческое общество въ Цофингенѣ и федеральныя состязанія въ стрѣльбѣ (первое было въ 1824 году), уже указывали на начало сближенія между гражданами различныхъ кантоновъ. Но самою главною политическою заботою этого періода было наблюденіе за чужеземными эмигрантами. Швейцарія служила убѣжищемъ для изгнанниковъ и въ ней печатались газеты, враждебныя европейскимъ правительствамъ. Великія державы протестовали противъ этого, и въ 1823 году бернское правительство склонило союзный Сеймъ вотировать *conclusum*, который предписывалъ кантонамъ «воспрещать въ газетахъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ все, что можетъ нарушить должное уваженіе къ державамъ, находящимся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Швейцаріей, и не допускать того, чтобы на союзной территоріи жили лица, совершившія въ своемъ отечествѣ преступленія противъ общественнаго спокойствія». Отъ каждаго иностранца должны были требовать удостовѣренія его личности, выданнаго властями его родины. Многіе кантоны установили даже цензуру. Этотъ *conclusum*, вотированный сначала на одинъ годъ, былъ потомъ возобновляемъ ежегодно до 1829 года. Такимъ образомъ единственный важный актъ союзнаго правительства заключался въ полицейской мѣрѣ абсолютическаго характера.

Возрожденіе (1829—37).—Съ 1829 г. начинается рядъ волненій, революцій и гражданскихъ войнъ, который заканчивается общею войною 1847 года. Швейцарцы называютъ это время періодомъ *возрожденія.*

До тѣхъ поръ политическое движеніе въ Швейцаріи совершалось подъ иностраннымъ вліяніемъ. Съ 1829 года сами швейцарцы берутъ на себя починъ въ дѣлѣ конституціонныхъ реформъ. Съ этого года появляется демократическая партія, которая стремится преобразовать сначала кантональныя конституціи, а затѣмъ и союзную. Партія эта вербовалась преимущественно въ средѣ людей, устраненныхъ отъ участія въ правительствѣ. Она вскорѣ приняла названіе *радикальной* и требовала пересмотра кантональныхъ конституцій.

Это движеніе, начавшееся въ 1829 году, было усилено французскою революціей 1830 года. Почти во всѣхъ кантонахъ, исключая горныхъ, жители начали собираться, составлять петиціи, требуя пересмотра конституціи, и производить манифестаціи. Для успѣха этого движенія не потребовалось ни революцій, ни даже мятежей, потому что испуганныя правительства изъявили согласіе на пересмотръ.

Главнымъ центромъ движенія былъ Цюрихъ. Одинъ нѣмецкій профессоръ, эмигрантъ Снелль изъ Нассау, основалъ тамъ газету «*Швейцарскій республиканецъ*» и составилъ «*Куцнахскій меморіалъ*», который сталъ программою партіи: народное самодержавіе, всеобщее избирательное право, прямые выборы (1830 годъ).

Одинъ за другимъ одиннадцать наиболѣе населенныхъ кантоновъ мирно произвели пересмотръ своихъ конституцій. Радикальная программа требовала народнаго самодержавія, всеобщей подачи голосовъ, равенства правъ, отдѣленія судебной власти, гласности преній въ палатѣ, религіозной свободы, свободы печати, петицій, промысловъ и мѣстожительства. Пересмотрѣнныя конституціи признали почти всѣ эти основные принципы:

1) Народъ былъ признанъ самодержавнымъ. На будущее время всякая конституція и всякій пересмотръ конституціи могли получить силу только послѣ того, какъ они будутъ приняты большинствомъ избирателей.

2) Всѣ граждане объявлены равноправными, безъ различія по мѣсту жительства и богатству.

3) Большіе Совѣты стали избираться прямою

и всеобщею подачею голосовъ *). Они возобновляются черезъ короткіе сроки; ихъ пренія публичны.

4) Судебная власть была отдѣлена отъ другихъ властей. Исполнительные и законодательные совѣты перестали пользоваться судебной властью.

5) Кантонъ гарантировалъ свободу печати, петицій и религіи.

Союзный Сеймъ, отказавшись отъ надежды спасти аристократическій строй, рѣшилъ (27-го декабря 1830 года) «не вмѣшиваться никоимъ образомъ въ измѣненія конституцій, какія могутъ быть произведены кантонами». Однако онъ долженъ былъ вмѣшаться, чтобы возстановить порядокъ въ тѣхъ кантонахъ, въ которыхъ населеніе раздѣлилось на два враждебныхъ лагеря. Въ Швицѣ внѣшніе округа, не добившись равенства, отдѣлились и составили свою конституцію въ 1833 году и хотѣли образовать отдѣльный кантонъ; они пытались даже напасть на правительственный гарнизонъ. Сеймъ рѣшился дѣйствовать противъ нихъ, какъ противъ нарушителей мира, и послалъ союзныя войска, которыя и возстановили единство кантона. Въ Базелѣ правительство, составленное изъ городскихъ жителей, выработало проектъ конституціи, которая давала городу болѣе сильное представительство; 46 деревенскихъ общинъ вотировали противъ этого проекта. Чтобы отомстить имъ, базельское правительство лишило ихъ мѣстнаго самоуправленія. Въ отвѣтъ на это общины объявили себя самостоятельными и составили свою конституцію, которая была принята 54 общинами. Городъ послалъ войска, но союзный сеймъ принялъ сторону сельскихъ общинъ, подвергшихся нападенію, и базельскій кантонъ распался на два самостоятельныхъ полукантона, городской и сельскій.

Обновленные кантоны захотѣли обновить также и Союзъ, т. е. совершить пересмотръ союзной конституціи, съ цѣлью усилить власть союзнаго правительства, и провозгласить принципъ народнаго самодержавія.

Нѣмецкіе кантоны, наиболѣе дѣятельные, составили, въ мартѣ 1832 г., «конкордатъ семи» (Люцерна, Цюриха, Берна, Золотурна, Сенъ-Галлена, Ааргау и Тургау). Это была лига кантональныхъ правительствъ для взаимной защиты противъ попытокъ возвращенія къ старымъ порядкамъ; правительства обязывались защищать народныя права и вольности, поддерживать правильно установленныя власти и возстановлять оружіемъ порядокъ и конституцію въ кантонахъ, вошедшихъ въ лигу. Эта лига должна была стремиться къ пересмотру союзной конституціи, имѣя въ виду добиться того, чтобы союзная власть гарантировала кантональныя конституціи. «Конкордатъ семи» долженъ былъ утратить свою силу, какъ только союзное правительство приняло бы на себя эту гарантію.

Въ отвѣтъ на этотъ конкордатъ, кантоны, поддерживавшіе старый порядокъ, составили контръ-лигу, въ Сарненѣ, въ ноябрѣ 1832 года; въ нее вошли Невшатель, Базель, Валисъ и три лѣсныхъ кантона. Союзники обязывались не посылать депутатовъ на Союзный Сеймъ, чтобы не допустить пересмотра конституціи. Сеймъ, въ которомъ *обновленные* кантоны имѣли большинство, объявилъ эту контръ-лигу распущенной и заставилъ ея кантоны прислать своихъ депутатовъ. Затѣмъ большинствомъ $13^1/_2$ голосовъ было рѣшено пересмотрѣть конституцію. Росси, который былъ тогда депутатомъ Женевы, составилъ даже проектъ новой конституціи, но онъ былъ отвергнутъ народомъ въ двухъ изъ обновленныхъ кантоновъ, а этого было достаточно, чтобы большинство оказалось не на его сторонѣ. Новаго проекта составить не удалось, и вопросъ о пересмотрѣ союзной конституціи былъ оставленъ. Но это движеніе заставило Сеймъ преобразовать свой уставъ и установить гласность преній.

Послѣ неудавшагося пересмотра политическая жизнь швейцарскихъ кантоновъ вступила въ періодъ смутъ и волненій троякаго рода.

1) Въ политическихъ партіяхъ произошло новое распредѣленіе. До того времени существовали только двѣ партіи: консерваторовъ и либераловъ; послѣ пересмотра либеральная партія распалась на двѣ фракціи. Наиболѣе пылкіе ея члены хотѣли продолжать революцію и установить политическое равенство во всей Швейцаріи; они образовали *радикальную* партію, опиравшуюся на массу избирателей. Напротивъ того, люди, достигнувшіе власти во время движенія за пересмотръ 1830 года, считали революцію оконченною и образовали партію «золотой средины» *), которая противилась дальнѣйшимъ перемѣнамъ. Это была партія буржуазіи, политическихъ дѣятелей, юристовъ и образованныхъ людей; но она не увеличивалась новыми сторонниками, держалась всторонѣ отъ народныхъ ассоціацій и мало-по-малу утрачивала вліяніе на массу избирателей. Радикальною партіей руководило «національное общество» (*National Verein*); къ ней примыкали молодые люди новыхъ поколѣній, и она продолжала агитировать въ пользу пересмотра.

*) Бернъ сохранилъ цензъ, а Фрейбургъ—двустепенные выборы.

*) Ромерсъ выразилъ взгляды этой партіи въ теоріи, или скорѣе въ метафорѣ, которую извѣстный политическій теоретикъ Блунчли внесъ въ свой трактатъ *О государствѣ*. «Существуютъ, сказалъ онъ, четыре партіи, соотвѣтствующія четыремъ возрастамъ человѣка: двѣ крайнія: *радикальная*—неопытный ребенокъ, и *абсолютическая*—дряхлый старикъ; двѣ среднія партіи представляютъ политическую мудрость: *либералъ*—это молодой человѣкъ, *консерваторъ*—человѣкъ зрѣлаго возраста.

2) Благодаря реакціи, наступившей въ Европѣ послѣ движенія 1830 года, Швейцарія наполнилась политическими изгнанниками, которыхъ монархическія правительства обвиняли въ заговорахъ. Польскіе эмигранты предприняли даже вооруженную экспедицію противъ Невшателя (1833 г.) и противъ Савойи (1834 г.). Сторонники Мадзини основали въ Романской Швейцаріи секцію «молодой Европы», *Молодую Швейцарію*. Нѣмецкіе эмигранты въ одномъ трактирѣ, въ окрестностяхъ Берна, развернули знамя Германской имперіи и пѣли патріотическія пѣсни (1834 годъ). Австрія и Баварія потребовали ихъ выдачи; Бернъ отказалъ, и онѣ прервали дипломатическія сношенія. Французское правительство потребовало выдачи нѣкоего Конселя, котораго обвиняли въ сообщничествѣ съ Фіески, совершившаго покушеніе на Луи-Филиппа. Бернская полиція объявила, что Консель—полицейскій агентъ-подстрекатель. Тогда французское правительство установило *герметическую блокаду* (оно никого не пропускало изъ Швейцаріи черезъ французскую границу) и принудило Сеймъ извиниться (1836 годъ). Въ 1838 году французское правительство потребовало изгнанія принца Наполеона. Въ этихъ столкновеніяхъ радикалы поддерживали изгнанниковъ во имя независимости Швейцаріи и демократическихъ принциповъ; либералы же поддерживали требованія монархическихъ правительствъ и, соединившись съ консерваторами, заставили Сеймъ учредить, какъ и въ 1823 году, союзную полицію для надзора за эмигрантами.

3) Въ католическихъ кантонахъ произошло также преобразованіе партій. Составилась католическая партія, которая отдавала преимущество религіознымъ вопросамъ надъ политическими; эта партія опиралась не на консерваторовъ, а на крестьянъ, и представлялась демократическою партіей. Она стремилась при помощи деревенскихъ избирателей вырвать власть изъ рукъ либераловъ.

Мѣстныя столкновенія (1837 — 1845). Столкновенія начались по поводу церковной организаціи. До 1815 года нѣмецкая Швейцарія принадлежала къ Констанцской епархіи. Швейцарскія правительства, не желая подчиненія иностранному епископу, добились послѣ продолжительныхъ переговоровъ учрежденія шести швейцарскихъ епископствъ, непосредственно подчиненныхъ папѣ. Нѣкоторыя либеральныя правительства вошли между собою въ соглашеніе (1833 годъ) и составили баденскія статьи (1834 годъ), которыя опредѣляли отношенія между церковью и государствомъ такимъ образомъ, что устанавливалось преобладаніе свѣтской власти. Папа осудилъ эти статьи, какъ противныя правиламъ церкви. Произошло нѣсколько возстаній католическаго населенія противъ протестантскихъ правительствъ въ Ааргау, Сенъ-Галленѣ и Бернской Юрѣ.

Во многихъ кантонахъ мѣстные раздоры доходили до вооруженныхъ столкновеній. Такъ было въ Швицѣ (1838 г.) по вопросу о пользованіи общественными пастбищами (*Allmende*); владѣльцы крупнаго скота, прозванные *Hornen* (рога), явились на народное собраніе, вооруженные дубинами; ихъ противники, владѣльцы мелкаго скота, прозванные *Klauen* (раздвоенныя копыта), не были вооружены. Приступили къ баллотировкѣ, но она дала сомнительный результатъ; тогда *Hornen* разогнали дубинами *Klauen*.—Въ Тессинѣ дѣло дошло до ружей (1839 годъ), и радикалы побѣдили.—Въ Валисѣ радикалы, уже давно требовавшіе равнаго представительства для Нижняго Валиса, добились пересмотра конституціи (1838 годъ); Союзный Сеймъ поддержалъ ихъ и заставилъ избрать путемъ всеобщаго голосованія совѣтъ, который составилъ конституцію. Верхній Валисъ, желая сохранить свои привилегіи, хотѣлъ отдѣлиться, но Сеймъ не дозволилъ этого. Новая конституція была представлена на всенародное голосованіе. Нижній Валисъ принялъ ее 8,000 голосами; Верхній Валисъ вотировалъ противъ и утверждалъ, что на его сторонѣ было 10,770 голосовъ; обманъ былъ очевиденъ. Радикалы Нижняго Валиса взялись за оружіе, вторглись въ Верхній Валисъ и принудили его принять конституцію (1840 годъ).

Изъ всѣхъ этихъ мелкихъ войнъ самою характерною была «цюрихская схватка» 1839 года. Радикальное правительство Цюриха пригласило въ цюрихскій университетъ (основанный въ 1833 году) нѣмецкаго профессора, знаменитаго раціоналиста, Штрауса, автора «*Жизни Іисуса Христа*». Раздраженные этимъ пасторы основали *Комитетъ Вѣры*, который требовалъ удаленія Штрауса. Правительство уволило его, но вмѣстѣ съ тѣмъ заявило, что не можетъ допустить, чтобы *Комитетъ Вѣры* организовалъ общинныя собранія. Комитетъ протестовалъ и созвалъ большое собраніе изъ 15,000 человѣкъ, которое рѣшило подать петицію. 6 сентября 1839 года отъ 4 до 5 тысячъ человѣкъ, собранныхъ рано утромъ пасторами въ Пфеффиконѣ, на берегу озера, двинулись къ Цюриху. Во главѣ шли 500 человѣкъ, вооруженныхъ ружьями; у остальныхъ были косы и цѣпы; толпа пѣла духовные гимны. Въ этомъ году союзное правительство (директорія) находилось въ Цюрихѣ. Для защиты этого правительства въ городѣ было только 190 пѣхотинцевъ и 30 кавалеристовъ. Одного залпа было бы достаточно, чтобъ остановить инсургентовъ; но войско было тотчасъ же отозвано въ казармы; горожане, которымъ было поручено охранять арсеналы, сдали ихъ, а члены совѣта подали въ отставку. Овладѣвъ городомъ, инсур-

генты учредили Временный Совѣтъ, въ рукахъ котораго и оказалась союзная власть. Такимъ образомъ было достаточно небольшого кантональнаго возстанія, чтобы измѣнить составъ союзнаго правительства. Во время этихъ столкновеній среднія партіи, либералы и консерваторы, мало-по-малу лишились вліянія на правительство кантоновъ, и оно перешло къ двумъ крайнимъ партіямъ. Въ протестантскихъ кантонахъ радикалы заняли мѣсто членовъ старинныхъ городскихъ фамилій. Въ католическихъ кантонахъ демократическая католическая партія низвергла правительства, отстаивавшія преобладаніе свѣтской власти. Іезуиты руководили этимъ движеніемъ и, пользуясь имъ, основывали свои гимназіи. Эта партія завоевала Фрейбургъ въ 1837 году, а Люцернъ—въ 1841 году. Большинствомъ 17,555 голосовъ противъ 1,679, въ Люцернѣ народъ принялъ демократическую католическую конституцію, которая установляла представительство равное для городовъ и деревень, уничтожила «Баденскія статьи» и отмѣнила свѣтскій надзоръ за школами. Новое правительство повергло эту конституцію на утвержденіе папы.—Въ Валисѣ, побѣдивъ въ кровопролитной битвѣ, католики ввели конституцію, которая воспрещала публичное богослуженіе для всякой другой религіи, кромѣ католической (1844 г.).

Политическія силы сгруппировались мало-по-малу, безъ различія кантоновъ, въ двѣ партіи, католическую и ея противниковъ. Въ 1841 году протестантское правительство Ааргау, послѣ мятежа католиковъ противъ пересмотра конституціи, закрыло въ своемъ кантонѣ восемь монастырей. Католики добились отмѣны Сеймомъ этого распоряженія, какъ противнаго союзной конституціи. Ааргау пошелъ въ 1843 году на компромиссъ и возстановилъ женскіе монастыри; но въ 1844 году онъ попросилъ у сейма изгнанія іезуитовъ.—Для борьбы съ католическимъ правительствомъ Люцерна составились батальоны волонтеровъ, которые взяли оружіе изъ союзныхъ арсеналовъ. Адвокатъ Оксенбайнъ, командовавшій ими, сдѣлался впослѣдствіи начальникомъ союзнаго генеральнаго штаба. Они два раза нападали на Люцернъ, но были побѣждены (1844—1845 гг.). Люцернское правительство осудило своихъ подданныхъ, попавшихся ему въ плѣнъ, какъ уголовныхъ преступниковъ.

Зондербундъ и гражданская война (1845—1847 гг.).—Швейцарія распалась на двѣ непримиримыя партіи, готовыя начать войну. Оффиціальнымъ выраженіемъ этого со стороны католиковъ было основаніе «Отдѣльнаго Союза» (*Sonderbund*) изъ семи католическихъ кантоновъ: Ури, Швица, Унтервальдена, Цуга, Люцерна, Фрейбурга и Валиса (1845 г.). Эти семь кантоновъ обязывались, «въ случаѣ *нападенія* на одинъ или нѣсколько изъ нихъ, отражать это нападеніе общими силами». Дѣло шло о «*защитѣ* ихъ кантональной независимости и территоріи». Слѣдовательно, это былъ «оборонительный союзъ, заключенный по образцу старыхъ союзовъ». Былъ учрежденъ военный совѣтъ изъ семи делегатовъ, по одному отъ каждаго кантона. На этотъ совѣтъ было возложено «высшее управленіе военными дѣлами»; онъ долженъ былъ «принимать всѣ необходимыя мѣры для защиты кантоновъ». Каждый кантонъ принималъ на себя часть расходовъ, пропорціонально тому, что платилъ въ кассу Швейцарскаго Союза.

Радикальная партія потребовала отъ Сейма изгнанія іезуитовъ и уничтоженія *Зондербунда*. Это значило объявить войну. Многіе кантоны колебались. Чтобы добиться большинства въ Сеймѣ, радикалы употребляли всѣ усилія для низверженія тѣхъ кантональныхъ правительствъ, которыя хотѣли оставаться нейтральными. Они сдѣлали изгнаніе іезуитовъ преобладающимъ вопросомъ швейцарской политики и воспользовались непопулярностью іезуитовъ, чтобы компрометтировать правительства, которыя ихъ поддерживали. Этимъ путемъ они добились пересмотра конституціи и овладѣли властью въ Ваатландѣ (1845 г.), въ Бернѣ, Женевѣ (1846 г.) и въ Сенъ-Галленѣ (1847 г.). Вмѣстѣ съ Сенъ-Галленомъ они пріобрѣли въ Сеймѣ большинство въ пользу войны (12 голосовъ и два полголоса). Собраніе распустило *Зондербундъ*, затѣмъ пригласило кантоны удалить іезуитовъ. Кантоны, вошедшіе въ *Зондербундъ*, рѣшили сопротивляться и отозвали своихъ депутатовъ изъ Сейма.

Сеймъ поручилъ веденіе войны консерватору, генералу Дюфуру. Въ ноябрѣ онъ уже имѣлъ 100,000 человѣкъ и 172 орудія. Зондербундъ располагалъ 30,000 человѣкъ и 74 орудіями. Но онъ разсчитывалъ на безсиліе Сейма, на трудности веденія войны въ горахъ и на помощь со стороны европейскихъ правительствъ. Четыре великія континентальныя державы (Австрія, Пруссія, Россія и Франція) обѣщались вмѣшаться для поддержанія гарантированныхъ ими *Договора* 1815 года и кантональной независимости. Военный совѣтъ получилъ отъ Австріи 400,000 флориновъ и 3,000 ружей, а отъ Луи-Филиппа—пушки. Сеймъ, секретно предупрежденный англійскимъ правительствомъ о томъ, что великія державы намѣрены вмѣшаться, предписалъ Дюфуру дѣйствовать быстро. Дюфуръ двинулся со всѣми своими войсками на Фрейбургъ, который сдался безъ битвы (14 ноября), потомъ—на Цугъ, а затѣмъ—на Люцернъ. Армія *Зондербунда* разбѣжалась; Люцернъ былъ взятъ (24 ноября). Лѣснымъ кантонамъ ничего болѣе не оставалось, какъ капитулировать. Тогда приступили къ покоренію Валиса. Кампанія продолжалась только три недѣли. Предложеніе посредничества со стороны державъ явилось, когда все уже было кон-

чено. Сеймъ отвѣтилъ, что посредничество уже не имѣло цѣли.

Въ войнѣ *Зондербунда* дѣло шло о принципѣ свѣтской партіи, стремившейся къ нейтрализаціи, и конфессіональной партіи—къ независимости кантоновъ. По мѣрѣ того, какъ союзная армія занимала сопротивлявшіеся кантоны, она изгоняла іезутовъ и другихъ монаховъ; затѣмъ она принуждала населеніе установить новое правительство, составленное изъ радикаловъ, которые объявляли, что кантонъ выходитъ изъ *Зондербунда*, и производили пересмотръ кантональной конституціи. Въ Фрейбургѣ новый совѣтъ, члены котораго были взяты изъ радикальнаго меньшинства, произвелъ пересмотръ и управлялъ кантономъ вопреки демократическому принципу, не испрашивая согласія населенія, которое, какъ было извѣстно, относилось враждебно къ перевороту.

Радикальная партія, побѣдивъ католическую, сдѣлалась господиномъ Швейцаріи и сохраняетъ это положеніе до сихъ поръ.

Союзная конституція 1848 года.—Одержавъ побѣду, радикальная партія преобразовала Швейцарію согласно своимъ принципамъ. Сеймъ поручилъ особой комиссіи составить новую конституцію. Это была конституція 1848 года. Вмѣсто союза государствъ (*Staatenbund*), установленнаго актомъ 1815 года, она учредила союзное государство (*Bundesstaat*).

Новая конституція сохранила старую формулу: «Населеніе 22-хъ суверенныхъ кантоновъ образуетъ *Швейцарскій Союзъ*»,— и даже заимствовала изъ конституціи Соединенныхъ Штатовъ фразу: «Кантоны суверенны и пользуются всѣми тѣми правами, которыя не переданы ими союзной власти». Но конституція эта обязываетъ кантоны «испрашивать у Союза гарантію ихъ конституціи» и опредѣляетъ условія, которымъ онѣ должны удовлетворять, а именно:

1) Чтобы кантональныя конституціи не заключали въ себѣ ничего противнаго союзной конституціи.

2) Чтобы онѣ обезпечивали пользованіе политическими правами согласно республиканскимъ формамъ правленія, представительнымъ и демократическимъ.

3) Чтобы онѣ были приняты народомъ и подлежали пересмотру, если его потребуетъ абсолютное большинство гражданъ.

Всякій политическій союзъ между кантонами воспрещается.

Такимъ образомъ были установлены принципы и политическія формы, обязательные для всѣхъ швейцарцевъ; создалось высшее союзное публичное право, которое придаетъ Швейцаріи политическое единство.

Въ основу этого союзнаго права легли взгляды радикальной партіи: это право допускаетъ форму правленія лишь *республиканскую* (Невшатель объявилъ себя независимымъ отъ прусскаго короля) и демократическую, со всеобщимъ избирательнымъ правомъ и плебисцитомъ, при которомъ всякая конституція подвергается всенародному голосованію и должна быть пересмотрѣна, если этого потребуетъ большинство избирателей. Отечествомъ признается уже не кантонъ, а Швейцарія. До 1848 года человѣкъ, изгнанный изъ своего кантона, становился Heimatlos (безъ отечества); теперь уже всякій швейцарецъ пользуется гражданскими правами на всемъ протяженіи Швейцарскаго Союза. Федеральная власть гарантируетъ ему равноправность, свободу брака, торговли, промышленности, печати, ассоціацій и вѣроисповѣданія.

Конституція дѣлитъ власть между кантономъ и Союзомъ. Кантонъ сохраняетъ свое гражданское и уголовное законодательство, свою полицію, завѣдываніе вѣроисповѣдными дѣлами, народнымъ образованіемъ, дорогами, наборомъ и довольствіемъ арміи, назначеніемъ офицеровъ, налогами; но кантонъ подчиненъ союзнымъ законамъ. Союзу предоставлены иностранныя сношенія, командованіе арміею, таможня, почта, монета. Со введеніемъ конституціи 1848 года, Швейцарія обладаетъ общими учрежденіями: союзною почтою, таможней (всѣ внутреннія таможни уничтожены), союзною монетой, союзными мѣрами и вѣсами (принята французская метрическая система), союзною арміей, которою завѣдуетъ союзный генеральный штабъ. Швейцарская армія, преобразованная при пересмотрѣ конституціи въ 1874 году,—армія національная, пополняемая посредствомъ общей воинской повинности, но съ очень короткимъ срокомъ службы, всего отъ сорока двухъ до восьмидесяти дней. Это военная школа, въ которой молодые люди остаются столько времени, сколько это необходимо, чтобы научиться обращенію съ оружіемъ и военному строю, подъ командою офицеровъ, остающихся гражданами.

Вмѣсто прежняго союзнаго Сейма, конституція 1848 года создала союзное правительство, состоящее изъ трехъ органовъ, которымъ предоставлены три власти, признававшіяся ученіемъ, весьма распространеннымъ въ то время: *Союзное Собраніе* осуществляетъ законодательную власть. *Союзному Совѣту* изъ семи членовъ, избираемыхъ на три года Союзнымъ Собраніемъ, предоставлена *власть исполнительная*; на дѣлѣ каждый изъ этихъ семи членовъ Совѣта завѣдуетъ особою отраслью управленія (политика, внутреннія дѣла, юстиція и полиція, финансы, торговля и земледѣліе, почта и желѣзныя дороги). Президентъ избирается на годъ и по окончаніи этого срока не можетъ быть избранъ вновь. *Союзный Судъ*, избираемый Собраніемъ, осуществляетъ судебную власть, но не имѣетъ права не примѣнять, какъ въ Америкѣ,

законовъ, которые онъ считаетъ противными конституціи.

Союзное Собраніе не составляетъ единаго собранія, представляющаго швейцарскій народъ, какъ того требовали демократы. По примѣру Соединенныхъ Штатовъ, оно состоитъ изъ двухъ палатъ. *Національный Совѣтъ*, избираемый прямыми выборами всѣми гражданами, по одному депутату отъ каждыхъ 20,000 душъ, представляетъ швейцарскій народъ; *Кантональный Совѣтъ (Ständerath)*, составленный изъ двухъ депутатовъ отъ каждаго кантона, является представителемъ суверенитета кантоновъ. Никакая мѣра не можетъ быть принята, если за нее не выскажется большинство въ обоихъ Совѣтахъ; но избраніе членовъ исполнительной власти и Союзнаго Суда происходитъ въ соединенномъ собраніи обоихъ Совѣтовъ. Всѣ депутаты получаютъ жалованье. Правительство имѣетъ постоянное мѣстопребываніе въ Бернѣ, который и сдѣлался столицей Союза.

Вслѣдствіе того уваженія, съ которымъ конституція 1848 г. отнеслась къ суверениту кантоновъ, а также благодаря раздѣленію Союзнаго Собранія на двѣ палаты, конституція эта является компромиссомъ между привычкою кантоновъ къ автономіи и централизаціонными стремленіями радикальной партіи. Комиссія, совершавшая пересмотръ, ясно высказала это въ своемъ докладѣ. «Если Швейцарія не находится болѣе въ томъ положеніи, для котораго былъ созданъ Союзъ 1815 г., то она не находится и въ томъ положеніи, при которомъ возможно было бы одно общее правительство, новая Гельветическая Республика... Какъ ни великъ прогрессъ, совершившійся въ смыслѣ національнаго объединенія, но кантональныя стремленія все еще сильны въ Швейцаріи. Быть можетъ, и удалось бы ввести систему единства, но едва ли возможно было бы поддержать ее... Достигнетъ ли Швейцарія единства впослѣдствіи? Будутъ ли у нея простыя провинціи вмѣсто суверенныхъ кантоновъ? Это возможно, но намъ кажется, что время для этого еще не наступило. Кантональныя стремленія имѣютъ слишкомъ глубокіе корни въ населеніи, и преобразованіе такого рода могло бы вызвать кризисъ, къ которому Швейцарія не подготовлена».

Конституція была подвергнута народному голосованію и принята пятнадцатью съ половиною кантонами. Въ этотъ счетъ включены голоса всѣхъ избирателей Фрейбурга, въ которомъ правительственный совѣтъ далъ отвѣтъ вмѣсто народа. Въ четырехъ кантонахъ, гдѣ большинство голосовавшихъ отвергли новую конституцію, получили требуемое большинство, присоединивши къ меньшинству голоса тѣхъ, которые воздержались отъ голосованія.

Конституція 1848 г. положила начало швейцарской націи. Единство, установленное радикальною партіей, уже не оспаривалось съ тѣхъ поръ; междоусобныя войны прекратились; швейцарцы всѣхъ кантоновъ привыкли считать себя соотечественниками и управляются согласно однимъ и тѣмъ же демократическимъ принципамъ.

Совпавъ съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, новая конституція открыла періодъ неслыханнаго благосостоянія. Швейцарскій народъ, славившійся дотолѣ своей отсталостью, поражаетъ съ тѣхъ поръ быстрымъ развитіемъ своей промышленности, а равно благосостояніемъ, распространившимся по всей Швейцаріи, усовершенствованіемъ своихъ школъ и своею политическою опытностью. (Населеніе возрасло съ 2.190,000 душъ въ 1837 году до 2.390,000 въ 1850 году и до 2.907,000 въ 1888 году).

Установленіе прямого народнаго правительства.—Послѣ 1848 года политическая исторія Швейцаріи состоитъ уже не въ революціяхъ и междоусобныхъ войнахъ; она переполнена *пересмотрами* конституцій. Съ 1830 по 1873 г. въ Швейцаріи насчитывается 83 пересмотра, и на этомъ движеніе не остановилось. Всѣ кантональныя конституціи были обновлены. Въ настоящее время не остается ни одной, которая была бы старше 1848 года. Самая старая изъ нихъ, Бернская (1846 г.), была пересмотрѣна въ 1893 г.

Интересъ этого движенія заключается въ томъ, что оно представляетъ единственную въ исторіи попытку установленія непосредственной республики. Этотъ опытъ производится въ двухъ формахъ: въ видѣ *законодательнаго почина (инициатива)* и законодательной санкціи, называемой въ Швейцаріи *референдумомъ*. Законодательный починъ состоитъ въ правѣ всякой, достаточно многочисленной, группы гражданъ внести предложеніе и обязать правительство подвергнуть его народному голосованію. Законодательная санкція заключается въ правѣ, признанномъ за народомъ, рѣшать путемъ голосованія, одобряетъ онъ или отвергаетъ принятую правительствомъ мѣру.

Инициатива и референдумъ являются формою участія народа въ работѣ собраній его представителей и создаютъ въ Европѣ совершенно новую форму правленія. При *представительномъ* образѣ правленія европейскихъ государствъ, граждане пользуются только однимъ политическимъ правомъ—избирать депутатовъ; они—только избиратели. Во всѣхъ кантонахъ Швейцаріи граждане, кромѣ права избирать депутатовъ, пріобрѣли съ 1848 г. право участвовать въ составленіи конституціи; они пользуются *учредительною* властью. Въ нѣкоторыхъ кантонахъ они пріобрѣли право участвовать не только въ выработкѣ конституціи, но также и въ законодательствѣ; слѣдовательно, они имѣютъ и *учредительную*, и *законодательную* власть.

Чтобы хорошо понять очень сложную исторію этого нововведенія, необходимо строго различать *референдумъ* отъ *законодательнаго почина*, *конституцію* (конституціонный законъ) отъ (обыкновеннаго) *закона*, *союзныя* учрежденія отъ *кантональныхъ*. Такимъ образомъ мы должны прослѣдить отдѣльно: 1) исторію референдума и исторію законодательнаго почина въ примѣненіи къ *союзнымъ конституціоннымъ законамъ;* 2) исторію референдума и законодательнаго почина въ примѣненіи къ *конституціоннымъ законамъ* каждаго отдѣльнаго *кантона;* 3) исторію референдума въ области *обыкновенныхъ союзныхъ законовъ* (права законодательной иниціативы—ихъ у народа не существуетъ); 4) исторію референдума и законодательной иниціативы въ области обыкновенныхъ законовъ отдѣльныхъ *кантоновъ*. Но эволюція всѣхъ этихъ учрежденій была такъ однообразна, что ея исторію можно изложить по отдѣламъ.

Законодательный починъ и санкція въ области конституціонныхъ законовъ.—Въ конституціонныхъ вопросахъ радикальная партія еще съ 1830 г. признала тотъ принципъ, что только самъ народъ имѣетъ право установить свою конституцію; поэтому собраніе его представителей не должно имѣть учредительной власти; оно можетъ составить только проектъ конституціи; но этотъ проектъ обращается въ конституцію только послѣ того, какъ онъ принятъ формальнымъ *голосованіемъ* самого народа, такъ что только это голосованіе придаетъ конституціи обязательный характеръ. Это ученіе ведетъ свое начало со времени Гельветической республики 1798 года, которая сама заимствовала его отъ французскихъ республиканцевъ; это не что иное, какъ французскій санкціонирующій плебисцитъ. Всѣ контональныя конституціи, пересмотрѣнныя послѣ 1830 г., признаютъ народную *санкцію* обязательною, какъ для установленія, такъ и для пересмотра конституціи (кромѣ Фрейбурга, гдѣ это признано только въ 1857 г.).

Тотъ же принципъ народнаго суверенитета неизбѣжно приводилъ къ признанію за гражданами права конституціоннаго почина, т. е. права требовать, чтобы народъ былъ призванъ рѣшить, желаетъ ли онъ пересмотра конституціи. Въ большей части крупныхъ кантоновъ конституціи, пересмотрѣнныя послѣ 1830 г., еще не признавали этого права; право предлагать пересмотръ конституцій они оставляли за собраніемъ представителей. Лишь нѣкоторые кантоны (Шафгаузенъ, Аргау, Базель-Сельскій) установили, что достаточно было петиціи отъ извѣстнаго числа гражданъ, чтобы обязать правительство предложить народу вопросъ о пересмотрѣ. Кромѣ того, люди «золотой средины», сторонники устойчивости государственнаго строя, составлявшіе почти всѣ конституціи, вносили въ нихъ статью, воспрещающую всякую перемѣну втеченіе извѣстнаго времени. Это приводило къ тому, что народъ нарушалъ эти конституціи, принуждая правительство приступать къ пересмотру до истеченія установленнаго срока. Такимъ образомъ право почина устанавливалось по мѣрѣ того, какъ радикальная партія пріобрѣтала силу.

Въ 1848 г. союзная конституція признала эту радикальную доктрину принципомъ публичнаго права Швейцаріи. Она постановила, что всякая конституція должна быть «утверждена народомъ» *(санкція)* и должна «быть пересмотрѣна, когда того потребуетъ абсолютное большинство гражданъ» *(починъ)*. Впослѣдствіи нѣкоторые кантоны сдѣлали право почина еще болѣе доступнымъ, признавъ, что для предъявленія требованія о пересмотрѣ достаточно извѣстнаго числа гражданъ.

Эти принципы, положенные въ основаніе кантональныхъ конституцій, тою же конституціей 1848 г. были примѣнены и къ союзной конституціи. Союзная конституція также подлежитъ *санкціи* народа и вступаетъ въ силу лишь послѣ того, какъ она принята большинствомъ народа и большинствомъ кантоновъ. Она можетъ быть пересмотрѣна во всякое время по почину 50,000 гражданъ (въ 1874 г. эту цифру понизили до 30 тысячъ человѣкъ). Въ 1848 г. еще не предусматривали случая частнаго пересмотра; но въ 1891 г. была вотирована поправка, которая устанавливала *народный починъ*, т. е. обязывала союзное правительство подвергать голосованію всякое требованіе, представленное 50,000 швейцарскихъ гражданъ. Такимъ образомъ проектъ конституціонной поправки, составленный всякимъ частнымъ лицомъ и подписанный 50,000 гражданъ, можетъ, вопреки Союзному Собранію, быть переданъ на обсужденіе гражданъ и сдѣлаться конституціоннымъ закономъ, если за него выскажется большинство избирателей и кантоновъ.

Починъ и санкція въ области обыкновеннаго законодательства. — Непосредственное участіе народа въ области обыкновеннаго законодательства вначалѣ не казалось необходимою принадлежностью народнаго суверенитета. *Законодательною* властью считалось представительное собраніе, которому одному поручалось изданіе (обыкновенныхъ) законовъ. Поэтому прогрессъ въ этой области былъ болѣе медленнымъ, чѣмъ въ области учредительныхъ конституціонныхъ вопросовъ.

Первый опытъ былъ произведенъ въ 1831 году учредительнымъ совѣтомъ, на который было возложено составленіе конституціи для кантона Сенъ-Галленъ, и опытъ этотъ былъ совершенъ подъ вліяніемъ философской доктрины. Право утверждать законы потребовалъ для народа послѣдователь Гегеля, маіоръ Діогъ. «Для меня прежде всего необходимо знать,—говорилъ онъ,

—какой принципъ ляжетъ въ основаніе нашего труда. Мнѣ извѣстенъ только одинъ принципъ народнаго суверенитета. Суверенъ—это носитель верховной власти; его воля—законъ. Мнѣ говорятъ о представительномъ суверенитетѣ; но кто передастъ свою власть другому, тотъ уже не суверенъ. Народъ провозглашенъ совершеннолѣтнимъ, полноправнымъ, но если ему дадутъ Великій Совѣтъ въ опекуны, то онъ перестанетъ быть совершеннолѣтнимъ». Когда ему стали указывать на преимущества представительнаго образа правленія, онъ отвѣчалъ: «Вы желаете принять за основаніе народное благо. Но рѣчь идетъ не о народномъ благѣ, а о правѣ. Вѣдь въ концѣ концовъ можно было бы доказывать, что лучшій образъ правленія—конституціонная монархія». Пренія окончились компромисомъ. Рѣшили, что законы, изготовляемые Великимъ Совѣтомъ, будутъ представляться на одобреніе народа, но въ томъ только случаѣ, если народъ потребуетъ этого втеченіе извѣстнаго срока. Эта факультативная санкція была названа правомъ *Veto*, въ память права римскихъ трибуновъ. Даже въ этой скромной формѣ законодательная санкція не имѣла большого успѣха въ Сенъ-Галленѣ: за конституцію было подано 9,190 голосовъ, противъ нея—11,091 голосъ; 12,692 гражданина воздержались отъ подачи голоса. Ихъ голоса присоединили къ поданнымъ *за* и объявили конституцію принятой.

Право *Veto*, введенное въ Люцернѣ (1841 годъ), было скомпрометтировано въ глазахъ радикаловъ тѣмъ употребленіемъ, которое изъ него сдѣлала католическая партія. Оно появилось вновь подъ названіемъ *референдума*. Это—старое слово, получившее другой смыслъ. Въ старинномъ швейцарскомъ Союзѣ и въ кантонахъ Граубюнденскомъ и Валійскомъ (которые сами имѣли союзное устройство) всѣ делегаты были простыми повѣренными, не пользовавшимися законодательною властью. Они участвовали въ преніяхъ Сейма, но не имѣли права постановлять рѣшеній; они являлись *ad audiendum*, т. е., чтобы *выслушать* дѣлаемыя предложенія, и *ad referendum*, т. е., чтобы *доложить* о нихъ своимъ согражданамъ. На разговорномъ языкѣ стали называть *referendum*'омъ то рѣшеніе, которое народъ принималъ потомъ по тѣмъ предложеніямъ, о которыхъ докладывали ему его делегаты. Этотъ старинный референдумъ исчезъ; жители Граубюнденскаго кантона сохраняли его до 1853 года, но Союзное правительство обязало ихъ уничтожить его, какъ противный конституціи 1848 года, такъ какъ голоса при этомъ считались по общинамъ, а не поголовно. Но съ 1845 года слово *референдумъ* было принято въ смыслѣ законодательной *санкціи* и стало обозначать право народа отвергать законы, составленные его представителями.

Вначалѣ *референдумъ* не былъ обязательнымъ. Законъ, будучи принятъ собраніемъ народныхъ представителей, вступалъ въ силу; народу представлялось только *право* требовать, чтобы онъ былъ подвергнутъ народному голосованію, причемъ онъ могъ быть только принятъ или отвергнутъ цѣликомъ. Такимъ образомъ условный референдумъ былъ еще только правомъ *Veto*.

Въ старыхъ небольшихъ горныхъ кантонахъ населеніе издавна принимало на народныхъ собраніяхъ (*Landsgemeinde*) непосредственное участіе въ государственномъ управленіи. Разъ въ годъ всѣ граждане собирались подъ открытымъ небомъ на какой-нибудь обширной площади, освященной традиціей. Правительство предлагало свои законопроекты, а собраніе голосовало ихъ поднятіемъ рукъ; такимъ образомъ народъ непосредственно участвовалъ въ законодательствѣ. Даже законодательный починъ принадлежалъ не одному правительству; каждый гражданинъ имѣлъ право предложить собранію свой проектъ, и если собраніе принимало его, то онъ обращался въ законъ. Это былъ личный законодательный починъ. (Въ Ури требовалось, чтобы проектъ былъ предложенъ семью гражданами изъ семи разныхъ семействъ). Шесть кантоновъ сохраняли эту систему до 1848 года; въ Швейцаріи ее называли *демократическимъ режимомъ*.

Но такой порядокъ возможенъ только при маломъ числѣ гражданъ, которымъ приходится рѣшать очень несложныя дѣла. Швицъ и Цугъ замѣнили народное собраніе собраніемъ представителей. Народное собраніе удержалось даже послѣ недавнихъ пересмотровъ конституцій въ двухъ кантонахъ (Ури и Гларусѣ) и въ четырехъ полукантонахъ: двухъ Унтервальдена и двухъ Аппенцеля.

На практикѣ факультативный референдумъ былъ не болѣе, какъ фикціей; право народа на законодательную власть признавалось въ принципѣ, но для осуществленія его требовалась особая манифестація; въ дѣйствительности одни собранія представителей продолжали вырабатывать законы. Только въ малыхъ кантонахъ, гдѣ сохранились *Landsgemeinde*, народное собраніе вотировало непосредственно законопроекты. Въ другихъ кантонахъ только послѣ долгихъ колебаній рѣшились дать народу возможность высказываться дѣйствительно по всѣмъ законопроектамъ, т. е. сдѣлали референдумъ обязательнымъ. Сначала его примѣнили только къ финансовымъ дѣламъ. По поводу предполагавшейся постройки желѣзной дороги, Невшатель установилъ обязательный референдумъ для всякаго расхода въ 500,000 франковъ (1858 г.). Валисъ принялъ его для расходовъ въ милліонъ франковъ (1861 г.). Первый опытъ полнаго референдума въ области обыкновеннаго законода-

тельства былъ произведенъ въ полукантонѣ Базелѣ-Сельскомъ. Его конституція 1863 года установила, что два раза въ годъ правительство должно представлять на народное голосованіе всѣ законы и всѣ распоряженія, представляющія общій интересъ.

Параллельно съ эволюціей, окончившейся обязательнымъ референдумомъ, радикальная партія вела агитацію въ пользу народнаго *законодательнаго почина*. Мысль о немъ возникла впервые въ Ваатландскомъ кантонѣ, при пересмотрѣ конституціи въ 1845 году. Въ этомъ кантонѣ, въ особенности среди рабочихъ Вевэ, были революціонеры, находившіеся, какъ говорятъ, въ сношеніяхъ съ французскими тайными обществами. Ихъ противники упрекали ихъ въ томъ, что они читаютъ Буонаротти и держатся коммунистическихъ взглядовъ. Они предложили внести въ конституцію законъ объ «организаціи труда». «Учредительный Совѣтъ» отвергъ это предложеніе, но призналъ законодательное *Veto* недостаточнымъ, потому что оно указывало только на то, чего народъ не хочетъ. Чтобы дать народу возможность выражать свою волю, рѣшили, что всякое требованіе, представленное 8,000 гражданъ, должно быть разсмотрѣно Великимъ Совѣтомъ и подвергнуто голосованью общинныхъ сходовъ.

Законодательный починъ былъ принятъ въ 1848 году кантонами, отмѣнившими свои народныя собранія (Швицъ и Цугъ); затѣмъ онъ былъ принятъ въ Ааргау (1852 г.). На него стали смотрѣть, какъ на необходимое дополненіе къ референдуму. Пересмотрѣнная въ 1863 году конституція Базеля-Сельскаго предоставила каждымъ 1.500 гражданамъ право предложить законопроектъ. Такимъ образомъ народъ пріобрѣлъ не только право *санкціи*, но и право законодательнаго *почина*. Съ тѣхъ поръ эти два учрежденія были поддерживаемы одною и тою же партіей и включались одновременно во всѣ пересматривавшіяся конституціи. Оба они основаны на идеѣ непосредственнаго народнаго правительства; народъ имѣетъ не только учредительную власть, но и законодательную. Пользуясь правомъ почина, онъ предлагаетъ законы и онъ же утверждаетъ ихъ путемъ референдума.

Этотъ порядокъ постепенно былъ введенъ во всѣхъ кантонахъ, иногда въ неполной формѣ (въ видѣ только факультативнаго референдума, или примѣняемаго только къ финансовымъ дѣламъ). Рѣшительной побѣдой былъ пересмотръ конституціи въ Цюрихѣ (1869 г.). Комитетъ, учрежденный для агитаціи въ пользу реформы, ясно поставилъ вопросъ, требуя референдума и законодательнаго почина.—«Дѣло идетъ о томъ, чтобы преобразовать теперешній кажущійся суверенитетъ народа въ дѣйствительный, о томъ, чтобы изъять силу и верховную власть изъ рукъ меньшинства и возложить ихъ на сильныя плечи всего народа». Народъ потребовалъ пересмотра. Въ Учредительномъ Совѣтѣ, которому было поручено составить новую конституцію, либералъ Сутеръ предложилъ ограничиться правомъ *Veto*. Ему отвѣчали: «На государственномъ кораблѣ, въ томъ видѣ, какъ его хочетъ организовать Сутеръ, Великій Совѣтъ будетъ держать въ своихъ рукахъ компасъ и руль, а тотъ, кому дѣйствительно принадлежитъ верховная власть, оставаясь на берегу, будетъ только смотрѣть, какъ онъ плаваетъ... Это есть недовѣріе къ народу, къ его способности управлять государственнымъ кораблемъ... Мы же, напротивъ, питаемъ полное довѣріе къ народу... Референдумъ и починъ—новыя права... *Въ противоположность представительной системѣ, начинается новый періодъ дѣйствительно демократическаго непосредственнаго народнаго законодательства.* А г. Сутеръ говоритъ намъ, что Великій Совѣтъ долженъ быть главнымъ носителемъ законодательной власти, народъ—только его помощникъ. Мы-же, напротивъ того, говоримъ: законодательная власть должна принадлежать народу, который, при осуществленіи ея, будетъ отчасти пользоваться услугами Великаго Совѣта».

Конституція 1869 года отмѣнила названіе «Великій Совѣтъ» и объявила, что законодательная власть осуществляется цюрихскимъ народомъ при содѣйствіи Кантональнаго Совѣта. Этому послѣднему предоставлено только право изготовленія законопроектовъ.

Всякій проектъ, представленный по почину 500 гражданъ или поддерживаемый третью членовъ Кантональнаго Совѣта, долженъ быть повергнутъ на голосованіе народа. Два раза въ годъ народъ собирается по общинамъ и голосуетъ эти проекты. Ихъ дѣлятъ на три категоріи: 1) поправки къ конституціи *), законы и конкордаты; 2) рѣшенія, которыя Совѣтъ не имѣетъ права принимать окончательно; 3) рѣшенія, которыя Совѣтъ можетъ принимать самъ, но которыя предпочитаетъ подвергнуть народному голосованію.

Этотъ порядокъ былъ вскорѣ принятъ большинствомъ большихъ нѣмецкихъ кантоновъ: Тургау, Золотурномъ, Берномъ (безъ права почина), Люцерномъ въ 1869 году, Ааргау въ 1870 году. Въ 1860 году насчитывалось въ Швейцаріи 1,030,000 жителей, подчиненныхъ чисто представительному режиму, но въ 1870 году ихъ оставалось только 330,000 (Цугъ, Тессинъ, Фрейбургъ, Женева и Базель-Городъ).

Затѣмъ это движеніе продолжалось болѣе медленно; однако въ 1889 году оставался только

*) Въ нѣмецкихъ кантонахъ, гдѣ государственные люди воспитались на нѣмецкомъ государственномъ правѣ, которое не признаетъ разницы между учредительнымъ и обыкновеннымъ закономъ, смѣшиваютъ если не конституцію, то поправки къ ней, съ обыкновенными законами.

одинъ кантонъ, Фрейбургъ, въ которомъ не было введено непосредственнаго народнаго правительства. Четыре кантона попрежнему управлялись народными собраніями; въ шести съ половиною кантонахъ были введены обязательный референдумъ и законодательный починъ; въ четырехъ съ половиною—факультативный референдумъ и законодательный починъ; въ шести кантонахъ эти права народа признаны лишь съ нѣкоторыми ограниченіями.

Пересмотры союзной конституціи. — Радикальная партія, установивъ законодательный референдумъ въ кантонахъ, начала хлопотать о введеніи его и въ союзную конституцію. Первая попытка пересмотра въ 1865 году не имѣла успѣха; изъ десяти предложенныхъ поправокъ народъ отвергъ восемь. Въ избранномъ въ 1869 г. Національномъ Собраніи большинство оказалось въ пользу пересмотра и рѣшило привести конституцію «въ соотвѣтствіе съ требованіями времени». Такъ же, какъ и въ 1848 году, радикальная партія хотѣла усилить власть союзнаго правительства. Проектъ, принятый обоими Совѣтами, предоставлялъ вѣдѣнію союзной власти гражданское право, желѣзныя дороги, народное образованіе, свободу вѣроисповѣданій, эмиграціонныя агентства, страхованіе и т. д. Онъ установлялъ референдумъ и законодательный починъ.

Тогда вновь появилась оппозиція между партіей, стремившейся къ усиленію союзной власти, и партіей, стоявшей за самостоятельность кантоновъ,—возникшая еще въ 1798 году, но заглушенная борьбою за демократическія учрежденія. Первая состоитъ преимущественно изъ нѣмецкихъ протестантскихъ кантоновъ. Будучи радикальной и свѣтской, она стремится установить единство въ учрежденіяхъ всей Швейцаріи, а равно вмѣшиваться въ управленіе кантоновъ, съ цѣлью установить свѣтское обученіе. Партія, стоящая за самостоятельность кантоновъ, представляетъ коалицію двухъ партій, которыя не довѣряютъ союзной власти по различнымъ причинамъ. Французскіе протестантскіе кантоны, радикальные и свѣтскіе, хотятъ сохранить свою административную автономію и свои романскіе обычаи, которымъ, какъ они думаютъ, угрожаетъ нѣмецкое большинство. Католическіе кантоны, почти всѣ нѣмецкіе (исключая Валиса, Тессина и половины Фрейбурга) защищаютъ противъ нѣмецкихъ радикаловъ власть духовенства надъ школами.

Въ 1872 году коалиція французскихъ и католическихъ кантоновъ помѣшала пересмотру. Новая конституція была отвергнута 260,000 голосовъ противъ 256,000 и тринадцатью кантонами противъ девяти. Національный Совѣтъ немедленно же составилъ новый проектъ. Чтобы склонить на свою сторону французскіе кантоны, онъ отказался отъ объединенія гражданскаго права и оставилъ за кантонами право распоряжаться ихъ войсками, но сохранилъ референдумъ и свѣтское обученіе. «Кантоны должны заботиться о народномъ образованіи, которое должно быть достаточнымъ и находиться исключительно въ завѣдываніи гражданской власти; оно должно быть обязательное и, въ общественныхъ школахъ,—даровое. Общественныя школы должны быть устроены такъ, чтобы ихъ могли посѣщать дѣти всѣхъ вѣроисповѣданій... Союзъ будетъ принимать мѣры противъ кантоновъ, которые не выполнятъ этихъ обязательствъ». — На этотъ разъ французскіе кантоны присоединились къ нѣмецкимъ протестантскимъ, и католическіе кантоны остались одни въ оппозиціи. Конституція 1874 г. была принята 340,000 голосовъ противъ 198,000 и четырнадцатью съ половиною кантонами противъ семи съ половиною. Вотировавшихъ было 214 на каждую тысячу жителей (— цифра исключительно высокая). Конституція установляетъ лишь факультативный референдумъ, но достаточно 30,000 гражданъ, чтобы принудить союзное правительство повергнуть законъ на народное голосованіе.

Учрежденный въ 1874 году референдумъ практиковался часто и отвергъ много законовъ. Онъ послужилъ орудіемъ въ рукахъ коаліціи двухъ партій, находившихся въ меньшинствѣ, французской и католической, противъ нѣмецкаго большинства, протестантскаго и радикальнаго. Въ 1882 году, когда Союзное Собраніе учредило особаго секретаря для наблюденія за школьнымъ образованіемъ, для приведенія въ исполненіе статьи конституціи объ обязательномъ и даровомъ обученіи, референдумъ былъ потребованъ 188,000 гражданъ, и эта мѣра, повергнутая на народное голосованіе, была отвергнута 316,000 голосовъ противъ 175,000.

Конституція въ цѣломъ не подвергалась съ тѣхъ поръ пересмотру, но она была измѣняема частичными пересмотрами, которые принимали форму поправокъ, предлагавшихся Союзнымъ Собраніемъ и *вотировавшихся* народомъ. Съ 1874 по 1891 годъ было вотировано 5 поправокъ: 1) о возвращеніи кантонамъ права возстановлять смертную казнь (1879 годъ); 2) о разрѣшеніи установить монополію Союза на производство и продажу алкоголя (1885 г.); 3) о предоставленіи Союзу права покровительства промышленной собственности; 4) о предоставленіи Союзу исключительнаго права выпускать банковые билеты; 5) о предоставленіи гражданамъ права требовать *частичнаго* пересмотра конституціи; нынѣ достаточно требованія 50,000 гражданъ, чтобы обязать правительство повергнуть на народное голосованіе проектъ поправки конституціи.

Поправка 1891 года была глубокимъ преобразованіемъ, которое значительно увеличило непосредственное вліяніе гражданъ на союзное правительство, и на практикѣ, въ скрытомъ

видѣ, установила законодательный починъ не только конституціонный, но и въ области *обыкновеннаго законодательства*.

Такъ какъ на практикѣ конституціонная поправка ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго закона, то достаточно требованія 50,000 гражданъ, чтобы обязать союзное правительство повергнуть на народное голосованіе любое мѣропріятіе, и если народъ его приметъ, то оно пріобрѣтаетъ силу закона подъ именемъ конституціонной поправки. Такъ въ 1893 году, по народному почину, иниціаторами котораго были антисемиты, въ конституцію было внесено запрещеніе бить скотъ по еврейскому обряду. «Когда швейцарскую демократію заставили совершить этотъ скачекъ въ область неизвѣстнаго, никто и не подумалъ о всей необъятности этого новаго народнаго права... Репутація ума и демократической зрѣлости швейцарскаго народа... должна подвергнуться тяжелому испытанію» (Borgeaud).

Перемѣны въ политическихъ партіяхъ послѣ 1848 года. — Окончательная побѣда демократической партіи въ 1848 г. повела къ преобразованію въ демократическомъ направленіи всѣхъ политическихъ учрежденій Швейцаріи; эта демократическая эволюція особенно ясно обозначилась со времени пересмотра конституціи въ 1874 году и закончилась установленіемъ *непосредственнаго народнаго правительства* посредствомъ періодическихъ народныхъ голосованій. Еще ни одинъ цивилизованный народъ не ушелъ такъ далеко по этому пути. Но торжество радикальной политики не обезпечило за радикальной партіей постояннаго обладанія властью во всѣхъ кантонахъ. При новыхъ радикальныхъ учрежденіяхъ старыя партіи не замедлили овладѣть властью. Чтобы вырвать ее изъ рукъ радикаловъ, онѣ измѣнили тактику. Признавъ демократическія конституціи вотированныя народомъ, онѣ никогда не пытались вернуться къ старымъ порядкамъ и старались повліять на большинство, нападая не на принципы радикаловъ, а на ихъ административную дѣятельность. Въ періодъ реакціи, наступившей послѣ 1848 года, консерваторы и либералы снова овладѣли властью во многихъ кантонахъ (Бернъ, Базель-Городъ), а католическая партія снова одержала верхъ во всѣхъ католическихъ кантонахъ. Радикальная партія обыкновенно сохраняла большинство въ Союзныхъ Собраніяхъ и въ протестантскихъ кантонахъ. Но она могла держаться только путемъ постоянной борьбы противъ трехъ партій (консервативной, либеральной и католической), вступавшихъ иногда между собою въ союзъ. Эта избирательная борьба за власть, соединенная съ борьбою за установленіе непосредственнаго правительства, придаетъ бурный характеръ политической жизни современной Швейцаріи; но, за исключеніемъ Тессина, политическая агитація оставалась въ ней мирной и вращалась въ предѣлахъ признанныхъ всѣми политическихъ формъ.

Исторія этой борьбы усложняется коалиціями и перемѣнами наименованія партій (въ Женевѣ прежніе *консерваторы* превратились въ *независимыхъ*, а потомъ и въ *демократовъ*). Я ограничусь здѣсь указаніемъ только на общую эволюцію партій.

Консервативная протестантская партія настолько ослабѣла *), что можетъ быть выкинута изъ счета. Въ протестантскихъ кантонахъ борьба сосредоточивается между радикальною партіей и либеральной; во французскихъ кантонахъ радикалы удерживаютъ власть за собою; въ нѣмецкихъ кантонахъ замѣчается скорѣе неустойчивость партій, чѣмъ развитіе ихъ въ какомъ-нибудь опредѣленномъ направленіи.

Католическая партія преобразовалась во всѣхъ католическихъ кантонахъ, принимая часто названіе демократической. Ея тактика заключалась въ томъ, чтобы овладѣть большинствомъ, обращаясь къ католическимъ чувствамъ населенія и къ кантональному патріотизму противъ союзнаго правительства, въ которомъ преобладали протестанты и сторонники свѣтскаго правленія. Союзная конституція 1848 года уничтожила въ кантонахъ все, что оставалось отъ прежняго церковнаго режима, и отъѣмнила всякую власть духовенства и всякіе налоги въ пользу церкви. Но она не установила полнаго отдѣленія церкви отъ государства; кантоны сохранили свои церкви, признанныя государствомъ; отношеніе государства къ церкви опредѣляется правительствомъ; оно-же наблюдаетъ за духовенствомъ и руководитъ первоначальнымъ обученіемъ и наблюдаетъ за нимъ. На почву этихъ двухъ вопросовъ,—власти кантональнаго правительства въ церковныхъ дѣлахъ и организаціи первоначальныхъ школъ,—католическая партія и перенесла борьбу.

Она стремилась провести законы о свободѣ церкви, т. е. объ уничтоженіи правительственнаго надзора за духовенствомъ, или, по крайней мѣрѣ, добивалась избранія въ члены правительства католиковъ, рѣшившихся не пользоваться правомъ надзора. Она стремилась сохранить зависимость первоначальной школы отъ духовенства и воспитаніе въ духѣ католической церкви, а, быть можетъ, также и воспрепятствовать строгому примѣненію радикальнаго принципа обязательности обученія; и дѣйствительно, число дѣтей, поступающихъ въ школы,

*) Въ протестантскихъ кантонахъ въ концѣ концовъ установилась даже либеральная, демократическая организація церкви; пасторы и прихожане не связаны никакимъ опредѣленнымъ вѣроисповѣданіемъ, и во многихъ нѣмецкихъ кантонахъ всѣ пасторы избираются на ограниченный срокъ.

больше въ протестантскихъ кантонахъ (1 на 5 жителей), чѣмъ католическихъ (1 на 9), и среднее въ кантонахъ со смѣшаннымъ населеніемъ.

Католическая партія удержалась у власти во всѣхъ кантонахъ бывшаго Зондербунда ($7^1/_2$); всѣ эти кантоны отвергли пересмотръ 1874 г. Изъ всѣхъ католическихъ кантоновъ только въ Тессинѣ радикально-либеральная партія оспаривала власть у консервативной католической. Въ кантонахъ со смѣшаннымъ населеніемъ католическая партія остается въ меньшинствѣ и состоитъ въ глухой оппозиціи правительству.

Послѣ римскаго собора 1870 года, оппозиція втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ имѣла характеръ открытой борьбы. Отъ массы вѣрующихъ, оставшихся въ связи съ Римомъ, отдѣлились *старокатолики*, отвергавшіе непогрѣшимость папы. Протестантскія правительства кантоновъ, считавшія недѣйствительными постановленія собора, признали за старокатоликами равныя права съ большинствомъ римско-католиковъ и желали оставить на мѣстахъ священниковъ изъ старокатоликовъ, отлученныхъ епископами отъ церкви. Въ Женевскомъ кантонѣ, принадлежащемъ къ Фрейбургской епархіи, ссора усложнилась предшествующимъ столкновеніемъ, вызваннымъ тѣмъ, что папа назначилъ для кантона главнаго епископальнаго викарія противъ воли правительства. Въ Сенъ-Галленѣ борьба велась преимущественно противъ іезуитовъ.

Столкновеніе началось между правительствами и епископами. Золотурнскій епископъ былъ смѣщенъ и изгнанъ; папа, почти все духовенство и огромное большинство вѣрующихъ протестовали. Тогда возникъ вопросъ о верховной власти, а именно: кому, церкви или свѣтскому правительству, принадлежитъ право опредѣлять устройство церкви? Нѣкоторыя правительства, путемъ народнаго голосованія, провели законъ, который безъ разрѣшенія папы измѣнялъ церковные округа и устанавливалъ избраніе священниковъ прихожанами. Недовольные католики обратились къ союзному правительству, требуя, чтобы оно оказало покровительство свободѣ религіи; союзное правительство объявило, что кантональныя правительства не превысили своихъ правъ. Тогда возникло столкновеніе между Швейцаріей и римскимъ престоломъ. Папа публично выразилъ порицаніе кантонамъ. Правительство отослало нунція, а католики отказались принимать участіе въ выборахъ духовенства (1873); старокатолики, организовавшіеся въ «католическо-христіанскую церковь», воспользовались этимъ, чтобы сдѣлаться оффиціальною церковью. Столкновеніе окончилось расколомъ. Въ Бернскую Юру были даже посланы войска, чтобы подавить возстаніе католиковъ противъ священниковъ-схизматиковъ. Это столкновеніе затихло по восшествіи на папскій престолъ Льва XIII.

Новое поколѣніе католиковъ, которое въ послѣднее время приняло на себя руководство партіей, уже не поднимало вопроса о границахъ церковной и государственной власти. Образовалась даже демократическо-католическая партія, которая пользуется *референдумомъ*, чтобы бороться противъ централизаціи, проводимой радикалами. Эта партія начинаетъ требовать даже соціальныхъ реформъ. Католическій конгрессъ 1894 года рѣшилъ организовать «народную католическую партію»; кромѣ того возникло свободное общество швейцарскихъ «соціологовъ», основанное католиками.

Въ единственномъ католическомъ кантонѣ, гдѣ власть оспаривалась у католической партіи, въ Тессинѣ, борьба между консерваторами (католиками) съ одной и радикалами и либералами съ другой стороны приняла насильственный характеръ и повела къ междоусобной войнѣ, за которою послѣдовала реформа въ пользу *пропорціональнаго представительства*, которому, повидимому, суждено быть началомъ эволюціи швейцарскихъ учрежденій въ новомъ направленіи. Обѣ партіи были почти одинаковой силы, но консервативная партія, чтобы удержать за собою власть, произвольно распредѣлила избирательные округа, что̀ и доставило ей большинство, и отказалась повергнуть на народное голосованіе вопросъ о пересмотрѣ конституціи (1890). Либералы возстали, низвергли правительство и учредили временное правительство. Союзная власть, вынужденная вмѣшаться, склонила обѣ партіи принять новую систему выборовъ, которую уже давно предлагала наука, а именно — систему *пропорціональнаго представительства*.

Система эта заключается въ томъ, чтобы, вмѣсто предоставленія всѣхъ депутатскихъ мѣстъ одной партіи, имѣющей большинство, сдѣлать число депутатовъ каждой партіи пропорціональнымъ числу всѣхъ, подающихъ голоса за кандидатовъ данной партіи, вслѣдствіе чего относительная численность партій въ представительныхъ собраніяхъ являлась-бы такою-же, какъ и въ составѣ самихъ избирателей. *Пропорціональное представительство*, принятое сначала въ Тессинѣ (1891), было введено потомъ въ Женевѣ и въ Невшателѣ и, наконецъ, въ Цугѣ; сторонники этой системы агитируютъ, чтобы ввести ее во всей Швейцаріи.

Со времени пересмотра конституціи 1874 г. въ Швейцаріи возникла также и соціалистическая партія. Швейцарія оставалась попрежнему убѣжищемъ политическихъ эмигрантовъ: нѣмецкихъ, послѣ 1849 года, и французскихъ, послѣ 1851 года, итальянскихъ, а также русскихъ либераловъ и революціонеровъ, изгнанниковъ парижской коммуны и нѣмецкихъ соціалистовъ. Въ Швейцаріи Международный Рабочій Союзъ созывалъ почти всѣ свои конгрессы, а нѣмецкіе

соціалисты перенесли туда редакцію своей газеты и имѣли тамъ свой первый конгрессъ (1880) во время дѣйствія исключительныхъ законовъ. Радикальныя кантональныя правительства и союзное правительство поддерживали эту традицію, уступая только требованіямъ Германской Имперіи; послѣ своего протеста противъ шпіона германскаго правительства (дѣло Вольгемута), Союзный Совѣтъ исполнилъ его желаніе и изгналъ редакторовъ соціалистической газеты. Кантональныя и союзное правительство принимали мѣры только противъ эмигрантовъ, которыхъ подозрѣвали въ приготовленіи динамитныхъ покушеній,—русскихъ террористовъ, изгнанныхъ изъ Цюриха и изъ Берна — и особенно противъ анархистовъ.

Но вся эта революціонная агитація была дѣломъ иностранцевъ. Швейцарскіе граждане держались въ сторонѣ отъ революціонныхъ партій. Рабочій союзъ, основанный въ 1873 году, распался въ 1880 году, никогда не имѣвъ большого успѣха. Швейцарская «соціалъ-демократическая партія», послѣ неудавшейся попытки 1883 г. образовавшая въ 1888 году, пріобрѣла незначительное число сторонниковъ.

Единственная швейцарская группа соціалистическаго характера, имѣвшая нѣкоторое вліяніе на политическую жизнь, это—старое демократическое общество, *Союзъ Грютли*, основанный въ 1838 году и состоящій преимущественно изъ швейцарскихъ ремесленниковъ. Подъ вліяніемъ иностранныхъ соціалистовъ, онъ мало-по-малу проникся соціалистическими идеями. Такъ какъ его организація позволяетъ ему собрать достаточное число подписей для приведенія въ дѣйствіе референдума и для союзнаго законодательнаго почина, то онъ потребовалъ соціальныхъ реформъ. Онъ добился надзора за фабриками и закона объ отвѣтственности хозяевъ, а равно учрежденія особой комиссіи труда (секретаремъ ея былъ одинъ изъ вождей соціалистовъ). Въ своей оффиціальной программѣ *Союзъ Грютли* даже замѣнилъ слова *либеральная демократія* нѣмецкою формулою *соціалъ-демократія*; онъ требовалъ для рабочихъ гарантій противъ произвольнаго увольненія хозяевами и «демократической организаціи труда на фабрикахъ». Онъ добился того, что его проектъ союзнаго закона о гарантіи всякому швейцарскому гражданину «права на трудъ, достаточно оплачиваемый», былъ повергнутъ на народное голосованіе. Но этотъ проектъ былъ отвергнутъ въ 1894 году 308,000 голосами противъ 75,000.

ИСПАНІЯ и ПОРТУГАЛІЯ.

ГЛАВА X.

Испанія въ концѣ наполеоновскихъ войнъ. — Реставрація 1814 г. — Революція 1820 г. — Реставрація 1823 г. — Споръ изъ-за престолонаслѣдія. — Статутъ 1834 г. и конституція 1837 г. — Карлистская война. — Военныя диктатуры Эспартеро и Нарваэса. — Конкордатъ 1851 г. и распаденіе партій.—Либеральный союзъ и революція 1854 г.—Революція 1868 г.— Конституція 1869 г. — Республика 1873—1874 гг. — Реставрація 1874 г. — Конституціонная монархія. — Конституція 1826 г. — Борьба между хартистами и сентябристами. — Партія возрожденія и дефицитъ.

Пиренейскій полуостровъ втеченіе всего XVII столѣтія оставался раздѣленнымъ между двумя государствами: большимъ королевствомъ Испанскимъ и небольшимъ Португальскимъ. Оба они управлялись однимъ и тѣмъ же способомъ: неограниченнымъ монархомъ, поручавшимъ управленіе своимъ любимцамъ, безъ всякаго контроля надъ ними, и государственною церковью, владѣвшею громадными церковными помѣстьями, вооруженною инквизиціею противъ еретиковъ, цензурою—противъ всей печати и правомъ надзора за всѣми школами. Оба государства пережили въ XIX вѣкѣ тотъ же рядъ революцій, закончившихся превращеніемъ ихъ обоихъ въ конституціонныя монархіи. Эти двѣ эволюціи до такой степени параллельны, что можно-бы было излагать обѣ исторіи вмѣстѣ. Однако для большей ясности слѣдуетъ разсмотрѣть отдѣльно сначала Испанію, потомъ Португалію.

ИСПАНІЯ.

Испанія въ концѣ наполеоновскихъ войнъ. — До нашествія французовъ Испанія представляла неограниченную и католическую монархію. Прежнія небольшія королевства, сліяніе которыхъ образовало испанскую монархію, еще существовали по имени (Кастилія, Леонъ, Галиція, Астурія, Наварра, Арагонъ, Валенсія, Андалузскія королевства); но они обратились въ простыя провинціи, управляемыя непосредственно кастильскимъ правительствомъ. Старинныя собранія Государственныхъ Чиновъ (*кортесы*) не созывались болѣе. Потомки аристократіи, испанскіе *гранды*, были отстранены отъ участія въ правительствѣ. Осталась только одна политическая власть—король.

Вся власть сосредоточилась въ рукахъ короля; но онъ уже не осуществлялъ ее самъ, а передавалъ своимъ окружающимъ. Но это не былъ ни его оффиціальный совѣтъ, прежній *кастильскій совѣтъ*, ни его полуоффиціальный кабинетъ министровъ; Испаніею управляли отъ имени короля его личные приближенные, его жена, духовникъ, любимецъ или любимецъ его жены. Эту маленькую группу называли *камарилья* (маленькая комната). Такъ, во время царствованія Карла IV дѣйствительнымъ государемъ былъ любимецъ королевы, Годой, сдѣланный княземъ Мира.

Одна церковь оставалась организованною, сохранивши свои привилегіи и свою прежнюю власть. Духовенство попрежнему обладало громадными имѣніями, почти изъятыми отъ налоговъ, монастырями и церковными судами; имѣнія ея оставались неотчуждаемыми. Оно удержало въ своихъ рукахъ инквизиціонный трибуналъ, веденіе метрическихъ записей и рѣшеніе брачныхъ процессовъ,—что давало ему власть надъ частною жизнью всѣхъ мірянъ; въ его рукахъ находилась также цензура всѣхъ печатныхъ изданій, — что дѣлало его господиномъ всей умственной жизни націи.

Такимъ образомъ въ Испаніи было только двѣ дѣйствительныхъ власти: *камарилья* и духовенство. Испанцы переносили этотъ двойной деспотизмъ, не помышляя о томъ, чтобы свергнуть его, или по крайней мѣрѣ не будучи въ силахъ сдѣлать это. Мысль и средства измѣнить свой государственный строй были даны имъ иностранцами. Въ Испаніи, такъ же какъ въ

Нидерландахъ и Швейцаріи, возрожденіе началось съ нашествія французовъ.

Французское нашествіе, разрушивши старый испанскій порядокъ, заставило испанцевъ попытаться устроиться по новому. Это было рѣшительнымъ событіемъ въ ихъ исторіи. Наполеонъ, посадивши на мадридскій престолъ французскаго короля, принудилъ всѣхъ испанцевъ выбрать одно изъ двухъ: признать его или бороться съ нимъ. Примкнувшіе къ французскому королю, *afrancesados*, познакомились съ военнымъ и абсолютическимъ правительствомъ, но руководимымъ правильно организованнымъ чиновничествомъ и избавленнымъ отъ власти духовенства. Патріоты, возставшіе противъ чужеземнаго владычества, продолжали называть себя подданными національнаго короля «Боготворимаго Фердинанда»; но такъ какъ этого короля увезли во Францію, то имъ пришлось сражаться и управляться безъ него. Старый порядокъ пересталъ функціонировать; не было больше ни камарильи, ни инквизиціи, ни цензуры. На мѣсто исчезнувшаго правительства, патріоты создали сами новое, такъ же какъ они создали милиціи и *герильясовъ*.

Движеніе исходило изъ провинцій, наиболѣе отдаленныхъ отъ двора. Жители провинцій снова начали принимать участіе въ политической жизни. Они образовали сначала провинціальныя *хунты*, потомъ — центральную *хунту* и наконецъ кортесы 1811 года. Эти импровизированныя правительства и арміи заставили энергичныхъ людей, остававшихся дотолѣ неизвѣстными, покинуть частную жизнь. При открытіи кортесовъ англичане были удивлены: они не думали, чтобы Испанія могла выдвинуть такъ много даровитыхъ людей. Такимъ образомъ въ періодъ нашествія создался персоналъ политическихъ дѣятелей и офицеровъ, взявшихъ въ свои руки управленіе общественными дѣлами. Эти люди, воспитанные по-испански, не имѣли политическаго образованія; но такъ какъ разговоры и чтеніе стали свободными, то они узнали о существованіи многаго, что скрывалось отъ нихъ; они читали иностранныя книги, разговаривали съ французскими и англійскими офицерами, познакомились съ французской революціей и англійскимъ парламентскимъ строемъ. Подъ вліяніемъ этого импровизированнаго образованія явилась конституція 1812 г., первое выраженіе новѣйшихъ политическихъ идей въ Испаніи.

Конституція 1812 г. можетъ быть объяснена только исключительными условіями, вызвавшими ее. Кортесы, созванные неожиданно, по требованію населенія Кадикса, не имѣли ничего общаго, кромѣ имени, съ прежними кортесами, въ которыхъ засѣдали гранды и прелаты. Это собраніе было выбрано своего рода трехстепенною всеобщею подачею голосовъ. Кастильскія провинціи, занятыя французскими войсками, не выслали депутатовъ; большинство составилось изъ депутатовъ приморскихъ провинцій, болѣе демократическихъ и менѣе привязанныхъ къ неограниченной монархіи. Вслѣдствіе этого кортесы получили исключительно демократическій характеръ. Они походили на французскіе генеральные штаты 1789 г.; они признали тѣ же доктрины, ихъ пренія также происходили среди восклицаній и аплодисментовъ публики на галереяхъ, и они вотировали тѣ же самыя мѣры.

Собраніе раздѣлилось на двѣ партіи: сторонниковъ стараго порядка (*serviles*) и сторонниковъ свободы (*liberales*). Благодаря Испаніи, послѣднее слово вошло въ политическій языкъ. *Либералы* овладѣли большинствомъ, объявили кортесы самодержавными и нераспускаемыми, такъ же какъ и французское Учредительное Собраніе 1789 года, и вотировали отмѣну стараго порядка (газетной цензуры, сеньоральныхъ правъ, вотчинной юрисдикціи, привилегій дворянства).

Въ такомъ же духѣ была составлена и конституція 1812 г. Вслѣдъ за вступленіемъ, гдѣ воздавалась честь «старымъ основнымъ законамъ этой монархіи», кортесы провозглашали основной принципъ французской революціи: «*Верховная власть* по существу своему пребываетъ *въ націи*, вслѣдствіе чего право издавать свои основные законы принадлежитъ исключительно ей» (Конецъ фразы: «и избирать ту форму правленія, которая наиболѣе удобна для нея», былъ отвергнутъ большинствомъ 87 голосовъ противъ 73). Правительство было организовано по образцу французской конституціи 1791 г. Исполнительная власть вручалась королю, который осуществляетъ ее черезъ министровъ; законодательная власть присвоивалась кортесамъ съ санкціей короля, причемъ король могъ дважды отказывать въ утвержденіи вотированнаго закона; министръ не могъ быть депутатомъ и не имѣлъ доступа въ кортесы, если послѣдніе не требовали его присутствія. Кортесы состояли изъ одной палаты, избиравшейся косвенною всеобщею подачею голосовъ; депутаты избирались только на два года и не могли быть выбраны во второй разъ.— Конституція установляла общія правила для организаціи правосудія, провинціальной администраціи, взиманія налоговъ, арміи, народнаго образованія и провозглашала принципы свободы и равенства передъ закономъ. Это было систематическое упраздненіе стараго порядка.

Только въ одномъ вопросѣ либералы не дерзнули порвать съ традиціями: они отказались отъ религіозной свободы. Конституція гласила: «Религія испанскаго народа есть и всегда будетъ римско-католическая апостольская, единая истинная; нація будетъ охранять ее мудрыми и справедливыми законами и запрещаетъ исповѣ-

даніе всѣхъ другихъ религій». Но кортесы все-таки отказали въ возстановленіи инквизиціи, уничтоженной французами, не смотря на требованія монаховъ, находившихся въ трибунахъ для публики.

Такимъ образомъ народное возстаніе 1808 года въ пользу неограниченнаго короля противъ чужеземцевъ привело къ созданію либеральной партіи и революціонной конституціи, составленной по образцу французской.

Реставрація 1814 г.—Попытка установить либеральное правительство, начатая кортесами въ 1811 году, была внезапно прервана. Французское вмѣшательство повело къ упраздненію стараго порядка; вмѣшательство англичанъ вызвало реставрацію.

Англійская армія привела съ собою неограниченнаго короля. Только одно отсутствіе короля давало перевѣсъ либеральной партіи. Какъ только онъ вернулся, центръ тяжести перемѣстился. *Serviles* представили Фердинанду манифестъ, направленный противъ кортесовъ и конституціи; они называли конституцію копіей съ байонской и требовали созванія кортесовъ согласно старинным обычаямъ. При проѣздѣ короля монахи и народъ привѣтствовали его кликами: «Да здравствуетъ неограниченный король! Долой измѣнниковъ!» Фердинандъ сталъ на сторону абсолютистовъ и подписалъ манифестъ. «Моя королевская воля, говорилось въ немъ,— не только не присягать конституціи и не утверждать ни одного изъ декретовъ кортесовъ, но объявить эту конституцію и эти декреты недѣйствительными... Всякій, кто захочетъ поддерживать ихъ, совершитъ посягательство на прерогативы моей верховной власти и на благо народа... Я объявляю его виновнымъ въ оскорбленіи величества; онъ будетъ подвергнутъ смертной казни, если выразитъ это письменно или устно». Былъ отданъ приказъ запереть залу кортесовъ и опечатать ихъ бумаги.

Затѣмъ было арестовано тридцать именитыхъ людей либеральной партіи. Судъ не могъ найти ничего преступнаго въ ихъ дѣйствіяхъ; ихъ продержали въ тюрьмѣ болѣе полутора года. Наконецъ, въ декабрѣ 1815 г. король самъ принялъ на себя роль судьи и, не читая слѣдственныхъ актовъ, приговорилъ однихъ изъ нихъ къ восьми годамъ каторжныхъ работъ (*presidio*), другихъ—къ заключенію въ монастырѣ, третьихъ—къ изгнанію, прибавивши, что и по истеченіи срока наказанія ихъ дальнѣйшая участь будетъ зависѣть отъ короля. Члены трибунала Валенсіи были лишены должностей за то, что приказали выбить медаль съ надписью: «король и конституція».

Старый порядокъ былъ возстановленъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ до 1808 г., съ кастильскимъ совѣтомъ, привилегіями, инквизиціей и правительствомъ *камарильи*. Каждый вечеръ, какъ утверждаютъ, духовники короля собирались во дворцѣ, составляли вмѣстѣ съ королемъ указы и издавали приказы о новыхъ арестахъ.

Но правительство нашло государство уже не въ томъ положеніи, въ какомъ оно было до нашествія. 1) Пятилѣтняя война разрушила города, деревни, дороги, мосты, разрѣдила и разорила населеніе. Государственные доходы уменьшились, а расходы увеличились. Въ 1816 г. расходы были исчислены въ 1051 милліонъ реаловъ, а прихода—въ 597 милліоновъ. Необходимо было преобразовать финансовую систему, чтобы покрыть этотъ дефицитъ. 2) Американскіе колонисты, возставшіе противъ французскаго узурпатора, продолжали бунтовать и противъ законнаго короля. Необходимо было послать войска для ихъ усмиренія.

Возстановленное правительство потерпѣло неудачу въ обоихъ этихъ предпріятіяхъ. Фердинандъ сначала не препятствовалъ своему министру Гарею составить бюджетную смѣту на 1817 годъ съ уменьшеніемъ расходовъ и привлеченіемъ къ платежу налоговъ духовенства и высшихъ чиновниковъ. Онъ даже поддерживалъ Гарея противъ духовенства и двора до сентября 1818 г.; но потомъ неожиданно уволилъ его, прежде чѣмъ была осуществлена какая-нибудь реформа.—Что касается войны въ Америкѣ, то Фердинандъ разсчитывалъ на помощь императора Александра и вслѣдствіе этого нѣсколько лѣтъ находился подъ вліяніемъ русскаго посланника, который пользовался этимъ, чтобы поддерживать Гарея и добиться финансовой реформы. Наконецъ, въ февралѣ 1818 г. въ Кадиксъ прибылъ русскій флотъ, присланный испанскому королю, чтобы помочь ему снова завоевать свои колоніи; но флотъ состоялъ изъ старыхъ кораблей, негодныхъ для плаванія по океану; пришлось отослать ихъ обратно въ Россію и снабдить припасами для обратнаго плаванія. Армія, приготовленная въ 1818 г. противъ Буэносъ-Айреса, оставалась еще и въ 1820 г. въ Испаніи.

Революція 1820 г.—Во время войнъ противъ Наполеона въ Испаніи образовалась новая сила,—корпорація офицеровъ. Они были вождями возставшей націи и остались ея настоящими представителями, составляя оппозицію двору. Они знали другъ друга, поддерживали сношенія между собой, находясь во всѣхъ концахъ Испаніи, и могли сговориться для общаго дѣйствія противъ правительства. Многіе изъ нихъ даже принадлежали къ масонскимъ ложамъ, организованнымъ во время нашествія французами или англичанами, и встрѣчались съ либералами — франмасонами. Офицеры, быть можетъ, съ помощью франмасоновъ, и взяли на себя иниціативу революціи съ цѣлью возстановленія конституціи 1812 г. Попытка воен-

наго возстанія въ 1815 г. не удалась. Но армія была недовольна. Фердинандъ не любилъ ея и держалъ офицеровъ вдали отъ двора; солдаты не получали ни жалованья, ни одежды, ни пищи.

Въ 1820 г. началось возстаніе на югѣ, въ арміи, расположенной близъ Кадикса и ожидавшей съ 1816 г. отплытія въ Америку. Это *пронунсіаменто* не удалось. Ріего съ 1500 солдатъ прошелъ черезъ всю Андалузію, не будучи ни поддержанъ, ни остановленъ. Но его примѣръ вызвалъ на сѣверѣ рѣшительное возстаніе. Съ Сантіаго, старымъ католическимъ городомъ Галиціи, соперничала Корунья, коммерческій портъ, въ которомъ удержалась группа либераловъ. Они сговорились съ офицерами гарнизона и образовали революціонную юнту, которая провозгласила конституцію 1812 г. Остальные корпуса арміи отказались сражаться или даже приняли сторону инсургентовъ. Устрашенный король объявилъ, что готовъ присягнуть конституціи.

Такимъ образомъ уже въ этой первой революціи выступаютъ на сцену провинціальная революціонная *юнта* и военное *пронунсіаменто*. Созданныя сначала для борьбы съ чужеземнымъ нашествіемъ, они обратились съ тѣхъ поръ въ орудіе политическихъ революцій. Они соотвѣтствовали двумъ элементамъ, въ которыхъ сосредоточивалась испанская политическая жизнь: арміи и городскому населенію, преимущественно окраинныхъ провинцій. Юнта указывала цѣль революціи, армія доставляла ей силу и потому играла преобладающую роль.

Генералы, не игравшіе никакой роли при старомъ порядкѣ, сдѣлались настоящими господами новой Испаніи. Съ тѣхъ поръ начинаетъ господствовать система *пронунсіаменто*: какой-нибудь высшій офицеръ возстаетъ противъ правительства и издаетъ прокламацію, въ которой объясняетъ свое поведеніе и призываетъ всѣхъ недовольныхъ; если правительство не настолько популярно, чтобы армія хотѣла защищать его, инсургенты низвергаютъ правительство и замѣняютъ его другимъ. Какъ ни беззаконно такое обращеніе къ силѣ, но въ странѣ, еще лишенной политическаго воспитанія, оно составляло единственное практическое средство для обузданія деспотизма двора.

Во время этой же первой революціи образовались политическія партіи и были поставлены главнѣйшіе вопросы. Абсолютистская партія была отстранена отъ дѣлъ. Либеральная партія начала организоваться. Сначала ею руководилъ въ Мадридѣ частный кружокъ, называвшійся «патріотическимъ національнымъ и конституціоннымъ обществомъ кафе Лоренчини»; онъ устраивалъ публичныя засѣданія и издавалъ газету *Aurora de Espana*. Въ большихъ провинціальныхъ городахъ администрація перешла изъ рукъ чиновниковъ въ руки временныхъ юнтъ; нѣкоторыя изъ нихъ даже отмѣняли или вводили налоги. Либеральная партія держала короля въ своей власти и управляла отъ его имени, ссылаясь на конституцію. Конституція была выставлена въ каждомъ городѣ; текстъ ея носили въ процессіяхъ, какъ Св. Дары, и воздавали ему тѣ же почести. Король торжественно далъ присягу соблюдать конституцію и подписалъ такой декретъ: «всякій испанецъ, не желающій присягнуть конституціи или дѣлающій это съ протестами и оговорками, не достоинъ считаться испанцемъ, немедленно же лишается всѣхъ почестей, должностей и преимуществъ, даруемыхъ ему государствомъ, и долженъ быть изгнанъ изъ государства». Епископы получили приказаніе заставлять священниковъ разъяснять конституцію съ церковныхъ каѳедръ.

Затѣмъ были выбраны кортесы на основаніи конституціи. На этихъ же первыхъ выборахъ выяснился фактъ, неизмѣнно повторявшійся потомъ втеченіе всего этого столѣтія при каждыхъ испанскихъ выборахъ: огромное большинство избранныхъ депутатовъ оказывалось благопріятнымъ правительству.

Въ кортесахъ 1820 г. либералы раздѣлились на двѣ партіи: умѣренныхъ (*moderados*), сторонниковъ министерства, желавшихъ избѣжать столкновеній съ королемъ и духовенствомъ, и крайнихъ (*exaltados*), стремившихся вызвать ихъ. На сторонѣ умѣренныхъ было огромное большинство палаты; крайнихъ вначалѣ поддерживали только безпокойные города Андалузіи и мадридскій клубъ *Fontana de Oro*. Министерство добилось отъ кортесовъ законовъ, ограничившихъ свободу печати и запретившихъ политическія общества. Но умѣренные не могли сохранить своей политики примиренія съ двумя прежними властями. Король присоединился къ конституціи неискренно; измѣнить же ее было невозможно, такъ какъ кортесы 1812 г., чтобы помѣшать возстановленію абсолютизма, установили порядокъ пересмотра, требовавшій нѣсколькихъ лѣтъ. Духовенство заранѣе было враждебно либеральному строю. Финансы находились въ отчаянномъ положеніи; ежегодный дефицитъ возросъ, такъ какъ кортесы понизили поземельный налогъ, сдѣлавшійся слишкомъ непопулярнымъ; налоги поступали плохо. Государственный долгъ достигъ 11 милліардовъ реаловъ ($3^1/_2$ милліарда франковъ). Министерство рѣшилось коснуться имуществъ духовенства закономъ, который упразднялъ монастыри. Съ тѣхъ поръ духовенство стало непримиримымъ врагомъ умѣренныхъ.

Враги умѣренныхъ, абсолютисты и крайніе (*exaltados*) дѣйствовали сообща: духовникъ короля тайно возбуждалъ *крайнихъ* противъ министерства. Для борьбы съ вождями умѣренныхъ, принадлежавшихъ къ франмасонамъ, образовалось новое тайное общество, члены котораго назывались *communeros*; они присягали «защи-

щать права и вольности всего человѣческаго рода, а въ частности—испанскаго народа». Это общество состояло преимущественно изъ молодыхъ людей и унтеръ-офицеровъ.

Умѣренные съ трудомъ держались у власти втеченіе двухъ лѣтъ, до конца кортесовъ, среди возстаній, производившихся *крайними*, и интригъ *serviles*. Но послѣ выборовъ 1822 г., такъ какъ конституція запрещала переизбраніе выходящихъ депутатовъ, вожди умѣренныхъ были устранены, и выборы, произведенные въ безпорядкѣ, дали большинство *крайнимъ*. Король составилъ министерство все еще изъ умѣренныхъ; но онъ самъ интриговалъ противъ своего министерства. Въ горахъ Каталоніи появились шайки абсолютистовъ, состоявшія изъ контрабандистовъ и крестьянъ подъ предводительствомъ монаховъ. Королевская гвардія взбунтовалась, прогнала своихъ либеральныхъ офицеровъ и сражалась въ Мадридѣ съ арміей (7 іюля 1822 г.). Побѣдившіе либералы держали Фердинанда въ Мадридѣ подъ надзоромъ.

Большинство въ кортесахъ заставило короля составить новое министерство изъ крайнихъ; оно опиралось на *comuneros* и на городское населеніе Андалузіи, Валенсіи, Арагоніи и Каталоніи. Но инсургенты-абсолютисты, овладѣвши одною крѣпостью въ Каталоніи, Сеу д'Ургель, организовали тамъ юнту, которая призывала народъ къ оружію, чтобы освободить короля, находящагося въ плѣну у мятежниковъ,—объявила недѣйствительными всѣ правительственные акты съ 1820 г. и учредила регентство. Эти инсургенты называли себя «апостолическою арміею», выставляя себя защитниками религіи противъ конституціоналистовъ - франмасоновъ (*черныхъ*).

Реставрація 1823 г.—Абсолютистская партія была слишкомъ слаба, чтобы снова овладѣть Испаніей. Реставрація была совершена чужеземцами. Правительства четырехъ великихъ континентальныхъ державъ съ самаго начала относились враждебно къ революціи 1820 г.; но они не рѣшались предпринять нашествіе на Испанію. Наконецъ французское правительство взяло на себя эту задачу, и французская армія на этотъ разъ вторглась въ Испанію съ цѣлью возстановить абсолютную монархію. Гверильясы сѣверныхъ округовъ Испаніи, сражавшіеся при Наполеонѣ противъ французовъ, теперь образовали «армію вѣры» и стали дѣйствовать за одно со вторгнувшимися иностранцами.

У испанскаго правительства не было ни войска, ни денегъ, и оно не пыталось остановить французовъ. Кортесы заставили его удалиться сначала въ Севилью, потомъ въ Кадиксъ, причемъ король, несмотря на свое нежеланіе, долженъ былъ слѣдовать за ними. Передъ отъѣздомъ въ Севилью Фердинандъ объявилъ себя больнымъ; но ему отвѣтили, что перемѣна воздуха излечитъ его. Отъ переѣзда въ Кадиксъ онъ рѣшительно отказался. Кортесы, не желая низложенія короля, объявили его «на время совершенно неотвѣтственнымъ» и учредили регентство. Абсолютисты, войдя въ Мадридъ съ французскою арміею, также образовали регентство, которое возстановило весь порядокъ 1820 г. По всей странѣ формировались шайки *королевскихъ волонтеровъ*; епископъ Осмы основалъ даже тайное абсолютистское общество *Ангела истребителя*. Именитыхъ либеральныхъ гражданъ заключали въ тюрьму, требовали съ нихъ выкупъ, а ихъ дома подверглись грабежу.

Правительство, осажденное въ Кадиксѣ, черезъ три мѣсяца сдалось на капитуляцію. Послѣ взятія Трокадеро Фердинандъ былъ отосланъ во французскій лагерь; уѣзжая, онъ обѣщалъ даровать «полную, всеобщую и безусловную амнистію». На другой день, послѣ того какъ онъ присоединился къ французской арміи, причемъ королевскіе волонтеры привѣтствовали его кликами: «да здравствуетъ неограниченный монархъ!», Фердинандъ издалъ манифестъ, отмѣнявшій всѣ распоряженія «такъ называемаго конституціоннаго правительства» и утверждавшій всѣ распоряженія юнты и абсолютистскаго регентства. Затѣмъ онъ присудилъ къ повѣшенію трехъ членовъ либеральнаго регентства.

Сдѣлавшись снова абсолютнымъ королемъ, Фердинандъ назначилъ первымъ министромъ своего духовника. Онъ не рѣшился возстановить инквизиціи, но попытался замѣнить ее «юнтами вѣры». Это была реставрація стараго порядка; но революція имѣла три послѣдствія:

1) Американскія колоніи воспользовались затрудненіями метрополіи, чтобы отдѣлиться отъ нея окончательно.

2) Государственный долгъ и дефицитъ возросли.

3) У абсолютистовъ и короля накопилось столько ненависти къ либераламъ, что преслѣдованія ихъ не прекращались втеченіе многихъ лѣтъ. Было запрещено приближаться на разстояніе 15 миль къ резиденціи короля всякому, кто исполнялъ какую-нибудь должность или служилъ въ національной гвардіи во время конституціоннаго правленія. Всѣ выдающіеся либералы были арестованы, а Ріего повѣшенъ. Были учреждены особыя комиссіи, въ которыя должны были являться всѣ чиновники и офицеры и доказывать, что въ конституціонный періодъ они не совершили никакого преступленія противъ короны и церкви. Чтобы поощрить доносчиковъ, правительство обезпечило имъ сначала тайну, а потомъ объявило ихъ неподлежащими никакой отвѣтственности. Къ слѣдствію привлекались профессора, студенты и, наконецъ, простые солдаты.

Преслѣдованія начали ослабѣвать, когда въ 1824 г. либералы, укрывавшіеся въ Гибрал-

тарѣ, попытались произвести возстаніе. Тогда гоненія возобновились. 112 обвиненныхъ были разстрѣляны или повѣшены. Семь франмасоновъ были казнены за то, что собрались на засѣданіе. Преслѣдовали всякаго, у кого была найдена книга иностранная или изданная между 1820 и 1823 гг. въ Испаніи. Въ университетахъ студенты должны были присягать въ томъ, что они не признаютъ народнаго самодержавія и не войдутъ ни въ какое тайное общество.

До самой смерти Фердинанда (1833 г.) правительство зависѣло отъ придворныхъ интригъ или отъ вліянія иностранныхъ пословъ. Всѣ главнѣйшіе министры были абсолютистами, но не всѣ они держались одной и той-же политики по отношенію къ абсолютистской партіи. Большинство изъ нихъ хотѣли возстановить общественное спокойствіе дарованіемъ амнистіи либераламъ и подчиненіемъ королевскихъ волонтеровъ правительственному контролю. Тогда недовольная апостолическая партія отдѣлилась отъ Фердинанда и обратила свои надежды на его брата Карлоса, который былъ извѣстенъ своею преданностью духовенству; были даже произведены роялистскія возстанія противъ короля —въ 1824 и 1825 гг., а особенно въ 1827 г. въ Каталоніи. Инсургенты требовали распущенія арміи, уничтоженія новыхъ учрежденій, неизвѣстныхъ націи, «таковыхъ, какъ полиція, народное образованіе», и созыва народнаго собора для утвержденія истинныхъ религіозныхъ принциповъ. Но Карлосъ отказался дѣйствовать противъ законнаго государя.

Слѣдствіемъ этого было отдаленіе Фердинанда отъ своихъ собственныхъ приверженцевъ. Онъ разрѣшилъ своимъ министрамъ произвести небольшую финансовую реформу. Но въ 1831 г. попытка либераловъ, укрывшихся во Франціи, вернула его къ политикѣ устрашенія. Были возстановлены военные суды. Въ Мадридѣ повѣсили одного юношу, крикнувшаго: «да здравствуетъ свобода!» Въ Гренадѣ была повѣшена молодая вдова за то, что вышила знамя съ надписью: «Законъ, Свобода, Равенство».

Споръ изъ-за престолонаслѣдія (1830—33 г.).—Концу неограниченному образу правленія былъ положенъ споромъ, возникшимъ въ королевской семьѣ по вопросу о престолонаслѣдіи. У Фердинанда не было дѣтей отъ его первыхъ трехъ женъ, и потому наслѣдникомъ престола считался его братъ Карлосъ. Фердинандъ женился въ четвертый разъ на неаполитанской принцессѣ Христинѣ, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей. Съ утвержденія въ Испаніи бурбонской династіи престолонаслѣдіе считалось въ ней, такъ же какъ и во Франціи, только по мужской линіи; слѣдовательно наслѣдникомъ престола оставался попрежнему Карлосъ. Но въ 1831 году, когда королева была беременна, Фердинандъ захотѣлъ, на случай еслибы у него родилась дочь, обезпечить за ней корону; для этого онъ воспользовался *прагматическою санкціею*, приготовленною въ 1789 г. для востановленія прежняго порядка престолонаслѣдія съ включеніемъ женской линіи, но не обнародованною тогда, и обнародовалъ ее, не предупредивши ни своего брата, ни государственный совѣтъ.

Съ этого момента (3 апрѣля 1830 г.) и до самой смерти Фердинанда вся испанская политика зависѣла отъ борьбы двухъ вліяній: королевы и апостолической партіи. — Сначала преобладало вліяніе королевы; она поддерживала министровъ, заставила признать Луи-Филиппа, а когда у нея родилась дочь, стремилась найти себѣ приверженцевъ среди старинной аристократіи, давно уже удаленной отъ двора, назначеніемъ камергеровъ и фрейлинъ.—Попытка либераловъ произвести возстаніе въ 1831 г. снова сблизила короля съ апостолической партіей, и это сближеніе продолжалось восемнадцать мѣсяцевъ. Въ сентябрѣ 1832 г., когда короля считали уже умирающимъ, оставленная всѣми королева рѣшилась дать подписать ему дополненіе къ его завѣщанію, уничтожавшее прагматическую санкцію. Но Фердинандъ выздоровѣлъ, уволилъ своихъ министровъ и передалъ правительство королевѣ. Указъ короля объявилъ недѣйствительнымъ дополненіе къ завѣщанію, подписанное имъ во время болѣзни; были даже созваны кастильскіе кортесы на основаніи старинныхъ обычаевъ и ихъ заставили присягнуть въ томъ, что они признаютъ Изабеллу королевой (20 іюня 1833 г.). Но новый порядокъ престолонаслѣдія все-таки остался спорнымъ. Король велѣлъ спросить своего брата, хочетъ-ли онъ дать свою присягу. Карлосъ отвѣчалъ, прося сообщить о его протестѣ другимъ государямъ: «Я твердо убѣжденъ въ своихъ правахъ на испанскую корону въ случаѣ, если я переживу ваше величество и если послѣ вашего величества не останется сыновей; я объявляю, что ни совѣсть моя, ни честь не позволятъ мнѣ присягнуть въ признаніи другихъ правъ».

На сторонѣ Карлоса были всѣ монахи, большинство духовенства, много офицеровъ, всѣ королевскіе волонтеры, всѣ кастильскіе города и всѣ пиренейскія провинціи. Партія Христины состояла только изъ чиновниковъ, *грандовъ* и части войска; но на ея сторонѣ было то рѣшительное преимущество, что она находилась у власти въ моментъ скоропостижной смерти короля (29 сент. 1833 г.). Она была признана регентшей до совершеннолѣтія ея дочери, королевы Изабеллы.

Министръ, управлявшій именемъ Христины, Зеа Бермудецъ, хотѣлъ поддерживать неограниченный образъ правленія и бороться одновременно съ карлистами и либералами. Въ 1832 г. онъ объявилъ королеву «непримиримымъ врагомъ всякихъ религіозныхъ и политическихъ нововведеній»; а послѣ вступленія на престолъ

Изабеллы онъ вложилъ ей въ уста слѣдующія слова: «Я буду поддерживать монархическую форму правленія и монархическіе основные законы, не допуская гибельныхъ нововведеній». Но въ концѣ концовъ Христина поняла, что, при борьбѣ съ приверженцами Карлоса, ей нечего было возстановлять противъ себя еще всѣхъ враговъ стараго порядка, и рѣшилась опереться на либераловъ. Она даровала амнистію и приказала отобрать оружіе у королевскихъ волонтеровъ. Либералы открыто стали на ея сторону. Тогда Испанія раздѣлилась на двѣ партіи: *карлистовъ* и *христиносовъ*. Европейскія государства также раздѣлились на двѣ группы: конституціонныя правительства, англійское и французское, поддерживали Христину, абсолютныя монархіи—Карлоса.

Статутъ 1834 г. и конституція 1837 г.— Правительство начало съ административныхъ реформъ. Испанія была раздѣлена на 49 провинцій съ гражданскимъ губернаторомъ въ каждой, по образцу французскихъ департаментовъ. Это дѣленіе осталось и до настоящаго времени; оно окончательно замѣнило старинныя историческія провинціи. Затѣмъ, для борьбы съ карлистами, регентша призвала къ власти либераловъ.

Министерство, во главѣ котораго находился пострадавшій либералъ Мартинецъ де-ла-Роза, рѣшилось даровать конституцію; но при этомъ старалось избѣжать формъ 1812 г. Регентша обнародовала отъ имени своей дочери *королевскій статутъ*, объявляя, что она «рѣшилась созвать кортесы всего королевства». Засѣданія кортесовъ должны были происходить публично, и имъ предоставлялось право вотировать налоги и законы; но министры не были отвѣтственны передъ ними. Правительство оставляло за собою право созывать и распускать кортесы, назначать ихъ президента, а также законодательный починъ. Кортесы были раздѣлены на двѣ палаты (*estamentos*). Первая палата (*proceres*) состояла изъ прелатовъ, наслѣдственныхъ *грандовъ*, пользовавшихся доходомъ въ 50,000 франковъ, и пожизненныхъ членовъ, назначаемыхъ короною, съ доходомъ въ 15,000 франковъ. *Procuradores*, образовавшіе вторую палату, были депутатами, выбиравшимися на три года путемъ двустепенныхъ выборовъ избирателями съ извѣстнымъ цензомъ; депутаты должны были обладать 3,000 франковъ дохода и не получали жалованья.

Это была, подъ прикрытіемъ старинныхъ испанскихъ названій, французская хартія Людовика XVIII. Испанія, въ силу уступки со стороны короны, обращалась въ конституціонную монархію. Но это еще не былъ настоящій представительный образъ правленія, такъ какъ министерство все еще оставалось независимымъ отъ представителей страны. Даже еслибы оно и сдѣлалось отвѣтственнымъ передъ палатою депутатовъ, то эта отвѣтственность все-таки была бы только кажущеюся: въ случаѣ столкновенія съ кортесами, ему стоило бы только распустить ихъ, и тогда побѣда осталась бы навѣрное за нимъ, такъ какъ въ Испаніи правительство имѣетъ непреодолимое вліяніе на избирателей. Послѣ 1835 г. въ Испаніи было много выборовъ, и всѣ они давали большинство правительству. Выборная палата остается въ ней до сихъ поръ, такъ же какъ она была и въ 1844 г.,—только декораціей. Однако статутъ 1834 г. отмѣчаетъ новый періодъ въ политической жизни Испаніи; съ тѣхъ поръ власть осуществляется въ ней черезъ министровъ (генераловъ или политическихъ дѣятелей); *камарилья* уступила мѣсто министерству.

Съ открытіемъ кортесовъ въ 1834 г. началась бурная политическая жизнь. Старые либералы, вернувшіеся изъ изгнанія, привезли съ собою доктрины и формулы либеральныхъ странъ—Франціи и Англіи. Выступаетъ на сцену новое поколѣніе ораторовъ, обнаруживая на трибунѣ выдающуюся у испанцевъ способность къ краснорѣчію. Но рѣчи въ кортесахъ представляли скорѣе литературный интересъ, нежели политическую важность. Обладаніе властью зависѣло главнымъ образомъ отъ военныхъ возстаній, придворныхъ интригъ и вліянія иностранныхъ правительствъ, заключившихъ Союзъ Четырехъ Державъ. Изъ всѣхъ этихъ силъ, дѣйствующихъ въ различныхъ направленіяхъ, получалось очень неустойчивое равновѣсіе. Министерства были непродолжительны; втеченіе двадцати пяти лѣтъ (1833—1858 г.) смѣнилось 47 президентовъ совѣта, 61 министръ внутреннихъ дѣлъ, 78 министровъ финансовъ и 96 военныхъ. Такъ какъ депутаты не получали жалованья, то политическіе дѣятели, чтобы обезпечить свое существованіе, должны были дѣлаться министрами или чиновниками. Вслѣдствіе этого происходила жаркая борьба изъ-за министерствъ. Въ этой бѣдной странѣ, гдѣ источники доходовъ очень рѣдки, всегда гораздо болѣе кандидатовъ на правительственныя должности, нежели самыхъ должностей. Борьба между этими кандидатами играетъ большую роль въ Испаніи, и ею объясняется многое въ ея парламентской борьбѣ. Но личные мотивы обыкновенно прикрываются партійною враждою.

Либералы, такъ же какъ и послѣ 1820 г., раздѣлились на двѣ партіи: *умѣренныхъ* и *прогрессистовъ* (послѣднее названіе замѣнило прежнее *exaltados*).

Умѣренные признали «Королевскій Статутъ», т. е. преобладаніе королевской власти надъ палатами. Они хотѣли сохранять верхнюю наслѣдственную и пожизненную палату, высокій избирательный цензъ, цензуру и оставить мѣстную администрацію (муниципалитеты и провинціальныя депутаціи) въ зависимости отъ центральнаго правительства. Они хотѣли избѣжать радикальныхъ реформъ, нежелательныхъ для духо-

венства и крупныхъ землевладѣльцевъ, и ограничиться однѣми административными и финансовыми реформами; ихъ поддерживало французское правительство. Это была аристократическая партія, состоявшая изъ чиновниковъ и крупныхъ собственниковъ, не принадлежавшихъ къ карлистамъ; ея главная сила была въ центральныхъ и сѣверныхъ провинціяхъ.

Прогрессисты требовали конституціи 1812 г., дававшей кортесамъ преобладаніе надъ правительствомъ. Они требовали болѣе демократической избирательной системы, свободы печати и вѣроисповѣданій; они желали для провинцій и городовъ выборныхъ мѣстныхъ властей и объявляли себя противниками духовенства и аристократіи. Они опирались на англійское правительство. Это была демократическая и провинціальная партія, особенно многочисленная въ Андалузіи и городахъ прежняго Арагонскаго королевства (Барселонѣ, Сарагоссѣ, Валенсіи).

Умѣренные, призванные къ власти королевой-регентшей, должны были вести войну противъ карлистовъ. Теряя надежду довести ее до конца, они два раза просили помощи у Франціи, которая дважды отказывалась послать свои войска. Раздраженные побѣдами карлистовъ, прогрессисты подняли возстаніе противъ монаховъ. Въ Сарагоссѣ народъ разграбилъ монастыри и убилъ нѣсколькихъ монаховъ; въ Барселонѣ были сожжены 6 монастырей, разстрѣляны 32 монаха; убиты еще и другіе монахи; въ Мадридѣ были сожжены 4 монастыря. Мятежныя юнты провозгласили конституцію 1812 г., нападали на чиновниковъ, взимали налоги. Королева, уступая настояніямъ англійскаго посланника, призвала къ власти еврея-банкира Мендизабала, друга прогрессистовъ, имѣвшаго коммерческія сношенія съ Лондономъ и обѣщавшаго поднять испанскіе финансы (сент. 1835 г.).

Бюджетъ все время сводился съ дефицитомъ. Съ 1823 г. было выпущено займовъ на сумму около 3 милліардовъ реаловъ (300 милл. руб.). Мендизабалъ для погашенія долга разсчитывалъ на монастырскія имущества; они оцѣнивались въ 18 милліардовъ реаловъ ($1^3/_4$ милліарда рублей). Въ Испаніи было 90,000 монаховъ. Рядомъ декретовъ Мендизабалъ упразднилъ всѣ монастыри, конгрегаціи, мужскіе монастыри и часть женскихъ, отобравъ все ихъ движимое и недвижимое имущество въ кассу погашенія государственнаго долга. Государство мало выиграло отъ этого: государственная бумага, вмѣсто того чтобы повыситься, упала съ 16 на 12.

Королева снова призвала умѣренное министерство; новые выборы дали ему большинство въ кортесахъ. Но прогрессисты подняли возстаніе въ Андалузіи, Арагоніи, Каталоніи и Мадридѣ. Королева съ своимъ любимцемъ, гвардейцемъ Муньосомъ, находилась въ загородномъ замкѣ Ла Гранха. Однажды вечеромъ (12 августа 1836 г.), въ то время какъ офицеры были въ театрѣ, унтеръ-офицеры возмутили гарнизонъ, ворвались въ замокъ и заставили королеву обнародовать конституцію 1812 г., а затѣмъ признать прогрессистское министерство. Овладѣвши властью, прогрессисты рѣшились подвергнуть пересмотру конституцію 1812 г., не стѣсняясь формами, предписанными для пересмотра, и заставили кортесы вотировать іюньскую конституцію 1837 г. Это было нѣчто среднее между конституціею 1812 г. и статутомъ 1834 г. Она предоставляла кортесамъ законодательный починъ, а королю—право не утверждать законовъ, вотированныхъ кортесами, и распускать кортесы. Кортесы раздѣлялись на двѣ палаты: *сенатъ* составлялся изъ членовъ, назначаемыхъ пожизненно короной изъ списка кандидатовъ, составленнаго избирателями; *конгрессъ* составлялся изъ депутатовъ, избиравшихся прямо подачею голосовъ на 3 года: депутаты, въ отличіе отъ системы 1812 г., могли избираться вновь. Министры могли назначаться изъ членовъ кортесовъ. Статья, касавшаяся религіи, была умышленно составлена въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ: «Нація обязывается давать средства на поддержаніе богослуженія и священниковъ католической религіи, исповѣдуемой испанцами». Избѣгали высказываться опредѣленно по поводу принципа религіозной нетерпимости, допущеннаго въ 1812 г., и принципа вѣротерпимости, требуемаго прогрессистами. Мѣстная и провинціальная администраціи предоставлялись выборнымъ властямъ.

Этотъ политическій строй не успѣлъ окончательно установиться; но отнынѣ у Испаніи были двѣ конституціи, соотвѣтствовавшія каждой изъ двухъ партій: статутъ 1834 г.—у умѣренныхъ, конституція 1837 г.—у прогрессистовъ.

Карлистская война (1834—39 гг.).—Втеченіе все этой политической борьбы между двумя фракціями либеральной партіи продолжалась гражданская война между правительственными войсками (*христиносами*) и абсолютическими инсургентами (*карлистами*). Донъ-Карлосъ не принималъ никакихъ мѣръ для организаціи своихъ приверженцевъ. Во всѣхъ провинціяхъ, за исключеніемъ Андалузіи, вооруженныя шайки провозгласили Карлоса V и были скоро разсѣяны (1834 г.). Карлосъ находился въ Португаліи у претендента португальской абсолютистской партіи, донъ-Мигюэля, разсчитывая вторгнуться въ Испанію съ португальской арміею. Но случилось обратное: испанская армія вошла въ Португалію и заставила обоихъ претендентовъ отплыть въ Англію.

Сила карлистской партіи заключалась въ томъ, что она опиралась не только на абсолютистовъ и духовенство: на ея сторонѣ были горцы страны басковъ и Наварры. Три провинціи басковъ не входили въ составъ испанской монархіи; король

для нихъ былъ только *сеньеромъ*; у него не было тамъ ни войска, ни чиновниковъ. Баски управлялись самостоятельно; каждая провинція имѣла свою *сеньерію*, каждая деревня — свое собраніе главъ семействъ. Они не платили налоговъ и не несли военной службы. Страна не входила въ линію испанскихъ таможенъ, что̀ доставляло жителямъ двойную выгоду, давая имъ возможность свободно торговать съ Франціей и заниматься контрабандой на испанской границѣ. Совокупность этихъ вольностей и называлась *fueros*. Наварра пользовалась подобными же привилегіями. Страна басковъ не страдала отъ бѣдствій Испаніи; тамъ не было ни нищихъ, ни разоренныхъ деревень (*despoblados*), какъ въ другихъ провинціяхъ; долины были хорошо обработаны, дома содержались въ порядкѣ; было много школъ и мало монастырей. Это было демократическое общество, состоявшее изъ крестьянъ-собственниковъ,—и очень преданное католической религіи, привыкшее повиноваться своимъ священникамъ, мѣстнымъ уроженцамъ.

Для этого населенія старый порядокъ означалъ сохраненіе *fueros*, а побѣда либераловъ— централизацію, сравненіе въ правахъ съ другими, перспектива пониженія до уровня Испаніи. Такимъ образомъ, поднимая оружіе на защиту абсолютнаго короля, горцы защищали свою свободу и привилегію; они защищали также свою религію, которой, какъ они думали, грозитъ опасность со стороны либераловъ.

Одинъ баскъ, полковникъ регулярной арміи, Сумалакаррегви, организовалъ первую карлистскую армію въ Наваррѣ; затѣмъ къ нему присоединились инсургенты баскскихъ провинцій. Каждая провинція составляла свои батальоны; люди, одѣтые въ мѣстный шерстяной костюмъ съ беретомъ на головѣ и легкою плетеною обувью, съ однимъ шерстянымъ одѣяломъ и холщевымъ мѣшкомъ, могли дѣйствовать даже въ трудно проходимыхъ горахъ; они могли идти безъ отдыха отъ 16 до 18 часовъ. Тактика карлистовъ напоминала гверильясскую: избѣгать сраженій, нападать на непріятеля врасплохъ, передъ превышающими силами отступать въ горы и переходить въ другую долину; они всюду могли разсчитывать на помощь жителей. *Христиносы*, обремененные багажемъ, могли дѣйствовать только по дорогамъ долинъ, среди враждебнаго населенія, отказывавшагося служить имъ проводниками и извѣщавшаго карлистовъ о всѣхъ ихъ движеніяхъ. Испанская армія, состоявшая частью изъ новобранцевъ, плохо экипированная, часто остававшаяся безъ жалованья, истощалась въ безплодныхъ маневрахъ.

Эта война всей Испаніи противъ горцевъ длилась болѣе пяти лѣтъ. Она состояла изъ небольшихъ военныхъ дѣйствій, очень многочисленныхъ и запутанныхъ, происходившихъ отдѣльно въ двухъ областяхъ: на западѣ въ Наваррѣ и странѣ басковъ; на востокѣ — въ Каталоніи и Арагоніи. Во всѣхъ этихъ провинціяхъ города, охранявшіеся національною гвардіею, состоявшею изъ либераловъ, оставались вѣрными правительству и отбивались отъ нападеній карлистовъ. Донъ-Карлосъ, вернувшійся изъ Англіи въ іюлѣ 1834 г., основалъ свой дворъ и свое правительство въ Наваррѣ.

Скоро война приняла свирѣпый характеръ. Карлисты убивали плѣнныхъ: они не имѣли бы и возможности ни стеречь ихъ, ни кормить. Генералы правительственной арміи приказывали разстрѣливать офицеровъ и солдатъ инсургентовъ. Обѣ стороны разстрѣливали именитыхъ гражданъ враждебной партіи; дошли до того, что стали брать заложниковъ и предавать ихъ смертной казни. Когда въ Каталоніи карлистскій генералъ Кабрера разстрѣлялъ одного алькада, генералъ Мина, одинъ изъ героевъ либеральной партіи, велѣлъ арестовать мать Кабреры, старую, беззащитную женщину, и приказалъ разстрѣлять ее, «чтобы обуздать мѣрами справедливаго возмездія, говорилъ онъ, неистовства кровожаднаго Кабреры».

Обѣ партіи получали поддержку отъ иностранныхъ державъ. Конституціонныя правительства доставили испанскому правительству англійскій и французскій легіоны; неограниченныя монархіи и французскіе легитимисты посылали Карлосу деньги, оружіе и волонтеровъ.

Карлисты нѣсколько разъ, повидимому, приближались къ побѣдѣ; но донъ-Карлосъ не умѣлъ или не хотѣлъ воспользоваться этими случаями. Онъ не былъ ни военнымъ, ни государственнымъ человѣкомъ; онъ всего болѣе разсчитывалъ на чудесную помощь Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ, которую въ 1836 г. сдѣлалъ генералиссимусомъ королевскихъ арміи,— и позволялъ руководить собою *камарильѣ* духовниковъ и любимцевъ, мѣшавшихъ дѣйствіямъ его генераловъ. Онъ трижды упустилъ случай одержать побѣду:

1) Въ 1835 г., во время борьбы между умѣренными и прогрессистами, Сумалакаррегви приготовился двинуться съ 28,000 человѣкъ на Мадридъ; *камарилья* послала его осаждать Бильбао, гдѣ онъ и былъ убитъ.

2) Въ 1836 г., послѣ *пронунсіаменто* въ Ла-Гранха, умѣренные изъ ненависти къ прогрессистамъ повидимому были готовы присоединиться къ Карлосу; но, вмѣсто того чтобы обѣщать имъ амнистію, онъ приказалъ устраивать публичныя молебствія объ истребленіи невѣрующихъ.

3) Наконецъ въ 1837 г. донъ-Карлосъ рѣшился двинуться въ Кастилію; но онъ могъ вести съ собою только 12,000 пѣхоты и 1,200 кавалеріи безъ провизіи и денегъ, и отклонился въ сторону Валенсіи. Къ концу четвертаго мѣсяца онъ уже находился въ виду Мадрида, но

не рѣшился атаковать его, отступилъ безъ сраженія и вернулся въ горы.

Въ концѣ-концовъ окружающіе донъ-Карлоса раздѣлились на двѣ партіи: *апостолическую* (министры и духовники короля) и *маротистовъ*—сторонниковъ главнокомандующаго, генерала Марото, т. е. арміи и горцевъ. Марото велѣлъ арестовать и разстрѣлять четырехъ генераловъ апостолической партіи; донъ-Карлосъ объявилъ его измѣнникомъ. Марото, во главѣ своей арміи, заставилъ донъ-Карлоса прогнать своихъ совѣтниковъ и объявить, что онъ одобряетъ мѣры, принятыя его главнокомандующимъ.

Баски были утомлены войною. Съ 1838 г. среди нихъ образовалась партія съ такимъ девизомъ: *Paz y fueros* (миръ и вольности): признать королеву Изабеллу на томъ условіи, чтобы страна сохранила свои привилегіи. Либеральное правительство уполномочило своего генерала, Эспартеро, вступить на этихъ основаніяхъ въ переговоры съ инсургентами. Эти переговоры, прерывавшіеся и снова начинавшіеся, окончились конвенціей въ Вергарѣ (31 августа 1839 г.). Карлистская армія сложила оружіе; всякому предоставлялось на выборъ выйти въ отставку или перейти на службу къ правительству съ сохраненіемъ чиновъ и орденовъ; Эспартеро долженъ былъ совѣтовать правительству обязаться предложить кортесамъ гарантировать вольности басковъ. Донъ-Карлосъ бѣжалъ во Францію съ 8,000 своихъ приверженцевъ. Кабрера продолжалъ войну въ Каталоніи до іюля 1840 г.

Военныя диктатуры Эспартеро и Нарваэса (1840—51 г.).—По окончаніи карлистской войны политическими вождями Испаніи сдѣлались генералы. Они прикрывались именемъ той или другой политической партіи, но въ дѣйствительности вели между собою борьбу изъ-за обладанія властью.

Первымъ военнымъ диктаторомъ былъ Эспартеро, возведенный въ герцоги, прославившійся окончаніемъ карлистской войны. Недовольный королевою Христиною, поддерживавшею умѣренныхъ, онъ сталъ на сторону прогрессистской партіи. Поводомъ къ возстанію послужилъ муниципальный законъ 1840 г., проведенный умѣренными, находившимися тогда у власти. Этотъ законъ отнималъ у муниципалитетовъ право избранія алькадовъ и передавалъ его правительству, вопреки конституціи 1837 года. Прогрессисты подняли возстаніе сначала въ Барселонѣ, а затѣмъ въ Мадридѣ; Эспартеро поддержалъ ихъ. Христина, покинутая арміею, удалилась во Францію. Эспартеро заставилъ объявить себя регентомъ. Втеченіе трехъ лѣтъ онъ былъ полнымъ властелиномъ. Онъ побѣдилъ генераловъ умѣренной партіи, возставшихъ въ Пампелунѣ, и приказалъ бомбардировать Барселону, гдѣ образовалась республиканская партія и съ помощью офицеровъ провозгласила республику. Послѣ того какъ имъ втеченіе пяти мѣсяцевъ два раза распускались кортесы, онъ былъ свергнутъ коалиціею всѣхъ партій, умѣренныхъ, прогрессистовъ и республиканцевъ, и былъ принужденъ покинуть Испанію. Королева Изабелла была объявлена совершеннолѣтнею (1843 г.).

Коалиція распалась. Умѣренные, поддержанные генералами, свергли прогрессистское министерство и вновь призвали королеву Христину, которая вышла замужъ за Муньоса, сдѣланнаго герцогомъ Ріансаресъ. Одинъ изъ генераловъ умѣренной партіи, Нарваэсъ, взялъ въ свои руки власть (май 1844 г.) и управлялъ, съ нѣкоторыми перерывами, до 1851 г. Прогрессистская конституція 1837 г. была замѣнена конституціею 1845 г., почти возстановлявшею статутъ 1834 г. Корона, министерство и государственный совѣтъ пользовались почти всею реальною властью и назначали муниципальныхъ и провинціальныхъ должностныхъ лицъ. Это былъ централистическій порядокъ, подражавшій Франціи. Газеты находились подъ надзоромъ и не могли напечатать ни одной статьи безъ предварительнаго разрѣшенія правительства.

Чтобы привлечь на свою сторону духовенство, ему были возвращены монастырскія имущества, остававшіяся еще непроданными. Во время правленія умѣренныхъ было улажено дѣло испанскихъ браковъ, такъ долго занимавшее французскія и англійскія газеты. Вопросъ шелъ о выдачѣ замужъ королевы Изабеллы и ея сестры Луизы. Французское и англійское правительства обязались отказаться отъ предложенныхъ каждымъ изъ нихъ кандидатовъ,—герцога Монпансье и Леопольда Кобургскаго, и выдать королеву за одного изъ ея двоюродныхъ братьевъ изъ дома Бурбоновъ. Это обязательство было нарушено. Королева вышла замужъ за своего двоюроднаго брата Франсуа, но герцогъ Монпансье женился на инфантѣ Луизѣ (1846 г.). Эти браки, такъ сильно волновавшіе общественное мнѣніе Европы, не измѣнили политической жизни Испаніи. Принцъ-супругъ, немощный тѣломъ и духомъ, не принималъ никакого участія въ правительствѣ. Королева-мать Христина попрежнему играла преобладающую роль при дворѣ.

Во все время этой диктатуры правительство, каково бы оно ни было, прогрессистское или умѣренное, никогда не слѣдовало формамъ, предписаннымъ конституціями. Оно принимало въ формѣ простыхъ декретовъ рѣшенія, которыя должны были бы вотироваться палатами. Оно отмѣняло декретами конституціонныя гарантіи правъ личности или объявляло осадное положеніе; это позволяло ему арестовывать своихъ противниковъ, пріостанавливать газеты, запрещать сходки. Что касается налоговъ, которые должны были, согласно всѣмъ конституціямъ, вотиро-

ваться кортесами, прежде ихъ взиманія, то съ 1834 и до 1850 г. они ни одного раза не были установлены правильнымъ образомъ; министерство составляло бюджетъ и взимало налоги съ предварительнаго разрѣшенія кортесовъ.

Когда умѣренная партія упрочила свое положеніе (ей пришлось еще подавлять республиканскія возстанія 1848 г.), она занялась главнымъ образомъ приведеніемъ въ порядокъ финансовъ. Была введена однообразная система прямыхъ налоговъ, налоговъ на предметы потребленія и гербовыхъ пошлинъ; государственный долгъ былъ консолидированъ и опредѣленъ оффиціально въ три милліарда; бюджетъ былъ приведенъ почти въ равновѣсіе. Таможенный тарифъ 1849 г. отмѣнилъ многія запретительныя пошлины, понизилъ и объединилъ пошлины на иностранные товары.

Конкордатъ 1851 г. и распаденіе партій.—Такъ какъ королевская власть Изабеллы упрочилась, то абсолютисты мало-по-малу отдѣлились отъ карлистовъ, чтобы присоединиться къ правительству. Умѣренная партія, видоизмѣненная этими новыми элементами, все болѣе и болѣе походила на прежнюю абсолютистскую партію. *Камарилья* снова образовалась, сначала вокругъ Христины, а потомъ вокругъ королевы Изабеллы, и управляла или въ согласіи съ министрами, или противъ нихъ. Въ январѣ 1851 г. Христина отдѣлалась онъ Нарваэса и призвала въ министерство своихъ личныхъ приверженцевъ.

Умѣренная партія распалась; либералы отдѣлились отъ нея; умѣренные, оставшіеся у власти, благодаря поддержкѣ Христины, приняли абсолютистскую политику, чтобы удовлетворить аристократію и духовенство, присоединившихся къ коронѣ; дѣло шло объ укрѣпленіи церковной власти и монархіи. Это было время всеобщей реакціи въ Европѣ.

Начали съ церкви. Правительство, обходя кортесы, заключило съ папою конкордатъ марта 1851 г., согласно которому всѣ духовныя дѣла должны были рѣшаться на основаніи каноническихъ правилъ. «Католическая религія—религія государственная; всѣ другія религіи запрещаются. Обученіе въ школахъ должно быть согласно съ религіей». Епископы получили власть наблюдать за чистотою вѣры и религіознымъ воспитаніемъ молодежи. «Правительство будетъ оказывать поддержку епископамъ, когда они этого потребуютъ, чтобы бороться со всѣми предпріятіями, могущими развращать умы вѣрныхъ и портить ихъ нравы, а также чтобы препятствовать изданію, ввозу и обращенію вредныхъ книгъ». Такимъ образомъ правительство отдавало въ руки духовенства народное образованіе и цензуру книгъ и отдавало себя въ распоряженіе церковной власти.—Взамѣнъ этого папа согласился на упраздненіе церковныхъ судовъ и призналъ продажу монастырскихъ имуществъ; но правительство обязалось не касаться непроданныхъ имуществъ и разрѣшило церкви покупать новыя.

Въ области политики министерство составило рядъ проектовъ, измѣнявшихъ конституцію; оно хотѣло привести конституцію въ согласіе съ практикой, оффиціально признавши за правительствомъ право обходиться безъ кортесовъ. Бюджетъ предполагалось сдѣлать постояннымъ, а законы издавать по соглашенію короны съ государственнымъ совѣтомъ; церковныя дѣла должны были рѣшаться по соглашенію короны съ папою. Засѣданія кортесовъ должны были быть негласными, а сенатъ сдѣлался бы наслѣдственнымъ; число депутатовъ уменьшалось съ 349 на 171, а ихъ цензъ возвышался. Для борьбы съ печатью декретъ установлялъ особый порядокъ: преступленія противъ общественнаго порядка судились присяжными, выбранными изъ лицъ, платившихъ наибольшіе налоги; въ провинціи губернаторъ могъ присуждать къ штрафу административнымъ путемъ. Правительство могло запретить или пріостановить «всякую газету съ направленіемъ опаснымъ для общественнаго строя».

Либеральный союзъ и революція 1854 г.—Эта политика привела къ революціи. Умѣренные, вытѣсненные изъ министерства, соединились съ прогрессистами и признали своимъ вождемъ Нарваэса. Во главѣ оппозиціи снова стояли генералы. Въ сенатѣ она обнаружилась въ намекахъ на мужа Христины, котораго обвиняли въ устройствѣ желѣзнодорожныхъ концессій. Правительство отвѣтило на это закрытіемъ кортесовъ. Генералы начали устраивать военныя возстанія; министерство подавило два изъ нихъ, но было побѣждено третьимъ. Генералъ О'Доннель, принадлежавшій къ умѣренной партіи, организовалъ это возстаніе въ Мадридѣ, въ соглашеніи съ главнокомандующимъ кавалеріею Эспартеро, снова сдѣлавшись вождемъ прогрессистовъ, присоединился къ нему въ Арагоніи. На этотъ разъ народъ въ Мадридѣ построилъ баррикады, сражался втеченіе трехъ дней, разграбилъ дома министровъ и перебилъ полицейскихъ. Христина должна была бѣжать, оставивши Изабеллу въ рукахъ инсургентовъ. Іюльская революція 1854 г. была побѣдою генераловъ и демократіи большихъ городовъ надъ дворомъ и духовенствомъ. Армія извлекла изъ нея свою выгоду: всѣ офицеры были повышены въ чинѣ.

О'Доннель и Эспартеро, достигши власти, управляли государствомъ вмѣстѣ съ 1854 до 1856 г. Эспартеро, сдѣлавшійся президентомъ совѣта, опирался на прогрессистовъ; О'Доннель, занявшій постъ военнаго министра, создалъ новую партію, *Либеральный Союзъ*, состоявшій изъ людей прежнихъ партій, разочарованныхъ (*desengannados*), сторонниковъ либеральной

конституціонной монархіи, которая должна была представлять нѣчто среднее между абсолютизмомъ старой умѣренной партіи и анархіей прогрессистовъ.

Въ этомъ коалиціонномъ правительствѣ сначала преобладали прогрессисты. Они вооружили милицію (національную гвардію) и созвали учредительные кортесы, гдѣ большинство оказалось прогрессистскимъ. Прогрессистскіе чиновники, уволенные въ 1843 г., снова заняли прежнія должности, причемъ время, втеченіе котораго они находились въ отставкѣ, было сочтено имъ за дѣйствительную службу. Государственный совѣтъ былъ уничтоженъ. Налогъ на предметы потребленія былъ отмѣненъ. Былъ возстановленъ административный законъ 1821 г. Была вотирована конституція 1835 г., дѣлавшая Сенатъ выборнымъ. Но прежде чѣмъ эта конституція была обнародована, власть выскользнула изъ рукъ прогрессистовъ.

Возникла новая партія, преимущественно въ сѣверо-восточныхъ провинціяхъ, требовавшая общаго избирательнаго права, свободы публичныхъ сходокъ, уничтоженія рекрутскаго набора. Въ Барселонѣ рабочіе, организованные въ тайныя общества, произвели возстаніе, убили нѣсколькихъ хозяевъ и овладѣли городомъ. Въ то же время карлисты поднялись на защиту «религіи». Прогрессисты, находившіеся у власти, чтобы бороться съ этими мятежами, отмѣнили временно гарантіи политической свободы, что привело ихъ къ столкновенію съ демократами.

Желая овладѣть имуществами духовенства, прогрессисты поссорились съ королевой Изабеллой. Кортесы вотировали законъ, повелѣвавшій продать всѣ имущества, принадлежавшія государству, общинамъ, благотворительнымъ учрежденіямъ и церкви; государство должно было уплатить за нихъ духовенству трехпроцентною рентою. Изабелла отказалась утвердить этотъ законъ и угрожала отреченіемъ отъ престола; «она покажетъ, говорила она, что королева умѣетъ приносить жертвы своей вѣрѣ».

Въ самомъ министерствѣ О'Доннель уже находился въ открытой враждѣ съ прогрессистами; королева стала на его сторону и поручила ему составить министерство. Прогрессисты запротестовали; мадридская милиція взбунтовалась. Это доставило О'Доннелю случай одержать побѣду. Онъ упразднилъ милицію, распустилъ учредительные кортесы и возстановилъ конституцію 1845 г., присоединивши къ ней *Дополнительный Актъ*, гарантировавшій кортесамъ четырехмѣсячную сессію въ году и представленіе бюджета при открытіи сессіи.

Но старая умѣренная партія, усиленная пораженіемъ прогрессистовъ, возстановила свое вліяніе на королеву. Королева уволила О'Доннеля и составила министерство Нарваэса, вполнѣ *умѣренное* (12 октября 1856 г.). Тогда было уничтожено все, что̀ оставалось отъ революціи 1854 г.: дополнительный актъ, законъ о продажѣ церковныхъ и государственныхъ имуществъ, административный законъ. Былъ возстановленъ прежній порядокъ, а законъ о печати даже отягченъ. Эта реакція длилась два года при трехъ министерствахъ.

Въ 1858 г. Изабелла снова призвала къ власти О'Доннеля. Онъ сохранялъ ее пять лѣтъ безъ перерыва, и за это время кортесы не были распущены до истеченія ихъ полномочій, что случилось съ ними еще впервые. Либеральный союзъ поддерживалъ правительство, видя въ этомъ «единственное средство избѣгнуть анархіи съ одной стороны и деспотизма съ другой». Онъ представлялъ собою среднюю партію между двумя старыми крайними. Политика О'Доннеля состояла въ томъ, чтобы не принимать никакихъ рѣшительныхъ мѣръ и тѣмъ избѣжать всякаго рѣзкаго столкновенія внутри, — и отвлекать общественное вниманіе внѣшними дѣлами. Онъ возстановилъ законъ о продажѣ церковныхъ имуществъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по соглашенію съ римскимъ престоломъ, призналъ за церковью право на пріобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ. Онъ обѣщалъ либеральный законъ о печати, но не внесъ его въ кортесы. Съ другой стороны, онъ вовлекъ Испанію въ войну съ Марокко, предпринялъ завоеваніе Сенъ-Доминго, вмѣшался въ мексиканскую экспедицію и вызвалъ столкновеніе Испаніи съ Перу. Въ бюджетахъ къ обыкновенному дефициту прибавился чрезвычайный, оцѣнивавшійся въ 1 милліардъ реаловъ. Либеральный союзъ мало-по-малу потерялъ своихъ сторонниковъ; въ 1863 г. королева уже вернулась къ умѣреннымъ, а въ 1864 г. снова призвала Нарваэса.

Революція 1868 г. — Съ возвращеніемъ къ власти умѣренныхъ стало обнаруживаться преобразованіе партій и общественнаго мнѣнія въ Испаніи. Абсолютисты, покидая мало-по-малу партію карлистовъ, присоединились къ Изабеллѣ; усилившись отъ этого, умѣренная партія изъ конституціонной и либеральной сдѣлалась абсолютистской и католической. Изабелла, не чувствуя себя болѣе вынужденною опираться на либераловъ, вернулась къ традиціямъ католическаго абсолютизма и правительства *камарильи*. Наиболѣе вліятельными лицами изъ окружающихъ ее были ея любимецъ Марфори, патеръ Сириле, францисканецъ, сдѣлавшійся толедскимъ архіепископомъ, патеръ Кларетъ, бывшій военный, сдѣлавшійся епископомъ, и сестра Патрочиніо, осужденная за то, что поддѣлывала знаки Страстей Христовыхъ. Король, находившійся въ открытыхъ непріязненныхъ отношеніяхъ съ королевой, не имѣлъ почти никакого вліянія. *Камарилья*, враждебная О'Доннелю, побуждала королеву къ католическимъ манифестаціямъ; она до 1864 г. отказывалась признать

итальянское королевство, и понадобилось вмѣшательство дипломатовъ, чтобы убѣдить ее помиловать испанскихъ протестантовъ, присужденныхъ къ каторжнымъ работамъ.

Либеральныя партіи, изъ ненависти къ *камарильѣ*, сдѣлались революціонными. Прогрессисты объявили въ своемъ манифестѣ, что не хотятъ болѣе принимать участіе въ выборахъ, и съ 1862 г. отказались выставлять своихъ кандидатовъ, разсчитывая только на революцію. Въ приморскихъ провинціяхъ и въ Мадридѣ образовалась демократическая партія изъ сторонниковъ всеобщаго избирательнаго права и республики. Оппозиція уже не ограничивалась нападеніями на министерство; она нападала на самую династію, обращая общественное вниманіе на придворные скандалы.

Умѣренное министерство отвѣчало на это преслѣдованіемъ журналистовъ и профессоровъ. Всякая статья, ранѣе ея напечатанія, должна была представляться властямъ, которыя могли запретить ее, а газета могла быть пріостановлена послѣ третьяго предостереженія, вызваннаго этими ненапечатанными статьями. Губернаторы и алькады могли наложить на газету штрафъ по административному рѣшенію. Профессоръ-демократъ мадридскаго университета, Кастеларъ, былъ исключенъ; ректоръ уволенъ, студенты хотѣли устроить ему серенаду; правительство сначала разрѣшило ее, а потомъ запретило; произошла свалка, причемъ было до сотни раненыхъ и убитыхъ. Правительство приказало закрыть всѣ клубы, въ которыхъ говорилось о политикѣ.

Прогрессисты старались возстановить противъ династіи армію; генералъ Примъ, скрывавшійся за границей, организовалъ рядъ возстаній. Первыя изъ нихъ окончились неудачею. Мадридское (іюнь 1866 г.) было произведено артилерійскими сержантами, недовольными службою въ аристократической арміи, гдѣ всѣ офицерскія мѣста предназначались для воспитанниковъ спеціальной школы; это возстаніе окончилось многочисленными казнями. Правительство обратилось въ военную диктатуру, стоявшую на сторонѣ абсолютной власти короля. Министръ внутреннихъ дѣлъ Гонзалесъ Браво говорилъ въ декретѣ о распущеніи кортесовъ: «Насталъ для испанцевъ часъ быть управляемыми согласно духу исторіи и основнымъ свойствамъ ихъ національнаго характера». Либеральный союзъ протестовалъ противъ этого военнаго режима. Правительство распустило кортесы, арестовало вождей партіи и изгнало изъ Мадрида маршала Серрано, президента сената (декабрь 1866). Всѣ выдающіеся либералы бѣжали во Францію.

Абсолютистское министерство держалось, не смотря на общее недовольство, пока былъ живъ Нарваэсъ. Онъ подавилъ возстанія и, произведши выборы въ кортесы, заставилъ ихъ одобрить принятыя имъ мѣры и вотировать законъ, который давалъ правительству право изгонять изъ мѣстожительства и подвергать административной ссылкѣ всякаго гражданина, признаннаго *подозрительнымъ*. Тронная рѣчь возвѣщала о реформахъ въ администраціи и народномъ образованіи съ цѣлью «усилить политику рѣшительнаго сопротивленія революціи» и поддержать традиціонное единство въ дѣятельности церкви и государства. Папа прислалъ королевѣ Изабеллѣ золотую розу.

Когда Нарваэсъ умеръ (23 апрѣля 1868 г.), Гонзалесъ Браво хотѣлъ продолжать его политику. Но онъ чувствовалъ, что армія ускользаетъ отъ него. Онъ велѣлъ арестовать и сослать нѣсколькихъ генераловъ (іюль), а герцога Монпансье изгналъ изъ Испаніи. Тогда вожди преслѣдуемыхъ партій, либеральнаго союза прогрессистовъ и демократовъ, послѣ долгихъ переговоровъ, условились совмѣстно произвести революцію. Для этого они воспользовались тѣмъ моментомъ, когда королева находилась на французской границѣ, занятая переговорами съ Наполеономъ (дѣло шло о замѣнѣ французскихъ войскъ въ Римѣ испанскими).

Началомъ революціи послужило *пронунсіаменто* адмирала Топете, начальника кадикскаго флота; затѣмъ слѣдовало *пронунсіаменто*, подписанное главнѣйшими генералами оппозиціи (Примъ и Серрано). Возставшіе кричали: «Долой Бурбоновъ! Да здравствуетъ народное самодержавіе!». Объявленною цѣлью революціи было: временное правительство и всеобщее избирательное право, какъ «основа политическаго и соціальнаго возрожденія». Андалузія первая высказалась за революцію. Тамъ произошло только небольшое сраженіе при Альколеѣ, возлѣ Кордовы (29 сентября). Послѣ этого Мадридъ, а затѣмъ и вся Испанія присоединились къ инсургентамъ. Покинутая Изабелла бѣжала во Францію.

Конституція 1869 г.—Временное правительство, учрежденное въ Мадридѣ, было признано юнтами всѣхъ 48 возставшихъ провинцій. Оно состояло изъ вождей соединившихся партій: 5 прогрессистовъ, 4 членовъ либеральнаго союза и 1 демократа. Дѣйствительными главами правительства были генералы Примъ и Серрано. Въ циркулярѣ иностраннымъ державамъ и въ манифестѣ къ народу они провозгласили слѣдующія основы новаго порядка: народный суверенитетъ, свобода вѣроисповѣданія и обученія, свобода печати. Эти принципы были признаны всѣми сторонниками революціи. Всѣ они называли себя врагами неограниченной власти двора и духовенства, «противорѣчившей духу времени».

Но по вопросу о формѣ правленія возникли разногласія. Прогрессисты и либеральный союзъ желали монархіи съ демократическими учрежденіями и съ новою династіею, избранною народомъ.

Партія демократовъ распалась надвое: мадрид-

скіе демократы согласились на централизованную монархію; демократы Каталоніи, Арагоніи и Валенсіи высказались за федеральную республику. Временное правительство объявило, что рѣшеніе вопроса должно быть предоставлено учредительнымъ кортесамъ.

Кортесы 1869 г., избранные всеобщею подачею голосовъ (1 депутатъ на 45,000 жителей), состояли въ огромномъ большинствѣ изъ сторонниковъ коалиціи. Они вотировали монархію съ либеральными демократическими учрежденіями, а именно: кортесами изъ двухъ палатъ, конгресса, избираемаго на три года всеобщею подачею голосовъ, — и сената, выбираемаго на двѣнадцать лѣтъ особыми избирателями; всѣ вѣроисповѣданія были объявлены свободными. Въ первый разъ въ Испаніи осмѣлились вписать въ конституцію свободу вѣроисповѣданій.

Республиканцы отвѣтили на это «Тортозскимъ Договоромъ», заключеннымъ между одиннадцатью провинціями бывшаго арагонскаго королевства; они требовали федеральной республики и организовали комитеты своей партіи.

Карлисты еще въ 1868 г. выпустили манифестъ; они высказались за «національную королевскую власть противъ чужеземнаго монархическаго строя, и за «единство вѣры» противъ свободы вѣроисповѣданій. Ихъ претендентомъ былъ донъ-Карлосъ VII, внукъ самаго младшаго брата прежняго донъ-Карлоса V.

До пріисканія короля кортесы возложили регентство на маршала Серрано. Карлисты немедленно же подняли возстаніе подъ предводительствомъ священниковъ. Серрано пріостановилъ конституціонныя гарантіи и подавилъ возстаніе. Затѣмъ онъ потребовалъ у епископовъ выдачи тѣхъ священниковъ, которые оставили свои приходы, чтобы идти сражаться, и приказалъ епископамъ совѣтовать своей паствѣ повиноваться правительству.

Раздраженное провозглашеніемъ свободы вѣроисповѣданій, казавшейся оскорбленіемъ старой религіи, духовенство начало борьбу съ конституціонной партіей. Правительство хотѣло заставить его присягнуть въ вѣрности конституціи. Всѣ епископы, за исключеніемъ одного, отказались отъ присяги. Правительство прекратило выдачу жалованья членамъ духовенства; кортесы вотировали законъ, разрѣшавшій гражданскіе браки. Это была открытая война между духовенствомъ и революціей.

Въ то же время распалась конституціонная коалиція, вслѣдствіе несогласій по вопросу объ избраніи короля. Либеральный союзъ предложилъ герцога Монпансье, прогрессисты и демократы хотѣли иностраннаго принца. Члены либеральнаго союза вышли изъ министерства. Примъ, до самой своей смерти, управлялъ отъ имени прогрессистовъ. Онъ втеченіе цѣлаго года искалъ будущаго испанскаго короля. Онъ предлагалъ корону сыну португальскаго короля, герцогу Генуэзскому, сыну итальянскаго короля, католическому принцу Гогенцоллернъ-Зигмарингенскому (что послужило поводомъ къ франко-прусской войнѣ). Всѣ они отказались.

Наконецъ, герцогъ Аостскій, Амедей, сынъ Виктора-Эммануила, принялъ предложеніе. Кортесы избрали его большинствомъ 191 голоса противъ 115; но когда онъ прибылъ въ Испанію, Примъ только-что былъ убитъ (въ концѣ декабря 1870 года). Противъ новаго короля вели открытую борьбу республиканская партія и двѣ монархическихъ: карлисты и либеральный союзъ. Противъ него были фанатическіе патріоты, называвшіе его *чужеземцемъ*; дворянство, недовольное тѣмъ, что демократы находились при дворѣ (въ оперѣ гранды надѣвали шляпы при входѣ короля),—и духовенство, враждебное конституціонному королю. Его власть была такъ слаба, что на выборахъ въ мартѣ 1871 г. его сторонники едва получили большинство. Въ оппозиціи находилось 185 депутатовъ.

Амедей хотѣлъ управлять, какъ конституціонный король, и образовать министерство изъ большинства, которое состояло изъ прогрессистовъ и демократовъ, остатковъ коалиціи, совершившей революцію 1868 г. Но эта коалиція, оставшаяся со смерти Прима безъ признаннаго вождя, распалась на двѣ враждебныя партіи: прогрессистовъ съ Сагастою во главѣ и радикаловъ съ Рюи Зорилья; оба вождя были не изъ военныхъ. Въ палатѣ не было большинства. Министерство подало въ отставку. Король протестовалъ противъ этихъ перемѣнъ, «явившихся продуктомъ интригъ партій или группъ»; но ему не удалось составить министерства примиренія. Онъ призывалъ къ власти поочередно обѣ партіи: радикальное министерство, устроившее ему поѣздку по сѣверо-восточнымъ республиканскимъ провинціямъ, и два прогрессистскихъ министерства; затѣмъ онъ рѣшился распустить кортесы. Прогрессистское министерство руководило выборами и получило сильное большинство. Тогда подняли возстаніе карлисты; большинство готовилось установить военную диктатуру, къ которой прибѣгали по испанскому обычаю во время смутъ; но короля нельзя было убѣдить подписать декретъ; прогрессистское министерство подало въ отставку.

Между обѣими прежними монархическими партіями, умѣренными и либеральнымъ союзомъ, произошло сближеніе, и онѣ слились въ одну партію. Изабелла отреклась отъ престола въ пользу своего сына Альфонса, еще несовершеннолѣтняго; Монпансье примкнулъ къ нему, какъ законному представителю наслѣдственной конституціонной монархіи. Эти двѣ слившіяся группы образовали *альфонсистскую* партію, которая высказалась за Альфонса съ Монпансье въ качествѣ регента.

Радикальное министерство (Кордовы-Зорилья)

объявило о своемъ намѣреніи «умиротворить страну, не прибѣгая къ крайнимъ мѣрамъ», не нарушая конституціи. Оно назначило новые выборы въ кортесы; карлисты воздержались отъ голосованія, большинство получилось радикальное. Министерство предложило крупныя реформы: общую воинскую повинность, возложеніе расходовъ по содержанію церквей и духовенства на провинціи и общины, устраненіе духовенства отъ политическихъ и административныхъ должностей. Епископы подняли протестъ. Затѣмъ возникло столкновеніе съ артиллерійскими офицерами; они исключили изъ своей среды нѣкоего Гидальго за то, что онъ покровительствовалъ въ 1866 г. республиканскому возстанію сержантовъ; министерство назначило его губернаторомъ баскскихъ провинцій; офицеры протестовали, требовали его отставки, а затѣмъ массою покинули службу. Это была открытая война между радикальнымъ правительствомъ и двумя самыми могущественными корпораціями въ Испаніи: духовенствомъ и офицерами.

Республика (1873—74 г.).—Амедею наскучила эта демократическая королевская власть и отдаленіе аристократіи отъ него и его двора. (Гранды, вопреки обычаю, отсутствовали при рожденіи его ребенка). Онъ отрекся отъ престола и покинулъ Испанію. Кортесы провозгласили республику и избрали министерство.

Республиканцы скоро раздѣлились. Радикалы, примкнувшіе къ республикѣ, хотѣли удержать прежній централистическій государственный строй и кортесы, выбранные въ 1872 г., въ которыхъ они имѣли большинство. Старые республиканцы, выставленные Арагоніей и Андалузіей, требовали федеральной республики и избранія учредительныхъ кортесовъ для вотированія новой конституціи. Радикалы опирались на кортесы, федералисты—на министерство, куда сами кортесы, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, провели старыхъ вождей республиканцевъ-федералистовъ: уроженца Андалузіи Кастеляра и каталонца Пи-и-Маргалля. Это столкновеніе окончилось государственнымъ переворотомъ. Кортесы, отсрочивши свои засѣданія въ мартѣ, назначили постоянную комиссію, большинство которой состояло изъ радикаловъ и альфонсистовъ. Генералы предложили этой комиссіи избавить ее отъ федералистическаго министерства; но министерство предупредило ихъ: оно прогнало комиссію и произвело выборы въ учредительные кортесы.

Кортесы оказались федералистическими и избрали федералистическое министерство, которое внесло проектъ федеративной конституціи по образцу конституціи Соединенныхъ Штатовъ: Испанія раздѣлялась на автономные штаты, церковь отдѣлялась отъ государства. Но федералисты были согласны между собою только въ основномъ принципѣ; они расходились по вопросу о территоріальныхъ границахъ отдѣльныхъ штатовъ. Долженъ ли былъ каждый штатъ соотвѣтствовать одной изъ старыхъ историческихъ провинцій, или одной изъ 48 новыхъ провинцій, или же, наконецъ, состоять изъ еще болѣе мелкаго подраздѣленія, изъ одного *кантона?* Слѣдовало ли образовать единый штатъ Андалузіи, или же отдѣльные штаты Севильи, Каликса, Кордовы? Пи-и-Маргалль, избранный сначала президентомъ, ученикъ и переводчикъ Прудона, склонялся на сторону автономіи кантоновъ. *Кантоналисты* воспользовались этимъ, чтобы произвести возстаніе въ Севильѣ, Малагѣ, Кадиксѣ, Алькоѣ; они называли себя *непримиримыми*, объявляли себя соціалистами, сторонниками Международнаго Рабочаго Союза. Въ Алькоѣ инсургенты убили нѣсколькихъ хозяевъ и подожгли фабрики съ помощью петроля. Они овладѣли военнымъ портомъ Картагеною и при помощи каторжниковъ держались тамъ до января 1874 г.

Кортесы, находя Пи-и-Маргалля не въ мѣру кантоналистомъ, передали власть Сальмерону, профессору мадридскаго университета, горячему противнику смертной казни. Затѣмъ, чтобы подавить карлистовъ и кантоналистовъ, они вотировали возстановленіе военнаго закона, разрѣшавшаго разстрѣливать инсургентовъ. Сальмеронъ вышелъ въ отставку (сентябрь 1873 г.).

Кортесы передали президентскія полномочія вождю умѣренной республиканской фракціи, оратору Кастеляру, и отсрочили свои засѣданія до конца года, чтобы дать правительству время возстановить порядокъ. Кастеляръ, отказавшись временно отъ федерализма и либеральной политики, вернулся къ традиціонному испанскому способу — централистической военной диктатурѣ. Онъ пріостановилъ декретомъ конституціонныя гарантіи, запретилъ испанцамъ покидать свое мѣстожительство безъ разрѣшенія начальства, а газетамъ—возбуждать къ возстанію или одобрять дѣйствія инсургентовъ, и возстановилъ систему предостереженій и пріостановки газетъ.

Когда кортесы снова собрались, Кастеляръ потребовалъ отъ нихъ выраженія благодарности; они отказали. Генералъ Павіа, губернаторъ Мадрида, другъ Прима, предложилъ Кастеляру освободить его отъ кортесовъ. Кастеляръ не согласился на это и вышелъ въ отставку (2 января 1874 г.). Павіа одинъ произвелъ государственный переворотъ. Прежде чѣмъ кортесы успѣли выбрать новое правительство, онъ ворвался съ солдатами въ залу засѣданій и выгналъ депутатовъ. Затѣмъ онъ передалъ власть комитету изъ прогрессистовъ и радикаловъ-монархистовъ; во главѣ комитета стояли генералы. Армія снова овладѣла правительствомъ.

Новое министерство объявило, что оно сохранитъ республику съ конституціей 1869 г., и обѣщало созвать кортесы, какъ только будетъ

возстановленъ порядокъ. Пока же осталась военная диктатура. Правительство пріостановило конституціонныя гарантіи, запретило карлистскія и кантоналистическія газеты, распустило всѣ политическія общества, «которыя словомъ или дѣйствіемъ посягали на общественную безопасность и цѣлость страны». Маршалъ Серрано былъ назначенъ главою исполнительной власти.

Во все продолженіе этой борьбы карлистское возстаніе не прекращалось. Это было повтореніемъ первой карлистской войны. Инсургенты дѣйствовали одновременно на западѣ, въ провинціяхъ басковъ и Наваррѣ, съ почти регулярною арміею горцевъ, достигавшею 30,000 человѣкъ,—и на востокѣ, въ Каталоніи и Маэстрасго, съ плохо дисциплинированными шайками. Столицею дона Карлоса была Эстелла въ Наваррѣ. Какъ и въ первое возстаніе, крестьяне, возбуждаемые священниками, сражались рядомъ съ карлистами или тайно помогали имъ; города-же сопротивлялись имъ. Карлисты осадили Памплелуну и Бильбао, но не могли ихъ взять. Какъ и прежде, это была дикая война; плѣнныхъ часто убивали; карлисты разстрѣляли даже корреспондента одной нѣмецкой газеты. Они портили желѣзныя дороги, стрѣляли въ поѣзда или останавливали ихъ; въ Каталоніи они даже запретили всѣмъ служащимъ на желѣзной дорогѣ приближаться къ желѣзнодорожному полотну подъ угрозою быть разстрѣлянными.

Реставрація 1874 г.—Военная диктатура Серрано не удовлетворяла ни республиканцевъ, ни монархистовъ. Генералы не желали болѣе республики; они примкнули къ партіи Альфонса. Альфонсъ, достигнувши совершеннолѣтія (28 ноября 1874 г.), высказался за конституціонную монархію: «я никогда не перестану быть добрымъ испанцемъ и добрымъ католикомъ, какъ всѣ мои предшественники,—и истиннымъ либераломъ, какъ человѣкъ своего вѣка».

Всѣ ждали реставраціи. Она была провозглашена Мартинесомъ Кампосомъ путемъ *пронунсіаменто* въ Мурвіедро. Всѣ другіе генералы присоединились къ нему. Серрано не оказалъ сопротивленія. Альфонсъ XII былъ признанъ испанскимъ королемъ. Власть перешла къ коалиціи альфонсистовъ, состоявшей изъ умѣренныхъ и членовъ либеральнаго союза; во главѣ ея сталъ бывшій сторонникъ О'Доннеля, Кановасъ-дель-Кастильо, не военный.

Министерство управляло втеченіе двухъ лѣтъ, представляя собой диктатуру. Оно занялось сначала подавленіемъ карлистовъ и примиреніемъ съ духовенствомъ. Карлисты долго сопротивлялись, но наконецъ двѣ арміи, дѣйствовавшія противъ нихъ, заставили ихъ искать убѣжища во Франціи (февраль 1876 г.).

Духовенство поддерживало карлистовъ; папа объявилъ Карлоса VII законнымъ королемъ. Чтобы примирить съ собою духовенство, правительство повысило бюджетъ на его содержаніе съ 3 милліоновъ на 91 и обѣщало выплатить жалованье духовнымъ лицамъ за прошлые года, насколько это позволятъ военные расходы. Оно велѣло закрыть протестантскія часовни и школы, возникшія послѣ революціи, уничтожило гражданскій бракъ и объявило, что государство установитъ свое отношеніе къ церкви по соглашенію съ римскимъ престоломъ. Папа согласился тогда признать Альфонса; но окончательное разрѣшеніе церковнаго вопроса было затруднительно. Нунцій требовалъ возвращенія къ конкордату 1851 г. и къ единству религіи. Комиссія, назначенная для составленія проекта конституціи, раздѣлилась на двѣ партіи: умѣренные хотѣли возстановленія конституціи 1845 г., либеральный союзъ и присоединившіеся къ монархіи прогрессисты, слившіеся въ партію *конституціоналистовъ*, поддерживали конституцію 1869 г.; въ концѣ концовъ остановились на смѣшанномъ проектѣ, допускавшемъ вѣротерпимость.

Кортесы, избранные наконецъ въ январѣ 1876 г., составленные изъ министерскихъ депутатовъ, вотировали выработанную комиссіей конституцію, статья 1 которой гласила: «римско-католическая апостолическая религія признается государственной; нація обязывается содержать католическую церковь и ея служителей. Никто не можетъ быть преслѣдуемъ ни за свои религіозныя мнѣнія, ни за исполненіе обрядовъ своей вѣры, если только они не оскорбляютъ христіанской нравственности. Запрещаются манифестаціи и публичныя церемоніи для всякой религіи, кромѣ государственной» *). Папа протестовалъ противъ «терпимости по отношенію къ не-католическимъ вѣроисповѣданіямъ, какъ посягательства на истину и права церкви».

Затѣмъ правительство опредѣлило положеніе провинцій басковъ. Оно установило принципъ «конституціонное единство Испаніи», т. е. уничтоженіе баскскихъ вольностей (*fueros*), не смотря на протесты баскскихъ делегатовъ, и приказало мѣстнымъ властямъ заявить о ихъ готовности подчиниться испанскимъ законамъ. Но оно согласилось, въ видѣ уступки, вводить эти законы только постепенно и сохранить мѣстную администрацію. Однако оно приступило немедленно-же къ рекрутскому набору, занявши сначало страну войсками для предупрежденія безпорядковъ; оно начало также

*) Благодаря ограниченію свободы богослуженія, возникла цѣлая казуистика, запрещавшая не-католикамъ всякое проявленіе на улицахъ ихъ религіознаго культа: всякую афишу, всякій знакъ на внѣшней стѣнѣ. «Оскорбленіе христіанской морали» истолковывалось такимъ образомъ, что подвергали преслѣдованіямъ лицъ, не обнажавшихъ головы при проходѣ процессіи или священника съ Св. Дарами, и считалось за преступленіе публичная насмѣшка надъ католическимъ догматомъ.

взимать прямые налоги и распустило совѣты, которые стали протестовать. Такимъ образомъ вторая карлистская война кончилась полнымъ объединеніемъ Испаніи.

Послѣ этого диктатура была объявлена конченной и конституціонныя гарантіи возстановлены (конецъ 1876 г.); но декреты, которыми была установлена диктатура, остались въ силѣ; правительство держало въ полной зависимости отъ своего усмотрѣнія печать и публичныя сходки.

Конституціонная монархія. — Конституція 1876 г. установила либеральную конституціонную монархію, съ неприкосновенною личностью короля, отвѣтственными министрами и кортесами изъ двухъ палатъ: *конгресса*, избираемаго на основаніи ценза, и *сената*, составленнаго изъ сановниковъ, пожизненныхъ членовъ и членовъ, избранныхъ провинціальными совѣтами. Фактически кортесы, какъ и до революціи, всегда поддерживаютъ министерство, а выборъ министерства зависитъ отъ личной воли короля. Такимъ образомъ дѣйствительнымъ главою правительства является король.

Альфонсъ XII получилъ заграницей военное воспитаніе; онъ всего болѣе занимался арміей, старался организовать ее по образцу германской и возстановить дисциплину въ корпораціи офицеровъ; онъ отказался возвратить ихъ чины офицерамъ, участвовавшимъ въ возстаніи. Гражданскія дѣла онъ предоставилъ главѣ министерства. Такимъ образомъ установилось правильное правительство, по внѣшности парламентарное, функціонирующее и по настоящее время. Правительство, повидимому, опирается на большинство кортесовъ; происходятъ даже министерскіе кризисы, вызываемые, повидимому, политическими вопросами, но въ дѣйствительности личнымъ соперничествомъ нѣсколькихъ вождей партій, изъ среды которыхъ король выбираетъ министровъ, руководясь разнообразными мотивами.

Партіи преобразовались и приняли новыя названія. Существуютъ двѣ монархическихъ конституціонныхъ партіи, которыя поочередно призываются къ власти. *Консерваторы* хотятъ сохраненія порядка, установленнаго реставраціей, и допускаютъ только реформы въ финансахъ и въ арміи; они опираются на духовенство и аристократію. *Либералы*, называемые также *конституціоналистами*, а съ 1883 г. *династической лѣвой*, заявляютъ себя сторонниками конституціи 1869 г.; они требуютъ возвращенія къ закону о гражданскомъ бракѣ, къ свободѣ печати и ассоціацій, къ суду присяжныхъ, и добиваются расширенія избирательнаго права, какъ предварительнаго шага къ всеобщей подачѣ голосовъ. Эта партія, состоявшая изъ старыхъ прогрессистовъ, увеличилась нѣсколькими членами либеральнаго союза и одною фракціею демократовъ. Признанными вождями этихъ двухъ партій состоятъ два ветерана революціи: Кановасъ-дель-Кастильо у консерваторовъ, Сагаста—у либераловъ. Помимо конституціонныхъ партій, осталась карлистская партія сѣвера, очень ослабленная, и республиканская, особенно многочисленная въ приморскихъ восточныхъ провинціяхъ. Республиканцы, сначала объединенные, раздѣлились около 1883 г. на нѣсколько фракцій, которыя иногда пытаются дѣйствовать сообща: федералистовъ-соціалистовъ *) (Пи-и-Маргалль), прогрессистовъ-демократовъ, сторонниковъ революціи (Зорилья, Сальмеронъ), поссибилистовъ (Кастеляръ, примкнувшій въ концѣ-концовъ къ монархіи).

Консервативная партія, руководившая реставраціей, долго преобладала. Но Кановасъ, ослабленный своимъ соперничествомъ съ генераломъ реставраціи Мартинесомъ Кампосомъ, былъ покинутъ королемъ по поводу конверсіи государственнаго долга. Тогда начался рядъ либеральныхъ министерствъ, руководимыхъ союзомъ Сагасты и Мартинеса Кампоса, до 1884 года. Затѣмъ вернулся къ власти Кановасъ и началъ борьбу съ республиканскою печатью. По смерти Альфонса XII (25 ноября 1885 г.), его вдова Марія-Христина, принцесса Австрійская, приняла въ свои руки регентство, отъ имени ребенка, который долженъ былъ родиться у нея. Этотъ ребенокъ былъ Альфонсъ XIII. Послѣ этого она стала управлять отъ имени своего сына. Сначала она, повидимому, призвала въ министерства либераловъ. Въ 1890 г. она возстановила всеобщее избирательное право, съ согласія консервативной партіи. Всеобщее избирательное право, какъ кажется, не произвело большихъ перемѣнъ въ практическихъ условіяхъ политической жизни, такъ какъ министерство попрежнему всегда имѣетъ большинство. Въ послѣдніе года регентша скорѣе опирается на консервативную партію. Министерство Кановаса держалось, не смотря на республиканскія манифестаціи (отъ іюля 1890 г. до декабря 1892 г.); оно вышло въ отставку вслѣдствіе возбужденія, вызваннаго въ Мадридѣ управленіемъ консервативнаго муниципалитета. Но министерство Сагасты, вернувшееся къ власти, не рѣшилось поддерживать репрессивной системы, организованной Кановасомъ противъ республиканцевъ, и ослабило себя, заявивъ о своемъ намѣреніи ввести экономію въ бюджетѣ для уменьшенія дефицита, начавшаго принимать тревожные размѣры. Оппозиція была настолько сильна, что могла провести на выборахъ около 120 своихъ кандидатовъ; министерству удалось отдѣлить отъ республиканской партіи только небольшую группу «поссибилистовъ», присоединившихся къ мо-

*) Тайное общество *Черной руки*, обнаруженное въ 1883 г. среди крестьянъ Андалузіи, повидимому, имѣло только мѣстное вліяніе; ему приписывались стремленія уничтожить имущественное неравенство.

нархіи, и оно подвергалось горячимъ нападкамъ въ кортесахъ. Новые налоги вызвали мятежи въ странѣ басковъ и Каталоніи. Послѣ того какъ Мартинесъ Кампосъ, губернаторъ Каталоніи, съ жестокостью подавилъ одинъ мятежъ, барселонскіе анархисты произвели два динамитныхъ покушенія, одинъ на него самого (Палласъ), а другой на его семейство (въ барселонскомъ театрѣ). Либеральное министерство отвѣтило на это казнями, исключительными законами и преслѣдованіями лицъ, подозрѣваемыхъ въ анархизмѣ (которыя обвиняли министерство въ томъ, что оно, чтобы вынудить признанія, прибѣгало при слѣдствіи къ пріемамъ, приближающимся къ пыткѣ). Въ то же время общественное мнѣніе заставило министерство начать войну съ Марокко. Наконецъ, послѣ двухъ частныхъ перемѣнъ въ министерствѣ, возстаніе Кубы, становившееся все болѣе и болѣе грознымъ, вернуло къ власти Кановаса (декабря 1895 г.). Войны на Кубѣ и, съ 1896 г., противъ инсургентовъ Филиппинскихъ острововъ стоили много людей и денегъ и поглотили собой всю политическую дѣятельность Испаніи.

Возстанія сдѣлались болѣе рѣдкими; *пронунсіаменто* прекратились. Испанія, повидимому, привыкла къ гражданскому правительству. Въ 1889 г. нѣкоторые генералы даже жаловались въ кортесахъ, что армія не играла болѣе той роли въ политикѣ, на которую она имѣла право, и что во главѣ кабинетовъ уже не стоятъ генералы. Офицеры негодовали также на газетныя статьи противъ арміи; въ 1889 г. они требовали, чтобы печать была подчинена юрисдикціи военныхъ судовъ; въ 1895 г. въ Мадридѣ группы офицеровъ врывались въ редакціи нѣкоторыхъ оппозиціонныхъ газетъ.

ПОРТУГАЛІЯ.

Конституція 1826 г.—Въ концѣ XVIII вѣка Португалія, подобно Испаніи, была подчинена правительству *камарильи* и духовенства. Неограниченный король предоставлялъ власть своимъ окружающимъ; кортесы не созывались, грандовъ держали въ отдаленіи, католическая религія была обязательна; въ рукахъ церкви находились цензура, школы и инквизиція.

Такъ же какъ и въ Испаніи, возрожденіе началось съ иностранной оккупаціи. Англійская армія, посланная для отраженія французовъ, заняла Португалію и организовала ея армію. Королевская фамилія, въ виду французскаго нашествія, бѣжала въ Бразилію (1809 г.); она оставалась тамъ даже послѣ реставраціи. Португаліею деспотически управлялъ англійскій главнокомандующій Бирсфордъ, объявленный *регентомъ*, при содѣйствіи *хунты регентства*. Правительство особенно преслѣдовало тайныя общества. Декретъ 1818 г. призналъ вступленіе въ нихъ преступленіемъ оскорбленія величества. «Всякій, продавшій, подарившій, одолжившій или выпустившій изъ своихъ рукъ медаль, печать, эмблему, гравюру, книгу, уставъ или инструкцію, имѣющіе отношеніе къ этимъ богопротивнымъ обществамъ, будетъ наказанъ ссылкою на срокъ отъ четырехъ до шести лѣтъ».

Какъ и въ Испаніи, этотъ порядокъ былъ свергнутъ арміею. Она была недовольна тѣмъ, что не получала жалованья и должна была повиноваться иностранцамъ; многіе офицеры, которыхъ чтеніе иностранныхъ книгъ и соприкосновеніе съ англичанами сдѣлало либералами, если не франмасонами, желали конституціи. Заговоръ, составленный въ 1817 г. съ цѣлью изгнанія англичанъ, былъ подавленъ съ жестокостью. Но въ 1820 г., при извѣстіи о возстаніи въ Испаніи, португальская армія также возстала, сначала на сѣверѣ, въ Опорто. Бирсфордъ былъ въ это время въ Бразиліи, куда онъ поѣхалъ предупредить короля объ опасности, которая грозила ему, если армія не получитъ своего жалованья. Инсургенты составили временное правительство, которое изгнало Бирсфорда и приглашало короля вернуться; жаловались на то, что Португаліей управляли, какъ бразильской колоніей. Король Іоаннъ VI созвалъ учредительные кортесы; они выработали конституцію 1822 г., скопированную съ испанской конституціи 1812 г.; король принялъ ее.

Образовались двѣ партіи: *конституціоналисты* и *абсолютисты*. Сначала управляли конституціоналисты, которые, такъ же какъ и въ Испаніи, сами раздѣлились на двѣ фракціи. Но реставрація 1823 г. въ Испаніи ободрила партію абсолютистовъ; король вручилъ ей власть и возстановилъ старую португальскую конституцію, такъ называемую хартію Ламего.

Такъ же какъ и въ Испаніи, конституціонный порядокъ окончательно установился въ Португаліи, благодаря спору о престолонаслѣдіи. Іоаннъ умеръ (1826 г.), оставивши двухъ сыновей. Старшій Педро остался въ Бразиліи, гдѣ онъ только что провозгласилъ себя императоромъ. Второй сынъ—Мигюэль, вернувшійся съ отцомъ въ Португалію, сдѣлался главою абсолютистской партіи; но онъ пытался произвести возстаніе противъ своего отца въ 1824 г. и былъ изгнанъ. Педро, не желая царствовать въ Португаліи, уступилъ свои права своей семилѣтней дочери Маріи-да-Глоріа, и обнародовалъ *конституціонную хартію* 1826 г. Это была пожалованная хартія, установлявшая конституціонную монархію на подобіе монархіи Людовика XVIII.

Кортесы были составлены изъ двухъ палатъ: наслѣдственной *палаты пэровъ* и *палаты депутатовъ*, избранной на четыре года двустепенными выборами, избирателями съ установленнымъ цензомъ. Кортесамъ принадлежала за-

конодательная власть (вотированіе бюджета и законовъ) подъ условіемъ королевской санкціи. Исполнительная власть принадлежала королю, который осуществлялъ ее черезъ министровъ. Кромѣ этого конституція присваивала королю такъ называемую *умѣряющую власть*, придуманную Бенжаменъ Констаномъ; она заключалась въ правѣ созывать и распускать палату депутатовъ, назначать пэровъ, избирать и увольнять министровъ,—словомъ, въ тѣхъ же правахъ, которыми пользовались въ эту эпоху всѣ конституціонные государи; новымъ было только одно названіе. Конституція обезпечивала гражданамъ, въ принципѣ, всякаго рода вольности (личныя, имущественныя, неприкосновенность жилища, свободу печати, право петицій), за исключеніемъ свободы вѣроисповѣданія; католическая религія оставалась государственной, хотя признавалось, что «никто не долженъ подвергаться преслѣдованію за свою религію». Но всѣ эти гарантіи могли быть отмѣнены закономъ и даже королевскимъ указомъ.

Педро назначилъ своего брата Мигюэля опекуномъ своей дочери и регентомъ при условіи, что онъ признаетъ конституцію и обручится съ молодой королевой. Въ ожиданіи этого онъ поручилъ регентство своей сестрѣ. Абсолютистская партія подняла возстаніе, требуя, чтобы Мигюэль былъ королемъ. Регентшѣ удалось удержаться, благодаря англійскому войску. Но затѣмъ англійское правительство измѣнило свою политику, и Мигюэль вернулся въ Португалію.

Онъ объявилъ, что принимаетъ конституцію и призналъ королеву Марію, но передалъ власть абсолютистской партіи и духовенству и распустилъ палаты. Затѣмъ онъ созвалъ кортесы на основаніи старой конституціи Ламего и заставилъ провозгласить себя королемъ (1829 г.). На его сторонѣ были армія и духовенство. Тогда начались преслѣдованія либераловъ. По преданіямъ либераловъ, втеченіе шести лѣтъ 17,000 человѣкъ были казнены, 16,000 сосланы и 26,000 заключены въ тюрьму. Мигюэль сталъ даже арестовывать англичанъ и французовъ. Англійскій, а затѣмъ и французскій флотъ были посланы, чтобы заставить его дать удовлетвореніе (1831 г.).

Чтобы бороться съ Мигюэлемъ, сторонники Маріи соединились съ либералами. Азорскіе острова остались вѣрными королевѣ Маріи. При помощи Англіи тамъ составилась экспедиція для отвоеванія у Мигюэля Португаліи. Педро, отрекшійся отъ бразильскаго престола, вернулся въ Европу и руководилъ военными дѣйствіями. Война была продолжительна. Въ 1832 году Педро занялъ Опорто, центръ либераловъ, но не могъ двинуться дальше. Только армія, посланная моремъ на крайній югъ, заставила Мигюэля очистить Лиссабонъ. Онъ продолжалъ войну внутри страны при помощи дона-Карлоса. Потребовались вмѣшательство Союза Четырехъ Державъ и вступленіе испанской арміи, чтобы изгнать Мигюэля изъ королевства (1834 г.). Послѣ этого была возстановлена конституція 1826 г.; Марія, достигнувшая совершеннолѣтія, вышла замужъ за принца Кобургскаго, родственника бельгійскаго короля; монастыри были упразднены.

Борьба между хартистами и сентябристами (1834—52 г.).—Побѣжденный Мигюэль обязался за извѣстную ежегодную плату отречься отъ короны и никогда не возвращаться въ Португалію (1834 г.); абсолютистская партія перестала играть какую бы то ни было роль. Но либералы, такъ же какъ и въ Испаніи, раздѣлились на двѣ фракціи: *хартисты* поддерживали хартію 1826 г., отдававшую въ руки короля всю дѣйствительную власть; *сентябристы* стремились къ конституціи 1822 года, передававшей верховную власть народу.

Такъ же какъ и въ Испаніи, за этою политическою борьбою скрывалось личное соперничество. Какъ и въ Испаніи, партіи боролись путемъ военныхъ возстаній; офицеры, недовольные медленнымъ повышеніемъ, и солдаты, недовольные неаккуратною выдачею жалованья, рѣшали, какая партія будетъ владѣть министерствомъ. Какъ и въ Испаніи, выборы всегда давали большинство партіи, находящейся у власти. Но въ Португаліи революціи сопровождались меньшими насиліями, репрессіи были менѣе жестоки, а парламентская борьба не отличалась такой драматичностью. Англичане, въ рукахъ которыхъ находилась вся торговля португальскими винами, часто вмѣшивались съ цѣлью вызвать или ослабить политическую революцію. Роль духовенства была гораздо менѣе активна; утверждаютъ даже, что франмасоны имѣли болѣе постоянное вліяніе на политику.

Такъ же какъ въ Испаніи умѣренные, въ Португаліи предпочтеніемъ при дворѣ пользовалась партія хартистовъ; и она чаще занимала министерство. Масса населенія оставалась равнодушною къ политической жизни. Политическія движенія всегда начинались въ Лиссабонѣ, столицѣ королевства, или въ Опортѣ, сѣверномъ городѣ, центрѣ винной торговли, или же наконецъ въ университетскомъ городѣ Коимбрѣ. Въ этихъ трехъ городахъ рекрутировалась оппозиціонная партія, соотвѣтствовавшая испанскимъ прогрессистамъ; но она никогда не была сильна и всегда дѣйствовала съ помощью недовольныхъ генераловъ и вельможъ.

Въ 1836 г., когда получилось извѣстіе, что испанскимъ прогрессистамъ удалось возстановить конституцію 1812 г., оппозиціонная португальская партія произвела военное возстаніе и заставила королеву возстановить конституцію 1822 г. Эта революція произошла въ сентябрѣ (1836 г.), благодаря чему партія и получила названіе *сентябрьской*. Достигнувши власти, *сентябристы*, подобно испанскимъ

прогрессистамъ, преобразовали свою конституцію и выработали конституцію 1838 г., предоставившую коронѣ право утверждать законы и учредившую двѣ палаты.

Сентябристы были изгнаны изъ министерства военной революціею 1842 г. Хартисты возстановили хартію 1826 г. и удержали въ своихъ рукахъ власть, не смотря на возстанія 1844, 46, 47 и 51 гг. Ихъ глава Коста Кабраль подражалъ въ своей политикѣ Нарваэсу. Послѣ этого партія совершила эволюцію въ сторону абсолютизма, хотя въ менѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ это сдѣлали умѣренные въ Испаніи.

Партія возрожденія и дефицитъ.—Такъ-же какъ въ Испаніи, образовалась оппозиціонная коалиція, подобная Либеральному Союзу, изъ сентябристовъ и недовольныхъ хартистовъ. Она выбрала своимъ вождемъ стараго маршала Сальданха, хартистскаго министра, желавшаго отомстить Кабралю. Партія назвала себя *regenador*; рѣчь шла о возрожденіи Португаліи.

Революція 1852 г. принудила королеву передать министерство партіи *возрожденія*. Она измѣнила хартію *Дополнительнымъ актомъ* 1852 г., установившимъ прямые выборы и понизившимъ цензъ. Цензъ былъ настолько пониженъ, что число избирателей достигло почти полу-милліона.

Но согласіе недолго царствовало въ партіи. Сальданха правилъ, какъ диктаторъ; недовольные сентябристы отдѣлились и образовали *историческую* лѣвую (т. е. вѣрную традиціямъ *сентябристовъ*); вождемъ ея былъ вельможа-франмасонъ, маркизъ Луле. Затѣмъ возникла еще партія *реформистовъ*; въ 1877 году обѣ партіи слились въ одну, назвавшуюся партіею *прогрессистовъ*.

Число избирательныхъ округовъ было уменьшено; наслѣдственность пэрства уничтожена; установлено представительство меньшинства для выборовъ въ палату депутатовъ; отмѣнено жалованье депутатамъ. Въ 1868 и 1877 гг. были вотированы гражданскій кодексъ и уставъ судопроизводства, обѣщанные въ 1826 г.

Главнымъ затрудненіемъ было вотированіе бюджетовъ. Португалія обременена государственнымъ долгомъ, слишкомъ непропорціональнымъ ея доходамъ и увеличеннымъ еще иностраннымъ займомъ, сдѣланнымъ Мигюэлемъ на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, но признаннымъ конституціоннымъ правительствомъ. Дефицитъ, ставшій хроническимъ, могъ покрываться только займами, еще болѣе увеличивавшими долгъ.

Чтобы уменьшить дефицитъ, было испробовано много средствъ: убавлено число высшихъ офицеровъ въ арміи съ 142 на 32 (при арміи въ 30,000); удерживалась часть жалованья у чиновниковъ; устанавливались налоги на потребленіе. Перейра, бывшій министромъ съ 1871 по 1877 г., стремился уничтожить дефицитъ развитіемъ торговли и промышленности.

Но долгъ все возрасталъ. Съ 39 милліоновъ мильрейсовъ въ 1853 г. онъ поднялся до 233 въ 1873 и до 428 въ 1890 году. Втеченіе сорока лѣтъ онъ въ среднемъ увеличился на 8 милліоновъ мильрейсовъ въ годъ (20 милліоновъ рублей). Въ 1892 году было рѣшено прекратить уплату процентовъ съ $^2/_3$ всего государственнаго долга. Финансовыя затрудненія, столкновенія съ духовенствомъ по вопросу объ отлученіи отъ церкви франмасоновъ, а съ англійскимъ правительствомъ по вопросу о колоніяхъ въ Африкѣ дѣлали политическую жизнь Португаліи довольно бурной *).

Политическія партіи мало по малу перемѣстились. Старая партія *хартистовъ* была замѣнена партіею *возрожденія*, образующею правую; партія *прогрессистовъ* составляетъ конституціонную лѣвую. Внѣ конституціонныхъ партій, въ большихъ городахъ и среди студентовъ съ 1881 г. возникла республиканская партія, организовавшая клубы и устраивавшая манифестаціи. Эта партія, ободренная паденіемъ монархическаго строя въ Бразиліи (1889 г.), начала конституціонную агитацію и даже поднимала возстанія. Правительство отвѣчало на это исключительными мѣрами, и король**) внесъ даже декретомъ измѣненія въ конституцію.

Португалія снова вступила въ періодъ политическихъ кризисовъ.

---

*) Послѣ испанской революціи 1854 г. нѣсколько разъ поднимался вопросъ объ *Иберійскомъ союзѣ*, о союзѣ Испаніи съ Португаліей. Эта идея, встрѣтившая сочувствіе у испанскихъ республиканцевъ, никогда не была популярна въ Португаліи.

**) Послѣ смерти Маріи (1853 г.), въ Испаніи было нѣсколько королей: Педро V (1853 г.), Люисъ I (1861 г.), Карлосъ I (1889 г.).

ИТАЛІЯ.

ГЛАВА XI.

Реставрація въ Италіи.—Военныя революціи 1820—1821 гг.—Революція 1831 г.—Мадзини и республиканская партія.—Risorgimento.—Революція 1848 г.—Внутренніе раздоры.—Реакція.—Конституціонное Сардинское королевство.—Политика Кавура.—Образованіе Итальянскаго королевства.—Присоединеніе Венеціи и Рима.—Формированіе партій и внутреннія затрудненія.—Консортерія.—Вступленіе во власть лѣвой.—Тройственный союзъ и личныя соперничества.—Управленіе Криспи.

Реставрація въ Италіи.—Италія, завоеванная французскими войсками, была втеченіе пятнадцати лѣтъ раздѣлена на три части, подчиненныя французскимъ правительствамъ: 1) Итальянское Королевство (Ломбардія, Венеціанская Область), гдѣ царствовалъ Богарнэ, пасынокъ Наполеона; 2) Неаполитанское Королевство, отданное Мюрату, зятю Наполеона; 3) части, присоединенныя къ французской имперіи (Пьемонтъ, Генуя, Тоскана, Парма, Римъ). Обѣ итальянскія династіи бѣжали на острова: Туринскій дворъ—на островъ Сардинію; Бурбоны—въ Сицилію.

Французскій режимъ не давалъ итальянцамъ національной независимости и обременилъ ихъ страшными военными тягостями. Наполеонъ увелъ съ собою въ Россію 27,000 подданныхъ Итальянскаго королевства, изъ которыхъ вернулось только 1,000 человѣкъ. Но зато французская администрація ввела въ Италію новые порядки: равенство передъ закономъ, личную свободу, вѣротерпимость, однообразное законодательство (былъ введенъ Наполеоновскій кодексъ); монастырскія имущества были секуляризованы. Такимъ образомъ была подготовлена почва для политическаго единства, и нѣкоторые патріоты уже составляли заговоры противъ Наполеона, для достиженія независимости итальянской націи.

Побѣда Союзниковъ ухудшила положеніе Италіи. Они повсюду возстановили политическій строй до-революціонной эпохи, за исключеніемъ республикъ Венеціанской и Генуэзской, которыя возстановлены не были. Всѣ остальныя области были возвращены ихъ прежнимъ владѣльцамъ, и Италія была вновь раздроблена на мелкія государства: королевство Сардинское, увеличенное прежнею территоріею Генуи; герцогства Тосканское и Моденское, возвращенныя двумъ эрцгерцогамъ; герцогство Парм-ское, отданное бывшей императрицѣ Маріи-Луизѣ; княжество Лукское; папскія владѣнія; королевство Неаполитанское. Мюратъ, котораго сначала пощадили, былъ изгнанъ, потомъ взятъ измѣнническимъ образомъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ (1815). Австрія вновь овладѣла Ломбардіей, присоединила къ ней Венецію и составила изъ нихъ *Ломбардо-Венеціанское королевство*.

Всѣ эти государства были монархіями; въ каждомъ изъ нихъ снова воцарился абсолютный государь, который имѣлъ полную возможность возстановить старый порядокъ, какъ онъ его понималъ. Сардинскій король оффиціально возстановилъ власть духовенства, снова предоставивши ему веденіе метрическихъ записей, возстановилъ законы, опредѣляющіе смертную казнь за оскверненіе Св. Даровъ, уничтожилъ вѣротерпимость, возстановилъ духовную цензуру книгъ и вернулъ церкви ея имущества. Университетъ былъ подчиненъ надзору особой комиссіи; изъ библіотеки были изъяты опасныя книги, вродѣ сочиненія Монтескьё. Изъ ненависти къ Франціи, король изгналъ декретомъ нѣсколько тысячъ французовъ и приказалъ разрушить ботаническій садъ въ Туринѣ, какъ созданіе завоевателей. Чтобы спасти мостъ черезъ По, которому угрожала та же участь и по той же причинѣ, муниципалитетъ построилъ на немъ церковь, будто бы въ исполненіе обѣта.

Герцогъ Моденскій возстановилъ законы 1771 года и началъ гоненіе на евреевъ.—Герцогъ Тосканскій при возстановленіи монастырей ограничился тѣмъ, что назначилъ имъ пособіе изъ казны; прежнія же церковныя имущества не были отняты у ихъ свѣтскихъ владѣтелей.—Въ Тосканѣ реформы были введены Леопольдомъ еще въ XVIII столѣтіи, а потому ея старый поря-

докъ не многимъ отличался отъ того, который былъ введенъ французами.

Въ папскихъ владѣніяхъ реставрація носила радикальный характеръ. Гражданская администрація была замѣнена духовною. Папа возстановилъ инквизицію и всѣ монастыри (1824—мужскихъ и 612—женскихъ). Страна была раздѣлена на 18 легатствъ, управляемыхъ кардиналами-легатами. Свѣтскіе чиновники были удалены, кодексъ Наполеона отмѣненъ; прививаніе оспы и освѣщеніе римскихъ улицъ упразднены, какъ французскія нововведенія. Церковное правительство занялось преслѣдованіемъ тайныхъ обществъ, въ особенности франмасоновъ. Но оно было слишкомъ слабо, чтобы уничтожить разбойниковъ, которые, спускаясь съ горъ, грабили даже виллы въ окрестностяхъ Рима.

Въ Неаполитанскомъ королевствѣ король сохранилъ важнѣйшія изъ французскихъ нововведеній: отмѣну дворянскихъ привилегій, французское гражданское и уголовное право, управленіе общинъ государственными чиновниками, финансовое управленіе и даже рекрутскій наборъ, т. е. всю новую общественную и административную организацію. Онъ проявилъ свою ненависть къ французамъ только тѣмъ, что не хотѣлъ проѣзжать по устроенной ими улицѣ Позилиппе и остановилъ раскопки Помпеи, которыя велись очень дѣятельно во время «чужеземной оккупаціи».—Съ церковью онъ пошелъ на компромиссъ: онъ не возвратилъ ей секуляризованныхъ имуществъ и возстановилъ не всѣ монастыри *) и не всѣхъ епископовъ. Въ 1806 году, при населеніи въ 5 милліоновъ, было 132 епископства; Мюратъ низвелъ ихъ число до 43; конкордатъ, заключенный съ папой (1818), установилъ 19 архіепископствъ и 66 епископствъ. Возстановленное правительство упрекали вътомъ, что оно очень произвольно примѣняетъ законы: король охотно миловалъ разбойниковъ, которые сражались за него противъ узурпатора Мюрата. Одна конная шайка разбойниковъ сдѣлалась столь грозною, что въ 1817 году правительство приняло ее на свою службу для борьбы съ другими разбойниками; затѣмъ оно приказало измѣнническимъ образомъ перебить ее.

Въ Италіи, какъ и въ Германіи, вернувшіеся государи не вполнѣ возстановили старый порядокъ. Они удержали изъ революціонныхъ мѣръ отмѣну дворянскихъ привилегій (майораты, освобожденіе отъ налоговъ, вотчинные суды), секуляризацію монастырскихъ имѣній, административное и финансовое управленіе. Возстановлены были главнымъ образомъ власть духовенства и политическая полиція. Возстановленный порядокъ заключался въ неограниченной власти двора, полиціи и духовенства. Онъ возбуждалъ недовольство либераловъ, число которыхъ возрасло среди итальянской буржуазіи, въ особенности въ Миланѣ, Неаполѣ и Романьѣ; они желали формы управленія конституціонной, свѣтской и либеральной.

Дѣйствія Вѣнскаго Конгресса оскорбляли также и національное чувство итальянцевъ. Меттернихъ отказалъ конгрессу въ учрежденіи комиссіи по итальянскимъ дѣламъ, подобной той, которая была учреждена по дѣламъ нѣмецкимъ: онъ замѣтилъ, что Германія составляетъ государственный организмъ, а Италія, напротивъ, «представляетъ союзъ независимыхъ государствъ, соединенныхъ только однимъ географическимъ терминомъ». Такимъ образомъ расчлененіе было признано нормальнымъ политическимъ положеніемъ Италіи, и въ этой расчлененной Италіи господствовали иностранцы. Иностранецъ, австрійскій императоръ, владѣлъ Ломбардо-Венеціанскимъ королевствомъ и посадилъ въ Миланѣ своимъ намѣстникомъ австрійскаго эрцгерцога; три государя—Тосканы, Модены и Пармы—были австрійцами.

Даже итальянскіе государи находились подъ неотразимымъ вліяніемъ Австріи. Она вынудила у неаполитанскаго короля обѣщаніе не вводить такихъ учрежденій, которыя не согласовались бы съ учрежденіями Ломбардо-Венеціанскаго королевства. Меттернихъ пытался даже образовать изъ всѣхъ итальянскихъ государей конфедерацію подъ австрійскимъ господствомъ. Но эта комбинація потерпѣла неудачу вслѣдствіе сопротивленія короля сардинскаго, котораго поддержалъ императоръ Александръ I.

Политическое положеніе Италіи послѣ 1815 года можетъ быть опредѣлено тремя чертами: расчлененіе, абсолютизмъ, зависимость отъ Австріи. Итальянскіе патріоты и либералы требовали національнаго единства, конституціоннаго образа правленія, изгнанія иностранцевъ. Но прошло тридцать лѣтъ прежде, чѣмъ имъ представился случай дѣйствовать сообща; до тѣхъ же поръ они производили только мѣстныя революціи.

Военныя революціи 1820 и 1821 года.—Первыя движенія были дѣломъ тайныхъ обществъ и офицеровъ. Тайныя общества уже существовали въ Италіи во время французскаго господства. Самое дѣятельное изъ нихъ, *Carbonara*, образовалось вѣроятно около 1807 года въ горахъ Неаполитанскаго королевства; оно вербовалось преимущественно среди калабрійскихъ угольщиковъ. Оно стремилось изгнать французовъ. Его происхожденіе легендарно, но его организація извѣстна: *карбонаріи* организовались по отдѣльнымъ группамъ (*ventes*); лица, принятыя въ члены, послѣ особой церемоніи по-

*) По свѣдѣніямъ, впрочемъ, недостаточно доказаннымъ, было:

Въ 1806 г.: 47,008 священниковъ, 25,000 монаховъ и 26,000 монахинь.

Въ 1837 г.: 26,000 священниковъ, 11,400 монаховъ и 9,590 монахинь.

священія, клялись повиноваться вождямъ; всѣ венты составляли одинъ союзъ подъ управленіемъ *Верховной Венты*. *Carbonara* попрежнему имѣла свой главный центръ въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Говорятъ, что послѣ 1816 года въ нее вступили до 60,000 членовъ, и въ томъ числѣ много разбойниковъ, которые подорвали уваженіе къ ней своими преступленіями. Карбонаріи были многочисленны и во владѣніяхъ папы (въ особенности въ Романьѣ), а равно въ Австрійской Италіи (въ особенности въ Ломбардіи). Со времени реставраціи ихъ цѣль измѣнилась: теперь она заключалась въ томъ, чтобы изгнать австрійцевъ, установить единство Италіи и конституціонный образъ правленія; французы изъ враговъ сдѣлались ихъ союзниками.

Одновременно съ *карбонарой*, въ Италіи распространялось франмасонство. Эти два тайныхъ общества различались по своему характеру: *карбонаріи* были заговорщиками, готовыми на вооруженное возстаніе; *франмасоны* имѣли только гуманитарныя цѣли. Но оба общества вербовались въ тѣхъ же классахъ населенія: въ средѣ либеральной буржуазіи, враждебной власти духовенства, и среди офицеровъ, недовольныхъ реставраціею. Оба были организованы въ формѣ союза. Быть можетъ они находились въ тайныхъ сношеніяхъ между собою, чрезъ посредство своихъ вождей, которые были одновременно и карбонаріями, и франмасонами. Оба общества были преслѣдуемы правительствомъ и осуждены папою. Сторонники абсолютизма пытались противопоставить имъ абсолютическія общества: *кальдерарієвъ*, организованныхъ въ Неаполѣ министромъ полиціи въ 1816 году; *санфедистовъ*—въ папскихъ владѣніяхъ. Борьба велась доносами и убійствами; точная ея исторія невозможна.

Въ сущности, итальянскимъ революціонерамъ не удалось организовать ни одного самостоятельнаго движенія; всѣ ихъ революціи были подражаніемъ иностраннымъ; они совершали ихъ по программамъ и посредствомъ пріемовъ, заимствованныхъ у иностранцевъ.

Образцомъ для итальянскихъ революцій послужила испанская революція 1820 года. Неаполитанская революція 1820 года и пьемонтская 1821 года были также военными.

Въ Неаполѣ многіе офицеры служили ранѣе въ арміи Мюрата; эти «мюратисты» упрекали правительство въ томъ, что оно обходило ихъ производствомъ, и желали конституціи. Хотя многіе изъ офицеровъ были *карбонаріями*, тѣмъ не менѣе настоящаго заговора не было: вожди не рѣшались поднять возстаніе. Революція была начата двумя подпоручиками кавалеріи, которые при крикахъ: «Да здравствуетъ король и конституція!» повели своихъ людей на Неаполь. *Карбонаріи* послѣдовали за ними; солдаты не остановили ихъ. Испуганный король объявилъ, что онъ самъ добровольно даетъ конституцію. Не теряя времени на ея составленіе, обнародовали испанскую конституцію. Король присягнулъ ей и прибавилъ свое собственное обращеніе къ Богу: «Если я солгу и нарушу свою клятву, пусть на мою голову обрушатся громы Твоего мщенія». Обнародованная конституція была демократическою, составленною на подобіе французской конституціи 1791 г. съ одною палатою. Король сохранилъ за собою право измѣнить ее по соглашенію съ собраніемъ. Палата была избрана и собралась въ Неаполѣ. Большинство было готово вотировать измѣненія, при которыхъ конституція могла бы быть принята французскимъ правительствомъ. Но карбонаріи устроили свои венты во всѣхъ полкахъ и созвали въ Неаполѣ общее собраніе делегатовъ отъ всѣхъ провинцій; они господствовали надъ правительствомъ, забрали въ свои руки полицію, руководили даже рекрутскимъ наборомъ. Ихъ сторонники, находившіеся въ трибунахъ Палаты, мѣшали ей обсуждать конституцію.

Въ Сициліи палермскіе инсургенты требовали сначала независимаго правительства, съ королевскимъ принцемъ во главѣ, такъ чтобы союзъ острова съ остальнымъ королевствомъ основывался только на личной уніи. Но населеніе Сициліи послало своихъ представителей въ Неаполитанское собраніе, а жители Палермо, устрашенные убійствами и грабежами, кончили тѣмъ, что признали неаполитанское правительство.

Австрійское правительство приняло на себя подавленіе неаполитанской революціи. Оно отказалось признать конституцію, напомнило королю обязательство, взятое съ него въ 1815 году, не вводить въ своемъ королевствѣ такихъ учрежденій, которыя находились бы въ противорѣчіи съ австрійскими. Оно готовилось послать въ Неаполь армію для возстановленія стараго порядка. Русскій императоръ и французское правительство, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, объявили себя также противъ конституціи, и Меттернихъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы выдвинуть на сцену теорію вмѣшательства во внутреннія дѣла государствъ, волнуемыхъ революціею. Уполномоченные великихъ державъ, собранные въ Троппау, переѣхали въ Лайбахъ и пригласили неаполитанскаго короля прибыть туда же, чтобы устроить дѣла своего королевства согласно трактатамъ.

Фердинандъ отправился въ Лайбахъ, давши клятву собранію отстаивать конституцію. Онъ вернулся съ австрійскою арміею въ 50,000 человѣкъ, посланною отъ имени европейскихъ державъ занять Неаполитанское королевство и покончить съ правительствомъ, навязаннымъ революціею.

Неаполитанское правительство собрало двѣ небольшія арміи, но, при первой же стычкѣ въ

Ріети, солдаты разбѣжались, и австрійцы заняли королевство безъ сопротивленія. Абсолютистская партія, вернувшись къ власти, запретила подъ страхомъ смерти держать у себя оружіе и носить цвѣта карбонаріевъ. Тогда начался продолжительный періодъ доносовъ и процессовъ. Многіе либералы были присуждены къ смертной казни или каторгѣ; другіе были убиты во время возстанія, или бѣжали за границу. Чтобы воспрепятствовать новой военной революціи, король заключилъ въ 1826 г. со швейцарскими кантонами конвенцію на тридцать лѣтъ, по которой принялъ на свою службу четыре швейцарскихъ полка.

Въ Сардинскомъ королевствѣ возстаніе было начато офицерами александрійскаго гарнизона (10 марта 1821 г.). Оно было не только либеральнымъ, но и *національнымъ*. Инсургенты поклялись поддерживать конституцію такъ же, какъ и въ Неаполѣ; но сверхъ того они подняли трехцвѣтное итальянское знамя (зелено-бѣло-красное) и провозгласили возстановленіе Итальянскаго королевства въ предѣлахъ всей территоріи, занимаемой итальянской націей. Главный вождь возстанія, графъ Санта- Роза, объявилъ, что возставшіе хотятъ освободить короля и страну отъ австрійцевъ и воспрепятствовать подавленію неаполитанской свободы. Заговорщики разсчитывали на принца Карла-Альберта Кориньянскаго, о которомъ говорили, что онъ находился въ связяхъ съ карбонаріями и зналъ о существованіи заговора. Туринскій гарнизонъ послѣдовалъ примѣру александрійскаго и угрожалъ бомбардировать городъ, если король не приметъ конституціи.

Король Викторъ-Эммануилъ предпочелъ отречься отъ престола въ пользу своего брата, который находился тогда въ Моденѣ. Въ ожиданіи прибытія своего преемника, Викторъ-Эммануилъ назначилъ регентомъ принца Кориньянскаго, который провозгласилъ конституцію, присягнулъ ей и передалъ управленіе чрезвычайному государственному совѣту, впредь до избранія представительнаго собранія; Санта-Роза былъ сдѣланъ военнымъ министромъ. Но новый король, Карлъ-Феличе, абсолютистъ и врагъ принца Кориньянскаго, формально отвергъ конституцію, призвалъ своихъ подданныхъ, оставшихся ему вѣрными, къ сопротивленію и просилъ помощи у русскаго императора. Александръ двинулъ стотысячную армію. Австрійская армія была уже на границѣ. Санта-Роза, которому отъ имени короля было приказано подать въ отставку, объявилъ короля плѣнникомъ австрійцевъ и пытался убѣдить армію и студентовъ вступить въ Ломбардію. Войско либераловъ встрѣтило австрійцевъ подъ Новарой и, послѣ небольшого сраженія, разсѣялось. Начальники укрылись сначала въ Геную, а потомъ за границу. Особая комиссія приговорила 178 обвиняемыхъ къ смертной казни; 220 офицеровъ были разжалованы; оба университета были закрыты на годъ. Меттернихъ пытался наказать принца Кориньянскаго, настаивая на томъ, чтобы его объявили лишеннымъ права на сардинскую корону, и имѣя въ виду замѣнить его австрійскимъ герцогомъ Моденскимъ. Но французское правительство поддержало принца. Ограничились тѣмъ, что послали его, въ видѣ наказанія, сражаться въ рядахъ французской арміи противъ испанскихъ либераловъ; затѣмъ съ него взяли обѣщаніе никогда не давать конституціи. Въ 1831 году со смертью Карла-Феличе старшая линія Сардинскаго дома прекратилась, и принцъ Кориньянскій сдѣлался королемъ Карломъ-Альбертомъ.

Въ Миланѣ былъ также составленъ заговоръ противъ австрійцевъ, при содѣйствіи совѣтовъ, составленныхъ изъ знатныхъ итальянцевъ (двухъ *конгрегацій*, ломбардской и венеціанской, и 17 провинціальныхъ *конгрегацій*). Ломбардо-Венеціанскимъ королевствомъ управляли вице-король (австрійскій эрцгерцогъ Райнеръ) и администрація, составленная частью и изъ итальянцевъ. Въ 1817 г. самъ Меттернихъ рекомендовалъ привлекать къ управленію итальянцевъ, чтобы показать, что съ королевствомъ не имѣли намѣренія обходиться, какъ съ нѣмецкою провинціею. Но либералы плохо мирились съ австрійскимъ законодательствомъ, уничтожившимъ судъ присяжныхъ и гласное судопроизводство, — съ тайною полиціей, вскрывавшей письма и подвергавшей подозрѣваемыхъ лицъ надзору шпіоновъ,—съ цензурой, которая закрыла въ 1819 г. либеральную газету *Conciliatore*. Нѣсколько либераловъ, молодыхъ людей изъ буржуазіи, составили заговоръ въ Миланѣ (1820 г.). Изъ нихъ 13 были арестованы и приговорены къ смертной казни, но помилованы и заключены въ крѣпость Шпильбергъ; одинъ изъ заключенныхъ, Сильвіо Пелико, прославился впослѣдствіи описаніемъ своей тюремной жизни. Другой заговоръ, въ 1821 году, также окончился новыми осужденіями.

Въ герцогствѣ Моденскомъ, гдѣ либералы вошли въ сношенія съ неаполитанскими либералами, чрезвычайная комиссія осудила 47 обвиняемыхъ.

Революція 1831 года.—Послѣ неудачныхъ военныхъ революцій, всякое политическое движеніе прекратилось въ Италіи (кромѣ возстанія карбонаріевъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ, въ 1827 году). Въ папскихъ владѣніяхъ послѣ того, какъ въ 1823 и 1824 гг. умерли папа Пій VII и его министръ, Консальви, бывшіе сторонниками примирительной политики, папа Левъ XII (1824—1829 годъ) приступилъ къ абсолютистской реставраціи. Онъ возстановилъ церковную юрисдикцію въ свѣтскихъ дѣлахъ и употребленіе въ судахъ латинскаго языка; ввѣрилъ народное образованіе іезуитамъ, приказалъ преслѣдовать карбонаріевъ. Ихъ пригова-

ривали къ тюремному заключенію, къ изгнанію, или же къ *precetto politico*, т. е. къ водворенію въ какомъ-нибудь городѣ, съ запрещеніемъ выходить изъ дому по вечерамъ, съ обязательствомъ являться въ полицію черезъ каждыя двѣ недѣли и исповѣдываться каждые три мѣсяца. Всѣ папскіе подданные были обязаны, подъ угрозою каторжныхъ работъ, доносить о всякомъ членѣ тайнаго общества.

Новое революціонное движеніе обнаружилось въ концѣ 1830 г. въ Моденѣ, Пармѣ и Церковковной Области, въ государствахъ, гдѣ до тѣхъ поръ не было революцій, и противъ самыхъ слабыхъ правительствъ. На этотъ разъ образцомъ послужила французская революція. Возстали жители городовъ, чтобы добиться, какъ и во Франціи, конституціи, національной гвардіи и свободы печати.

Комитетъ итальянскихъ эмигрантовъ подготовлялъ возстаніе въ папскихъ владѣніяхъ, чтобы воспользоваться междуцарствіемъ, наступившимъ со смертью Пія VIII, въ 1830 г. Опредѣленной цѣли не было; предполагалось провозгласить римскимъ королемъ Жерома Бонапарта или сына Евгенія Богарне (Луи-Наполеонъ принималъ участіе въ этомъ заговорѣ), но прежде всего имѣлось въ виду избавиться отъ управленія поповъ и санфедистовъ. Герцогъ Моденскій, узнавшій о заговорѣ, приказалъ арестовать всѣхъ заговорщиковъ въ домѣ ихъ вождя, Менотти, и потребовалъ палача.

Тогда заговорщики папскихъ владѣній тотчасъ же подняли знамя возстанія въ Болоньѣ, а потомъ и во всѣхъ другихъ городахъ Романьи, въ Умбріи, въ Марніяхъ, повсюду, кромѣ Рима. Они сформировали національную гвардію; затѣмъ они установили временныя правительства изъ дворянъ, врачей и адвокатовъ. Вооруженныхъ столкновеній не происходило. Всѣ міряне, даже солдаты, единодушно стремились къ тому, чтобы избавиться отъ духовныхъ должностныхъ лицъ. Депутаты, собравшись въ Болоньѣ, провозгласили, безъ преній, «полное освобожденіе отъ свѣтской власти папъ и полное сліяніе подъ однимъ правительствомъ». Затѣмъ они опубликовали манифестъ противъ папской администраціи и учредили центральное правительство изъ президента и семи министровъ.

Въ герцогствѣ Пармскомъ, въ Моденѣ, безъ сопротивленія было учреждено временное правительство; оно состояло изъ диктатора и трехъ консуловъ.

Инсургенты надѣялись на помощь Франціи; но Луи-Филиппъ не хотѣлъ войны. Австрійская армія заняла Романью; инсургенты вступили въ переговоры съ однимъ изъ кардиналовъ и согласились подчиниться, получивъ обѣщаніе амнистіи (мартъ 1831 года).

Герцогъ Моденскій былъ также возстановленъ въ своей власти австрійцами.

Посланники европейскихъ державъ, собравшись на конференцію, представили папѣ *меморандумъ*, въ которомъ рекомендовали ему ввести реформы, чтобы избѣжать новой революціи. Они постановили: 1) что слѣдовало ввести реформы не только въ возставшихъ провинціяхъ, но и въ самомъ Римѣ; 2) что свѣтскія лица должны были имѣть доступъ ко всѣмъ судебнымъ и административнымъ должностямъ; общины должны были имѣть выборные муниципальные совѣты; кромѣ того, предлагалось учредить государственный совѣтъ изъ свѣтскихъ членовъ для приведенія въ порядокъ финансовъ. Этотъ меморандумъ отвѣчалъ жалобамъ населенія, которое въ особенности было раздражено управленіемъ духовенства. Папа Григорій XVI приказалъ приготовить проектъ реформъ; но кардиналы не хотѣли раздѣлить власти съ мірянами; они единодушно отвергли выборъ совѣтниковъ и учрежденіе свѣтскаго совѣта. Были учреждены только муниципальные совѣты изъ лицъ, назначенныхъ папою, и провинціальные совѣты, которымъ не было предоставлено даже права подавать петиціи. Финансы остались въ завѣдываніи духовныхъ конгрегацій. Страна оставалась подъ управленіемъ прелатовъ: четырехъ *кардиналовъ-легатовъ* въ четырехъ большихъ провинціяхъ, и *делегатовъ-монсиньоровъ* въ семнадцати остальныхъ.

Когда австрійская армія удалилась, либералы снова организовали національную гвардію; папскіе солдаты, дурно дисциплинированные, стали грабить мирныхъ гражданъ; легаты вновь призвали австрійцевъ, которыхъ на этотъ разъ встрѣтили какъ избавителей. Французское правительство объявило, что если австрійцы вмѣшаются еще разъ, то оно займетъ въ видѣ гарантіи одинъ изъ портовъ. Оно поставило французскій гарнизонъ въ Анконѣ (1832 годъ). Это была простая демонстрація; папа снова овладѣлъ городомъ, и гарнизонъ до 1838 года занималъ одну цитадель.

Чтобы бороться противъ недовольныхъ, папское правительство приняло на свою службу два швейцарскихъ полка на двадцать лѣтъ и поощряло общества *санфедистовъ* составлять отряды волонтеровъ (*militi centurioni*); съ 1832 года ихъ уже было 30.000, подъ начальствомъ 30 командировъ. Они клялись проливать свою кровь и жертвовать своимъ имуществомъ для пользы церкви и ея главы; они взяли на себя полицейскія обязанности и надзоръ за либералами. Папа Григорій XVI, болѣе теологъ, чѣмъ государь, предоставилъ все управленіе государственному секретарю, генуэзцу Ламбрускини, сторонніку абсолютизма.

Въ Тосканѣ революціи не было потому, что это было наименѣе деспотическое изъ итальянскихъ государствъ; оно даже дало убѣжище политическимъ эмигрантамъ. Въ 1831 году нѣсколько молодыхъ людей составили заговоръ съ

цѣлью явиться во флорентійскій театръ и потребовать у великаго герцога конституціи, но не рѣшались привести этотъ замыселъ въ исполненіе. Страна оставалась подъ патріархальнымъ, неограниченнымъ управленіемъ. Въ 1836 году на 1.700,000 жителей въ Тосканѣ было 10,000 священниковъ, 3,234 монаха и 4,172 монахини.

Мадзини и республиканская партія. — До 1831 года недовольные дѣйствовали безъ общаго плана, путемъ мѣстныхъ возстаній. Съ этого времени начались попытки группировать итальянцевъ для общаго дѣйствія.

Первою была попытка Мадзини. Это былъ генуэзскій адвокатъ, врагъ своего государя, короля сардинскаго (генуэзцы не могли примириться съ мыслью, что они—подданные пьемонтца). Онъ родился въ 1808 году, бѣжалъ во Францію въ 1831 году и измѣнилъ революціонную тактику итальянцевъ. Онъ перенесъ управленіе движеніемъ за границу и поставилъ его цѣлью единство Италіи и республику. Въ 1831 году онъ основалъ тайное общество *Молодой Италіи*, въ члены котораго принимались только люди, не достигшіе сорокалѣтняго возраста. Затѣмъ онъ еще болѣе расширилъ свою программу и основалъ *Молодую Европу* съ цѣлью освободить народы отъ монархическихъ правительствъ и установить повсюду республику и демократію; каждый народъ долженъ былъ составлять республику, соединенную со всѣми другими братскимъ союзомъ.

Въ этомъ обществѣ каждая страна составляла особую секцію (въ 1844 году существовали: Молодая Италія, Молодая Польша, Молодая Германія, затѣмъ появились: Молодая Швейцарія, Молодая Франція, Молодая Испанія); всѣми ими управлялъ центральный комитетъ.

Мадзини былъ врагомъ церкви, но деистомъ и мистикомъ. Его девизомъ было: «свобода, равенство, гуманность, единый Богъ, единый государь, божій законъ». Молодая Италія вербовалась преимущественно въ зажиточныхъ классахъ населенія; въ нее входили: юристы, медики, профессора, офицеры; это была партія республиканская и революціонная; она была враждебна карбонаріямъ, но прибѣгала къ тѣмъ же способамъ дѣйствія: къ частнымъ возстаніямъ, къ убійству государей и измѣнниковъ. Она не достигла ничего *), кромѣ ряда неудавшихся заговоровъ въ Пьемонтѣ—въ 1834 году, въ Неаполѣ—въ 1844.

«Risorgimento».—Мирное движеніе въ пользу единства Италіи началось въ литературномъ мірѣ. Быть можетъ, оно было подготовлено конгрессами натуралистовъ, которые ежегодно, начиная съ 1839 г., устраивались, по примѣру Германіи, въ различныхъ городахъ (Пизѣ, Туринѣ, Флоренціи, Падуѣ). Движеніе это вдругъ обнаружилось появленіемъ нѣсколькихъ политическихъ сочиненій, которыя были прочтены во всей Италіи и произвели впечатлѣніе манифестовъ.

Въ 1843 году Джіоберти, священникъ и богословъ, эмигрировавшій во Францію, напечаталъ: «*Primato morale e civile degli Italiani*». Вотъ основная идея этого сочиненія: Италія, будучи предназначена Провидѣніемъ служить центромъ человѣчества, обладаетъ достаточными силами, чтобы вновь принять на себя эту миссію. Для этого ей достаточно возстановить свое единство подъ главенствомъ папы, который будетъ одновременно вождемъ Италіи и всего міра. Со временъ Макіавелли итальянцы видѣли въ папѣ главное препятствіе для достиженія единства; Джіоберти дѣлаетъ папскую власть центромъ объединенія. Но онъ обвиняетъ іезуитовъ въ томъ, что они подорвали положеніе папы (онъ написалъ противъ нихъ сочиненіе «*Новѣйшій іезуитъ*»).

Графъ Бальбо, въ сочиненіи: «*Speranze d'Italia*» (1844 г.), указывалъ итальянцамъ тѣ пороки, отъ которыхъ они должны избавиться, чтобы достигнуть независимости.

Поэтъ М. д'Азеліо въ своихъ «*Degli ultimi casi di Romagna*» (1846) разсказалъ борьбу и преслѣдованія либераловъ въ Романьѣ въ 1845 году и перечислилъ ихъ жалобы на церковное управленіе, изложенныя ими въ манифестѣ населенія папскихъ владѣній, обращенномъ къ народамъ и государямъ Европы. Признавая мужество возставшихъ, д'Азеліо упрекаетъ ихъ въ томъ, что они забыли славную цѣль—освобожденіе итальянскаго отечества.

Для Италіи совершенною новостью было то, что эти три писателя были пьемонтцы, и всѣ трое указывали на своего государя, сардинскаго короля, какъ на главнаго борца за независимость Италіи.

Такъ начался періодъ, названный *Risorgimento* (возрожденіе). Идея обновленія Италіи быстро распространилась въ средѣ образованныхъ людей. Это было скорѣе пробужденіе общаго чувства, нежели возникновеніе партіи. Никакой организаціи не существовало, не было даже точно опредѣленной цѣли. Желали реформъ, либеральнаго правительства и союза всѣхъ итальянцевъ. Но такъ какъ не хотѣли путемъ революціи лишить владѣній государей, которые препятствовали единству Италіи, то можно было думать только о федераціи всѣхъ государей.

---

*) Сицилійскія убійства во время холеры 1837 г. не были политическими. Народъ былъ убѣжденъ, что его отравляютъ, и убивалъ всѣхъ подозрѣваемыхъ въ отравленіи. Неаполитанское правительство воспользовалось этимъ и объявило, что сицилійцы неспособны къ самоуправленію; оно отмѣнило указы 1816 года, предоставлявшіе всѣ свѣтскія и духовныя должности исключительно уроженцамъ Сициліи. Съ тѣхъ поръ не дѣлалось никакого различія между неаполитанцами и сицилійцами.

Не всѣ одинаково представляли себѣ даже эту федерацію: будетъ ли три, или только два государства? Какова будетъ роль папы? Всѣ эти стремленія были смутны; однако всѣ были согласны по двумъ вопросамъ: 1) Италія должна быть освобождена отъ иностранцевъ. 2) Она достаточно сильна, чтобы сама создать свое единство. Формула была дана королемъ Карломъ-Альбертомъ; одинъ изъ министровъ спросилъ его, какъ должна дѣйствовать Италія? Онъ отвѣтилъ: *Italia fara da se* (Италія будетъ дѣйствовать одна).

Начиная съ 1846 года, три государя поощряли національное движеніе: папа, великій герцогъ тосканскій и король сардинскій. Послѣ смерти Григорія XVI наскоро созванный конклавъ, не ожидая прибытія иностранныхъ кардиналовъ, отвергъ Ламбрускини, кандидата абсолютистовъ, и избралъ кандидата римской партіи, Мастаи, епископа Имолы, прозваннаго Добрымъ и принявшаго имя Пія IX. Избранный вопреки Австріи и поддержанный Франціей, Пій IX тотчасъ же прослылъ за либеральнаго папу, готоваго осуществить національную мечту Джіоберти; либералы обожали его. Гимнъ: «Да здравствуетъ Пій IX», сдѣлался національною пѣснью всей Италіи.

Пій IX даровалъ своимъ подданнымъ много либеральныхъ реформъ: амнистію всѣмъ политическимъ преступникамъ (іюль 1846 г.), разрѣшеніе открыть публичную читальню, законъ, смягчавшій цензуру (мартъ 1847 года); онъ учредилъ государственный совѣтъ (*Consulto di Stato*), составленный изъ свѣтскихъ лицъ, по одному представителю отъ каждой провинціи, назначаемому правительствомъ на два года (апрѣль 1847 года); наконецъ, онъ учредилъ національную гвардію (іюль 1847 г.). Немедленно же начались преслѣдованія *санфедистовъ*, которыхъ обвинили въ заговорѣ съ цѣлью избіенія либераловъ. Нѣкоторые изъ нихъ были убиты, другіе арестованы; волонтеры-санфедисты были обезоружены. Однако, принимая чиновъ государственнаго совѣта, папа объявилъ имъ, что намѣренъ согранить свою власть во всей цѣлости. Но уже образовался политическій *Народный Клубъ*. Римскій народъ пріучался повиноваться начальникамъ своихъ кварталовъ; толпа отправилась къ дому швейцарскаго консула поздравлять его съ пораженіемъ Зондербунда и кричала: «Смерть іезуитамъ!» (30 ноября 1847 года). Мадзини написалъ письмо папѣ, призывая его стать во главѣ національнаго движенія.

Великій герцогъ Тосканскій послѣдовалъ примѣру папы. Его побудила къ этому агитація, принявшая революціонный характеръ въ Ливорно, главномъ коммерческомъ порту края, и носившая либеральный характеръ во Флоренціи, а равно и въ университетскомъ городѣ Пизѣ. 5 мая 1847 года Пиза и Ливорно произвели манифестаціи въ честь Пія IX, а 7 мая противъ австрійцевъ и іезуитовъ. Великій герцогъ даровалъ смягченіе цензуры, потомъ *Consulta* на подобіе папской, наконецъ національную гвардію (3 сентября). Въ Пизѣ и Ливорно стали носить трехцвѣтное знамя.

Герцогъ Лукскій отказался отъ престола и уступилъ свои владѣнія Тосканѣ. Было уничтожено тосканское учрежденіе *сбировъ*, т. е. тайная полиція, не носившая форменной одежды и сдѣлавшаяся почти наслѣдственною.

Сардинскій король, Карлъ-Альбертъ, долго колебался. Вслѣдствіе своего поведенія въ 1821 году онъ сталъ подозрительнымъ и абсолютистамъ, и либераламъ. Чтобы успокоить европейскія правительства, отъ поддерживалъ абсолютическій строй, ограничившись пересмотромъ кодексовъ (1837—1840 г.) и учрежденіемъ совѣщательныхъ совѣтовъ въ провинціяхъ (1843 г.). Онъ стремился въ особенности къ усиленію арміи. Его солдаты оставались на дѣйствительной службѣ только два года и восемь лѣтъ проводили въ запасѣ. При такой системѣ онъ довелъ численность своей пѣхоты до 22,800 человѣкъ въ мирное время и до 61,400 во время войны. Но онъ зналъ, что за нимъ наблюдаетъ австрійское правительство, которое, какъ говорятъ, вошло даже въ сношенія съ его собственнымъ министромъ полиціи, и позволилъ папскому нунцію водвориться въ Туринѣ. Онъ не рѣшался порвать ни со своими абсолютистскими министрами, ни съ іезуитами. Либералы прозвали его колеблющимся королемъ,—Re Tentenna.

Но въ 1846 г. движеніе *Risorgimento* побудило его наконецъ вступить въ борьбу съ Австріей по одному таможенному вопросу. Австрійская партія распространяла направленные противъ него памфлеты; напротивъ того, генуэзцы устроили большое празднество въ честь столѣтней годовщины изгнанія австрійцевъ (декабрь 1846 года). Англійское правительство, соперничавшее съ Австріей, отправило къ Карлу-Альберту особаго посла съ обѣщаніемъ своей поддержки и приглашало его заключить таможенный союзъ съ папою и Тосканой. Король все еще колебался, несмотря на конгрессъ натуралистовъ въ 1847 г., обратившійся въ политическое собраніе, на которомъ обсуждались реформы, и не смотря на анти-австрійскія манифестаціи въ Генуѣ и Туринѣ. Наконецъ онъ предпринялъ рядъ реформъ, уничтожилъ привилегированные суды, лишилъ военныхъ губернаторовъ завѣдыванья полиціею, увеличилъ власть муниципальныхъ совѣтовъ и смягчилъ цензуру.

На это движеніе въ пользу независимости австрійское правительство отвѣтило тѣмъ, что ввело гарнизонъ въ Феррару и заключило союзъ съ герцогами Моденскимъ и Пармскимъ.

Революціонныя движенія 1848 года.—Возбужденіе было такъ сильно, что на этотъ разъ

итальянцы не ожидали примѣра изъ-за границы. Съ первыхъ же дней января 1848 года начались возстанія въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ. Его населеніе никогда не мирилось съ иностраннымъ господствомъ и держало австрійскіе гарнизоны въ полномъ отдаленіи отъ себя; итальянскіе дома отказывались отъ знакомства съ нѣмецкими офицерами. Ломбардо-венеціанцы жаловались на австрійскую цензуру, не дозволявшую обсуждать политическихъ вопросовъ;—на администрацію, въ которой мѣстнымъ представителямъ не было предоставлено никакой власти;—на тайную полицію, которая держала шпіоновъ во всѣхъ общинахъ,—и въ особенности на австрійскую податную систему, на таможенныя заставы въ городахъ, на налогъ на напитки, мясо, печеный хлѣбъ, и, наконецъ, на табачную монополію. Было высчитано, что императоръ получалъ со своихъ итальянскихъ подданныхъ четвертую часть всѣхъ своихъ доходовъ; между тѣмъ они составляли не болѣе восьмой части всего населенія имперіи.

Чтобы нанести ущербъ финансамъ австрійскаго правительства, итальянскіе патріоты рѣшили не курить. Въ воскресенье, 2 января, въ Миланѣ наносили оскорбленіе всякому, кто курилъ на улицѣ, и даже вырывали изо рта сигары. Когда австрійскіе солдаты появились съ сигарами въ зубахъ, въ нихъ стали бросать каменьями. Драгуны атаковали толпу; было нѣсколько убитыхъ. Подобныя же сцены происходили въ Падуѣ между студентами и солдатами.

Революція началась въ Сициліи. Послѣ тщетнаго обращенія съ петиціями къ королю, либералы расклеили прокламаціи, въ которыхъ призывали къ оружію палермское населеніе. Правительство приказало арестовать десять именитыхъ гражданъ. Въ назначенный день (12 января) собрался народъ, и нѣкоторые изъ инсургентовъ построили баррикады. Съ 12 по 27 число происходила безпорядочная вооруженная борьба, съ перерывами въ нѣсколько дней. Войска бомбардировали городъ, но потомъ отступили. Главный комитетъ, состоявшій изъ высшаго дворянства, распредѣлилъ министерства между своими членами. Дѣло шло не о свержении короля: инсургенты требовали только возстановленія сицилійской конституціи 1812 года.

Въ Неаполѣ толпа кричала передъ дворцомъ: «Да здравствуетъ король и конституція!». Фердинандъ, увѣдомленный о томъ, что онъ не можетъ разсчитывать на армію, обнародовалъ конституцію (26 января) по образцу французской хартіи. Затѣмъ онъ составилъ министерство подъ предсѣдательствомъ прежняго изгнаннаго мюратиста, карбонарія Боццелли.

Эта революція, первая изъ всѣхъ происшедшихъ въ 1848 году, привела въ движеніе всѣхъ итальянскихъ либераловъ. Въ Сардинскомъ королевствѣ генуэзцы начали съ того, что потребовали изгнанія іезуитовъ и учрежденія національной гвардіи; они убѣдили журналистовъ собраться для обсужденія реформъ. Кавуръ предложилъ потребовать конституціи. Послѣ революціи въ Неаполѣ, Туринскій городской совѣтъ, состоявшій преимущественно изъ дворянства, вотировалъ петицію, въ которой требовалъ конституціи и учрежденія національной гвардіи. Король, наконецъ, рѣшился и даровалъ *конституціонный статутъ* (8 февраля), сдѣлавшійся впослѣдствіи конституціею Итальянскаго королевства. Въ Тосканѣ великій герцогъ далъ конституцію, составленную также по образцу французской хартіи.

Въ Римѣ папа, благословляя толпу, собравшуюся подъ его балкономъ (онъ жилъ тогда въ Квириналѣ), прибавилъ: «я приглашаю васъ болѣе не предъявлять требованій, противныхъ святости церкви,—требованій, которыхъ я не могу, не долженъ, не хочу удовлетворить». Но онъ назначилъ трехъ свѣтскихъ министровъ, и послѣ французской революціи, уступая просьбамъ своихъ подданныхъ, обнародовалъ «*основной статутъ свѣтскаго управленія церковныхъ владѣній*» (14 марта). Этотъ статутъ установлялъ два совѣта: одинъ изъ ста депутатовъ, избираемыхъ лицами, удовлетворяющими извѣстному цензу, другой—изъ мэровъ, назначаемыхъ папою, свѣтскій государственный совѣтъ и министерство. Но высшею властью оставалась коллегія кардиналовъ, которая имѣла право утверждать или отвергать законы; несмотря на свободу печати, была сохранена цензура для сочиненій религіознаго содержанія.

Въ итальянскихъ областяхъ, занятыхъ австрійцами, революція 1848 года была послѣдствіемъ вѣнской революціи (см. главу XIII). Австрійское правительство, которому угрожали со всѣхъ сторонъ національныя возстанія, покинуло свои итальянскія владѣнія. Миланцы произвели возстаніе; австрійскій главнокомандующій, Радецкій, опасаясь быть отрѣзаннымъ, отступилъ со своею арміею въ четыреугольникъ, образованный четырьмя крѣпостями между Ломбардіей и Венеціей и представлявшій нѣчто вродѣ укрѣпленнаго лагеря. Тогда ломбардцы составили временное правительство, которое пыталось организовать армію. Въ Венеціи республиканецъ, адвокатъ Манинъ, назначенный президентомъ временнаго правительства, провозгласилъ революцію въ слѣдующей формѣ: «Да здравствуетъ республика и святой Маркъ!». Австрійцы покинули Модену, въ которой также произошла революція, и Парму, въ которой герцогъ далъ конституцію (мартъ 1848 года).

Пьемонтскіе либералы хотѣли воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы изгнать австрійцевъ. Въ умѣренномъ органѣ *Risorgimento* Кавуръ писалъ тогда слѣдующее: «Мы, люди холоднаго

разсудка, привыкшіе слѣдовать скорѣе указаніямъ разума,чѣмъ движеніямъ сердца,мы громко говоримъ: для націи, правительства и короля нѣтъ иного пути, кромѣ войны, войны немедленной». Король рѣшился мобилизировать армію и послалъ ее въ Ломбардію. Арміи Тосканы, папы и Неаполя выступили въ походъ для соединенія съ пьемонтской арміей.

До сихъ поръ революція сохранила характеръ либеральной, монархической и національной. Въ различныхъ государствахъ подняли трехцвѣтное знамя, символъ итальянскаго единства, и государи были, повидимому, расположены дружно дѣйствовать противъ иностранца.

Внутренніе раздоры. — Въ этой революціи были двѣ слабыя стороны: 1) У итальянцевъ не было достаточной арміи, для того чтобы они могли однѣми своими силами изгнать иностранцевъ; сардинская армія, единственная готовая къ бою, состояла всего изъ 60,000 человѣкъ, двѣ трети которыхъ были резервисты. 2) Итальянцы не были согласны между собою по вопросу объ образѣ правленія. Абсолютисты желали вернуться къ старому порядку; либералы сначала дѣйствовали дружно, но потомъ распались на двѣ враждебныя партіи: конституціонныхъ монархистовъ и республиканскихъ радикаловъ. У каждой изъ этихъ партій было свое рѣшеніе національнаго вопроса. Монархическая партія хотѣла достигнуть единства путемъ федераціи государей; партіей этой руководила либеральная знать, и она опиралась на правительство. Республиканская партія, руководимая Мадзини и его друзьями, хотѣла созвать общій парламентъ, чтобы рѣшить участь Италіи; эта партія вербовалась въ населеніи большихъ городовъ, въ особенности Генуи, Милана, Рима, Ливорно, Неаполя, и надѣялась на поддержку французскихъ республиканцевъ.

Эти три партіи боролись между собою. Конституціоналисты имѣли перевѣсъ на сѣверѣ, республиканцы—въ центральной Италіи, абсолютисты—на югѣ. Съ юга и началась реакція. Палата, собранная въ Неаполитанскомъ королевствѣ согласно новой конституціи, состояла изъ конституціонныхъ либераловъ; но прежде, чѣмъ она открыла свои засѣданія, король, воспользовавшись республиканскимъ возмущеніемъ въ Неаполѣ, распустилъ ее. Затѣмъ онъ закрылъ газеты и отозвалъ армію, посланную на помощь пьемонтцамъ. Калабрійцы возстали, но были усмирены. Новая палата, избранная неполнымъ составомъ избирателей, собралась въ іюлѣ. Она выразила сожалѣніе, что отозвали войска, потому что «возрожденіе Неаполя не могло совершиться безъ независимости и возстановленія итальянской націи»; она требовала, чтобы выборы были дополнены и чтобы былъ представленъ бюджетъ. Но абсолютистское министерство, ободренное побѣдою австрійцевъ, отсрочило засѣданія палаты и закрыло либеральныя газеты. Потомъ оно послало армію для покоренія Сициліи. Сицилійскій парламентъ,собравшійся 25 марта, потребовалъ сначала, чтобы союзъ Сициліи съ Неаполемъ носилъ характеръ только личной уніи (соединеніе двухъ совершенно самостоятельныхъ государствъ подъ властью одного и того же короля), а когда король отказалъ въ этомъ требованіи, то парламентъ объявилъ тронъ вакантнымъ, а династію — лишенною престола (13 апрѣля). Но въ выборѣ новаго короля парламентъ колебался между тосканскимъ принцемъ, котораго поддерживалъ папа, и принцемъ пьемонтскимъ; наконецъ, онъ избралъ пьемонтца, герцога Генуэзскаго, второго сына короля Карла-Альберта. Но король не далъ на это своего согласія (августъ). Между тѣмъ началась правильная война. Неаполитанская армія высадилась въ Сициліи, бомбардировала Мессину, взяла ее и подвергла грабежу (сентябрь, 1848 г.). Фердинандъ былъ прозванъ *Re Bomba* (король-бомба). Французское и англійское правительства настояли на перемиріи; война пріостановилась до марта 1849 года. Въ 1849 году сицилійскій парламентъ отвергъ *ультиматумъ* Фердинанда, издалъ указъ о призывѣ на службу всѣхъ гражданъ отъ восемнадцати до тридцатилѣтняго возраста и поручилъ командованье польскому республиканцу, Мѣрославскому; но у него почти не было регулярнаго войска. Война свелась къ уличному бою въ Катанѣ. Неаполитанскіе солдаты не рѣшались наступать, и баррикады были взяты швейцарскимъ полкомъ (изъ Берна). Либеральные вожди эмигрировали; правительство передало власть муниципальному совѣту Палермо; сицилійскіе города покорились. Фердинандъ обѣщалъ имъ конституцію, амнистію, вице-короля, національную гвардію и признаніе долга, сдѣланнаго революціоннымъ правительствомъ, но не сдержалъ ни одного изъ своихъ обѣщаній. Сицилія вновь подпала подъ неограниченный образъ правленія (май 1849 г.).

Въ Неаполитанскомъ королевствѣ абсолютическая реставрація уже совершилась. Король распустилъ палату (13 марта); затѣмъ начались политическіе процессы; изъ 114 депутатовъ двѣ трети были приговорены къ смертной казни, тюремному заключенію или изгнанію. Въ англійскомъ парламентѣ Гладстонъ обвинялъ неаполитанское правительство въ томъ, что оно обращалось съ обвиняемыми въ политическихъ преступленіяхъ, какъ съ обыкновенными преступниками.

Въ центральной Италіи республиканская партія воспользовалась сначала негодованіемъ противъ неаполитанскаго короля. Папа отказался отъ роли президента союза итальянскихъ государей и вождя демократической партіи. Уже въ рѣчи, произнесенной 29 апрѣля 1849 года, онъ протестовалъ противъ обвиненія его въ

томъ, что онъ былъ причиною итальянскихъ революцій; онъ объявлялъ, что всегда призывалъ подданныхъ къ повиновенію и вовсе не имѣлъ намѣренія объявлять войну Австріи. У него произошло столкновеніе съ его свѣтскимъ министерствомъ; онъ вычеркнулъ изъ рѣчи, которою должны были открыться палаты, строки, относившіяся къ вопросу о національностяхъ *), и обнародовалъ законъ о печати, изготовленный доминиканцами. Онъ отказалъ палатамъ въ отдѣленіи власти главы церкви отъ власти главы государства и не согласился признать отвѣтственность министерства передъ палатами.

Затѣмъ онъ составилъ новое министерство. Глава его, Росси, бывшій прежде французскимъ посломъ, пытался противодѣйствовать одновременно и республиканской партіи, и партіи, стремившейся къ возстановленію власти духовенства. Въ день открытія палатъ онъ былъ убитъ въ Римѣ. Республиканская партія требовала созыва учредительнаго собранія, толпа окружила квириналъ. Папа приказалъ заявить европейскимъ посламъ, что онъ уступаетъ насилію; а затѣмъ бѣжалъ въ Неаполитанское королевство, передавъ власть нѣсколькимъ прелатамъ и свѣтскимъ консерваторамъ, которые не успѣли вступить въ отправленіе своихъ обязанностей. Либералы образовали временное правительство, пытавшееся предотвратить разрывъ; но папа угрожалъ отлученіемъ всякому, кто приметъ участіе въ выборахъ. Учредительное собраніе, избранное, несмотря на эту угрозу, объявило папу лишеннымъ свѣтской власти и провозгласило Римскую республику (9 февраля 1849 года). Правительство было поручено тріумвирату, главою котораго былъ Мадзини. Онъ призвалъ всѣхъ итальянцевъ избрать депутатовъ въ общее учредительное собраніе, чтобы основать итальянское единство.

Въ Тосканѣ правительство запретило клубы и политическія собранія, но не могло привести этотъ приказъ въ исполненіе. Въ Ливорно республиканцы заставили солдатъ отступить; вождь республиканцевъ, поэтъ Гверрацци, руководившій движеніемъ въ Ливорно, вынудилъ герцога пригласить его въ составъ министерства. Республиканская партія требовала, отъ имени суверенитета націи, созыва учредительнаго собранія, избраннаго всеобщею подачею голосовъ. Палата, избранная на основаніи ценза, напуганная республиканцами, занявшими трибуны, вотировала созывъ учредительнаго собранія. Великій герцогъ бѣжалъ. Толпа республиканцевъ ворвалась въ палату и передала временное правительство тріумвирату (4 февраля), а затѣмъ, по совѣту Мадзини, провозгласила республику.

Въ Ломбардіи либерально-монархическое временное правительство постановило о сліяніи съ Сардинскимъ королевствомъ, чтобы этимъ прекратить республиканскую агитацію, начатую Мадзини въ Миланѣ. Желая опереться на принципъ самихъ республиканцевъ, оно передало это рѣшеніе на утвержденіе суверенаго народа. Всѣ ломбардцы были призваны высказаться о томъ, «слѣдовало ли присоединиться къ конституціонному Пьемонту немедленно, или отсрочить это присоединеніе?» 561,000 голосовъ противъ 681 было рѣшено немедленное присоединеніе (28 мая 1848 г.). Въ Венеціи вопросъ о присоединеніи былъ рѣшенъ собраніемъ нотаблей,—большинствомъ 127 голосовъ противъ 6 (2 іюля). Такимъ образомъ весь сѣверъ Италіи былъ соединенъ въ едно конституціонное королевство.

Реакція.—Такъ же, какъ въ 1821 и 1831 годахъ, реставрацію произвели иностранныя арміи. Австрійская армія послѣ одного сраженія (при Кустоццѣ, 24 іюля) привела въ полное разстройство сардинскую армію, вдвое болѣе многочисленную, и вновь завоевала Ломбардію. Радецкій, облеченный неограниченной властью, обложилъ огромной контрибуціей всѣхъ, принимавшихъ участіе въ революціи, и установилъ военное правительство. Венеція, оставшаяся одна, вновь провозгласила республику, и ея собраніе вручило диктаторскую власть Манину, подъ видомъ тріумвирата.

Сардинское королевство заключило съ Австріей только перемиріе. Англія и Франція предложили свое посредничество; но по вопросу о конституціи, которую слѣдовало даровать Ломбардіи, не могли придти ни къ какому соглашенію.

Въ мартѣ 1849 года Сардинскій король, поддерживаемый палатою, возобновилъ національную войну. Это былъ моментъ, когда Австрія была занята возстаніемъ въ Венгріи. Сардинская армія была доведена до 85,000 человѣкъ, но она состояла изъ новобранцевъ и была деморализована. Достаточно было одного пораженія (при Новарѣ, 23 марта), чтобы сдѣлать дальнѣйшее сопротивленіе невозможнымъ. Чтобы облегчить заключеніе мира, Карлъ-Альбертъ отрекся отъ престола. Его сынъ, Викторъ-Эммануилъ, заключилъ миръ, обязавшись заплатить военное вознагражденіе. Венеція сдалась послѣ продолжительной осады (22 августа). Въ Ломбардіи съ 1851 года дѣйствовали военные суды (*Standrecht*). Австрійскій генералъ, Гайнау, взявшій Брешію штурмомъ, былъ прозванъ «гіеною Брешіи»; его обвиняли въ томъ, что онъ приказывалъ бить женщинъ. Особенно ненавистнымъ казалось наказаніе палками, сохранившееся въ австрійской арміи, которое

*) «Богъ, установивъ на землѣ различіе языковъ, почвы, племенъ и нравовъ, установилъ этимъ также и націи, чтобы онѣ жили своею собственною жизнью... и Богъ даровалъ всѣ эти неизгладимые признаки Италіи».

примѣняли и къ итальянцамъ. Правительство даровало амнистію, но исключило изъ нея 86 нотаблей, а позже секвестровало имущество ломбардцевъ, которые эмигрировали въ Пьемонтъ.

Герцогства Модена и Парма, присоединившіяся къ Пьемонту, были заняты австрійцами. Возстановленные герцоги вновь ввели неограниченный образъ правленія, преслѣдовали либераловъ и сторонниковъ итальянскаго единства изъ духовенства; они заключили съ Австріей таможенные союзы.

Въ Тосканѣ либералы попытались избавиться отъ австрійцевъ, образовавши временное правительство, которое вновь призвало великаго герцога; республиканская партія удержала только Ливорно. Но австрійская армія заняла и Тоскану, гдѣ оставалась до 1859 года, а великій герцогъ кончилъ тѣмъ, что въ 1852 г., подъ давленіемъ австрійцевъ, отмѣнилъ конституцію 1848 г. и подчинилъ печать цензурѣ. Тоскана оказалась менѣе свободною, чѣмъ была до революціи.

Для борьбы противъ римской республики четыре католическія державы, Франція, Австрія, Испанія и Неаполь, предложили папѣ свои арміи. Неаполитанцы, вступившіе съ юга, были отражены республиканской арміей; изъ Испаніи прибыли только два корабля; австрійцы заняли только сѣверную часть папскихъ владѣній, Романью, гдѣ и оставались до 1859.

Овладѣть Римомъ взяло на себя французское войско. Глава республиканскаго правительства (установленнаго въ мартѣ), главный тріумвиръ, Мадзини, а также самый популярный изъ генераловъ, Гарибальди, были оба уроженцами сѣверной Италіи: Мадзини изъ Генуи, а Гарибальди изъ Ниццы. Была образована армія изъ волонтеровъ; волонтеры Гарибальди носили красныя (сначала голубыя) рубашки и калабрійскія шляпы съ перомъ. Была учреждена комиссія баррикадъ. Французское правительство послало сначала небольшой отрядъ; надѣялись войти въ Римъ безъ битвы, при помощи либерально-монархической партіи: рѣчь шла только о возстановленіи папы, но съ сохраненіемъ либеральныхъ учрежденій. Разсчитывали также на либеральную прокламацію папы, которой, однако, не добились. Французы попытались взять городъ внезапнымъ нападеніемъ, но римляне отразили ихъ.

Судьба Рима зависѣла отъ борьбы политическихъ партій во Франціи. Президентъ и католическая правая Національнаго Собранія объявили войну, вопреки республиканской партіи. Римская экспедиція окончилась осадою и взятіемъ города (30 іюля 1849 г.). Папа даровалъ амнистію, но исключилъ изъ нея 283 человѣка. Онъ возстановилъ правительство кардиналовъ, и кардиналъ Антонелли, сдѣлавшійся государственнымъ секретаремъ, отвергъ реформы, предложенныя Франціей, какъ противныя верховенству папской власти; ограничились учрежденіемъ государственнаго совѣта *(consulta)* изъ свѣтскихъ лицъ, назначаемыхъ папою и лишенныхъ всякой власти.

Конституціонное Сардинское королевство (1849—1858 г.). — Революція 1848 года потерпѣла неудачу. Отъ нея остались только бѣдственныя воспоминанія и разочарованіе у подданныхъ, а у правительствъ еще большее недовѣріе къ печати, либеральнымъ идеямъ и буржуазіи, а кромѣ того дефицитъ въ финансахъ и иностранные гарнизоны во всей центральной Италіи (австрійцы въ герцогствахъ и въ Романьѣ, французы въ Римѣ). Трехцвѣтное національное знамя, принятое было во всѣхъ государствахъ, было покинуто. Италія оказалась, какъ до 1848 года, раздробленною и въ зависимости отъ иностранцевъ.

Только одно государство избѣгло реставраціи старыхъ порядковъ и вышло изъ кризиса преобразованнымъ. Сардинское королевство сохранило либеральную конституцію 1848 года и трехцвѣтное національное знамя; Сардинія сдѣлалась центромъ, въ которомъ подготовилось итальянское единство. Это было довольно незначительное государство, съ населеніемъ менѣе 5 милліоновъ, составленное изъ четырехъ разрозненныхъ частей: острова Сардиніи, страны лихорадокъ, бѣдной, сохранившей средневѣковый строй, безъ признаковъ политической жизни;—генуэзскаго побережья, страны моряковъ, недавно вошедшей въ составъ королевства, нерасположенной къ династіи и служившей центромъ республиканско-демократическаго движенія; — Савойи, французской земледѣльческой страны, подчиненной дворянству и духовенству;—Пьемонта, деревенской страны безъ промышленности, съ однимъ большимъ городомъ, Туриномъ, резиденціей двора.

Строй общества носилъ аристократическій характеръ. Классы населенія были разграничены болѣе рѣзко, чѣмъ въ остальной Италіи. Дворяне держались вдали отъ буржуазіи; сохраняя традиціи военной жизни, они, обыкновенно, дѣлались офицерами. Крестьяне продолжали повиноваться духовенству. Буржуазія, будучи небогатою, находилась въ зависимости отъ правительства. Народный языкъ отличался отъ литературнаго итальянскаго языка и считался провинціальнымъ нарѣчіемъ. Остальнымъ итальянцамъ этотъ народъ казался грубымъ, необразованнымъ, отсталымъ и только наполовину итальянскимъ. Но онъ пользовался однимъ политическимъ преимуществомъ: у него была національная династія, независимая отъ иностранцевъ, и армія, способная сражаться.

Сардинскій король, Карлъ-Альбертъ, былъ ненавистенъ либераламъ; они не могли простить

ему, что онъ покинулъ ихъ въ 1821 году и сохранилъ неограниченный образъ правленія; даже послѣ 1848 года ему недовѣряли и подозрѣвали его въ измѣнѣ. Между тѣмъ всѣ сторонники единства были либералами. Чтобы сдѣлать Пьемонтъ центромъ національнаго движенія, необходимо было примирить общественное мнѣніе съ королемъ. Это совершили Викторъ-Эммануилъ и Кавуръ.

Во время всеобщей реакціи 1849 года Викторъ-Эммануилъ остался вѣрнымъ либеральному режиму. Австрія предложила ему смягчить условія мира, если онъ откажется отъ *конституціоннаго статута* 1848 года; онъ не согласился на это предложеніе. Онъ не покинулъ трехцвѣтнаго національнаго знамени, не отмѣнилъ свободы печати и далъ убѣжище либераламъ, бѣжавшимъ изъ другихъ странъ Италіи. Его королевство сдѣлалось единственнымъ національнымъ и либеральнымъ государствомъ въ Италіи.

Конституціонный статутъ 1848 года былъ сочетаніемъ французской хартіи и бельгійской конституціи. Онъ установилъ парламентарный образъ правленія, состоявшій изъ министерства, отвѣтственнаго передъ палатой, сената, члены котораго были пожизненными и назначались королемъ, и палаты депутатовъ, избираемыхъ лицами, удовлетворявшими извѣстному цензу. Это былъ болѣе демократическій строй, чѣмъ во Франціи (цензъ колебался между 40 и 20 франками, смотря по мѣстности), но менѣе либеральный, чѣмъ въ Бельгіи. *Статутъ* не провозглашалъ ни суверенитета народа, ни правъ политической свободы; это была жалованная конституція, не допускавшая пересмотра; она не признавала свободы вѣроисповѣданій и объявляла католическую религію государственной. Депутаты не получали жалованья, а постановленіе объ отвѣтственности министровъ допускало различныя толкованія.

Фактически этотъ порядокъ примѣнялся согласно англійской парламентской практикѣ. Статутъ часто подвергался измѣненіямъ (и притомъ съ меньшими затрудненіями, чѣмъ конституціи, подлежащія пересмотру) путемъ закона, вотированнаго обыкновеннымъ порядкомъ; король всегда назначалъ министровъ, поддерживаемыхъ большинствомъ палаты. Но масса избирателей оставалась покорной правительству, и распущеніе палаты обыкновенно приводило къ избранію большинства, благопріятнаго министрамъ, которыхъ поддерживалъ король. Такимъ образомъ король являлся посредникомъ между партіями, дѣйствительнымъ руководителемъ политической жизни страны. Это правительство, по внѣшности парламентарное, было въ сущности личнымъ правительствомъ короля, какъ во Франціи при Луи-Филиппѣ.

Во время войны съ Австріей, избиратели, подъ вліяніемъ возбужденія, вызваннаго національнымъ движеніемъ, избрали демократическое большинство, которое заставило короля назначить министерство Джіоберти и надѣялось достичь единства Италіи посредствомъ союза итальянскихъ государствъ. Послѣ пораженія 1849 года палата не хотѣла согласиться на миръ; между тѣмъ конституція требовала, чтобы трактатъ съ Австріей былъ утвержденъ палатою. Вслѣдствіе этого въ этомъ году король два раза распускалъ палату (палата, избранная въ январѣ, была распущена 30 марта; избранная въ іюлѣ,—распущена 20 ноября; третья палата была избрана въ декабрѣ). Король обратился съ воззваніемъ къ избирателямъ и добился, наконецъ, палаты, которая вотировала миръ 112 голосами противъ 17 (январь 1850 г.).

Для того, чтобы примѣнить параграфъ конституціи, гласившій, что правосудіе исходитъ отъ короля, необходимо было отмѣнить церковные суды. Правительство, не будучи въ состояніи добиться отъ папы отмѣны ихъ конкордатомъ, рѣшилось провести въ палатахъ извѣстные «законы Сиккарди» (Сиккарди былъ министромъ юстиціи), которые уничтожали право убѣжища въ монастыряхъ, привилегію духовенства, избавлявшую его отъ подсудности свѣтскимъ судамъ, отмѣняли наказанія за работу въ обыкновенные праздничные дни; вмѣстѣ съ тѣмъ, запрещалось духовенству пріобрѣтать имѣнія безъ согласія государства. Это произвело разрывъ между государствомъ и духовенствомъ. Туринскій архіепископъ запретилъ повиноваться этимъ законамъ и былъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьму на мѣсяцъ. Одинъ изъ министровъ умеръ, не выразивъ раскаянья, и духовенство отказалось хоронить его; похороны эти послужили поводомъ къ манифестаціи.

Эта борьба способствовала окончательной группировкѣ партій. Образовались двѣ крайнихъ партіи: абсолютистская и церковная, враждебная конституціи, и демократическая лѣвая (вербовавшаяся преимущественно въ Генуѣ), враждебная династіи. Между этими двумя партіями находилось огромное большинство династическихъ конституціоналистовъ, дѣлившихся на двѣ группы: *правую*, состоявшую изъ консерваторовъ, примкнувшихъ къ конституціи, и *лѣвый центръ*, отдѣлившійся отъ демократической партіи и образовавшій партію либеральной и антиклерикальной буржуазіи.

Политика Кавура.—Въ этомъ конституціонномъ правительствѣ, съ королемъ, который былъ прежде всего охотникомъ и офицеромъ, и мало занимался политикой, главная роль въ управленіи перешла къ одному изъ министровъ—Кавуру. Дворянинъ Бенцо ди Кавуръ едва могъ считаться итальянцемъ. Это былъ блондинъ, съ бѣлымъ цвѣтомъ лица, говорившій только по-французски или на пьемонтскомъ нарѣчіи. Онъ

былъ сначала артиллерійскимъ офицеромъ, но былъ разжалованъ за то, что одобрялъ революцію 1830 года, и удалился въ свои помѣстья. Онъ путешествовалъ по Франціи, гдѣ онъ посѣщалъ салонъ герцога Брольи, и усвоилъ либеральные взгляды французской буржуазіи. Въ Германіи онъ проникся идеями экономическихъ реформъ. Въ 1847 году онъ былъ однимъ изъ основателей туринскаго *Risorgimento*, либерально-монархической газеты. Во время революціи онъ боролся противъ демократической партіи такъ упорно, что сдѣлался непопулярнымъ. Но во время реакціи онъ защищалъ конституцію и свободу печати. Во время преній о церковныхъ законахъ онъ отдѣлился отъ консервативной партіи и началъ формировать *правый центръ*, сблизившійся съ лѣвымъ центромъ, которымъ руководилъ Ратацци. Сначала Кавуръ вошелъ въ консервативное министерство д'Азеліо (1850 г.), въ качествѣ министра земледѣлія, торговли и морского. Въ 1852 г. онъ порвалъ съ консерваторами и составилъ министерство Кавуръ-Ратацци, которое поддерживали оба центра. Министерство это продержалось до 1859 г.

Съ тѣхъ поръ Кавуръ готовился къ борьбѣ съ Австріей, увеличивая силы страны и стараясь найти ей союзниковъ.

Съ цѣлью увеличить богатство страны, онъ стремился путемъ торговыхъ трактатовъ возстановить генуэзскій торговый флотъ и развить вывозъ земледѣльческихъ продуктовъ. Его экономическія реформы вызвали новое столкновеніе съ духовенствомъ. Онъ предложилъ обложить налогомъ церковныя имущества, секуляризировать имущества монашескихъ орденовъ, сдѣлавшихся безполезными, и учредить церковную кассу, чтобы уравнять содержаніе священниковъ. Онъ не коснулся ни епископовъ, которыхъ было 41 (по одному на 149,000 душъ), ни бѣлаго духовенства; но достаточно было одного проекта о закрытіи монастырей, чтобы онъ былъ объявленъ врагомъ церкви. Папа угрожалъ правительству отлученіемъ. Когда Викторъ-Эммануилъ лишился втеченіе одного мѣсяца матери, жены и брата, папа послалъ ему письмо, въ которомъ указывалъ на смерть этихъ лицъ, какъ на Божіе предостереженіе. Король колебался, но, наконецъ, рѣшился утвердить законъ, который уничтожилъ 334 монастыря съ 4,280 монахами и 1,200 монахинями; оставалось еще 264 монастыря. Армія подъ начальствомъ Ламармора была реорганизована по прусскому образцу.

Кавуръ вступилъ въ сношенія съ заграничными сторонниками итальянскаго единства. Въ Сардинскомъ королевствѣ было много итальянцевъ, въ особенности ломбардцевъ, эмигрировавшихъ изъ другихъ частей Италіи. Нѣкоторые изъ республиканцевъ 1848 г., потерявъ надежду создать единство Италіи посредствомъ республики, примкнули къ Савойскому дому. Всего болѣе надѣлало шума обращеніе Манина, бывшаго венеціанскаго диктатора. Онъ высказался (въ газетѣ *Siècle*, 15 сентября 1855 г.), что его девизомъ было: «независимость и единство Италіи». Затѣмъ, обращаясь къ сардинскому королю, онъ писалъ: «Создайте Италію, и тогда я и всѣ республиканскіе патріоты будемъ съ вами и за васъ; въ противномъ же случаѣ нѣтъ». Къ Манину присоединились другіе патріоты. Въ августѣ 1857 года они основали *Національный Союзъ*, общество гласное въ Пьемонтѣ, но тайное въ государствахъ съ неограниченною формою правленія. Оно имѣло сторонниковъ среди образованной буржуазіи, въ особенности въ Сѣверной Италіи и Сициліи (секретаремъ общества былъ сициліанецъ Ла-Фарина *). Оно дѣйствовало путемъ мирной пропаганды и осуждало заговоры и бунты. Оно не ладило со старой республиканской партіей, съ Мадзини, который основалъ въ Генуѣ тайное общество противъ монархіи и вызвалъ безпорядки въ Генуѣ, Неаполѣ и Ливорно.

Пьемонтскія газеты начали открыто нападать на Австрію; была открыта подписка по всей Италіи, чтобы купить пушки для вооруженія Александрійской крѣпости въ Пьемонтѣ; другая подписка—на сооруженіе памятника въ честь итальянской арміи.

Кавуръ не считалъ, подобно патріотамъ 1848 года, Италію достаточно сильною для одиночнаго дѣйствія. Сдѣлавшись министромъ иностранныхъ дѣлъ, онъ сталъ искать союзниковъ. Будучи поклонникомъ англійской конституціи, онъ поддерживалъ давнія дружескія отношенія Пьемонта съ Англіей; но ему нуженъ былъ союзникъ, обладающій арміей. Онъ давно уже помышлялъ о Наполеонѣ III. Чтобы снискать его расположеніе, онъ провелъ въ палатѣ, вопреки лѣвой, законъ противъ оскорбленія иностранныхъ государей. Во время Крымской войны онъ вступилъ въ союзъ съ Франціей и Англіей противъ Россіи, вопреки генуэзцамъ, которымъ было невыгодно прекращеніе торговли съ Одессою; онъ послалъ въ Крымъ сардинскую армію на счетъ государства, не принявъ англійскихъ субсидій. Королевство не извлекло изъ этой войны никакой прямой выгоды, но участіе въ войнѣ доставило Кавуру случай участвовать въ конгрессѣ 1856 г. Онъ воспользовался этимъ конгрессомъ и убѣдилъ Наполеона III потребовать отъ него меморандумъ о положеніи Италіи, и потомъ благодарилъ его отъ имени всѣхъ итальянцевъ. Онъ воспользовался этимъ конгрессомъ также для того, чтобы представить въ концѣ его ноту о

*) Ла-Фарина говоритъ, что онъ находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ Кавуромъ; у нихъ происходили свиданія рано по утрамъ. Кавуръ говорилъ ему: «Дѣлайте, что можете. Передъ свѣтомъ я отрекусь отъ васъ, какъ Петръ отъ Спасителя».

волненіи, поддерживаемомъ въ папскихъ владѣніяхъ австрійскою оккупаціей.

Успѣхъ зависѣлъ отъ личной воли Наполеона. Въ своей молодости онъ поклялся дѣйствовать въ пользу итальянскаго единства. Повидимому, его побудило къ дѣйствію покушеніе Орсини, а въ особенности письмо, которымъ Орсини заклиналъ его вернуть свободу Италіи. Онъ послалъ своего врача пригласить Кавура на свиданіе съ нимъ въ Пломбьерѣ, гдѣ и состоялось соглашеніе. Это было торгъ: Наполеонъ обѣщалъ освободить все Ломбардо-Венеціанское королевство вплоть до Адріатики; взамѣнъ того Кавуръ обѣщалъ ему Савойю и Ниццу.

Образованіе Итальянскаго королевства (1859—1860 гг.).—Объединеніе Италіи было дѣломъ всѣхъ итальянскихъ сторонниковъ единства, какъ роялистовъ, такъ и республиканцевъ. Они дѣйствовали въ согласіи съ пьемонтскимъ правительствомъ, которое поддерживали двѣ европейскія великія державы, сначала Франція, а потомъ Пруссія. Оно тянулось одиннадцать лѣтъ и было совершено пятью послѣдовательными присоединеніями: Ломбардіи — въ 1859 году; Тосканы, Модены, Пармы и Романьи — въ январѣ 1860 года; Неаполитанскаго королевства, Мархіи и Умбріи — въ концѣ 1860 года; Венеціи—въ 1866 году; Рима—въ 1870 году. Первыя три присоединенія непрерывно слѣдовали одно за другимъ и закончились созданіемъ итальянскаго королевства.

Война съ Австріей была рѣшена въ Пломбьерѣ, но необходимо было выждать предлога для войны. Англія, стоявшая за миръ, предложила конгрессъ. Наполеонъ согласился. Кавуръ, приведенный въ отчаяніе, уже говорилъ о томъ, что онъ застрѣлится. Но австрійское правительство, вмѣсто того чтобы согласиться на конгрессъ, послало ультиматумъ Сардиніи. Война была объявлена.

Это была война не только между государствами, но также и между партіями. Австрія служила представительницей неограниченнаго образа правленія, господства церкви и свѣтской власти папы; консервативныя партіи всей Европы и духовенство желали успѣха Австріи противъ *революціи* (такъ назывались всѣ конституціонныя и національныя стремленія); даже во Франціи министры и салоны не одобряли войны; сардинское правительство являлось представителемъ національнаго единства и либеральнаго строя; за него стояли всѣ итальянскіе патріоты, франмасоны и даже республиканцы въ Италіи, а въ Европѣ всѣ либеральныя, демократическія и свѣтскія партіи. Чтобы дать сардинскому королю возможность дѣйствовать свободно, палата предоставила ему диктатуру. *Національный союзъ* объявилъ себя распущеннымъ; не было болѣе ни клубовъ, ни газетъ. Гарибальди съ своими волонтерами напалъ на австрійцевъ съ фланга, дѣйствуя въ согласіи съ регулярною арміей. Послѣ сраженія при Маджентѣ австрійцы очистили всю Ломбардію; а когда они вернулись, чтобы вновь занять ее, они были остановлены сраженіемъ при Сольферино. Но «четыреугольникъ» еще прикрывалъ Венецію. Наполеонъ, видя трудность положенія и угрожаемый Пруссіей, которая начала мобилизацію арміи, рѣшился заключить миръ. Австрія уступила только Ломбардію, которая и была присоединена къ Сардинскому королевству, безъ плебисцита, какъ будто она не переставала быть его составною частью съ 1848 года. Это было жестокимъ разочарованіемъ для итальянцевъ; они обвиняли Наполеона въ нарушеніи Пломбьерскаго договора (Италія, свободная до Адріатики). Кавуръ сначала не соглашался на миръ, а потомъ, доведенный до отчаянія, подалъ въ отставку.

Но во время войны Викторъ-Эммануилъ призвалъ къ оружію всѣхъ итальянцевъ. Вслѣдствіе этого призыва въ трехъ центральныхъ герцогствахъ, а равно и въ наиболѣе удаленныхъ провинціяхъ папскихъ владѣній, въ Романьѣ, сторонники единства, тотчасъ по удаленіи австрійцевъ, учредили временныя правительства. Это было совершено по предварительному уговору съ сардинскимъ правительствомъ. Временныя правительства предоставляли диктатуру члену *Національнаго союза* или, иногда, сардинскому чиновнику. Въ Тосканѣ обѣ партіи, демократическая и аристократическая, соединившись, потребовали отъ великаго герцога отреченія отъ престола и объявленія войны Австріи. Герцогъ отказался и покинулъ Тоскану. Тогда немедленно было учреждено временное правительство (24-го апрѣля), предложившее диктатуру Виктору-Эммануилу; король принялъ только командованіе военными силами, но послалъ въ Тоскану своего комиссара, которому и была передана власть. По окончаніи войны сардинскій комиссаръ удалился; совѣтъ (*consulta*) созвалъ собраніе депутатовъ, которое вотировало низложеніе династіи и присоединеніе къ Пьемонту (16 августа 1859 г.). Диктаторы Модены и Пармы также предложили населенію присоединеніе къ Пьемонту, которое и было вотировано въ Моденѣ 90,000 голосовъ, а въ Пармѣ—63,000 (августъ 1859 г.). Въ Романьѣ выбрали учредительное собраніе, которое отъ имени народа единогласно объявило, что «не желаетъ болѣе свѣтской власти папы и хочетъ присоединиться къ Сардинскому королевству» (сентябрь 1859 г.).

Но было гораздо труднѣе добиться признанія этой «революціи» европейскими державами,—этими дѣйствительными вершителями судебъ Италіи.

Наполеонъ и австрійскій императоръ рѣшили, что центральная Италія должна оставаться союзомъ небольшихъ независимыхъ другъ отъ друга государствъ. Традиціонною политикой Франціи

было поддерживать такое раздѣленіе, какъ въ Италіи, такъ и въ Германіи. Тоскану Наполеонъ хотѣлъ отдать своему двоюродному брату Жерому. Сверхъ того папа протестовалъ противъ революціи въ Романьѣ, а французское правительство не рѣшалось дѣйствовать противъ папы. Втеченіе восьми мѣсяцевъ центральная Италія находилась въ неопредѣленномъ положеніи, въ полной зависимости отъ дипломатическихъ интригъ. Тѣмъ временемъ Модена, Парма и Романья ввели у себя сардинскую конституцію, уничтожили таможни со стороны Сардиніи, передали почтовыя конторы сардинскимъ чиновникамъ и соединились подъ общимъ именемъ *королевскихъ провинцій Эмиліи*. Затѣмъ онѣ заключили военный союзъ съ Тосканой.

Политика итальянцевъ состояла въ томъ, чтобы поставить Наполеона лицомъ къ лицу съ совершившимся фактомъ. Они дѣлали невозможнымъ его вмѣшательство, превознося его, какъ освободителя, и ссылаясь на его собственные принципы: на національность и всеобщее избирательное право.

Наполеонъ хотѣлъ уладить дѣло путемъ конгресса, который и былъ созванъ, но не состоялся вслѣдствіе отказа папы.

Въ Пьемонтѣ республиканская партія, раздраженная этими проволочками, хотѣла возобновленія войны; она образовала общество «Вооруженной націи» (*Nazione armata*), съ цѣлью возбудить революцію въ Италіи. Коалиція праваго и лѣваго центровъ, правившая съ 1852 г., распалась; лѣвый центръ и министерство Ратацци поощряли это движеніе; правый центръ и король не хотѣли дѣйствовать противъ Наполеона. Ратацци подалъ въ отставку; Кавуръ вновь сталъ во главѣ министерства (20 января 1860 г.) и убѣдилъ Наполеона не противиться присоединенію центральной Италіи за условленную въ Пломбьерѣ плату, т. е. за Савойю и графство Ниццу. Такъ какъ желали избѣжать заключенія трактатовъ объ уступкѣ территорій, то вопросъ обо всѣхъ этихъ присоединеніяхъ былъ предоставленъ на всеобщее голосованіе (мартъ 1860 г.) и вотированъ почти единогласно. Провинціи, присоединенныя къ Пьемонту, послали тогда депутатовъ въ туринскую палату, которая стала называться «*Національнымъ парламентомъ*». Національное движеніе средней Италіи было обязано своимъ успѣхомъ роялистамъ; за южную Италію взялись республиканцы.

Неаполитанское правительство защищалось преимущественно швейцарскими полками. Но послѣ того, какъ въ 1859 году Перуза, возмутившаяся противъ папы, была усмирена швейцарскимъ полкомъ, раздраженіе патріотовъ обратилось противъ швейцарскихъ купцовъ, занимавшихся торговлею въ разныхъ городахъ Италіи. Опасаясь за свои торговыя дѣла, эти швейцарскіе купцы обратились съ жалобами къ союзному правительству, которое приказало снять со знаменъ національные знаки Швейцаріи; швейцарскіе полки, находившіеся на службѣ у неаполитанскаго короля, возмутились, не желая служить подъ другими знаменами; большая часть солдатъ покинула службу. У неаполитанскаго короля остались только неаполитанскіе солдаты, нерасположенные защищать его. Викторъ-Эммануилъ предложилъ ему заключить союзъ и совѣтовалъ дать конституцію. Фердинандъ не согласился (мартъ 1860 г.). Тогда въ Сициліи образовались революціонные комитеты, и при содѣйствіи итальянцевъ сѣвера началось возстаніе.

Гарибальди, тайно поддерживаемый сардинскимъ правительствомъ *), высадился въ Сициліи съ тысячью волонтеровъ, преимущественно изъ ломбардцевъ (знаменитая *марсальская тысяча*). Послѣ небольшого сраженія (Каталафими, 17 мая), ночного похода Гарибальди на Палермо (26 мая) и заключенія перемирія, деморализованная неаполитанская армія удалилась. Быстро овладѣвъ Сициліей, Гарибальди готовился переплыть на континентъ. Фердинандъ обратился за помощью къ Наполеону, который отвѣтилъ: «Итальянцы хитры; они понимаютъ очень хорошо, что, проливъ кровь моихъ дѣтей за ихъ національное объединеніе, я не могу дѣйствовать оружіемъ противъ нихъ». Тогда Фердинандъ рѣшился возстановить конституцію 1848 года и трехцвѣтное знамя, назначить либеральное министерство и созвать палаты. Но никто уже не вѣрилъ ему. Онъ видѣлъ, что его покинули всѣ. Когда армія Гарибальди вторглась въ Неаполитанское королевство, онъ не рѣшился сопротивляться и бѣжалъ въ Гаэту. Онъ хотѣлъ увести съ собою флотъ, но неаполитанскіе офицеры при-

*) Послѣ войны, Гарибальди былъ назначенъ генераломъ въ Тосканѣ; затѣмъ Викторъ-Эммануилъ поручилъ ему организовать національную гвардію въ Ломбардіи. Недовольный сардинскимъ правительствомъ, которое въ Тосканѣ помѣшало ему напасть на папскія владѣнія (ноябрь 1859 г.), а равно мирною политикою *Національнаго Союза*, онъ сложилъ съ себя званіе почетнаго президента послѣдняго въ декабрѣ 1859 г.; еще болѣе недовольный уступкой Ниццы, его родины, онъ подалъ въ отставку. Говорятъ, что Кавуръ побуждалъ его напасть на Сицилію, написавъ ему: «Ницца или Сицилія»; но подлинность этого письма оспаривается. Говорятъ также, что сардинское правительство не препятствовало Гарибальди забрать ружья изъ Моденскаго арсенала, снабдило его деньгами и приказало генуэзскому губернатору смотрѣть сквозь пальцы на всѣ приготовленія Гарибальди. Когда экспедиція вышла въ море, Кавуръ написалъ офиціально европейскимъ державамъ, чтобы выразить свое сожалѣніе; но адмиралъ Персано, командовавшій флотомъ, разсказываетъ, что онъ получилъ отъ Кавура слѣдующую записку: «Постарайтесь держаться между Гарибальди и неаполитанскими крейсерами. Я надѣюсь, что вы поймете меня». Персано отвѣтилъ: «Графъ, я думаю, что понялъ васъ. Если понадобится, посадите меня въ Фенестрельскую крѣпость».

казали выпустить воду изъ котловъ и испортить рули; флотъ остался на мѣстѣ. Гарибальди былъ торжественно встрѣченъ въ Неаполѣ. Въ рукахъ короля остались только двѣ крѣпости: Гаэта и Капуя, которыя были взяты впослѣдствіи.

Тогда Гарибальди вторгся въ папскія владѣнія. Чтобы замѣстить швейцарцевъ, папа навербовалъ небольшую армію (около 20,000 человѣкъ) изъ волонтеровъ, преимущественно иностранцевъ, австрійцевъ, ирландцевъ, бельгійцевъ, французовъ, подъ начальствомъ французскаго генерала Ламорисьера; сверхъ того въ Римѣ оставался съ 1848 г. французскій гарнизонъ. Началась война между итальянскими республиканцами и католической арміей папы. Кавуръ рѣшился вмѣшаться и потребовалъ, чтобы папское правительство распустило своихъ иностранныхъ солдатъ, присутствіе которыхъ «оскорбляло національное чувство и препятствовало народу изъявить свои желанія». Наполеону Кавуръ писалъ: «Мы вынуждены дѣйствовать». Наполеонъ не препятствовалъ. Пьемонтская армія быстро заняла Мархіи и Умбрію. Маленькая армія папы хотѣла отступить въ Анкону, но была остановлена и разсѣяна (Кастельфидардо, 18 сентября). Ея остатки были захвачены въ Анконѣ. Комиссаръ сардинскаго правительства, путемъ всеобщаго голосованія, совершилъ присоединеніе Умбріи и Мархіи къ конституціонной монархіи Виктора-Эммануила (ноябрь 1860 г.).

Въ части Италіи, завоеванной республиканцами, шла глухая борьба (августъ — октябрь 1860 г.). Гарибальди, диктаторъ сначала острова Сицилія, а потомъ и обѣихъ Сицилій, слѣдовалъ указаніямъ республиканской партіи, руководимой уроженцемъ Сициліи, Криспи, и противился присоединенію къ итальянскому королевству; монархическая партія, руководимая продиктаторами Сициліи и Неаполя (Депретисомъ и Паллавичино), требовала этого присоединенія. Тогда неаполитанскій народъ произвелъ такъ называемую манифестацію *Si* (да); всѣ жители прикрѣпили къ своимъ шляпамъ, окнамъ и дверямъ билетики со словомъ *Si*. Гарибальди въ концѣ-концовъ рѣшился подвергнуть всеобщему голосованію вопросъ о присоединеніи. Оно было вотировано въ Неаполѣ 1.302,074 голосами противъ 10,132, въ Сициліи же—432,053 голосами противъ 667.

Парламентъ, состоявшій изъ 413 депутатовъ и 214 сенаторовъ, провозгласилъ Виктора-Эммануила королемъ Италіи «милостью Божіей и народною волей» (февраль—мартъ 1860 г.). Населеніе его королевства, имѣвшее ранѣе 5 милліоновъ, теперь обнимало 22 милліона.

Римскій вопросъ (1860—1866). — Итальянскому королевству не доставало еще Венеціи и Римской провинціи. Итальянцы были не въ силахъ отнять Венецію у австрійцевъ и Римъ у защитниковъ папы. Объединеніе остановилось, и съ тѣхъ поръ въ итальянской политикѣ первое мѣсто занималъ *римскій вопросъ*. Этотъ вопросъ былъ поставленъ еще въ 1859 году, когда въ Романьѣ подданные папы отвергли его свѣтскую власть. Образовались четыре партіи, изъ которыхъ каждая стремилась рѣшить по своему судьбу Церковной Области.

1) Папа и его министръ, Антонелли, объявили, что не могутъ отказаться отъ свѣтской власти ни въ одной части своихъ владѣній; папа считалъ себя связаннымъ присягою, данною имъ при восшествіи на престолъ, и обязаннымъ сохранить въ цѣлости полученное имъ наслѣдіе. Онъ отлучилъ отъ церкви своихъ возставшихъ подданныхъ, а равно сардинскаго короля и его правительство за то, что они согласились на присоединеніе. Онъ отказался признать итальянское королевство, «плодъ революціи». Его генералъ, Ламорисьеръ, говорилъ своимъ солдатамъ: «нынѣ революція угрожаетъ Европѣ, какъ нѣкогда угрожалъ ей исламъ, и нынѣ, и тогда вопросъ о папской власти и цивилизаціи есть вопросъ о свободѣ міра». Онъ писалъ: «Повсюду, гдѣ революція показываетъ кончикъ своего уха или носа, ее слѣдуетъ убивать, какъ бѣшеную собаку».

2) Итальянская республиканская партія дѣйствительно подготовляла революцію; Гарибальди и Мадзини требовали открытой войны, чтобы избавить подданныхъ папы отъ «тиранніи поповъ». Они хотѣли дѣйствовать при помощи добровольцевъ, какъ они дѣйствовали противъ неаполитанскаго короля.

Между этими двумя крайними рѣшеніями — папской реставраціей и республиканской революціей, были двѣ другія партіи, искавшія средняго рѣшенія.

3) Наполеонъ III, будучи вынужденъ не слишкомъ раздражать католическую партію, очень сильную во Франціи, предпочиталъ бы не трогать свѣтской власти папы; онъ требовалъ только возстановленія конституціи, данной папою въ 1848 г. Послѣ возстанія въ Романьѣ, онъ совѣтовалъ папѣ пожертвовать частью своихъ владѣній, чтобы удержать остальное. Въ анонимной брошюрѣ «*Папа и Конгрессъ*», которую онъ опубликовалъ въ декабрѣ 1859 г., говорилось, что реставрація папской власти въ Романьѣ невозможна; папѣ необходима свѣтская власть, чтобы свободно пользоваться властью духовною; но онъ не можетъ управлять сколько-нибудь значительнымъ государствомъ. Католическія державы должны гарантировать ему только Римъ и наслѣдіе св. Петра. Папа объявилъ эту брошюру «памятникомъ лицемѣрія» и отказался послать своего представителя на конгрессъ, если эта брошюра не будетъ опровергнута. Наполеонъ не противился также отторженію отъ папскихъ владѣній Мархіи и Умбріи; въ новой брошюрѣ онъ приказалъ заявить, что Италія и папа

дожны примириться между собою. Вмѣстѣ съ тѣмъ Наполеонъ продолжалъ держать французскій гарнизонъ въ Римѣ въ интересахъ религіи, чтобы защищать свѣтскую власть папы.

4) Итальянское правительство попало въ ложное положеніе. Оно не желало порвать съ папой, какъ главою католичества; боясь Европы, оно не могло открыто поощрять революціонеровъ; боясь Франціи, оно не могло напасть на Римъ; боясь общественнаго мнѣнія въ Италіи, оно не рѣшалось вступить въ борьбу съ революціонерами и отказаться отъ Рима. Король, какъ добрый католикъ, продолжалъ переписываться съ папою въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ. Кавуръ официально заявилъ въ палатѣ, что оставляетъ вопросъ открытымъ (28 марта 1861 года). «Римъ долженъ быть столицею Италіи, говорилъ онъ; безъ Рима Италія не можетъ организоваться окончательно». Но онъ прибавилъ, что для этого необходимы два условія: согласіе Франціи и сохраненіе духовнаго владычества папы. Онъ выразилъ это въ слѣдующей формѣ: «Свободная церковь въ свободномъ государствѣ»; это значило, что духовенство должно руководить вѣрующими въ области духовной, безъ вмѣшательства государства. Палата вотировала въ этомъ смыслѣ очень запутанный переходъ къ очереднымъ дѣламъ.

Тогда начался періодъ выжиданій и глухихъ интригъ. Католическая партія не мирилась съ тѣмъ, что у папы ограбили часть его владѣній; національныя партіи не отказывались отъ Рима. Но рѣшеніе зависѣло отъ иностранныхъ державъ, въ особенности отъ Франціи. Гарибальди пытался повторить свою экспедицію 1860 года; министерство Ратацци не препятствовало ему высадиться въ Сициліи и остановило его только въ Калабріи, при Аспромонте; затѣмъ оно объявило, что не отвѣчаетъ за сохраненіе порядка въ Италіи, если ея правительству будутъ препятствовать возвратить націи ея столицу (1862 годъ). Но результатомъ этого было то, что Наполеонъ перешелъ на сторону партіи папы, а министерство Ратацци было вынуждено выйти въ отставку.

Тогда итальянское правительство рѣшилось отсрочить рѣшеніе вопроса; оно предложило Наполеону, что перенесетъ столицу во Флоренцію и приметъ на себя защиту папы; это былъ проектъ Кавура. Наполеонъ согласился, такъ какъ это избавляло его отъ дальнѣйшихъ столкновеній между французскими генералами и римскимъ дворомъ. Тогда состоялась *сентябрьская конвенція* (1864 годъ), по которой Италія обязалась не нападать на папскую территорію, защищать ее отъ всякихъ посягательствъ извнѣ и позволить папѣ набрать армію волонтеровъ. Франція обѣщала отозвать свои войска втеченіе двухъ лѣтъ. Итальянское правительство покинуло Туринъ и было переселено во Флоренцію. Французская армія окончательно очистила Римъ въ 1866 году. Рѣшеніе римскаго вопроса было отсрочено.

Присоединеніе Венеціи и Рима (1866—1870 г.). — Какъ и всегда, рѣшеніе пришло извнѣ. Прусское правительство нуждалось въ Италіи для войны съ Австріей. Оно начало переговоры еще съ 1862 года; но оба правительства не довѣряли другъ другу; каждое изъ нихъ подозрѣвало другое въ томъ, что оно хочетъ воспользоваться своимъ союзникомъ, чтобы добиться отъ Австріи большихъ уступокъ. Италія надѣялась пріобрѣсти Венецію безъ войны, за одно денежное вознагражденіе, или, при помощи Наполеона, въ обмѣнъ на Румынію. Наконецъ съ согласія Наполеона наступательный союзъ между Пруссіей и Италіей былъ заключенъ только на три мѣсяца (апрѣль 1866 года). Итальянская армія атаковала «четырехугольникъ», но была остановлена при Кустоццѣ. Она снова вторглась въ венеціанскую область, между тѣмъ ея флотъ былъ на половину уничтоженъ при Лиссѣ. Но побѣда Пруссіи при Садовой принудила Австрію заключить миръ. Она приняла посредничество Наполеона и уступила ему Венецію, которую онъ переуступилъ Италіи съ условіемъ, чтобы присоединеніе было одобрено всеобщею подачею голосовъ (было подано 647,246 голосовъ за присоединеніе и 69 — противъ).

Оставался Римъ, защищаемый только волонтерами папы. Гарибальди, воспользовавшись тѣмъ, что власть находилась въ рукахъ министерства Ратацци, въ третій разъ напалъ на римскую территорію. Итальянское правительство тщетно просило Наполеона предоставить ему одному защищать папу. Не полагаясь на вмѣшательство Италіи, Наполеонъ послалъ французскія войска, которыя должны были выступить противъ Гарибальди вмѣстѣ съ папскою арміей. Произошла извѣстная битва при Ментанѣ. Гарибальдійцы были въ ней перебиты или взяты въ плѣнъ, въ присутствіи итальянской арміи, которая также вступила въ папскія владѣнія, но была вынуждена оставаться нейтральной (3 ноября 1867 года). Французы въ первый разъ пустили въ дѣло новое ружье Шаспо, и французскій генералъ телеграфировалъ: «Шаспо совершали чудеса». Фраза эта запечатлѣлась въ умѣ итальянцевъ, какъ оскорбленіе. Въ Парижѣ президентъ французскаго министерства, Руэръ, формально заявилъ въ палатѣ: «Италія не войдетъ въ Римъ. Этого не будетъ никогда!». Французскій гарнизонъ былъ оставленъ въ Римѣ (5 декабря). Папа, почувствовавъ себя въ достаточной безопасности, созвалъ Ватиканскій вселенскій соборъ (декабрь 1869 года).

Еще разъ разрѣшеніе вопроса было дано

изъ-за границы. Война между Франціей и Германіей лишила папу его защитника. Послѣ первыхъ пораженій Франціи, ея правительство отозвало французскій гарнизонъ изъ Рима (августъ 1870 года). Послѣ Седана итальянская армія вторглась въ папскія владѣнія и явилась передъ Римомъ. Пій IX объявилъ, что уступаетъ только силѣ, и только тогда приказалъ своему войску отступить, когда была пробита брешь въ укрѣпленіяхъ Рима (20 сентября). Итальянцы заняли Римъ безъ битвы. Присоединеніе папскихъ владѣній было вотировано всеобщею подачею голосовъ (130,000 голосовъ противъ — 1,500).

Итальянское королевство окончательно объединилось подъ властью національной пьемонтской династіи, при содѣйствіи двухъ національныхъ партій, конституціонной и республиканской, но въ особенности при помощи двухъ иностранныхъ державъ, Франціи и Пруссіи.

Образованіе партій и внутреннія затрудненія (1861 — 1870 г.). — Быстрое созданіе итальянскаго королевства перевернуло всѣ условія политической жизни. Конституція Сардинскаго королевства была распространена на новыя провинціи; надо было заново установить администрацію, отношенія къ церкви, финансы, армію; возникли новыя политическія партіи.

Крайнія партіи, абсолютисты и республиканцы, были сильно ослаблены успѣхами конституціонной монархіи; въ палатѣ партіи эти почти не имѣли представителей. Такъ какъ папа далъ католикамъ пароль: «*Ни избирателей, ни депутатовъ*», то абсолютистско-католическая партія почти исчезла. Республиканская превратилась въ партію радикаловъ, очень малочисленную. Такимъ образомъ палата состояла только изъ двухъ конституціонныхъ партій: правой (Мингетти, Риказоли) и лѣваго центра (Ратацци). Кавуръ умеръ въ 1861 г.

Министерство переходило отъ одной изъ этихъ партій къ другой, всего чаще подъ вліяніемъ иностранной политики. Ратацци, вступившій въ министерство, какъ другъ Наполеона, палъ вслѣдствіе протестовъ французскаго правительства по поводу Аспромонте; онъ палъ по той-же причинѣ и въ 1867 году, послѣ Ментаны.

Группы составлялись преимущественно по областямъ. Пьемонтцы, поддерживаемые депутатами центральной Италіи, почти постоянно держали власть въ своихъ рукахъ; южные итальянцы и часть ломбардцевъ составляли имъ оппозицію, обыкновенно въ радикальномъ направленіи.

Начали организовать мѣстную администрацію. Мингетти предлагалъ дать провинціямъ нѣкоторое самоуправленіе. Громадное большинство предпочло централизацію, на подобіе французской, съ префектами и мэрами по назначенію отъ центральнаго правительства. Государство было раздѣлено на 59 департаментовъ, не соотвѣтствовавшихъ прежнимъ историческимъ провинціямъ. Этимъ надѣялись упрочить единство, которому угрожалъ мѣстный партикуляризмъ; кромѣ того, учрежденіемъ провинціальныхъ столицъ боялись вызвать зависть другихъ городовъ.

Въ Неаполитанскомъ королевствѣ разбойники и горные жители, не имѣвшіе работы, дѣйствуя отъ имени Фердинанда при поддержкѣ со стороны абсолютистовъ и терроризируя населеніе, запрещали платить налоги и похищали или убивали либераловъ. Втеченіе многихъ лѣтъ итальянская армія вела съ ними въ горахъ правильную войну; но, повидимому, не удалось уничтожить ни неаполитанской *камморры*, ни сицилійской *маффіи*,—тайныхъ разбойничьихъ обществъ, которыя эксплоатируютъ жителей, вымогая у нихъ денегъ подъ страхомъ грабежей или убійствъ.

Церковныя дѣла усложнились до того, что положеніе стало безвыходнымъ. Правая, обыкновенно стоявшая у власти, состояла изъ либеральныхъ католиковъ, оставшихся вѣрными программѣ Кавура: «свободная церковь въ свободномъ государствѣ». Они охотно отказывались отъ власти, которою пользовались прежнія итальянскія правительства надъ епископами въ религіозныхъ дѣлахъ и даже предоставили папѣ право назначать епископовъ. Они хотѣли вступить въ соглашеніе съ папою, чтобы реорганизовать церковь въ новыхъ провинціяхъ, гдѣ духовенство было слишкомъ многочисленно. Но папа, не признавая новаго государства, дѣлалъ невозможнымъ не только какое-либо соглашеніе относительно переустройства церкви, но даже простое отправленіе текущихъ дѣлъ. Такъ какъ папа назначалъ епископовъ, которые не соглашались на то, чтобы ихъ утверждало правительство, то епархіи оставались безъ епископовъ. Въ 1866 г. надѣялись придти къ соглашенію. Но переговоры не удались, потому что папа не признавалъ никакихъ правъ за государствомъ, и вопросъ о назначеніи епископовъ остался открытымъ. Тогда правительство рѣшилось само произвести реформу. Оно не коснулось епархій, но приняло фискальную мѣру. Оно уничтожило монастыри и священническія мѣста безъ приходовъ, какъ безполезные. Принадлежавшія этимъ монастырямъ и должностямъ имущества были объявлены государственною собственностью; число семинарій было уменьшено съ 288 до 21. Секуляризированныя имущества было рѣшено продать въ пользу государства, которое принимало на себя содержаніе духовенства.

Итальянская армія оставалась прежнею пьемонтскою арміей, въ ряды которой вступали новобранцы со всей Италіи. Была сохранена

та же система дѣленія на дѣйствующую армію и резервъ; областной организаціи арміи избѣгали, считая ее опасной для единства. На армію смотрѣли, какъ на школу для воспитанія національнаго чувства, въ которой солдаты разныхъ провинцій должны были пріучаться смотрѣть другъ на друга, какъ на соотечественниковъ. Она служила также начальною школой для новобранцевъ, не умѣвшихъ читать.

Труднѣе всего было привести въ порядокъ финансы. Расходы на армію и флотъ превосходили средства страны, такъ какъ армію надо было постоянно держать наготовѣ къ войнѣ, а флотъ создавать вновь. По разсчетамъ, опубликованнымъ въ 1863 году, разница между всѣми бюджетами отдѣльныхъ государствъ въ 1859 г. и бюджетомъ Итальянскаго государства въ 1863 г. представлялась въ слѣдующихъ приблизительныхъ цифрахъ:

	Доходы.	Дефицитъ.	Долгъ.
1859 годъ. . .	575 милл.	50 милл.	2 милліарда.
1863 годъ . .	900 »	350 »	4 »

Въ 1864 году государственная касса была пуста, и городъ Брешія подалъ патріотическій примѣръ, уплативъ налоги впередъ. Половина доходовъ поглощалась процентами по государственному долгу; ежегодный дефицитъ покрывался не иначе, какъ новыми займами.

Консортерія (1861—1876 гг.).—Втеченіе пятнадцати лѣтъ внутренняя политика Италіи подчинялась требованіямъ военнымъ и финансовымъ. Это было время дѣловыхъ министерствъ, безъ опредѣленной политической окраски. Главные министры принадлежали къ конституціонной правой; это были итальянцы сѣвера или центра: пьемонтецъ Миклотти, ломбардецъ Селла, тосканецъ Риказоли, Фанти изъ Романьи. Ихъ прозвали *консортеріей* (товарищество). Въ видѣ той или другой комбинаціи они почти постоянно занимали министерство. Ратацци два раза удалось низвергнуть ихъ посредствомъ коалиціи лѣваго центра, радикаловъ и недовольныхъ пьемонтцевъ, но составленныя имъ министерства держались не долго. Пьемонтцы, недовольные перенесеніемъ столицы изъ Турина во Флоренцію, составляли втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ особую партію (*постоянныхъ*); но въ 1869 году они примирились съ министерствомъ правой (Менабреа-Мингетти).

Консортерія управляла въ критическій періодъ постояннаго дефицита и остраго столкновенія съ папою. Министръ финансовъ, Селла, склонилъ палату на героическую мѣру. Дефицитъ дошелъ до 630 милліоновъ; тогда въ 1868 г. былъ возстановленъ налогъ на помолъ, отмѣненный въ 1859 г., какъ слишкомъ непопулярный, и были введены новые налоги на сумму около 150 милліоновъ. Продажа секуляризированныхъ имуществъ духовенства достави́ла болѣе 500 милліоновъ. Въ 1873 году былъ установленъ принудительный курсъ банковыхъ билетовъ.

Той же *консортеріи* пришлось установить отношенія къ папѣ послѣ взятія Рима. Резиденція итальянскаго правительства была перенесена въ Римъ, сдѣлавшійся окончательно столицею королевства; король поселился въ Квириналѣ. Положеніе папы было опредѣлено *закономъ о гарантіи* (1871). Папа, признанный независимымъ государемъ, сохранилъ въ своемъ ватиканскомъ дворцѣ права верховной государственной власти: право принимать дипломатическихъ агентовъ, свой судъ, гвардію, свои архивы. Италія обязалась отпускать три съ четвертью милліона на его содержаніе. Въ обмѣнъ за отнятую у него свѣтскую власть, государство отказалось отъ власти надъ итальянскимъ духовенствомъ, признавало его право назначать епископовъ, отмѣнило присягу епископовъ королю и утвержденіе правительствомъ церковныхъ постановленій и назначенія духовныхъ лицъ. Но Пій IX отлучилъ отъ церкви завоевателей, объявилъ себя «нравственно плѣннымъ» и принялъ за правило никогда не выходить изъ Ватикана. Онъ отказался отъ сношеній съ итальянскимъ правительствомъ и даже отъ назначеннаго ему содержанія. Министерство, не переставшее заявлять о своемъ уваженіи къ Святому Отцу, оказалось въ очень щекотливомъ положеніи какъ передъ лицомъ Европы, такъ и передъ итальянцами. Такъ какъ папа упорствовалъ въ своемъ отказѣ признать итальянское правительство, то занятіе Рима являлось только фактическимъ, не признаннымъ католиками, вслѣдствіе чего всегда оставалась возможность реставраціи. Католическая партія, въ особенности во Франціи, протестовала противъ плѣненія Святого Отца и поднимала вопросъ о возстановленіи свѣтской власти оружіемъ, какъ въ 1849 году. Со времени вступленія во власть во Франціи католическо-монархической партіи и до ея пораженія 16 мая (1873—1877 г.) итальянское правительство опасалось французской экспедиціи. Между тѣмъ, консортерія была партіей французской, партіей союза съ Наполеономъ, на которую нападали радикалы и республиканцы; въ 1870 г. ея симпатіи были на сторонѣ Франціи. Въ 1871 году отношенія къ французскому правительству стали столь холодными, что министерство рѣшилось усилить армію, чтобы противостоять, какъ говорило оно, «клерикальной партіи, которая могла оказаться національною партіей въ другихъ государствахъ».

Положеніе, занятое папою, не допускало возможности рѣшить посредствомъ конкордата вопросъ о римскихъ монастыряхъ и правильно замѣщать вакантныя епископскія мѣста. Правительство секуляризировало римскіе монастыри

путемъ особаго закона. Ихъ имущества были признаны собственностью государства. Правительство внесло законопроектъ объ обязательности гражданскаго брака, но затянуло его обсужденіе, чтобы не обострить конфликта. Папа продолжалъ назначать на вакантныя мѣста епископовъ: назначенные епископы вступали въ отправленіе своихъ обязанностей, не испрашивая согласія правительства и ограничиваясь вывѣшиваніемъ въ ризницѣ буллы о своемъ назначеніи; правительство довольствовалось и этимъ. Католическая партія попыталась вновь вступить въ политическую жизнь. Конгрессъ католическихъ обществъ (1874) рѣшилъ принять участіе въ коммунальныхъ выборахъ, чтобы избрать муниципальные совѣты, благопріятные христіанскимъ школамъ. До тѣхъ поръ католики вотировали только въ Неаполѣ; они сначала потерпѣли пораженіе, но въ 1875 году имѣли успѣхъ во многихъ городахъ.

Министерство правой провело также законъ объ обязательной воинской повинности по прусскому образцу, съ вольноопредѣляющимися на одинъ годъ. Политика министерствъ правой оставалась оборонительной; Мингетти резюмировалъ ея программу въ двухъ положеніяхъ: равновѣсіе бюджета, независимость церкви.

Вступленіе во власть лѣвой (1876).—Мало-по-малу численность партій въ палатѣ измѣнилась. Лѣвая усилилась. Эта партія, называвшаяся *радикальною*, присоединилась къ коронѣ; въ двадцать пятую годовщину восшествія на престолъ короля Виктора-Эммануила, въ 1874 г., эта партія объявила, что «въ томъ, что касалось привязанности къ савойскому дому, лѣвая ни на волосъ не уступаетъ правой». На выборахъ 1874 года министерскихъ депутатовъ было избрано только 288, а оппозиціонныхъ—220. Въ первый разъ раздѣленіе партіи было чисто географическимъ: вся сѣверная Италія вотировала за правую и за министерство; южная Италія—за лѣвую.

Тосканцы, недовольные тѣмъ, что они понесли большія издержки при переходѣ правительства во Флоренцію, гдѣ оно оставалось только шесть лѣтъ, составили партію, которая вступила въ коалицію съ лѣвой. При вотированіи налога на помолъ министерство было оставлено въ меньшинствѣ. Сициліецъ Депретисъ, бывшій сотрудникъ Гарибальди, составилъ первое министерство лѣвой, въ которомъ преобладали южные итальянцы (1876 г.). Онъ смѣнилъ множество префектовъ, а затѣмъ распустилъ палату. Составъ палаты послѣ этого отчасти измѣнился; изъ 508 прежнихъ депутатовъ было вновь избрано только 332. Сицилія и Неаполь, вмѣсто прежнихъ 147 депутатовъ лѣвой противъ 45—правой, избрали 184 депутата лѣвой. Въ новой палатѣ оказалось 385 министерскихъ депутата, 94 депутата правой и 20 республиканцевъ. Съ 1876 года правая, въ настоящемъ значеніи этого слова, уже не могла болѣе добиться большинства.

Чтобы понять политическую борьбу въ Италіи за эти двадцать пять лѣтъ, необходимо уяснить себѣ практическія условія выборовъ и практической жизни. По конституціи 1848 года правомъ голоса въ Италіи могли пользоваться лишь лица, платившія не менѣе 40 франковъ налоговъ. Между тѣмъ въ Италіи большая часть земли принадлежитъ крупнымъ собственникамъ, крестьяне же—только арендаторы. Число избирателей едва превышало тогда 600,000; даже послѣ реформы 1882 года ихъ число не превышаетъ двухъ милліоновъ; да и въ этомъ ограниченномъ составѣ избирателей большинство остается равнодушнымъ къ политикѣ; число поданныхъ голосовъ рѣдко достигаетъ половины внесенныхъ въ избирательные списки, причемъ даже и изъ вотирующихъ весьма многіе подаютъ голосъ за кандидата, пріятнаго администраціи. Каждое итальянское министерство почти всегда увѣрено, что добьется выбора министерскихъ кандидатовъ.

Сама палата проявляетъ мало политической дѣятельности. Не получая жалованья, депутаты не могутъ жить на свой счетъ въ столицѣ, втеченіе всей сессіи палаты. Многіе отсутствуютъ или являются для того только, чтобы подать голосъ. Со времени перенесенія столицы въ Римъ итальянцы сѣвера, болѣе удаленные отъ центра (и, быть можетъ, болѣе занятые своими дѣлами), уступили мѣсто сицилійцамъ. Руководящая роль въ правительствѣ перешла къ южанамъ. Между тѣмъ только сѣверъ пріобрѣлъ навыкъ къ правильной администраціи и къ порядкамъ либеральной монархіи, югъ же, гдѣ политическая жизнь проявлялась всегда въ формѣ революціи, не былъ особенно привязанъ ни къ конституціи, ни къ монархіи, явившимся съ сѣвера; югъ именно и доставлялъ главный контингентъ всѣхъ вождей радикальной партіи. Такимъ образомъ въ палатѣ установилось преобладаніе одновременно юга и радикаловъ; католики, повинуясь приказанію папы, не участвовали въ выборахъ; это еще болѣе уменьшило число консервативныхъ избирателей и особенно правую.

Достигнувъ власти, благодаря личному вліянію южанъ и воздержанію католиковъ отъ участія въ выборахъ, лѣвая явилась съ программою демократическою и враждебною церкви; она требовала расширенія избирательнаго права, отмѣны налога на помолъ, обязательнаго первоначальнаго обученія, административной и судебной реформы, «свободы совѣсти», т. е. мѣръ противъ злоупотребленія духовенства своимъ вліяніемъ, завѣдыванія государства церковными доходами. Эта партія, дѣйствовавшая согласно во время борьбы, раздѣлилась, когда получила власть. Она распалась на группы, образовавшіяся вокругъ соперничавшихъ между собою вождей.

Въ началѣ раздѣленіе приняло форму политическаго разномыслія. Министерство 25 марта 1876 года, подъ предсѣдательствомъ прежняго союзника Ратацци, сицилійца Депретиса, явилось съ программой умѣренной лѣвой. Оно отсрочивало отмѣну налога на помолъ, указывая на дефицитъ, и даже воспретило публичное собраніе, назначенное по этому вопросу. Тогда одинъ изъ радикальныхъ вождей, Кайроли, поддерживавшій прежде министерство, вступилъ въ коалицію съ вождями, остававшимися въ оппозиціи, и присоединился къ правой; министерство распалось, и два мѣсяца спустя послѣ смерти Виктора-Эммануила (9 января 1878) составилось министерство Кайроли, которое объявило своею программою уменьшеніе налоговъ. Бюджетъ, выведенный изъ равновѣсія этою реформою, оказался сначала съ дефицитомъ. Но въ послѣдовавшіе затѣмъ благопріятные годы равновѣсіе возстановилось, и до 1889 г. было даже небольшое превышеніе дохода надъ расходами.

Продолжительныя пренія по избирательной реформѣ закончились закономъ 1882 г. Лѣвая не хотѣла допустить всеобщаго избирательнаго права, опасаясь, что невѣжественные и бѣдные крестьяне будутъ вотировать по указанію крупныхъ землевладѣльцевъ. Ограничились пониженіемъ ценза до 19 франковъ 80 сантимовъ налога и предоставленіемъ права голоса лицамъ, платящимъ 500 франковъ арендной платы; кромѣ того, избирательное право было распространено на всякаго, кто докажетъ, что умѣетъ читать и писать. Эта реформа возвысила число избирателей съ 627,000 до 2.000,000 (изъ нихъ 700,000 удовлетворяющихъ имущественному цензу, и почти $1^1/_2$ милліона образовательному). Реформа избирательныхъ округовъ установила подачу голосовъ за списокъ депутатовъ, составленный для цѣлой провинціи.

Тройственный союзъ и личныя соперничества.—Со времени вступленія лѣвой во власть, политическая исторія Италіи представляетъ собою нескончаемую борьбу личныхъ интересовъ, рядъ парламентскихъ интригъ, секретныхъ переговоровъ, коалицій и разрывовъ между партіями, неожиданныхъ перемѣнъ фронта. Иностранцу трудно понять истинныя причины этихъ событій; даже сами итальянцы не всегда согласны относительно ихъ объясненія. Но наиболѣе выдающимися чертами этого періода являются личное соперничество и преобладаніе иностранной политики.

Лѣвая распалась на группы депутатовъ, связанныхъ между собою лишь узами дружбы или подчиненіемъ одному вождю. Главными изъ вождей были два сицилійца: Депретисъ, бывшій предиктаторомъ въ 1860 году, и Криспи, бывшій министръ Гарибальди, республиканецъ, присоединившійся къ монархіи; затѣмъ, три неаполитанца: Кайроли, Никотера и Цанарделли. Не будучи въ состояніи согласиться между собою и одновременно занять министерство, они оспаривали другъ у друга министерскіе портфели. Сторонники вождей, находившіеся у власти, составляли министерскую партію; сторонники вождей, не попавшихъ въ министерство, составляли оппозицію. Министерство могло составиться лишь путемъ коалиціи нѣсколькихъ вождей; ему приходилось бороться съ оппозиціей лѣвой же. Правая или соединялась съ оппозиціей, чтобы низвергнуть министерство, или поддерживала его противъ большинства лѣвой. Такимъ образомъ министерства опирались только на скоропреходящіе союзы между соперничавшими группами. Составъ министерства измѣнялся въ зависимости отъ личныхъ отношеній между вождями группъ; иногда случалось, что эти комбинаціи были ниспровергаемы какой-нибудь случайностью, компрометировавшею одного изъ вождей (Никотера въ 1877 г., послѣ разоблаченій изъ его прошлаго, Криспи въ 1848 г. вслѣдствіе обвиненія его въ двоеженствѣ).

Эти соперничества увеличивали личное значеніе короля. Призванный рѣшать споры между соперниками, онъ успѣвалъ, наружно сохраняя форму парламентарнаго режима, назначать министрами людей, лично ему угодныхъ. Повидимому, при назначеніи ихъ, онъ руководился соображеніями своей иностранной политики; вслѣдствіе этого внутренняя политика, какъ и до объединенія Италіи, находилась въ зависимости отъ отношеній съ иностранными державами.

Партію союза съ Франціей составляли правая и итальянцы сѣвера, которыхъ французы избавили отъ австрійцевъ. Даже и по сіе время Миланъ представляетъ собою центръ теченій, благопріятныхъ Франціи. Лѣвая, сицилійцы, неаполитанцы, римляне были естественными противниками католической Франціи, которая защищала папу противъ итальянскаго королевства; поэтому лѣвая искала опоры въ Германіи. Вступленіе во власть лѣвой, совпавшее съ походомъ французской католической партіи въ пользу возстановленія свѣтской власти папы (1877 г.), заставило правительство искать выхода изъ изолированнаго положенія и вступить въ переговоры съ Германіей (1878 г.).

Но Германія была союзникомъ Австріи, давнишняго врага итальянскихъ республиканцевъ, а Франція, послѣ побѣды республиканской партіи, перестала угрожать Риму. Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ итальянское правительство колебалось между этими нѣмецкими государствами и Франціей.

Министерство Депретиса склонялось къ Германіи; Кайроли — къ Франціи. Чтобы бороться съ коалиціей Депретиса, Никотеры и Криспи, Кайроли искалъ опоры одновременно въ двухъ крайнихъ партіяхъ, правой и республиканской. Онъ допустилъ полную свободу сходокъ и слова, заявивши, что монархіи нечего опасаться свободы.

Республиканская партія, малочисленная въ

палатѣ, но очень дѣятельная въ большихъ городахъ (въ особенности въ Миланѣ и Римѣ), возобновила политику радикальной партіи. Она начала агитацію на почвѣ національнаго чувства. Нѣкоторые патріоты объявляли, что Италія еще невполнѣ объединена, и требовали возврата итальянскому отечеству всѣхъ областей, населеніе которыхъ говорило по-итальянски и которыя еще оставались занятыми иностранцами: Тироля и Тріеста,—занятыхъ Австріей, Ниццы и Корсики—Франціей, Мальты—Англіей. Это и составляло такъ называемую *Italia irredenta* (неосвобожденную Италію). Партія ирредентистовъ угрожала въ особенности Австріи. Она посылала къ недовольнымъ Тироля и Тріеста эмиссаровъ и воззванія къ возстанію. Министерство Кайроли предоставляло республиканцамъ-ирредентистамъ свободно производить свои манифестаціи. Возбужденіе усиливалось. Поваръ Пассананте произвелъ покушеніе на жизнь короля въ Неаполѣ (ноябрь 1878 г.); составлялись *клубы Барсанти*, въ честь унтеръ-офицера Барсанти, разстрѣляннаго за отказъ повиноваться начальству; потомъ — *клубы Оберданкъ* (Оберданкъ былъ молодой студентъ, приговоренный къ смерти въ 1882 году за изготовленіе бомбы для убійства австрійскаго императора). Какъ и во время Кавура, нѣмецкія правительства подозрѣвали, что итальянское правительство тайно поддерживаетъ республиканцевъ въ ихъ стремленіи освободить территоріи, принадлежавшія иностранцамъ. Австрія расположила войска на границѣ и оставалась въ очень холодныхъ отношеніяхъ съ Италіей. Это былъ періодъ министерства Кайроли (1878—1881 гг.). Но когда Франція, вопреки требованіямъ итальянцевъ, заняла Тунисъ, общественное мнѣніе круто повернулось противъ Франціи, и Кайроли, другъ французовъ, палъ окончательно. Сторонники Германіи, Депретисъ и Криспи, вступивъ въ министерство, заключили тройственный союзъ и подавили всѣ манифестаціи республиканцевъ и ирредентистовъ.

Депретисъ вскорѣ поссорился со своими союзниками лѣвой, но остался въ министерствѣ при поддержкѣ короля. Онъ объявилъ, что такъ какъ лѣвая исчерпала свою программу 1876 г., то ея политика должна заключаться въ поддержаніи конституціи и національной монархіи, т. е. въ томъ, чтобы бороться противъ республиканцевъ; онъ обратился къ членамъ правой, пожелавшимъ примкнуть къ его программѣ, и называлъ это *transformismo*. Депретисъ управлялъ (1882—1887 гг.), опираясь на коалицію центровъ, противъ остальныхъ вождей лѣвой. Его система заключалась въ томъ, чтобы покидать министровъ, подвергавшихся слишкомъ сильнымъ нападкамъ, и составлять новое министерство изъ обломковъ прежняго: онъ составилъ такимъ образомъ восемь министерствъ. Остальные пять вождей лѣвой объявили такой образъ дѣйствія не конституціоннымъ и составили общую коалицію изъ депутатовъ южной Италіи, прозванную *пентархіей* (Кайроли, Криспи, Никотера, Цанарделли, Баккарини). На выборахъ 1886 года впервые появилась соціалистическая партія, въ особенности въ Ломбардіи и въ Романьѣ; министерство боролось съ ней, распуская ассоціаціи рабочихъ.

Конецъ этому режиму положила колоніальная политика. *Пентархи*, воспользовавшись расходами и неудачами абиссинской экспедиціи, начавшейся въ 1885 году, заставили Депретиса принять въ министерство двухъ изъ нихъ, Криспи и Цанарделли (апрѣль 1887 г.). Депретисъ умеръ въ іюлѣ.

Правленіе Криспи (1887—96 г.).—Криспи сталъ пользоваться такимъ же довѣріемъ короля, какъ и Депретисъ, и продолжалъ его политику, заключавшуюся въ поддержкѣ тройственнаго союза и войнѣ съ республиканцами. Онъ также потребовалъ новаго распредѣленія партіи, объявилъ, что слова: «лѣвая» и «правая» — потеряли смыслъ, и что Италіи необходимы двѣ большихъ конституціонныхъ партіи. Онъ увѣрялъ, что его правительство будетъ строго парламентарнымъ, что онъ любитъ свободу и стремится къ поддержанію мира внутренняго и внѣшняго. Онъ не обѣщалъ крупныхъ реформъ, но объявлялъ о своемъ намѣреніи улучшить правосудіе, народное образованіе, армію, промышленность и торговлю. Онъ опирался на лѣвую, которая обезпечивала ему сильное большинство. Его управленіе заключалось главнымъ образомъ въ борьбѣ съ противниками монархіи: съ папою, республиканцами, ирредентистами и соціалистами.

По церковному вопросу предшественникъ Криспи, Депретисъ, стремился къ примиренію съ папой. Въ 1887 году король говорилъ, что отношенія съ папою обѣщаютъ сдѣлаться менѣе натянутыми. Но Левъ XIII не хотѣлъ отречься отъ свѣтской власти, и Криспи возобновилъ борьбу. Новый уголовный кодексъ опредѣлялъ тюремное заключеніе за всякую попытку разрушить государственное единство и грозилъ заключеніемъ на годъ всякому церковн ослужителю, который будетъ, при отправленіи своихъ обязанностей, порицать законы и дѣйствія правительства.

Противъ республиканской и ирредентистской агитаціи Криспи принялъ полицейскія мѣры. Онъ подавилъ въ Римѣ манифестаціи рабочихъ, оставшихся безъ работы; приказалъ распустить тріестскій и тридентскій комитеты, какъ угрожавшіе союзу съ Австріей, который «служитъ основаніемъ европейскому миру и гарантіей итальянской независимости»; запретилъ празднество въ честь Оберданка (1889 г.), а равно празднество въ память римской республики 1849 года и демократическій конгрессъ въ Катаньѣ; онъ закрылъ клубы Барсанти и Оберданъ-

ка. Онъ даже настоялъ, чтобы король отрѣшилъ отъ должности его товарища, министра финансовъ, за то, что тотъ не протестовалъ противъ ирредентистской рѣчи, произнесенной въ его присутствіи на банкетѣ.

Криспи энергически заявилъ себя сторонникомъ тройственнаго союза и, несмотря на отягощеніе бюджета, протестовалъ противъ всякой попытки къ разоруженію. «Италія совершитъ преступленіе, — сказалъ онъ, — если одна приступитъ къ разоруженію». Онъ продолжалъ военныя дѣйствія на берегахъ Краснаго моря, окончившіяся основаніемъ Эритрейской колоніи и протекторатомъ надъ Абиссинской Имперіей.

Расходы этой колоніальной политики и коммерческій кризисъ нарушили равновѣсіе бюджета. Съ 1887 года Италія вступила въ періодъ хроническихъ дефицитовъ, и итальянская рента вновь упала. Оппозиція правой въ палатѣ и республиканская партія въ странѣ нападали на финансовую политику министерства и требовали сокращенія военныхъ расходовъ. Но Криспи пользовался поддержкой короля, для котораго на первомъ планѣ стояла армія; а такъ какъ правительство руководило выборами, то Криспи располагалъ въ палатѣ прочнымъ большинствомъ. Четыре пятыхъ палаты, избранной въ 1890 г., послѣ ея распущенія, были сторонниками министерства. Италія, такъ же какъ и Франція во времена министерства Гизо, подъ наружными парламентскими формами, управлялась королемъ и его первымъ министромъ. Но Криспи вынесъ изъ своего республиканскаго прошлаго привычку сообразоваться съ общественнымъ мнѣніемъ и стараться имѣть его на своей сторонѣ. Противъ требованій республиканцевъ онъ взывалъ къ національному чувству, представляя военную монархію и тройственный союзъ, какъ гарантіи итальянскаго единства, которому угрожали папа и Франція; онъ защищалъ военныя экспедиціи на берегахъ Краснаго моря во имя чести итальянскаго оружія. Жестокія нападки французской печати оказывали большую услугу его политикѣ. Упрекая Криспи за его манію величія (*мегаломанію*), эта печать оскорбляла итальянскихъ патріотовъ, желавшихъ, чтобы ихъ отечество сдѣлалось также колоніальною державою. Насколько возможно отдать себѣ отчетъ въ итальянскомъ общественномъ мнѣніи, можно думать, что Криспи считался, по крайней мѣрѣ въ среднихъ классахъ населенія, министромъ, необходимымъ для чести Италіи.

Онъ палъ неожиданно (январь 1891 года), благодаря тому, что въ засѣданіи палаты оскорбилъ депутатовъ правой *). Втеченіе почти двухъ лѣтъ послѣ того онъ оставался внѣ министерства; но это было только временнымъ перерывомъ.

Сначала составилось министерство правой, Рудини, подкрѣпленное однимъ изъ вождей лѣвой, Никотерою; это министерство объявило себя сторонникомъ бережливости и «вѣрности союзамъ». Единственною его реформою была отмѣна выборовъ по спискамъ. Оно стремилось къ примиренію съ папою и добивалось, чтобы папа призналъ законъ 1871 года о гарантіи. Папа отвѣчалъ, жалуясь на обѣ партіи, изъ которыхъ одна «хочетъ нанести папской власти смертельный ударъ (Криспи), а другая хочетъ подчинить церковь государству» (правая), причемъ какъ та, такъ и другая стѣсняютъ свободу сношеній папы съ вѣрующими. Онъ требовалъ полной независимости Рима.

Затѣмъ была сдѣлана попытка образовать министерство лѣвой съ Джіолитти во главѣ (15 мая 1892 года) и безъ Криспи; это министерство, распустивъ палату, пріобрѣло значительное большинство. Но оно было скомпрометировано скандаломъ въ римскомъ банкѣ. Обнаружилось, что банкъ незаконно выпустилъ на 65 милліоновъ банковыхъ билетовъ. Парламентская слѣдственная комиссія представила докладъ, въ которомъ «сожалѣла» о допущенныхъ неправильностяхъ и «порицала» ихъ, а также указывала поименно на депутатовъ, причастныхъ къ этому дѣлу, въ томъ числѣ на одного изъ друзей Джіолитти и на одного изъ министровъ. Она установила также, что такое положеніе банка было извѣстно министрамъ еще въ 1889 году. Министерство Джіолитти вышло въ отставку (1893 г.).

Тогда Криспи вновь вернулся къ власти и сохранялъ ее до 1896 года. Казалось, что лѣвая порвала монархическую коалицію съ правой и возвратилась къ своей прежней демократической программѣ. Криспи требовалъ избираемаго сената, жалованья депутатамъ, уменьшенія постоянной арміи (рѣчь въ Палермо 1892 года). Онъ объявилъ себя «апостоломъ мира, а не войны» и, какъ Мадзини и Гарибальди,—сторонникомъ союза народовъ (рѣчь при открытіи памятника Гарибальди, октябрь 1893 года). Но, вернувшись къ власти, онъ выступилъ охранителемъ общества противъ республиканцевъ и соціалистовъ. Какъ и прежде, онъ взывалъ ко всѣмъ конституціоннымъ партіямъ для защиты монархіи, возстановленія потрясеннаго кредита и финансовъ, разстроенныхъ дефицитомъ. «Положеніе отечества серьезнѣе, чѣмъ когда-либо... Мы нуждаемся въ поддержкѣ палатъ безъ различія партій. Я призываю васъ заключить Божье перемиріе... До 1890 года мы стремились къ обезпеченію физическаго единства отечества; теперь намъ предстоитъ укрѣпить единство духовное. Сплотимся вокругъ короля, который служитъ символомъ единства» (май 1894 г.).

*) Во время преній Криспи заговорилъ объ иностранной политикѣ, которой слѣдовали министерства до 1876 года (правая). Его упрекали въ томъ, что онъ назвалъ эту политику «раболѣпною передъ иностранцами».

Съ этого времени политическая жизнь Италіи сосредоточивается на борьбѣ Криспи съ противниками монархіи. Соціалисты организовали рабочія общества, въ особенности въ Ломбардіи, Каррарѣ, Романьѣ. Въ Сициліи они воспользовались бѣдностью арендаторовъ и ихъ полною зависимостью отъ землевладѣльцевъ, чтобъ сгруппировать ихъ въ союзы рабочихъ (*fasci*). Эти сицилійскія *fasci* произвели голодные бунты. Правительство, воспользовавшись этимъ, объявило островъ въ осадномъ положеніи и послало войска. Оно предало соціалистовъ военному суду *), отмѣнило во всей Италіи право сходокъ и пріостановило свободу печати.

Для покрытія дефицита правительство простымъ указомъ увеличило налоги и таможенныя пошлины. Министерство добилось отъ палаты исключительныхъ полномочій. Криспи, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ короля, управлялъ какъ диктаторъ. Прежняя демократическая лѣвая, сдѣлавшись правительственною партіей, прибѣгла къ старымъ пріемамъ абсолютистовъ, чтобы остановить новое движеніе демократіи. Повидимому она отказалась отъ борьбы съ своимъ традиціоннымъ противникомъ и пыталась примириться съ папою, чтобы усилить себя католическою партіей.

Республиканская партія организовалась для борьбы. Въ палатѣ она нападаетъ на всю политику министерства, на репрессивныя мѣры, принятыя министерствомъ, какъ противныя свободѣ, гарантированной конституціей, на колоніальныя экспедиціи и на вооруженія, вызывающія экономическіе и финансовые кризисы, на тройственный союзъ, какъ на причину чрезмѣрныхъ вооруженій. Она требуетъ свободы печати, собраній и ассоціацій, разоруженія или уменьшенія военныхъ расходовъ и нейтралитета по отношенію къ Германіи и Франціи. Такъ какъ правительство распустило декретомъ (20-го октября 1894 г.). всѣ соціалистическія и рабочія общества, то республиканцы основали «лигу для защиты свободы».

Криспи, не находя достаточно энергичной поддержки въ палатѣ, сначала отсрочилъ ея засѣданія, а потомъ распустилъ ее (май 1895 г.). Въ произнесенной имъ рѣчи онъ заявилъ, что избиратели должны сдѣлать выборъ между «національной монархіей и соціальной, нравственной и политической анархіей»; онъ приглашалъ «всѣхъ добрыхъ гражданъ сплотиться вокругъ короля» и увѣрялъ, что финансовый кризисъ оконченъ.

Какъ всегда въ Италіи, въ новой палатѣ оказалось значительное министерское большинство, которое утвердило налоги, установленные правительствомъ. Но радикалы и соціалисты пріобрѣли новыя мѣста въ палатѣ, и ея засѣданія сдѣлались болѣе бурными. По вопросу объ амнистіи между депутатами происходила ожесточенная борьба, и Кавалотти напечаталъ горячій памфлетъ противъ Криспи. Частная амнистія политическихъ преступниковъ не удовлетворила революціонныя партіи. Обѣ оппозиціонныя группы, правая и лѣвая, составили союзъ противъ Криспи; глава первой, Рудини, упрекалъ его въ томъ, что онъ душитъ свободу печати, смѣшиваетъ соціалистовъ съ анархистами и подрываетъ матеріальное благосостояніе страны.

Какъ всегда бываетъ въ Италіи, и въ этомъ случаѣ вопросы внутренняго управленія были разрѣшены подъ вліяніемъ иностранной политики. Пораженіе итальянской арміи въ Абиссиніи вынудило Криспи удалиться (мартъ 1896 года). Консервативное министерство (Рудини), на назначеніе котораго король согласился, держится у власти, не имѣя надобности прибѣгать къ распущенію палаты и слѣдуя политикѣ примиренія, мира и экономіи. Оно даровало политическую амнистію, отказалось отъ завоеванія Абиссиніи и уменьшило колоніальные расходы. Но положеніе его, повидимому, не прочно.

*) Молинари, адвокатъ, глава соціалистской партіи рабочихъ въ каменоломняхъ Каррары, былъ приговоренъ къ 23 годамъ заключенія за то, что составилъ ассоціацію, направленную противъ собственности и семьи. Де-Феличе, депутатъ, членъ центральнаго комитета сицилійскихъ *fasci*, былъ приговоренъ къ 18 годамъ каторжной работы за то, что подписалъ манифестъ.

ГЕРМАНІЯ и АВСТРІЯ.

ГЛАВА XII.

Германія до объединенія.

Германія въ 1814 г.—Образованіе Германскаго Союза.—Отдѣльныя правительства и конституціи.—Политическія партіи въ Германіи.—Преслѣдованіе университетовъ.—Оппозиція южно-германскихъ конституціонныхъ государствъ.—Движеніе 1830 г.—Революція 1848 г. въ Германіи.—Франкфуртскій парламентъ.—Прусская унія.—Реакція въ Германіи.

Германія въ 1814 г.—Въ XIII вѣкѣ Германія еще сохранила старую, крайне запутанную организацію Священной Римской Имперіи Германскаго Народа. По внѣшности это было союзное государство съ выборнымъ государемъ (императоромъ) и союзнымъ собраніемъ (сеймомъ); но въ дѣйствительности органы этого союзнаго правительства не имѣли никакой дѣйствительной власти. Каждое изъ отдѣльныхъ государствъ, теоретически подчиненное императору, практически было самодержавнымъ. Верховная власть во всѣхъ этихъ государствахъ, съ самымъ разнообразнымъ государственнымъ устройствомъ, принадлежала всякаго рода государямъ: королямъ, герцогамъ, князьямъ, графамъ, архіепископамъ, аббатамъ, рыцарямъ, городскимъ корпораціямъ. Внутреннее управленіе въ нихъ было также очень разнообразно, но съ одною общею чертою: всѣ эти мелкія правительства были неограниченными. У этой хаотической имперіи не было даже точно-опредѣленныхъ границъ. Многіе изъ ея государей имѣли владѣнія внутри и внѣ имперіи (Австрія, Пруссія, Данія, Швеція), и ихъ имперскія области трудно было отличить отъ ихъ внѣ-имперскихъ владѣній.

Войны съ Франціей нѣсколько уменьшили эту запутанность. Въ Германіи, такъ же какъ въ Нидерландахъ, Швейцаріи, Испаніи и Италіи, благодаря французскому нашествію, исчезли старыя учрежденія, и была расчищена почва для національнаго объединенія. Но эта расчистка была совершена невполнѣ. Германскій императоръ и сеймъ исчезли, но остался австрійскій императоръ.—Наполеонъ уничтожилъ самыя мелкія государства, обладавшія наименьшею жизнеспособностью: имперское рыцарство, духовныя государства и вольные города (исключая четырехъ); число государей, доходившее до 300, убавилось до 38, причемъ остались только свѣтскія владѣтельныя лица. Но это преобразованіе коснулось только юга, гдѣ разбросанныя по частямъ территоріи были соединены въ четыре государства; на сѣверѣ же были оставлены мелкіе владѣтельные князья (Саксонія, Ангальтъ, Липпе, Рейссъ); такимъ образомъ расчлененною областью явилась уже не южная Германія, а сѣверная.—Многіе изъ князей приняли новые титулы; оказалось пять королей (гановерскій, прусскій, саксонскій, вюртембергскій, баварскій); но ихъ королевская власть не была вполнѣ независимою.—Въ области, бывшей непосредственно подчиненною Франціи (на лѣвомъ берегу Рейна), удержались французскіе порядки: гражданское равенство, личная свобода, правильная и однообразная администрація. Государи южной Германіи подражали этимъ порядкамъ въ своихъ владѣніяхъ. Но въ другихъ государствахъ былъ сохраненъ старый порядокъ.—Швеція и Франція вышли изъ имперіи; но въ ней еще осталось пять государей, главныя владѣнія которыхъ находились внѣ имперіи: два германскихъ (Австрія и Пруссія) и три иностранныхъ: датскій король, владѣвшій Гольштиніей, англійскій—Гановеромъ, и голландскій—Люксембургомъ.

Такимъ образомъ въ 1814 г. Германія еще была раздроблена на мелкія и невполнѣ независимыя государства, съ неограниченною формою правленія; въ составъ ея входили владѣнія иностранныхъ государей; она только отчасти вступила въ періодъ новѣйшей исторіи

и должна была пережить продолжительный кризисъ, прежде чѣмъ освободилась отъ остатковъ своего прежняго государственнаго устройства.

Образованіе Германскаго Союза (1815 г.).— По изгнаніи французовъ, нѣмцы почувствовали необходимость въ учрежденіи болѣе сильнаго государства, нежели прежняя имперія, чтобы имѣть возможность противостоять нападеніямъ со стороны Франціи. Но у нихъ не было яснаго представленія о формѣ этого государства.

Многіе патріоты, воспитавшіеся въ традиціяхъ Священной Имперіи, оставались приверженцами этой стародавней формы, съ которой связывался средневѣковой періодъ величія Германіи. Баронъ Штейнъ, одинъ изъ медіатизированныхъ владѣтелей, бывшій непосредственнымъ подданнымъ императора, могъ представить себѣ Германію только въ видѣ имперіи. Сообразно этимъ взглядамъ, императоромъ могъ быть только Габсбургъ, т. е. австрійскій императоръ; онъ долженъ былъ, вмѣстѣ съ главнѣйшими изъ нѣмецкихъ государей, образовать *Директорію* для завѣдыванія общими дѣлами. Но этотъ проектъ реставраціи имперіи встрѣтилъ непреодолимыя затрудненія. Австрійскій императоръ уже не былъ заинтересованъ въ возстановленіи Германіи, въ которой прусскій король былъ бы такъ же могущественъ, какъ онъ самъ; онъ отклонилъ отъ себя императорскую корону, предпочитая остаться австрійскимъ императоромъ и довольствуясь дипломатическимъ вліяніемъ на мелкія германскія государства. Нѣмецкія государи не желали подчинить себя центральному правительству, которое фактически состояло бы изъ императора и прусскаго короля; они хотѣли удержать за собою ту независимость, которою пользовались со времени распаденія имперіи въ 1806 г. Верховное союзное правительство было бы несовмѣстимо съ независимыми мѣстными государями; чтобы установить его, необходимо было бы уничтожить независимость мелкихъ владѣтелей. Но въ 1813 году Союзники предпочли отвлечь ихъ отъ Наполеона, гарантировавши имъ трактатами цѣлость территоріи и независимость; одинъ король Саксонскій не обезпечилъ себя такимъ трактатомъ, но его спасли уполномоченные вѣнскаго конгресса. Такимъ образомъ не могло быть и рѣчи о возстановленіи имперіи и даже объ учрежденіи союзнаго государства.

Австрія и Пруссія выработали проектъ новаго устройства Германіи. Мелкіе государи, не желая предоставить это устройство однѣмъ великимъ нѣмецкимъ державамъ, подписали ноту отъ имени 32 «менѣе могущественныхъ государей» (2 февраля 1815 г.), требовавшую конгресса всѣхъ нѣмецкихъ государствъ. Крупныя германскія государства, предварительно условившись между собою, пригласили на свои совѣщанія, ради одной формы, делегатовъ отъ остальныхъ нѣмецкихъ государей. Въ *Союзномъ актѣ* «всѣ нѣмецкіе государи и свободные города» объявили, что вступаютъ въ постоянный союзъ между собою, который долженъ былъ именоваться *Германскимъ Союзомъ* (*Deutscher Bund*).

Цѣлью этого союза было «поддержаніе внѣшней и внутренней безопасности, а также независимости и цѣлости отдѣльныхъ государствъ»; но Союзники избѣгали болѣе точнаго опредѣленія аттрибутовъ союзной власти.

Единственнымъ органомъ Союза былъ *Союзный Сеймъ* (*Bundesversammlung*), постоянный совѣтъ уполномоченныхъ отъ каждаго правительства, засѣдавшій въ Франкфуртѣ подъ предсѣдательствомъ австрійскаго посла. Это были не депутаты, свободно подававшіе свои голоса, а простые чиновники, посланные ихъ правительствами съ точными инструкціями и обязанные обращаться за приказаніями по поводу каждаго рѣшенія. При рѣшеніи всѣхъ текущихъ дѣлъ, большія государства имѣли каждое по одному голосу; остальныя же соединялись въ группы для составленія одного коллективнаго голоса. При вотированіи законовъ и органическихъ постановленій, собраніе засѣдало въ полномъ составѣ, и государства обладали тогда различнымъ числомъ голосовъ, сообразно своему значенію. Но въ важныхъ дѣлахъ никакое рѣшеніе не могло быть постановлено большинствомъ; требовалось единогласіе.

Собраніе должно было выработать основные законы и органическія учрежденія Союза, имѣвшіе отношеніе къ его внѣшнимъ военнымъ и внутреннимъ дѣламъ; но каждое отдѣльное государство сохраняло свою дипломатію, свою армію и свое правительство. Союзнаго суда не было; не было также представителей Союза при иностранныхъ державахъ. Фактически всѣ государи оставались независимыми, и Сеймъ былъ простымъ конгрессомъ ихъ пословъ.

Сеймъ долженъ былъ открыться 1 сентября 1815 г.; но онъ ожидалъ окончательнаго установленія границъ между государствами; представители съѣхались слѣдующимъ лѣтомъ, а собраніе было открыто 5 ноября 1816 г.; общественное мнѣніе уже переставало интересоваться имъ. Первое время нѣкоторые делегаты пробовали вносить проекты; но скоро всѣ замѣтили, что Сеймъ былъ организованъ такъ, что на немъ не могло состояться никакого рѣшенія. По каждому вопросу надо было дожидаться согласія каждаго правительства; правительству, не желавшему допустить разрѣшенія какого-нибудь вопроса, незачѣмъ было даже прибѣгать къ отказу: достаточно было просто не присылать своего отвѣта. Всего болѣе тормозили всякое дѣло государства средней величины, ревниво оберегавшія свою независимость. Медленность Сейма

вошла въ пословицу; нѣкоторые примѣры ея пріобрѣли всеобщую извѣстность. Адвокаты и прокуроры прежняго имперскаго трибунала начали требовать съ 1816 г. жалованья, не уплаченнаго имъ съ 1806 г.; они получили его только въ 1831 г.; кредиторамъ операціонной кассы по займамъ, сдѣланнымъ въ періодъ войнъ отъ 1792 до 1801 г., было уплачено въ 1843 г.; ликвидація долговъ по тридцатилѣтней войнѣ была окончена только по истеченіи двухъ столѣтій, къ 1850 г. Самымъ неотложнымъ дѣломъ была организація военной обороны; но правила этой организаціи были составлены только въ 1821 г., а примѣнены въ 1840; союзная армія, доставлявшаяся всѣми государствами, была организована по частямъ въ 1831, 1835 и 1836 годахъ, но ни разу не созывалась; союзныя крѣпости, деньги на сооруженіе которыхъ были внесены Франціей въ 1815 г., еще не были построены въ 1825 г.; надо было ждать, чтобы Союзъ сдѣлалъ выборъ между Ульмомъ и Раштадтомъ.

Сеймъ часто собирался на засѣданія, назначалъ много комиссій (ихъ было иногда до тридцати) и, подобно прежнему имперскому Сейму, обставлялъ свои засѣданія большою торжественностью; но онъ не имѣлъ никакой власти и сталъ посмѣшищемъ Германіи и всей Европы.

Отдѣльныя правительства и конституціи.— Всякій государь, будучи независимымъ, устраивалъ управленіе своего государства по своему усмотрѣнію. Редакторы проекта союзной конституціи думали доставить подданнымъ нѣкоторыя гарантіи статьею 13, редактированною такъ: «Втеченіе года въ государствахъ должны быть учреждены собранія земскихъ чиновъ». Но въ окончательномъ актѣ годичный срокъ былъ уничтоженъ, и форма «должны» замѣнена формою «будутъ». Либералы осмѣивали эту формулировку: это не законъ, говорили они, а пророчество.

Чтобы избѣжать революціоннаго слова *конституція*, было съ намѣреніемъ употреблено старинное выраженіе *Landständische Verfassung*. Было признано основнымъ принципомъ, что верховная власть принадлежала одному государю, но что онъ имѣлъ право привлечь къ участію въ правительствѣ своихъ подданныхъ. Такимъ образомъ устройство каждаго государства зависѣло отъ личной воли его государя. Въ Германіи господствовали тогда три формы государственнаго устройства:

1) При чисто абсолютическомъ режимѣ государствомъ управлялъ одинъ государь при помощи своихъ министровъ и чиновниковъ, безъ всякаго контроля и безъ какого бы то ни было представительнаго собранія.—Этотъ порядокъ господствовалъ въ обѣихъ большихъ державахъ, Австріи и Пруссіи; имъ подражали нѣкоторые сѣверные государи. — Наиболѣе прославился между ними курфирстъ Гессенскій, который одинъ только еще носилъ старый титулъ курфирста, уже потерявшій всякій смыслъ. Онъ сначала созвалъ собраніе, но потомъ распустилъ его въ 1816 г. и управлялъ одинъ. Изгнанный изъ своихъ владѣній въ 1806 г., онъ заявилъ по возвращеніи, что не признаетъ ничего изъ того, что было сдѣлано послѣ его отъѣзда. Онъ возстановилъ старые законы, натуральныя феодальныя повинности и корпораціи; вернулъ всѣхъ чиновниковъ на ихъ прежнія должности, а офицерамъ приказалъ вернуть ихъ прежніе чины; велѣлъ солдатамъ носить по старому косы и отобралъ назадъ удѣльныя имѣнія, обращенныя въ національную собственность и проданныя. Союзъ обращался къ нему съ увѣщаніями по этому поводу, такъ какъ интересы покупщиковъ національныхъ имуществъ были гарантированы трактатами; но онъ велѣлъ отвѣтить, что не допускаетъ вмѣшательства въ управленіе своимъ государствомъ.

2) Большинство сѣверо-германскихъ государей—Ганноверскій, Мекленбургскій, Саксонскій и Ольденбургскій—ввели у себя собранія государственныхъ чиновъ (*Landstände*). Они не связывали себя никакими обязательствами по отношенію къ подданнымъ, но созывали традиціонныя собранія нотаблей страны, состоявшія преимущественно изъ дворянъ, и требовали отъ нихъ, согласно старинному обычаю, вотированія налоговъ и гарантію займовъ. Собранія пользовались этимъ, чтобы предъявлять свои требованія. Это давало удовлетвореніе общественному мнѣнію, но не было настоящимъ контролемъ надъ администраціей.—Въ Ганноверѣ правительство не могло добиться согласія дворянства по вопросу о сліяніи кассы государственныхъ имуществъ съ кассою податныхъ поступленій и произвело эту реформу путемъ указа. Оно кончило тѣмъ, что въ 1819 г. преобразовало собраніе, раздѣливши его на двѣ камеры: палату дворянъ и палату не-дворянъ; оно запретило печатать отчеты о засѣданіяхъ и разрѣшало обнародывать только извлеченія изъ протоколовъ, до такой степени неинтересныя, что на нихъ не находилось покупателей.—Въ Мекленбургѣ это собраніе государственныхъ чиновъ состояло изъ представителей отъ дворянства и привилегированныхъ муниципалитетовъ. Дворяне преобладали въ немъ; они занимали всѣ должности и держали крестьянъ въ полномъ подчиненіи. Всякій землевладѣлецъ изъ дворянъ былъ полновластнымъ господиномъ на своей землѣ; въ его рукахъ находилось отправленіе правосудія и полиція; отъ него зависѣло признаніе или непризнаніе права проживать въ его владѣніяхъ.—Саксонскій король, озабоченный поддержаніемъ своего достоинства, никогда не выходилъ пѣшкомъ на улицу и не разговаривалъ съ лицами ниже полковничьяго чина. Его правительство отказалось

дать собранію нотаблей свѣдѣнія о финансахъ и запретило печатать отчеты объ ихъ засѣданіяхъ.—Въ Ольденбургѣ великій герцогъ объявилъ, что прежде чѣмъ организовать собраніе государственныхъ чиновъ, слѣдовало посмотрѣть, какія выгоды принесетъ это учрежденіе въ другихъ государствахъ.

3) Нѣкоторые государи, преимущественно въ южной Германіи, рѣшились даровать писанную конституцію, по образцу французской, съ собраніемъ выборныхъ представителей, облеченнымъ властью утверждать законы и налоги, предложенные правительствомъ. Это не было, конечно, установленіемъ парламентарнаго правительства; верховная власть оставалась въ рукахъ государя; онъ назначалъ своихъ министровъ, не соображаясь съ мнѣніемъ большинства, и даже предоставлялъ одному себѣ законодательную инициативу. Это была только конституціонная монархія по теоріи тори, подобная французской при Людовикѣ XVIII.

Примѣръ былъ поданъ либеральнѣйшимъ изъ нѣмецкихъ государей, покровителемъ ученыхъ, великимъ герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ. Онъ даровалъ своимъ подданнымъ конституцію и гарантировалъ ее тѣмъ, что призналъ за союзною властью право, въ случаѣ если кто-либо изъ двухъ, онъ или его народъ, нарушитъ свои обязательства, употребить всѣ зависящія отъ нея средства, чтобы принудить нарушившаго исполнить ихъ. Онъ учредилъ собраніе депутатовъ отъ рыцарей, городовъ и крестьянъ, которые составляли одну палату и назывались *представителями народа*; имъ принадлежало право разсматривать бюджетъ, вотировать законы и налоги и приносить жалобы на злоупотребленія. Онъ гарантировалъ свободу печати, освобожденной отъ цензуры.

Остальные государи долго колебались, прежде чѣмъ ввести у себя государственный строй, неодобрявшійся правительствами двухъ большихъ государствъ. Но въ концѣ концовъ всѣ южногерманскіе государи рѣшились даровать писанныя конституціи, учреждавшія представительныя собранія съ правомъ вотировать законы и налоги, а равно гарантировавшія личныя права и равенство передъ закономъ *): баварскій и баденскій—въ 1818 году, вюртембергскій—въ 1819 году, гессенъ-дармштадтскій—въ 1820 году. Въ Вюртембергѣ король еще въ 1815 г. даровалъ *представительную конституцію*, но земскіе государственные чины, не довѣрявшіе ему, потребовали старой конституціи; отсюда произошелъ конфликтъ, который продолжался и при его преемникѣ до 1819 г.

Политическія партіи въ Германіи. — Во всѣхъ этихъ государствахъ народныя массы, привыкшія къ неограниченному правленію, оставались равнодушными къ общественнымъ дѣламъ; даже среди развитыхъ людей только очень немногіе осмѣливались выражать свои мнѣнія. Всѣ, занимавшіеся политикою, раздѣлялись на три группы, соотвѣтствовавшія тремъ формамъ правленія, установившимся въ Германіи.

Абсолютистская партія не признавала другой власти, кромѣ государя и его чиновниковъ; она осуждала всякую конституцію, какъ революціонное новшество, всякое представительное собраніе, какъ учрежденіе, вносящее безпорядокъ, всякій контроль, какъ оскорбленіе государя. Эта теорія была формулирована съ безпощадною послѣдовательностью однимъ швейцарцемъ, примкнувшимъ къ абсолютизму, Л. Галлеромъ, въ его *Restauration der Staatswissenschaft* (1816 г.),—сочиненіи, представлявшемъ нѣчто вродѣ опроверженія *Общественнаго Договора* Руссо. Галлеръ отвергалъ естественное право, общественный договоръ и народный суверенитетъ, указывая на противорѣчіе ихъ исторіи. Исторически говорилъ онъ, основаніемъ государства въ Европѣ было право собственности. Всякая страна принадлежала государю, церкви или корпораціи; народъ представлялъ собою просто совокупность арендаторовъ, водворившихся въ извѣстныхъ владѣніяхъ. Еслибы даже народъ исчезъ, государство продолжало бы существовать; государю стоило бы только достать себѣ новыхъ подданныхъ, чтобы населить свою территорію. Такъ какъ государство есть частное владѣніе, то государь является «вполнѣ независимымъ собственникомъ»; онъ поручаетъ своимъ личнымъ слугамъ управлять народомъ, живущимъ въ его владѣніяхъ, а своимъ солдатамъ—защищать его; всѣ издержки онъ покрываетъ изъ своего личнаго дохода. Цѣль государства—государь и его семейство. Подданные—не граждане и не имѣютъ никакого права заниматься государственными дѣлами; они должны или повиноваться, или уходить.—Эта книга привела въ восторгъ прусскаго короля. Абсолютистская доктрина раздѣлялась дворянствомъ Пруссіи и Австріи, а также боль-

*) Въ изложеніи мотивовъ, которымъ сопровождалась баварская конституція, такъ опредѣлялись права, гарантированныя подданнымъ: «Свобода совѣсти съ точнымъ разграниченіемъ того, что относится къ государству, и того, что относится къ церкви.—Свобода мнѣній, съ законными ограниченіями противъ злоупотребленія ею.—Равныя права всѣхъ баварцевъ на всѣ степени государственной службы.—Равная обязанность служить государству на почетномъ военномъ поприщѣ.—Равенство законовъ и гражданъ передъ закономъ.—Безпристрастіе въ отправленіи правосудія.—Равенство въ распредѣленіи и уплатѣ налоговъ. — Возвращеніе муниципальнымъ корпораціямъ ихъ правъ на завѣдываніе дѣлами, непосредственно ихъ касающимися.— Возстановленіе государственныхъ чиновъ, составленныхъ изъ всѣхъ классовъ гражданъ, имѣющихъ постоянное мѣстожительство, съ правомъ обсуждать и вотировать законы и налоги, высказывать свои ходатайства и дѣлать свои представленія въ случаѣ нарушенія конституціонныхъ правъ».

шинствомъ нѣмецкихъ государей, министровъ и членовъ духовенства. Абсолютисты, конечно, относились враждебно къ печати и университетской наукѣ, обвиняя ихъ въ распространеніи идей сопротивленія и контроля.

Партія историческихъ правъ не оспаривала суверенитета государя; она презирала писанныя конституціи, какъ противныя традиціямъ, и признавала только права, опиравшіяся на обычай. Но на этомъ основаніи она требовала возстановленія старинныхъ собраній государственныхъ чиновъ, вотировавшихъ налоги и контролировавшихъ мѣстную администрацію. Это была либеральная аристократическая партія, преклонявшаяся передъ торійскимъ правительствомъ. Ея главнѣйшими представителями были сѣверные германцы, университетскіе профессора: Нибуръ, боннскій профессоръ, врагъ французской революціи, Дальманнъ, профессоръ въ Килѣ, секретарь голштинскаго дворянства, боровшагося съ своимъ государемъ, датскимъ королемъ (см. гл. XVIII). Партія историческихъ правъ, пользующаяся въ настоящее время наибольшимъ уваженіемъ германскихъ историковъ, была тогда очень немногочисленна, разрознена, непопулярна и безъ всякаго вліянія на массу населенія.

Конституціонная партія, напротивъ того, ссылалась на естественное право и на суверенитетъ народа; она требовала конституціи, которая въ каждомъ государствѣ защищала бы свободу гражданъ—отъ злоупотребленій чиновниковъ и духовенства—и равенство всѣхъ передъ закономъ—отъ притязаній аристократіи. Она хотѣла, чтобы представители народа контролировали правительство, и чтобы въ ихъ рукахъ находились законодательство и налоги. Это была либеральная демократическая партія, преклонявшаяся передъ французской революціей. Она находила сторонниковъ преимущественно въ южной и западной Германіи, испытавшей на себѣ господство или вліяніе Франціи. Современные германскіе историки съ жалостью и презрѣніемъ упрекаютъ ее въ томъ, что они увлекались революціонными утопіями, противорѣчившими исторіи. Но къ этой партіи, ставшей посмѣшищемъ, принадлежали почти всѣ развитые нѣмцы и даже всѣ писатели того поколѣнія. Ея наиболѣе популярными представителями были: Роттекъ, профессоръ Фрейбургскаго университета, и Велькеръ,—авторы *Всемірной исторіи*. Роттекъ (*Мысли о собраніяхъ государственныхъ чиновъ*, 1819 г.) заявлялъ, что суверенитетъ принадлежитъ въ силу *естественнаго права* народу; что правительство—только его уполномоченный, и что собраніе государственныхъ чиновъ представляетъ народъ и должно осуществлять ту власть, которую народъ оставилъ за собою.

Конституціонно настроенное общественное мнѣніе оказалось настолько сильнымъ, что побудило государей южной Германіи даровать писанныя конституціи и ввести въ своихъ государствахъ конституціонные порядки. Затѣмъ необходимо было создать персоналъ депутатовъ, которые могли бы посвятить себя своей дѣятельности, не получая за это никакого жалованья. Странѣ, при ея бѣдности, было трудно выставить ихъ; въ ней было мало крупныхъ собственниковъ, мало промышленниковъ и мало адвокатовъ. Классъ образованныхъ людей состоялъ въ ту эпоху почти изъ однихъ только правительственныхъ чиновниковъ, и избирателямъ пришлось выбрать изъ ихъ среды часть народныхъ представителей. Эти чиновники-депутаты оказались въ довольно странномъ положеніи, такъ какъ съ одной стороны должны были повиноваться своему правительству, а съ другой—защищать интересы своихъ избирателей. Было признано, что чиновникъ, избранный въ депутаты, могъ сохранять свободу мнѣній и, такъ сказать, раздваиваться, подчиняясь начальству въ качествѣ чиновника и вотируя противъ правительства въ качествѣ депутата; такимъ образомъ оппозиція составлялась изъ чиновниковъ или, по крайней мѣрѣ, руководилась ими. Правительство часто пользовалось этимъ, чтобы дѣйствовать на своихъ противниковъ угрозами, и даже прибѣгало къ болѣе прямымъ пріемамъ, отказывая служащимъ лицамъ въ отпускѣ на время засѣданій палаты.

Абсолютисты и конституціоналисты находились въ рѣзкой и непримиримой оппозиціи между собою. Абсолютисты разсчитывали на Меттерниха, отъявленнаго врага всякихъ перемѣнъ, конституцій и народнаго представительства; естественно поэтому, что они стояли на сторонѣ Австріи. Либералы желали бы опереться на Пруссію, соперницу Австріи; но прусскій король былъ абсолютистомъ и, даже пообѣщавши своему народу конституцію, не далъ ея (см. гл. XIV). Въ концѣ либералы стали ненавидѣть Пруссію еще болѣе, чѣмъ Австрію. Гейне говорилъ, что Меттернихъ былъ по крайней мѣрѣ открытымъ врагомъ; прусскій же король—лицемѣрнымъ. Конституціоналисты могли опираться только на государей южной Германіи и иностранцевъ; вслѣдствіе этого они сдѣлались сторонниками партикуляризма и почитателями французовъ (чѣмъ они и заслужили презрѣніе нѣмецкихъ историковъ).

Образованные нѣмцы находились подъ вліяніемъ двухъ противоположныхъ желаній; они хотѣли единой и свободной Германіи; но тѣ нѣмецкія государства, которыя только и могли бы совершить объединеніе, были враждебны свободѣ; свободный строй могъ установиться только въ мелкихъ государствахъ. Какъ патріоты, нѣмцы были сторонниками единства; какъ либералы—партикуляристами. Національное движеніе не со-

гласовалось съ либеральнымъ. Вслѣдствіе этого политическая жизнь въ Германіи до 1848 г. отличалась большою запутанностью; она состояла изъ ряда конфликтовъ между подданными и правительствами отдѣльныхъ государствъ, между подданными и союзнымъ правительствомъ, между правительствами отдѣльныхъ государствъ и союзнымъ правительствомъ. Этотъ періодъ наполненъ мелкими событіями, не имѣвшими важныхъ послѣдствій, они интересны скорѣе для исторіи идей и литературы, нежели для исторіи политической. Въ этомъ періодѣ можно указать на три попытки въ пользу реформъ, подавленныя правительствами.

Преслѣдованіе университетовъ (1818—1820 г.).—«Освободительная война» противъ французовъ вызвала патріотическое движеніе среди студентовъ. Многіе изъ нихъ вступили въ ряды нѣмецкой арміи. Послѣ побѣды они питали смутныя надежды на возстановленіе единства старой Германіи съ введеніемъ либеральнаго государственнаго строя. Абсолютизмъ и расчлененіе на мелкія государства разочаровали юныхъ патріотовъ. Ихъ недовольство и стремленіе къ національному единству проявились въ различныхъ формахъ: въ гимнастическихъ обществахъ, въ *буршеншафтъ*, въ тайныхъ обществахъ; эти ребяческія манифестаціи не имѣли практическаго значенія; но правительства, боровшіяся съ ними, намѣренно преувеличивали ихъ важность, съ цѣлью запугать общественное мнѣніе. Этимъ объясняется непропорціональное большое мѣсто, которое онѣ занимали въ глазахъ современниковъ и еще занимаютъ теперь въ сочиненіяхъ по исторіи Германіи.

1) Гимнастика была одною изъ формъ патріотизма; въ ней выражалось желаніе подготовить физически крѣпкія поколѣнія, способныя защищать отечество. Эта идея воплотилась въ лицѣ прусскаго учителя Яна, къ которому относились съ смѣсью уваженія и насмѣшки; онъ служилъ въ стрѣлкахъ Лютцова, а послѣ войны открылъ гимнастическую школу. Онъ пошелъ въ Парижъ съ узловатой палкою въ рукѣ, съ длинными волосами и обнаженной шеей, такъ какъ «свободному нѣмцу было бы неприлично носить полотняный галстухъ». Онъ говорилъ своимъ ученикамъ «ты», давалъ имъ пощечины (чтобы пробудить ихъ мысль) и заставлялъ ихъ упражняться въ курткахъ изъ суроваго холста, съ голой шеей и длинными волосами. Во время вакацій онъ совершалъ съ ними далекія прогулки съ топорами на плечахъ, съ ночевками подъ открытымъ небомъ, и кормилъ ихъ хлѣбомъ и молокомъ. Если имъ встрѣчались какой-нибудь щеголь, одѣтый по французской модѣ, или французская надпись, то они окружали ихъ и съ глумленіемъ указывали на нихъ пальцами. Янъ питалъ отвращеніе къ Франціи; онъ желалъ бы, чтобы она была отдѣлена отъ Германіи обширными лѣсами, населенными зубрами. Онъ избѣгалъ всѣхъ словъ, произведенныхъ отъ французскихъ корней, и употреблялъ только слова германскаго происхожденія. Его ученики составили «Общество нѣмецкаго языка», члены котораго замѣняли французскія слова равнозначащими нѣмецкими; такъ напримѣръ, *Universität* обращался у нихъ въ *Vernunftturnplatz* (гимнастическое поле разума). Впрочемъ у Яна не было никакихъ политическихъ идей, и онъ набиралъ своихъ учениковъ почти исключительно среди гимназистовъ.

2) *Burschenschaft* называлось студенческое общество, имѣвшее цѣлью поддерживать въ своихъ членахъ религіозное чувство, добродѣтель и преданность отечеству. *Бурши* (молодцы) носили платье темнаго цвѣта съ большимъ воротникомъ, «христіанско-германское одѣяніе»; они приняли красно-черно-золотое знамя волонтеровъ 1813 г. и собирались, чтобы пѣть патріотическія пѣсни. Они ввели новое начало въ нѣмецкіе университеты. Прежнія корпораціи *), какъ показываетъ ихъ официальное названіе земляческъ (*Landsmannschaft*), представляли собою небольшія группы студентовъ изъ одной мѣстности, сходившихся, чтобы веселиться, вмѣстѣ пить и драться на дуэли; эти корпораціи не связывались никакой общей идеей. *Burschenschaft* должна была сдѣлаться общей ассоціаціей всѣхъ германскихъ студентовъ и способствовать развитію національнаго чувства. Это общество возникло послѣ 1815 г. въ небольшомъ городкѣ Іенѣ и состояло преимущественно изъ студентовъ мелкихъ государствъ центральной Германіи. Съ тѣхъ поръ, какъ великій герцогъ Саксенъ-Веймарскій даровалъ своимъ подданнымъ конституцію и свободу печати, его государство сдѣлалось центромъ національнаго и либеральнаго движенія; тамъ издавались всѣ главнѣйшія политическія газеты: *Nemesis* Лудена, *Isis* Окена, *Oppositionsblatt*. Іена съ университетомъ великаго герцогства и Веймаръ, резиденція великаго герцога, были тогда центрами политической и умственной жизни для всей Германіи.

17 октября 1817 г. либеральные профессора и журналисты великаго герцогства организовали въ Вартбургѣ праздникъ въ честь религіозной годовщины реформаціи и патріотической годовщины лейпцигскаго сраженія. Это было офиціальное празднество съ делегатами отъ университетовъ, разрѣшенное веймарскимъ правительствомъ; на немъ пѣлись гимны Лютера, а профессора произносили рѣчи почти безъ всякой политической окраски. Но вечеромъ, когда студенты зажгли праздничные костры, нѣсколько учениковъ Яна бросили въ огонь какія-то старыя книги, громко выкрикивая при этомъ заглавія

*) Онѣ и понынѣ существуютъ во всѣхъ германскихъ университетахъ.

сочиненій, наиболѣе ненавистныхъ для ихъ учителя: сочиненій Коцебу и Галлера, наполеоновскаго кодекса и прусскаго жандармскаго устава. Они присоединили сюда, какъ символы милитаризма, прусскую портупею, гессенскую солдатскую косицу и австрійскую капральскую палку, и когда жгли ихъ, то пѣли: «*Pere, Pereat!*».

Разсказы объ этой ребяческой выходкѣ распространились по всей Германіи, и среди общаго политическаго затишья ей были приданы размѣры бунта студентовъ противъ властей. Меттернихъ называлъ случившееся продуктомъ революціи; одинъ румынскій помѣщикъ, Стурдза, изобличалъ передъ русскимъ императоромъ университеты, какъ очаги заговоровъ. Великій герцоръ Веймарскій принужденъ былъ упразднить свободу печати и ввести цензуру въ своемъ государствѣ.

3) Тайныя общества были тогда въ модѣ по всей Европѣ. Самое раннее изъ германскихъ, легендарный *Tugendbund*, возникшій въ Пруссіи въ 1809 г. для борьбы съ французами, былъ запрещенъ прусскимъ правительствомъ; но Меттернихъ продолжалъ о немъ говорить, какъ о могущественной ассоціаціи; онъ хотѣлъ повредить Пруссіи, выставляя ее гнѣздомъ революціонеровъ. Послѣ 1815 г. тайныя общества были въ Германіи очень рѣдки, немногочисленны и недолговѣчны (даже франмасоны не пользовались въ ней вліяніемъ). Единственное общество, носившее повидимому дѣйствительно политическій характеръ, имѣло своимъ центромъ Гиссенъ, университетскій городъ небольшого государства Гессенъ-Дармштадтскаго; это общество выработало проектъ конституціи, основанной на народномъ суверенитетѣ. Одинъ изъ членовъ этого общества, студентъ Зандъ, страдавшій мрачнымъ умопомѣшательствомъ, убилъ кинжаломъ Коцебу, бывшаго совѣтникомъ русскаго императора. Одинъ аптекарскій ученикъ въ Нассау пытался убить главу нассаускаго правительства (1819 г.).

Меттернихъ воспользовался этими единичными покушеніями, чтобы, запугавши нѣмецкія правительства, заставить ихъ повѣрить въ существованіе заговора и убѣдить ихъ принять общія мѣры. Уполномоченные отъ главнѣйшихъ правительствъ, послѣ совѣщаній въ Карлсбадѣ, выработали рѣшенія, которыя союзнымъ Сеймомъ были утверждены въ четыре дня; это были такъ называемыя *карлсбадскія постановленія* (1819 г.). Германскіе государи, отказавшіеся отъ общихъ рѣшеній по вопросамъ, касавшимся интересовъ ихъ народовъ, приняли безъ обсужденій общія мѣры, направленныя противъ враговъ монархіи: университетовъ, печати, либераловъ. — Карлсбадскія постановленія повелѣвали всѣмъ нѣмецкимъ государямъ распустить *буршеншафтъ* и гимнастическія общества, учредить въ каждомъ университетѣ *кураторовъ* для надзора за студентами и профессорами и установить цензуру для предварительнаго просмотра каждой газеты и брошюры. Была назначена союзная федеральная комиссія изъ семи членовъ, которая должна была засѣдать въ Майнцѣ и изслѣдовать вопросъ «объ источникѣ и развѣтвленіяхъ революціонныхъ происковъ и демагогическихъ обществъ».

Эти мѣры были дополнены на вѣнскомъ совѣщаніи въ 1820 г. Меттернихъ хотѣлъ-бы даже отмѣнить либеральныя конституціи южно-германскихъ государствъ, какъ противныя Союзному Акту. Онъ не рѣшился предложить этого, но добился устава о взаимныхъ правахъ союзныхъ государствъ съ такою статьею: «Такъ какъ Союзъ состоитъ изъ суверенныхъ государей, то вся верховная власть въ каждомъ изъ государствъ должна оставаться сосредоточенною въ рукахъ главы государства, и конституція можетъ сдѣлать обязательнымъ для государя сотрудничество государственныхъ чиновъ только при осуществленіи опредѣленныхъ правъ». Запретить гласность преній палатъ не рѣшились, но было постановлено, что «законныя границы права свободно выражать свое мнѣніе не должны быть переступаемы ни въ преніяхъ, ни въ печати до такой степени, чтобы это подвергало опасности спокойствіе отдѣльнаго государства или всей Германіи». Дѣло шло о томъ, чтобы парализовать или уничтожить послѣдній органъ политической жизни, представительныя собранія.

Слѣдственная комиссія не открыла никакого заговора, ни даже отдѣльнаго преступнаго акта, за исключеніемъ небольшого памфлета. Но правительства, особенно прусское, арестовали и присудили къ заключенію въ крѣпость студентовъ за пѣніе патріотическихъ пѣсенъ и ношеніе черно-красно-золотыхъ значковъ, — и даже одного гимназиста за то, что онъ нарисовалъ дьявола, поѣдающаго короля.

Оппозиція южно-германскихъ конституціонныхъ государствъ. — Съ самой вѣнской конференціи южно-германскіе государи возставали противъ проектовъ, клонившихся къ отмѣнѣ конституцій. Они выступали защитниками политической свободы противъ двухъ большихъ абсолютическихъ государствъ, Австріи и Пруссіи. Этою оппозиціею руководилъ Вангенгеймъ, уполномоченный вюртембергскаго короля на Сеймѣ. Манифестомъ этой партіи признавался *Манускриптъ Южной Германіи*, изданный въ 1820 г. по приказанію короля Вюртембергскаго. Въ немъ проводилась та основная мысль, что истинною Германіею была Германія среднихъ вѣковъ, Германія старыхъ герцогствъ, расположенныхъ на западъ отъ Эльбы; Австрія же и Пруссія были только колоніями и только наполовину германскими. Союзъ дѣлалъ ошибку, утверждая преобладаніе этихъ двухъ наполовину чужеземныхъ и абсолютическихъ державъ надъ истинными и либеральными германцами; онъ дол-

женъ былъ бы предоставить равную власть старой Германіи.

Эта борьба между либеральными правительствами юго-западной Германіи и большими восточными государствами велась на Союзномъ Сеймѣ. Сначала южныя государства настояли на принятіи военнаго устава 1821 г., раздѣлявшаго германскую армію на независимые корпуса, вопреки мнѣнію Пруссіи, требовавшей, чтобы ей было передано командованіе всѣми сѣверными контингентами. Затѣмъ вюртембергскій делегатъ заявилъ открытый протестъ противъ майнцской слѣдственной комиссіи, противъ постановленій веронскаго конгресса и противъ дѣйствій гессенскаго курфирста. Утомленныя этою оппозиціей, Австрія и Пруссія кончили тѣмъ, что отозвали своихъ пословъ отъ вюртембергскаго двора; устрашенный король отозвалъ Вангенгейма. Оппозиція прекратилась. Правительства преобразовали Союзный Сеймъ и постановили, что его протоколы болѣе не будутъ печататься. Затѣмъ уполномоченные нѣмецкихъ государей, съѣхавшись въ Іоганнисбергѣ, въ замкѣ Меттерниха, выработали резолюціи, которыя Сеймъ утвердилъ въ августѣ 1824 г. Эти резолюціи не только подтверждали декреты 1819 г., направленные противъ печати и университетовъ, но обязывали Союзъ наблюдать за собраніями государственныхъ чиновъ, чтобы помѣшать имъ «подрывать монархическій принципъ».

Затѣмъ союзный сеймъ до самаго 1830 г. рѣдко собирался на засѣданія. Газетамъ было запрещено заниматься общественными вопросами; они не осмѣливались болѣе говорить о политикѣ. Вниманіе нѣмцевъ, отвлеченное отъ германскихъ дѣлъ, перенеслось на иностранныя государства, на греческихъ инсургентовъ и французскихъ либераловъ.

Движенія 1830 г.—Въ періодъ отъ 1815 до 1830 г. во мнѣніи образованныхъ нѣмцевъ произошелъ поворотъ: они перестали ненавидѣть Францію и Наполеона; они ненавидѣли абсолютистскія державы, Австрію и Пруссію, и восторгались народами, защищавшими свою свободу, Франціей и Польшей. Роттекъ говорилъ, что, въ случаѣ столкновенія между конституціонною Франціей и абсолютистскими нѣмецкими государствами, всякій либеральный нѣмецъ долженъ будетъ стать на сторону Франціи. Они стали менѣе интересоваться объединеніемъ Германіи и болѣе—политической свободой. Они прежде всего требовали учрежденій свободныхъ странъ: законодательныхъ палатъ съ правомъ вотировать бюджетъ, свободы печати, суда присяжныхъ, національной гвардіи,—всего, что передавало власть въ руки народа. Среди нихъ были даже республиканцы, какъ Бёрне и Гейне, оба—поклонники Франціи и враги Пруссіи.

Революція 1830 г. еще болѣе воодушевила нѣмецкихъ либераловъ. Они произвели манифестаціи въ мелкихъ государствахъ, отличавшихся самымъ дурнымъ правленіемъ, и устрашенные государи даровали конституціи,—въ Брауншвейгѣ, Гессенъ-Касселѣ (1831 г.), Саксоніи, Гановерѣ и двухъ саксонскихъ герцогствахъ. Въ южно-германскихъ конституціонныхъ государствахъ, особенно въ Баваріи и Баденѣ, политическая жизнь снова оживилась и цензурный гнетъ ослабъ; появились даже демократическія газеты, дружественно расположенныя къ полякамъ, возставшимъ противъ русскаго императора.

Эта свобода продолжалась, пока правительства считали себя въ опасности. Въ 1832 г., послѣ подавленія польскаго мятежа, они освободились отъ своего страха. Союзный сеймъ началъ протестовать противъ злоупотребленій печати и запретилъ нѣкоторыя либеральныя газеты. Чтобы противодѣйствовать коалиціи государей, демократы основали *Союзъ печати*, имѣвшій цѣлью вознаграждать преслѣдуемыхъ журналистовъ и распространять въ обществѣ мысль объ объединеніи и о созданіи, путемъ этого объединенія, германской имперіи съ демократической конституціей. Центромъ движенія была сосѣдняя съ Франціей страна, баварскій Пфальцъ. Союзъ распространялъ брошюры, устраивалъ сходки и организовалъ въ замкѣ Гамбахъ праздникъ «нѣмецкаго мая» (27 мая 1832 г.). На этотъ праздникъ собралась большая толпа, въ томъ числѣ нѣсколько поляковъ и французовъ; на большой башнѣ было выкинуто черно-красно-золотое знамя (знамя *бургеншафта*, сдѣлавшееся символомъ объединенной Германіи), а на маленькой башнѣ—польское знамя. Пѣлись пѣсни, читались адреса, говорились рѣчи, провозглашались тосты въ честь отечества, народнаго суверенитета, германскихъ Соединенныхъ Штатовъ, республиканской Европы. Гамбахскій праздникъ, такъ-же какъ нѣкогда вартбургскій, обратился въ рукахъ Меттерниха въ пугало, съ помощью котораго онъ заставилъ Сеймъ вотировать декреты 1832 г. На этотъ разъ онъ добился того, въ чемъ ему до тѣхъ поръ отказывали: была учреждена особая союзная комиссія для надзора за всѣми нѣмецкими палатами депутатовъ; Сеймъ заранѣе объявлялъ недѣйствительною всякую конституцію, посягавшую на монархическій принципъ, и грозилъ вооруженнымъ вмѣшательствомъ всякому государству, подданные котораго отказались бы платить налоги. Затѣмъ онъ запретилъ политическія ассоціаціи и сходки, деревья свободы, кокарды и значки; онъ подтвердилъ также декреты 1819 и 1824 гг. Онъ отмѣнилъ законъ о печати великаго герцогства Баденскаго, какъ несогласный съ союзными постановленіями. Баденское правительство попробовало сопротивляться, просило помощи у Луи-Филиппа, который отказалъ въ ней, и кончило тѣмъ, что измѣнило свой законъ о печати. Въ Вюртембергѣ, Гессенѣ и Нассау

палаты представителей были распущены, а либеральныя газеты пріостановлены.

Въ либеральной партіи произошелъ расколъ по вопросу о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствія. Умѣренные хотѣли попрежнему бороться законными средствами; радикалы стремились низвергнуть абсолютическія правительства съ помощью французскихъ и польскихъ революціонеровъ. Возникли тайныя общества, куда вошли студенты и унтеръ-офицеры. Заговорщики разсчитывали на польскихъ эмигрантовъ, находившихся въ Безансонѣ, и національную гвардію Эльзаса. Около пятидесяти человѣкъ попытались овладѣть Франкфуртомъ, резиденціей Союзнаго Сейма (апрѣль 1833 г.), но были схвачены или разсѣяны.

Это дало поводъ къ новымъ преслѣдованіямъ. Сеймъ учредилъ центральную комиссію, существовавшую до 1842 г., для наблюденія за веденіемъ слѣдствій по революціоннымъ дѣламъ, запретилъ печатать отчеты о политическихъ процессахъ и приказалъ никого не пропускать безъ паспорта изъ Швейцаріи въ Германію. Меттернихъ объявилъ, что причиною зла была «мятежная партія, стремившаяся, подъ видомъ представительной системы, внести новѣйшую идею народнаго суверенитета». Онъ хотѣлъ бы учредить союзную полицію; но правительства отдѣльныхъ государствъ находили достаточной ихъ собственную полицію.

Въ Пруссіи тридцать девять студентовъ были приговорены къ смертной казни, помилованы и заключены въ крѣпость. Въ Гессенѣ вождь либераловъ въ палатѣ, Гордонъ, былъ арестованъ и продержанъ шесть лѣтъ въ тюрьмѣ, затѣмъ судимъ и оправданъ. Въ Баденѣ Роттекъ и Вельнеръ были удалены въ отставку. Въ Баваріи одинъ журналистъ, послѣ четырехлѣтняго предварительнаго заключенія, былъ присужденъ къ публичному покаянію передъ портретомъ короля и къ пожизненному тюремному заключенію за одну статью, перепечатанную имъ изъ другой газеты.

Эти преслѣдованія подавили либеральное движеніе и политическую жизнь въ Германіи. Съ 1833 и по 1847 г. въ ней не произошло ни одного политическаго событія, если не считать такъ называемаго дѣла «семи». Въ 1837 г. ганноверскій король упразднилъ конституцію 1833 г., мѣшавшую ему расплатиться съ своими личными долгами, путемъ присвоенія государственныхъ имуществъ: семь гёттингенскихъ профессоровъ объявили, что они связаны съ конституціей своей присягой; король отрѣшилъ ихъ отъ должности; въ Лейпцигѣ основалось общество, открывшее по всей Германіи подписку въ ихъ пользу.

Національное движеніе послѣ 1840 г.— Единственное учрежденіе, общее для всей Германіи, Союзный Сеймъ проявилъ свою дѣятельность только преслѣдованіями и не создалъ ничего, кромѣ политической полиціи; онъ сдѣлался ненавистенъ просвѣщеннымъ нѣмцамъ. Многими отдѣльными писателями была высказана мысль о замѣнѣ его истинно-національнымъ правительствомъ: уроженцемъ Гессена, Гагерномъ, делегатомъ на Сеймѣ въ 1815 г., уроженцемъ Бадена, Велькеромъ, вюртембергцемъ Пфицеромъ. Ихъ мнѣнія и желанія выражались двумя формулами: «Національность для человѣчества то же, что тѣло для души; «союзъ государствъ» (*Staatenbund*), связанный слишкомъ слабыми узами, долженъ быть замѣненъ тѣсно сплоченнымъ «союзнымъ государствомъ» (*Bundesstaat*). Пфицеръ прибавлялъ, что руководить этимъ новымъ государствомъ долженъ былъ бы король Пруссіи при помощи выборнаго парламента. Эти мечты о національномъ единствѣ совпадали съ желаніями прусскихъ чиновниковъ усилить власть Пруссіи.

Въ 1840 г. одно событіе европейской политики послужило поводомъ къ проявленію національнаго германскаго чувства. Чтобы уладить восточный вопросъ, четыре великихъ державы, прежніе «Союзники» 1814 г., составили коалицію противъ Франціи. Во французской палатѣ стали говорить о томъ, чтобы порвать трактаты 1815 г., и даже о томъ, чтобы снова отвоевать рейнскую границу. Въ общественномъ мнѣніи Германіи произошло движеніе, враждебное Франціи, выразившееся въ формѣ патріотическихъ пѣсенъ. Тогда были написаны: *Нѣмецкій Рейнъ* Беккера («Они не получатъ его, свободнаго нѣмецкаго Рейна»), который скоро запѣла вся Германія,—и *Wacht am Rhein*, прошедшій незамѣченнымъ, но черезъ тридцать лѣтъ, во время войны 1870 г., сдѣлавшійся національною нѣмецкою пѣснею. Патріотическое движеніе овладѣло даже государями. Беккеръ получилъ пенсію отъ прусскаго короля и почетный кубокъ отъ баварскаго. Сеймъ рѣшился закончить организацію союзной арміи. Въ 1848 г. начало работъ по окончанію кёльнскаго собора послужило поводомъ къ національному празднеству, на которомъ участвовали всѣ нѣмецкіе государи подъ предсѣдательствомъ прусскаго короля. Вюртембергскій король провозгласилъ тостъ «за общее отечество».

Среди университетскихъ профессоровъ общественная жизнь приняла форму стремленія къ единству Германіи. Конгрессъ германистовъ, происходившій въ 1846 г. во Франкфуртѣ, былъ одновременно съѣздомъ ученыхъ (философовъ, историковъ, юристовъ) и патріотовъ; на немъ говорилось о національныхъ вопросахъ и о нѣмецкомъ парламентѣ. Профессоръ Гервинусъ основалъ въ 1847 году въ Гейдельбергѣ *Deutsche Zeitung*, либеральную и національную политическую газету, предназначавшуюся для всей Германіи.

Созваніе прусскаго ландтага въ 1847 г. дало,

наконецъ, возможность самому крупному изъ нѣмецкихъ государствъ принять участіе въ политической жизни (см. гл. XIV). Палаты южногерманскихъ государствъ, парализованныя декретами 1834 г., снова оживились. Южные либералы завязали сношенія съ прусскими либералами. Но по вопросу о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствія между ними, какъ и въ 1832 г., произошло раздѣленіе.

Радикалы-демократы, центромъ которыхъ былъ Маннгеймъ, въ Баденѣ, устроили съѣздъ (12 сентября 1847 г.) въ Оффенбургѣ и включили въ свою программу свободу печати и ассоціацій, судъ присяжныхъ, національную гвардію, прогрессивный налогъ, присягу военныхъ конституціи и собраніе народныхъ представителей при Союзномъ Сеймѣ.

Умѣренные, съѣхавшись 10 октября въ Геппенгеймѣ, постановили только предложить палатамъ отдѣльныхъ государствъ требовать учрежденія германскаго парламента.

Революція 1848 г. въ Германіи.—Благодаря примѣру, поданному Франціей, это національное движеніе внезапно перешло въ революціонное *). При извѣстіи о парижской революціи либералы заволновались, начали собирать народныя сходки и требовать свободы печати, парламентскаго образа правленія и обще-германскаго парламента. Испуганныя правительства не оказали никакого сопротивленія.

Сторонники германскаго единства воспользовались этимъ замѣшательствомъ, чтобы обратить Германію въ союзное государство. Движеніе, какъ и всегда, началось на югѣ, въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ; въ Гейдельбергѣ съѣхались 51 либералъ (5 марта), рѣшили созвать собраніе, которое должно было подготовить эту реформу, и назначили комиссію изъ семи членовъ.

Эта комиссія созвала во Франкфуртѣ «предварительный парламентъ» (*Vorparlament*), состоявшій изъ лицъ, когда-либо бывшихъ депутатами какого-нибудь нѣмецкаго представительнаго собранія; ихъ съѣхалось отъ пяти до шестисотъ человѣкъ,—большинство уроженцевъ южной Германіи, такъ какъ представительныя собранія существовали преимущественно въ южногерманскихъ государствахъ; было только нѣсколько пруссаковъ и немного австрійцевъ.

Союзный Сеймъ засѣдалъ по-прежнему, но правительства замѣнили своихъ делегатовъ популярными людьми, примкнувшими къ либеральному движенію. Сеймъ призналъ цвѣта національной партіи, и черно-красно-золотое знамя *бургеншафта* сдѣлалось оффиціальнымъ нѣмецкимъ знаменемъ (9 марта); онъ принялъ также всѣ предложенія «предварительнаго парламента» и обратилъ ихъ въ законодательныя рѣшенія, которыя были приведены въ исполненіе правительствами отдѣльныхъ государствъ. Онъ созвалъ настоящій парламентъ, который долженъ былъ состоять изъ депутатовъ, избранныхъ по одному отъ каждыхъ 50,000 жителей, всѣми нѣмецкими землями, не только входившими въ составъ Союза, но даже и нѣмецкими провинціями Пруссіи и Австріи, не вошедшими въ него (Силезіей, западной Пруссіей, восточной Пруссіей, нѣмецкими округами Познани и Богеміей). Не смотря на свое англійское названіе, этотъ парламентъ былъ подражаніемъ французскимъ учредительнымъ собраніямъ; онъ былъ избранъ всеобщею подачею голосовъ съ спеціальною цѣлью вотировать общегерманскую конституцію.

Франкфуртскій парламентъ. — Избиратели послали въ парламентъ вождей прежней либеральной и національной оппозиціи; многіе изъ нихъ были профессорами и писателями. Парламентъ собрался во Франкфуртѣ, резиденціи Союзнаго Сейма, и засѣдалъ въ церкви св. Павла. Онъ долженъ былъ состоять изъ 605 членовъ, но богемскіе чехи отказались послать своихъ депутатовъ на нѣмецкое собраніе; вслѣдствіе этого оказалось только 586 депутатовъ; прусскія провинціи, напротивъ того, выслали своихъ представителей.

Это было бурное собраніе; у депутатовъ не было привычки къ парламентскимъ преніямъ; каждый изъ нихъ хотѣлъ внести свой проектъ; президентъ Гагернъ, старый борецъ за единство Германіи, не умѣлъ заставить соблюдать установленный порядокъ; онъ самъ вставалъ съ мѣста и произносилъ рѣчи. Присутствующимъ въ трибунахъ позволяли апплодировать или шумно заявлять свои протесты.

Парламентъ оказался въ совершенно исключительномъ положеніи: собранный для того, чтобы въ качествѣ верховной власти и отъ имени всего нѣмецкаго народа организовать для Германіи правительство, онъ пользовался только однимъ нравственнымъ авторитетомъ; прежнія правительства, оставшіяся на своихъ мѣстахъ, сохраняли въ своихъ рукахъ реальную силу. Это противорѣчіе между задачами и средствами исполненія привело парламентъ къ безсилію; онъ походилъ на конгрессъ ученыхъ, теоретически обсуждавшихъ конституцію; онъ могъ предлагать проекты, но окончательное рѣшеніе зависѣло отъ однихъ правительствъ.

Онъ началъ съ организаціи временнаго союзнаго правительства, которое должно было замѣнить Сеймъ, сдѣлавшійся непопулярнымъ. Пренія были бурными; было представлено девять проектовъ, и 189 ораторовъ записалось въ очередь. Проектъ комиссіи объ учрежденіи директоріи изъ трехъ членовъ по назначенію отъ правительствъ и проектъ респу-

*) Въ Баваріи въ первыхъ числахъ февраля 1848 г. произошла небольшая мѣстная революція. Это былъ мюнхенскій мятежъ, благодаря которому король Людовикъ долженъ былъ отослать свою фаворитку, танцовщицу Лолу Монтесъ, сдѣланную имъ графинею Ландсфельдъ.

бликанцевъ объ избраніи исполнительнаго комитета самимъ собраніемъ были отвергнуты; проектъ нѣсколькихъ прусскихъ депутатовъ о передачѣ временного правительства въ руки прусскаго короля былъ встрѣченъ «общимъ смѣхомъ» и даже не подвергался обсужденію. Послѣ шестидневныхъ преній президентъ предложилъ избрать какого-нибудь принца. Парламентъ учредилъ должность «Блюстителя Имперіи» и избралъ на нее (29 іюня), 436 голосами изъ 548, самаго популярнаго изъ нѣмецкихъ принцевъ, австрійскаго эрцгерцога Іоанна. Союзный Сеймъ передалъ ему свои полномочія и былъ распущенъ.

Эрцгерцогъ Іоаннъ составилъ имперское министерство (юстиціи, внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ, военное, финансовъ и торговли), которое стало управлять, слѣдуя обычаямъ парламентскаго образа правленія. Въ парламентѣ мало по малу начали опредѣляться партіи; онѣ состояли изъ гру́ппъ, называвшихся именами тѣхъ мѣстъ, гдѣ у нихъ происходили собранія. Всего насчитывалось до одиннадцати группъ. Самыми многочисленными партіями были два центра: правый, куда вошло около 120 членовъ, составлялъ министерскую партію; его членами были преимущественно сѣверные германцы; онъ раздѣлялся на двѣ группы, Казино и Ландсбергъ; лѣвый центръ состоялъ преимущественно изъ южно-германцевъ и раздѣлялся на группы Вюртембергскаго Отеля и Аугсбургскаго Отеля.

200 республиканскихъ депутатовъ образовали двѣ партіи: умѣренную лѣвую, куда входили группы Вестендгаллъ и Нюрембергскій Отель,— и радикальную лѣвую, состоявшую изъ группъ Германскаго Дома и Доннерсберга.

Правая раздѣлялась на три группы: сѣверныхъ германцевъ, протестантовъ, собиравшихся въ кофейной Милани, католиковъ—южныхъ германцевъ, собиравшихся въ Каменномъ Домѣ, и австрійцевъ.

Оба центра вмѣстѣ съ членами, не примкнувшими ни къ одной изъ группъ (*Wilde*, дикими), составляли незначительное большинство.

Парламентъ, которому было поручено создать германское союзное государство, приступилъ къ обсужденію конституціи. Ему предстояло разрѣшить три главныхъ практическихъ вопроса: 1) Какова будетъ форма союзнаго правительства? 2) Какія области должны войти въ союзное государство? 3) Какому государю будетъ предоставлена союзная власть? Большинство образовалось только по первому вопросу; его разрѣшили, начавши прежде всего съ установленія «основныхъ правъ» (*Grundrechte*) нѣмецкихъ гражданъ. Руководящая роль принадлежала либераламъ; они заставили признать принципы бельгійской конституціи, считавшейся въ то время образцомъ либеральныхъ конституцій: равенство передъ закономъ, независимость судебной власти, самоуправленіе общинъ, народное представительство въ каждомъ государствѣ, свободу печати, ассоціацій, вѣроисповѣданій и обученія. Послѣ трехмѣсячныхъ преній этотъ проектъ былъ вотированъ въ первомъ чтеніи (октябрь 1848 г.).

Тѣмъ временемъ 6 августа министерство приказало солдатамъ союзной арміи принести присягу Блюстителю Имперіи; но большинство правительствъ не исполнило этого распоряженія. Парламентъ рѣшилъ большинствомъ 238 голосовъ противъ 221 вмѣшаться въ пользу голштинскихъ нѣмцевъ противъ Даніи (5 сентября); это вызвало отставку министерства; но затѣмъ парламентъ принялъ обратное рѣшеніе большинствомъ 258 голосовъ противъ 226 (16 сентября), и министерство вернулось. Нѣкоторые республиканскіе депутаты захотѣли тогда воспользоваться негодованіемъ противъ этихъ 258 «измѣнниковъ», чтобы провозгласить республику и распустить парламентъ. Но министерство призвало прусскія и австрійскія войска, и франкфуртское республиканское возстаніе привело только къ убійству двухъ депутатовъ правой.

Парламентъ рѣшилъ замѣнить Германскій Союзъ, построенный на принципахъ абсолютизма, союзнымъ государствомъ съ либеральной конституціей. Онъ началъ съ того, что набросалъ общій планъ новой Германіи, прежде чѣмъ опредѣлилъ ея границы и избралъ для нея главу. Остались нерѣшенными два другихъ вопроса: Какова будетъ территорія государства? Кто будетъ осуществлять центральную власть? Здѣсь дѣло шло уже не о теоретическомъ опредѣленіи правъ; необходимо было принять два практическихъ рѣшенія; но нельзя было принять ни одного изъ нихъ, не наткнувшись на сопротивленіе одной изъ двухъ великихъ державъ, въ рукахъ которыхъ находилась сила, Австріи или Пруссіи. Правый и лѣвый центры парламента, дѣйствовавшіе согласно въ вопросѣ о конституціи, раздѣлились, когда пришлось выбирать между Австріей и Пруссіей. Произошла новая группировка партій.

Вопросъ о предѣлахъ Германской Имперіи былъ неразрѣшимъ. Ни Австрія, ни Пруссія не состояли изъ однѣхъ нѣмецкихъ областей. Парламентъ постановилъ, что чужеземныя провинціи не могли войти въ составъ союзнаго германскаго государства; онѣ могли быть связаны съ нѣмецкими государствами только личною уніею (27 октября). Это рѣшеніе, не удовлетворявшее австрійцевъ, раздражало пруссаковъ въ виду ихъ Познанской провинціи. Но главное и неразрѣшимое затрудненіе заключалось въ Австріи, населеніе которой только въ меньшинствѣ своемъ было нѣмецкимъ. Австрійское правительство не хотѣло расчленять Австрійскую имперію отдѣленіемъ ея нѣмецкихъ провинцій отъ венгерскихъ, славянскихъ и итальянскихъ земель. Оно

желало, чтобы въ новое государство вошли всѣ его области, и требовало, чтобы парламентъ «оставилъ неразрѣшеннымъ» вопросъ объ отношеніи Австріи къ Германіи, до тѣхъ поръ, пока Австрія не покончитъ со своимъ внутреннимъ устройствомъ, т. е. требовало, чтобы парламентъ отложилъ вопросъ о союзной конституціи до тѣхъ поръ, пока австрійскій императоръ не дастъ конституціи своимъ государствамъ. Парламенту предстояло выбрать одно изъ двухъ: или включить въ германскій союзъ австрійскую имперію во всемъ ея составѣ, что значило бы отказаться отъ союзнаго единства, и удовлетвориться настолько слабою связью, чтобы ее можно было распространить и на не-нѣмецкое населеніе;— или же создать прочно объединенное союзное государство, оставивши въ сторонѣ нѣмецкія провинціи Австріи, т. е. отказаться отъ германскаго единства.

Парламентъ и всѣ нѣмцы раздѣлились на двѣ партіи. — Партія Великой Германіи (*Grossdeutsche*) соглашалась ради сохраненія нѣмецкаго единства на присоединеніе Австріи; ею руководило традиціонное чувство, выразившееся въ знаменитой патріотической пѣснѣ Арндта: «Гдѣ отечество нѣмца?.. Повсюду, гдѣ звучитъ нѣмецкая рѣчь». Сторонники этой партіи не могли понять нѣмецкаго отечества, изъ котораго были бы исключены тирольцы и австрійцы; партія Малой Германіи (*Kleindeutsche*) мирилась съ уменьшеніемъ территоріи и исключеніемъ Австріи ради созданія настоящаго союзнаго государства.— Этотъ вопросъ о границахъ государства связывался съ вопросомъ о центральной власти. Если-бы германскій союзъ включилъ въ свой составъ Австрію, то у него не могло бы быть другого главы, кромѣ австрійскаго императора, превосходившаго всѣхъ своимъ титуломъ, своими традиціонными правами и значительностью своихъ владѣній; если же союзное государство создалось бы безъ Австріи, то главою его могъ бы быть только прусскій король. Вслѣдствіе этого партія Великой Германіи служила австрійской политикѣ; а партія Малой Германіи была прусскою партіею.

Послѣ ожесточенной борьбы, прусская партія одержала верхъ. Парламентъ, большинствомъ 261 голоса противъ 224, уполномочилъ имперское министерство войти въ дипломатическія сношенія съ Австріей, заявляя этимъ, что онъ считалъ Австрію иностраннымъ государствомъ. Оба центра подали голоса за Малую Германію; крайніе республиканцы и правая вотировали за Великую Германію (13 янв. 1849 г.).

Этимъ предрѣшался вопросъ о центральной власти. Парламентъ вотировалъ 258 голосами противъ 211 слѣдующую резолюцію: «Санъ верховнаго главы имперіи будетъ возложенъ на одного изъ царствующихъ нѣмецкихъ государей»,— и только большинствомъ девяти голосовъ постановилъ, что этотъ глава «будетъ носить титулъ *императора германцевъ*». Черезъ два мѣсяца послѣ того австрійское правительство предложило включить въ союзъ австрійскую имперію во всемъ ея составѣ,—«имперію съ 70 милліонами жителей», причемъ Австрія должна была бы пользоваться 38 голосами противъ 32 голосовъ, приходившихся на долю остальной Германіи. Нѣкоторые депутаты, возмущенные этимъ предложеніемъ, отдѣлились отъ австрійской партіи; парламентъ объявилъ имперію наслѣдственной и 290 голосами избралъ прусскаго короля германскимъ императоромъ (28 марта).

Но исполненіе парламентскихъ рѣшеній зависѣло отъ отдѣльныхъ правительствъ. Прусскій король не прочь былъ получить императорскую корону, но онъ хотѣлъ получить ее отъ «равныхъ себѣ» государей, а не отъ собранія подданныхъ. Онъ называлъ то, что̀ предлагалъ ему парламентъ, «короною изъ грязи и дерева» и выразился такъ: «Если надо будетъ возложить на кого-нибудь корону нѣмецкой націи, то ее возложатъ я и равные мнѣ». Онъ отвѣтилъ оффиціально, что можетъ принять корону только по соглашенію съ государями и по разсмотрѣнію конституціи. Парламенту приходилось выбирать между конституціей и прусскимъ королемъ; большинство рѣшило поддерживать конституцію. Король обратился къ другимъ правительствамъ за ихъ мнѣніемъ. Двадцать восемь государствъ одобрили конституцію, признали наслѣдственную имперію и сдѣланный выборъ. Четыре короля (баварскій, виртембергскій, саксонскій и ганноверскій) отвергли конституцію, не желая ставить выше себя прусскаго короля, на котораго они смотрѣли, только какъ на равнаго себѣ. Австрія открыто порвала съ парламентомъ и отозвала своихъ депутатовъ. Устрашенный этимъ, прусскій король окончательно отказался отъ императорской короны (28 апрѣля 1849 г.).

Парламентъ, покинутый Пруссіей, постановилъ привести конституцію въ исполненіе, не обращая вниманія на государей, и созвать избирателей на 15 іюля. Защитниками конституціи выступили тогда республиканцы, которые пытались заставить правительства признать ее. Въ 1848 году произошло уже два республиканскихъ возстанія въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ. Въ маѣ 1849 года вспыхнули возстанія въ Прусскомъ королевствѣ (въ Рейнской провинціи, въ Бреславлѣ и Кёнигсбергѣ), въ королевствѣ Саксонскомъ (въ Дрезденѣ), въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ и баварскомъ Пфальцѣ. Саксонскій король и великій герцогъ Баденскій бѣжали и обратились за помощью къ прусскому королю. Прусская гвардія, послѣ двухдневнаго сраженія, овладѣла Дрезденомъ. Всѣ правительства отозвали изъ Франкфурта депутатовъ; имперіалисты удалились; остались только непримиримые республиканцы.

Парламентъ, составъ котораго уменьшился до 105 членовъ, почти исключительно депутатовъ южной Германіи, перенесъ свои засѣданія въ Штутгартъ (6 іюня) и избралъ имперское регентство изъ пяти членовъ. Но у него скоро произошло столкновеніе съ вюртембергскимъ правительствомъ, которое велѣло запереть залъ и разогнать депутатовъ. Баденскіе инсургенты образовали временное правительство, которое господствовало въ герцогствѣ Баденскомъ и Пфальцѣ; къ нимъ присоединились возмутившіеся полки. Подоспѣла прусская армія, и началась правильная война. Инсургенты были побѣждены и разсѣяны; часть плѣнныхъ была разстрѣлена полевыми судами. Многіе республиканцы бѣжали въ Швейцарію, Францію и Америку. Эта репрессія оставила на долго свои слѣды: республиканская партія, очень многочисленная въ южной Германіи, была истреблена и уже никогда не могла вполнѣ оправиться. (О соціалистическихъ партіяхъ въ Германіи, въ періодъ отъ 1848 до 1850 г., см. гл. XXIV.)

Прусская унія.—Попытка національнаго собранія создать союзное германское государство кончилась неудачею; тогда прусское правительство задумало возобновить эту попытку путемъ соглашенія съ остальными правительствами. Его авторитетъ въ глазахъ нѣмецкихъ государей значительно возросъ, послѣ того какъ оно побѣдило и сокрушило революцію; оно освободилось отъ Австріи, поглощенной войнами съ Италіей и Венгріей. Оно предложило учредить временное правительство и подвергнуть пересмотру конституцію, вотированную парламентомъ, чтобы выкинуть изъ нея слишкомъ демократическія статьи. Начались переговоры на берлинской конференціи (17 мая 1849 г.), но они наткнулись на тотъ же неразрѣшимый вопросъ: какое положеніе должна занять въ новомъ государствѣ Австрійская имперія? Прусскій король предложилъ образовать союзное государство съ прусскимъ королемъ во главѣ, которое заключило бы потомъ менѣе тѣсный союзъ съ Австріей. Австрійское правительство немедленно же прекратило переговоры.

Два сѣверо-германскихъ короля, ганноверскій и саксонскій, не осмѣливаясь открыто заявить о своемъ отказѣ, заключили съ прусскимъ королемъ союзъ на одинъ годъ. Прусскій проектъ конституціи учреждалъ правительство съ двумя палатами: *палатою государствъ*, состоящею изъ 160 делегатовъ отъ правительствъ, и *народною палатою*, состоящею изъ выбранныхъ депутатовъ. 17 германскихъ государствъ примкнули къ этому договору, но два короля, Вюртембергскій и Баварскій, отказались къ нему присоединиться. Однако прусская національная партія еще сохраняла надежду на осуществленіе объединенія. 150 бывшихъ членовъ двухъ центровъ франкфуртскаго парламента съѣхались въ Готѣ, чтобы сговориться о средствахъ помочь Пруссіи, и готовы были пожертвовать конституціею, вотированною въ 1849 году.

Но прусскій король лично колебался, не рѣшаясь опереться на выборное собраніе; онъ отказался созвать парламентъ въ 1849 г. и потерялъ время въ переговорахъ съ правительствами. Австрія воспользовалась этимъ, чтобы окончить свои войны въ Италіи и Венгріи, а когда прусскій король рѣшился наконецъ созвать избирателей, короли саксонскій и ганноверскій, поддерживаемые Австріей, начали протестовать и затѣмъ вышли изъ союза.

Тогда прусскій король попытался образовать *Унію* съ мелкими государствами. Парламентъ, избранный населеніемъ этихъ государствъ (янв. 1850 г.), собрался въ мартѣ въ Эрфуртѣ; онъ состоялъ изъ сторонниковъ Уніи и вотировалъ конституцію, предложенную прусскимъ правительствомъ. Въ это же время королевства, враждебныя прусской Уніи, предложили союзъ, въ который должна была войти Австрія, съ директоріей изъ семи членовъ и парламентомъ съ равнымъ числомъ австрійскихъ, прусскихъ и германскихъ депутатовъ. Австрія согласилась на это, но Пруссія отказалась (февраль — мартъ 1850 г.).

Австрійское правительство созвало германскія государства во Франкфуртъ, для того, чтобы возстановить прежній Союзный Сеймъ; въ отвѣтъ на это прусское правительство организовало въ Берлинѣ конгрессъ государствъ, вступившихъ въ Унію. Втеченіе нѣкотораго времени германскія государства были раздѣлены на двѣ враждебныя группы: берлинскую, стоявшую на сторонѣ прусской партіи Малой Германіи, — и франкфуртскую, стоявшую на сторонѣ австрійской партіи Великой Германіи. Но одно за другимъ всѣ государства отдѣлились отъ Пруссіи и примкнули къ франкфуртской конференціи. Прусскій король, которому грозила война съ Австріей, сначала колебался, но потомъ уступилъ. Австрійское правительство потребовало формальнаго распущенія прусской Уніи. Прусскій король созвалъ своихъ союзниковъ и объявилъ конституцію Уніи уничтоженною (15 ноября 1850 г.). Шварценбергъ открыто говорилъ, что необходимо «унизить Пруссію, а затѣмъ уничтожить». (О роли Россіи и Ольмюцской конференціи см. гл. XXVI.)

Реакція въ Германіи. — Послѣ того какъ Пруссія принуждена была отказаться отъ руководящей роли, Австрія предложила германскимъ государствамъ включить въ Союзъ Австрійскую Имперію во всемъ ея составѣ. Дрезденская конференція дѣлала видъ, что обсуждаетъ этотъ проектъ; но германскіе государи не желали его осуществленія, и сама Австрія не особенно стояла за него. Кончили тѣмъ, что возстановили прежній Союзъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существо-

валъ до 1848 г., и Сеймъ, собравшійся по старому во Франкфуртѣ (май 1851 г.), поручилъ особой комиссіи выработать мѣры для укрѣпленія внутренняго мира въ Германіи. Эта «комиссія реакціи», какъ ее прозвали, предложила подвергнуть пересмотру новыя конституціи и выкинуть изъ нихъ революціонныя постановленія: всеобщее избирательное право и присягу солдатъ конституціи.

Въ революціонный періодъ 1848 г. многія правительства приняли демократическія конституціи, расширили избирательное право иногда до всеобщей подачи голосовъ, ввели судъ присяжныхъ, національную гвардію, свободу печати. Союзный Сеймъ отмѣнилъ всѣ «основныя права», вотированныя парламентомъ въ 1849 г. Затѣмъ правительства, въ каждомъ государствѣ, начали систематически возстановлять порядокъ, предшествовавшій 1848 году, подавляя въ своихъ подданныхъ всякаго рода свободныя привычки, усвоенныя ими во время революціи. Эта реакція выразилась главнымъ образомъ въ судебномъ преслѣдованіи печати, въ шпіонствѣ за чиновниками и заподозрѣнными частными лицами, въ распущеніи палатъ, правительственномъ давленіи на избирателей и палаты, придиркахъ на границѣ, паспортахъ, домашнихъ обыскахъ, упраздненіи суда присяжныхъ, учрежденіи исключительныхъ судовъ, въ доносахъ и агентахъ-подстрекателяхъ. Правительство искало союзниковъ въ протестантской и католической церквахъ, покровительствовало профессорамъ богословія и правовѣрнымъ пасторамъ, подчиняло школы духовенству.

Сеймомъ, какъ и до 1848 г., руководила Австрія. Но австрійское правительство измѣнило свое отношеніе къ Пруссіи. Новый прусскій уполномоченный, Бисмаркъ, резюмировалъ наблюденія, сдѣланныя имъ во время пребыванія во Франкфуртѣ (1851—58 г.), въ своемъ знаменитомъ мемуарѣ (*Мемуаръ о необходимости положить начало независимой прусско-германской политикѣ*, мартъ 1858 года). До 1848 г.,—говоритъ онъ,—Австрія и Пруссія дѣйствовали на Сеймѣ согласно и «ограничивали свои дѣйствія немногими и маловажными дѣлами... дѣла, въ которыхъ онѣ не были согласны между собой, не подвергались обсужденію... Съ 1851 г. совѣщанія Сейма приняли совершенно другой видъ. Шварценбергъ составилъ планъ доставить Австріи гегемонію въ Германіи тѣми средствами, которыя предоставляла ей союзная конституція». Затѣмъ Бисмаркъ объяснялъ средства, которыми Австрія могла вліять на германскихъ государей, на промышленниковъ и финансистовъ, показываетъ, какъ она обезпечивала себѣ большинство въ Сеймѣ и стремилась «расширить сферу дѣйствія находившагося въ ея рукахъ орудія», увеличивая число такихъ дѣлъ, рѣшеніе которыхъ зависѣло отъ большинства.

Такимъ образомъ возстановленный Сеймъ служилъ для Австріи орудіемъ поддержанія абсолютическаго строя противъ либераловъ и Союза противъ прусскаго правительства.

ГЛАВА XIII.

Австрійская имперія въ эпоху неограниченной монархіи.

Австрійская имперія въ 1814 г. — Система Меттерниха. — Національная оппозиція въ Венгріи. — Оппозиція славянскихъ народовъ. — Либеральная нѣмецкая оппозиція. — Революція 1848 г. — Революція въ Венгріи. — Революція въ славянскихъ земляхъ. — Междуусобная война и подавленіе революцій. — Венгерская война. — Абсолютическая реставрація 1849 г. — Конкордатъ 1855 г.

Австрійская имперія въ 1814 г. — Французская революція не произвела большихъ перемѣнъ въ Австріи. — Ея правительство вело борьбу съ Наполеономъ, не пытаясь преобразовать внутреннее устройство имперіи; оно ограничилось объявленіемъ государственнаго банкротства, понизивши въ 1811 г. цѣнность бумажныхъ денегъ. — Ея территорія не потерпѣла тѣхъ пертурбацій, которыя произошли въ другихъ германскихъ государствахъ. Австрія только получила въ обмѣнъ на свои отдаленныя провинціи (Бризгау и Бельгію) смежныя провинціи: архіепископство Зальцбургское и Венеціанскія области, т. е. Адріатическое побережье.

Послѣ разрушенія Германской имперіи (1806), императоръ принялъ новый титулъ австрійскаго императора; всѣ его владѣнія были въ первый разъ соединены подъ однимъ общимъ наименованіемъ. Но эта имперія не составляетъ націи; она остается конгломератомъ народовъ, живущихъ рядомъ подъ властью одного государя. Такимъ образомъ, для того чтобы понять исторію Австріи, необходимо имѣть представленіе о тѣхъ различныхъ народностяхъ, изъ которыхъ она состоитъ. Это—древнія націи или остатки націй, которыя до соединенія ихъ подъ общимъ владычествомъ имѣли свое отдѣльное существованіе и сохранили слѣды его, какъ въ своемъ

языкѣ, такъ и въ своихъ учрежденіяхъ. Исторически ихъ можно раздѣлить на четыре группы, не включая сюда итальянцевъ ломбардско-венеціанскаго королевства.

1) *Наслѣдственныя земли* альпійской области, группирующіяся подъ различными названіями вокругъ эрцгерцогства Австрійскаго (десять провинцій).

2) Земли *Богемской короны*, состоящія изъ трехъ старыхъ провинцій: Богеміи, Моравіи и Силезіи (округъ Троппау).

3) Польское королевство Галиціи съ прилежащею къ ней Буковиною, румынскою областью, отнятою у Молдавіи.

4) Земли *короны св. Стефана*, состоящія изъ четырехъ государствъ: Венгерскаго государства, княжества Трансильваніи, кроатскихъ королевствъ Кроаціи и Славоніи и провинціи Сербіи. (Далматское королевство, прежнее венеціанское владѣніе, принадлежитъ къ той же области и народности, какъ и кроатская группа, но административно она связана съ наслѣдственными землями.)

Но самыя эти группы были въ свою очередь только историческими формаціями и скопленіемъ различныхъ народовъ; этимъ и объясняется сложность политической жизни Австріи.

Группа наслѣдственныхъ земель была преимущественно *германскою*. Вѣна, эрцгерцогство Австрійское и сѣверныя провинціи говорятъ нѣмецкимъ языкомъ; но южная часть, Крайна, часть Штиріи и Каринтіи, Герцъ и Градиска и Истрія, занята славянскимъ населеніемъ; въ городахъ двухъ послѣднихъ провинцій и въ Тріестѣ говорятъ на итальянскомъ языкѣ.

Богемская группа была по-преимуществу славянской (*чешская*), но тамъ было много нѣмецкихъ колонистовъ, особенно въ городахъ; а сѣверо-западная часть Богеміи, прилегающая къ Германіи, была почти вполнѣ онѣмечена.

Галиційская группа была славянскою, но состояла изъ двухъ различныхъ племенъ: западъ былъ населенъ одними *поляками*, католиками; въ восточной части, отвоеванной когда-то у русскихъ, они составляли только аристократію. Масса восточнаго населенія состояла изъ *русиновъ*, прежде православныхъ, а потомъ сдѣлавшихся *уніатами* и примкнувшихъ къ католицизму, хотя сохранившихъ славянскіе обряды и женатыхъ священниковъ. Населеніе Буковины состояло изъ *румынъ*.

Группа короны св. Стефана была наиболѣе разнородной по своему населенію. — Преобладающее государство, Венгерское королевство, было *мадьярскимъ*, но съ очень многочисленными нѣмецкими колоніями, разсѣянными по равнинѣ, преимущественно въ западной части; славянское населеніе (*словаки*) почти сплошь занимало сѣверо-западную область, прилегающую къ Моравіи. — Трансильванія была населена *румынскими* православными крестьянами, находившимися въ подчиненіи у двухъ господствующихъ народовъ: *мадьяръ*, переселившихся изъ Венгріи, и *нѣмецкихъ* протестантскихъ колонистовъ (*саксонцевъ*), утвердившихся съ давнихъ поръ въ центрѣ страны. — Кроація, Славонія и Далмація имѣли славянское населеніе (*кроаты*), католическое. Но *итальянцы* преобладали тогда въ городахъ побережья, а восточная область была населена *сербскими* эмигрантами, оставшимися православными.

Языки и религіи не были тогда въ такомъ открытомъ соперничествѣ, какъ въ настоящее время; но одного ихъ различія было достаточно, чтобы сдѣлать невозможнымъ чувство солидарности между жителями имперіи и даже между сосѣдями въ одной и той же области. Правительство отказалось отъ мысли сплотить ихъ подъ одною общею администраціею. Меттернихъ отбросилъ «систему полнаго сліянія», испробованную Іосифомъ II. Корона св. Стефана сохранила свое правительство, отличное отъ монархіи; *дуализмъ* былъ основнымъ закономъ имперіи. Остальныя группы (наслѣдственныя земли, Богемія и Галиція) были подчинены непосредственно вѣнскому правительству, но съ кое-какими остатками отдѣльной администраціи.

Славяне составляли большинство населенія имперіи, но большинство подчиненное и разъединенное. Они распадались на двѣ группы, сѣверную и южную, отдѣленныя одна отъ другой нѣмцами и мадьярами Дунайской равнины, и кромѣ того раздѣлялись на шесть различныхъ національностей: чеховъ и словаковъ, поляковъ и русиновъ — на сѣверѣ; славоновъ, кроатовъ и сербовъ — на югѣ. Они находились подъ властью аристократіи и правительства, состоявшихъ изъ болѣе цивилизованнаго и лучше организованнаго меньшинства: нѣмцевъ на западѣ и мадьяръ на востокѣ.

Нѣмцамъ принадлежало преобладаніе: столица Вѣна была нѣмецкимъ городомъ; императорскій домъ и дворъ были нѣмецкими; языкомъ правительства и арміи былъ нѣмецкій. Весь этотъ порядокъ былъ созданъ семейной политикой въ тѣ времена, когда еще почти не думали о національностяхъ; зарожденіе національнаго чувства должно было сдѣлать его невозможнымъ.

Система Меттерниха.—Внутреннее управленіе сохраняло свою до-революціонную организацію. Императоръ пользовался неограниченною властью при содѣйствіи министровъ и совѣтовъ. Его главный министръ, Меттернихъ, происходившій изъ семьи владѣтельныхъ князей западной Германіи и бывшій прежде всего дипломатомъ, завѣдывалъ иностранными дѣлами; но, благодаря своему личному вліянію, онъ руководилъ также и внутреннею политикою.

Францъ I, не смотря на добродушный видъ, который придавали ему простыя манеры и вѣн-

скій говоръ, былъ весь проникнутъ своей абсолютной властью, очень суровъ при всякой попыткѣ къ сопротивленію и прежде всего—консерваторъ, консерваторъ по «равнодушію, нерѣшительности и боязни всякаго безпокойства»; такъ обрисовалъ его характеръ его дядя Іосифъ II. Онъ страшился всякой реформы, сравнивая свою имперію съ ветхимъ домомъ, который разрушился бы, если его начали поправлять. Меттернихъ, свѣтскій человѣкъ, блестящій собесѣдникъ, образованный скептикъ, улыбавшійся и привѣтливый, возвелъ въ свою систему консервативныя чувства императора. Онъ безпрестанно говорилъ о борьбѣ съ революціею, что на практикѣ сводилось къ недопущенію никакихъ перемѣнъ и устраненію всякаго контроля. Онъ боролся съ революціею въ Европѣ, поддерживая неограниченныя правительства; онъ боролся съ нею въ Австріи, охраняя старый порядокъ.

Центральное правительство, находившееся въ Вѣнѣ, было смѣсью министровъ, стоявшихъ во главѣ отдѣльныхъ вѣдомствъ, и высшихъ Совѣтовъ, представлявшихъ нѣчто вродѣ коллективныхъ министерствъ, причемъ власть однихъ изъ нихъ распространялась на всю монархію, а другихъ—на одну изъ группъ провинцій. Старый главный Совѣтъ, *Haus-Hof-Staats-Kanzlei*, вѣдалъ иностранныя дѣла, полицію и финансы, но для Богеміи и Галиціи, Австріи и Иллиріи, а равно для ломбардско-венеціанскаго королевства существовали особыя канцелярства; сохранились также особые Совѣты (*Hofstelle*) венгерскій и трансильванскій, дворцовый военный Совѣтъ, дворцовая Камера, общая контрольная Директорія. Чтобы привести въ согласіе всѣ эти отдѣльныя колеса, императоръ учредилъ въ 1814 г. «конференціи» между начальниками отдѣльныхъ вѣдомствъ и нѣкоторыми довѣренными совѣтниками; но такъ называемая *Конференція*, т. е. нѣчто вродѣ совѣта министровъ, была окончательно организована только позднѣе, при его преемникѣ. *Государственный Совѣтъ* былъ преобразованъ въ 1814 г. и низведенъ до роли совѣщательнаго учрежденія.

Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ, мѣшавшихъ одно другому и привыкшихъ къ торжественнымъ формамъ и безконечному письмоводству, дѣла производились съ медлительностью, вошедшей въ поговорку, причемъ рѣшеніе мельчайшихъ подробностей предоставлялось на усмотрѣніе императора. Весь этотъ чиновничій контроль не контролировалъ ничего. Правительство, не отдававшее никому отчета и не связанное общественнымъ мнѣніемъ, дѣйствовало тайно и произвольно. Никто не могъ имѣть яснаго понятія о положеніи бюджета. Съ 1814 г. онъ не выходилъ изъ дефицита, но этотъ дефицитъ не оглашался и покрывался остатками займовъ, дѣлавшихся для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ.

Эта администрація, основанная на бумажномъ дѣлопроизводствѣ и формализмѣ, страшилась всякаго рѣшенія. Дѣла пересылались изъ одного вѣдомства въ другое, и ни одно изъ нихъ не осмѣливалось принять какого-нибудь рѣшенія. Когда губернатору Далмаціи, Стадіону, потребовался уставъ для общинъ его провинціи, ему пришлось взять на себя отвѣтственность за приведеніе его въ дѣйствіе, и это доставило ему репутацію отчаянной головы.

Официально общество оставалось аристократическимъ. Дворяне были изъяты отъ воинской повинности и изъ вѣдѣнія обыкновенныхъ судовъ; они одни имѣли право на пріобрѣтеніе дворянскихъ имѣній и на занятіе высшихъ должностей. Они сохраняли въ своихъ помѣстьяхъ сеньеральныя права полиціи, суда и регламентированія промысловъ. Крестьяне были подчинены вотчинному правосудію, оброкамъ и натуральнымъ повинностямъ въ пользу сеньера, на земляхъ котораго жили. Провинціальная администрація дѣлилась между правительственными чиновниками и провинціальными собраніями земскихъ чиновъ, завѣдывавшими раскладкою налоговъ и рекрутскими наборами; эти провинціальныя собранія были возстановлены даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они вышли изъ употребленія. Но въ дѣйствительности эти древнія собранія не носили характера представительныхъ учрежденій и не имѣли никакой власти. За исключеніемъ Тироля, они состояли изъ одного дворянства; только немногіе города посылали туда своихъ депутатовъ: 4 богемскихъ и 1 въ Галиціи. Кромѣ того эти собранія созывались только за тѣмъ, чтобы выслушивать и одобрять предложенія налоговъ. Указъ, которымъ возстановлялось въ 1817 г. провинціальное собраніе Галиціи, рекомендовалъ «избѣгать всего, что могло бы подать имъ поводъ думать, что налоги зависятъ отъ ихъ согласія». Ихъ сессія ограничивалась однимъ торжественнымъ и безмолвнымъ засѣданіемъ, за которымъ слѣдовалъ банкетъ; часто сессія продолжалась только одинъ день.

Однако приводился примѣръ уступки, сдѣланной провинціальнымъ собраніямъ: въ 1825 г. Богемское провинціальное собраніе добилось того, что правительство, требовавшее преобразованія поземельнаго налога, удержало прежнее неравенство налога въ пользу дворянъ. Это было, какъ говорятъ, наградой князю Виндишгрецу за оскорбленіе, которое онъ стерпѣлъ на Веронскомъ конгрессѣ отъ русскаго великаго князя Константина.

Такъ какъ въ основѣ государственнаго строя лежало стремленіе помѣшать всякой агитаціи, то правительство принимало мѣры, чтобы отнять у подданныхъ всякое желаніе заниматься общественными дѣлами, говорить и даже думать о нихъ. Такова была задача цензуры и тайной полиціи.—Цензура, составлявшая отдѣленіе полиціи, распространялась не только на театральныя пьесы,

но также на газеты и книги; такъ какъ она не регулировалась никакимъ закономъ, то цензоръ являлся всемогущимъ. Книгъ политическаго содержанія не печатали вовсе. Запрещенъ былъ ввозъ всѣхъ иностранныхъ сочиненій, въ которыхъ могла встрѣтиться какая нибудь либеральная идея: сочиненій Галлама, Огюстена Тьерри, Сисмонди и даже медицинскихъ сочиненій Брусэ.—Полиція наблюдала отдѣльно за каждымъ иностранцемъ, профессоромъ, студентомъ и даже за чиновниками; она имѣла шпіоновъ въ университетскихъ аудиторіяхъ и заставляла библіотекарей сообщать списокъ книгъ, взятыхъ каждымъ профессоромъ. Всякая ассоціація строго воспрещалась. Молодые швейцарцы, большею частью учителя, основали въ 1817 г. историко-педагогическое общество, которое они вскорѣ затѣмъ закрыли. Въ 1819 г. они были арестованы, продержаны десять мѣсяцевъ въ тюрьмѣ и высланы; въ полицейскомъ донесеніи говорилось, что ихъ уставъ напоминалъ франмасонскій. Въ 1825 г. были арестованы члены юмористическаго общества, писатели, живописцы, музыканты, которые ради забавы составляли юмористическіе паспорта съ смѣшными именами.—Почта была приспособлена къ вскрытію частныхъ писемъ.—Австрійскіе подданные могли выѣхать изъ имперіи только съ паспортомъ, который рѣдко выдавался правительствомъ.

Католическая религія все еще оставалась государственною. Духовенство находилось въ тѣсной зависимости отъ правительства; Меттернихъ и императоръ придерживались іосифинизма, т. е. системы, признающей въ церковныхъ дѣлахъ главенства свѣтскаго правительства. Но для подданныхъ религія оставалась обязательной; студентовъ заставляли ходить въ церковь и причащаться; многіе изъ нихъ покупали свидѣтельство объ исповѣди у своихъ товарищей; эти свидѣтельства имѣли свой курсъ, подобно биржевымъ бумагамъ. Школы находились подъ надзоромъ духовенства. Не-католики были терпимы (съ царствованія Іосифа II), но по закону устранялись отъ общественныхъ должностей; они нуждались въ особомъ разрѣшеніи для покупки недвижимости, пріобрѣтенія правъ бюргерства, цехового мастера и университетскихъ степеней. Совокупность всѣхъ этихъ мѣръ называлась *системою Меттерниха.* Слово «система» мало соотвѣтствуетъ этому режиму патріархальнаго деспотизма, не отличавшагося суровостью, и такого же небрежнаго, какъ вѣнскіе чиновники, примѣнявшіе его; это было скорѣе стремленіе, нежели система.

Правительство запрещало своимъ подданнымъ всякую общественную мысль, но оно охотно позволяло имъ веселиться. Вѣна пріобрѣла репутацію столицы удовольствій.

Національная оппозиція въ Венгріи.—Отъ *дуализма*, признаннаго Маріей-Терезіей, уцѣлѣла конституція Венгерскаго королевства. Императоръ остался *королемъ* для Венгріи и былъ принужденъ сохранять конституцію. Такъ какъ Іосифъ II вызвалъ возстаніе, пожелавъ ее измѣнить, то въ 1791 г. она была возстановлена; Францъ публично восхвалялъ ее. Въ 1820 г., пріѣхавши въ Буда-Пештъ, чтобы присутствовать на военныхъ маневрахъ, онъ произнесъ рѣчь на латинскомъ языкѣ, официальномъ языкѣ венгерскаго правительства. «*Totus mundus stultisat et relictis antiquis suis legibus, constitutiones imaginarias quaerit. Vos constitutionem a majoribus acceptam illaesam habetis; amatis illam et ego illam amo et conservabo et ad heredes transmittam*».

Но, заявляя о своей любви къ этой традиціонной конституціи, императоръ вовсе не торопился примѣнить ее. Навязанная королямъ еще въ средніе вѣка мадьярскою аристократіей, венгерская конституція устанавливала центральное собраніе, Сеймъ, который долженъ былъ управлять королевствомъ совмѣстно съ королемъ, и 55 провинціальныхъ собраній, по одному въ каждомъ комитатѣ. Эта организація походила на англійскіе парламентъ и собранія въ графствахъ.

Сеймъ долженъ былъ собираться по крайней мѣрѣ каждые три года; но правительство съ 1812 г. перестало созывать его. Въ отсутствіе Сейма, борьбу съ абсолютнымъ правительствомъ вели *комитаты*, отстаивая конституцію. Въ 1815 г. правительство обратилось непосредственно къ нимъ съ приказаніемъ собрать налоги и произвести наборъ; комитаты постановили, что они могутъ дѣйствовать только послѣ вотума Сейма, и запретили чиновникамъ производить сборъ налоговъ и наборъ рекрутовъ. Императоръ кассировалъ эти постановленія, какъ посятательство на его королевскія права. На этотъ разъ *комитаты* уступили. Но послѣ 1820 г., когда правительство приказало произвести наборъ и уплатить налоги звонкою монетою (вмѣсто ассигнацій), комитаты снова отвѣтили отказомъ и потребовали созыва Сейма. Правительство послало своихъ чиновниковъ, чтобы разложить поземельный налогъ, и солдатъ для его взиманія. Чиновники комитатовъ оказали только пассивное сопротивленіе: они перестали отправлять свои обязанности; но королевскіе комиссары, не найдя ни протоколовъ, ни печатей, ни ключей отъ архивовъ, не могли собрать налоговъ за неимѣніемъ необходимыхъ свѣдѣній. Императоръ долженъ былъ уступить. Подъ предлогомъ коронованія своей жены въ Венгріи, онъ созвалъ въ 1825 г. Сеймъ въ Пресбургѣ.

Послѣ 1830 г. въ Венгріи началась политическая агитація, и какъ въ Сеймѣ, такъ и въ *комитатахъ* появились партіи, требовавшія реформъ. Это движеніе было одновременно національнымъ и либеральнымъ. Сеймъ, собранный

въ 1832 г., потребовалъ болѣе національнаго правительства: болѣе частаго пребыванія императора-короля въ Венгріи, перенесенія засѣданій Сейма изъ нѣмецкаго пограничнаго города Пресбурга въ Буда-Пештъ, — мадьярскую столицу, находящуюся въ центрѣ страны, — и замѣны офиціальнаго латинскаго языка мадьярскимъ. Относительно этой національной политики всѣ мадьяры были единодушны; но по вопросу о либеральныхъ реформахъ они раздѣлились. Образовалась либеральная партія, предлагавшая измѣненіе конституціи и преобразованіе общественнаго строя, и консервативная, желавшая сохранить старый порядокъ съ исключительно мадьярскимъ правительствомъ.

Венгерское общество сохранило свою средневѣковую организацію; оно дѣлилось на два неравноправныхъ класса: дворянъ, освобожденныхъ отъ всякихъ налоговъ и не несшихъ никакой военной службы, кромѣ всеобщаго ополченія (*insurrectio*), и крестьянъ, арендаторовъ дворянской земли, обремененныхъ оброками и повинностями въ пользу помѣщика; единственныхъ плательщиковъ налоговъ и поставщиковъ рекрутъ для арміи, и лишенныхъ всѣхъ политическихъ правъ: этими правами обладали одни дворяне, но дворянъ было много, и большинство изъ нихъ жило въ деревняхъ въ такой же бѣдности и въ такомъ же невѣжествѣ, какъ и крестьяне.

Мѣстное управленіе находилось въ рукахъ дворянства. Въ извѣстные сроки всѣ дворяне каждаго комитата съѣзжались на конгрессъ (*congregatio*) и производили *reparatio*, т. е. избирали чиновниковъ, судей, администраторовъ и завѣдующихъ налогами. Это были бурныя собранія съ банкетами, попойками, драками между сторонниками различныхъ конкурентовъ; для законности выборовъ требовалось единогласіе: избранныхъ торжественно носили на рукахъ.

Сеймъ королевства раздѣлялся на два стола: *столъ магнатовъ*, состоявшій изъ лицъ, засѣдавшихъ въ силу наслѣдственнаго права, и *столъ чиновъ*, состоявшій изъ выбранныхъ депутатовъ, 110 дворянъ (по 2 отъ каждаго комитата), только двухъ депутатовъ отъ всѣхъ городовъ и делегатовъ отъ сейма кроатскаго королевства.

Эта организація напоминала англійскія палаты лордовъ и депутатовъ отъ графствъ; но она функціонировала безпорядочно. Въ одной и той же залѣ засѣдали въ перемежку депутаты отъ комитатовъ и городовъ, делегаты отъ кроатскаго сейма, протонотаріусы, представители каѳедральныхъ капитуловъ и монастырей, замѣстители отсутствовавшихъ магнатовъ, не считая зрителей и даже дамъ; одни не имѣли вовсе голоса, депутаты отъ комитатовъ имѣли иногда только одинъ голосъ на двоихъ. Правильнаго голосованія не производилось; руководствовались старымъ средневѣковымъ правиломъ: *Vota non numerantur sed ponderantur*. Не было даже вообще настоящаго голосованія, такъ какъ депутаты, будучи связаны инструкціями, составленными ихъ избирателями, могли постановлять только неокончательныя рѣшенія.

Сеймъ не былъ настоящимъ парламентомъ и не имѣлъ дѣла съ настоящимъ центральнымъ министерствомъ. Политика опредѣлялась съ одной стороны въ Вѣнѣ, вліяніемъ двора, а съ другой—въ собраніяхъ комитатовъ, гдѣ господствовали предразсудки деревенскаго дворянства. Либеральная партія хотѣла одновременно реформировать общество, уничтоживши натуральныя повинности, оброки и неравенство налоговъ, и установить настоящій представительный образъ правленія, распространивъ избирательное право на служащихъ, учителей, адвокатовъ, нотаріусовъ, медиковъ, духовенство, купцовъ и промышленниковъ, предоставивши при этомъ каждому депутату цѣлый голосъ.

Сеймъ, на которомъ былъ поставленъ вопросъ объ этихъ реформахъ, тянулся сорокъ мѣсяцевъ (1832—36 г.) и имѣлъ 470 засѣданій. Либералы изложили свои требованія и добивались свободы печати, но магнаты въ союзѣ съ правительствомъ отвергли почти всѣ предложенныя реформы. Была однако принята одна мѣра, на которую смотрѣли, какъ на важный прецедентъ: проѣздъ по висячему мосту, строившемуся въ Пештѣ, черезъ Дунай долженъ былъ оплачиваться извѣстной пошлиной; и вотъ было рѣшено, чтобы дворяне платили ее наравнѣ съ недворянами; это было сочтено за первое посягательство на привилегію дворянства не платить никакихъ налоговъ.

Въ то же время въ Трансильваніи мадьяры вели агитацію съ цѣлью добиться присоединенія Трансильваніи къ Венгріи. Земскіе чины, созванные тамъ въ 1834 г. (въ первый разъ послѣ 1809 г.), боролись противъ правительства; отказались признать членовъ *gubernium*'а, какъ не бывшихъ избранными, составили собраніе безъ нихъ, объявили себя отвѣтственными передъ своими избирателями и стали литографировать протоколы своихъ засѣданій, не смотря на запрещеніе обнародывать ихъ. Правительство распустило ихъ и учредило военное управленіе.

Съ этого времени политическая жизнь пробудилась въ Венгріи. Одинъ молодой адвокатъ, секретарь депутата, Кошутъ, основалъ первую политическую мадьярскую газету. Онъ былъ арестованъ, продержанъ два года въ предварительномъ заключеніи, потомъ осужденъ, но помилованъ. Его репутація была составлена; онъ сдѣлался однимъ изъ вождей оппозиціи. Онъ требовалъ, чтобы Сеймъ, избранный на три года, засѣдалъ ежегодно въ Пештѣ и чтобы были уничтожены сеньеральныя права. Сеймъ созывался

въ 1839 г. и затѣмъ, созванный въ 1842 г., продолжался до 1844 г. Магнаты еще разъ отвергли реформы, а комитаты дали своимъ делегатамъ инструкціи поддерживать привилегію дворянства не платить налоговъ.

Правительство уступило по крайней мѣрѣ въ одномъ: въ вопросѣ объ языкѣ. Мадьярскій языкъ былъ принятъ въ законодательствѣ въ 1836 г., въ администраціи — въ 1840 г., въ правительственныхъ актахъ и въ школахъ — въ 1844 г. По вопросу о реформахъ либеральная партія раздѣлилась. Кошутъ, сдѣлавшійся очень популярнымъ ораторомъ, обладавшій звучнымъ и сильнымъ голосомъ и живой жестикуляціей, образовалъ провинціальную и демократическую партію, предлагавшую уничтожить привилегіи и создать мадьярское правительство, не уменьшая власти собраній комитатовъ. Либералы-централисты считали необходимымъ уменьшить вліяніе комитатовъ, защищавшихъ привилегіи, и увеличить власть Сейма. Ихъ программа 1847 г., составленная Деакомъ, требовала реформы налоговъ и вотированія ихъ Сеймомъ. «Мы находимъ несправедливымъ, — говорилось въ ней,—чтобы интересы Венгріи были подчинены интересамъ наслѣдственныхъ земель, и никогда не потерпимъ, чтобы нашими правами жертвовали ради единства администраціи, подъ которою слишкомъ охотно понимаютъ единство монархіи».

Оппозиція славянскихъ народовъ.—Въ славянскихъ областяхъ, хуже организованныхъ, чѣмъ венгерскія, національная оппозиція была слабѣе и менѣе сосредоточена. Она проявлялась отдѣльно у трехъ народовъ: поляковъ, чеховъ и кроатовъ.

1) Центръ польскаго движенія находится внѣ имперіи, въ Краковѣ, обращенномъ въ 1815 г. въ аристократическую республику. Тамъ составлялись заговоры съ цѣлью возстановленія прежней Польши. Въ 1831 г. австрійское правительство заняло Краковъ войсками, но потомъ очистило его. Эти заговоры имѣли въ виду не столько австрійскую Галицію, сколько прусскую и русскую Польшу.

2) Чешское движеніе исходило изъ Праги и носило преимущественно либеральный характеръ. Послѣ разгрома чешской націи въ 1620 г., нѣмецкій языкъ сдѣлался въ Богеміи не только правительственнымъ, но и университетскимъ, и языкомъ всего образованнаго общества, единственнымъ научнымъ и литературнымъ; чешскій же считался провинціальнымъ нарѣчіемъ, годнымъ для крестьянъ и неучей. Въ 1819 г. чешскіе патріоты открыли въ одномъ монастырѣ (въ Кенигингофѣ) рукопись національныхъ чешскихъ пѣсенъ конца XIII вѣка (въ настоящее время ихъ признаютъ подложными). Съ тѣхъ поръ небольшая группа чешскихъ литераторовъ и ученыхъ стремилась пробудить въ чехахъ національное самолюбіе, напоминая имъ, что у нихъ была когда-то своя литература, и что они составляли великую націю. Они основали чешскіе журналы и общества, а историкъ-патріотъ Палацкій написалъ исторію Богеміи.

Это чешское движеніе, въ противоположность другимъ національнымъ движеніямъ въ Австріи, не осталось исключительно мѣстнымъ. Чешскіе патріоты интересовались въ особенности вопросами языка. Они были поражены многочисленностью народовъ, говорящихъ на славянскихъ языкахъ, и стали смотрѣть на славянъ, какъ на высшую расу, наиболѣе многочисленную и наилучше одаренную,—на расу, которая сдѣлалась бы господствующею, еслибы сплотилась и сознала свою силу. Они хотѣли видѣть ее объединенной въ одно государство. Чехи, какъ наиболѣе цивилизованные, руководили этимъ движеніемъ въ пользу сближенія всѣхъ братьевъ славянъ. Такъ возникъ *панславизмъ*. Это была довольно смутная идея; стараясь придать ей болѣе опредѣленный смыслъ, чехи думали опереться на русскую имперію, какъ на единственную славянскую націю, организованную въ независимое государство. Литературная оппозиція обратилась во вражду къ нѣмецкой расѣ и къ австрійскому правительству. Эта вражда проявлялась главнымъ образомъ въ протестахъ противъ нѣмецкихъ чиновниковъ въ Богеміи и употребленія нѣмецкаго языка въ административныхъ учрежденіяхъ и школахъ; за неимѣніемъ способовъ дѣйствія, она не повела ни къ одной практической реформѣ.

3) У южныхъ славянъ оппозиціею руководилъ единственный славянскій народъ, сохранившій слѣды національной организаціи,—кроаты. Движеніе имѣло своимъ центромъ Аграмъ и было одновременно литературнымъ и политическимъ. Патріоты начали изучать кроатскія древности и стремились создать кроатскую литературу. Гай основалъ въ 1836 году *Національную Иллирійскую газету*. Кроаты, такъ же какъ и чехи, хотѣли стать во главѣ славянскаго движенія; они мечтали о сліяніи всѣхъ южныхъ славянъ, говорившихъ на кроатскомъ языкѣ, въ одно *Иллирійское* королевство, составленное изъ Кроаціи, Славоніи и Далмаціи. Кроація уже имѣла свою національную администрацію, своего губернатора (кроатскаго *бана*) и свои провинціальные штаты, собиравшіеся въ Аграмѣ и посылавшіе делегатовъ на венгерскій Сеймъ. Но она была подчинена одновременно двумъ правительствамъ: венгерскому и имперскому. Такимъ образомъ кроатская національная партія натолкнулась одновременно на сопротивленіе австрійскаго правительства и на національное мадьярское движеніе. Венгерскій Сеймъ принялъ въ 1843 г. вмѣсто латинскаго языка мадьярскій; кроатскіе депутаты захотѣли говорить по прежнему по-латынѣ; но лишь только какой-нибудь

кроатъ произносилъ общепринятую до тѣхъ поръ формулу «*Excellentissime domine*», какъ общій крикъ заглушалъ его голосъ. Мадьяры одержали побѣду; австрійское правительство признало единственнымъ языкомъ Сейма мадьярскій и признало измѣнить названіе *Иллирійской газеты* на *Кроато-славоно-далматскую*. Въ отвѣтъ на это (1845 г.) кроаты объявили свой языкъ единственнымъ языкомъ провинціальныхъ аграмскихъ штатовъ и отняли право участія въ нихъ у тюрополей—крестьянъ изъ венгерскихъ дворянъ, переселившихся въ Кроацію.

Либеральная нѣмецкая оппозиція.—Въ нѣмецкихъ провинціяхъ, гдѣ правительство было тоже нѣмецкимъ, оппозиція была не національною, а только либеральною. Дворянство, буржуазія и студенты желали конституціоннаго образа правленія съ свободою печати. Мысль объ этомъ явилась у нихъ подъ вліяніемъ иностранныхъ газетъ и книгъ, преимущественно французскихъ и южно-германскихъ. Этого рода сочиненія были запрещены и должны были перехватываться на границѣ. Но правительственный надзоръ ослабѣлъ. Францу I, умершему въ 1835 г., наслѣдовалъ его сынъ Фердинандъ, слабоумный, неспособный заниматься дѣлами. Съ годами Меттерних становился все болѣе и болѣе глухимъ и безпечнымъ. Абсолютическій механизмъ функціонировалъ плохо, за отсутствіемъ руководителя. Всѣ запрещенія оставались въ силѣ, но правительственные агенты стали болѣе терпимыми и допускали то, что они должны были запрещать. Начальникъ пражской полиціи, получивъ распоряженіе не разрѣшать баловъ во время великаго и рождественскаго постовъ, повертывался спиною къ танцующимъ, чтобы не видѣть ихъ. Полиція позволяла печатать и распространять памфлеты противъ господствовавшаго порядка и продавать запрещенныя книги. Книгопродавцы продавали запрещенныя газеты, обвертывая въ нихъ церковные служебники или поваренныя книги.

То же самое происходило въ торговыхъ дѣлахъ. Таможенныя пошлины оставались почти запретительными; но таможенные чиновники пропускали иностранные товары въ видѣ контрабанды. До 1844 г. таможенные доходы были ничтожны до смѣшного; по офиціальнымъ даннымъ въ каждые три года въ Австрію ввозилось только одно шелковое платье.

Народное образованіе было закрыто для всей новѣйшей науки. Въ гимназіяхъ, которыми завѣдывало духовенство, обучали только немного латыни; въ университетахъ читались почти только однѣ юридическія науки. Но многіе австрійцы пріобрѣтали контрабаднымъ путемъ новѣйшее образованіе, несистематическое, не полное и поверхностное, слѣды котораго замѣтны даже на современномъ поколѣніи. Австрійская оппозиція, зародившаяся подъ вліяніемъ иностранныхъ идей, была подражаніемъ французской и германской либеральной оппозиціи.

Революція 1848 г.—У правительства были противники двоякаго рода: либералы, обвинявшіе его въ произволѣ, и національныя партіи, раздраженныя тѣмъ, что имъ навязывали чужеземную администрацію и чужеземный языкъ. Всѣ эти недовольные элементы воспользовались повсемѣстнымъ движеніемъ 1848 г., чтобы, такъ же какъ въ Германіи, произвести либеральную и національную революцію. Но въ то время какъ въ Германіи національная революція состояла въ соединеніи небольшихъ государствъ въ одну великую націю, въ Австріи она стремилась расчленить большое государство на мелкія національности.

Первое отдѣльное возстаніе вспыхнуло въ Галиціи еще въ 1846 г. Польскіе дворяне сдѣлали попытку возстановить независимую Польшу. Правительство даже не взяло на себя труда бороться съ ними; оно направило на нихъ ихъ собственныхъ крестьянъ, русиновъ. Крестьяне захватывали польскихъ заговорщиковъ и представляли ихъ австрійскимъ властямъ. Правительство воспользовалось этимъ случаемъ, чтобы занять войсками краковскую республику, и, съ согласія Пруссіи и Россіи (1847 г.), присоединила ее къ Галиціи. Такъ исчезло послѣднее независимое польское государство.

Общее движеніе началось въ мартѣ 1848 г. одновременно въ двухъ господствующихъ націяхъ—нѣмецкой и венгерской, и почти немедленно же затѣмъ въ славянскихъ земляхъ.

Въ Австріи и одного извѣстія о французской революціи было достаточно, чтобы дезорганизовать правительство. Устрашенная эрцгерцогиня Софія потребовала отставки непопулярнаго Меттерниха; всѣ эрцгерцоги и министры поддержали ее. Вѣнскіе либералы начали устраивать манифестаціи. За отсутствіемъ какой бы то ни было политической корпораціи, которая могла бы передать ихъ желанія правительству, инициативу брали на себя всякаго рода группы: книгопродавцы, промышленное общество, юридическій и политическій клубъ, студенты. Подавались петиціи съ требованіемъ свободы преподаванія, религіи, слова, печати, гласности бюджета, періодическаго представительства. Цензура и полиція перестали функціонировать. Конференція министровъ, объятая страхомъ, объявила о своей готовности созвать делегатовъ отъ провинціальныхъ собраній для переговоровъ съ правительственною комиссіею.

Революція произошла внезапно вслѣдъ за простою манифестаціею; деморализованное правительство не защищалось. Въ Вѣну только что съѣхались штаты нижне-австрійской провинціи. 14 марта студенты собрались во дворѣ передъ залой засѣданія штатовъ. Одинъ молодой

докторъ, еврей, взобрался на крышу колодца и закричалъ: «Да здравствуетъ свобода!». Члены штатовъ пытались переговариваться со студентами черезъ окна, а потомъ допустили къ себѣ делегацію изъ двѣнадцати человѣкъ. Тогда распространился слухъ, что приближаются солдаты, и толпа ворвалась въ залу. Члены штатовъ пошли въ императорскій дворецъ передать о заявленныхъ требованіяхъ; въ то время какъ они находились тамъ, солдаты сдѣлали залпъ. Раздались крики: «Долой Меттерниха! Долой военныхъ!». Меттернихъ смѣялся надъ этимъ мятежемъ; это, говорилъ онъ, дѣло нѣсколькихъ евреевъ, поляковъ и французовъ. Но другіе члены конференціи были испуганы и, желая успокоить толпу, заставили Меттерниха подать въ отставку.

Революція была совершена студентами и вѣнскою буржуазіею; въ ихъ руки и перешла власть. Они вооружились и образовали *Академическій Легіонъ* и національную гвардію; эти послѣдніе организовали въ маѣ «Центральный Комитетъ для защиты правъ народа», который управлялъ Вѣною. Императорское правительство не смѣло ни въ чемъ отказывать; оно объявило печать свободною, созвало депутатовъ (15 марта) и обнародовало конституцію, составленную по образцу бельгійской (25 апрѣля). Послѣ этого оно попыталось распустить Центральный Комитетъ; но толпа заставила его созвать Учредительное Собраніе, избранное всеобщею подачею голосовъ (15 мая). Затѣмъ императоръ бѣжалъ съ семьею въ Тироль. Министры остались въ Вѣнѣ безъ войскъ (войска были отправлены въ Италію); они захотѣли распустить Академическій Легіонъ; студенты и рабочіе построили баррикады; образовалась «комиссія гражданъ» для поддержанія порядка и правъ народа. Устрашенные министры согласились сохранить легіонъ и поручить комиссіи городскую полицію; «комиссія гражданъ» превратилась въ «комиссію безопасности». Затѣмъ эрцгерцогъ Іоаннъ, посланный въ Вѣну, чтобы замѣстить императора, составилъ новое министерство, въ которомъ большинство принадлежало либераламъ.

Учредительное Собраніе, избранное всеобщею подачею голосовъ и состоявшее изъ депутатовъ отъ всей имперіи, за исключеніемъ Венгріи, собралось въ Вѣнѣ 22 іюля. Въ немъ было 92 депутата изъ крестьянъ. Рѣчи произносились на нѣсколькихъ языкахъ, и надо было переводить проекты, подлежавшіе вотированію. Нѣмцы образовали лѣвую, чехи—правую. Одинъ крестьянинъ предложилъ объявить уничтоженными всѣ сеньеральныя права. Послѣ преній, длившихся мѣсяцъ (обсуждались 73 поправки и 159 вопросовъ), Учредительное Собраніе единогласно вотировало отмѣну сеньеральныхъ повинностей, оброковъ и судовъ и уничтожило всякое различіе между дворянскими и недворянскими землями. Это было главный результатъ революціи 1848 г.

Революція въ Венгріи.—Въ Венгріи еще 3 марта Сеймъ, послѣ рѣчи Кошута, послалъ императору адресъ съ требованіемъ конституціи; вскорѣ затѣмъ образовались клубы и Комитетъ Безопасности, съ которыми Сеймъ не въ силахъ былъ бороться. Онъ сталъ вотировать реформы, требовавшіяся либеральною партіею: свободу печати, равномѣрное распредѣленіе налоговъ, отмѣну сеньеральныхъ правъ. Вѣнское правительство, не имѣя никакой возможности бороться, согласилось на всѣ требованія мадьяровъ: сначала—на образованіе венгерскаго министерства, которое было составлено изъ вождей трехъ партій, консервативной, либеральной и демократической (22 марта); затѣмъ—на перенесеніе Сейма изъ Пресбурга въ Пештъ; на ежегодныя сессіи Сейма, на отмѣну цензуры. Наконецъ, оно разрѣшило венгерскому палатину осуществлять всѣ королевскія права. Венгерское министерство перебралось въ Пештъ 26 іюня; венгерское Учредительное Собраніе, избранное на основаніи новаго избирательнаго закона, собралось тамъ 2 іюля; съ этой минуты венгерское правительство поступало какъ верховная власть, независимая отъ остальной имперіи. Оно запретило офицерамъ получать приказанія изъ Вѣны, создало венгерскую армію съ національнымъ знаменемъ, выпустило венгерскія ассигнаціи и сдѣлало венгерскій заемъ; оно послало венгерскихъ дипломатовъ къ иностраннымъ державамъ и объявило, что не будетъ помогать Австріи въ войнѣ противъ германскаго единства (3 августа).

Революція въ славянскихъ земляхъ.—Въ славянскихъ земляхъ произошло четыре независимыхъ національныхъ движенія.

Въ Галиціи небольшое польское возстаніе въ Краковѣ (26 апрѣля) было подавлено бомбардированіемъ города.

Въ Богеміи чешскіе патріоты Праги начали съ того, что обратились съ адресомъ къ императору, требуя равенства чеховъ съ нѣмцами и сліянія провинціальныхъ собраній трехъ старыхъ коронныхъ провинцій (Богеміи, Моравіи и Силезіи). Они добились созванія учредительныхъ провинціальныхъ штатовъ (8 апрѣля) и образовали національный комитетъ для подготовленія выборовъ въ штаты. Агитація росла; чешская національная гвардія отдѣлилась отъ нѣмецкой и образовала славянскую милицію; начали носить старый національный костюмъ; на улицахъ происходили драки съ нѣмцами. Затѣмъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ Вѣнскомъ министерствѣ преобладаютъ революціонеры, патріоты убѣдили богемскаго губернатора составить временное правительство изъ вождей чешской партіи (30 мая). Чтобы начать осуществленіе идеи *панславизма*, чехи созвали въ

Прагѣ общій конгрессъ всѣхъ славянъ. Палацкій открылъ его 2 іюня; на немъ присутствовало 340 членовъ и изъ нихъ 237 чеховъ. Славяне чужихъ земель, русскій Бакунинъ, полякъ Лѣбельтъ, сербъ Захъ, произносили на различныхъ языкахъ хвалебныя рѣчи въ честь славянской расы; члены конгресса съ трудомъ понимали другъ друга. Конгрессъ былъ распущенъ правительствомъ, въ то время какъ онъ готовилъ манифестъ ко всѣмъ народамъ Европы.

У южныхъ славянъ національное движеніе обратилось противъ мадьяръ. Кроаты потребовали сначала у императора назначенія кроатскимъ *баномъ* (губернаторомъ) кроатскаго полковника Іеллачича и добились этого. Венгерское правительство отрѣшило его отъ должности. Въ отвѣтъ на это Іеллачичъ, исполняя желаніе кроатскихъ патріотовъ, созвалъ въ Аграмъ штаты тройственнаго королевства (кроато-славоно-далматскаго); но далматы послали своихъ депутатовъ въ Вѣну, а славоны—въ Пештъ. Кроатскіе депутаты съѣхались одни; они потребовали образованія южно-славянскаго королевства съ отдѣльнымъ министерствомъ. Недовольное правительство приказало Іеллачичу явиться въ Инсбрукъ къ императору оправдать свое поведеніе. Въ Инсбрукѣ Іеллачичъ снова пріобрѣлъ довѣріе правительства, обратившись къ южнымъ славянамъ, сражавшимся въ итальянской арміи, съ манифестомъ, приглашавшимъ ихъ вѣрно служить императору. Съ этого времени правительство перестало поддерживать мадьяръ противъ кроатовъ.

Сербы возстали противъ венгерскаго правительства. Въ маѣ ихъ религіозный вождь, митрополитъ, созвалъ въ Карловицѣ собраніе, которое постановило учредить національное правительство и соединиться съ кроатами. Затѣмъ они образовали національный комитетъ, начали войну и отразили венгерцевъ.

Даже румынскіе крестьяне, при полномъ отсутствіи у нихъ политической жизни, заволновались въ Трансильваніи противъ ихъ мадьярскихъ и нѣмецкихъ господъ, собрали огромную сходку (говорятъ до 40,000 человѣкъ) и потребовали равноправности со всѣми остальными націями. Противъ этого движенія румынскихъ крестьянъ нѣмцы дѣйствовали сообща съ мадьярами, и провинціальные штаты вотировали *присоединеніе* Трансильваніи къ Венгріи (30 мая).

Въ то же самое время возстали итальянскія провинціи Австрійской имперіи и присоединились къ Сардинскому королевству (См. гл. XI).

Междоусобная война и подавленіе революціи.—Австрійское правительство, плохо освѣдомленное и неспособное къ твердому и быстрому рѣшенію, потеряло голову: оно отдало власть въ руки либеральныхъ и національныхъ партій, не имѣя понятія о ихъ слабости. Когда же оно начало наконецъ знакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, то стало снова овладѣвать властью силою. Оно стало пользоваться арміею, враждебною революціонерамъ, и славянскими націями, враждебными нѣмцамъ и мадьярамъ. Подавленіемъ революціи руководили два генерала, Радецкій, главнокомандующій итальянскою арміею, и князь Виндишгрецъ, начальникъ всѣхъ остальныхъ австрійскихъ войскъ. Центральное правительство предоставляло имъ нѣчто вродѣ диктатуры для отобранія провинцій у мѣстныхъ революціонныхъ правительствъ; революціонеры сопротивлялись съ оружіемъ въ рукахъ, и революція закончилась рядомъ гражданскихъ войнъ. Правительство воспользовалось случаемъ для подавленія либеральныхъ и національныхъ партій и возстановленія абсолютизма. Славяне помогали ему изъ ненависти къ господствующимъ націямъ, нѣмцамъ и мадьярамъ, составлявшимъ революціонныя партіи.

Завоеваніе началось съ Богеміи. Чехи ненавидѣли главнокомандующаго богемскою арміею, Виндишгреца, какъ аристократа и абсолютиста; народное собраніе послало въ Вѣну требованіе объ его отставкѣ; затѣмъ пражская чешская милиція устроила манифестаціи передъ его домомъ; стали стрѣлять въ его окна и убили его жену (12 іюня). Началось сраженіе на улицахъ Праги. Виндишгрецъ, сначала удалившійся по требованію вѣнскаго правительства, вернулся потомъ, велѣлъ бомбардировать городъ и подавилъ чешское возстаніе (17 іюня). Панславистскій конгрессъ разсѣялся, провинціальные штаты болѣе не собирались. Богемія была подчинена военному управленію. Побѣдитель революціи, Виндишгрецъ, сталъ довѣреннымъ человѣкомъ при дворѣ; его тайно назначили главнокомандующимъ всѣхъ войскъ имперіи.

Въ Италіи Радецкій, послѣ побѣды надъ сардинской арміей, снова завоевалъ Ломбардію (іюль 1848 г.).

Правительство почувствовало себя достаточно сильнымъ, чтобы порвать съ венгерскими революціонерами. Оно отобрало у палатина его полномочія, отказалось утвердить законы о займѣ и объ арміи, вотированные Сеймомъ, приказало прекратить враждебныя дѣйствія противъ Сербіи и объявило, что уступки, сдѣланныя венгерцамъ, получатъ силу только послѣ согласія всѣхъ остальныхъ земель имперіи. Въ манифестѣ отъ 10 іюня императоръ клялся защищать цѣлость венгерской короны. Національная мадьярская партія потребовала исполненія этой клятвы, и Сеймъ отправилъ делегацію изъ ста своихъ членовъ просить императора перенести свою резиденцію въ Пештъ. Но австрійское правительство рѣшилось употребить противъ мадьяръ славянъ. Іеллачичъ, возстановленный въ своемъ санѣ, двинулся на Пештъ съ 40,000 кроатовъ. Палатинъ встрѣтилъ Іеллачича на берегу Платтен-

ского озера и предложилъ ему свиданіе на своемъ пароходѣ. Іеллачичъ отказался, говоря, что «паровая машина, противъ желанія князя, могла оказаться сильнѣе его слова». Палатинъ сложилъ съ себя полномочія (24 сентября) и покинулъ Венгрію. Въ то-же время въ Пештѣ взяла верхъ демократическая партія, и Сеймъ назначилъ комитетъ для защиты страны (22 сентября). Кошутъ, одинъ изъ шести членовъ этого комитета, сдѣлался настоящимъ главою венгерскаго правительства.

Вѣнское правительство стало открыто противъ мадьяръ, запретило венгерской арміи атаковать Іеллачича и послало австрійскаго генерала Ламберта принять начальство надъ всѣми венгерскими войсками; это назначеніе не было скрѣплено подписью ни одного венгерскаго министра, что, согласно новой конституціи, дѣлало его недѣйствительнымъ. Пештскій Сеймъ объявилъ, что Ламбертъ будетъ виновнымъ въ государственной измѣнѣ, если приметъ это незаконное назначеніе. Ламбертъ пріѣхалъ въ Пештъ требовать подписи у президента министерства, не нашелъ его, былъ захваченъ толпою и убитъ (28 сентября). Іеллачичъ, отступая, потерялъ 10,000 человѣкъ, которые были окружены и взяты въ плѣнъ мадьярскою арміею.

Произошелъ открытый разрывъ. Вѣнское правительство назначило намѣстникомъ венгерскаго короля; врагъ мадьяръ, Іеллачичъ, объявилъ Венгрію на военномъ положеніи, а Сеймъ распущеннымъ (3 октября). Затѣмъ правительство приказало вѣнскимъ войскамъ двинуться въ Венгрію.

Война противъ Венгріи повела къ гражданской войнѣ въ нѣмецкихъ земляхъ. Въ Учредительномъ Собраніи уже произошло столкновеніе между нѣмецкими и славянскими депутатами, составлявшими большинство; это было столкновеніемъ между министерствомъ и демократическою партіею. Комиссія безопасности объявила о своемъ распущеніи (3 августа); но агитація продолжалась на улицахъ и въ клубахъ; образовался центральный комитетъ демократическихъ обществъ. Недовѣріе вѣнскихъ либераловъ къ мадьярской аристократіи разсѣялось, когда въ Венгріи стали господствовать Кошутъ и демократы; нѣмцы и мадьяры, бывшіе до тѣхъ поръ противниками, соединились противъ своихъ общихъ враговъ, правительства и славянъ.

Вѣнскій полкъ, получившій приказаніе выступить противъ венгерцевъ, отказался повиноваться; военный министръ Латуръ выслалъ противъ него славянскій полицейскій полкъ; произошло сраженіе между солдатами; рабочіе предмѣстій стали на сторону возмутившихся, которые оказались побѣдителями. Толпа ворвалась въ домъ Латура, гдѣ были собраны министры, убила его и повѣсила его трупъ (6-го октября). Императоръ бѣжалъ ночью въ славянскія земли, въ Ольмюцъ въ Моравіи; оттуда онъ издалъ императорскій манифестъ, призывавшій къ оружію австрійскіе народы для борьбы съ революціей.

Тогда началась одновременно война противъ вѣнскихъ нѣмецкихъ демократовъ и противъ мадьяръ. Вѣнская кампанія была непродолжительна. Іеллачичъ подошелъ съ востока съ своей кроатской арміей, а Виндишгрецъ—съ сѣвера съ богемской (26 октября); демократическія общества, оставшіяся единственною властью, попытались защищать Вѣну при помощи подвижной гвардіи; но 30 октября, по совѣту главнокомандующаго, муниципальный совѣтъ рѣшилъ вступить въ переговоры о капитуляціи. Въ это время на помощь Вѣнѣ подошла венгерская армія и атаковала Іеллачича въ виду города; защитники Вѣны возобновили военныя дѣйствія. Но венгерцы были отбиты; Виндишгрецъ велѣлъ стрѣлять въ городъ и вошелъ въ него съ оружіемъ въ рукахъ. Онъ объявилъ Вѣну въ осадномъ положеніи. Военные суды велѣли разстрѣлять вождей демократовъ и съ ними Блюма, одного изъ германскихъ депутатовъ, присланныхъ франкфуртскимъ парламентомъ поздравить либераловъ. Въ Вѣнѣ стало господствовать правленіе военнаго террора и доносовъ.

Австрійское Учредительное Собраніе было перенесено въ славянскія земли, въ Кремницъ, возлѣ Ольмюца, и вновь открыто 22 ноября; правительство вернуло себѣ неограниченную власть; новое министерство, во главѣ котораго былъ князь Шварценбергъ, свѣтскій человѣкъ и консерваторъ, занимало собраніе обсужденіемъ общихъ принциповъ конституціи, никогда не подвергавшейся вотированію.

Венгерская война.—Война въ Венгріи тянулась гораздо дольше. Венгерцы составляли организованную націю; это была настоящая война между двумя правительствами и двумя арміями.

Австрійское правительство кассировало всѣ постановленія Сейма, объявило Кошута съ его сообщниками виновными въ государственной измѣнѣ и передало Виндишгрецу власть надъ всею Венгріей (ноябрь); чувствуя себя связаннымъ клятвою императора соблюдать венгерскую конституцію, оно освободилось отъ нея слѣдующимъ способомъ: клятва считалась данною лично Фердинандомъ; его заставили отречься отъ престола (2 декабря), на который вступилъ его племянникъ Францъ-Іосифъ. Новый императоръ, не давшій никакой клятвы, считалъ себя вправѣ нарушить конституцію. Въ декабрѣ 1848 года его арміи вторглись въ Венгрію черезъ Галицію, Моравію, Дунай и Штирію. Не чувствуя себя въ безопасности въ Пештѣ, Сеймъ и комитетъ обороны удалились въ Дебречинъ,

за болота Тиссы (4 января 1849 г.). Венгерскія арміи послѣ двухмѣсячныхъ маневрированій, подъ общимъ начальствомъ поляка Дембинскаго, были отброшены за рѣку Тиссу.

Венгерцамъ помогла слѣдующая диверсія: полякъ Бэмъ, одинъ изъ защитниковъ Вѣны, собралъ армію въ Трансильваніи и отвоевалъ ее у румынской милиціи. Сербы, недовольные конституціей 4 марта 1849 г., перестали воевать противъ Венгріи.

Тогда венгерская армія, доведенная до 50,000 человѣкъ, перешла въ наступленіе, переправилась черезъ Тиссу, отбросила армію Виндишгреца и освободила почти всю Венгрію. Сеймъ, увлеченный Кошутомъ, провозгласилъ отложеніе Венгріи отъ австрійской монархіи; затѣмъ объявилъ Венгрію республикой и избралъ Кошута ея президентомъ.

Не будучи въ силахъ усмирить венгерцевъ съ помощью австрійскихъ славянъ, императоръ обратился къ славянамъ другихъ странъ. Онъ потребовалъ у русскаго императора помощи «противъ обще-европейской революціонной партіи». Николай I, изъ ненависти къ революціи, далъ свое согласіе, и покореніе Венгріи было возложено на русскую армію. Паскевичъ перешелъ Карпаты съ 80,000 человѣкъ (14 іюня). Венгерскія арміи отступили къ Араду; главный ея корпусъ (23,000 человѣкъ) предпочелъ скорѣе сдаться русскимъ, чѣмъ австрійцамъ, и капитулировалъ въ Вилагосѣ (31 августа). Кошутъ и всѣ, кому удалось бѣжать, укрылись въ Турціи. Репрессія была кровавой. Военные суды вѣшали офицеровъ и разстрѣляли президента министровъ. Многіе патріоты были заключены въ тюрьмы, сданы солдатами въ австрійскую армію или подверглись изгнанію.

Абсолютическая реставрація 1849 г.—Революція 1848 г. была демократической, конституціонной и національной. Побѣдившее правительство возстановило неограниченный и централистическій образъ правленія.

Въ Австріи Учредительное Собраніе, перенесенное въ Кремницъ, раздѣлилось на двѣ группы: либеральную нѣмецкую лѣвую и министерскую чешскую правую. Оно готовилось обсуждать проектъ либеральной конституціи, внесенной комиссіей 2 марта; но всѣ прежнія власти, дворъ, дворянство, офицера и духовенство, потребовали, чтобы министерство положило конецъ тому, что они называли «игрою въ парламентъ». Министерство неожиданно внесло проектъ конституціи, жалуемой императоромъ, которую даже правая нашла слишкомъ консервативной (6 марта). На другой день депутаты нашли залу засѣданій занятою войсками, а на улицахъ — императорскій манифестъ, объявлявшій Собраніе распущеннымъ «за то, что оно стало въ противорѣчіе съ истинными условіями монархіи». Затѣмъ была обнародована общая для всей имперіи жалованная конституція, помѣченная 4 мартомъ. Она объявляла всѣ народности монархіи равноправными и установляла представительный образъ правленія съ сеймомъ, состоящимъ изъ депутатовъ отъ всѣхъ провинцій и отвѣтственными министрами. Эта конституція 4 марта 1849 г. никогда не примѣнялась; императорскій декретъ отъ 31 декабря 1851 г. отмѣнилъ ее во имя «единства имперіи и монархическаго принципа».

Въ Венгріи правительство объявило, что послѣ своего возстанія венгерская нація потеряла права на старую конституцію и должна быть подчинена общей конституціи 4 марта 1849 г. Въ дѣйствительности же оно не соблюдало ни той, ни другой, а установило неограниченный и централизованный образъ правленія. Всѣ придаточныя части королевства, Трансильванія, Кроація, сербская область, были отдѣлены отъ него и подчинены особой администраціи; само королевство было разбито на пять губернаторствъ. Сеймъ и собранія комитатовъ были уничтожены. Венгрія управлялась чиновниками, присланными изъ Вѣны, нѣмцами и зачастую чехами.

Реакція 1849 г. не была простымъ возвращеніемъ къ государственному строю, предшествовавшему 1848 г.: часть стараго порядка, разрушеннаго революціей, уже не могла быть возстановлена; часть-же была преобразована съ цѣлью болѣе успѣшнаго сопротивленія революціоннымъ движеніямъ.

Разрушеннымъ остался аристократическій строй. Сеньеральныя права, неравенство въ налогахъ и дворянская провинціальная администрація не были возстановлены. Когда обсуждался вопросъ о реорганизаціи правительства, Виндишгрецъ писалъ: «Монархія не можетъ существовать безъ дворянства; искать другихъ элементовъ для поддержки монархическаго принципа было бы иллюзіей».—Шварценбергъ отвѣчалъ ему: «Никто не сознаетъ лучше меня, до какой степени было бы желательно дать преобладаніе аристократическому элементу въ новой формѣ нашего государства. Но такъ какъ формы могутъ получать силу и жизнь только отъ личностей, то я не вижу ни одного шанса на осуществленіе этого желанія. Я не знаю въ нашемъ классѣ даже дюжины людей, настолько обладающихъ политическимъ пониманіемъ и необходимыми свѣдѣніями, чтобы имъ можно было довѣрить значительную часть власти, не опасаясь, что они очень скоро утратятъ ее... Необходимо бороться съ демократіей... но на это способно одно правительство; такой слабый союзникъ, какимъ къ несчастью оказывается наша аристократія, болѣе вредитъ дѣлу, нежели служитъ ему». За негодностью аристократіи власть была передана чиновникамъ.

Патріархальный и небрежный деспотизмъ временъ Меттерниха не предусмотрѣлъ революціи

и не могъ помѣшать ей. Реставрированное правительство начало проводить принципы абсолютизма систематически. Министры сосредоточили въ своихъ рукахъ всю власть и управляли непосредственно. Законы, вотированные представительными собраніями 1848 г., были отмѣнены, исключительныя мѣры, принятыя правительствомъ во время гражданской войны, остались въ силѣ; Австрія втеченіе десяти лѣтъ была подчинена «временному правленію».

Всѣ національности принимали участіе въ революціи, и правительство систематически подавляло ихъ. Императорскій манифестъ извѣщалъ о намѣреніи правительства «соединить въ одно большое государственное тѣло всѣ земли и народы монархіи». Вмѣсто прежняго дуализма хотѣли создать централистическое военное управленіе; всѣ королевства, а въ особенности Венгрія, должны были обратиться въ провинціи, подчиненныя однообразной администраціи. Такъ какъ центромъ была нѣмецкая Вѣна, то централизація повела къ тому, что нѣмецкій языкъ сдѣлался общеимперскимъ, а администрація была передана въ руки нѣмецкихъ чиновниковъ. Чехи, бывшіе союзники правительства въ подавленіи революціи, также получили свою долю власти.

Конкордатъ 1855 г.—Когда умеръ Шварценбергъ (1852 г.), главнымъ министромъ сдѣлался баронъ Бахъ, бывшій либералъ 1848 г., обратившійся въ абсолютиста. Онъ опирался на враговъ революціи: офицерство и духовенство.

До 1848 г. Австрія, въ церковныхъ дѣлахъ, держалась системы іосифинизма: со временъ Іосифа II церковь оставалась подчиненной государству; епископы назначались правительствомъ и подлежали надзору наравнѣ съ чиновниками. Дворъ отличался благочестіемъ, но набожность не служила средствомъ возвыситься для служащихъ и офицеровъ. Бахъ увидѣлъ въ духовенствѣ естественнаго союзника противъ либеральной и національной революціи. Соборъ всѣхъ тридцати пяти австрійскихъ епископовъ, съѣхавшихся въ Вѣну, объявилъ политическую свободу «нечестіемъ», а національныя стремленія—остаткомъ язычества, такъ какъ различіе языковъ восходило до вавилонскаго столпотворенія.

Абсолютическое правительство заключило союзъ съ духовенствомъ. Оно возвратило католицизму привилегированное положеніе государственной церкви и признало за епископомъ офиціальную власть надъ вѣрующими. Чтобы закрѣпить этотъ порядокъ, правительство подписало съ папой конкордатъ 1855 г. Это былъ офиціальный разрывъ съ системой Іосифа II.

Прежняя организація церкви была основана на правѣ государства самостоятельно регулировать свои отношенія къ церкви путемъ свѣтскаго законодательства; конкордатъ установлялъ противоположный принципъ: «Римско-католическая апостолическая религія будетъ всегда пользоваться во всей имперіи тѣми правами и преимуществами, которыя принадлежатъ ей какъ божественному учрежденію, согласно каноническому праву» (ст. 1). Это значило признать за церковью право установлять свои отношенія къ государству согласно церковному праву; такимъ образомъ роли перемѣнились.

Правительство признало за епископами не только право сноситься непосредственно съ св. престоломъ и обнародывать постановленія церковной власти безъ разрѣшенія государства, но также и право наблюдать за школами *), цензуровать книги **), рѣшать брачныя дѣла и прибѣгать къ свѣтской власти для примѣненія дисциплинарныхъ взысканій, налагаемыхъ церковью. Въ видѣ «уступки духу времени» папа согласился признать гражданскую и уголовную подсудность духовенства свѣтскимъ судамъ; но служители церкви должны были всегда отбывать свои наказанія «въ помѣщеніяхъ, отдѣльныхъ отъ мірянъ». Церковь получила право пріобрѣтать имѣнія въ собственность, и эта собственность была объявлена неприкосновенною.

Послѣ совѣщанія епископовъ съ делегатами отъ правительства (1856 г.) были приняты мѣры, давшія епископамъ полную власть надъ подчиненнымъ имъ духовенствомъ, вѣрующими, школами и церковными имуществами.

Такъ былъ завершенъ централизованный, абсолютическій и подчиненный церковной власти государственный порядокъ, длившійся до 1859 г. Втеченіе десяти лѣтъ въ Австріи остановилась всякая политическая жизнь. Финансы были попрежнему въ безпорядкѣ. Съ 1847 по 1857 г. государственной долгъ увеличился на милліардъ флориновъ и достигъ уже 2 милліардовъ 400 милліоновъ. Несмотря на увеличеніе налоговъ, ежегодный дефицитъ возрасталъ; въ 1859 г. онъ дошелъ до 280 милліоновъ флориновъ.

---

*) «Все обученіе католическаго юношества во всѣхъ школахъ, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, будетъ вестись согласно католическому вѣроученію. Епископы, въ силу права, связаннаго съ ихъ саномъ, будутъ руководить воспитаніемъ юношества во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, общественныхъ и частныхъ, и наблюдать, чтобы ни въ одной отрасли преподаванія не было ничего противнаго католической религіи и нравственности».

**) Епископы «будутъ свободно пользоваться своимъ правомъ подчинять цензурѣ книги, опасныя для религіи и нравственности, и будутъ отклонять вѣрующихъ отъ чтенія ихъ, но правительство должно будетъ принимать необходимыя мѣры, чтобы препятствовать печатанію подобныхъ книгъ».

ГЛАВА XIV.

Прусское королевство до Вильгельма I.

Преобразованіе въ Пруссіи во время наполеоновскихъ войнъ. — Условія политической жизни. — Преобразованія, носившія абсолютистскій характеръ.—Учрежденіе провинціальныхъ штатовъ. — Конецъ царствованія Фридриха-Вильгельма III. — Попытки Фридриха-Вильгельма IV. — Соединенный ландтагъ. — Революція 1848 г. — Національное собраніе. — Конституція 1850 г. — Реакція (1850—59 г.). — Политика Пруссіи въ общегерманскихъ дѣлахъ.—Таможенный союзъ.

Хотя почти все прусское королевство входило въ составъ Германскаго Союза, но политическое развитіе Пруссіи было настолько своеобразно, что должно быть изучено отдѣльно отъ исторіи остальныхъ германскихъ государствъ; Пруссія играла настолько важную роль, что ея исторія нуждается въ особомъ изложеніи.

Преобразованія въ Пруссіи во время наполеоновскихъ войнъ.—Пруссія не испытала, подобно остальной Германіи, владычества или вліянія французовъ. Побѣжденная, расчлененная, обязанная уплатить военную контрибуцію и занятая наполеоновскими войсками, она все-таки осталась независимымъ государствомъ. Король Фридрихъ-Вильгельмъ III отказался примкнуть къ Рейнскому Союзу и сохранилъ неприкосновенной свою независимость. Однако его государство было сильно потрясено этимъ кризисомъ. Чтобы бороться съ Наполеономъ, онъ самъ преобразовалъ весь внутренній строй государства.

Прусское государство, какимъ оно вышло изъ рукъ своихъ основателей (Фридриха-Вильгельма I и Фридриха II), было военною, аристократическою и бюрократическою неограниченною монархіею, управляемою *коллегіями*, представлявшими нѣчто вродѣ коллективныхъ министерствъ, и чиновниками, безъ всякаго контроля со стороны подданныхъ. Общество офиціально признавалось раздѣленнымъ на три класса: дворянство, бюргерство и крестьянъ; Прусское Земское Уложеніе—*Landrecht*, изданное въ 1794 г., санкціонировало это раздѣленіе. Дворянству были предоставлены правительственныя должности и офицерскіе чины въ арміи. Крестьяне были подчинены власти помѣщиковъ-землевладѣльцевъ; всякій помѣщикъ пользовался правомъ вотчинной полиціи и вотчиннаго суда надъ жителями своихъ владѣній.

Пораженіе 1806 г., основательно или неосновательно приписывавшееся этому государственному строю, заставило короля рѣшиться испробовать другую систему. Новаторами, предложившими ему это, были не прусскіе подданные; это были нѣмцы, выходцы изъ провинцій, подчиненныхъ французамъ: два ганноверца (Шарнгорстъ и Гарденбергъ) и имперскій баронъ Штейнъ; старые прусскіе чиновники смотрѣли на нихъ съ недовѣріемъ и даже считали ихъ якобинцами. Самъ король позволилъ имъ дѣйствовать только послѣ долгихъ колебаній, съ разными ограниченіями и возвращеніями вспять (Штейнъ былъ уволенъ въ январѣ 1807 г., снова призванъ въ октябрѣ 1807 г. и окончательно уволенъ въ ноябрѣ 1808 г.; Гарденбергъ получилъ власть только въ іюнѣ 1810 г.). Кромѣ преобразованія арміи, всѣ остальныя реформы, встрѣчавшія сопротивленіе со стороны дворянъ и чиновниковъ, остались неполными; но ихъ было достаточно, чтобы положить въ Пруссіи конецъ старымъ порядкамъ.

Эти новаторы*), хотя ихъ считали въ Пруссіи революціонерами, дѣйствовали во имя совсѣмъ иныхъ принциповъ, нежели дѣятели французской революціи. Во Франціи начали съ провозглашенія суверенитета народа и декларація правъ гражданина; тамъ хотѣли установить порядокъ, при которомъ всѣ французы были бы свободны и равны, потому что они имѣли на это *право*. Въ Пруссіи король сохранилъ за собою всю верховную власть и произвелъ реформы отъ своего собственнаго имени, путемъ королевскихъ указовъ, призывая подданныхъ только къ исполненію ихъ *долга;* дѣло шло не объ улучшеніи положенія подданныхъ, а о томъ, чтобы потребовать отъ нихъ новыхъ жертвъ для возстановленія государства, потрясеннаго французскимъ нашествіемъ. Однако оба эти движенія, исходившія изъ противоположныхъ принциповъ, обращались къ одному и тому же чувству—преданности отечеству, и на практикѣ привели къ аналогичнымъ реформамъ. Чтобы подданные могли удовлетворять нуждамъ государства, король рѣшился устранить препятствія, связывавшія ихъ трудъ, даровавъ имъ свободу и равенство передъ закономъ; чтобы заинтересовать ихъ въ общественной жизни, онъ долженъ былъ привлечь ихъ къ участію въ ней. Это была, по выраженію Гарденберга, «революція въ хорошемъ смыслѣ этого слова», пришедшая сверху, «монархическая ночь 4 августа», «монархическое правительство, основанное на демократическихъ началахъ».

Центральное управленіе, до тѣхъ поръ находившееся въ вѣдѣніи коллегіальныхъ директорій, было реорганизовано (въ 1810 г.) по ан-

*) Я не касаюсь вопроса о томъ, у кого Штейнъ и Гарденбергъ заимствовали свои *идеи;* почти не подлежитъ сомнѣнію, что у Гарденберга не было ни одной оригинальной мысли.

глійскому и французскому образцу. Были учреждены пять министровъ, изъ которыхъ каждый стоялъ во главѣ особаго вѣдомства (внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, иностранныхъ дѣлъ, военныхъ дѣлъ, юстиціи), и *государственный канцлеръ*, первый министръ и президентъ совѣта. Канцлеръ, министры и нѣкоторые военно-начальники составляли *кабинетъ* и должны были обсуждать государственныя дѣла; постановленія кабинета не связывали свободы рѣшеній короля.

Подданные, до тѣхъ поръ отстраняемые отъ государственныхъ дѣлъ, были призваны къ участію, если не въ государственномъ управленіи, то по крайней мѣрѣ въ мѣстной администраціи. Въ каждомъ городѣ былъ учрежденъ (1808 г.) совѣтъ «городскихъ депутатовъ», *избранныхъ* всѣми жителями, обладавшими недвижимымъ имуществомъ или небольшимъ доходомъ, и исполнительный комитетъ *(Magistrat)*, нѣкоторые изъ членовъ котораго избирались на продолжительный срокъ и получали жалованье. Этотъ совѣтъ имѣлъ право составлять городской бюджетъ и взимать налоги; правительственный надзоръ ограничивался здѣсь провѣркою счетовъ и утвержденіемъ постановленій. Въ тѣ времена исключительнаго господства чиновниковъ эти права самоуправленія, дарованныя городамъ Пруссіи, заставили называть ихъ «маленькими республиками».

Штейнъ предлагалъ преобразовать также и провинціальную администрацію, призвавши къ участію въ ней выборныхъ представителей; но ему не удалось склонить къ этому короля. «Палата военныхъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ», въ которой сосредоточивалась административная власть каждаго округа, была замѣнена правильнѣе организованнымъ управленіемъ *(Regierung)*, состоявшимъ изъ двухъ отдѣленій, административнаго и хозяйственнаго, по-прежнему составленнымъ исключительно изъ чиновниковъ, безъ участія представителей отъ населенія.

Гарденбергъ, продолжавшій эту реформу, ограничился простымъ подражаніемъ французскимъ учрежденіямъ. Онъ создалъ (1812 г.) «жандармерію», высшій персоналъ которой долженъ былъ помогать административнымъ чиновникамъ. Реформа «окружной администраціи» была обнародована (1812 г.), но не приведена въ исполненіе.

Гарденбергъ заимствовалъ изъ Франціи также и свои податныя реформы. Онъ ввелъ патентный сборъ и личный налогъ, секуляризировалъ церковныя имущества, продалъ часть государственныхъ земель и обложилъ налогомъ предметы роскоши (лошадей, экипажи, лакеевъ).

Самымъ кореннымъ преобразованіемъ была отмѣна офиціальнаго дѣленія общества на классы. Основаніе этой реформы было положено указомъ 1807 г., разрѣшавшимъ каждому дворянину заниматься какой ему было угодно бюргерской профессіей, а каждому бюргеру или крестьянину выйти изъ своего сословія *(Stand)*. Послѣдствіемъ этого была свобода труда и мѣстожительства, обѣщанныя въ 1808 г. «Никто не долженъ быть стѣсняемъ въ пользованіи своею собственностью, своими гражданскими правами и своею свободою болѣе, чѣмъ это необходимо для *общаго блага государства*; законодательство и администрація не имѣютъ другой цѣли, кромѣ устраненія всѣхъ препятствій свободному развитію способностей и силъ гражданъ».

Свобода промышленности была установлена податною мѣрою: введеніемъ новаго налога на промыслы были упразднены всѣ исключительныя права цеховъ и городовъ; всякій, уплатившій налогъ, имѣлъ право заниматься всякимъ ремесломъ и въ любомъ мѣстѣ (1810 г.).

Освобожденіе крестьянъ, болѣе сложная мѣра, было обѣщано и начато, но осталось незаконченнымъ. Въ Пруссіи было два разряда крестьянъ—государственные и помѣщичьи; и тѣ, и другіе были только арендаторами земли и въ принципѣ крѣпостными, т. е. прикрѣпленными къ землѣ, которую они не могли покинуть, будучи обязаны исполнять домашнія работы въ пользу землевладѣльца. Фактически, государственные крестьяне почти повсюду уже съ конца XVIII столѣтія обратились въ настоящихъ наслѣдственныхъ обладателей земли и были освобождены отъ крѣпостной зависимости. Помѣщичьи крестьяне остались въ ихъ прежнемъ положеніи, прикрѣпленными къ землѣ и связанными, по отношенію къ помѣщику, натуральными повинностями и дворовою службою. Король не рѣшался ихъ освободить изъ боязни нарушить право собственности дворянъ. Это освобожденіе состоялось подъ вліяніемъ французской администраціи новаго великаго герцогства Варшавскаго, которая, освободивши польскихъ крестьянъ, заставила Пруссію освободить своихъ. Прусское правительство думало сначала освободить только крестьянъ провинцій, сосѣднихъ съ Польшею; но король, по совѣту Штейна, распространилъ эту мѣру на все королевство. Онъ упразднилъ «наслѣдственное крѣпостное право» *(Erbunterthänigkeit)* и объявилъ свободными всѣхъ подданныхъ (1807 г.). Но крестьяне остались подчиненными вотчинной полиціи и исправительному суду помѣщика; уставъ о домашней прислугѣ 1810 г. разрѣшалъ господину подвергать своихъ дворовыхъ «легкому тѣлесному наказанію». Послѣ освобожденія крестьянъ необходимо было опредѣлить ихъ положеніе. На государственныхъ земляхъ крестьяне сдѣлались собственниками, но были обязаны вносить ежегодные выкупные платежи. *Принципъ* новаго устройства помѣщичьихъ крестьянъ былъ установленъ положеніемъ 1811 года и былъ невыгоденъ для нихъ: онъ обязывалъ ихъ выкупать свою свободу уступкой части земли помѣщику.

Въ этотъ періодъ только наполовину осуществленныхъ реформъ вполнѣ закончено было одно

преобразованіе арміи. Оно было совершено «комиссіей военной реорганизаціи», подъ предсѣдательствомъ Шарнгорста, сына солдата, сдѣлавшагося генераломъ. Онъ настоялъ на официальномъ признаніи принципа всеобщей воинской повинности: «Всѣ жители государства—его прирожденные защитники». Всѣ мужчины, способные носить оружіе, должны были быть солдатами. Такъ какъ трактатъ съ Наполеономъ ограничивалъ численность прусской арміи 42,000 человѣкъ, то пришлось сдѣлать эту небольшую армію военною школою, гдѣ рекруты оставались только на время, необходимое для ихъ обученія, и затѣмъ уступали мѣсто другимъ. Такимъ образомъ въ военную практику вошла краткосрочная служба; старые профессіональные солдаты были замѣнены молодыми людьми, отбывавшими срокъ службы до своего вступленія въ жизнь и готовыми снова войти въ армію въ случаѣ войны; только одни кадры попрежнему состояли изъ военныхъ по профессіи. Это была народная милиція, введенныя въ кадры постоянной арміи. Эта реформа не была заимствована у Франціи; это не было подражаніемъ ни революціоннымъ реквизиціямъ, ни наполеоновскимъ конскрипціямъ. Идея и самое назнаніе *Landwehr*, защита страны, были взяты у среднихъ вѣковъ. Но примѣненіе этой идеи привело къ демократической революціи. Вмѣсто того, чтобы освобождать образованныхъ молодыхъ людей изъ дворянства и буржуазіи отъ военной службы или позволять имъ замѣщать себя—согласно общераспространенному обычаю того времени,—въ Пруссіи было придано большое значеніе привлеченію ихъ къ отбыванію воинской повинности съ цѣлью поднять нравственный уровень арміи (большинство изъ нихъ поступало въ качествѣ вольноопредѣляющихся или юнкеровъ); такъ какъ не рѣшались примѣнять къ нимъ старые дисциплинарные уставы XVIII вѣка, то были отмѣнены розги и кулачные удары (которые продолжали допускаться въ австрійской и русской арміяхъ). Было объявлено, что офицерскіе чины могли получаться только послѣ экзамена. Фактически дворяне продолжали пользоваться предпочтеніемъ, но отъ нихъ требовалось извѣстное образованіе, которое удостовѣрялось экзаменомъ.

Условія политической жизни.—По окончаніи «войны за освобожденіе» начался новый рядъ реформъ. Послѣ территоріальныхъ измѣненій 1807 г., Прусское королевство свелось къ четыремъ провинціямъ (Бранденбургу, Силезіи, Помераніи, Пруссіи); вѣнскій конгрессъ присоединилъ къ нему четыре другихъ (Вестфалію, Рейнскую провинцію, Саксонію, Познань) и дополнилъ Померанію. Прусскіе государственные люди предпочли бы присоединеніе Саксонскаго королевства, непосредственно примыкавшаго въ Пруссіи (см. гл. I). Въ томъ видѣ, какой былъ данъ Прусскому королевству рѣшеніями конгресса, оно попрежнему состояло изъ разнородныхъ частей, не образовавшихъ даже сплошной территоріи; оно состояло изъ двухъ группъ: на востокѣ—изъ стараго королевства, увеличеннаго Познанью и Саксонскою провинціею, которая была расчленена и перерѣзана чрезполосными владѣніями; на западѣ—изъ Рейнскихъ провинцій и Вестфаліи. Эти двѣ группы не только были раздѣлены всѣмъ пространствомъ Ганновера, но отличались по своему общественному строю и административнымъ учрежденіямъ.

Востокъ оставался аристократическимъ и земледѣльческимъ; вся страна дѣлилась на крупныя дворянскія помѣстья, которыхъ насчитывалось до 15,000, и на мелкія общины (около 25,000), состоявшія каждая изъ бѣдной крестьянской деревушки съ населеніемъ, едва доходившимъ въ среднемъ до 200 душъ въ самыхъ восточныхъ провинціяхъ. За исключеніемъ городовъ, жители которыхъ пользовались самоуправленіемъ, страна еще была подчинена дворянству, имѣвшему официальную власть надъ крестьянами, свою полицію, право налагать легкія взысканія и право патроната надъ церквями.

Западъ во время господства французовъ и подъ ихъ вліяніемъ сдѣлался демократическимъ; всѣ юридическія привилегіи исчезли; въ Рейнской провинціи даже почти не осталось дворянъ, и общественное вліяніе находилось тамъ такъ-же, какъ во Франціи, въ рукахъ богатой буржуазіи, промышленниковъ, коммерсантовъ, собственниковъ и адвокатовъ. Мѣстное управленіе тоже было французское: никакого административнаго различія между городами и деревнями; общины (ихъ было около 4,500) были гораздо крупнѣе восточныхъ, болѣе способны удовлетворять своимъ нуждамъ, каждая имѣла своего мэра (*Bürgermeister*), назначавшагося правительствомъ изъ мѣстныхъ нотаблей. Въ Рейнской провинціи, кромѣ того, было введено французское право, наполеоновскій гражданскій кодексъ, гласное судопроизводство и судъ присяжныхъ въ уголовныхъ дѣлахъ.

Это расчлененное и разнородное королевство имѣло менѣе 12 милліоновъ жителей и территорію, не обладавшую естественными богатствами (за исключеніемъ западной части). Чтобы держаться въ ряду великихъ державъ, необходимы были постоянныя усилія и строгая экономія.

Дѣло преобразованія, остановившееся втеченіе войнъ (отъ 1812 по 1815 г.), возобновилось только послѣ Ватерло. Реформы, предпринятыя въ критическій періодъ, были временными, неполными и ограничивались одною старою Пруссіей. Теперь предстояло рѣшить, какія изъ нихъ должны быть сохранены, какъ ихъ надлежало дополнить, и слѣдовало ли ихъ распространить на вновь присоединенныя провинціи. Рѣшеніе зависѣло отъ короля, а слѣдовательно

отъ того вліянія на него, которое оказалось бы преобладающимъ.

Такъ какъ въ Пруссіи не было ни представительства, ни политической печати, то вся политическая жизнь сосредоточивалась во Дворѣ и въ высшихъ чиновникахъ, окружавшихъ короля. Но среди лицъ, окружавшихъ короля, не было единодушія. Партія стараго порядка стремилась къ отмѣнѣ реформъ, которыя она называла революціонными; одни изъ ея членовъ хотѣли возстановленія безконтрольной власти чиновниковъ, другіе—власти дворянъ въ деревняхъ. Въ открытой враждѣ съ этой абсолютистской и аристократической группою находилась группа сторонниковъ реформъ; но она сама была раздѣлена, такъ какъ одни изъ нихъ добивались конституціоннаго образа правленія, какъ его понимали тори, или же какимъ оно было во Франціи при Людовикѣ XVIII (Гумбольдтъ, Шёнъ, Винке); другіе (Штейнъ, Нибуръ, Гнейзенау) хотѣли правленія, основаннаго на исторически выработанныхъ правахъ. Состарившійся Гарденбергъ колебался.

Король, подчинявшійся всѣмъ этимъ вліяніямъ, переходилъ отъ одной партіи къ другой; онъ принималъ противорѣчивыя рѣшенія, соглашался на компромиссы, а чаще всего передавалъ дѣла изъ одной комиссіи въ другую, не будучи въ состояніи придти къ опредѣленному рѣшенію. Вслѣдствіе этого преобразовательная работа подвигалась съ крайнею медленностью. Указъ о городскомъ управленіи былъ обнародованъ въ 1831 г., уставъ о свободѣ труда—въ 1845 г., положеніе о выкупѣ крестьянъ не было окончено въ 1850 г., реформа поземельнаго обложенія была доведена до конца только въ 1861 г.; мѣстная администрація округовъ и сельскихъ общинъ была организована только въ 1872 и 1891 г.; пересмотръ стараго Земскаго Уложенія (*Landrecht*), порученный комиссіи, которая работала еще въ 1847 г., вовсе не былъ оконченъ. Самое главное было сдѣлано между 1815 и 1823 гг.; но исторія этихъ преобразованій настолько сложна, что я могу здѣсь изложить только одни результаты.

Преобразованія, носившія абсолютистскій характеръ (1814—23 гг.)—Центромъ правительства осталось новое учрежденіе — *министерство*, состоявшее изъ министровъ, завѣдывавшихъ каждый особою отраслью управленія и собиравшихся вмѣстѣ для обсужденія общихъ мѣръ и отчета, дававшагося каждымъ по своему вѣдомству. На ряду съ министерствомъ сохранился *Государственный Совѣтъ*, совѣщательное учрежденіе, состоявшее изъ королевскихъ принцевъ, министровъ и высшихъ сановниковъ. Согласно указу 1817 г., онъ долженъ былъ высказывать свое мнѣніе о всѣхъ законопроектахъ и распоряженіяхъ, а также въ случаяхъ столкновенія между министрами и по всѣмъ вопросамъ, переданнымъ королемъ на его обсужденіе. Повидимому онъ долженъ былъ сдѣлаться большимъ правительственнымъ совѣтомъ, но съ 1827 г. король почти пересталъ обращаться къ нему. Послѣ смерти Гарденберга (1822 г.) не было больше канцлеровъ. На практикѣ, министры, чиновники по профессіи, довѣренные люди короля, назначавшіеся имъ по своему усмотрѣнію, работали совмѣстно съ нимъ и подготовляли его рѣшенія. Это было правительство королевскаго кабинета.

Въ административномъ отношеніи королевство было раздѣлено на десять провинцій, вскорѣ сведенныхъ къ восьми; во главѣ каждой стоялъ оберъ-президентъ, нѣчто вродѣ гражданскаго губернатора. Слѣдующимъ административнымъ дѣленіемъ являлись 25 округовъ (*Bezirke*), въ каждомъ изъ которыхъ было коллегіальное окружное правленіе (*Regierung*). Послѣднее дѣленіе составляли прежніе уѣзды (*Kreis*); ихъ насчитывалось болѣе 300 (въ 1865 г.—336). Въ каждомъ былъ *ландратъ*, чиновникъ, получавшій жалованье и обязанный сдать экзаменъ, но назначавшійся изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ по списку, составленному уѣздными собраніями (*Kreistag*). Административная реформа, обѣщанная въ 1815 г. и откладывавшаяся вслѣдствіе столкновенія между дворянствомъ и чиновниками, была закончена въ 1825 г. и свелась къ тому, что уѣздныя собранія получили значеніе чисто совѣщательныхъ совѣтовъ и могли представлять кандидатовъ на постъ ландрата; они остались аристократическими, состояли изъ 10,000 землевладѣльцевъ-дворянъ и только 979 городскихъ депутатовъ и 975 крестьянскихъ. Общины не были преобразованы; каждая провинція сохранила свое особое общинное управленіе.

Положеніе 1810 г. о выкупѣ сеньеральныхъ правъ въ восточныхъ провинціяхъ было истолковано и измѣнено въ *декларації* 1816 г. въ смыслѣ, еще болѣе неблагопріятномъ для крестьянъ. Ихъ раздѣлили на два класса: получившихъ право на выкупъ и оставшихся въ прежнемъ положеніи.

Въ первый разрядъ были включены только достаточные крестьяне, земельный надѣлъ которыхъ позволялъ имъ держать не менѣе одной рабочей упряжки (хотя при этомъ требовалось еще, чтобы ихъ пользованіе землею было давнее и внесено въ кадастры). Они одни получили право на выкупъ оброчныхъ и натуральныхъ повинностей, которыми были обязаны по отношенію къ своему помѣщику, и при томъ при условіи выплаты ему ихъ полной денежной смоимости. Что касается земли, то крестьяне дѣлались *собственниками* только части того надѣла, которымъ *пользовались* до тѣхъ поръ на правахъ *арендаторовъ*, несшихъ извѣстныя повинности; но зато они уступали помѣщику

остальную часть земли,—треть, если ихъ аренда была наслѣдственною, и половину—въ обратномъ случаѣ. Каждая изъ двухъ сторонъ имѣла право требовать выкупа. Фактически эта операція не была закончена еще и въ 1848 г.

Остальные крестьяне—огромное большинство—были лишены права требовать выкупа. Правительство даровало имъ личную свободу, но не хотѣло превращать ихъ въ независимыхъ мелкихъ собственниковъ. Они должны были оставаться въ распоряженіи крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ, нуждавшихся въ нихъ для обработки своихъ владѣній. Такимъ образомъ масса крестьянъ восточной Пруссіи осталась въ положеніи мелкихъ арендаторовъ, жившихъ или въ деревняхъ, или въ крупныхъ помѣстьяхъ, обрабатывавшихъ клочекъ земли (часто переходившій отъ отца къ сыну), который землевладѣлецъ предоставлялъ имъ въ обмѣнъ за различную работу у него, и существовавшихъ—въ большой впрочемъ бѣдности—отчасти продуктами этого клочка земли, отчасти же заработною платою, деньгами или натурой, которую они получали, какъ поденщики крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ XVIII столѣтіи прусскіе короли обязали помѣщиковъ сохранять извѣстное число крестьянскихъ арендъ на своей землѣ (*Bauernstelle*); но съ 1816 г. система государственнаго покровительства крестьянамъ (*Bauernschutz*) была отмѣнена. Крупный землевладѣлецъ былъ освобожденъ отъ обязанности помогать крестьянамъ, поправлять ихъ жилища, позволять имъ брать дрова и пасти скотъ въ своихъ лѣсахъ; но, что еще важнѣе, онъ получилъ право отбирать у крестьянъ землю, которой они пользовались на правахъ срочной аренды. Слѣдствіемъ этого было увеличеніе крупныхъ помѣстій насчетъ мелкихъ крестьянскихъ участковъ и превращеніе большей части крестянъ въ простыхъ поденщиковъ. Когда въ 1850 г. изданъ былъ законъ, касавшійся положенія крестьянъ, не имѣвшихъ собственной упряжки, то таковыхъ оставалось только очень небольшое число.

Вотъ почему общество осталось аристократическимъ во всемъ старомъ прусскомъ королевствѣ. Крупные землевладѣльцы-дворяне значительно увеличили свои помѣстья; только меньшинство крестьянъ обратилось въ собственниковъ, да и то потерявши часть своей земли; остальные же сдѣлались сельскими поденщиками, на службѣ у крупныхъ землевладѣльцевъ и въ зависимости отъ нихъ.

Въ Познани, гдѣ правительство не особенно щадило интересы крупныхъ землевладѣльцевъ, т. е. польскаго дворянства, помѣщикамъ было запрещено (1819 г.) сокращать крестьянскіе надѣлы, отъ крестьянъ потребовались меньшіе выкупные платежи (1823 г.), и вся операція совершилась гораздо быстрѣе. Но и тамъ малоимущіе крестьяне были исключены изъ нея.

Въ западныхъ провинціяхъ эта реформа совершилась уже ранѣе; крестьяне уже сдѣлались собственниками, и сельское общество было демократическимъ (особенно въ Рейнской провинціи).

Финансовая реформа была произведена между 1815 и 1820 годами. Война оставила не консолидированный долгъ и ежегодный дефицитъ въ 10 милліоновъ талеровъ. Былъ сдѣланъ пятипроцентный заемъ по курсу 72 за 100 (1817 г. *). Чтобы не подрывать государственнаго кредита, король рѣшилъ держать въ тайнѣ всѣ операціи по государственному долгу. Долгъ былъ опредѣленъ въ 180 милліоновъ талеровъ съ обязательнымъ погашеніемъ. Король обязался не заключать новаго займа иначе, какъ «при содѣйствіи и съ ручательствомъ будущаго собранія Государственныхъ Чиновъ королевства». (1820 г.)

Чтобы возстановить равновѣсіе бюджета, были произведены сокращенія во всѣхъ расходахъ, такъ что бюджетная смѣта понизилась почти до 50 милліоновъ талеровъ; король ограничилъ свои личныя издержки процентами со спеціальныхъ суммъ. Онъ объявилъ, что бюджетъ будетъ обнародываться каждые три года, чтобы всякій могъ убѣдиться, что правительство требуетъ только дѣйствительно необходимыхъ налоговъ. На дѣлѣ, бюджетъ былъ обнародованъ только въ 1829 г. и съ неточными цифрами.—Пришлось однако установить новые налоги. Въ городахъ это были налоги на потребленіе (на помолъ и убой скота), какъ въ Голландіи; въ остальной же странѣ—личный *классный* налогъ (въ 1851 г. онъ былъ преобразованъ въ подоходный).—Таможенная реформа была началомъ *таможеннаго союза* (см. ниже).

Пересмотръ законовъ и судопроизводства былъ обѣщанъ, но не приведенъ къ окончанію. Въ ожиданіи его, во вновь присоединенныхъ провинціяхъ было введено старое прусское Земское Уложеніе 1794 г. Правительство дважды пыталось ввести его даже въ Рейнскую провинцію, чтобы замѣнить имъ французское «революціонное» право съ судомъ присяжныхъ. Жители умоляли короля оставить имъ его и добились не безъ труда его *временнаго* сохраненія.

Первоначальное образованіе, уже сдѣланное обязательнымъ въ XVIII вѣкѣ, сохранило свою прежнюю организацію. Реформа, объявленная въ 1817 г. и выработанная въ 1819 г., не была приведена въ исполненіе; ограничились только (1825 г.) распространеніемъ на новыя провинціи школьнаго устава 1794 г. Родители обязаны посылать своихъ дѣтей въ первоначальную школу; школа содержится частью на ихъ средства и подчинена непосредственно пастору или католическому священнику; религіозное обученіе въ ней обязательно.

---

*) Прусскій талеръ равенъ 3 франкамъ 75 сантимамъ (94 коп. золот.).

Преобразованіе арміи имѣло рѣшающее значеніе въ исторіи Пруссіи. Временныя мѣры, принятыя въ критическій моментъ, подверглись нападкамъ со стороны профессіональныхъ военныхъ, находившихъ службу слишкомъ краткосрочной, чтобы выработать настоящихъ солдатъ, и вызывали неудовольствіе буржуазіи, находившей ее слишкомъ тяжелой для молодыхъ людей изъ хорошихъ семей. Король стоялъ за принципъ всеобщей воинской повинности и отказался вернуться къ системѣ замѣстительства, хотя она была допущена во всѣхъ остальныхъ европейскихъ странахъ; когда берлинскій городской совѣтъ обратился къ королю съ просьбою о льготахъ по воинской повинности, то онъ пригрозилъ, что обнародуетъ имена просителей. Такимъ образомъ воинская повинность осталась всеобщею; но молодымъ людямъ съ аттестатомъ объ окончаніи средне-учебныхъ заведеній дозволено было служить только одинъ годъ подъ условіемъ обмундированія *на собственный счетъ*. Это были *вольноопредѣляющіеся на годъ*. Для всѣхъ остальныхъ рекрутовъ была назначена *въ принципѣ* трехгодичная служба. Этотъ срокъ, казавшійся для того времени очень короткимъ, былъ принятъ съ тою цѣлью, чтобы, чрезмѣрно не увеличивая военнаго бюджета, дать возможность побывать въ строю всему ежегодному призыву. Постоянная наличная армія сводилась къ очень умѣренной цифрѣ 115,000 человѣкъ; солдаты, отслужившіе три года, оставались въ *запасѣ* до 25 лѣтъ.

Король обнаружилъ болѣе колебанія въ вопросѣ о сохраненіи «революціоннаго» учрежденія *ландвера;* его находили недостаточнымъ для военнаго времени и опаснымъ въ случаѣ мятежа. Либералы-патріоты повредили ему, восхваляя его въ ущербъ постоянной арміи. (Въ Европѣ долго держалась легенда, приписывавшая ландверу прусскія побѣды 1813 г.) Король однако рѣшился сохранить его, но увеличивши сроки, назначенные для военныхъ упражненій, и призывая его къ участію въ маневрахъ вмѣстѣ съ постоянною арміею. Такимъ образомъ, съ небольшою постоянною арміею, пропорціональною ея скудному бюджету, Пруссія располагала въ военное время войскомъ, состоявшимъ изъ всѣхъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе, и раздѣлявшимся на три части: дѣйствующую армію, запасъ и ландверъ, подраздѣлявшійся въ свою очередь на два разряда.

Эта система, принятая впослѣдствіи всею Европою, составляла самую характерную особенность Пруссіи. Во внутренней жизни армія сдѣлалась школою, въ которой воспитывалось прусское національное чувство; во внѣшней политикѣ она доставила второстепенному государству военную силу и значеніе великой державы.

Учрежденіе провинціальныхъ штатовъ (1815—25 г.) — Втеченіе всей этой реформаціонной дѣятельности, партіи, окружавшія короля, вели между собой непрерывную борьбу по основному вопросу о формѣ правленія. До кризиса 1806 г. Пруссія была неограниченной монархіей, въ которой верховная власть принадлежала одному королю, даже въ области законодательства и бюджета. Новаторы убѣдили короля учредить собраніе представителей. Король еще въ 1810 г. согласился въ принципѣ «дать націи представительство». Въ 1815 г., до сраженія при Ватерло, онъ обѣщалъ (въ знаменитомъ указѣ отъ 28 мая) «даровать прусской націи» «конституцію Прусскаго королевства» «посредствомъ *писаннаго акта*». Первая статья этого указа гласила: «*Должно* быть организовано *народное представительство*». Эти представители должны были избираться провинціальными штатами. Но, по окончаніи войны, король колебался въ выборѣ способа примѣненія этого принципа. Онъ назначилъ послѣдовательно пять комиссій и употребилъ восемь лѣтъ (1815—23) на то, чтобы придти къ какому нибудь рѣшенію.

Сильная придворная партія была противъ какой бы то ни было конституціи, какъ революціоннаго учрежденія. Наслѣдный принцъ (впослѣдствіи Фридрихъ-Вильгельмъ IV), поклонникъ Галлера, допускалъ только традиціонныя права и питалъ отвращеніе ко всякой писанной конституціи.—Либеральная партія ссылалась на королевское обѣщаніе, формально данное въ 1815 г., но она сама раздѣлялась по вопросу о формѣ представительства. Король назначилъ комиссію для разсмотрѣнія ходатайствъ провинціальныхъ нотаблей. Тѣмъ временемъ онъ получалъ отъ Меттерниха предостереженія относительно опасности конституцій и мало по малу отдалился отъ конституціонной партіи.—Волненія среди студентовъ испугали его, и онъ отдалъ приказъ слѣдить за университетами и печатью. Затѣмъ начались преслѣдованія «демагоговъ» (1819 г.). Янъ былъ арестованъ, Арндтъ лишенъ каѳедры. Преслѣдованія возобновились въ 1823 г.: 120 студентовъ были заключены въ крѣпость, гдѣ они ожидали три года суда (см. выше). Цензура и ранѣе существовала въ Пруссіи, но обыкновенно она дѣйствовала съ умѣренностью; теперь она стала весьма суровою; «высшая цензурная коллегія» запретила новое изданіе «*Рѣчей къ нѣмецкой націи*» Фихте.

Революціи 1820—21 годовъ въ Испаніи и Италіи сдѣлали для короля конституціонный порядокъ окончательно ненавистнымъ. *) Онъ отвергъ проектъ Гарденберга (1821 г.) и рѣшился

*) Я не могу входить въ хорошо теперь извѣстныя подробности этой внутренней борьбы въ правительствѣ. Гарденбергъ, прежде чѣмъ представить свой робкій конституціонный проектъ, вступилъ въ союзъ съ абсолютистами противъ либераловъ и добился увольненія Гумбольдта.

учредить только провинціальные штаты. Пятая и послѣдняя конституціонная комиссія, предсѣдателемъ которой былъ наслѣдный принцъ, выработала наконецъ проектъ представительства, ставшій закономъ (1823 г.). Король не взялъ назадъ формально своего обѣщанія 1815 г., но онъ и не сдержалъ его. Вмѣсто общаго представительства королевства онъ даровалъ только «провинціальные штаты».

Эти штаты, приноровленные ко взглядамъ наслѣднаго принца, были не національными, а провинціальными, не представительными, а корпоративными, и только совѣщательными. Ихъ было восемь, особые для каждой провинціи. Для того, чтобы еще болѣе подчеркнуть ихъ провинціальный характеръ, они были учреждены на основаніи восьми отдѣльныхъ конституцій, впрочемъ почти тождественныхъ. Они состояли по крайней мѣрѣ изъ трехъ чиновъ: дворянства, городовъ и крестьянъ; въ четырехъ провинціяхъ (Саксонская, Силезія, Вестфалія, Рейнская) дворянство подраздѣлялось на высшее и низшее. Лица, принадлежавшія къ высшему дворянству, засѣдали по лично принадлежащему каждому изъ нихъ праву; низшее дворянство, такъ-же какъ города и крестьяне, было представлено депутатами, избиравшимися на шесть лѣтъ; избиратели городовъ и крестьянства должны были обладать установленнымъ цензомъ. Всѣхъ депутатовъ во всей монархіи было 278 отъ дворянства, 182 отъ городовъ и 124 отъ крестьянъ. Штаты каждой провинціи составляли одно собраніе; засѣданія ихъ происходили при закрытыхъ дверяхъ.—Ихъ полномочія сводились къ тому, что они высказывали свое мнѣніе о законахъ, касавшихся ихъ провинціи, и завѣдывали дорогами и общественнымъ призрѣніемъ; они даже не входили въ прямыя сношенія съ министрами; ихъ ходатайства проходили черезъ особую комиссію, и король отвѣчалъ на нихъ, только получивши ходатайства отъ всѣхъ восьми провинцій (т. е. часто только черезъ годъ).

Эти собранія, которыя король объявилъ созданными «въ духѣ стараго нѣмецкаго государственнаго устройства», могли быть организованы только путемъ введенія новыхъ учрежденій; тѣ три или четыре *сословія*, которыя они должны были представлять собою, уже не существовали болѣе, ни юридически, ни въ условіяхъ общественной жизни; въ западныхъ же провинціяхъ, чтобы пополнить сословіе дворянъ, пришлось причислить къ нему землевладѣльцевъ изъ буржуазіи.

Конецъ царствованія Фридриха-Вильгельма III.—Порядокъ, установленный между 1815 и 1825 годами, просуществовалъ безъ крупныхъ измѣненій до самой революціи 1848 г. Пруссія, подобно Австріи, оставалась неограниченной и бюрократической монархіей съ аристократическими провинціальными штатами. Вся общественная жизнь сосредоточивалась въ королевской семьѣ, чиновничествѣ и офицерствѣ. Но общество, особенно въ западной половинѣ государства, юридически было демократическимъ, такъ-же какъ въ западныхъ государствахъ. Дворяне имѣли болѣе легкій доступъ къ чинамъ и должностямъ, но и не-дворяне не были устранены отъ нихъ. Это было царство чиновниковъ. Въ видѣ характеристики этого строя долгое время цитировался отвѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ городскому совѣту Эльбинга: министръ заявилъ, что правительственныя мѣры превышаютъ «ограниченное пониманіе подданныхъ». Но эта властная корпорація сдерживалась въ границахъ своихъ обязанностей строгими правилами. Прусскіе чиновники, получавшіе мѣста путемъ экзаменовъ, медленно повышавшіеся и много работавшіе, чувствовали себя гарантированными отъ произвола и проникались корпоративнымъ духомъ, который иногда дѣлалъ ихъ способными защищать свои права и исполнять свой долгъ. Они славились въ Германіи своею педантическою добросовѣстностью и трудолюбіемъ.

Общественная жизнь почти исчерпывалась однѣми административными заботами. До самой смерти Фридриха-Вильгельма III, т. е. до 1840 г., въ Пруссіи почти не было политической жизни. Нѣмецкіе историки объясняютъ это тѣмъ, что прусскій народъ любилъ своего стараго короля, помня тяжелое время французскаго нашествія, и боялся тревожить его требованіями реформъ. Въ дѣйствительности у народа не было никакихъ способовъ заявить о своихъ желаніяхъ; дряхлѣя, король относился еще болѣе враждебно ко всякимъ перемѣнамъ и ограничивался исполненіемъ текущихъ дѣлъ. За послѣднія пятнадцать лѣтъ его царствованія (1825—40 г.) единственными событіями внутренней жизни были преслѣдованіе революціонеровъ 1834 г. (оно окончилось присужденіемъ къ смертной казни 39 студентовъ, которые были помилованы и заключены въ крѣпость) и столкновенія съ церковью.

Причиною столкновенія съ лютеранскою церковью была примирительная попытка. Король желалъ *Уніи* между кальвинистскою и лютеранскою церквями, и заставилъ согласиться на это кальвинистовъ и большинство лютеранъ (1817 г.). Но послѣ 1830 г. нѣкоторые ортодоксальные пасторы, преимущественно въ Силезіи, заявили протестъ противъ Уніи. Они были лишены сана и даже заключены въ тюрьму (1832—35 г.), но въ концѣ концовъ основали отдѣльную церковь (1841 г.).

Столкновеніе съ католическою церковью произошло въ новыхъ рейнскихъ католическихъ провинціяхъ и въ Вестфаліи; тамъ образовалась оппозиція противъ претестантскихъ чиновниковъ. Такъ какъ «революціонное» учрежденіе

веденія метрикъ свѣтскою властью не было допущено въ Пруссіи, то духовенство записывало родившихся и умершихъ и совершало браки. Въ случаѣ смѣшанныхъ браковъ каноническіе уставы повелѣвали духовенству вѣнчать только тѣхъ лицъ, которыя обязывались воспитывать своихъ дѣтей въ католической вѣрѣ; между тѣмъ, согласно прусскому закону, дѣти должны были слѣдовать религіи своего отца. Когда этотъ законъ былъ распространенъ на Рейнскую провинцію (1825 г.), епископы обратились за совѣтомъ къ папѣ, который въ своей грамотѣ (бреве 1830 г.) подтвердилъ церковное правило, но впослѣдствіи позволилъ епископамъ войти съ правительствомъ въ соглашеніе (1834 г.), въ силу котораго священникъ не благословлялъ смѣшаннаго брака, но дѣлалъ его возможнымъ своимъ *пассивнымъ присутствіемъ* (тотъ же пріемъ практиковался въ прежней прусской Юлихской провинціи). Это соглашеніе, сначала принятое, подверглось осужденію новаго кельнскаго архіепископа, а затѣмъ и познанскаго. Папа сталъ на ихъ сторону, но раздраженный король велѣлъ заключить ихъ въ тюрьму и даже лишилъ сана познанскаго архіепископа (1837—1839 г.).

Попытки Фридриха-Вильгельма IV (1840—1847 г.). — Наслѣдный принцъ, сдѣлавшійся, наконецъ, на сорокъ шестомъ году, королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV, уже славился въ Германіи, какъ ораторъ и покровитель ученыхъ; образованное общество ждало отъ него великихъ реформъ.

Онъ началъ свое царствованіе съ торжественныхъ коронаціонныхъ церемоній (въ Кенигсбергѣ, а затѣмъ въ Берлинѣ), съ краснорѣчивыхъ заявленій и милостивыхъ поступковъ. Онъ амнистировалъ политическихъ осужденныхъ, вернулъ Яна, вернулъ каѳедру Арндту, упразднилъ комиссію, наводившую справки о политическихъ взглядахъ кандидатовъ на должности; онъ освободилъ изъ заключенія и возстановилъ въ ихъ санѣ наказанныхъ прелатовъ. Но, произнося одушевленныя рѣчи и непрерывно составляя планы, онъ не могъ придти ни къ какому окончательному рѣшенію.

Онъ колебался между своими личными идеалами и желаніями своихъ подданныхъ. Свои идеалы онъ высказалъ въ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ при восшествіи на престолъ. Въ Кенигсбергѣ онъ клялся быть «справедливымъ судьею, вѣрнымъ, добросовѣстнымъ и милостивымъ государемъ и христіанскимъ королемъ», прибавивши: «У насъ существуетъ единство между головою и членами, между государями и народомъ». Въ Берлинѣ онъ сказалъ: «я знаю, что получилъ мою корону въ ленъ отъ всечогущаго Бога и что я обязанъ дать ему отметъ въ каждомъ часѣ своего царствованія. Всякому, кто требуетъ гарантіи будущаго, я даю это слово... Оно вѣситъ болѣе и связываетъ сильнѣе, чѣмъ всѣ коронаціонныя клятвы и всѣ завѣренія на пергаментѣ». Потомъ, обратившись прямо къ народу, толпившемуся на площади передъ дворцомъ, онъ спросилъ: «Хотите-ли вы помочь мнѣ съ постоянно возрастающимъ блескомъ проявлять тѣ качества, благодаря которымъ Пруссія, съ четырнадцати милліоннымъ населеніемъ, стоитъ въ ряду великихъ державъ земного шара: честь, вѣрность, стремленіе къ просвѣщенію, праву и истинѣ, движеніе впередъ съ мудростью зрѣлаго возраста и героизмомъ юности? Хотите ли вы... вѣрно помогать мнѣ какъ въ счастливые, такъ и въ тяжелые дни? Въ такомъ случаѣ отвѣчайте мнѣ самымъ яснымъ и прекраснымъ звукомъ роднаго языка, отвѣчайте мнѣ *ja* (да)». При радостныхъ восклицаніяхъ толпы король продолжалъ. «Это *ja* принадлежитъ мнѣ; оно — моя собственность... оно связываетъ насъ неразрывно взаимною любовью и вѣрностью».

Такъ-же какъ его друзья, принадлежавшіе къ исторической и романтической школѣ (Нибуръ, Савиньи, Ранке), Фридрихъ-Вильгельмъ ненавидѣлъ демократическую и раціоналистическую французскую революцію, принципъ народнаго суверенитета и «бумажныя конституціи». Его идеаломъ было германское христіанское государство среднихъ вѣковъ, какимъ его представляли себѣ романтики: король, отвѣтственный передъ однимъ Богомъ и управляющій, согласно обычаямъ, при содѣйствіи подданныхъ, сгруппированныхъ въ традиціонные общественные классы,—лично любимый и уважаемый всѣми, распространяющій на всѣхъ свою отеческую любовь и руководящійся внушеніями Бога.

Буржуазія и часть дворянства желала конституціоннаго образа правленія. Прусскіе провинціальные штаты, съ 1840 года, просили короля «гарантировать своему народу учрежденіе собранія представителей страны». Рейнская провинція, прилегавшая къ парламентскому Бельгійскому королевству, желала подобнаго же государственнаго строя. Вопросъ о представительствѣ королевства сдѣлался главнымъ вопросомъ въ печати, провинціальныхъ штатахъ и правительствѣ.

Король началъ съ обѣщанія дать «дальнѣйшее развитіе провинціальнымъ штатамъ» (1840 г.); онъ разрѣшилъ имъ собираться періодически (черезъ два года) и печатать протоколы своихъ засѣданій. Затѣмъ онъ рѣшился—послѣ долгихъ колебаній—пригласить въ Берлинъ комиссіи, выбранныя штатами всѣхъ провинцій, для совѣщанія съ ними по вопросу о займѣ. Къ постановленію 1820 г., урегулировавшему государственный долгъ, было прибавлено, что новый заемъ можетъ быть сдѣланъ только съ согласія государственныхъ чиновъ. Между тѣмъ правительство нуждалось въ деньгахъ для постройки

большихъ желѣзнодорожныхъ линій. «Соединенныя комиссіи», состоявшія изъ 46 делегатовъ отъ дворянства, 32—отъ городовъ и 20—отъ крестьянъ, одобрили постройку желѣзныхъ дорогъ, но не сочли себя вправѣ наложить обязательства на страну. Король распустилъ ихъ, не преминувши напомнить имъ, что они должны смотрѣть на себя, какъ на облеченныхъ правами, присущими ихъ *сословію*, а «не какъ на представителей вѣяній и ученій, мѣняющихся повседневно». Затѣмъ онъ учредилъ комиссію для выработки конституціоннаго проекта.

Прусское общество начинало терять терпѣніе. Король приказалъ ослабить цензуру (дек. 1841 г.). Недовольные воспользовались этимъ, чтобы осмѣивать правительство въ газетахъ, — особенно въ Берлинѣ и Кельнѣ. Тогда именно появилась знаменитая карикатура, изображавшая короля держащимъ въ одной рукѣ *указъ* (Verordnung), въ другой—*контръ-указъ* (Gegenordnung), и съ надписью на лбу — *безпорядокъ* (Unordnung). (Фридрихъ-Вильгельмъ IV, умершій сумасшедшимъ, уже обнаруживалъ въ своихъ словахъ и жестахъ ненормальное возбужденіе).—Журналистами были по большей части пылкіе молодые люди, демократы, враги аристократическихъ и христіанскихъ традицій (между ними было много евреевъ). Фридрихъ-Вильгельмъ, оскорбляемый въ своихъ вѣрованіяхъ, не могъ долго выносить свободу печати; онъ приказалъ начать преслѣдованіе противъ одного кенигсбергскаго еврея, Якоби (который былъ оправданъ), запретилъ двѣ газеты за «разрушительныя стремленія» (1843 г.) и учредилъ «цензурный трибуналъ». Онъ даже заставилъ берлинскій университетъ запретить читать лекціи одному приватъ-доценту, и въ негодующемъ письмѣ, обвинявшемъ университетъ въ томъ, что онъ позволялъ «этому патентованному революціонеру подвергать опасности здоровые умы студентовъ», выразился такъ: «Надо, наконецъ, дѣйствовать въ моемъ духѣ». Министръ вѣроисповѣданій лишилъ должности учителей, подозрѣвавшихся въ раціонализмѣ или либерализмѣ, и отнялъ (въ 1847 г.) управленіе берлинскою нормальною первоначальною школою у знаменитаго раціоналиста Дистервега.

Общественное мнѣніе, въ средѣ образованныхъ нѣмцевъ, повернулось противъ Фридриха-Вильгельма; поэты (Гейне, Гервегъ, Фрейлигратъ) нападали на него или осмѣивали его. Короля приводила въ крайнее раздраженіе эта «клика», «подрубавшая въ корню своими рѣчами, писаніями и гравюрами самое существованіе нѣмцевъ», хотѣвшая «не свободнаго наслоенія сословій», а «грязнаго смѣшенія всѣхъ классовъ». (Письмо къ Бунзену.)

Соединенный ландтагъ (1847 г.)—Король поручилъ выработать организацію собранія генеральныхъ штатовъ для всего королевства сначала своимъ довѣреннымъ приближеннымъ, а потомъ (1845 г.) — особой комиссіи. Затѣмъ онъ передѣлалъ проектъ и подвергъ его торжественному обсужденію въ совѣтѣ министровъ. Эта работа тянулась съ 1844 по 1847 годъ и закончилась *патентомъ* 3 февраля 1847 года.

Это не была конституція, которой ожидали; король подписалъ ее *одинъ*, чтобы «избѣгнуть всякаго сходства съ основнымъ закономъ». Патентъ учреждалъ *Соединенный Ландтагъ*, который былъ не «представительствомъ народа», обѣщаннымъ въ 1815 г., а только соединеніемъ въ Берлинѣ всѣхъ провинціальныхъ штатовъ въ одно собраніе. Онъ состоялъ не изъ представителей народа, а изъ депутатовъ отъ провинціальныхъ штатовъ. Они должны были засѣдать вмѣстѣ при обсужденіи финансовыхъ вопросовъ; при обсужденіи же всѣхъ остальныхъ они раздѣлялись на двѣ куріи: *курію господъ*, состоявшую изъ принцевъ и высшаго дворянства (80), и курію трехъ низшихъ сословій.—Власть ландтага сводилась къ вотированію *новыхъ* налоговъ и подачѣ петицій; король предоставлялъ себѣ *совѣщаться* съ нимъ о законахъ, когда это покажется ему нужнымъ. — Это не было даже окончательное учрежденіе; король отказался отъ обязательства собирать ландтагъ періодически; онъ обѣщалъ только созывать каждые четыре года «соединенныя комиссіи» для *совѣщанія* съ ними о законахъ, и ежегодно—делегацію изъ восьми членовъ, по одному отъ каждой провинціи, для выслушанія отчетовъ по государственному долгу.

Это было разочарованіемъ для всѣхъ; всѣ партіи согласились требовать по крайней мѣрѣ періодическаго созыва ландтага. При открытіи ландтага въ Берлинѣ (11 апрѣля 1847 г.) король не преминулъ предупредить депутатовъ «торжественнымъ заявленіемъ, что никакая власть на землѣ никогда не заставитъ его измѣнить естественныхъ отношеній между государемъ и народомъ въ условныя, конституціонныя». «Я никогда не допущу, сказалъ онъ, чтобы между нашимъ Господомъ Богомъ на небѣ и нашею страною втерся исписанный листъ бумаги въ видѣ второго провидѣнія, чтобы руководить нами посредствомъ своихъ параграфовъ и замѣнить ими старую вѣрность... Вы, милостивые государи,—нѣмецкіе *штаты* (*Stände*) въ старомъ, традиціонномъ смыслѣ, т. е. прежде всего представители и защитники вашихъ собственныхъ правъ, правъ сословныхъ... Затѣмъ вы будете осуществлять тѣ права, которыя признаетъ за вами корона. Ваше назначеніе не въ томъ, чтобы служить представителями мнѣній, доставлять торжество мнѣніямъ данной эпохи или школы. Это безусловно не въ нѣмецкомъ духѣ (*undeutsch*) и кромѣ того противно общественному благу, такъ какъ ведетъ

къ неразрѣшимымъ столкновеніямъ съ короной, которая, согласно божескому и нѣмецкому закону, должна руководиться своимъ свободнымъ рѣшеніемъ, а не волею большинства». Затѣмъ онъ заклиналъ свои вѣрныя *сословія* помочь ему въ борьбѣ съ духомъ революціи и невѣрія. Потомъ, вдругъ поднявшись, онъ произнесъ знаменитую фразу: «Я и мой домъ хотимъ служить Господу. Да! по всей правдѣ!»

Столкновеніе между Фридрихомъ-Вильгельмомъ и ландтагомъ началось немедленно же, хотя въ почтительныхъ формахъ. Собраніе вотировало благодарственный адресъ, но заявило при этомъ большинствомъ 484 голосовъ противъ 107, что оно «*сохраняетъ за собой* всѣ права штатовъ», т. е. и право на представительство народа, обѣщанное въ 1815 г. Король отвѣтилъ, что, созывая ландтагъ, онъ руководился своею королевскою властью и даровалъ даже болѣе того, что было обѣщано его отцомъ; что вслѣдствіе этого онъ отказывался признать за ландтагомъ какія-либо другія права, кромѣ дарованныхъ ему; затѣмъ онъ объявилъ законъ 1847 г. «неприкосновеннымъ въ своихъ основахъ».

Правительство потребовало гарантій займа на постройку желѣзныхъ дорогъ; ландтагъ отказалъ. Ландтагъ вотировалъ петицію въ пользу свободы печати и потребовалъ права контролировать бюджетъ и обѣщанія періодическаго созыва; король отказалъ. Ландтагъ разошелся, ничего не добившись, но и не сдѣлавши никакой уступки (іюнь 1847 г.).

«Соединенныя Комиссіи», собранныя въ Берлинѣ для подачи мнѣнія о проектѣ уголовнаго свода (январь 1848 г.), еще засѣдали, когда король, встревоженный агитаціей, рѣшился объявить имъ объ установленіи періодическихъ сессій ландтага (8 марта 1848 г.), но эта поздняя уступка не остановила движенія.

Революція 1848 г.—Революція въ Пруссіи была подражаніемъ французской; она произошла въ столицѣ, въ формѣ мятежа. Въ Берлинѣ не существовало ни политическихъ партій, ни признанныхъ вождей, ни даже организованнаго тайнаго общества; но въ немъ была революціонная часть населенія, состоявшая изъ молодежи и рабочихъ, съ примѣсью иностранцевъ, преимущественно поляковъ; эта часть населенія, быть можетъ, еще болѣе возросла вслѣдствіе дороговизны, послѣдовавшей за неурожаемъ 1847 г. Всѣ эти люди, уже одушевленные неопредѣленнымъ демократическимъ раздраженіемъ противъ короля, дворянства и офицерства, были внезапно возбуждены извѣстіемъ о парижской революціи и о волненіяхъ въ нѣсколькихъ германскихъ государствахъ. Въ самой Пруссіи, въ промышленныхъ городахъ Рейнской провинціи и Силезіи, собирались большія народныя сходки, на которыхъ составлялись адресы королю. Въ Берлинѣ импровизированныя собранія устраивались въ кофейняхъ, гдѣ получались газеты. Затѣмъ произошла сходка въ Паркѣ (7 марта), на которой было рѣшено подать петицію съ требованіемъ созыва ландтага.

Тогда начались «мартовскіе дни». Это было ожесточенное столкновеніе между двумя партіями, располагавшими матеріальной силой въ Берлинѣ,—революціонерами и офицерами; буржуазія держалась въ сторонѣ. Офицеры выражали презрѣніе къ толпѣ, говорили, что выметутъ эту сволочь; толпа раздражалась—ее безпокоили военныя приготовленія: войска въ королевскомъ замкѣ, пушки, патрули, кавалерія, расположенная у городскихъ воротъ. Произошло нѣсколько стычекъ, и было нѣсколько раненыхъ. Гнѣвъ сосредоточился на братѣ короля, наслѣдномъ принцѣ (будущемъ императорѣ Вильгельмѣ), котораго не любили, какъ главу военной и абсолютистской партіи. При извѣстіи о революціи въ Вѣнѣ, толпа устроила манифестацію передъ его замкомъ (15 марта); велѣно было стрѣлять въ нее, не причиняя серьезнаго урона.

Король началъ уступать движенію; какъ и другіе нѣмецкіе государи, онъ повидимому преувеличивалъ силу революціонеровъ; 14 марта онъ созвалъ ландтагъ на конецъ апрѣля: «для содѣйствія мѣрамъ, которыя необходимо принять для блага нѣмецкаго отечества», обѣщая работать въ пользу «дѣйствительнаго возрожденія Германскаго Союза». 18 числа, принявши депутаціи отъ провинцій Рейнской, Прусской и Силезіи, онъ назначилъ созывъ ландтага на 2 апрѣля, заявивши, что «признаетъ, что реорганизація Германскаго Союза можетъ совершиться только при согласіи государей съ народомъ», и что она «сдѣлаетъ необходимымъ конституціонное устройство всѣхъ нѣмецкихъ странъ». Онъ пожертвовалъ своей излюбленной доктриной.

Прокламація короля была обнародована утромъ 18 марта. Днемъ передъ дворцомъ собралась толпа привѣтствовать короля, который благодарилъ ее со своего балкона. Затѣмъ, вмѣсто того чтобы разойтись, толпа осталась на площади, несмотря на требованіе начальника гвардіи. Тогда между толпою и войскомъ, уже нѣсколько дней враждовавшихъ между собой, внезапно произошло сраженіе. Раздались два случайныхъ ружейныхъ выстрѣла; толпа разбѣжалась съ криками объ измѣнѣ; войска, занимавшія посты въ замкѣ, вышли на площадь; пѣхота сдѣлала залпъ, драгуны произвели аттаку; многіе манифестанты были убиты. Тогда толпа разграбила ружейные магазины, чтобы запастись ружьями; рабочіе прибѣжали, вооруженные желѣзными брусьями; дрались возлѣ замка, забаррикадировали улицы по-парижски. Этою уличною войною руководили журналисты, студенты и чужеземные революціонеры. Сраженіе продолжалось за-полночь.

Войска мало-по-малу оттѣсняли инсургентовъ и приготовлялись на другой день подавить возстаніе; но король неожиданно отступилъ передъ гражданскою войною. Утромъ 19 марта появилась прокламація «Къ моимъ дорогимъ берлинцамъ!», въ которой онъ, именемъ больной королевы, заклиналъ берлинцевъ не поддаваться наущеніямъ шайки злодѣевъ (революціонеровъ) и разрушить баррикады, обѣщая удалить войска. Инсургенты потребовали, чтобы король сначала удалилъ армію. По совѣту роялистовъ-бюргеровъ король уступилъ. Онъ велѣлъ солдатамъ очистить улицы, позволилъ бюргерамъ вооружиться и перемѣнилъ министерство. Буржуазная гвардія овладѣла Берлиномъ и правительствомъ. Принцъ Вильгельмъ, прозванный *принцемъ-картечью*, получилъ отъ короля приказаніе покинуть Берлинъ и уѣхать въ Англію. Ужаснувшись пролитой крови, король доставилъ народу побѣду надъ арміей.

Фридрихъ-Вильгельмъ сразу отказался отъ своихъ прежнихъ теорій и, усвоивши даже революціонный языкъ, велъ себя, какъ конституціонный государь, стоящій во главѣ національнаго движенія. 21 марта въ прокламаціи «къ прусскому народу и нѣмецкой націи» онъ высказался за «истинныя конституціонныя учрежденія, съ отвѣтственными министрами, гласнымъ и устнымъ судопроизводствомъ, судомъ присяжныхъ, равенствомъ гражданскихъ и политическихъ правъ». Затѣмъ, облекшись въ національные имперскіе цвѣта (черно-красно-золотые цвѣта студентовъ), онъ проѣхалъ верхомъ по Берлину, произнося рѣчи толпѣ; вечеромъ онъ говорилъ: «Мой народъ не покинетъ меня, и полная довѣрія Германія присоединится ко мнѣ; отнынѣ Пруссія принадлежитъ Германіи». Король сразу принялъ всѣ «революціонныя» учрежденія Франціи: писанную *конституцію*, *единое національное собраніе*, избираемое *всеобщею подачею голосовъ*, и заставилъ ландтагъ, собравшійся въ послѣдній разъ, вотировать ихъ*).

Національное Собраніе.—Національное Собраніе, изъ 402 членовъ, было избрано путемъ двустепенныхъ выборовъ, причемъ каждые 500 избирателей выбирали одного выборщика, которые въ свою очередь избирали въ каждомъ уѣздѣ одного депутата. (Чтобы быть первоначальнымъ избирателемъ, достаточно было достигнуть 24 лѣтъ и прожить 6 мѣсяцевъ въ избирательномъ округѣ.) Собраніе состояло преимущественно изъ юристовъ, профессоровъ и пасторовъ (наиболѣе выдающіеся люди попали въ депутаты германскаго парламента) и изъ сотни крестьянъ и ремесленниковъ. Созванное только для того, чтобы обсуждать съ королемъ конституцію, оно находилось въ постоянномъ столкновеніи со старыми властями, королемъ, офицерами и чиновниками. Оно просуществовало всего семь мѣсяцевъ, но этотъ короткій періодъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на политическую жизнь Пруссіи. Тогда именно и возникли всѣ прусскія политическія партіи.

Лѣвая, рекрутировавшаяся преимущественно въ западныхъ демократическихъ провинціяхъ и большихъ городахъ, составляла радикальную демократическую партію, напоминавшую французскихъ республиканцевъ. Она, по образцу Франціи, стремилась къ установленію народнаго суверенитета и предложила Собранію провозгласить себя суверенным и вотировать признательность отечества сражавшимся въ мартовскіе дни. Она требовала изъятія школъ и метрическихъ записей изъ рукъ духовенства, а также радикальной реформы администраціи. Она вступила въ соглашеніе съ лѣвой франкфуртскаго парламента, чтобы требовать для Германіи союзнаго правительства, которое стояло бы выше правительствъ отдѣльныхъ государствъ.

Для борьбы съ партіею революціи и германскаго единства образовалась консервативная и партикуляристская партія, вербовавшаяся преимущественно среди крупныхъ землевладѣльцевъ восточныхъ провинцій; она требовала сохраненія привилегій аристократіи, власти протестантскаго духовенства и независимости Пруссіи. Ее прозвали *феодальной партіей* или *партіей «Крестовой Газеты»*, по имени только что основавшейся тогда «*Kreuzzeitung*».

Между этими двумя крайними партіями образовалась средняя,—партія примиренія, либеральная, роялистская и національная (подраздѣлявшаяся на правый и лѣвый центры); она желала либеральной конституціи для Пруссіи и союзнаго устройства для Германіи, но съ сохраненіемъ верховной власти короля и независимости прусскаго правительства.

Центръ преобладалъ въ Національномъ Собраніи. Онъ отвергъ предложенія лѣвой и назначилъ комиссію для выработки конституціи, которую и началъ вотировать. Это была очень либеральная конституція, составленная по образцу бельгійской, такъ какъ Бельгія была идеаломъ для либераловъ Рейнской провинціи. Конституція установляла равноправность гражданъ и всѣ бельгійскія вольности (свободу личности, мѣстопребыванія, собственности, религіи, обученія, печати, сходокъ, ассоціацій, петицій); она отмѣняла также послѣдніе слѣды сеньеральной власти: вотчинную полицію и юстицію, оброки. Правительство организовалось какъ въ Бельгіи: изъ двухъ выборныхъ палатъ, созывавшихся и распускавшихся королемъ и вотировавшихъ налоги и законы, короля—главы исполнительной власти, присягавшаго конституціи, отвѣтственнаго ми-

*) Въ Познанской провинціи, гдѣ польскіе революціонеры пытались еще съ 1846 г. произвести насильственный переворотъ, вспыхнуло польское возстаніе, подавленное послѣ настоящей войны (апрѣль—май).

нистерства, несмѣняемыхъ судей, мѣстной администраціи, предоставлявшейся выборнымъ совѣтамъ. Но, вмѣсто бельгійской системы ценза, было допущено косвенное всеобщее избирательное право. Эта конституція, такъ же какъ и въ Бельгіи, должна была получить *согласіе* короля.

Такъ же какъ и франкфуртскій германскій парламентъ, прусское національное Собраніе не обладало силою, чтобы приводить въ исполненіе свои рѣшенія. Его пренія были почти вполнѣ свободны въ Берлинѣ, гдѣ его защищала бюргерская гвардія (она оградила его даже отъ демократическаго мятежа, 10 іюня); но король, по мѣрѣ того какъ онъ успокаивался, все болѣе склонялся къ феодальной партіи и имѣлъ въ своемъ распоряженіи армію. Въ прусскихъ городахъ происходили постоянныя ссоры между бюргерскою гвардіею и офицерами-дворянами, привыкшими обращаться со штатскими, какъ съ низшими; нѣсколько штатскихъ было убито. Послѣ швейдницкаго дѣла (31 іюля), въ которомъ было четырнадцать убитыхъ, Собраніе обратилось съ просьбою объ изданіи указа, которымъ повелѣвалось бы офицерамъ избѣгать столкновеній съ гражданами. Король отказалъ, находя въ этомъ посягательство на свою военную власть. Собраніе, большинствомъ 219 голосовъ противъ 143, потребовало изданія указа (7 сентября). Это былъ открытый разрывъ. Король, составившій два предыдущихъ министерства (мартовское и іюньское) изъ членовъ прежней либеральной оппозиціи, образовалъ новое министерство изъ чиновниковъ и назначилъ военнымъ комендантомъ Бранденбургской провинціи генерала Врангеля, стоявшаго за военную репрессію. Въ отвѣтъ на эту угрозу Собраніе дало большинство лѣвой, отвергло слова «милостію Божіей» и вотировало приглашеніе союзному правительству защищать свободу въ Вѣнѣ (см. выше).

Берлинскій народъ произвелъ революцію, руководясь примѣромъ Франціи; король произвелъ реакцію по примѣру Австріи. Когда австрійская армія подавила революцію въ Вѣнѣ, Фридрихъ-Вильгельмъ рѣшился дѣйствовать съ помощью прусской арміи противъ берлинскаго Собранія. Онъ составилъ боевое министерство подъ предсѣдательствомъ своего дяди, графа Бранденбургскаго, и приказалъ Національному Собранію перенести засѣданія въ небольшой городокъ Бранденбургъ. Собраніе отказалось, осталось въ Берлинѣ и продолжало засѣдать. Тогда армія вошла въ Берлинъ, заняла залу засѣданій и обезоружила бюргерскую гвардію. Въ Берлинѣ было введено осадное положеніе и запрещено всякое собраніе болѣе чѣмъ изъ двадцати человѣкъ (10—12 ноября). Собраніе потребовало и даже вотировало отказъ въ налогахъ. Но борьба между арміей и Собраніемъ была слишкомъ неравная: Собраніе было разогнано.

Такъ какъ королю удалось собрать въ Бранденбургѣ только меньшинство депутатовъ, недостаточное для законнаго состава Національнаго Собранія, то онъ объявилъ его распущеннымъ (5 декабря). Въ то же время, въ силу своей верховной власти, онъ обнародовалъ *жалованную* конституцію, прибавивши, что она будетъ подвергнута «пересмотру въ законодательномъ порядкѣ», и созвалъ въ Берлинѣ палаты. Конституція 6 декабря была почти повтореніемъ конституціи Собранія, но она была *пожалована* королемъ, безъ согласія представителей народа, а ея статья 105 давала королю право, въ отсутствіи палатъ, издавать указы, имѣющіе силу закона. Это была та самая статья Хартіи, на основаніи которой Карлъ X произвелъ государственный переворотъ 1830 г. Ею немедленно же воспользовались для фабрикаціи избирательнаго закона, на основаніи котораго должны были быть избраны палаты, и даже для введенія либеральныхъ реформъ (суда присяжныхъ, отмѣны привилегированныхъ юрисдикцій, выкупа сеньеральныхъ оброковъ).

Король, оставшись повелителемъ арміи, овладѣлъ снова своею верховною властью, лишь только онъ пожелалъ этого; но онъ уже не рѣшился отбросить конституціонныя формы, «которыхъ желалъ народъ», и самъ окончательно ввелъ въ Пруссіи всѣ революціонныя учрежденія, противныя его собственному идеалу: писанную конституцію, народное представительство и даже всеобщее избирательное право.

Конституція 1850 г.—Обѣ палаты, созванныя для пересмотра конституцій, не успѣли докончить своей работы. У нихъ произошло столкновеніе съ королемъ, сначала—по вопросу о германскомъ единствѣ, такъ какъ онѣ просили Фридриха-Вильгельма принять императорскую корону, предложенную ему франкфуртскимъ парламентомъ, и признали германскую конституцію, вотированную парламентомъ (см. выше), а затѣмъ вслѣдствіе ихъ требованія отмѣнить осадное положеніе въ Берлинѣ. Король объявилъ о распущеніи палатъ (27 апрѣля). Чтобы обезпечить себѣ болѣе послушныя палаты, онъ издалъ, путемъ королевскаго указа, новый избирательный законъ, дѣлавшій образъ правленія гораздо менѣе демократическимъ.

1) Избирательное право осталось всеобщимъ на первой ступени выборовъ; но оно сдѣлалось неравнымъ. Въ каждомъ избирательномъ округѣ (отъ 750 до 1,500 душъ) первичные избиратели были раздѣлены на три *класса*; каждый классъ состоитъ изъ лицъ, въ общей сложности платящихъ треть всей суммы прямыхъ налоговъ, платимыхъ округомъ. Такъ какъ каждый классъ избиралъ одно и то же число выборщиковъ, то платившіе всего болѣе налоговъ и составлявшіе первый классъ были гораздо менѣе многочисленны, а потому сильнѣе представлены,

чѣмъ избиратели третьяго класса, состоявшіе изъ лицъ, наименѣе обложенныхъ или не плативщихъ вовсе налоговъ. Эта «трехклассная система», установленная *временно*, до сихъ поръ остается въ силѣ въ Пруссіи.

2) Подача голосовъ въ коллегіи выборщиковъ должна была производиться устно и заноситься въ протоколъ. Этотъ законъ мотивировался тѣмъ, «что свободный народъ ни въ чемъ такъ не нуждается, какъ въ томъ, чтобы имѣть мужество публично высказывать свои убѣжденія».

Вторая палата, избранная на основаніи этого закона, въ моментъ общей реакціи, насчитывала въ своемъ составѣ около 200 чиновниковъ (на 350 членовъ); она не могла сопротивляться правительству. Вслѣдствіе этого она вотировала конституцію со всѣми измѣненіями, которыя королю было угодно внести въ нее: съ трехклассными выборами, съ возстановленіемъ гербовыхъ пошлинъ и залоговъ для газетъ, съ отмѣной присяги военныхъ конституцій, съ учрежденіемъ особыхъ трибуналовъ для политическихъ преступленій, и даже со статьею 109, въ силу которой разъ вотированные налоги могли взиматься впредь до измѣненія ихъ закономъ, что ограничивало власть палаты правомъ вотировать только новые налоги. Относительно состава верхней палаты соглашенія не могло состояться: палата хотѣла удержать выборы; король желалъ добиться назначенія. Было рѣшено отложить рѣшеніе до 1852 г.

Тогда король согласился обнародовать конституцію (31 янв. 1850 г.); затѣмъ онъ присягнулъ ей, но произнесъ при этомъ рѣчь, въ которой объяснялъ, что далъ свою санкцію конституціи только потому, что она была улучшена. «Необходимое условіе—это, чтобы для меня правленіе было возможно, такъ какъ въ Пруссіи долженъ управлять король, и я управляю... этого хочетъ Богъ». Такимъ образомъ вернулись къ доктринѣ божественнаго права и верховной власти короля. Тѣмъ не менѣе, конституція 1850 г., признавши «права пруссаковъ» на свободу и равенство, офиціально устанавливала либеральный и демократическій строй (болѣе демократическій, чѣмъ даже въ Бельгіи); она вводила Пруссію въ современную политическую жизнь.

Реакція (1850—59 г.).—Реакція противъ революціи 1848 г. не привела Пруссію къ реставраціи. Фридрихъ-Вильгельмъ не захотѣлъ подражать государственнымъ переворотамъ австрійскаго правительства и Наполеона. Ему былъ предложенъ планъ, сводившій конституціи къ Хартіи и возстановлявшій выборы *по сословіямъ* (1852 г.), но онъ не рѣшился нарушить своей присяги и сохранилъ конституцію.

Противорѣчіе между абсолютическими традиціями прусскаго правительства и конституціей 1850 г. на практикѣ разрѣшилось пріемами, напоминавшими внутреннюю политику Наполеона III (см. выше).

Нижняя палата осталась представительнымъ собраніемъ, но зависѣвшимъ отъ правительства; административная власть, такъ же какъ и во Франціи, выкраивала избирательные округа по своему усмотрѣнію; она рекомендовала избирателямъ кандидатовъ, угодныхъ королю, и всегда добивалась избранія значительнаго министерскаго большинства. Въ палатѣ 1855 г., прозванной палатою «ландратовъ», ихъ насчитывалось 72.

Это представительство, въ такой степени послушное, не было даже необходимо. Установился обычай представлять палатѣ бюджетъ уже *послѣ* его израсходованія; палата вотировала его цѣликомъ, никогда не обсуждая и ограничиваясь простымъ утвержденіемъ его.

Нижняя палата пользовалась, впрочемъ, только половиною законодательной власти; верхняя палата всегда могла противодѣйствовать ея рѣшеніямъ. Но король не захотѣлъ, чтобы верхняя палата осталась выборною, по образцу бельгійской, какою ее создала конституція. Онъ стоялъ за аристократическую палату, какая существовала въ другихъ монархіяхъ, и заставилъ палаты предоставить ему право организовать верхнюю палату королевскимъ указомъ (1853 г.). Окончательный уставъ (1854 г.) учредилъ палату господъ (*Herrenhaus*), составленную изъ наслѣдственныхъ и пожизненныхъ членовъ трехъ категорій: 1) изъ королевскихъ принцевъ; 2) изъ высшаго дворянства, составлявшаго наслѣдственныхъ членовъ ландтага 1847 г.; 3) изъ пожизненныхъ членовъ, назначавшихся королемъ по своему усмотрѣнію или по ходатайству дворянскихъ семействъ, крупныхъ землевладѣльцевъ, университетовъ и городовъ. Число членовъ неограничено; оно колебалось отъ 200 до 400 слишкомъ; но дворяне всегда преобладали и поддерживали короля противъ выборной палаты.

Это глубое измѣненіе конституціи, противорѣчившее ея основнымъ принципамъ, было сдѣлано простымъ королевскимъ указомъ и никогда не санкціонировалось правильно изданнымъ закономъ; вслѣдствіе этого многіе теоретики прусскаго государственнаго права считаютъ палату господъ неконституціонною. Тѣмъ не менѣе она остается частью законодательнаго корпуса, равнаго по власти выборной палатѣ. Прусскій парламентъ не получилъ общаго наименованія въ конституціи 1850 г.; король предложилъ старое, историческое названіе *ландтага;* но нижняя палата отвергла его (1855 г.); король, въ свою очередь, не захотѣлъ французскаго названія *палаты* (*Kammer*); министерство же пользовалось на практикѣ названіемъ *ландтагъ*, которое и осталось въ употребленіи.

Печать, которую конституція провозгласила свободною, была парализована судебными пре-

слѣдованіями или угрозами этихъ преслѣдованій. Одинъ депутатъ подвергся преслѣдованію за то, что возстановлялъ народъ противъ юнкеровъ; *Газета Избирателей* конфисковалась до трехъ разъ въ недѣлю.

Свобода политическихъ сходокъ была отмѣнена, были запрещены даже религіозныя собранія протестантскихъ диссидентовъ. Политическія ассоціаціи были распущены, и администрація мѣшала устройству собраній, лишая торговыхъ патентовъ тѣхъ продавцовъ спиртныхъ напитковъ, которые отдавали для этого въ наймы свое помѣщеніе. Нѣсколько демократовъ, обвиненныхъ въ заговорѣ, содержались въ предварительномъ заключеніи восемнадцать мѣсяцевъ.

Этотъ режимъ покоился на союзѣ двора, крупныхъ землевладѣльцевъ, офицеровъ и ортодоксальной протестантской партіи. Король, министры и «*Крестовая Газета*», сдѣлавшаяся офиціознымъ придворнымъ органомъ, заявляли о необходимости возстановить королевскій авторитетъ, вліяніе аристократіи и царство религіи.

Принимая одну депутацію въ Силезіи, король упрекалъ жителей въ томъ, что они «послѣдовали примѣру столицъ», и угрожалъ имъ своею немилостью, еслибы они снова провинились въ этомъ. «Въ городахъ живетъ злой духъ»—сказалъ онъ. Въ Эльбингѣ (1853 г.) онъ порицалъ «муниципальныя власти, которыя, слѣдуя деморализующимъ и антихристіанскимъ стремленіямъ, еще поклоняются грязнымъ и нездоровымъ завоеваніямъ постыдной эпохи». Ректоръ берлинскаго университета, Шталь, заявилъ въ своемъ знаменитомъ тостѣ, что «наука должна сдѣлать поворотъ», и упрекалъ ее въ томъ, что она «боролась съ существующимъ порядкомъ и въ частности съ лицами, имѣющими власть».

Дворяне добились измѣненія конституціи, уничтожившей ихъ привилегіи. Была возстановлена неотчуждаемость дворянскихъ имѣній (1852 г.); была возвращена землевладѣльцамъ вотчинная полиція (1856 г.). Была остановлена реорганизація административнаго управленія провинцій, уѣздовъ и общинъ, внесенная въ конституцію; даже законы 1850 г., положившіе ей начало, были отмѣнены. Были возстановлены провинціальные штаты, уѣздныя собранія и помѣщичья администрація въ общинахъ, какъ было до 1848 г.

Пруссія снова оказалась подъ управленіемъ чиновниковъ и крупныхъ землевладѣльцевъ изъ дворянъ, и подъ личнымъ правительствомъ короля и министровъ, замаскированныхъ демократическимъ представительствомъ, подобно тому, какъ это было во Франціи въ ту эпоху.

Этотъ порядокъ продолжался до того времени, когда душевная болѣзнь Фридриха-Вильгельма IV сдѣлала такіе успѣхи, что онъ оказался не въ состояніи заниматься дѣлами и передалъ бразды правленія своему брату, сначала какъ временному замѣстителю (окт. 1858 г.), а затѣмъ—какъ *регенту*. Вильгельмъ присягнулъ конституціи (1858 г.) и назначилъ министрами сторонниковъ реформъ, но онъ заявилъ офиціально, что не слѣдовало разсчитывать на перемѣну въ направленіи политики. «Что обѣщано, будетъ сдѣлано; что не обѣщано, встрѣтитъ отпоръ».

Политика Пруссіи въ общегерманскихъ дѣлахъ.—Втеченіе всего этого періода, съ самаго 1814 г., Пруссія стремилась распространить свою власть на всю остальную Германію. Какъ и Австрія, она была одновременно великою европейскою державою и частью своихъ провинцій входила въ составъ Германскаго Союза. Но въ Австріи только незначительное меньшинство населенія было нѣмецкимъ (8 милліоновъ изъ 36), и ея нѣмецкія земли соприкасались съ остальною Германіею только въ ея юговосточномъ углу; между тѣмъ какъ Пруссія, населенная почти исключительно нѣмцами, состояла изъ провинцій, разбросанныхъ по всему Союзу, соприкасавшихся съ двадцатью восемью нѣмецкими государствами и экономически тѣсно связанныхъ съ другими областями Германіи. Такимъ образомъ Пруссія, въ гораздо большей степени нѣмецкая, чѣмъ Австрія, могла слиться съ Германіей и стать во главѣ ея. Она пыталась достигнуть этого тремя путями: военнымъ, политическимъ и торговымъ.

Она обладала лучшею арміею въ Германіи, охраняла половину западной границы, которой, какъ предполагалось, угрожала Франція, и держала свои гарнизоны въ союзныхъ крѣпостяхъ. Еще съ 1815 г. она добивалась, чтобы Сеймъ предоставилъ ей высшее командованіе надъ войсками другихъ нѣмецкихъ государствъ, — по крайней мѣрѣ государствъ сѣверной Германіи (Австрія же должна была бы командовать войсками южной Германіи); но за исключеніемъ критическихъ моментовъ, когда страхъ французскаго нашествія давалъ Пруссіи временное вліяніе на государства, которымъ угрожала эта опасность (1830, 1840, 1848 г.), германскія правительства всегда противились реформѣ, которая должна была передать военное управленіе въ руки Пруссіи, и союзная армія осталась децентрализованной.

Что касается политическаго руководительства, то до 1848 г. прусскій король предоставлялъ его Австріи; когда же въ 1848 г. революціонный франкфуртскій парламентъ предложилъ ему корону императора Германіи, то Фридрихъ-Вильгельмъ отвергъ эту корону, желая получить ее только «изъ рукъ равныхъ себѣ» (см. выше). Но нѣмецкіе государи, въ особенности носившіе королевскій титулъ, не согласились подчиниться равному имъ прусскому королю, котораго они обвиняли въ стремленіи возвыситься на ихъ счетъ; они предпочитали поддерживать австрійскаго императора, который былъ выше ихъ по

своему сану и не могъ желать территоріальныхъ присоединеній въ свою пользу, ни единства Германіи.

Таможенный Союзъ.—Начало германскому единству подъ гегемоніею Пруссіи было положено не въ военной и не въ политической области, а въ торговой. Первою формою этого объединенія былъ Таможенный Союзъ (*Zollverein*), созданный и руководимый Пруссіею. Онъ установлялся медленно (начатый въ 1818 г., онъ достигъ полнаго осуществленія только въ 1853), съ трудомъ преодолѣвая сопротивленіе нѣмецкихъ правительствъ, ослабѣвавшее только по мѣрѣ того, какъ они убѣждались въ приносимыхъ имъ этимъ союзомъ матеріальныхъ выгодахъ.

Ближайшею причиною его возникновенія было исключительно дурное экономическое положеніе Пруссіи послѣ 1815 г., обязавшее ее предпринять радикальную таможенную реформу. Прусскія провинціи никогда не составляли таможенной единицы; въ каждой изъ нихъ дѣйствовала особая таможенная система, такъ что въ Пруссіи существовало 67 различныхъ таможенныхъ тарифовъ. Прусскую территорію, раздѣленную на двѣ части, состоявшія изъ многихъ кусковъ со включенными въ нихъ черезполосными владѣніями, трудно было окружить таможенною линіею; сложность и длина ея границъ (болѣе 7.000 километровъ) открывала легкій доступъ контрабандѣ.

Чиновнику, на котораго была возложена организація таможни, Маассену, удалось однако установить общую линію съ общей администраціей и однообразнымъ таможеннымъ тарифомъ для всего королевства (1818 г.). Не будучи въ состояніи остановить контрабанду прямымъ путемъ, онъ рѣшился ослабить ее очень низкими ввозными пошлинами: десятипроцентными для мануфактурныхъ товаровъ, которые могли проходить черезъ сухопутную границу, слишкомъ растянутую для таможеннаго надзора, и двадцатипроцентными для колоніальныхъ продуктовъ, привозившихся въ порты, которые было легче охранять отъ контрабанды. Чтобы избѣгнуть споровъ при оцѣнкѣ пошлинъ,—споровъ, которые могли бы внушить желаніе не имѣть дѣла съ таможнями, была принята болѣе грубая, но зато болѣе удобная система обложенія по вѣсу, размѣру или числу предметовъ. Такимъ образомъ Пруссія, благодаря ея неудобнымъ границамъ, была вынуждена усвоить наиболѣе либеральную торговую политику во всей Европѣ. Никакое другое крупное государство не обладало въ эту эпоху запретительныхъ пошлинъ таможеннымъ тарифомъ, настолько приближавшимся къ свободной торговлѣ.

Установивъ свою таможенную линію, Пруссія была вынуждена запереть ею входившія въ нее территоріи мелкихъ тюрингенскихъ государей. Она предложила этимъ государямъ дѣлить таможенные доходы пропорціонально числу жителей, включенныхъ въ таможенную границу; государи сначала протестовали противъ прусской тираніи, жаловались Союзному Сейму, но въ концѣ концовъ согласились. Первый таможенный трактатъ съ Шварцбургъ-Зондерсгаузеномъ (1819 г.) послужилъ образцомъ для таможенныхъ соглашеній со всѣми государствами, имѣвшими владѣнія внутри прусской территоріи. Такія владѣнія окончательно входили въ прусскую таможенную систему, подчинялись прусскимъ тарифамъ и чиновникамъ; заключившее трактатъ государство не принимало никакого участія въ таможенномъ управленіи, но получало свою долю таможенныхъ доходовъ, пропорціональную числу его жителей, включенныхъ въ таможенную границу, — что было для него очень выгодно въ финансовомъ отношеніи.

Прусское правительство стремилось войти въ соглашеніе съ центральными и южными нѣмецкими государствами, но ихъ государи долго отвергали всѣ предложенія Пруссіи, какъ посягавшія на ихъ суверенитетъ; они предпочитали входить въ соглашенія между собой и образовывать областные таможенные союзы. Съ 1820 по 1828 г. велись переговоры между государствами Тюрингіи, между государствами рейнскихъ береговъ и между двумя южными королевствами. Австрійское правительство, державшееся своей запретительной системы, не хотѣло ни допустить германскія государства къ таможенному союзу съ Австріей, ни позволить имъ войти въ прусскій союзъ.

Наконецъ, послѣ интригъ, тянувшихся годы, Пруссія, не успѣвши склонить своихъ ближайшихъ сосѣдей, заключила трактатъ съ великимъ герцогствомъ Гессенъ-Дармштадтскимъ, разрѣзаннымъ на двѣ части и чувствовавшимъ свою изолированность на западѣ. Для Пруссіи это была невыгодная финансовая операція: Гессенъ-Дармштадтъ, обладая территоріей только въ 150 квадратныхъ миль, увеличилъ ея пограничную линію на 110 миль. Но правительство руководилось политическими соображеніями и желало создать прецедентъ. Трактатъ съ Гессенъ-Дармштадтомъ 1828 г. дѣйствительно послужилъ образцомъ для таможенныхъ соглашеній со всѣми германскими государствами. Чтобы не нарушать суверенитета государства, заключавшаго трактатъ, этому трактату давался видъ таможеннаго союза (*Zollverein*), заключавшагося на равныхъ правахъ. Оба государства должны были дѣлить свои таможенные доходы; каждое охраняло свою собственную пограничную линію своими собственными таможенными чиновниками и посылало своего агента контролировать таможенную администрацію другого государства; трактатъ заключался только на шесть лѣтъ, по истеченіи которыхъ каждая изъ сторонъ снова становилась свободною. Но Пруссія обязывала

союзника принять свой тарифъ, свою систему пошлинъ на табакъ и свои торговые трактаты съ иностранными государствами; фактически таможеннымъ союзомъ заправляла Пруссія.

Въ видѣ конкуренціи прусскому союзу, господствовавшему на сѣверѣ, возникла южная таможенная лига (между Баваріей и Вюртембергомъ) и торговый союзъ центральной Германіи (1828 г.). Но южный и сѣверный союзы, которымъ угрожала опасность быть отрѣзанными, вошли между собою въ соглашеніе противъ ихъ общаго врага, центральнаго союза, и отдѣлили отъ него два маленькихъ государства, съ цѣлью разорвать линію, которая должна была ихъ раздѣлять. Центральный союзъ распался; Гессенъ-Кассель присоединился къ Таможенному Союзу (1831 г.); въ 1832 г. за нимъ послѣдовали южныя государства, а съ 1833 г.—большинство всѣхъ остальныхъ. Въ 1836 г. почти вся Германія присоединилась къ прусскому Таможенному Союзу путемъ отдѣльныхъ договоровъ между Пруссіей и каждымъ изъ государствъ; эти договоры носили характеръ временныхъ торговыхъ трактатовъ. Остались внѣ союза только Мекленбургъ, вольные ганзейскіе города и сѣверозападныя государства (Ганноверъ, Брауншвейгъ, Ольденбургъ); они образовали отдѣльный союзъ съ болѣе низкимъ таможеннымъ тарифомъ. Таможенный Союзъ объединилъ двадцатипятимилліонное населеніе, и его таможенная граница была менѣе растянута, чѣмъ одна прежняя прусская таможенная линія.

Это устройство приносило столь очевидныя выгоды, что, не смотря на все недовѣріе германскихъ правительствъ къ Пруссіи, трактаты, по истеченіи ихъ срока, были возобновлены на 12 лѣтъ (до 1853 года).

Въ 1850 г. послѣ неудавшейся попытки политическаго союза и дипломатическаго пораженія Пруссіи, германскіе государи захотѣли выйти изъ прусскаго Таможеннаго Союза, чтобы образовать союзъ съ Австрісй на основахъ болѣе высокаго тарифа; они находили прусскій тарифъ недостаточно покровительственнымъ. Пруссія, не желая допустить въ союзъ Австрію, обратилась къ сѣверо-западнымъ государствамъ, оставшимся внѣ Таможеннаго Союза, потому что они находили его тарифъ слишкомъ высокимъ для своихъ сношеній съ Англіею, и заключила съ ними союзъ, понизивъ свои таможенныя пошлины. Прежній Таможенный Союзъ разрушился (1852 г.), но его старые члены, послѣ тщетныхъ переговоровъ съ Австріей, кончили тѣмъ, что снова вошли въ него (1853 г.) на 12 лѣтъ.

Таможенный Союзъ путемъ отдѣльныхъ и временныхъ трактатовъ почти осуществилъ то торговое единство, котораго не удалось установить Сейму. Всѣ германскія государства образовали единую группу подъ руководствомъ Пруссіи и съ исключеніемъ Австріи.

ГЛАВА XV.

Объединеніе Германіи.

Преобразованіе прусской арміи.—Образованіе прогрессистской партіи.—Конституціонный конфликтъ.—Національное и либеральное движеніе въ Германіи.—Герцогства Шлезвигъ и Голштинія.—Распаденіе Германскаго Союза.—Расширеніе Пруссіи.—Возникновеніе Сѣверо-Германскаго Союза.—Преобразованіе партій.—Южная Германія.—Основаніе Имперіи.

Германія, ранѣе составлявшая, вслѣдствіе соперничества Пруссіи и Австріи, только союзъ государствъ, обратилась въ единую націю, благодаря побѣдѣ Пруссіи. Основаніе новой Германской Имперіи было подготовлено долговременною борьбою и рядомъ преобразованій. Но втеченіе всего этого періода объединенія Германіи (1859—1871 гг.) исторія Пруссіи такъ тѣсно связана съ исторіей другихъ германскихъ государствъ, что мы считаемъ удобнѣе излагать ихъ вмѣстѣ.

Преобразованіе прусской арміи (1850—1862 гг.).—Прусскій наслѣдный принцъ Вильгельмъ, бывшій регентомъ съ 1858 г., сдѣлался, наконецъ, на шестьдесятъ третьемъ году своей жизни, королемъ Вильгельмомъ I (янв. 1861 г.). Очень нелюбимый прусскими и германскими либералами, какъ глава прусской «военной партіи», онъ всегда съ особенною любовью занимался арміей. Получивъ въ свои руки власть, онъ началъ преобразовывать прусскую военную систему.

Законъ 1814 г. установилъ въ принципѣ всеобщую трехлѣтнюю военную службу въ дѣйствующей арміи; но въ то время, какъ населеніе Пруссіи увеличилось въ полтора раза (съ 12 милліоновъ до 18), кадры арміи остались почти неизмѣнными; вмѣсто 40,000 новобранцевъ, теперь ихъ было ежегодно около 63,000, и дѣйствительная армія въ 130,000 человѣкъ уже не могла вмѣстить въ свои кадры всего этого контингента. Пришлось призывать только часть молодыхъ людей и держать ихъ на службѣ только два года; такимъ образомъ на практикѣ было отступлено отъ обоихъ принциповъ: и отъ всеобщей воинской повинности, и отъ трехлѣтней службы. Такъ какъ служба въ запасѣ продолжалась только два года, то его не доставало

для приведенія арміи на военное положеніе; чтобы довести ея численность до 400,000 человѣкъ, надо было призвать изъ зачисленныхъ въ ландверъ всѣхъ до тридцати-двухъ-лѣтняго возраста, т. е. брать на службу отцовъ семействъ. Но ландверъ не могъ замѣнить линейныхъ войскъ и налагалъ болѣе тяжелыя жертвы на населеніе.

Вильгельмъ совершилъ двѣ реформы: 1) Онъ преобразовалъ армію, вернувшись къ трехлѣтней всеобщей воинской повинности. Весь контингентъ 63,000 рекрутовъ призывался на службу и оставался въ ней три года; это доводило численность дѣйствующей арміи почти до 200,000 человѣкъ. 2) Продолжительность пребыванія въ запасѣ была увеличена съ двухъ до четырехъ лѣтъ; въ ландверѣ же она была уменьшена, и изъ него выходили уже не 40, а 32 лѣтъ.—Три года службы въ дѣйствительной арміи и четыре года въ запасѣ молодыхъ людей отъ 20 до 27-лѣтняго возраста позволяли имѣть подъ ружьемъ 440,000 человѣкъ, не призывая ландвера, что дѣлало армію одновременно и болѣе молодой, и лучше обученной. Но для этой реформы необходимо было создать кадры и увеличить военныя издержки.

Вильгельмъ воспользовался мобилизаціей прусской арміи въ 1859 г. во время войны въ Италіи; распустивши людей батальоновъ ландвера, призванныхъ въ этотъ моментъ, онъ сохранилъ ихъ кадры. Но деньги, необходимыя для этихъ кадровъ, были вотированы только на одинъ годъ. Вильгельмъ предложилъ палатамъ законъ о преобразованіи арміи и увеличеніе поземельнаго налога на покрытіе требуемыхъ имъ издержекъ. Реорганизація арміи не понравилась палатѣ депутатовъ, желавшей сохранить двухлѣтнюю службу; поземельный налогъ не понравился палатѣ господъ. Правительство согласилось на компромиссъ: ландтагъ возобновилъ на одинъ годъ дополнительный кредитъ въ качествѣ временной дополнительной мѣры для увеличенія могущества арміи (май 1860 г.).

Несмотря на слово *временно*, внесенное поправкою палаты, правительство поступало такъ, какъ будто бы реорганизація арміи была рѣшена окончательно; оно преобразовало временные батальоны въ регулярные полки съ соотвѣтствующимъ номеромъ и знаменемъ. Палата продолжала вотировать дополнительный кредитъ, объявляя его попрежнему временнымъ.

Палата депутатовъ въ Пруссіи не имѣла такой же реальной власти, какъ въ парламентскихъ государствахъ западной Европы. Созданная недавно, въ періоды революціоннаго движенія, она была низведена абсолютистской реакціей до роли совѣщательнаго учрежденія. Ея право вотировать законы и налоги, внесенное въ конституцію, сводилось къ праву отвергать новые законы и налоги; у нея не было никакого реальнаго способа воздѣйствовать на министровъ и ихъ чиновниковъ, оставшихся истинными обладателями власти.

Вступивъ въ управленіе, Вильгельмъ призналъ конституцію; но онъ истолковывалъ ее сообразно роялистскимъ традиціямъ, не какъ договоръ между народомъ и королемъ, а какъ регламентъ, устанавливающій извѣстный порядокъ выполненія общественныхъ мѣропріятій. Онъ еще смотрѣлъ на короля, какъ на облеченнаго верховной властью свыше, дававшею ему право и налагавшею на него обязанность руководить правительствомъ и въ особенности необходимыми орудіями государственной защиты: арміею и дипломатіей. Это была приблизительно доктрина англійскихъ тори о королевской прерогативѣ, подкрѣпленная гогенцоллернскими традиціями, дѣлавшими короля наслѣдственнымъ главою арміи.

Однако поведеніе короля могло отчасти успокоить либераловъ. Онъ отстранилъ феодальную партію, окружавшую Фридриха-Вильгельма IV, и составилъ министерство изъ приверженцевъ конституціи. Реакція 1850 г. кончилась, и конституція была признана окончательно; началась «новая эра». Она была отмѣчена выборами 1858 г., пославшими въ палату значительное большинство либеральныхъ конституціоналистовъ. Это большинство старалось дѣйствовать въ согласіи съ министерствомъ *новой эры*, которое съ своей стороны предложило либеральную реформу, разрѣшавшую гражданскій бракъ (эта реформа была отвергнута палатою господъ). Палата избѣгла столкновенія по вопросу о реорганизаціи арміи, согласившись продолжить кредитъ, но въ 1861 г. она вотировала его продолженіе только большинствомъ одиннадцати голосовъ и «въ знакъ недовольства» убавила его.

Сдѣлавшись королемъ, Вильгельмъ двумя манифестаціями отмѣтилъ несогласіе, начавшее возникать между нимъ и либералами. Его прокламація «къ своему народу» (7 янв. 1861 г.) съ одобреніемъ воспроизводила слова его предшественника, сказанныя въ 1847 г.: «Я и мой домъ хотимъ служить Господу». При торжественномъ короновании въ Кенигсбергѣ, возстановленномъ согласно старинному обычаю и замѣнившемъ церемонію присяги, король созвалъ палаты ландтага, но не преминулъ изложить имъ свою доктрину божественнаго права: «Прусскіе государи, сказалъ онъ, получаютъ свою корону отъ Бога. Завтра я возьму корону съ престола Господа и возложу ее на свою голову». Дѣйствительно, онъ взялъ корону съ алтаря и заявилъ еще разъ: «Я первый король, вступающій на тронъ, окруженный новѣйшими учрежденіями; но, не забывая, что корона получается только отъ Бога, я объявляю, что принялъ ее изъ Его рукъ».

Образованіе прогрессистской партіи (1861—62 г.). — Между Вильгельмомъ I, королемъ

«Божіею милостію», и либеральною партіей, составлявшею большинство въ нижней палатѣ, начался конфликтъ, длившійся, въ очень острой формѣ, четыре года (1862—66 г.). Во время выборовъ 1861 г. возникла новая партія «*нѣмецкихъ прогрессистовъ въ Пруссіи*». Своимъ избирательнымъ манифестомъ она поставила себя въ открытую оппозицію съ министерствомъ, какъ по внутренней, такъ и по германской политикѣ Пруссіи: въ области внутренней политики эта партія требовала «реализаціи конституціоннаго государства *)», отвѣтственности чиновниковъ, т. е. права преслѣдовать ихъ судомъ (это составляло въ ту эпоху излюбленное требованіе всѣхъ либеральныхъ партій въ Европѣ), — закона объ отвѣтственности министровъ, хотя и внесенной въ конституцію 1850 г., но еще не регламентированной, — реформы мѣстной и провинціальной администраціи съ цѣлью отмѣны привилегій крупныхъ землевладѣльцевъ, — реформы первоначальнаго образованія съ цѣлью сдѣлать его независимымъ отъ духовенства, — гражданскаго брака, — суда присяжныхъ для печати, — двухлѣтней военной службы для сокращенія расходовъ на армію. Чтобы сдѣлать возможными всѣ эти мѣры, прогрессистская партія требовала «прежде всего, какъ начала всѣхъ реформъ», «коренного преобразованія палаты господъ, враждебной всякому прогрессу». — Въ области германской политики партія требовала «объединенія Германіи» съ «сильною центральною властью въ рукахъ Пруссіи» и «общаго представительства всего нѣмецкаго народа», т. е. возвращенія къ программѣ 1849 г. — Прогрессистская партія вступала въ борьбу одновременно съ чиновниками, аристократіей и духовенствомъ.

Феодальная партія отвѣтила на это чисто отрицательнымъ манифестомъ, отвергавшимъ всѣ требованія прогрессистовъ.—Либеральное большинство выходящихъ депутатовъ ограничилось тѣмъ, что совѣтовало избѣгать всякой торопливости.

Въ палатѣ, избранной въ 1861 г., руководящую роль играла прогрессистская партія; она имѣла своихъ приверженцевъ въ большихъ городахъ и промышленныхъ провинціяхъ Рейнской, Силезской и Саксонской. — Прежняя либеральная партія свелась къ незначительному меньшинству. — Между этими двумя партіями стоялъ лѣвый центръ, поддерживавшій во время конфликта прогрессистовъ.

Палата стала въ болѣе рѣшительное положеніе по отношенію къ министрамъ. Она отказалась вотировать временные кредиты и потребовала правильно-составленнаго бюджета съ болѣе подробными смѣтами по отдѣльнымъ вѣдомствамъ и прекращенія перевода суммъ изъ одной статьи въ другую. Министерство подало въ отставку. Король предпочелъ распустить палату и составилъ боевое министерство (Гогенлоэ), въ мартѣ 1862 г.

Конституціонный конфликтъ (1862—66 г.). Борьба завязалась между палатою депутатовъ, представлявшею народъ, и королемъ, котораго поддерживали министры и палата господъ. Поводомъ для борьбы послужилъ прежде всего практическій вопросъ.—Избиратели хотѣли сохранить двухлѣтнюю воинскую повинность, функціонировавшую уже двадцать лѣтъ и казавшуюся достаточной для защиты страны; имъ не нравилось увеличеніе налоговъ съ цѣлью еще большаго отягощенія ихъ воинскою повинностью. Ихъ рѣшимость была такъ велика, что они противились даже королю; ихъ не могли поколебать ни распущеніе, ни королевскіе манифесты; они дважды (1862 и 1863 гг.) избирали снова прогрессистовъ. — Король энергически стоялъ за организацію арміи; онъ находилъ ее необходимой и считалъ себя высшимъ судьею въ военномъ дѣлѣ. Онъ отрицалъ за палатою право отказывать ему въ деньгахъ, необходимыхъ для выполненія его обязанности главы арміи, и считалъ долгомъ поддерживать свою реформу. Онъ готовъ былъ скорѣе отречься отъ престола, чѣмъ согласиться на двухлѣтнюю службу.

Это столкновеніе по практическому вопросу повело за собою принципіальный конфликтъ, еще новый въ исторіи Пруссіи. До того времени королю всегда принадлежало верховное рѣшеніе по вопросу объ организаціи арміи. Если онъ объявлялъ военную реформу необходимой, то имѣла ли палата право отказывать ему въ необходимыхъ для этой реформы денежныхъ средствахъ? Вильгельмъ косвенно разрѣшилъ этотъ вопросъ, *окончательно* сформировавши полки, для которыхъ палата вотировала только *временный* кредитъ. — Но съ другой стороны, если палата была обязана вотировать всякій кредитъ, требуемый королемъ, какъ необходимый, она теряла единственное реальное право, признанное за нею конституціей, — право вотировать налоги; она нисходила до уровня совѣщательнаго совѣта.

Министерство представило этотъ конфликтъ какъ борьбу за обладаніе властью. Вопросъ шелъ о томъ, «должна ли правительственная власть остаться въ рукахъ короны... или перейти къ палатѣ депутатовъ»; въ циркулярѣ чиновникамъ, приказывавшемъ имъ дѣйствовать на избирателей, говорилось о «рѣзкой оппозиціи» между королевскимъ правительствомъ и «демо-

*) *Rechtsstaat* (правовое государство); этотъ юридическій терминъ употреблялся нѣмецкими теоретиками государственнаго права для обозначенія государства, въ которомъ всѣ акты регламентированы законами, въ противоположность *Polizeistaat* (полицейское государство), въ которомъ чиновники рѣшаютъ дѣла административнымъ порядкомъ.

кратической партіей», стремившейся установить «такъ называемое парламентарное правительство», перенеся центръ тяжести публичной власти отъ короны къ народному представительству».— Прогрессистская партія защищалась отъ обвиненія въ томъ, что она «затрогивала конституціонныя права короны»; вопросъ шелъ только о томъ, «должно-ли имѣть какое-нибудь значеніе, на ряду съ огромною властью правительства, конституціонное право представителей народа».

Такимъ образомъ вопросъ не былъ поставленъ такъ ясно, какъ во Франціи во времена Карла X, въ видѣ конфликта между конституціоннымъ и парламентарнымъ образомъ правленія. Рѣчь шла не только о томъ, кому—королю или палатѣ—должно было вообще принадлежать послѣднее слово. Обѣ стороны не могли придти къ соглашенію даже въ самой постановкѣ вопроса. Король заявлялъ, что поддерживаетъ конституціонный образъ правленія противъ попытки ввести парламентарный режимъ; палата говорила, что она защищала конституціонный режимъ противъ абсолютистскихъ притязаній. Вопросъ запутывался тѣмъ, что палата основывала свои права на конституціи 1850 г., скопированной съ бельгійской, построенной на принципѣ народнаго суверенитета; между тѣмъ какъ король основывалъ свои права на традиціяхъ неограниченной военной монархіи. Когда произошелъ конфликтъ между этими двумя властями, противоположными по своему происхожденію, то ни конституція, ни традиціи не указывали никакого пути для его разрѣшенія.

Король началъ съ распущенія палаты (1862 г.); но прогрессистская партія была снова избрана и въ такомъ числѣ, что одна составляла большинство. Прежняя министерская либеральная партія исчезла.

Министерство попыталось примирить съ собою большинство уступками во внѣшней политикѣ признаніемъ Итальянскаго королевства, вмѣшательствомъ въ дѣла Гессенъ-Касселя и неопредѣленными обѣщаніями относительно арміи. Но послѣ долгихъ переговоровъ палата, чтобы поддержать свое право, отказала громаднымъ большинствомъ въ кредитѣ на реорганизацію арміи, вотировавшемся въ предыдущіе годы.

Король колебался, чуть не отказался отъ престола и даже приготовилъ актъ объ отреченіи, но потомъ призвалъ Бисмарка и поручилъ ему составить боевое министерство. Бисмаркъ, бранденбургскій дворянинъ, еще въ 1847 г. выдался своею ненавистью къ парламентарному правленію и къ революціи и своею преданностью абсолютной монархіи. Въ 1849 г. онъ протестовалъ противъ введенія въ монархическую Пруссію западныхъ конституціонныхъ учрежденій, въ особенности же противъ вотированія бюджета палатою. Онъ согласился составить министерство и обѣщалъ королю не уступать.

Бисмаркъ вступилъ во власть уже съ твердо установленной политической программой, которую онъ выразилъ въ нѣсколькихъ символическихъ формулахъ: «Мы любимъ носить вооруженіе слишкомъ большое для нашего маленькаго тѣла; но намъ слѣдовало бы и воспользоваться имъ». Онъ сказалъ также: «Германія обращаетъ вниманіе не на либерализмъ Пруссіи, а на ея силу». «Единство Германіи осуществится не рѣчами и не рѣшеніями большинства, а *желѣзомъ и кровью*». Будучи посланникомъ Пруссіи на Союзномъ Сеймѣ, онъ научился презирать Германскій Союзъ, въ которомъ Пруссія всегда была въ меньшинствѣ; онъ желалъ его распаденія и желалъ войны съ Австріей; а ради этой войны, отъ которой зависѣла судьба Германіи, онъ хотѣлъ, чтобы прусская армія была сильна и способна къ быстрымъ передвиженіямъ. Такимъ образомъ онъ такъ же, какъ и король, стоялъ за военную реорганизацію.

Поручивши министерство такому видному представителю юнкерской партіи, король окончательно разорвалъ съ палатой. Когда Бисмаркъ явился въ бюджетную комиссію съ оливковою вѣтвью, сорванною имъ въ Авиньонѣ, то этотъ символъ примиренія показался насмѣшкой. Палата поставила конституціонный вопросъ; она не хотѣла, чтобы временно продолжались расходы предыдущаго года, ранѣе ихъ новаго вотированія, и объявила «противнымъ конституціи, чтобы правительство производило расходы, отвергнутые палатою». Въ отвѣтъ на это министерство перенесло свой бюджетъ въ палату господъ, которая вотировала его огромнымъ большинствомъ. Палата объявила это рѣшеніе неимѣющимъ силы, такъ какъ оно противорѣчило конституціи, согласно которой бюджетъ долженъ былъ вотироваться сначала палатою депутатовъ.

Объявляя конституцію нарушенною министрами, палата основывалась на формальныхъ текстахъ *). Бисмаркъ выставилъ противъ этого обвиненія теорію конституціоннаго пробѣла. Онъ призналъ, что министерство оказывалось «вынужденнымъ выполнять государственный бюджетъ безъ соблюденія условій, предписанныхъ конституціей», но утверждалъ, что оно было обязано» покрыть расходы, необходимые для поддержанія государственныхъ учрежденій и блага страны». Въ конституціи не было никакого постановленія на этотъ случай. Этотъ пробѣлъ

*) «Всѣ государственные приходы и расходы должны ежегодно заранѣе высчитываться и вноситься въ государственный бюджетъ; этотъ бюджетъ ежегодно устанавливается закономъ» (ст. 99). «Налоги и всѣ платежи въ государственное казначейство могутъ взиматься только въ томъ случаѣ, если они внесены въ бюджетъ или установлены особыми законами» (ст. 100).

могъ быть пополненъ только обращеніемъ къ праву, предшествовавшему конституціи 1850 г. Но въ Пруссіи прежнее право признавало неограниченную власть короля; слѣдовательно королю должно было принадлежать право приводить въ порядокъ бюджетъ. Конституція 1850 г. установила три законодательныхъ власти — короля, палату депутатовъ и палату господъ, признавши за всѣми тремя равную власть, даже въ дѣлѣ бюджета. Ни одна изъ нихъ не можетъ принуждать другія къ уступкамъ. Въ случаѣ разногласій конституція не указываетъ никакого выхода; она предполагаетъ соглашеніе путемъ компромиссовъ. «Если компромиссъ становится невозможнымъ, потому что одна изъ властей хочетъ навязать свои рѣшенія съ доктринерскимъ абсолютизмомъ, тогда... вмѣсто компромиссовъ возникаютъ конфликты, а такъ какъ государственная жизнь не можетъ остановиться, то конфликты становятся вопросами силы. Въ чьихъ рукахъ сила, тотъ и идетъ впередъ по своему пути». Эта фраза, искаженная противниками Бисмарка, обратилась въ знаменитую формулу: «Сила господствуетъ надъ правомъ».

Конфликтъ перешелъ въ борьбу двухъ силъ. Но палата обладала только нравственною силою общественнаго мнѣнія и теоретическимъ правомъ вотировать бюджетъ. Министерство, поддерживаемое королемъ, обладало матеріальною силой войска и практическою возможностью взимать налоги. Министерство «пошло впередъ по своему пути». Оно оставалось у власти три года, съ неконституціоннымъ бюджетомъ, незаконно вотировавшимся палатою господъ. Оно добилось распущенія палаты депутатовъ (1863 г.). Палата была снова избрана съ еще болѣе значительнымъ прогрессистскимъ большинствомъ. Министерство не было поколеблено; оно ограничилось тѣмъ, что болѣе не представляло бюджета палатѣ депутатовъ и сокращало, насколько могло, сессіи ландтага. Противъ своихъ противниковъ оно ввело въ Пруссіи пріемы императорскаго режима Наполеона III (см. гл. VI).

Офиціальныя кандидатуры, уже испробованныя въ 1862 г. въ формѣ циркуляра чиновникамъ, были установлены открыто. Указъ короля объявилъ, что присяга, приносимая должностными лицами, предписывала имъ, «какъ избирателямъ, слѣдовать пути, указанному королемъ для своихъ чиновниковъ».

Чтобы бороться съ газетами, правительство, путемъ указа, отмѣнило свободу печати, установленную конституціей, и ввело систему *предостереженій*. Оно дало администраціи право дѣлать *предостереженіе* всякой газетѣ, опасной «для общественнаго блага», и останавливать ее послѣ двухъ предостереженій, оправдывая эту мѣру необходимостью прекратить критику дѣйствій правительства. Главныя либеральныя газеты были запрещены или принуждены молчать.—Противъ выборныхъ муниципалитетовъ правительство дѣйствовало отказомъ утверждать избранныхъ лицъ и назначеніемъ на ихъ мѣсто своихъ комиссаровъ, чего еще ни разу не случалось въ Пруссіи со времени учрежденія муниципалитетовъ.

Этому правительственному давленію народъ и его представители могли противопоставить только заявленія общественнаго мнѣнія. Палата вотировала адресы, которые король отказывался принимать: протестъ противъ указа о печати, какъ противнаго конституціи; слѣдствіе по давленію на избирателей, которое министерство не позволило произвесть; проектъ закона объ отвѣтственности министровъ (1863 г.). Городскіе совѣты подали петиціи; министерство наказало ихъ за это штрафами; города пытались устраивать собранія, которыя правительство запрещало; они отказались праздновать день рожденія короля.

Въ это же время палата протестовала противъ внѣшней политики Бисмарка: противъ трактата съ русскимъ правительствомъ о выдачѣ польскихъ инсургентовъ, скрывавшихся въ Пруссіи, противъ шлезвигъ-гольштинской экспедиціи (1864 г.) и противъ войны съ Австріей (1866 г.).

Національное и либеральное движеніе въ Германіи (1859—64 гг.).—Итальянская война оживила политическую жизнь какъ въ Пруссіи, такъ и въ другихъ германскихъ государствахъ. Съ 1859 г. Германія вышла изъ абсолютистской и партикуляристской реакціи и вступила въ періодъ національной и либеральной агитаціи. Это было время смутъ и конфликтовъ. Правительства отдѣльныхъ государствъ желали удержать неограниченный образъ правленія; ихъ либеральные подданные требовали возвращенія къ конституціонному режиму 1848 года. Правительства отстаивали свой суверенитетъ, національныя партіи требовали единства Германіи. Почти повсюду шла борьба національной и либеральной партіи противъ партикуляристской и абсолютистской. Но партія объединенія сама распадалась на сторонниковъ двухъ большихъ державъ—Австріи и Пруссіи. Такимъ образомъ внутри каждаго государства происходили конфликты по внутреннимъ вопросамъ и по національной политикѣ, въ Союзѣ—конфликтъ между двумя великими державами, и наконецъ во всей Германіи—конфликтъ между ихъ сторонниками.

Внутри государствъ выборная палата боролась съ чиновниками во имя конституціи или свободы. Наиболѣе громкое столкновеніе произошло въ Гессенъ-Кассельѣ по поводу конституціи 1831 г., незаконно отмѣненной въ 1849 г.; курфюрстъ, которому угрожало вмѣшательство другихъ государей, былъ вынужденъ возстановить конституцію.

Что касается національнаго вопроса, то съ тѣхъ поръ какъ въ Германіи стали бояться нападенія Наполеона III, въ ней явилось общее сознаніе необходимости преобразованія Союза съ цѣлью сдѣлать его способнымъ къ сопротивленію внѣшнему врагу. Но относительно самой реформы существовало то же разногласіе, какъ и въ 1848 г., въ виду тѣхъ же двухъ вопросовъ, оставшихся неразрѣшенными: 1) Кому принадлежала бы руководящая роль въ Союзѣ? Прусскій король хотѣлъ вступить въ него только въ томъ случаѣ, еслибы онъ былъ признанъ его главою; другіе же государи не хотѣли слышать о прусскомъ королѣ. 2) Какія страны должны были войти въ Союзъ? Австрія желала вступить въ него только во всемъ своемъ составѣ; германцы же не хотѣли допустить въ него всю Австрійскую имперію. Такимъ образомъ снова явились на сцену обѣ партіи 1848 г.: прусская *Kleindeutsche* (мало-германская) и австрійская *Grossdeutsche* (велико-германская).

Образовалось два частныхъ общества, каждое изъ которыхъ вело агитацію въ пользу одной изъ этихъ партій. *Національный Союзъ*, основавшійся еще въ 1859 г. по образцу итальянскаго Союза, съ цѣлью добиться объединенія Германіи, предлагалъ тѣсный союзъ съ палатой представителей и подъ руководительствомъ Пруссіи, согласно плану, проектированному въ 1850 г. Во главѣ этого общества стояли бывшіе члены готскаго съѣзда, преимущественно профессора; оно находило приверженцевъ въ сѣверной Германіи. *Союзъ Реформы*, возникшій въ 1862 г., требовалъ напротивъ того менѣе тѣснаго союза съ коллективной *директоріей* и палатой, составленной изъ делегатовъ отъ всѣхъ ландтаговъ, такъ чтобы въ нее могла войти и Австрія. Это общество имѣло сторонниковъ въ южной Германіи, преимущественно въ Баваріи.

Пропаганда этихъ обществъ, въ періодъ возрожденія общественной жизни (1859—63 гг.), когда происходило множество патріотическихъ празднествъ и научныхъ конгрессовъ, привлекла къ себѣ общественное вниманіе и даже встревожила правительства нѣкоторыхъ государствъ (многіе изъ нихъ запретили своимъ подданнымъ вступать въ *Національный Союзъ*). Но фактическое разрѣшеніе вопроса зависѣло отъ двухъ большихъ нѣмецкихъ державъ.

Австрійское правительство, только что установившее въ 1861 г. конституціонный образъ правленія въ своей имперіи, имѣло на своей сторонѣ большинство германскихъ государей, враговъ прусскаго короля. Они съѣхались въ 1859 г. въ Вюрцбургѣ на совѣщаніе и предложили реформу Союза; обсужденіе ея велось медленно, втеченіе болѣе трехъ лѣтъ. Пруссія отвергла ихъ проектъ. Австрія приняла его въ принципѣ и послѣ долгихъ переговоровъ созвала конгрессъ государей во Франкфуртѣ (августъ 1863 г.), который и принялъ австрійскій проектъ реформы: директорія изъ шести членовъ (Австрія, Пруссія, Баварія; тремя остальными членами должны были поочередно являться другіе германскіе государи);—Союзный Совѣтъ изъ 21 голоса, который могъ вотировать войну только большинствомъ двухъ третей;—собраніе изъ 302 делегатовъ отъ ландтаговъ различныхъ государствъ;—Союзный Судъ. Двадцать четыре государя присоединились къ этому рѣшенію. Но реформа могла состояться только при согласіи Пруссіи, а Пруссія отказала въ немъ.

Бисмаркъ болѣе не желалъ сохраненія Союза, въ который входила Австрія, такъ какъ она всегда имѣла возможность стѣснять Пруссію. Онъ хотѣлъ замѣнить прежній Германскій Союзъ союзомъ между всѣми германскими государствами, съ исключеніемъ изъ него Австріи и подъ руководствомъ Пруссіи. Въ 1862 г. онъ заявилъ австрійскому послу, что Австріи слѣдовало отказаться отъ Германіи и перенести свой центръ тяжести въ Офенъ, т. е. въ Венгрію. Сообщая объ отказѣ Пруссіи участвовать въ конгрессѣ нѣмецкихъ государей, онъ дважды излагалъ свой проектъ вмѣсто союза государствъ—одно союзное государство съ военными и финансовыми обязательствами его членовъ; вмѣсто директоріи—единый глава, прусскій король; вмѣсто съѣзда делегатовъ—собраніе народныхъ *представителей*, избранныхъ непосредственно, пропорціонально населенію, какъ «единый законный органъ германской націи», необходимый для преодолѣнія партикуляристскихъ стремленій отдѣльныхъ правительствъ. Это былъ прежній революціонный проектъ 1849 г.

Съѣздъ либеральныхъ депутатовъ отъ ландтаговъ различныхъ государствъ и общее собраніе Національнаго Союза высказались за конституцію 1849 г. (сент.—окт. 1862 г.). Такимъ образомъ національная партія должна была, повидимому, поддерживать Пруссію, выдвинувшую ея старую программу. Въ 1861 г. Національный Союзъ объявилъ въ своемъ манифестѣ, что Германія нуждается въ прусскомъ государствѣ и что необходимо «*толкать* прусское правительство на хорошій путь». Но германскіе патріоты были также и либералами. Столкновеніе между прусскимъ правительствомъ и прусскими либералами заставило ихъ разочароваться въ Пруссіи; когда Бисмаркъ обнародовалъ свою программу реформы, они не повѣрили въ ея искренность; Бисмарка, какъ и его партію, считали прусскимъ абсолютистомъ и партикуляристомъ. Часть нѣмецкихъ либераловъ обратилась къ Австріи, управляемой тогда либеральнымъ нѣмецкимъ министерствомъ; когда императоръ ѣхалъ на конгрессъ государей (1863 г.), его привѣтствовали во всѣхъ южныхъ городахъ.

Что касается германскихъ государей, то боль-

шая часть изъ нихъ и наиболѣе вліятельные между ними оставались враждебными Пруссіи.

Она имѣла на своей сторонѣ только незначительныхъ сѣверныхъ государей, своихъ сосѣдей, а на югѣ—баденское правительство. Въ наступавшемъ кризисѣ огромное большинство какъ правительствъ, такъ и подданныхъ Германіи, готовились принять сторону враговъ Пруссіи.

Герцогства Шлезвигъ и Голштинія (1864—66 гг.).—Бисмаркъ объявилъ, что вопросъ о германскомъ единствѣ можетъ быть разрѣшенъ только силою. Согласно этому онъ дѣлалъ военныя и дипломатическія подготовленія къ войнѣ.—Ему нужна была армія, способная къ быстрымъ побѣдамъ, и онъ добился реорганизаціи прусской арміи цѣною конфликта съ цѣлою націей. Ему необходимо было обезпечить поддержку или нейтралитетъ великихъ европейскихъ державъ, такъ какъ въ системѣ европейскаго равновѣсія Германія считалась какъ бы вакантнымъ государствомъ, въ дѣла котораго имѣла право вмѣшиваться вся Европа. Дипломатія являлась важнымъ условіемъ успѣха. Бисмаркъ былъ прежде всего дипломатомъ, и дипломатомъ новой школы; покинувъ старыя формы вѣжливости и условной лжи, онъ открыто объявилъ о томъ, что готовился предпринять. Его цѣлью было изолировать Австрію; онъ привлекъ на свою сторону Россію, помогая ей противъ поляковъ;—Францію, заставляя Наполеона думать, что онъ поможетъ ему добиться территоріальныхъ пріобрѣтеній;—Италію, обѣщая ей Венецію. Что касается Англіи, то онъ понималъ, что въ континентальной войнѣ можно было обойтись безъ ея согласія.

Единство Германіи создалось, какъ онъ это предсказывалъ, «желѣзомъ и кровью», путемъ трехъ войнъ: съ Даніей (1864 г.), Австріей (1866 г.) и Франціей (1870—71 г.).

Война съ Даніей была вызвана споромъ между новымъ датскимъ королемъ Христіаномъ и нѣмецкимъ принцемъ Фридрихомъ, герцогомъ Аугустенбургскимъ, изъ-за обладанія престоломъ герцоговъ Шлезвига и Голштиніи. Рѣшеніе великихъ европейскихъ державъ 1852 г. въ пользу Христіана не было принято ни Сеймомъ, ни собраніями государственныхъ чиновъ этихъ провинцій, ни наслѣдникомъ герцога Аугустенбургскаго. Въ Германіи только Австрія и Пруссія были связаны этимъ рѣшеніемъ. Когда послѣ смерти датскаго короля Фридриха VII возникъ вопросъ о престолонаслѣдіи, собранія государственныхъ чиновъ обоихъ герцогствъ провозгласили своимъ государемъ герцога Аугустенбурскаго, Фридриха VIII. Голштинія, все населеніе которой было нѣмецкимъ, и Шлезвигъ, также въ значительной своей части нѣмецкій (кромѣ сѣвера), отдѣлились отъ Даніи, чтобы присоединиться къ Германіи. Такимъ образомъ вопросъ объ этихъ герцогствахъ сдѣлался національнымъ. Германскіе патріоты стали на сторону нѣмецкихъ государственныхъ чиновъ Шлезвигъ-Голштиніи и нѣмецкаго государя Фридриха VIII противъ чужеземцевъ-датчанъ.

Сначала возникло патріотическое движеніе въ обществѣ. Оба *Союза* открыли подписку и набирали волонтеровъ, чтобы отразить датчанъ; затѣмъ, дѣйствуя сообща, они созвали конгрессъ изъ депутатовъ ландтаговъ, который избралъ комиссію изъ 36 членовъ, чтобы руководить движеніемъ въ пользу независимости герцогствъ. Палаты различныхъ германскихъ государствъ дѣйствительно увлекли свои правительства; онѣ заставили ихъ офиціально признать Фридриха VIII, а затѣмъ провести въ Сеймѣ рѣшеніе въ пользу занятія союзными войсками Голштиніи, гдѣ образовалось правительство, дѣйствовавшее отъ имени Фридриха VIII.

Пруссія и Австрія оставались враждебными этому движенію, несмотря на требованія своихъ выборныхъ палатъ. Оба правительства настаивали на отклоненіи аппеляціи герцога Аугустенбургскаго и даже на распущеніи комиссіи 36. Остальныя нѣмецкія государства не согласились на это. Германія раздѣлилась на двѣ части: съ одной стороны—правительства двухъ великихъ державъ, признававшія права Христіана подъ условіемъ, чтобы между Даніей и герцогствами установилась только личная унія; съ другой стороны—всѣ остальныя правительства и всѣ либералы, не исключая прусскихъ и австрійскихъ.

Бисмаркъ, не обращая вниманія на общественное мнѣніе, убѣдилъ Австрію дѣйствовать противъ Сейма. Австрія и Пруссія потребовали отъ Даніи независимаго правительства для Шлезвига, и послѣ отказа съ ея стороны начали войну (янв. 1864 г.). Эта война не была связана съ дѣйствіями Сейма. Прусская и австрійская арміи заняли безъ боя оба герцогства и вытѣснили изъ Голштиніи союзный отрядъ. Война разрѣшилась на датской территоріи. Во время войны Пруссія и Австрія объявили, что единственнымъ законнымъ рѣшеніемъ было бы признаніе Фридриха Аугустенбургскаго. Но при заключеніи мира (августъ 1864 г.) онѣ обязали Христіана уступить всѣ свои права на герцогства не герцогу, а королю Пруссіи и австрійскому императору. Онѣ оставили за собой герцогства, учредивши тамъ *временную* администрацію, во главѣ которой стояли два комиссара,—одинъ прусскій, другой австрійскій.

По вопросу объ окончательномъ устройствѣ герцогствъ между двумя правительствами произошло разногласіе. Они еще не рѣшались отвергнуть требованія герцога Аугустенбургскаго, признанныя ими самими и поддерживаемыя общественнымъ мнѣніемъ Германіи и герцогствъ; но Пруссія, *прежде* чѣмъ позволить герцогу вступить во владѣніе, потребовала: при-

соединенія герцогствъ къ Таможенному Союзу, военнаго трактата, въ силу котораго будущая армія герцогствъ становилась частью прусской арміи, уступки порта Киля, нѣсколькихъ крѣпостей и военныхъ дорогъ, такъ что страна оказалась окруженною прусскими силами (февр. 1865 г.). Герцогъ колебался и поставилъ условіемъ трактата согласіе представителей страны. Но населеніе герцогствъ путемъ нѣсколькихъ манифестацій (сходка изъ 60,000 человѣкъ, конгрессъ делегатовъ патріотическихъ обществъ, рѣшеніе комитета этого конгресса) заявило свое отвращеніе къ прусскому правительству.

Бисмаркъ предложилъ присоединить герцогства къ Пруссіи. Австрія не согласилась на это. Въ самыхъ герцогствахъ прусскій комиссаръ своимъ способомъ обращенія съ мѣстными властями вызвалъ столкновеніе между собой и своимъ австрійскимъ коллегой. Стали ожидать войны между Австріей и Пруссіей. Бисмаркъ желалъ ея; онъ зналъ, что Австрія не была готова. Одного сраженія, сказалъ онъ баварскому министру, было бы достаточно, чтобы Пруссія могла диктовать свои условія. Но король Вильгельмъ предпочелъ миръ. Гаштейнскимъ договоромъ (августъ 1865 г.) обѣ державы подѣлили между собою герцогства; Австрія получила Голштинію, Пруссія—Шлезвигъ.

Собраніе депутатовъ отъ германскихъ ландтаговъ, созванное во Франкфуртѣ (1 октября), объявило Гаштейнскій договоръ «нарушеніемъ права». Во имя права народа Шлезвигъ-Голштиніи самому рѣшать свою судьбу, оно приглашало «населеніе герцогствъ сопротивляться», а «весь нѣмецкій народъ» поддерживать его. Пруссія и Австрія отвѣтили на это угрожающими депешами по адресу франкфуртскаго правительства, предупреждая его, что они болѣе не желаютъ терпѣть «эти разрушительные маневры» и смотрятъ на комиссію 36, какъ на «постоянный органъ германской революціонной партіи». На Сеймѣ устрашенныя германскія государства не осмѣлились принять никакого рѣшенія. Въ Шлезвигѣ прусскій губернаторъ систематически преслѣдовалъ сторонниковъ независимости, грозилъ герцогу арестомъ, если онъ явится въ герцогство, конфисковалъ газеты, называвшія его герцогомъ Шлезвига, отмстилъ городу, который принялъ герцога, поставивши въ него прусскій гарнизонъ, распустилъ всѣ патріотическія общества, лишалъ должностей чиновниковъ изъ партіи независимости и даже замѣнялъ ихъ чиновниками прежней датской администраціи. На сторонѣ Пруссіи въ герцогствахъ были только датчане и нѣкоторые дворяне; ея политика въ Шлезвигѣ поссорила ее съ патріотами герцогства и со всѣми либералами въ Германіи. Но ихъ протесты не оказывали никакого вліянія на прусскую армію, составлявшую силу прусскаго правительства.

Распаденіе Германскаго Союза (1866 г.). Начавши войну 1864 г. противъ желанія Сейма, Австрія и Пруссія нравственно разорвали Союзъ, заключенный ими въ 1815 г. съ другими германскими государствами. Поссорившись между собою, онѣ разорвали его фактически. Послѣ войны имъ оставалось только офиціально признать его распаденіе.

Разрывъ между Пруссіей и Австріей, замедленный Гаштейнскимъ договоромъ, произошелъ по поводу герцогствъ. Австрійскій губернаторъ Голштиніи, слѣдуя политикѣ противоположной прусской въ Шлезвигѣ, поддерживалъ сторонниковъ независимости и герцога Фридриха; онъ допустилъ собраніе, которое потребовало созыва законныхъ представителей герцогствъ. Бисмаркъ упрекалъ австрійское правительство въ томъ, что оно помогало революціонерамъ, и потребовалъ, чтобы оно заявило, желаетъ ли оно дѣйствовать въ согласіи съ Пруссіей. Императоръ отвѣтилъ, что онъ не обязанъ давать отчета и что онъ уже принесъ достаточно жертвъ, присоединившись къ политикѣ, которая измѣнила отношенія къ нему германскихъ государствъ (февр. 1866 г.).

Съ этой минуты Пруссія начала готовиться къ войнѣ, ведя переговоры съ Италіей. Она послала Сейму проектъ радикальной реформы Союза съ парламентомъ, избраннымъ всеобщею подачею голосовъ. Австрія сблизилась съ другими германскими государствами; она воспользовалась негодованіемъ либераловъ и патріотовъ противъ Пруссіи; большинство ландтаговъ стали на ея сторону и вотировали фонды на армію. Обѣ стороны вооружались. Австрія созвала государственные чины Голштиніи.

Наступательныя дѣйствія были начаты Пруссіей; она заняла своими шлезвигскими войсками Голштинію, которую очистили австрійскія войска. Австрія потребовала вмѣшательства Сейма и мобилизаціи союзныхъ войскъ. Офиціальный разрывъ произошелъ по поводу вотума по этому вопросу. За мобилизацію высказалось 9 федеральныхъ голосовъ противъ 6 (Пруссія воздержалась, а два другихъ голоса, давшіе большинство, были коллективные голоса мелкихъ государствъ, въ которыхъ большинство было сомнительнымъ). Пруссія немедленно же заявила, что она считаетъ союзный договоръ порваннымъ, прибавляя, что она «стоитъ за единство германской націи» и будетъ стремиться возстановить его въ болѣе прочной формѣ; она обнародовала свой проектъ союзной конституціи съ выборнымъ парламентомъ.

Государства, отказавшіяся вотировать (Ольденбургъ, Мекленбургъ, Люксембургъ), остались нейтральными; вотировавшія съ Австріей присоединились къ ней противъ Пруссіи. Это была война одной Пруссіи противъ Австріи и главнѣйшихъ германскихъ государствъ: четырехъ

королевствъ (Баварскаго, Вюртембергскаго, Саксонскаго и Ганноверскаго), двухъ герцогствъ Гессенскихъ, Нассау и Бадена. Но кромѣ союза съ Италіей, отвлекшаго часть австрійскихъ силъ, на сторонѣ Пруссіи было преимущество лучше подготовленной арміи и болѣе быстрой мобилизаціи. Она начала войну отдѣльно въ трехъ областяхъ Германіи и повсюду повела ее наступательно.

1) Въ сѣверной Германіи она вторглась въ Ганноверъ, Гессенъ-Кассель и Нассау (послѣ ультиматума, предлагавшаго имъ нейтралитетъ подъ условіемъ разоруженія и принятія прусскаго проекта реформы Союза), заняла всю страну, напала на гановерскую армію, отступавшую къ Саксоніи, и, не смотря на одно пораженіе, заставила ее капитулировать.

2) Съ юго-восточной стороны она безъ боя заняла Саксонію, затѣмъ тремя арміями вторглась въ Богемію, гдѣ война была рѣшена однимъ сраженіемъ при Садовой (4 іюля).

3) На юго-западѣ два корпуса (баварскій и другихъ южно-германскихъ государствъ), задержанные запутанными операціями, не успѣли соединиться ранѣе Садовой. Прусская армія атаковала каждый изъ нихъ отдѣльно, отбросила ихъ и заняла Франкфуртъ, съ которымъ было поступлено сурово: прусскій генералъ арестовалъ нѣсколькихъ сенаторовъ, запретилъ изданіе газетъ и наложилъ на жителей военную контрибуцію въ 6 милліоновъ флориновъ; его преемникъ потребовалъ 25 милліоновъ талеровъ, угрожая сжечь городъ; приведенный въ отчаяніе бургомистръ повѣсился. — Южныя государства, покинутыя Австріей, запросили мира.

Непосредственнымъ результатомъ войны было офиціально признанное распаденіе Германскаго Союза. Австрія объявила, что она «признаетъ Союзъ распавшимся» и «даетъ свое согласіе на новую организацію Германіи» безъ ея участія. Пруссія осталась одна и могла создать новый Союзъ по своей программѣ, со включеніемъ въ него всѣхъ германскихъ государствъ къ сѣверу отъ «линіи Майна». Внѣ Союза оставалось только четыре государства: Баварія, Вюртембергъ, Баденъ и Гессенъ-Дармштадтъ. «Майнская линія» была установлена по требованію иностранныхъ державъ (особенно Франціи), надѣявшихся ограничить объединеніе Германіи и противопоставить Сѣверному Союзу Южный. Но южныя государства уже заключили съ Пруссіею наступательные и оборонительные договоры, и Южный Союзъ никогда не былъ осуществленъ.

Побѣда Пруссіи положила конецъ соперничеству между двумя великими державами, поддерживавшему расчлененіе Германіи и дуализмъ, — но исключивши изъ нея 8 милліоновъ нѣмецкихъ подданныхъ Австріи. Это было окончательнымъ пораженіемъ проекта *велико-германской* партіи и торжествомъ *мало-германской*.

Расширеніе Пруссіи (1866 г.).—Пруссія немедленно же воспользовалась своимъ непреодолимымъ могуществомъ для округленія своей территоріи.

Герцогства Шлезвигъ и Голштинія *), по отношенію къ которымъ Австрія отказалась отъ всѣхъ своихъ правъ, Пруссія присоединила къ своимъ владѣніямъ, не справляясь о желаніи населенія даже сѣверной области, не смотря на статью Пражскаго трактата, въ которой говорится, «что еслибы населеніе сѣверныхъ округовъ Шлезвига заявило путемъ свободнаго голосованія о своемъ желаніи быть присоединенными къ Даніи, то эти округа должны быть уступлены Даніи». Бисмаркъ просто сослался на «право завоеванія».

Пруссія присоединила также три государства, отдѣлявшія ея западныя провинціи отъ остальнаго королевства (Ганноверъ, Гессенъ-Кассель и Нассау), а также вольный городъ Франкфуртъ. Королевское посланіе, которымъ объявлялось это присоединеніе, ссылалось на *Божій судъ* и обязанности Пруссіи. «Правительства этихъ государствъ... отклонивши нейтралитетъ, предложенный Пруссіей... поставили свою собственную участь и участь своихъ государствъ въ зависимость отъ исхода войны. По волѣ Божіей, этотъ исходъ оказался неблагопріятнымъ для нихъ. Политическая необходимость не позволяетъ намъ вернуть имъ власть, которую отняли у нихъ побѣды нашей арміи. Еслибы эти страны сохранили свою независимость, онѣ могли бы, благодаря своему географическому положенію, причинить прусской политикѣ затрудненія, важность которыхъ много превышала бы дѣйствительную силу этихъ государствъ». — Законопроектъ объ этомъ присоединеніи пояснялъ, что Пруссія должна была избавить себя отъ необходимости, во время войны, «употреблять значительную часть своихъ силъ на занятіе странъ, которыя грозили бы ей съ тылу». Онъ прибавлялъ, что правительства присоединенныхъ странъ «своимъ упорнымъ отказомъ отъ реформы Союза» сдѣлали свое дальнѣйшее существованіе невозможнымъ, показавши, что оно непримиримо съ осуществленіемъ сколько-нибудь удовлетворительной организаціи нѣмецкаго народа.

Комиссія палаты потребовала какой-нибудь другой мотивировки этихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній. «Одной голой силы не достаточно въ настоящее время, чтобы основывать на ней права и государства; никакой профессоръ международнаго права не признаетъ теперь такого основанія». Бисмаркъ отвѣчалъ: «Наше право, это —

*) Лауенбургъ былъ присоединенъ еще до войны съ уплатою извѣстнаго вознагражденія Австріи.

право германской націи на существованіе, на возможность свободно дышать и объединиться; это—право и долгъ Пруссіи дать германской націи необходимую основу для ея существованія».

Въ противоположность Италіи и Франціи, которыя не совершили ни одного присоединенія безъ предварительнаго плебисцита, Пруссія не справлялась съ желаніемъ присоединенныхъ къ ней населеній. Королевское посланіе признавало, что «только часть жителей раздѣляли убѣжденіе въ необходимости» присоединенія; но оно выражало «увѣренность, что живое участіе въ непрерывномъ развитіи національнаго единенія... облегчитъ для нихъ переходъ... въ новое и болѣе обширное государство». Жители Гессенъ-Касселя и Нассау приняли безъ сопротивленія прусскій режимъ; жители двухъ герцогствъ, за исключеніемъ датчанъ Шлезвига, примирились съ нимъ, примкнувши однако къ либеральной оппозиціи. Въ Ганноверѣ осталась масса недовольныхъ, надѣявшихся втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ на возвращеніе законной династіи и образовавшихъ партію «вельфовъ»,—настолько сильную, что она посылала своихъ депутатовъ въ парламентъ. Во Франкфуртѣ много молодыхъ гражданъ сдѣлались швейцарскими гражданами; но прусское правительство объявило, что оно будетъ считать прусскими подданными всѣхъ тѣхъ, кто не эмигрировалъ.

Эти территоріальныя присоединенія довели населеніе Пруссіи до 25 милліоновъ душъ и придали ея территоріи недоставшую ей сплоченность. Но своими ссылками на древнее право завоеванія, своимъ нежеланіемъ признавать за населеніемъ право рѣшать въ принципѣ вопросъ о присоединеніи, бисмарковскимъ языкомъ, столь отличнымъ отъ смягченныхъ дипломатическихъ выраженій, и насильственными поступками прусскихъ генераловъ въ Шлезвигѣ и Франкфуртѣ,—Пруссія составила себѣ въ Европѣ репутацію варварской державы, алчущей завоеваній, и создала предубѣжденіе противъ себя, которое съ трудомъ могли разсѣять двадцать пять лѣтъ мирной политики.

Возникновеніе Сѣверо-Германскаго Союза (1866—67 г.).—Сѣверо-Германскій Союзъ, о которомъ было возвѣщено въ мирномъ трактатѣ, образовался путемъ соглашенія между правительствами отдѣльныхъ государствъ и прусскимъ королемъ (1866 г.). Затѣмъ проектъ его конституціи былъ обсужденъ и принятъ собраніемъ, избраннымъ всеобщею подачею голосовъ (1867 г.).

Союзъ (*Norddeutscher Bund*) обнялъ всю Германію за исключеніемъ четырехъ южныхъ государствъ (въ него вошелъ даже и Гессенъ-Дармштадтъ своею сѣверною частью). Хотя онъ еще носилъ старое названіе *Bund*, но это не мѣшало ему глубоко отличаться отъ Союза 1815 г. Согласно теоретической формулѣ это былъ уже не «союзъ государствъ» (*Staatenbund*), а «союзное государство» (*Bundesstaat*). Каждое изъ отдѣльныхъ государствъ сохранило свое правительство; но эти правительства подчинялись высшему союзному правительству, располагавшему силою.

Это союзное правительство было организовано согласно проекту, офиціально предложенному Бисмаркомъ въ 1865 и 1866 годахъ и воспроизводившему программу 1849 г. Оно состояло изъ прусской президентской власти (*Praesidium*), союзнаго совѣта (*Bundesrath*), представлявшаго всѣ правительства, и выборнаго собранія (*Рейхстага*), представлявшаго населеніе. Такимъ образомъ правительство было подѣлено между тремя силами, оспаривавшими право руководить Германіей: прусскимъ королемъ, всѣми германскими государями и выборнымъ парламентомъ. Но ихъ доли были неравныя. Прусское правительство, побѣдившее другія правительства и парламентскую оппозицію, присвоило себѣ руководящую роль въ новой Германіи.

Президентская власть принадлежала прусскому королю, представителемъ котораго былъ *канцлеръ*, избиравшійся по его усмотрѣнію. Онъ обладалъ всѣми военными и дипломатическими полномочіями, правомъ объявлять войну, заключать миръ и трактаты, назначать и принимать пословъ, а также титуломъ «главы союзной арміи» (*Bundesfeldherr*) съ правомъ командовать всѣми войсками, назначать всѣхъ начальниковъ корпусовъ и гарнизоновъ, вѣдать организацію арміи, издавать обязательныя распоряженія и наблюдать за ихъ исполненіемъ. Онъ былъ также политическимъ главою внутри Союза, главою союзнаго правительства; онъ назначалъ всѣхъ его должностныхъ лицъ и имѣлъ право заставить оружіемъ повиноваться всѣхъ членовъ Союза.

Союзный совѣтъ (*Bundesrath*) состоялъ изъ делегатовъ отъ отдѣльныхъ государствъ, чиновниковъ ихъ правительствъ, связанныхъ, какъ и въ прежнемъ Сеймѣ, обязательными инструкціями; во время ихъ отсутствія оставались постоянныя комиссіи. Голоса распредѣлялись между отдѣльными государствами такъ же, какъ и въ прежнемъ Сеймѣ; всего было 43 голоса, изъ которыхъ 17 принадлежало Пруссіи (съ присоединенными къ ней территоріями), 4—Саксоніи. Власть *Совѣта* ограничивалась тѣмъ, что онъ вотировалъ законы. Для всякаго измѣненія конституціи требовалось большинство двухъ третей его голосовъ.

Рейхстагъ состоялъ изъ 297 депутатовъ, избранныхъ всеобщею подачею голосовъ, по одному депутату отъ каждыхъ 100,000 жителей; депутаты не получали жалованья. Власть рейхстага ограничивалась вотированіемъ законовъ и бюджета.

Эта организація представляла собою сочетаніе прежняго Сейма съ прусскою конституціею, но только истолкованною въ бисмарковскомъ смыслѣ,

т. е. съ неоспоримымъ преобладаніемъ королевской власти. Прусскій король, въ качествѣ *президента*, не только распоряжался военною силою, но также руководилъ другими властями: онъ созывалъ и распускалъ рейхстагъ; его канцлеръ предсѣдательствовалъ въ союзномъ совѣтѣ. Эти два собранія вмѣстѣ не обладали во всей полнотѣ даже законодательною властью; они дѣлили ее съ королемъ, который утверждалъ законы. Всѣ формы парламентарнаго образа правленія были тщательно устранены. Бисмаркъ не согласился учредить отвѣтственное союзное министерство; въ рейхстагѣ представителемъ правительства являлся одинъ канцлеръ; имперскіе чиновники находились въ полной зависимости отъ него; декреты президентской власти скрѣплялись только его подписью; онъ «бралъ этимъ на себя отвѣтственность за нихъ», говорилось въ конституціи, но эта отвѣтственность была только *нравственной*. Рейхстагъ не имѣлъ никакой власти надъ канцлеромъ, а слѣдовательно и надъ правительствомъ; ему была предоставлена только отрицательная власть — *отказывать* въ вотированіи новыхъ законовъ.

Эти два собранія были настолько различны по своему происхожденію, что правительство могло не опасаться ихъ совмѣстной оппозиціи; напротивъ того, Бисмаркъ разсчитывалъ противопоставить ихъ одно другому и пользоваться союзнымъ совѣтомъ, по существу своему аристократическимъ и монархическимъ, для противодѣйствія демократическимъ и парламентскимъ стремленіямъ избранныхъ представителей, — а съ другой стороны, пользоваться рейхстагомъ, какъ органомъ національнаго общественнаго мнѣнія, чтобы сломить сопротивленіе партикуляристскихъ правительствъ. Съ этою цѣлью онъ и потребовалъ собранія, избраннаго всеобщею подачею голосовъ, какъ гарантіи противъ партикуляризма (это было время, когда во Франціи всеобщее избирательное право обезпечивало громадное большинство императорскому правительству).

Составивши Союзъ, германскія государства сохранили свое отдѣльное существованіе и свои особыя формы государственнаго устройства. Верховная власть была раздѣлена между новымъ союзнымъ правительствомъ и прежними мѣстными. Принципъ, выставленный Бисмаркомъ, заключался въ томъ, чтобы «найти минимумъ тѣхъ уступокъ, которыя должны были сдѣлать отдѣльныя государства въ пользу цѣлаго, чтобы это цѣлое было жизнеспособно», и «не требовать отъ другихъ правительствъ никакихъ жертвъ, кромѣ... необходимыхъ для существованія національнаго цѣлаго».

Согласно этому, союзное правительство получило всѣ полномочія, необходимыя для установленія національнаго и экономическаго единства; въ его распоряженіи находились: 1) военная сила: армія и флотъ; 2) международныя сношенія: назначенія пословъ, консуловъ и заключеніе трактатовъ; 3) торговля и пути сообщенія: таможни, почта и телеграфъ, монетная система, вѣсы и мѣры, общая регламентація желѣзныхъ дорогъ, банки, паспорта, дѣла объ иностранцахъ; 4) санитарная организація; 5) часть законодательства: торговое, морское и уголовное право и судопроизводство.

Армія была организована во всѣхъ государствахъ согласно прусской системѣ: со всеобщею воинскою повинностью, тремя годами дѣйствительной службы и четырехлѣтнимъ пребываніемъ въ запасѣ. Наборъ по областямъ, также входившій въ прусскую систему, позволялъ новобранцамъ оставаться въ ихъ странѣ (Саксонія составляла особый корпусъ), но вся армія была экипирована, вооружена и обучалась на прусскій образецъ и подъ наблюденіемъ прусскихъ офицеровъ. Новое національное, черно-бѣло-красное, знамя было символомъ гегемоніи Пруссіи, знамя которой черно-бѣлое.

Для удовлетворенія союзныхъ нуждъ былъ учрежденъ союзный бюджетъ. Онъ покрывался изъ двухъ источниковъ: 1) таможенными доходами, косвенными налогами на потребленіе и доходами съ почтъ и телеграфовъ; 2) денежными взносами каждаго государства, сообразно установленной пропорціи (*Matrikel*), общая сумма которыхъ должна была пополнять дефицитъ. Правительство потребовало, чтобы рейхстагъ отказался отъ своего права вотировать ежегодно кредитъ на покрытіе расходовъ по содержанію арміи; эти расходы были установлены на пять лѣтъ — до конца 1871 г. въ размѣрѣ 225 талеровъ на каждаго солдата.

Отдѣльныя государства сохранили всѣ остальные атрибуты верховной власти: правосудіе, гражданское право, дѣла по вѣроисповѣданіямъ, народное просвѣщеніе, общественныя работы; у нихъ были своя администрація, свои независимые финансы, свои ландтаги и своя законодательная власть. Они уже не были суверенными, но остались *автономными* и гораздо болѣе независимыми, чѣмъ швейцарскіе кантоны.

Это былъ компромиссъ между національнымъ единствомъ и партикуляристскими привычками, или, скорѣе, между прусскимъ королемъ и остальными государями. «Мы помнили, говорилъ Бисмаркъ, ту силу сопротивленія, благодаря которой не удались франкфуртская и эрфуртская попытки, и мы старались какъ можно менѣе вызывать ее». Онъ торопился осуществить національное государство. «Будемъ спѣшить, господа; посадимъ Германію на сѣдло, а поѣхать съумѣетъ она сама».

Преобразованіе партій (1866—70 г.)—Въ періодъ между двумя большими войнами, 1866 и 1870 г., Германія пережила глубокое преобразованіе. Союзъ обратился въ націю, и борьба

за или противъ національнаго единства, преобладавшая надъ всею общественною жизнью, вызвала новую группировку партій и перемѣну въ политикѣ прусскаго правительства.

Побѣда 1866 г. прекратила конституціонный конфликтъ въ Пруссіи. Прогрессистская партія, руководившая конфликтомъ, была покинута избирателями; въ ландтагѣ, избранномъ въ іюнѣ 1866 г., у нея оказалось едва 70 депутатовъ и почти исключительно изъ западной части или Прусской провинціи. Число консерваторовъ достигло 100 человѣкъ. Теоретическій вопросъ не былъ разрѣшенъ; министерство даже признало за ландтагомъ право вотировать бюджетъ, такъ какъ оно просило снять съ него отвѣтственность, которой оно подвергалось, управляя безъ законно-утвержденнаго бюджета. Но этотъ законъ о сложеніи отвѣтственности съ министерства, вотированный 230 голосами противъ 75, санкціонировалъ фактическую побѣду правительства. Министерство осталось у власти, а король заявилъ, что, «если повторятся подобныя же обстоятельства, онъ поступитъ такимъ же образомъ». Возникла новая партія, назвавшаяся *національ-либеральной* и заявившая, что она желаетъ «всецѣло поддерживать правительство въ его иностранной политикѣ», не отказываясь «въ дѣлахъ внутренняго управленія отъ роли бдительной и честной оппозиціи».

Затѣмъ былъ избранъ предварительный рейхстагъ во всѣхъ государствахъ, вошедшихъ въ Союзъ, для обсужденія конституціи (февр. 1867 г.). Большинство въ немъ состояло изъ либераловъ, примкнувшихъ къ Бисмарку. Впрочемъ рейхстагу оставалось только утвердить проектъ, редактированный правительствами; онъ сдѣлалъ въ немъ только детальныя поправки. Во всѣхъ вопросахъ, по которымъ большинство заявляло о несогласіи съ Бисмаркомъ, оно должно было уступить; не смотря на формально заявленное требованіе, оно не добилось ни отвѣтственнаго союзнаго министерства, ни жалованья депутатамъ.

На новыхъ выборахъ въ рейхстагъ и въ прусскій ландтагъ партіи опредѣлились вполнѣ.

Національ-либеральная партія усилилась прогрессистскою фракціею, остатками «старыхъ либераловъ» и частью депутатовъ присоединенныхъ провинцій (Ганновера, Гессена и Нассау), принадлежавшихъ къ либеральной оппозиціи. Вмѣстѣ съ либеральными консерваторами, отдѣлившимися отъ старой консервативной партіи, она составила правительственное большинство. Она желала объединенія Пруссіи, путемъ ассимиляціи присоединенныхъ провинцій, и объединенія Германіи включеніемъ въ Союзъ южногерманскихъ государствъ. Она согласилась подчиняться общему руководству Бисмарка и ограничивалась тѣмъ, что требовала отъ него либеральныхъ реформъ: преобразованія мѣстной администраціи съ цѣлью уничтожить послѣдніе слѣды власти дворянства, реформы первоначальнаго образованія, съ цѣлью изъять его изъ рукъ духовенства, и реформы прусской избирательной системы, которую она предлагала замѣнить всеобщею подачею голосовъ; она добивалась также экономическихъ реформъ, свободы торговли и промышленности. Это была буржуазная и имперіалистская партія, враждебная тѣмъ общественнымъ силамъ, которыя господствовали до того времени въ Пруссіи: дворянству, духовенству и чиновничеству. Она вербовалась преимущественно въ центрѣ стараго королевства и присоединенныхъ провинціяхъ (ея вождь Бенигсенъ ранѣе былъ главою либеральной оппозиціи въ Ганноверѣ),—въ средѣ промышленниковъ, коммерсантовъ и университетскихъ профессоровъ; въ ней было много евреевъ.

Фракція *свободныхъ консерваторовъ* (ихъ было 40 въ рейхстагѣ 1867 г.) состояла изъ крупныхъ землевладѣльцевъ центральныхъ провинцій, преимущественно Силезіи; это была прежде всего министерская группа, готовая принять тѣ реформы, которыхъ потребовало бы правительство.

Главный контингентъ консервативной партіи, называвшейся въ рейхстагѣ *нѣмецко-консервативной*, составляла прежняя аристократическая партія *Крестовой Газеты*, поддерживавшая Бисмарка и короля въ періодъ конфликта. Она вербовалась преимущественно среди крупныхъ землевладѣльцевъ восточныхъ областей и требовала сохраненія власти за дворянствомъ и духовенствомъ. Ея сила заключалась въ прусскомъ ландтагѣ, гдѣ она почти одна наполняла палату господъ и располагала сильнымъ меньшинствомъ въ палатѣ депутатовъ. Противники обвиняли ее въ прусскомъ партикуляризмѣ.

Прогрессистская партія, очень ослабленная торжествомъ ея противника, Бисмарка, упала въ рейхстагѣ до 20 членовъ; у нея остались только большіе города и часть Шлезвигъ-Голштиніи. Признавши единство, она попрежнему составляла либеральную оппозицію.

Съ этого момента выступаютъ новыя партіи радикальной оппозиціи. Въ новыхъ провинціяхъ это были партіи протеста противъ присоединенія.—Въ Шлезвигѣ датчане требовали плебисцита, обѣщаннаго Пражскимъ трактатомъ. Въ Ганноверѣ партія *Вельфовъ* представляла собою коалицію сторонниковъ бывшаго короля и патріотовъ-партикуляристовъ, недовольныхъ прусскими порядками. Въ старой прусской Познанской провинціи, принадлежавшей къ прусской монархіи, но не входящей въ составъ Германскаго Союза, польскіе депутаты протестовали противъ включенія великаго герцогства Познанскаго въ Сѣверо-Германскій Союзъ, видя въ этомъ нарушеніе трактатовъ, а также про-

тестовали «противъ всякаго акта, который придавалъ бы полякамъ Прусскаго государства германскій характеръ и разрушалъ бы ихъ національное существованіе». Польская партія состояла изъ дворянъ-католиковъ.

Наряду съ этими тремя партіями національнаго протеста появилась соціалистическая партія соціальнаго протеста. Въ Германіи еще въ 1848 году существовали соціалисты, напоминавшіе французскихъ. Но ихъ партія была разсѣяна преслѣдованіями и снова возникла только въ 1863 году, сначала въ средѣ рабочихъ западныхъ прусскихъ провинцій. Она сплотилась подъ вліяніемъ оратора — соціалиста 1848 г.—Лассаля, признавши доктрину, заимствованную у старыхъ французскихъ соціалистовъ вмѣстѣ съ программой Луи-Блана и національными мастерскими, устраиваемыми на счетъ государства подъ руководствомъ самихъ рабочихъ; она приняла также старое французское названіе *соціалъ-демократической*. Это было время конфликта. Лассаль, противникъ прогрессистской буржуазіи, находился въ сношеніяхъ съ Бисмаркомъ, котораго впослѣдствіи упрекали въ томъ, что онъ поощрялъ соціалистовъ. Партія вербовалась сначала въ средѣ кооперативныхъ обществъ, созданныхъ либераломъ Шульце-Деличемъ; она вступила въ политическую жизнь вмѣстѣ съ введеніемъ всеобщаго избирательнаго права. Лассаль, убитый на дуэли въ 1846 г., оставилъ партію организованной на основахъ монархической диктатуры; его второй преемникъ, Швейцеръ, былъ избранъ въ рейхстагъ въ 1867 г.

Въ видѣ оппозиціи этой прусской соціалистической партіи, состоявшей изъ послѣдователей Лассаля, образовалась международная партія послѣдователей Маркса. Она вербовалась сначала внѣ Пруссіи, въ Саксоніи, въ «образовательныхъ обществахъ рабочихъ», организованныхъ прогрессистами, принадлежавшими къ буржуазіи. Основателемъ этой партіи былъ Либкнехтъ, журналистъ-революціонеръ 1848 г., бѣжавшій въ Лондонъ, гдѣ онъ сдѣлался ученикомъ Маркса. Онъ привлекъ на свою сторону любимаго оратора саксонскихъ рабочихъ, токаря Бебеля, демократа-католика, который вмѣстѣ съ своими товарищами постепенно перешелъ на сторону соціализма. Конгрессъ образовательныхъ обществъ, происходившій въ Нюрнбергѣ (сент. 1868 г.), двумя третями голосовъ вотировалъ присоединеніе къ Международному Союзу Рабочихъ. Затѣмъ была основана «рабочая соціалъ-демократическая партія»; ея программа представляла собою сочетаніе политическихъ требованій швейцарской радикальной партіи съ экономическимъ ученіемъ Маркса. Оба ея вождя, Либкнехтъ и Бебель, засѣдали въ рейхстагѣ съ 1867 г.

Послѣ неудавшихся переговоровъ обѣ соціалистическія партіи соперничали между собой вплоть до 1874 г.

Въ виду этой новой группировки партій, Бисмаркъ измѣнилъ свою политику. Онъ пересталъ опираться исключительно на консерваторовъ и мало-по-малу сблизился съ національ-либералами. Въ Пруссіи онъ удержалъ министерство эпохи конфликта, хотя либеральное большинство ландтага протестовало противъ министра народнаго просвѣщенія Мюлера, оставлявшаго школы подъ управленіемъ духовенства; только въ декабрѣ 1869 г. онъ взялъ двухъ министровъ изъ среды національ-либераловъ. Но такъ какъ консерваторы ландтага отказали ему въ учрежденіи провинціальнаго фонда для Ганновера, то онъ еще съ 1868 г. началъ сближаться съ національ-либералами, согласившись на ихъ административныя и экономическія реформы. Реформа мѣстной администраціи затянулась до 1872 года; но экономическія реформы совершились быстро (1868—1869 года), главнымъ образомъ путемъ союзныхъ законовъ, вотированныхъ въ рейхстагѣ; были отмѣнены ограниченія въ высотѣ процентовъ по займамъ, была установлена свобода брака, свобода промышленности, отмѣна тюремнаго заключенія за долги, свобода ассоціацій. Затѣмъ былъ организованъ высшій коммерческій судъ и изданъ новый союзный уголовный кодексъ.

По вопросамъ практическихъ реформъ Бисмаркъ шелъ рука объ руку съ національ-либералами. Но онъ попрежнему съ высокомѣріемъ и ироніею отвергалъ ихъ требованія отвѣтственнаго министерства и жалованья депутатамъ.

Этотъ критическій періодъ переустройства повидимому породилъ много недовольныхъ, особенно среди населенія, не сталкивавшагося до тѣхъ поръ съ прусскими порядками. Всеобщая воинская повинность на прусскій образецъ, введенная внезапно, показалась слишкомъ тяжелой; она значительно увеличила расходы, вызвала дефициты во всѣхъ государствахъ, даже въ Пруссіи, и принудила повысить налоги. Новая система экономической свободы нарушила привычки крупныхъ землевладѣльцевъ и ремесленниковъ.

Изъ всѣхъ присоединенныхъ земель, Ганноверъ всего откровеннѣе выражалъ свое враждебное настроеніе. Ганноверскій король отказался отъ денежнаго вознагражденія, предложеннаго прусскимъ правительствомъ (другіе государи, лишившіеся своихъ владѣній, приняли его); онъ продолжалъ требовать своего королевства, велъ переговоры съ врагами Пруссіи и сформировалъ во Франціи *вельфскій легіонъ* изъ ганноверскихъ волонтеровъ. Бисмаркъ воспользовался этимъ, чтобы секвестровать капиталъ, назначенный на вознагражденіе (вельфскій фондъ), и сталъ получать съ него проценты. Сначала онъ употреб-

лялъ ихъ на содержаніе тайной полиціи, организованной для наблюденія за ганноверскими агентами, чтобы «слѣдить, какъ онъ выражался, за этими вредными пресмыкающимися (*reptiles*) въ самыхъ ихъ норахъ и наблюдать за тѣмъ, что они дѣлаютъ». Но мало-по-малу этотъ «фондъ пресмыкающихся», какъ его прозвали, сталъ служить для подкупа нѣмецкихъ газетъ, и названіе «пресмыкающихся» перешло къ министерскимъ журналистамъ.

Южная Германія.—Четыре независимыхъ государства Южной Германіи оказались въ очень затруднительномъ положеніи. Будучи связаны съ Пруссіей Таможеннымъ Союзомъ и союзными трактатами 1866 г., они не могли оставаться совершенно чуждыми Сѣверо-Германскому союзу; великій герцогъ и ландтагъ Баденскаго герцогства были бы не прочь присоединиться къ нему; ихъ удерживала только боязнь европейскихъ компликацій. Но правительства и населеніе обоихъ королевствъ, Баварскаго и Вюртембергскаго, не желали болѣе тѣснаго сближенія съ сѣверомъ: первыя изъ любви къ своей верховной власти; второе изъ отвращенія къ пруссакамъ и ихъ военной службѣ. Правительства этихъ двухъ королевствъ были даже противъ Южно-Германской федераціи, о которой мечталъ Наполеонъ Ш, изъ опасенія сліянія съ Сѣверо-Германскимъ союзомъ.

Такимъ образомъ южно-германскія государства остались изолированными. Бисмаркъ попытался привлечь ихъ по крайней мѣрѣ къ Таможенному Союзу. Онъ добился того, что таможенные тарифы уже не устанавливались трактатами между правительствами, а вотировались въ формѣ закона *таможеннымъ парламентомъ*, составленнымъ изъ рейхстага и депутатовъ отъ южныхъ государствъ, избиравшихся всеобщею подачею голосовъ (1868 г.). Но на югѣ преобладали враги Пруссіи: демократическая партія въ Вюртембергѣ и католическая *(патріоты)* въ Баваріи; націоналъ-либералы составляли большинство только въ Баденѣ. Изъ 85 депутатовъ, избранныхъ въ таможенный парламентъ, только 24 принадлежали къ сторонникамъ единства (8 противъ 6 въ Баденѣ; 4 противъ 2 въ Гессенѣ); 46 были враждебны Пруссіи; остальные сообразовались съ желаніями ихъ правительствъ. Вмѣстѣ съ консерваторами и противниками правительства на сѣверѣ они составили враждебное союзу большинство. Таможенный парламентъ отвергъ адресъ въ пользу единства (186 голосами противъ 150) и отказалъ въ налогѣ на керосинъ. Онъ существовалъ до 1870 г., но занимался исключительно таможенными дѣлами.

Въ южной Германіи оппозиція Пруссіи усиливалась. Въ Вюртембергѣ демократическая партія предложила въ ландтагѣ швейцарскую военную организацію, а затѣмъ уменьшеніе военныхъ расходовъ; министерство вышло въ отставку. — Въ Баваріи, послѣ распущенія палаты, во вновь избранной, оказалось *патріотическое* большинство (католическое), которое принудило короля перемѣнить министерство и потребовало уменьшенія срока военной службы до восьми мѣсяцевъ. — Даже въ Баденѣ національная партія ослабила себя борьбою съ министерствомъ.

Основаніе Имперіи (1870—71 г.).—Въ 1870 году объединеніе Германіи казалось менѣе подвинувшимся впередъ, чѣмъ оно было въ 1866 г. Его окончательно установила война съ Франціей. Всѣ германскія государства, не колеблясь, пошли съ Сѣверо-Германскимъ Союзомъ. Затѣмъ одержанныя вмѣстѣ побѣды воспламенили въ германцахъ чувство солидарности.

Еще до окончанія войны, во время осады Парижа, государи южно-германскихъ государствъ заявили о своемъ желаніи присоединиться къ Союзу, а по предложенію баварскаго короля было рѣшено возстановить старыя историческія названія Имперіи *(Reich)* и Императора *(Kaiser)*. Дѣло шло только о расширеніи территоріи и перемѣнѣ названія; конституція оставалась прежнею. Четыре южныхъ правительства вступили въ Союзъ *(Bund)*, который сталъ называться Имперіей *(Reich)*, путемъ четырехъ отдѣльныхъ трактатовъ; наиболѣе крупныя изъ нихъ выговорили себѣ особыя условія даже въ военной области (Баварія сохранила свою почту и военную форму).

Провозглашеніе имперіи сопровождалось церемоніей, въ которой участвовали всѣ государи. Прусскій король былъ коронованъ императорской короной, въ ихъ присутствіи, въ Версалѣ (января 1871 года). Только послѣ этого трактаты, заключенные между правительствами, были представлены на утвержденіе палатамъ отдѣльныхъ государствъ.—Въ Баваріи анти-прусское «патріотическое» большинство распалось; одна часть его присоединилась къ націоналъ-либеральному меньшинству и образовала большинство двухъ третей; остатокъ, состоявшій изъ депутатовъ наиболѣе католическихъ сельскихъ провинцій, протестовалъ во имя независимости страны (янв. 1871 г.).—Въ трехъ другихъ южныхъ государствахъ договоры были утверждены еще въ 1870 г. почти единогласно. —Рейхстагъ, вотируя трактаты, заключенные между правительствами, официально превратилъ ихъ въ имперскую конституцію.

Территорія, отнятая у Франціи, была присоединена не къ Пруссіи, какъ этого требовали націоналъ-либералы, а къ имперіи. Она стала «имперскою землею Эльзасъ-Лотарингіею» и была поставлена въ исключительныя условія. Вступивъ въ Союзъ не по договору, а въ силу завоеванія, она не имѣла автономнаго правительства, ни делегатовъ въ союзномъ совѣтѣ. Она

была непосредственно подчинена имперскому правительству, т. е. въ дѣйствительности управлялась канцлеромъ и находившейся при немъ спеціальной канцеляріей. Какъ и въ 1866 г., присоединеніе совершилось безъ освѣдомленія о желаніи жителей.

Возникшая такимъ образомъ имперія представляла собою совершенно особую организацію, для которой теоретики государственнаго права затруднялись подыскать опредѣленіе. Это было союзное государство, состоявшее изъ небольшихъ автономныхъ монархій, подчиненныхъ однако верховному государю,—*Bund* (союзъ), обратившійся въ *Reich* (имперію), не переставая быть *Bund*'омъ. Офиціальный актъ гласилъ: «Этотъ *Bund* будетъ носить названіе *Reich*». У этого союза не было отдѣльнаго союзнаго правительства, стоящаго выше всѣхъ правительствъ, вошедшихъ въ союзъ. Одинъ изъ ея членовъ, прусскій король, обладающій непреодолимой военною силой и облеченный высшимъ саномъ императора, повелѣвалъ, какъ верховный глава, всѣми другими; остальные государи были уже не равными ему, а его подданными.

Отдѣльныя государства не только были подчинены имперіи въ общихъ дѣлахъ (иностранныхъ, военныхъ и торговыхъ), но даже въ своихъ собственныхъ дѣлахъ они должны были подчиняться законамъ, принятымъ имперскимъ правительствомъ. Они были связаны вѣчными трактатами, но не были гарантированы относительно будущаго. Союзное правительство не было ограничено въ своемъ правѣ вносить поправки къ конституціи и могло законодательнымъ порядкомъ измѣнить организацію имперіи въ смыслѣ ограниченія автономныхъ правъ отдѣльныхъ государствъ; оно могло даже лишить имперію ея союзнаго характера, при одномъ только условіи имѣть на своей сторонѣ большинство двухъ третей въ союзномъ совѣтѣ. Даже отъ особыхъ правъ, предоставленныхъ трактатами нѣкоторымъ изъ государствъ, ихъ правительства могутъ отказаться безъ согласія ландтага.

Само союзное правительство организовано такимъ образомъ, что предоставляетъ императору въ имперіи такую же преобладающую власть, какою онъ обладаетъ въ Пруссіи, какъ король. Никакое рѣшеніе не можетъ быть принято противъ его желанія. Онъ управляетъ, какъ въ конституціонной монархіи, черезъ своего канцлера, который зависитъ только отъ него и стоитъ выше собранія представителей, избранныхъ націею. Верховная власть принадлежитъ не германскому народу, а императору.

Объ «основныхъ правахъ» частныхъ лицъ, спеціально гарантировавшихся въ 1848 г., не упоминалось въ 1871 г. «Конституція германской имперіи» занимается только практическимъ вопросомъ объ организаціи властей; она проникнута тѣмъ же реализмомъ, какъ и основатель имперіи, Бисмаркъ.

Въ сущности, имперія не была даже основана на принципѣ національности. Это—территорія Прусскаго королевства, расширенная государствами, вошедшими въ Таможенный Союзъ, и областями, завоеванными Пруссіей. Она не обнимаетъ всей германской націи (австрійскіе нѣмцы не вошли въ нее); съ другой стороны, въ нее входятъ другія народности, присоединенныя путемъ завоеванія и не перестающія протестовать: познанскіе и прусскіе поляки, датчане Шлезвига и французы Эльзасъ-Лотарингіи.

ГЛАВА XVI.

Германская Имперія.

Партіи въ Имперіи.—Условія политической жизни.—Культуркампфъ и организація Имперіи.—Борьба съ соціалистами.—Экономическая и соціальная политика Бисмарка.—Военный законъ и Картель.—Вильгельмъ II и христіанская политика.—Новый курсъ.—Эльзасъ и Лотарингія.—Политическая эволюція Германіи въ XIX столѣтіи.

Партіи въ Имперіи. — Соединеніе всѣхъ отдѣльныхъ государствъ въ одну имперію закончило политическое преобразованіе, начатое въ 1866 году. Рейхстагъ, поставленный надъ ландтагами отдѣльныхъ государствъ, сосредоточилъ въ себѣ большую часть политической дѣятельности, а потому и парламентскія партіи формировались согласно вопросамъ общегерманской политики.

Группировка партій осталась почти тою же, какою она была во время Сѣверо-Германскаго Союза; измѣнилась только ихъ численность. Такъ же, какъ и до 1870 года, рейхстагъ былъ раздѣленъ на множество группъ, изъ которыхъ ни одна сама по себѣ не составляла большинства. Трудно классифицировать эти партіи по положенію, которое онѣ занимали относительно правительства, такъ какъ многія изъ нихъ измѣняли это положеніе въ зависимости отъ политики, которой держалось правительство. Однако можно отличить партіи, систематически оппозиціонныя, враждебныя самой имперской конституціи, и партіи конституціонной и перемежающейся оппозиціи.

Систематическая оппозиція состояла изъ очень несходныхъ между собою группъ. Было три партіи національнаго *протеста*, состоявшія изъ депутатовъ отъ не-нѣмецкаго населенія трехъ окраинъ имперіи: 1) датчанъ Шлезвига; 2) поляковъ Познани и Пруссіи; это была аристократическая и католическая партія, примирившаяся съ правительствомъ въ 1890 году; — 3) эльзасцевъ и лотарингцевъ, съ 1874 года составлявшихъ демократическую партію и, въ большинствѣ своемъ, католическую. Эти три партіи протестовали противъ включенія ихъ земель въ составъ Имперіи. Была еще партія *династическаго протеста*, состоявшая изъ вельфовъ Ганновера, противниковъ Пруссіи; постоянное ядро этой партіи состояло изъ приверженцевъ аристократіи и лютеранскаго духовенства, оставшихся вѣрными законному-королю; къ нимъ присоединились избиратели, недовольные прусскимъ правительствомъ, такъ что численность партіи возросла съ 4 депутатовъ до 11.

Партія *соціальнаго протеста*, раздѣленная сначала на двѣ вѣтви, слилась послѣ выборовъ 1874 года въ одну *рабочую соціалистическую* партію, организовавшуюся на конгрессѣ въ Готѣ (1875 годъ). Это была радикальная партія, находившаяся въ систематической оппозиціи противъ монархическаго правительства, существующей организаціи общества и вліянія духовенства; хотя ей не позволялось называть себя республиканскою, тѣмъ не менѣе она открыто объявляла себя враждебною всякому монархическому режиму. Сначала выборы и рейхстагъ служили для соціалистовъ только средствомъ пропаганды; они выставляли кандитатовъ и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не имѣли никакихъ шансовъ на успѣхъ, съ цѣлью соединить повсюду своихъ сторонниковъ. Они цѣнили не столько число избранныхъ депутатовъ, сколько общее число голосовъ, поданныхъ за ихъ кандидатовъ. Въ рейхстагѣ эта партія держалась въ сторонѣ отъ текущихъ дѣлъ, но всегда была готова напасть на существующій режимъ и постоянно вотировала противъ правительства. Только съ 1890 года эта партія начала принимать положительное участіе въ дѣятельности рейхстага. Со времени сліянія двухъ ея фракцій въ 1875 году, ея вождями всегда оставались прежніе вожди марксистской партіи, Либкнехтъ и Бебель. Она вербовалась преимущественно въ большихъ городахъ и промышленныхъ округахъ, — въ Рейнской и Саксонской провинціяхъ Пруссіи, въ Силезіи, въ Берлинѣ, въ Саксонскомъ королевствѣ. Цифра избирателей этой партіи поднималась въ возрастающей прогрессіи и съ 300,000 достигла 1.700,000; число ея депутатовъ съ 2 дошло до 44.

Остальныя партіи признали имперію и конституцію; онѣ классифицируются въ зависимости отъ того направленія, которое онѣ стремятся придать правительственной политикѣ. Главные вопросы, раздѣляющіе ихъ, касаются дѣлъ, непосредственно подчиненныхъ рейхстагу: союзнаго бюджета, арміи, таможень, косвенныхъ налоговъ, организаціи имперскихъ властей (министерства и рейхстага), гражданскаго права и судопроизводства. Но онѣ не ограничиваются только этими вопросами, а вступаютъ въ соглашеніе съ партіями прусскаго ландтага, ведущими борьбу по церковному и школьному вопросамъ. Почти всѣ онѣ зародились и черпаютъ свою силу въ Пруссіи.

Консервативная партія (офиціально называющаяся *Deutschconservativ*) продолжаетъ

политику прежней аристократической и ортодоксально-протестантской партіи. Она вербуется въ тѣхъ же восточныхъ земледѣльческихъ областяхъ Пруссіи и такъ-же состоитъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ - дворянъ; органомъ ея служитъ та же *Крестовая Газета*, программа которой заключается въ томъ, чтобы охранять существующія учрежденія, власть короля, организацію арміи, господство аристократіи надъ крестьянами и духовенства надъ школами. Не нападая открыто на новую конституцію имперіи, она протестуетъ противъ стремленія либераловъ, чтобы «Германія поглотила Пруссію», и желаетъ помѣшать этому сліянію, чтобы удержать старый аристократическій режимъ восточной Пруссіи. Она считается прусскою партикуляристскою партіей, враждебною единству, и дѣйствительно, имѣетъ сторонниковъ почти въ одной только Пруссіи. Поддерживая короля и министерство во время конфликта, она пріобрѣла большое вліяніе на Вильгельма и осталась партіей двора и дворянства. Въ Палатѣ Господъ она имѣетъ безспорное и постоянное большинство; въ рейхстагѣ численность ея очень измѣнчива (отъ 21 до 76), смотря по тому, стоитъ ли она за министерство, или противъ него.

Партія *консервативно-либеральная* или *имперская партія (Reichspartei)*, состоящая изъ крупныхъ промышленниковъ, землевладѣльцевъ (въ особенности Силезіи) и чиновниковъ, всегда слѣдовала за министерствомъ въ его либеральной эволюціи и осталась министерскою.

Партія *національ-либеральная*, имѣющая сторонниковъ по всей Имперіи, въ особенности же къ западу отъ Эльбы, осталась тѣмъ, чѣмъ была при своемъ появленіи, т. е. партіей имперіалистской и свѣтской буржуазіи. Ея программа заключалась въ томъ, чтобы, поддерживая Бисмарка, съ цѣлью укрѣпить Имперію, взамѣнъ того добиться отъ него антиклерикальнаго, конституціоннаго режима и свободной торговли. Она требовала отвѣтственнаго имперскаго министерства и жалованья депутатамъ рейхстага, а равно полной свободы промышленности и торговли и пониженія косвенныхъ налоговъ на потребленіе. Въ Пруссіи эта партія требовала свободы печати, реформы мѣстной администраціи, съ цѣлью лишить аристократію власти надъ крестьянами,—и, наконецъ, независимости школы, чтобы вырвать ее изъ рукъ духовенства.

Партія прогрессистская (Fortschritt), съ 1884 г. называющаяся *свободомыслящей (Freisinnig)*, всегда сохраняла свою первоначальную программу. Она была, какъ и національ-либеральная, свѣтско-буржуазною партіей, но оппозиціонною, враждебною бюрократическому и военному режиму; она требовала сокращенія срока воинской службы и расходовъ на армію и склонялась къ парламентарному образу правленія, придерживаясь въ то же время доктринъ англійской манчестерской школы по вопросу о преимуществѣ свободы торговли; когда національ-либеральная партія уклонилась отъ этой доктрины, чтобы послѣдовать за политикой Бисмарка, отъ нея отдѣлилась фракція, оставшаяся вѣрной этой доктринѣ, и слилась съ партіей свободомыслящихъ. Эта партія вербуется преимущественно въ большихъ городахъ, въ Голштиніи, въ Прусской провинціи, въ Гессенѣ и въ Саксонскомъ Королевствѣ.

Демократическая партія (Volkspartei) спеціально южно-германская, вербуемая преимущественно въ Вюртембергѣ, партія радикальная, свѣтская и антипрусская. Основаніе имперіи очень ослабило ее, но, повидимому, она усилилась послѣ 1890 г., вслѣдствіе оппозиціи церковной политикѣ правительства.

Центръ составляетъ католическая партія, образовавшаяся сначала въ Пруссіи. Въ прусскомъ ландтагѣ всегда была небольшая католическая группа, но почти сливавшаяся съ консерваторами. Послѣ Ватиканскаго собора и взятія Рима, въ ландтагѣ, избранномъ въ 1870 г., рѣзко выдѣлилась партія, составленная исключительно изъ католиковъ и занявшая мѣсто въ центрѣ. Она выступала какъ консервативно-монархическая партія, но съ католическими требованіями. Ея первымъ офиціальнымъ дѣйствіемъ было поднесеніе въ февралѣ 1871 года адреса королю, котораго она просила помочь папѣ вернуть свѣтскую власть. Затѣмъ эта партія сформировалась въ рейхстагѣ 1871 года и приняла названіе центра. Ея офиціальная программа требовала только сохраненія союзнаго характера имперіи и свободы церкви. Но она всегда была и остается исключительно католическою партіей, пополняемой изъ католическихъ провинцій Пруссіи, Баваріи и Бадена. У нея нѣтъ иной политики, кромѣ защиты католической религіи и св. престола, поддержанія и усиленія власти духовенства и борьбы съ анти-клерикальными партіями. Это партія консервативно-католическая; но, по естественному недовѣрію къ протестанскому правительству имперіи, она относится враждебно къ его централистическимъ стремленіямъ, что придаетъ этой партіи оппозиціонный характеръ. Вербуемая отчасти въ демократическомъ населеніи запада, она поддерживаетъ связь съ народомъ, что ставитъ ее въ соприкосновеніе съ демократическими партіями.

Условія политической жизни.—Чтобы понять тактику всѣхъ этихъ нѣмецкихъ партій, необходимо помнить организацію властей въ Германіи. Имперія, созданная по образцу Пруссіи, составляетъ конституціонную монархію, какою была Франція при Людовикѣ XVIII. Императоръ и имперскій канцлеръ, король и его министры въ Пруссіи управляютъ самодержавно, посредствомъ чиновниковъ, зависящихъ только отъ нихъ. Пред-

ставители народа не имѣютъ никакихъ средствъ, чтобы дѣйствовать на правительство; они лишены даже независимой законодательной власти. Рейхстагъ пользуется правомъ законодательнаго почина; по требованію 15 депутатовъ онъ можетъ подвергнуть обсужденію и вотировать какое-либо предложеніе, но оно становится закономъ тогда только, когда съ нимъ согласятся императоръ и государи союзнаго совѣта. Въ дѣйствительности, власть выборныхъ собраній является чисто отрицательною и состоитъ въ правѣ *отвергать новые законы* и *новые налоги*, требуемые правительствомъ.

Дѣйствительная власть оставалась за Бисмаркомъ, канцлеромъ имперіи и президентомъ прусскаго министерства, пользовавшагося довѣріемъ государя до 1890 года. Слѣдуя своей доктринѣ 1862 года, Бисмаркъ систематически препятствовалъ парламентарному образу правленія развиваться въ Германіи. Привыкшій властвовать, онъ не выносилъ никакого контроля со стороны народныхъ представителей; онъ не допускалъ даже частичнаго разногласія съ собою ни у министровъ, ни у своихъ сторонниковъ въ собраніи. Онъ не допустилъ до созданія правильнаго имперскаго министерства; онъ низвелъ союзное правительство на степень канцеляріи канцлера, составленной изъ нѣсколькихъ чиновниковъ, которымъ передавались дѣла, подготовленныя прусскимъ министерствомъ. Германія, какъ и Пруссія, живетъ подъ либеральнымъ бюрократическимъ правленіемъ, подъ личною властью императора и канцлера. Надъ ея политическою жизнью господствовала воля Бисмарка, а впослѣдствіи Вильгельма II, и ихъ отношенія къ партіямъ.

Это правительство, имѣя въ своихъ рукахъ всю администрацію, обращается къ рейхстагу только тогда, когда ему нужны новые налоги и иногда—новый законъ, обыкновенно для обузданія своихъ противниковъ. Чувствуя свое безсиліе, партіи приняли оборонительную тактику, которая заключается въ пассивномъ сопротивленіи правительству; онѣ уступаютъ ему лишь тогда, когда боятся не быть понятыми избирателями; онѣ торгуются съ нимъ, чтобы заставить его уменьшить свои требованія; онѣ избѣгаютъ окончательно вотировать кредиты и законы, чтобы не обезоружить рейхстага на будущее время, и, исполнивъ какое-нибудь желаніе правительства, стараются добиться отъ него за это какихъ-нибудь уступокъ.

Съ другой стороны, и правительство, не имѣя надобности въ постоянномъ большинствѣ, какое необходимо въ государствахъ съ парламентарнымъ образомъ правленія, пользовалось раздѣленіемъ партій, чтобы составлять коалиціонное большинство, въ которомъ нуждается лишь при голосованіи какихъ либо законовъ. Изъ конституціонныхъ партій (консервативная, націоналъ-либеральная, центръ, прогрессисты) правительство избирало тѣ, которыхъ легче всего могло бы склонить на свою сторону, и пріобрѣтало ихъ голоса посредствомъ нѣкоторыхъ уступокъ въ духѣ той или другой партіи. Затѣмъ, когда оно измѣняло свою политику, оно обращалось къ другимъ партіямъ. Какъ это и естественно въ монархической странѣ, подчиненной могущественнымъ чиновникамъ, каждая партія была болѣе многочисленною во время своего союза съ правительствомъ и ослабѣвала, переходя въ оппозицію. Этимъ колебаніямъ подвергались въ особенности правительственныя партіи: консервативная—съ 21 депутата (въ 1874 году) достигла 80; имперская съ 57 упала до 21; націоналъ-либеральная со 152 (въ 1874 году) спустилась до 50 (въ 1888 году), и потомъ съ 99 (въ 1887 году) до 42 (въ 1890 году).

Вотъ приблизительная численность партій въ рейхстагѣ съ основанія имперіи. Въ этотъ счетъ не вошли депутаты, стоявшіе внѣ партій (*die Wilden*).

	1871	1874	1877	1878	1881	1884	1887	1890	1893
Консерваторы	56	21	40	59	51	76	80	71	70
Консерваторы-либералы (имперская партія)	39	36	38	57	27	28	41	21	27
Націоналъ-либералы	120	152	127	98	раскол. 42 / 44	50	99	42	52
Прогрессисты (съ 1884 г. свободомыслящіе)	46	49	36	25	61	65	32	67	23
Демократическая партія (Volkspartei)	2	1	3	3	9	7	0	10	11
Соціалисты	2	9	12	9	12	9	11	24	44
Центръ	63	91	92	94	97	100	98	107	99
Вельфы	4	4	5	10	10	11	4	11	7
Поляки	14	14	14	14	18	16	13	16	19
Эльзасъ-Лотарингцы	—	15	10	15	15	13	15	10	8
Датчане	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Антисемиты	—	—	—	—	—	—	—	4	18

Не слѣдуетъ думать, что Германская имперія составляетъ централизованное государство, въ которомъ вся политическая жизнь сосредоточивается въ имперскомъ правительствѣ и рейхстагѣ. Частные ландтаги, не только въ Пруссіи, но и въ другихъ государствахъ, не низведены до степени простыхъ провинціальныхъ административныхъ совѣтовъ, какъ прежніе прусскіе провинціальные штаты. Они остались политическими собраніями, обсуждающими жизненные вопросы—школьные, церковные, финансовые,—и раздѣленіе партій въ этихъ собраніяхъ сохраняетъ свою жизненную силу.

Побѣды Пруссіи повсюду усилили партію германскаго единства подъ руководствомъ Пруссіи, т. е. націоналъ-либеральную. Она преобладаетъ въ Баденѣ и Гессенѣ надъ католическимъ меньшинствомъ. Въ Вюртембергѣ эта партія соединилась съ правительствомъ противъ *демократической* партіи, анти-прусской и анти-военной. Въ Баваріи она образовала ядро либеральной партіи (вербуемой въ Рейнскомъ Пфальцѣ и между протестантскими партіями въ Франконіи), которая поддерживаетъ министерство противъ католическаго большинства. Благодаря баварской избирательной системѣ, эта партія почти уравновѣшиваетъ въ ландтагѣ *патріотическую* партію (католическую), которая имѣетъ за себя огромное большинство избирателей. Въ Саксоніи націоналъ-либеральная партія также почти уравновѣшивала лютеранскую консервативную партію до того момента, когда обѣ онѣ соединились для борьбы съ соціалистами, которые начали приводить своихъ депутатовъ въ ландтагъ. Въ Мекленбургѣ, гдѣ съ 1871 года эта партія имѣла на своей сторонѣ огромное большинство избирателей въ рейхстагъ, она подавлялась депутатами дворянства, господствовавшаго въ генеральныхъ штатахъ, организованныхъ еще по конституціи XVIII столѣтія. Много разъ рейхстагъ протестовалъ противъ этихъ старыхъ штатовъ, какъ несогласныхъ съ имперскою конституціей; но всѣ реформы, которыя пытался ввести великій герцогъ, наталкивались на неодолимое сопротивленіе со стороны дворянства. Въ мелкихъ государствахъ большинство дѣлится обыкновенно между націоналъ-либералами и прогрессистами.

Нѣмецкія государства, такъ же какъ Пруссія и имперія, управляются государями, министрами и чиновниками. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ образъ правленія либеральный, но ни въ одномъ нѣтъ парламентарнаго. Выборный ландтагъ имѣетъ только отрицательную власть; онъ можетъ стѣснять министерство, но не низвергнуть его. Въ Баваріи министерство Лютца держалось все время вопреки католическому большинству. Вся Германія живетъ еще подъ монархически-бюрократическимъ режимомъ.

Культуркампфъ и организація имперіи (1871—1877 г.).—Въ первые годы имперіи Бисмаркъ продолжалъ свою политику 1867 года, вступивъ въ союзъ съ націоналъ-либералами, чтобы создать учрежденія, необходимыя для единства имперіи. Тогда его противникомъ былъ католическій *центръ*.

Прусская конституція, составленная по образцу бельгійской, создала для католической церкви положеніе, почти независимое отъ государства; церкви евангелическая и католическая самостоятельно управляли своими дѣлами, равно какъ и всякое другое религіозное общество. Такимъ образомъ правительство отказалось отъ власти надъ духовенствомъ,—отъ «права представлять, назначать, избирать и утверждать» епископовъ и священниковъ, отъ надзора за опубликованіемъ церковныхъ актовъ и сношеніями духовенства съ другими странами. Оно поручило духовенству руководить религіознымъ образованіемъ въ первоначальныхъ школахъ, сохранило за нимъ его доходы, веденіе метрическихъ записей, право на почести и на защиту его власти государствомъ. Это было такое отдѣленіе церкви отъ государства, какъ и въ Бельгіи: духовенство, освобожденное отъ свѣтской власти, само осталось общественною властью. Епископы, сдѣлавшись единственными властителями своего духовенства, не замедлили пріобрѣсти политическое вліяніе на вѣрующихъ, которое неожиданно обнаружилось образованіемъ партіи центра.

Это неожиданное проявленіе моральной силы католическаго духовенства раздражило и испугало весь политическій персоналъ. Въ Германіи вошло въ моду называть «ультрамонтановъ»—«врагами имперіи» и сравнивать ихъ съ вельфами и соціалистами. Тогда началась очень запутанная борьба между центромъ и правительствомъ, прозванная либералами *Kulturkampf* (борьба за культуру). Это былъ длинный рядъ манифестацій со стороны папы и нѣмецкаго духовенства, на которыя правительство отвѣчало репрессивными мѣрами, становившимися все болѣе и болѣе насильственными по мѣрѣ того, какъ продолжалась борьба. Борьба велась одновременно въ имперскомъ рейхстагѣ и въ прусскомъ ландтагѣ.

Центръ выступилъ въ ландтагѣ съ требованіемъ возвращенія папѣ свѣтской власти (февраль 1871 г.), а въ рейхстагѣ—съ предложеніемъ включить въ имперскую конституцію статьи прусской конституціи объ *основныхъ правахъ*, гарантировавшихъ свободу религіи. Бисмаркъ возненавидѣлъ эту партію, ораторомъ которой былъ ганноверскій вельфъ, Виндгорстъ, и которая поддерживала познанскихъ католиковъ-поляковъ, покровительствуя обученію польскому языку въ первоначальныхъ школахъ.

Столкновеніе началось по поводу старо-католиковъ, высказавшихся противъ папской непогрѣшимости и занимавшихъ мѣста профессоровъ

богословія въ университетахъ и преподавателей закона Божія въ гимназіяхъ. Епископы запретили имъ преподаваніе, а потомъ отлучили ихъ отъ церкви. Правительство, не признавшее постановленій ватиканскаго собора, отказалось удалить отлученныхъ профессоровъ и учителей. Епископы протестовали въ коллективномъ адресѣ, поданномъ императору (сентябрь 1871 года). Такимъ образомъ столкновеніе возникло по вопросу о границахъ власти церкви.

Мало-по-малу столкновеніе разрослось. Священники, въ особенности въ Баваріи, проповѣдывали съ церковныхъ каѳедръ то противъ старокатоликовъ, то противъ правительства, оказывавшаго имъ покровительство. Баварское министерство потребовало, а рейхстагъ вотировалъ дополнительную статью къ имперскому уголовному кодексу, наказывавшую тюремнымъ заключеніемъ всякую политическую полемику и оскорбленіе съ церковной каѳедры.

Въ Пруссіи духовенство, воспользовавшись своимъ правомъ надзора за первоначальными школами, удалило изъ нихъ старо-католиковъ и отказывалось совершать браки между ними.

Правительство рѣшилось ограничить власть духовенства. Оно представило въ ландтагъ два закона: о веденіи метрическихъ записей и объ инспекціи школъ. Консервативная партія и самъ императоръ, дорожившій какъ вліяніемъ протестантскаго духовенства на школы, такъ и религіознымъ характеромъ брака, приняли съ сожалѣніемъ и лишь постепенно эту политику, противную традиціямъ, установившимся съ 1840 года. Сначала прошелъ только законъ, передававшій инспекцію первоначальныхъ школъ въ руки свѣтскихъ инспекторовъ. Министръ вѣроисповѣданій, сторонникъ духовенства, покинутый Бисмаркомъ, вышелъ въ отставку и былъ замѣненъ Фалькомъ, сторонникомъ государственной власти; епископы выразили свой протестъ, а познанскій епископъ отказался примѣнить законъ.

Бисмаркъ началъ переговоры съ Римомъ, но не успѣлъ склонить папу принять посломъ своего кандидата, кардинала Гогенлоэ. Тогда онъ обратился съ жалобой на папу къ рейхстагу, гдѣ произнесъ знаменитую фразу: «мы не пойдемъ въ Каноссу» (май 1872 года). Папа отвѣчалъ рѣчью, въ которой изобличалъ преслѣдованія церкви въ Германіи. Въ отвѣтъ на это правительство провело въ рейхстагѣ законъ объ изгнаніи изъ имперіи іезуитовъ и всѣхъ связанныхъ съ ними монашескихъ орденовъ. На новую рѣчь папы противъ маскированнаго преслѣдованія Бисмаркъ отвѣтилъ отозваніемъ своего посла изъ Ватикана. Такимъ образомъ произошелъ разрывъ между имперіей и св. престоломъ.

Духовенство, поставленное въ необходимость выбирать между своимъ духовнымъ государемъ, папою, и государемъ свѣтскимъ, стало въ полномъ своемъ составѣ на сторону папы; оно протестовало противъ распоряженій и законовъ гражданской власти. Правительство стало обращаться съ духовенствомъ, какъ съ мятежниками, особенно послѣ покушенія одного католика-рабочаго на жизнь Бисмарка. Оно привлекало епископовъ къ суду, лишало ихъ доходовъ, отрѣшало ихъ отъ должности и заключало въ тюрьму. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы установить въ Пруссіи власть государства надъ духовенствомъ, оно провело три серіи такъ называемыхъ «майскихъ законовъ» 1873, 1874 и 1875 годовъ. Правительство хотѣло обратить епископовъ и священниковъ въ государственныхъ чиновниковъ, установивъ требованіе, чтобы всякій кандидатъ на мѣсто священника пробылъ три года въ университетѣ и сдалъ экзаменъ по «общеобразовательнымъ предметамъ» (философіи и исторіи),—и обязавъ епископовъ сообщать администраціи о всякомъ назначеніи на духовную должность, затѣмъ замѣстить всѣ вакантныя мѣста и предоставить въ то же время государству надзоръ за всѣми семинаріями. Чтобы отнять у духовенства его офиціальную власть, императоръ рѣшился, наконецъ, установить въ Пруссіи гражданскій бракъ (1874 г.); затѣмъ былъ изданъ имперскій законъ о веденіи метрическихъ книгъ свѣтскою властью и о гражданскомъ бракѣ во всей имперіи. Папа въ энцикликѣ, обращенной къ прусскимъ епископамъ, объявилъ эти законы, какъ противные уставамъ церкви, недѣйствительными, и привѣтствовалъ осужденныхъ епископовъ. Это столкновеніе превратилось въ борьбу за принципы между двумя властями.

Правительство потребовало отъ духовныхъ лицъ заявленія объ ихъ подчиненіи новымъ законамъ и лишило содержанія тѣхъ епископовъ и священниковъ, которые отказались дать его. Оно провело въ прусскомъ ландтагѣ законъ объ отмѣнѣ тѣхъ статей конституціи 1850 года, которыми гарантировалась независимость церкви, и о распущеніи всѣхъ мужскихъ монастырей. Тогда Бисмаркъ объявилъ, что «государство вооружено вполнѣ» и будетъ держаться въ оборонительномъ положеніи. Съ этого времени столкновеніе проявлялось въ видѣ протестовъ со стороны католиковъ и въ привлеченіи къ суду протествующихъ, а также въ отрѣшеніи духовныхъ лицъ отъ должностей. Нѣкоторыя епископства и священническія мѣста оставались вакантными. Зато центръ, сдѣлавшійся въ 1874 году болѣе многочисленнымъ, сталъ въ систематическую оппозицію къ правительству.

Это столкновеніе увлекло Бисмарка и заставило его измѣнить своей прежней политикѣ. Чтобы бороться съ католическимъ центромъ, онъ сблизился съ либеральными свѣтскими партіями, которыми руководили свободные мыслители и евреи. Національ-либералы, прозванные «партіей Бисмарка» и выбираемые по большей части въ качествѣ кандидатовъ правительства,

составляли, въ соединеніи съ прогрессистами, большинство въ рейхстагѣ и въ прусской палатѣ депутатовъ. Консервативные министры періода конфликта мало-по-малу были замѣнены національ-либералами. Дѣйствительная власть находилась въ рукахъ Бисмарка и либераловъ.

Но господствовалъ все еще Бисмаркъ. Онъ отказывалъ своимъ союзникамъ во всемъ, что могло бы усилить рейхстагъ, и высокомѣрно отвергалъ всѣ ихъ требованія, имѣвшія политическій характеръ: имперское министерство и жалованье депутатамъ (имъ дали только безплатный проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ). Онъ сначала заставилъ ихъ временно удержать прежнюю численность арміи, а потомъ, въ 1874 г., потребовалъ ея увеличенія до 401,000 человѣкъ на мирномъ положеніи; онъ даже хотѣлъ, чтобы этотъ составъ арміи былъ сдѣланъ постояннымъ и только съ трудомъ согласился на компромиссъ. Рейхстагъ вотировалъ численность въ 401,000 человѣкъ на семь лѣтъ (это и былъ военный *септенатъ*). Бисмаркъ также заставилъ вотировать военный уголовный кодексъ, который рейхстагъ находилъ слишкомъ суровымъ; онъ добился цѣлой серіи дополнительныхъ статей къ уголовному кодексу, имѣвшихъ въ виду преслѣдованіе разнаго рода противниковъ правительства (одна изъ этихъ статей, очень растяжимая, была прозвана *каучуковой*). Онъ провелъ законъ о печати, отмѣнявшій гербовый сборъ и залоги, но устанавливавшій строгія наказанія за нападки на правительство (1874 г.).

Либеральная партія добилась только административныхъ, судебныхъ и экономическихъ реформъ. Въ Пруссіи, сверхъ свѣтской инспекціи школъ и веденія метрическихъ записей гражданскими властями, установленныхъ во время культуркампфа, была, наконецъ, введена реформа мѣстной администраціи въ восточныхъ провинціяхъ, обѣщанная еще до 1814 г. Палата господъ всегда отвергала эту реформу; она отвергла ее еще разъ и въ 1872 г.; но Бисмаркъ склонилъ Вильгельма назначить въ эту палату 25 новыхъ членовъ, и законъ прошелъ. Онъ уничтожилъ судебную и полицейскую власть помѣщиковъ на принадлежащихъ имъ земляхъ и преобразовалъ уѣздныя собранія (*Kreistag*) въ выборныя представительныя собранія, которымъ была предоставлена власть устанавливать налоги.

Рейхстагъ и имперское правительство дружно работали надъ установленіемъ экономическаго и судебнаго единства имперіи. Контрибуція въ 5 милліардовъ франковъ, уплаченная французами, облегчила экономическія мѣропріятія. Было учреждено нѣсколько спеціальныхъ капиталовъ (инвалидный и военный, а равно капиталъ для постройки крѣпостей и флота). Было установлено единство монетной системы (1872 г.), причемъ за единицу была принята *марка*, которую приняли, чтобы облегчить переходъ отъ прусской монетной системы (талеръ равняется тремъ маркамъ). Кредитныя бумаги разныхъ нѣмецкихъ государствъ были замѣнены билетами имперскаго казначейства. Былъ учрежденъ имперскій банкъ. Были отмѣнены почти вполнѣ таможенныя пошлины на желѣзо (1873 г.).

Въ области суда правительства отдѣльныхъ государствъ начали съ того, что отвергли въ союзномъ совѣтѣ проектъ объединенія, вотированный рейхстагомъ. Потребовалось четыре года, чтобы достигнуть соглашенія. Сначала произошла конференція министровъ въ Берлинѣ, затѣмъ была назначена комиссія юристовъ, потомъ особая комиссія въ рейхстагѣ, и только тогда это дѣло было доведено до конца. Были приняты общій уставъ гражданскаго судопроизводства и уставъ о банкротствѣ, а равно общіе принципы гражданскаго права, уголовнаго судопроизводства и судебной организаціи.

Французскіе милліарды, израсходованные на награды и на государственныя работы, подняли цѣны на все, въ томъ числѣ и на трудъ. Появились многочисленныя акціонерныя предпріятія, въ особенности по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и домовъ въ Берлинѣ. Это былъ періодъ «основателей компаній» и биржевыхъ спекуляцій. Онъ быстро окончился кризисомъ и угнетеннымъ состояніемъ рынка (1874 годъ).

Консервативная партія, недовольная административной реформой, свободою торговли и изъятіемъ школъ и метрическихъ книгъ изъ вѣдѣнія духовенства, мало-по-малу перешла въ оппозицію. Она упрекала Бисмарка за «германизацію» Пруссіи и за колебаніе религіозныхъ и общественныхъ основъ. Императоръ Вильгельмъ, оставшійся лично преданнымъ церкви и аристократіи, предоставлялъ своему канцлеру свободу дѣйствовать, но въ кругу довѣренныхъ лицъ сознавался, что дѣлаетъ это съ тяжелымъ сердцемъ. Повидимому, часть консервативной партіи разсчитывала добиться того, что Бисмаркъ впадетъ въ немилость, и надѣялась замѣнить его графомъ Арнимомъ, посломъ во Франціи, пользовавшимся расположеніемъ при дворѣ и поддержкою императрицы. Глухая борьба между Бисмаркомъ и Арнимомъ закончилась скандаломъ: Арнимъ былъ отозванъ, арестованъ и приговоренъ судомъ въ первый разъ за похищеніе официальныхъ бумагъ, а во второй разъ за изданіе анонимнаго памфлета противъ канцлера (1876 г.) Консерваторы отвѣтили на это цѣлой кампаніей въ печати противъ Бисмарка. Они обвиняли его въ томъ, что онъ продался еврейскимъ спекулянтамъ, въ особенности Блейхредеру; они упрекали его въ томъ, что онъ открылъ «Блейхредеровскую эру». Это повлекло за собою новые процессы.

Борьба съ соціалистами (1878). — Съ самаго основанія имперіи правительство вступило въ борьбу съ соціалистами, преслѣдуя ихъ судомъ. Оно добилось обвиненія двухъ ихъ вождей, приговоренныхъ къ тюремному заключенію за государственную измѣну, и преслѣдовало ихъ газеты въ Берлинѣ (1873 годъ). Но соціалисты, быть можетъ вслѣдствіе экономическаго разстройства, которое послѣдовало за кризисомъ 1873 года, быстро пріобрѣтали сторонниковъ въ средѣ рабочихъ, въ особенности въ Саксоніи, Голштиніи, Тюрингіи и Берлинѣ. На выборахъ 1874 года за нихъ было подано 340,000 голосовъ; они слились въ одну партію съ центральнымъ управленіемъ, имѣющимъ официальную газету, кассу и ежегодные конгрессы.

Бисмаркъ хотѣлъ прекратить ихъ пропаганду путемъ общихъ законовъ противъ печати; но рейхстагъ, опасаясь за свободу печати, отвергъ эти проекты (1874, 1876 гг.). Въ 1877 году число голосовъ, поданныхъ за соціалистовъ, достигло 480,000.

Два покушенія на жизнь императора (май и іюнь 1878 г.) дали, наконецъ, правительству возможность побѣдить сопротивленіе либеральныхъ партій. Преступники дѣйствовали единолично, и партія отреклась отъ нихъ; но они были соціалисты. Бисмаркъ воспользовался раздраженіемъ, вызваннымъ вторымъ покушеніемъ, и распустилъ рейхстагъ, уже боровшійся съ нимъ на почвѣ экономической политики. Либеральныя партіи утратили большинство, и новый рейхстагъ вотировалъ законы, которыхъ требовало правительство.

Это были исключительные законы, направленные спеціально противъ разрушительныхъ стремленій соціалъ-демократіи. Они воспрещали всякую «ассоціацію, всякое собраніе, всякое сочиненіе, имѣющее цѣлью ниспроверженіе соціальнаго порядка», а равно и такія, «въ которыхъ проявлялись соціалистическія тенденціи, могущія подвергнуть опасности общественное спокойствіе и, въ особенности, согласіе между различными классами населенія». Эти законы предоставляли полиціи право налагать арестъ на соціалистическія сочиненія и запрещать и распускать соціалистическія собранія. Они также предоставляли правительству право ввести на одинъ годъ во всякомъ городѣ, гдѣ оно находитъ это нужнымъ, *малое осадное положеніе*, во все продолженіе котораго администрація могла воспрещать всякое собраніе, изгонять всякое подозрительное лицо и запрещать ему пребываніе въ городѣ. Эти законы были изданы на четыре года; потомъ они два раза возобновлялись и просуществовали двѣнадцать лѣтъ (до 1890 года). Они разрушили официальную организацію соціалистической партіи и уничтожили ея ассоціаціи и газеты. По приблизительнымъ вычисленіямъ, сдѣланнымъ этою партіей въ 1890 году, за двѣнадцать лѣтъ существованія исключительныхъ законовъ было запрещено 1,400 изданій, изгнано 900 человѣкъ и 1,500 приговорено къ заключенію въ тюрьму. Но соціалисты реорганизовались въ разныя мѣстныя общества, съ виду чуждыя политикѣ: общества пѣвчихъ. клубы курильщиковъ, рабочіе клубы (съ 1881 г.). Они продолжали пропаганду въ частныхъ разговорахъ и летучихъ листкахъ, печатавшихся тайно. Они перенесли за границу свой официальный органъ и свои конгрессы. *Соціалъ-демократъ* печатался въ Цюрихѣ и распространялся контрабандой по всей Германіи. Конгрессы происходили въ Швейцаріи (Виденъ, 1880, Сентъ-Галленъ, 1887) и въ Копенгагенѣ (1883 г.).

Сначала казалось, что строгіе законы ослабили соціалистическую пропаганду; на выборахъ 1881 года за соціалистовъ было подано только 310,000 голосовъ (12 депутатовъ), но, начиная съ 1884 года, число голосовъ поднялось до 550,000 (24 депутата) и достигло 763,000 въ 1887 году и 1.427,000 въ 1890 году.

Экономическая и соціальная политика Бисмарка (1878—86 годы).—Для борьбы съ католиками Бисмаркъ соединился съ національ-либералами и принялъ ихъ экономическую политику, согласную съ доктриной манчестерской школы: таможенную систему, близкую къ свободѣ торговли, покрытіе имперскихъ расходовъ прямыми налогами, невмѣшательство государства въ отношенія рабочихъ и хозяевъ.

Мало-по-малу Бисмарку опротивѣла эта политика и, въ то-же время, его утомила борьба съ духовенствомъ. Тогда онъ послѣдовалъ за новыми теченіями общественной мысли, возникшими въ Германіи.

Нѣсколько профессоровъ политической экономіи (Вагнеръ, Шмоллеръ), сторонники государственнаго вмѣшательства въ экономическія отношенія, основали ученое общество (*Verein für Socialpolitik*), организовавшееся въ Эйзенахѣ (1872 г.). Оно произвело рядъ изслѣдованій о дѣйствительномъ положеніи рабочихъ и предложило рядъ экономическихъ реформъ, которыя должны были быть осуществлены государствомъ (законъ о фабричномъ трудѣ, о фабричной инспекціи, о страхованіи, о помѣщеніяхъ для рабочихъ). Противники этихъ профессоровъ прозвали ихъ «соціалистами каѳедры». Протекціонисты, усилившіеся послѣ кризиса 1874 года, основали партію реформы налоговъ и экономическаго режима. Они вновь подняли вопросъ о введеніи пошлинъ на желѣзо. Бисмаркъ сдѣлался сначала протекціонистомъ, а потомъ сторонникомъ государственнаго соціализма.

Онъ потребовалъ сначала новой системы налоговъ; затѣмъ онъ примкнулъ къ доктринѣ о

вмѣшательствѣ государства и выступилъ съ такъ называемою *соціальною политикой* (около 1881 года).

Такъ какъ съ 1877 года имперскій бюджетъ сводился съ дефицитомъ, то Бисмаркъ предложилъ увеличить косвенные налоги на карты и табакъ. Въ отвѣтъ на это національ-либеральная партія потребовала учрежденія имперскаго министерства. Бисмаркъ отказалъ, взялъ отпускъ и вернулся изъ своего деревенскаго уединенія съ проектомъ, представлявшимъ собою законченную финансовую реформу. До тѣхъ поръ въ имперіи существовали таможенныя пошлины, но очень невысокія, граничившія съ свободною торговлей, и невысокіе косвенные налоги на потребленіе. Такъ какъ таможенныхъ налоговъ не хватало на покрытіе имперскихъ расходовъ, то прибѣгали къ *матрикулярнымъ* взносамъ, т. е. требовали отъ отдѣльныхъ государствъ взноса опредѣленныхъ суммъ, пропорціональныхъ ихъ населенію. Эти суммы, измѣнявшіяся, смотря по размѣру дефицита (82 милліона марокъ въ 1872 году, 70 милліоновъ въ 1878 г.), были вотируемы ежегодно и покрывались прямыми налогами. Бисмаркъ хотѣлъ возвысить таможенныя пошлины по примѣру другихъ большихъ государствъ (Австріи, Россіи, Франціи), чтобы покровительствовать германской промышленности. Такимъ образомъ онъ увеличивалъ доходы имперіи на столько, что было возможно отмѣнить матрикулярные сборы. Внутри имперіи Бисмаркъ хотѣлъ установить табачную монополію, какъ во Франціи, и увеличить косвенные налоги. Тогда имперскій бюджетъ сводился бы съ большимъ превышеніемъ доходовъ надъ расходами; получавшійся излишекъ распредѣлялся бы между отдѣльными государствами и позволилъ бы имъ уменьшить прямые налоги. Эта реформа обѣщала обезпечить имперіи независимые доходы; она не имѣла бы болѣе надобности «просить милостыни у отдѣльныхъ государствъ».

Проектъ былъ отвергнутъ національ-либералами не только потому, что онъ противорѣчилъ принципу свободной торговли, но еще и потому, что онъ создавалъ для имперіи источникъ дохода, не подлежавшій ежегодному голосованію рейхстага, а слѣдовательно лишавшій этотъ послѣдній его главнаго средства воздѣйствія на правительство. Тогда Бисмаркъ, покинувъ либераловъ, сталъ искать большинства на противоположной сторонѣ и вступилъ въ соглашеніе съ двумя консервативными партіями, съ которыми дотолѣ боролся, — съ прусскою консервативною партіей и съ католическимъ центромъ. Онъ воспользовался покушеніями на императора, чтобы распустить рейхстагъ, избранный въ 1877 году, въ которомъ либеральное большинство отказало ему въ табачной монополіи и въ исключительныхъ законахъ противъ соціалистовъ. Въ рейхстагѣ, избранномъ въ 1878 году, либеральныя партіи, ставшія противниками Бисмарка, лишились большинства. Изъ консерваторовъ и центра составилось новое коалиціонное большинство, готовое принять, по крайней мѣрѣ частью, экономическую программу Бисмарка. Это большинство образовало сначала «экономическую группу» (204 члена), которая объявила себя за покровительственную систему.

Согласно требованію Бисмарка, эта коалиція вотировала реформу таможеннаго тарифа, которая, хотя и дѣлала его болѣе покровительственнымъ, но не повышала пошлины на иностранное зерно въ томъ размѣрѣ, какого требовали землевладѣльцы. Бисмарку удалось также провести нѣкоторыя другія части своей программы. Дѣло двигалось медленно, путемъ компромиссовъ. Рейхстагъ вотировалъ сначала пошлины на табакъ, керосинъ и кофе, но съ условіемъ, что если имперскіе доходы отъ таможенъ и налоговъ будутъ превышать 130 милліоновъ, то избытокъ долженъ быть распредѣленъ между отдѣльными государствами, и что нѣкоторыя изъ этихъ пошлинъ должны быть вотированы ежегодно въ формѣ закона; такимъ образомъ рейхстагъ сохранялъ свою власть въ финансовыхъ вопросахъ.

Въ обмѣнъ на эти уступки Бисмаркъ, въ угоду своимъ новымъ союзникамъ, измѣнилъ внутреннюю политику Пруссіи. Онъ порвалъ съ либеральными министрами. Фалькъ, сторонникъ *культуркампфа*, былъ замѣщенъ консерваторомъ. Бисмаркъ пріостановилъ реформу мѣстной администраціи въ провинціяхъ и городахъ, которая не нравилась консервативной партіи. Примиреніе съ центромъ совершилось медленно. Оно началось переговорами съ новымъ папою, Львомъ XIII, которые не удались; дѣло шло о замѣщеніи епископскихъ и священническихъ должностей (600), оставшихся вакантными вслѣдствіе смерти или удаленія. *Майскіе законы* требовали заявленій, которыхъ духовенство дать не могло. Изъ этого затрудненія вышли такимъ образомъ: ландтагъ предоставилъ правительству право не примѣнять майскихъ законовъ. Такъ окончился культуркампфъ. Затѣмъ, всѣ мѣры, принятыя во время этой борьбы, были мало-по-малу отмѣнены (съ 1880 по 1893 г.); остались въ силѣ только свѣтскій порядокъ веденія метрическихъ записей и отмѣна статей конституціи 1850 г. Въ Германіи признается, что духовенство вышло побѣдителемъ изъ своей борьбы съ правительствомъ.

Коалиція центра и консерваторовъ вотировала также законъ о прусскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Изъ 20,000 километровъ этихъ дорогъ 6,000 принадлежали государству. Бисмаркъ хотѣлъ, чтобы всѣ желѣзнодорожные пути перешли къ государству; ему предоставили со-

вершить этотъ выкупъ постепенно (съ 1879 года).

При этихъ перемѣнахъ въ политикѣ націоналъ-либеральная партія распалась; одна ея группа, прежде всего преданная Бисмарку, послѣдовала за нимъ и перешла на сторону правой; другая группа, стоявшая за свободную торговлю и за «майскіе законы», перешла на сторону лѣвой и составила отдѣльную фракцію, которая въ концѣ концовъ соединилась съ прогрессистскою партіей. Во время этого кризиса Бисмаркъ обнаруживалъ свое негодованіе противъ бывшихъ своихъ союзниковъ и товарищей по министерству. Онъ расточалъ ироническія замѣчанія о рейхстагѣ и парламентарномъ режимѣ, и дошелъ до того, что предложилъ созывать рейхстагъ только на одну сессію въ каждые два года и вотировать бюджетъ тоже на два года (1881 годъ). На выборахъ 1881 года либеральныя партіи жаловались на давленіе, которое правительство производило на избирателей.

Чтобъ остановить соціалистическую пропаганду, Бисмаркъ рѣшился сдѣлать имперію популярной, заставивши ее создать страховыя учрежденія для улучшенія матеріальнаго положенія рабочихъ. Это и было названо *соціальною политикою*.

Она началась съ учрежденія прусскаго «Совѣта политической экономіи» изъ 15 членовъ (ноябрь 1880 г.). Затѣмъ явился законопроектъ о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, о которомъ было сказано, что онъ составляетъ первый изъ ряда подобныхъ же проектовъ. Главною манифестаціею было знаменитое посланіе императора (ноябрь 1881 г.), признававшее въ принципѣ обязанности, лежавшія на государствѣ по отношенію къ «его нуждающимся членамъ», не только какъ «простой долгъ гуманности и христіанства», но и какъ «задачу охранительной политики». Дѣло заключалось въ томъ, чтобы «поддерживать даже въ самыхъ бѣдныхъ, наиболѣе многочисленныхъ и наименѣе образованныхъ классахъ населенія сознаніе того, что государство есть учрежденіе не только необходимое, но и благодѣтельное». Это было развитіемъ новѣйшей идеи о государствѣ, основанной на христіанской морали и признающей, что на немъ, «кромѣ обязанности внѣшней защиты, лежитъ обязанность положительнымъ образомъ содѣйствовать благосостоянію всѣхъ его членовъ, въ особенности слабыхъ». Эта доктрина, которую Бисмаркъ представлялъ, какъ традицію прусскихъ королей, начиная съ XVIII столѣтія, была вмѣстѣ съ тѣмъ и доктриною теоретиковъ «государственнаго соціализма» и доктриною новой партіи *«христіанскаго соціализма»*, которую основалъ придворный проповѣдникъ Штекеръ.

Она проводилась медленно, въ формѣ частичныхъ законовъ, которые съ трудомъ вырывались у рейхстага. Ими былъ учрежденъ капиталъ, находившійся въ распоряженіи имперскаго правительства, для выдачи пенсій все болѣе и болѣе многочисленнымъ разрядамъ рабочихъ, въ случаяхъ, число которыхъ все болѣе и болѣе возрастало: пострадавшимъ отъ несчастныхъ случаевъ (1884, 85, 86, 87 гг.), больнымъ (1883, 85, 86, 92 гг.), престарѣлымъ и неспособнымъ къ работѣ (1889 г.). Это учрежденіе было привѣтствовано экономистами нѣмецкихъ университетовъ, какъ соціальная революція, спасавшая милліоны рабочихъ отъ нищеты и заинтересовывавшая ихъ въ поддержаніи общества. Соціалисты относились къ нему, какъ къ политическому маневру, имѣвшему цѣлью отвлечь рабочихъ отъ истинной реформы. Въ дѣйствительности эти мѣры, повидимому, не склонили рабочихъ на сторону правительства.

Въ рейхстагѣ, избранномъ въ 1881 году, либеральная оппозиція усилилась. Бисмаркъ еще тѣснѣе соединился съ коалиціей консерваторовъ и центра, и добился отъ нея законовъ, осуществлявшихъ нѣкоторыя части его финансовой и соціальной политики (кромѣ табачной монополіи), а также закона противъ анархистовъ.

Въ то же время Бисмаркъ положилъ начало колоніальной политикѣ, которая, начавшись съ поощренія частныхъ лицъ и компаній, окончилась учрежденіемъ имперскихъ колоній съ субсидіями, вотированными рейхстагомъ. Это явилось новою почвою для оппозиціи. Рейхстагъ, избранный въ 1884 г., боролся противъ колоніальной политики.

Военный законъ и Картель (1886—88).— Коалиція консерваторовъ и центра распалась по колоніальному вопросу. Центръ, отдѣлившись отъ союза съ Бисмаркомъ, примкнулъ къ прогрессистамъ и противникамъ имперіи, чтобы отвергнуть кредиты, потребованные правительствомъ. Разрывъ сдѣлался окончательнымъ, когда прусское правительство, изгнавъ поляковъ изъ восточныхъ провинцій Пруссіи, отказалось отвѣчать на запросъ по этому поводу, видя въ немъ посягательство на свои права. Тогда образовалась оппозиціонная коалиція противъ Бисмарка, подъ руководствомъ двухъ вождей центра и прогрессистовъ. Эта коалиція составила большинство въ рейхстагѣ и отвергла всѣ проекты финансовой реформы.

Въ это время ходъ внутренней политики былъ нарушенъ внѣшними осложненіями. Во Франціи Буланже сдѣлался военнымъ министромъ и волновалась Лига Патріотовъ. Прошелъ слухъ, что Германіи угрожаетъ война съ Франціей, а можетъ быть и съ Россіей. Бисмаркъ воспользовался этими опасеніями (повидимому офи-

ціозныя газеты помогали ихъ распространенію среди нѣмецкой публики), чтобы избавиться отъ своихъ противниковъ въ рейхстагѣ. Онъ потребовалъ возобновленія военнаго закона (септената), хотя срокъ ему истекалъ только въ 1888 году; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ потребовалъ увеличенія арміи на 41,000 человѣкъ. Прогрессисты и центръ вотировали за увеличеніе арміи, но ограничили срокъ военнаго закона тремя годами. Бисмаркъ распустилъ рейхстагъ (январь 1887 г.).

На выборахъ составилась коалиція всѣхъ союзниковъ Бисмарка противъ всѣхъ противниковъ септената. Три партіи,—консервативная, имперская и національ-либеральная,—вступили въ формальное соглашеніе (*картель*), которымъ обязывались поддерживать другъ друга на перебаллотировкахъ. (Въ нѣмецкой системѣ выборовъ перебаллотировка происходитъ только между двумя кандидатами, получившими наибольшее число голосовъ при первомъ голосованіи.) Выборы, произведенные на почвѣ военнаго закона, ослабили партіи лѣвой стороны, въ особенности прогрессистовъ и демократовъ, и дали сильное большинство *Картелю*.

При помощи этой новой коалиціи Бисмаркъ господствовалъ въ рейхстагѣ. Онъ заставилъ его вотировать военный законъ (1888 г.), продленіе закона противъ соціалистовъ и измѣненіе срока, на который избирался рейхстагъ; этотъ срокъ былъ изъ трехлѣтняго сдѣланъ пятилѣтнимъ. Бисмаркъ вошелъ въ непосредственное соглашеніе съ папой и добился отъ него порицанія центру за то, что тотъ отказалъ въ септенатѣ; въ награду за это Бисмаркъ провелъ черезъ прусскій ландтагъ законъ, дозволявшій возстановленіе религіозныхъ конгрегацій. Наконецъ, онъ провелъ всѣ законы своей соціальной политики.

Вильгельмъ II и христіанская политика.—Бисмаркъ управлялъ Пруссіей съ 1862 года, а имперіей—съ самаго ея основанія, въ качествѣ министра, пользовавшагося неограниченнымъ довѣріемъ Вильгельма I. Во всѣхъ его столкновеніяхъ съ ландтагомъ и съ рейхстагомъ, съ прусскими министрами, съ союзнымъ совѣтомъ, Вильгельмъ всегда поддерживалъ его. Онъ устранялъ всякое сопротивленіе своей политикѣ, прибѣгая къ подачѣ прошенія объ отставкѣ, котораго Вильгельмъ никогда не хотѣлъ принять. На него привыкли смотрѣть, какъ на необходимаго главу правительства.

Вильгельму I, умершему на 91 году (9 марта 1888 г.), наслѣдовалъ его сынъ, Фридрихъ III, уже страдавшій неизлечимою болѣзнью, ракомъ гортани, и потерявшій голосъ послѣ операціи. Бисмаркъ никогда не сходился во мнѣніяхъ съ новымъ императоромъ, а особенно съ его супругою, Викторіей, дочерью англійской королевы,—сторонниками англійскаго, либеральнаго и парламентарнаго образа правленія. Новое царствованіе не могло, по своей непродолжительности, измѣнить правительственную политику (Фридрихъ умеръ 15 іюня). Но оно возбудило противъ Бисмарка приближенныхъ императрицы, и борьба окончилась опубликованіемъ посмертныхъ мемуаровъ Фридриха за 1870—1871 года. Бисмаркъ отомстилъ за это процессомъ о фальсификаціи, окончившимся оправданіемъ (1889 годъ).

Наслѣдникъ Фридриха, императоръ Вильгельмъ II, былъ извѣстенъ, какъ почитатель своего дѣда Вильгельма и Бисмарка, а равно какъ страстный приверженецъ арміи и церкви. Его первыя слова и дѣйствія обнаружили въ немъ государя, воспитаннаго въ военныхъ и христіанскихъ традиціяхъ прусскихъ королей. Проникнутый своимъ божественнымъ правомъ и своею предопредѣленною свыше миссіей управлять своимъ народомъ согласно съ религіей и съ монархическими традиціями, Вильгельмъ II былъ открытымъ врагомъ соціалистовъ и свободныхъ мыслителей. Его первая прокламація была обращена къ арміи и флоту. Въ своей прокламаціи къ народу онъ объявлялъ, что принялъ управленіе «передъ лицомъ Царя царей и далъ обѣтъ Богу быть государемъ справедливымъ и милостивымъ, насаждать благочестіе и страхъ Божій».—Открывая рейхстагъ, онъ объявилъ о своемъ намѣреніи «продолжать законодательные труды своего дѣда, въ особенности въ духѣ посланія 17 ноября 1881 года, въ духѣ покровительства трудящемуся населенію...согласно принципамъ христіанской морали» (1888 г.).

Затѣмъ онъ усвоилъ привычку изливать свои личныя впечатлѣнія въ застольныхъ тостахъ, въ импровизированныхъ рѣчахъ, въ отвѣтахъ на адресы, въ словахъ, обращенныхъ къ новобранцамъ арміи и флота. Вмѣсто сидячей и правильной жизни прусскихъ королей, онъ былъ въ непрестанномъ движеніи. Онъ посѣтилъ всѣ монархическія страны Европы, совершалъ поѣздки во всѣ концы имперіи, объѣздилъ на своей яхтѣ всѣ берега Сѣвернаго моря. (Въ Берлинѣ его прозвали «Вильгельмъ Странствующій».) Онъ продолжалъ страстно интересоваться арміей, руководилъ ея ученьями, присутствовалъ на смотрахъ и маневрахъ во всей имперіи.

Его политическія манифестаціи обнаруживали преимущественно его уваженіе къ религіи, его ненависть къ соціальной революціи, его приверженность къ личному управленію и военной дисциплинѣ. Его намеки на борьбу съ «разрушительными элементами» сдѣлались особенно угрожающими послѣ успѣха соціалистовъ на выборахъ 1890 г. Въ Силезіи онъ выразилъ желаніе, «чтобы граждане наконецъ проснулись и не возлагали на одно государство и его органы борьбу съ революціонными элементами»; онъ выразилъ надежду, что «будетъ возстанов-

лено уваженіе къ церкви и закону и безусловное повиновеніе коронѣ». На банкетѣ въ Бранденбургѣ онъ сказалъ: «Духъ неповиновенія проникаетъ въ страну. Онъ пользуется цѣлымъ океаномъ типографскихъ чернилъ и бумаги, чтобы затемнять пути, которые ясны и должны быть ясными для всякаго, кто знаетъ меня и мои принципы» (февраль 1891 г.). Въ Мюнхенѣ, въ книгѣ для записыванія именъ посѣтителей, онъ написалъ такой девизъ: «*Suprema lex regis voluntas esto*» (*Да будетъ воля короля верховнымъ закономъ*). Делегаціи протестантскаго синода онъ объявилъ, что «сила тьмы не можетъ быть побѣждена безъ помощи синода». На банкетѣ членовъ парламента онъ сказалъ, что «существуютъ только двѣ партіи: партія, охраняющая государство, и противоположная ей». Рекрутамъ, приносившимъ присягу въ Потсдамѣ и въ Берлинѣ (ноябрь 1891 г.), онъ сказалъ двѣ рѣчи объ обязанностяхъ ихъ во время мятежа *).

Въ то же время онъ вмѣшивается лично въ спеціальные вопросы. Онъ созвалъ международную конференцію для изученія законодательства о рабочихъ. Присутствуя на конференціи, состоявшейся по вопросу о реформѣ средняго образованія, онъ потребовалъ, чтобы французское слово *Schulenquête* было замѣнено нѣмецкимъ (*Schulfrage*), высказалъ свое мнѣніе о реформѣ, заявилъ о необходимости отвести большее мѣсто преподаванію новѣйшихъ предметовъ и даже изложилъ планъ преподаванія исторіи, начиная съ исторіи современныхъ событій (1890 г.). Послѣ преступленія, совершеннаго въ Берлинѣ однимъ сутенеромъ, онъ напечаталъ въ офиціальной газетѣ заявленіе своему министерству объ этомъ промыслѣ, «представляющемъ опасность для государства и общества», и просилъ «нравственные классы своего народа» оказать помощь правительству. Онъ объясняетъ свое вмѣшательство тѣмъ, что «правосудіе воздается отъ его имени», и тѣмъ, что онъ «проникнутъ сознаніемъ своихъ обязанностей верховнаго стража права и порядка» (октябрь 1891 г.).

Въ началѣ Вильгельмъ II предоставилъ управленіе Бисмарку. Но вскорѣ перемѣна государя повела къ перемѣнамъ въ группировкѣ партій, а затѣмъ и къ перемѣнамъ въ правительственномъ персоналѣ.

Консервативная партія, сознавая свое единомысліе съ императоромъ въ религіозныхъ вопросахъ, отдѣлилась отъ національ-либераловъ, какъ партіи, подозрѣваемой въ религіозномъ индифферентизмѣ. Разрывъ начался въ Пруссіи по поводу закона, имѣвшаго цѣлью сдѣлать первоначальное образованіе даровымъ. Консерваторы, соединившись съ католическимъ центромъ, отвергли этотъ законъ. Затѣмъ, ихъ органъ, *Крестовая Газета*, перешелъ въ наступленіе и нападалъ на Картель, называя его «антихристіанскимъ, смѣсью золота консервативныхъ принциповъ старой Пруссіи съ низкопробнымъ металломъ либерализма».

Въ Берлинѣ консервативной партіей руководили два вождя новаго, соціально-консервативнаго движенія: экономистъ Вагнеръ, одинъ изъ представителей государственнаго соціализма, и придворный проповѣдникъ-Штекеръ, организаторъ партіи *христіанскаго соціализма*. Эта партія, основанная въ 1878 году, заявляла, что стоитъ на почвѣ христіанской вѣры и любви къ королю и отечеству, отвергая соціалъ-демократію, какъ неосуществимую, антихристіанскую и антипатріотическую. Слѣдовательно эта была партія монархическая и клерикальная, но она требовала отъ государства глубокихъ соціальныхъ реформъ: обязательныхъ корпорацій, съ субсидіями отъ государства, рабочаго законодательства, надзора за фабриками, регламентаціи продолжительности труда, кассъ для страхованія, прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства. Она противопоставляла свою программу программамъ всѣхъ старыхъ либераловъ, сторонниковъ свободы промышленности и торговли, объявляя себя врагомъ манчестерской школы и евреевъ. Штекеръ, не смотря на малочисленность своей партіи, пріобрѣлъ вліяніе на консервативную партію своими рѣчами и непрерывною агитаціей.

Вильгельмъ вмѣшался, чтобы поддержать коалицію между консерваторами и національ-либералами. Онъ остановилъ политическую агитацію Штекера, выразилъ порицаніе *Крестовой Газеты* и приказалъ напечатать въ офиціальномъ органѣ, что смотритъ на Картель, какъ на «политическую партію, согласную съ принципами его правительства» (октябрь 1889 года). Картель былъ возобновленъ для выборовъ 1890 года, но безъ общей программы. Избирательная кампанія велась противъ вздорожанія съѣстныхъ припасовъ, которое было вызвано новыми налогами, противъ стремленія большинства къ религіозной реакціи. Эта кампанія закончилась полнымъ пораженіемъ правительственныхъ партій; онѣ потеряли болѣе трети голосовъ, полученныхъ ими въ 1887 г.; у нихъ оказалось въ рейхстагѣ только 135 членовъ

*) Текстъ этихъ рѣчей извѣстенъ только по газетной передачѣ. Въ Потсдамѣ императоръ сказалъ: «Вы—мои солдаты; вы принадлежите мнѣ тѣломъ и душой. Для васъ существуетъ только одинъ врагъ, это—мой врагъ. Въ наше время соціалистическихъ козней можетъ случиться, что я прикажу вамъ стрѣлять въ вашихъ братьевъ и отцовъ. Сохрани насъ Богъ отъ этого! Но если случится, то вы должны повиноваться безропотно». Или, въ другой передачѣ: «Еслибы я былъ вынужденъ приказать вамъ стрѣлять въ вашихъ братьевъ и отцовъ, не забывайте вашу присягу». Въ Берлинѣ онъ сказалъ: «Быть можетъ, васъ ожидаютъ серьезныя сраженія внутри страны».

(вмѣсто 220), тогда какъ партіи лѣвой и центра появились въ большемъ числѣ, чѣмъ даже до Картеля (прогрессистовъ 67, соціалистовъ 36, народной партіи—*Volkspartei*—10).

Новый курсъ.—Правительство лишилось большинства въ рейхстагѣ. Бисмаркъ предложилъ создать новое большинство, посредствомъ коалиціи консерваторовъ и центра. Вильгельмъ отказалъ. Уже съ 1889 года началось глухое соперничество между Бисмаркомъ и приближенными императора, въ особенности графомъ фонъ Вальдерзэ, начальникомъ генеральнаго штаба. Отношенія между Вильгельмомъ и Бисмаркомъ, не одобрявшимъ международной конференціи по рабочему вопросу, стали натянутыми. Они были порваны окончательно, когда императоръ отказался войти въ соглашеніе съ центромъ, а Бисмаркъ не согласился отказаться отъ установленнаго въ 1852 году правила, которое воспрещало всякому прусскому министру сноситься съ королемъ помимо президента министерства. Разрывъ произошелъ въ очень рѣзкой формѣ. Вильгельмъ приказалъ потребовать отъ Бисмарка отставки отъ должности канцлера и прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ, и тотчасъ же—въ мартѣ 1890 г.—назначилъ на его мѣсто генерала Каприви. Депешею, составленною въ морскихъ выраженіяхъ (повидимому императоръ Вильгельмъ любилъ языкъ моряковъ во время своихъ морскихъ прогулокъ), онъ возвѣстилъ одновременно и объ измѣненіи правительственнаго персонала, и о своемъ намѣреніи ничего не измѣнять въ направленіи политики. «Я страдаю такъ, какъ будто я вновь лишился моего дѣда, но когда Богъ повелѣваетъ, надо переносить все, хотя бы пришлось погибнуть. На мою долю выпалъ постъ вахтеннаго офицера на государственномъ кораблѣ. Курсъ остается тотъ же. Впередъ на всѣхъ парахъ!»

Въ дѣйствительности, по удаленіи Бисмарка, политика приняла нѣсколько иное направленіе, которое прозвали «новымъ курсомъ». Прежде всего эта перемѣна произошла въ личныхъ отношеніяхъ депутатовъ рейхстага съ канцлеромъ; пренія, всегда очень рѣзкія при Бисмаркѣ, котораго раздражало малѣйшее противорѣчіе, стали болѣе спокойными при Каприви. Онъ объявилъ, что готовъ признать идеи, которыя «встрѣчали препятствіе въ слишкомъ сильной индивидуальности Бисмарка», и предоставилъ больше свободы печати и собраніямъ. Вслѣдствіе этого оппозиція, даже наиболѣе враждебныхъ его политикѣ партій (прогрессистовъ и соціалистовъ), носила менѣе агрессивный характеръ. Исключительный законъ противъ соціалистовъ, срокъ которому истекъ въ 1890 году, возобновленъ не былъ. Соціалистическая партія снова организовалась открыто, со своими газетами, своею кассою, пополняемой взносами членовъ, со своими конгрессами, созываемыми въ Германіи, и съ своимъ оффиціальнымъ управленіемъ; но ея тактика приняла менѣе революціонный характеръ. Новое правительство пользовалось плодами того удовлетворенія, которое почувствовали партіи, облегченныя отъ гнета, налагавшагося на нихъ самовластнымъ характеромъ Бисмарка.

Въ торговой политикѣ правительство, не возвращаясь къ свободной торговлѣ, приняло систему коммерческихъ трактатовъ, сперва съ политическими союзниками имперіи, Австро-Венгріей и Италіей (1891 г.), а потомъ и съ другими европейскими государствами: Швейцаріей, Бельгіей, Сербіей, Испаніей, Россіей (1894 годъ). Цѣль заключалась въ томъ, чтобы открыть рынки для нѣмецкой промышленности и предохранить Германію отъ кризисовъ, производимыхъ быстрыми перемѣнами таможенныхъ пошлинъ въ государствахъ, не связанныхъ коммерческими трактатами.

Эта перемѣна въ таможенной системѣ связывалась съ перемѣною въ иностранной политикѣ. Правительство перестало искать союза съ Россіей и стало явно сближаться съ поляками. Въ Пруссіи оно остановило германизацію Познани. Бисмаркъ, пытаясь создать въ этой провинціи нѣмецкое населеніе, учредилъ фондъ для покупки у польскихъ дворянъ крупныхъ имѣній, которыя раздавались затѣмъ мелкими участками нѣмецкимъ колонистамъ; онъ пробовалъ также уничтожить въ первоначальныхъ школахъ преподаваніе на польскомъ языкѣ. Но оказалось, что эти мѣры не достигали цѣли: польско-католическое населеніе не онѣмечивалось, а, напротивъ того, часть нѣмцевъ ополячилась. Правительство примирилось съ поляками, предоставило власть надъ духовенствомъ въ Познани польскому епископу и стало благосклонно принимать польскихъ дворянъ при Берлинскомъ дворѣ. Поляки, быть можетъ, изъ нелюбви къ Россіи, примкнули къ прусскому правительству. Въ ландтагѣ и въ рейхстагѣ польская партія, стоявшая ранѣе въ систематической оппозиціи, съ 1891 г. сдѣлалась министерскою партіею и постоянно вотировала за министерство.

Однако правительство въ концѣ концовъ было вынуждено вернуться къ коалиціи съ католическимъ центромъ, какъ это совѣтовалъ Бисмаркъ. Консерваторы отказались вотировать реформу мѣстнаго управленія; національ-либералы были недовольны законами о рабочихъ и увеличеніемъ расходовъ на армію. Каприви принялъ поддержку центра. Онъ согласился на законъ, отмѣнявшій обязательность военной службы для студентовъ католическаго богословскаго факультета (студенты протестантскаго вѣроисповѣданія просили не распространять на нихъ этой льготы). Тогда центръ вотировалъ двѣ

давно ожидаемыя въ Пруссіи реформы: реформу подоходнаго налога и общинной администраціи (1891). Чтобы создать противовѣсъ слишкомъ низкой оцѣнкѣ промысловыхъ доходовъ, была принята система опредѣленія доходности по заявленіямъ самихъ владѣльцевъ промышленныхъ заведеній, причемъ для доходовъ свыше 30,000 марокъ былъ установленъ слегка прогрессивный налогъ; излишекъ предназначался для облегченія общинныхъ плательщиковъ. Реформа мѣстной администраціи, закончившая реформу, начатую еще въ 1808 году, создала въ восточныхъ провинціяхъ не общины, какъ во Франціи (села были слишкомъ малы и бѣдны для этого), а спеціальные союзы (*Verbände*) по англійскому образцу для завѣдыванія опредѣленными отраслями мѣстнаго управленія: дорогами, школами, общественнымъ призрѣніемъ.

По поводу проекта школьной реформы въ Пруссіи составилась коалиція двухъ вѣроисповѣдныхъ партій: протестантскихъ консерваторовъ и католическаго центра. Правительство предлагало уничтожить смѣшанныя первоначальныя школы и сдѣлать всѣ школы вѣроисповѣдными. Преподаваніе закона Божія возлагалось въ нихъ на учителя; но послѣдній долженъ былъ получить аттестатъ отъ духовной власти, которая имѣла право лишить его этого аттестата. Всѣ другія партіи, даже либеральные консерваторы, дружно возстали противъ законопроекта. Въ пылу преній министръ и канцлеръ Каприви объявили, что дѣло шло о борьбѣ между христіанствомъ и атеизмомъ. Университеты и городскіе совѣты подняли протестъ. Императоръ объявилъ, что онъ не хочетъ, чтобы законъ былъ вотированъ вопреки желанію умѣренныхъ партій. Это вызвало министерскій кризисъ. Каприви чуть не вышелъ въ отставку и отказался отъ президентства въ Прусскомъ министерствѣ.

Консерваторы, недовольные императоромъ, сблизились съ антисемитами, которые приняли названіе партіи *соціальной реформы* и пріобрѣтали голоса въ средѣ мелкой буржуазіи. На одномъ собраніи консервативной партіи была принята слѣдующая программа: «Церковь и государство установлены Богомъ, и согласіе между ними необходимо для исцѣленія народной жизни». Къ этому было прибавлено слѣдующее: «Мы боремся противъ вліянія евреевъ, которое лежитъ бременемъ на народной жизни и разрушаетъ ее». Бисмаркъ, удалившійся въ свои помѣстья, велъ мелкую войну противъ своего преемника посредствомъ газетныхъ статей и репортерскихъ сообщеній; онъ упрекалъ его въ томъ, что онъ ухудшилъ положеніе имперіи, отдалившись отъ Россіи, и нанесъ ущербъ интересамъ нѣмецкихъ производителей, покинувъ покровительственную систему. Его путешествіе въ Вѣну вызвало демонстраціи, почти враждебныя правительству; чиновникамъ было запрещено принимать въ нихъ участіе.

Для борьбы съ торговой политикой правительства составилась новая экономическая партія. Она вербовалась преимущественно въ восточныхъ провинціяхъ, въ средѣ прусскихъ консерваторовъ, недовольныхъ пониженіемъ цѣнъ на хлѣбъ въ 1892 году. Эта партія организовалась въ формѣ «Лиги аграріевъ» (февраль 1893 г.) и носила чисто аграрный характеръ. Иниціаторъ этого движенія, безвѣстный силезскій фермеръ, говорилъ въ своемъ манифестѣ: «Мы должны перестать быть либералами, ультрамонтанами или консерваторами; мы должны соединиться въ одну великую аграрную партію, чтобы стараться пріобрѣсти большее вліяніе на парламенты и законодательство». Партія организовалась, основала мѣстныя отдѣленія и центральное бюро и установила сборъ съ своихъ членовъ въ размѣрѣ трехъ процентовъ съ платимаго ими поземельнаго налога. Ея программа требовала покровительственнаго тарифа для земледѣльческихъ продуктовъ, биметаллизма, учрежденія земледѣльческой палаты и надзора за биржей. Лига аграріевъ боролась противъ торговаго трактата съ Россіей, вотированнаго въ 1892 году, и требовала, чтобы ввозъ хлѣба былъ обращенъ въ государственную монополію.

Правительство, подвергшееся нападенію со стороны консерваторовъ, было поддерживаемо, впрочемъ довольно слабо, прогрессистскою лѣвой и центромъ. Но и это согласіе разстроилось, когда подняли вопросъ о реформѣ арміи. Такъ какъ населеніе увеличилось, то армія, какъ и въ 1860 г., уже не могла принимать въ свои ряды всѣхъ лицъ призывного возраста; оставалось до 60,000 лишнихъ рекрутъ. Правительство потребовало новаго кредита для 100,000 человѣкъ; но, въ противоположность 1860 году, оно отказывалось отъ трехлѣтняго срока службы и предлагало для пѣхоты, въ видѣ опыта,—двухлѣтній. Прогрессисты, чтобы не увеличивать тяжести налога, не согласились на это, или, по крайней мѣрѣ, требовали, чтобы двухлѣтній срокъ былъ установленъ окончательно. Центръ потребовалъ уступокъ духовенству. Проектъ былъ отвергнутъ, и рейхстагъ распущенъ.

На выборахъ 1893 года прогрессистская партія распалась на двѣ фракціи, изъ которыхъ одна склонялась въ пользу закона, а другая пыталась соединиться съ южно-германскою демократической партіей; прогрессистская партія вернулась въ парламентъ очень ослабленной. Всѣ остальныя партіи пріобрѣли нѣсколько лишнихъ парламентскихъ мѣстъ. Вслѣдствіе этого законъ былъ вотированъ новымъ рейхстагомъ (большинствомъ 11 голосовъ).

Главный успѣхъ выпалъ на долю соціалистической партіи. Если считать число всѣхъ поданныхъ за нее голосовъ, то она является самою

многочисленной партіей въ имперіи (1.786,000 голосовъ вмѣсто 1.427,000 голосовъ, поданныхъ въ 1890 году). За наиболѣе многочисленную послѣ нея партію консерваторовъ было подано только 1.034,000 голосовъ. Если соціалисты имѣютъ всего только 44 депутата, то это объясняется неблагопріятнымъ для нихъ распредѣленіемъ избирательныхъ округовъ. Оно было установлено сообразно тому распредѣленію населенія, которое существовало во время учрежденія рейхстага (1867—1871 гг.), закономъ, котораго правительство не хотѣло послѣ того измѣнять, и который даетъ болѣе слабое представительство большимъ городамъ и промышленнымъ мѣстностямъ, гдѣ населеніе значительно увеличилось.

Борьба съ соціалистами сдѣлалась постоянной заботой императора. Въ торжественной рѣчи, произнесенной имъ въ сент. 1894 г. въ Кенигсбергѣ, онъ воскликнулъ: «Господа, къ вамъ обращенъ мой призывъ: будемъ бороться за религію, нравственность и порядокъ противъ партіи разрушенія!» Правительство изготовило проектъ «закона противъ ниспроверженія общественныхъ основъ». По этому поводу произошло столкновеніе между канцлеромъ Каприви и президентомъ прусскаго министерства, Эйленбургомъ. Столкновеніе окончилось отставкою обоихъ. Новый канцлеръ, Гогенлоэ, представилъ, наконецъ, проектъ закона, который опредѣлялъ новыя наказанія виновнымъ въ подстрекательствѣ солдатъ къ неповиновенію или въ «нападкахъ, съ употребленіемъ оскорбительныхъ выраженій, на религію, монархію, бракъ, семейство или собственность». Вѣроисповѣдныя партіи, консерваторы и центръ, приняли этотъ законъ въ принципѣ; но пренія въ рейхстагѣ послужили поводомъ къ нападкамъ на университеты и на катедеръ-соціалистовъ; эти нападки встревожили консервативныхъ либераловъ. Затѣмъ, комиссія рейхстага переработала проектъ въ католическомъ смыслѣ. Тогда всѣ остальныя партіи соединились и отвергли законъ (май 1895 г.).

Консервативная партія, уже преобразованная возникновеніемъ аграрной партіи, а также соглашеніемъ съ «нѣмецкою партіей реформъ» (антисемитами), потерпѣла дальнѣйшее измѣненіе вслѣдствіе раскола въ партіи христіанскаго соціализма. Пасторъ Науманъ увлекъ большую часть партіи въ демократическую политику, формулированную такъ: «Помочь четвертому сословію организоваться и достигнуть равенства на христіанской основѣ». Требуя для земледѣльческихъ поденщиковъ права составлять ассоціаціи, онъ дошелъ до разрыва съ крупными землевладѣльцами-консерваторами, и *Крестовая Газета* указывала на него, какъ на союзника соціалистовъ. Императоръ высказался формально противъ партіи христіанскаго соціализма: «Пасторы-политики, сказалъ онъ, это нѣчто чудовищное. Христіанство само по себѣ соціально». Антисемитская партія, послѣ своего успѣха на выборахъ, объявила себя «народною партіей», враждебной юнкерамъ и мужикамъ въ манжетахъ». Повидимому консервативная партія пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе демократическій характеръ.

Эльзасъ и Лотарингія.—Край, отторгнутый отъ Франціи въ 1871 году, жилъ съ тѣхъ поръ въ исключительныхъ условіяхъ, что обязываетъ изложить его исторію отдѣльно. Онъ состоялъ изъ трехъ областей, почти соотвѣтствующихъ тремъ французскимъ департаментамъ: Верхняго Эльзаса (Верхній Рейнъ), промышленнаго и, въ большинствѣ, католическаго; Нижняго Эльзаса (Нижній Рейнъ), земледѣльческаго и, въ большинствѣ, протестантскаго; Лотарингіи (Мозель), земледѣльческой и сплошь католической. Большая часть Лотарингіи говоритъ по французски и нѣмецкаго языка не знаетъ; остальное населеніе говоритъ на нѣмецкомъ нарѣчіи, очень трудно понимаемомъ сѣверными нѣмцами (нарѣчіе верхняго Эльзаса совсѣмъ непонятно для нихъ).

Согласно своему обычаю, Пруссія присоединила край, не освѣдомляясь о желаніи населенія. Повидимому Бисмаркъ надѣялся легко примирить его съ его новымъ положеніемъ. Въ рейхстагѣ, признавая враждебное отношеніе эльзасъ-лотарингцевъ, онъ говорилъ (въ 1871 г.): «На нашей обязанности лежитъ преодолѣть его нашимъ терпѣніемъ... Я чувствую, что призванъ быть ихъ адвокатомъ въ новомъ государствѣ, въ которое они вступаютъ». Чтобы сохранить край подъ своею властью, Бисмаркъ сдѣлалъ его имперскою землею, которою канцлеръ управляетъ непосредственно, и которая имѣетъ своихъ представителей въ рейхстагѣ, но не имѣетъ ихъ въ союзномъ совѣтѣ, такъ какъ у нея нѣтъ собственнаго правительства; она подчинена законамъ имперіи, но на ряду съ ними отчасти сохраняетъ свои особые законы (французскіе законы, дѣйствовавшіе въ ней до присоединенія).

Временно Эльзасъ-Лотарингія осталась подъ диктаторскимъ режимомъ и была управляема агентами канцлера. Административная организація осталась почти прежнею, французскою, съ *президентомъ* (префектомъ) въ каждомъ *Bezirk*, соотвѣтствовавшемъ департаменту, съ окружнымъ начальникомъ (*Kreisdirektor*), соотвѣтствовавшимъ супрефекту, въ каждомъ *Kreis*, съ бургомистромъ (мэръ) въ каждой общинѣ и съ общинными, уѣздными и окружными совѣтами. Но вмѣсто прежнихъ двѣнадцати французскихъ *arrondissements* учреждено 22 нѣмецкихъ *Kreise*. Всѣ должностныя лица, назначенныя канцлеромъ, были нѣмцы.

Между жителями и администраціей немедленно же начались столкновенія по поводу французскаго языка и различныхъ манифестацій. Администрація методически искореняла французскій языкъ въ школахъ, официальныхъ бума-

гахъ, въ общественныхъ учрежденіяхъ (въ томъ числѣ и на желѣзныхъ дорогахъ, которыя стали собственностью государства); она не допускала его даже на вывѣскахъ. Она преслѣдовала штрафами или тюремнымъ заключеніемъ всякое выраженіе симпатіи къ Франціи, въ какихъ бы формахъ оно ни проявлялось (въ знаменахъ, въ пѣсняхъ, въ заявленіяхъ). Она запрещала газеты съ французскимъ направленіемъ и всѣ газеты, издаваемыя во Франціи. Жители жаловались, что нѣмецкіе чиновники, привыкшіе къ мелочному и патріархальному административному режиму, давали чувствовать имъ тяжесть своей административной опеки; чиновники упрекали населеніе въ томъ, что оно держитъ ихъ въ какомъ-то карантинѣ, отказываясь входить въ личныя сношенія съ ними.

Затѣмъ возникли столкновенія по вопросу о выборѣ національности. Франкфуртскій трактатъ предоставлялъ населенію присоединенныхъ областей право сохранить французское подданство; по истеченіи назначеннаго срока (октябрь 1872 г.) число лицъ, выразившихъ желаніе сохранить французское подданство, достигло 164.000. Но правительство объявило, что признаетъ этотъ выборъ дѣйствительнымъ только въ томъ случаѣ, если онъ сопровождался эмиграціей, и обращалось какъ съ нѣмецкими подданными со всѣми, избравшими французское подданство, но оставшимися въ странѣ.

Нѣмецкая воинская повинность, введенная въ 1872 г., породила новыя столкновенія. Многіе молодые эльзасъ-лотарингцы, не желая служить въ Германіи, бѣжали во Францію, но, не имѣя возможности, какъ иностранцы, войти въ ряды французской арміи, поступали въ иностранный легіонъ. Нѣмецкое правительство дѣлало отвѣтственными семейства бѣглецовъ.

Эти столкновенія совпали въ общею борьбою германскаго правительства съ церковью,—*культуркампфомъ*. Эльзасское духовенство стремилось сохранить французскій языкъ въ католическихъ школахъ; было основано общество для защиты интересовъ католиковъ, находившееся въ сношеніяхъ съ Франціей. Правительство изгнало страсбургскаго генеральнаго викарія.

Диктатура, продолженная до 1874 года, привела къ организаціи въ Эльзасъ-Лотарингіи нѣмецкой администраціи, не достигнувъ однако того, чтобы эта администрація была признана населеніемъ. Правительство рѣшилось, наконецъ, подчинить «имперскую землю» общимъ законамъ. Эльзасъ-Лотарингія была подчинена законодательной власти имперіи, т. е. рейхстагу, союзному совѣту и императору. Ей предоставили въ рейхстагѣ 15 депутатскихъ мѣстъ.

Первые депутаты, избранные въ 1874 г., принадлежали къ *протестующимъ*. Они явились въ рейхстагъ для того, чтобы подать коллективный протестъ противъ присоединенія ихъ областей къ имперіи, и потребовали, чтобы само населеніе было призвано высказать свое желаніе; послѣ этого они удалились изъ рейхстага.

Затѣмъ въ Эльзасъ-Лотарингіи возникла партія, которая, вмѣсто того, чтобы протестовать противъ германскаго правительства, старалась войти съ нимъ въ соглашеніе, чтобы смягчить режимъ, установленный послѣ завоеванія. Эта партія имѣла въ виду добиться автономіи для Эльзасъ-Лотарингіи, т. е. предоставленія ей права самой завѣдывать своими внутренними дѣлами, имѣть свое выборное представительство и свой бюджетъ, какъ и всѣ другія нѣмецкія государства, входившія въ составъ имперіи. Эта партія вербовалась преимущественно въ протестантскомъ Нижнемъ-Эльзасѣ. Она начала съ департаментскихъ совѣтовъ, гдѣ протестующіе отказывались засѣдать, чтобы не приносить присяги императору, установленной еще законодательствомъ Наполеона III. Въ 1874 г. изъ 94 совѣтниковъ 49 отказались отъ присяги (15 кантоновъ даже не произвели выборовъ). Но автономисты согласились присягнуть, вслѣдствіе чего правительство получило возможность открыть одинъ изъ трехъ департаментскихъ совѣтовъ,—совѣтъ Нижняго Эльзаса. Чтобы усилить эту партію, правительство учредило «областную комиссію» (*Landesausschuss*), составленную изъ 30 делегатовъ, по 10 отъ каждаго департамента, съ *совѣщательнымъ* голосомъ для законовъ и бюджета; это былъ зародышъ будущаго Эльзасъ-Лотарингскаго ландтага.

Автономистская партія, открыто поддерживаемая нѣмецкою администраціей, начала играть руководящую роль въ областной комиссіи, гдѣ протестующіе не хотѣли засѣдать, и вошла въ правильныя сношенія съ правительствомъ; она стала обсуждать текущія дѣла, оставляя въ сторонѣ вопросы національной политики. Она настолько усилилась, что могла послать въ рейхстагъ, въ 1877 году, пять своихъ депутатовъ, т. е. всѣхъ депутатовъ отъ Нижняго Эльзаса. Германское правительство, полагая, что примиреніе съ жителями присоединенныхъ областей началось, рѣшилось прибѣгнуть къ новой системѣ (третьей съ 1871 года).

Областная комиссія получила полномочіе вотировать законы и бюджетъ. Правительство могло съ тѣхъ поръ по своему выбору проводить черезъ рейхстагъ законы, касавшіеся Эльзасъ-Лотарингіи, или же предоставлять вотировать ихъ *областной комиссіи* (1877 г.). Затѣмъ главное управленіе было перенесено изъ Берлина въ Страсбургъ. Былъ учрежденъ постъ намѣстника императора, штатгалтеръ, при которомъ находились *государственный секретарь* и *государственный совѣтъ*, составленный изъ высшихъ должностныхъ лицъ и изъ десяти именитыхъ гражданъ по выбору правительства; этотъ совѣтъ представлялъ собою зародышъ верхней

палаты. Страна получила представительство даже въ союзномъ совѣтѣ имперіи, гдѣ находился ея делегатъ, но только съ совѣщательнымъ голосомъ. Автономисты начали требовать полной равноправности съ другими государствами имперіи; для этого Эльзасъ-Лотарингія должна была преобразоваться во «владѣніе императора»; императоръ сдѣлался бы ея мѣстнымъ государемъ.

Первый штатгальтеръ, Мантейфель, явился съ примирительной программой. «Императоръ,—сказалъ онъ,—прислалъ меня для того, чтобы залѣчить раны, а не для того, чтобы нанести новыя. Я долженъ щадить чувства, весьма естественныя послѣ разлуки съ такимъ государствомъ, какъ Франція. Я долженъ облегчить этотъ переходъ справедливымъ управленіемъ, благопріятнымъ какъ для интеллектуальныхъ, такъ и для матеріальныхъ интересовъ». И дѣйствительно, Мантейфель старался доброжелательными мѣрами и администраціей, которую считалъ отеческой, склонить населеніе къ примиренію съ правительствомъ,—въ особенности именитыхъ людей и духовенство. Но существованіе автономистской партіи держалось на недоразумѣніи. Автономистовъ выбирали только потому, что они ограничивались признаніемъ факта присоединенія, отнюдь не признавая его законности. На выборахъ 1881 года Мантейфель потребовалъ отъ нихъ «открытаго и прямодушнаго признанія союза Эльзасъ-Лотарингіи съ Германіей». Тогда автономистская партія рушилась; избиратели вотировали только за протестующихъ.

Нѣмецкое правительство, не измѣняя учрежденій, вернулось къ системѣ первыхъ годовъ, къ неограниченной власти чиновниковъ и къ подавленію манифестацій. Столкновенія съ населеніемъ продолжались непрерывно. Чтобы оторвать Эльзасъ-Лотарингію отъ Франціи, администрація препятствовала обученію дѣтей французскому языку, конфисковала французскія газеты, воспрещала или ограничивала нѣсколькими днями пребываніе въ Эльзасѣ и Лотарингіи французовъ и даже натурализованныхъ во Франціи эльзасцевъ (ихъ было до 15,000 въ 1884 г.).

Выборы въ рейхстагъ 1887 г. обнаружили чувства населенія. Главнымъ вопросомъ на этихъ выборахъ былъ военный законъ; правительство давало понять, что вотировать противъ этого закона значило благопріятствовать появленію французской арміи. Избиратели поняли, что дѣло идетъ о своего рода плебисцитѣ между Германіей и Франціей и вотировали массою (233,000 голосовъ вмѣсто 165,000, поданныхъ въ 1884 г.) за протестующихъ. На это правительство отвѣтило репрессивными мѣрами; оно изгнало французовъ—и даже одного депутата отъ Меца въ рейхстагѣ (Антуана); конфисковало газеты, распустило всѣ общества, подозрѣваемыя въ симпатіяхъ къ Франціи, преслѣдовало всѣхъ, носившихъ какіе-нибудь трехцвѣтные предметы, и привлекло къ суду членовъ Лиги Патріотовъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Затѣмъ, съ цѣлью затруднить сношенія съ Франціей, оно возстановило старую паспортную систему, снова введя французскіе исключительные законы 1795 и 1814 гг., давно вышедшіе изъ употребленія Оно требовало паспортовъ отъ всѣхъ путешественниковъ, въѣзжавшихъ черезъ французскую границу. Канцлеръ Каприви объяснялъ это тѣмъ, что «попытка распространить въ населеніи нѣмецкія чувства не удалась, а потому и не остается ничего болѣе, какъ углубить пограничный ровъ между-Эльзасъ-Лотарингіей и Франціей». Паспорты были отмѣнены въ слѣдующемъ году, но и неограниченной власти штатгальтера было достаточно для поддержанія исключительнаго режима.

Въ рейхстагѣ 1893 г. протестъ принялъ новую форму: былъ выбранъ одинъ соціалистъ, а депутаты католической партіи, не переставая протествовать, присоединились къ центру.

Политическая эволюція Германіи въ XIX столѣтіи.—Послѣ французскаго нашествія населеніе Германіи было по языку и нравамъ настолько единообразно, что почувствовало себя единою націей и желало политическаго объединенія. Но оно не стояло на одномъ уровнѣ политическаго развитія и было подчинено правительствамъ, враждебно относившимся къ объединенію. Западъ, испытавшій вліяніе французской революціи, представлялъ собою демократическое и свѣтское общество, съ правильно организованной администраціей; ему не доставало только представительныхъ учрежденій. Востокъ жилъ еще преданіями XVIII столѣтія и сохранялъ офиціальную власть дворянства и духовенства, съ обычаями и традиціонною администраціей, которыя могли совмѣщаться только съ абсолютной и аристократической монархіей. Между тѣмъ политическіе центры обоихъ господствовавшихъ правительствъ, Австріи и Пруссіи, находились на востокѣ, и эти правительства своимъ абсолютистскимъ и аристократическимъ режимомъ задерживали эволюцію Германіи въ сторону либеральныхъ учрежденій, а своимъ соперничествомъ препятствовали ея политическому объединенію. Эта двойная оппозиція, между демократическимъ западомъ и аристократическимъ востокомъ, и между Австріей и Пруссіей, объясняетъ смутный, противорѣчивый и порывистый характеръ политической эволюціи Германіи въ XIX столѣтіи.

Втеченіе болѣе тридцати лѣтъ (1814—1848 годовъ) ея политическая жизнь сосредоточивалась на западѣ; тамъ образовались, въ подражаніе Франціи, небольшія конституціонныя и либеральныя монархіи, естественная эволюція которыхъ должна была, повидимому, закончиться союзомъ малыхъ государствъ, съ парламентарнымъ правленіемъ по образцу Бельгіи. Но въ это время Пруссія, организовавъ свою армію на демократической основѣ и создавши Таможенный

Союзъ, подготовила свое военное и экономическое господство въ Германіи. Революція 1848 года состояла въ двухъ демократическихъ мятежахъ на французскій ладъ, въ двухъ абсолютическихъ столицахъ, и въ попыткѣ всей либеральной Германіи установить единство путемъ союзнаго демократическаго собранія. Два мятежа вынудили берлинское и вѣнское правительства дать демократическія, либеральныя конституціи; союзное собраніе вотировало конституцію для всей Германіи. Но абсолютные государи покончили съ демократическимъ и либеральнымъ режимомъ съ помощью своихъ армій и избавились отъ данныхъ ими конституцій путемъ государственныхъ переворотовъ. Австрійскій императоръ совсѣмъ отмѣнилъ данную имъ конституцію, а прусскій король до того исказилъ свою, что она почти свелась къ особому виду дѣлопроизводства правительственныхъ учрежденій. Союзная демократическая конституція была стерта съ лица земли прусскою арміей, которая вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожила республиканскую партію на западѣ. Отъ этого неудавшагося опыта въ Пруссіи уцѣлѣли обрывки демократической конституціи и независимость католической церкви; уцѣлѣлъ также планъ германскаго единства, выработанный партіей «малой Германіи» въ 1849 году,—планъ союзной имперіи, откуда исключалась Австрія, и управленіе которой поручалось прусскому королю и демократическому собранію представителей всей Германіи.

Когда абсолютистская и партикуляристская реакція прекратилась (1859 г.), политическая жизнь снова началась въ видѣ двухъ параллельныхъ эволюцій; одна изъ нихъ направлялась въ сторону либеральнаго парламентскаго строя; другая—къ объединенію всей Германіи, съ Австріей включительно. Обѣ эволюціи были остановлены личнымъ вмѣшательствомъ Бисмарка. Опираясь на прусскаго короля и прусскую армію, онъ заставилъ Пруссію принять монархическое рѣшеніе парламентскаго конфликта, а Германію—прусское рѣшеніе нѣмецкаго единства, формулированное въ 1849 году. Оба рѣшенія были компромиссами между желаніями нѣмецкой націи и силою нѣмецкаго короля, но компромиссами, продиктованными прусскимъ королемъ, который сохранилъ за собою большую часть власти.

Германская имперія, этотъ компромиссъ между союзомъ всей нѣмецкой націи и присоединеніемъ Германіи къ Пруссіи, была организована изъ всѣхъ нѣмецкихъ государствъ, за исключеніемъ нѣмецкихъ провинцій Австріи, и изъ старыхъ и новыхъ завоеваній Пруссіи, населенныхъ частью иностранцами (поляками, датчанами, эльзасъ-лотарингцами); она была подчинена управленію прусскаго короля. *Германія*, какъ говорятъ, есть дочь *Боруссіи* (Пруссіи), а не *Тевтоніи* (старой Германіи). Конституціонный образъ правленія въ Пруссіи и Имперіи, составляя компромиссъ между либеральной демократіей 1848 года и прусскою абсолютною монархіей, былъ монархическимъ и личнымъ правленіемъ, сохранившимъ весь свой бюрократическій и военный механизмъ и только контролируемый представительнымъ демократическимъ собраніемъ.

Въ этомъ демократически-имперіалистскомъ государственномъ строѣ партіи не могли формироваться въ той же послѣдовательности, какъ и въ другихъ большихъ государствахъ. Непрерывная цѣпь, идущая въ другихъ странахъ, отъ католической крайней правой до крайней лѣвой соціалистической, въ Германіи обрывается вслѣдствіе отсутствія республиканско-радикальной партіи, уничтоженной въ 1849 году и низведенной до незначительной группы (*Volkspartei*). Вслѣдствіе этого нормальные элементы радикальной партіи вынуждены вступать въ ряды соціалистовъ, которые такимъ образомъ пріобрѣтаютъ исключительную силу. Съ другой стороны, правая является также въ двойномъ числѣ, потому что такъ называемый «центръ» составляетъ въ сущности католическую правую, подобную протестантской консервативной правой; обѣ эти партіи—сторонники монархіи въ соединеніи съ властью духовенства.

Со времени основанія имперіи нѣмецкое общество находится, повидимому, подъ вліяніемъ двухъ противоположныхъ эволюцій. Одна изъ нихъ—монархическая, бюрократическая и военная,—исходя отъ прусскаго правительства, стремится перестроить всю Германію по прусскому образцу и возстановить въ ней старый порядокъ на основѣ божественнаго права и церковной власти. Другая, демократическая, исходитъ отъ недавно возникшихъ населеній большихъ городовъ и промышленныхъ центровъ *), но уже начинаетъ распространяться на деревни и даже проникать въ среду консерваторовъ (въ видѣ аграрной, антисемитской и христіанско-соціалистической агитаціи). Между этими двумя эволюціями—одной монархической, церковной и военной, воплощенной въ Вильгельмѣ II, а другой демократической, антиклерикальной и промышленной,—противорѣчіе столь очевидно, что оно вызываетъ, хотя и смутное, но безспорное болѣзненное состояніе во всей политической жизни Германіи.

---

*) Съ 1871 г. Германская имперія сдѣлалась по своей промышленности и торговлѣ второю націей въ Европѣ и начинаетъ вступать въ конкуренцію съ Англіей по производству угля, желѣза и тканей. Ея населеніе съ 42 милліоновъ въ 1875 году возросло до 52 милліоновъ въ 1895 году; а населеніе городовъ съ 36 процентовъ поднялось до 47 процентовъ. Населеніе Берлина утроилось втеченіе 30 лѣтъ (500,000 душъ въ 1860 году).

ГЛАВА XVII.

Австрія въ періодъ конституціоннаго правленія.

Октябрьская конституція 1860 года.—Конституція 1861 года.—Опытъ установленія централизованнаго правительства.—Временная отмѣна конституціи.—Соглашеніе съ Венгріей.—Либеральныя конституціи 1867 года.—Условія политической жизни въ Австріи.—Политическія и національныя партіи.—Либеральное министерство.—Попытка федеративной конституціи.—Избирательная реформа и конституціонныя министерства.—Партіи и политическая жизнь въ Венгріи.—Кризисъ, вызванный оккупаціей Босніи.—Федералистская политика министерства Таафе.—Нѣмецко-польская коалиція и избирательная реформа 1886 г.—Политическая борьба въ Венгріи, начиная съ 1878 г.—Политическая эволюція Австро-Венгріи въ XIX вѣкѣ.

Послѣ итальянской войны Австрія перестала быть государствомъ съ неограниченною формою правленія; но, прежде чѣмъ сдѣлаться конституціонной, дуалистической имперіей, она прошла черезъ кризисъ, втеченіе котораго слагался новый порядокъ вещей (1859—1867), и когда конституція монархіи носила переходный и неустановившійся характеръ; конституція эта измѣнялась нѣсколько разъ, и противъ нея постоянно протестовали нѣкоторыя изъ національностей, входившихъ въ число подданныхъ императора. Этотъ періодъ въ исторіи Австріи, при всей своей кратковременности, имѣетъ весьма опредѣленный характеръ и игралъ рѣшающую роль въ судьбахъ страны; онъ провелъ разграничительную черту между старымъ порядкомъ, основаннымъ на единствѣ монархіи и на началахъ абсолютизма, и современной Австро-Венгріей.

ОБРАЗОВАНІЕ АВСТРО-ВЕНГРІИ.

Октябрьская конституція 1860 г.—Абсолютизмъ, возстановленный въ 1849 г., рухнулъ послѣ пораженій, понесенныхъ Австріей во время итальянской войны 1859 года; само правительство вынуждено было признать необходимость отказаться отъ него.

Давно уже финансы государства страдали постояннымъ дефицитомъ, который правительство покрывало посредствомъ займовъ. Когда, послѣ пораженія, правительство захотѣло приступить къ преобразованію арміи, оказалось, что всѣ источники кредита изсякли (въ 1860 г. былъ объявленъ заемъ въ 200 милліоновъ гульденовъ, но изъ этой цифры только 75 милліоновъ были покрыты подпиской). Было очевидно, что подданные перестали принимать къ сердцу интересы государства, отъ которыхъ ихъ постоянно такъ тщательно устраняли. Чтобы оживить политическую жизнь, необходимо было допустить гражданъ къ участію въ ней.

Императоръ, вскорѣ послѣ окончанія войны, призналъ въ изданномъ имъ манифестѣ существованіе «издавна унаслѣдованныхъ злоупотребленій», которыя были причиною пораженія; передъ выпускомъ займа 1860 года онъ рѣшился обратиться непосредственно къ своимъ подданнымъ, прося ихъ о содѣйствіи и обѣщая имъ взамѣнъ либеральныя реформы. Императоръ объявилъ, что онъ намѣренъ даровать представительство различнымъ провинціямъ монархіи. А пока, онъ созвалъ «Усиленный Государственный Совѣтъ»; въ этотъ усиленный составъ, кромѣ обыкновенныхъ членовъ государственнаго совѣта, вошли нѣсколько сановниковъ и 38 лицъ, занимавшихъ видное общественное положеніе (въ томъ числѣ нѣсколько членовъ аристократическихъ фамилій); эти лица были назначены съ такимъ разсчетомъ, чтобы всѣ провинціи имѣли между ними своихъ представителей.

Совѣтъ этотъ, въ которомъ преобладающимъ вліяніемъ пользовались чиновники и аристократія, долженъ былъ высказать свое мнѣніе о финансовыхъ вопросахъ и о наиболѣе важныхъ законахъ, но онъ не имѣлъ права иниціативы. Въ Австріи на него смотрѣли лишь, какъ на небольшой задатокъ въ счетъ обѣщанныхъ реформъ. Созванные нотабли явились на призывъ, въ томъ числѣ даже венгерскіе магнаты, но сдѣлали они это единственно съ цѣлью показать, что, съ своей стороны, готовы взяться за дѣло; да и то, чтобы побудить ихъ явиться, понадобилось возстановить должность единаго губернатора для всей Венгріи и обѣщать возстановленіе «Конгрегацій» (собраній) *Комитатовъ*, существовавшихъ до реакціи 1849 года.

Въ Усиленномъ Совѣтѣ» венгерцы объявили, «что они не считаютъ себя представителями своихъ соплеменниковъ, что они не отказываются отъ историческихъ правъ Венгріи и что они возлагаютъ свои надежды на императора, чтобъ найти выходъ изъ положенія, основаннаго на исключительныхъ мѣрахъ». Затѣмъ была назначена комиссія для разсмотрѣнія бюджета. Она единогласно выразила порицаніе «системѣ внутренняго устройства монархіи» и потребовала, чтобы различныя области имѣли участіе въ управленіи собственными ихъ дѣлами», такъ какъ это единственное средство достигнуть экономіи въ расходахъ и, главное, противодѣйствовать «общественной апатіи, парализующей нравственныя силы государства».

Но относительно того, какъ организовать управленіе различныхъ областей, мнѣнія въ комиссіи раздѣлились и, какъ ни ограниченъ былъ кругъ людей, изъ котораго были набраны ея члены, какъ ни мало она могла считаться представительницей страны, все-таки съ перваго же засѣданія въ ней обозначились двѣ партіи— унитарная и федералистская, борьба которыхъ должна была впредь сдѣлаться преобладающимъ мотивомъ политической жизни въ австрійской монархіи.

Унитарная партія почерпала главную свою силу среди буржуазіи нѣмецкихъ провинцій, такъ какъ «сохраненіе единства монархіи» означало преобладаніе нѣмецкой администраціи, центръ которой былъ въ Вѣнѣ; то была партія городовъ и промышленныхъ округовъ, нуждавшаяся въ сильномъ центральномъ правительствѣ, чтобы осуществить либеральныя реформы вопреки аристократіи и возстановить свѣтское управленіе вопреки духовенству. Союзниками этой партіи были представители мелкихъ національностей, нуждавшихся въ сильномъ центральномъ правительствѣ для защиты отъ сосѣднихъ, болѣе крупныхъ національностей. Въ 1860 г. только мелкія національности Венгріи — сербы и трансильванскіе саксонцы — имѣли своихъ представителей въ комиссіи, но, по мѣрѣ того какъ и другія мелкія національности получали доступъ въ собранія, онѣ примыкали къ той же политикѣ.

Федералистская партія состояла главнымъ образомъ изъ національностей, достаточно сильныхъ, чтобы надѣяться добиться національнаго управленія, независимаго отъ центра; таковы были мадьяры, кроаты, чехи, поляки, словаки. Эта партія требовала *историческихъ правъ*, т. е. той независимости, которою пользовалась данная національность до своего присоединенія къ монархіи; она хотѣла ослабить или, даже, упразднить общую для всей имперіи администрацію и превратить монархію въ союзъ различныхъ національностей. Такъ какъ общество во всѣхъ этихъ областяхъ сохраняло свой аристократическій характеръ, то національности, населявшія ихъ, не имѣли другихъ представителей, кромѣ дворянства и высшаго духовенства. А потому федералистская партія была партіей, защищавшей старые порядки; она основывала свои притязанія на историческомъ правѣ и стремилась вернуться къ старому, аристократическому управленію націей; она хотѣла сохранить господство дворянства и духовенства. Союзниками ея въ нѣмецкихъ провинціяхъ были приверженцы старыхъ порядковъ—дворяне, враждебные буржуазіи, и духовенство, враждебное свѣтскому управленію.

Комиссія распалась на большинство и меньшинство. Каждая изъ этихъ группъ представила свой докладъ, въ которомъ уже встрѣчались формулы, долженствовавшія сдѣлаться въ Австріи классическими. Федералистское большинство потребовало «признанія *политической* «*индивидуальности* отдѣльныхъ областей», «*равноправности* всѣхъ областей монархіи» и, для каждой изъ нихъ, «самоуправленія и автономнаго законодательства по внутреннимъ вопросамъ»; оно совѣтовало по возможности установить связь между реформами и «прежде существовавшими учрежденіями». Унитарное меньшинство требовало, чтобы принципы автономіи не проводились въ ущербъ *единству* имперіи и не подрывали въ имперіи существованія сильной унитарной власти; меньшинство желало, чтобы, при дарованіи автономіи, «за государствомъ въ его цѣломъ и за правительствомъ имперіи были сохранены права», безъ которыхъ дѣйствительное единство имперіи немыслимо; наконецъ, меньшинство совѣтовало императору ввести новыя учрежденія «собственной властью», —другими словами, придать имъ характеръ дарованныхъ льготъ, въ противность теоріи историческаго права, требовавшей реформъ, какъ возстановленія стараго національнаго права. Что же касается сущности учрежденій, которыя надлежало создать, то меньшинство оставляло этотъ вопросъ въ туманѣ, не смѣя употребить слово «конституція», считавшееся въ то время революціоннымъ.

Императоръ сначала склонился на сторону меньшинства. *Дипломомъ* 20 октября 1860 г. онъ даровалъ «основной государственный законъ, постоянный и не подлежавшій отмѣнѣ». Этимъ закономъ за *ландтагами* различныхъ областей признавалось право вотировать законы, сообразуясь съ формами, установленными исторіей: «въ земляхъ Венгерской короны—въ смыслѣ прежнихъ конституцій»; въ остальныхъ же областяхъ — сообразно съ ихъ областными регламентами. Для изготовленія законовъ, общихъ для всей имперіи, въ особенности-же финансовыхъ (касающихся налоговъ, займовъ и бюджета), учреждался Имперскій Совѣтъ изъ ста членовъ, которые являлись делегатами

ландтаговъ. Общія для всей имперіи министерства, — внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія — упразднялись, а въ Венгріи и Трансильваніи возстановлялись канцлерства. При этомъ императоръ объявлялъ, что учрежденія должны «соотвѣтствовать сознанію историческаго права, существующему въ его королевствахъ и земляхъ». Такимъ образомъ федералистская теорія была признана офиціально.

Конституція 1861 года.— Эта первая федералистская конституція просуществовала четыре мѣсяца. Венгерцы, добившись своихъ историческихъ правъ, объявили недѣйствительными всѣ мѣры, принятыя правительствомъ безъ согласія ихъ Сейма, начиная съ 1848 года, т. е. съ момента разрыва между венгерскимъ правительствомъ и вѣнскимъ Дворомъ; въ числѣ этихъ правительственныхъ актовъ, объявленныхъ недѣйствительными, было, слѣдовательно, и отреченіе Фердинанда отъ престола и восшествіе на престолъ Франца-Іосифа. Венгерцы не признавали другой конституціи, кромѣ конституціи 1848 года;—другихъ законовъ, кромѣ законовъ 1848 года, единственныхъ, которые, по ихъ мнѣнію, были изданы правильно, совмѣстною властью Сейма и короля. Между тѣмъ порядки, установленные въ 1848 году, дѣлали Венгрію вполнѣ независимымъ государствомъ, связаннымъ съ Австріей только личною уніей. Императоръ не былъ расположенъ пойти такъ далеко, такъ какъ онъ учредилъ законодательное собраніе, общее всѣмъ его владѣніямъ, въ томъ числѣ и Венгріи; но, возвращая венгерцамъ ихъ конституцію, онъ позабылъ опредѣлить границы тѣхъ правъ, которыя онъ имъ возвращалъ.

Весь дальнѣйшій образъ дѣйствій венгерцевъ былъ таковъ, какъ еслибъ была возстановлена конституція 1848 года. *Комитаты* организовались, начали дѣйствовать и регулировали выборы на основаніи законовъ 1848 года, не взирая на циркуляры правительства, которые они «почтительно» отложили въ сторону. Венгры перестали платить налоги (такъ какъ они не были вотированы Сеймомъ) и повиноваться австрійскимъ судамъ. Ни имперское правительство, ни губернаторы комитатовъ не имѣли никакихъ средствъ противодѣйствовать этому всеобщему движенію. Императоръ выражалъ свое недовольство и грозилъ болѣе не созывать Сейма. Комитаты отвѣчали адресомъ, въ которомъ требовали полнаго возстановленія законовъ 48 года и полной амнистіи всѣмъ участникамъ революціи (январь 1861 года).

Новый министръ внутреннихъ дѣлъ, Шмерлингъ, только что передъ этимъ обѣщалъ другимъ областямъ монархіи *ландтаги*, избираемые прямыми выборами, засѣдающіе публично и пользующіеся правомъ предлагать законы, — другими словами, конституціонный образъ правленія для каждой изъ областей. Но либеральная буржуазія желала такого-же образа правленія и для всей совокупности монархіи. Министръ финансовъ обратился къ торговымъ палатамъ за совѣтомъ о томъ, какъ поднять курсъ бумажныхъ денегъ, упавшій очень низко; всѣ палаты отвѣчали, что единственное средство исправить «унаслѣдованныя издавна злоупотребленія», это — ввести «дѣйствительную конституцію».

Императоръ, не желая уступить венгерцамъ и будучи въ то же время озабоченъ положеніемъ финансовъ, перешелъ на сторону унитарнаго меньшинства и издалъ новую конституцію, такъ называемый «патентъ» 26 февраля 1861 года, которая, подъ видомъ дополненія къ «диплому» 1860 года, совершенно измѣняла его. Каждая область сохраняла свой *ландтагъ*, организація котораго опредѣлялась спеціальнымъ регламентомъ. Венеціанская область и земли Венгерской короны должны были управляться на основаніи особаго положенія. Избиратели всѣхъ остальныхъ областей въ *ландтаги* раздѣлялись на три разряда, на подобіе того, какъ это было въ Пруссіи; разряды эти были нижеслѣдующіе: крупные землевладѣльцы, города, села, — причемъ значительный перевѣсъ былъ обезпеченъ за представителями земледѣльческой аристократіи. Зато Государственный Совѣтъ, по новой контитуціи, преобразовывался въ настоящій парламентъ, долженствовавшій собираться ежегодно и состоявшій изъ двухъ палатъ. Палата Господъ была образована изъ нѣсколькихъ сановниковъ и изъ членовъ аристократическихъ фамилій, по указанію императора; для послѣднихъ званіе члена Палаты Господъ становилось наслѣдственнымъ. Палата Представителей должна была состоять изъ 343 депутатовъ, избираемыхъ *ландтагами* (Венгрія—85, Трансильванія—20, Кроація—9, Богемія—54, Моравія—22, Галиція—38), причемъ однако правительство имѣло право, въ случаѣ надобности, предоставить избраніе этихъ представителей непосредственно самимъ избирателямъ, еслибы тотъ или другой *ландтагъ* отказался произвести выборы.

Императоръ провозгласилъ «всю эту совокупность основныхъ законовъ, какъ *Конституцію* Имперіи», и принималъ на себя и за своихъ наслѣдниковъ обязательство «соблюдать ее нерушимо», причемъ, при каждомъ восшествіи на престолъ, новый монархъ долженъ былъ въ особомъ манифестѣ давать клятву въ вѣрности конституціи. Этою жалованною конституціей Австрія преобразовывалась въ конституціонную монархію въ торійскомъ значеніи этого слова: императоръ избиралъ своихъ министровъ по своему усмотрѣнію и оставался полнымъ господиномъ управленія; Государственный Совѣтъ

имѣлъ только право вотировать законы и бюджетъ такъ-же, какъ и французскія палаты при Людовикѣ XVIII.

Опытъ установленія централизованнаго правительства (1861—65 г.). — Конституція 1861 года соотвѣтствовала желаніямъ централистической партіи; ее поддерживали нѣмецкіе либералы и мелкія національности — сербы и румыны, жившіе на земляхъ Венгерской короны, русины Галиціи и далматскіе кроаты. Но она шла въ разрѣзъ со стремленіями партіи аристократическаго федерализма и болѣе значительныхъ національностей, подчиняя ихъ собранію, общему для всей Имперіи; въ то-же время она возстановила противъ себя приверженцевъ старыхъ порядковъ, установивъ либеральный и конституціонный образъ правленія.

Но коалиція, образовавшая большинство 1860 года, распалась. Наиболѣе независимыя національности объявили конституцію несогласною съ ихъ историческими правами и на этомъ основаніи отказались избирать представителей въ *рейхсратъ;* венгры, итальянцы Венеціанской области и хорваты такъ и не произвели выборовъ и остались безъ представителей. Но другія національности, тоже придерживавшіяся федералистскихъ стремленій, сначала не отважились прибѣгнуть къ столь рѣшительному образу дѣйствій; поляки, чехи, словаки послали въ рейхсратъ своихъ депутатовъ, ограничившись только оговоркой относительно своихъ историческихъ правъ. Въ Истріи и Трансильваніи *ландтагъ* сначала отказался было отъ выборовъ; но правительство, распустивъ ландтагъ и измѣнивъ избирательный законъ, добилось большинства, согласнаго на выборы. Тироль, гдѣ преобладала клерикальная партія, протестовалъ противъ равноправности всѣхъ вѣроисповѣданій и потребовалъ запрещенія протестантскаго богослуженія, но послалъ своихъ делегатовъ въ рейхсратъ. Рѣшающую роль во всемъ этомъ дѣлѣ играло поведеніе крупныхъ землевладѣльцевъ, которые имѣли наибольшее число представителей въ *ландтагахъ*. Повинуясь волѣ правительства, они покинули своихъ союзниковъ-федералистовъ. Составъ рейхсрата оказался не полнымъ; въ немъ не доставало 140 депутатовъ; но наличнаго числа его членовъ было достаточно, чтобы его рѣшенія имѣли законную силу; сначала онъ дѣйствовалъ въ качествѣ «неполнаго совѣта», лишь для венгерскихъ частей Имперіи. Затѣмъ, въ 1863 году, послѣ того, какъ правительство учредило Трансильванскій Сеймъ, саксонцы, враждебные мадьярамъ, послали своихъ представителей въ *рейхсратъ*, и императоръ объявилъ послѣдній «полнымъ совѣтомъ», — т. е. имѣющимъ право вѣдать дѣла всей монархіи.

Конституціонный порядокъ началъ слагаться при министерствѣ, состоявшемъ изъ нѣмцевъ и имѣвшемъ во главѣ своей Шмерлинга, бывшаго имперскаго министра 1848 года, стараго либерала и нѣмецкаго патріота. Политика его ознаменовалась преимущественно заявленіями въ нѣмецкомъ и въ либеральномъ духѣ. То была пора переговоровъ съ германскими государствами. Въ рейхсратѣ палата представителей, гдѣ большинство составляли нѣмцы, одобряла эту политику; она вотировала адресъ, въ которомъ просила императора упрочить болѣе тѣсную связь имперіи съ германскими государствами.

Но это направленіе политики съ самаго начала встрѣтило противодѣйствіе въ федеральныхъ стремленіяхъ тѣхъ національностей, которыя не желали оставаться подъ управленіемъ нѣмцевъ; затѣмъ оно натолкнулось на оппозицію самихъ нѣмцевъ, которые находили правительство недостаточно либеральнымъ.

Сопротивленіе во имя національнаго принципа началось въ Венеціанской области и въ Венгріи. *Центральная конгрегація* (провинціальное собраніе) Венеціанской области отказалось послать своихъ делегатовъ въ рейхсратъ. Венгерскій Сеймъ, собранный губернаторомъ въ Офенѣ, согласился собраться; но тотчасъ же, по вопросу объ отвѣтномъ адресѣ императору, онъ раздѣлился на двѣ партіи, приблизительно одинаковой численности. Одна изъ этихъ партій хотѣла отвѣтить *резолюціей* Сейма, которая указывала бы, что венгерцы не согласны даже обсуждать текущія дѣла и требуютъ возстановленія конституціи 48 года. Другая партія, руководимая либералами стараго закала, Деакомъ и Этвёшемъ, предлагала для выраженія протеста противъ новой конституціи болѣе примирительную форму *адреса* королю. Послѣ трехнедѣльныхъ преній «партія адреса» одержала верхъ надъ «партіей резолюціи». Но адресъ былъ составленъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ предлагалась резолюція. Вмѣсто того, чтобы обращаться къ *королю* — согласно обычаю, принятому въ Венгріи, — Сеймъ употребилъ формулу: «Пресвѣтлѣйшій сеньоръ», желая показать этимъ, что не признаетъ законности отреченія Фердинанда и восшествія Франца-Іосифа на престолъ. Императоръ отказался принять адресъ. Сеймъ согласился принять формулу 1790 года, но при этомъ заявилъ, что «король Венгріи становится законнымъ королемъ лишь послѣ коронованія», и что коронованіе, съ своей стороны, предполагаетъ слѣдующія три *предварительныя* условія: 1) присоединеніе земель венгерской короны, Кроаціи и Трансильваніи, депутаты которыхъ должны были засѣдать въ венгерскомъ Сеймѣ; 2) «полное возстановленіе основныхъ законовъ», т. е. конституціи 1848 г.; 3) «возстановленіе парламентскаго образа правленія и отвѣтственнаго министерства». Что же касается общеимперской конституціи, дѣлавшей изъ Венгріи простую «австрійскую провинцію» и под-

чинявшей націю «собранію, состоявшему по большей части изъ иноплеменниковъ», то Сеймъ отвергалъ эту конституцію, какъ несогласную съ «договоромъ, заключеннымъ между націей и царствующей династіей». Онъ заявлялъ, что «не поступится конституціонной независимостью страны въ пользу какихъ бы то ни было соображеній или интересовъ»; далѣе онъ заявлялъ, что «не можетъ поставить управленіе Венгріи въ зависимость отъ кого бы то ни было, кромѣ венгерскаго короля»; что онъ не желаетъ участвовать въ представительствѣ, общемъ для всей монархіи, и согласенъ только вести переговоры въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ народами земель, составляющихъ наслѣдственное достояніе короны, какъ независимая нація съ другими независимыми націями.

Каждая изъ спорящихъ сторонъ желала приступить къ переговорамъ не иначе, какъ предварительно добившись отъ противной стороны формальнаго признанія своихъ правъ: венгры требовали признанія ихъ исторической конституціи, а императоръ — признанія конституціи, дарованной имъ. Два эти притязанія были другъ съ другомъ несовмѣстимы, а потому споръ окончился открытымъ разрывомъ. Правительство вернулось къ репрессивной политикѣ, какъ къ *временному* режиму, имѣвшему цѣлью сломить сопротивленіе венгровъ, но венгры не уступали, и режимъ этотъ продержался до 1866 года. Хорваты тоже отказались посылать делегатовъ въ рейхсратъ, пока правительство будетъ отказывать имъ въ присоединеніи Далмаціи.

Національности, обладавшія менѣе крѣпкой организаціей, поляки и чехи, сначала принимали участіе въ рейхсратѣ, но, мало-по-малу, измѣнили свою политику. Онѣ нашли болѣе выгоднымъ послѣдовать примѣру венгровъ. Поляки удалились изъ рейхсрата; чехи, добившись большинства въ богемскомъ *ландтагѣ*, тоже отказались посылать своихъ делегатовъ. Въ рейхсратѣ оставались одни нѣмцы и представители мелкихъ народностей.

Между тѣмъ министерство пришло въ столкновеніе даже съ нѣмецкой партіей рейхсрата,— въ особенности по вопросу о финансовой политикѣ. Дефицитъ не прекращался, государственный долгъ постоянно возрасталъ, и министерство было вынуждено сознаться, что оно покрывало дефицитъ неправильнымъ перемѣщеніемъ ассигнованныхъ суммъ изъ одной статьи расхода въ другую. Либеральная нѣмецкая партія упрекала министерство въ томъ, что оно превратило конституціонный образъ правленія въ простой пріемъ фискальной политики, въ средство полученія денегъ. Палата потребовала сначала возстановленія равновѣсія бюджета, затѣмъ—сокращенія расходовъ (1865) и кончила тѣмъ, что отказала въ утвержденіи займа, предложеннаго правительствомъ.

Временная отмѣна конституціи (1865—67 годы). — Императоръ, соглашаясь на конституцію 1861 года, имѣлъ въ виду сохранить единство своихъ владѣній и облегчить дѣятельность правительства. Между тѣмъ конституція дѣйствовала не во всей монархіи; такъ, населеніе нѣкоторыхъ частей ея отвергло эту конституцію, что дѣлало невозможнымъ даже созваніе собранія народныхъ представителей. Рейхсратъ не только не облегчалъ дѣятельности министерства, но, напротивъ, стѣснялъ ее требованіемъ отчетности. Императоръ, разочаровавшись въ этой неудавшейся попыткѣ, рѣшилъ вернуться къ традиціонной австрійской политикѣ — къ *дуализму*.

Венгрія представляла собой особую націю, слишкомъ независимую, чтобы ее можно было включить въ составъ централизованной монархіи, а потому императоръ покорился необходимости и рѣшился отдѣлить Венгрію отъ остальной монархіи, съ цѣлью сдѣлать изъ нея свою союзницу.

Тогда начались переговоры съ венграми, клонившіеся къ тому, чтобы примирить *историческія права* Венгріи съ *единствомъ* имперіи. Чтобы ничто не стѣсняло правительство во время этихъ переговоровъ, императоръ избавился отъ рейхсрата, отъ нѣмецкаго либеральнаго министерства, а затѣмъ и отъ конституціи. Онъ объявилъ, что, «рѣшивъ вступить въ соглашеніе съ законными представителями подвластныхъ ему народовъ въ восточной части имперіи», онъ видитъ себя «въ необходимости» пріостановить на время дѣйствіе конституціи. Эта *пріостановка* объявлялась, какъ мѣра временная. Но новое министерство Белькреди состояло изъ магнатовъ, принадлежащихъ къ аристократической партіи. Поэтому нѣмецкіе либералы, видѣвшіе въ пріостановкѣ государственный переворотъ, отнеслись къ ней весьма враждебно; въ средѣ же польскихъ федералистовъ, а также тирольскихъ католиковъ пріостановка конституціи была встрѣчена съ сочувствіемъ. Венгерскій и кроатскій сеймы были созваны для обсужденія условій соглашенія. Императоръ призналъ въ *принципѣ* законы 1848 г., съ тѣмъ условіемъ, чтобы Сеймъ подвергъ изъ пересмотру съ цѣлью огражденія единства монархіи. Переговоры, начатые въ декабрѣ 1865 года и прерванные войною 1866 года, привели къ соглашенію лишь въ 1867 году.

Приходилось выбирать между двумя системами: между дуализмомъ, т. е. раздѣленіемъ имперіи лишь на двѣ національности (земли короны св. Стефана предоставлялись по этой системѣ венграмъ, остальныя же области—нѣмцамъ), и федерализмомъ, т. е. раздробленіемъ монархіи на множество мелкихъ государствъ. Министерство сначала склонилось на сторону федералистовъ и созвало чрезвычайный рейхсратъ, большинство

членовъ котораго принадлежали къ федералистской партіи. Но представители, избранные въ нѣмецкихъ областяхъ, отказались засѣдать въ этомъ рейхсратѣ, а потому послѣдній не насчитывалъ законнаго числа членовъ, которое дало бы ему право приступить къ обсужденію компромисса, заключеннаго съ Венгріей.

Наконецъ, бывшій саксонскій министръ-президентъ Бейстъ, поступившій послѣ войны 1866 года на австрійскую службу, убѣдилъ императора отказаться отъ федерализма. Министерство Бейста въ февралѣ 1867 г. положило конецъ пріостановкѣ конституціи, установивъ дуализмъ и конституціонный образъ правленія.

Соглашеніе съ Венгріей. — Въ основу новаго порядка было положено «соглашеніе» 1867 года. Онъ раздѣлялъ имперію на двѣ части, совершенно равныя въ правахъ и подчиненныя одному и тому же государю, но съ присвоеніемъ ему двухъ различныхъ титуловъ: онъ былъ *императоромъ* Австріи и *апостолическимъ королемъ* Венгріи; при этомъ знамя было общее для обѣихъ половинъ — имперскій орелъ. Монархія официально принимала двойное наименованіе Австро-Венгріи. Раздѣлъ былъ произведенъ согласно историческимъ традиціямъ: въ составъ Венгріи вошли старинныя владѣнія короны св. Стефана, а всѣ остальныя земли были отмежеваны Австріи. Обѣ группы обозначились изстари употребительными названіями—Цислейтанія (Австрія) и Транслейтанія (Венгрія). Въ строгомъ географическомъ смыслѣ, названія эти примѣнимы только къ *провинціи* Австріи и къ *королевству* Венгріи, между которыми протекаетъ рѣка Лейта; но оба термина получили чисто условное значеніе и распространились на всѣ области, вошедшія въ составъ Австріи, хотя нѣкоторыя изъ этихъ областей, какъ Галиція и Буковина, лежатъ на востокъ отъ Лейты. Каждое изъ двухъ государствъ состояло изъ одной господствующей національности, которая придавала правительству свой національный характеръ,—нѣмецкій въ Цислейтаніи, мадьярскій въ Транслейтаніи,—и нѣсколькихъ мелкихъ національностей, преимущественно славянскихъ, обладавшихъ менѣе сильной организаціей и менѣе цивилизованныхъ. Разсказываютъ, что Бейстъ сказалъ венгерскому министру: «Стерегите ваши орды, а мы будемъ стеречь наши».

Оба государства связаны не простой личной уніей, какъ въ 1848 году, а общимъ правительствомъ, на которое было возложено завѣдываніе общими дѣлами. Эти послѣднія были двоякаго рода.

1) «Дѣлами, *общими* какъ областямъ, имѣющимъ своихъ представителей въ рейхсратѣ, такъ и землямъ Венгерской короны», были слѣдующіе три рода дѣлъ: внѣшнія сношенія, армія и флотъ (за исключеніемъ установленія контингента арміи и законовъ о воинской повинности) и финансы для общихъ расходовъ. Этими общими дѣлами завѣдывали *имперскіе министры*, отвѣтственные передъ парламентами обоихъ государствъ.

2) «Дѣла, подлежащія разрѣшенію на основаніи общихъ принциповъ, устанавливаемыхъ отъ времени до времени путемъ взаимнаго соглашенія»; сюда относились торговые и таможенные вопросы, монетная система, военная система, промышленное законодательство. Доля каждаго изъ двухъ государствъ въ общихъ расходахъ по этимъ дѣламъ опредѣлялась делегаціями обоихъ парламентовъ. Делегаты, по 60 отъ каждаго государства—причемъ двѣ трети ихъ избирались въ каждомъ государствѣ палатою депутатовъ—созывались ежегодно, по очереди, въ обѣихъ столицахъ, то въ Вѣнѣ, то въ Пештѣ. Это былъ не общій парламентъ, а съѣздъ делегатовъ, которые посылались съ инструкціями, уполномочивавшими ихъ вотировать, но не обсуждать вопросы. Обѣ делегаціи засѣдали отдѣльно, пренія велись въ каждой делегаціи на ея національномъ языкѣ, сносились онѣ между собою только письменно; если не удавалось достигнуть соглашенія, то онѣ сходились вмѣстѣ, но только для подачи голосовъ, безъ преній. *Делегаціи* вотировали только временныя мѣры, имѣвшія характеръ договора, заключаемаго на десять лѣтъ; затѣмъ каждый изъ парламентовъ отдѣльно вотировалъ эти резолюціи, въ формѣ двухъ серій законовъ, *тождественныхъ* въ обоихъ государствахъ.

Первымъ договоромъ этого рода была установлена общая система таможенныхъ тарифовъ, банкъ, общая монетная система съ двумя различными изображеніями на монетахъ, а также общая система мѣръ и вѣсовъ. Прежній государственный долгъ и расходы на будущее время были распредѣлены между обоими государствами, причемъ на долю Венгріи пало только 30% общей суммы.

Этотъ порядокъ представлялъ собою нѣчто, не имѣвшее прецедента въ исторіи, и теоретики, пріискивая ему опредѣленіе, напрасно ломали себѣ головы. То не было союзное государство, на подобіе Сѣверной Германіи. Вся экономическая жизнь не была регулирована постояннымъ закономъ; общность экономической политики обоихъ государствъ основывалась на временномъ соглашеніи, заключенномъ на короткій срокъ. Вопросы этой политики періодически должны были ставиться сызнова; отъ каждаго изъ двухъ парламентовъ зависѣло порвать таможенный союзъ, уничтожить банкъ, единство экономическаго законодательства и даже единство мѣръ и вѣсовъ. Постоянный характеръ имѣло только единство по дипломатическимъ и военнымъ дѣламъ. Но и тутъ оно не представляло незыблемой прочности; союзъ былъ заключенъ не между двумя государствами, а между каждымъ изъ нихъ и

нынѣ царствующей династіей; если эта династія угаснетъ, союзъ прекратится, и Венгрія снова сдѣлается избирательной монархіей.

Либеральныя конституціи 1867 года.—Въ каждомъ изъ обоихъ государствъ заключенное между ними соглашеніе сопровождалось возстановленіемъ конституціи и выборнаго представительства.

Венгрія вернулась къ конституціи 1848 года, пересмотрѣнной по требованію *короля*, который получилъ право назначать всѣхъ министровъ по своему усмотрѣнію. Это была очень либеральная конституція, похожая на бельгійскую; король присягалъ конституціи. Она ограждала всѣ личныя и политическія вольности. Исполнительная власть была предоставлена отвѣтственному министерству, а законодательная власть—сейму, состоявшему изъ двухъ палатъ. Палата магнатовъ оставалась аристократической; она состояла главнымъ образомъ изъ наслѣдственныхъ членовъ (всего въ ней было болѣе восьмисотъ членовъ). Палата депутатовъ, фактически, играла главную роль; она состояла изъ представителей, избираемыхъ открытою подачею голосовъ, при избирательной системѣ, построенной на очень широкихъ началахъ, съ низкимъ имущественнымъ избирательнымъ цензомъ и съ предоставленіемъ права голоса преставителямъ либеральныхъ профессій, понимаемыхъ весьма широко.

Въ Австріи конституція 1861 г., видоизмѣненная «основными государственными законами» 1867 г., тоже стала конституціей либеральной и парламентарной, т. е. съ министерствомъ, отвѣтственнымъ передъ палатами. Законъ «объ общихъ правахъ гражданъ» провозглашалъ равенство согласно революціонной формулѣ: «Всѣ граждане равны передъ закономъ; общественныя должности одинаково доступны для всѣхъ». Онъ признавалъ въ формулахъ либерализма какъ личныя, такъ и политическія права. Съ цѣлью успокоить нѣмецкія національности, была провозглашена равноправность *) всѣхъ языковъ и всѣхъ національностей.

Въ рейхсратѣ было удержано дѣленіе на Палату господъ и Палату депутатовъ, избираемую ландтагами семнадцати провинцій. Но министерство было объявлено отвѣтственнымъ передъ рейхсратомъ, и за послѣднимъ было признано право законодательной инціативы.

Власть была раздѣлена между общимъ для всѣхъ австрійскихъ провинцій рейхсратомъ и провинціальными ландтагами; при этомъ рейхсрату было предоставлено все, казавшееся необходимымъ для охраненія единства имперіи, — не только тѣ дѣла, которыя находятся въ вѣдѣніи германскаго рейхстага (право вѣдать вопросы, касающіеся общаго бюджета, военной службы, торговли, мѣръ и вѣсовъ, кредита, путей сообщенія, гигіены, натурализаціи), но также свобода печати, сходокъ, «вѣроисповѣдныхъ отношеній», «*основныхъ принциповъ* школьнаго образованія», уголовнаго, гражданскаго и торговаго права, организаціи судовъ и администраціи. Ландтагамъ были предоставлены «всѣ другіе вопросы законодательства, прямо не предоставленныя вѣдѣнію рейхсрата». Для измѣненія конституціи требовалось большинство двухъ третей голосовъ въ рейхсратѣ. Австрія стала такимъ образомъ либеральною конституціонною монархіей, почти парламентарною, съ тройственною системою народнаго представительства: въ каждой изъ 17 провинцій былъ учрежденъ *ландтагъ*, вотировавшій законы и бюджетъ данной провинціи; для всей Австріи существовалъ *рейхсратъ*, а для всей австро-венгерской монархіи—*делегаціи*.

АВСТРО-ВЕНГРІЯ.

Венгрія и Австрія, послѣ 1867 года, стали двумя отдѣльными государствами, изъ которыхъ каждое въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ живетъ особою политической жизнью. Но, имѣя одного и того же государя и общую внѣшнюю политику, два государства эти все-таки настолько связаны, что это отзывается и на внутренней ихъ политикѣ. А потому я буду излагать ихъ исторію параллельно; она раздѣляется на два періода событіемъ, которое касается внѣшней политики монархіи;—я разумѣю занятіе Босніи (1878 г.), которое видоизмѣнило и внутреннюю эволюцію обоихъ государствъ.

Условія политической жизни въ Австріи.—Цислейтанія все еще оставалась конгломератомъ очень разнородныхъ національныхъ элементовъ. Политическая жизнь въ ней, послѣ 1867 года, попрежнему проходила преимущественно въ борьбѣ между національностями; партіи имѣли, прежде всего, національную окраску; политическіе дѣятели дѣлились на централистовъ, приверженцевъ общаго правительства, руководимаго нѣмцами, и на федералистовъ, стоявшихъ за мѣстныя правительства и руководимыхъ славянами. Нѣмцы, кромѣ того, группировались въ *политическія* партіи: партію, защищавшую старые порядки, аристократическіе и католическіе (*консерваторы*), и партію демократическую и свѣтскую, имѣвшую нѣсколько фракцій (*либералы*).

---

*) «Всѣ націи въ государствѣ признаются равноправными и каждая изъ нихъ имѣетъ право на сохраненіе своего языка и своей національности. Равноправность всѣхъ употребляемыхъ языковъ признается государствомъ въ школѣ, въ должностныхъ сношеніяхъ и въ общественной жизни. Въ областяхъ, населенныхъ нѣсколькими народностями, общественныя учебныя заведенія должны быть такъ устроены, чтобы въ нихъ ученики не принуждались къ изученію другого языка, и чтобы каждой изъ національностей была предоставлена возможность получать образованіе на своемъ языкѣ».

Политическая жизнь особенно осложнялась тѣмъ обстоятельствомъ, что національныя дѣленія болѣе не соотвѣтствовали рѣзко обособленнымъ народностямъ. Фактически въ Австро-Венгріи народности отличаются лишь языками, на которыхъ онѣ говорятъ; національность человѣка заключается лишь въ языкѣ, который онъ употребляетъ въ обычной своей жизни; такъ, часть нѣмецкаго населенія состоитъ изъ онѣмеченныхъ славянъ *). Вслѣдствіе этого въ каждой провинціи, націи (т. е. люди, говорящіе на одномъ и томъ же языкѣ) не живутъ обособленно, но перемѣшаны другъ съ другомъ и представляютъ наслоенія, нагроможденныя одно надъ другимъ. Почти во всѣхъ областяхъ, гдѣ преобладалъ славянскій языкъ, нѣмецкій языкъ остается языкомъ городовъ, крупныхъ землевладѣльцевъ и культурныхъ классовъ, такъ какъ это языкъ торговли, двора, науки и литературы. Рядомъ съ нимъ итальянскій языкъ игралъ ту же роль на берегахъ Адріатическаго моря. Были области, совершенно нѣмецкія, т. е. онѣмеченныя, гдѣ національной борьбы не существовало; но во всѣхъ остальныхъ различіе языковъ создавало враждебныя отношенія между жителями одной и той же области, нерѣдко даже между жителями одного и того же города. Борьба изъ-за правъ каждой національности, т. е. на практикѣ изъ-за употребленія того или другого языка, шла не только въ центрѣ, въ рейхсратѣ, но и въ ландтагѣ каждой провинціи.

Конституція, провозгласивъ принципъ равенства правъ» между національностями и языками «въ школѣ, въ должностныхъ сношеніяхъ и въ общественной жизни», поставила вопросъ о языкахъ, но не разрѣшила его. На практикѣ можно было заводить начальныя школы съ употребленіемъ того или другого языка, хотя и это было сопряжено съ затрудненіями въ деревняхъ со смѣшаннымъ населеніемъ или въ городахъ, гдѣ нѣсколько семействъ, говорившихъ на одномъ и томъ же языкѣ, жили на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Но слѣдовало-ли, какъ того требовалъ-бы принципъ равноправности національностей, ввести преподаваніе на мѣстномъ языкѣ и въ среднеучебныя заведенія? Или, въ интересахъ самихъ учениковъ, не лучше-ли было бы сохранить преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ, какъ открывающемъ имъ доступъ къ современной наукѣ? То же затрудненіе возникало и тамъ, гдѣ приходилось примѣнять принципъ равноправности къ «должностнымъ сношеніямъ и къ общественной жизни». Единство монархіи требовало одного государственнаго языка для дѣлъ, общихъ всей имперіи. Нѣмецкій языкъ всегда былъ въ Австріи языкомъ государя, правительства и арміи; къ тому же только на этомъ языкѣ всѣ остальныя національности могли понимать другъ друга *). Поневолѣ пришлось удержать за нѣмецкимъ языкомъ его привилегированное положеніе и ограничить примѣненіе принципа равноправности языковъ мѣстнымъ управленіемъ и судами. Но и тутъ, какъ провести этотъ принципъ на практикѣ? Не достаточно было издавать регламенты и различныя правительственныя распоряженія на нѣсколькихъ языкахъ; нужно было предоставить каждому жителю право сноситься съ властями и получать отъ нихъ отвѣтъ, предъявлять акты и быть судимымъ на собственномъ его языкѣ. Но можно-ли было требовать отъ каждаго чиновника, чтобы онъ бѣгло говорилъ на всѣхъ языкахъ той провинціи, гдѣ онъ служитъ? Такимъ образомъ смѣшанныя начальныя школы, преподаваніе въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, употребленіе того или другого языка въ судахъ и въ администраціи,—все это служило почвой, на которой главнымъ образомъ и происходили столкновенія.

Въ этихъ столкновеніяхъ положеніе партій обусловливалось избирательной организаціей. Въ конституціи 1867 года былъ сохраненъ тотъ порядокъ, который былъ введенъ въ 1861 году и который былъ основанъ не на отвлеченномъ избирательномъ правѣ, считавшемся принципомъ революціоннымъ, а на «представительствѣ интересовъ». Были созданы четыре куріи избирателей, по которымъ послѣдніе распредѣлялись сообразно съ особенностями ихъ экономическаго положенія: курія крупныхъ землевладѣльцевъ, торговыхъ палатъ, городовъ и сельскихъ общинъ; въ сельскихъ общинахъ выборы были двустепенными; каждая курія подавала голоса особо и избирала своихъ собственныхъ депутатовъ. Избирательное право не только было ограничено, такъ какъ существовалъ цензъ (различный въ каждой отдѣльной провинціи) даже для городскихъ и сельскихъ избирателей,—но оно еще кромѣ того было очень неравномѣрно распредѣлено, такъ какъ въ куріи крупныхъ

*) Здѣсь не мѣсто изслѣдовать вопросъ о томъ, существуютъ-ли въ Европѣ расы въ этнологическомъ значеніи этого слова, т. е. разновидности людей, отличающихся постоянными антропологическими признаками, передающимися по наслѣдству, или же существуетъ только различіе языковъ и воспитанія.

*) Вотъ данныя, заимствованныя изъ офиціальной переписи и выражающія сравнительную численность населенія, говорящаго на томъ или другомъ языкѣ; цифры нижеслѣдующей таблицы выражены въ милліонахъ и относятся къ 1869 и 1890 годамъ:

	1869 г.	1890 г.
Говорящихъ на нѣмецкомъ языкѣ. .	7,1	8,5
» » чешскомъ » . .	4,7	5,5
» » польскомъ » . .	2,44	3,8
» » русинскомъ » . .	2,58	3,0
» » словацкомъ » .	1,19	1,20
» » хорватскомъ » . .	0,52	0,65
» » итальянск. » . .	0,58	0,67
» » румынскомъ » . .	0,20	0,20

землевладѣльцевъ и торговыхъ палатъ на данное число избирателей приходится гораздо большее число депутатовъ, чѣмъ въ куріи городовъ, а въ этой послѣдней—больше, чѣмъ въ сельской куріи. Такъ какъ большинство крупныхъ землевладѣльцевъ, коммерсантовъ и промышленниковъ были нѣмцы или онѣмеченные славяне, то эта неравномѣрность представительства обезпечивала за нѣмцами большинство почти во всѣхъ ландтагахъ, даже въ славянскихъ земляхъ, гдѣ туземное населеніе имѣло своихъ представителей лишь въ сельскихъ общинахъ. Нѣмецкое же большинство въ ландтагахъ обезпечивало нѣмецкое большинство и въ рейхсратѣ.

Политическія и національныя партіи. — Въ нѣмецкихъ провинціяхъ центра партіи дѣлились не по національностямъ, а по политическимъ программамъ, такъ же, какъ и въ остальной цивилизованной Европѣ; съ одной стороны, тамъ существовала партія католиковъ, съ другой — партія либераловъ. Либералы преобладали въ восточныхъ промышленныхъ областяхъ, въ Нижней Австріи (въ той провинціи, гдѣ находится Вѣна), въ Штиріи, гдѣ процвѣтаетъ металлургическая промышленность, въ Каринтіи. Католики были всего сильнѣе въ горныхъ западныхъ округахъ, гдѣ крестьяне оставались по-прежнему подъ вліяніемъ духовенства; такъ, католическая партія всегда сохраняла за собой большинство въ Тиролѣ и успѣла пріобрѣсти большинство въ Форарльбергѣ и въ Зальцбургѣ. Въ Верхней Австріи большинство зависѣло отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые слѣдовали направленію, указываемому правительствомъ.

Словенская провинція Крайна сдѣлалась центромъ національной партіи словаковъ; эта партія добилась равноправности словаковъ въ Крайнѣ и стала требовать такой же равноправности для тѣхъ провинцій, гдѣ словаки оставались въ подчиненіи у нѣмцевъ или у итальянцевъ.

Въ южныхъ областяхъ преобладали итальянцы; но, мало-по-малу, они отступили предъ напоромъ славянскаго населенія деревень: словаковъ въ Истріи, Герцѣ-Градишкѣ и Тріестѣ, а также хорватовъ въ Далмаціи. Покинутые крупными землевладѣльцами въ далматскомъ ландтагѣ, итальянцы утратили въ немъ большинство, а новое большинство, кроатское, провозгласило славянскій языкъ—языкомъ провинціи. Въ Тиролѣ продолжало существовать дѣленіе національностей по мѣстностямъ: нѣмцы господствовали на сѣверѣ, итальянцы—на югѣ; итальянское меньшинство требовало особаго управленія для итальянскихъ округовъ.

Въ сѣверныхъ провинціяхъ, гдѣ славяне были всего сильнѣе, партіи дѣлились преимущественно по національностямъ.

Богемія была центромъ чешской партіи. Эта партія господствовала въ деревняхъ и овладѣла, по меньшей мѣрѣ, двумя третями королевства. Но крупные землевладѣльцы обезпечивали за нѣмцами сильное большинство въ ландтагѣ вплоть до того момента, когда правительство, сдѣлавшись союзникомъ чеховъ, перетянуло и большинство на ихъ стоорону. Въ старыхъ провинціяхъ, присоединенныхъ къ Богемскому королевству—въ Моравіи и Силезіи,—гдѣ масса населенія была чешская, нѣмцы, благодаря поддержкѣ городовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, сохранили большинство за собою.

Въ Галиціи преобладала польская партія, руководимая католической аристократіей, у которой масса польскаго населенія оставалась въ подчиненіи. Русины никогда не пользовались политическимъ вліяніемъ, соразмѣрнымъ съ ихъ численностью; они остались сельскимъ классомъ, занимающимъ низшее общественное положеніе, а даже въ русинскихъ округахъ Галиціи часть депутатовъ принадлежитъ къ польской національности. Галиційскій ландтагъ всегда былъ во власти большинства, состоящаго изъ польскихъ дворянъ; русинское меньшинство ограничивается тѣмъ, что требуетъ автономіи для своихъ школъ и для своей церкви (уніатской).

Въ Буковинѣ, гдѣ населеніе румынское, политическая жизнь развита довольно слабо; въ рейхсратъ эта провинція вначалѣ посылала депутатовъ, примыкавшихъ къ министерской партіи. Позднѣе, національная румынская партія овладѣла въ Буковинѣ большинствомъ.

Итакъ, въ то время, когда конституціонный порядокъ правленія былъ введенъ въ Австріи, тамъ уже существовали двѣ нѣмецкія политическія партіи, либералы и консерваторы, и семь національныхъ партій (чехи, поляки, русины, словаки, итальянцы, хорваты, румыны), политика которыхъ прежде всего состояла въ томъ, чтобы добиваться отъ центральнаго правительства уступокъ въ пользу ихъ языка и національной автономіи. Эти партіи въ рейхсратѣ организовались во внѣпарламентскія собранія, называвшіяся *клубами*. Каждая изъ нихъ въ отдѣльности составляла лишь незначительное меньшинство; а потому въ рейхсратѣ никогда не существовало однороднаго большинства, состоящаго изъ одной партіи. Большинство всегда являлось результатомъ коалиціи между партіями.

Въ дѣлахъ внутренней политики главнымъ вопросомъ былъ вопросъ о регулированіи отношеній къ духовенству. Слѣдовало ли сохранить офиціальную власть церкви, установленную конкордатомъ 1855 года, запрещеніе публичнаго богослуженія для некатолическихъ вѣроисповѣданій, вліяніе духовенства въ школьномъ дѣлѣ. Или же лучше было установить свѣтскій порядокъ, подобный тому, который былъ введенъ въ Германіи? — Либеральная партія, т. е. партія буржуазная, соотвѣтствовавшая германскимъ національ-либераламъ и стоявшая за импер-

ское единство и за свѣтскій порядокъ правленія, требовала прежде всего церковной и школьной реформы. Она подраздѣлялась на два *клуба*, прогрессистскій и либеральный. — Консервативная партія стояла за сохраненіе старыхъ церковныхъ и экономическихъ порядковъ; она состояла изъ двухъ группъ, враждебныхъ либераламъ, — изъ нѣмецкихъ католиковъ и изъ консерваторовъ мелкихъ національностей.

Въ области національной политики два вопроса разомъ выдвигались на первый планъ: вопросъ о языкахъ и о правахъ ландтаговъ. Нѣмцы хотѣли сохранить за нѣмецкимъ языкомъ права государственнаго языка, господствующаго въ судахъ, въ администраціи, въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Другія же національности, смотря по размѣрамъ своихъ силъ, требовали либо простого права управлять своими церквами и школами, либо самоуправленія, либо полной равноправности для своего языка и независимости для своего ландтага.

Въ иностранной политикѣ либеральные нѣмцы склонялись на сторону Германіи и Италіи; католики же относились къ той и другой враждебно. Между славянскими національностями чехи, въ качествѣ панславистовъ, были пламенными приверженцами Россіи и врагами Германіи; поляки были непримиримыми врагами Россіи; словаки, хорваты и русины относились къ Россіи сочувственно.

При всемъ этомъ разнообразіи скрещивающихся и противорѣчивыхъ политическихъ направленій, не допускавшемъ, повидимому, никакихъ комбинацій, кромѣ временныхъ, партіи въ Австріи были связаны коалиціями, болѣе прочными, чѣмъ тѣ, которыя возникали въ Германіи. Сходство общественнаго положенія сближало польскіе и чешскіе аристократическіе *клубы* съ *клубами* нѣмецкихъ консерваторовъ: общая вражда противъ новой конституціи, централистской и либеральной, соединяла національныя партіи «историческихъ правъ» и партіи приверженцевъ стараго порядка. Коалиція между славянами, аристократами и католиками была вполнѣ естественна.

Начиная съ 1867 года, императоръ все время правилъ какъ конституціонный государь; онъ даже, повидимому, усвоилъ принципы парламентарнаго правленія, такъ какъ министерство всегда опиралось на большинство въ палатѣ депутатовъ. Но онъ отступалъ отъ началъ парламентаризма въ томъ отношеніи, что не бралъ своихъ министровъ изъ среды большинства палаты депутатовъ, а составлялъ министерство, слѣдуя своей личной политикѣ; затѣмъ это министерство создавало себѣ большинство въ палатѣ. Избирательная система курій создавала между депутатами общественную рознь, которая не допускала образованія большинства, независимаго отъ правительства. Въ сущности, депутаты отъ крупныхъ землѣвладѣльцевъ всегда поддерживали министерство, каково бы оно ни было, а ихъ голосовъ было достаточно, чтобы доставить большинство той или другой коалиціи. (Въ Палатѣ Господъ министерство всегда могло измѣнить численное отношеніе между партіями, назначивъ новыхъ пожизненныхъ членовъ.) Такимъ образомъ большинство зависѣло отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, крупные землевладѣльцы—отъ мистерства, а министерство—отъ императора. Слѣдовательно, самъ императоръ выбиралъ тѣ партіи, съ которыми онъ хотѣлъ управлять. Но онъ никогда не могъ сдѣлать окончательнаго выбора между двумя существовавшими коалиціями. Какъ нѣмецъ и какъ государь, заинтересованный въ сохраненіи единства своей имперіи, онъ склонялся на сторону коалиціи нѣмецкихъ централистовъ; но, какъ аристократъ и католикъ, онъ, лично, оказывалъ предпочтеніе аристократически-федералистической коалиціи. Эти колебанія императора, склонявшія его то на ту, то на другую сторону, сказываются во всей политической исторіи Австріи.

Либеральное министерство (1867—70).— Вначалѣ императоръ предоставилъ министерскіе портфели и большинство въ Палатѣ нѣмецкой либеральной партіи, которая вполнѣ приняла конституцію 1867 года. Министерство Ауэршперга было въ особенности озабочено борьбою съ духовенствомъ. Офиціальная власть католическаго духовенства, формально признанная конкордатомъ 1855 года, находилась въ несогласимомъ противорѣчіи съ конституціей 1867 года, гарантировавшей полную религіозную свободу. Министръ, не заявляя о прекращеніи дѣйствія конкордата, заставилъ Палату вотировать такіе законы, которые фактически его отмѣняли: 1) Юрисдикція брачныхъ дѣлъ была возвращена свѣтскимъ судамъ и была создана форма гражданскаго брака для тѣхъ случаевъ, когда духовныя власти отказались-бы совершить бракосочетаніе. 2) Законъ объ «отношеніяхъ между школою и церковью» установилъ слѣдующій принципъ: «Высшее руководство дѣломъ образованія и надзоръ за нимъ принадлежитъ государству, и этимъ дѣломъ завѣдуютъ тѣ органы, на которые оно будетъ возложено государственной властью». Вслѣдствіе этого всѣ публичныя школы были открыты «для всѣхъ гражданъ, безъ различія вѣроисповѣданій»; а всѣ должности по народному просвѣщенію были объявлены «равно доступными для всѣхъ гражданъ»; церкви и религіозныя корпораціи всѣхъ вѣроисповѣданій имѣли право содержать свои собственныя частныя школы. 3) Законъ «объ отношеніяхъ между различными вѣроисповѣданіями» устанавливалъ равноправность всѣхъ религій и признавалъ за каждымъ право выбирать для себя и для своихъ дѣтей ту или другую религію, быть погребеннымъ на клад-

бищѣ, принадлежащемъ гражданской общинѣ, и не исполнять никакихъ религіозныхъ обрядовъ.

Законы эти, которые въ Палатѣ Господъ прошли не безъ затрудненій (1868 г.), разомъ упразднили принудительную власть духовенства; они устанавливали свободу вѣроисповѣданій и свѣтское начало въ дѣлѣ образованія. На этой-то почвѣ и произошли главныя столкновенія съ оппозиціей. Конкордатъ былъ договоромъ между императоромъ и папою; католики объявили, что онъ можетъ быть упраздненъ лишь заключеніемъ новаго договора съ папою; правительство же, напротивъ, во имя верховныхъ правъ государства, отстаивало за собою право рѣшать свои внутреннія дѣла по собственному усмотрѣнію. То былъ теоретическій конфликтъ между двумя властями — государствомъ и церковью. Папа (іюнь 1868 года) назвалъ конституцію 1867 года *infanda sane* (по истинѣ плачевной), а законы 1868 г.—*нуснѣми*. «Въ силу своей апостольской власти» онъ «отвергъ и осудилъ эти законы» и объявилъ ихъ «недѣйствительными ни въ настоящее время, ни въ будущемъ». Вслѣдствіе этого нѣкоторые епископы отказались выдать дѣлопроизводство процессовъ по брачнымъ дѣламъ; архіепископъ Линца, оказавшій сопротивленіе силою, подвергся за это даже судебному преслѣдованію, но затѣмъ былъ помилованъ.

Министерству пришлось также преобразовать армію и финансы. Оно приняло всеобщую воинскую повинность, съ трехлѣтнею службою, по прусскому образцу, но съ народнымъ ополченіемъ на манеръ французской національной гвардіи. Весь контингентъ былъ раздѣленъ на двѣ части, изъ которыхъ одна поступала на дѣйствительную службу (три года на дѣйствительной службѣ, семь лѣтъ въ запасѣ и два года въ ополченіи—ландверъ), другая же часть оставалась двѣнадцать лѣтъ въ ополченіи. Поставивъ вопросъ о довѣріи, министерство добилось того, что вопросъ о численности арміи былъ изъятъ, какъ и въ Германіи, изъ ежегоднаго обсужденія; численность эта была установлена на десять лѣтъ. Въ финансовомъ вопросѣ министерство отказалось отъ системы хроническихъ дефицитовъ и займовъ; оно возстановило равновѣсіе бюджета посредствомъ налоговъ и частнаго банкротства, въ формѣ налога на ренту. Министерство постоянно встрѣчало поддержку со стороны большинства рейхсрата, которое состояло изъ либеральныхъ нѣмцевъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Но національныя славянскія партіи оказывали ему сопротивленіе, о которое оно, въ концѣ концовъ, и разбилось.

Чешская партія отказалась засѣдать въ богемскомъ ландтагѣ. Въ *декларації*, изданной въ августѣ 1868 г., была изложена теорія этой партіи, а также въ ней были формулированы требованія чешской націи. Между наслѣдственнымъ императоромъ и королемъ,—говорилось въ этой декларації,—и «политической богемской націей» существуетъ договоръ, возобновляемый при каждомъ восшествіи на престолъ клятвою, которую даетъ король при своемъ коронованіи, и присягою, которую ему приносятъ представители. Королевство Богемія связано съ Австріей лишь личною уніей, которая прекратится, если династія угаснетъ; королевство сохраняетъ свою «индивидуальность, опирающуюся на исторію и на публичное право». Эти юридическія отношенія не могутъ быть легально измѣнены иначе, какъ посредствомъ заключенія «новаго договора между королемъ Богеміи и націей, въ лицѣ законныхъ ея представителей». Никакое иностранное представительное учрежденіе, ни даже рейхсратъ, не имѣетъ права навязывать Богеміи какое либо долговое обязательство или налоги. Компромиссъ, заключенный съ Венгріей, отнялъ всякую дѣйствительную силу у конституціи 1860—61 г. Богемія болѣе не можетъ признавать рейхсрата, который является представителемъ «лишь случайной группы, не опирающейся ни на какое историческое основаніе». Конституціонный конфликтъ можетъ быть улаженъ лишь соглашеніемъ между королемъ и націей.

Чешская нація стала относительно императора какъ разъ въ такое же положеніе, въ какомъ стояла и венгерская нація до 1867 года. Она, тоже ссылаясь на «историческое право» и на «личную унію», требовала, чтобы за ней были признаны права независимой націи. Она тоже требовала возстановленія средневѣкового королевства, посредствомъ соединенія «всѣхъ трехъ земель короны Вацлава», т. е. Богеміи, Моравіи и Силезіи. Это была та же историческая теорія, та же тактика, состоявшая въ томъ, чтобъ признавать императора лишь въ качествѣ *короля* и отказываться вступать въ сношенія съ другими областями имперіи. Но дѣйствительное положеніе Богеміи было иное, чѣмъ положеніе Венгріи. Мадьярская нація всегда пользовалась автономіей. Попытка абсолютистскаго управленія, сдѣланная въ 1849 г., была слишкомъ кратковременна, чтобы разстроить издавна сложившуюся организацію; эта послѣдняя уцѣлѣла во всей своей неприкосновенности, съ своей аристократіей, оставшейся національной и проникнутой единодушной рѣшимостью не покориться никакому иноплеменному правительству. Чешская нація пережила свой періодъ реакціи въ 1620 году; централизація существовала въ Богеміи уже два съ половиною вѣка; половина аристократіи и треть населенія состояла изъ иноплеменниковъ, привыкшихъ смотрѣть на чеховъ, какъ на низшую породу людей, и готовыхъ защищать вѣнское правительство. Въ Моравіи и Силезіи иноплеменники были хозяевами страны. Чешской деклараціи нѣмцы про-

тивопоставили теорію, утверждавшую, что Богемія не имѣетъ никакого особаго историческаго права и что, слѣдовательно, въ ней не существуетъ иного публичнаго права, кромѣ конституціи, дарованной императоромъ.

Польскія партія изложила свой взглядъ въ *резолюціи*, вотированной польскимъ большинствомъ ландтага Галиціи. Не имѣя возможности ссылаться, подобно мадьярамъ и чехамъ, на свое право образовать независимое государство, польская партія просила только національной автономіи. «Она обвиняла конституцію 1867 года въ томъ, что она не дала странѣ подобающей доли законодательной и административной независимости». На этомъ основаніи она требовала, чтобы «Галиційская *Делегація* участвовала въ преніяхъ рейхсрата лишь по дѣламъ, общимъ у этого королевства съ остальными областями». За ландтагомъ поляки хотѣли оставить право изданія законовъ по вопросамъ, касающимся торговли, кредита, народнаго образованія, гигіены, уголовнаго права, судебной и административной организаціи.

Попытка федеративной конституціи (1870—1871 гг.).—Оппозиція, принявъ тактику, удавшуюся мадьярамъ, отказалась отъ участія въ засѣданіяхъ рейхсрата. Конституція, правда, давала правительству средство для борьбы съ ландтагомъ въ случаѣ коллективнаго отказа послѣдняго избирать делегатовъ въ рейхсратъ; въ этихъ случаяхъ правительство могло предоставить избраніе делегатовъ непосредственно самимъ избирателямъ, имѣющимъ право голоса для выборовъ въ ландтагъ. Но противъ делегатовъ ландтага, которые лично, каждый самъ за себя, отказывались явиться въ засѣданія рейхсрата, правительство было безоружно. Большинство министерства предложило ввести непосредственные выборы делегатовъ въ рейхсратъ. Одновременно съ этимъ, въ Вѣнѣ рабочіе, организованные нѣмецкими соціалистами, устроили манифестацію въ огромныхъ размѣрахъ; они собрались передъ зданіемъ палаты депутатовъ и подали петицію, въ которой требовали всеобщей подачи голосовъ, свободы сходокъ, ассоціацій, печати. Императоръ началъ съ того, что заставилъ аристократическое меньшинство министерства подать въ отставку (декабрь 1869 года). Но всѣ оппозиціонныя партіи удалились изъ рейхсрата: тирольскіе католики, галиційцы, словаки, итальянцы Тріеста и Истріи, буковинскіе румыны; оставались одни только нѣмцы, и число ихъ едва было достаточно для того, чтобы составить минимумъ, требовавшійся для законнаго состава засѣданій. Централистскіе министры предложили распустить ландтаги. Императоръ отказался. Измѣнивъ свою систему, онъ рѣшилъ вступить въ переговоры съ національными славянскими аристократіями, подобно тому, какъ онъ въ 1865 году вступилъ въ переговоры съ мадьярской аристократіей. А пока онъ назначилъ переходное министерство (1870), во главѣ котораго сталъ полякъ Потоцкій.

Необезпеченное положеніе дѣлъ, вызванное войною между Франціей и Германіей, побудило императора пріостановиться. Но, по окончаніи войны, онъ призвалъ министерство, составленное изъ федералистовъ; во главѣ этого министерства былъ поставленъ аристократъ Гогенвартъ, и два портфеля были даны чехамъ. Партіи распредѣлились по двумъ группамъ: *конституціонной*, которая желала сохраненія централистской конституціи, и *федералистской*, требовавшей расширенія полномочій ландтаговъ. Федералистское министерство распустило тѣ ландтаги, въ которыхъ большинство состояло изъ нѣмцевъ конституціоналистовъ; а крупные землевладѣльцы, всегда слѣдовавшіе за министерствомъ въ его политикѣ, доставили перевѣсъ федералистамъ.

Чехи вступили въ коалицію лишь съ тѣмъ, чтобы добиться независимости Богеміи. Ихъ предводители вели личные переговоры съ императоромъ, который объявилъ о состоявшемся соглашеніи особымъ посланіемъ 12 сентября 1871 года. Въ этомъ посланіи императоръ заявлялъ, что «охотно признаетъ права этого королевства» и готовъ возобновить клятву, данную при короноваціи. Ландтагъ отвѣтилъ проектомъ основного закона, состоявшимъ изъ восемнадцати статей, которыми и для Богеміи устанавливалась такая же унія, какъ и для Венгріи.

Это вызвало сильнѣйшее волненіе во всѣхъ нѣмецкихъ областяхъ; начались протесты ландтаговъ, угрожающія статьи въ газетахъ, манифестаціи противъ министровъ. Но всего сильнѣе подѣйствовало на императора то, что канцлеръ Бейстъ и венгерскіе министры, опасаясь чешскаго панславизма, возстали противъ федералистовъ. Совѣщаніе, на которомъ присутствовали главные члены министерства, убѣдило императора вернуться къ конституціи 1867 года. Министерство Гогенварта вышло въ отставку. Затѣмъ Бейстъ, главный противникъ этого министерства, внезапно впалъ въ немилость и былъ замѣщенъ въ должности австро-венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ венгерцемъ Андраши (званіе канцлера было упразднено).

Избирательная реформа и конституціонныя министерства (1871—78).—Вернувшись къ конституціи, императоръ назначилъ нѣмецкое министерство съ графомъ Ауэршпергомъ въ должности министра президента. Новое распущеніе ландтаговъ возвратило нѣмецкой партіи большинство въ рейхсратѣ. Въ свою очередь чехи, славяне и католики отказались засѣдать въ рейхсратѣ. Но министерство успѣло склонить на свою сторону поляковъ и далматскихъ кроатовъ. Оно снова выступило съ проектомъ прямыхъ выборовъ въ рейхсратъ.

Избирательная реформа, рѣшенная въ принципѣ, подвигалась туго; понадобилось болѣе года, чтобы осуществить ее. Всѣ были согласны въ томъ, что надо увеличить число депутатовъ; но либералы предлагали произвести это увеличеніе въ тѣхъ куріяхъ, которыя были наиболѣе слабо представлены; министерство же не хотѣло поступиться привилегіями крупныхъ землевладѣльцевъ, поддержка которыхъ была ему нужна, чтобъ составить большинство въ двѣ трети голосовъ, необходимое для измѣненія конституціи.

Избирательный законъ 1873 года ограничился тѣмъ, что замѣнилъ избраніе депутатовъ ландтагами системою прямыхъ выборовъ, но оставилъ дѣленіе на куріи. Число депутатовъ было увеличено съ 203 до 353: 85 отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, 137 отъ городовъ и торговыхъ палатъ и 131 отъ сельскихъ общинъ; послѣдніе избирались двустепенными выборами. Въ представительствѣ была сохранена громадная неравномѣрность (въ 1890 году въ куріи землевладѣльцевъ одинъ депутатъ приходился на 60 избирателей, въ торговыхъ палатахъ 1 на 30 избирателей, въ городахъ—1 на 3,000, а въ селахъ—1 на 11,500 избирателей). Большинство осталось за нѣмцами: до 1878 года въ Палатѣ депутатовъ было около 220 нѣмцевъ, противъ 115 славянъ и 15 итальянцевъ.

Министерство, поддерживаемое нѣмецкимъ конституціоннымъ большинствомъ, снова вступило на путь свѣтской политики. «Майскіе законы» 1874 года, такъ названные въ подражаніе германскимъ законамъ, изданнымъ во время *культуркампфа*, формально упразднили конкордатъ; они обязали епископовъ заявлять гражданской власти объ открывающихся вакансіяхъ и о назначеніи духовныхъ лицъ на должности; за некатолическими вѣроисповѣданіями было признано право основывать религіозныя общества. Папа протестовалъ противъ этого закона; онъ написалъ императору письмо, но императоръ сослался на право рейхсрата.

При этомъ министерствѣ въ Вѣнѣ свирѣпствовала «учредительская» горячка, подобная берлинскому «*Gründerthum*». Бумаги съ фиктивною цѣнностью, выпущенныя разными банковыми, желѣзнодорожными и строительными компаніями, внезапно пали въ цѣнѣ во время знаменитаго вѣнскаго *краха;* произошло колоссальное биржевое банкротство, за которымъ послѣдовалъ продолжительный періодъ застоя въ дѣлахъ.

Въ рейхсратѣ конституціонная партія организовалась въ нѣсколько отдѣльныхъ *клубовъ*, дѣйствовавшихъ однако за одно тамъ, гдѣ нужно было поддерживать министерство. Клубы эти были слѣдующіе: «*соединенная лѣвая*», прозванная «молодежью» (около 65 депутатовъ) и раздѣлявшаяся на *демократовъ* и *нѣмецкихъ націоналистовъ;* либеральный клубъ (около 100 членовъ), прозванный «стариками»; централистская правая (около 60 депутатовъ), группа крупныхъ землевладѣльцевъ, въ составъ которой входилъ клубъ Коронини, состоявшій преимущественно изъ итальянцевъ. Оппозиція имѣла свои клубы: польскій (отъ 40 до 45 членовъ) и клубъ Гогенварта (такъ называемая *Rechtspartei*), составившійся изъ федералистовъ мелкихъ національностей; католики еще не успѣли организоваться. Чехи (болѣе 40 депутатовъ) послѣ разрыва съ правительствомъ, произошедшаго въ 1871 г., отказывались засѣдать въ рейхсратѣ.

Партіи и политическая жизнь въ Венгріи (1867—78).—Въ венгерскомъ королевствѣ за соглашеніемъ 1867 года послѣдовалъ періодъ политическаго затишья. Такъ же, какъ и въ Австріи, соглашеніе это отдало правительственную власть въ руки національности, политически господствующей, хотя по своей численности и составлявшей меньшинство населенія. При общей цифрѣ населенія въ 16 милліоновъ душъ, мадьяръ было въ то время не болѣе 6 милліоновъ. Но ихъ относительная сила была гораздо значительнѣе силы нѣмцевъ въ Австріи. Они являлись тѣсно сплоченною націей, состоявшей изъ аристократіи, проникнутой патріотизмомъ, опытной въ дѣлѣ управленія, пользовавшейся расположеніемъ Двора,—и изъ сельскаго населенія, пассивнаго и покорнаго. Торговая буржуазія, состоявшая преимущественно изъ нѣмцевъ и евреевъ, не имѣла политическаго значенія. Остальныя національности состояли главнымъ образомъ изъ крестьянскихъ массъ, среди которыхъ политическая жизнь отсутствовала; къ тому же это населеніе размѣщалось по окраинамъ королевства: словаки—на сѣверозападѣ, румыны—на востокѣ, въ Трансильваніи, сербы—на юго-востокѣ. Нѣмецкія колоніи, разбросанныя по венгерской равнинѣ, единичные нѣмцы и евреи, проживавшіе въ городахъ, не имѣя ни связи между собою, ни національной организаціи, не могли образовать политической партіи. Только двѣ группы имѣли національную организацію: королевство Хорватіи-Славоніи на юго-западѣ и маленькая нація саксонцевъ въ Трансильваніи (200,000 душъ). Эти саксонцы представляли нѣмецкую колонію, въ которой нѣмецкія традиціи были очень живучи, но семьи отличались малочисленностью своихъ членовъ: въ большинствѣ семей было не болѣе двухъ дѣтей.

Крестьяне-словаки въ первое время не причиняли мадьярскому правительству никакихъ заботъ. Они не являлись на выборы, или же подавали голоса за представителей мадьярскаго дворянства. У сербовъ былъ свой православный патріархъ, были свои церкви и школы, и они болѣе всего дорожили своей автономіей въ вѣроисповѣдныхъ дѣлахъ. Трансильванія, гдѣ, въ прежнее время, вѣнское правительство противо-

поставило саксонцевъ мадьярамъ, учредивъ въ 1849 году и затѣмъ въ 1863 г. независимый ландтагъ, была объявлена составною частью венгерскаго королевства. Она утратила свой ландтагъ, свою отдѣльную администрацію и была раздѣлена на 75 округовъ, имѣвшихъ свое непосредственное представительство въ венгерскомъ Сеймѣ. Саксонцы сдѣлались союзниками мадьяръ изъ страха передъ румынскими православными крестьянами, изъ которыхъ состояла главная масса населенія; избирательная система, основанная на цензѣ, позволила этимъ двумъ аристократіямъ овладѣть почти всѣми депутатскими мѣстами, приходившимися на долю Трансильваніи.

Одна только хорватская нація, издавна обладавшая собственной организаціей и аристократіей, выступавшей ея представительницей,смогла отстоять свою автономію, воспользовавшись соперничествомъ между Австріей и Венгріей. Соглашеніе, заключенное между венгерскимъ и хорватскимъ сеймами (1868), сохранило за соединеннымъ королевствомъ Хорватіи-Славоніи собственнаго губернатора-*бана*, собственную столицу, Аграмъ, и отдѣльный сеймъ, состоявшій изъ 75 депутатовъ, причемъ избирательное право обусловливалось извѣстнымъ цензомъ, и 25 членовъ по праву (магнатовъ и сановниковъ). Такимъ образомъ Хорватія стала автономнымъ государствомъ, обладавшимъ національнымъ гербомъ, національнымъ языкомъ, употреблявшимся во всѣхъ официальныхъ сношеніяхъ, самостоятельной юстиціей, школами, церковной организаціей и законодательною властью, органомъ которой былъ сеймъ. Но государство это было соединено съ Венгріей для всѣхъ «общихъ дѣлъ», область которыхъ была очень обширна; сюда входили, кромѣ дѣлъ, общихъ обѣимъ государствамъ — Австріи и Венгріи, всѣ вопросы, касавшіеся торговли и путей сообщенія. Для этихъ дѣлъ Хорватія имѣла въ венгерскомъ правительствѣ своего представителя, кроатскаго министра, въ венгерскомъ сеймѣ—29 делегатовъ, посылаемыхъ туда аграмскимъ сеймомъ, а въ Имперской делегаціи — 4 делегатовъ. На основаніи финансоваго соглашенія, заключеннаго на десять лѣтъ, доходы съ налоговъ, взимаемыхъ въ Хорватіи, были распредѣлены между обоими государствами такъ, что 45 процентовъ этихъ налоговъ должны были идти на расходы Хорватіи, причемъ, въ случаѣ дефицита, недостающую сумму, въ предѣлахъ извѣстнаго, заранѣе опредѣленнаго, минимума должна была пополнять Венгрія. *Банъ* назначался венгерскимъ правительствомъ въ Пештѣ; этимъ же правительствомъ была введена въ 1868 году такая избирательная система, которая обезпечивала большинство за приверженцами соглашенія.

Такимъ образомъ въ обѣихъ венгерскихъ палатахъ второстепенныя національности имѣли лишь незначительное меньшинство. Сеймъ состоялъ почти изъ однихъ мадьяръ, и партіи въ немъ возникали лишь на почвѣ политическихъ вопросовъ. То были почти тѣ же партіи, какъ и въ 1848 году. *Правая* или *умѣренная оппозиція*,— партія консервативная, особенно многочисленная въ Палатѣ магнатовъ и пользовавшаяся расположеніемъ вѣнскаго двора, старалась по возможности сохранить преобладаніе аристократіи и католицизма. «Партія адреса», организовавшаяся въ такъ называемый «клубъ Деака», принимала компромиссъ 1867 года и соглашеніе съ Австріей; она желала установить въ Венгріи парламентскій и либеральный образъ правленія съ сохраненіемъ административной власти за дворянствомъ. *Лѣвая*, бывшая конституціонная партія 1848 года, враждебная Австріи, требовала личной уніи и протестовала противъ соглашенія 1867 года, какъ несогласнаго съ національной независимостью. *Крайняя лѣвая* состояла изъ демократовъ, оставшихся вѣрными послѣдователями Кошута, и изъ изгнанниковъ 1848 года, питавшихъ непримиримую вражду къ австрійскому правительству: Кошутъ, удалившійся въ Италію, до самой смерти своей въ 1894 году отказывался возвратиться въ свое отечество и признать Франца-Іосифа.

Правительство постоянно придерживалось началъ самаго строгаго парламентаризма: король бралъ своихъ министровъ изъ среды большинства Палаты; но въ Венгріи, такъ же, какъ и въ Италіи, министерству до сихъ поръ постоянно удавалось добиваться выборовъ, благопріятныхъ для правительства.

Партія Деака въ началѣ имѣла сильное большинство и сдѣлалась министерской либеральной партіей. Либеральное министерство заключило соглашенія съ Австріей и приступило къ пересмотру законовъ 1848 года. Затѣмъ ему пришлось преобразовать армію, администрацію и финансы. Та часть арміи, которая состояла на дѣйствительной службѣ, осталась общею для обоихъ государствъ Имперіи, и въ ней команда попрежнему отдавалась на нѣмецкомъ языкѣ; но *гонведы*, соотвѣтствующіе *ландверу*, сдѣлались войскомъ исключительно венгерскимъ. Комитаты продолжали пользоваться самоуправленіемъ: ими завѣдовала комиссія, состоявшая на половину изъ выборныхъ делегатовъ и на половину изъ наиболѣе крупныхъ плательщиковъ податей; полной реформы не рѣшились произвести изъ опасенія раздражить дворянство. Въ программу либеральной партіи входило также проведеніе свѣтскаго начала во всѣ отправленія гражданской жизни, а именно полная свобода вѣроисповѣданій, гражданскій бракъ, но либералы долгое время не отваживались приступить къ обсужденію этихъ реформъ изъ опасенія побудить католическую партію вступить въ коалицію съ лѣвой.

Главная задача состояла въ томъ, чтобы упрочить національное единство страны, мадьяризировавъ населеніе. Правительство, поддерживаемое всѣми партіями, употребило всѣ усилія, чтобы сдѣлать мадьярскій языкъ тѣмъ, чѣмъ нѣмецкій языкъ былъ въ Цислейтаніи, — языкомъ государственнымъ и языкомъ цивилизаціи; оно сдѣлало его обязательнымъ не только въ правительственныхъ актахъ и въ университетскомъ преподаваніи, но и въ администраціи, въ судахъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Затѣмъ употребленіе его было введено и въ будапештскомъ муниципальномъ совѣтѣ, и въ желѣзнодорожномъ вѣдомствѣ, гдѣ служащихъ пришлось обучать этому языку. Нѣмцы, разсѣянные по странѣ, быстро мадьяризировались, многіе принимали даже мадьярскія фамиліи.

Преобразованіе финансовъ было сопряжено съ такими затрудненіями, что оно вызвало кризисъ въ отношеніяхъ партій. Дефицитъ постоянно возрасталъ, кредитъ уменьшался, министерская партія постепенно убывала; на выборахъ 1869 года она потеряла 50 голосовъ; начиная съ 1872 года, она старалась сблизиться съ правой. Главная фракція лѣвой (лѣвый центръ), предводителемъ которой былъ Тисса, объявила, что отказывается отъ личной уніи, и соединилась съ партіей Деака (1875), съ цѣлью привести въ порядокъ финансы. Преобразованная такимъ образомъ либеральная партія пріобрѣла 329 депутатскихъ мѣстъ, тогда какъ оппозиція насчитывала лишь 88 депутатовъ. Либеральная партія постоянно сохраняла за собой большинство, и бразды правленія ни разу не ускользали изъ ея рукъ. Послѣ выборовъ 1875 года Тисса сдѣлался главою министерства и оставался имъ болѣе пятнадцати лѣтъ.

Въ Хорватіи партію *уніонистовъ*, заключившую соглашеніе, обвиняли въ томъ, что она была подкуплена мадьярами и захватила всѣ должности. Начиная съ 1872 года *національная* партія пріобрѣла большинство въ аграмскомъ сеймѣ и заставила венгерское правительство назначить *бана* президентомъ сейма.

Кризисъ, вызванный оккупаціей Босніи (1877—1878 гг.). — Соглашеніе, заключенное между Австріей и Венгріей на десять лѣтъ, было возобновлено послѣ переговоровъ между *делегаціями*, продолжавшихся два съ половиною года и сопровождавшихся большими затрудненіями. Оба министерства, чтобъ добиться утвержденія новаго соглашенія, поставили вопросъ о довѣріи одновременно въ обоихъ парламентахъ.

Кризисъ, происшедшій въ области иностранной политики, довершилъ разрывъ между императоромъ и конституціонной партіей. Во время переговоровъ, происходившихъ на берлинскомъ конгрессѣ, Австрія взялась управлять Босніей и Герцеговиной отъ имени султана, для возстановленія порядка въ этихъ областяхъ. Австрійская армія заняла страну безъ боя; но тотчасъ же мусульмане возстали въ горахъ; для усмиренія ихъ понадобилось вести настоящую войну и двинуть армію въ 200,000 человѣкъ. Экспедиція эта обошлась очень дорого, а между тѣмъ, даже послѣ усмиренія, страна оказалась слишкомъ отсталой въ культурномъ отношеніи, чтобы покрывать собственными средствами расходы управленія. Оккупація отозвалась на австрійскихъ финансахъ увеличеніемъ расходовъ. Кромѣ того она вносила новое осложненіе въ борьбу національностей. Занятыя провинціи имѣли населеніе, говорившее на хорватскомъ языкѣ и распадавшееся по вѣроисповѣданію на три группы: мусульманъ, православныхъ и католиковъ. Національная хорватская партія воспламенилась при мысли объ образованіи государства Великой Хорватіи, въ составъ котораго вошли бы всѣ области, гдѣ господствуетъ хорватскій языкъ (т. е. Хорватія, Славонія, Далмація и Боснія). Это вызвало славянскую агитацію, встревожившую оба государства, — какъ Австрію, такъ и Венгрію.

Въ обоихъ государствахъ парламенты были раздражены противъ министровъ, которые, не посовѣтовавшись съ ними, заняли Боснію и вовлекли Австро-Венгрію въ значительные расходы; парламенты потребовали, чтобы берлинскій трактатъ былъ предъявленъ имъ на обсужденіе. Какъ въ Австріи, такъ и въ Венгріи дѣло чуть не дошло до отставки министерствъ, которыя поставили вопросъ о довѣріи. Въ Венгріи адресъ, благопріятный правительству, не взирая на огромное большинство, которымъ располагало министерство, прошелъ лишь большинствомъ 22 голосовъ; въ Австріи подобный же адресъ былъ вотированъ, лишь благодаря поддержкѣ противниковъ министерства—поляковъ и правой (1878).

Делегаціи уменьшили цифру дополнительныхъ кредитовъ на боснійскую экспедицію (1878). Оккупація продолжала служить источникомъ несогласій. Лѣвая требовала отозванія войскъ изъ Босніи, правительство же хотѣло принять мѣры для окончательной оккупаціи вплоть до того времени, когда занятая область въ состояніи будетъ возмѣстить Австріи издержки оккупаціи. Нѣкоторое время пробовали, помощью разныхъ частныхъ комбинацій, сохранить конституціонное министерство; затѣмъ рѣшились назначить министерство, имѣвшее временный характеръ (1879).

Тогда императоръ, дорожившій прежде всего своей иностранной политикой, круто повернулъ въ другую сторону. Онъ оставилъ конституціонную партію и возвратился къ коалиціи федералистовъ и аристократовъ. Вслѣдствіе этого поворота политики пришлось вступить въ переговоры съ чехами; на этотъ разъ они не потребовали независимости королевства Богеміи и со-

гласились явиться на засѣданія рейхсрата, ограничившись оговоркой, что они «предоставляютъ себѣ впослѣдствіи поднять вопросъ о правовомъ положеніи королевства Богеміи и о Богемской коронѣ».

На выборахъ 1879 года крупные землевладѣльцы снова нарушили равновѣсіе партій. Но большинство, полученное федералистской коаліціей, было все еще очень слабо. Конституціоналистовъ оказалось 145 голосовъ; они распредѣлились по двумъ клубамъ: либеральный,—имѣвшій 91 члена, и клубъ прогрессистовъ — 51 членъ; федералисты же насчитывали 168 депутатовъ, раздѣлившихся на три клуба: чешскій—54 члена, польскій—57 членовъ и клубъ Гогенварта, состоявшій изъ феодаловъ-нѣмцевъ, словаковъ и далматскихъ кроатовъ,—57 членовъ. Внѣ этихъ группъ оставалось 40 депутатовъ, большинство которыхъ были крупные землевладѣльцы. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Таафе, высказывалъ намѣреніе образовать изъ нихъ среднюю партію, отъ которой зависѣло бы парламентское большинство. Императоръ поручилъ ему составить министерство.

Федералистская политика министерства Таафе (1879—93 гг.).—Министерство Таафе, просуществовавшее четырнадцать лѣтъ, вначалѣ выступило въ качествѣ представителя примирительной политики; въ составъ его вошли члены обѣихъ партій. Въ сущности, оно, съ первыхъ же своихъ шаговъ, склонялось въ сторону католической, аристократической и федералистской коаліціи; уже съ 1880 г. въ немъ оставались одни только федералисты.

Нѣмецкая лѣвая стала въ оппозицію съ министерствомъ по поводу военнаго закона. Она соглашалась вотировать его лишь на три года и подъ условіемъ уменьшенія численности арміи; министерство же требовало, чтобы законъ былъ вотированъ на десять лѣтъ и съ сохраненіемъ прежняго контингента. Такъ какъ для утвержденія законопроекта требовалось большинство не менѣе двухъ третей голосовъ, то упомянутый законопроектъ былъ отвергнутъ два раза и прошелъ лишь при третьемъ голосованіи, благодаря тому, что половина членовъ либеральнаго *клуба* перешла на сторону министерства (1879). Коаліція федералистовъ, сдѣлавшаяся министерской партіей, фактически приняла конституцію 1869 г., воспользовавшись поддержкой правительства, чтобы добиться нѣкоторыхъ уступокъ въ пользу славянскихъ національностей и католическаго духовенства. Медленной, но непрерывной работой національная аристократія и духовенство увеличивали свое вліяніе въ ущербъ вліянію нѣмецкихъ чиновниковъ и свѣтской власти.

Обѣ чешскія партіи, старо-чехи и младо-чехи, соединившись между собою противъ нѣмцевъ, добились раздѣленія пражскаго университета на два университета—нѣмецкій и чешскій (1882); затѣмъ, по ихъ настоянію, министромъ юстиціи, Пражакомъ, было издано распоряженіе, обязывавшее чиновниковъ отвѣчать обращающейся къ нимъ публикѣ на томъ изъ двухъ языковъ, чешскомъ или нѣмецкомъ, на которомъ было изложено прошеніе (1886); мѣра эта была разсчитана на то, чтобы удалить нѣмецкихъ чиновниковъ, не знавшихъ чешскаго языка. Богемія по-прежнему оставалась наиболѣе безпокойной изъ всѣхъ провинцій имперіи; ее то и дѣло волновали то чешскія манифестаціи, то стычки между чешскими и нѣмецкими студентами въ Прагѣ, то столкновенія въ ландтагѣ, гдѣ чехи овладѣли, наконецъ, большинствомъ (1883), то споры изъ-за школьнаго вопроса. Нѣмцы, чувствуя, что чехи ихъ одолѣваютъ, потребовали было въ началѣ, чтобы Богемія была раздѣлена на двѣ національныя группы, съ правомъ для каждой группы употреблять свой родной языкъ во всѣхъ офиціальныхъ сношеніяхъ; но потомъ нѣмцы переняли тактику чеховъ и отказались засѣдать въ ландтагѣ.

Аристократическая польская партія была полною хозяйкою въ Галиціи, гдѣ она еще въ 1877 г. низвела русиновъ до ничтожнаго меньшинства въ ландтагѣ (около десятка депутатовъ изъ 150). Правительство предоставило Галицію полякамъ, ограничиваясь лишь тѣмъ, что препятствовало офиціальнымъ манифестаціямъ противъ Россіи, которыя могли бы создать ему затрудненія во внѣшней его политикѣ.

Партія словаковъ, снова добившись въ *ландтагѣ* большинства, которое она было утратила въ періодъ 1877—1883 гг., довершила ославяненіе Каринтіи.

Консерваторы добились упраздненія свободы промышленности. Закономъ 1883 г. были возстановлены обязательныя корпораціи въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности и торговли; доступъ въ эти корпораціи обусловливался экзаменомъ и свидѣтельствомъ, удостовѣряющимъ достаточную подготовку кандидата. Консерваторы провели также избирательную реформу, понизившую цензъ въ низшихъ разрядахъ избирателей и дававшую право голоса «людямъ пяти-флориновъ», которые въ большинствѣ случаевъ держали сторону католической партіи (1882).

Въ виду этой коаліціи, сдѣлавшейся всемогущей, благодаря своему союзу съ императоромъ, нѣмецкіе либералы остановились въ нерѣшительности, не зная, какой тактикѣ имъ слѣдовать. Сначала мнѣнія въ ихъ средѣ раздѣлились. Клубъ прогрессистовъ, недовольный тѣмъ, что часть либеральной партіи покинула его въ борьбѣ изъ-за военнаго закона, отдѣлился отъ либеральной коаліціи (1879). Затѣмъ обѣ фракціи снова сблизились и образовали «соединенную лѣвую» (1881), которая имѣла нѣмец-

ко-національную окраску и лозунгомъ своимъ провозгласила: «солидарность между всѣми австрійскими нѣмцами». Позднѣе эта лѣвая раскололась на двѣ фракціи—*нѣмецкій клубъ* и *нѣмецко-австрійскій клубъ* (1885). Наконецъ нѣмецкій *клубъ* отдѣлился отъ «союза нѣмецкихъ «*націоналистовъ*», которые не захотѣли порвать съ антисемитами (1887). Къ тому же, число членовъ лѣвой убывало съ каждыми новыми выборами въ *рейхсратъ*. Въ 1882 г. она утратила большинство въ делегаціи. Въ 1885 г. число ея депутатовъ спустилось на 132, въ 1891 г.—до 110. Палата Господъ, въ которой нѣмецкая партія преобладала, задерживала утвержденіе школьнаго закона, но министерство, назначивъ новыхъ членовъ въ эту палату, къ концѣ-концовъ добилось большинства и въ ней.

Внѣ рейхсрата соціалистическая партія долгое время была парализована тѣмъ угнетеннымъ настроеніемъ, которое послѣдовало за знаменитымъ *крахомъ*, а затѣмъ—борьбою между соціалистами и анархистами. Анархисты, вербовавшіе себѣ приверженцевъ преимущественно между славянами, попытались прибѣгнуть къ террористическимъ покушеніямъ (1882—1883). Правительство отвѣчало на это введеніемъ осаднаго положенія и изданіемъ исключительныхъ законовъ (1884—1885).

Коалиція федералистовъ, поддерживавшая министерство Таафе, распалась вслѣдствіе той демократической эволюціи, которая совершилась въ средѣ чешской націи. Демократическая партія младо-чеховъ, возникшая въ 1867 г., всегда сохраняла программу, несогласную съ программой старо-чеховъ; младо-чехи стояли за всеобщее избирательное право, за свободу печати и сходокъ, за свѣтскую школу. Но они согласились дѣйствовать противъ нѣмцевъ за одно съ аристократической партіей старо-чеховъ. Въ 1887 г. между тѣми и другими произошелъ разрывъ на почвѣ національнаго вопроса. Предводитель младо-чеховъ, Грегръ, бросилъ старику Ригеру, оратору старо-чеховъ, упрекъ въ лицо за то, что онъ сказалъ: «Мы должны подбирать подъ столомъ крохи нашего права». Въ этомъ столкновеніи ставился вопросъ о союзѣ съ министерствомъ и съ императоромъ. Старо-чехи, признавъ конституцію 1867 г. и Тройственный Союзъ, поступились прежнею національной программой, требовавшей независимости богемской короны, союза съ Россіей и борьбы противъ Германіи. Младо-чехи, возстановивъ эту программу и прибавивъ къ ней свои демократическія требованія, повели энергичную кампанію протестовъ, сходокъ въ громадныхъ размѣрахъ, манифестацій въ пользу Франціи и Россіи; кампанія эта черезъ немного лѣтъ (1887—1891) доставила младо-чехамъ большинство, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ Богеміи. Испуганные старочехи уговорили богемскихъ нѣмцевъ вернуться въ ландтагъ. Соглашеніе было заключено (1890), но часть старо-чеховъ, такъ называемые «реалисты», будучи напуганы національною агитаціей младо-чеховъ, не рѣшились голосовать въ пользу этого соглашенія. Въ рейхсратѣ, избранномъ въ 1891 г., младо-чешская партія насчитывала 36 представителей (противъ какой-нибудь дюжины старо-чеховъ). Она выступила съ программой, революціонной въ двухъ направленіяхъ: по національному вопросу она требовала независимой Богеміи, въ которой чехи были бы хозяевами, полнаго равенства между Прагою и Вѣной, децентрализаціи желѣзныхъ дорогъ; въ политической части программы заявлялось требованіе всеобщаго избирательнаго права, равноправности рабочихъ, уменьшенія численности арміи. Младо-чехи защищали эту программу очень рѣзкими рѣчами и бурными сценами въ рейхсратѣ; въ послѣдній они внесли тѣ же пріемы національстской агитаціи, которые пускались ими въ ходъ среди народныхъ массъ.

Одновременно съ этимъ въ городахъ и въ промышленныхъ округахъ съ преобладающимъ нѣмецкимъ населеніемъ начинается демократическое движеніе. «Рабочая соціалъ-демократическая партія», организованная по образцу германской (1888), настолько окрѣпла, что могла устраивать большія манифестаціи, какъ, напримѣръ, годичное празднованіе 1 мая во имя восьмичасового рабочаго дня (1890—1892) или подача петицій о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Въ Вѣнѣ, гдѣ населеніе, крайне разнообразное по своему составу, насчитываетъ въ своей средѣ и нѣмцевъ, и евреевъ коммерсантовъ, и чешскихъ рабочихъ, образовалась антисемитская партія, представляющая коалицію революціонеровъ и католиковъ. Партія эта кончила тѣмъ, что завоевала большинство въ вѣнскомъ муниципальномъ совѣтѣ и въ ландтагѣ Нижней Австріи. Антисемитское движеніе проявлялось также и въ рейхсратѣ, и въ прессѣ, и вызывало уличныя свалки.

Нѣмецко-польская коалиція и избирательная реформа 1896 г.—Императоръ былъ встревоженъ успѣхами этихъ революціонныхъ партій, которыя одновременно угрожали и внутренней его политикѣ своими демократическими требованіями, и внѣшней его политикѣ своими манифестаціями противъ Тройственнаго союза. Положеніе министерства Таафе пошатнулось; оно пробовало вступить въ переговоры сначала съ нѣмецкою лѣвой, потомъ съ чехами, затѣмъ оно объявило Прагу въ осадномъ положеніи, пріостановило тамъ дѣйствіе суда присяжныхъ и законовъ, обезпечивавшихъ свободу печати, и кончило тѣмъ, что внесло въ рейхсратъ проектъ избирательной реформы, составленный въ радикальномъ духѣ. Этимъ проектомъ предлагалось въ двухъ куріяхъ какъ горо-

довъ, такъ и деревенскихъ общинъ распространить избирательное право на всякаго, проживающаго въ данной мѣстности не менѣе шести мѣсяцевъ и умѣющаго читать и писать; такимъ образомъ число избирателей возросло бы съ полутора милліона до $4^1/_2$ милліоновъ.

Противъ этого законопроекта составилась коалиція консерваторовъ и нѣмецкихъ депутатовъ. Императоръ вступилъ въ соглашеніе съ тѣми и другими и назначилъ министерство Виндишгреца (ноябрь 1893 г.). Министерство это опиралось на коалицію, самую разнородную по своему составу изъ всѣхъ, когда-либо виданныхъ въ Австріи: тутъ были и нѣмецкія партіи (лѣвая, либералы и католики), и клубъ Гогенварта, и польскій клубъ, враждебный младо-чехамъ, сочувствовавшимъ Россіи. Чтобы успокоить агитацію въ пользу избирательной реформы, министерство предложило созвать новую курію изъ 43 депутатовъ, которые избирались бы всеобщей подачей голосовъ (1894 г.). Но партіи, составлявшія коалицію, не могли столковаться относительно того, на какихъ основаніяхъ можно было бы создать эту курію, и самая коалиція распалась по поводу вопроса о субсидіи одной словенской гимназіи въ Штиріи. Нѣмецкая лѣвая отказала въ субсидіи и объявила, что выходитъ изъ коалиціи. Министерство подало въ отставку.

Послѣ чисто дѣлового министерства, имѣвшаго временный характеръ (октябрь 1895 г.), образовалось министерство Бадени, опиравшееся на коалицію консервативныхъ партій, польскаго клуба, клуба Гогенварта, либеральной партіи и католической партіи; программа этого министерства была консервативно-примирительная; въ ней предполагалось согласовать и національныя требованія, и требованія, созданныя «традиціоннымъ положеніемъ», и тѣ, которыя обусловливались болѣе высокою «культурою» нѣмецкой части населенія; она обѣщала противодѣйствовать «нарушенію общественнаго порядка, насаждать религіозныя чувства и заботиться о религіозномъ воспитаніи юношества».

Польская аристократическая партія порвала съ чешской націей послѣ того, какъ послѣдняя сдѣлалась демократичной; она вышла изъ славянской коалиціи и примкнула къ коалиціи нѣмецкихъ антидемократическихъ партій, среди которыхъ стали играть руководящую роль министръ-президентъ Бадени и австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Голуховскій, оба—поляки. Теперь борьба шла между аристократической коалиціей, поддерживаемой императоромъ, и новыми демократическими партіями—младо-чехами въ Богеміи, соціалистами и антисемитами въ Австріи.

Правительство, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, произвело избирательную реформу (1896 г.), которая, не коснувшись старыхъ курій, создала пятую курію изъ 72 депутатовъ, избираемыхъ по округамъ всеобщею подачею голосовъ (выборы эти прямые въ шести главныхъ городахъ, а во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ двустепенные).

Политическая борьба въ Венгріи, начиная съ 1878 года.—Въ Венгріи министерская либеральная партія сохранила большинство, достаточное для управленія. Она продолжала мадьяризировать школы и произвела, не торопясь, нѣкоторыя реформы. Составъ палаты магнатовъ былъ уменьшенъ (1886). Срокъ депутатскихъ полномочій въ Нижней Палатѣ былъ продолженъ съ трехъ лѣтъ до пяти (расширеніе избирательнаго права и тайная подача голосовъ,—двѣ реформы, которыхъ требовала лѣвая, были отвергнуты). Государство скупило желѣзныя дороги и приняло знаменитый желѣзнодорожный тарифъ по зонамъ (1889). Соглашеніе, заключенное съ Австріей на десятилѣтній срокъ, было безъ затрудненій возобновлено на новое десятилѣтіе 1888—1898 гг. Политическія столкновенія между мадьярами происходили лишь по вопросамъ второстепеннымъ. Лѣвая боролась противъ министерства изъ-за реформы *комитатовъ*, которой она не допустила (1891), а также устраивала громадныя манифестаціи въ честь Кошута (1890 и 1894). Правая противилась церковной реформѣ. Министерство, наконецъ, рѣшилось (1893) внести законопроекты, устанавливавшіе гражданскій бракъ, свободу богослуженія и равноправность евреевъ. Эти законопроекты, за которые въ Палатѣ депутатовъ подали голоса какъ лѣвая, такъ и министерская партія, были отвергнуты магнатами, которые говорили, что дѣйствуютъ съ тайнаго одобренія короля. Противъ закона о гражданскомъ бракѣ духовенство устроило агитацію во всей странѣ. Наконецъ, этотъ законъ прошелъ послѣ того, какъ министерство получило отъ короля разрѣшеніе создать новыхъ магнатовъ для перемѣщенія большинства (1894). Эти два кризиса повлекли за собою паденіе министра-президента. Агитація изъ-за Кошута была причиною отставки Тиссы (1890), а агитація противъ гражданскаго брака (1894) вызвала отставку Векерле (котораго замѣнилъ Банфи).

Но особенною напряженностью отличалась борьба между мадьярами и мелкими національностями: такъ, въ Хорватіи національная партія, возбужденная оккупаціей новыхъ провинцій—Босніи и Герцеговины, населеніе которыхъ говорило по хорватски, снова подняла вопросъ объ образованіи Велико-Хорватскаго королевства, независимаго отъ Венгріи и связаннаго съ монархіей лишь личной уніей. Аграмскій Сеймъ вотировалъ адресъ императору, въ которомъ ходатайствовалъ о соединеніи Далмаціи съ Босніей. При возобновленіи соглашенія съ Венгріей, Сеймъ этотъ потребовалъ присоединенія Военной Границы къ Кроаціи. Провинція эта, населенная

хорватскими солдатами, оставалась, послѣ упраздненія (1866) особаго порядка управленія, въ ней существовавшаго, на неопредѣленномъ, временномъ положеніи; наконецъ, она была присоединена къ Хорватіи и стала посылать своихъ депутатовъ въ аграмскій Сеймъ. Этотъ послѣдній потребовалъ также уступки приморскаго города Фіуме (1881), но Венгрія удержала тамъ своего временнаго губернатора.

Усиленная такимъ образомъ Кроація продолжала поддерживать глухую оппозицію противъ венгерскаго правительства, смѣнявшуюся отъ времени до времени бурными манифестаціями. Рядомъ съ министерской національной партіей возникла радикальная партія, требовавшая личной уніи. Въ 1883 году венгерскій министръ финансовъ издалъ распоряженіе, которымъ предписывалось вывѣсить на зданіяхъ, гдѣ помѣщались разныя финансовыя учрежденія въ Аграмѣ, надписи на двухъ языкахъ (мадьярскомъ и хорватскомъ); толпа сорвала эти надписи, и *банъ* отказался возстановить ихъ. Венгерское правительство послало солдатъ, которымъ было поручено это сдѣлать; *бана* оно смѣнило и закрыло на время Сеймъ; затѣмъ оно приказало вывѣсить изображенія герба безъ всякихъ надписей. Но патріотическая кроатская агитація, вызванная этимъ поводомъ, была такъ сильна, что, въ 1884 году, число радикальныхъ депутатовъ въ Сеймѣ возросло съ 17 до 24. Венгерское правительство распорядилось перевезти аграмскій архивъ въ Буда-Пештъ (1885). Эта мѣра подала поводъ къ бурнымъ сценамъ въ Сеймѣ; два радикальныхъ депутата были приговорены къ тюремному заключенію. Правительственное большинство, желающее сохранить связь съ Венгріей, остается все еще достаточно сильно, чтобы сдерживать партію Великой Хорватіи; но агитація не прекращается и дѣйствуетъ путемъ манифестацій; такъ, во время посѣщенія Аграма императоромъ, студенты сожгли мадьярское знамя (1895).

Другія національности, лишенныя политической организаціи, могли дѣйствовать лишь путемъ протестовъ. Сѣверо-западные словаки пробовали сблизиться съ чехами Богеміи и Моравіи,—ихъ сосѣдями и соплеменниками по языку. Мадьярское правительство и лютеранское духовенство, чтобы противодѣйствовать этому стремленію, запретили пасторамъ и народнымъ учителямъ въ словенскихъ земляхъ принимать участіе въ славянской пропагандѣ (1884).

У южныхъ сербовъ небольшая сепаратистская партія, руководимая тайнымъ обществомъ *Омладина*, стремилась, начиная съ 1872 года, объединить всю сербскую націю посредствомъ присоединенія ея къ Сербскому королевству. Національная партія, къ которой принадлежало большинство населенія, ограничивалась тѣмъ, что требовала автономіи. Она протестовала противъ мадьярскаго управленія и требовала, чтобы сербамъ были возвращены тѣ права, которыя были за ними признаны въ 1790, 1848 и 1868 г., а именно: право избирать своего митрополита и завѣдывать своими церковными и школьными дѣлами.—Въ Хорватіи, гдѣ сербы отличаются отъ хорватовъ лишь вѣроисповѣданіемъ (православнымъ) и азбукой (она у нихъ славянская), такъ называемая «независимая партія хорватскихъ сербовъ», возникшая послѣ присоединенія Военной Границы, потребовала равноправности кирилицы съ латинскою азбукой и пересмотра школьнаго закона (1887).

Румыны, благодаря существующей избирательной системѣ почти неимѣющіе доступа къ представительству, долгое время ограничивались пассивнымъ протестомъ. Но въ 1881 году они начали требовать отдѣльнаго управленія для Трансильваніи. Наконецъ, въ 1892 г. они послали въ Вѣну къ «*императору*» депутацію, которая должна была представить ему меморандумъ. Венгерское правительство отдало подъ судъ лицъ, игравшихъ главную роль въ отправкѣ этой депутаціи, и они были приговорены къ тюремному заключенію (1895). Сепаратистская партія, находящаяся въ сношеніяхъ съ ирредентистами въ Румыніи, начала поговаривать о «Romania irredenta» и мечтать объ отдѣленіи венгерскихъ румынъ и о присоединеніи ихъ къ Румыніи.

Въ видахъ противодѣйствія румынской агитаціи, саксонцы окончательно стали за одно съ мадьярами. Мелкія же національности, наоборотъ, пробовали вступить между собою въ соглашеніе для противодѣйствія мадьярскому господству. Конгрессъ, составленный изъ румынъ, словаковъ и сербовъ, основалъ союзъ для защиты національныхъ автономій съ сохраненіемъ нераздѣльности королевства (1895).

Политическая эволюція Австро-Венгріи въ XIX вѣкѣ.—Австрія была аггрегатомъ разнородныхъ національностей, которыя и сами были перемѣшаны съ чуждыми имъ элементами, а всѣ вмѣстѣ были подчинены монархіи, имѣвшей абсолютистскій и аристократическій характеръ. Правительство поддерживало политическое единство и не допускало національной оппозиціи, за исключеніемъ кое-какихъ протестовъ въ венгерскомъ Сеймѣ; въ остальныхъ областяхъ эта оппозиція могла проявляться только въ литературѣ. Но этотъ порядокъ, практически осуществимый въ государствѣ бюрократическомъ, былъ несовмѣстимъ съ существованіемъ представительныхъ собраній, одушевленныхъ національными страстями; онъ сдѣлался невозможенъ, какъ только были введены представительныя учрежденія. Революція 1848 года внезапно раскрыла существованіе антагонизма отдѣльныхъ національностей; она установила дуализмъ, т. е. раздѣлъ монархіи между двумя господствующими національностями, нѣмецкой и мадьярской. Но такъ какъ

обѣ эти національности стали на сторону парламентскаго и демократическаго образа правленія, то монархическое правительство раздавило ихъ при помощи славянскихъ національностей, оставшихся ему вѣрными, и возстановило абсолютизмъ, дополнивъ его господствомъ духовенства. Военныя пораженія 1859 и 1866 года, а также паденіе кредита вынудили нѣмецкое правительство принять конституціонный и либеральный образъ правленія. Оно начало съ того, что попробовало сохранить единство всей имперіи, затѣмъ, въ виду единодушнаго сопротивленія мадьярской націи, оно сдѣлало уступку, предоставивъ мадьярамъ всѣ земли короны св. Стефана. Такъ организовалось мадьярское государство, съ парламентскимъ, либеральнымъ образомъ правленія, полу-аристократическаго характера; государство это было достаточно сильно, чтобъ подчинить себѣ мелкія національности, но оно было вынуждено предоставить хорватамъ организоваться въ автономное государство.

Въ остальной части имперіи нѣмецкое правительство снова приступило къ организація конституціоннаго и унитарнаго режима. При помощи избирательной системы, благопріятствовавшей нѣмцамъ и крупнымъ землевладѣльцамъ, правительству удалось ввести въ дѣйствіе этотъ порядокъ, устраивая коалиціи то между нѣмецкими либералами и аристократіей (1867—78), то между нѣмецкой аристократіей и аристократіями славянскихъ народовъ (1879—93); правительство вынуждено было принести въ жертву коалиціи нѣмецкой и славянской аристократіи часть тѣхъ либеральныхъ и свѣтскихъ порядковъ, которые были установлены послѣ 1867 года, а также часть тѣхъ преимуществъ, которыми до этого пользовался нѣмецкій языкъ; Австрія была отодвинута назадъ къ старымъ порядкамъ; аристократія и духовенство получили въ ней преобладаніе. Затѣмъ, послѣ того, какъ новая демократическая партія, обращаясь къ національному чувству, упрочила за собою вліяніе среди чешскаго народа, правительство, встревоженное успѣхами демократіи, вознаградило себя за утрату чешской партіи союзомъ съ либеральной нѣмецкой партіей и оперлось на коалицію, которая враждебна демократіи, и въ которой руководящую роль играютъ поляки.

ГЛАВА XVIII.

Скандинавскія государства.

Образованіе Скандинавскихъ государствъ. — Преобразованіе шведской конституціи. — Партіи въ Швеціи.—Демократическая партія въ Норвегіи.—Конституціонный конфликтъ.— Національный конфликтъ. — Датская монархія до отдѣленія герцогствъ. — Герцогства Шлезвигъ и Голштинія. — Конфликтъ герцогствъ. — Отдѣленіе герцогствъ. — Конституція 1866 года. — Конституціонный конфликтъ. — Исландія.

Образованіе скандинавскихъ государствъ.— Швеція, Норвегія и Данія принадлежатъ къ числу старыхъ государствъ, сложившихся въ ранній періодъ среднихъ вѣковъ. Три народа, населяющіе ихъ, близки другъ къ другу по происхожденію, языку, религіи и условіямъ своей жизни. Проходили они приблизительно черезъ одни и тѣ же фазисы развитія, и въ XIX столѣтіи ихъ исторія продолжаетъ идти параллельно.

Политическое положеніе ихъ было потрясено войнами имперіи. Въ Скандинавіи (такъ же какъ и въ Швейцаріи, Нидерландахъ, Италіи, Пиренейскомъ полуостровѣ и Германіи) современная политическая жизнь является результатомъ французскаго вмѣшательства.

Шведы, во время союза Наполеона I съ русскимъ императоромъ, были побѣждены русскими, которые отдѣлили отъ королевства Великое Княжество Финляндское.

Раздраженные неспособностью своего короля, шведы возмутились и вынудили его принять нѣчто вродѣ конституціи (такъ называемую *форму правленія* 1809 г.), которая замѣнила абсолютную монархію аристократическимъ образомъ правленія.

Французскій генералъ Бернадотъ, которому было поручено занять шведскую Померанію, успѣлъ склонить на свою сторону аристократію; король, не имѣя дѣтей, усыновилъ его и объявилъ своимъ наслѣдникомъ; Бернадотъ, сдѣлавшись наслѣднымъ принцемъ, управлялъ государствомъ вмѣсто короля и примкнулъ къ коалиціи Россіи и Англіи противъ Наполеона.— Датскій король, который былъ абсолютнымъ монархомъ двухъ королевствъ, Даніи и Норвегіи, продолжалъ держать сторону Наполеона. Союзники обѣщали Бернадоту Норвегію. Послѣ пораженія Наполеона датскій король былъ вынужденъ уступить Норвегію шведскому королю (Кильскій мирный договоръ, январь 1814 г.) и сохранилъ за собою только Данію и герцогства Шлезвигъ и Голштинію.

Норвегія, съ которою датское правительство втеченіе четырехъ вѣковъ обращалось какъ съ отдаленной провинціей, успѣла за это время утратить всякую политическую жизнь. Норвежцы, говоря на датскомъ языкѣ и не имѣя другой литературы, кромѣ датской, отчетливо не сознавали себя отдѣльной національностью. Національная норвежская партія появляется лишь въ 1810 году; она основываетъ «Общество общественнаго блага Норвегіи»; затѣмъ открываетъ подписку для учрежденія норвежскаго университета (1811 годъ).

Національное чувство развилось очень быстро; когда пришла вѣсть объ уступкѣ Норвегіи Швеціи, норвежцы рѣшили не подчиняться этому. Датскій принцъ, управлявшій Норвегіей въ качествѣ вице-короля, задумалъ воспользоваться этимъ движеніемъ, съ цѣлью добиться норвежской короны. Но вмѣсто того, чтобы провозгласить себя абсолютнымъ монархомъ, какъ онъ было намѣревался вначалѣ, онъ, по совѣту профессора Свердрупа, рѣшилъ обратиться къ націи. Онъ созвалъ собраніе нотаблей, а затѣмъ сеймъ изъ 112 членовъ, состоявшій частью изъ выборныхъ представителей, частью же изъ лицъ, находившихся на коронной службѣ. Сеймъ объявилъ, что распоряженіе норвежской короной, вслѣдствіе отказа отъ нея датскаго короля, возвращается народу, и избралъ королемъ принца Христіана-Фридриха (17 мая 1814 г.). Затѣмъ сеймомъ была вотирована конституція, схожая съ французской конституціей 1791 года и основанная на признаніи народнаго суверенитета; представителемъ послѣдняго являлось единое выборное собраніе, не подлежавшее распущенію.

Между тѣмъ прибылъ Бернадотъ, чтобы вступить во владѣніе страною, и предложилъ норвежцамъ вице-короля и конституцію. Норвежцы

отказались. Началась война, и шведы были отражены. Но Норвегія не въ силахъ была сопротивляться формальному требованію европейскихъ великихъ державъ, а потому Христіанъ созвалъ собраніе представителей и настоялъ на томъ, чтобы оно приняло его отреченіе отъ престола. Однако собраніе, подчинившись шведскому королю, все-таки не поступилось принципомъ суверенитета народа; оно *избрало* Карла XIII королемъ Норвегіи съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ призналъ конституцію 1814 года.

Конвенціей, заключенной съ шведскимъ правительствомъ, были опредѣлены отношенія между обоими государствами (1815 г.). Было рѣшено, что по всѣмъ дѣламъ внѣшнимъ (дипломатическимъ и военнымъ) будетъ одинъ, общій государь, съ титуломъ короля Швеціи и Норвегіи; но каждый изъ двухъ народовъ сохранялъ свою собственную конституцію и свое отдѣльное правительство. Норвегія имѣла свой собственный Государственный Совѣтъ, исполнявшій обязанности министерства, свое собраніе представителей, свой Верховный Судъ, свою столицу, Христіанію, свой банкъ въ Дронтгеймѣ.

Такимъ образомъ возникли три отдѣльныхъ скандинавскихъ государства. Норвегія имѣетъ одного короля со Швеціей и одинъ общій языкъ съ Даніей. Всѣ три страны признаютъ государственною церковью лютеранскую; для всѣхъ трехъ странъ XIX вѣкъ ознаменовался возрожденіемъ политическимъ, экономическимъ и литературнымъ. Въ каждой изъ нихъ признаны свобода вѣроисповѣданій. Эволюція, черезъ которую онѣ прошли, совершалась параллельно, но для того, чтобы понять ее во всѣхъ подробностяхъ, лучше прослѣдить исторію каждой изъ трехъ странъ отдѣльно.

ШВЕЦІЯ.

Преобразованіе шведской конституціи.— Вплоть до XIX вѣка въ Швеціи общество оставалось аристократическимъ. Въ южной части страны (въ Сканіи) преобладало крупное землевладѣніе; въ остальныхъ же областяхъ, гдѣ почва менѣе плодородна, населеніе, довольно рѣдкое, состояло изъ крестьянъ, рыбаковъ и, кое-гдѣ, изъ группъ рудокоповъ; городовъ въ странѣ было немного. Дворъ, дворянство, офицеры, чиновники и лютеранское духовенство образовали изъ себя активную часть націи и господствовали надъ народомъ. Политическая жизнь сосредоточивалась въ Стокгольмѣ, вокругъ особы короля.

Швеція сохранила всѣ свои старыя учрежденія: Государственный Совѣтъ, замѣнявшій министерство, Сеймъ, раздѣленный на четыре сословія (дворянство, духовенство, буржуазія, крестьянство), каждое изъ которыхъ подавало голоса отдѣльно; лютеранскую государственную церковь и воспрещеніе всякаго другого вѣроисповѣданія; армію *(indelta)*, содержаніе которой падало на опредѣленныя для того земли. Съ 1809 г. король не имѣлъ права рѣшать дѣла иначе, какъ въ засѣданіи государственнаго совѣта, состоявшаго изъ двухъ министровъ, четырехъ статсъ-секретарей, канцлера и шести совѣтниковъ, причемъ всѣ эти лица были солидарно-отвѣтственны; правительство не имѣло права издавать законы иначе, какъ съ согласія Сейма.

Первою реформою было преобразованіе правительства. Въ 1840 году Государственный Совѣтъ принялъ болѣе современную форму министерства, раздѣленнаго на семь вѣдомствъ, изъ которыхъ каждымъ завѣдуетъ одинъ изъ членовъ Государственнаго Совѣта (иностранныя дѣла, военныя, морскія, юстиція, внутреннія дѣла и вѣроисповѣданія). Дѣла разсматриваются сначала лицомъ, стоящимъ во главѣ даннаго вѣдомства, а затѣмъ—въ общемъ засѣданіи совѣта; король подписываетъ принятое рѣшеніе, которое кромѣ того должно быть скрѣплено подписью лица, стоящаго во главѣ даннаго вѣдомства (исключеніе составляютъ лишь дѣла, касающіяся военнаго управленія). Вслѣдъ за этимъ была введена свобода вѣроисповѣданій. Указъ 1826 г. о закрытыхъ собраніяхъ, запрещавшій мірянамъ публичныя сходбища религіознаго характера, былъ отмѣненъ въ 1858 году. Религіозная терпимость установилась на практикѣ; законъ, предоставлявшій всѣ должности лицамъ, исповѣдующимъ «евангелическое ученіе во всей его чистотѣ», былъ отмѣненъ. Не взирая на протесты Синода и Верховнаго Суда, за диссидентами особымъ закономъ было признано право религіозной пропаганды, но право публичнаго богослуженія было предоставлено лишь такимъ религіознымъ ассоціаціямъ, которыя были признаны закономъ. Евреямъ, которые до этого имѣли право жительства лишь въ четырехъ городахъ, было дозволено безпрепятственно проживать во всемъ королевствѣ (1873 годъ).

Распредѣленіе представительства, оставшееся безъ измѣненій, пришло въ полное несоотвѣтствіе въ дѣйствительно существующими условіями. Въ 1858 г. высчитали, что на 3.600.000 жителей, владѣвшихъ имуществомъ на сумму 537 милліоновъ риксдалеровъ, 1.194.000, обладавшихъ въ общей сложности 245 милліонами, были устранены отъ представительства; далѣе, изъ того же разсчета оказывалось, что, благодаря системѣ голосованія по сословіямъ, голоса 27,000 душъ, владѣвшихъ 52 милліонами риксдалеровъ, уравновѣшивали голоса 2.478.000 человѣкъ, владѣвшихъ 340 милліонами.

Главною реформою, видоизмѣнившею конституцію, было преобразованіе Сейма. Составился такъ называемый *Комитетъ реформы*, кото-

рый организовалъ движеніе въ формѣ петицій. Два низшія сословія, буржуазія и крестьяне, обратились къ королю съ ходатайствомъ о томъ, чтобы правительство представило проектъ реформы; оба привилегированныхъ сословія подали голоса противъ этой мѣры (1862). Король сталъ на сторону реформы. Преобразованія начались съ мѣстныхъ учрежденій (*Landsting*); рѣшено было, что члены этихъ собраній будутъ избираться на основаніи имущественнаго ценза, но безъ различія сословій. Затѣмъ правительство представило проектъ полнаго преобразованія сейма (1863).

Наконецъ, въ 1865 году, два привилегированныя сословія рѣшились уступить и вотировали королевскій законопроектъ. Это была радикальная реформа. Старый сословный сеймъ, съ его кратковременными сессіями, происходившими черезъ неправильные промежутки времени, былъ преобразованъ въ парламентъ новѣйшаго типа, засѣдавшій ежегодно втеченіе четырехъ мѣсяцевъ. Сеймъ состоитъ изъ двухъ палатъ. «Первая палата» имѣетъ аристократическій характеръ и состоитъ изъ представителей двадцати пяти провинціальныхъ собраній, а также городовъ,—по 1 на каждыя 30,000 душъ; представители эти избираются на девять лѣтъ, и право быть избранными обусловлено для нихъ высокимъ имущественнымъ цензомъ; жалованья они не получаютъ. «Вторая палата» состоитъ изъ депутатовъ, которые избираются на три года избирателями, обладающими имущественнымъ цензомъ; члены «второй палаты» получаютъ жалованье, чисѣло ихъ разсчитано такъ, чтобы приходилось по одному депутату на каждый сельскій округъ въ сорокъ тысячъ душъ и на каждый городской округъ въ 10,000 душъ; такимъ образомъ города пользуются преимуществомъ въ избирательномъ отношеніи. Обѣимъ палатамъ присвоены одинаковыя полномочія: онѣ издаютъ законы и обсуждаютъ бюджетъ. Въ финансовыхъ вопросахъ, въ случаѣ разногласія между палатами, онѣ собираются въ одно общее засѣданіе, и рѣшеніе принимается по большинству голосовъ. (Это обычай, свойственный вообще скандинавскимъ странамъ.)

Партіи въ Швеціи.—Въ Швеціи, какъ и въ другихъ скандинавскихъ государствахъ, группировка партій происходила какъ разъ наоборотъ тому, что́ мы видимъ въ другихъ европейскихъ странахъ. Города, гдѣ преобладало вліяніе двора и чиновничества, выставляли консервативную, аристократическую партію (правую), которая была расположена поддерживать министерство, назначаемое королемъ; демократическая партія (лѣвая), вотирующая противъ министерскихъ законопроектовъ, состояла изъ представителей сельскихъ округовъ.

Правая называетъ себя «партіей *интеллигенціи*». Она вербуется среди образованныхъ классовъ. Лѣвая же, состоящая преимущественно изъ крестьянъ, приняла наименованіе «деревенской партіи». Такъ же, какъ и въ другихъ скандинавскихъ странахъ, борьба происходила на почвѣ бюджетныхъ расходовъ, главнымъ образомъ военныхъ (армія и флотъ). Король и его министры, оставаясь вѣрными шведской военной традиціи, а также, быть можетъ, увлекаясь примѣромъ нѣмецкихъ монархій, хотѣли преобразовать войско по прусскому образцу, сдѣлать изъ него постоянную армію и израсходовать значительныя суммы на возстановленіе военнаго флота. Лѣвая же, озабоченная прежде всего экономіей, не соглашалась на эти расходы, считая ихъ безполезными для страны, которой никто не угрожалъ извнѣ. Она требовала, чтобы армія была преобразована по швейцарскому образцу, въ видѣ національнаго ополченія.

Отношенія между министерствомъ и Второю Палатой продолжали регулироваться согласно обычаямъ конституціонной монархіи, и король избѣгалъ парламентарнаго режима. Онъ продолжалъ избирать своихъ министровъ внѣ парламентскаго большинства. Палата, лишенная средствъ принудительнаго воздѣйствія на нихъ, не имѣла возможности овладѣть браздами правленія; она могла лишь сопротивляться законопроектамъ министерства.

Конфликтъ начался въ 1871 году по вопросу о преобразованіи арміи; лѣвая требовала отмѣны «устарѣвшей системы», *индельты*; правительственный проектъ, вотированный Первой Палатой, былъ отвергнутъ Второй Палатой.

Благодаря голосамъ Первой Палаты, аристократической и стоявшей на сторонѣ правительства, министерство во время совмѣстнаго голосованія обѣихъ палатъ удержало за собой большинство въ Сеймѣ. Но, начиная съ 1875 года, лѣвая пріобрѣла большинство даже въ Сеймѣ. Министерство продолжало представлять свои проекты, а Сеймъ продолжалъ отвергать ихъ. Реформа арміи потерпѣла неудачу; но конфликтъ этотъ не принялъ остраго характера, какъ въ другихъ скандинавскихъ странахъ. Король назначилъ въ министерство вождей умѣренной фракціи деревенской партіи.

Затѣмъ въ группировкѣ партій произошла перемѣна. Въ городахъ возникла новая демократическая партія, болѣе радикальная, чѣмъ деревенская. Въ 1884 году консервативная партія утратила Стокгольмъ. Одновременно съ этимъ таможенный вопросъ внесъ въ старыя партіи новый элементъ разложенія. Вслѣдствіе сильнаго паденія цѣнъ на хлѣбъ, около 1880 года образовалась партія, требовавшая повышенія таможенныхъ пошлинъ на привозный хлѣбъ. Министерство, придерживаясь попрежнему принциповъ свободной торговли, долгое время сопротивлялось этому требованію. Уже начиная съ 1886 года, протекціонисты заручились незначи-

тельнымъ большинствомъ во Второй Палатѣ, однако еще недостаточнымъ для того, чтобы составить противовѣсъ Первой Палатѣ, значительное большинство которой состояло изъ приверженцевъ свободы торговли. Но въ 1887 году послѣ того, какъ министерство, распустивъ палаты, дало возможность высказаться странѣ (это было первое распущеніе послѣ преобразованія Сейма), министерская, фритредерская партія оказалась въ меньшинствѣ. Большинство зависѣло отъ результатовъ выборовъ въ Стокгольмѣ, гдѣ и прошло 22 демократа. Стокгольмскіе выборы были признаны недѣйствительными на томъ основаніи, что *одинъ* изъ избранныхъ депутатовъ не обладалъ законнымъ цензомъ; кандидаты протекціонистскаго списка были объявлены избранными. Министерство вышло въ отставку, и покровительственныя пошлины были введены. Но уже съ 1892 года приверженцы свободной торговли во Второй Палатѣ снова оказались въ большинствѣ.

Соціалистическая партія организовалась (въ 1889 г.) по образцу германской, соединяя политическія общества съ рабочими союзами. Она начала свою агитацію путемъ печати, а также посредствомъ манифестаціи въ пользу восьмичасового рабочаго дня (1890). Правительство отвѣтило на это процессами противъ соціалистической прессы, по обвиненію въ оскорбленіи величества и въ богохульствѣ; всѣ главные сотрудники соціалистической газеты были приговорены къ тюремному заключенію.

Соціалистическая партія, не имѣя возможности добиться избранія своихъ кандидатовъ избирателями, право голоса которыхъ было обусловлено обладаніемъ ценза, вступила въ коалицію съ демократической партіей и за одно съ послѣдней стала требовать всеобщаго избирательнаго права. Обѣ партіи организовали выборы въ «Народный Сеймъ». Этотъ сеймъ, не имѣвшій офиціальнаго характера, собрался въ 1893 году и представилъ королю адресъ въ пользу всеобщаго избирательнаго права. По этому вопросу деревенская партія распалась на двѣ фракціи (1893); часть ея присоединилась къ правой и отвергла избирательную реформу (Первая Палата снова отвергла ее въ 1896 г.). Правительство, встревоженное агитаціей среди городского населенія, провело законъ, который, уменьшивъ число депутатовъ, понизилъ пропорціональное отношеніе городскихъ представителей къ сельскимъ (1894). Послѣ этого главную роль въ политической жизни игралъ конфликтъ съ Норвегіей.

НОРВЕГІЯ.

Демократическая партія.—Норвегія, послѣ присоединенія своего къ Швеціи, изо всѣхъ странъ Европы обладала наиболѣе демократическимъ соціальнымъ и политическимъ строемъ. Отдѣленіе отъ Даніи упразднило датскіе правящіе классы; норвежскаго дворянства почти не оставалось. Чиновничество, довольно малочисленное, сосредоточивалось въ Христіаніи, этой столицѣ безъ Двора. Общество состояло изъ крестьянъ, которые почти всѣ были землевладѣльцами, изъ купцовъ, моряковъ и пасторовъ; оно всегда носило демократическій характеръ.

Правительство по формѣ было монархическимъ, но король, иностранецъ, почти всегда находившійся въ отсутствіи и пріѣзжавшій въ Норвегію только во время сессіи Собранія, лично никогда не пользовался большимъ вліяніемъ. Конституція 1814 года, основанная, какъ и французская конституція 1791 г., на принципѣ раздѣленія властей, была разсчитана на то, чтобы сдѣлать Собраніе независимымъ отъ короля. Въ противоположность тому, что существуетъ въ другихъ монархическихъ государствахъ, норвежское Собраніе не могло быть распущено и имѣло возможность издавать законы вопреки волѣ короля; правда, это послѣднее право было обставлено довольно медленной процедурой: для того, чтобы мѣра, отвергнутая королемъ, получила силу закона, требовалось, чтобы она была вотирована тремя Собраніями, слѣдующими одно за другимъ, съ промежуткомъ трехъ лѣтъ между каждымъ голосованіемъ.

Законодательное Собраніе (*Стортингъ*) избиралось на короткій срокъ (три года) путемъ двустепенныхъ выборовъ; но составъ избирателей былъ по тому времени очень демократиченъ, такъ какъ правомъ голоса пользовались: каждый землевладѣлецъ, каждый гражданинъ какого-нибудь города, каждое лицо, получавшее доходъ въ 500 кронъ въ деревняхъ, или въ 800 кронъ въ городахъ. Собраніе распадалось на двѣ палаты, изъ которыхъ каждая засѣдала отдѣльно. Но Верхняя палата (*Лагтингъ*) была лишь частью Стортинга и состояла изъ одной четверти всего числа его членовъ, избранныхъ имъ самимъ. Остальныя три четверти Стортинга образовали такъ-называемый *Одельстингъ*, который одинъ пользовался правомъ контроля государственныхъ расходовъ. Въ случаѣ разногласія по какому-либо законопроекту, обѣ палаты сходились для совмѣстнаго голосованія, причемъ для утвержденія законопроекта требовалось, чтобы за него было подано двѣ трети голосовъ.

Король назначалъ Государственный Совѣтъ, которому поручалась исполнительная власть. Этотъ Совѣтъ, состоявшій изъ двухъ министровъ и девяти совѣтниковъ, распадался на два отдѣленія: одинъ министръ и два совѣтника составляли въ Стокгольмѣ делегацію при королѣ, остальные же члены Совѣта оставались въ Христіаніи и составляли собственно министерство. Согласно ученію о раздѣленіи властей, члены Государственнаго Совѣта не могли быть депутатами и не имѣли даже права входить въ залу засѣданій Стортинга.

Политическая жизнь, въ первое время, не отличалась особеннымъ оживленіемъ. Стортингъ каждые три года собирался на одну только сессію, продолжавшуюся два мѣсяца. Однако въ немъ уже успѣли обозначиться двѣ партіи, съ тою же особенностью, какъ и въ Швеціи: партія демократическая, составившаяся изъ представителей крестьянъ, противилась тѣмъ расходамъ, которыхъ требовало правительство; правая, благопріятная министерству, поддерживалась столичными депутатами. Но, съ самаго начала, лѣвая обладала большинствомъ; она имѣла то преимущество, что выступила въ качествѣ норвежской патріотической партіи, въ противоположность приверженцамъ правительства, которые являлись сторонниками короля-иностранца.

Все царствованіе Карла XIV (Бернадота) (1818—1844 гг.) прошло въ конфликтахъ съ норвежцами: конфликтъ изъ-за бюджета Двора; конфликтъ изъ-за упраздненія дворянства,—мѣра, на которой Стортингъ настоялъ посредствомъ трехъ послѣдовательныхъ голосованій; конфликтъ изъ-за измѣненій въ конституціи (король хотѣлъ, чтобы ему были предоставлены тѣ же права, какія существуютъ въ другихъ монархіяхъ: право *veto*, право распущенія палатъ и назначенія ихъ президентовъ; Стортингъ отвергъ всѣ эти поправки въ 1824 г.); столкновеніе, въ 1829 году, со студентами, которые справляли годовщину норвежской конституціи, вмѣсто годовщины присоединенія къ Швеціи (король послалъ войска, чтобы разогнать студентовъ); конфликтъ по поводу выбора вице-короля Норвегіи. На этотъ разъ король дошелъ до того (1836 г.), что распустилъ Стортингъ, на что послѣдній отвѣтилъ преданіемъ суду министра, подавшаго королю совѣтъ нарушить конституцію; министръ былъ приговоренъ къ штрафу, и Бернадотъ уступилъ; онъ назначилъ вице-королемъ норвежца.

Оба слѣдующіе короля, Оскаръ I (1844—59 гг.) и Карлъ XV (1859—72 гг.), жили въ ладу со Стортингомъ. Оскаръ призналъ за Норвегіей право на національное знамя и отказался отъ назначенія вице-короля (должность эта была упразднена въ 1873 г.). Религіозная свобода, которую позабыли включить въ конституцію, была установлена рядомъ законоположеній. Законъ о диссидентахъ (1845 г.) давалъ всѣмъ *христіанскимъ* сектамъ право основывать свои общины и совершать свое богослуженіе (общая религіозная свобода была дарована въ 1878 г.). Евреи были уравнены въ правахъ съ остальными гражданами (1851 г.). Но протестантское вѣроисповѣданіе оставалось обязательнымъ для лицъ, состоящихъ на государственной службѣ. Сессіи Стортинга были сдѣланы ежегодными (1869 г.), что способствовало оживленію политической дѣятельности въ Норвегіи.

Благосостояніе страны быстро возрастало. Никогда еще Норвегія не была такъ населена и такъ богата. Ея населеніе, не достигавшее въ 1835 г. 1.200,000, возросло къ 1875 г. до 1.800,000 (а къ 1891 г.—до 2,000,000). Населеніе городовъ съ 135,000 душъ въ 1832 г. достигло до 332,000 въ 1875 г. Государственный долгъ, очень тяжелый въ 1815 г., былъ уплаченъ въ 1850 г. Таможенныхъ доходовъ, все болѣе и болѣе возраставшихъ, было достаточно для покрытія всѣхъ государственныхъ расходовъ. Маленькій норвежскій народъ обладалъ такимъ торговымъ флотомъ, который занималъ четвертое мѣсто въ ряду другихъ торговыхъ флотовъ Европы, а именно: въ 1875 г. Норвегія имѣла 56,000 моряковъ и 7,800 судовъ, не считая рыбаковъ (численность послѣднихъ простиралась въ 1890 г. до 120,000). Земля была распредѣлена между значительнымъ числомъ крестьянъ; къ 1835 г. численность землевладѣльцевъ, которыхъ въ 1814 году было только 45,000, возросла до 105,000; крупная поземельная собственность исчезла.

Конституціонный конфликтъ. Со вступленіемъ на престолъ Оскара II въ 1872 г. начинается конфликтъ изъ-за измѣненія конституціи. До этого времени демократическая партія, оставаясь въ предѣлахъ конституціи 1814 г., старалась только ограничить дѣятельность правительства, сокращая бюджетъ. Въ началѣ демократическая партія даже отказалась отмѣнить законъ, запрещавшій членамъ Государственнаго Совѣта присутствовать на засѣданіяхъ палатъ, изъ опасенія, чтобы они не пріобрѣли слишкомъ большого личнаго вліянія на депутатовъ. То было старое ученіе, котораго придерживалось еще французское учредительное собраніе 1791 г. Позднѣе, демократы предложили (1851 г.) законъ, давшій возможность разрѣшать членамъ Государственнаго Совѣта присутствовать на засѣданіяхъ Стортинга, но король отказался его утвердить.

Въ 1872 г. демократическая партія измѣнила свою тактику; она стала стремиться къ тому, чтобы завладѣть Государственнымъ Совѣтомъ; былъ поднятъ вопросъ о томъ, чтобы обязать короля избирать своихъ министровъ между членами большинства Стортинга; другими словами, рѣчь шла о томъ, чтобы замѣнить систему раздѣленія властей парламентарнымъ режимомъ на англійскій манеръ. Конституція запрещала министрамъ быть въ то же время депутатами въ Стортингѣ; демократическая партія вотировала законъ, которымъ это запрещеніе отмѣнялось. По этому поводу возникъ конфликтъ между Стортингомъ и королемъ. Король утверждалъ, что Стортингъ не имѣетъ права измѣнять конституцію иначе, какъ по соглашенію между обѣими властями,—королемъ и Стортингомъ; такъ какъ въ конституціи не было установлено процедуры для ея пересмотра, то король выво-

дитъ изъ этого, что пересмотръ можетъ состояться лишь на основаніи полюбовнаго соглашенія. Съ своей стороны онъ готовъ былъ согласиться на требуемое измѣненіе, но съ тѣмъ, чтобы ему въ то же время было предоставлено право распускать Собраніе, какъ то принято въ конституціонныхъ монархіяхъ. Съ своей стороны, большинство Стортинга ставило вопросъ иначе. Оно заявляло, что такъ какъ въ конституціи не установлено никакого различія между законами и конституціонными поправками, то для измѣненія конституціи достаточно простого закона. Согласно этому взгляду большинство Стортинга вотировало законъ, открывавшій министрамъ доступъ въ Стортингъ; король отказался утвердить этотъ законъ; но Стортингъ, на основаніи процедуры, принятой въ Норвегіи, тремя послѣдовательными голосованіями подтвердилъ свое рѣшеніе (въ 1872, 77 и 80 гг.); кромѣ того, онъ нѣсколько разъ вотировалъ недовѣріе министерству.

Король отказался признать законъ, даже послѣ третьяго голосованія, и назначилъ министерство, имѣвшее по своему составу боевой характеръ (1880 г.); для противодѣйствія этому Стортингъ не располагалъ никакимъ легальнымъ средствомъ. На основаніи ученія о раздѣленіи властей, король не былъ обязанъ при выборѣ своихъ министровъ принимать въ разсчетъ рѣшенія, состоявшіяся въ Собраніи представителей. Столкновеніе приняло острый характеръ. Обѣ власти, какъ королевская, такъ и Стортингъ, взаимно отказывали другъ другу во всякихъ уступкахъ. Стортингъ замѣнилъ принятую формулу: «Его величеству, всемилостивѣйшему государю» простымъ выраженіемъ «королю». Король, съ своей стороны, добился отъ юридическаго факультета въ Христіаніи признанія правильности той теоріи, которой придерживался король. Въ Швеціи поговаривали о томъ, чтобы прибѣгнуть къ силѣ; въ Норвегіи составилось общество для вооруженія волонтеровъ. Стортингу оставался одинъ только выходъ: предать Государственный Совѣтъ суду. Но исходъ такого процесса представлялся сомнительнымъ. По конституціи, обвиняемые министры должны быть судимы особымъ трибуналомъ, составленнымъ изъ девяти членовъ Верховнаго Суда и изъ 22 членовъ Лагтинга, причемъ обвиняемые имѣютъ право отвести треть судей. Отъ членовъ Верховнаго Суда, какъ чиновниковъ, состоящихъ на коронной службѣ, ожидать было нечего; одинъ только Лагтингъ могъ разрѣшить конфликтъ.

Выборы, происшедшіе въ ноябрѣ 1882 года, дали результатъ, имѣвшій рѣшающее значеніе. Избрано было 83 депутата лѣвой, консерваторы же провели только 31 депутата. Лѣвая воспользовалась своимъ значительнымъ численнымъ превосходствомъ и избрала Лагтингъ, члены котораго питали твердую рѣшимость произнести надъ министрами обвинительный приговоръ. Процессъ тянулся очень долго. *Оделькстингъ* обвинялъ министровъ въ томъ, что они, посовѣтовавъ королю отказать въ утвержденіи конституціонной поправки, дѣйствовали въ ущербъ интересамъ страны. Судъ призналъ министровъ виновными и приговорилъ ихъ къ отрѣшенію отъ должности (1814 г.).

На этотъ разъ король уступилъ; онъ не противился исполненію приговора суда. Однако онъ попытался составить новое консервативное министерство, но никто уже не отважился принять портфель въ такомъ министерствѣ. Король, наконецъ, рѣшился поручить составленіе министерства Свердрупу, вождю лѣвой (1884 г.). Это была радикальная перемѣна. Норвегія разомъ перешла отъ порядковъ конституціонной монархіи къ парламентарному режиму. Государственный Совѣтъ превратился въ министерство, политически отвѣтственное передъ Стортингомъ. Власть, находившаяся до тѣхъ поръ въ рукахъ короля, чиновниковъ Христіаніи и консервативной партіи, перешла къ Собранію представителей норвежскаго народа, — Собранію, въ которомъ преобладала демократическая крестьянская партія.

Національный конфликтъ.— Съ переходомъ власти къ предводителю лѣвой конфликтъ не прекратился; онъ только былъ перенесенъ на другую почву. Дѣло въ томъ, что партія, одержавшая верхъ надъ королемъ, была лишь коалиціей различныхъ оппозиціонныхъ группъ; ей не доставало единства. Рядомъ со старой крестьянской лѣвой, оставшейся монархической и нетерпимой въ своей приверженности къ лютеранству, возникла въ рядахъ болѣе молодого поколѣнія группа, имѣвшая болѣе радикальное направленіе, и элементы которой набирались частью въ городахъ и въ портовыхъ мѣстностяхъ; руководителемъ этой группы, относившейся къ церкви равнодушно или враждебно, сдѣлался романистъ Бьёрнстернъ-Бьёрнсонъ.

Еще въ періодъ борьбы противъ короля, Свердрупомъ была составлена программа демократическихъ реформъ; программа эта требовала расширенія избирательнаго права, установленія суда присяжныхъ, преобразованія арміи, развитія народнаго образованія (1882). По всѣмъ этимъ пунктамъ между членами лѣвой господствовало полное единодушіе. Но согласіе это нарушилось, какъ только рѣчь зашла о церковной политикѣ. Свердрупъ, на котораго имѣлъ большое вліяніе племянникъ его, пасторъ Іоганнъ, придерживавшійся самой строгой ортодоксіи, настоялъ на томъ, чтобы писателю Килланду было отказано въ пенсіи, о которой онъ ходатайствовалъ; отказъ мотивировался тѣмъ, что писатель этотъ высказывалъ противохристіанскія мысли (1885). Свердрупъ

внесъ законопроектъ о приходскихъ совѣтахъ (1886),предоставлявшій этимъ совѣтамъ право вычеркивать изъ списка избирателей всякаго, порвавшаго связи съ церковью или замѣченнаго въ безнравственномъ поведеніи. (Въ Норвегіи приходъ совпадаетъ съ гражданской общиной, а потому мѣра, предложенная Свердрупомъ, обезпечивала за приверженцами строгаго религіознаго правовѣрія безконтрольное вліяніе на выборы.) Демократическая партія распалась на двое: *старая лѣвая* поддерживала Свердрупа; *новая-же лѣвая*, предводительствуемая Бьёрнсономъ, нападала на министерство (1886).

Обѣ фракціи продолжали вотировать за одно въ пользу закона объ избирательной реформѣ (1884), о введеніи суда присяжныхъ и о преобразованіи арміи, которое должно было придать ей характеръ народнаго ополченія (1887). Но новая лѣвая потребовала отрѣшенія отъ должности Іоганна Свердрупа и провалила въ Стортингѣ законопроектъ о приходскихъ совѣтахъ (84 голосами противъ 1). Свердрупъ, хотя и оказавшійся въ меньшинствѣ, отказался подать въ отставку, призывая въ свое оправданіе ту самую противопарламентарную теорію, противъ которой боролся всю жизнь. Затѣмъ, чтобы удержать власть въ своихъ рукахъ, онъ заключилъ союзъ съ правой; это дало ему возможность добиться того, чтобы предложеніе о выраженіи недовѣрія министерству было отвергнуто (1888). Онъ завелъ даже рѣчь о необходимости заручиться довѣріемъ «того, кто является господиномъ министерства» (т. е. довѣріемъ короля). Громадное большинство демократической партіи послѣдовало за новой лѣвой. Делегація демократическихъ обществъ, собиравшаяся въ Дронтгеймѣ въ 1887 г., приняла программу, въ которой были выставлены слѣдующія требованія: всеобщая подача голосовъ, примѣненіе началъ парламентарнаго режима (т. е. отставка министерства, разъ оно оказалось въ меньшинствѣ) и учрежденіе спеціальныхъ консуловъ для Норвегіи. Этою послѣднею статьей новая лѣвая взывала къ патріотическому чувству противъ шведскаго правительства и снова открывала конфликтъ съ шведскимъ королемъ.

Съ этого момента въ Норвегіи насчитывалось три партіи: консервативная, министерская и радикальная. На выборахъ 1889 года коалиція министерской партіи и консерваторовъ удержала за собой большинство. Но министерская партія, низведенная до 22 членовъ, не могла удержать за собою власть. Консерваторы, сдѣлавшись, относительно говоря, наиболѣе многочисленною партіей, низвергли министерство Свердрупа, и король назначилъ консервативное, боевое министерство, во главѣ котораго сталъ Стангъ (1889).

Это послужило сигналомъ къ возобновленію демократической и патріотической агитаціи противъ шведскаго короля. Крупная промышленность, начавшаяся развиваться въ Норвегіи, успѣла къ этому времени создать рабочій классъ. Въ 1887 г. возникла рабочая соціалистическая партія, и къ ней примкнулъ конгрессъ рабочихъ обществъ, собравшійся въ 1889 году. Другая рабочая партія, радикальная, представителемъ которой выступалъ Союзъ лигъ норвежскихъ рабочихъ, требовала избирательнаго права для женщинъ, прогрессивнаго налога на доходы и на наслѣдства, восьмичасового рабочаго дня и законодательства о рабочихъ.

Когда консервативное министерство внесло законопроектъ, которымъ регулировались отношенія между Швеціей и Норвегіей, обѣ фракціи лѣвой дружно возстали противъ этого законопроекта и оставили министерство въ меньшинствѣ (1896). Король рѣшился призвать къ составленію новаго кабинета одного изъ предводителей радикальной партіи, Стена. То большинство, котораго въ Стортингѣ не доставало министерству Стена, было ему обезпечено выборами 1891 года. Радикальная партія включила въ свою программу всеобщую подачу голосовъ, прямые налоги, и, въ особенности, созданіе норвежскаго министерства иностранныхъ дѣлъ и норвежскихъ консульствъ. Выборы отличались большимъ оживленіемъ; радикальная партія пріобрѣла значительное большинство.

Столкновеніе съ шведскимъ королемъ произошло немедленно, по вопросу о норвежскихъ консулахъ. Стортингъ объявилъ, что учрежденіе консульствъ является дѣломъ исключительно норвежскимъ, и что оно должно быть предоставлено законодательнымъ собраніямъ Норвегіи. Король отвѣчалъ, что онъ удерживаетъ за собою право разрѣшить этотъ вопросъ согласно съ законами, регулирующими соединеніе обоихъ государствъ (1892). Стортингъ, тѣмъ не менѣе, рѣшилъ учредить консульства; король отказался утвердить это рѣшеніе; министерство подало въ отставку, но король былъ вынужденъ сохранить его (1892). Такъ-же, какъ и во время перваго конфликта, съ обѣихъ сторонъ разногласіе возникало по вопросу о процедурѣ. Стортингъ утверждалъ, что онъ, какъ представитель суверенаго норвежскаго народа, имѣетъ право рѣшать дѣла безаппеляціонно; король-же стоялъ на томъ, что всякое измѣненіе въ отношеніяхъ, установленныхъ при соединеніи Норвегіи съ Швеціей, можетъ войти въ силу лишь по соглашеніи между обоими правительствами. Шведскій Сеймъ принялъ сторону короля (1893); въ Норвегіи его поддерживала правая. Король снова назначилъ консервативное министерство, со Стангомъ во главѣ (1893), и сохранилъ его, не взирая на рѣшеніе Стортинга, выражавшее недовѣріе министер-

ству. На это Стортингъ отвѣтилъ отказомъ вотировать фонды на содержаніе министерства иностранныхъ дѣлъ, короля и министровъ (1893) и рѣшилъ учредить отдѣльныя норвежскія консульства. Такъ какъ большинство и на выборахъ 1894 года осталось за лѣвою, то конфликтъ остался открытымъ. Стортингъ продолжалъ вотировать мѣры, въ которыхъ выражалось недовѣріе къ правительству—обособленіе норвежскихъ консульствъ, а затѣмъ, въ 1896 г., принятіе норвежскаго флага, безъ символа, знаменующаго союзъ съ Швеціей. Король съ своей стороны продолжалъ отказывать въ утвержденіи резолюцій Стортинга (1894) и сохранилъ консервативное министерство, даже послѣ того, какъ послѣднее подало въ отставку (1895).

Конфликтъ этотъ вызвалъ, въ видѣ реакціи, національное движеніе въ Швеціи и принялъ такимъ образомъ форму столкновенія между двумя народами — норвежскимъ и шведскимъ. Въ обѣихъ странахъ палаты выразили взаимное недовѣріе, вотировавъ чрезвычайные военные кредиты (1895). Шведское правительство предложило пересмотръ договора о соединеніи Норвегіи и Швеціи; но норвежскій Стортингъ потребовалъ, чтобы переговоры объ этомъ дѣлѣ велись министерствомъ, согласнымъ съ норвежскимъ большинствомъ. Король назначилъ чисто-дѣловое министерство, и конфликтъ продолжается.

ДАНІЯ И ГЕРЦОГСТВА.

Датская монархія до отдѣленія герцогствъ. —Послѣ уступки Норвегіи Швеціи, датская монархія ограничивалась лишь королевствомъ Даніей (состоявшимъ изъ Ютландіи и острововъ), Исландіей и герцогствами: Шлезвигомъ, Голштиніей и Лауенбургомъ.

Населеніе страны было преимущественно земледѣльческое, но оставалось многочисленное дворянство, которое господствовало при Дворѣ и занимало всѣ должности на государственной службѣ. Крестьяне, лишь въ 1788 году освобожденные отъ крѣпостной зависимости отъ дворянъ, приближавшейся къ рабству, не принимали еще участія въ политической жизни. Центромъ придворной жизни былъ Копенгагенъ, единственный значительный городъ страны. Король придерживался традиціи «просвѣщеннаго деспотизма» XVIII вѣка: религіозная терпимость, патріархальная администрація, правительство, основанное на началахъ абсолютизма и не допускающее ни гласности, ни контроля своихъ дѣйствій,—такова была его программа.

Фридрихъ VI (1808—1839) ограничился тѣмъ, что обѣщалъ опубликованіе бюджета (1813), но мѣра эта была введена лишь въ 1835 году; затѣмъ онъ создалъ по примѣру Пруссіи провинціальныя собранія, пользовавшіяся при обсужденіи законовъ и финансовыхъ мѣръ правомъ исключительно совѣщательнаго голоса (1831—1834). Такихъ собраній было учреждено четыре (Ютландія, острова, Шлезвигъ и Голштинія). Единственнымъ общегосударственнымъ дѣломъ, въ обсужденіи котораго они приняли участіе, былъ вопросъ о приведеніи въ порядокъ финансовъ, на которыхъ послѣ войнъ имперіи лежало тяжелое бремя. Въ 1813 году бумажныя деньги пали до четверти ихъ нарицательной стоимости, и государство потерпѣло частное банкротство. Цифра государственнаго долга продолжала оставаться громадной и стала уменьшаться лишь съ 1841 года.

Между тѣмъ, среди образованныхъ классовъ Копенгагена успѣла возникнуть небольшая аристократически-либеральная партія, которая желала конституціи и надѣялась добиться ея отъ наслѣднаго принца. Но Христіанъ VIII (1839—1848), сдѣлавшись королемъ, сталъ приверженцемъ абсолютизма. Къ тому-же онъ былъ поглощенъ борьбою со своими нѣмецкими голштинскими подданными, и умеръ, оставивъ лишь *проектъ* конституціи (январь 1848 г.).

Все царствованіе Фридриха VII (1848—63) было наполнено интригами, переговорами и войнами изъ-за Шлезвигъ-Голштинскаго вопроса, и во все продолженіе этого періода распри съ герцогствами тяготѣли надъ политическою жизнью датскаго народа, задерживая ея развитіе или заставляя ее уклоняться въ сторону отъ правильнаго пути.

Либеральная партія была въ то же время и датской національной партіей, которая желала объединенія герцогствъ, или, по крайней мѣрѣ, Шлезвига, и единой конституціи, общей для всей монархіи. Фридрихъ VII рѣшилъ опираться на эту партію и назначилъ либеральное министерство (1848), которое отмѣнило законы, стѣснявшіе свободу печати. Затѣмъ, онъ далъ конституцію (такъ называемый основной законъ; іюнь 1849 г.), которая устанавливала ежегодный Сеймъ, состоявшій изъ двухъ палатъ, избираемыхъ на основаніи имущественнаго ценза; кромѣ того конституція провозглашала свободу печати, вѣроисповѣданій и право сходокъ.

Конституція эта, дѣйствіе которой ограничивалось одной Даніей, просуществовала очень недолго. Король предложилъ проектъ новой конституціи для всей монархіи, въ томъ числѣ и для герцогствъ; но въ этомъ проектѣ, составленномъ въ пору всеобщей реакціи противъ представительнаго образа правленія, права сейма были урѣзаны. Сеймъ протестовалъ; правительство отвѣчало судебными преслѣдованіями печати, и король собственной властью обнародовалъ конституцію (1854), которая низводила Сеймъ до роли простого совѣщательнаго собранія и предоставляла ему право голоса лишь при вотированіи *новыхъ* налоговъ. Сеймъ поста-

новилъ предать министерство суду. Онъ былъ распущенъ, но избранъ снова (1854), и король перемѣнилъ министерство. Столкновеніе окончилось компромиссомъ: 2 октября 1855 года была введена новая конституція, сохранявшая за Сеймомъ его права и учреждавшая Государственный Совѣтъ, общій для всей монархіи; въ этомъ Совѣтѣ королевство Данія имѣло 47 представителей (32 выборныхъ и 12 назначаемыхъ королемъ), герцогства имѣли—33 (въ томъ числѣ 8 назначались королемъ). Конституція эта, которую провинціальныя собранія герцогствъ объявили недѣйствительной, такъ и не успѣла пустить прочныхъ корней въ жизни страны.

Герцогства Шлезвигъ и Голштинія.—Въ число владѣній датскаго короля входили герцогства Шлезвигъ и Голштинія, не считая герцогства Лауенбургскаго, полученнаго въ 1815 году въ видѣ вознагражденія за Померанію. Эти герцогства, представлявшія нѣчто обособленное отъ королевства Даніи, принадлежали королю, какъ *герцогу*. Они существовали отдѣльно другъ отъ друга, имѣли, каждое, свою особую администрацію и свое провинціальное собраніе представителей, но въ то же время состояли подъ властью одного общаго государя и были объявлены *неразрывно связанными*. Но въ 1815 году, когда былъ образованъ Германскій Союзъ, въ составъ его были включены только Голштинія и Лауенбергъ, Шлезвигъ же остался внѣ его. Населеніе во всей Голштиніи и въ Лауенбургѣ, а также въ южной части Шлезвига было нѣмецкое, а въ сѣверной части Шлезвига—датское. Такимъ образомъ получился цѣлый рядъ противорѣчій: герцогства и Данія входили въ составъ одной и той же монархіи, не составляя одной и той же націи; Голштинія, хотя и находившаяся подъ властью датскаго правительства, была членомъ иностраннаго союза, изъ котораго Шлезвигъ, хотя и объявленный неразрывно связаннымъ съ Голштиніей, былъ исключенъ; границы датской національности не совпадали съ границами провинцій. Всѣ эти противорѣчія дѣлали невозможнымъ раціональное рѣшеніе вопроса. Тѣмъ не менѣе, вопросъ о герцогствахъ назрѣвалъ довольно медленно; національное чувство не успѣло еще пробудиться. Голштинскіе нѣмцы привыкли смотрѣть на Данію, какъ на свое отечество; они даже распѣвали датскія патріотическія пѣсни.

Агитація началась противъ Фридриха на томъ основаніи, что онъ правилъ какъ абсолютный государь и ставилъ ни во что историческія привилегіи голштинскаго рыцарства; историкъ Дальманъ, профессоръ Кильскаго университета, опираясь на историческое право, изложилъ требованія этого сословія. Въ 1830 году другой политическій дѣятель болѣе радикальнаго направленія, Уве Лорнсенъ, потребовалъ одной общей конституціи для обоихъ герцогствъ и отдѣленія ихъ отъ Даніи. «У насъ,—говорилъ онъ,—только и есть общаго съ Даніей, что король, да внѣшній врагъ». Онъ былъ арестованъ, а король учредилъ два отдѣльныхъ провинціальныхъ собранія: одно для Шлезвига, другое для Голштиніи. Но между голштинскими нѣмцами начинало пробуждаться нежеланіе долѣе оставаться датчанами. Центромъ нѣмецкой агитаціи сдѣлался Кильскій университетъ.

Такимъ образомъ возникъ конфликтъ между нѣмецкими патріотами, которые желали отдѣльнаго управленія для герцогствъ, и датскими патріотами, которые желали сохранить единство монархіи. Между двумя крайними партіями образовались партіи среднія: съ одной стороны—нѣмецкая партія въ Голштиніи, отказывавшаяся отъ Шлезвига; съ другой стороны—датская партія, отказывавшаяся отъ Голштиніи. Но вскорѣ всѣ нѣмецкія партіи слились въ одну и стали поддерживать нерасторжимость связи между герцогствами.

Послѣ смерти Фридриха VI (1839) оставалось лишь два члена королевскаго дома, со смертью которыхъ пресѣкалась мужская линія (то были два короля—Христіанъ VIII и Фридрихъ VII). Возникалъ вопросъ о престолонаслѣдіи. Необходимо замѣтить, что законы о престолонаслѣдіи не были одинаковы для всѣхъ частей монархіи; въ Даніи допускалось престолонаслѣдіе по женской линіи, тогда какъ въ Голштиніи право на престолъ передавалось только по мужской линіи; въ Шлезвигѣ и Лауенбургѣ вопросъ представлялся спорнымъ. Но датское правительство заявляло притязаніе сохранить монархію во всей неприкосновенности, въ томъ числѣ и Голштинію; нѣмецкая же партія хотѣла отдѣлить отъ монархіи и Голштинію, и Шлезвигъ, какъ составляющіе одно неразрывное цѣлое.

Обѣ партіи официально высказали свои притязанія. Голштинское провинціальное собраніе заявило ихъ въ 1844 году въ петиціи, которою устанавливало три пункта: герцогства суть государства: 1) независимыя, 2) соединенныя другъ съ другомъ на вѣчныя времена и 3) допускающія престолонаслѣдіе только *по мужской линіи*. Король отвѣчалъ, что въ Шлезвигѣ признается престолонаслѣдіе по женской линіи, такъ же, какъ и въ Даніи, что для Голштиніи порядокъ престолонаслѣдія не выясненъ, но что онъ, король, постарается обезпечить сохраненіе цѣлости датской монархіи (1846). Нѣмецкая партія отвѣчала на это народными сходками, протестомъ голштинскаго провинціальнаго собранія на имя короля,—протестомъ, который король отказался принять,—и обращеніемъ къ Сейму, съ изложеніемъ причинъ недовольства. Въ это же время появился патріотическій гимнъ герцогствъ: «*Schleswig-Holstein, meerumschlungen*!».

Конфликтъ герцогствъ (1848—64). — Революція 1848 года, возбудивъ страсти національныхъ партій, обострила столкновеніе и довела его до войны. Датская національная и либеральная партія, призванная датскимъ королемъ въ министерство, остановилась на смѣшанномъ рѣшеніи вопроса: она предлагала отказаться отъ Голштиніи, какъ нѣмецкой области, входившей въ составъ Германскаго Союза, сохранить всю область, лежавшую на сѣверъ отъ Эйдера, т. е. Шлезвигъ, и слить ее въ одно цѣлое съ Даніей; такова была программа партіи, прозванной «эйдерскими датчанами» (*Eiderdänen*). Рѣшеніе это предполагало расторженіе связи между Шлезвигомъ и Голштиніей, одну общую конституцію для Шлезвига и Даніи и допущеніе на будущее время для Шлезвига престолонаслѣдія по женской линіи. Нѣмецкая партія въ герцогствахъ, во имя нерасторжимой связи между ними, потребовала включенія Шлезвига въ Германскій Союзъ и одной общей конституціи для обоихъ герцогствъ. Послѣ отказа короля удовлетворить этимъ требованіямъ, нѣмецкая партія возмутилась и учредила временное правительство, которое высказалось за нерасторжимость связи между герцогствами, за престолонаслѣдіе по мужской линіи и за вступленіе Шлезвига въ Германскій Союзъ.

Съ этого момента были поставлены ребромъ три вопроса: 1) оставаться ли Шлезвигу нераздѣльнымъ съ Голштиніей и войти ли ему въ Германскій Союзъ, или же оставаться чуждымъ этому Союзу и соединиться съ Даніей? 2) Будетъ ли конституція общая для обоихъ герцогствъ, или же общая для Шлезвига и Даніи? 3) Будетъ ли право престолонаслѣдія ограничиваться мужской линіей, или же будетъ распространено и на женскую?

Война началась (августъ 1848 г.) и продолжалась до 1850 г. съ тремя перерывами, раздѣлившими ее на три кампаніи. Нѣмецкая партія имѣла центромъ своимъ Киль и вела военныя дѣйствія при помощи волонтеровъ или же регулярныхъ войскъ, явившихся ей на помощь изъ Германіи. Датская партія опиралась на датскую армію и на европейскую дипломатію.

1) Во время первой кампаніи датская армія отбросила за Эйдеръ шлезвигъ-голштинскихъ нѣмцевъ и нѣмецкихъ волонтеровъ; прусскія войска принудили ее очистить герцогства. Тутъ европейскія державы заставили воюющія стороны заключить перемиріе (августъ 1848 г.), во время котораго въ герцогствахъ было учреждено временное правительство, состоявшее наполовину изъ пруссаковъ и наполовину изъ датчанъ. Франкфуртскій парламентъ сначала отказался отъ перемирія, затѣмъ согласился на него. Но окончательнаго соглашенія по спорнымъ вопросамъ все-таки не удалось заключить, такъ какъ датчане непремѣнно желали, чтобы Шлезвигъ составлялъ одно цѣлое съ монархіей, а нѣмцы объ этомъ и слышать не хотѣли.

2) По окончаніи перемирія нѣмецкая голштинская армія вторглась въ Ютландію, но была застигнута врасплохъ и разбита. Настало новое перемиріе. Затѣмъ Шлезвигъ, который голштинская армія вынуждена была очистить, былъ занятъ прусскими войсками и поступилъ подъ управленіе двухъ чиновниковъ, изъ которыхъ одинъ былъ датчанинъ, а другой—пруссакъ (апрѣль-августъ 1849 г.).

3) Послѣ неудачной попытки основать германское единство, европейскія державы (Англія, Франція, Россія) на лондонской конференціи рѣшили сохранить цѣлость датской монархіи, какъ необходимое условіе европейскаго равновѣсія. Прусскій король, очутившійся такимъ образомъ въ изолированномъ положеніи, отозвалъ свои войска назадъ. Голштинская армія, покинутая нѣмецкими государствами, была на голову разбита датской арміей (іюль 1850 г.).

Датскій король снова вступилъ во владѣніе герцогствами. Онъ издалъ декретъ, которымъ союзъ Даніи съ герцогствами на прежнихъ условіяхъ объявляется расторгнутымъ (январь 1852 года). Онъ принудилъ герцогства принять конституцію, общую съ Даніей. Вопросъ о престолонаслѣдіи былъ разрѣшенъ европейскими державами въ формѣ протокола, подписаннаго въ Лондонѣ (май 1852 года) и объявлявшаго, что принцъ Глюксбургскій, женатый на племянницѣ короля, становится наслѣдникомъ всей монархіи, въ томъ числѣ и герцогствъ. Такимъ образомъ вмѣшательство державъ разрѣшило всѣ три вопроса въ смыслѣ, благопріятномъ для Даніи. Но это рѣшеніе не было принято ни провинціальными собраніями представителей Шлезвигъ-Голштиніи, ни Германскимъ Союзомъ, ни наслѣдниками по мужской линіи, къ которымъ должно было перейти право на престолъ въ герцогствахъ (удалось только добиться отреченія отъ этого права отъ ближайшаго наслѣдника, слѣдующій же за нимъ наслѣдникъ не согласился отречься отъ своихъ правъ). Провинціальныя собранія Шлезвига и Голштиніи отказались признать престолонаслѣдіе по женской линіи, протестовали противъ конституціи 1855 г. и не захотѣли выбирать депутатовъ въ Государственный Совѣтъ, большинство котораго состояло изъ датчанъ.

Датское правительство, считая своихъ противниковъ бунтовщиками, отрѣшило отъ должностей чиновниковъ, пасторовъ и учителей, принадлежавшихъ къ нѣмецкой партіи, даже профессоровъ Кильскаго университета, и запретило въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Шлезвига употребленіе нѣмецкаго языка въ школахъ. Въ Германіи датское господство надъ нѣмецкимъ населеніемъ сдѣлалось однимъ изъ тѣхъ обвиненій, которыми

національная партія оправдывала свои требованія.

Въ самой Даніи національная партія не одобряла политику правительства. Датскіе патріоты дорожили сохраненіемъ Шлезвига, не взирая на протестъ нѣмцевъ, такъ какъ можно было надѣяться на то, что удастся слить эту область съ Даніей; что же касается Голштиніи, то сами датчане уже болѣе не желали дуерживать ее за собой, такъ какъ нѣмецкое населеніе этой области своей систематической оппозиціей сдѣлало невозможнымъ примѣненіе такой конституціи, которая дѣйствительно была бы національной. Эта-то датская національная партія въ концѣ-концовъ заставила и короля дѣйствовать согласно съ ея программой. Въ 1861 г. основалось патріотическое общество «*Датскій Союзъ*», съ цѣлью «противодѣйствовать всякой попыткѣ иностраннаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Даніи, поддерживать датскую національность въ Шлезвигѣ и ввести въ этой области свободу, согласную съ конституціей 1848 г.». Король издалъ регламентъ, которымъ вводился особый порядокъ управленія въ Голштиніи (1862). Нѣмецкое большинство шлезвигскаго провинціальнаго собранія представителей подало, въ видѣ протеста, въ отставку. Нѣмецкій Сеймъ во Франкфуртѣ постановилъ приступить къ союзной экзекуціи резолюцій, принятыхъ Сеймомъ въ 1858, 1860, 1861 и 1863 годахъ. Датское правительство отвѣтило на это внесеніемъ проекта общей конституціи.

Отдѣленіе герцогствъ.—Въ самый разгаръ этого конфликта король Фридрихъ VI умеръ скоропостижно. Наслѣдникъ датскаго престола, Христіанъ IX Глюксбургскій, основываясь на лондонскомъ протоколѣ, заставилъ провозгласить себя королемъ какъ въ Даніи, такъ и въ герцогствахъ. Онъ колебался относительно принятія новой конституціи, общей для Даніи и Шлезвига и несогласной съ лондонскимъ протоколомъ. Но населеніе Копенгагена, среди котораго партія патріотовъ имѣла преобладающее вліяніе, толпами устремилось къ королевскому дворцу, и Христіанъ подписалъ конституцію 1863 года. Въ герцогствахъ же, наоборотъ, провинціальныя собранія представителей признали своимъ государемъ наслѣдника по мужской линіи, Фридриха Аугустенбургскаго. Такимъ образомъ всѣ три вопроса были поставлены разомъ: вопросъ о сліяніи съ Шлезвигомъ, объ общей конституціи и о порядкѣ престолонаслѣдія.

Рѣшеніе этихъ вопросовъ зависѣло не отъ датчанъ и не отъ наслѣдія герцогствъ, а отъ европейскихъ державъ. Нѣмецкая часть населенія въ герцогствахъ опиралась на Германскій Сеймъ, который уже рѣшилъ отправить въ герцогства союзную армію. Датчане, съ своей стороны, разсчитывали на поддержку европейскихъ державъ, въ 1852 году гарантировавшихъ цѣлость датской монархіи. Но обѣ стороны ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Два большія нѣмецкія государства, Пруссія и Австрія, объявивъ, что считаютъ себя связанными лондонскимъ протоколомъ, начали съ того, что признали короля Христіана. Фридриха поддерживали лишь мелкія германскія государства. Пруссія и Австрія признали порядокъ престолонаслѣдія, но не конституцію 1863 года; онѣ предъявили Даніи требованіе объ отмѣнѣ конституціи; вслѣдъ за отказомъ короля исполнить это требованіе, они двинули свои войска въ Шлезвигъ (февраль 1864 г.). Датское правительство надѣялось на вмѣшательство другихъ европейскихъ державъ; но англійская королева не желала войны, а Наполеонъ завелъ рѣчь о томъ, чтобы разрѣшить вопросъ посредствомъ голосованія самого населенія герцогствъ, согласно съ принципомъ національности.

Датской арміи, состоявшей изъ 35,000 человѣкъ, было отдано приказаніе избѣгать рѣшительнаго сраженія; она должна была затягивать развязку, чтобы дать время европейскому вмѣшательству сказать свое слово. Согласно съ этими инструкціями, датская армія почти безъ боя очистила Шлезвигъ и отступила подъ защиту дюппельскихъ укрѣпленій, которыя служили прикрытіемъ для Ютландіи. Здѣсь она оставалась шесть недѣль. Но позиція эта 18 апрѣля была взята приступомъ. 25 апрѣля открылась конференція европейскихъ державъ. Англія предложила раздѣлить Шлезвигъ; Наполеонъ, къ которому Данія непосредственно обратилась за совѣтомъ, принялъ это предложеніе въ принципѣ, но, съ своей стороны, предложилъ, чтобы демаркаціонная линія была проведена сообразно съ границею языковъ. Пруссія и Австрія потребовали полнаго отдѣленія герцогствъ, которыя должны были составить одно государство. Конференція разошлась, не придя ни къ какому соглашенію. Арміи Пруссіи и Австріи заняли Ютландію и угрожали островамъ. Данія, покинутая Европой, покорилась своей участи и рѣшилась подписать миръ, которымъ уступала всѣ три герцогства (августъ 1864 г.).

Австрія и Пруссія оставили отвоеванныя земли за собою. Въ 1866 году побѣжденная Австрія уступила свои права на герцогства, и Пруссія присоединила ихъ къ своимъ владѣніямъ. Въ одной изъ статей договора было сказано, что «если населеніе сѣверной части Шлезвига свободною подачею голосовъ заявитъ о своемъ желаніи остаться въ союзѣ съ Даніей, то эта часть герцогства будетъ возвращена Даніи». Но прусское правительство такъ и не дало населенію высказать свое желаніе, а въ 1878 г. Австрія отказалась отъ этой статьи договора. Датская часть Шлезвига осталась подъ властью Пруссіи. Жители не переставали выражать свое недовольство, избирая каждый разъ депутата, при-

надлежавшаго къ партіи протеста. Прусское правительство отвѣчало на это преслѣдованіями датскихъ патріотовъ и запрещеніемъ датскаго языка. Въ 1885 году шестнадцать молодыхъ дѣвушекъ были приговорены къ штрафу за то, что пѣли, подъ аккомпаниментъ фортепіано, датскія патріотическія пѣсни; къ тому же наказанію былъ приговоренъ одинъ книгопродавецъ за то, что выставилъ въ витринѣ своего магазина книгу, на обложкѣ которой были датскіе національные цвѣта.

Конституція 1866 г.—Послѣ отдѣленія герцогствъ въ политической жизни Даніи произошли существенныя перемѣны. Возникла новая партія «*друзей крестьянъ*»; то была партія демократическая, требовавшая отмѣны конституціи и возвращенія къ конституціи 1849 г.

Правительство внесло проектъ, которымъ возстановлялся порядокъ, дѣйствовавшій въ 1849 году, но съ однимъ весьма важнымъ измѣненіемъ. Изъ двухъ палатъ датскаго Сейма одна (*Фолькетингъ*) оставалась представительнымъ собраніемъ въ истинномъ значеніи этого слова и избиралась весьма широкимъ составомъ избирателей; Верхняя же Палата (*Ландтингъ*) должна была состоять изъ 66 членовъ, изъ которыхъ 12 *назначались* королемъ, остальные же *избирались* избирателями, удовлетворявшими цензу, размѣръ котораго соотвѣтствовалъ на русскія деньги приблизительно 4,000 рублей ежегоднаго дохода. Нижняя Палата отвергла этотъ проектъ, несогласный съ демократическими началами. Она была распущена, но затѣмъ избрана снова (1865 г.), и послѣ продолжительнаго конфликта правительственный законопроектъ сдѣлался конституціей 1866 года. Эта конституція и понынѣ остается въ Даніи въ силѣ.

Втеченіе первыхъ лѣтъ министерство управляло, почти не встрѣчая оппозиціи въ палатѣ. Оно занялось преобразованіемъ арміи, флота и военной службы. Но въ настроеніи общественнаго мнѣнія подготовлялась важная перемѣна. Либеральная партія, призванная къ составленію министерства во время кризиса въ герцогствахъ, была прежде всего партіей патріотически-воинственной; въ ея программѣ на первомъ планѣ стояла защита Шлезвига. Послѣ утраты Шлезвига, она сдѣлалась консервативной партіей, партіей Двора и буржуазіи; она состояла преимущественно изъ чиновниковъ и изъ лицъ, владѣвшихъ недвижимой собственностью; всего сильнѣе она была въ Копенгагенѣ и его окрестностяхъ. Но населеніе остальной страны быстро переходило на сторону оппозиціи. Послѣдняя раздѣлилась на двѣ группы: умѣренную лѣвую, состоявшую, главнымъ образомъ, изъ депутатовъ сѣверной части острововъ и Ютландіи, и демократическую лѣвую («друзья крестьянъ»), вербовавшуюся преимущественно въ южной части острововъ и Ютландіи.

Такъ же, какъ и въ Норвегіи, борьба происходила на почвѣ бюджета; правая поддерживала короля и правительство въ ихъ требованіи денегъ на военные расходы и на содержаніе чиновниковъ; лѣвая же добивалась уменьшенія расходовъ и налоговъ. Такъ же, какъ и въ Норвегіи, демократическая партія состояла изъ крестьянъ, а столица избирала консервативныхъ депутатовъ.

Съ каждыми новыми выборами демократическая партія выигрывала нѣсколько депутатскихъ мѣстъ въ Нижней Палатѣ. Въ 1870 году коалиція различныхъ группъ лѣвой отвергла бюджетъ, и министерство подало въ отставку. Новое министерство, назначенное вслѣдъ затѣмъ, добилось утвержденія бюджета большинствомъ лишь нѣсколькихъ голосовъ. Въ 1873 г. коалиція группъ лѣвой насчитывала 49 членовъ; правая же (національно-либеральная) имѣла всего 15 членовъ; внѣ этой группировки оставались средняя партія (15 членовъ) и такъ называемая «переходная группа» (9 членовъ). Лѣвая потребовала расширенія избирательнаго права и избранія пасторовъ самими прихожанами, отвергла бюджетъ и вотировала резолюцію, выражавшую недовѣріе министерству. Палата была распущена, но лѣвая была избрана снова въ прежнемъ составѣ.

Конституціонный конфликтъ (1873—1894 года).—Столкновеніе изъ-за бюджета повлекло за собою конституціонный конфликтъ. Заявленіе Нижней Палаты въ 1873 году ставило вопросъ слѣдующимъ образомъ: «Необходимымъ условіемъ конституціонной монархіи является согласіе между правительствомъ и той палатой, которая избрана всеобщей подачей голосовъ». Король долженъ выбирать «министерство, согласное съ народными представителями». Въ этихъ словахъ была формулирована сущность парламентарнаго образца правленія, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ практикуется въ Англіи, въ Бельгіи, во Франціи. Король отвѣчалъ, что палата ошибочно понимаетъ условія, созданныя конституціей (1873 г.); онъ считалъ себя вправѣ сохранять министерство, пользующееся поддержкой одной изъ двухъ палатъ; въ 1883 г. онъ объявилъ, что «соглашеніе можетъ быть достигнуто лишь посредствомъ переговоровъ между *обѣими палатами*». То была теорія согласія трехъ властей и равенства обѣихъ палатъ въ томъ видѣ, въ какомъ Бисмаркъ навязалъ ее Пруссіи.

Конфликтъ, затихшій было на время при министерствѣ, расположенномъ въ пользу компромиссовъ, снова вспыхнулъ послѣ того, какъ было назначено боевое министерство Эструпа въ 1875 году. Лѣвая, не взирая на многократныя распущенія, которымъ она подвергалась, продолжала сохранять за собою значительное большинство въ Фолькетингѣ; послѣ распущенія 1875

года она имѣла три четверти общаго числа голосовъ въ Нижней Палатѣ. Но министерство отказывалось подать въ отставку, и палата не могла отъ него избавиться преданіемъ его суду, такъ какъ въ Ландтингѣ, который былъ бы призванъ его судить, съ самаго изданія конституціи 1866 года господствовала партія Двора.

Фолькетингъ началъ систематически отказывать въ утвержденіи бюджета, не только потому, что министерство, предлагавшее его, не пользовалось довѣріемъ страны, но и потому, что министерство, согласно съ воинственной традиціей національно-либеральной партіи, требовало крупныхъ суммъ для флота и для укрѣпленій вокругъ Копенгагена. Демократическая партія доказывала, что такъ какъ Германія не угрожаетъ Даніи, то и нѣтъ никакой надобности въ такихъ дорого стоющихъ вооруженіяхъ. Но Ландтингъ поддерживалъ министерство. Каждый годъ Фолькетингъ отказывалъ въ утвержденіи бюджета, а Ландтингъ вотировалъ его, и министерство взимало налоги, необходимые для покрытія бюджета, прибѣгая для этого къ такъ называемому *временному* финансовому *закону*. Процедура эта, къ которой правительство стало прибѣгать, начиная съ 1877 года, выводилась изъ 25-й статьи конституціи, которая гласитъ: «Король можетъ, *въ случаѣ неотложной необходимости,* когда Сеймъ не находится въ сборѣ, издавать временные законы. Сказанные законы должны быть представлены на утвержденіе Сейма въ слѣдующую же сессію». Такое толкованіе, однородное съ тѣмъ толкованіемъ французской Хартіи, котораго придерживалось правительство Карла X, не избавляло министерства отъ обязательства заручиться отъ Нижней Палаты утвержденіемъ этого временного бюджета въ слѣдующемъ году. Но лѣвая не достигла соглашенія между составлявшими ее группами относительно той тактики, которой имъ слѣдовало держаться въ этомъ вопросѣ. Умѣренная группа, желая избѣжать разрыва съ министерствомъ, согласилась вотировать бюджетъ подъ условіемъ компромисса, а именно отвергались расходы на укрѣпленія Копенгагена (1882); такимъ образомъ она дала укорениться привычкѣ къ временнымъ финансовымъ законамъ.

Демократическая лѣвая (Бергъ), враждебно относившаяся ко всякимъ примирительнымъ мѣрамъ, въ концѣ концовъ въ 1884 году заручилась большинствомъ въ Фолькетингѣ. Въ этомъ году впервые Копенгагенъ ускользнулъ изъ-подъ вліянія консерваторовъ; соціалисты провели въ немъ трехъ своихъ депутатовъ (изъ общаго числа—9). Послѣ этого столкновеніе обострилось. Фолькетингъ объявилъ, что «всякое обсужденіе какой бы то ни было реформы съ теперешнимъ министерствомъ будетъ напрасною тратою времени», и отказался разсматривать какой бы то ни было законопроектъ. Такимъ образомъ была объявлена война между демократической націей, представляемой выборной палатой, и королемъ, назначившимъ министерство собственной властью и поддерживаемымъ аристократіей; это было столкновеніе, однородное съ тѣмъ, которое происходило въ Пруссіи въ 1862—1866 гг.

Такъ же, какъ и въ Пруссіи, министерство, въ рукахъ котораго находилась исполнительная власть, т. е. сила, выпуталось изъ затрудненія просто тѣмъ, что продолжало управлять вопреки легальнымъ формамъ, заявляя, что дѣйствуетъ во имя интересовъ государства. Оно не только продолжало взимать налоги на основаніи *стараго* бюджета, помимо согласія Нижней Палаты, но оно ввело еще *новые* кредиты для военныхъ расходовъ, добилось утвержденія этихъ кредитовъ Верхней Палатой и внесло ихъ во временный бюджетъ. Съ этого времени легальнаго бюджета въ Даніи болѣе не существовало. Чтобы подавить проявленія недовольства, министерство добилось отъ Ландтинга вотированія новыхъ *временныхъ законовъ* объ увеличеніи состава полиціи и жандармеріи и объ ограниченіи свободы печати и сходокъ (1885); она настояла на томъ, чтобы предводитель демократической партіи, Бергъ, былъ приговоренъ къ тюремному заключенію по обвиненію въ томъ, что онъ въ публичномъ собраніи «возбуждалъ народъ къ бунту». Данія жила подъ господствомъ исключительныхъ законовъ, создавшихъ положеніе дѣлъ, очень схожее съ осаднымъ положеніемъ.

Министерство, вооруженное силой противъ націи, остававшейся безоружной, кончило тѣмъ, что лишило сопротивленіе всякой энергіи. Демократическая партія, ослабляемая къ тому же соперничествомъ отдѣльныхъ лицъ, распалась. Начиная съ 1884 года, отъ «датской лѣвой», руководимой Бергомъ и представлявшей старую крестьянскую партію, отдѣлилась «литературная лѣвая», которою руководили писатели (Брандесъ, Гёрупъ) и которая представляла аналогію съ норвежской «европейской лѣвой»; то была партія, состоявшая преимущественно изъ горожанъ и требовавшая всеобщей подачи голосовъ и соціальныхъ реформъ. Она дѣйствовала заодно съ соціалистической партіей, организовавшейся въ 1878 году, къ качествѣ партіи рабочихъ, а затѣмъ вербовавшей своихъ приверженцевъ и въ деревняхъ, преимущественно въ Ютландіи.

Въ 1888 году лѣвая, раздѣленная на четыре фракціи, распалась по вопросу парламентской тактики. Бергъ хотѣлъ продолжать политику обструкціонизма. Но конгрессъ оппозиціонныхъ партій рѣшилъ вступить въ переговоры съ министерствомъ и добился амнистіи и отмѣны исключительныхъ законовъ 1885 года. Наконецъ, послѣ смерти Берга (1891) и послѣ того, какъ Герупъ потерпѣлъ неудачу на

выборахъ, демократическая лѣвая утратила большинство. Въ Фолькетингѣ 1892 года она имѣла только 29 членовъ, противъ 38 членовъ умѣренной лѣвой и 32 депутатовъ министерской партіи. Умѣренная лѣвая вотировала бюджетъ и военные законы (1894); и только послѣ этого Эструпъ удалился изъ министерства, причемъ король, на прощанье, выразилъ ему свою благодарность. Конфликтъ окончился побѣдою короля и министерства *).

Такъ же, какъ и норвежцы, датчане, среди всѣхъ пережитыхъ ими политическихъ конфликтовъ, дали цѣлое поколѣніе блестящихъ писателей и романистовъ, стяжавшихъ европейскую извѣстность; въ то же время народъ достигъ небывалой степени благосостоянія. Населеніе, которое, по крайней мѣрѣ, удвоилось въ промежутокъ времени между 1800 и 1870 годами, съ тѣхъ поръ еще болѣе возросло и, вмѣсто 1.800.000 жителей, которыхъ Данія насчитывала въ 1870 году, она имѣла въ 1890 году 2.200,000. Торговый флотъ съ 1870 года по 1890 годъ увеличился на 700 судовъ и вмѣстимость его возросла на 85.000 тоннъ. Государственный долгъ, увеличившійся, вслѣдствіе войнъ, до 380 милліоновъ въ 1866 году, уменьшился къ 1891 году до 250.000,000, и бюджетъ почти всегда сводился съ превышеніемъ доходовъ надъ расходами.

Исландія. — Одновременно съ конфликтомъ въ Даніи правительство вступило въ конфликтъ и съ Исландіей. Въ 1874 году островъ этотъ, имѣвшій до того времени патріархальный образъ правленія, получилъ конституцію. Законодательная власть по этой конституціи принадлежала палатѣ (*Althing*), состоявшей изъ 36 членовъ, изъ которыхъ 6 назначались королемъ, а остальные тридцать избирались всеобщей подачей голосовъ. Исполнительная власть принадлежала губернатору, жившему въ Исландіи, и исландскому министру, имѣвшему свое мѣстопребываніе въ Даніи. Оппозиція, составлявшая въ палатѣ большинство, требовала, чтобы исландскій министръ былъ независимъ отъ датской политики, а также, чтобы финансы острова были совершенно отдѣлены отъ датскихъ финансовъ.

Наконецъ, конституція 1893 г. дала Исландіи автономное управленіе. Островъ болѣе не участвуетъ въ расходахъ монархіи. Исландскій министръ проживаетъ въ Копенгагенѣ и является отвѣтственнымъ лицомъ за соблюденіе конституціи. *Альтингъ* состоитъ изъ двухъ палатъ: Верхняя имѣетъ 12 членовъ, изъ которыхъ 6 назначаются королемъ, а 6 избираются Нижней палатой. *Альтингъ* имѣетъ право жаловаться на дѣйствія губернатора; рѣшеніе спора въ этихъ случаяхъ принадлежитъ королю.

*) На выборахъ 1895 г. лѣвая снова оказалась въ большинствѣ.

ГЛАВА XIV.

Оттоманская имперія *).

Оттоманская имперія въ 1814 г.—Кризисъ, вызванный греческимъ возстаніемъ.—Реформы Махмуда. — Столкновеніе съ Египтомъ. — Реформы Решида-паши. — Кризисъ, вызванный Крымской войною. — Попытки реформъ Фуада-паши и Али. — Финансовый кризисъ и Молодая Турція.—Русское вторженіе и новое раздробленіе имперіи.—Личное управленіе Абдулъ-Гамида.

Оттоманская имперія въ 1814 году. — Оттоманская имперія, созданная въ давно минувшія времена династіей оттоманскихъ султановъ (имя которыхъ она носитъ), была военной неограниченной мусульманской монархіей, основанной въ Азіи и затѣмъ, путемъ завоеванія, распространившей свою власть на значительную часть Европы.

Территорія ея, даже послѣ потерь, понесенныхъ въ XVIII вѣкѣ, была еще очень обширна; она обнимала всю Малую Азію, вплоть до Персіи, Сирію, Египетъ, а въ Европѣ—весь Балканскій полуостровъ, вплоть до австрійской и русской границъ. Но порядокъ управленія въ этой имперіи оставался восточнымъ, мусульманскимъ, деспотическимъ, и это все болѣе и болѣе отчуждало ее отъ христіанской Европы, въ которой совершался поворотъ въ сторону либеральныхъ учрежденій. Весь девятнадцатый вѣкъ прошелъ для оттоманскаго правительства въ кризисахъ, чередовавшихся съ попытками реформъ.

Какъ государство восточное и деспотическое, Оттоманская имперія уже не имѣла правильно дѣйствующихъ учрежденій. Дѣятельность центральнаго правительства направлялась какимъ-то хаотическимъ сочетаніемъ личнаго произвола султана или его любимцевъ, приказаній его намѣстника, *великаго визиря*, и рѣшеній *дивана*, т. е. совѣта высшихъ сановниковъ.—Армія состояла главнымъ образомъ изъ *янычаръ*, квартировавшихъ въ казармахъ Константинополя и въ его окрестностяхъ; то было войско наслѣдственныхъ солдатъ, которые дрались дурно, не повиновались своимъ начальникамъ и даже возмущались противъ своего верховнаго повелителя (два султана были низвергнуты ими, 1807 — 1808 гг.). — Финансовое управленіе отличалось самой первобытной организаціей: въ этомъ управленіи не было ни бюджета (султанъ бралъ изъ суммъ государственнаго казначейства, сколько ему вздумается), ни отчетности, ни контроля (бумаги хранились просто въ мѣшкахъ), ни нормы налоговъ, ни правильнаго взысканія ихъ. Подушная подать (*харадж*и), которою были обложены всѣ мужчины не-мусульманскаго вѣроисповѣданія, оброки съ государственныхъ земель и пошлины за транзитъ сдавались на откупъ предпринимателямъ, которые взимали болѣе того, что полагалось по закону.—Управленіе въ провинціяхъ было одною сплошною эксплоатаціей. Губернаторы брали провинціи съ торговъ, а чиновники, не получая жалованья и оставаясь къ тому же безъ надзора, притѣсняли населеніе и вымогали съ него деньги.

Въ Европѣ положеніе имперіи, какъ государства мусульманскаго, было обставлено затрудненіями особаго рода. Султанъ былъ въ то же время Халифомъ, т. е. главою правовѣрныхъ; коранъ былъ для мусульманъ закономъ не только въ религіозныхъ, но также въ гражданскихъ и политическихъ дѣлахъ. Такимъ образомъ возникло смѣшеніе церкви и государства, и церковь предписывала государству свои законы. Гражданская власть запрещала каждому мусульманину, подъ страхомъ смертной казни, переходить въ другую вѣру. Собственно оттоманскій народъ состоялъ изъ однихъ мусульманъ. Это не была нація въ

*) Эта глава по необходимости будетъ отличаться краткостью: азіатскія провинціи Оттоманской имперіи лежатъ внѣ рамокъ европейской исторіи; вмѣшательство европейскихъ державъ въ восточный вопросъ входитъ въ тѣ главы, которыя посвящены международнымъ отношеніямъ; исторію борьбы христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова за независимость я счелъ болѣе умѣстнымъ отнести въ ту главу, которая трактуетъ объ этихъ народахъ; слѣдовательно, въ настоящей главѣ мнѣ остается только изложить исторію правительства султановъ въ ихъ европейскихъ владѣніяхъ и тѣхъ попытокъ реформъ, которыя они дѣлали.

этнографическомъ значеніи этого слова, это не была даже группа людей, соединенныхъ общностью языка и обычаевъ, какъ мы это видимъ у другихъ европейскихъ національностей. Націи, обратившіяся въ исламъ, дѣлались равноправными съ завоевателями, хотя бы онѣ и сохраняли свой языкъ и свой національный костюмъ. Ходячія выраженія: Турція, турецкая имперія, въ сущности, не вѣрны ни въ политическомъ смыслѣ, такъ-какъ всѣ мусульмане — *османы*, ни въ этнографическомъ, такъ какъ въ европейской Турціи, за исключеніемъ Константинополя и его окрестностей, мусульманское населеніе не турецкое. Оно состоитъ изъ кроатовъ въ Босніи, изъ албанцевъ въ Эпирѣ, изъ болгаръ (*помаковъ*) въ Македоніи, изъ грековъ на островахъ. Между всѣми этими мусульманами правительство не дѣлало никакого различія ни юридически, ни даже на практикѣ: всѣ имѣли одинаковый доступъ ко всѣмъ отличіямъ и должностямъ. Мусульманская имперія была по истинѣ демократическимъ государствомъ.

Но такъ какъ мусульмане, въ противность тому, что̀ дѣлали христіане въ средніе вѣка, терпѣли пребываніе не-мусульманъ въ своихъ владѣніяхъ и только низводили ихъ до положенія людей низшаго разряда, то населеніе почти во всѣхъ европейскихъ провинціяхъ состояло изъ двухъ слоевъ: верхняго и нижняго. Прежніе обитатели страны, оставшіеся христіанами, стали *райей* (стадомъ), чуждымъ оттоманскому государству; они не могли, въ принципѣ, ни поступать въ войска, ни занимать должностей на государственной службѣ; государство терпѣло ихъ, но устраняло отъ политической жизни и эксплоатировало посредствомъ *хараджи*. Мусульмане между собою составляли демократію, но были аристократіей по отношенію къ *райѣ*. Оттоманское общество, демократическое по своему устройству, сдѣлалось аристократическимъ, благодаря своей религіи. Оно состояло изъ двухъ классовъ, изъ которыхъ одинъ былъ лишенъ всякихъ политическихъ правъ, а другой монополизировалъ власть въ свою пользу; классы эти, неравноправные и, по необходимости, враждебные одинъ другому, не могли слиться въ одно, такъ какъ ихъ раздѣляла религіозная ненависть. Политическое неравенство повлекло за собою и неравенство соціальное; мусульмане повсюду были землевладѣльцами и господами, а христіане—наемщиками земли и подчиненными.

Чтобы оградить себя отъ мусульманъ, христіане добились отъ султановъ обѣщанія гарантій для ихъ религіи, т. е. для ихъ духовенства и церквей. Каждое христіанское вѣроисповѣданіе (а также и евреи) образовало религіозную общину, достаточно хорошо организованную, чтобы сдѣлаться въ то же время и административной общиной; оттоманское правительство поощряло эту организацію, такъ какъ она облегчала ему сношенія съ его подданными. Въ каждой такой общинѣ духовенство, патріархъ, митрополиты, епископы, будучи офиціальнымъ представителемъ своей паствы и отвѣтственнымъ передъ правительствомъ, сдѣлалось гражданскою властью: духовенство судило своихъ единовѣрцевъ, управляло ими, а порой и притѣсняло ихъ.

Для христіанъ-иностранцевъ, прибывшихъ изъ Европы, нѣкоторыя государства добились сначала признанія за консулами права выступать въ качествѣ политическихъ представителей своихъ соотечественниковъ, проживавшихъ въ Турціи. Позднѣе султанъ согласился на то, чтобъ покровительство иностранныхъ консуловъ было распространено и на извѣстную часть его подданныхъ, христіанскаго вѣроисповѣданія. Такъ, Франція получила офиціальное право покровительства надъ католиками, особенно многочисленными въ Малой Азіи, а Россія получила право покровительствовать православнымъ, т. е. почти всѣмъ христіанамъ въ европейской Турціи. Такимъ образомъ два европейскія правительства имѣли возможность вмѣшиваться во внутреннія дѣла имперіи.

Въ качествѣ мусульманина, султанъ оставался чуждымъ среди семьи остальныхъ европейскихъ государей; его владѣнія оставались внѣ международнаго христіанскаго права; водворившись въ Европѣ въ качествѣ пришельца, вторгнувшагося извнѣ, онъ постоянно подвергался опасности быть изгнаннымъ силою.

Такимъ образомъ имперія была ослаблена не однимъ разстройствомъ ея военной организаціи; причина ея слабости коренилась главнымъ образомъ въ ея религіозномъ устройствѣ. Султанъ царствовалъ не надъ націей, а надъ двумя группами націй, образовавшими два наслоенія и непримиримо враждебными одна другой, причемъ наиболѣе многочисленная изъ этихъ группъ относилась враждебно къ самому принципу, на которомъ было построено государство, т. е. къ мусульманской религіи. Христіане, будучи естественными противниками оттоманскаго государства, оставались организованными по національностямъ и были готовы къ возстанію. Они находились подъ офиціальнымъ покровительствомъ великой европейской державы, враждебной Оттоманской имперіи и не стѣсняемой по отношенію къ послѣдней требованіями международнаго права.

Имперія, которой уже въ XVIII вѣкѣ угрожалъ союзъ Россіи и Австріи, уже сговорившихся между собою о томъ, какъ подѣлить ее, была спасена войнами между европейскими государствами,—войнами, которыя отвлекли вниманіе ея враговъ на Западъ; а также — водвореніемъ англичанъ въ Индіи, создавшимъ для Англіи непосредственный интересъ въ томъ, чтобы заграждать другимъ державамъ пути въ Ин-

дію. Въ 1814 г. защитникомъ султана, кромѣ старой его союзницы, Франціи, выступила также и Англія, слѣлавшаяся его союзницей во время египетской кампаніи; Австрія была занята въ Италіи и Германіи. Одна Россія оставалась враждебной, но и она отказалась отъ завоеванія, о которомъ мечтала Екатерина.

Кризисъ, вызванный греческимъ возстаніемъ (1820—27). — Когда въ Европѣ миръ былъ возстановленъ, выступилъ на очередь *восточный вопросъ*, т. е. вопросъ о томъ, что̀ станется съ Оттоманской имперіей? — Вопросъ этотъ собственно распадался на два другихъ: 1) Сохранитъ ли имперія свою цѣлость, или же распадется на части? 2) Останутся ли христіане, подчиненные султану, райей, или же они организуются въ націи? — Но изъ этихъ двухъ вопросовъ дипломаты, привыкшіе принимать въ соображеніе лишь государей, обращали вниманіе только на первый. Второй вопросъ назрѣвалъ медленно и помимо дипломатовъ. Греки и сербы поставили его уже на вѣнскомъ конгрессѣ, потребовавъ національной администраціи. Но имъ отказали.

Оттоманская имперія послѣ вѣнскаго конгресса жила почти въ непрерывной тревогѣ; ее волновали то возстанія подданныхъ, то возмущенія пашей, то вторженія сосѣдей въ ея предѣлы, то переговоры съ европейскими державами, не считая интригъ, разыгрывавшихся въ сералѣ. Первый серьезный кризисъ былъ вызванъ греческимъ возстаніемъ 1820 года. Но, такъ какъ греки были разсѣяны по всей имперіи, то они сначала не знали, съ какой области начать возстаніе, и пробовали возмутить своихъ соплеменниковъ разомъ и въ Эпирѣ, и въ Румыніи, и въ Греціи.

Въ Румыніи возстаніе было дѣломъ тайнаго общества, *гетеріи*, возникшаго въ Одессѣ и дѣйствовавшаго по всѣмъ правиламъ, принятымъ въ тайныхъ обществахъ того времени: у него были вожди, никому невѣдомые, нѣсколько степеней посвященія, шифрованная переписка, символическое знамя чернаго цвѣта, съ изображеніемъ феникса; цѣлью общества было возстановленіе греческой имперіи съ содѣйствіемъ императора Александра. Предводители рѣшили было поднять Морею, но Ипсиланти, у котораго были друзья въ Молдавіи, предпочелъ выпустить свою прокламацію въ Яссахъ. Прокламація эта полна воспоминаній о классической древности. «Станемъ, говорится въ ней, между Мараѳономъ и Ѳермопилами... Кровь тирановъ будетъ искупительной жертвой, пріятной тѣнямъ Эпаминонда, Тразибула, Мильтіада, Леонида. Турокъ, этихъ изнѣженныхъ потомковъ Дарія и Ксеркса, легче будетъ побѣдить, чѣмъ нѣкогда персовъ».

Румыны мало интересовались греческимъ возстаніемъ, они оставили Ипсиланти безъ поддержки, съ его «священнымъ батальономъ», который былъ отброшенъ въ Австрію. Караіасъ овладѣлъ городомъ Галацомъ, напавъ на него врасплохъ, разграбилъ мечети, перерѣзалъ гарнизонъ и мусульманское населеніе.

Въ греческихъ областяхъ возстаніе было всеобщимъ и сопровождалось рѣзнею. Оно вызвало такое раздраженіе среди мусульманъ, что султанъ велѣлъ повѣсить константинопольскаго греческаго патріарха и трехъ архіепископовъ, въ полномъ облаченіи, у входа въ греческую церковь, въ день Пасхи. Затѣмъ, послѣ попытки самосскихъ грековъ вызвать возстаніе среди населенія острова Хіоса, турецкія войска высадились на послѣдній, обѣщая амнистію; но затѣмъ перерѣзали часть этого мирнаго населенія, а остальныхъ увели въ неволю (1823). Эти казни и убійства возстановили противъ турокъ общественное мнѣніе Европы. Но правительства долгое время медлили своимъ вмѣшательствомъ.

Чтобы подавить возстаніе грековъ, султанъ обратился за помощью къ египетскому пашѣ, Мехмету-Али, который офиціально считался лишь чиновникомъ на султанской службѣ; Мехметъ-Али послалъ ему армію подъ начальствомъ своего сына, Ибрагима. Грецію, снова завоеванная оттоманскими войсками, вторгшимися въ ея предѣлы, была спасена вмѣшательствомъ европейскихъ державъ, которыя послали флотъ въ воды Мореи, съ цѣлью заставить Ибрагима удалиться; еще болѣе способствовало освобожденію Греціи вторженіе русской арміи въ предѣлы Оттоманской имперіи въ 1828—29 гг. Вступленіе русскихъ въ Адріанополь побудило султана просить мира. Онъ призналъ независимость новаго греческаго королевства (1829 г.). — Еще ранѣе, въ 1820 году, онъ долженъ былъ признать Милоша, серба христіанскаго вѣроисповѣданія, наслѣдственнымъ княземъ сербовъ Бѣлградской провинціи. То былъ первый шагъ на пути раздробленія Оттоманской имперіи.

Мирнымъ договоромъ, заключеннымъ съ русскимъ Императоромъ въ сентябрѣ 1829 г., султанъ обѣщалъ открыть для иностранныхъ судовъ доступъ въ проливы (Босфоръ и Дарданеллы), которые вели въ Черное море. Онъ обязался срыть всѣ крѣпости на лѣвомъ берегу Дуная, что на практикѣ было равносильно отказу отъ военнаго господства надъ Румыніей; наконецъ, онъ обязывался уплатить Россіи военныя издержки, что̀ ставило его въ зависимость отъ русскаго правительства, такъ какъ денегъ у него не было, и ему по необходимости предстояло замѣнить денежные взносы политическими уступками.

Реформы Махмуда (1826—28 гг.).—Махмудъ, царствовавшій съ 1808 г., хотѣлъ, подобно Петру Великому, преобразовать свою имперію по европейскому образцу. Сочувствіе къ европейскимъ порядкамъ было, какъ говорятъ, передано

ему его дядей, султаномъ Селимомъ (1788—1807 гг.), который палъ жертвой этого сочувствія, такъ какъ былъ свергнутъ съ престола за свою попытку реорганизовать войско янычаръ.

Махмудъ началъ съ арміи. Во время войны съ Греціей онъ объявилъ, что намѣренъ образовать особое войско, въ которомъ инструкторами будутъ арабы. Впрочемъ, онъ выступалъ не новаторомъ, а выдавалъ себя за возстановителя старыхъ оттоманскихъ традицій, устава Солимана. Онъ предписалъ янычарамъ поставить въ эту новую армію по 150 человѣкъ съ каждой *орты*. Янычары возмутились. Махмудъ, поддерживаемый остальными войсками, велѣлъ стрѣлять изъ пушекъ по казармамъ янычаръ; но при этомъ, какъ говорятъ, задніе выходы, по его приказанію, были оставлены открытыми, для того, чтобы желающіе могли спастись бѣгствомъ. Наиболѣе упорные бунтовщики были перебиты; султанъ объявилъ войско янычаръ упраздненнымъ (1826 г.); затѣмъ были упразднены и другія старыя войсковыя организаціи.

Послѣ этого было приступлено къ формированію новой арміи, которая была обмундирована и дисциплинирована по европейскому образцу и численность которой была доведена до 70,000 человѣкъ. Въ числѣ лицъ, работавшихъ надъ этимъ преобразованіемъ, находился одинъ прусскій офицеръ, знаменитый впослѣдствіи Мольтке, оставившій въ своей *Перепискѣ* сатирическое описаніе того, какъ велось это дѣло.

Реформа состояла, главнымъ образомъ, во внѣшнихъ деталяхъ, въ перемѣнѣ названій и въ проектахъ. Создали армію по европейскому образцу, т. е. снабдили ее русскими мундирами, французскимъ воинскимъ уставомъ, бельгійскими ружьями, турецкими чалмами, венгерскими сѣдлами, англійскими саблями и инструкторами всевозможныхъ національностей; армія эта состояла изъ *тимаріотовъ*, т. е. солдатъ, обязанныхъ пожизненной службой, и изъ *ландвера*, срокъ службы въ которомъ не былъ опредѣленъ, гдѣ командиры были изъ рекрутовъ, а рекруты—еще вчера врагами.

Махмудъ порывался также, по примѣру Петра Великаго, передѣлать обычаи своихъ подданныхъ на европейскій манеръ. Онъ пилъ вино, не взирая на запрещеніе корана, поощрялъ высшихъ сановниковъ напиваться до-пьяна. Онъ одѣвался въ короткое платье, какое носили въ Египтѣ, и коротко подстригалъ бороду; онъ установилъ длину одежды для своихъ подданныхъ и издалъ даже въ 1837 г. указъ, которымъ опредѣлялась длина бороды, а именно: вопреки установившемуся обычаю, предписывалось стричь бороду на разстояніи двухъ пальцевъ отъ подбородка.

Махмудъ уничтожилъ ту своеобразную аристократію чиновниковъ, которая монополизировала должности при дворѣ и въ провинціальномъ управленіи, превращая ихъ мало-по-малу въ наслѣдственное достояніе извѣстныхъ семействъ. Онъ разстроилъ организацію *дивана*, введя обычай рѣшать дѣла съ каждымъ изъ министровъ въ отдѣльности. Онъ внушилъ страхъ корпораціи *улемовъ*, которые были одновременно и богословами, и юристами, и не допускалъ открытаго сопротивленія реформамъ. Но для созданія правильныхъ учрежденій онъ не нашелъ достаточно просвѣщенныхъ помощниковъ между мусульманами; пользоваться же услугами европейцевъ онъ не могъ, такъ какъ ихъ, въ качествѣ христіанъ, слишкомъ презирали. Ему не удалось также преобразовать финансовые порядки. Его подражаніе Европѣ не шло далѣе поверхности и дало практическіе результаты только въ арміи.

«Европейцамъ, говоритъ Мольтке, почти невозможно составить себѣ понятіе о состояніи умовъ на Востокѣ... Турокъ, умѣющій читать и писать, считаетъ себя *ученымъ*». Далѣе этотъ же авторъ разсказываетъ, что одинъ изъ наиболѣе образованныхъ сановниковъ никакъ не могъ повѣрить, что земля кругла. Никто, кромѣ ренегатовъ-христіанъ, не говорилъ ни на одномъ иностранномъ языкѣ. Впрочемъ Мольтке признаетъ, что въ нравахъ замѣчался прогрессъ. «Уже одинъ тотъ фактъ, говоритъ онъ, что султанъ отважился наказать простымъ отрѣшеніемъ отъ должности нѣкоего Хозрева, который возвелъ 32 своихъ невольниковъ въ званіе пашей,—вмѣсто того, чтобы отрубить этому человѣку голову,—уже одинъ этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, что въ Турціи совершился прогрессъ; въ былое время это было бы невозможно». Другимъ доказательствомъ прогресса служитъ то, что когда дочь султана родила сына, его не удавили; было объявлено только, что онъ умеръ естественной смертью.

Столкновеніе съ Египтомъ (1833—40 гг.).—Пока вводились эти реформы, Оттоманская имперія переживала новый кризисъ. Египетскій губернаторъ, Мехметъ-Али, послѣ помощи, оказанной имъ султану во время возстанія Греціи, поссорился съ оттоманскимъ правительствомъ, въ которомъ руководящую роль игралъ личный врагъ Мехмета-Али, Хозревъ-паша.

Мехметъ потребовалъ сначала губернаторства Сиріи, которое было обѣщано ему султаномъ въ награду за его помощь. Прождавъ напрасно три года, Мехметъ рѣшился занять Сирію силой (1831 г.), причемъ однако онъ продолжалъ признавать себя подданнымъ султана, которому и предложилъ значительную сумму денегъ, прося объ утвержденіи за нимъ упомянутой провинціи. Но враги его, бывшіе въ милости при дворѣ, убѣдили султана объявить Мехмета бунтовщикомъ. Тогда армія Мехмета, овладѣвшая Сиріей, вторглась въ Малую Азію и двинулась на Константинополь. Испуганный султанъ обратился за

помощью къ русскому императору, который, принявъ на себя роль защитника Оттоманской имперіи отъ египетскаго нашествія, послалъ пятнадцатитысячную армію; эта послѣдняя расположилась лагеремъ около Константинополя для его защиты. Въ награду за эту услугу Россія добилась заключенія трактата въ Ункіаръ-Скелесси (1833 г.), который, подъ видомъ договора о союзѣ, устанавливалъ протекторатъ Россіи; послѣдняя брала на себя обязательство помогать султану, а султанъ за это открывалъ русскимъ военнымъ судамъ доступъ въ проливы. Франція, державшая сторону Мехмета-Али, добилась для него сирійскаго губернаторства.

Мехметъ постоянно выдавалъ себя за вѣрнаго слугу султана, не желающаго разрушить Оттоманскую имперію, а стремящагося, напротивъ, упрочить ее, низвергнувъ дурныхъ министровъ и занявъ ихъ мѣсто въ милости султана (На Востокѣ, такъ же, какъ это было нѣкогда и въ Европѣ, сопротивленіе агентамъ государя не считается возмущеніемъ противъ самого государя). Но европейскія правительства поставили вопросъ иначе: въ ихъ глазахъ Мехметъ былъ независимый правитель, соперникъ султана и врагъ Оттоманской имперіи; они приняли мѣры, чтобы остановить его успѣхи.

По словамъ австрійскаго дипломата, Прокешъ-Остена, Мехметъ-Али еще въ 1829 году отвѣтилъ одному англійскому агенту, явившемуся къ нему съ предложеніемъ сдѣлаться независимымъ: «Вы—иностранецъ и не знаете мусульманскихъ понятій .. Знаете ли вы, какія послѣдствія имѣло бы для меня раздробленіе имперіи? Всякій мусульманинъ сталъ бы съ отвращеніемъ сторониться отъ меня; собственный мой сынъ, первый, покинулъ бы меня. Султанъ—безумецъ, но Богъ послалъ намъ его за наши грѣхи». Въ 1833 г. онъ, какъ увѣряютъ, сказалъ нѣкоторымъ европейцамъ, проживавшимъ въ Александріи: «Я хочу оставаться слугою султана... Если Ибрагимъ дойдетъ до Босфора, онъ падетъ къ ногамъ султана и будетъ молить его о прощеніи и о дозволеніи вернуться въ Египетъ».

Послѣ смерти Махмуда, Хозревъ-паша, возвращаясь изъ экспедиціи противъ курдовъ, счелъ себя достаточно сильнымъ, чтобы отнять Сирію у Мехмета, но армія его была разбита (1839 г.). Повторилась кампанія 1833 года; египетская армія прошла Малую Азію и направилась на Константинополь. Но на этотъ разъ вмѣшалось англійское правительство и побудило остальныя державы, наперекоръ Франціи, оказать давленіе на Мехмета съ цѣлью принудить его заключить миръ и даже отказаться отъ Сиріи (1840 годъ). Затѣмъ, чтобы отнять у Россіи монополію покровительства султану, Англія добилась заключенія такъ называемой *конвенціи о проливахъ* (1841 г.), которая закрыла проливы для всѣхъ европейскихъ военныхъ судовъ.

Такимъ образомъ кризисъ привелъ къ упроченію Оттоманской имперіи.

Реформы Решида-паши (1838—1850 гг.).— Махмудъ умеръ еще до окончанія египетскаго кризиса (1838 г.). Наслѣдникъ его, Абдулъ-Меджидъ, предоставилъ управленіе своимъ министрамъ. Главный изъ нихъ, Решидъ-паша, бывшій до этого посланникомъ въ Лондонѣ, научился въ Европѣ цѣнить силу общественнаго мнѣнія; онъ попытался ввести въ Турціи европейскія учрежденія и, съ цѣлью расположить въ свою пользу общественное мнѣніе Европы, возвѣстилъ объ этихъ реформахъ въ торжественномъ заявленіи, форма котораго была подражаніемъ европейскимъ хартіямъ.

Гатти-шерифъ 3-го ноября 1837 г. былъ обнародованъ въ Гюльханѣ, въ одномъ изъ садовъ султана,—въ присутствіи высшихъ сановниковъ, дипломатическаго корпуса, а также представителей отъ націй, находившихся на положеніи *райи* — грековъ, армянъ, евреевъ; обнародованіе это сопровождалось торжественнымъ церемоніаломъ (101 пушечный выстрѣлъ, богослуженіе; астрологамъ было поручено опредѣлить по звѣздамъ минуту, наиболѣе благопріятную для чтенія *гатти-шерифа*). Документъ этотъ былъ нѣчто вродѣ конституціонной хартіи, которую султанъ даровалъ своимъ подданнымъ,—всѣмъ своимъ подданнымъ, безъ различія вѣроисповѣданій. Султанъ восхвалялъ старые обычаи, объявлялъ, что всѣ неурядицы произошли отъ того, что отступили отъ этихъ обычаевъ, и въ заключеніе объявлялъ о своемъ намѣреніи ввести новыя учрежденія. Такое противорѣчіе между началомъ и концомъ гатти-шерифа естественнымъ образомъ вытекало изъ положенія правительства, вводящаго реформы среди населенія, привязаннаго къ своимъ религіознымъ традиціямъ. Эти новыя національныя учрежденія должны были обезпечить всѣмъ подданнымъ, безъ различія исповѣданій, безопасность ихъ жизни, чести и имущества; султанъ обѣщался отмѣнить сдачу налоговъ на откупъ, а также конфискаціи и монополіи.

Признаніе за райей такихъ же гражданскихъ правъ, какъ и за мусульманами, уже само по себѣ являлось цѣлою революціей. Но *гатти-шерифъ* не ограничивался одними обѣщаніями. Решидъ-паша приложилъ всѣ старанія, чтобы осуществить эти обѣщанія на практикѣ. Нѣкоторыя европейскія учрежденія уже были введены; такъ, были устроены маяки въ Босфорѣ, госпиталь, карантинъ; чтобы придать большую правильность дѣятельности центральнаго правительства, былъ созданъ совѣтъ министровъ. Решидъ пытался также преобразовать финансы. Посредствомъ торговыхъ договоровъ онъ добился отъ европейскихъ державъ отказа отъ тѣхъ максимальныхъ таможенныхъ тарифовъ, которые были выговорены ими въ прежнее время; въ

вознагражденіе за эту уступку была отмѣнена система внутреннихъ транзитныхъ пошлинъ, съ ихъ измѣнчивою таксою; ихъ замѣнили единообразной таможенной пошлиной въ 9 процентовъ, взимавшейся со всѣхъ ввозимыхъ иностранныхъ товаровъ; мѣра эта была большимъ облегченіемъ для торговли. Въ самой Турціи Решидъ отмѣнилъ сдачу податей на откупъ; раскладка и взиманіе подушной подати были поручены самимъ общинамъ, которыя передавали собранныя суммы особымъ правительственнымъ чиновникамъ.

Эти реформы раздражили мусульманъ, оставшихся приверженцами старыхъ порядковъ, такъ называемую партію «старыхъ турокъ», которая старалась возстановить султана противъ его министра. Абдулъ-Меджидъ колебался между старыми турками и реформаторами. Это столкновеніе осложнилось еще борьбою изъ-за вліянія на Турцію, завязавшейся между двумя европейскими соперничающими державами, Россіей и Англіей. Среди приближенныхъ султана каждая изъ этихъ державъ имѣла своихъ сторонниковъ; Решидъ склонялся на сторону Англіи, тогда какъ Риза-паша стоялъ за Россію. Нѣсколько разъ Решидъ впадалъ въ немилость, затѣмъ султанъ снова призывалъ его. Риза, съ своей стороны, пробовалъ ввести кое-какія реформы. Въ тѣ періоды, когда реформаторы находились въ немилости, чиновники возвращались къ старымъ своимъ привычкамъ и возстановляли прежніе порядки: сдачу податей на откупъ и сборъ ихъ военными губернаторами.

Решидъ дорожилъ мнѣніемъ Европы, въ особенности Англіи. «Я признаю,—говорилъ онъ въ 1847 г.,—что наше управленіе еще не можетъ назваться хорошимъ, но мы, по крайней мѣрѣ, мѣшаемъ другимъ управлять дурно.» Самъ Абдулъ-Меджидъ, повидимому, интересовался реформами; онъ публично прочелъ указъ, написанный его рукою, гдѣ говорилось, что султанъ съ прискорбіемъ видитъ, что проекты его не привели къ ожидаемому результату, и возвѣщалось о намѣреніи создать школы, въ которыхъ подданные имперіи могли бы усвоить себѣ начала наукъ и промышленной дѣятельности (1845 г.).

Всѣ эти смутныя попытки реформъ, чередовавшіяся съ періодами реакціи, всѣ эти нововведенія, наибольшая часть которыхъ не шла дальше обѣщаній, не могли повлечь за собою серьезнаго преобразованія имперіи. Изо всѣхъ новыхъ учрежденій только одно оказалось прочнымъ, а именно—армія, преобразованная на основаніи системы набора, заимствованной изъ Европы. Она раздѣлялась на двѣ части: на дѣйствующую армію (*низамъ*), съ пятилѣтнимъ срокомъ службы, и резервъ (*редифъ*), въ которомъ служба была семилѣтняя. Армія состояла изъ пяти корпусовъ и была вооружена по европейски; такъ же, какъ и прежде, она пополнялась исключительно изъ рядовъ мусульманскаго населенія. Армія эта имѣла хорошихъ солдатъ, храбрыхъ и выносливыхъ; но офицеры, командовавшіе ими, отличались неспособностью.

Решидъ настоялъ на изданіи декрета, которымъ порядокъ управленія преобразовывался вполнѣ. Власть губернатора въ провинціяхъ, бывшая до тѣхъ поръ всеобъемлющей, была раздѣлена между тремя должностными лицами: военнымъ губернаторомъ, гражданскимъ администраторомъ (*вали*) и финансовымъ чиновникомъ, завѣдывавшимъ сборомъ податей; такимъ образомъ были созданы три отдѣльныя вѣдомства; во главѣ каждаго изъ нихъ долженъ былъ стоять министръ, такъ же, какъ и въ Европѣ. Решидъ пытался придать должности *вали* наибольшее значеніе въ управленіи провинціями; съ этою цѣлью этимъ чиновникамъ была подчинена полиція; а для контроля надъ ними были учреждены провинціальные совѣты изъ мѣстныхъ нотаблей; но эти совѣты только мѣшали осуществленію реформы. Преобразованія въ области юстиціи ограничились созданіемъ нѣсколькихъ смѣшанныхъ судовъ, состоявшихъ на половину изъ европейцевъ; судопроизводство въ этихъ судахъ было письменное. Податную реформу пришлось оставить, за неимѣніемъ честныхъ исполнителей; откупъ налоговъ и таможенныхъ сборовъ былъ возстановленъ. Обѣщанныя государственныя школы не были учреждены. Банкъ, который Решидъ пробовалъ создать, былъ замѣненъ *Оттоманскимъ банкомъ*, гдѣ весь персоналъ служащихъ состоялъ изъ европейцевъ.

Тѣмъ не менѣе, говоря относительно, этотъ періодъ былъ періодомъ благоденствія и мира, который былъ только разъ нарушенъ возстаніемъ христіанъ на о. Критѣ въ 1841 г. Управленіе сдѣлалось болѣе мягкимъ; пытки и конфискаціи вышли изъ употребленія.

Кризисъ, вызванный крымской войною (1852—59 г.).—Эти попытки преобразованій подали европейскимъ державамъ надежду, что восточный вопросъ будетъ разрѣшенъ превращеніемъ Оттоманской имперіи въ государство современнаго типа. Но императора Николая такое рѣшеніе вопроса неудовлетворяло. Еще въ 1844 г., во время своей поѣздки въ Англію, онъ говорилъ: «Въ моемъ кабинетѣ существуютъ два мнѣнія относительно Турціи: одни думаютъ, что она умираетъ, а другіе,—что она умерла. Во всякомъ случаѣ, ничто не помѣшаетъ ей умереть въ ближайшемъ будущемъ». Въ 1852 году онъ сказалъ англійскому посланнику, что «надо сговориться относительно похоронъ». Англійское правительство, во главѣ котораго стоялъ Пальмерстонъ, предпочло поддерживать Оттоманскую имперію, противодѣйствуя планамъ Николая I-го, и успѣло заключить союзъ съ Наполеономъ III и съ королемъ сардинскимъ.

Столкновеніе осложнилось еще ссорою между католическими монахами, состоявшими подъ покровительствомъ Франціи, и греками, находившимися подъ покровительствомъ Россіи. Тѣ и другіе спорили изъ-за обладанія ключами отъ *святыхъ мѣстъ* въ Палестинѣ, т. е. Виѳлеема и гроба Господня. Послѣ долгихъ переговоровъ русскій императоръ отдалъ своей арміи приказъ вступить въ Молдавію, заявивши, что эта мѣра имѣетъ цѣлью защиту православной вѣры. Такъ началась война; но европейскія арміи выступили на защиту Оттоманской имперіи и перенесли войну на русскую территорію, въ Крымъ.

На Парижскомъ конгрессѣ (1856 г.) европейскія правительства, считая существованіе Оттоманской имперіи необходимымъ для европейскаго равновѣсія, объявили, что гарантируютъ ей неприкосновенность ея территоріи; но взамѣнъ они потребовали уступокъ отъ султана.

Наполеонъ добился автономіи Молдавіи и Валахіи. Это было вторымъ раздѣломъ Турціи.

Что касается внутренняго управленія имперіей, то державы, полагавшіяся до сихъ поръ на добрую волю султана, потребовали отъ него положительнаго обязательства осуществить реформы, которыя онъ такъ давно обѣщалъ. Чтобы не посягать на его верховную власть, была придумана форма, косвенно налагавшая на него это обязательство. Султанъ издалъ эдиктъ (*гатти-гумаюнъ*, февраль 1856 г.), въ которомъ провозглашались реформы. Эдиктъ этотъ былъ сообщенъ иностраннымъ державамъ, которыя отвѣчали: «Державы, участвовавшія въ заключеніи договора, признаютъ высокую цѣнность этого сообщенія. Само собою разумѣется, что оно ни въ какомъ случаѣ не даетъ сказаннымъ державамъ права коллективнаго или единоличнаго вмѣшательства въ отношенія его величества султана къ его подданнымъ и во внутреннее управленіе имперіей».

Этимъ *гатти-гумаюномъ* провозглашался принципъ не только личной безопасности, признанный еще въ 1839 году, но и свободы и равенства передъ закономъ для всѣхъ подданныхъ Оттоманской имперіи, какого бы вѣроисповѣданія они ни были. Всѣ различія, которыя законъ устанавливалъ между магометанами и христіанами, были упразднены; христіане получали свободный доступъ ко всѣмъ военнымъ чинамъ и ко всѣмъ должностямъ; они освобождались отъ подушной подати и получали право имѣть своихъ представителей въ провинціальныхъ совѣтахъ. *Гатти-гумаюнъ* равнялся обѣщанію отнять у Оттоманской имперіи ея вѣроисповѣдный характеръ. Но добиться этого обѣщанія въ полномъ его объемѣ все-таки не удалось. Англійское правительство требовало отмѣны смертной казни для мусульманъ, обратившихся въ другую религію (около этого времени большого шума надѣлало слѣдующее происшествіе: одинъ молодой христіанинъ, въ минуту раздраженія, перешелъ въ мусульманство; но затѣмъ онъ вернулся къ прежней своей религіи и за это былъ казненъ). Оттоманское правительство отвѣчало, что впредь подобныхъ казней не будетъ совершаться, но что объявлять объ этомъ публично—значило бы вызвать взрывъ фанатизма. Пришлось удовольствоваться слѣдующимъ довольно двусмысленнымъ заявленіемъ: «Такъ какъ всѣ вѣроисповѣданія должны быть свободны, то ни одинъ оттоманскій подданный не можетъ быть стѣсняемъ въ исполненіи предписаній своей религіи или преслѣдуемъ за это; никто также не можетъ быть принуждаемъ къ перемѣнѣ религіи».

Попытки реформъ Фуада-паши и Али (1859—71 гг.).—*Гатти-гумаюнъ* обѣщалъ радикальную реформу: обращеніе Оттоманской имперіи въ свѣтское государство, въ которомъ христіане должны были пользоваться покровительствомъ законовъ; но такъ какъ мусульманскій порядокъ управленія не оказывалъ имъ этого покровительства, то для того, чтобы заставить мусульманъ признать равенство съ невѣрными, пришлось бы выдержать борьбу, которая оттоманскому правительству была не подъ силу. А между тѣмъ европейскія державы приняли къ свѣдѣнію обѣщанія *гатти-гумаюна* и слѣдили за оттоманскимъ правительствомъ, понуждая его къ ихъ исполненію. Султанъ такимъ образомъ очутился между своими собственными подданными, нежелавшими реформы, и иностранцами, требовавшими ея осуществленія.

Сами христіанскіе подданные имперіи относились въ реформѣ недовѣрчиво. Ихъ вожди, патріархи и епископы, боялись потерять власть надъ своею паствой, такъ какъ правительство, объявивъ всѣхъ своихъ подданныхъ равноправными, выводило изъ этого заключеніе о необходимости уничтожить или, по крайней мѣрѣ, подвергнуть пересмотру тѣ привилегіи, которыми пользовались религіозныя общины. Христіане дорожили этими привилегіями, такъ какъ уничтоженіе послѣднихъ въ ихъ глазахъ было равносильно съ отсутствіемъ спеціальнаго покровительства и съ полною беззащитностью отъ мусульманъ. Они не хотѣли служить въ арміи и предпочитали откупаться деньгами; подушная подать возстановлялась въ формѣ особыхъ взносовъ, платимыхъ за освобожденіе отъ военной службы.

Мусульмане, привыкшіе презирать невѣрныхъ, не хотѣли повиноваться ни христіанскимъ офицерамъ, ни христіанскимъ чиновникамъ; правительство объявило о своемъ намѣреніи ввести судебную реформу; предполагалось отдѣлить судебную власть отъ административной, учредить смѣшанные суды, составъ которыхъ избирался бы нотаблями, и въ которыхъ христіане допускались бы

къ свидѣтельству на равныхъ правахъ съ мусульманами; эти суды должны были руководиться началами, признанными въ современныхъ законодательствахъ; засѣданія предполагалось сдѣлать публичными, а судопроизводство правильнымъ. Всѣ понимали, что въ Турціи подобная реформа непримѣнима; она и не была примѣнена. Герцеговинскіе горцы, поддерживаемые своими сосѣдями черногорцами, кончили тѣмъ, что взбунтовались; пришлось послать войско для ихъ усмиренія (1860—1861 гг.),

Европейскія правительства офиціально выразили свое сожалѣніе о томъ, что оттоманское правительство «не приступаетъ къ постепенному, но неуклонному примѣненію реформъ» (1859 годъ), и Россія предложила назначить разслѣдованіе о положеніи христіанъ; но общее вниманіе въ это время было отвлечено итальянскими дѣлами или же поглощено избіеніемъ христіанъ въ Ливанѣ. Затѣмъ Абдулъ-Меджидъ умеръ (1861 г.), а новый султанъ, Абдулъ-Азисъ, предоставилъ управленіе двумъ сторонникамъ реформъ, Фуаду-пашѣ и Али-пашѣ, которые и оставались у кормила правленія, съ нѣкоторыми впрочемъ перерывами. (Разсказываютъ, что султанъ однажды предлагалъ власть одному вертящемуся дервишу.)

Главною реформою этого періода была попытка сдержать обѣщаніе, данное въ 1856 году, и отдѣлить судебную власть отъ административной (1864 г.). Въ каждомъ изъ административныхъ подраздѣленій территоріи, въ *вилайетѣ* (губерніи), *санджакѣ* (уѣздѣ) и *казѣ* (участкѣ), учреждался судъ и совѣтъ нотаблей, въ которомъ, само собою разумѣется, большинство состояло изъ мусульманъ, такъ какъ избирательные списки составлялись мусульманами.

Въ Критѣ, гдѣ большинство населенія греческое и христіанское и состоитъ отчасти изъ вооруженныхъ горцевъ, недовольство приняло форму открытаго вооруженнаго возстанія (такое возстаніе уже было однажды, въ 1841 году). Греческіе патріоты королевства Греціи старались присоединить Критъ къ Греціи; въ Аѳинахъ былъ учрежденъ Критскій комитетъ, находившійся въ сношеніяхъ съ жителями острова. Въ 1866 г. христіане выбрали комиссію, которая представила султану петицію, перечислявшую всѣ злоупотребленія губернаторовъ и мусульманъ; въ этой петиціи христіане требовали личной и имущественной безопасности. Правительство отказало принять эти требованія во вниманіе, и тогда все христіанское населеніе возстало (май 1866 г.); общее собраніе критянъ объявило оттоманское господство упраздненнымъ и Критъ — «связаннымъ неразрывнымъ союзомъ съ своей матерью-Греціей». Инсургенты заняли весь островъ, за исключеніемъ укрѣпленныхъ пунктовъ на сѣверѣ, гдѣ искали убѣжища мусульмане. Изъ Греціи критянамъ доставлялись оружіе и волонтеры; но европейскія державы, къ которымъ они взывали о помощи, отказались отъ вмѣшательства. Когда турецкая армія, состоявшая по меньшей мѣрѣ изъ 30,000 человѣкъ, перешла къ наступательнымъ дѣйствіямъ, инсургенты вскорѣ были отброшены въ горы, гдѣ жители Сфакіи продолжали защищаться вплоть до 1868 года. Попытка возстанія, произведенная греками въ Ѳессаліи и Эпирѣ, не удалась.

Разслѣдованіе, произведенное европейскими правительствами, выяснило, что равноправности, обѣщанной въ 1856 г., въ дѣйствительности не существовало. Допущеніе христіанъ ко всѣмъ должностямъ было однимъ отводомъ глазъ; ихъ принимали лишь на низшія должности. Къ тому же эти христіанскіе чиновники не умѣли держать себя съ достоинствомъ и были ненавидимы христіанами другихъ вѣроисповѣданій. Смѣшанные суды были слишкомъ малочисленны, да и христіане боялись въ нихъ засѣдать; христіанинъ, тягавшійся съ мусульманиномъ, не могъ добиться правосудія, такъ какъ его свидѣтельству не давали вѣры; единственное средство добиться правосудія при этихъ условіяхъ состояло въ томъ, чтобы подкупить двухъ свидѣтелей изъ мусульманъ. Въ арміи христіане не хотѣли служить вмѣстѣ съ мусульманами, мусульмане не хотѣли повиноваться христіанскимъ офицерамъ, а потому армія оставалась мусульманской.

Гласности судебныхъ засѣданій на практикѣ не существовало, такъ какъ полиція охраняла входъ въ залу засѣданій. Тюрьмы были ужасны; *zaptiïi* (жандармы) вербовались изъ среды преступниковъ. Откупъ налоговъ, который хотѣли отмѣнить, былъ возстановленъ; бюджетъ имѣлъ фиктивный характеръ, контроль счетной палаты оказывался недостаточнымъ; взяточничество оставалось безнаказаннымъ; верховный судъ за все время своего существованія имѣлъ одно только засѣданіе. Единственныя учрежденія, пользовавшіяся авторитетомъ, были религіозныя общины и власть патріарховъ; даже злоупотребленія тѣхъ и другихъ не могли поколебать ихъ авторитета; источникъ такого обаянія былъ въ давности упомянутыхъ учрежденій.

Послѣ того, какъ произведенное слѣдствіе выяснило всѣ эти факты, европейскія державы протестовали противъ неисполненія гатти-гумаюна 1856 года. Когда былъ поднятъ вопросъ о преобразованіяхъ, которыя надлежало сдѣлать, то возникло соперничество между Франціей и Россіей. Франція предлагала *слить расы воедино*, т. е. упразднить всѣ «различія между національностями», и установить равенство правъ и единство администраціи, какъ во Франціи, съ тѣмъ, чтобы образовать одну оттоманскую націю. Россія, уже ранѣе того высказавшаяся противъ «такого смѣшенія оттоманскихъ расъ, не имѣющихъ задатковъ внутренней сплоченности», требовала для каждой

изъ нихъ особыхъ гарантій, «которыя должны были исходить изъ религіозныхъ и общинныхъ учрежденій, основанныхъ на національномъ принципѣ». «Равенство передъ закономъ останется въ Турціи химерою, пока турки будутъ турками, т. е. пока они не откажутся отъ корана, который проводитъ между ними и христіанами неизгладимую разграничительную черту». Россія совѣтовала «отдѣлить интересы христіанъ отъ интересовъ мусульманъ, примиривъ съ требованіями европейскаго равновѣсія параллельное и прогрессивное развитіе различныхъ національностей и вѣроисповѣданій, подчиненныхъ власти султана». Другими словами, это сводилось къ тому, чтобы сдѣлать каждую изъ христіанскихъ національностей небольшимъ автономнымъ народомъ. Франція давала дружескій совѣтъ, внушенный чувствомъ доброжелательства, но неисполнимый. Россія указывала рѣшеніе вопроса, болѣе практическое, но опасное, такъ какъ автономія враждебно настроенныхъ національностей равнялась раздробленію Оттоманской имперіи.

Оттоманское правительство вначалѣ послѣдовало совѣту Франціи; оно попыталось слить національности и старалось улучшить персоналъ своихъ чиновниковъ, давая молодымъ людямъ европейское образованіе; такъ, въ эту пору былъ основанъ французскій лицей въ Галатѣ (предмѣстьѣ Константинополя). Но оба министра-реформатора умерли, Фуадъ въ 1869 г., а Али въ 1871 г. Пораженіе Франціи лишило ее всякаго вліянія на султана и разстроило концертъ европейскихъ державъ, служившій Оттоманской имперіи защитою противъ Россіи.

Финансовый кризисъ и Молодая Турція (1871—76 гг.).—Послѣ 1871 года неурядица во всѣхъ дѣлахъ увеличилась. Дефицитъ такъ возросъ (до 125 милліоновъ въ 1875 году) и деньги стали такъ рѣдки, что правительство было доведено до частнаго банкротства; оно объявило, что будетъ уплачивать только половину процентовъ по государственному долгу. Податная тягость увеличилась, а съ нею вмѣстѣ—и недовольство. Наконецъ, сербскіе крестьяне въ Герцеговинѣ, возбуждаемые своими сосѣдями, черногорцами, а также, быть можетъ, эмиссарами изъ Сербіи и Россіи, отказались исполнять натуральныя повинности и возстали (1875 г.). Европейскія правительства, которыя, къ тому же, были въ это время очень озабочены своими собственными внутренними дѣлами, предоставили Оттоманскую имперію на произволъ судьбы.

Турецкое правительство, чтобы успокоить недовольныхъ, издало въ 1875 г. новый эдиктъ о реформахъ, въ которомъ возвѣщалось о допущеніи всѣхъ подданныхъ къ должностямъ, объ отмѣнѣ откупа налоговъ, о преобразованіи судовъ и объ учрежденіи комиссіи, долженствовавшей руководить дѣломъ введенія реформъ. Но европейскія государства извѣрились въ турецкія обѣщанія реформъ. Они отвѣчали коллективною нотою—депешею австрійскаго министра Андраши въ декабрѣ 1874 г. «Державы, говорилось въ этой нотѣ, считаютъ, что существуетъ тѣсная солидарность между интересами Европы, Турціи и возставшихъ населеній; онѣ желаютъ, чтобы посредствомъ реформъ былъ положенъ конецъ разорительной и кровопролитной борьбѣ». Затѣмъ высказывалось требованіе, чтобы «христіанская религія была юридически и фактически поставлена на одну ногу съ исламомъ»; чтобы «откупъ налоговъ былъ навсегда уничтоженъ» и чтобы «исполненіе реформъ не находилось въ зависимости отъ произвола пашей»; съ этою цѣлью ставилось требованіе «учредить контроль, который долженъ быть порученъ комиссіи, составленной изъ христіанъ и мусульманъ».—На этотъ разъ, очевидно, покровители имперіи болѣе не были намѣрены довольствоваться одними обѣщаніями и требовали контроля и гарантій. Турецкое правительство отвѣчало отказомъ.

Между тѣмъ возстаніе въ Герцеговинѣ превратилось на настоящую войну. Затѣмъ болгарскіе крестьяне, возбуждаемые однимъ комитетомъ, сдѣлали попытку небольшого возстанія (май 1876 г.). Одновременно съ этимъ въ Салоникахъ мусульманская толпа убила французскаго и германскаго консуловъ.

Тогда въ Турціи произошелъ кризисъ новаго рода. Уже втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ недовольство султаномъ Абдуломъ-Азисомъ и его расточительностью постоянно возрастало; говорили, что онъ сошелъ съ ума. Между мусульманами, въ особенности между тѣми, которые принадлежали къ молодому поколѣнію, возникла партія *Молодой Турціи*, которая требовала конституціи. Уже въ 1868 г. Кереддинъ, ссылаясь на традиціи Солимана, приписывалъ улемамъ и министрамъ право предъявлять султану протесты, а также низлагать его, въ случаѣ, если онъ будетъ упорствовать въ нарушеніи закона и въ удовлетвореніи всѣхъ своихъ прихотей. Въ манифестѣ, съ которымъ мусульманскіе патріоты, обратились къ иностраннымъ державамъ въ мартѣ 1876 года, говорилось: «Если-бы, вмѣсто деспота, въ Турціи былъ мудрый монархъ, опирающійся на палату съ совѣщательнымъ голосомъ, составленную изъ представителей всѣхъ національностей и вѣроисповѣданій, наше отечество было бы спасено. Таково истинное рѣшеніе вопроса; оно не противно корану; правительство въ Турціи избирательное».

Молодая Турція воспользовалась возбужденіемъ, которое было вызвано возстаніемъ въ Болгаріи. Студенты богословія (*софты*) толпою явились ко дворцу и произвели манифестацію. Султанъ послалъ спросить у нихъ, чего они хотятъ. «Мы ничего не хотимъ, отвѣчали они, но теперешнее правительство никуда не годится».

Испуганный султанъ тотчасъ же отрѣшилъ отъ должности великаго визиря и назначилъ министромъ одного изъ представителей Молодой Турціи, Митхада-пашу. Министры сговорились съ высшимъ представителемъ мусульманской духовной власти, Шейхомъ-уль Исламомъ, и уговорили его постановить рѣшеніе, которымъ султанъ былъ объявленъ неспособнымъ къ управленію. Абдулъ-Азисъ былъ свергнутъ съ престола 30 мая 1876 г., и вскорѣ было объявлено, что онъ окончилъ жизнь самоубійствомъ. Племянникъ его, Мурадъ V, возведенный на престолъ вмѣсто дяди, сошелъ съ ума почти немедленно по восшествіи на престолъ; онъ былъ низложенъ и замѣненъ Абдулъ-Гамидомъ (31 августа 1876 г.). Отъ имени султана дѣлами государства управлялъ Митхадъ.

Правительству пришлось отвѣчать на требованія европейскихъ державъ, которыя, въ интересахъ герцеговинскихъ христіанъ, настаивали на учрежденіи комиссіи реформъ, контролируемой европейскими консулами. Затѣмъ пришлось вступить въ борьбу съ болгарскими инсургентами. Такъ какъ регулярная армія была занята въ Герцеговинѣ, то въ Болгарію послали иррегулярныя войска, *баши-бузуковъ;* эти баши-бузуки были полуразбойники, они жгли селенія, убивали мужчинъ, насиловали всѣхъ женщинъ, беременнымъ вспарывали животы. По свидѣтельству американскаго консула, до 100 селеній было разрушено; отъ 25,000 до 40,000 жителей умерщвлено, 12,000 женщинъ уведено въ неволю. Въ Европѣ это вызвало взрывъ негодованія. Убійство консуловъ въ Салоникахъ и «болгарскіе ужасы», какъ выразился Гладстонъ, окончательно возстановили европейское общественное мнѣніе противъ турокъ. Правительства уже болѣе не рѣшались выступать на защиту Оттоманской имперіи.

Сербія, поддерживаемая Россіей, открыто начала войну во имя идеи «славянства».—Турецкое правительство не было болѣе въ состояніи уплачивать даже ту половину процентовъ по государственному долгу, до которой оно низвело свои разсчеты съ кредиторами. Европейскія государства начинали смотрѣть на Оттоманскую имперію, какъ на малолѣтняго, неспособнаго распоряжаться самимъ собою; они рѣшили взять ее подъ опеку. Для начала они заставили ее заключить перемиріе съ побѣжденными сербами; затѣмъ они сошлись на конференцію въ Константинополѣ, и эта конференція выработала проектъ реформъ, къ осуществленію которыхъ предполагалось *принудить* султана. Проекту этому однако не доставало согласія Англіи.

Съ цѣлью предовратить эту опеку Европы, *Молодая Турція* напала на мысль превратить абсолютистское турецкое государство въ конституціонную монархію. Оттоманская нація, положивъ конецъ управленію султана, основанному на произволѣ, должна была взять свои дѣла въ собственныя руки; при этомъ условіи она получала возможность преобразовать страну и, въ то же время, сдѣлать вмѣшательство державъ излишнимъ. Трудно сказать, точно-ли иниціаторы этого плана считали конституцію средствомъ, могущимъ предотвратить распаденіе Оттоманской имперіи, или же они только играли комедію передъ Европой, съ цѣлью избавиться отъ иностраннаго вмѣшательства.

Конституція, проектъ которой былъ тайно выработанъ комиссіей, составленной изъ *улемовъ* и чиновниковъ, была провозглашена неожиданно, но съ большою торжественостью (декабрь 1876 года). Это была конституція на манеръ европейскихъ; ею учреждался отвѣтственный *совѣтъ министровъ* и вводилось *общее собраніе*, составленное изъ двухъ палатъ: *Сената* и выборной *Палаты депутатовъ;* провозглашалась свобода печати и сходокъ, несмѣняемость судей и даже обязательность начальнаго образованія. Исламъ оставался государственной религіей. При сообщеніи текста этой конституціи иностраннымъ державамъ, было выставлено на видъ, что она не имѣетъ никакого теократическаго характера, что «она въ основу имперіи кладетъ начала свободы, справедливости и торжество цивилизаціи». Особенно напиралось на то, что «конституція является не пустымъ обѣщаніемъ, а формальнымъ актомъ, имѣющимъ дѣйствительную силу и становящимся отнынѣ достояніемъ всѣхъ оттомановъ». Вслѣдствіе этого, когда державы представили свой ультиматумъ, въ которомъ перечислялись требуемыя ими реформы, великій совѣтъ, составленный изъ высшихъ сановниковъ, отвѣчалъ имъ, что реформы эти не согласны съ конституціей.

Русское вторженіе и новое раздробленіе имперіи (1877—1878 гг.).—Господство *Молодой Турціи* было непродолжительно. Великій визирь и глава правительства, Митхадъ-паша, внезапно впалъ въ немилость (февраль 1877 г.). Палата, составленная преимущественно изъ мусульманъ, креатуръ губернаторовъ, только на то и пригодилась, чтобы отвергнуть требованія Европы. Къ депутатамъ примѣнили кличку, издавна употребительную на Востокѣ: ихъ прозвали *Эветъ Ефенди*, что означаетъ «да, господинъ!»

Европейскія государства утратили всякую вѣру въ реформы, производимыя мусульманами; всѣ они, даже Англія, начинали переходить на сторону системы, предложенной Россіей и заключавшейся въ автономіи христіанскихъ націй и въ учрежденіи контроля посредствомъ европейскихъ агентовъ. Константинопольская конференція объявила, что «державы намѣрены слѣдить черезъ своихъ посланниковъ и мѣстныхъ агентовъ за тѣмъ, какъ будутъ исполняться обѣща-

нія, данныя правительствомъ», и что, «въ случаѣ, если ожиданія ихъ снова будутъ обмануты, онѣ (державы) рѣшатъ сообща, какія мѣры нужно будетъ принять». Европа отступилась отъ Оттоманской имперіи.

Россія снова вступила на тотъ путь, на которомъ она была остановлена Европой въ 1854 году. Русскій императоръ объявилъ войну, на этотъ разъ не во имя вѣры, какъ въ 1854 году, а во имя интересовъ Россіи и Европы, нарушаемыхъ смутами, которыя происходятъ среди угнетенныхъ христіанъ. Русская армія при содѣйствіи румынской кончила тѣмъ, что дошла до Адріанополя и принудила султана заключить миръ (Санъ-Стефанскій договоръ 1878 года) на условіяхъ, предписанныхъ Россіей.

Россія потребовала отдѣленія всѣхъ христіанскихъ областей, за исключеніемъ тѣхъ, которыя были населены греками (Θессалія, Критъ); этими послѣдними она не интересовалась. Султанъ отказывался отъ верховной власти надъ тѣми христіанскими государствами, которыя до этого еще оставались на вассальномъ положеніи (Румынія, Сербія, Черногорія); территоріи ихъ были увеличены на счетъ Турціи. Султанъ признавалъ новое христіанское государство, Болгарію, которое было образовано изъ областей, лежащихъ по обѣ стороны Балканъ, съ прирѣзкою Македоніи. Это было полное раздробленіе имперіи. Послѣдняя сохраняла въ Европѣ лишь три разрозненныхъ клочка своихъ прежнихъ владѣній: 1) Румелію; 2) Салоникскій полуостровъ, Θессалію, Эпиръ и Албанію и 3) Боснію и Герцеговину, гдѣ христіане должны были получить автономное управленіе.

Другія европейскія государства нашли такое раздробленіе Оттоманской имперіи слишкомъ выгоднымъ для Россіи, и Берлинскій конгрессъ выработалъ другую комбинацію. Три христіанскія государства, Сербія, Румынія и Черногорія, были признаны независимыми и получили прирѣзку земель. Но доля двухъ государствъ, пользовавшихся спеціальнымъ покровительствомъ Россіи, Черногоріи и въ особенности Болгаріи, была поурѣзана. Съ другой стороны, конгрессъ возложилъ на Австрію порученіе *занять* Боснію и Герцеговину для возстановленія тамъ порядка, причемъ срокъ этой оккупаціи не былъ опредѣленъ. Франція и Италія добились въ пользу Греціи обѣщанія территоріальныхъ уступокъ, но эти послѣднія должны были совершиться на основаніи особаго трактата съ султаномъ; понадобились долгіе переговоры, чтобы вырвать у Оттоманскаго правительства Θессалію и часть Эпира.

У Оттоманской имперіи оставались въ Европѣ лишь мусульманскія области Румеліи (константинопольскій и адріанопольскій *вилайеты*), Албаніи и Эпира, и христіанская провинція—Македонія.

Личное управленіе Абдулъ-Гамида.—Послѣ кризиса 1878 г. на плечахъ оттоманскаго правительства остались затрудненія, которыя легли на него тяжелымъ бременемъ. Пришлось такъ или иначе улаживать съ Россіей вопросъ объ очищеніи турецкой территоріи отъ русскихъ войскъ и объ уплатѣ военной контрибуціи. Имперія, не имѣвшая денегъ, осталась должникомъ Россіи. Понадобилось также уладить съ Австріей вопросъ о положеніи Босніи. Офиціально султанъ оставался государемъ этой области; но онъ призналъ за Австріей право организовать ихъ по своему усмотрѣнію, подъ условіемъ уважать свободу вѣроисповѣданій. Фактически Боснія была занята австрійской арміей и управлялась, подъ надзоромъ австро-венгерскаго министра финансовъ, губернаторомъ, проживавшимъ въ Босніи, и «правительствомъ», состоявшимъ изъ австрійскихъ чиновниковъ. Пришлось, наконецъ, вести переговоры съ кредиторами имперіи; цифра должныхъ имъ суммъ была уменьшена, но зато въ обезпеченіе уплаты этихъ суммъ имъ были предоставлены таможенные сборы, завѣдываніе которыми было поручено европейской комиссіи.

Албанскіе мусульмане тѣхъ областей, которыя были уступлены христіанамъ, съ оружіемъ въ рукахъ сопротивлялись велѣніямъ султана. Образовалась даже «Лига Верхней Албаніи», которая затѣяла войну съ Черногоріей, и которую пришлось усмирять силой.

Въ началѣ султанъ Абдулъ-Гамидъ колебался между противоположными вліяніями. Великимъ визиремъ онъ назначилъ бывшаго посланника въ Тунисѣ, Хереддина, которому покровительствовала Франція. Хереддинъ заявилъ о своемъ намѣреніи произвести нѣкоторыя реформы. Но когда онъ потребовалъ права назначать министровъ, султанъ отставилъ его отъ должности (1879 г.). Затѣмъ онъ какъ будто склонился въ пользу плана реформъ, предложеннаго Англіей, но дѣло кончилось ничѣмъ. Послѣ этого онъ захотѣлъ управлять дѣлами самъ, помимо своихъ министровъ. Диванъ продолжалъ существовать, но дѣйствительная правительственная иниціатива сосредоточивалась во дворцѣ, гдѣ султанъ усвоилъ себѣ привычку вершить дѣла лично съ своими любимцами. Наконецъ, подозрѣвая повсюду заговоры, Абдулъ-Гамидъ заперся въ своемъ «кіоскѣ», окружилъ себя многочисленною стражею, составленною изъ курдовъ, сирійцевъ и албанцевъ, и лишь изрѣдка показывался своимъ подданнымъ. Оттоманская имперія была подчинена личному произволу правителя, обладавшаго трудолюбіемъ, но ничего не знавшаго о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ.

Абдулъ-Гамидъ, повидимому, желалъ играть роль духовнаго главы всѣхъ мусульманъ; онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ членами духовенства и поощрялъ проповѣдниче-

скую дѣятельность «хаджей» (богомольцевъ, побывавшихъ въ Меккѣ). Ему даже приписывали мечту о своего рода *панъ-исламизмѣ*, долженствовавшемъ соединить подъ властью султана всѣхъ приверженцевъ ислама. Сторонники европейскихъ учрежденій, совершившіе революцію 1876 г., впали у него въ немилость, а Митхадъ-паша, обвиняемый въ убійствѣ Абдулъ-Азиса, былъ преданъ суду и осужденъ. Приверженцы *Молодой Турціи*, бѣжавшіе за границу, превратились изъ оппозиціонной партіи въ партію революціонную и кончили тѣмъ, что стали требовать отъ Европы низложенія Абдулъ-Гамида.

Между тѣмъ Абдулъ-Гамидъ въ выборѣ чиновниковъ поддавался совѣтамъ Англіи и, за отсутствіемъ реформъ, водворилъ въ азіатскихъ провинціяхъ сносную администрацію. Изъ Германіи онъ пригласилъ прусскихъ генераловъ, которые захотѣли преобразовать армію, распространивъ военную службу и на христіанъ; оттуда же явился къ нему на службу нѣмецъ финансистъ, который пытался составить точный бюджетъ (1883 года), Если не считать хроническихъ волненій на Критѣ *) и безпорядковъ въ Албаніи (1884, 1887 гг.), спокойствіе почти водворилось въ имперіи. Этотъ періодъ спокойствія пошелъ впрокъ армянамъ; этотъ христіанскій народъ принадлежалъ къ грегоріанскому вѣроисповѣданію; это были мирные и трудолюбивые горцы. Какъ въ Малой Азіи, такъ и въ Константинополѣ, значительная часть торговцевъ и ремесленниковъ были армяне, изъ ихъ же среды выходили и чиновники, занимавшіе тѣ должности, гдѣ требовалась дѣйствительная работа. Европа покровительствовала имъ, какъ христіанамъ и какъ проводникамъ цивилизаціи.

Около 1890 г. политика Абдулъ-Гамида измѣнилась. Онъ пересталъ подчиняться вліянію Англіи и Германіи и склонился на сторону Россіи и Франціи. Около этого же времени измѣнилась и его политика относительно армянъ. Тогда въ Константинополѣ начались бунты, направленные противъ армянъ (1890 г.), а въ Малой Азіи столкновенія между армянами и курдами, которыхъ поддерживали мусульманскія власти (1893 г.). Образовалась небольшая армянская національная партія, руководимая революціонными комитетами, члены которыхъ вербовались отчасти между армянами, находящимися въ русскомъ подданствѣ. Партія эта требовала не отложенія отъ имперіи, а автономіи армянъ и гарантій для личной ихъ безопасности. На эти требованія правительство отвѣчало суровыми приговорами надъ революціонерами, дѣйствительными или мнимыми, а позднѣе — массовыми избіеніями (1894—1895 гг.), которыя подъ руководствомъ властей совершались солдатами или наемными убійцами, но въ глазахъ Европы выставлялись какъ возмущенія самихъ армянъ.

Наконецъ, чтобы вынудить Европу обратить вниманіе на положеніе ихъ соплеменниковъ, нѣсколько революціонеровъ сдѣлало покушеніе на оттоманскій банкъ. Правительство тотчасъ же велѣло перебить массы армянъ въ Константинополѣ (августъ 1896 г.). Не взирая на молчаніе газетъ, благопріятствовавшихъ оттоманскому правительству, вѣсти, приходившія со всѣхъ сторонъ, и донесенія европейскихъ консуловъ кончили тѣмъ, что вызвали въ Европѣ движеніе общественнаго мнѣнія противъ султана и вынудили европейскія правительства вступить между собою въ соглашеніе съ цѣлью потребовать отъ оттоманскаго правительства реформъ и гарантій.

---

*) Органическій статутъ, данный Криту въ 1868 году, учреждалъ выборное «національное собраніе», въ которомъ большинство принадлежало христіанамъ. Между этимъ собраніемъ и мусульманскимъ губернаторомъ столкновенія не прекращались. Христіане требовали прежде всего, чтобы чиновники назначались изъ христіанъ и изъ уроженцевъ острова, и чтобы доля таможенныхъ доходовъ и податей, взимавшихся въ Критѣ, употреблялась на нужды острова.

Одна изъ партій (радикальная) продолжала подготовлять отложеніе Крита отъ имперіи, дѣйствуя за одно съ греческимъ комитетомъ, существовавшимъ въ Аѳинахъ. Возстанія продолжались во время войны 1877 г., и затѣмъ вспыхивали снова въ 1885, 1887, 1889, 1895 и 1896 гг. Правительство въ своихъ указахъ обѣщало реформы (1878, 1887, 1896 гг.), но христіане продолжали жаловаться на произволъ мусульманскихъ чиновниковъ и кончили тѣмъ, что принудили Европу къ вмѣшательству.

ГЛАВА XX.

Христіанскія націи Балканскаго полуострова.

Христіанскія націи Оттоманской имперіи въ 1814 году. — Княжества Молдавія и Валахія до 1856 года.—Образованіе государства Румыніи.—Конституціонная монархія.—Греческая нація до 1820 года.—Образованіе греческаго королевства.—Абсолютическій порядокъ правленія.—Образованіе княжества Сербіи.—Сербія при конституціонномъ образѣ правленія.—Черногорія.—Болгарскій народъ до объединенія 1885 г.—Болгарія послѣ объединенія 1885 г.

Христіанскія націи Оттоманской имперіи въ 1814 г. — Та европейская часть Оттоманской имперіи, которую, за неимѣніемъ общаго названія, обыкновенно обозначаютъ однимъ изъ двухъ условныхъ терминовъ: *Европейская Турція* или *Балканскій полуостровъ*, начиная въ среднихъ вѣковъ, всегда имѣла весьма разнородный составъ населенія; въ него входили національности, рѣзко отличавшіяся одна отъ другой и по языку, и по обычаямъ, и по національнымъ своимъ симпатіямъ. Національности эти сложились еще издавна; нахлынувшій потокъ оттоманскихъ завоевателей затопилъ ихъ, но подъ его покровомъ онѣ сохранились во всей своей неприкосновенности. Турецкое населеніе осѣло лишь въ области, ближайшей къ Константинополю (въ Румеліи).

На Балканскомъ полуостровѣ существовало и до сихъ поръ существуетъ, не считая цыганъ и евреевъ, пять различныхъ національностей, которыя поселились до оттоманскаго нашествія и принадлежатъ къ различнымъ расамъ или по крайней мѣрѣ говорятъ на разныхъ языкахъ: на сѣверо-западѣ—сербы, на западѣ—албанцы, на югѣ—греки, заселяющіе острова и морское побережье, на сѣверѣ по обѣ стороны Балканъ — болгары, на сѣверъ отъ Дуная—румыны.

Албанцы, жившіе въ горахъ, сохранили свой костюмъ, свои національные обычаи и даже свой старинный языкъ; но большинство изъ нихъ приняло магометанскую религію, вслѣдствіе чего они и вошли въ составъ мусульманскаго населенія. Изъ ихъ среды выходило не мало чиновниковъ, а главное, солдатъ и офицеровъ Оттоманской имперіи. Часть сербовъ тоже перешла въ магометанство и образовала въ Босніи національную мусульманскую аристократію, сохранявшую національный языкъ и одежду, но утратившую сознаніе солидарности съ остальной частью націи, оставшейся христіанской.

Христіанскія національности были связаны между собою только общностью религіи, такъ какъ два славянскіе народа, сербы и болгары, отличаются другъ отъ друга по языку и по обычаямъ. За исключеніемъ боснійскихъ католиковъ, всѣ остальные христіане въ Европейской Турціи принадлежали къ православному вѣроисповѣданію и состояли въ общеніи съ греческой церковью въ Константинополѣ. Ихъ духовенство состояло изъ женатыхъ священниковъ, мало образованныхъ и влачившихъ жалкое матеріальное существованіе, вслѣдствіе неимѣнія правильныхъ доходовъ, и изъ монаховъ, для которыхъ безбрачіе было обязательно. Епископы, выходившіе изъ рядовъ монаховъ, были главами не только духовенства, но и общинъ своихъ единовѣрцевъ. Въ религіи ихъ главную роль играли обряды, посты, хожденіе на богомолье; проповѣдей почти не говорилось, и духовенство мало занималось религіознымъ обученіемъ своей паствы, на умственную жизнь которой оно не имѣло никакого вліянія.

Каждая изъ этихъ христіанскихъ націй образовала сплоченную группу, и та часть территоріи, на которой осѣла такая группа, представляла какъ бы ядро христіанскаго государства, имѣвшаго возникнуть въ недалекомъ будущемъ. Но у каждой изъ этихъ націй были также единоплеменники, жившіе за предѣлами главной ея территоріи. Изъ этого обстоятельства должны были возникнуть двоякаго рода осложненія:

1) На границѣ каждой территоріи и въ промежуточныхъ областяхъ, лежавшихъ между главными національными центрами, населеніе состояло изъ небольшихъ національныхъ группъ, перемѣшанныхъ между собою; это неизбѣжно должно было повлечь за собой столкновенія между различными христіанскими національностями изъ-за обладанія этими неопредѣленными территоріями. Особенно безъисходно въ этомъ отношеніи было

положеніе дѣлъ въ Македоніи, гдѣ среди славянскаго большинства населенія (болгаръ или сербовъ) внѣдрились колоніи албанцевъ и валахскіе пастухи (румыны), а также — по берегамъ моря и въ городахъ, — греческое или эллинизированное населеніе. Граница тѣхъ областей, гдѣ жили болгары и сербы, съ одной стороны, и греки съ другой,—не только была очень неопредѣленна, но и мѣнялась безпрестанно; она то и дѣло перемѣщалась вслѣдствіе движенія населенія, совершающагося очень быстро въ странѣ, съ высокою цифрою рождаемости,—а также вслѣдствіе успѣховъ эллинизаціи, такъ какъ греки сохранили способность эллинизировать (т.е. дѣлать греками) тѣхъ иноплеменниковъ, съ которыми они приходятъ въ соприкосновеніе.

2) Каждая изъ упомянутыхъ національностей имѣла внѣ своей территоріи единоплеменниковъ, состоявшихъ въ подданствѣ той или другой изъ сосѣднихъ великихъ имперій, но сохранявшихъ свою вѣру, свой языкъ и смутное чувство національной солидарности. Отсюда неизбѣжно возникали, вмѣстѣ съ желаніемъ установить національное единство, столкновенія съ большими государствами, враждебно смотрѣвшими на всякія попытки сепаратизма. Такъ, румыны имѣли единоплеменниковъ въ венгерскомъ королевствѣ (Трансильванія), въ Австріи (Буковина) и въ Россіи (Бессарабія); сербы— въ Венгріи, въ Албаніи и въ Герцеговинѣ; греки—на островахъ и на азіатскомъ прибрежьи.

Въ 1814 году всѣ эти христіанскія націи состояли въ подданствѣ султана. Втеченіе XIX вѣка онѣ успѣли сдѣлаться независимыми. Восточный вопросъ былъ разрѣшенъ не русскимъ завоеваніемъ и не преобразованіемъ Оттоманской имперіи, а отпаденіемъ отъ нея христіанскихъ народовъ, которые организовывались въ государства по европейскому образцу.

Отпаденіе это совершилось постепенно; за исключеніемъ Греціи, всѣ остальныя христіанскія государства вплоть до 1878 года офиціально продолжали числиться составною частью Оттоманской имперіи; младшее изъ нихъ, по времени своего возникновенія, Болгарія, и до сихъ поръ состоитъ на этомъ положеніи. Но, чтобы понять исторію этихъ перемѣнъ, намъ лучше не останавливаться на оффиціальныхъ формахъ и прослѣдить исторію каждаго изъ этихъ государствъ отдѣльно, начиная съ того момента, когда въ немъ начала пробуждаться политическая жизнь.

РУМЫНІЯ.

Княжества Молдавія и Валахія до 1856 года.—Изо всѣхъ христіанскихъ національностей, находившихся въ подданствѣ султана, надъ румынами всего менѣе тяготѣло оттоманское владычество. Оба княжества, какъ Валахія (равнина, залегающая между Дунаемъ и Карпатами), такъ и Молдавія (равнина между Карпатами и моремъ), были только данниками султана. Мусульманскіе завоеватели не являлись въ эти области, не образовали въ нихъ верхняго пласта, тяготѣющаго надъ христіанскимъ населеніемъ. Княжества сохранили всю свою соціальную и политическую организацію, свою христіанскую аристократію землевладѣльцевъ и сановниковъ (*бояръ*), своего князя (*господаря*) избираемаго аристократіей, свое православное духовенство.

Но въ XVIII столѣтіи султанъ, не довѣряя румынскимъ господарямъ, поддерживавшимъ сношенія съ русскимъ императоромъ, сталъ назначать господарями христіанъ, чуждыхъ странѣ. Онъ обыкновенно выбиралъ господаря между греками—фанаріотами (Фанаръ—греческій кварталъ Константинополя), достаточно богатыми, чтобы купить свое назначеніе на эту должность,— и не долго оставлялъ ихъ въ должности (съ 1716 г. по 1821 г. смѣнилось 37 господарей въ Валахіи и 33 въ Молдавіи). Начиная съ 1774 г., императрица Екатерина, взявъ на себя роль покровительницы христіанъ, принудила султана опредѣлить постоянную цифру подати, взимаемой съ княжествъ, и назначать господарей на семь лѣтъ.

Во время войнъ, происходившихъ между Россіей и султаномъ, Россія каждый разъ начинала съ того, что занимала княжества своими войсками и учреждала тамъ временное управленіе, продолжавшее дѣйствовать все время, пока русскіе оставались въ княжествахъ (1808—12, 1828—34, 1853—54 гг.). Въ 1812 году Россія оставила за собою часть Молдавіи, Бессарабію, лежащую влѣво отъ Дуная. Въ 1834 году она удалилась, назначивъ господарей по своему выбору и оставивъ «*органическій регламентъ*» 1831 года, который былъ выработанъ подъ руководствомъ русскихъ властей двумя собраніями бояръ и епископовъ (по одному собранію въ каждомъ княжествѣ).

Въ обоихъ княжествахъ политическая жизнь находилась еще въ зачаточномъ состояніи. Единственными городами были двѣ резиденціи господарей, Яссы въ Молдавіи и Бухарестъ въ Валахіи, а также торговыя гавани Дуная и Прута. Населеніе почти исключительно состояло изъ крестьянъ, жившихъ на большихъ равнинахъ (горы, поросшія лѣсами, были почти безлюдны). Земля была раздѣлена на большія помѣстья (отъ 400 до 8,000 десятинъ), принадлежавшія дворянамъ, большинство которыхъ, особенно въ Валахіи, не жило въ этихъ помѣстьяхъ, предоставляя хозяйничать въ нихъ управляющимъ. Крестьяне, слѣдовательно, жили на чужихъ земляхъ; они обрабатывали участки, которые помѣщикъ давалъ имъ подъ тѣмъ усло-

віемъ, чтобы они исполняли барщинныя работы на земляхъ помѣщичьей экономіи; въ крестьянскихъ семьяхъ пользованіе такими участками было наслѣдственное. (Размѣры барщины были офиціально опредѣлены въ 1831 году въ 12 рабочихъ дней въ годъ; но на практикѣ барщина нерѣдко превышала эту норму втрое.) Крестьяне влачили жалкое существованіе въ хижинахъ, группировавшихся въ селенія; у нихъ не было почти никакой движимости, такъ какъ, живя среди открытой страны, черезъ которую то и дѣло проходили то русскія, то турецкія войска, они не могли бы уберечь свое имущество отъ разграбленія *).

Вся общественная жизнь сосредоточивалась въ столицахъ, куда съѣзжались дворяне, чтобы проживать свои доходы при дворѣ господаря. Бухарестъ имѣлъ уже 100,000 жителей, дворцы, театры, газеты и экипажи. Онъ являлся островкомъ французской цивилизаціи среди варварской страны, среди славянскаго и восточнаго міра. Дѣло въ томъ, что румыны, языкъ которыхъ принадлежитъ къ семьѣ романскихъ языковъ, чувствовали влеченіе къ Франціи; ихъ дворяне учились французскому языку и выписывали изъ Парижа книги и предметы роскоши. Политическая жизнь состояла почти исключительно въ томъ, что дворяне жаловались на произволъ господарей и обвиняли ихъ въ деспотическомъ управленіи страною.

Французская революція 1848 г. послужила толчкомъ, который пробудилъ политическую жизнь въ княжествахъ. Поклонники Франціи, румынскіе дворяне послѣдовали примѣру Парижа. Молдавское дворянство потребовало конституціи отъ господаря, Стурдзы, который, въ отвѣтъ на это, выслалъ изъ княжества зачинщиковъ движенія. Это повлекло за собою покушеніе на его жизнь. — Въ Валахіи недовольные, опираясь на населеніе Бухареста, принудили господаря Бибеско подписать конституцію; затѣмъ, когда господарь бѣжалъ, они учредили временное правительство. Но русскій императоръ вмѣшался въ румынскія дѣла съ цѣлью защитить господарей, пользовавшихся его покровительствомъ, и раздавить революцію. Русская армія заняла сначала Молдавію, а потомъ и Валахію, гдѣ турецкая армія еще ранѣе успѣла взять Бухарестъ. Императоръ и султанъ заключили между собою договоръ, такъ называемый Балта-Лиманскій трактатъ (май 1849 г.), по которому оба господаря были замѣщены другими, назначенными только на семилѣтній срокъ; въ силу того же договора, *органическій регламентъ* 1831 года былъ возстановленъ, съ обѣщаніемъ подвергнуть его пересмотру.

Но война между русскимъ императоромъ и султаномъ разстроила эту комбинацію. Когда русская армія очистила княжества (1854 г.), австрійцы заняли ихъ и оставались тамъ до заключенія мира (1856 г.).

Образованіе государства Румыніи (1856—1866 гг.). — Румынское государство было создано европейскими державами. Парижскій конгрессъ, съ цѣлью отнять у Россіи монополію покровительства румынамъ, поставилъ оба княжества подъ коллективную защиту державъ. Султанъ обязался предоставить имъ полную независимость въ дѣлахъ внутренняго управленія; такъ какъ онъ еще ранѣе (въ 1829 году) отказался отъ права имѣть въ княжествахъ крѣпости и содержать гарнизоны, то на практикѣ верховная власть его сводилась къ простому полученію дани и къ запрещенію княжествамъ вступать въ непосредственныя дипломатическія сношенія съ иностранными государствами. — Молдавіи была возвращена часть Бессарабіи, которую отняли у Россіи съ цѣлью отодвинуть границу послѣдней подальше отъ Дуная. — Европейской комиссіи было поручено организовать оба княжества, при содѣйствіи двухъ *диванов*ъ, избранныхъ населеніемъ.

По вопросу объ окончательной организаціи княжествъ мнѣнія раздѣлились. Наполеонъ III желалъ единства румынской націи, какъ того желало значительное большинство самихъ румынъ. Оттоманское же правительство и австрійское предпочитали сохранить раздѣленіе на два княжества; это предложеніе имѣло нѣкоторыхъ приверженцевъ въ Молдавіи, стоявшихъ за него изъ опасенія, что въ противномъ случаѣ Бухарестъ получитъ перевѣсъ. Временныя правительства, назначенныя султаномъ, оказали давленіе на выборы, которые дали въ Молдавіи большинство, состоявшее изъ противниковъ единства. Но тутъ вмѣшалась Франція и заставила султана объявить эти выборы недѣйствительными; на новыхъ выборахъ восторжествовали приверженцы единства.

Оба *дивана*, какъ Молдавскій, такъ и Валахскій, потребовали слілнія обоихъ княжествъ въ одно, во главѣ котораго былъ бы поставленъ князь изъ иностранцевъ (октябрь 1857 года). Султанъ отказалъ и объявилъ диваны распущеными; Наполеонъ заступился за румынъ. Наконецъ, на парижской конференціи былъ заключенъ компромиссъ: княжества сохранили два отдѣльныя правительства, съ двумя выборными господарями и двумя собраніями

*) Мольтке, который видѣлъ Валахію въ 1835 г., описываетъ ее, какъ пустынную равнину, среди которой не попадается ни замковъ, ни мостовъ, ни мельницъ, ни гостинницъ, ни садовъ, ни деревьевъ, и не видать даже деревень, такъ какъ онѣ прячутся въ лощинахъ и состоятъ изъ низенькихъ хижинъ. У народа нѣтъ оружія, и онъ отвѣшиваетъ низкіе поклоны передъ каждымъ хорошо одѣтымъ человѣкомъ. Въ жилищахъ нѣтъ ни посуды, ни мебели, ни съѣстныхъ припасовъ; валахъ носитъ при себѣ свой ножъ, свою трубку и табакъ, и ничего не оставляетъ дома.

представителей. Но они сдѣлались *соединенными княжествами* Молдавіей и Валахіей съ общей комиссіей изъ 16 членовъ для завѣдыванія общими дѣлами и съ общимъ судомъ (1858 г.).

Полное единство было установлено посредствомъ уловки: оба собранія представителей сговорились между собою избрать господаремъ одно и то же лицо, молдавскаго боярина Кузу (1859г.), который и былъ провозглашенъ, подъ именемъ Александра I, «княземъ Румыніи». Султанъ кончилъ тѣмъ, что призналъ за нимъ этотъ титулъ пожизненно (1861 г.). Тогда Куза издалъ прокламацію, въ которой объявлялъ: «Румынія отнынѣ основана». Оба министерства подали въ отставку и были замѣнены однимъ общимъ министерствомъ. Оба собранія слились въ одно національное собраніе, засѣдавшее въ Бухарестѣ (1862 г.). Румынское государство отнынѣ имѣло свое правительство и свою столицу.

Установленіе единства не обошлось безъ сильныхъ политическихъ волненій и сопровождалось хроническимъ конфликтомъ между княземъ и собраніемъ. Парламентарный порядокъ правленія, провозглашенный офиціально, фактически не дѣйствовалъ. Князь управлялъ по своему произволу; правильнаго бюджета не существовало; министры то и дѣло смѣнялись по личнымъ соображеніямъ (въ семь лѣтъ перемѣнилось двадцать министерствъ). Собраніе вотировало адресъ, въ которомъ требовало парламентарнаго порядка правленія; затѣмъ оно отказалось утверждать бюджетъ до тѣхъ поръ, пока министерство не признаетъ его права вотировать бюджеты. Князь закрылъ собраніе и самъ себя назначилъ главнокомандующимъ (1863 г.). Собраніе постановило резолюцію, выражавшую недовѣріе къ министерству, и отказалось обсуждать бюджетъ. Князь произвелъ государственный переворотъ по образцу того, который былъ сдѣланъ Наполеономъ III; онъ объявилъ собраніе распущеннымъ, велѣлъ занять залу засѣданій войсками, пріостановилъ дѣйствіе закона о печати и издалъ статутъ, которымъ вводилась всеобщая подача голосовъ и учреждались двѣ палаты, Сенатъ и Палата депутатовъ. Этотъ статутъ онъ подвергъ утвержденію избирателей, посредствомъ плебисцита (причемъ 682,000 голосовъ отвѣтили *да* и только 1307 голосовъ вотировали *нѣтъ*); онъ даже потребовалъ отъ чиновниковъ либо одобренія новаго порядка, либо выхода въ отставку. Въ заключеніе, подъ предлогомъ заговора, онъ велѣлъ въ 1864 г. арестовать предводителей конституціонной партіи. Послѣ этого онъ сдѣлался полнымъ хозяиномъ и управлялъ, какъ ему вздумается; бюджетъ утверждался просто путемъ княжескихъ декретовъ; офиціальныя кандидатуры процвѣтали; палаты превратились въ учрежденія, вся роль которыхъ состояла въ томъ, чтобы регистрировать рѣшенія князя. Онъ велѣлъ признать себя наслѣдственнымъ княземъ, а такъ какъ дѣтей у него не было, то самъ назначилъ себѣ преемника (1865 годъ).

Въ этомъ конфликтѣ собраніе являлось представителемъ не всей націи, а румынскаго дворянства, единственной части націи, обладавшей достаточной культурой, чтобы быть способной къ политической жизни; Александръ пытался такъ же, какъ и Наполеонъ, выдать себя за демократическаго государя. Парижская конвенція возлагала на румынъ обязательство упразднить всѣ сословныя привилегіи и «немедленно приступить къ пересмотру закона, регулирующаго отношенія землевладѣльцевъ къ крестьянамъ, причемъ пересмотръ долженъ имѣть въ виду улучшеніе положенія крестьянъ». Собраніе не могло прійти ни къ какому соглашенію относительно этой реформы; князь осуществилъ ее посредствомъ декрета (августъ 1864 года). Крестьяне получили въ полную собственность тѣ земли, которыя находились только въ ихъ пользованіи; барщина была отмѣнена, съ уплатою вознагражденія помѣщикамъ. Государство взяло эту операцію на себя; оно совершило обязательное отчужденіе въ пользу крестьянъ части помѣщичьихъ земель, причемъ помѣщикамъ было оставлено не менѣе одной трети земель, находившихся прежде въ ихъ владѣніи; государство же уплатило и вознагражденіе помѣщикамъ. Оно распредѣлило между крестьянами участки земель, величина которыхъ была соразмѣрена съ количествомъ скота, имѣвшагося у каждаго крестьянина; за эти участки крестьяне втеченіе пятнадцати лѣтъ должны были ежегодно уплачивать государству извѣстную сумму. Такимъ образомъ 400,000 семействъ сдѣлались собственниками земель.

Александръ былъ ненавидимъ населеніемъ Бухареста. Румынское дворянство воспользовалось этимъ, чтобы избавиться отъ него путемъ заговора. Заговорщики неожиданно явились къ нему въ спальню, принудили его подписать отреченіе и учредили временное правительство, которое созвало палаты для избранія новаго князя. Румыны убѣдились, что ихъ страною не можетъ управлять князь изъ румынъ: аристократическія фамиліи не выносили подчиненія человѣку, равному имъ по происхожденію. Поэтому они сговорились требовать, чтобы князь былъ избранъ изъ иностранцевъ. Палаты сначала остановили свой выборъ на одномъ изъ принцевъ бельгійскаго королевскаго дома, но тотъ отказался. Тогда онѣ избрали нѣмецкаго принца, принадлежавшаго къ католической вѣтви гогенцоллернскаго дома. Этотъ принцъ и сдѣлался княземъ Румыніи подъ именемъ Карла I.

Конституціонная монархія. — Со вступленіемъ на престолъ князя Карла въ Румыніи начинается правильная политическая жизнь. Кон-

ституція 1866 года установила въ Румыніи либеральный порядокъ правленія по образцу Бельгіи: — съ судомъ присяжныхъ, національной гвардіей, свободой собраній и печати; былъ созданъ правительственный механизмъ, свойственный конституціоннымъ монархіямъ: *отвѣтственное* министерство, назначаемое королемъ, парламентъ, обладающій законодательной властью и состоящій изъ двухъ палатъ; обѣ эти палаты были выборныя; составъ избирателей былъ раздѣленъ на два разряда, по системѣ, схожей съ системою такъ называемыхъ *классовъ* въ Пруссіи; *Сенатъ* состоялъ изъ 120 членовъ, изъ которыхъ 110 избирались изъ числа лицъ, владѣвшихъ недвижимой собственностью, двумя коллегіями избирателей, обладавшихъ извѣстнымъ цензомъ; *Палата депутатовъ* (178 членовъ) избиралась подачей голосовъ, почти всеобщей, но распредѣленной неравномѣрно (четыре коллегіи, изъ которыхъ въ послѣднюю входили всѣ плательщики податей). — Страна была раздѣлена въ административномъ отношеніи по французскому образцу, на департаменты и округа, управлявшіеся префектами и супрефектами. Различныя отрасли управленія были сильно централизованы; счетная палата, гражданскій и уголовный кодексы тоже были подражаніемъ французскихъ.

Старыя партіи начали оспаривать другъ у друга власть. Поводомъ къ разногласіямъ служили, главнымъ образомъ, иностранная политика и соціальные вопросы. Такъ называемая *бѣлая*, или *консервативная*, партія, называвшаяся также «партіей бояръ», тянула въ сторону Россіи, относилась враждебно къ князю-иноземцу и не хотѣла реформъ. *Красная*, или *либеральная*, партія желала господства буржуазіи и союза съ Германіей и Австріей. Глава этой партіи, Братіано, претендовалъ на то, чтобы его считали «румынскимъ Бисмаркомъ». Между этими двумя партіями, вслѣдствіе личныхъ соперничествъ, образовалась такъ называемая «молодая правая»,—промежуточная группа, главная роль которой заключалась въ томъ, что она нападала на управленіе Братіано. Отъ либеральной партіи тоже отдѣлилась группа диссидентовъ, предводителемъ которой былъ родной братъ Братіано; другая подобная же группа признавала своимъ вождемъ Розетти и стояла за всеобщую подачу голосовъ. Борьба между этими различными группами и коалиціи, въ которыя онѣ вступали между собою, придавали парламентской жизни въ Румыніи большое оживленіе и сложность.

Карлъ I, бывшій офицеромъ прусской арміи, прежде чѣмъ сдѣлаться правителемъ Румыніи, сосредоточивалъ свое вниманіе преимущественно на иностранной политикѣ и на арміи. Онъ почти всегда оставался вѣренъ началамъ парламентаризма, управляя съ такими министрами, которые пользовались поддержкой большинства палатъ. Но въ Румыніи министерство можетъ повидимому оказывать такое сильное давленіе на выборы, что отъ правителя, зачастую, зависитъ составить такое большинство, какое ему угодно; стоитъ ему только призвать къ кормилу правленія представителей той партіи, которая, въ данную минуту, пользуется его предпочтеніемъ. Карлъ I, естественнымъ образомъ склонный опираться на либераловъ, приверженцевъ союза съ Германіей, началъ свое правленіе съ министерствомъ Братіано, да и впослѣдствіи придерживался преимущественно министерствъ, взятыхъ изъ рядовъ либеральной партіи; онъ отступалъ отъ этого правила лишь тогда, когда коалиція оппозиціонныхъ группъ осиливала правительственное большинство.

Однимъ изъ наиболѣе трудныхъ вопросовъ, которые приходилось разрѣшать правительству, былъ вопросъ объ упорядоченіи финансовъ. На странѣ лежалъ тяжелый долгъ, около 800 милліоновъ фр.; кромѣ того дефицитъ успѣлъ сдѣлаться хроническимъ: онъ не прекращался втеченіе двадцати лѣтъ. Чтобы пособить этому злу, прибѣгли къ продажѣ государственныхъ земель, ввели табачную монополію; была также произведена монетная реформа, причемъ приняли десятичную систему. Программа Братіано состояла въ томъ, чтобы развивать экономическую производительность страны посредствомъ желѣзныхъ дорогъ и школъ. Но либеральная партія была еще слишкомъ слаба, чтобы удержать власть за собою. Сочувствіе румынскаго народа къ Франціи дѣлало положеніе князя изъ дома Гогенцоллерновъ очень затруднительнымъ все время, пока конфликтъ между Франціей и Пруссіей находился въ острому періодѣ. Консервативная партія овладѣла большинствомъ въ палатахъ. Карлъ I, сознавая свою непопулярность, рѣшился, скрѣпя сердце, брать своихъ министровъ изъ рядовъ консервативной партіи, хотя и дѣлалъ вплоть до 1868 г. попытки водворить снова министерство Братіано. Румынія пережила періодъ глухой борьбы, перемежавшейся съ бунтами. Палата въ 1870 г. офиціально выразила свое сочувствіе къ Франціи; князь заговорилъ о своемъ намѣреніи отречься отъ престола. Манифестація, устроенная въ честь побѣды Германіи, вызвала уличные безпорядки въ Бухарестѣ (мартъ 1871 года). Наконецъ, посредствомъ распущенія палаты и назначенія новыхъ выборовъ, удалось добиться такого большинства, которое готово было поддерживать министерства консервативнаго компромисса (Катарджи), согласившееся управлять за одно съ княземъ. Порядокъ возстановился; министерство Катарджи продержалось отъ 1871 до 1876 года. Въ первый разъ Палата дожила до предѣла своихъ полномочій, установленнаго закономъ.

Карлъ I старался создать армію по прусскому образцу. Онъ ввелъ обязательную военную слу-

жбу, съ трехгодичнымъ срокомъ. Но такъ какъ средствъ бюджета не хватило бы на содержаніе этого контингента на дѣйствительной службѣ, то упомянутый контингентъ былъ раздѣленъ на двѣ части: постоянную армію съ трехгодичнымъ срокомъ службы и запасъ (доробанцы), призывавшійся только въ учебные періоды. Такимъ образомъ была организована армія, численность которой въ военное время доходила бы до 150,000 человѣкъ, и которая была снабжена артиллеріей, стоявшей въ ровень со всѣми новѣйшими усовершенствованіями; орудія для этой артиллеріи заказывались на германскихъ заводахъ. Румынской арміи, преобразованной такимъ образомъ, суждено было сыграть рѣшающую роль въ войнѣ противъ турокъ.

Положеніе князя упрочилось. Когда наступилъ кризисъ Оттоманской имперіи, Карлъ I оказался достаточно сильнымъ, чтобы слѣдовать національной политикѣ. Вопросъ былъ въ томъ, чтобы освободить Румынію отъ подчиненія султану, еще обставленнаго нѣкоторыми формами, обидными для ея самолюбія. Порта отказывалась называть страну Румыніей; она не хотѣла признавать румынскихъ дипломатическихъ агентовъ въ Турціи и признавала неподсудными имъ тяжбы, возникавшія тамъ между румынскими подданными. Карлъ I поспѣшилъ избавиться отъ консервативнаго министерства и, испробовавъ неудавшуюся комбинацію смѣшаннаго министерства, назначилъ министерство Братіано (1876 г.), которое, если не считать кратковременнаго перерыва, продержалось до 1888 года.

Румынія, объявивъ войну султану, заключила союзъ съ Россіей, которая гарантировала ей цѣлость ея территоріи. Но, при заключеніи мира, Россія оставила за собою румынскую Бессарабію, которая была ей нужна, чтобы добраться до лѣваго берега Дуная, въ вознагражденіе за что она заставила Турцію уступить Румыніи Добруджу, плодородную, но пустынную область съ нездоровымъ климатомъ. Румынія протестовала передъ берлинскимъ конгрессомъ, но добилась лишь незначительнаго территоріальнаго увеличенія.

Война сдѣлала Румынію самостоятельнымъ государствомъ. Независимость, провозглашенная палатами еще въ 1877 году, было офиціально признана султаномъ и берлинскимъ конгрессомъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы Румынія даровала равноправность всѣмъ своимъ подданнымъ, безъ различія вѣроисповѣданій. Это означало, что равноправность должна быть распространена и на молдавскихъ евреевъ, которыхъ насчитывалось до 300,000, и которые до этого были лишены всякихъ политическихъ правъ. Титулъ князя въ 1881 годъ былъ замѣненъ титуломъ короля.

Между тѣмъ *Румынское королевство* далеко еще не обнимало всей румынской націи. Не считая валахскихъ пастуховъ и румынскихъ группъ, разсѣянныхъ въ Болгаріи, Сербіи и Македоніи, оставалось еще за предѣлами королевства полмилліона румынъ въ Бессарабіи, два съ половиною милліона въ Венгріи и Трансильваніи, 200 тысячъ въ Буковинѣ. Возникла національная партія, выставившая на своемъ знамени «Romania irredenta»; эта партія вступила въ сношенія съ заграничными румынами, въ особенности съ венгерскими, и произвела (въ 1894—96 гг.) манифестаціи, противъ которыхъ венгерское правительство заявило офиціальный протестъ.

Въ противоположность этому движенію, черезъ лицъ духовнаго званія, воспитанныхъ въ кіевской семинаріи, среди духовенства велась пропаганда въ пользу Россіи; такая же пропаганда велась и среди крестьянъ священниками и разносчиками, продававшими картинки въ русско-патріотическомъ духѣ. Румынская церковь, уже пользовавшаяся автономіей и управлявшаяся синодомъ изъ епископовъ, подъ руководствомъ свѣтскихъ чиновниковъ, была объявлена вполнѣ независимой отъ греческаго патріарха въ Константинополѣ (1885 г.). Это послужило поводомъ къ агитаціи въ православномъ духѣ, направленной, въ сущности, противъ короля, которому ставили въ укоръ его принадлежность къ католическому вѣроисповѣданію. Чтобы успокоить недовольныхъ, король вызвалъ въ Румынію своего племянника, наслѣднаго принца Фердинанда, который хотя самъ и остался католикомъ, но сына своего окрестилъ въ православную вѣру (1893 г.).

Либеральное министерство продолжало строить желѣзныя дороги, основывать школы и въ дѣлѣ преобразованія арміи содѣйствовать королю, который превратилъ Бухарестъ въ большой укрѣпленный лагерь. Министерство сдѣлало попытку аграрной реформы; оно добилось пересмотра конституціи (1884 г.); результаты этого пересмотра состояли главнымъ образомъ въ томъ, что національная гвардія была уничтожена и избирательному праву былъ приданъ болѣе демократическій характеръ путемъ упраздненія коллегіи избирателей съ цензомъ въ 3,000 франковъ. Возникла соціалистическая партія, центромъ которой былъ Бухарестъ. Эта партія старалась вербовать себѣ приверженцевъ между крестьянами, недовольными тѣмъ, что они были обойдены при надѣлѣ землею.

Либеральная партія, озлобленная раздорами среди своихъ предводителей, не долго могла устоять противъ того возбужденія, которое было вызвано сближеніемъ Россіи съ Франціей; консервативная партія обвиняла ее въ томъ, что она превратила румынскую армію въ составную часть германской арміи и что она держитъ сторону враговъ Франціи. Консерваторы получили большинство въ палатѣ и даже вотировали преданіе министерства Братіано суду.

Послѣ попытки коалиціоннаго министерства (въ составъ котораго вошли либеральные диссиденты и «молодые» консерваторы), король вернулся къ консервативному министерству Катарджи (1889 г.), къ которому немного позднѣе были присоединены либеральные консерваторы. Въ этомъ видѣ министерство просуществовало до 1895 г. Затѣмъ, послѣ смерти Братіано, либеральная партія снова получила большинство въ палатѣ и стала у кормила правленія (Стурдза въ 1895 г.; Авреліанъ въ 1896 г.).

За все это время матеріальное благосостояніе не переставало возрастать. Если государственный долгъ и увеличился, то только потому, что значительныя суммы были употреблены на постройку государственныхъ желѣзныхъ дорогъ. Кредитъ Румыніи упрочился, и курсъ государственныхъ фондовъ поднялся.

ГРЕЦІЯ.

Греческая нація до 1820 г.—Грецію, покоренная оттоманами, подчиненная мусульманскимъ губернаторамъ и занятая оттоманскими гарнизонами, не сохраняла никакой общей организаціи. Начиная съ среднихъ вѣковъ, греки уже болѣе не составляли націи; оставалась только греческая церковь, общая всѣмъ православнымъ, такъ что иностранцы не отличали болѣе грековъ отъ славянъ. Но греческій языкъ уцѣлѣлъ и, въ связи съ воспоминаніями объ античной Греціи, далъ эллинской націи возможность возстановиться. Всѣ христіане, говорившіе на греческомъ языкѣ,—не только потомки древнихъ эллиновъ, но и *эллинизированные* албанцы и славяне, чувствовали себя членами одного и того же народа, знаменитаго въ прошломъ, принадлежностью къ которому можно было гордиться.

Возрожденіе эллинской націи стало проявляться въ концѣ XVIII вѣка. Въ царствованіе султана Селима, которое было благопріятно для его христіанскихъ подданныхъ, греки умножились численно, увеличили свое матеріальное благосостояніе и сдѣлали успѣхи на пути цивилизаціи. Они создали, преимущественно въ Θессаліи, шелковыя и хлопчато-бумажныя фабрики (послѣднія изготовляютъ такъ назыв. турецкія нитки). Воспользовавшись войнами между европейскими государствами, они создали торговый флотъ, безпрепятственно плававшій подъ турецкимъ флагомъ, который оставался нейтральнымъ; такимъ образомъ они забрали въ свои руки весь экспортъ русскаго хлѣба, шедшаго черезъ Одессу, и добрую долю европейской торговли съ гаванями Леванта. Они были хорошими и отважными моряками; суда ихъ отличались быстротою хода и дешевизною перевозки грузовъ (экипажъ обыкновенно состоялъ изъ родственниковъ судохозяина, заинтересованныхъ въ прибыляхъ предпріятія); въ 1816 году они, какъ говорятъ, имѣли до 600 судовъ съ 17,000 матросовъ. Колоніи греческихъ торговцевъ основались во всѣхъ значительныхъ портовыхъ городахъ по берегамъ Средиземнаго моря; такія колоніи существовали не только въ Марсели и Ливорно, но и въ Одессѣ, и даже въ Лондонѣ и Ливерпулѣ.

Приходя въ соприкосновеніе съ цивилизованными народами, греки и сами цивилизовались; разбогатѣвшіе торговцы стали основывать школы, чтобы дать возможность своимъ молодымъ соплеменникамъ пріобрѣсти образованіе; такія школы возникли въ Бухарестѣ, въ Корфу, въ Константинополѣ. Греческій языкъ, подвергавшійся искаженіямъ втеченіе цѣлыхъ вѣковъ варварства, возродился; этимъ возрожденіемъ онъ былъ главнымъ образомъ обязанъ Кораи, который согласовалъ обыкновенный разговорный языкъ съ древнимъ, классическимъ.

По мѣрѣ того, какъ греки усваивали себѣ образованіе, въ нихъ пробуждалось и сознаніе своей національности. Французская революція произвела на нихъ сильное впечатлѣніе. Эллинскій патріотъ въ Θессаліи, Ригасъ, сочинилъ національный гимнъ, который, въ подражаніе словамъ «Марсельезы», начинался такъ: «Воспряньте, сыны эллиновъ, минута славы настала!» Австрійская полиція выдала Ригаса бѣлградскому пашѣ, который его велѣлъ утопить. Паденіе Венеціанской республики создало центръ эллинизма, независимый отъ султана; то были Іоническіе острова, изъ которыхъ Франція сдѣлала республику «Семи острововъ», и управленіе которыхъ потомъ было организовано Англіей, поставившей во главѣ этого управленія англійскаго губернатора (1815 г.).

Греки были разсѣяны по всей Оттоманской имперіи, вдоль морскихъ береговъ и въ большихъ городахъ. Но сплошною массою они занимали югъ европейской Турціи, Морею, центральную Грецію, Θессалію и острова; тутъ среди греческаго населенія попадались христіане—албанцы и славяне; но они быстро эллинизировались. Въ этихъ областяхъ нѣкоторыя группы эллинскаго населенія обладали настолько прочною организаціею, что попытка достигнуть національной независимости дѣлалась возможною.

Въ Мореѣ, гдѣ мусульмане были малочисленны, каждая христіанская община пользовалась автономіей, и управлялась тѣми ея членами, которые занимали наиболѣе видное общественное положеніе; что же касается всей области, то она имѣла собраніе *примatовъ*, которые избирались делегатами отъ общинъ и собирались въ Триполицѣ, резиденціи мусульманскаго паши. Въ Майнѣ (древней Лаконіи) горцы, майноты, оставались вооруженными подъ предводительствомъ своихъ вождей, укрывались въ укрѣпленныхъ замкахъ и то и дѣло воевали между собою.

Въ горахъ центральной Греціи и Эпира хри-

стіане, какъ греческаго, такъ и албанскаго происхожденія, составляли иррегулярное войско, родъ милиціи, такъ называемыхъ *палликаровъ;* эти палликары сохраняли свой національный костюмъ и своихъ національныхъ вождей, *арматоловъ*. Но съ тѣхъ поръ какъ турецкое правительство, не довѣряя христіанскимъ арматоламъ, противопоставило имъ албанцевъ-мусульманъ, палликары удалились въ горы и тамъ превратились въ *клефтовъ* (разбойниковъ). Клефты, враждовавшіе съ турецкими властями, сдѣлались національными героями грековъ; они сражались обыкновенно небольшими отрядами, прятавшимися за скалами и оттуда стрѣлявшими изъ ружей. Моряковъ въ то время уже не было нигдѣ, кромѣ острововъ, гдѣ греческое населеніе пользовалось автономіей, подъ условіемъ уплаты подати турецкому правительству; почти все населеніе моряковъ сосредоточивалось на трехъ голыхъ и безплодныхъ скалахъ, островахъ Гидрѣ, Спеціи и Ипсарѣ, въ Арголидскомъ заливѣ. Наиболѣе значительный изъ этихъ острововъ, Гидра, имѣлъ населеніе, сохранившее албанскій характеръ (жители одѣвались въ греческій костюмъ, но говорили по албански); это населеніе состояло изъ 40,000 душъ, скученныхъ въ 3,000 домовъ, сложенныхъ изъ камня и лѣпившихся по откосу крутой скалы. Общественный складъ этого населенія былъ очень аристократическій. Одни только *приматы,* владѣвшіе недвижимой собственностью, пользовались правомъ выбирать 12 *демогеронтовъ* (народныхъ старѣйшинъ), которые и управляли островомъ. Островъ Спеція, съ населеніемъ албанскимъ, но уже наполовину эллинизированнымъ, былъ менѣе населенъ, менѣе богатъ, имѣлъ менѣе аристократическій строй; приматы его были не такъ многочисленны, вліяніе знатныхъ родовъ было не такъ велико. Наименьшій изъ этой группы острововъ, Ипсара, имѣлъ населеніе уже вполнѣ греческое и отличавшееся демократическимъ строемъ. Эти три острова являлись какъ бы тремя маленькими республиками: единственное обязательство, лежавшее на нихъ, состояло въ томъ, чтобы посылать подарки высшимъ сановникамъ турецкаго морского вѣдомства. Суда ихъ, вооруженныя пушками для защиты отъ берберскихъ пиратовъ и съ матросами, наполовину воинами, являлись настоящимъ военнымъ флотомъ. Возстановленіе общеевропейскаго мира, положивъ конецъ привилегированному положенію турецкаго флота, обрекло моряковъ этой группы острововъ на бездѣйствіе и предрасположило ихъ къ рискованнымъ предпріятіямъ.

Образованіе греческаго королевства (1820—1829 гг.).—Въ 1820 году Греція имѣла своихъ воиновъ,—горцевъ Мореи и палликаровъ, своихъ моряковъ,—жителей Гидры, Спеціи и Ипсары, вооруженныхъ и готовыхъ драться. Примѣръ возстанія былъ поданъ имъ возмущеніемъ одного мусульманскаго губернатора, Али-паши, въ Янинѣ (1820 г.). Греки одновременно возстали и въ Эпирѣ, и въ Мореѣ, и на островахъ.

Въ Мореѣ, приматы, вызванные пашою въ Триполицу, сочли болѣе благоразумнымъ возмутиться; майноты спустились въ долину съ своихъ горъ; епископъ Патрасскій призвалъ вѣрующихъ къ оружію. Въ какія-нибудь три недѣли во власти мусульманъ осталась одна только столица, Триполица. Христіанскіе инсургенты, подъ предводительствомъ клефта Колокотрониса, блокировали ихъ въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ и кончили тѣмъ, что перерѣзали ихъ (1821 г.).

Война эта съ самаго начала имѣла характеръ расовой и религіозной войны; обѣ стороны безпощадно истребляли другъ друга, убивая плѣнныхъ и даже женщинъ и дѣтей. Продолжалась она долго, была разбросана по очень обширному театру военныхъ дѣйствій и полна драматическихъ эпизодовъ, которые были воспѣты всѣми поэтами и сдѣлались извѣстны всей Европѣ. То была пора сильнаго правительственнаго гнета во всѣхъ европейскихъ государствахъ; газеты, вынужденныя молчать о вопросахъ внутренней политики, тѣмъ охотнѣе распространялись о подвигахъ греческихъ героевъ.

Въ сущности, судьба Греціи зависѣла не отъ греческихъ инсургентовъ, слишкомъ малочисленныхъ, чтобы устоять противъ силъ Оттоманской имперіи. Но сопротивленіе инсургентовъ было полезно въ томъ отношеніи, что оно дало время европейскому общественному мнѣнію оказать давленіе на правительства и принудить ихъ къ вмѣшательству. На это понадобилось шесть лѣтъ.

Возстаніе было совершенно подавлено въ Эпирѣ, въ Θессаліи и на Критѣ (1823—24 гг.), причемъ дѣло не обошлось безъ рѣзни. Оно сосредоточилось въ тѣхъ трехъ областяхъ, которыя позднѣе образовали королевство Греціи: въ Мореѣ, на островахъ и въ центральной Греціи. Тутъ греки защищались втеченіе четырехъ лѣтъ (1821—25 гг.); они вытѣснили турецкую армію изъ предѣловъ Мореи, уничтожили турецкій флотъ; война, которую они вели, имѣла преимущественно партизанскій характеръ; на сушѣ они дѣйствовали посредствомъ внезапныхъ нападеній; на морѣ—посредствомъ брандеровъ.

Въ началѣ возстанія греки повиновались молодому дворянину, Ипсиланти, явившемуся къ нимъ изъ чужихъ краевъ со своей *гетеріей* и своимъ чернымъ знаменемъ съ изображеніемъ феникса. Его назначили *архистратигомъ*. Національное собраніе, сошедшееся въ лѣсу близъ Эпидавра, провозгласило независимость Греціи. Были учреждены мѣстныя управленія нотаблей (*герузій*),—два въ центральной Греціи и одно въ Мореѣ; при этомъ было учреждено и центральное правительство, общее для

всей страны. Но грекамъ показалось обиднымъ повиноваться иноземцамъ, а потому они поспѣшили избавиться и отъ гетеріи, и отъ феникса. Послѣ этого они распались на двѣ партіи: съ одной стороны, Морейскіе приматы и жители острововъ были приверженцами европейской цивилизаціи и имѣли предводителемъ Маврокордато, одѣвавшагося въ черное платье европейскаго покроя и носившаго лорнетъ; съ другой стороны, воины Мореи признавали своимъ начальникомъ простого клефта, Колокотрониса. Клефты начали съ того, что разогнали законодательное собраніе, и каждая партія учредила свое собственное правительство; затѣмъ обѣ партіи стали сражаться другъ съ другомъ, и побѣда осталась за приверженцами цивилизаціи.—Послѣ этого инсургенты раздѣлились на примatовъ и на островитянъ, и снова стали драться между собою.

Наконецъ, въ 1825 г. двѣ мусульманскія арміи разомъ вторглись въ Грецію. Одна изъ этихъ армій пришла съ сѣвера, сухимъ путемъ, и подвергла городъ Миссолунги осадѣ, окончившейся штурмомъ и знаменитымъ избіеніемъ жителей. Другая армія, подъ предводительствомъ Ибрагима, явилась моремъ, изъ Египта, высадилась на югѣ и снова покорила Морею. Между тѣмъ продолжалась борьба между примatами, дружившими съ Англіей, и партіей воиновъ, приверженцевъ Россіи. Каждая партія имѣла свое собственное собраніе. Наконецъ, онѣ рѣшились слиться въ одно собраніе; это послѣднее выработало такъ называемую Трезенскую конституцію и избрало на семь лѣтъ главу правительства; выборъ на эту должность палъ на Каподистрія, уроженца Іоническихъ острововъ, бывшаго агентомъ Россіи; одновременно съ этимъ былъ назначенъ главнокомандующій морскихъ силъ и сухопутной арміи; на эту должность былъ избранъ англичанинъ. Послѣ взятія Акрополя турками, во власти инсургентовъ оставалось лишь нѣсколько крѣпостей; у нихъ не было ни боевыхъ припасовъ, ни хлѣба, ни денегъ.

Грецію, уже снова покоренная мусульманами, была освобождена европейскими державами. Правительства Англіи, Россіи и Франціи рѣшились, наконецъ, вмѣшаться. Они хотѣли только застращать султана, чтобы принудить его даровать грекамъ административную автономію; флоты ихъ явились въ Грецію съ цѣлью заставить армію Ибрагима удалиться (1827 г.). Но Наваринская битва, происшедшая вопреки желанію правительствъ, принудила послѣднія къ активному вмѣшательству. Французская армія отняла у турокъ Морею (1828 г.); русская армія заставила султана покориться рѣшеніямъ державъ (1829 г.). Лондонская конференція создала независимое греческое королевство (въ началѣ она было сохранила для Греціи обязательство уплачивать дань султану, но затѣмъ это условіе было отмѣнено). Но конференція вовсе не хотѣла создавать греческую націю въ истинномъ значеніи этого слова. Территорія королевства была образована не изо всѣхъ тѣхъ областей, населеніе которыхъ говорило по-гречески, а лишь изъ тѣхъ, въ которыхъ возстаніе продержалось до 1825 г., т. е. изъ Мореи, центральной Греціи и европейскихъ острововъ. Было рѣшено, что королемъ долженъ быть избранъ европейскій принцъ; долго искали подходящаго кандидата, причемъ Леопольдъ Кобургскій, позднѣе сдѣлавшійся бельгійскимъ королемъ, чуть было не принялъ греческаго престола въ 1830 году.

Абсолютическій порядокъ правленія (1829—1843 г.).—Пока продолжались поиски короля, Каподистрія управлялъ страною деспотически и оскорблялъ грековъ.—«Всѣ вы, говорилъ онъ имъ, клефты и лжецы».—Жители Гидры возмутились, овладѣли греческими кораблями и сожгли ихъ. Мавромихалисы, родъ которыхъ считался первымъ между майнотами, тоже возстали. Каподистрія велѣлъ заточить въ тюрьму главу этого рода; но тутъ самъ Каподистрія былъ убитъ (1831 г.). Братъ его пытался сдѣлаться его преемникомъ; но недовольные учредили свое собственное правительство, которое вступило съ нимъ въ борьбу и принудило его къ бѣгству. Наконецъ нашли принца, который не имѣлъ связей ни съ одной изъ соперничающихъ великихъ державъ; это былъ Оттонъ, сынъ короля Баварскаго, Людвига, большого поклонника Греціи (1832 г.).

Грецію, въ томъ видѣ, въ какомъ она была создана войною и дипломатіей, представляла крохотное и очень бѣдное королевство (въ немъ было не болѣе 750,000 жителей). Ей недоставало самой богатой изъ греческихъ областей, Θессаліи, и самаго значительнаго изъ греческихъ острововъ, Крита. Та часть территоріи, которую ей оставили, была опустошена, разорена жестокою войною, продолжавшеюся десять лѣтъ и истребившею значительную часть населенія; по странѣ все еще бродили вооруженныя шайки (палликары, бывшіе на-половину разбойниками). Денежныхъ средствъ новое королевство не имѣло никакихъ; между тѣмъ на немъ лежалъ тяжелый долгъ, сдѣланный въ 1824—25 годахъ, за который приходилось платить ростовщическіе проценты. Всѣ послѣдующіе годы девятнадцатаго столѣтія греческая нація употребила на то, чтобъ снова заселить и обработать свою землю, чтобъ избавиться отъ разбойничьихъ шаекъ, чтобы увеличить, по возможности, свою территрію и установить равновѣсіе въ своихъ финансахъ. Она могла лишь медленно и только частью осуществить программу, столь несоразмѣрную съ ея силами. Европейская публика, мало знакомая съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ, ожидала блестящаго возрожденія античной Греціи; разочарованіе,

постигшее всѣхъ увлекавшихся филэллинизмомъ, породило насмѣшливое и скептическое отношеніе къ Греціи; чувство это и теперь еще не вполнѣ разсѣялось, не взирая на несомнѣнные успѣхи, сдѣланные этой страною.

Греки были народомъ земледѣльцевъ, моряковъ и воиновъ; нравы ихъ были демократическими, но они привыкли группироваться вокругъ вождей, пользовавшихся популярностью; въ этой гористой странѣ, не имѣвшей дорогъ и почти безъ городовъ, вся общественная жизнь ограничивалась мѣстными интересами. Этому-то народу, еще на половину варварскому, навязали европейскій образъ правленія. Король Оттонъ, еще не достигшій совершеннолѣтія, привезъ съ собою регента-баварца, который и управлялъ страною до совершеннолѣтія короля; при немъ состояло министерство изъ баварцевъ и цѣлый штатъ баварскихъ чиновниковъ; наконецъ, изъ Баваріи же явилась небольшая армія волонтеровъ. Самъ король, оставшійся католикомъ и нѣмцемъ, внесъ въ дѣла управленія привычки личнаго произвола. Первымъ проявленіемъ политической жизни въ Греціи было враждебное отношеніе православныхъ грековъ къ иностранцамъ-католикамъ; греческіе палликары, включенные въ составъ арміи, одѣтой въ нѣмецкіе мундиры, были тоже недовольны; палликары, уволенные со службы, дѣлались клефтами и опустошали страну; среди майнотовъ произошло открытое возстаніе (1835 г.); духовенство было раздражено новой организаціей церковнаго управленія по русскому образцу, съ синодомъ, составленнымъ изъ пяти высшихъ духовныхъ сановниковъ, и съ прокуроромъ изъ свѣтскихъ чиновниковъ. Правительству однако же удалось организовать нѣкоторыя изъ учрежденій, полагающихся въ цивилизованномъ государствѣ. Аѳины были объявлены столицею королевства, вмѣсто Навпліи (1834 г.); была учреждена жандармерія, администрація по французскому образцу, съ 10 *номами*, во главѣ которыхъ стояли префекты, съ 42 *епархіями*, гдѣ начальствовали су-префекты, и съ общинами, старшина которыхъ, *демархъ*, на практикѣ назначался правительствомъ. Былъ также учрежденъ государственный совѣтъ, въ составъ котораго вошли наиболѣе именитые греки; — университетъ въ Аѳинахъ, который сдѣлался для всего Эллинскаго міра центромъ просвѣщенія и хранителемъ національнаго чувства; наконецъ, былъ основанъ національный банкъ.

Вся политическая жизнь Греціи была поставлена въ зависимость отъ трехъ европейскихъ державъ, создавшихъ это королевство и ссудившихъ его денежными средствами для его организаціи въ видѣ займа въ 60 милліоновъ, гарантированнаго всѣми тремя упомянутыми державами. Каждая изъ этихъ державъ имѣла въ Греціи свою партію приверженцевъ. За Россію стояли *написты*, бывшая партія Каподистріи, отличавшаяся духомъ ревностнаго православія и вербовавшая своихъ приверженцевъ преимущественно въ Морећ и въ рядахъ духовенства; партія Колетти, которая всего сильнѣе была въ центральной Греціи, стояла за Францію; наконецъ Англія опиралась на партію Маврокордато и Трикуписа, главнымъ элементомъ которой были жители острововъ. Всѣ эти три партіи, боровшіяся противъ двора и противъ баварскаго правительства, вступили между собою въ соглашеніе съ цѣлью произвести революцію. Русская партія хотѣла изгнать короля-католика и замѣнить его православнымъ королемъ; двѣ другія партіи стояли за то, чтобъ потребовать отъ него провозглашенія конституціи. Противники правительства воспользовались финансовыми затрудненіями послѣдняго. Россія и Англія, потребовавъ отъ короля уплаты процентовъ по займу и сокращенія расходовъ (1843 г.), принудили его отпустить своихъ баварскихъ солдатъ. Тогда греческіе солдаты произвели военную революцію. Король, не имѣя никакихъ средствъ къ сопротивленію, отослалъ своихъ министровъ, созвалъ національное собраніе (1843 годъ) и призналъ конституцію 1844 года. Эта конституція была составлена въ европейскомъ либеральномъ духѣ; ею вводилось *отвѣтственное* министерство и учреждались двѣ палаты: сенатъ, назначаемый королемъ, и палата депутатовъ, избиравшихся на три года всеобщею подачею голосовъ; члены этой палаты получали жалованье.

Греція при конституціонномъ порядкѣ правленія.—Король, поставленный этими событіями въ изолированное положеніе, вынужденъ былъ впредь строго примѣнять въ дѣлахъ управленія начало парламентаризма. Изо всѣхъ новыхъ государствъ Балканскаго полуострова, одна Греція управлялась министрами, *дѣйствительно* подчинявшимися закону парламентскаго большинства и выходившими въ отставку, какъ скоро палата и избиратели высказывались противъ нихъ.

Это общество, глубоко демократическое, чуждое религіозныхъ страстей и среди котораго духовенство имѣетъ мало вліянія, не заключало въ себѣ подраздѣленій, достаточно рѣзкихъ, чтобы могли образоваться партіи, въ дѣйствительномъ значеніи этого слова. Но такъ какъ средства къ существованію въ странѣ недостаточны, а высшее образованіе очень распространено, то количество политическихъ дѣятелей и кандидатовъ на общественныя должности слишкомъ велико для такой бѣдной страны; отсюда ожесточенная конкуренція во время выборовъ изъ-за депутатскихъ мѣстъ и въ самой палатѣ — изъ-за обладанія министерскими портфелями. Въ Греціи политическія страсти разыгрываются съ большою силою; во время избиратель-

ной борьбы эти страсти проявляются административнымъ давленіемъ, подлогами при подачѣ голосовъ и драками вокругъ избирательныхъ урнъ; во время парламентскихъ битвъ какъ рѣчи ораторовъ, такъ и газетныя статьи отличаются большой рѣзкостью тона.

Въ началѣ только старыя партіи боролись между собою изъ-за правительственной власти. Побѣда осталась за англійской и французской партіями, которыя, вопреки русской партіи, сохранили короля-католика и заставили его принять конституцію. Затѣмъ французская партія овладѣла министерствомъ (1844 г.) и удержала его за собою. Отсюда произошло столкновеніе съ англійскимъ правительствомъ. Изъ-за Пачифико, португальскаго еврея, который пользовался покровительствомъ Англіи, и домъ котораго былъ разграбленъ во время народныхъ волненій, Англія въ 1850 г. послала флотъ съ цѣлью блокировать берега Греціи.

Крымская война вызвала глубокія перемѣны въ греческой политикѣ. Греки разсчитывали воспользоваться этою войною для расширенія своихъ владѣній. Они отправили волонтеровъ и оружіе на помощь ѳессалійскимъ инсургентамъ (1854 г.). Но Англія и Франція не захотѣли допустить никакихъ посягательствъ на цѣлость Оттоманской имперіи; французскій отрядъ занялъ Пирейскую гавань (1854—57 гг.). Грецію принудили сохранить миръ съ султаномъ; ей навязали министерство, какое было желательно державамъ, и потребовали съ нея обязательства приступить къ погашенію государственнаго долга. Россія ничего не сдѣлала для Греціи; она предпочитала покровительствовать славянскимъ народностямъ.

Образъ дѣйствія бывшихъ покровителей Греціи подорвалъ кредитъ старыхъ партій: французской, англійской и русской, и сдѣлалъ короля Оттона окончательно непопулярнымъ; ему ставили въ упрекъ тотъ фактъ, что онъ не сопротивлялся Европѣ. Въ эту минуту споръ партій сводился къ антагонизму между партіей двора и демократами. Министерство, назначенное изъ рядовъ первой и удержавшееся у власти лишь посредствомъ давленія на выборы, сдѣлалось такъ непопулярно, что даже армія кончила тѣмъ, что перешла на сторону противниковъ короля. Во время одной изъ поѣздокъ короля по странѣ, солдаты взбунтовались и ограбили дворецъ. Было назначено временное правительство, состоявшее изъ демократовъ; это правительство созвало національное собраніе, которое объявило Оттона лишеннымъ престола.

Греки воспользовались этой революціей, чтобы добиться, наконецъ, увеличенія своей территоріи. Іоническіе острова, которыми съ 1815 г. управляли англійскіе губернаторы, были населены греками, не переставшими требовать своего присоединенія къ королевству и даже пытавшимися производить съ этою цѣлью возстанія. Англія рѣшилась въ 1862 году уступить ихъ Греціи съ тѣмъ условіемъ, чтобы при выборѣ новаго короля были приняты во вниманіе желанія Англіи. Греки поспѣшили избрать королемъ англійскаго принца Альфреда, но онъ отказался; тогда былъ избранъ кандидатъ, за котораго стояла Англія, сынъ Христіана Глюксбургскаго, наслѣдника датскаго престола. Этотъ новый избранникъ и сдѣлался въ 1863 г. королемъ, Георгомъ I. Іоническіе острова были присоединены къ Греціи, и университетъ, существовавшій въ Корфу, слился съ аѳинскимъ.

Конституціей 1864 г. была установлена свобода печати, и сенатъ былъ упраздненъ. Вся парламентская власть сосредоточилась въ *булѣ*, избиравшейся всеобщей подачей голосовъ и имѣвшей 192 члена; срокъ полномочій этой палаты былъ опредѣленъ въ 4 года. Послѣ этого политическія партіи превратились просто въ кружки людей, связанныхъ между собою личными интересами; кружки эти назывались по имени своего предводителя и набирались большею частью въ той области, откуда этотъ предводитель былъ родомъ. Главнѣйшими вождями этихъ группъ были: Комундуросъ (центральная Грецію), Деліанисъ (Морея), Булгарисъ (острова Эгейскаго моря), Займисъ (сѣверная часть Мореи), Делигеоргисъ (Миссолунги), Ломбардосъ (Іоническіе острова). Соперничество между этими предводителями партій было очень сильное, и министерства существовали недолго. Такъ же, какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, выработался обычай каждый разъ, какъ та или другая партія достигала власти, смѣщать всѣхъ чиновниковъ, назначенныхъ предшествующимъ министерствомъ; обычай этотъ окончательно придалъ политической борьбѣ характеръ препирательства изъ-за личныхъ интересовъ. Впрочемъ, изъ-подъ этихъ личныхъ препирательствъ смутно вырисовывались два направленія: одно, національное и враждебное европейской цивилизаціи—представителями его преимущественно являлись морейскіе депутаты, предводительствуемые Деліанисомъ; другое—европейское направленіе, поборникомъ котораго былъ Трикуписъ, съ его попытками завести общественныя работы и создать школы.

Втеченіе пятнадцати лѣтъ министерство поперемѣнно переходило то къ Трикупису (1882—85, 1886—90, 1892, 1893—95 гг.), то къ Деліанису (1885—86, 1890—92 и затѣмъ снова въ 1895 г.). Греческая политика и до сихъ поръ преимущественно сосредоточивается на двухъ задачахъ: на округленіи территоріи королевства и на уплатѣ процентовъ по государственному долгу; обѣ эти задачи ставятъ грековъ въ большую зависимость отъ европейскихъ правительствъ и европейскихъ капиталистовъ. При каждомъ кризисѣ Оттоманской им-

періи Грецiя пыталась вернуть себѣ тотъ или другой клочокъ земли, населенной греками; но каждый разъ она была останавливаема вмѣшательствомъ державъ: послѣ помощи, оказанной ею критскимъ инсургентамъ, ее остановила парижская конференція 1868 г.; та же участь постигла ея попытки въ 1878 г., во время русско-турецкой войны, и въ 1886 г., поводомъ къ которой послужили опять критскія дѣла. Франція и Италія добились въ пользу Греціи только обѣщанія, которое послѣ долгихъ переговоровъ привело къ присоединенію Θессаліи (1881 г.). Финансы Греціи такъ и не удалось привести въ порядокъ. Дефицитъ продолжаетъ существовать и увеличивается вслѣдствіе вооруженій, обусловленныхъ попытками войны съ Турціей, а также вслѣдствіе постройки желѣзныхъ дорогъ и проведенія каналовъ. Государственный долгъ, увеличенный неуплаченными процентами и новыми займами, превысилъ полмилліарда; въ концѣ концовъ пришлось пріостановить уплату процентовъ по займамъ (1893 г.).

Между тѣмъ населеніе страны возрастаетъ (оно уже достигло до 2.200,000 душъ) и общій уровень культуры повышается; земледѣліе и торговля увеличили матеріальное благосостояніе націи; начальное образованіе сдѣлалось всеобщимъ. Одновременно съ этимъ та способность ассимилировать себѣ другія національности, которою обладаютъ греки, продолжаетъ усиливать эллинскіе элементы; въ Оттоманской имперіи насчитывается въ общей сложности до 8 милліоновъ людей, говорящихъ на греческомъ языкѣ. Королевство Грецiя является національнымъ центромъ, къ которому тяготѣютъ всѣ разсѣянные эллины,—какъ греческіе коммерсанты большихъ европейскихъ городовъ, такъ и греческіе врачи въ мусульманскихъ областяхъ. Этимъ-то *гомогенамъ* (т. е. единоплеменникамъ), разбогатѣвшимъ на чужбинѣ, но оставшимся греками въ душѣ, королевство и, въ особенности, столица (Аѳины) обязаны по преимуществу тѣми крупными пожертвованіями и суммами, отказываемыми по духовнымъ завѣщаніямъ на общеполезныя учрежденія, которыя позволяютъ Греціи занимать мѣсто въ ряду другихъ странъ цивилизованной Европы.

СЕРБІЯ и ЧЕРНОГОРІЯ.

Образованіе княжества Сербіи.—Сербская нація, покоренная оттоманами, утратила свою національную аристократію. Остались лишь крестьяне, говорившіе на сербскомъ языкѣ и исповѣдывавшіе православіе; населеніе это не умѣло ни читать, ни писать, питалось пшеницей и кукурузой, а также мясомъ свиней, стада которыхъ откармливались въ дубовыхъ лѣсахъ. Мѣсто аристократіи заступили мусульманскіе воины, водворившіеся въ странѣ. Но сербы находились въ сношеніяхъ съ Австріей; многіе изъ нихъ поступали на службу въ австрійскую армію, гдѣ иные дослуживались до унтеръ-офицерскаго чина. Эти унтеръ-офицеры, а также торговцы свиньями образовали мыслій общественный слой среди сплошной націи крестьянъ.

Сербы христіанскаго вѣроисповѣданія воспользовались междоусобною войною, вспыхнувшею между мусульманскими воинами, и возмутились сначала отъ имени султана, а затѣмъ и противъ мусульманскаго владычества вообще. Они взяли Бѣлградъ и разграбили его (1805 г.). Свинопасы Шумадіи, привыкшіе жить вольною жизнью въ своихъ лѣсахъ и всегда имѣть при себѣ оружіе, разбойники (*гайдуки*), сдѣлавшіеся такъ же, какъ и въ Греціи, героями народныхъ легендъ,—таковы были элементы, изъ которыхъ образовались отряды инсургентовъ. Предводитель ихъ, Георгій, прозванный по-турецки *Кара* (Черный), былъ сначала унтеръ-офицеромъ австрійской службы, а потомъ торговалъ свиньями. Русскій императоръ, воевавшій въ то время съ султаномъ (1806—1812 гг.), оказывалъ поддержку сербскимъ инсургентамъ, которые признали его своимъ покровителемъ. Но, по заключеніи мира, инсургенты, покинутые Россіей, не могли болѣе сопротивляться и искали убѣжища въ Австріи. Отъ Сербіи Кара-Георгія остались одни только воспоминанія да эпическія пѣсни. Турки снова ввели своихъ сборщиковъ податей, возстановили государственныя натуральныя повинности и стали попрежнему рубить головы и сажать людей на колъ.

Одинъ мѣстный вождь (*воевода*), врагъ Кара-Георгія, торговецъ свиньями, Милошъ Обреновичъ, снова началъ борьбу за освобожденіе; но повелъ онъ ее съ помощью совсѣмъ другихъ средствъ. Вмѣсто того, чтобы разыгрывать роль національнаго героя, онъ выдавалъ себя за вѣрнаго слугу султана. Разсыпаясь въ увѣреніяхъ относительно покорности сербовъ, онъ добился того, что ему былъ порученъ сборъ податей, а также было даровано право хранить оружіе. Кара-Георгій вернулся въ Сербію, но былъ убитъ, какъ говорятъ, по приказанію Милоша (1818 г.).

Милошъ, обогатившись сборомъ податей и присвоивъ себѣ монополію торговли свиньями, выхлопоталъ себѣ у оттоманскаго правительства титулъ «князя сербовъ бѣлградскаго пашалыка» (1820 г.). Во время войнъ султана съ греками, а потомъ съ Россіей, Милошъ оставался нейтральнымъ. Султанъ наградилъ его за это, сдѣлавъ его наслѣдственнымъ княземъ (1830 г.) и отозвавъ турецкіе гарнизоны изо всей области (за исключеніемъ Бѣлграда); позднѣе онъ далъ ему еще нѣсколько округовъ, населенныхъ сербами и лежавшихъ внѣ бѣлградскаго пашалыка. Такъ началось, безъ блеска и едва замѣтно, существованіе княжества Сербіи, въ видѣ авто-

номной провинціи Оттоманской имперіи, управляемой отъ имени султана наслѣдственнымъ княземъ изъ уроженцевъ области.

Милошъ, основавъ свою резиденцію внутри страны, въ Крагуевацѣ, управлялъ, какъ государь, пользующійся неограниченной властью; скупщину, т. е. общее собраніе главъ семействъ, онъ созывалъ лишь въ самыхъ важныхъ случаяхъ, да и тутъ собраніе не пробовало ему противорѣчить. Преданіе гласитъ, что онъ присвоивалъ себѣ все, что ему нравилось, вознаграждая владѣльца отнятаго имущества по своему усмотрѣнію. Если обиженный позволялъ себѣ жаловаться, его умерщвляли, и убійство сваливали на турецкихъ разбойниковъ. Но Милошъ навлекъ на себя недовольство Россіи, вліяніе которой на султана было въ то время всесильнымъ; кромѣ того, онъ сдѣлалъ себѣ враговъ даже между собственными своими приверженцами. Партія, во главѣ которой стоялъ его братъ, Ефремъ, принудила его принять конституцію (1835 г.)); но эта конституція была отвергнута русскимъ и турецкимъ правительствами, и члены оппозиціонной партіи принуждены были бѣжать изъ Сербіи. Наконецъ, въ 1837 году султанъ и Россія заставили его принять конституцію, которая обязывала его управлять при содѣйствіи трехъ министровъ и облекла законодательной властью сенатъ изъ семнадцати пожизненныхъ членовъ. Собраніе это, состоявшее изъ противниковъ Милоша, потребовало отъ него отчета. Милошъ сдѣлалъ попытку избавиться отъ сената, возбудивъ возстаніе крестьянъ, но въ концѣ концовъ вынужденъ былъ въ 1839 г. отречься отъ престола въ пользу своего сына, Милана; послѣдній былъ боленъ чахоткой и вскорѣ умеръ, оставивъ наслѣдникомъ шестнадцатилѣтняго юношу Михаила.

Михаилъ началъ свое царствованіе подъ контролемъ регентства, составленнаго изъ наиболѣе вліятельныхъ гражданъ, которые въ свое время были противниками Милоша. Но между регентами произошли раздоры. Одна сильная партія, поддерживаемая турками, взбунтовалась; она изгнала Михаила и заставила скупщину избрать княземъ сына національнаго героя, Кара-Георгія,—Александра Карагеоргіевича (1842 г.). Султанъ утвердилъ это избраніе. Александръ Карагеоргіевичъ былъ князь миролюбивый; живя въ Бѣлградѣ, бокъ-о-бокъ съ турецкимъ гарнизономъ, онъ оставался покорнымъ султану и подчинялся австрійскому вліянію. Ему ставили въ упрекъ, что онъ во время парадныхъ пріемовъ носилъ на головѣ феску, по восточному обычаю, терпѣлъ неприличныя выходки со стороны австрійскаго консула, который, какъ говорятъ, доходилъ до того, что, куря сигару, пускалъ дымъ прямо въ лицо князю. Сербскій народъ, будучи православнымъ, не могъ привязаться къ князю, который дружилъ съ католиками и мусульманами и который, къ тому же, избѣгалъ созывать скупщину. Сенаторы составили противъ него заговоръ. Онъ велѣлъ ихъ арестовать и лишилъ сенаторскаго достоинства; но турецкое правительство заставило его вернуть имъ прежнее званіе и права. Министры его, дѣйствуя по соглашенію съ Россіей, созвали скупщину, которая потребовала отъ князя отреченія, а когда онъ на это не согласился, свергла его съ престола и снова призвала стараго Милоша (1858 г.).

Михаилъ, наслѣдовавшій Милошу (1860), повидимому питалъ намѣреніе слить въ одно государство всѣ области, населенныя православными сербами, присоединивъ къ Сербіи Боснію, Герцеговину и Черногорію. Эта національная политика требовала наличности военныхъ силъ въ самой Сербіи и соглашенія съ сербами, живущими за ея предѣлами. Правительство Михаила начало съ созданія сербской арміи: она состояла изъ очень немногочисленнаго корпуса постояннаго войска (всего два батальона), долженствовавшаго служить только кадрами, и изъ національной милиціи, въ которую были включены всѣ люди, способные носить оружіе (80,000 человѣкъ). За предѣлами княжества сербы возбуждали и поддерживали христіанъ, возставшихъ въ Герцеговинѣ (1862 годъ).—Въ Бѣлградѣ національное возбужденіе вызвало стычки между христіанскимъ населеніемъ города и турецкимъ гарнизономъ. Турки стрѣляли по населенію. Европейскія державы вмѣшались и принудили султана отозвать войска изъ Бѣлграда (1862 г.). Турецкіе гарнизоны еще оставались въ нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ пунктахъ; но Михаилъ вступилъ въ непосредственные переговоры съ султаномъ и добился отозванія и этихъ гарнизоновъ (1867 г.); послѣднимъ намекомъ на оттоманское господство оставалось турецкое знамя, которое князь обязался хранить рядомъ съ сербскимъ знаменемъ. Онъ уже былъ близокъ къ тому, чтобы добиться другой, еще болѣе важной, уступки, а именно: султанъ соглашался назначить его губернаторомъ Босніи, подъ условіемъ уплаты извѣстной дани; это равнялось бы осуществленію мысли о созданіи Великой Сербіи. Но соперничество между семействами двухъ борцовъ за независимость,—между Карагеоргіевичами и Обреновичами, не прекращалось. Карагеоргіевичи, поддерживаемые Австріей, составили заговоръ и умертвили Михаила (1868 г.).

Сербія при конституціонномъ образѣ правленія.—У Михаила не было дѣтей, но Обреновичи успѣли сдѣлаться популярною національною династіей; скупщина провозгласила княземъ внучатнаго племянника Михаила, Милана, которому въ то время было 14 лѣтъ и который воспитывался въ одномъ изъ парижскихъ лицеевъ. Во главѣ совѣта регентства, управлявшаго отъ

имени князя до его совершеннолѣтія, былъ поставленъ вождь либеральной партіи, Ристичъ. Онъ пытался организовать управленіе по европейскому образцу и съ этою цѣлью ввелъ конституцію 1869 г.

Сенатъ былъ преобразованъ въ государственный совѣтъ, состоявшій изъ 11—15 членовъ, которые назначались правительствомъ по примѣру французскаго государственнаго совѣта; это учрежденіе разсматривало законопроекты, было органомъ административной юстиціи и, кромѣ того, контролировало бюджетъ. Скупщина была преобразована въ собраніе выборныхъ представителей,—по одному представителю на каждыя 10,000 душъ. Въ сербскомъ обществѣ, состоявшемъ изъ крестьянъ-землевладѣльцевъ, почти равныхъ между собою по своему положенію, нечего было и думать о введеніи ценза или верхней палаты; а потому избирательное право было введено почти всеобщее; каждый плательщикъ податей былъ и избирателемъ; депутаты получали жалованье. Скупщина осталась единымъ собраніемъ представителей, но, чтобъ замѣнить аристократію, которой не откуда было взять, князю было предоставлено право присовокуплять къ этому собранію добавочныхъ членовъ, которыхъ онъ назначалъ самъ, и число которыхъ должно было равняться одной четвертой числа выборныхъ депутатовъ.—Перемѣны, касающіяся конституціи, территоріи княжества или правительства, должны были утверждаться чрезвычайнымъ собраніемъ скупщины, которая въ этихъ случаяхъ должна была имѣть вчетверо большее количество депутатовъ, чѣмъ въ обыкновенное время.

Послѣ этихъ преобразованій въ Сербіи началась политическая жизнь. Возникли партіи, носившія европейскія названія: консерваторы, прогрессисты, либералы, радикалы. Нѣкоторыя изъ этихъ наименованій служили главнымъ образомъ ярлыками для прикрытія личныхъ соперничествъ между предводителями партій. Тѣмъ не менѣе, въ политической жизни Сербіи первенствующую роль, повидимому, дѣйствительно играетъ борьба, если не между двумя партіями, то, по крайней мѣрѣ, между двумя направленіями.

Масса сербскаго народа, преимущественно крестьянская и православная, прежде всего дорожитъ тѣмъ, чтобъ ее не стѣсняли чиновники и не обременяли налогами. Внутренняя ея политика состояла преимущественно въ томъ, чтобъ добиваться самоуправленія общинъ, требовать экономіи въ расходахъ и отказывать въ утвержденіи новыхъ налоговъ. Во внѣшней политикѣ, изъ религіознаго сочувствія, она требуетъ союза съ православной Россіей и присоединенія православныхъ сербовъ къ Сербіи. Радикальная партія, взявшаяся руководить этимъ движеніемъ, является партіей народной по преимуществу и относится къ западной цивилизаціи неблагосклонно; орудіемъ этой партіи была скупщина, выборы въ которую, по скольку они происходили независимо отъ правительственнаго давленія, всегда давали радикальное большинство. Въ началѣ, главнымъ очагомъ этой партіи былъ Крагуевацъ, бывшая столица княжества, замѣненная потомъ Бѣлградомъ.

Люди правительственной партіи, напротивъ, стремились къ тому, чтобы ввести въ Сербіи учрежденія монархической Европы и установить экономическую связь между страною и остальнымъ цивилизованнымъ міромъ посредствомъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ и развитія торговыхъ сношеній съ Австріей, которая является естественнымъ рынкомъ для земледѣльческихъ продуктовъ Сербіи. Этой партіи необходимо было добыть деньги посредствомъ налоговъ и займовъ и сблизиться съ западными державами, преимущественно же съ Австріей. Внутренняя ея политика состояла въ томъ, чтобы поддерживать власть центральнаго правительства, вопреки скупщинѣ, чтобы расширить власть чиновниковъ, въ ущербъ общинамъ, увеличивать постоянную армію и налоги; внѣшняя политика партіи сводилась къ союзу съ Австріей. Приверженцы этой партіи были малочисленны; но они имѣли то преимущество, что на ихъ сторонѣ были всѣ тѣ элементы, которые не зависѣли отъ колебаній выборовъ: князь, министры, государственный совѣтъ, чиновничество, армія. Тѣ фракціи, на которыя эта партія раздроблялась изъ-за личныхъ соображеній, разнились, повидимому, между собою лишь по тому количеству произвола и нелегальныхъ способовъ дѣйствія, которое каждая изъ нихъ допускала въ своей борьбѣ противъ радикаловъ.

Либеральная партія (Ристичъ) оставалась у кормила правленія за все время регентства отъ 1868 до 1872 г. Когда князь Миланъ достигъ совершеннолѣтія (1872 г.), онъ назначилъ «консервативное»—министерство, а потомъ «прогрессистское». Но возстаніе христіанскихъ сербовъ въ Герцеговинѣ до того возбудило національныя страсти въ скупщинѣ, что собраніе это принудило Милана взять радикальное и національное министерство (Груичъ и Ристичъ), готовое начать войну противъ турокъ съ помощью Россіи.

Починъ этой войны принадлежалъ Сербіи (іюль 1876 г.). Побѣжденная Сербія, въ предѣлы которой вторглись турецкія войска, была спасена Европой, заставившей султана заключить перемиріе, а потомъ и миръ. Послѣ того какъ русскія войска перешли черезъ границу, Сербія снова начала войну. При заключеніи мира она добилась увеличенія своей территоріи и полной независимости (1878 г.). Но война оставила ей бремя значительнаго государственнаго долга и общее національное недовольство противъ водворенія австрійцевъ въ

сербской области Герцеговинѣ,—водворенія, дѣлающаго невозможнымъ созданіе государства Великой Сербіи. Радикальная національная партія, желавшая и впредь дѣйствовать въ духѣ русской политики, вела переговоры съ болгарами, въ надеждѣ, что, быть можетъ, при помощи Россіи удастся получить Боснію; а въ ожиданіи этого, она протестовала противъ проекта желѣзной дороги, долженствовавшей примкнуть къ сѣти австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ, и отказывалась утвердить торговый договоръ съ Австріей.

Австрійское правительство выступило съ угрожающей нотой, которая повлекла за собою отставку министерства. Партія, склонявшаяся на сторону австрійскаго вліянія, очутилась у кормила правленія, и при цѣломъ рядѣ министерствъ, имѣвшихъ большею частью прогрессистскій оттѣнокъ (Гарашанинъ), сохраняла за собой власть вплоть до 1887 года. Князь добился отъ Австріи и отъ ея союзниковъ разрѣшенія провозгласить себя королемъ Сербіи (1882 г.). Радикальная партія протестовала противъ договора, заключеннаго съ обанкрутившеюся банкирскою фирмою *Union générale* Бонту, и потребовала пересмотра конституціи (1883 г.). Правительство, съ цѣлью избавиться отъ оппозиціи, сначала объявило недѣйствительными выборы, давшіе радикальное большинство, а потомъ произвело государственный переворотъ. Въ 1883 г. радикалы снова получили большинство на выборахъ; тогда король отсрочилъ засѣданія скупщины, пріостановилъ на время дѣйствіе законовъ, гарантировавшихъ свободу, объявилъ страну въ осадномъ положеніи и повелѣлъ всѣмъ жителямъ выдать имѣвшееся у нихъ оружіе. Радикалы возмутились; это возмущеніе повлекло за собою вооруженныя столкновенія съ войсками, процессъ колоссальныхъ размѣровъ (819 подсудимыхъ) и водвореніе абсолютизма. Скупщина, выбранная подъ давленіемъ чиновниковъ, была лишь орудіемъ для утвержденія правительственныхъ законопроектовъ. На мѣсто подушной подати была введена новая система налоговъ на земли, на дома, на капиталы, на доходы, а также табачная монополія; самоуправленіе общинъ было уничтожено отнятіемъ у нихъ права собирать налоги и имѣть свой собственный судъ. Въ Сербіи водворилась централизація по европейскому образцу; она уже начала обзаводиться и постоянной арміей на европейскій манеръ (25,000 человѣкъ пѣхоты), съ трехгодичнымъ срокомъ службы; наконецъ у нея, по примѣру европейскихъ государствъ, появился и государственный долгъ, начало которому было положено войною 1876 г., и который послѣ этого все увеличивался, благодаря дефициту (25 милліоновъ въ 1878 г., а въ 1887 г. — 277 милліоновъ).

Война съ Болгаріей, окончившаяся пораженіемъ Сербіи и вторженіемъ непріятеля въ ея предѣлы въ 1885 г., сдѣлала правительство и короля до такой степени непопулярными, что, послѣ нѣсколькихъ министерскихъ кризисовъ и попытокъ возстановить министерство Гарашанина, прогрессистская партія, стоявшая за Австрію, вынуждена была признать свою неспособность далѣе управлять страною. Миланъ призвалъ къ кормилу правленія національную оппозицію,—партію, стоявшую за русское вліяніе и представлявшую коалицію либераловъ и радикаловъ; сначала во главѣ министерства былъ поставленъ либералъ, Ристичъ (1887 г.), а вскорѣ послѣ того (январь 1888 г.) — радикалъ, Груичъ *).

Радикальная партія выработала конституцію 1888 года, которая сдѣлала скупщину чисто представительнымъ собраніемъ (упразднивъ тѣхъ ея членовъ, которые назначались королемъ), и въ значительной степени расширила полномочія этого собранія. Миланъ отрекся отъ престола (1889 г.), объявивъ, что «не хочетъ быть такимъ королемъ, который только подписываетъ акты». Такъ какъ сынъ его, Александръ, въ то время былъ еще несовершеннолѣтнимъ, то онъ назначилъ регентство, во главѣ котораго поставилъ Ристича, давшаго обѣщаніе сохранить ту же иностранную политику, какъ и при Миланѣ. Сербія, повидимому, вступила въ періодъ парламентаризма подъ руководствомъ коалиціи изъ либераловъ и радикаловъ.

Но Миланъ воспользовался раздорами, происшедшими въ совѣтѣ регентства между радикалами и либералами, чтобы снова пріобрѣсти вліяніе на дѣла и сдѣлаться негласнымъ руководителемъ молодого короля. Александръ I, по совѣту своего отца, произвелъ одинъ за другимъ два государственныхъ переворота: 1) Онъ объявилъ себя совершеннолѣтнимъ, велѣлъ арестовать регентовъ, поставилъ во главѣ министерства своего воспитателя Докича, опиравшагося на радикальную партію (1893 года). Онъ выписалъ своего отца назадъ въ Сербію и, чтобы заставить замолчать газеты, нападавшія на Милана, возвратилъ послѣднему, посредствомъ декрета, званіе члена королевской фами-

*) Семейные раздоры королевской четы, о которыхъ столько было толковъ въ европейскихъ газетахъ, имѣли въ сущности лишь эпизодическое значеніе. Въ 1888 году Миланъ, поссорившись съ королевой Наталіей, дочерью полковника русской службы, добился отъ митрополита развода съ нею и вытребовалъ къ себѣ назадъ наслѣднаго принца, котораго королева увезла было съ собой въ Германію. Наталія вернулась въ Бѣлградъ (1889 г.). Правительство просило ее уѣхать и кончило тѣмъ, что выслало ее. Народъ принялъ сторону королевы, и по этому поводу произошли безпорядки; по распоряженію правительства, королева была увезена почью (1891 г.). Позднѣе супруги примирились и добились уничтоженія своего развода.

ліи. 2) Порвавъ съ радикалами, онъ декретомъ упразднилъ конституцію 1888 года и законы, обезпечивавшіе свободу печати и коммунальные выборы; конституція 1869 года была возстановлена тѣмъ же декретомъ. Затѣмъ король призвалъ къ власти партію, благопріятствовавшую австрійцамъ; партія эта при министерствахъ, носившихъ различныя наименованія и имѣвшихъ то либеральный характеръ (Христичъ), то прогрессистскій (Гарашанинъ), продолжала оставаться у кормила правленія, опираясь на чиновниковъ и офицеровъ, производя расходы посредствомъ указовъ, арестовывая и отрѣшая отъ должности предводителей либераловъ и радикаловъ и подстраивая выборы въ скупщину въ томъ направленіи, какое было желательно для министерства. Переговоры, происходившіе между королемъ и радикальной партіей съ цѣлью введенія конституціи (1896 г.), не привели ни къ какому результату, и положеніе дѣлъ въ Сербіи до сихъ поръ остается неустановившимся.

Черногорія. — Черная Гора (по итальянски Монтенегро)—маленькая страна, почти недоступная, расположенная на томъ горномъ кряжѣ, который господствуетъ надъ Адріатическимъ моремъ, оставалась какъ бы клиномъ, врѣзавшимся въ Оттоманскую имперію, и фактически сохраняла свою независимость. Жители ея, православные сербы, номинально считались подданными султана; въ дѣйствительности же они образовали маленькій народъ вооруженныхъ горцевъ, управляемыхъ національными вождями, которые всѣ принадлежали къ одному и тому же семейству; вожди эти были въ то же время и церковными іерархами; наслѣдственная власть переходила у нихъ отъ дяди къ племяннику; такой князь-епископъ носилъ титулъ *владыки*. Черногорія была воинственною демократіей; женщины обрабатывали землю, а мужчины сражались. Сосѣдство съ Герцеговиной придало Черногоріи политическое значеніе. Владыки сдѣлались союзниками русскихъ императоровъ, которые посредствомъ черногорцевъ возбуждали герцеговинцевъ къ возстаніямъ и набѣгамъ на турецкую территорію.

Въ 1851 году наслѣдникъ послѣдняго владыки, Данило, отказавшись отъ титула «владыки», женился и основалъ династію черногорскихъ князей. Султанъ послалъ противъ него армію, которую однако же русскій императоръ принудилъ его отозвать (1852 г.). Затѣмъ, князь черногорскій, въ награду за свое поведеніе во время Крымской войны, сталъ получать отъ русскаго императора ежегодную субсидію. Наслѣдникомъ Данилы, который въ 1860 г. былъ убитъ однимъ личнымъ врагомъ, сдѣлался племянникъ его, князь Николай.

Чуть не вся политическая жизнь Черногоріи сводилась къ непрерывной борьбѣ съ мусульманами,—борьбѣ, которая во время герцеговинскихъ возстаній переходила въ открытую войну. Россія наградила Черногорію за услуги, оказанныя ею во время кампаніи 1877 года, заставивъ султана уступить ей территорію, болѣе обширную и болѣе населенную, чѣмъ все княжество, и притомъ съ гаванью, которая обезпечивала Черногоріи возможность сношеній съ Европой. Но мусульмане-албанцы, занимавшіе эту область, отказались признать эту уступку, и Черногорія могла вступить во владѣніе выговоренной въ ея пользу территоріей лишь послѣ продолжительной войны и знаменитой демонстраціи, произведенной европейскими флотами передъ Дульциньо.

Внутренняя политическая жизнь почти не существуетъ въ Черногоріи. Князь, сдѣлавшись офиціально независимымъ отъ султана, остался абсолютнымъ монархомъ; онъ—хозяинъ бюджета, сосредоточиваетъ въ своемъ лицѣ всѣ виды власти и назначаетъ духовныхъ лицъ по своему усмотрѣнію. Но этотъ патріархальный порядокъ управленія онъ облекъ въ европейскія формы. *Административный статутъ* 1879 г. создалъ законодательный государственный совѣтъ изъ восьми членовъ, половина которыхъ назначается княземъ, а другая половина избирается населеніемъ. Въ Черногоріи введено уложеніе, напоминающее французскій кодексъ. Организація страны сохранила свой воинственный характеръ; населеніе дѣлится на роды, изъ которыхъ каждый имѣетъ своихъ выборныхъ старшинъ и своего предводителя, въ случаѣ войны. Но черногорская княжеская семья, благодаря бракамъ, которые въ 1889 г. породнили ее съ русскимъ царствующимъ домомъ и въ 1896 г. съ итальянской королевской фамиліей, заняла мѣсто среди европейскихъ династій.

БОЛГАРІЯ.

Болгарскій народъ до объединенія 1885 г.— Болгарія, какъ и Сербія, имѣла славянское православное населеніе, которое находилось въ подчиненіи у мусульманской аристократіи. Болгарскій народъ состоялъ лишь изъ крестьянъ, жившихъ на земляхъ мусульманъ-землевладѣльцевъ. Но между тѣмъ какъ другія христіанскія націи сохранили, по крайней мѣрѣ, свое національное духовенство, болгарское духовенство, подчиненное константинопольской греческой церкви, пришло въ полный упадокъ. Греческіе епископы старались эллинизировать православныхъ болгаръ и съ этою цѣлью замѣняли болгарскія церковныя книги греческими, а богослуженіе на славянскомъ языкѣ—греческимъ; они въ то же время основывали и греческія школы. Въ Оттоманской имперіи, гдѣ представительницей каждой націи была ея національная церковь, болгары, подчиненные греческой церкви, перестали считаться націей. Ихъ ста-

вили въ одну рубрику съ греками, подъ общимъ названіемъ послѣдователей греческаго православія. Міръ забылъ самое имя болгарскаго народа. Когда русскіе, въ 1828 г., заняли эту область, они были очень удивлены, найдя тамъ славянскій народъ, языкъ котораго имѣлъ сходство съ русскимъ.

Послѣ занятія Болгаріи русскими войсками, началось возрожденіе болгарской національности. Въ нѣкоторыхъ патріотахъ пробудилось національное чувство, и они начали борьбу съ греками. Высшее греческое духовенство, поддерживаемое турецкимъ правительствомъ, преслѣдовало патріотовъ, подозрѣвавшихся въ томъ, что они служатъ агентами русской пропаганды. Чтобы освободиться изъ-подъ власти греческаго духовенства, болгары, по совѣту агентовъ католической пропаганды, являвшихся изъ Австріи, начали около 1859 г. образовывать греко-уніатскія церкви, которыя примыкали къ католицизму въ томъ, что признавали папу своимъ главою, но при этомъ ставили условіемъ сохраненіе славянскихъ церковныхъ обрядовъ и женатаго духовенства; послѣдствіемъ этого движенія было то, что оно ставило уніатовъ подъ покровительство католическихъ державъ, Франціи и Австріи. Россія встревожилась такимъ оборотомъ дѣла, отнимавшимъ у нея роль покровительницы болгаръ. Она добилась отъ султана созданія независимой болгарской церкви; глава этой церкви, *болгарскій экзархъ*, долженъ былъ имѣть свое мѣстопребываніе въ Константинополѣ (1870 г.). Греческій патріархъ объявилъ болгарское духовенство отлученнымъ отъ церкви.

Но болгары все еще оставались націей-*райей*, подчиненной мусульманскимъ чиновникамъ. Возстаніе, организованное комитетомъ, имѣвшимъ свое мѣстопребываніе въ Румыніи, повлекло за собою знаменитыя массовыя убійства 1876 года, а затѣмъ и занятіе Болгаріи русскими войсками. Болгарское государство было создано Россіей послѣ войны. Княжество Болгарія, въ томъ видѣ, въ какомъ границы его были опредѣлены Россіей въ договорѣ съ султаномъ, должно было обнимать всю болгарскую націю; въ него была включена и Македонія, съ ея смѣшаннымъ населеніемъ, состоящимъ изъ болгаръ, сербовъ, грековъ, валаховъ и албанцевъ. Новое государство, повидимому, было предназначено къ тому, чтобы остаться подъ вліяніемъ Россіи.

Берлинскій конгрессъ, опасаясь этого вліянія, разрѣзалъ болгарское государство на три части. Македонію онъ возвратилъ подъ полную власть султана; изъ той болгарской области, которая лежитъ къ югу отъ Балканъ, онъ образовалъ Восточную Румелію, автономную провинцію со смѣшаннымъ управленіемъ. Болгаріи онъ оставилъ только сѣверную область, которая и сдѣлалась государствомъ, обязаннымъ данью султану, на тѣхъ же условіяхъ, какія существовали и для Румыніи до 1878 г. Государствомъ этимъ долженъ былъ править князь, избранный страною, но утверждаемый султаномъ.

Княжество Болгарія было организовано русскими, которые заняли его своими войсками во время войны, а по своемъ удаленіи оставили тамъ своихъ офицеровъ. Конституція 1879 г. была предложена русскимъ губернаторомъ выборному національному собранію и утверждена послѣднимъ. Въ конституціи этой провозглашались всѣ тѣ права, которыя связаны съ современнымъ понятіемъ о свободѣ. Такъ же, какъ и въ Сербіи, было создано отвѣтственное министерство и собраніе представителей, безъ дѣленія на двѣ палаты. Это собраніе избиралось всеобщею подачею голосовъ; но четверть наличнаго числа его членовъ назначалась княземъ, а для измѣненія конституціи требовалось удвоенное число членовъ. Въ Болгаріи, какъ и въ Сербіи, общество было демократическое; главными элементами, изъ которыхъ оно состояло, были крестьяне, духовенство и школьные учителя. При выборахъ князя собраніе остановилось на принцѣ Александрѣ Баттенбергскомъ, кандидатура котораго поддерживалась русскимъ императоромъ. Болгарская милиція была организована русскими офицерами, которые и начальствовали въ ней; весь матеріалъ, необходимый для вооруженія милиціи, былъ оставленъ русскими войсками. Въ сущности, Болгаріей вначалѣ управляли русскіе; собраніе признало за тѣми изъ нихъ, которые участвовали въ войнѣ, освободившей Болгарію, всѣ права болгарскаго гражданства и право занимать различныя должности.

Тотчасъ же по открытіи собранія, въ немъ образовались политическія партіи, которыя удивили иностранцевъ своимъ практическимъ смысломъ. Главными предводителями этихъ партій были учителя, получившіе образованіе за границей. Дѣленіе партій произошло на почвѣ національнаго вопроса. *Консервативная* партія (Грековъ), желая избѣжать столкновенія съ Европой, примирялась съ отдѣленіемъ Восточной Румеліи. Національная партія, требовавшая присоединенія этой области, хотя бы для этого пришлось выдержать войну, состояла изъ двухъ фракцій: *либеральной* (Цанковъ) *и радикальной* (Каравеловъ); въ этихъ дѣленіяхъ не малую роль играли и личныя соперничества. Князь Александръ назначилъ консервативное министерство, стоявшее за союзъ съ Австріей. Радикальная и либеральная партіи, которымъ въ то время оказывала поддержку Россіи, пользовались популярностью среди массы крестьянскаго населенія; за ними осталось большинство на выборахъ въ собраніе 1879 г. Политическая жизнь началась съ конфликта между собраніемъ и княземъ. Собраніе было распущено,

но затѣмъ снова выбрано въ прежнемъ составѣ (1880 г.). Александръ попробовалъ назначить національное министерство (1880 г.), но затѣмъ онъ произвелъ государственный переворотъ. Онъ отставилъ министерство, созвалъ собраніе, отмѣнилъ конституцію и потребовалъ себѣ чрезвычайныхъ полномочій (1881 г.). Онъ назначилъ консервативное министерство, въ которомъ руководящую роль играли два русскихъ генерала *); они вскорѣ устранили консерваторовъ (1883 г.) и стали управлять одни.

Предводители всѣхъ болгарскихъ партій, недовольные этимъ правительствомъ чужеземцевъ, тайно вступили въ соглашеніе сначала между собою, а потомъ и съ княземъ, съ цѣлью избавиться отъ русскихъ. Собраніе неожиданно представило князю адресъ, въ которомъ просило его возстановить конституцію 1879 года, указывая на нѣкоторыя статьи этой конституціи, требовавшія пересмотра. Русскіе генералы, для которыхъ этотъ адресъ былъ неожиданностью, вышли изъ собранія и подали въ отставку. Князь назначилъ коалиціонное министерство изъ консерваторовъ и либераловъ (1883 годъ), а затѣмъ и исключительно либеральное министерство. Пересмотрѣнная конституція создала вторую палату. Но русскіе офицеры продолжали занимать высшія мѣста въ болгарской арміи, русскій дипломатическій агентъ возбуждалъ противъ министерства радикальную партію, которая въ собраніи, избранномъ въ 1884 г., получила большинство и предводители которой были призваны къ составленію министерства.

Между тѣмъ устройство Восточной Румеліи, какъ автономной провинціи, шло своимъ порядкомъ; она получила національную милицію, въ которой командовали европейскіе офицеры, провинціальное выборное собраніе, губернатора христіанина, назначавшагося султаномъ на пять лѣтъ, и директорію, замѣнявшую министерство. Первымъ губернаторомъ былъ грекъ, Вогоридесъ, который окружилъ себя болгарами; второй, назначенный подъ давленіемъ Россіи, былъ болгаринъ (Крестовичъ); ранѣе этого онъ былъ членомъ директоріи, и по назначеніи своемъ на губернаторскую должность принялъ имя Гавріилапаши. Провинціальное собраніе желало сліянія съ Болгаріей, чиновники и офицеры съ своей стороны подготовляли это сліяніе. То былъ заговоръ, въ которомъ участвовали всѣ. Въ одинъ прекрасный день (18 сентября 1885 года) батальонъ милиціи арестовалъ губернатора и главнокомандующаго арміей; было учреждено временное правительство, тотчасъ же признанное всѣми мѣстными властями; правительство это обратилось за помощью къ болгарскому князю. Русскій императоръ, недовольный болгарами съ 1883 года, не желалъ соединенія княжества съ Восточной Румеліей. Князь Александръ это зналъ; но ему оставалось выбирать одно изъ двухъ: либо порвать съ Россіей, либо вступить въ борьбу съ румелійскими болгарами, порвать съ своими собственными подданными. Онъ не протестовалъ противъ сліянія, принялъ титулъ «князя обѣихъ Болгарій» и явился съ своей арміей вступать во владѣніе Румеліей, которая признала его всеобщей подачей голосовъ.

Болгарія послѣ объединенія 1885 года.— Объединеніе перевернуло вверхъ дномъ всю политику Болгаріи. Въ началѣ великія державы, опасаясь всеобщаго возстанія, стали въ положеніе, враждебное къ болгарамъ. Русскій императоръ отозвалъ русскихъ офицеровъ, служившихъ въ болгарской арміи; европейскіе посланники въ Константинополѣ объявили, что «порицаютъ происшедшую революцію», и потребовали отъ болгаръ разоруженія и расторженія союза съ Румеліей. Вслѣдъ за этимъ Сербія вторглась въ предѣлы Болгаріи, западная граница которой не была защищена. Князь Александръ вернулся изъ Румеліи. Армія, въ которой русскіе офицеры были замѣнены болгарскими, перешла къ наступательнымъ дѣйствіямъ, принудила сербовъ вернуться назадъ и преслѣдовала ихъ въ самой Сербіи. Европа заставила враждующія стороны заключить миръ.

Послѣ побѣды болгаръ, отдѣленіе Румеліи отъ княжества сдѣлалось практически неосуществимымъ. Великія державы продолжали однако требовать исполненія берлинскаго трактата и отказывать въ признаніи новаго государства, образовавшагося изъ сліянія обѣихъ Болгарій, но дальше протестовъ онѣ не шли. Турецкое правительство кончило тѣмъ, что согласилось на компромиссъ: князь Александръ былъ назначенъ губернаторомъ Румеліи (1886).

Россія оставалась непримиримой. Вслѣдствіе этого радикальная партія, твердо рѣшившаяся отстаивать объединеніе, превратилась въ національную партію, противодѣйствовавшую иностранному вмѣшательству. Она сохранила за собой министерскіе портфели и опиралась на огромное большинство въ собраніи, составъ котораго увеличился румелійскими депутатами. Глава либеральной партіи, Цанковъ, служа Россіи, сталъ агитировать противъ болгарскаго правительства. Въ арміи и среди православнаго духовенства также оставалась сильная русская партія. Офицеры спеціальныхъ родовъ оружія и воспитанники военной школы въ Софіи произвели военный государственный переворотъ. Але-

*) Одинъ изъ этихъ министровъ, Соболевъ, разсказываетъ, что князь Александръ приписалъ государственный переворотъ 1881 г. русскимъ, съ цѣлью сдѣлать ихъ непопулярными въ странѣ, но что въ дѣйствительности князь сдѣлалъ этотъ переворотъ по наущенію Австріи; консервативная партія, по словамъ Соболева, была лишь кучкой людей, не болѣе 200 человѣкъ, враждебно относившихся къ Россіи. Но она чувствовала себя до того непопулярною, что просила у русскаго императора министровъ изъ русскихъ.

ксандръ, застигнутый заговорщиками врасплохъ, принужденъ былъ отречься отъ престола и былъ увезенъ изъ страны. Цанковъ объяснилъ въ прокламаціи, что князь былъ свергнутъ съ престола за то, что слѣдовалъ политикѣ, несогласной съ интересами славянства (августъ 1886 года). Но вслѣдъ за этимъ переворотомъ произошла контръ-революція: заговорщики были арестованы, князь Александръ снова призванъ въ Болгарію и встрѣченъ тамъ съ восторгомъ. Между тѣмъ русскій императоръ отказался одобрить это возвращеніе князя; тогда Александръ отрекся отъ престола, и, въ ожиданіи избранія новаго князя, управленіе страною взяло на себя регентство, состоящее изъ трехъ членовъ.

Одинъ изъ регентовъ, Стамбуловъ, бывшій президентомъ собранія, сталъ во главѣ Болгаріи. Онъ управлялъ заодно съ главнымъ начальникомъ румелійской милиціи, Муткуровымъ, но съ третьимъ регентомъ, бывшимъ главою радикальной партій, Каравеловымъ, онъ поссорился.

Вся политическая жизнь Болгаріи сосредоточилась на томъ, чтобы добиться признанія Европою соединенія обѣихъ Болгарій и чтобы бороться противъ русской партіи. Россія отказывалась признавать собраніе, въ которомъ засѣдали румелійскіе депутаты. Она потребовала сначала (1886 года) снятія осаднаго положенія и новыхъ выборовъ; затѣмъ (въ 1887 году), чтобъ регентомъ былъ назначенъ русскій генералъ, а княземъ былъ бы избранъ князь Мингрельскій, состоявшій въ русскомъ подданствѣ. Собраніе отказалось во имя національной независимости исполнить это требованіе. Найти другого кандидата на княжескій престолъ стоило большихъ трудовъ. Принцъ датскій, Вальдемаръ, избранный въ 1886 г., отказался. Болгарское правительство, отказавшись отъ надежды примирить Россію съ совершившимся фактомъ, рѣшилось искать поддержки у Австріи. Оно добилось того, что былъ избранъ католическій принцъ, Фердинандъ Кобургскій, служившій офицеромъ въ венгерской арміи (іюль 1887 г.). Новый князь назначилъ министерство, во главѣ котораго сталъ Стамбуловъ. Державы отказались признать князя.

Русская партія въ Болгаріи посредствомъ интригъ, военныхъ заговоровъ и возстаній (февраль 1887, ноября 1887, 1888 гг.), а также покушеній на убійство (1887, 1891 гг.) старалась низвергнуть Стамбулова и снова подчинить страну русскому вліянію. Стамбуловъ защищался посредствомъ судебныхъ преслѣдованій, казней, запрещенія газетъ и вообще такихъ мѣръ, которыя должны были терроризировать его противниковъ; на него падало обвиненіе, что онъ подвергалъ арестованныхъ пыткѣ и заставлялъ судей произносить суровые приговоры надъ невинными (процессъ маіора Паницы, 1890 г.). Либеральная партія протестовала противъ нарушенія правъ, гарантированныхъ конституціей. Но положеніе правительства упрочилось; Фердинандъ былъ признанъ султаномъ и заставилъ собраніе произвести пересмотръ конституціи. Въ результатѣ этого пересмотра, число депутатовъ было убавлено на половину, и срокъ ихъ полномочій былъ продленъ съ трехъ лѣтъ на пять. Митрополитъ, который произнесъ проповѣдь, направленную противъ князя-католика, былъ приговоренъ къ тюремному заключенію.

Затѣмъ Фердинандъ, наскучивъ тѣмъ подчиненіемъ, въ которомъ держалъ его Стамбуловъ, призвалъ прежнихъ предводителей партій, радикала Каравелова, либерала Цанкова, и сблизился съ русской православной партіей (1894 г.). Стамбуловъ былъ умерщвленъ въ 1895 г., и его убійцы остались безнаказанными. Фердинандъ окрестилъ своего сына, принца Бориса, въ православную вѣру, причемъ воспріемникомъ былъ русскій императоръ. Болгарія примирилась съ Россіей, сохранивъ свою независимость и національное единство.

Агитація съ цѣлью присоединенія Македоніи продолжается и до сихъ поръ. Банды болгарскихъ инсургентовъ имѣли нѣсколько стычекъ съ турецкими войсками (1896 г.). Но болгарская агитація наталкивается въ Македоніи на другія національныя движенія, противодѣйствующія ей, такъ такъ населеніе этой провинціи очень смѣшано, и даже вопросъ о томъ, изъ кого состоитъ славянское большинство въ Македоніи, — изъ болгаръ или сербовъ, — является спорнымъ.

ГЛАВА XXI.

Преобразованіе матеріальныхъ условій политической жизни.

Изобрѣтенія.—Новѣйшія орудія истребленія.—Новыя средства сообщенія.—Измѣненія въ размѣрѣ населенія и въ его распредѣленіи.—Ростъ народнаго богатства.—Преобразованія въ экономической жизни.

Изобрѣтенія.—Ни въ одинъ моментъ исторіи человѣчества матеріальныя условія жизни не были преобразованы такъ глубоко и съ такой быстротой, какъ въ Европѣ въ XIX вѣкѣ. Практическія искусства, которыя со временъ классической древности развивались медленно и совершенствовались только въ подробностяхъ, испытали вдругъ столь радикальный переворотъ, что разстояніе между техническими пріемами XVIII ст. и современной индустріей стало гораздо большимъ, чѣмъ между техникой XVIII ст. и ремеслами классической древности или даже египетскихъ временъ *).

Это глубокое и быстрое преобразованіе является результатомъ техническихъ изобрѣтеній, сдѣланныхъ или эмпирическимъ путемъ, или путемъ методическаго приложенія теоретическихъ знаній. Многія изобрѣтенія восходятъ къ послѣдней трети XVIII вѣка; но практическія ихъ послѣдствія для массы европейскаго населенія даютъ себя чувствовать лишь по окончаніи войнъ имперіи. Преобразованіе матеріальныхъ условій жизни начинается только послѣ 1814 года. Оно представляетъ самое крупное событіе нашего времени,—событіе интернаціональное, потому что изобрѣтенія были сдѣланы учеными и изобрѣтателями всѣхъ націй, и узы этого международнаго сотрудничества такъ тѣсны, что даже не всегда можно опредѣлить, какой именно странѣ обязаны мы иниціативѣ того или иного изобрѣтенія; изобрѣтенія переходили отъ одной націи къ другой, принося выгоду всѣмъ безразлично.

Мы уже такъ привыкли къ новымъ матеріальнымъ условіямъ жизни, что съ трудомъ себѣ представляемъ Европу 1814 г., столь близкую намъ по времени и столь отличную по условіямъ жизни. Поэтому не излишне будетъ припомнить главнѣйшія изобрѣтенія послѣднихъ трехъ четвертей вѣка, отодвинувшія насъ такъ далеко отъ нашихъ предковъ. Я не пытаюсь изложить ихъ исторію; почти всѣ они являются результатомъ цѣлаго ряда опытовъ и послѣдовательныхъ усовершенствованій (какъ, напр., электрическій телеграфъ и пароходъ), вслѣдствіе чего даже простое перечисленіе этихъ изобрѣтеній въ хронологическомъ порядкѣ представляетъ много трудностей. Здѣсь я постараюсь припомнить лишь главнѣйшія изобрѣтенія, сгруппировавъ ихъ по областямъ знанія, приложеніемъ которыхъ они являются.

Почти всѣ машины были изобрѣтены въ Англіи, въ XVIII ст. Сначала ручныя машины, прядильныя и ткацкія, для хлопчатой бумаги и шерсти, для выдѣлки шерстяныхъ матерій, для изготовленія чулокъ (швейныя машины появились лишь въ XIX в.). Потомъ стали пользоваться силой паденія воды для приведенія въ движеніе прядильныхъ и ткацкихъ станковъ (въ Англіи съ 1790—1815 г.). Паръ вошелъ въ употребленіе позже.—Механикѣ обязаны мы земледѣльческими машинами, распространившимися впрочемъ гораздо позднѣе, и машинами для изготовленія бумаги.—Механика произвела переворотъ и въ путяхъ сообщенія при помощи макадама и проведенія дорогъ подъ небольшимъ уклономъ, огибающихъ крутые склоны,—вмѣсто дорогостоившихъ и неудобныхъ каменныхъ шоссе въ прямую линію, съ крутыми склонами,—а также при помощи висячихъ мостовъ, віадуковъ и желѣзнодорожныхъ туннелей.

Путемъ преобразованія добывающей промышленности, механическія изобрѣтенія доставили другимъ отраслямъ производства необходимые

*) Чтобы имѣть представленіе объ этой громадной разницѣ въ быстротѣ эволюціи, достаточно сравнить изображенія ремеслъ на египетскихъ гробницахъ, гравюры *Энциклопедіи*, XVIII ст. и рисунки какого-нибудь современнаго популярно-научнаго сочиненія.

матеріалы: каменный уголь, металлы, нефть. Металлургическая индустрія, преобразовавшаяся благодаря каменному углю, доменнымъ печамъ и паровому молоту, доставила желѣзо, чугунъ и сталь, ставшіе главнымъ матеріаломъ для изготовленія орудій современной промышленности: инструментовъ, металлическихъ оправъ, рельсовъ, машинъ, мостовъ и пр.

Золотыя и серебряныя розсыпи, эксплоатируемыя при помощи машинъ и новѣйшихъ химическихъ процессовъ, удвоили количество звонкой монеты *).

Физика доставила два наиболѣе характеризующихъ нашу цивилизацію двигателя—паръ и электричество.—Паръ далъ намъ три великихъ орудія: 1) паровую машину, въ началѣ употреблявшуюся въ рудникахъ, а нынѣ стремящуюся замѣстить живые или природные двигатели во всѣхъ главнѣйшихъ вѣтвяхъ промышленности (на прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ) и даже въ земледѣліи (молотилки, жатвенныя машины; 2) пароходъ, усиливший водяной транзитъ; 3) локомотивъ и желѣзную дорогу, увеличившіе въ громадной пропорціи размѣры и быстроту перевозки сухимъ путемъ. Было вычислено, что стоимость перевозки понижена введеніемъ желѣзныхъ дорогъ въ 20 разъ. Электричество,—хотя болѣе юное, чѣмъ паръ, дало намъ уже электрическій телеграфъ, телефонъ, электрическое освѣщеніе и гальванопластику.

Химіи обязаны мы большей частью второстепенныхъ изобрѣтеній:—химическими фосфорными спичками, замѣнившими огниво, посредствомъ котораго огонь добывался такъ трудно и медленно;—химическими удобреніями, производящими переворотъ въ земледѣліи;—свекловичнымъ сахаромъ;—газомъ, вошедшимъ во всеобщее употребленіе для освѣщенія улицъ, площадей и общественныхъ зданій;—извлекаемыми изъ каменнаго угля красками, бензиномъ и креозотомъ;—фотографіей и геліогравюрою;—новѣйшими взрывчатыми веществами;—химическими медикаментами;—бѣленіемъ посредствомъ хлора, дубленіемъ кожъ;—пищевыми консервами, аллюминіемъ, бумагой изъ древесной клѣтчатки и т. д.

Менѣе подвинувшіяся впередъ біологическія науки дали главнымъ образомъ анестезирующія средства, много облегчившія хирургію, и антисептическія, преобразовавшія медицину. Сюда же слѣдуетъ присоединить улучшенные сорта сѣмянъ и породы домашнихъ животныхъ,—результатъ методическихъ опытовъ, родственныхъ естественнымъ наукамъ.

Этого краткаго перечисленія главнѣйшихъ изобрѣтеній достаточно, чтобы напомнить о тѣхъ великихъ перемѣнахъ, какимъ подверглась наша жизнь. Намъ нужно теперь показать, какимъ образомъ это преобразованіе матеріальной обстановки реагировало на политическую жизнь Европы, какъ оно отражалось на ней непосредственно, путемъ измѣненія практическихъ условій правленія, и косвенно, путемъ преобразованія самаго состава общества.

Новѣйшія орудія истребленія.—До середины текущаго столѣтія были извѣстны лишь старыя взрывчатыя вещества конца среднихъ вѣковъ. Арміи 1814 г. имѣли еще только порохъ и кремневыя оружія; пушки, слегка усовершенствованныя, заряжались еще съ дула. То были орудія, заряжавшіяся медленно и стрѣлявшія плохо и только на небольшое разстояніе; ихъ дѣйствіе было главнымъ образомъ моральное; они не мѣшали дисциплинированному войску держаться плотными рядами, приближаться къ непріятелю и аттаковать его со штыкомъ въ рукахъ. Въ тѣ времена для возстанія было достаточно имѣть охотничьи ружья, порохъ и пули; не было почти никакого различія въ вооруженіи между солдатомъ и инсургентомъ; въ уличной битвѣ послѣдній, стрѣлявшій изъ-за какой-нибудь ограды, имѣлъ даже преимущество.

Новѣйшія взрывчатыя вещества дали въ руки правительства разрушительную силу, значительно увеличившую его репрессивныя средства. Сначала открытіе гремучей ртути привело къ изобрѣтенію ударныхъ капсюлей, затѣмъ послѣдовало гораздо болѣе важное открытіе взрывчатыхъ свойствъ азотистыхъ соединеній, приготовленіе нитроглицерина (1847), который, въ соединеніи съ инертными веществами, далъ *динамитъ* (1864 г.). Эти новѣйшія *раздробляющія* взрывчатыя вещества, получаемыя изъ азотистыхъ соединеній, взрывъ которыхъ происходитъ отъ мгновенной химической реакціи, имѣютъ гораздо большую разрушительную силу, чѣмъ порохъ, который взрывается гораздо медленнѣе.—Минный порохъ былъ замѣненъ динамитомъ (не только для военныхъ минъ и торпедъ, но и для большинства работъ по устройству путей сообщенія).—Военный порохъ, еще не вышедшій изъ употребленія для ружей, замѣняется новѣйшимъ бездымнымъ порохомъ разныхъ составовъ, изобрѣтенныхъ въ 1870 г. одновременно въ разныхъ странахъ; въ артиллеріи порохъ былъ замѣненъ соединеніями азотной и пикриновой кислотъ (*меленитомъ*, *робуритомъ* и т. д.).

---

*) Привожу нѣсколько цифръ, относящихся къ продуктамъ, количество которыхъ поддается исчисленію; цифры эти показываютъ ростъ ежегоднаго производства въ милліонахъ тоннъ.

		Англія.	Франція.	Германія.	Бельгія.
Камен. уголь	1850 г.	64	4	5	6
	1887 »	162	20	60	18
Желѣзо . . .	1850 »	2,2	0,4	0,2	—
	1887 »	7,5	1,5	4	—

Общая добыча золота оцѣнивается для періода отъ 1800—1848 г. въ 3 милліарда; отъ 1848—1890 г. въ 25 милліардовъ.

Въ то же время происходилъ переворотъ въ самомъ устройствѣ огнестрѣльнаго оружія. Были изобрѣтены ружья съ центральнымъ боемъ, заряжающіяся съ казенной части совершенно готовымъ патрономъ; это значительно увеличивало быстроту стрѣльбы, а также мѣткость выстрѣла. Впервые, еще съ 1847 г., такое ружье было введено въ прусской инфантеріи; то было игольчатое ружье (Дрейзе). Но другія страны не торопились ввести это ружье у себя; Франція оставалась вѣрна своему охотничьему ружью (Лефоше). Лишь послѣ прусскихъ побѣдъ 1866 г. ружья, заряжающіяся съ казенной части, различныхъ системъ (Шассепо, Маузера, Мартини) сдѣлались военнымъ ружьемъ всей Европы.— Наряду съ ружьемъ шло усовершенствованіе пушки; сначала появились нарѣзныя орудія; потомъ орудія, заряжавшіяся съ казенной части (Армстронга, въ 1854 г.), которыя были усовершенствованы въ Германіи (Круппомъ); наконецъ стальныя орудія и мортиры, заряжающіяся меленитомъ.— Одновременно съ этимъ переворотомъ въ устройствѣ огнестрѣльнаго оружія шли открытія въ области химіи. Бездымный порохъ, благодаря большей силѣ взрыва, далъ возможность сдѣлать ружье болѣе легкимъ при меньшей величинѣ пули и болѣе дальнемъ боѣ; я говорю о ружьѣ, неправильно называемомъ *ружьемъ Лебеля.*

Всѣ эти новѣйшіе разрушительные снаряды дѣйствуютъ гораздо сильнѣе и потому совершенно измѣнили условія войны. Прежніе укрѣпленные города нынѣ потеряли свое значеніе въ дѣлѣ защиты границъ, такъ какъ они болѣе не способны выдержать осаду. Теперь разсчитываютъ только на укрѣпленный лагерь, представляющій центръ для склада провіанта, защищенный поясомъ отдѣльныхъ крѣпостей. Тактика густыхъ колоннъ, сдѣлавшаяся невозможной вслѣдствіе скорострѣльныхъ ружей и гранатъ, уступила мѣсто движенію изолированныхъ стрѣлковъ, укрывающихся за неровностями почвы.

Еще не было случая, гдѣ могли бы обнаружиться результаты этой революціи въ военномъ дѣлѣ; сами военные не могутъ себѣ ясно представить, чѣмъ была бы теперь война двухъ великихъ европейскихъ націй *). Перспектива современной войны сама по себѣ такъ ужасна, что она мѣшаетъ правительствамъ взять на себя отвѣтственность и иниціативу военнаго столкновенія. Прогрессъ военнаго искусства сдѣлалъ войну столь чудовищной, что никто не дерзаетъ ее начать. Химія взрывчатыхъ веществъ привела къ упроченію мира.

Во внутренней политикѣ новѣйшее вооруженіе обезпечило за правительствами неодолимую силу. Уже болѣе нельзя поднять возстаніе, вооружившись, чѣмъ попало, или разграбивъ магазины оружія; борьба между охотничьимъ ружьемъ и военнымъ стала невозможной; никакая баррикада не устоитъ противъ новыхъ пушекъ. Тотъ фактъ, что революціи и возстанія, столь частыя въ Европѣ до 1848 года, совершенно прекращаются со времени преобразованія вооруженія, является, безъ сомнѣнія, не простою случайностью. Нѣмецкій соціалистъ Бебель заявилъ въ 1890 г.: «я уже говорилъ, что случилось бы въ наше время магазинныхъ ружей и пушекъ Максима съ революціей, въ которой бы приняли участіе, скажемъ даже, 200 т. человѣкъ: насъ, какъ воробьевъ, перестрѣляли бы самымъ жалкимъ образомъ».

Теперь нѣтъ болѣе никакого средства низвергнуть легальное правительство, нѣтъ даже никакой возможности защитить конституцію противъ исполнительной власти; гражданское населеніе потеряло единственно дѣйствительный способъ сопротивленія злоупотребленіямъ правительственной власти.

Революціонныя покушенія также были преобразованы, благодаря взрывчатымъ веществамъ. Старая адская машина, которую еще пускали въ ходъ противъ Луи-Филиппа, была замѣнена бомбами Орсини (1858), динамитомъ и динамитными бомбами. Эти ужасающія орудія дали возможность отдѣльнымъ индивидуумамъ обратить на себя вниманіе общества и принять внѣшность революціонной партіи; они нисколько не увеличили дѣйствительную силу революціонныхъ партій и даже вѣроятно уменьшили ее. Потрясенное воображеніе общества дѣлало отвѣтственными за покушенія изолированныхъ личностей революціонныя партіи и изливало на нихъ свое негодованіе.

Новыя средства сообщенія.—Переворотъ въ способахъ сообщенія отразился на политической жизни, благодаря телеграфу, желѣзнымъ дорогамъ, печати. Медленность въ сообщеніяхъ была во всѣ времена однимъ изъ политическихъ затрудненій для правительства; старые способы перевозки, корабли или курьеры, служившіе для доставки приказа отъ центральной власти или для полученія какихъ-либо свѣдѣній отъ мѣстныхъ агентовъ, часто употребляли на это столько времени, что приказъ приходилъ слишкомъ поздно. Это значительно замедляло дѣятельность центральной власти и даже въ извѣстныхъ случаяхъ дѣлало ее совсѣмъ невозможной: приходилось облекать мѣстныхъ агентовъ властью, предѣлы которой весьма слабо намѣчались, и даже предоставлять дипломатическимъ агентамъ отдѣльныхъ странъ почти дискреціонную власть. Приходилось отказываться отъ непосредственнаго контроля надъ агентами, такъ какъ свѣдѣнія объ ихъ дѣйствіяхъ получались недостаточно быстро.

*) Переворотъ начался лишь со времени франко-прусской войны 1870 г. Войны русско-турецкая 1877 года и болгаро-сербская 1885 года представляютъ столкновеніе полуевропейскихъ армій, плохо обученныхъ и плохо экипированныхъ.

Воздушный телеграфъ Шаппа (Chappe) считался крупнымъ усовершенствованіемъ; но онъ могъ передавать только небольшое количество телеграммъ и лишь въ ясную погоду. Введенный съ 1850 г. электрическій телеграфъ доставилъ правительству средство получать свѣдѣнія и отдавать распоряженія почти моментально и независимо отъ разстояній. Это скоро отразилось на политической дипломатіи, въ которой правительство, освѣдомленное о малѣйшихъ эпизодахъ, взяло въ свои руки управленіе всѣми дѣлами и низвело своихъ агентовъ до роли передаточныхъ орудій. Во внутренней политикѣ телеграфъ облегчилъ сношенія между правительствомъ и его агентами; однако въ административной области еще осталось много переживаній отъ періода, предшествовавшаго телеграфу: мы говоримъ о перепискѣ, которая сдѣлалась безполезной, но которую забыли уничтожить. Телеграфъ, усиливая дѣятельность центральной власти, увеличилъ централизацію.

Желѣзныя дороги произвели переворотъ въ почтѣ,—учрежденіи древнемъ, но дѣятельность котораго была ограничена слабостью перевозочныхъ средствъ; онѣ снабдили ее перевозочной силой, давшей возможность увеличить число отправокъ и понизить ихъ стоимость въ пропорціи, которую трудно себѣ представить. Въ 1890 г. въ Европѣ, по вычисленію международнаго почтоваго союза, было 90,000 почтовыхъ отдѣленій, совершившихъ десять милліардовъ отправокъ. Желѣзная дорога, шоссе и почта, значительно облегчивши передвиженіе людей и пересылку писемъ, тѣмъ самымъ усилили общественную дѣятельность и политическую жизнь. Благодаря имъ, была организована администрація, регулярная и непрерывная дѣятельность которой распространяется на жителей отдаленнѣйшихъ деревень. Они уничтожили тѣ глухіе, полу-варварскіе уголки, которые сохранились въ Европѣ даже въ странахъ наиболѣе цивилизованныхъ. Благодаря цѣлой сѣти дорогъ, полиція, организованная повсюду по образцу французской жандармеріи, оказалась, наконецъ, въ силахъ уничтожить въ Европѣ разбойниковъ и изгнала ихъ даже изъ лѣсовъ и горъ.

Всѣ жители вступили въ общественную жизнь, благодаря постояннымъ сношеніямъ съ агентами суда, финансоваго управленія, военнаго набора, администраціи. Новые способы сообщенія *приблизили* къ общественной власти тяжущихся, платящихъ подати, управляемыхъ; вслѣдствіе этого сношенія одновременно сдѣлались и болѣе дѣйствительными, и менѣе обременительными. Они также оказали пользу политическимъ партіямъ, облегчивъ имъ пропаганду и устройство собраній.

Печать была совершенно преобразована примѣненіемъ къ ней машинъ: парового печатнаго станка, введеннаго въ 1814 г. англійской газетой *Times*, машиной для набора и затѣмъ ротаціонной скоропечатной машины; эти машины, сокративъ время, необходимое для печатанія, и уменьшивъ число занятыхъ при этомъ рабочихъ, позволили получать въ очень короткое время и съ очень небольшими издержками огромное число экземпляровъ *). Ежедневная политическая газета, составлявшая роскошь, доступную лишь *подписчикамъ* изъ буржуазіи, проникла въ народныя массы путемъ *розничной продажи*. Правительства систематически пытались препятствовать проникновенію газетъ въ народъ, сначала путемъ *гербовой пошлины* (изобрѣтенной въ Англіи въ XVIII в.), потомъ требованіемъ внесенія *залога* (придуманнаго Франціей въ 1819 году), или же налога на бумагу;—я не говорю уже о процессахъ противъ печати и объ административныхъ мѣрахъ (которыя весьма чувствительно отразились на продажу газетъ въ эпоху реакціи, послѣдовавшей за революціею 1848 г.). Тѣмъ не менѣе дешевая газета, несмотря на враждебное отношеніе правительствъ, вошла окончательно въ нравы всей Европы. У насъ нѣтъ точныхъ данныхъ, чтобы вычислить прогрессію распространенія газетъ; но число *экземпляровъ*, выпускаемыхъ за годъ въ большихъ государствахъ, исчислялось ранѣе милліонами, а теперь—сотнями милліоновъ; газетное производство возросло болѣе, чѣмъ въ сто разъ.

Благодаря своей способности проникать въ массы, ежедневная печать является въ современномъ обществѣ орудіемъ гласности не только для торговли, но и для политики. Для правительственныхъ актовъ (законовъ, декретовъ, судебныхъ постановленій) прежніе способы гласности (чтеніе въ церквахъ, вывѣшиваніе объявленій и пр.) были замѣнены помѣщеніемъ въ газетахъ. Газета лишила всякаго значенія запрещеніе обнародывать акты духовныхъ властей, сдѣлало безполезнымъ право петицій, которое раньше считалось однимъ изъ основныхъ элементовъ свободы. Но болѣе всего газета дѣйствуетъ на *общественное мнѣніе* тѣмъ, что она публикуетъ и обсуждаетъ дѣйствія не только правительства, но и его агентовъ, доставляя такимъ образомъ единственное дѣйствительное средство контроля надъ правительственной и административной дѣятельностью, а также тѣмъ, что она излагаетъ и пропагандируетъ политическіе взгляды—необходимое условіе для образованія политическихъ партій.

Пока газета являлась роскошью и была принадлежностью богатыхъ классовъ, буржуазія сохраняла монополію политической жизни, контроля, оппозиціи; остальное населеніе вмѣши-

*) Одинъ американецъ вычислилъ, что въ настоящее время въ одинъ часъ печатается такое количество листовъ, для котораго прежде потребовалось бы 100 дней (72,000 листовъ).

валось въ общественную жизнь лишь путемъ возстаній. Дешевая пресса направила на эту инертную массу потокъ политической пропаганды и этимъ положила начало политическому воспитанію народа и эволюціи политической жизни въ демократическомъ направленіи.

Если мы присоединимъ къ этимъ прямымъ преобразованіямъ, совершившимся въ политической жизни, мелкія услуги, оказываемыя полиціи освѣщеніемъ улицъ и фотографіей, то передъ нами будетъ, какъ я полагаю, полная картина тѣхъ непосредственныхъ измѣненій общественной жизни, о которыхъ мы говорили. Косвенныя вліянія гораздо болѣе многочисленны, но менѣе очевидны; здѣсь мы можемъ указать лишь на наиболѣе важныя и наименѣе спорныя изъ нихъ.

Измѣненія въ размѣрѣ населенія и въ его распредѣленіи.—Нѣтъ сомнѣнія, что прогрессъ прикладныхъ знаній и искусствъ и связанный съ нимъ ростъ средствъ къ существованію способствовали быстрому и непрерывному росту населенія всей Европы. Организованныя правительствами довольно точныя переписи даютъ намъ возможность измѣрить этотъ ростъ. Населеніе Европы, насчитывавшее въ 1800 г. около 180 милл., въ настоящее время превышаетъ 350 милліоновъ *). (Болѣе всего возросло населеніе сѣверныхъ странъ.) Сама по себѣ, возрастающая плотность населенія можетъ и не вліять на политическую жизнь страны. На Востокѣ есть страны съ населеніемъ очень густымъ и въ тоже время очень инертнымъ; то же самое, быть можетъ, имѣло мѣсто и въ средніе вѣка. Политическая жизнь Соединенныхъ Штатовъ, съ плотностью въ 7 человѣкъ на квадратную версту, гораздо болѣе интенсивна, чѣмъ въ Англійской Индіи, съ ея плотностью въ 88 челов. Политическое значеніе роста населенія въ XIX стол. слѣдуетъ приписать тому, что главнымъ образомъ возросло городское населеніе.

Еще въ 1814 г. города представляли лишь продовольственные и административные центры для крестьянскаго и земледѣльческаго населенія мѣстнаго округа; большинство ихъ представляло собой лишь небольшія группы чиновниковъ, ремесленниковъ и купцовъ, разбросанныя среди сельскаго населенія (очень немногіе города имѣли болѣе 50,000 жителей). Новѣйшая промышленность, концентрирующая рабочихъ цѣлыми тысячами, перевозка паромъ, создающая во всѣхъ частяхъ земного шара громадную международную торговлю, породили новое городское населеніе изъ рабочихъ и торговцевъ. Прежніе города разрослись съ небывалой быстротой; промышленныя села превратились въ большіе города. Въ нѣкоторыхъ промышленныхъ областяхъ (особенно въ Англіи, Германіи и Бельгіи) городскія поселенія стали столь частыми, что покрываютъ почти сплошь цѣлыя мѣстности. Отношеніе городского населенія ко всему населенію составляло во Франціи въ 1846 г. 24%, а въ 1886 г.—36%. Англія, наиболѣе передовая въ этомъ отношеніи страна, имѣла уже въ 1851 г. 51% городского населенія, а въ 1890 г.—79%.

Въ Европѣ въ 1880 г. насчитывалось 4 города съ населеніемъ, превышающимъ 1 милл. душъ, 6 городовъ съ населеніемъ отъ $^1/_2$ милл. до 1 милл., 25 гор. отъ 200,000 до 500,000 чел., 40—отъ 100,000 до 200,000 (всего 178 городовъ съ населеніемъ свыше 50,000 ч.). Въ 1880 г. всѣхъ жителей въ городахъ съ населеніемъ свыше $^1/_2$ милл. было 11 милліоновъ; въ 1890 г. число ихъ превышало 14 милліоновъ.

Исторія XIX ст. показываетъ, что во всей Европѣ центрами революціи и оппозиціи правительству и духовенству были именно большіе города и промышленныя области; въ нихъ-то главнымъ образомъ вербовались члены демократическихъ партій. Однимъ изъ условій всеобщей эволюціи Европы по направленію къ демократіи является несомнѣнно ростъ городского населенія.

Ростъ народнаго богатства. — Благодаря машинамъ, предоставляющимъ въ распоряженіе промышленности безпредѣльныя естественныя силы, въ настоящее время производится гораздо большее количество предметовъ въ гораздо меньшій промежутокъ времени, вслѣдствіе чего они продаются по значительно низшей цѣнѣ *).

Благодаря перевозкѣ паромъ въ настоящее время ввозятся въ Европу по весьма низкимъ цѣнамъ сырые матеріалы и земледѣльческіе продукты изо всѣхъ странъ міра (и въ то же время въ самой Европѣ земледѣліе стало болѣе продуктивнымъ, благодаря новымъ распашкамъ, плодопеременной системѣ, химическимъ удобреніямъ

---

*) Приведемъ нѣкоторыя данныя о сравнительной густотѣ населенія (на квадр. километръ):

	Въ 1820 г. Чел.	Въ 1890 г. Чел.
Германія .	50	91
Австрія. .	47	79 въ Цислейтаніи. 54 » Транслейтаніи.
Бельгія. .	138 (въ 1840 г.).	206
Англія съ Валлисомъ. .	80	192
Франція. .	56	71
Италія . .	64	107

*) Выигрышъ въ трудѣ и во времени далеко не одинаковъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности. Привожу нѣсколько цифръ, дающихъ представленіе объ этой разницѣ. Цифры эти указываютъ число рабочихъ, которое нѣкогда было необходимо для производства такого количества продуктовъ, какое нынѣ производится однимъ рабочимъ.

Въ сапожномъ производствѣ	5	(вмѣсто 1)
» шляпномъ »	6	» »
» ткацкомъ »	30	» »
» прядильномъ »	1100	» »
» книгопечатномъ » около .	1000	» »

и интенсивной культурѣ).—Параллельный ростъ добыванія золота и серебра долго дѣлалъ паденіе цѣнъ незамѣтнымъ. Но увеличеніе количества монеты и ростъ производительности труда приводили къ однороднымъ результатамъ: къ увеличенію количества полезныхъ предметовъ и къ большей легкости пріобрѣтенія ихъ; это проявилось въ ростѣ потребленія и умноженія капиталовъ.

Ростъ потребленія совершался такъ быстро, и въ привычкахъ произошелъ такой глубокій переворотъ, что необходимо извѣстное усиліе воображенія, чтобы представить себѣ простоту жизни начала этого вѣка. Для богатыхъ изобиліе достигло размѣровъ, прямо подавляющихъ. Но особенно возросло потребленіе народныхъ массъ, улучшились условія народной жизни. Нѣкоторые предметы прежней роскоши вошли теперь во всеобщее употребленіе, таковы: сахаръ, кофе, шоколадъ, бѣлье, бумажныя и шелковыя ткани, обои, готовыя платья, мебель, оконныя стекла, посуда, стеариновыя свѣчи, лампы, книги, газеты, музыка, театръ, портреты.

Параллельно съ этимъ исчезла нечистоплотность, которая въ XVIII столѣтіи была присуща всѣмъ классамъ, во всѣхъ странахъ. Въ настоящее время она вызываетъ отвращеніе у цивилизованныхъ народовъ и сохранилась въ Европѣ лишь въ странахъ Юга и Востока, да еще среди самыхъ жалкихъ слоевъ населенія. Чистота тѣла, бѣлья, домовъ, съѣстныхъ припасовъ становится потребностью и, при посредствѣ школъ, распространяется даже среди отдаленныхъ деревень. Наряду съ ростомъ домашней чистоплотности растетъ и общественная. Чистка улицъ, сточныя трубы, ассенизаціонныя мѣры, совершенно почти неизвѣстныя въ 1814 г., въ настоящее время сдѣлались неизбѣжными учрежденіями всѣхъ городовъ. Чувство общественнаго стыда и отвращенія заставило снести зараженныя конуры и расширить темные переулки, гдѣ скоплялось бѣдное населеніе большихъ городовъ.

Современный рабочій пользуется такими же благами матеріальной жизни и духовной культуры, онъ одѣтъ съ такой же изысканностью, какъ и буржуа 1814 г. Поэтому-то предоставленіе ему политическихъ правъ не повлекло за собой возвращенія къ варварству, которое предсказывали свѣдущіе люди и которое казалось неопровержимымъ доводомъ противъ всеобщаго избирательнаго права.

Только часть богатствъ, произведенныхъ новѣйшей промышленностью, была обращена на потребленіе, остальная часть послужила къ образованію сбереженій. Невозможно дать точную цифру сбереженій, накопленныхъ съ 1814 г., хотя бы для одной какой-либо страны *), такъ какъ исчисленія этого рода основываются на субъективныхъ оцѣнкахъ и сильно разнятся одно отъ другого. Несомнѣнно однако, что сбереженія эти по меньшей мѣрѣ удвоили общую сумму капиталовъ, оставленныхъ намъ всѣми прошедшими вѣками. Часть этого сбереженнаго капитала послужила къ созданію новыхъ орудій промышленности и торговли, и является въ видѣ заводовъ и желѣзныхъ дорогъ; другая часть была отдана въ долгъ правительствамъ, которыя затратили ее главнымъ образомъ на войны и на вооруженія: она представлена государственными бумагами *). Эти громадныя массы свободныхъ капиталовъ совершенно измѣнили финансовыя условія правительственной дѣятельности; онѣ позволили увеличить налоги, бюджеты и долги до размѣровъ, которые ранѣе показались бы невѣроятными. Онѣ также дали возможность вести войну въ кредитъ и возложить издержки войны на будущія поколѣнія. Такимъ образомъ возросла экономическая мощь правительства и значеніе представительныхъ собраній, облеченныхъ властью заправлять этими огромными бюджетами.

Преобразованія въ экономической жизни.—Созданіе движимыхъ богатствъ произвело цѣлую революцію въ характерѣ экономической жизни цивилизованныхъ народовъ. Въ прежнее время рабочіе производили почти исключительно для собственнаго потребленія или для мѣстнаго рынка; крестьяне продавали мало и покупали еще меньше; ремесленники работали для мѣстныхъ заказчиковъ. Крупное производство и торговля съ отдаленными рынками почти ограничивалась предметами роскоши, производимыми на нѣсколькихъ *мануфактурахъ*, и *колоніальными товарами*, привозимыми изъ-за моря.—Въ XIX в., вслѣдствіе эволюціи, начавшейся въ Англіи уже между 1789 и 1814 гг., городскіе производители и даже сельскіе хозяева работаютъ уже не для извѣстныхъ заказчиковъ, а исключительно на сбытъ, и уже не для мѣстнаго рынка, а всемірнаго.

Система акціонерныхъ компаній привилась чрезвычайно быстро къ крупной промышленности; въ то же время количество государственныхъ бумагъ росло вмѣстѣ съ быстрымъ возрастаніемъ займовъ. Такимъ образомъ было создано громадное количество новыхъ движимыхъ цѣнностей, доступныхъ для спекуляціи.

Слѣдствіемъ этого новаго явленія былъ переходъ управленія производствомъ въ руки группъ спекулянтовъ; они распоряжаются на всемірномъ рынкѣ, устанавливаютъ цѣны, являются заказ-

*) Мюлгаль исчисляетъ все сбереженіе Англіи съ 1815—1880 гг. въ 85 милліардовъ фр., а ежегодное сбереженіе всего міра приблизительно въ 12 милліардовъ.

*) Государственный долгъ Англіи былъ значителенъ уже въ 1814 г., къ 1820 г. онъ достигъ 21 милліарда и затѣмъ сталъ уменьшаться. Но для всей Европы онъ достигъ 34 милліардовъ въ 1820 г. и 102 милліардовъ въ 1881 году. Ежегодные расходы центральныхъ правительствъ всей Европы возросли въ 5 милліардовъ въ 1830 году, до 15 милліардовъ въ 1881 году.

чиками крупной промышленности и опредѣляютъ стоимость акцій и государственныхъ бумагъ. Купеческая биржа и въ особенности биржа, гдѣ котируются бумаги, сдѣлались центрами, заправляющими экономической жизнью націй.

Значеніе, полученное биржей, видно изъ числа цѣнныхъ бумагъ различныхъ наименованій, котированныхъ на биржѣ:

Въ	1815	г. Лондонѣ	30
»	1877	» »	1,307
»	1815	» Парижѣ	15
»	1877	» »	553
»	1815	» Берлинѣ	11
»	1877	» »	613

Эта новая сила глубоко измѣнила условія политической жизни. Новая денежная аристократія (банкиры, крупные предприниматели, крупные торговцы), которую старая землевладѣльческая аристократія оттѣсняла на задній планъ, заняла теперь свое мѣсто въ политической жизни; она наполняетъ ряды либеральныхъ партій, куда также вошла демократическая масса населенія. Прибыльныя промышленныя предпріятія и крупныя спекуляціи зависѣли непосредственно отъ государства, благодаря таможеннымъ тарифамъ, займамъ, концессіямъ; косвенно они зависѣли отъ прессы, такъ какъ нуждались въ рекламѣ. Поэтому денежная аристократія постаралась подчинить себѣ правительство, парламентъ и прессу. Въ какой степени, въ различныхъ странахъ Европы, успѣла она этого достигнуть,—остается тайной, которую я не пытаюсь раскрыть. Но несомнѣнно, что власть спекуляціи надъ ходомъ политической жизни государствъ составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ политики XIX ст.

ГЛАВА XXII.

Церковь и католическія партіи.

Церковь до революціи.—Революція и церковь.—Реставрація церкви.—Ультрамонтанская партія.—Либеральная католическая партія.— Католическая демократія и революція 1848 г.—Реакція въ церкви.—Энциклика «Quanta cura» и Силлабусъ.—Ватиканскій соборъ.—Столкновенія между церковью и государствомъ.—Политика Льва XIII.

Церковь до революціи.—Политическая исторія католической церкви въ XIX столѣтіи есть исторія отношеній между церковною и свѣтскою властью *). Чтобы понять тѣ столкновенія между ними, которыми такъ обиленъ нашъ вѣкъ, нужно знать, какъ ставился вопросъ объ отношеніи между правительствомъ и духовенствомъ, и въ чемъ состояла та власть, которую они оспаривали другъ у друга. Но, чтобы дать ясное представленіе о положеніи духовенства среди современнаго общества, необходимо оглянуться на то, чѣмъ была организація церкви до революціи.

Во всѣхъ католическихъ странахъ, начиная съ среднихъ вѣковъ, господствовалъ тотъ принципъ, что каждое христіанское общество должно повиноваться одновременно двумъ властямъ: свѣтскому государю, управляющему тѣлами, и церковному государю, управляющему душами людей; эти два государя дѣлятъ между собою власть и взаимно поддерживаютъ другъ друга. Но право управлять душами предполагаетъ матеріальную силу, которая заставляла бы людей повиноваться; поэтому церковь требовала для себя извѣстной доли правительственной власти.

Чтобъ исполнять свою божественную миссію, церковь нуждалась въ полной независимости. Она, слѣдовательно, должна была образовать самодовлѣющій организмъ, то, что называли въ тѣ времена «полное общество» (*Societas perfecta*). У нея была своя организація, существовавшая параллельно съ государственной; своя верховная власть (папа и соборы), свое чиновничество (духовенство, организованное какъ одно іерархическое цѣлое), свои законы и свое право, выработанное ею же самою (каноны и каноническое право), свои судебныя учрежденія (церковные суды), свое судопроизводство и свои тюрьмы, свои земли (церковныя имущества), своя податная система (десятинные сборы); она имѣла право приказывать своимъ подданнымъ и налагать на нихъ наказанія.

Всѣ міряне были членами церкви и подвластны духовенству въ дѣлахъ, касавшихся вѣры. Духовенство рѣшало вопросы вѣры, богослуженія, нравственности. Оно предписывало мірянамъ, во что они должны вѣрить, что они должны говорить, какіе религіозные обряды исполнять, и исполненіе его предписаній было обязательно. Оно своей собственной властью допускало или не допускало вѣрныхъ къ совершаемымъ имъ таинствамъ, одно изъ которыхъ, бракъ, было однимъ изъ важнѣйшихъ актовъ частной жизни. Въ рукахъ духовенства находилось веденіе метрикъ. Оно завѣдывало школами и преподаваніемъ, больницами и дѣлами общественнаго призрѣнія. Оно слѣдило за устнымъ и печатнымъ словомъ и подвергало произведенія печатнаго станка своей цензурѣ.

Исполненіе всѣхъ религіозныхъ обрядовъ было обязательствомъ, которое считалось связаннымъ съ общественнымъ интересомъ и которому слѣдовало подчинять мірянъ, въ случаѣ надобности, силою, подобно тому, какъ ихъ силою заста-

---

*) Техническій терминъ, которымъ обозначаются эти отношенія, нижеслѣдующій: *отношенія между церковію и государствомъ*. Въ спеціальной исторіи церкви было бы умѣстно прослѣдить отношенія различныхъ церквей къ государству въ различныхъ странахъ Европы. Но протестантскія и православныя церкви вездѣ являются національными церквами, подчиненными государству, а потому и не имѣютъ общей политической исторіи. Могутъ существовать личныя отношенія и сочувствіе между приверженцами одного и того же вѣроисповѣданія, принадлежащими къ церквамъ различныхъ странъ, но международной *партіи*, протестантской или православной, не существуетъ, по той простой причинѣ, что не существуетъ никакой организаціи, общей для всѣхъ церквей. Одна только католическая церковь, будучи вселенской, является международнымъ учрежденіемъ, которымъ управляетъ одинъ общій глава, независимый отъ правительствъ. Между приверженцами этого вѣроисповѣданія существуетъ связь, простирающаяся за предѣлы отдѣльныхъ государствъ: католики группируются въ международныя католическія партіи.

влiютъ уважать требованья государственнаго порядка. Такъ какъ церковь не располагала физическими средствами принужденія, то государство предоставляло къ ея услугамъ свои средства. Духовенство декретировало тѣ религіозныя обязанности, которымъ должны были подчиняться вѣрующіе, изобличало отступленіе отъ этихъ обязанностей и произносило приговоры. Государство же приводило ея рѣшенія въ исполненіе. Оно принуждало монаховъ и монахинь держать данные ими обѣты; оно принуждало мірянъ повиноваться духовенству, исполнять всѣ религіозные обряды, присутствовать при богослуженіи, соблюдать посты, ходить на исповѣдь, вступать въ браки и хоронить усопшихъ при содѣйствіи духовенства, заботиться о преподаваніи закона Божія ихъ дѣтямъ. Оно запрещало книги, осужденныя духовной цензурой, и приводило въ исполненіе приговоры церковныхъ судовъ.

Въ каждой католической странѣ между государствомъ и церковью существовалъ договоръ, сводившійся къ тремъ условіямъ: 1) независимая организація духовенства; 2) право духовенства отдавать приказанія мірянамъ; 3) содѣйствіе гражданской власти вездѣ, гдѣ требовалось поддерживать власть духовенства. При этомъ порядкѣ члены духовенства были освобождены отъ подчиненія свѣтскимъ властямъ; правительство не должно было налагать на духовныхъ никакихъ повинностей, установленныхъ для мірскихъ цѣлей: ни налоговъ, ни военной службы, ни даже обязательства являться по вызову судовъ. Мало того, органы правительства, въ качествѣ вѣрующихъ, сами были подчинены религіозной власти духовенства; они обязаны были предоставлять себя къ его услугамъ для исполненія его приказаній. Раздѣленіе власти на *духовную* и *свѣтскую* не обезпечивало дѣйствительной независимости послѣдней даже въ той области, которая подлежала ея вѣдѣнію, такъ какъ духовенство самовластно проводило разграничительную черту между этими двумя областями и рѣшало, какого рода дѣла ему подвѣдомственны. Такимъ образомъ духовенство повелѣвало, а ему никто не смѣлъ повелѣвать. Теорія, формулированная папою Бонифаціемъ VIII въ его буллѣ, *Unam Sanctam*, заключалась въ слѣдующемъ: Христосъ установилъ два меча: одинъ духовный, который принадлежитъ церкви, а другой свѣтскій, принадлежащій государямъ; но государи должны дѣйствовать своимъ мечомъ сообразно съ волею папы; признавать рядомъ съ духовною властью независимую свѣтскую есть манихейская ересь, ибо всякое человѣческое существо подчинено папѣ. Церковь выше государства.

Но на практикѣ свѣтская власть заставила церковь принять порядокъ, основанный на началахъ, противоположныхъ этой теоріи. Правительства, даже въ государствахъ, оставшихся католическими *), подчинили церковь государству. Духовенство перестало быть независимымъ организмомъ; оно было подчинено и обязательству платить налоги, и власти свѣтскихъ судовъ. Оно утратило свою автономную организацію, такъ какъ прелаты, главы духовенства, назначались свѣтскимъ правительствомъ. Даже въ области религіозныхъ вопросовъ духовенство уже не было полнымъ хозяиномъ, такъ какъ правительство подчинило его контролю, который во всѣхъ большихъ католическихъ государствахъ принялъ однородныя формы. Орудіями этого контроля были: такъ называемый *placet*, т. е. разрѣшеніе правительства, требовавшееся для опубликованія каждаго постановленія духовной власти; *exequatur*, т. е. утвержденіе со стороны правительства, безъ котораго ни одно приказаніе духовной власти не могло быть приведено въ исполненіе; и, наконецъ, *recursus ab abusu*, т. е. право свѣтскаго суда кассировать приговоры духовныхъ властей.

Этотъ порядокъ не упразднилъ однако же обязательнаго подчиненія мірянъ духовной власти. Государство продолжало принуждать своихъ подданныхъ къ исполненію всѣхъ религіозныхъ обязанностей и къ повиновенію предписаніямъ духовенства. Но во многихъ государствахъ религіозная борьба, послѣдовавшая за реформаціей, привела къ компромиссамъ, противорѣчившимъ основному принципу католической церкви: единству вѣры. Правительство дозволяло мірянамъ не исповѣдывать католической религіи, а исповѣдовать другую. Католики оставались попрежнему подчинены власти духовенства, но некатолики были изъ-подъ нея изъяты. Этотъ порядокъ облекался въ двѣ различныя формы. При *вѣротерпимости* или при «правѣ непубличнаго исполненія предписаній своей религіи» государственная церковь удерживала свое привилегированное положеніе, и другія вѣроисповѣданія только *терпѣлись* и занимали подчиненное положеніе; таковъ былъ порядокъ, существовавшій въ Австріи, со временъ Іосифа II, и во Франціи, со временъ Людовика XVI. При *равноправности*, допущенной въ германскихъ государствахъ и въ Венгріи, допускалось совмѣстное существованіе нѣсколькихъ государственныхъ церквей, которыя пользовались равной поддерж-

*) Въ протестантскихъ государствахъ, такъ же какъ и въ православныхъ, государь официально сдѣлался верховнымъ главою церкви. Реформація не установила свободы совѣсти; но, раздробивъ церковное единство, создала рядъ мелкихъ церквей, слишкомъ слабыхъ, чтобы отстаивать свою власть,—церквей, духовенство которыхъ сдѣлалось слугою свѣтской власти. Государственное управленіе, подчиненное исключительно волѣ свѣтской верховной власти, мало-по-малу прониклось индифферентизмомъ въ религіозныхъ вопросахъ, и такимъ образомъ создалось свѣтское государство. Въ этомъ смыслѣ реформація подготовила революцію.

кой государства, и предписанія которыхъ одинаково были обязательны для лицъ, принадлежавшихъ къ данному вѣроисповѣданію (система эта сочеталась съ простою терпимостью по отношенію къ тѣмъ вѣроисповѣданіямъ, которыя не были признаны государствомъ). Только Испанія и Италія сохранили единство католической вѣры и нетерпимость государства въ вѣроисповѣдныхъ дѣлахъ. Всѣ остальныя государства перешли къ системѣ вѣротерпимости и преобладанія свѣтской власти надъ духовной.

Въ протестантскихъ странахъ также встрѣчались всѣ три вышеописанныя системы: въ Англіи и Нидерландахъ господствовала терпимость; въ Пруссіи—равенство вѣроисповѣданій; въ Скандинавскихъ государствахъ—нетерпимость лютеранскаго государства. Православныя страны сохраняли принципъ обязательности религіи и единства церкви; въ Оттоманской имперіи отъ султана зависѣло признаніе обязательности того или иного вѣроисповѣданія; въ Россіи императоры гарантировали неприкосновенность церквей присоединенныхъ областей.

Одновременно съ этимъ правительство, съ цѣлью поставить католическое духовенство въ бо́льшую зависимость отъ свѣтской власти, ограничило власть верховнаго главы церкви, т. е. папы. Въ нѣкоторыхъ католическихъ государствахъ были даже сдѣланы попытки создать національную церковь, которая была бы связана со вселенской общностью вѣры, но обладала-бы своей собственной національной организаціей и извѣстными особенностями въ обрядахъ; такія попытки породили во Франціи *галликанскую* церковь, въ Германіи—ученіе Февронія, въ Австріи—іосифинизмъ, систему Іосифа II.

Такимъ образомъ, въ эпоху «просвѣщеннаго абсолютизма», церковь сохранила свои привилегіи, земли и завѣщанныя или подаренныя ей имущества, изъятіе отъ военной службы для всего духовенства, особую систему податного обложенія, почетныя отличія и первое мѣсто во всѣхъ публичныхъ церемоніяхъ; она сохраняла даже долю публичной власти: надзоръ за поведеніемъ мірянъ, цензуру книгъ, веденіе метрикъ и распоряженіе кладбищами. При этомъ порядкѣ правительство и духовенство являлись какъ бы сотрудниками; но духовенство было уже низведено на степень агентовъ свѣтской власти. Одинъ только папа, бывшій одновременно и главою церкви, и свѣтскимъ государемъ, оставался независимымъ и поддерживалъ въ католической церкви принципъ независимости духовной власти, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ, касавшихся вѣры; но въ упомянутый періодъ значительно ослабѣло его политическое вліяніе.

Революція и церковь.—Старые церковные порядки, уже расшатанные реформаціей, были окончательно ниспровергнуты революціей. Республиканская партія, господствовавшая въ Конвентѣ и въ Директоріи, приняла то радикальное рѣшеніе вопроса, которое уже было испробовано въ Соединенныхъ Штатахъ. Она установила безраздѣльное господство свѣтской власти и систематически уничтожала все то, что̀ еще оставалось отъ оффиціальныхъ духовныхъ учрежденій,—всякую власть духовенства надъ вѣрующими въ вопросахъ, касающихся личнаго поведенія, школьнаго дѣла, метрическихъ записей,—духовные суды, десятинные сборы, церковныя имущества, почетныя отличія и даже монашескіе обѣты. Религія стала дѣломъ чисто личнымъ, изъятымъ изъ вѣдѣнія внѣшней власти; духовенство было лишено всякой возможности принудительнаго воздѣйствія, даже по отношенію къ собственнымъ своимъ членамъ. Всѣ общественныя учрежденія,—веденіе метрикъ, школы, дѣла общественнаго призрѣнія, погребеніе усопшихъ, получили чисто свѣтскій характеръ; въ государствѣ осталась одна только свѣтская власть. То было полное отдѣленіе церкви отъ государства; правительство стало относиться съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ вопросамъ вѣры и провозгласило абсолютную свободу и равенство всѣхъ вѣроисповѣданій,—словомъ установился порядокъ, діаметрально противоположный тому, который существовалъ въ средніе вѣка.

Наполеонъ I вернулся къ системѣ «просвѣщеннаго абсолютизма» и галликанской церкви. Конкордатомъ, заключеннымъ съ папою, онъ призналъ церковь офиціальнымъ учрежденіемъ; онъ офиціально возстановилъ духовную іерархію и предоставилъ ей офиціальныя почести, жалованье, уплачиваемое государствомъ, свободу отъ военной службы и право имѣть свои семинаріи. Но этому возстановленному имъ духовенству онъ не вернулъ ни малѣйшей власти надъ мірянами: ни веденія метрикъ, ни цензуры, ни надзора за школами, ни принудительной власти надъ собственными его членами, ни обязательности монашескихъ обѣтовъ, ни какихъ бы то ни было средствъ принужденія. Онъ не оставилъ ему даже той внутренней свободы, которая признавалась за каждой частной ассоціаціей при системѣ отдѣленія церкви отъ государства. Онъ подчинилъ духовенство свѣтскому государству, сдѣлалъ изъ него корпорацію чиновниковъ и возстановилъ всю прежнюю власть короля надъ галликанской церковью. Созданный имъ порядокъ былъ тою же галликанскою церковью, съ ея подчиненіемъ свѣтскому государю, но только лишенною власти надъ мірянами.

Изъ старыхъ порядковъ Наполеонъ возстановилъ однѣ внѣшнія формы и власть свѣтскаго правительства надъ церковью. Отъ началъ, завѣщанныхъ революціей, онъ сохранилъ основной принципъ,—упраздненіе всякой власти духовенства въ общественныхъ дѣлахъ, полную свободу и равенство вѣроисповѣданій. Для пра-

вительства это была система «просвѣщеннаго абсолютизма»; для частныхъ лицъ это была система, установленная революціей. Форма конкордата, которою признавалось право церкви заключать договоры съ государствомъ, маскировала революціонную сущность дѣла. Но къ этому конкордату, являвшемуся какъ-бы договоромъ между двумя самостоятельными державами, Наполеонъ добавилъ такъ называемыя *органическія статьи*. То были просто законы, исходившіе единственно отъ свѣтской власти и регулировавшіе, не взирая на протесты папы, «общія отношенія между церковью и государствомъ» въ смыслѣ, прямо противоположномъ каноническому праву; они возстановляли всѣ прежнія учрежденія, которыми свѣтская власть обезпечивала свое преобладаніе: право апеллировать къ государственному совѣту въ случаѣ злоупотребленій, обязательность правительственнаго разрѣшенія для опубликованія распоряженій папы, для посылки нунціевъ, для созыва соборовъ, для установленія церковныхъ праздниковъ, для созданія новыхъ приходовъ.

Конкордатъ или порядки, однородные съ конкордатомъ, были введены во всѣхъ тѣхъ государствахъ, которыя находились подъ властью Наполеона или были подчинены его вліянію, другими словами,—во всѣхъ католическихъ странахъ, за исключеніемъ Австріи и Португаліи. Организація католической церкви въ Европѣ была перевернута вверхъ дномъ, и отношенія между церковью и государствомъ были значительно упрощены. Во всѣхъ упомянутыхъ странахъ церковь, сохраняя характеръ офиціальнаго учрежденія, была лишена всякой возможности дѣйствовать принудительно и разсматривалась какъ учрежденіе, подчиненное правительству. Одновременно съ этимъ, могущество ея было въ значительной степени подорвано систематической секуляризаціей, упразднявшей старые монашескіе ордена и отнимавшей у церкви ея имущество; въ Германіи свѣтскіе государи уничтожили тѣ государства, во главѣ которыхъ стояли церковные князья (населеніе ихъ составляло въ общей сложности до трехъ милліоновъ душъ),— и раздѣлили ихъ владѣнія между собою; Наполеонъ присоединилъ къ своей имперіи даже папскую область.

Реставрація церкви.—Союзники, побѣдившіе Наполеона, возвратили папѣ его владѣнія (за исключеніемъ Авиньона). Но это было единственное возстановленное церковное государство. Церковь, бывшая составною частью стараго порядка и растатанная до основанія революціей, была возстановлена реставраціей. Свѣтскіе государи, возстановленные въ своихъ правахъ, поспѣшили вернуть церкви ея прежнюю организацію. Это было для нихъ дѣломъ совѣсти и въ то же время было связано съ ихъ политической программой: принципъ легитимизма, восторжествовавшій въ государствѣ, долженъ былъ восторжествовать и въ церковномъ устройствѣ; возстановленіе власти духовенства, консервативнаго по самой природѣ своей, не могло не войти въ программу консервативныхъ правительствъ. Легитимистская партія потребовала «союза престола и алтаря», т. е. союза правительства и духовенства; такова была теорія всей легитимистской школы (Шатобріанъ, де-Местръ, Галлеръ, Шлегель); въ такомъ же духѣ дѣйствовали и правительства. Обѣ эти власти, которымъ угрожала революція, почувствовали себя солидарными и соединились для борьбы съ общимъ врагомъ.

Но взаимныя отношенія двухъ союзниковъ въ различныхъ странахъ были регулированы различно. Папа въ своихъ владѣніяхъ реставрировалъ старый порядокъ вполнѣ; онъ возстановилъ монастыри, упраздненные революціей, и даже, отмѣняя запрещеніе, на которомъ настояли еще старыя монархіи, издалъ въ 1814 г. буллу, которою торжественно возстановлялъ орденъ іезуитовъ, не испросивъ на то согласія правительствъ.

Орденъ этотъ, упраздненный папою въ 1773 году, на дѣлѣ продолжалъ существовать; члены его либо искали убѣжища въ некатолическихъ странахъ (Россія, Пруссія), либо остались въ католическихъ странахъ, но подъ другими названіями; въ Сициліи орденъ іезуитовъ былъ возстановленъ еще ранѣе.

Неограниченныя монархіи, Испанія и Португалія, а также итальянскія государства (за исключеніемъ австрійскихъ провинцій и Тосканы) также вернулись въ церковныхъ дѣлахъ къ старымъ порядкамъ. Они возстановили единство вѣры (т. е. обязательность католической религіи), церковные суды, десятинные сборы, церковныя имущества, монашескіе ордена и предоставили духовенству веденіе метрикъ.

Двѣ наиболѣе значительныя католическія монархіи сохранили преобладаніе государства надъ церковью и свободу вѣроисповѣданій. Въ Австріи сохранилась система Іосифа II, основанная на началѣ терпимости; во Франціи уцѣлѣлъ наполеоновскій конкордатъ и признавалось равенство всѣхъ исповѣданій. Ни та, ни другая страна не возстановили ни обязательнаго единства вѣры, ни независимости церкви; Франція не возстановила даже монашескихъ орденовъ и церковныхъ имуществъ, упраздненныхъ революціей. Папа протестовалъ противъ хартіи, такъ какъ она носила исключительно свѣтскій характеръ: «въ ней католическая религія обходилась молчаніемъ и даже имя Божіе не упоминалось»; протестъ былъ направленъ также противъ статьи 22-й, «устанавливавшей свободу вѣроисповѣданій и совѣсти» и «обѣщавшей покровительство служителямъ такъ называемыхъ исповѣданій», причемъ «на одну

доску съ еретическими сектами и даже съ іудейскимъ вѣроломствомъ ставилась святая и непорочная невѣста Христова—церковь, внѣ которой нѣтъ и не можетъ быть спасенья»; такому же строгому порицанію подвергалась и статья 23-я, касающаяся свободы печати,—«свободы, которая грозитъ чистотѣ вѣры и нравовъ».

Въ Германіи церковь, въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала до реставраціи, не была возстановлена; не только свѣтскія владѣнія церковныхъ князей, но и монастыри остались упраздненными. Проектъ однообразнаго регламента, общаго для всего Германскаго Союза, такъ и остался проектомъ. Новая церковная организація, съ новымъ распредѣленіемъ округовъ, устанавливалась путемъ частныхъ соглашеній между папою и правительствами отдѣльныхъ государствъ. Одна только Баварія придала состоявшемуся соглашенію форму конкордата (1817 г.); она признала за церковью тѣ «права и преимущества, которыя принадлежатъ ей по праву божественному и каноническому»; но вмѣстѣ съ конкордатомъ былъ обнародованъ эдиктъ, однородный съ наполеоновскими «органическими статьями» и гарантировавшій свободу вѣроисповѣданія, не взирая на протестъ, заявленный папою (1818 г.). Въ другихъ германскихъ государствахъ церковь была организована рядомъ папскихъ буллъ, издававшихся по соглашенію съ правительствами. Повсюду правительство сохранило власть надъ церковью и даже продолжало, какъ то было въ XVIII вѣкѣ, вмѣшиваться въ распоряженія чисто церковныя, касавшіяся богослуженія, праздничныхъ дней и паломничествъ.

Церковь, возстановленная реставраціей, была бѣднѣе прежней церкви и заняла подчиненное положеніе.

Ультрамонтанская партія.—Изъ революціоннаго кризиса церковь вышла преобразованной помимо ея воли; ее считали ослабленной; между тѣмъ оказалось, что она укрѣпилась. Духовенство XVIII вѣка, съ своимъ аристократическимъ составомъ и своей неполной централизаціей, пользовалось множествомъ привилегій и обладало значительной, но только кажущеюся властью; дѣятельность его были ничтожна, и оно не имѣло почти никакого вліянія на общество; образованные классы не повиновались ему, а его вліяніе на народныя массы оставалось чисто мѣстнымъ, безъ единства въ направленіи. Каждое большое государство имѣло свою собственную національную церковь, фактически почти независимую отъ папы и подчиненную правительству.

Епископы, бывшіе въ то время свѣтскими государями и выходившіе изъ рядовъ дворянства, старые монашескіе ордена, владѣвшіе обширными помѣстьями,—всѣ эти орудія аристократіи и децентрализаціи исчезли въ революціонномъ водоворотѣ. На ихъ мѣсто явились епископы демократическаго происхожденія, изъ бывшихъ воспитанниковъ семинарій; они-то и сдѣлались главами духовенства; монашескіе ордена римскаго происхожденія и преданные папѣ, въ особенности іезуиты, взяли на себя руководящую роль въ дѣлѣ проповѣди и преподаванія. Семинаріи были преобразованы сообразно съ постановленіями тридентскаго собора. Догматъ о преобладаніи папской власти надъ свѣтскою, внушавшійся новымъ поколѣніямъ, сдѣлался краеугольнымъ камнемъ всего ученія о церковной организаціи.

Національныя церкви, возникшія со времени ослабленія папства въ XIV столѣтіи и уцѣлѣвшія, не смотря на реставрацію, происшедшую на тридентскомъ соборѣ, имѣли еще приверженцевъ, которые пытались противодѣйствовать этой новой реставраціи власти римскаго первосвященника; правительства поддерживали ихъ изъ недовѣрія къ папѣ. Столкновеніе, раздѣлившее католиковъ на двѣ партіи,—національную и папскую,—было особенно бурно во Франціи. Въ этой странѣ національная церковь выработала въ свою защиту цѣлое ученіе: такъ называемыя «правила галликанской церкви» 1682 г., которыя Наполеонъ провозгласилъ обязательными (въ органическихъ статьяхъ, въ ряду случаевъ «злоупотребленія», дающихъ право апеллировать къ государственному совѣту, названы также «покушенія на вольности, права и обычаи галликанской церкви»). Такимъ образомъ завязалась старая борьба между галликанами и ультрамонтанами. Первые опирались на свѣтскую власть. Даже послѣ реставраціи король, министры, весь правительственный персоналъ и палаты остались на сторонѣ галликанства; на всѣ важнѣйшія должности, сопряженныя съ руководящею ролью, назначили галликанъ: Фрейсину, поставленный во главѣ вѣдомства народнаго просвѣщенія,—настоятель семинаріи св. Сульпиція, архіепископы парижскіе всѣ были галликанцами; іезуитовъ изгнали и, не взирая на буллу 1814 г., ихъ орденъ продолжали считать упраздненнымъ (см. гл. V). Но ультрамонтаны мало-по-малу перетягивали на свою сторону массу духовенства и вѣрующихъ. Подобный же конфликтъ и подобная же эволюція, только въ менѣе рѣзкихъ формахъ, происходили въ Германіи. Въ результатѣ всего этого старое аристократическое, національное духовенство, отчасти изображавшее изъ себя чиновничество на службѣ государства, было замѣнено демократическимъ духовенствомъ, подчиненнымъ международной церковной монархіи, т. е. папству; правительство католическаго міра окончательно сосредоточилось въ Римѣ. Церковь утратила часть своихъ богатствъ и официальную власть, но она стала болѣе централизованной.

Одновременно съ этимъ возникали новые монашескіе ордена и новые монастыри, въ особенности женскіе, которые при помощи пожертвованій и духовныхъ завѣщаній начали возстановлять церковныя имущества.

Въ Римѣ папы вели борьбу съ своими противниками, какъ духовными, такъ и свѣтскими. Пій VII предалъ осужденію библейскія общества, распространявшія переводы священнаго писанія. Левъ XII (1823—29 гг.) преслѣдовалъ главнымъ образомъ тайныя общества *карбонаріевъ*, работавшихъ надъ созданіемъ итальянскаго единства, а слѣдовательно, подкапывавшихся подъ свѣтскую власть папы, и *франмасоновъ*, нападавшихъ на единство вѣры и требовавшихъ свободы вѣроисповѣданій. Тогда именно началась та ожесточенная полемика между папскимъ престоломъ и масонствомъ, которая не прекращалась втеченіе всего девятнадцаго вѣка.

Либеральная католическая партія.—Католическое духовенство постоянно стремилось къ тому, чтобы, опираясь на свѣтскую власть, сдѣлать обязательной истинную религію и сохранить единство вѣры; ученіе, формулированное въ различныхъ заявленіяхъ папъ, предавало осужденію свободу вѣроисповѣданій и печати. Но часть католиковъ была увлечена тѣмъ либеральнымъ движеніемъ, которое породило либеральныя реформы и революціи въ Англіи, въ Швейцаріи, во Франціи и въ Бельгіи. Около 1828 г. появилась новая *либеральная католическая партія*, пытавшаяся примирить либеральныя доктрины съ традиціонною властью церкви. Вмѣсто того чтобы добиваться привилегій для духовенства и помощи государства противъ враговъ религіи, эта партія ограничивалась тѣмъ, что требовала для церкви тѣхъ же правъ, какія признавались за частными лицами: права составлять ассоціаціи, пріобрѣтать имущества, основывать учебныя и благотворительныя учрежденія. По мнѣнію этой партіи, церковь, обладая истиной, не нуждалась въ средствахъ принужденія; ей нужна была только свобода, чтобы сдѣлаться руководительницей общества путемъ школы, проповѣди и другихъ проявленій ея добродѣтели и ея нравственнаго превосходства.

Движеніе это началось въ трехъ странахъ: въ Ирландіи, Бельгіи и Франціи; ихъ правительства, будучи протестантскими или галликанскимъ, не представляли католическому духовенству всей той свободы, которою пользовались частныя ассоціаціи; такимъ образомъ въ этихъ странахъ одно предоставленіе духовенству свободы равнялось бы усиленію его власти. Либеральные католики вели борьбу параллельно во всѣхъ трехъ странахъ; ихъ вожди находились въ постоянныхъ личныхъ сношеніяхъ между собою.

Въ Ирландіи О'Коннель, во имя свободы, потребовалъ и добился отмѣны такъ называемаго «*test*» (см. гл. II) и признанія равноправности католиковъ (1829 г.).—Въ Бельгіи либеральные католики, во имя свободы, участвовали въ революціонномъ движеніи и добились конституціи 1831 г., предоставившей духовенству такую же полную свободу, какъ и въ Америкѣ, и сохранившей за нимъ тѣ привилегіи, которыми оно пользовалось въ Европѣ (см. гл. VIII).— Во Франціи эта партія состояла изъ небольшой группы молодыхъ людей. Глава ихъ, аббатъ Ламенэ, протестовалъ противъ изгнанія іезуитовъ (1829). «Мы требуемъ, говорилъ онъ, для католической церкви той свободы, которая обѣщана Хартіей всѣмъ вѣроисповѣданьямъ, которою пользуются протестанты и евреи... Мы требуемъ свободы совѣсти, свободы печати, свободы обученія; всего этого, за одно съ нами, домогаются и бельгійцы». Лакордеръ требовалъ для церкви той свободы, которою она пользуются въ Америкѣ. Партія эта, по своей малочисленности, не могла оказывать вліянія на правительство, но она волновала общественное мнѣніе статьями, печатавшимися въ ея органѣ, газетѣ *L'Avenir*, основанной въ августѣ 1830 года,—а также заявленіями графа Монталамбера, пэра Франціи. Послѣдній требовалъ свободы преподаванія, другими словами,—права основывать католическія школы. Позднѣе онъ сталъ отвергать конкордатъ, отдававшій выборъ епископовъ въ руки враговъ религіи, и требовалъ отдѣленія отъ государства.

Либеральные католики, соглашаясь на свободу, не отказывались однако отъ руководящей роли въ вопросахъ нравственности, преподаванія и общественнаго призрѣнія; они утверждали, что всѣ эти предметы не подлежатъ вѣдѣнію государства и должны были находиться въ распоряженіи частныхъ лицъ, которыя имѣли право передать ихъ въ руки духовенства. Въ церкви они признавали верховную и абсолютную власть папы; они были *ультрамонтанами*, противниками національныхъ церквей, хотя французская публика, плохо знакомая съ сущностью дѣла, зачастую принимала терминъ «либеральные» католики за синонимъ галликанства и за нѣчто противоположное ультрамонтанству. Но самое ученіе о свободѣ, какъ несогласное съ единствомъ вѣры, никогда не признавалось Римомъ; Григорій XVI (1830—46 гг.) предалъ осужденію бельгійскую конституцію,—такъ-же, какъ Пій VII осудилъ Хартію,—за то, что она признавала свободу вѣроисповѣданій и печати; онъ высказалъ порицаніе французскимъ либеральнымъ католикамъ въ энцикликѣ *Mirari-vos* (августъ 1832 г.).

Въ этой энцикликѣ, какъ «на одну изъ причинъ тѣхъ бѣдъ, которыя удручаютъ церковь», папа указываетъ на *индифферентизмъ*, т. е. на превратное мнѣніе, повсюду распространяемое лукавыми происками нечестивцевъ и утверждающее, будто можно обрѣсти вѣчное спасеніе души, независимо отъ того или другого исповѣданія вѣры, единственно посредствомъ справедливости и добродѣтели... Изъ этого-то зловоннаго источника ин-

дифферентизма и исходитъ то нелѣпое и ошибочное мнѣніе, или, вѣрнѣе, то безуміе, которое считаетъ, что слѣдуетъ предоставить и обезпечить каждому человѣку *свободу совѣсти*... Распространенію подобныхъ заблужденій способствуетъ та чрезмѣрная и неограниченная свобода мнѣній, по поводу которой иные, по крайней своей неосмотрительности, утверждаютъ, что изъ нея можно извлечь нѣкую пользу для религіи... Съ таковой свободой мнѣній состоитъ въ связи свобода печати, наихудшая изо всѣхъ, которую нельзя въ достаточной мѣрѣ ненавидѣть и проклинать... Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые люди увлекаются своей неосторожностью до того, что упорно утверждаютъ, будто зло заблужденій, изливающихся потокомъ изъ этого источника, вознаграждается тѣмъ, что отъ времени до времени появляется книга... написанная въ защиту религіи и истины... Можетъ ли человѣкъ въ здоровомъ умѣ утверждать, что публичная продажа ядовъ должна быть разрѣшена на томъ основаніи, что существуютъ лекарства, могущія спасти больного отъ смерти?» Далѣе энциклика напоминаетъ объ услугахъ, оказанныхъ *Index*'омъ, и осуждаетъ ученіе тѣхъ, которые не только отвергаютъ цензуру книгъ... но и доходятъ до того, что объявляютъ таковую цензуру противною началамъ справедливости, и осмѣливаются не признавать за церковью права устанавливать и примѣнять ее». Затѣмъ, напомнивъ о пагубныхъ революціяхъ, произведенныхъ еретиками, энциклика добавляетъ: «Не лучше, съ точки зрѣнія интересовъ церкви и свѣтской власти, будутъ и тѣ результаты, которыхъ мы должны ожидать въ случаѣ, если осуществятся желанія людей, стремящихся отдѣлить отъ государства и расторгнуть союзъ между священнослужителями и правительствомъ; ибо доказано, что любители необузданной свободы боятся этого союза, служившаго всегда ко благу и церкви, и государства».

Не взирая на это осужденіе, либеральная католическая партія стала во главѣ католическаго движенія въ конституціонныхъ государствахъ и продолжала требовать тѣхъ видовъ свободы, въ которыхъ нуждалась церковь. (Подробности см. выше въ главахъ, касающихся Ирландіи, Бельгіи и Франціи.) Учрежденіе конституціонной монархіи въ Португаліи и въ Испаніи фактически уничтожило въ этихъ странахъ единство вѣры и ввело на практикѣ начала вѣротерпимости; почти всѣ церковныя имущества были секуляризованы, и большинство мужскихъ монастырей упразднено (см. гл. X).

Позднѣе, съ наступленіемъ *risorgimento* (см. гл. XI), подобное же либеральное движеніе возникало и въ Италіи, гдѣ оно проявилось преимущественно въ формѣ *церковно-либеральныхъ* обществъ, основанныхъ священниками съ двоякою цѣлью: добиться религіозной свободы и національнаго единства. Одинъ изъ писателей эпохи *risorgimento*, Джіоберти былъ священникомъ. Пій IX, кандидатура котораго была противопоставлена кандидату австрійской партіи, слылъ за папу либераловъ, и его избраніе вначалѣ было принято за окончательную побѣду либеральной католической партіи (1846 г.).

Католическая демократія и революція 1848 г.—На католикахъ начинало отзываться вліяніе новаго политическаго движенія,—движенія въ сторону демократіи, повлекшаго за собою революцію 1848 г. Подобно тому, какъ въ либеральныхъ государствахъ до 1830 г. возникла либеральная католическая партія, такъ передъ 1848 г. въ демократическихъ странахъ образовалась демократическая католическая партія. Она впервые возникла тамъ, гдѣ всего раньше совершилась демократическая революція,—въ католическихъ кантонахъ Швейцаріи. Это была ультрамонтанская партія, отстаивавшая верховную власть папы; въ Фрейбургѣ она призвала іезуитовъ; утвердившись въ Люцернѣ, она повергла новую конституцію кантона на одобреніе папы Григорія XIV. Партія эта стояла за единство вѣры и относилась враждебно къ ученію о свободѣ вѣроисповѣданій. Но, сохраняя всѣ старыя ученія, она усвоила новые пріемы борьбы, которые на практикѣ измѣнили отношенія между духовенствомъ и обществомъ. Ранѣе того, церковь хотя и не осуждала въ теоріи ни одной формы правленія, но на практикѣ вступала въ союзъ лишь съ монархами и аристократіями; ея собственная организація являлась такой же монархической іерархіей, въ которой всякая власть исходитъ свыше и осуществляется безконтрольно. Въ демократическихъ республикахъ Швейцаріи, основанныхъ на народномъ самодержавіи и управлявшихся народными представителями, власть, напротивъ, исходила отъ народа. Между этими двумя діаметрально противоположными системами католическая партія на практикѣ достигла соглашенія. Представители самодержавнаго народа, облеченные, въ силу своего избранія, верховною свѣтскою властью, подчинялись добровольно, въ качествѣ католиковъ, верховной духовной власти папы и предоставляли ему быть судьею въ опредѣленіи границъ между этими двумя видами власти. При такомъ порядкѣ, происхожденіе котораго было революціонное, церковь косвенно возвращала себѣ власть, даже большую, чѣмъ какою она пользовалась въ монархіяхъ, такъ какъ папа, вмѣсто того, чтобъ заключать договоръ съ наслѣдственнымъ государемъ, привыкшимъ повелѣвать, имѣлъ дѣло исключительно съ покорными сынами церкви, привыкшими ей повиноваться; онъ снова становился верховнымъ судьею въ дѣлѣ регулированія отношеній между церковью и государствомъ.

Но для пріобрѣтенія этой новой власти старые способы дѣйствія, которыми располагала церковь, оказывались недостаточными; пришлось прибѣгнуть къ демократическимъ средствамъ: къ избирательной и парламентской организаціи и къ печати; такимъ образомъ возникли парламентскія католическія партіи, католическіе комитеты, католическія газеты. Но тутъ же возникли и новыя затрудненія. Большинство католическихъ депутатовъ и публицистовъ не принадлежали къ духовенству; такимъ образомъ въ роли руководительницы и защитницы като-

лическихъ интересовъ выступала новая сила, свѣтскій элементъ; между этимъ элементомъ и офиціальными представителями церкви, епископами и священниками, возникло соперничество изъ за вліянія и разногласія во мнѣніяхъ; все это порождало столкновенія особаго рода, какихъ прежде не существовало. Папа, призванный положить имъ конецъ въ силу своей верховной власти, все болѣе и болѣе втягивался въ роль главы политической партіи, вмѣшивающагося въ католическихъ странахъ во всѣ вопросы текущей политики.

Этой эволюціи въ демократическомъ направленіи сообщили сильный толчокъ революціи, вспыхнувшія въ 1848 г. Онѣ носили свѣтскій, демократическій характеръ и совершались во имя свѣтской верховной власти народа и абсолютной свободы, хотя, вообще говоря, отличались чувствомъ доброжелательства по отношенію къ духовенству. Онѣ не разрушили церковныхъ учрежденій, но провозгласили принципъ полной свободы вѣроисповѣданій и стремились придать свѣтскій характеръ всѣмъ общественнымъ учрежденіямъ. Во Франціи, гдѣ эта цѣль была уже достигнута ранѣе, офиціальная организація церкви осталась безъ измѣненій, но всеобщая подача голосовъ увеличила политическое вліяніе духовенства, которое стало наиболѣе дѣятельною силою консервативной партіи. Въ Италіи правительства удовольствовались тѣмъ, что признали принципъ религіозной свободы; на дѣлѣ же католицизмъ остался привилегированной государственной религіей. Въ германскихъ государствахъ революція ввела свободу церкви по бельгійскому образцу. Франкфуртскій парламентъ принялъ статью, которая была потомъ включена и въ прусскую конституцію. Статья эта гласила: «Каждое религіозное общество регулируетъ свои дѣла и заправляетъ ими независимо, но остается подчинено общимъ законамъ государства». Нѣмецкіе епископы, съѣхавшіеся въ Вюрцбургѣ (октябрь 1848 г.), потребовали упраздненія опеки, которой была подчинена церковь (обязательность такъ называемаго *placet*, запрещеніе непосредственныхъ сношеній съ папскимъ престоломъ, апелляція къ свѣтскому суду противъ «злоупотребленій» церковной власти). Результатомъ революціи въ Пруссіи и въ Австріи была отмѣна *placet* и государственнаго надзора за церковью. (Въ остальныхъ германскихъ странахъ отношенія между церковью и государствомъ установлялись медленно, среди цѣлаго ряда сложныхъ столкновеній.)

Реакція въ церкви. — Революція 1848 г. произвела глубокое впечатлѣніе на Пія IX: онъ соглашался на свободу, дарованную правительствомъ, при сохраненіи патріархальной правительственной власти; но его подданные захотѣли принудить его къ принятію конституціонной свободы и къ легальному ограниченію его власти; тогда онъ порвалъ съ либеральной партіей. Революціонеры изгнали его изъ Рима, и онъ вернулся туда приверженцемъ абсолютизма, готовый вести борьбу противъ революціи при содѣйствіи свѣтскихъ правительствъ и съ убѣжденіемъ, что свѣтская власть папы представляетъ необходимый оплотъ противъ революціонныхъ стремленій.

Энциклика *Nostis et nobiscum*, обращенная къ итальянскимъ епископамъ (8 декабря 1849 г.), предавъ осужденію *соціализмъ и коммунизмъ*, объявляетъ, что «преемникъ св. Петра, римскій первосвященникъ, облеченъ верховною властью (*primatum*) надъ цѣлымъ міромъ; онъ есть истинный намѣстникъ Христовъ, глава всей Церкви, отецъ и наставникъ всѣхъ христіанъ. Кратчайшій путь для удержанія народовъ въ исповѣданіи католической истины состоитъ въ томъ, чтобы удержать ихъ въ общеніи съ папой и въ подчиненіи ему. Вотъ почему современные враги Бога и человѣческаго общества не упускаютъ ничего, лишь бы отвратить народы отъ повиновенія намъ». Что же касается государей, то «они сами видятъ, что уменьшеніе власти епископовъ и постоянно возрастающее пренебреженіе къ божескимъ и церковнымъ заповѣдямъ, нарушаемымъ безнаказанно, уменьшили въ равной мѣрѣ и повиновеніе народовъ свѣтскимъ властямъ, открывъ современнымъ врагамъ общественнаго спокойствія новый, болѣе удобный путь для возбужденія мятежей противъ государя. Они видятъ также, что присвоеніе, похищеніе и продажа съ публичнаго торга имуществъ, принадлежавшихъ церкви на основаніи законнаго права собственности, ослабило въ народахъ уваженіе къ собственности, освященной тѣмъ религіознымъ употребленіемъ, для котораго она предназначалась, а это предрасположило народы къ воспріятію проповѣди, идущей отъ приверженцевъ соціализма и коммунизма, которые грозятъ завладѣть и всѣми остальными имуществами, подѣлить ихъ или превратить въ общую собственность.»

Во всѣхъ государствахъ за революціей послѣдовала реакція; свѣтскія правительства, такъ-же, какъ и во время реставраціи, вступили въ союзъ съ церковной властью, причемъ союзъ этотъ былъ болѣе тѣснымъ, чѣмъ въ 1814 году. Соціалистическое движеніе 1848 года, напугавъ буржуазію, побудило ее обратиться къ поддержкѣ той консервативной силы, которую представляло собой духовенство. Невѣріе, среди аристократіи вышедшее изъ моды послѣ революціи 1793 года, вышло изъ моды и у буржуазіи послѣ революціи 1848 года; во всѣхъ католическихъ странахъ *) религія сдѣлалась и осталась обязательствомъ, налагаемымъ свѣтскими приличіями; она вошла въ программу благовоспитанности, считалась признакомъ хорошаго тона. Католическая партія воспользовалась этимъ настроеніемъ общества для усиленія власти духовенства. Во Франціи духовенство добилось права учреждать средне-учебныя заведенія и того, что начальныя школы получили вѣроисповѣдный характеръ (1850 г.), а позднѣе, при Наполеонѣ III, духо-

*) Подобная-же эволюція произошла и въ протестантскихъ странахъ, особенно въ Англіи. Въ странахъ православныхъ религіозный индифферентизмъ попрежнему продолжалъ господствовать въ культурныхъ классахъ.

венство пользовалось особою милостью правительства.—Въ Пруссіи государство уступило епископамъ власть надъ духовенствомъ ихъ епархіи и надъ семинаріями (см. гл. XVI). Въ мелкихъ германскихъ государствахъ, послѣ долгихъ и сложныхъ переговоровъ, были установлены подобные же порядки.—Въ Австріи папское правительство добилось отмѣны системы Іосифа II (1850 годъ), а позднѣе—заключенія конкордата 1855 года (см. гл. XIII). Этотъ конкордатъ былъ первымъ, въ которомъ правительство большого государства признавало, что источникомъ правъ церкви является не соизволеніе свѣтской власти, уступившей ей эти права, а «божеское учрежденіе и каноническое право»; подчиненіе духовенства юрисдикціи государства въ уголовныхъ дѣлахъ выставлялось, какъ уступка со стороны папы, сдѣланная «въ виду обстоятельствъ даннаго времени».—Подобный-же конкордатъ былъ заключенъ и въ Испаніи въ 1851 г. (см. гл. X). Одновременно съ этимъ папа добился права офиціально создавать епископства и церковные округа въ протестантскихъ странахъ: въ Англіи (1850 г.) и въ Нидерландахъ (1853 г.). Во всей Европѣ періодъ реакціи (1849—59 гг.) почти во всѣхъ странахъ послужилъ усиленію католическихъ партій. Одно только Сардинское королевство предприняло въ 1850 году реформу, имѣвшую цѣлью придать свѣтскій характеръ различнымъ учрежденіямъ, и вступило въ открытое столкновеніе съ папскимъ престоломъ (см. гл. XI).

Помимо этихъ частичныхъ реставрацій, Пій IX работалъ надъ подготовленіемъ общей реставраціи католическаго общества, сообразно плану, который былъ намѣченъ въ его оффиціальныхъ актахъ и пояснялся въ его офиціозномъ органѣ, *Civilta catolica* (католическая цивилизація), основанномъ въ 1850 году. Начало было положено актомъ, которымъ онъ осуществлялъ свою верховную власть въ области догмата, провозгласивъ Непорочное Зачатіе Пресвятой Дѣвы,—это излюбленное ученіе францисканцевъ и іезуитовъ, отвергавшееся доминиканцами. Потребовавъ, чтобы епископы высказали свое мнѣніе по этому вопросу, и получивъ 576 отвѣтовъ, почти сплошь въ утвердительномъ смыслѣ, онъ торжественно провозгласилъ этотъ догматъ въ Сикстинской капеллѣ въ день (8 декабря), избранный на основаніи мистическихъ соображеній и ознаменовавшійся съ тѣхъ поръ всѣми важнѣйшими актами его правленія. Провозгласилъ онъ этотъ догматъ, не созывая собора, единственно въ силу своей первосвященнической власти, устанавливая такимъ образомъ право единолично рѣшать вопросы вѣры въ католической церкви (1854 г.).

Затѣмъ онъ созвалъ конгрегацію, съ цѣлью подготовить общее изложеніе его ученія о роли церкви въ современномъ обществѣ и составить списокъ всѣхъ современныхъ заблужденій; эта конгрегація работала пять лѣтъ и выработала проектъ, положенный въ основу догматическаго заявленія 1864 г.

Пока Пій IX подготовлялъ изложеніе своего ученія, Сардинское правительство основало итальянское королевство, отняло у папы часть его владѣній и заявило о своемъ намѣреніи отнять у него Римъ, чтобы сдѣлать его столицей новаго королевства. Пій IX объявилъ присоединеніе къ Италіи части церковной области разбоемъ. Уничтоженіе свѣтской власти папы, хотя-бы и совершенное монархическимъ правительствомъ, было въ глазахъ Пія IX самою вопіющею формою революціи; ему казалось, что вернулись дни 1848 года, тѣмъ болѣе, что монархическое правительство Италіи дѣйствовало за одно съ революціонерами 1848 года, съ Гарибальди, бывшимъ однимъ изъ тріумвировъ Римской республики. Пій IX предалъ осужденію «новую революцію» и отлучилъ отъ церкви всѣхъ, кто «принималъ участіе въ преступномъ набѣгѣ» на его владѣнія.

Въ апостолическомъ посланіи отъ 26 марта 1860 г. ученіе о свѣтской власти папъ изложено въ слѣдующемъ видѣ: «Католическая церковь, основанная Христомъ, получила, въ силу своего божественнаго происхожденія, форму совершеннаго общества; она, слѣдовательно, должна пользоваться такою свободою въ отправленіи своихъ священныхъ обязанностей, чтобы никогда не находиться въ подчиненіи у какой бы то ни было свѣтской власти. А потому папа, поставленный Христомъ главою и средоточіемъ церкви, получилъ свѣтскую власть въ силу особаго соизволенія Промысла. Божественной Премудрости угодно было, чтобы среди такого множества свѣтскихъ государей первосвященникъ пользовался политической свободой, столь необходимой для поддержанія его духовной власти, авторитета и юрисдикціи. Католическій міръ не долженъ имѣть повода подозрѣвать, что во вселенскихъ дѣлахъ нашъ престолъ можетъ поддаваться вліянію свѣтскихъ властей или увлекаться духомъ партій»... Другое посланіе, появившееся въ 1863 году, высказываетъ «порицаніе тѣмъ духовнымъ лицамъ, которыя нападаютъ на свѣтскую власть св. престола» и «осмѣливаются основывать въ высшей степени предосудительныя общества, именуемыя *clerico-liberali, di mutuo Soccorso, Emancipatrice del clero italiano*».

Энциклика «Quanta cura» и Силлабусъ (1864 г.).—Когда Франція по сентябрьской конвенціи согласилась отозвать свои войска, защищавшія папу въ Римѣ, Пій IX, въ негодованіи, рѣшился опубликовать свой планъ возстановленія католическаго общества. Онъ придалъ ему форму энциклики, обращенной ко всему христіанскому міру; къ этой энцикликѣ былъ приложенъ «Каталогъ (*Syllabus*) всѣхъ современныхъ заблужденій», уже ранѣе осужденныхъ папою.

Энциклика *Quanta cura* излагаетъ въ положительной формѣ тотъ основный взглядъ папы, который былъ разъясненъ въ *Civilta catolica*: католическая цивилизація, процвѣтавшая въ средніе вѣка, была расшатана послѣдовательно

лютеранствомъ, янсенизмомъ, вольтеріанствомъ и соціализмомъ; общество получило организацію въ еретическомъ духѣ; его нужно снова перестроить, начиная съ самаго основанія, и утвердить на началахъ законнаго авторитета.

Энциклика напоминаетъ, что обязанность папы состоитъ въ томъ, чтобы предостерегать вѣрующихъ отъ ересей и заблужденій; Пій IX уже осудилъ «главнѣйшія изъ заблужденій нашей печальнѣйшей эпохи и чудовищныя мнѣнія, господствующія преимущественно въ наше время..., изъ которыхъ проистекаютъ почти всѣ остальныя заблужденія»...

Основное заблужденіе это—«натурализмъ», т. е. мысль, что «наилучшая организація правленія и гражданскій прогрессъ безусловно требуютъ такого общественнаго устройства и такого управленія, при которыхъ религія не принималась бы вовсе въ разсчетъ, какъ будто бы ея не существовало, или же при которыхъ не дѣлалось бы никакого различія между истинной религіей и ложными», и что «наилучшій порядокъ есть тотъ, при которомъ за правительствомъ не признается обязанности подвергать наказаніямъ нарушителей предписаній католической религіи, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда того требуетъ общественное спокойствіе, и лишь въ той мѣрѣ, въ какой сно этого требуетъ». Мысль, что правительство должно быть основано на соображеніяхъ, вытекающихъ изъ природы вещей, и оставаться чуждымъ вѣроисповѣднымъ вопросамъ, дѣйствительно является историческимъ основаніемъ англійскаго конституціоннаго порядка и современнаго свѣтскаго государства; она привела къ тому, что духовенство лишилось всякихъ матеріальныхъ средствъ принужденія и что ему былъ оставленъ одинъ только нравственный авторитетъ. Мысль эта противорѣчитъ *единству вѣры*, этому основному ученію католической церкви. Она предполагаетъ ту заднюю мысль, что различныя религіи на столько равноцѣнны, что можно предоставить каждому выбирать ту или другую изъ нихъ по своему усмотрѣнію.

«Изъ этого абсолютно ложнаго понятія объ общественномъ управленіи» вытекаетъ заблужденіе, которое еще Григорій XVI называлъ *безуміемъ*; оно состоитъ въ томъ, что «свобода совѣсти и вѣроисповѣданій считается правомъ, принадлежащимъ каждому человѣку,—правомъ, которое должно быть провозглашено и допущено во всякомъ благоустроенномъ обществѣ; а также въ признаніи за всѣми гражданами права на полную свободу высказывать свои мнѣнія и обнародовать ихъ путемъ печати или иными способами, причемъ эта свобода не должна быть ограничиваема ни церковной, ни свѣтской властью». Между тѣмъ, продолжаетъ энциклика, «свобода эта ведетъ въ погибели, ибо, если людямъ всегда будетъ дозволено возбуждать препирательства, то всегда найдутся люди, которые осмѣлятся сопротивляться истинѣ». Свобода совѣсти и печати дѣйствительно несогласима съ единствомъ вѣры; исторически она была впервые установлена въ странахъ, гдѣ традиціонныя понятія были расшатаны религіозными революціями.

Далѣе, энциклика говоритъ: «когда религія устранена изъ гражданскаго общества, утрачивается понятіе о справедливости и человѣческомъ правѣ»; люди доходятъ до того, что утверждаютъ, будто «воля народа, выражающаяся посредствомъ общественнаго мнѣнія или инымъ путемъ, представляетъ верховный законъ, независимый отъ какого бы то ни было божескаго или человѣческаго права, и что въ политическомъ строѣ совершившіеся факты имѣютъ силу права». Такъ, доходятъ до того, что уничтожаютъ монашескіе ордена. Изгнавъ религію изъ общества, хотятъ устранить ее и изъ семьи: доходятъ до гражданскаго брака и до свѣтскихъ школъ. Дѣйствительно, изъ исторіи мы видимъ, что принципъ суверенитета народа былъ признанъ только тамъ, гдѣ уже болѣе не признавали верховной власти католической церкви; а этотъ принципъ привелъ къ учрежденію гражданскихъ метрикъ и браковъ и къ устраненію въ публичныхъ школахъ вѣроисповѣднаго характера преподаванія.

Въ области политики заблуждаются всѣ, кто говоритъ, «что верховная власть, порученная Христомъ Церкви и св. Престолу, подчинена гражданской власти, и кто отрицаетъ всякое право церкви и св. Престола вмѣшиваться въ дѣла, касающіяся внѣшняго порядка», утверждая, «будто акты и декреты папъ, касающіеся религіи и Церкви, нуждаются въ согласіи гражданской власти, и будто Церковь не имѣетъ права обуздывать нарушителей ея законовъ карами мірского правосудія». (Этими словами энциклика осуждаетъ свѣтское государство, какъ его понимала теорія «просвѣщеннаго абсолютизма», т. е. государство, въ которомъ господствуетъ гражданская власть и признается принципъ вѣротерпимости.) Такой порядокъ основанъ на «еретическихъ принципахъ», не признающихъ, что «церковная власть, въ силу божественнаго права, отлична и независима отъ гражданской». Таковы, дѣйствительно, принципы протестантскихъ государствъ и такъ называемаго *цезарепапизма*. Католическій догматъ, наоборотъ, признаетъ «полноту власти, божественно дарованную Христомъ папѣ, пасти вселенскую церковь, руководить и править ею»; отсюда логически вытекаетъ, что «Церковь должна образовать независимое общество».

Такимъ образомъ свѣтскому государству, основанному на религіозной свободѣ и на преобладаніи гражданской власти, энциклика противополагаетъ идеалъ католическаго государства, основаннаго на полной независимости ду-

ховной власти и на принудительномъ единствѣ вѣры.

Силлабусъ (Каталогъ) «главнѣйшихъ заблужденій нашего времени, изобличенныхъ ранѣе въ консисторіальныхъ аллокуціяхъ, энцикликахъ и другихъ апостолическихъ посланіяхъ святѣйшаго отца нашего, папы Пія IX», перечисляетъ въ сжатой отрицательной формѣ всѣ ученія, осужденныя Піемъ IX; ученія эти помѣчены нумерами, отъ 1 до 80, и сгруппированы въ логическомъ порядкѣ, начиная съ теоретическихъ заблужденій, подъ нижеслѣдующими наименованіями: *I. Пантеизмъ, натурализмъ и абсолютный раціонализмъ.* — *II. Умѣренный раціонализмъ* (подъ нимъ подразумѣваются философскія мнѣнія). — *III. Индифферентизмъ и латитудинаризмъ:* эта рубрика направлена противъ теоріи свободы совѣсти (см. выше).— *IV. Соціализмъ, коммунизмъ, библейскія и церковно-либеральныя общества.*— *V. Заблужденія, касающіяся Церкви и ея правъ;* этотъ параграфъ направленъ противъ теоріи подчиненія духовенства свѣтской власти *), а также противъ вѣротерпимости.— *VI. Заблужденія, касающіяся гражданскаго общества, разсматриваемаго либо въ немъ самомъ, либо въ его отношеніяхъ къ Церкви.* Здѣсь рѣчь идетъ о теоріи, признающей право государства вмѣшиваться въ церковныя дѣла (апелляція противъ злоупотребленій, семинаріи, монашескіе обѣты, монашескіе ордена **), а также о теоріи свѣтскаго народнаго образованія *).—*VII. Заблужденія относительно естественной и христіанской нравственности.* Тутъ рѣчь идетъ о теоріи свѣтской нравственности, о значеніи совершившагося факта, о принципѣ *невмѣшательства.*— *VIII. Заблужденія относительно христіанскаго брака.* Эта статья трактуетъ о гражданскомъ бракѣ **) и о разводѣ.— *IX. Заблужденія по вопросу о свѣтской власти папы.* Рѣчь идетъ о разрушеніи этой власти. *X. Заблужденія, связанныя съ современнымъ либерализмомъ.*

Силлабусъ, слѣдовательно, осуждаетъ не однихъ только враговъ церкви, желающихъ ее уничтожить, но и лицъ, относящихся къ ней безразлично и желающихъ отнять у нея офиціальныя привилегіи и низвести ее до положенія частной ассоціаціи, а также приверженцевъ свободы вѣроисповѣданій и нейтральнаго отношенія государства къ религіознымъ вопросамъ; онъ осуждаетъ всѣхъ, кто требуетъ установленія гражданскихъ метрикъ, гражданскаго брака и свѣтской школы. Онъ осуждаетъ также условныхъ союзниковъ Церкви, за одно съ нею боровшихся противъ революціи,—тѣ монархическія правительства, которыя стоятъ за верховную власть свѣтскаго государства и уничтожаютъ церковные суды, обязательность монашескихъ обѣтовъ, подчиняя духовенство своей опекѣ (*exequatur*, право обжалованія церковныхъ постановленій и требованіе предварительнаго для нихъ разрѣшенія). Сюда были присоединены также галликанцы, противники свѣтской власти папы, и либеральные католики, допускающіе религіозную свободу ***). Съ цѣлью рѣзче оттѣнить противо-

---

*) «19. Церковь не есть истинное и вполнѣ свободное общество; она не имѣетъ постоянныхъ и ей присущихъ правъ, дарованныхъ ей божественнымъ ея основателемъ: дѣло гражданской власти опредѣлять права Церкви и обозначать границу этихъ правъ.—20. Духовная власть не должна проявляться во внѣ, помимо разрѣшенія гражданскаго правительства.—24. Церковь не имѣетъ права прибѣгать къ силѣ, она не имѣетъ никакой мірской власти, ни непосредственной, ни косвенной.—26. Церковь не имѣетъ прирожденнаго и законнаго права пріобрѣтать имущества и владѣть ими.—30. Тѣ изъятія изъ общаго права, которыя допускаются въ пользу церкви и ея служителей, имѣютъ свой источникъ въ гражданскомъ законодательствѣ.—31. Церковный судъ надъ духовными лицами по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ долженъ быть отмѣненъ, и для этого даже не нужно спрашивать мнѣніе папскаго престола.—32. Личная льгота, освобождающая лицъ духовнаго званія отъ воинской повинности, можетъ быть отмѣнена; это не составитъ никакого нарушенія естественнаго права и справедливости».

**) «42. Въ случаѣ столкновенія между законами, изданными той или другой властью, преимущество отдается гражданскому закону.—49. Гражданская власть можетъ препятствовать епископамъ имѣть сношенія съ папой или между собою.—50. Гражданская власть сама по себѣ имѣетъ право назначать епископовъ по собственному почину и можетъ требовать отъ нихъ, чтобы они вступали въ управленіе епархіями, не дожидаясь каноническаго утвержденія въ должности отъ папскаго престола.—52. Правительство можетъ собственною властью измѣнить возрастъ, предписанный Церковью для произнесенія духовныхъ обѣтовъ... и предписать монастырямъ никого не допускать до произнесенія обѣтовъ безъ правительственнаго разрѣшенія.—53. Гражданская власть можетъ оказывать свое содѣйствіе всѣмъ тѣмъ, кто пожелаетъ оставить монашество и нарушить свои обѣты.—55. Церковь должна быть отдѣлена отъ государства и государство—отъ Церкви».

*) «47. Наилучшая форма гражданскаго общества требуетъ, чтобы общественныя школы были открыты всѣмъ дѣтямъ безъ различія... и чтобы вообще публичныя учрежденія... и высшія школы были освобождены отъ всякаго подчиненія власти Церкви... и находились подъ контролемъ гражданской и политической власти».

**) «66. Таинство брака является лишь придаткомъ къ брачному договору и можетъ быть отдѣлено отъ послѣдняго.—67. По естественному праву брачныя узы не являются нерасторжимыми, и въ различныхъ случаяхъ разводъ, въ собственномъ значеніи этого слова, можетъ быть разрѣшенъ гражданской властью.—68. Церковь не имѣетъ права объявлять бракъ недѣйствительнымъ, такъ какъ это право принадлежитъ гражданской власти.—74. Тяжбы, возникающія по поводу брачныхъ дѣлъ или обѣщаній вступить въ бракъ, подлежатъ юрисдикціи свѣтскихъ судовъ».

***) «77. Въ наши дни уже нѣтъ пользы въ томъ, чтобы католицизмъ считался единственною государственною религіей, исключающей всѣ прочія вѣроисповѣданія. — 78. А потому, хорошо поступили нѣкоторыя католическія страны, позаботившіяся объ изданіи закона, дозволяющаго иностранцамъ, пріѣзжающимъ въ эти страны, публичное исполненіе обрядовъ ихъ вѣры».

положность между идеальнымъ католическимъ обществомъ и современнымъ, Силлабусъ, въ заключеніе, осуждаетъ слѣдующее положеніе: «Папа можетъ и долженъ примиряться и вступить въ сдѣлку съ прогрессомъ, съ либерализмомъ и съ современной цивилизаціей».

Силлабусъ, по своей сжатой и отрицательной формѣ, съ трудомъ поддается толкованію; чтобы найти истинную мысль автора, недостаточно перевернутъ каждое изъ его предложеній такъ, чтобы замѣнить отрицательную форму увердительной; кромѣ того это богословскій документъ, въ которомъ нужно отличать *тезисъ* отъ *гипотезы:* предложеніе, осужденное въ принципѣ, при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть терпимо на практикѣ. Были опубликованы два противоположныя толкованія Силлабуса, и оба одобрены Піемъ IX. При сопоставленіи съ энцикликой, Силлабусъ во всякомъ случаѣ показывалъ, что папа если и не осуждалъ современнаго свѣтскаго государства, то все-таки имѣлъ идеалъ, весьма отличный для послѣдняго, и предпочиталъ порядки, существовавшіе въ средніе вѣка. И точно, Силлабусъ былъ радостно встрѣченъ всѣми противниками церкви, утверждавшими, что папа объявляетъ въ немъ войну всему современному обществу; правительства досадовали на его появленіе и пытались помѣшать его опубликованію; либеральные же католики были очевидно приведены имъ въ смущеніе.

Ватиканскій соборъ (1869—1870 гг.).— Чтобы окончательно увѣнчать догматическое возстановленіе католическаго общества, Пій IX рѣшилъ добиться торжественнаго признанія абсолютной монархической власти папы даже въ вопросахъ, касающихся ученія церкви; признаніе это должно было совершиться въ формѣ провозглашенія догмата папской непогрѣшимости. Онъ поручилъ (въ 1867 г.) конгрегаціи изъ шести кардиналовъ подготовить проектъ соотвѣтствующихъ декретовъ. Затѣмъ, въ іюлѣ 1868 года, онъ созвалъ въ Ватиканѣ вселенскій соборъ, первый за послѣднія три столѣтія.

Соборъ этотъ, открывшій свои засѣданія 8 декабря 1869 года, состоялъ исключительно изъ духовныхъ лицъ (около 780 членовъ *). Ни одно изъ правительствъ не имѣло на немъ своихъ представителей. Папа собственною властью установилъ всю процедуру преній; проекты были составлены комиссіями, члены которыхъ избирались имъ самимъ; ни одинъ вопросъ не могъ подвергаться обсужденію безъ его разрѣшенія; такимъ образомъ инициатива принадлежала одному папѣ. Сначала пренія происходили въ *общей конгрегаціи* подъ предсѣдательствомъ кардинала (назначеннаго папой), который и давалъ ораторамъ разрѣшеніе говорить; каждый проектъ, если онъ не былъ принятъ единогласно, поступалъ на обсужденіе *депутаціи* изъ 24 членовъ, избранныхъ тайною подачею голосовъ; депутація обсуждала его и представляла свои заключенія въ печатномъ докладѣ. Изъ рукъ депутаціи проектъ снова возвращался въ конгрегацію, гдѣ каждый членъ вотировалъ устно: *Placet* (да), *Non placet* (нѣтъ), или *Placet juxta modum* (да, съ поправкою). Говорили на латинскомъ языкѣ; засѣданія происходили при закрытыхъ дверяхъ, и всѣ, кто въ нихъ участвовалъ, обязаны были сохранить въ тайнѣ происходившее. Публичныя засѣданія были лишь церемоніями для опубликованія состоявшихся рѣшеній. За папою было обезпечено большинство, состоявшее изъ итальянцевъ, изъ 42 представителей восточныхъ церквей и изъ 119 епископовъ *in partibus* (безъ епархій).

Между тѣмъ оппозиція возникла еще до открытія собора и проявлялась въ печати. На засѣданіяхъ собора первымъ проявленіемъ оппозиціи былъ протестъ кроатскаго епископа Штросмейра противъ регламента, навязаннаго собору папою; за этимъ протестомъ послѣдовала петиція германскихъ и австрійскихъ епископовъ, составленная въ томъ же смыслѣ. Оппозиція состояла изъ двухъ элементовъ. Одни отвергали самый догматъ непогрѣшимости, какъ противный церковному преданію; Деллингеръ называлъ его «церковной революціей». Другіе (составлявшіе, повидимому, большинство оппозиціи) допускали догматъ, но считали неудобнымъ провозглашать его при данныхъ обстоятельствахъ; они боялись, что это раздражитъ правительства и еще увеличитъ предубѣжденіе противъ церкви, вызванное Силлабусомъ, такъ какъ дастъ поводъ предполагать, что папа стремится ко всемірному владычеству; эта фракція оппозиціи состояла изъ либеральныхъ католиковъ.

Оппозиція жаловалась на регламентъ, навязанный собору, на образъ дѣйствій предсѣдательствующихъ кардиналовъ, которые мѣшали оппозиціоннымъ ораторамъ свободно высказывать свои мнѣнія, на плохую акустику помѣщенія, на отсутствіе отчетовъ о засѣданіяхъ, на статьи, присылавшіяся журналистами изъ партіи, стоявшей за непогрѣшимость. Члены оппозиціи упрекали также своихъ противниковъ въ поспѣшности, съ которою производилось голосованіе вопросовъ, и высчитывали, что члены меньшинства представляютъ большее число католиковъ,

*) По своему *іерархическому положенію*, члены собора распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 48 кардиналовъ, 10 патріарховъ, 4 примаса, 137 архіепископовъ, 527 епископовъ, 16 аббатовъ съ митрой, 35 генераловъ (или генеральныхъ викаріевъ) монашескихъ орденовъ. По *національностямъ*, распредѣленіе было такое: 224 итальянца, 81 французъ, 40 испанцевъ, 43 австрійца, 16 нѣмцевъ, 27 англичанъ, 19 ирландцевъ, 40 американцевъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, 9 канадцевъ, 30 латинскихъ американцевъ, 19 европейцевъ изъ мелкихъ государствъ, 42 представителя восточныхъ церквей, 119 епископовъ *in partibus* и т. д.

чѣмъ большинство, состоявшее главнымъ образомъ изъ итальянцевъ (представлявшихъ 24 милліона душъ), изъ представителей восточныхъ церквей (одинъ милліонъ) и изъ епископовъ безъ епархій. Папа былъ недоволенъ тѣмъ, что тайна засѣданій собора не соблюдалась; «письма съ собора», печатавшіяся въ «Аугсбургской газетѣ», разоблачили передъ публикой пренія, которыя должны были оставаться для нея тайной. Папа былъ оскорбленъ также тѣмъ, что ему противопоставляли преданія церкви. «Преданіе церкви—это я!» объявилъ онъ.—Публика представляла себѣ эту борьбу въ видѣ конфликта между папою, руководимымъ іезуитами, приверженцами абсолютизма, и національными епископами либеральнаго направленія. Но даже въ настоящее время трудно сказать съ точностью, какое мѣсто это соперничество занимало въ разногласіяхъ, возникшихъ на соборѣ.

Собору приходилось обсуждать весьма разнообразные вопросы, которые были распредѣлены между четырьмя *депутаціями* (вѣра, дисциплина, монашескіе ордена, обряды восточныхъ церквей). Самый существенный изъ нихъ касался опредѣленія догматовъ вѣры. Былъ составленъ проектъ осужденія всѣхъ заблужденій, аналогичный Силлабусу, но догматъ непогрѣшимости не былъ включенъ въ него. Сторонники провозглашенія этого догмата обратились къ папѣ съ петиціей, подписанной 400 членами собора, о внесеніи на обсужденіе вопроса о непогрѣшимости. На этой почвѣ и произошло столкновеніе. Большинство, поддерживаемое папою, настаивало на немедленномъ голосованіи; меньшинство подало папѣ адресъ, съ просьбою не ставить ихъ въ необходимость обсуждать вопросъ о непогрѣшимости. Папа издалъ новый регламентъ, въ силу котораго декреты должны были вотироваться не единогласно, но лишь большинствомъ голосовъ; меньшинство еще разъ представило свои возраженія. Тогда папа велѣлъ включить въ проектъ новую статью «о церкви Христовой»; эта статья была формальнымъ провозглашеніемъ догмата непогрѣшимости. Большинство потребовало, чтобы этотъ вопросъ былъ поставленъ на очередь прежде всѣхъ другихъ.

Часть проекта «о вѣрѣ» была вотирована единогласно, затѣмъ перешли къ догмату о непогрѣшимости, не взирая на адресъ 77 членовъ собора, протестовавшихъ противъ измѣненія въ очереди преній. Докладчикъ монсиньоръ Пи, епископъ Пуатье, въ своемъ заключеніи высказывался за провозглашеніе догмата и приводилъ въ его пользу слѣдующій новый доводъ: апостолъ Петръ былъ распятъ головою внизъ, его голова выдерживала всю тяжесть тѣла; подобнымъ же образомъ папа несетъ на себѣ всю тяжесть церкви; но непогрѣшимъ тотъ, кто поддерживаетъ тяжесть, а не самая тяжесть. Къ проекту было предположено 139 поправокъ; между тѣмъ пребываніе въ Римѣ становилось все болѣе и болѣе тягостнымъ и нездоровымъ для членовъ собора; большинство, торопившееся покончить дѣло такъ или иначе, не дождалось окончанія рѣчей всѣхъ записавшихся ораторовъ и вотировало прекращеніе преній; до сорока ораторовъ остались невыслушанными. Статья «о папѣ» со включеніемъ догмата непогрѣшимости была вотирована въ *общей конгрегаціи*; 371 голосъ были поданы за безусловно утвердительный отвѣтъ, 88 голосовъ—за отрицательный и 61 голосъ вотировали *da*, съ оговоркою относительно поправокъ. Это голосованіе состоялось 13 іюля. Меньшинство уѣхало изъ Рима, не дождавшись публичнаго засѣданія, въ которомъ *Constitutio de Ecclesia* было вотировано 547 голосами противъ 2. Между тѣмъ Франція объявила войну Пруссіи; вскорѣ послѣ того французскому гарнизону пришлось очистить Римъ, который былъ безпрепятственно занятъ итальянцами. Папа пріостановилъ засѣданія собора и отложилъ ихъ на неопредѣленный срокъ.

Ватиканскій соборъ окончился, не завершивъ того дѣла, для котораго былъ созванъ; онъ вотировалъ только главы, касавшіяся «вѣры», и четыре главы «о папѣ». Вся его роль свелась къ тому, что онъ установилъ догматъ о непогрѣшимости, признавшій за папою единоличный авторитетъ въ вопросахъ вѣры *). Мѣра эта не вызвала тѣхъ пагубныхъ послѣдствій, которыхъ опасались противники провозглашенія непогрѣшимости. Всѣ епископы подчинились ей; одни нѣмецкіе богословы и священники отвергли непогрѣшимость, признанную соборомъ; они отказались подписать декларацію, которой отъ нихъ требовали ихъ епископы, и основали свою церковь (1871 г.). Но расколъ *старо-католиковъ* не пошелъ далѣе Германіи и Швейцаріи; и даже въ этихъ странахъ онъ ограничился незначительнымъ числомъ богослововъ и лицъ, принадлежавшихъ къ буржуазіи; въ массу вѣрующихъ онъ не проникъ. Правительства выразили свое неодобреніе; но они думали, что уже прошло то время, когда свѣтская власть вмѣшивалась въ дѣла вѣры. Одна только Австрія запретила опубликованіе декретовъ собора; нѣкоторыя германскія государства отказали имъ въ своей поддержкѣ.

---

*) Булла *Pastor Aeternus* слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ этотъ догматъ: «Папа, когда онъ говоритъ съ каѳедры, т. е. когда онъ, дѣйствуя въ качествѣ пастыря и наставника всѣхъ христіанъ, опредѣляетъ, въ чемъ должно состоять ученіе вѣры или нравственности, признаваемое всею церковью,—обладаетъ въ силу божественной помощи, обѣщанной ему въ лицѣ св. Петра, тою *непогрѣшимостью*, которою божественному Спасителю угодно было облечь свою церковь въ вопросахъ, касающихся вѣры или нравственности; слѣдовательно, рѣшенія, высказываемыя папою при этихъ условіяхъ, *неотмѣняемы сами по себѣ*, а не въ силу согласія съ ними церкви».

Столкновеніе между церковью и государствомъ.—Какъ только окончился періодъ реакціи, возобновились столкновенія между католической церковью и свѣтскими правительствами. Наиболѣе бурнымъ характеромъ отличалось столкновеніе, происшедшее въ Италіи, изъ-за свѣтской власти папы и обладанія Римомъ. Папа объявлялъ свою свѣтскую власть необходимымъ условіемъ для обезпеченія ему возможности поддерживать свой духовный авторитетъ; такимъ образомъ политическая борьба сдѣлалась религіознымъ вопросомъ. Католики всѣхъ странъ требовали вмѣшательства своихъ правительствъ въ пользу возстановленія свѣтской власти папы. Самъ папа, отказываясь признать итальянское королевство, продолжалъ въ своихъ аллокуціяхъ протестовать противъ «разбоя пьемонтскаго правительства» и запрещалъ католикамъ участвовать въ выборахъ. Итальянское же правительство, со времени Кавура, руководилось формулой либеральныхъ католиковъ: «*свободная церковь въ свободномъ государствѣ*»; оно стремилось ввести въ Италіи бельгійскіе порядки. Съ одной стороны, оно упразднило всѣ остатки старой принудительной власти духовенства, церковные суды, десятинные сборы и установило полную свободу вѣры (позднѣе былъ установленъ также гражданскій бракъ); оно уничтожило большинство монастырей, секуляризировало церковныя имущества и замѣнило ихъ жалованьемъ бѣлому духовенству. Съ другой стороны, оно отмѣнило всѣ прежнія постановленія, подчинявшія церковь государству; оно предоставило папѣ назначать епископовъ по своему усмотрѣнію и сохранило духовенству его почетныя отличія. Но такъ какъ папа отказывался вступать въ какіе бы то ни было переговоры съ правительствомъ, то этотъ новый порядокъ не былъ признанъ церковью.

Занятіе Рима въ сентябрѣ 1870 г. обострило конфликтъ. Правительство такъ называемымъ *закономъ о гарантіяхъ* обязалось сохранить за папою положеніе государя въ его ватиканскомъ дворцѣ, уплачивать ему ежегодную субсидію и обезпечить ему полную независимость въ отправленіи обязанностей главы церкви; всякая власть гражданскаго правительства въ церковныхъ дѣлахъ была отмѣнена. Но Пій IX объявилъ себя *нравственно* плѣннымъ, отказался отъ всякихъ переговоровъ и заперся въ Ватиканѣ; онъ говорилъ, что не могъ болѣе показываться въ Римѣ, такъ какъ на ~~каждомъ~~ шагу рисковалъ встрѣтиться съ врагами церкви, революціонерами или протестантами, безнаказанно высказывающими свои мнѣнія. Такимъ образомъ конфликтъ сдѣлался хроническимъ и остается таковымъ до сихъ поръ.

Въ Австріи конституція 1867 г., гарантировавшая свободу вѣроисповѣданій, вопреки конкордату, дала первый поводъ къ столкновенію съ папой. Правительство внесло въ Палаты законы, несогласные съ конкордатомъ, и эти законы были вотированы; папа, въ силу своей апостолической власти, объявилъ ихъ недѣйствительными, подтверждая такимъ образомъ главенство духовной власти и ея право уничтожать распоряженія свѣтскаго правительства. Австрійское правительство оставило въ силѣ свои законы, подтверждая тѣмъ, что свѣтское правительство имѣло право измѣнить собственною властью даже регламентъ, установленный по соглашенію съ церковью. Затѣмъ оно воспользовалось провозглашеніемъ догмата непогрѣшимости, чтобы избавиться отъ конкордата (уже нарушеннаго имъ); оно объявило, что ученіе, провозглашенное Соборомъ, устанавливало отношенія между церковью и государствомъ на совершенно новомъ основаніи, расширяло права папы и сосредоточивало всю власть въ его лицѣ; такъ какъ одна изъ сторонъ измѣнила свое положеніе, то самый договоръ терялъ свою силу. Дальнѣйшимъ эпизодомъ этой борьбы было изданіе законовъ 1873 г. Австрія вернулась къ системѣ Іосифа II; только старыя формы государственной опеки не были возстановлены. Церковь оказалась приблизительно въ томъ же положеніи, какъ и во Франціи, съ тою разницею, что она сохранила за собой веденіе метрикъ.

Во Франціи, до конца имперіи, столкновенія съ церковью ограничивались второстепенными вопросами; споры шли изъ-за опубликованія Силлабуса и противодѣйствія епископовъ реформамъ Дюрюи въ дѣлѣ народнаго образованія, основанію свѣтскихъ женскихъ школъ и матеріалистическимъ ученіямъ нѣкоторыхъ профессоровъ. Главныя усилія католической партіи сосредоточивались на римскомъ вопросѣ и имѣли въ виду побудить правительство выступать на защиту свѣтской власти папы. То была пора жаркой полемики между либеральными католиками (Дюпанлу) и партіей, стоявшей за догматъ непогрѣшимости (Вейльо и газета *l'Univers*). Во время войны борьба остановилась. Пока засѣдало Національное Собраніе, католическая партія пыталась вызвать вмѣшательство Франціи въ пользу свѣтской власти папы, но добилась только созданія католическихъ университетовъ. Затѣмъ настала «анти-клерикальная» реакція, которая побудила республиканскую партію изгнать неразрѣшенные монашескіе ордена (1880 г.), отняла у духовенства начальныя публичныя школы, находящіяся со времени изданія закона 1880 г. въ вѣдѣніи муниципальныхъ совѣтовъ, ограничила дѣятельность духовенства частными школами; у духовенства была даже отнята льгота по отбыванію воинской повинности (1889 г.),—льгота, которою оно пользуется во всѣхъ другихъ католическихъ странахъ.

Въ Испаніи борьба между свѣтской властью и католической церковью приняла очень ожe-

сточенный характеръ послѣ революціи 1868 г. Впервые въ Испаніи было офиціально отмѣнено единство вѣры; конституція 1869 г. провозгласила свободу некатолическихъ вѣроисповѣданій и ихъ право публично отправлять свое богослуженіе; затѣмъ, такъ какъ духовенство не переставало противодѣйствовать правительству, то кортесы ввели гражданскій бракъ. Пій IX открыто принялъ сторону легитимистскаго претендента, Донъ-Карлоса; до реставраціи 1874 г. разрывъ между папскимъ престоломъ и испанскимъ правительствомъ былъ полный. Папа согласился признать правительство Альфонса XII, но не добился полнаго возстановленія единства вѣры и протестовалъ противъ конституціи 1876 г., признавшей некатолическія вѣроисповѣданія терпимыми и даровавшей имъ право совершать непублично свое богослуженіе.

Русское правительство прервало въ 1866 году офиціальныя сношенія съ папскимъ престоломъ, поводомъ къ чему послужили мѣры обрусенія, принятыя противъ католической церкви въ Польшѣ; русскій посланникъ былъ отозванъ изъ Рима, и польскому духовенству были запрещены всякія сношенія съ папой.

Въ Германіи и Швейцаріи столкновеніе съ папою было косвеннымъ послѣдствіемъ ватиканскаго собора. Оно началось вслѣдствіе отлученія *старо-католиковъ* отъ церкви и привело къ полному разрыву съ папскимъ престоломъ.

Пій IX провелъ послѣдніе годы своей жизни въ безпрестанныхъ протестахъ противъ нарушенія правъ церкви въ различныхъ странахъ Европы; онъ высказалъ свое негодованіе въ рѣчахъ, обращенныхъ къ богомольцамъ, являвшимся въ Римъ, въ циркулярахъ своимъ нунціямъ, въ посланіяхъ къ духовенству или къ вѣрующимъ тѣхъ странъ, съ правительствами которыхъ онъ находился въ разладѣ *).

*) Въ аллокуціи 1872 г., обращенной къ нѣмецкому «клубу для чтенія» и направленной противъ «гоненія на церковь въ Германіи», происходившаго подъ руководствомъ «перваго министра», Пій IX произнесъ знаменитую фразу: «Кто знаетъ,—не упадетъ ли скоро съ высоты тотъ малый камень, который раздробитъ ногу колосса!»—Въ консисторіи кардиналовъ онъ произнесъ аллокуцію противъ посягательства на церковныя имущества въ Италіи, противъ Германіи, Швейцарскаго союза въ Испаніи.—Энциклика, появившаяся въ ноябрѣ 1873 г., возстаетъ противъ гоненій въ Германіи и Швейцаріи и противъ покровительства, оказываемаго старо-католикамъ.—Энциклика 1875 г. къ прелатамъ Пруссіи объявляетъ майскіе законы недѣйствительными на томъ основаніи, что они противорѣчатъ божественному учрежденію церкви.—Въ аллокуціи къ нѣмецкимъ богомольцамъ (май 1877 г.) Пій IX сказалъ: «Много вѣковъ тому назадъ Богъ послалъ Аттиллу, чтобъ разбудить народы; нынѣ онъ разбудилъ благородный нѣмецкій народъ новымъ Аттиллой».—Въ аллокуціи къ австрійскимъ пилигримамъ была такая фраза: «Нынѣ революція правитъ міромъ вопреки волѣ народовъ».—Пій IX не преминулъ также протестовать противъ восшествія на престолъ Гумберта, съ титуломъ короля Италіи (январь 1878 г.).

Онъ умеръ, оставивъ католическую церковь въ разладѣ со всѣми государствами. Повсюду офиціальная власть церкви умалилась. Въ странахъ южной Европы ея исключительное господство прекратилось; даже въ Испаніи единство вѣры было отмѣнено. Италія и Австрія перешли къ системѣ религіозной свободы. Германія отняла у церкви власть въ брачныхъ дѣлахъ и автономію духовенства. Во Франціи и Бельгіи предстояло водвореніе у кормила правленія такой партіи, которая враждебно относилась къ церкви и собиралась отнять у нея школы.—Но всѣ эти столкновенія, возбудивъ ревность католиковъ, вынудили ихъ соединиться; національное и либеральное диссидентство было подавлено; всѣ католики сгруппировались въ одну дисциплинированную партію, вооруженную для политической борьбы. Католическая партія оказалась достаточно сильною въ Бельгіи, чтобы удержаться въ министерствѣ отъ 1870 до 1878 г.; въ Швейцаріи она организовалась заново и снова завладѣла старыми кантонами *Зондербунда;* въ Пруссіи и Германіи она создала *центръ*; въ Австріи она начала группироваться въ автономную партію. Въ Испаніи и Франціи она оставалась союзницей консервативной партіи и составляла главную ея силу.—Экономическая сила партіи проявилась во время празднованія тридцатилѣтней годовщины вступленія Пія IX на папскій престолъ (1877 г.); дары, посланные папѣ по этому случаю католиками, превышали стоимостью 15 милліоновъ франковъ. *Лепта св. Петра*, составлявшаяся изъ добровольныхъ приношеній вѣрующихъ, позволяла папскому престолу покрывать всѣ свои расходы, не принимая субсидіи отъ итальянскаго правительства.

Политика Льва XIII.—Преемникъ Пія IX, *Печчи*, былъ, какъ говорятъ, избранъ въ качествѣ кандидата партіи, занимавшей средину между приверженцами и противниками примиренія съ Италіей (февраль 1878 г.); онъ былъ воспитанникомъ іезуитовъ и пользовался покровительствомъ Льва XII; по восшествіи на папскій престолъ, онъ принялъ имя Льва XIII. Онъ имѣлъ нѣкоторую опытность въ политическихъ дѣлахъ, такъ какъ былъ одно время *делегатомъ* (префектомъ) въ Папской Области, затѣмъ папскимъ нунціемъ въ Бельгіи (1843—46 гг.), въ то время когда католическая партія заканчивала свою организацію въ этой странѣ.

Политическое ученіе Льва XIII объ отношеніяхъ церкви и государства было совершенно тождественно съ провозглашеннымъ Піемъ IX; въ своихъ заявленіяхъ по догматическимъ вопросамъ онъ высказывался въ пользу того-же идеала христіанскаго общества и подтверждалъ тѣ осужденія, которыя были высказаны современному обществу въ Силлабуссѣ. Энциклика *Inscrutabili* порицаетъ «законы, разрушающіе божественное устройство католической церкви

и принятые *въ большинствѣ странъ*... а также необузданную свободу преподавать и печатать все дурное» *).

Энциклика «о современныхъ заблужденіяхъ» (декабрь 1878 г.), направленная противъ соціалистовъ, осуждаетъ свѣтское государство, суверенитетъ народа **) и свѣтскую школу ***).

Энциклика «о христіанскомъ бракѣ» (1880 года) требуетъ «законодательной и судебной власти» въ брачныхъ дѣлахъ, которою Церковь не переставала пользоваться со временъ христіанскихъ императоровъ, и отвергаетъ «то различіе, которое регалисты дѣлаютъ между брачнымъ договоромъ и таинствомъ брака... предоставляя договоръ власти и произволу государя».

Энциклика «о происхожденіи гражданской власти» (1881 г.) осуждаетъ теорію общества, основаннаго на свободномъ согласіи, «ложную философію» XVIII вѣка, и «такъ называемое современное право и ученіе о верховной власти народа».

Энциклика «о сектѣ франмасоновъ» (1884 года) изобличаетъ масоновъ, какъ «исполнителей натуралистическихъ декретовъ», т. е. какъ приверженцевъ свѣтскаго государства, которые «устраняютъ изъ законовъ и управленія столь благодѣтельное вліяніе католической религіи» и доходятъ до того, что «устраиваютъ государство независимо отъ учрежденій и предписаній церкви». Въ этой энцикликѣ повторяются порицанія, высказанныя Піемъ IX *).

Энциклика *Immortale Dei* (1885 г.) о «христіанскомъ устройствѣ государствъ» осуждаетъ «притязаніе искать руководящія правила гражданской жизни внѣ ученій, одобренныхъ Церковью», перечисляетъ заблужденія «новѣйшаго права» **) и формально напоминаетъ порицанія, высказанныя въ Силлабусѣ.

Энциклика къ венгерскимъ епископамъ (1886 года) осуждаетъ «школы, именуемыя *нейтральными*, *смѣшанными*, *свѣтскими* и созданныя для того, чтобы воспитанники ихъ выростали въ полномъ невѣдѣніи священныхъ предметовъ».

Энциклика «о человѣческой свободѣ» (1888 года) изобличаетъ эту «столь распространенную и столь вліятельную школу людей, которые хотятъ, чтобы ихъ называли *либералами*,—«насадителей либерализма», примѣняющихъ въ политикѣ принципы *натурализма*; она осуждаетъ современныя вольности, какъ-то: свободу вѣроисповѣданій, свободу мысли, печати, преподаванія ***),—«которыя выставляются, какъ

---

*) «Бѣдствія, удручающія со всѣхъ сторонъ родъ человѣческій», происходятъ «отъ того, что власть церкви была презрѣна и отвергнута». Левъ XIII изобличаетъ «эту разрушительную дѣятельность, зашедшую такъ далеко и направленную противъ истинъ, которыя служатъ основою человѣческихъ обществъ». Сравнивая «эпоху, въ которую мы живемъ, столь враждебную религіи и церкви Христовой, съ тѣми столь счастливыми временами, когда націи боготворили церковь, какъ свою мать», папа приходитъ къ заключенію, что прежнія времена были лучше и «пользовались тѣмъ большимъ благосостояніемъ, чѣмъ покорнѣе относились народы къ управленію и законамъ церкви»; между тѣмъ какъ наша современность «быстро и прямо устремляется къ своей погибели». Онъ осуждаетъ гражданскій бракъ, установленный «нечестивыми законами», и изобличаетъ «гражданъ, которые вмѣсто брака приняли легальный конкубинатъ».

**) «Эта новая форма нечестія, которой не знали даже язычники» и при помощи которой «государства организовались, не принимая въ разсчетъ ни Бога, ни порядка, установленнаго Имъ», и которая «позволила утверждать, что источникъ, откуда исходитъ принципіальное оправданіе, величіе и сила государственной власти, не Богъ, а масса народа»...

«Отказываться признать, что право повелѣвать исходитъ отъ Бога,—значитъ стремиться къ тому, чтобы отнять у политической власти ея величіе и перерѣзать ея нервы. Говорить, что она зависитъ отъ воли народа,—значитъ, во-первыхъ, впадать въ заблужденіе, а во-вторыхъ, устанавливать верховную власть на шаткомъ основаніи».

***) «Творецъ и Искупитель рода человѣческаго, изгнанный изъ программъ университетовъ, лицеевъ и гимназій»...

*) «Натуралистическія» ученія, подвергшіяся осужденію, суть нижеслѣдующія: гражданскій бракъ («Бракъ есть лишь родъ договора; супружескія узы находятся во власти свѣтскаго правительства»); свѣтская школа; ученіе о равенствѣ людей и о верховной власти народа («Верховная власть дѣйствуетъ лишь по повелѣнію или съ согласія народа»); нейтралитетъ государства въ вѣроисповѣдныхъ дѣлахъ («въ выборахъ между различными религіями нѣтъ основанія оказывать предпочтеніе той или другой; всѣ онѣ должны быть поставлены на одну ногу»).

**) Естественное равенство и свобода людей, верховная власть народа, неограниченная свобода мысли, свѣтское государство. («Государство не исповѣдуетъ публично никакой религіи, не должно доискиваться, какая религія—единая истинная, и оказывать предпочтеніе одной религіи передъ всѣми остальными. Оно должно всѣмъ имъ предоставить одинаковыя права... Всѣ религіозные вопросы должны быть предоставлены суждению частныхъ лицъ; каждый долженъ пользоваться правомъ исповѣдывать какую ему угодно религію, или даже не исповѣдывать никакой, если ему заблагоразсудится».) Энциклика напоминаетъ, что «Церковь, въ не меньшей степени, чѣмъ государство, есть полное общество, по самой природѣ своей и по праву», и что «правители не должны отнимать у нея ни одного изъ правъ, дарованныхъ ей Христомъ».

***) Ученіе объ этихъ вольностяхъ формулировано слѣдующимъ образомъ: «Каждый воленъ исповѣдывать ту религію, которую онъ предпочитаетъ, и даже не исповѣдывать никакой религіи»... (Папа объясняетъ, что «эта свобода, предлагаемая человѣку, предоставляетъ ему право безнаказанно извращать или отвергать священнѣйшую изъ обязанностей».)—«Государство не имѣетъ причинъ поклоняться Богу въ той или другой формѣ, или оказывать предпочтеніе той или другой формѣ богопочитанія». (Папа объясняетъ, что «справедливость и разумъ не дозволяютъ государству быть атеистомъ, или, что сводится на одно и то-же, имѣть одинаковыя чувства по отношенію къ различнымъ религіямъ и предоставлять имъ безразлично одинаковыя права»). Что касается свободы слова и печати, то папа признаетъ лишь «право распространять свободно и осто-

завоеванія нашей эпохи». Въ противоположность *либерализму*, папа объясняетъ сущность той *терпимости*, которая допускается Церковью и которая не должна имѣть характеръ ненарушимаго принципа *).

Энциклика «о покровительствѣ св. Іосифа и Пресвятой Дѣвы, о которомъ слѣдуетъ молиться въ виду трудностей настоящаго времени» (1889 г.), объявляетъ, что настоящее время «лишь мало уступаетъ по тѣмъ бѣдствіямъ, которыя претерпѣваетъ христіанское общество, самымъ бѣдственнымъ эпохамъ прошлаго».

По отношенію къ итальянскому правительству, Левъ XIII сохранилъ то же положеніе, какъ и Пій IX. Онъ никогда не переставалъ требовать возвращенія папѣ свѣтской власти, какъ необходимаго условія для свободы папскаго престола и для безпрепятственнаго осуществленія духовной власти. Каждый годъ, въ торжественныхъ аллокуціяхъ, обращенныхъ къ кардиналамъ въ годовщину своего восшествія на папскій престолъ (5 марта), или по случаю Рождества, онъ возобновлялъ протестъ противъ занятія Рима и подтверждалъ права папскаго престола *). Такъ же, какъ и Пій IX, онъ продолжалъ объявлять себя нравственно плѣннымъ и вмѣнилъ себѣ въ правило никогда не выходить изъ Ватикана. Никогда не признавалъ онъ итальянскаго правительства; онъ не извѣстилъ его даже о своемъ восшествіи на папскій престолъ, онъ отказывался вступать съ нимъ въ переговоры, не хотѣлъ признавать закона о гарантіяхъ и даже не принималъ субсидіи, назначенной ему итальянскимъ правительствомъ. Онъ запретилъ итальянскимъ католикамъ участвовать въ выборахъ. Каждый разъ какъ распространялся слухъ о предстоящемъ примиреніи между папою и итальянскимъ королемъ, Левъ XIII принималъ мѣры для категорическаго опроверженія этого слуха. Когда нѣкоторыя духовныя лица осмѣлились предложить примиреніе (Курчи въ 1884 году, Тости въ 1887), папа отрекся отъ всякой солидарности съ ними и принудилъ ихъ взять свое предложеніе назадъ. Католическіе государи, посѣщавшіе итальянскаго короля, не были приняты въ Ватиканѣ (Левъ XIII соглашался принимать при этихъ условіяхъ только протестантскихъ государей). Нѣсколько разъ (въ 1883, 84, 89 гг.) распространялся слухъ, что папа хочетъ перенести свою резиденцію за предѣлы Италіи. Пилигримы продолжали смотрѣть на папу, какъ на государя Рима, и иногда производили манифестаціи съ крикомъ: «да здравствуетъ папа-король!»

Такъ же какъ и Пій IX, Левъ XIII велъ постоянную войну съ масонами; онъ издалъ противъ нихъ спеціальную энциклику и посланіе къ итальянскому народу, гдѣ предписываетъ вѣрующимъ избѣгать всякаго общенія съ людьми, подозрѣваемыми въ принадлежности къ франмасонству или къ обществамъ, являющимся отраслями послѣдняго.

Но практическая политика Льва XIII отличалась отъ политики Пія IX. Вмѣсто того, чтобы бороться противъ правительствъ, онъ вступалъ съ ними въ переговоры (за исключеніемъ одного итальянскаго правительства, такъ какъ тутъ ему пришлось бы поступиться принципомъ свѣтской власти папы); вмѣсто того, чтобы затягивать борьбу, онъ старался ее остановить. Такъ, ему удалось возобновить дипломатическія сношенія, прерванныя Піемъ IX, съ Швейцаріей, съ Германской имперіей, съ Россіей. Во Фран-

---

рожно то, что истинно и сообразно съ нравственностью»; относительно-же «лживыхъ мнѣній, справедливость требуетъ, чтобы государственная власть подавляла ихъ, дабы они не распространялись, на погибель государству».

*) «Церковь горячо желала-бы, чтобы христіанскія начала проникли на практикѣ во всѣ сферы государственной жизни. Ибо они обладаютъ великой силой для исцѣленія недуговъ нашего времени... порожденныхъ, большею частью, этими хваленными вольностями... Если хотятъ найти лекарства, то пускай его ищутъ въ возвратѣ къ здравымъ ученіямъ... Тѣмъ не менѣе, Церковь, въ своемъ материнскомъ благоразуміи, принимаетъ въ разсчетъ человѣческую слабость и знаетъ силу того теченія, которое увлекаетъ нашу эпоху. По этой причинѣ она, хотя и признаетъ *права* лишь за тѣмъ, что истинно и нравственно, не возбраняетъ государственной власти терпѣть нѣкія уклоненія отъ истины и справедливости, во избѣжаніе большаго зла, или ради достиженія и сохраненія большаго блага... Но, чѣмъ необходимѣе въ данномъ государствѣ терпѣть зло, тѣмъ болѣе такое государство удаляется отъ совершенства, и терпимость, оказываемая злу, должна быть строго ограничена тѣми предѣлами, которые указываются самыми причинами, ее вызывающими, т. е. соображеніями общественнаго спасенія... Если, въ виду особыхъ условій, въ которыя поставлено государство, церковь иногда и даетъ свое согласіе на допущеніе нѣкоторыхъ изъ современныхъ вольностей, не потому, чтобы онѣ казались ей предпочтительными сами по себѣ, а потому, что она считаетъ умѣстнымъ ихъ дозволить,—то она, въ случаѣ, еслибы времена улучшились, не преминула-бы воспользоваться своей свободой для исполненія долга, возложеннаго на нее Богомъ: пещись о вѣчномъ спасеніи людей. Несомнѣнна, во всякомъ случаѣ, та истинна, что свобода, предоставленная всѣмъ и во всемъ, не желательна сама по себѣ, ибо разумъ не допускаетъ, чтобы ложное имѣло одинаковыя права съ истиннымъ».—Папа осуждаетъ не только «отдѣленіе церкви отъ государства», но и то ученіе, по которому «не дѣло церкви издавать законы, судить, наказывать, и она должна ограничиваться лишь увѣщаніемъ, стремленіемъ подѣйствовать на убѣжденія и руководящей ролью относительно тѣхъ, которые добровольно ей подчиняются».

*) Онъ, кромѣ того, спеціально протестовалъ противъ закона, который передалъ итальянскому правительству управленіе имуществами *пропаганды*—международной конгрегаціи, которая должна была оставаться вполнѣ независимо отъ свѣтской власти (1884 г.),—а также противъ анти-католическихъ манифестацій, происходившихъ по случаю перенесенія праха Пія IX (1887 г.). Наконецъ онъ протестовалъ и противъ сооруженія памятника въ честь Джіордано Бруно (1889 г.).

ціи, во время борьбы противъ конгрегацій (1880 г.), онъ избѣгалъ открытой ссоры и ограничивался только тѣмъ, что одобрялъ протесты французскихъ епископовъ.—Вмѣсто того чтобы предоставлять католикамъ различныхъ странъ вести борьбу въ разбродъ, онъ пытался сосредоточить въ своихъ рукахъ общее руководство дѣятельностью католическихъ партій и прессы, съ тѣмъ, чтобы согласовать эту дѣятельность и направлять къ одной цѣли.

Политика его, повидимому, состояла въ томъ, чтобы создать въ каждой странѣ католическую партію, достаточно сильную для того, чтобъ союзъ съ нею представлялся желательнымъ,—и затѣмъ предлагать этотъ союзъ правительствамъ подъ условіемъ уступокъ въ пользу церкви. Въ Германіи Левъ XIII заставилъ *центръ* подать голоса въ пользу военнаго закона и, послѣ долгихъ переговоровъ, добился мало-помалу отмѣны мѣръ, принятыхъ во время *культуркампфа* (за исключеніемъ гражданскаго брака и измѣненій въ прусской конституціи). Въ Англіи онъ помогъ правительству въ его борьбѣ противъ ирландской агитаціи, пославъ въ Ирландію нунція, который высказался противъ аграрной лиги. Во Франціи, послѣ пораженія консерваторовъ въ 1889 г., онъ пытался создать католическую партію и съ этой цѣлью повелѣлъ католикамъ республиканцамъ признать конституцію, съ тѣмъ чтобы подготовить отмѣну законовъ, не согласныхъ съ правами церкви.

Такимъ образомъ папа пришелъ къ необходимости вмѣшательства во внутреннюю политику государствъ. Въ началѣ онъ натолкнулся при этомъ на сопротивленіе предводителей католическихъ партій, привыкшихъ руководить тактикой своей партіи; подобныя столкновенія вышли у него съ ирландцами въ 1883 и 1887 гг., съ германскимъ центромъ въ 1887 г., съ французскими консерваторами въ 1891 г. Вожди этихъ партій доказываютъ, что существуетъ различіе между вопросами вѣры, въ которыхъ каждый католикъ обязанъ повиноваться папѣ, и вопросами мірскими, въ которыхъ каждый сохраняетъ свою независимость. Левъ XIII осудилъ этотъ взглядъ, какъ несогласный съ законною властью папскаго престола, такъ какъ папа, будучи главою церкви, есть единственный судья того, чего требуютъ интересы церкви; вѣрующіе не компетентны въ установленіи границъ своему повиновенію. Монархическое единство власти въ управленіи религіозными дѣлами, провозглашенное Ватиканскимъ соборомъ, логически приводило къ единству въ руководствѣ политическою дѣятельностью всѣхъ католиковъ.

Послѣ соціально-политическихъ попытокъ германскаго правительства, Левъ XIII вмѣшался также въ соціальное движеніе въ своей знаменитой энцикликѣ «о положеніи рабочихъ» (1891 г.); онъ осуждалъ соціализмъ, порицалъ стачки, проповѣдывалъ согласіе между капиталомъ (*res*) и трудомъ (*opera*), восхвалялъ рабочія корпораціи и совѣтовалъ основывать общества на началахъ частной иниціативы, преимущественно же католическіе рабочіе клубы.

Левъ XIII стремился также вернуть православныя церкви на лоно католическаго единства. Еще въ 1884 г., принимая въ торжественной аудіенціи католическихъ пилигримовъ изъ славянскихъ земель (кроатовъ, чеховъ и галичанъ), явившихся подъ предводительствомъ главы національной кроатской партіи, епископа Штросмайера, папа выразилъ надежду на возсоединеніе великой славянской націи съ католицизмомъ. Въ 1894 году онъ издалъ энциклику, обращенную «къ государямъ и народамъ вселенной», въ которой призывалъ восточныя церкви и даже протестантовъ къ возсоединенію; онъ созвалъ конференцію съ цѣлью подготовить соединеніе церквей и издалъ регламентъ для восточныхъ церквей, соединившихся съ Римомъ; въ этомъ регламентѣ онъ гарантировалъ имъ неприкосновенность ихъ богослужебныхъ обрядовъ.

Втеченіе XIX столѣтія государство отняло у католической церкви въ Европѣ всякую матеріальную власть. Оно упразднило обязательное единство вѣры и замѣнило его религіозной свободой. Но, благодаря фактическому сосредоточію всей церковной власти въ лицѣ папы, ставшаго абсолютнымъ государемъ,—благодаря возникновенію во всѣхъ странахъ парламентскихъ католическихъ партій, подчиненныхъ одному общему центру,—благодаря умноженію личнаго состава духовенства какъ монашествующаго, такъ и бѣлаго,—а также благодаря увеличенію богатствъ церкви и созданію католическихъ низшихъ и высшихъ школъ, Церковь безспорно пріобрѣла соціальное и политическое могущество, болѣе значительное, чѣмъ та официальная власть, которой она лишилась.

ГЛАВА XXIII.

Международныя революціонныя партіи.

Франмасоны и карбонаріи. — Республиканская „Молодая Европа". — Соціалистическія школы.—Коммунистическія партіи.—Революціонныя партіи во время революціи 1848 г. и реакціи.—Интернаціоналъ.—Выработка соціалистической программы въ Германіи.—Анархическія партіи.—Возникновеніе національныхъ соціалистическихъ партій.—Тактика революціонныхъ партій.—Международные соціалистическіе конгрессы.

Франмасоны и карбонаріи. — Масонство, ставшее къ XVIII ст. обществомъ пропаганды гуманитарныхъ идей, было уже тогда международной федераціей, хотя и не имѣло характера политической партіи. Но, работая надъ установленіемъ религіозной свободы, оно вступило въ борьбу съ духовенствомъ и было имъ осуждено какъ ересь (1738, 1751); оно дѣлалось революціоннымъ обществомъ въ той мѣрѣ, въ какой подготовляло паденіе принудительной власти церкви.

Когда, послѣ великой революціи, европейскія государства получили вполнѣ свѣтскій характеръ, масонство сдѣлалось мирнымъ обществомъ безъ опредѣленной политической задачи. Послѣ Реставраціи, въ странахъ, сохранившихъ свободу вѣроисповѣданій, оно хотя и осталось по внѣшности тайнымъ обществомъ, съ тайными обрядами и собраніями, но на дѣлѣ правительства относились къ нему терпимо и по временамъ даже поощряли его. Масонскія ложи набирали своихъ членовъ въ средѣ зажиточной буржуазіи, даже среди высшихъ чиновниковъ, и выбирали на высшія степени своего ордена членовъ правительства. Въ странахъ южной Европы, гдѣ католичество снова стало обязательной религіей, франмасонство было дѣйствительно тайнымъ обществомъ, запрещеннымъ, преслѣдуемымъ и, слѣдовательно, революціоннымъ, набиравшимъ своихъ членовъ, главнымъ образомъ, среди свободомыслящей буржуазной молодежи и недовольнаго офицерства. Въ Испаніи, Португаліи, Италіи и, въ особенности, въ Церковной Области франмасоны составляли заговоры противъ правительства.

Свобода вѣрованій была единственнымъ общимъ принципомъ масонства; оно мирилось со всякимъ образомъ правленія, и его члены не выдавали себя за приверженцевъ республиканской формы государственнаго устройства; однако оно вездѣ набирало своихъ членовъ среди либеральныхъ партій, враждебныхъ духовенству и его союзнику—абсолютной власти. Франмасонство было организовано въ автономныя *ложи*, соединенныя въ федерацію, обыкновенно національную; каждая нація имѣла своего великаго мастера и верховный совѣтъ.

Франмасоны разныхъ странъ поддерживали взаимныя сношенія и имѣли условные международные знаки, по которымъ узнавали другъ друга; весьма вѣроятно, что масоны конституціонныхъ государствъ дѣйствовали противъ правительствъ, преслѣдовавшихъ ихъ собратьевъ; возможно также, что изъ страны въ страну они переносили нѣкоторый, довольно впрочемъ неопредѣленный, идеалъ свободнаго конституціоннаго режима. Но существовалъ ли на ряду съ офиціальными организаціями отдѣльныхъ странъ еще тайный международный комитетъ, который стремился бы, помимо распространенія общеизвѣстныхъ доктринъ и задачъ, вызывать революціи для установленія повсюду свѣтскаго и республиканскаго образа правленія? Исторія не можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ; извѣстно лишь, что масонство не имѣло единства политической доктрины, что многіе революціонные вожди были франмасонами, что нѣкоторые изъ нихъ дѣлались членами масонскихъ ложъ съ цѣлью пріобрѣтать тамъ сторонниковъ, а быть можетъ и для того, чтобы вести тамъ революціонную пропаганду. Но ничто не доказываетъ, чтобы они подготовляли революціи *въ качествѣ франмасоновъ*.

Правительства эпохи Реставраціи относились различно къ масонству. Протестантскія страны предоставляли ему свободу. Во Франціи либеральныя министерства (Деказъ) покровительствовали ему. Императоръ Александръ I поощ-

рялъ въ Россіи основаніе масонскихъ ложъ. Наоборотъ, Меттернихъ запретилъ всѣ общества и указывалъ другимъ правительствамъ на опасную дѣятельность *сектъ* (этимъ именемъ онъ называлъ всякое общество съ политической или религіозной цѣлью, даже мистиковъ и библейскія общества). Дѣятельность обществъ нѣмецкихъ студентовъ, носившая вѣроятно чисто національный характеръ и не имѣвшая никакого отношенія къ масонству, а въ особенности революціи въ Испаніи и въ Италіи дали Меттерниху поводъ обратиться къ императору Александру съ предложеніемъ закрыть тайныя общества (1820—1821 г.). Александръ рѣшился запретить франмасонство въ Россіи (1822 г.).

Послѣ возстановленія абсолютизма въ Неаполѣ, тайное общество Карбонаріевъ, бывшее до тѣхъ поръ исключительно итальянскимъ, вошло въ сношенія съ революціонерами Франціи, быть можетъ даже съ франмасонами. Тогда-то основатели масонской ложи «Друзей истины»—Бюшэ, Жуберъ, Базаръ, Флоттаръ—создали, по итальянскому образцу, *французское общество карбонаріевъ* (1821 г.). Но общество это носило національный характеръ, имѣло національную программу и желало изгнанія Бурбоновъ. Единственной международной организаціей былъ *Космополитическій Союзъ*, основанный вождями французскихъ либераловъ (Лафайетомъ).

Дѣятельность всѣхъ этихъ тайныхъ обществъ проявилась лишь въ неудавшихся революціяхъ въ Испаніи и въ Италіи, въ мертворожденныхъ заговорахъ противъ Бурбоновъ (1820—1822 г.), да еще, быть можетъ, въ возстаніи русскихъ *декабристовъ;* но эти общества содѣйствовали во Франціи образованію маленькой республиканской партіи, совершившей революцію 1830 г., а въ Бельгіи—созданію либеральной партіи, организованной Дэфакомъ, великимъ мастеромъ франмасоновъ.

Республиканская «Молодая Европа». — Послѣ 1830 г. во многихъ странахъ, въ особенности въ государствахъ со слабымъ правительствомъ—въ Германіи, средней Италіи, Польшѣ—были образованы, по образцу французской, республиканскія партіи, набиравшія своихъ членовъ среди молодежи и рабочихъ. Партіи эти находились въ сношеніяхъ другъ съ другомъ, но у нихъ не было никакого объединяющаго международнаго учрежденія; ихъ дѣятельность въ каждой странѣ ограничивалась лишь манифестаціями въ пользу революціонеровъ другихъ странъ; они требовали, главнымъ образомъ, вмѣшательства правительствъ для оказанія помощи полякамъ, возставшимъ противъ Россіи, и инсургентамъ Папской Области.

Послѣ нѣсколькихъ неудавшихся возстаній, Мадзини взялся за организацію такого политическаго общества, которое методически подготовляло бы революціи для установленія свѣтской и демократической республики. Организація эта вначалѣ была чисто итальянской, имѣвшей свой центръ за границей; но очень скоро она распространилась на всю Европу. *Молодая Италія* сдѣлалась вѣтвью *Молодой Европы*. Она была основана съ цѣлью объединенія всей Италіи въ одно государство, въ «единую и нераздѣльную республику»; члены этого общества обязывались повиноваться и хранить тайну; тайный судъ осуждалъ измѣнниковъ и возлагалъ на членовъ обязанность закалывать ихъ кинжаломъ.

Мадзини удалось организовать нѣсколько національныхъ секцій (Молодая Италія, Молодая Польша, Молодая Германія, Молодая Швейцарія, Молодая Франція, Молодая Испанія), набиравшихъ своихъ членовъ среди людей моложе сорока лѣтъ, главнымъ образомъ, среди буржуазіи; секціи эти были объединены на началахъ федераціи, руководилъ ими самъ Мадзини. Чрезвычайно энергичная дѣятельность Мадзини привела лишь къ нѣсколькимъ заговорамъ, неудавшимся вооруженнымъ возстаніямъ и убійствамъ. Послѣ 1848 г. Молодая Европа распалась, не достигнувъ никакихъ положительныхъ политическихъ результатовъ. Но республиканскія группы во Франціи, Германіи, Швейцаріи и Польшѣ были революціонными центрами, гдѣ впервые возникали коммунистическія и соціалистическія партіи.

Мадзини продолжалъ составлять заговоры въ пользу установленія въ Италіи республики и изгнанія австрійцевъ. Онъ внушилъ Орсини мысль о покушеніи на Наполеона III, виновнаго въ несдержаніи данной имъ клятвы освободить Италію. Въ то время, какъ совершалось объединеніе Италіи (1859—1870 г.), Мадзини находился въ сношеніяхъ съ итальянскимъ правительствомъ (быть можетъ, даже съ самимъ королемъ Викторомъ-Эммануиломъ), съ венгерскими эмигрантами (Кошутомъ, генералами Тюрромъ и Клапкой), съ польскими повстанцами; онъ пытался организовать общее возстаніе въ Австріи (1859—1866 г.). Тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ интернаціональной партіей, а лишь съ коалиціей революціонеровъ отдѣльныхъ націй.

Соціалистическія школы.—Въ то время, какъ республиканскія партіи готовились къ политической революціи, на сцену выступили другого рода партіи, стремившіяся къ революціи соціальной.

Движеніе это началось одновременно въ Англіи и во Франціи въ эпоху Реставраціи (1814—1830 г.); это было время медленнаго и смутнаго процесса выработки доктринъ. Мирные филантропы *): въ Англіи—Овенъ и Томсонъ, во

*) Въ задачу этой исторіи не входитъ разсказъ о жизни теоретиковъ соціализма, ни детальное изложеніе ихъ ученій; мы здѣсь укажемъ лишь на ихъ политическую дѣятельность.

Франціи—Сенъ-Симонъ и Фурье занялись критикой современнаго общества. Продолжая ее съ того пункта, на которомъ остановились философы XVIII вѣка, они не удовольствовались критикой политическихъ учрежденій, а подвергли ей и соціальныя учрежденія (частную собственность, наслѣдство, семью, договоръ найма), считавшіяся всѣми философами и экономистами непоколебимой основой соціальной жизни. Развитіе крупной промышленности начало вносить такія перемѣны въ соціальный строй, которыя въ наиболѣе передовыхъ странахъ—въ Англіи и во Франціи—давали себя уже замѣтно чувствовать; образовался новый классъ наемныхъ рабочихъ, живущихъ исключительно заработной платой и обреченныхъ во время кризисовъ на нищету, связанную съ безработицей. Стали говорить о *пролетаріяхъ*, обозначая этимъ старымъ латинскимъ словомъ новый общественный классъ, и о *пауперизмѣ*, этомъ новомъ видѣ нищеты, порожденной богатствомъ промышленности.

Можно свести критику первыхъ теоретиковъ соціализма, весьма разнообразную по формѣ, къ двумъ основнымъ положеніямъ:

1) Общество было до сихъ поръ слишкомъ жестоко по отношенію къ бѣднякамъ; на ихъ долю выпадаетъ слишкомъ много страданій, слишкомъ низкая и невѣрная рабочая плата при тяжелой, одуряющей и нездоровой работѣ, при слишкомъ длинномъ рабочемъ днѣ, при рабской зависимости отъ хозяина и его надсмотрщиковъ, при грязныхъ, тѣсныхъ и вредныхъ для здоровья помѣщеніяхъ и скверной пищѣ; рабочіе обречены на жизнь грустную и безпорядочную, ихъ жены и дочери—на проституцію. Протестъ противъ такого режима принималъ сентиментальную форму состраданія къ бѣднымъ, негодованія противъ богатыхъ, перемѣшанныхъ съ напоминаніемъ о христіанскихъ принципахъ и съ декламаціей. Во Франціи протестъ этотъ былъ выраженъ формулой: «каждому по его потребностямъ», или, на юридическомъ языкѣ, признаніемъ за каждымъ *права на существованіе*.

2) Общество организовано не такъ, какъ предписываетъ справедливость. Право собственности и наслѣдства дѣлятъ людей на два неравныхъ класса. Изъ этого неравенства, освященнаго закономъ, въ противность принципамъ 1789 г., вытекаетъ несправедливость въ распредѣленіи продуктовъ труда; продуктъ достается капиталисту, рабочему же капиталистъ даетъ лишь заработную плату очевидно ниже ея дѣйствительной стоимости, потому что хозяинъ обогащается, хотя не онъ произвелъ продуктъ. Отсюда вытекало требованіе, выраженное формулой: «каждому по его дѣламъ», или на юридическомъ языкѣ—*право на полный продуктъ труда*. Комбинируя обѣ формулы, пришли къ требованію *права на трудъ*, права на существованіе посредствомъ труда.

Авторы этой соціальной критики, позже названные *соціалистами*, приписывали пороки общества его экономической организаціи, частной собственности, наслѣдственному праву, договору о наймѣ, свободной конкуренціи (которую они также обвиняли въ расточеніи производительныхъ силъ). Въ предлагаемыхъ ими средствахъ они расходились. Но уже до 1830 г. были изложены двѣ системы, одна—Овена (см. гл. III) и другая—Сенъ-Симона, усовершенствованная Базаромъ. Офиціальный органъ сенъ-симонистовъ, *Globe*, печатавшійся съ 1830 года, имѣлъ своимъ девизомъ: «Всѣ соціальныя учрежденія должны имѣть цѣлью улучшеніе моральныхъ, матеріальныхъ и интеллектуальныхъ условій жизни класса наиболѣе бѣднаго и наиболѣе многочисленнаго; всѣ безъ исключенія привилегіи по рожденію должны быть уничтожены. Каждому по его способностямъ, каждой способности по ея дѣламъ».

Второе поколѣніе соціалистовъ—во Франціи: Пьеръ Леру, Консидеранъ, Луи Бланъ, Прудонъ,—въ Германіи: Родбертусъ и Марло (псевдонимъ Винкельблеха), закончило эту соціальную критику.

За исключеніемъ Луи Блана, всѣ соціалисты стояли внѣ политической жизни и ограничивались пропагандой своихъ идей. Нѣкоторые сдѣлали попытку создать образцовое общество, чтобы въ малыхъ размѣрахъ произвести опытъ предлагаемой ими реформы (сенъ-симонисты, Овенъ, фурьеристы, Кабэ, икарійцы); но они не составляли политическихъ партій. Однако они были творцами соціализма. Ими была дана вся критика существующаго общества, всѣ формулы; ими были указаны даже всѣ практическіе пути дѣятельности и необходимости съ соціалистической точки зрѣнія реформы. Еще ранѣе 1848 г. говорилось объ «эксплоатаціи человѣка человѣкомъ», о «правѣ на трудъ», о «прибавочной стоимости», объ анархизмѣ, соціалъ-демократіи, о борьбѣ классовъ, рабочей партіи, международномъ единеніи рабочихъ, объ освобожденіи пролетаріата, организаціи труда, промышленной федераціи; предлагались производительныя ассоціаціи, національныя мастерскія, даровой кредитъ, банкъ для обмѣны продуктовъ, пенсіонныя кассы, охранительные рабочіе законы, коллективная собственность, прогрессивный налогъ, всеобщія стачки, восьмичасовой рабочій день, рабочіе конгрессы.

Соціалистическія партіи, образовавшіяся потомъ, жили на счетъ духовной работы первой половины этого столѣтія.

Коммунистическія партіи. — Соціалистическія школы не образовали революціонной партіи. Движеніе въ сторону соціальной революціи обнаружилось вначалѣ въ партіи парижскихъ республиканскихъ революціонеровъ подъ формой возрожденія коммунизма Бабефа; Буонаротти, остав-

шійся въ живыхъ послѣдователь Бабефа, обратилъ въ свою вѣру Вуайе д'Аржансона *), а позже всѣхъ обвинявшихся по апрѣльскому процессу; отъ французской республиканской партіи отдѣлилась партія *коммунистовъ*, требовавшая соціальной революціи путемъ уничтоженія собственности; ея доктрина была впрочемъ разработана весьма слабо, это была прежде всего партія дѣйствія. Но пропаганда коммунизма распространилась и на Германію.

Въ Германіи въ демократической революціонной партіи 1833 г. произошелъ расколъ, какъ и во Франціи. Бюхнеръ основалъ въ Гессенѣ тайное общество *Правъ человѣка* и обратился къ крестьянамъ съ воззваніемъ, начинавшимся словами: «Миръ хижинамъ! Война дворцамъ!». Онъ объявлялъ политическую революцію невозможной безъ революціи соціальной.

Въ Парижѣ рабочіе и нѣмецкіе эмигранты основали тайное общество *союзъ справедливыхъ*, принявшее скоро названіе *союза коммунистовъ* и организовавшійся въ федерацію. Оно состояло изъ группъ, называвшихся *коммунами* и объединенныхъ въ *кружки*, которые отправляли своихъ делегатовъ на *конгрессъ*, гдѣ выбиралась *центральная власть* для управленія всей лигой. *Союзъ коммунистовъ* имѣлъ сношенія съ рабочими кружками самообразованія и старался вербовать тамъ членовъ.

Союзъ, основанный въ Парижѣ, вербовалъ своихъ членовъ во всѣхъ странахъ, пользовавшихся политической свободой. Его развѣтвленія образовались: въ Швейцаріи, гдѣ поселился портной Вейтлингъ и велъ пропаганду среди нѣмецкихъ рабочихъ **); въ Англіи, гдѣ эмигрантъ Шапперъ основалъ въ Лондонѣ «коммуну»; въ Бельгіи, гдѣ Карлъ Марксъ и Энгельсъ основали брюссельскую группу. Нѣмцы преобладали во всѣхъ этихъ группахъ: то были главнымъ образомъ наиболѣе достаточные рабочіе и евреи, находившіеся въ связи съ радикальными нѣмецкими поэтами, Фрейлигратомъ, Гервегомъ, Гуцковомъ, и съ демократами, редактировавшими газету *Vorwärts*. Французское правительство запретило газету и изгнало нѣкоторыхъ изъ ея редакторовъ: Карла Маркса, отправившагося въ Брюссель, Моисея Гесса, вернувшагося въ Германію. Тогда же образовался въ области рейнскаго бассейна (Кельнъ, Триръ, Дюссельдорфъ) центръ коммунистической пропаганды, печатавшій запрещенныя изданія.

Чтобы укрыться отъ преслѣдованій, послѣдовавшихъ за процессомъ Бланки-Барбеса (1840 года), центральное управленіе *Союза* перенесло свою резиденцію изъ Парижа въ Лондонѣ, гдѣ оно и оставалось до 1848 г. Въ 1846 г. оно убѣдило Маркса и Энгельса, жившихъ тогда въ Брюсселѣ, вступить въ *Союзъ* и поручило имъ составить манифестъ. Манифестъ этотъ—знаменитый *манифестъ коммунистической партіи*—былъ одобренъ на конгрессѣ 1847 г. Опубликованный въ началѣ 1848 г., передъ революціей, онъ тогда прошелъ незамѣченнымъ; но въ послѣднее время онъ сдѣлался евангеліемъ коллективистической партіи, такъ какъ онъ уже заключаетъ въ сжатой и пламенной формѣ всю доктрину Маркса. Онъ состоитъ изъ четырехъ частей: 1) *буржуа и пролетаріи*, исторія соціальной эволюціи *); 2) *пролетаріи и коммунисты*, обоснованіе ученія и практической программы партіи **); 3) *соціалистическая и*

*) Основныя идеи слѣдующія: 1) «Исторія всякаго общества была до нашихъ дней исторіей *борьбы классовъ*. Общество все болѣе и болѣе распадается на два враждебныхъ класса—буржуазію и пролетаріатъ». 2) «Всякая борьба классовъ есть борьба политическая». «Политическая власть есть организованное господство одного класса, притѣсняющаго другой». «Современное правительство является лишь комитетомъ для администраціи дѣлъ буржуазіи». 3) «Крупная промышленность создала міровой рынокъ». «Благодаря міровому рынку, буржуазія придала промышленности всѣхъ странъ космополитическій характеръ, она лишила индустрію ея національной основы». Общество сдѣлалось интернаціональнымъ. 4) «Буржуазія... создала производительныя силы болѣе разнообразныя и болѣе колоссальныя, чѣмъ всѣ предшествующія поколѣнія, но буржуазный строй сдѣлался слишкомъ тѣснымъ и болѣе не вмѣщаетъ въ себѣ созданныхъ имъ богатствъ», отсюда «парадоксальная эпидемія перепроизводства». Буржуазія создала *кризисы*, все шире и шире захватывающіе индустрію. 5) «Буржуазія создала также... людей, которые ее уничтожатъ, современныхъ рабочихъ, *пролетаріевъ*... сосредоточенныхъ на фабрикахъ, организованныхъ по военному». Они «дѣлаются все сильнѣе и начинаютъ сознавать свою силу»; ихъ ряды наполняются мелкой буржуазіей, ремесленниками, крестьянами, превращающимися въ пролетаріевъ, и «тѣми идеалистами изъ буржуазіи, которымъ удалось понять движеніе». 6) «До сихъ поръ всѣ историческія движенія были движеніями меньшинства въ пользу меньшинства. Движеніе же пролетаріата есть движеніе громаднаго большинства въ пользу большинства». «Въ началѣ, въ каждой отдѣльной странѣ это движеніе является національнымъ. Но оно сдѣлается интернаціональнымъ, потому что рабочіе не имѣютъ отечества».

**) Коммунисты защищаютъ «общіе интересы пролетаріата», ихъ положенія не являются измышленіями міровыхъ реформаторовъ, они лишь «выражаютъ реальныя условія существующей борьбы классовъ, опредѣленнаго историческаго движенія»; ихъ цѣль заключается въ томъ, чтобы организовать пролетаріатъ въ классовую партію для завоеванія политической власти и уничтоженія буржуазной собственности, созданной трудомъ наемныхъ рабочихъ и присвоенной капитали-

*) Д'Аржансонъ и Ш. Тестъ подверглись въ 1833 г. преслѣдованію за брошюру коммунистическаго содержанія. Тестъ предлагалъ соціальную реформу, по которой: «§ 1. Всякое имущество, движимое и недвижимое... принадлежитъ народу, который одинъ имѣетъ право на распредѣленіе его. § 2. Трудъ обязателенъ для всякаго гражданина».

**) Вейтлингъ проповѣдывалъ сентиментальную доктрину—свободу, равенство, гармонію; онъ хотѣлъ совершить безкровную революцію, одною критикою собственности. *Евангеліе бѣднаго рыболова* (1843 г.) было коммунистическимъ толкованіемъ христіанскаго ученія.

коммунистическая литература, критика соціалистическихъ доктринъ: *соціализмъ реакціонный*, *мелкобуржуазный*, *нѣмецкій*, соціализмъ *консервативный и буржуазный* (Прудонъ), *соціализмъ и коммунизмъ критико-утопическій* (Овенъ, Фурье, Кабэ); *4) отношеніе коммунистовъ къ различнымъ партіямъ оппозиціи*, тактика партіи.

Заключеніе манифеста носитъ интернаціональный и революціонный характеръ. Коммунисты работаютъ надъ объединеніемъ демократическихъ партій всѣхъ странъ. Они считаютъ унизительнымъ скрывать свои взгляды и свои цѣли. Они заявляютъ во всеуслышаніе, что эти цѣли не могутъ быть достигнуты безъ насильственнаго низверженія всего существующаго соціальнаго строя». И манифестъ заканчивается знаменитымъ воззваніемъ: «*пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь*».

Революціонныя партіи во время революціи 1848 г. и реакціи.—Революціонныя партіи съ политическими или соціальными задачами, демократическіе республиканцы, соціалисты и коммунисты до 1848 г. представляли въ Европѣ лишь небольшія группы, изолированныя и разсѣянныя по нѣсколькимъ городамъ; преслѣдуемыя полиціей, эти группы были вынуждены заниматься подпольной дѣятельностью и часто спасаться бѣгствомъ; большая публика ихъ не знала или не обращала на нихъ вниманія. Революція 1848 г., поднятая во имя равенства и республики, возбудила надежды у всѣхъ революціонеровъ Европы. Политическіе эмигранты возвратились въ свое отечество, въ Германію и Италію, чтобы принять участіе въ революціи. Революціонеры разныхъ странъ находились во взаимныхъ сношеніяхъ; многіе отправлялись за границу, чтобы помогать возставшимъ демократамъ въ ихъ борьбѣ противъ правительствъ. Особенно много поляковъ принимало участіе во всѣхъ европейскихъ возстаніяхъ, и революціонныя партіи Франціи и Германіи требовали вмѣшательства въ пользу Польши. Однако революція 1848 г. не была дѣломъ международной партіи. Революціонеры разныхъ національностей поддерживали другъ друга примѣромъ, но произведенныя ими революціи носили чисто національный характеръ и не имѣли никакого общаго руководительства.

Во Франціи революціонеры, захватившіе власть, раздѣлились на демократовъ-республиканцевъ, противниковъ соціальной революціи, и демократовъ-соціалистовъ; раздоръ между ними разрѣшился гражданской войной. Такого раскола не произошло среди республиканцевъ другихъ странъ, гдѣ они были вынуждены бороться противъ монархическаго правительства (Пруссія, Германія, Австро-Венгрія, Италія). Разногласіе доктринъ осталось чисто теоретическимъ и не помѣшало коммунистамъ и соціалистамъ дѣйствовать заодно съ демократами-республиканцами. Въ Германіи было основано нѣсколько рабочихъ обществъ. «Соціалъ-демократическій рабочій союзъ» созвалъ въ Берлинѣ въ августѣ 1848 г. рабочій конгрессъ, на которомъ было основано *братство*, федерація нѣмецкихъ рабочихъ, принявшая участіе въ баденской и дрезденской революціяхъ. На западѣ, въ Кельнѣ, Карлъ Марксъ основалъ коммунистическій органъ; тамъ же была учреждена соціалистическая рабочая ассоціація, принявшая на собраніи резолюцію въ пользу «демократической и соціальной республики». Послѣ берлинскаго государственнаго переворота коммунисты опубликовали прокламацію, въ которой призывали къ отказу отъ уплаты налоговъ; Марксъ въ Кельнѣ, Лассаль въ Дюссельдорфѣ подверглись преслѣдованію судомъ за призывъ къ возмущенію. Въ франкфуртскомъ парламентѣ засѣдало нѣсколько соціалистовъ, которые потребовали права на трудъ. Въ Италіи движеніе осталось демократическимъ и національнымъ.

Реакція 1849—1850 гг. уничтожила группы революціонеровъ; коммунистовъ преслѣдовали въ Германіи, во Франціи и даже въ Бельгіи и Швейцаріи, и они вынуждены были искать убѣжища въ Лондонѣ. *Союзъ* здѣсь реорганизовался и попытался возобновить связи съ *коммунами* Германіи, Франціи, Швейцаріи; но самъ *Союзъ* распался на двѣ группы, изъ коихъ одна (Виллихъ) стремилась продолжать подготовленіе къ вооруженному возстанію, другая же (Карлъ Марксъ) хотѣла ограничиться одной пропагандой. Группа Маркса перебралась въ Кельнъ и тамъ была захвачена полиціей 1851 г. Процессъ кельнскихъ коммунистовъ, окончившійся осужденіемъ ихъ за государственную измѣну, заставилъ Маркса признать эту группу распущенной. По требованію Пруссіи и Австріи, германскій Сеймъ въ 1854 г. вотировалъ декретъ, которымъ всѣ нѣмецкія правительства обязывались распустить всѣ политическія общества рабочихъ. Группа Виллиха сохранила руководительство обществами Швейцаріи, Брюсселя и Франціи и даже основала «интернаціональный соціалъ-демократическій комитетъ». Этотъ комитетъ былъ открытъ французской полиціей.

стами. «Капиталъ является общественной силой», онъ сдѣлается общей собственностью. Тогда будутъ уничтожены «буржуазная свобода» (торговли), «буржуазная семья», традиціонныя религія и мораль, а также и вражда между народами. Переворотъ совершится путемъ политической революціи. Въ качествѣ переходныхъ мѣръ манифестъ предлагаетъ: 1) конфискацію земельной ренты; 2) прогрессивный налогъ; 3) уничтоженіе наслѣдствъ; 4) конфискацію собственности эмигрантовъ; 5) централизацію кредита путемъ учрежденія національнаго банка съ государственнымъ капиталомъ и государственной монополіей; 6) централизацію всѣхъ путей сообщенія; 7) національныя мануфактуры и національную обработку земли; 8) обязательность труда для всѣхъ; 9) общественное и безплатное воспитаніе всѣхъ дѣтей.

Вынужденные скрываться, соціалисты совершенно исчезли съ арены общественной жизни; правительства, наученныя революціей 1848 г., приняли мѣры противъ революціонной пропаганды; движеніе, казалось, было похоронено навѣки. Л. Рейбо, излагая исторію соціалистовъ, говорилъ: «Соціализмъ умеръ, говорить о немъ—значитъ произнести надгробную рѣчь».

Послѣ 1859 г., когда возобновилась политическая жизнь, снова началась пропаганда соціализма; и соціализмъ до такой степени былъ позабытъ, что эта пропаганда большинству современниковъ показалась новой. Но это было лишь возрожденіемъ соціалистическаго движенія, предшествовавшаго 1848 г.; вождями были люди 1848 г.: Карлъ Марксъ, Лассаль, Либкнехтъ; они передали новому поколѣнію доктрины, формулы и пріемы прежнихъ соціалистовъ.

Соціализмъ возрождался параллельно въ формѣ двухъ независимыхъ и даже соперничавшихъ учрежденій: *Международнаго Общества рабочихъ (Интернаціоналъ)* Карла Маркса и *Національной Нѣмецкой Партіи* Лассаля.

Интернаціоналъ (1862 — 1872). — Новая соціалистическая организація зародилась въ Лондонѣ, центрѣ эмигрантовъ-соціалистовъ, резиденціи Карла Маркса. Иниціатива ея принадлежала вождямъ англійскихъ рабочихъ, секретарямъ ремесленныхъ союзовъ *(trade unions)*. На всемірной выставкѣ 1862 г., въ Лондонѣ, англійскіе рабочіе познакомились съ делегатами отъ французскихъ и бельгійскихъ рабочихъ. Новое свиданіе имѣло мѣсто въ 1863 г. на огромномъ собраніи въ Лондонѣ, устроенномъ съ цѣлью протеста въ пользу возставшихъ поляковъ; на это собраніе прибыли также французскіе делегаты. Здѣсь зашла рѣчь о союзѣ.

Французы были людьми новаго поколѣнія, не знавшими соціалистовъ 1848 г.; ихъ идеаломъ была взаимопомощь Прудона, ассоціація рабочихъ безъ вмѣшательства государства. Англичане, члены ремесленныхъ союзовъ, освоившіеся уже съ національными рабочими союзами, мечтали объ интернаціональномъ союзѣ, который сдѣлалъ бы солидарными рабочихъ всѣхъ странъ и тѣмъ лишилъ бы хозяевъ возможности противопоставлять рабочихъ разныхъ странъ другъ другу. Они жаловались, что англійскіе предприниматели для подавленія стачекъ призывали рабочихъ-иностранцевъ. Рѣчь такимъ образомъ шла лишь о профессіональномъ союзѣ, безъ политическихъ задачъ.

На окончательномъ собраніи 28 сентября 1864 г., въ Лондонѣ, комитету изъ 50 членовъ поручено было составить уставъ союза. Старые революціонеры—Мадзини и Марксъ—представили свои проекты: первый—проектъ сильно централизованной организаціи, второй—федераціи. Проектъ Мадзини, показавшійся непригоднымъ для общества рабочихъ, былъ отвергнутъ. Проектъ Маркса былъ принятъ, какъ временный уставъ (1848 г.).

Интернаціоналъ (международное общество рабочихъ) былъ организованъ въ видѣ федераціи. Члены, заявившіе о своемъ согласіи съ принципами этого общества, группировались въ автономныя *секціи*; каждая секція имѣла свое бюро, завѣдывавшее дѣлами секціи; взносы были весьма малы, почти номинальны. Общество имѣло два общихъ органа: *Конгрессъ* делегатовъ отъ секцій, собиравшійся разъ въ годъ и облеченный высшей властью; *Генеральный Совѣтъ*, назначаемый конгрессомъ. *Совѣтъ* находился въ Лондонѣ, сносился съ секціями и занимался подготовительными работами. Это была организація англійскихъ trade-unions'овъ, не имѣвшая ничего общаго съ прежними тайными революціонными обществами. Для поступленія въ члены не требовалось никакой профессіи; предложеніе французскихъ делегатовъ о допущеніи однихъ только представителей физическаго труда было отвергнуто. Въ Интернаціоналъ вошли не одни только рабочіе, но также революціонеры и даже филантропы изъ буржуазіи, какъ, напр., Жюль Симонъ. Задача Интернаціонала заключалась въ установленіи единенія и методической, совмѣстной дѣятельности рабочихъ обществъ разныхъ странъ съ цѣлью защиты, прогресса и освобожденія рабочаго класса. Имѣлось въ виду дѣйствовать путемъ лишь мирнаго соглашенія.

Вначалѣ число членовъ Интернаціонала росло медленно; первый Конгрессъ состоялся лишь въ 1866 г. въ Женевѣ, и на немъ былъ принятъ окончательный уставъ. Съ тѣхъ поръ Конгрессъ ежегодно собирался въ какой-нибудь маленькой странѣ, обыкновенно въ Швейцаріи. Марксъ сдѣлался руководителемъ Генеральнаго Совѣта, въ руки котораго фактически перешла власть. Вскорѣ Интернаціоналъ принялъ характеръ политическаго общества, и съ каждымъ новымъ Конгрессомъ онъ становился все болѣе революціоннымъ.

Конгрессъ 1866 г. въ Женевѣ ограничился лишь формулировкой общихъ принциповъ *), но уже въ нихъ видна основная идея Маркса о борьбѣ классовъ. Онъ совѣтовалъ установить соглашеніе рабочихъ для борьбы противъ интриги капиталистовъ, заняться изслѣдованіемъ положенія рабочихъ всѣхъ странъ, поддерживать

*) «Освобожденіе рабочаго класса должно быть завоевано самимъ рабочимъ классомъ... Экономическое освобожденіе рабочаго класса есть конечная цѣль, которой должно быть подчинено, какъ средство, всякое политическое движеніе. Это освобожденіе не есть задача только мѣстная или національная, но соціальная, охватывающая всѣ страны, въ которыхъ существуетъ современное общество; разрѣшеніе этой задачи зависитъ отъ совмѣстнаго дѣйствія наиболѣе передовыхъ странъ».

рабочіе синдикаты и производительныя рабочія ассоціаціи. Онъ требовалъ уничтоженія постоянныхъ армій.

На конгрессѣ 1867 г. въ Лозаннѣ было признано, «что соціальное освобожденіе рабочихъ неотдѣлимо отъ политическаго освобожденія, и что пріобрѣтеніе политической свободы есть условіе первой необходимости». Была принята также резолюція о необходимости перехода въ руки государства всѣхъ путей сообщенія.

Брюссельскій конгрессъ 1868 г. протестовалъ противъ войны и наемнаго труда, высказался за международную организацію стачекъ и потребовалъ обращенія рудниковъ, копей, путей сообщенія и лѣсовъ въ общественную собственность. Относительно земли конгрессъ выразилъ мнѣніе, что «экономическая эволюція сдѣлаетъ соціальной необходимостью переходъ земли, годной для обработки, въ собственность государства». Интернаціоналъ принималъ коллективистическое ученіе Маркса.

Конгрессъ 1869 г. въ Базелѣ подтвердилъ резолюціи 1868 г., не смотря на оппозицію французовъ, приверженцевъ частной собственности. Онъ заявилъ, что «общество имѣетъ право превратить частную собственность на землю въ коллективную собственность, и что это преобразованіе необходимо».

Интернаціоналъ возвращался къ программѣ коммунистовъ 1848 г.: объединенію пролетаріевъ всѣхъ странъ съ цѣлью установленія коллективной собственности на орудія труда. Это была лишь теорія. Относительно же практическихъ средствъ для осуществленія этой теоріи не было формулировано ничего опредѣленнаго; впрочемъ Интернаціоналъ не располагалъ никакой силой. Полагали, что онъ такъ же богатъ, какъ англійскіе ремесленные союзы; рабочіе примыкали къ нему въ надеждѣ получить субсидію въ случаѣ стачки; случалось, что хозяева, напуганные этой воображаемой помощью, шли на уступки. Но члены не платили взносовъ, и касса была почти всегда пустой.

Многія правительства и буржуазія были напуганы призракомъ Интернаціонала. Во Франціи начали съ преслѣдованія бюро парижской секціи, потомъ арестовали всѣхъ вождей. Въ дѣйствительности Интернаціоналъ проявилъ себя, лишь какъ общество теоретической пропаганды; существованіе его было недолговѣчно. Онъ одновременно подвергался нападенію извнѣ и дезорганизаціи внутри.

Война 1870 г. ослабила его, возбудивъ національный патріотизмъ. Протестъ Генеральнаго Совѣта Интернаціонала противъ завоевательной войны нѣмцевъ прошелъ незамѣченнымъ (сент. 1870 г.). Война привела за собой парижскую коммуну. Коммуна не была дѣломъ Интернаціонала, а скорѣе отзвукомъ 1792 г.; даже то незначительное меньшинство интернаціоналистовъ, которое вошло въ коммуну, не представляло въ ней Интернаціонала. Но послѣ пораженія ея, Карлъ Марксъ обнародовалъ отъ имени Генеральнаго Совѣта Интернаціонала манифестъ въ честь парижскихъ работниковъ и мучениковъ рабочаго класса. Такимъ образомъ Интернаціоналъ заявилъ о своей солидарности съ коммуной, и это послужило достаточнымъ поводомъ для того, чтобы противъ него приняли репрессивныя мѣры и смотрѣли на него, какъ на общество мятежниковъ. Во Франціи Законодательное Собраніе въ 1872 г. вотировало противъ Интернаціонала спеціальный законъ; въ Англіи рабочіе покинули его. У него остались приверженцы лишь въ Германіи, Бельгіи, Швейцаріи и въ южныхъ странахъ.

Въ то же время онъ дезорганизовывался вслѣдствіе внутренней борьбы. Бакунинъ, русскій эмигрантъ, бѣжавшій въ Швейцарію, революціонеръ 1848 г., ставшій анархистомъ, вступилъ въ Интернаціоналъ въ 1868 г. Незадолго передъ тѣмъ онъ основалъ федеративное общество: *Международный Союзъ соціалистической демократіи*, которымъ руководилъ центральный комитетъ, находившійся въ Женевѣ, и главой котораго былъ самъ Бакунинъ. Члены этого союза набирались въ романскихъ странахъ, во французской Швейцаріи, Италіи, Испаніи, Бельгіи. Бакунинъ хотѣлъ, чтобы Союзъ былъ принятъ въ Интернаціоналъ, съ сохраненіемъ его собственной организаціи. Генеральный Совѣтъ отвѣтилъ, что онъ принимаетъ секціи, но не федераціи. Бакунинъ рѣшился распустить свой *Союзъ* и зачислить его секціи въ Интернаціоналъ (1869 г.). Но федерація втайнѣ была сохранена, и скоро между нею и Генеральнымъ Совѣтомъ Интернаціонала произошло столкновеніе по поводу одного съѣзда романской федераціи, потомъ по поводу террористической пропаганды Нечаева въ Россіи. Это была борьба между двумя революціонными вождями, Бакунинымъ и Марксомъ; между двумя группами различныхъ народностей: людьми романскаго языка, приверженцами Бакунина, и группами Сѣвера, приверженцами Маркса. Это была борьба между двумя программами коллективизмомъ Маркса и анархизмомъ Бакунина,—между двумя родами тактики: политическою дѣятельностью Маркса, старавшагося оставаться на легальной почвѣ, и воздержаніемъ отъ голосованія и насильственной революціей Бакунина; наконецъ между двумя организаціями: Марксъ хотѣлъ усилить власть Генеральнаго Совѣта, чтобы придать дѣятельности Интернаціонала болѣе единства; Бакунинъ хотѣлъ низвести его до роли простого «ящика для писемъ», чтобы предоставить полную независимость секціямъ.

Въ 1870 и 1871 гг. Интернаціоналъ не имѣлъ конгрессовъ; этому помѣшали война и преслѣдованія противъ нѣмецкихъ соціалистовъ. Кон-

грессъ 1872 г. въ Гагѣ долженъ былъ стать на ту или другую сторону. Борьба завязалась по поводу предложенія приверженцевъ Бакунина, уничтожить Генеральный Совѣтъ, какъ учрежденіе слишкомъ самовластное. Большинство состояло изъ марксистовъ, и рѣшило какъ разъ обратное, а именно, что Совѣтъ имѣетъ право исключить любую секцію и даже федерацію. Оно вотировало исключеніе Бакунина и членовъ его Союза и перенесло засѣданія Совѣта въ Америку, въ Ньюіоркъ. Тогда бланкисты вышли изъ Интернаціонала, заявивъ, что послѣдній бѣжалъ съ поля битвы; остались одни англичане, нѣмцы и американцы. Въ 1873 г., въ Женевѣ, состоялся еще одинъ небольшой конгрессъ, и въ 1876 году Интернаціоналъ былъ объявленъ распущеннымъ.

Существованіе Интернаціонала прекратилось, не давъ никакихъ положительныхъ результатовъ. Основанный съ цѣлью осуществленія соціальныхъ реформъ путемъ международнаго соглашенія, онъ достигъ только того, что внушилъ ужасъ правительствамъ и публикѣ. Это былъ послѣдній опытъ международной организаціи партіи.

Выработка соціалистической программы въ Германіи (1863—1875 г.)—Въ то время, какъ Интернаціоналъ пытался создать международную партію соціальной революціи, въ Германіи сформировалась національная соціалистическая партія, программа и организація которой сдѣлались образцомъ для всей Европы.

Соціалистическая партія была создана Лассалемъ, революціонеромъ 1848 года. Лассаль началъ съ чтенія политическихъ рефератовъ по поводу Берлинскаго конфликта (1862 г.). Молодое поколѣніе рабочихъ не знало еще соціалистическихъ теорій, но оно начало искать средства для улучшенія своего положенія. Въ Лейпцигѣ образовался комитетъ для организаціи рабочаго конгресса, съ цѣлью обсужденія рабочаго вопроса. Комитетъ обратился къ Лассалю за совѣтомъ; Лассаль отвѣтилъ «открытымъ письмомъ» (мартъ 1863 г.). Онъ указывалъ на необходимость образованія рабочей партіи, независимой отъ партій буржуазныхъ, для завоеванія политической власти. Задачей этой партіи должно было быть освобожденіе отъ «желѣзнаго закона заработной платы», по которому средній заработокъ рабочаго, благодаря конкуренціи, низводится всегда до минимума средствъ, необходимымъ для существованія. Рабочіе не могутъ вырваться изъ своего положенія ни путемъ индивидуальныхъ усилій, какъ утверждаютъ экономисты, ни даже путемъ частныхъ ассоціацій (кооперативныхъ обществъ, синдикатовъ, обществъ кредита); имъ необходима государственная помощь. Практическій путь—это созданіе производительныхъ рабочихъ ассоціацій, при помощи государственныхъ субсидій; но для полученія этой помощи необходимо завоеваніе политической власти и прежде всего всеобщаго избирательнаго права, какъ необходимаго условія для этого завоеванія. Такимъ образомъ Лассаль приходилъ къ идеямъ Луи Блана, ко всеобщему избирательному праву и національнымъ мастерскимъ; онъ принялъ также и старое названіе *соціалъ-демократіи*. Но онъ комбинировалъ соціалистическія доктрины 1848 г. съ теоріями официальной политической экономіи; онъ называлъ это—«быть вооруженнымъ всей современной наукой». («Желѣзный законъ заработной платы» былъ теоріей либеральныхъ экономистовъ, формулированной впервые Тюрго).

Лассаль увлекъ прежде всего рабочихъ промышленной области Рейна, и на лейпцигскомъ конгрессѣ въ 1863 г. былъ учрежденъ «Всеобщій союзъ нѣмецкихъ работниковъ», весьма централизованный и управляемый президентомъ, избираемымъ на пять лѣтъ. Избранный президентомъ, Лассаль поѣхалъ въ Берлинъ, чтобы тамъ бороться противъ прогрессистской партіи, и вступилъ въ переговоры съ Бисмаркомъ. Послѣ его смерти, его партія осталась патріотической нѣмецкой партіей съ оттѣнкомъ демократическимонархическимъ и съ ограниченной соціалистической программой.

Партія Маркса организовалась позже. Она образовалась послѣ того, какъ нѣмцы—члены Интернаціонала—порвали связь съ національной партіей Лассаля, котораго обвиняли въ томъ, что онъ продался прусскому правительству, и когда саксонскія общества перешли къ соціализму и вступили въ Интернаціоналъ (1868).

Партія Маркса организовалась въ 1869 г. на эйзенахскомъ конгрессѣ, когда была выработана первая полная соціалистическая программа. Большинство принадлежало къ ученикамъ Маркса; программа воспроизвела его ученіе и его формулы. Марксъ изложилъ незадолго передъ этимъ свое ученіе въ 1-мъ томѣ *Капитала;* подобно Лассалю, онъ облекъ свои соціалистическія доктрины 1848 г. въ форму научной системы. Его теорія цѣнности опиралась на официальное ученіе, по которому цѣнность есть продуктъ труда. Онъ избѣгалъ сантиментальныхъ и утопическихъ пріемовъ прежнихъ соціалистовъ. Его доктрина осталась впрочемъ тою же, что и въ 1848 г.; она рѣзко отличалась отъ стараго коммунизма Бабёфа, который предписываетъ *потребленіе* сообща и жизнь сообща, тогда какъ Марксъ ограничивается обобществленіемъ орудій *производства. Коммунизмъ*, скомпрометтированный съ 1848 г., былъ замѣненъ *коллективизмомъ*.

Партія приняла названіе *соціалъ-демократической рабочей партіи*. Программа ея дѣлится на три части: 1) цѣль; 2) принципы, которыхъ должны придерживаться члены партіи *); 3) не-

*) Цѣль заключается въ «созданіи свободнаго демократическаго государства». Принципы партіи: «Совре-

посредственная практическая программа. Доктрина осталась тою же, что и въ манифестѣ 1848 г.: борьба классовъ; завоеваніе политической власти, какъ путь къ соціальной революціи; международное соглашеніе. Непосредственная практическая программа та же, что у радикальныхъ демократическихъ партій *); къ ней прибавлено только нѣсколько пунктовъ, касающихся соціальныхъ реформъ: ограниченіе рабочаго дня, уменьшеніе женскаго труда, запрещеніе работы дѣтей, единый прогрессивный налогъ на доходъ и наслѣдства, государственная помощь производительнымъ ассоціаціямъ; этотъ послѣдній пунктъ былъ принятъ для привлеченія приверженцевъ Лассаля.

Партія была организована на федеративныхъ началахъ, въ противоположность организаціи Лассаля. Бебель заявилъ, что онъ хочетъ бороться противъ «вѣры въ авторитетъ» и «культа личностей». Члены одного города собирались на сходки, но не образовывали постояннаго общества, чтобы обойти законъ объ ассоціаціяхъ; они выбирали довѣреннаго человѣка, который созывалъ собранія и собиралъ взносы. Избранные делегаты ежегодно собирались на конгрессъ для обсужденія общихъ дѣлъ; конгрессъ выбиралъ исполнительную комиссію изъ пяти членовъ и контрольную комиссію изъ одиннадцати членовъ. Обѣ комиссіи находились въ разныхъ городахъ. Партія имѣла свою газету, которая печаталась на средства, доставляемыя взносами.

Обѣ нѣмецкія соціалистическія партіи собирались на отдѣльные конгрессы, выставляли различныхъ кандидатовъ и вообще соперничали вплоть до 1875 г. Но послѣ того какъ прусское правительство, во имя закона, запрещающаго союзъ (*Verband*) политическихъ обществъ, начало преслѣдовать обѣ партіи и, наконецъ, закрыла эти два союза,—они слились въ единую *нѣмецкую рабочую соціалистическую партію*. Программа партіи, выработанная сообща на готскомъ конгрессѣ (май 1875 г.), можетъ быть раздѣлена на двѣ части: изложеніе теоріи и собственно программу. Теорія была повтореніемъ теоретической части программы Маркса 1869 г. *), было добавлено лишь нѣсколько формулъ Лассаля, несмотря на вносимыя ими противорѣчія: «трудъ какъ единственный источникъ богатствъ» и «желѣзный законъ заработной платы», «созданіе производительныхъ ассоціацій съ помощью государства» и «освобожденіе рабочаго класса путемъ образованія политической рабочей партіи», «интернаціональный характеръ движенія» и «дѣятельность въ національныхъ рамкахъ».

Программа дѣлится на двѣ части: 1) политическій идеалъ, «государственныя основы»: всеобщее избирательное право, непосредственное участіе народа въ законодательствѣ, милиція; участіе народа въ судѣ, всеобщее и даровое образованіе, религія—частное дѣло каждаго; полная свобода печати, ассоціацій, собраній (это демократическая программа 1869 г.); 2) ближайшія соціальныя реформы въ рамкахъ существующаго общества: расширеніе правъ въ томъ направленіи, которое опредѣляется идеаломъ; единый прогрессивный налогъ, свобода союзовъ, нормальный рабочій день, запрещеніе дѣтскаго труда, охранительные рабочіе законы, санитарный надзоръ за фабриками, рудниками и рабочими помѣщеніями, отвѣтственность хозяевъ, регламентированіе труда въ тюрьмахъ.

Организація была построена на федеративныхъ началахъ, подобно организаціи марксистовъ 1869 г.: мѣстныя автономныя группы, ежегод-

---

менныя политическія и соціальныя отношенія въ высшей степени несправедливы, и противъ нихъ должно бороться со всей возможной энергіей. Борьба за освобожденіе рабочихъ классовъ есть борьба за равенство правъ и обязанностей и за уничтоженіе всякаго господства классовъ. Путемъ уничтоженія современныхъ условій производства (наемнаго труда) партія добьется того, что производство на началахъ ассоціаціи доставитъ рабочему полный продуктъ его труда. Политическая свобода есть необходимѣйшее условіе экономическаго освобожденія. Соціальный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только въ демократическомъ государствѣ. Политическое и экономическое освобожденіе рабочаго класса возможно только путемъ борьбы объединенными силами рабочихъ. Эмансипація не есть задача мѣстная или національная; соціальная партія смотритъ на себя какъ на одно изъ развѣтвленій Интернаціонала».

*) Всеобщее избирательное право для всѣхъ выборовъ и для лицъ, достигшихъ 21 года (въ Германіи всеобщее избирательное право существуетъ только для выборовъ въ рейхстагъ и лишь для лицъ, достигшихъ 25-лѣтняго возраста); жалованье народнымъ представителямъ; непосредственное участіе народа въ законодательствѣ (референдумъ); уничтоженіе всякихъ привилегій, классовыхъ, имущественныхъ, связанныхъ съ происхожденіемъ или религіею; національная милиція; отдѣленіе церкви отъ государства; всеобщее обязательное и свѣтское образованіе въ низшихъ школахъ и даровое въ среднихъ и высшихъ; даровой судъ съ присяжными и устнымъ судопроизводствомъ; свобода печати, ассоціацій, союзовъ; уничтоженіе косвенныхъ налоговъ.

*) Вотъ главнѣйшія мѣста программы: «Трудъ есть источникъ всякаго богатства и, какъ таковой, онъ становится возможнымъ только въ обществѣ. Поэтому продукты труда всецѣло принадлежатъ обществу, т. е. всѣмъ его членамъ; отсюда всеобщій обязательный трудъ и равенство правъ, каждому соотвѣтственно его разумнымъ потребностямъ. Эмансипація труда предполагаетъ обобществленіе всѣхъ орудій производства и регламентированіе всего труда всей корпораціей. Эта эмансипація должна быть дѣломъ самого рабочаго класса, по отношенію къ которому всѣ остальные классы являются одной реакціонной массой. Партія стремится всѣми законными путями добиться свободнаго государства и соціалистическаго общества, сокрушенія желѣзнаго закона заработной платы посредствомъ уничтоженія наемнаго труда, уничтоженія всякой эксплоатаціи въ какой бы то ни было формѣ и всякихъ политическихъ и соціальныхъ неравенствъ. Партія, хотя и дѣйствуетъ вначалѣ въ рамкахъ національнаго государства, не упускаетъ, однако, изъ виду интернаціональнаго характера движенія».

ный съѣздъ делегатовъ, облеченныхъ высшей властью, правленіе, состоящее изъ трехъ органовъ: директоріи изъ пяти членовъ, контроля изъ 7 членовъ, находящихся въ другомъ городѣ, и комиссіи изъ 18 членовъ, обязанность которой быть третейскимъ судьей между двумя первыми; газета партіи, касса.

Доктрина мало отличалась отъ манифеста 1848 г.; организація походила на Интернаціоналъ. Попытка Маркса, потерпѣвшая неудачу подъ именемъ коммунизма и въ формѣ интернаціональнаго общества, удалась, наконецъ, подъ именемъ коллективизма и въ формѣ національной партіи. Образованіе этой партіи въ Германіи имѣло значеніе международнаго событія. Въ первый разъ въ большомъ государствѣ выступила на сцену соціалистическая рабочая партія, руководимая постоянно дѣйствующей организаціей (центральное управленіе, ежегодные съѣзды, офиціальная газета), располагающая правильнымъ бюджетомъ, придерживающаяся опредѣленной программы—практической и теоретической одновременно, и занимающая опредѣленное мѣсто среди политическихъ партій. Эта нѣмецкая партія должна была служить образцомъ соціалистамъ другихъ странъ; такъ какъ она сохраняла интернаціональный духъ ея основателя, то ея пропаганда и дѣятельность являются продолженіемъ неудавшейся попытки Интернаціонала.

Анархическія партіи. — Слова *анархія* и *анархистъ* долгое время служили оскорбительными кличками, примѣнявшимися къ революціонерамъ ихъ врагами. Прудонъ первый назвалъ свою систему *анархіей*. Посколько изъ его сочиненій, прежде всего критическихъ и полемическихъ, можно извлечь положительное ученіе, его идеаломъ была федерація добровольныхъ ассоціацій рабочихъ и земледѣльцевъ, безъ политическаго правительства. Нѣкоторые изъ революціонеровъ 1840—48 гг. обнаруживали подобныя же тенденіи, но они не составляли партіи.

Творцомъ анархической партіи былъ отставной русскій офицеръ Бакунинъ, сдѣлавшійся ученикомъ Прудона во время своего пребыванія въ Парижѣ (1843—1847 г.г.),—воинствующій революціонеръ, одинъ изъ вождей дрезденскаго возстанія въ 1849 г., сосланный въ Сибирь, бѣжавшій оттуда и жившій сначала въ Лондонѣ, гдѣ онъ сотрудничалъ въ журналѣ Герцена, а потомъ—въ Швейцаріи. Онъ заимствовалъ у Прудона идею анархіи и федераціи, но присоединилъ къ ней ненависть къ цивилизованнымъ учрежденіямъ и систематическій призывъ къ насилію для ихъ разрушенія. Онъ заявлялъ, что угнетенные классы неспособны освободиться собственными силами, и что, еслибы они создали новое общество, они сдѣлали бы его такимъ же деспотическимъ, какъ и старое; слѣдовательно надо было воздерживаться отъ всякой созидающей работы и ограничиться «постиженіемъ всѣхъ такъ называемыхъ дурныхъ страстей и разрушеніемъ всего, что на томъ же языкѣ называется общественнымъ порядкомъ». Тактика должна была заключаться въ возбужденіи мятежей.

Союзъ соціалистической демократіи, созданный Бакунинымъ въ 1868 г., имѣлъ тайный уставъ и анархическую программу. Союзъ добивался не только полнаго равенства всѣхъ и коллективнаго владѣнія землею и орудіями труда, но, кромѣ того, «всемірной соціальной, философской, экономической и политической революціи»; дѣло шло о «разрушеніи всѣхъ государствъ и всѣхъ церквей со всѣми ихъ религіозными, политическими, юридическими, финансовыми, полицейскими, университетскими, экономическими и соціальными учрежденіями».

Союзъ присоединился въ 1869 г. къ Интернаціоналу, но потомъ вышелъ изъ него вмѣстѣ съ Бакунинымъ (1872 г.). Онъ состоялъ изъ революціонеровъ романскихъ странъ, наименѣе дисциплинированныхъ и наиболѣе пылкихъ членовъ Интернаціонала, изъ итальянской секціи и испанской секціи, принимавшей участіе въ возстаніяхъ федералистовъ, изъ бельгійской секціи и *горской федераціи*, рекрутировавшейся среди рабочихъ часовщиковъ Невшательскаго кантона, немногочисленной, но очень дѣятельной секціи Интернаціонала. У Союза происходили конгрессы въ 1872, 73, 74, 76 и 77 гг.

Немногочисленные и подвергавшіеся горячимъ нападкамъ соціалистовъ анархисты находили сторонниковъ почти только въ тѣхъ странахъ, гдѣ соціалистическая партія не была еще организована. Но они пріобрѣли политическое вліяніе, несоотвѣтствующее ихъ силамъ, прибѣгая къ пріемамъ русскихъ террористовъ,—покушеніямъ путемъ взрывовъ; они возвели эти покушенія въ теорію, доставившую имъ всемірную извѣстность. До тѣхъ поръ революціонныя партіи употребляли насильственныя дѣйствія для достиженія опредѣленнаго результата. Анархическая теорія разсматривала самое дѣйствіе, даже безъ опредѣленной цѣли, какъ орудіе гласности, привлекавшее вниманіе публики на общественные пороки и заставлявшее ее размышлять надъ ними; это была *пропаганда дѣйствіемъ*.

Анархическая партія, по самому свойству своей тактики, обрекла себя на невозможность создать изъ себя постоянную партію. Лишь только въ какой нибудь странѣ возникнетъ активная анархическая группа, она заявляетъ о себѣ своими дѣйствіями, и правительство не медлитъ уничтожить ее; остаются только анархисты-писатели, которыхъ правительство терпитъ, окружая ихъ шпіонами. Кромѣ того, большинство анархистовъ, по своему темпераменту и въ силу своей доктрины, отвергаютъ власть, даже осно-

ванную на добровольномъ соглашеніи; они составляютъ скорѣе «группы товарищей», чѣмъ партіи, и не дѣйствуютъ по общему согласію. Фактически ихъ политическая дѣятельность сводится къ усиленію реакцій, вызванныхъ ихъ актами пропаганды, и ихъ исторія свелась бы къ разсказу объ индивидуальныхъ манифестаціяхъ.

Остатки Союза и парижской «группы» устроили въ Лондонѣ конгрессъ (1881 г.), который призналъ «необходимымъ распространять всѣми возможными средствами путемъ дѣйствія революціонную идею и духъ протеста въ народной массѣ, еще не принимающей никакого активнаго участія въ движеніи и создающей себѣ иллюзію относительно нравственности и дѣйствительности легальныхъ средствъ». Конгрессъ рекомендовалъ изученіе химіи, «уже оказавшей большія услуги революціонному дѣлу».

Во Франціи анархическое движеніе проявилось между 1879 и 1882 г., на юго-востокѣ (въ Ліонѣ и Сентъ-Этьенѣ) и въ Парижѣ. Оно ознаменовалось главнымъ образомъ теоретическими заявленіями двухъ писателей, Кропоткина и Э. Реклю, и ліонскимъ взрывомъ, за которымъ (1882 г.) послѣдовала репрессія.

Анархическое движеніе, произведенное въ Австріи Мостомъ и Пекертомъ (1882 — 85 г.), было подавлено исключительными законами и массовыми арестами. Въ послѣднее время анархическія движенія происходили въ Парижѣ (1892—94 г.), въ Италіи, Испаніи и Барселонѣ. Въ нѣмецкихъ странахъ это движеніе наткнулось на соціалистическую партію. Въ Англіи Лондонъ служитъ прибѣжищемъ для иностранныхъ анархистовъ, но тамъ не было ни одного анархическаго преступленія.

Возникновеніе національныхъ соціалистическихъ партій.—Германскіе соціалисты, для того, чтобы завоевать политическую власть, необходимую для соціальнаго переворота, временно отказались отъ международной организаціи и образовали національную партію съ избирательной и парламентской организаціей.

Другія страны мало-по-малу послѣдовали ихъ примѣру. Эта эволюція была замедлена сначала противодѣйствіемъ анархистовъ Союза, а потомъ внутренними несогласіями въ средѣ соціалистовъ и репрессивными мѣрами правительствъ. Однако почти въ каждой странѣ образовалась соціалистическая рабочая партія, по образцу германской и съ ея программой. Въ Австріи, послѣ истребленія анархистовъ, создалась «рабочая соціалъ-демократическая партія» (1888 г.) съ коллективистской интернаціональной программой *) и организаціей, состоящей, какъ и въ Германіи, изъ конгресса, исполнительной и контрольной комиссіи; партія организуетъ манифестаціи преимущественно въ пользу всеобщаго избирательнаго права и восьмичасового рабочаго дня. Въ трехъ скандинавскихъ странахъ, Голландіи и Бельгіи партія организована также по образцу германской. Во Франціи и во всѣхъ романскихъ странахъ коллективистская программа мало-по-малу проникла во всѣ революціонныя партіи; но онѣ не приняли правильной и централизованной организаціи.

Германская партія, принужденная уничтожить свою официальную организацію на все время дѣйствія исключительныхъ законовъ (1878—90 г.) и устраивавшая свои конгрессы заграницей, воспользовалась возвращеніемъ ей общихъ правъ, чтобы снова организоваться. Она приняла названіе *соціалъ-демократической партіи* (1890 г.), возстановила организацію мѣстныхъ группъ (обыкновенно составляющихъ избирательные комитеты), съ избранными довѣренными представителями, и рѣшила организовать соціалистическую пропаганду въ деревняхъ. Ея программа подвергалась пересмотру на Эрфуртскомъ конгрессѣ 1891 г. Въ новой программѣ уничтожены всѣ мѣста старой, напоминавшія доктрину Лассаля, и болѣе пространно развита теорія Маркса о естественной эволюціи, заставляющей собственность исчезать и подготовляющей коллективизмъ. Партія задается цѣлью организовать борьбу классовъ, пробуждая въ рабочихъ сознательное отношеніе къ этой борьбѣ. — Къ практической программѣ прибавлены: равноправность женщины, даровая медицинская помощь и даровыя похороны, а къ рабочему законодательству — распространеніе на земледѣльческихъ рабочихъ и прислугу мѣръ, принятыхъ по отношенію къ фабричнымъ рабочимъ.

Такимъ образомъ въ большинствѣ европейскихъ государствъ создались соціалистическія партіи съ демократическою организаціею, состоящею изъ двухъ органовъ: ежегоднаго конгресса избранныхъ представителей, — совѣщательнаго собранія съ высшею властью, которое установляетъ программу и намѣчаетъ общую политику,—и постояннаго комитета, избираемаго конгрессомъ и облеченнаго исполнительными функціями. Это правленіе въ полномъ составѣ, обладающее практическими средствами дѣйствія: кассой, газетой и избирательной организаціей. Каждая партія организуется въ предѣлахъ одного государства, потому что ей необходимо сосредоточить свою дѣятельность на одномъ парламентѣ (случается даже, что въ одномъ государствѣ возникаетъ нѣсколько партій съ особою организаціей и соперничающихъ между собою).

Всѣ эти партіи обладаютъ положительной программой, заключающейся нетолько въ об-

*) «Партія... признаетъ себя интернаціональной; она отрицаетъ національныя привилегіи, такъ же какъ родовыя, половыя и имущественныя, и заявляетъ, что борьба съ эксплоатаціей должна быть международной, какъ и сама эксплоатація».

щихъ стремленіяхъ, какъ было въ 1848 г., но въ рядѣ постановленій, вотированныхъ и обнародованныхъ верховнымъ собраніемъ и признанныхъ членами партіи. Эти программы состоятъ изъ изложенія теоретическаго ученія—гдѣ указаны идеалы, цѣль и путь развитія партіи — и перечисленія практическихъ реформъ.

Ученіе исходитъ повсюду изъ однихъ и тѣхъ же принциповъ. Настоящій экономическій порядокъ неблагопріятенъ для трудящагося класса; реформа должна быть дѣломъ самого рабочаго класса; онъ произведетъ ее, овладѣвши политическою властью и воспользовавшись силами государства для установленія коллективнаго обладанія орудіями производства, включая сюда и землю; потребленіе останется индивидуальнымъ.

Практическія реформы—политическаго и соціальнаго характера. Политическая программа представляетъ собою прежнюю радикальную демократическую программу, доведенную до ея крайнихъ логическихъ выводовъ: безусловная равноправность, а слѣдовательно всеобщее избирательное право, даже для женщинъ; однообразная воинская повинность, законченная система образованія (*интегральное образованіе*) для всѣхъ; безусловная свобода, т. е. свобода печати, сходокъ и ассоціацій, полное отдѣленіе церкви отъ государства; безусловное братство, т. е. всеобщій міръ, разоруженіе, уничтоженіе всякаго различія между туземными жителями и иностранцами, международное завѣдываніе всѣми общими дѣлами.

Соціалистическая партія называетъ себя *демократической*, такъ какъ она рекрутируется въ демократическихъ рядахъ и въ своихъ требованіяхъ соціальныхъ измѣненій исходитъ изъ демократической доктрины. Въ нѣкоторыхъ государствахъ (Германіи, Австріи) она занимаетъ мѣсто радикальной партіи; въ странахъ съ ограниченнымъ избирательнымъ правомъ (Австрія, Скандинавскія государства, Голландія, Италія) она требуетъ всеобщей подачи голосовъ, какъ требовали ея соціалисты во Франціи до 1848 г., въ Германіи до 1866 г., въ Бельгіи до 1893 г.

Соціальная программа состоитъ въ детальныхъ реформахъ съ цѣлью улучшенія положенія рабочихъ (синдикаты, рабочее законодательство, опредѣленіе продолжительности рабочаго дня и размѣра рабочей платы, пенсіи для неспособныхъ къ работѣ) и въ экономическихъ мѣропріятіяхъ, служащихъ переходомъ къ коллективизму (переходъ въ руки государства желѣзныхъ дорогъ, угольныхъ копей и рудниковъ, а равно учрежденій для страхованія; прямые и прогрессивные налоги).

Въ цѣломъ, это—демократическая, эгалитарная, либеральная, анти-клерикальная, мирная, интернаціональная политическая программа, соединенная съ программой государственнаго соціализма, осуществляемой путемъ законодательства и налоговъ. Трудно сказать, которая изъ этихъ двухъ отдѣльныхъ программъ, соціальная или политическая, наиболѣе привлекаетъ сторонниковъ въ соціалистическія партіи.

Тактика революціонныхъ партій.—Всѣ революціонныя партіи, втеченіе первой половины этого столѣтія, не знали иныхъ способовъ дѣйствія, кромѣ насильственной революціи, заговора, по образцу итальянцевъ (тактика Мадзини), или вооруженнаго нападенія, по образцу французовъ (тактика Бланки). Всѣ ихъ побѣды въ этотъ періодъ достигались возстаніями въ арміи или въ столицѣ.

Во второй половинѣ XIX вѣка, когда правительства стали лучше вооруженными, революціонеры усвоили другую тактику: мирную пропаганду съ цѣлью овладѣть властью законнымъ путемъ.—Ассоціація, основанная Лассалемъ, заявляла въ своемъ уставѣ, что ея цѣль заключалась въ томъ, чтобы «мирными и законными средствами» расположить въ свою пользу общественное мнѣніе.—Соціалистическая марксистская партія хотя задавалась цѣлью установить диктатуру пролетаріата, но держалась правила избѣгать всякаго рода мятежей. Ученіе о естественной эволюціи, ведущей къ коллективистскому строю, внесенное Марксомъ въ среду соціалистовъ, заставило ихъ отвергать внезапные перевороты, какъ безполезные по своей преждевременности и опасные, потому что они подвергали партію риску быть уничтоженной. Готская программа 1875 года заявляла, что партія будетъ дѣйствовать «всѣми законными средствами»; эта статья была уничтожена только въ 1880 г., въ отвѣтъ на исключительные законы, дѣлавшіе противозаконной самую соціалистическую пропаганду.

Какую тактику слѣдуетъ признать наиболѣе пригодной для подготовленія соціальной революціи? Это—первенствующій вопросъ въ политикѣ революціонныхъ партій, служащій причиною почти всѣхъ ихъ внутреннихъ раздоровъ, разрывовъ и раздѣленій на фракціи.

Радикальная демократическая партія вполнѣ утратила революціонный характеръ; она обратилась въ парламентскую партію, дѣйствующую путемъ внесенія законопроектовъ частичныхъ реформъ и пытающуюся пріобрѣсти большинство для того, чтобы вступить въ министерство.

Отъ соціалистическихъ революціонныхъ партій отдѣлилась также противоположная крайняя группа анархистовъ. Анархисты согласны съ соціалистами въ своей отрицательной критикѣ общества; они долгое время говорили однимъ языкомъ и дѣйствовали сообща, и публика продолжаетъ ихъ смѣшивать, какъ одинаково враждебныхъ существующему общественному порядку. Но различіе въ темпераментахъ привело къ радикальному различію въ ихъ тактикѣ, сдѣлавшему невозможной для нихъ общую дѣятель-

ность и въ концѣ концовъ породившему непримиримую вражду между ними.

Анархисты, не желая подчиняться партійной дисциплинѣ для подготовленія переворота, который еще не возвратитъ безусловной свободы индивидууму, отказываются принимать участіе въ какой бы то ни было политической дѣятельности; презираютъ выборы и представительныя собранія и рекомендуютъ акты насилія для возбужденія общественнаго мнѣнія. Нѣмецкая соціалистическая партія въ 1887 г. категорически осудила эти пріемы *).

Соціалисты заняли среднее положеніе между радикалами и анархистами, одинаково избѣгая какъ чисто парламентарной дѣятельности, такъ и насильственныхъ поступковъ. Но этотъ общій принципъ, различно истолковываемый, привелъ къ различнымъ родамъ тактики; ихъ можно насчитать по крайней мѣрѣ три: средній и два крайнихъ, изъ которыхъ одинъ склоняется къ радикальной, а другой къ анархической тактикѣ.

1) Офиціальная тактика нѣмецкой и марксистскихъ партій состоитъ въ признаніи формы парламентскихъ политическихъ партій, но только какъ средства пропаганды соціалистическихъ идей. Партія выставляетъ кандидатовъ на выборахъ, посылаетъ своихъ депутатовъ въ представительныя собранія, организуетъ ихъ въ парламентскія группы; но, дѣйствуя въ избирательныхъ и парламентскихъ рамкахъ буржуазнаго общества, она заявляетъ, что не разсчитываетъ на выборы и представительныя собранія для проведенія соціальной реформы, что она видитъ въ нихъ только способъ распространенія своихъ идей, средство волновать общественное мнѣніе, увеличивать число своихъ сторонниковъ, организовать ихъ и подсчитывать (она болѣе дорожитъ общею цифрою соціалистическихъ голосовъ, чѣмъ числомъ избранныхъ депутатовъ). Она смотритъ на парламентъ, какъ на трибуну для изложенія своихъ доктринъ, отказывается принимать участіе въ парламентской работѣ, предлагаетъ частичныя соціальныя реформы и избѣгаетъ сношеній съ другими партіями. Но она рекомендуетъ воздерживаться отъ всякаго рода революціонныхъ движеній, которыя дали бы правительству предлогъ раздавить партію. Это—тактика революціонной агитаціи парламентскими путями, цѣль которой—мирное осуществленіе полнаго соціальнаго переворота.

2) Лѣвѣе, составляя переходъ къ анархизму, стоитъ тактика революціоннаго воздержанія, долженствующая подготовить внезапный переворотъ. Эта партія отстраняетъ себя отъ избирательной и парламентской жизни, влекущей за собой компромиссы, заставляющей забывать принципы и приручающей революціонеровъ, сталкивая ихъ постоянно съ буржуазіей. Вслѣдствіе этого партія должна воздерживаться отъ регулярной политической дѣятельности и быть готовою къ революціи. Относительно самаго способа произвести революцію мнѣнія расходятся: *бланкистская* партія придерживается прежней тактики гражданской войны, становящейся все болѣе и болѣе невозможною; другія группы предпочитаютъ экономическую войну, *всеобщую стачку*. Это—тактика внѣпарламентской агитаціи, подготовленія полнаго насильственнаго переворота.

3) Правѣе, составляя переходъ къ радикальной программѣ, недавно появилась тактика постепеннаго движенія и компромиссовъ; въ ожиданіи полнаго осуществленія идеала, сторонники этой тактики довольствуются его частичнымъ осуществленіемъ въ формѣ законовъ: это обязываетъ ихъ войти въ парламентскую жизнь, вступать въ соглашенія съ другими партіями, враждебными соціальному перевороту, заставляетъ ихъ принимать частичныя соціальныя реформы. Для привлеченія избирателей имъ предлагается программа, сводящаяся къ нѣсколькимъ практическимъ мѣрамъ, не носящимъ характера доктрины; въ частности, для успокоенія сельскихъ избирателей, покидается принципъ коллективности всѣхъ орудій производства и допускается мелкая индивидуальная собственность для крестьянъ, лично обрабатывающихъ свою землю. Это — тактика парламентской дѣятельности въ виду постепенной соціальной реформы.

Соціалистическія партіи имѣютъ передъ собой всѣ эти роды тактики, и тактика, избранная каждою изъ нихъ, опредѣляетъ занятое ею положеніе въ политической жизни: воздержаніе, пользованіе политическою дѣятельностью, какъ средствомъ агитаціи, вступленіе въ соприкосновеніе съ несоціалистическими партіями. Въ общемъ эволюція соціалистическихъ партій проявляется въ движеніи отъ лѣвой стороны къ правой, причемъ онѣ проходятъ черезъ промежуточный фазисъ первоначальнаго марксизма; но въ одной и той-же странѣ сохраняются партіи, держащіяся различныхъ тактикъ и остающіяся во враждѣ.

Полу-анархическая тактика революціоннаго воздержанія составляетъ принадлежность старыхъ партій, немногочисленныхъ, которыя могутъ надѣяться только на что-нибудь непредвидѣнное; ея придерживаются небольшія группы нетерпѣливыхъ или недовольныхъ соціалистическими депутатами, приученными соприкосновеніемъ съ парламентскими дѣятелями. Таковы французскіе *бланкисты*, *аллеманисты*—одна фракція соціалистической партіи въ Голландіи, и въ Германіи небольшая берлинская группа *не-*

*) «Насиліе — настолько же реакціонный, какъ и революціонный факторъ, и даже чаще первый, нежели второй. Тактика индивидуальнаго насилія не приводитъ къ цѣли, и въ той мѣрѣ, въ какой она оскорбляетъ чувство справедливости въ массахъ, она положительно вредна и слѣдовательно заслуживаетъ осужденія».

зависимыхъ (прозванныхъ *молодыми*), которая обвиняетъ вождей партіи въ томъ, что они убили революціонный духъ и сдѣлали изъ соціалистической партіи простую партію реформы; эта группа подверглась изгнанію на конгрессѣ 1891 г.

Марксистская тактика составляла принадлежность доктринерской партіи, убѣжденной въ конечномъ торжествѣ и въ опасности замедлить его какой-нибудь неосторожностью, — партіи, порицаемой всѣми другими партіями, но отвѣчавшей на ихъ презрѣніе рѣзкою критикой и систематическимъ воздержаніемъ отъ насильственныхъ актовъ; исключительные законы продолжили это положеніе въ Германіи. Но съ ихъ отмѣной нѣмецкая партія, сохраняя принципы своей тактики, сдѣлавшейся традиціонной *), склоняется въ сторону тактики правой.

Тактика постепенныхъ реформъ была принята во Франціи главною массою рабочей партіи (1882 года), что вызвало разрывъ между *поссибилистами* и группою правовѣрныхъ марксистовъ. Со времени ихъ офиціальнаго примиренія въ 1893 г. эта тактика взяла перевѣсъ; она повела къ образованію переходной группы такъ называемыхъ *радикаловъ-соціалистовъ*, безъ опредѣленныхъ очертаній, стоящей между соціалистами и республиканскою партіею. Эта группа заявила о себѣ въ 1894 г. на конгрессѣ въ Нантѣ принятіемъ программы аграрныхъ реформъ, цѣль которой привлечь крестьянъ, обезпечивая имъ сохраненіе мелкой собственности и призывая ихъ къ борьбѣ съ «общимъ врагомъ, феодализмомъ крупной поземельной собственности». Это—также тактика *фабіанъ* въ Англіи. Бельгійскіе соціалисты также вошли въ сношеніе съ прогрессистами. Въ Германіи эта тактика обсуждается на конгрессахъ партіи съ 1891 года. Фольмаръ, вождь баварскихъ соціалистовъ, хотѣлъ принять участіе въ преніяхъ рейхстага по проектамъ рабочаго законодательства; вожди партіи, Бебель и Либкнехтъ, отстаивали необходимость поддержать принципъ классовой борьбы противъ господствующихъ классовъ и государства; жертвуя этимъ принципомъ ради непосредственной практической цѣли, партія обратилась-бы въ оппортунистскую. Конгрессъ уклонился отъ категорическаго рѣшенія. Южно-германскіе соціалисты приняли тактику, аналогичную тактикѣ радикаловъ-соціалистовъ во Франціи; ихъ депутаты въ баварскомъ ландтагѣ отказались отвергнуть бюджетъ, не обсуждая его; французскій конгрессъ 1894 года рѣшилъ предоставить соціалистамъ каждаго государства свободно избирать свою тактику. Проектъ аграрныхъ реформъ, предназначенный для привлеченія крестьянъ, былъ отвергнутъ конгрессомъ 1895 г.; но баварскіе соціалисты продолжаютъ агитировать въ этомъ смыслѣ, и конгрессъ въ Галле въ слѣдующемъ году еще разъ обсуждалъ этотъ вопросъ, не прійдя къ опредѣленному рѣшенію.

Международные соціалистическіе конгрессы.—Послѣ распаденія Интернаціонала, національныя соціалистическія партіи пытаются поддержать международное единство направленія путемъ конгрессовъ, на которыхъ обсуждается теоретическая программа общественныхъ реформъ, имѣющихъ общій интересъ. Но практическій вопросъ, преобладающій на этихъ конгрессахъ, заключается въ томъ, на какихъ условіяхъ могутъ быть допущены на ихъ засѣданія делегаты, т. е. слѣдуетъ-ли допускать на нихъ делегатовъ отъ анархическихъ группъ; на этой почвѣ происходятъ столкновенія между полуанархическими и «авторитарными» соціалистами (марксистами).

На первомъ конгрессѣ въ Гентѣ, въ 1877 г., одержали побѣду «авторитарные» соціалисты. Анархисты были допущены на него, и была еще разъ сдѣлана попытка достигнуть примиренія. Обсуждался вопросъ объ организаціи производства: анархисты предложили свой идеалъ свободныхъ производительныхъ группъ, достигающихъ взаимнаго соглашенія при отсутствіи власти, въ силу простой солидарности. Авторитарные соціалисты добились вотированія того принципа, что государство, какъ представитель всего народа, «должно быть собственникомъ земли и орудій производства». Они объявили также синдикаты «однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ въ борьбѣ трудящихся классовъ съ эксплоатаціей».

Конгрессъ, созванный въ Цюрихѣ на 1881 годъ, но недозволенный правительствомъ, свелся къ Куарской конференціи, которая по своей малочисленности не могла принимать рѣшеній.— Конгрессы 1883 и 1886 годовъ свелись къ конференціямъ, происходившимъ въ Парижѣ между французскими поссибилистами и делегатами отъ англійскихъ ремесленныхъ союзовъ; марксисты отказались смотрѣть на нихъ, какъ на настоящіе конгрессы.

Расколъ между французскими соціалистами выразился въ двухъ конгрессахъ, происходившихъ въ Парижѣ въ одинъ и тотъ-же день въ 1889 г. Одинъ изъ нихъ, созванный поссибилистами и состоявшій преимущественно изъ французовъ, высказался за «интегральное воспитаніе», установленіе минимума рабочей платы и государственныя мастерскія. Другой, состоявшій изъ марксистовъ, вотировалъ доктрину Маркса, равную рабочую плату для женщинъ, свободу ассоціацій, резолюцію въ пользу восьмичасового рабочаго дня, запрещенія дѣтскаго и женскаго

*) «Принимая во вниманіе, что завоеваніе политической власти не можетъ быть дѣломъ минуты, ни результатомъ мгновенно достигнутаго успѣха, но можетъ быть достигнуто только упорнымъ трудомъ и искуснымъ пользованіемъ всѣми средствами пропаганды нашихъ идей,—партія заявляетъ, что нѣтъ основанія для измѣненія тактики партіи».

труда, а также вредныхъ и ночныхъ работъ, еженедѣльнаго тридцатишестичасового непрерывнаго отдыха, уничтоженія конторъ для найма рабочихъ и подрядчиковъ, назначеніе фабричныхъ инспекторовъ въ половинномъ числѣ изъ рабочихъ. Онъ приглашалъ пролетаріевъ всѣхъ странъ организовывать международныя манифестаціи въ пользу восьмичасового рабочаго дня; это и породило празднованіе перваго мая. Онъ высказался противъ постоянныхъ армій и произвелъ манифестацію на могилѣ «мучениковъ коммуны».

Брюссельскій конгрессъ 1891 г. поставилъ условіемъ допущенія на свои засѣданія признаніе «необходимости политической борьбы»,— что устраняло анархистовъ. —Онъ поздравилъ себя съ успѣхомъ, который имѣли резолюціи конгресса 1889 г., побудившія императора Вильгельма созвать международную конференцію 1890 г., по вопросу о рабочемъ законодательствѣ. Конгрессъ жаловался на плохое примѣненіе законовъ о покровительствѣ рабочихъ, рѣшилъ собрать свѣдѣнія объ условіяхъ труда и приглашалъ рабочихъ всего міра пользоваться своими политическими правами для уничтоженія рабства, связаннаго съ наемнымъ трудомъ. — Онъ отказался даже обсуждать вопросъ объ антисемитизмѣ, опираясь на основной принципъ всѣхъ соціалистическихъ партій, «не признающихъ никакой противоположности интересовъ между націями и расами, а только борьбу класса пролетаріевъ всѣхъ странъ противъ класса капиталистовъ всѣхъ странъ». Онъ приглашалъ рабочихъ организоваться въ синдикаты, которые должны были руководить этой борьбой. Марксистское большинство отвергло предложеніе Домела Ньевенгюиса отвѣтить, въ случаѣ объявленія войны, всеобщею стачкою.

Цюрихскій конгрессъ 1893 г. изгналъ анархистовъ, добивавшихся допущенія на томъ основаніи, что ихъ способы борьбы также составляли политическую дѣятельность; конгрессъ потребовалъ, чтобы эта дѣятельность совершалась путемъ законодательнаго механизма. Онъ вотировалъ резолюціи о празднованіи перваго мая, о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, о политической тактикѣ соціалистовъ, объ организаціи синдикатовъ, о томъ, что̀ слѣдовало дѣлать въ случаѣ войны. Онъ отвергъ всеобщую стачку и ограничился приглашеніемъ соціалистическихъ депутатовъ вотировать противъ какого-бы то ни было военнаго бюджета и требовать разоруженія.— Чтобы положить конецъ примирительнымъ попыткамъ въ аграрномъ вопросѣ, онъ вотировалъ принципъ коллективнаго владѣнія землею.

Лондонскій конгрессъ 1896 г. изгналъ анархистовъ; меньшинство, вотировавшее за ихъ допущеніе, состояло изъ коалиціи противниковъ марксистовъ, преимущественно англичанъ и французовъ. Конгрессъ вотировалъ резолюцію въ пользу всеобщаго избирательнаго права, референдума, эмансипаціи женщинъ, націонализаціи желѣзныхъ дорогъ, копей, рудниковъ и фабрикъ, уничтоженія таможней,—и противъ постоянныхъ армій и колоніальной политики.

ГЛАВА XXIV.

Европа при господствѣ системы Меттерниха. (1815—1830*).

Европейскіе вопросы въ 1815 г. — Священный союзъ. — Соперничество императора Александра I и Меттерниха. — Ахенскій конгрессъ и перемѣна въ настроеніи Александра. — Австрійскіе конгрессы и политика вмѣшательства. — Англійская политика Каннинга. — Вмѣшательство въ восточныя дѣла. — Распаденіе европейскаго союза.

Европейскіе вопросы въ 1815 г.—Въ 1814 и 1815 гг. великія державы занялись устройствомъ Европы: произвели раздѣлъ территорій и даже установили форму правленія отдѣльныхъ государствъ; при этомъ онѣ вступили между собою въ соглашеніе, чтобы поддерживать установленный ими порядокъ. «Трактатомъ 1815 года» Европа была утверждена на базисѣ постояннаго союза между пятью великими державами, союза, предназначеннаго для поддержанія европейскаго равновѣсія и защиты законныхъ монархій, т. е. для воспрепятствованія возврату революціонныхъ правительствъ и возобновленію французскихъ завоевательныхъ войнъ.

Всѣ упомянутыя державы были аристократическими монархіями; въ трехъ изъ нихъ, Россіи, Австріи и Пруссіи, образъ правленія былъ абсолютическій; двѣ другія, Англія и Франція, представляли собой конституціонныя монархіи, но ихъ правительства пользовались безконтрольной властью во внѣшней политикѣ. Слѣдовательно, всѣ принимавшіяся рѣшенія зависѣли отъ очень небольшого числа лицъ,—государей и ихъ министровъ; отъ личныхъ чувствъ этихъ лицъ, ихъ впечатлѣній и желаній зависѣли судьбы Европы. Въ сущности, не всѣ участники этого союза играли одинаково вліятельную роль. Французскій король и его министры, поглощенные своими внутренними дѣлами и желавшіе, прежде всего, сохраненія мира; англійскіе государственные люди торійской партіи, стоявшіе за *statu quo* и равнодушные къ континентальнымъ дѣламъ; прусскій король, робкій, нерѣшительный и подчиненный вліянію Меттерниха,—всѣ эти лица только желали избѣгнуть внѣшнихъ осложненій и придерживались пассивной политики. Единственныя правительства, способныя взять на себя иниціативу и заставить остальныхъ слѣдовать ихъ политикѣ, были правительства двухъ имперій, Россіи и Австріи, фактически олицетворявшіяся въ императорѣ Александрѣ I и Меттернихѣ. Отъ ихъ согласія или несогласія между собою зависѣла политика великихъ державъ, а, слѣдовательно, и рѣшеніе европейскихъ вопросовъ.

Уже въ 1815 г. было поставлено нѣсколько вопросовъ, которымъ предстояло сосредоточить на себѣ вниманіе дипломатовъ.

1) Франція примкнула къ союзу, но событія Ста Дней произвели такое впечатлѣніе, что положеніе легитимнаго правительства тамъ не прочно; спрашивалось, слѣдовало ли открыто принять Францію въ концертъ Европейскихъ державъ, или же лучше было подчинить ее надзору и контролировать ея внутреннюю политику? Такъ ставился французскій вопросъ, который былъ разрѣшенъ на конгрессѣ въ Ахенѣ.

2) Союзники гарантировали каждому государству неприкосновенность его территоріи, но не сохраненіе внутренняго порядка его управленія. Слѣдовало ли допускать введеніе новыхъ конституцій, или же лучше было вмѣшиваться съ цѣлью поддержанія неограниченной монархіи?

---

*) Въ послѣднихъ главахъ настоящаго сочиненія (XXIV—XXVII) я уклонился отъ обычая, укоренившагося еще со временъ древнихъ историковъ и требующаго, чтобы въ политическую исторію включался разсказъ о войнахъ и дипломатическихъ переговорахъ. Эти подробности, необходимыя въ спеціальныхъ исторіяхъ военнаго искусства и дипломатіи, предназначенныхъ для военныхъ и дипломатовъ, показались мнѣ неумѣстными въ общей исторіи; онѣ безполезны для уразумѣнія политической эволюціи. Военныхъ и политическихъ событій я здѣсь касаюсь лишь по стольку, по сколько это необходимо для объясненія постановки вопросовъ внѣшней политики, направленія, въ которомъ они разрѣшались, и тѣхъ средствъ, которыми достигалось это разрѣшеніе. Войны, имѣвшія непосредственное вліяніе на внутреннюю политику, были уже описаны въ исторіи каждой отдѣльной страны; теперь мнѣ остается только изложить исторію международныхъ событій.

Таковъ былъ вопросъ о *вмѣшательствѣ*, разрѣшенный по поводу итальянскихъ революцій.

3) Союзники гарантировали неприкосновенность государственныхъ территорій по всей Европѣ, за исключеніемъ Оттоманской имперіи. Слѣдовало ли поддерживать неприкосновенность владѣній султана? Таковъ былъ восточный вопросъ. Поставленный еще на вѣнскомъ конгрессѣ, гдѣ русскій императоръ воспротивился его обсужденію, вопросъ этотъ снова долженъ былъ возникнуть по случаю греческаго возстанія.

4) Союзники не приняли никакого рѣшенія относительно американскихъ колоній. Слѣдовало ли вмѣшаться, съ цѣлью принудить испанскія колоніи къ покорности? Вопросъ этотъ, возникавшій еще въ 1815 году, былъ рѣшенъ на веронскомъ конгрессѣ.

Священный союзъ (1815 г.). — Трактаты 1815 года были чисто политическими актами, въ которыхъ религіозные вопросы вовсе не принимались въ разсчетъ. Между тѣмъ императоръ Александръ, подъ вліяніемъ христіанскихъ мистиковъ *), захотѣлъ упрочить политическій союзъ государей союзомъ религіознымъ; прусскій король, связанный съ нимъ личною дружбою со времени кампаній 1813—1815 гг., и къ тому же самъ проникнутый религіозными чувствами, одобрилъ это намѣреніе; императоръ австрійскій согласился на него изъ вѣжливости по отношенію къ русскому императору. Всѣ три государя, находившіеся въ то время еще во Франціи, заключили между собою договоръ, который затѣмъ былъ торжественно опубликованъ подъ названіемъ *Священнаго Союза*.

Этотъ договоръ, безпримѣрный въ исторіи европейской дипломатіи, начинается обращеніемъ къ «Пресвятой и нераздѣльной Троицѣ» и содержитъ въ себѣ лишь религіозныя заявленія и обѣщанія нравственнаго свойства. «Прійдя къ глубокому убѣжденію, что въ основу того направленія, которое принято державами въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, необходимо положить высокія истины, коимъ учитъ насъ вѣчная религія Бога Спасителя, государи торжественно объявляютъ, что настоящій актъ единственною своею цѣлью имѣетъ засвидѣтельствовать передъ лицомъ вселенной о ихъ непоколебимомъ рѣшеніи руководиться въ своемъ поведеніи исключительно предписаніями этой святой религіи,— предписаніями, вмѣняющими въ обязанность справедливость, милосердіе и миръ; правила эти отнюдь не должны ограничиваться въ своихъ примѣненіяхъ частною жизнью; они, напротивъ, должны вліять на рѣшенія государей и служить имъ руководящимъ началомъ во всѣхъ ихъ поступкахъ».

«Сообразуясь со словами Священнаго Писанія, повелѣвающаго всѣмъ людямъ смотрѣть другъ на друга, какъ на братьевъ, три договаривающіеся монарха остаются связаны узами истинной и нерасторжимой братской любви; они во всѣхъ случаяхъ и вездѣ будутъ оказывать другъ другу помощь, поддержку и содѣйствіе; по отношенію къ своимъ подданнымъ они будутъ смотрѣть на себя, какъ на отцовъ семейства, они будутъ руководить ими въ духѣ той же братской любви... въ интересахъ огражденія религіи, мира и справедливости. Единственнымъ началомъ, опредѣляющимъ отношенія какъ между правительствами, такъ и между ихъ подданными, будетъ стремленіе оказывать другъ другу услуги... и смотрѣть другъ на друга, какъ на членовъ одной и той же христіанской націи, причемъ сами союзные государи смотрятъ на себя, какъ на уполномоченныхъ, поставленныхъ Провидѣніемъ для управленія тремя отпрысками одного и того же семейства... исповѣдуя такимъ образомъ, что *христіанская нація*, къ которой они и народы ихъ принадлежатъ, не имѣетъ другого Царя, кромѣ... Бога, божественнаго Спасителя нашего Іисуса Христа, Слова Всевышняго, дарующаго жизнь».

Документъ этотъ являлся договоромъ о христіанскомъ братствѣ, противополагавшемся братству революціонному; но онъ былъ заключенъ помимо Церквей, отъ имени народовъ, государями, «уполномоченными Провидѣніемъ». Этотъ Священный Союзъ между тремя государями, принадлежавшими къ соперничествующимъ вѣроисповѣданіямъ, — католикамъ, схизматикамъ и еретикамъ,— не понравился въ Римѣ. Одинъ изъ выдающихся католическихъ писателей, Жозефъ де-Местръ, изобличалъ въ договорѣ о Священномъ Союзѣ «духъ иллюминатства, который противополагаетъ религіи религіозность»; по мнѣнію де-Местра, документъ этотъ по настоящему слѣдовало бы озаглавить такъ: «Конвенція, которою государи объявляютъ, что всѣ христіане составляютъ одну семью, исповѣдующую одну религію, и что вѣроисповѣдныя названія, коими они отличаются другъ отъ друга, не имѣютъ никакого значенія». Дѣйствительно, въ упомянутомъ документѣ проявлялся такъ называемый *индифферентизмъ*, осужденный католической церковью, какъ ересь.

Договоръ приглашалъ и другія державы вступить въ Священный Союзъ и «торжественно признать его священныя начала». Людовикъ XVIII примкнулъ къ нему изъ уваженія къ русскому императору; большинство остальныхъ государей поступили точно такъ-же. Англійское правительство отказалось, мотивировавъ свой отказъ тѣмъ, что союзъ, заключенный въ такихъ общихъ выраженіяхъ, не можетъ быть скрѣпленъ подписью ни одного министра, тогда какъ англійскіе законы требуютъ, чтобы каждый актъ англійскаго короля былъ скрѣпленъ подписью министра.

*) Въ это время онъ находился подъ вліяніемъ г-жи Крюднеръ, съ которой познакомился въ маѣ 1815 г. Эта женщина-мистикъ была уроженкою Риги и провела нѣсколько лѣтъ въ Швейцаріи.

Въ дѣйствительности, Священный Союзъ остался торжественнымъ заявленіемъ безъ практическаго результата; Меттернихъ называлъ его «звонкимъ ничто». Но онъ произвелъ на враговъ реставраціи, въ особености во Франціи, сильное впечатлѣніе. Публика смѣшивала его съ союзомъ державъ противъ Франціи; она привыкла обозначать *Союзниковъ* 1814 года именемъ Священнаго Союза, сдѣлавшимся для либераловъ синонимомъ войны противъ Франціи и либеральныхъ порядковъ.

Соперничество императора Александра I и Меттерниха (1815—18 гг.)—Кажущееся согласіе между правительствами великихъ державъ было маскою, подъ которой таилась глухая борьба между тѣми двумя людьми, которые въ то время были вершителями судебъ европейской политики: Александромъ и Меттернихомъ. Между ними существовалъ антагонизмъ характеровъ, политическихъ идеаловъ и практическихъ интересовъ.

Александръ былъ человѣкъ мягкій отъ природы, впечатлительный, религіозный, проникнутый сознаніемъ своихъ обязанностей и доступный гуманитарнымъ идеямъ. Воспитанный либеральнымъ наставникомъ, извѣстнымъ Лагарпомъ, онъ носилъ въ душѣ идеалъ конституціонной монархіи съ преобладаніемъ власти монарха, нѣчто вродѣ англійскаго торизма. За одно съ Англіей онъ способствовалъ сохраненію конституціоннаго правленія во Франціи и въ Швейцаріи и самъ даровалъ конституцію Царству Польскому.

Меттернихъ, разочарованный и скептическій дипломатъ, недоступный никакому чувству состраданія, придерживался одной только политики интересовъ, а главнымъ интересомъ онъ считалъ консерватизмъ, т. е. сохраненіе всего существующаго. «Базисомъ современной политики долженъ быть *покой*», писалъ онъ въ 1817 г. Будучи заклятымъ врагомъ революціи во всѣхъ ея формахъ, онъ высказывалъ свое предпочтеніе къ неограниченной и аристократической монархіи и считалъ всякую конституцію оружіемъ революціонеровъ.

Между нимъ и Александромъ борьба происходила главнымъ образомъ на почвѣ внутренней организаціи европейскихъ государствъ и того положенія, которое слѣдовало занять относительно политическихъ партій. Императоръ Александръ поддерживалъ либеральныхъ конституціоналистовъ, Меттернихъ же боролся противъ нихъ. Посланники обѣихъ державъ, Россіи и Австріи, аккредитованные при правительствахъ второстепенныхъ государствъ, путемъ интригъ оспаривали другъ у друга вліяніе на эти правительства. Въ Германіи русскіе агенты поддерживали тѣхъ государей, которые были расположены даровать конституцію своимъ подданнымъ, какъ то было въ Веймарѣ, въ Вюртембергѣ, въ Баденѣ, въ Баваріи. Александръ сдѣлался покровителемъ конституціонныхъ государствъ южной Германіи; правительства Баваріи и Бадена, между которыми шелъ споръ изъ-за обладанія Пфальцемъ на правомъ берегу Рейна, оба обращались къ нему. Въ Италіи, король Сардинскій, приглашенный Меттернихомъ въ 1815 году подписать особый договоръ съ Австріей, искалъ поддержки у Англіи, которая посовѣтовала ему согласиться. Тогда онъ обратился къ Александру; Александръ велѣлъ ему сказать, что общій союзъ исключаетъ всякій сепаратный договоръ; такимъ образомъ былъ разстроенъ планъ итальянской конфедераціи, подчиненной австрійскому вліянію. Въ Испаніи русскій посланникъ, пользовавшійся неограниченнымъ вліяніемъ на короля Фердинанда, не смотря на противодѣйствіе абсолютистской партіи, удержалъ у кормила правленія министра (Гараи), пытавшагося ввести преобразованіе въ финансахъ; идя далѣе своихъ инструкцій, онъ обѣщалъ Испаніи денежную помощь и даже пріобрѣтеніе Португаліи, и старался добиться для возставшихъ американскихъ колоній амнистіи и хартіи. Во Франціи императоръ Александръ поддерживалъ министерство Ришелье *), стоявшее за Хартію, противъ палаты, которая была прозвана «небывалой» и желала принудить короля взять ультра-консервативное министерство. Онъ послалъ Людовику XVIII мемуаръ, направленный противъ ультра-консерваторовъ; въ этомъ мемуарѣ онъ заявилъ, что трактатъ 1815 г. имѣлъ цѣлью упрочить порядокъ, установленный во Франціи въ 1814 г., поддержаніемъ королевской власти во всей ея неприкосновенности и возстановленіемъ конституціонной хартіи; въ заключеніе онъ убѣждалъ короля распустить палату.

Помимо вмѣшательства въ дѣйствія правительствъ, Александръ поддерживалъ сношенія съ наиболѣе выдающимися представителями оппозиціонныхъ партій; по крайней мѣрѣ недовольные либералы пользовались его именемъ для усиленія своего авторитета. Всѣмъ было извѣстно, что онъ не любилъ Бурбоновъ и поощрялъ религіозную пропаганду, независимую отъ установленныхъ церквей. Бонапартисты, устроившіе заговоръ въ Бельгіи съ цѣлью изгнать Бурбоновъ и посадить на ихъ мѣсто принца Оранскаго, шурина русскаго императора, давали понять, что Александръ поощряетъ ихъ замыслы. Въ Италіи Меттернихъ приписывалъ либеральную и національную агитацію русскимъ эмиссарамъ; позднѣе въ 1819 г. онъ обвинялъ ихъ въ томъ, что они «предсѣдательствуютъ въ клубахъ карбонаріевъ», и жаловался также на поощреніе, оказываемое русскимъ императоромъ библейскимъ обществамъ. Онъ писалъ австрійскому императору: «Съ 1815 г. Александръ оставилъ якобин-

*) Ришелье долгое время жилъ въ Россіи, гдѣ онъ былъ губернаторомъ Одессы.

ство и ударился въ мистицизмъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ тенденціи его остаются революціонными, то и религіозныя его чувства принимаютъ тотъ же отпечатокъ. На первомъ планѣ во всѣхъ его разсчетахъ стоитъ желаніе дѣлать прозелитовъ. Съ этою-то цѣлью онъ вербуетъ якобинцевъ въ Италіи и сектантовъ во всей Европѣ» (Меттернихъ подъ словомъ «якобинцы» подразумѣвалъ всѣхъ приверженцевъ конституціоннаго порядка правленія). Онъ обращалъ «вниманіе кабинетовъ на усиленіе сектъ, начинающихъ угрожать спокойствію центральной Европы». На г-жу Крюднеръ онъ смотрѣлъ, какъ на личность, особенно опасную, «такъ какъ всѣ ея проповѣди имѣютъ цѣлью возстановлять неимущіе классы противъ собственниковъ».

На Востокѣ Александръ держался завоевательной политики; еще во времена Наполеона онъ заключилъ первый союзъ между Франціей и Россіей, предоставляя Франціи Западъ съ тѣмъ, чтобы ему была предоставлена свобода дѣйствовать на Востокѣ; онъ началъ завоеваніе Оттоманской имперіи (1806—12 гг.) и удержалъ за собою часть ея территоріи (Бессарабію). Меттернихъ подозрѣвалъ, что онъ хочетъ возобновить тѣсный союзъ съ Франціей и снова приступить къ завоеваніямъ. На вѣнскомъ конгрессѣ Александръ отказался приравнять султана къ государямъ, которымъ гарантировалась неприкосновенность ихъ территорій. На самомъ же дѣлѣ Александръ былъ утомленъ войною на Дунаѣ, которая только разстраивала русскую армію; онъ болѣе не желалъ никакихъ осложненій съ этой стороны; въ 1817 г. онъ отказался выслушать посланца одного патріотическаго греческаго общества, явившагося умолять его о помощи.

Ахенскій конгрессъ и перемѣна въ настроеніи Александра (1818 г.).—Соперничество между Александромъ и Меттернихомъ пошло въ прокъ либераламъ, такъ какъ оно ослабило силу абсолютистской реакціи въ странахъ, находившихся подъ вліяніемъ русскаго императора. Но, мало-по-малу, Александръ началъ пугаться успѣховъ либеральныхъ партій; Меттернихъ сталъ пріобрѣтать вліяніе надъ нимъ и склонять его на сторону абсолютистской политики. Эта перемѣна въ настроеніи Александра началась по поводу французской политики. Уже съ 1815 г. Союзниками были приняты мѣры, чтобы предотвратить возобновленіе революціи. Ихъ посланники въ Парижѣ обязаны были собираться разъ въ недѣлю для того, чтобы освѣдомляться о положеніи дѣлъ во Франціи, подавать французскому правительству совѣты, слѣдить за уплатою военной контрибуціи и рѣшать, какія передвиженія войскъ надлежало сдѣлать. Инструкціи, данныя главнокомандующему оккупаціонной арміей, Веллингтону, предупреждали его, что союзники «формально обѣщали королю поддерживать его съ оружіемъ въ рукахъ противъ всякаго революціоннаго движенія»; инструкціи предоставляли «на усмотрѣніе главнокомандующаго, когда и какимъ образомъ онъ долженъ будетъ пустить въ ходъ вооруженную силу».

Трактатъ 20 ноября 1815 г., чтобы «ради общаго спокойствія Европы» устранить отъ управленія Франціей Наполеона и членовъ его семейства, и создалъ между четырьмя Союзниками постоянную лигу для наблюденія за Франціей. Было установлено устраивать «въ опредѣленныя эпохи съѣзды, посвященные разсмотрѣнію великихъ общихъ интересовъ и мѣръ, которыя въ данное время будутъ сочтены наиболѣе полезными для спокойствія и благоденствія народовъ и для мира Европы». Предполагалось превратить конгрессы въ правильно дѣйствующее учрежденіе, посредствомъ котораго великія державы руководили бы Европой и надзирали за Франціей.

Первымъ поводомъ къ созванію конгресса послужило положеніе дѣлъ во Франціи. Министръ Ришелье просилъ Александра ускорить очищеніе французской территоріи отъ оккупаціонныхъ войскъ. Англійское правительство согласилось уменьшить численность оккупаціонной арміи подъ условіемъ уплаты извѣстной части военной контрибуціи. Франція добыла въ 1817 г. деньги путемъ пятипроцентнаго займа, выпускъ котораго состоялся по 55 франковъ за 100, и подписку на который взялъ на себя одинъ англійскій банкъ.

Для окончательнаго рѣшенія вопроса объ очищеніи французской территоріи, союзники согласились собраться на совѣщаніе. Александръ предлагалъ конгрессъ, подобный вѣнскому, на который были бы приглашены всѣ европейскія государства. Меттернихъ, во избѣжаніе затрудненій, уже испытанныхъ на вѣнскомъ конгрессѣ, настоялъ на простой конференціи между четырьмя Союзниками; на эту конференцію рѣшено было пригласить и Францію.

Конференція эта, неправильно названная ахенскимъ *конгрессомъ* (ноябрь 1818 г.), была лишь личнымъ съѣздомъ трехъ государей, русскаго и австрійскаго императоровъ и прусскаго короля, а также министровъ пяти великихъ державъ. Четыре Союзника, прежде чѣмъ допустить Францію на совѣщанія, заключили между собой соглашеніе. Они опредѣлили порядокъ очищенія французской территоріи отъ оккупаціонной арміи. Александръ, уже встревоженный открытіемъ тайнаго общества среди русскихъ офицеровъ, былъ очень испуганъ результатами октябрьскихъ выборовъ во Франціи *), оказав-

*) Одинъ изъ агентовъ крайней реакціонной партіи, Витроль, вручилъ русскому посланнику докладныя записки, въ которыхъ просилъ русскаго императора остановить революціонное движеніе и, съ этой цѣлью, убѣдить Людовика XVIII перемѣнить министерство; секретная нота, составленная именно въ этомъ смыслѣ, была сообщена министерству Деказа, которое опубликовало

шихся благопріятными для либераловъ (еще ранѣе онъ уже совѣтовалъ Людовику XVIII измѣнить избирательный законъ). Меттернихъ воспользовался этими впечатлѣніями и добился заключенія тайнаго договора между четырьмя Союзниками. По этому договору Союзники обязывались къ совокупному военному вмѣшательству въ случаѣ какого-либо переворота во Франціи, грозящаго нарушить общественное спокойствіе и безопасность сосѣдей. (Англія впрочемъ обѣщала свое содѣйствіе лишь въ томъ случаѣ, еслибы на престолъ былъ возведенъ кто-нибудь изъ членовъ семейства Бонапартовъ).

Принявъ свои мѣры предосторожности противъ Франціи, Союзники согласились исполнить то, о чемъ просилъ ихъ Ришелье, и въ чемъ они ему отказали въ октябрѣ. Франція была допущена въ союзъ, и это допущеніе состоялось сначала въ формѣ тайнаго протокола (15 ноября), а затѣмъ объ этомъ было публично оповѣщено. Въ тайномъ регламентѣ были предусмотрѣны всѣ военныя мѣры, какія надлежало принять въ случаѣ революціи во Франціи: движеніе войскъ, защита крѣпостей (русскій императоръ предлагалъ даже цѣлый планъ кампаніи). Послѣ этого конференція перешла къ разсмотрѣнію германскихъ, испанскихъ и колоніальныхъ вопросовъ.

На ахенской конференціи политика Меттерниха одержала рѣшительную побѣду. Главнымъ ея результатомъ было торжественное подтвержденіе союза, направленнаго противъ революціонеровъ. «Утѣшителенъ тотъ результатъ, писалъ Меттернихъ, что *ничто не будетъ измѣнено въ существующемъ порядкѣ*, и этотъ результатъ является наилучшею побѣдою кабинетовъ, которые никогда не искали опоры въ духѣ новаторства». Результаты эти были въ то время пораженіемъ Александра, который преклонялся передъ тѣмъ, что онъ называлъ духомъ времени, породивъ своими *словесными заявленіями* надежды среди новаторовъ и сектантовъ всевозможнаго рода. Послѣ конгресса Меттернихъ писалъ: «Конгрессъ одобрилъ друзей порядка и мира во всѣхъ странахъ и повсюду распространилъ тревогу въ рядахъ новаторовъ и мятежниковъ».

Обращеніе Александра въ сторону консерватизма, начавшееся въ Ахенѣ, завершилось подъ вліяніемъ манифестаціи германскихъ студентовъ, выборовъ во французскую палату въ 1819 г., и, въ особенности, убійства его агента, Коцебу. Меттернихъ воспользовался этимъ, чтобы увѣрить императора въ существованіи «большого заговора, охватившаго всю Германію», и даже въ существованіи революціонной организаціи либераловъ во всей Европѣ,—организаціи, поощряемой якобинцами (т. е. либералами), окружающими короля прусскаго, и руководимой *сектами*. Въ Германіи онъ добился принятія мѣръ противъ университетовъ и печати. Во Франціи самъ Александръ предложитъ вмѣшательство Союзниковъ; министерство Деказа, лишившись поддержки русскаго императора, обратилось къ англійскому правительству; но это послѣднее уклонилось отъ вмѣшательства.

Австрійскіе конгрессы и политика вмѣшательства (1820—23 гг.).—Революціонныя движенія въ Испаніи и въ Италіи окончательно упрочили вліяніе Меттерниха на Александра. Втеченіе одного года произошло четыре революціонныхъ вспышки,—въ Испаніи, въ Португаліи, въ Неаполѣ и въ Сардиніи; во всѣхъ этихъ движеніяхъ коноводами были офицеры, находившіеся въ сношеніяхъ съ тайными обществами—масонами или карбонаріями; всѣ они придерживались одной и той же программы—конституціи 1812 г., заимствованной изъ революціонной конституціи 1791 года и основанной на суверенитетѣ народа; одновременно съ этимъ во Франціи былъ умерщвленъ принцъ королевскаго дома и былъ открытъ цѣлый рядъ военныхъ заговоровъ. Все это, повидимому, оправдывало предостереженія и предсказанія Меттерниха. Императоръ Александръ, убѣжденный въ существованіи опасности со стороны революціи, перешелъ на сторону политики вмѣшательства, которой держался Меттернихъ. Чтобы возстановить порядокъ въ странахъ, гдѣ революція порождала смуты, правительства великихъ державъ съѣзжались нѣсколько разъ на конгрессы, которые всѣ происходили на австрійской территоріи (на этой же территоріи, въ Карлсбадѣ, состоялась, незадолго передъ тѣмъ, въ 1819 г., конференція германскихъ государей); въ 1821 г. происходилъ конгрессъ въ Троппау, въ Силезіи; въ 1821 году—конгрессъ въ Лайбахѣ, въ Крайнѣ; въ 1823 г.—веронскій конгрессъ въ Венеціанской области.

Самъ Александръ предложилъ вмѣшательство пяти союзниковъ для подавленія революціи въ Испаніи; англійское правительство отказалось, ссылаясь на то, что оно опасалось оскорбить испанскую національную гордость. Но неаполитанская революція интересовала непосредственно Австрію, такъ какъ ея ломбардскіе подданные составляли заговоры за одно съ либералами. Она поставила армію на военное положеніе и объявила, что австрійскій императоръ намѣренъ исполнить свой долгъ «естественнаго охранителя и покровителя общественнаго спокойствія въ Италіи». Французское правительство, не желая предоставить Австріи разыгрывать роль первенствующей державы въ Италіи, предложило другимъ государствамъ коллективное вмѣшательство, для успокоенія итальянцевъ, которыхъ вступленіе одной только австрійской арміи должно

ее, обвиняя крайнихъ реакціонеровъ въ составленіи заговора противъ короля. Это былъ такъ называемый заговоръ *du bord de l'eau* (1818).

было встревожить. Русскій императоръ согласился на это предложеніе; рѣшено было созвать конгрессъ пяти великихъ державъ.

Троппаускій конгрессъ былъ посвященъ обсужденію неаполитанскихъ дѣлъ. Меттернихъ предложилъ вмѣшательство съ цѣлью возстановленія абсолютизма, отъ котораго Фердинандъ договоромъ, заключеннымъ съ Австріей въ 1815 году, обѣщался не отступать. Русскій императоръ и Франція были того мнѣнія, что слѣдуетъ сначала вступить съ неаполитанскимъ королемъ въ переговоры съ цѣлью устранить изъ конституціи, не упраздняя ея, все то, что придавало ей революціонный характеръ. Англія объявила, что не согласна ни на какое вмѣшательство; по ея мнѣнію, державы должны были лишь гарантировать территоріальное равновѣсіе европейскихъ государствъ, внутренняя же политика различныхъ странъ ихъ не касалась. Такимъ образомъ были поставлены лицомъ къ лицу два противоположные принципа: съ одной стороны, *вмѣшательство*, представительницей котораго выступала Австрія, бывшая въ то время самой абсолютистской державой въ Европѣ; съ другой стороны, *невмѣшательство*, за которое стояла Англія, самая либеральная изъ европейскихъ державъ. Это впрочемъ не мѣшало Англіи и Австріи быть естественными союзницами Россіи. Съ этого момента *вмѣшательство* сдѣлалось составною частью абсолютистской программы, между тѣмъ какъ *невмѣшательство* было включено въ программу либеральныхъ партій. (Принципъ невмѣшательства былъ осужденъ въ Силлабусѣ).

Англія и Франція отказались подписать коллективную декларацію. Но Меттернихъ склонилъ на свою сторону Александра, указывая ему на революцію, угрожавшую повсюду: въ Португаліи, на Варшавскомъ сеймѣ, въ волненіяхъ русской императорской гвардіи въ Петербургѣ *). Три восточныя державы, Австрія, Россія и Пруссія, подписали принципіальную декларацію. Въ этой декларации заявлялось, что каждое изъ государствъ европейскаго союза, въ которомъ происходитъ революція, перестаетъ въ силу этого самаго факта быть членомъ союза и останется исключеннымъ изъ него до тѣхъ поръ, «пока въ немъ не водворится положеніе дѣлъ, могущее служить ручательствомъ въ сохраненіи законнаго порядка». Державы обязывались отказывать въ своемъ признаніи «реформамъ, достигнутымъ незаконнымъ путемъ, и, дабы вернуть въ лоно союза» тѣ государства, гдѣ будутъ произведены подобныя реформы, державы предоставляли себѣ право употреблять сначала дружелюбные совѣты, а въ случаѣ надобности—и принудительныя мѣры. Таковъ былъ *принципъ вмѣшательства*, оффиціально признанный въ европейскомъ международномъ правѣ. Союзники объявили себя солидарными въ борьбѣ противъ революціи и готовыми поддерживать силою дѣло, совершенное ими въ 1814 году, разумѣя подъ этимъ не только разрѣшеніе территоріальныхъ вопросовъ, но и возстановленіе абсолютизма, вопреки желанію народовъ и даже самихъ правительствъ. Они присваивали себѣ роль общеевропейскаго политическаго верховнаго суда и брали въ свои руки международную полицію для обузданія революціи. Обѣ западныя конституціонныя монархіи, Англія и Франція, не примкнули къ этому заявленію, но держались пассивно, предоставляя восточнымъ монархіямъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію.

Эта побѣда Меттерниха была возвѣщена міру въ формѣ депеши, адресованной императоромъ Александромъ русскому посланнику при неаполитанскомъ дворѣ. «Неаполитанская революція, говорилось въ этой депешѣ, представляетъ сама по себѣ такой опасный характеръ, что она не могла не привлечь къ себѣ вниманія государей. Они узнали въ ней тотъ же духъ смутъ и безпорядка, который уже давно порождаетъ бѣдствія въ мірѣ... Государи немедленно рѣшились не признавать законности того, что революція и узурпація посягали установить въ неаполитанскомъ королевствѣ».

Вслѣдствіе принятаго ими рѣшенія, государи отказались вести переговоры съ революціоннымъ правительствомъ и пригласили неаполитанскаго короля *лично* явиться для соглашенія съ ними въ Лайбахъ, куда и былъ перенесенъ конгрессъ. Они пригласили также на этотъ конгрессъ и остальныхъ итальянскихъ государей.

На Лайбахскомъ конгрессѣ былъ установленъ

---

*) Онъ вручилъ ему записку, въ которой излагались въ догматической формѣ причины революціи; для него онѣ «могли быть выражены однимъ словомъ: *самомнѣніе*... Религія, нравственность, законодательство, политическая экономія, администрація,—все, повидимому, сдѣлалось общимъ достояніемъ, доступнымъ всѣмъ и каждому»... Онъ возставалъ противъ «идеи *эмансипаціи народовъ*, нелѣпой по самой своей сущности»... По его мнѣнію, зло произошло по винѣ правительствъ XVIII столѣтія, которыя позволяли писать противъ религіи и «толковать объ общественномъ договорѣ»; затѣмъ отвѣтственность падала на Сто Дней и «на тотъ совершенно ошибочный путь, которымъ шло французское правительство съ 1815 по 1820 гг.»... «Гангреною этою поражены средніе классы... Народъ же боится движенія... волнуются только тѣ классы, которые состоятъ изъ людей денежныхъ: чиновники на жалованьи у государства, литераторы, адвокаты, преподаватели общественныхъ учебныхъ заведеній... Лозунгъ ихъ «конституція»... означаетъ собою перемѣны и смуты»... «Когда страсти находятся въ полномъ разгарѣ, не время помышлять о *преобразованіяхъ;* благоразуміе требуетъ, чтобы въ подобныя минуты ограничивались *поддержаніемъ существующаго*». Тѣ же разрушительные элементы существовали во всѣ времена: всегда были «безнравственные честолюбцы, лицемѣры, отчаянныя головы, извращенные умы и прожектеры. Но сила этого сорта людей въ наше время заключается *въ свободѣ печати*, этомъ бичѣ, невѣдомомъ міру до второй половины XVIII столѣтія».

порядокъ внутренняго управленія Неаполитанскаго королевства. Король Фердинандъ, который уѣхалъ изъ Неаполя, поклявшись защищать конституцію, обратился къ конгрессу съ просьбой возстановить его неограниченную власть. Великія державы рѣшили между собою послать австрійскую армію, въ случаѣ, если подданные короля не покорятся; затѣмъ онѣ сообщили свое рѣшеніе делегатамъ остальныхъ итальянскихъ правительствъ, которые скрѣпили его и своими подписями (единственный делегатъ, отказавшійся дать свою подпись, былъ делегатъ папы). Франція напрасно требовала, чтобы сначала были сдѣланы попытки въ примирительномъ духѣ. Австрія, дѣйствуя отъ имени государей, послала армію въ Неаполитанское королевство; продолжительность оккупаціи должна была быть опредѣлена новымъ конгрессомъ.

Лайбахскій конгрессъ закончился публичнымъ заявленіемъ Австріи, утверждавшимъ, что между державами существуетъ полное согласіе во взглядахъ и принципахъ. Французское правительство дополнило это заявленіе оговоркой, въ формѣ пояснительной ноты, которою Меттернихъ воспользовался, чтобы выставить Францію въ глазахъ русскаго императора, какъ очагъ революціи. Государи готовились разъѣхаться изъ Лайбаха, гдѣ они дожидались только окончанія австрійской экспедиціи въ неаполитанское королевство, какъ вдругъ пришло извѣстіе о революціи, вспыхнувшей въ Пьемонтѣ, а вслѣдъ за этимъ—извѣстіе о греческомъ возстаніи Ипсиланти въ Молдавіи; императоръ Александръ, не колеблясь, высказался противъ революціонеровъ; онъ предложилъ послать армію въ Пьемонтъ и отрекся отъ всякой солидарности съ Ипсиланти, котораго велѣлъ вычеркнуть изъ списка офицеровъ русской службы.

Австрійская армія, посланная въ Неаполитанское королевство, покорила страну почти безъ боя (марта 1821 г.). Въ Пьемонтѣ австрійская армія, къ которой присоединились сардинскіе полки, не принявшіе участія въ возстаніи, разсѣяли взбунтовавшіеся полки подъ Новарой. Банда Ипсиланти была разсѣяна турками. Меттернихъ воспользовался раздраженіемъ императора Александра, чтобы возстановить его противъ революціи и Франціи *) и добиться изданія новаго публичнаго заявленія (12 мая), въ которомъ трактовалось объ «обширномъ заговорѣ», о «нечестивой лигѣ», организованной «съ цѣлью ниспроверженія существующаго порядка», и о той «преградѣ, которую государи воздвигли для удержанія этого потока». Тогда вновь сталъ на очередь восточный вопросъ: начались возстанія грековъ и избіенія ихъ. Русскій императоръ, традиціонный защитникъ православныхъ, протестовалъ ультиматумомъ. «Христіанскій міръ, говорилъ онъ, не можетъ оставаться безмолвнымъ зрителемъ истребленія христіанскаго народа». Но, въ виду сопротивленія Австріи и Англіи, онъ, въ концѣ концовъ, принялъ ихъ посредничество, цѣлью котораго было дать султану время подавить возстаніе христіанъ. Меттернихъ парализовалъ Александра.

Оставалось уладить испанскій вопросъ. Этимъ занялся Веронскій конгрессъ (окт.—дек. 1822 года), на которомъ засѣдали три восточныхъ монарха вмѣстѣ съ уполномоченными отъ великихъ державъ и итальянскихъ государей. Король испанскій лично писалъ Людовику XVIII, прося у него помощи противъ своихъ подданныхъ. Французское правительство не желало вмѣшиваться, помня объ испанской національной войнѣ противъ Наполеона. Англійское правительство объявило вмѣшательство опаснымъ и отказалось принять въ немъ участіе. Но Александръ хотѣлъ войны, «войны Франціи съ Испаніей, войны съ участіемъ и безъ участія Франціи, войны вопреки Франціи». Державы, за исключеніемъ Англіи, согласились обратиться съ нотою къ испанскому привительству и объявить Европѣ о предстоящемъ вмѣшательствѣ. Французское правительство еще колебалось нѣкоторое время, но французская палата хотѣла войны, какъ легитимистской демонстраціи. Такимъ образомъ Франція начала войну съ цѣлью возстановленія власти испанскаго короля. Это была не болѣе какъ военная прогулка, окончившаяся осадою Кадикса (1823 г.).

Англійская политика Каннинга. — До сихъ поръ союзъ пяти державъ офиціально поддерживался. Англія отказалась принять участіе во вмѣшательствѣ, но не противодѣйствовала ему. Распаданіе союза началось, въ виду двухъ вопросовъ, остававшихся не разрѣшенными съ 1815 г.: вопроса объ испанскихъ колоніяхъ и восточнаго.

Эта перемѣна политики произошла вслѣдъ за перемѣной дѣйствующихъ лицъ. Послѣ самоубійства англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ Кэстльри въ 1822 г., его мѣсто занялъ Каннингъ. Каннингъ началъ съ того на Верон-

*) Онъ вручилъ ему новую докладную записку, въ которой, между прочимъ, говорилось: «Обширный и опасный заговоръ, начиная съ 1814 года, пріобрѣлъ столько силы и способовъ дѣйствія, что могъ овладѣть множествомъ пружинъ въ управленіи общественными дѣлами. Ему достаточно было одного слова, чтобы расположить въ свою пользу общественное мнѣніе... слово это: *конституція*... Вліяніе, мѣста, богатство, все то, что служитъ приманкою для человѣческихъ страстей, прицѣплено къ дереву свободы на подобіе призовъ, выбѣшиваемыхъ на мачтѣ во время публичныхъ гуляній». Какъ средство противодѣйствовать этому злу, онъ рекомендуетъ соглашеніе между Австріей и Россіей, «которыя должны обязать своихъ представителей оказывать другъ другу взаимную помощь во всевозможныхъ обстоятельствахъ... Бунтовщики всѣхъ странъ создали центръ, куда стекаются всѣ свѣдѣнія и откуда исходитъ всякая революціонная инціатива (подъ этимъ разумѣется Парижъ). Этому центру слѣдуетъ противопоставить другой (т. е. Вѣну».

скомъ конгрессѣ, что протестовалъ противъ вмѣшательства въ испанскія дѣла, и, покинувъ пассивное положеніе, перешелъ къ активному противодѣйствію. Его политика была противоположна меттерниховской. Онъ не только, подобно своимъ предшественникамъ, отвергалъ принципъ вмѣшательства, говоря, что гарантія, обѣщанная государямъ трактатами 1815 г., «территоріальная, а не политическая», и потому не обязывала охранять внутренній строй отъ революцій, но онъ признавалъ право *противиться* политическому вмѣшательству другой державы.

Возставшія испанскія колоніи объявили себя независимыми государствами. Французскій посолъ Шатобріанъ предложилъ на Веронскомъ конгрессѣ распространить принципъ вмѣшательства на колоніи и помочь испанскому королю добиться ихъ покорности. Каннингъ сначала отвѣтилъ на это рѣчью въ парламентѣ о независимости народовъ и національной чести, а затѣмъ официально призналъ испанскія республики. Въ отвѣтъ на французскую экспедицію въ Испанію онъ вмѣшался въ португальскія дѣла, пославши эскадру и англійскій корпусъ противъ дона Мигюэля (1826 г.).

Это была первая брешь въ системѣ Меттерниха.

Вмѣшательство въ восточныя дѣла (1823—28 г.).—Восточный вопросъ былъ поставленъ на очередь еще въ 1821 году. Общественное мнѣніе въ Европѣ было на сторонѣ возставшихъ грековъ, но правительства держались въ сторонѣ отъ движенія; на Веронскомъ конгрессѣ они отказались даже принять греческихъ посланцевъ и выразили порицаніе возстанію. И въ этомъ случаѣ иниціативу взялъ на себя Каннингъ, признавши грековъ воюющею стороною. Александръ продолжалъ колебаться, не рѣшаясь ни принять открыто сторону революціонеровъ-грековъ, ни высказаться въ пользу врага христіанъ, султана. На Веронскомъ конгрессѣ онъ не поддержалъ греческихъ посланныхъ, которыхъ конгрессъ не захотѣлъ выслушать, чтобы не поощрять подданныхъ, возставшихъ противъ своего государя; онъ уволилъ своего министра Каподистріа, сторонника вмѣшательства, вновь вступилъ въ сношенія съ турецкимъ правительствомъ и организовалъ конференцію въ Петербургѣ, съ цѣлью возстановить миръ.

Онъ предложилъ въ видѣ компромисса оставить Грецію въ подданствѣ султана, но съ автономнымъ христіанскимъ правительствомъ, раздѣливши ее на три княжества, соотвѣтствующія тремъ правительствамъ, которыя въ ней образовались; управленіе княжествъ должно было быть подобно румынскому; они платили бы дань султану и находились бы подъ защитою русскаго императора. Этотъ проектъ былъ отвергнутъ всѣми партіями, и на конференціи было рѣшено только пригласить султана принять посредничество державъ, не угрожая ему принудительнымъ миромъ.

Рѣшившись наконецъ дѣйствовать, Александръ объявилъ официальною нотою (авг. 1825 г.) о своемъ намѣреніи вмѣшаться единолично. Его смерть ускорила перемѣну въ русской политикѣ. Преемникъ его, императоръ Николай, еще до восшествія на престолъ, высказалъ свои симпатіи возставшимъ христіанамъ. Онъ не хотѣлъ предоставить англичанамъ монополію защиты грековъ и рѣшилъ вмѣшаться въ союзѣ съ англійскимъ правительствомъ.

Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, Каннингъ устроилъ совѣщаніе съ греками въ Периволаки (въ Морећ); упавшіе духомъ греки согласились на учрежденіе трехъ подвластныхъ султану княжествъ. Каннингъ послалъ въ Петербургъ Веллингтона для соглашенія съ Николаемъ. Было условлено, что Англія предложитъ свое посредничество султану, а Россія поддержитъ ее. Политика Меттерниха была покинута.

Это рѣшеніе не было сообщено турецкому правительству. Россія вступила съ нимъ въ переговоры по другимъ вопросамъ, закончившимся Аккерманскимъ трактатомъ 1826 г., въ силу котораго она добилась всего, что требовала. Только черезъ годъ великому визирю былъ официально сообщенъ протоколъ 1826 г. Онъ отказался принять его въ соображеніе. Но Англія и Россія настаивали на своемъ рѣшеніи; Франція также присоединилась къ протоколу. Эти три державы дѣйствовали согласно съ цѣлью принудить султана заключить миръ. Такимъ образомъ положеніе сдѣлалось совершенно обратнымъ тому, какимъ оно было въ 1820 г.: теперь вмѣшались Англія и Франція, но съ цѣлью поддержать возстаніе; Австрія же и Пруссія отказывались отъ вмѣшательства; Россія въ 1820 году дѣйствовала противъ подданныхъ, а въ 1827 г.—противъ ихъ государя.

Султанъ отклонилъ всякое посредничество. Три державы, послѣ шестилѣтняго выжиданія, принуждены были, наконецъ, *дѣйствовать*. Въ силу Лондонскаго трактата 1828 года онѣ заявили себя готовыми силою добиться автономіи для Греціи и послали въ Грецію соединенный флотъ. Пока дѣло шло только о морской демонстраціи; послы ограничились тѣмъ, что потребовали у султана перемирія для Греціи, угрожая, въ случаѣ отказа, принять энергическія мѣры, но еще не объявляя войны.

Неожиданная смерть Каннинга въ августѣ 1827 г. измѣнила политику англійскаго министерства; его преемники желали устранить Англію отъ всѣхъ осложненій. Но три державы уже были связаны взаимными обязательствами. Ихъ флотъ, подъ командою англійскаго адмирала, приплылъ къ западнымъ берегамъ Мореи, гдѣ сосредоточился флотъ Ибрагима, готовясь къ опустошенію острова Гидры. Союзному флоту было

приказано принудить обѣ стороны къ перемирію. Ибрагимъ сначала согласился, но потомъ, по приказанію султана, возобновилъ войну, уничтожая фиговыя и оливковыя плантаціи Мессеніи. Тогда европейскій флотъ потребовалъ, чтобы египетскій флотъ удалился, а такъ какъ въ отсутствіе Ибрагима египтяне отказывались тронуться съ мѣста, то союзный флотъ вошелъ въ портъ Наваринъ и сталъ рядомъ съ египетскими кораблями. Христіанскій экипажъ былъ такъ возбужденъ противъ мусульманъ, что достаточно было одного выстрѣла съ египетскаго корабля, чтобы вызвать знаменитое наваринское сраженіе, окончившееся уничтоженіемъ египетскаго флота. Послѣ этого европейцы удалились.

Наваринское сраженіе было непредвидѣнною случайностью; англійское правительство назвало его «злополучнымъ событіемъ». Но оно до такой степени раздражило султана, что онъ потребовалъ офиціальнаго осужденія его и денежнаго вознагражденія, а затѣмъ порвалъ сношенія съ тремя державами, изгналъ изъ своихъ владѣній англійскихъ, французскихъ и русскихъ подданныхъ и издалъ прокламацію къ мусульманамъ, призывая ихъ къ защитѣ своей религіи противъ невѣрныхъ. Вмѣшательство привело, наконецъ, къ разрыву съ Оттоманской имперіей.

Но европейскія державы все еще желали избѣгнуть войны. Англія ограничилась тѣмъ, что послала флотъ къ Александріи, что заставило Мехмета-Али отозвать своего сына Ибрагима. Франція только отправила экспедицію въ Морею (1828 г.). Одна Россія начала войну, заявивши, что она будетъ защищать русскіе интересы, но не намѣрена дѣлать завоеваній.

Русско-турецкая война состояла изъ двухъ кампаній. Въ 1828 г. русскіе только совершили походъ черезъ Румынію къ Дунаю, сопровождавшійся осадой крѣпостей. Русская армія, плохо снабженная провіантомъ и дурно руководимая, потеряла часть своихъ людей и, не дойдя до Балканъ, была остановлена укрѣпленнымъ лагеремъ Шумлы. Австрія пыталась втеченіе зимы убѣдить державы вмѣшаться, чтобы остановить войну. Меттернихъ помышлялъ даже о войнѣ съ Россіей, но австрійская армія была слишкомъ слаба, а австрійскій императоръ стоялъ за миръ.

Кампанія 1829 г. была рѣшена однимъ сраженіемъ въ Болгаріи. Оттоманская армія, дезорганизованная послѣ уничтоженія янычаръ, разбѣжалась и оставила проходъ черезъ Балканы свободнымъ. Дибичъ воспользовался этимъ, перешелъ горы и спустился къ Адріанополю. У него оставался только одинъ корпусъ въ 20,000 человѣкъ, частью неспособный къ бою и слишкомъ слабый для взятія Константинополя. Но упавшіе духомъ мусульмане не пытались болѣе сопротивляться. Султанъ, устрашенный рѣшительными маневрами Дибича, считалъ себя во власти русскихъ. Одинъ прусскій офицеръ, Мюффлингъ, спеціально посланный султану прусскимъ королемъ, помогъ переговорамъ. Махмудъ принялъ условія, продиктованныя Россіей: военную контрибуцію, разрушеніе турецкимъ крѣпостей въ Румыніи, свободный проходъ черезъ проливы для кораблей всѣхъ націй, созданіе Греческаго королевства (сент. 1829 г.). Адріанопольскій миръ установилъ преобладаніе Россіи на Востокѣ.

Распаденіе европейскаго союза (1830 г.).— Система Меттерниха была потрясена политикой Каннинга и войною Николая I въ Турціи. Но столкновенія между Австріей и другими державами происходили пока еще по вопросамъ и въ странахъ, которыхъ не касались трактаты 1815 г.: съ Англіей—по вопросу объ испанскихъ колоніяхъ въ Алжирѣ, съ Россіей—по поводу возставшихъ христіанъ Оттоманской имперіи. Трактаты оставались неприкосновенными.

Революція 1830 г. во Франціи пробила первую брешь въ созданіи Вѣнскаго конгресса. Она вырвала Францію изъ рукъ законнаго правительства Бурбоновъ, гарантированнаго Союзниками, и передала ее революціонному правительству, Луи-Филиппу, «королю баррикадъ», принявшему власть во имя революціоннаго принципа народнаго суверенитета, съ трехцвѣтнымъ знаменемъ, эмблемою революціи.

Во Франціи министерство Полиньяка хотѣло воспользоваться разрывомъ между Россіей и Австріей для заключенія франко-русскаго союза, который позволилъ бы Франціи возобновить политику завоеваній; Полиньякъ даже предлагалъ русскому императору проектъ расчлененія Оттоманской имперіи. Румынія должна была достаться Россіи, Сербія и Болгарія—Австріи, остальное—нидерландскому королю, который уступилъ бы Голландію Пруссіи, а Бельгію—Франціи; но посланный пріѣхалъ съ этимъ предложеніемъ, когда миръ съ султаномъ былъ уже заключенъ.

Затѣмъ произошла бельгійская революція, раздѣлившая на-двое Нидерландское королевство, другое созданіе Союзниковъ. Наконецъ въ Англіи торійская партія, заключившая союзъ съ неограниченными монархіями противъ Франціи, потеряла власть (ноябрь 1830 г.), и въ управленіе вступила партія виговъ, союзница европейскихъ либераловъ. Два большихъ западныхъ государства, Франція и Англія, вышли изъ коалиціи. Союзъ 1815 г. окончательно распался, и система Меттерниха была погребена.

ГЛАВА XXV.

Соперничество Россіи и Англіи. 1830 — 1854 гг.

Внѣшнія политическія условія послѣ 1830 г. — Признаніе іюльской монархіи. — Устройство Бельгіи. — Польскій вопросъ. — Вмѣшательство Австріи и Франціи въ итальянскія дѣла. — Вмѣшательство въ дѣла Испаніи и Португаліи. — Восточный вопросъ. — Эмигранты и союзъ неограниченныхъ монархій. — Разрывъ союза между Франціей и Англіей. — Восточный вопросъ и конвенція о проливахъ. — «Сердечное согласіе». — Испанскіе браки. — Краковское дѣло. — Португальскія и итальянскія дѣла. — Швейцарскія дѣла. — Реставрація. — Торжество Австріи надъ Пруссіей. — Признаніе Французской имперіи. — Императоръ Николай и восточный вопросъ.

Внѣшнія политическія условія послѣ 1830 года.—Революція 1830 г. во Франціи и вступленіе во власть министерства виговъ въ Англіи преобразили политическое положеніе Европы. Оба большія западныя государства сдѣлались парламентарными странами; въ нихъ господствовали тѣ самыя либеральныя партіи, которыя еще ранѣе 1830 г., противодѣйствуя своимъ правительствамъ, протестовали противъ союза съ восточными абсолютными монархіями и противъ политики вмѣшательства. Достигнувъ власти, эти полу-революціонныя партіи измѣнили политику двухъ западныхъ государствъ. Онѣ порвали союзъ съ тремя государствами, оставшимися вѣрными принципамъ реставраціи 1815 г., и перестали защищать созданіе Союзниковъ. Солидарность великихъ державъ въ борьбѣ съ революціей была разрушена; Европа распалась на двѣ части: востокъ, оставшійся абсолютистскимъ, и западъ, сдѣлавшійся либеральнымъ.

При этихъ измѣнившихся условіяхъ, личный составъ, руководящій европейской политикой, сдѣлался болѣе многочисленнымъ и разнообразнымъ, чѣмъ во времена Меттерниха и Александра.

Въ восточныхъ неограниченныхъ монархіяхъ правительство попрежнему сосредоточивалось въ личности государя или его министра. Въ Австріи политика находилась въ рукахъ Меттерниха, управляющаго отъ имени императора (сначала Франца, а потомъ Фердинанда, съ 1835 до 1848 гг.); послѣ революціи 1848 г. она перешла въ руки аристократа и абсолютиста, князя Шварценберга, вскорѣ умершаго (1852 г.), а затѣмъ его ученика Буоля; въ Россіи дипломатіей руководилъ самъ императоръ Николай; въ Пруссіи — сначала робкій и миролюбивый король Фридрихъ-Вильгельмъ III, а съ 1840 г.— Фридрихъ-Вильгельмъ IV, всегда порывавшійся къ дѣятельности, но, за исключеніемъ одного момента въ 1849 г., никогда не имѣвшій своей собственной внѣшней политики. Наиболѣе вліятельными лицами оставались, какъ и послѣ 1815 г., русскій императоръ и австрійскій министръ; но ихъ относительныя роли измѣнились; состарѣвшійся и упавшій духомъ Меттернихъ, не имѣвшій личнаго вліянія на Николая и располагавшій слабыми силами (ибо всѣ знали, что австрійская армія дезорганизована), пересталъ руководить дипломатіей; вліятельная роль перешла къ русскому императору, рѣшительному противнику революцій и повелителю побѣдоносной арміи, съ которою онъ былъ готовъ поддерживать свою политику. Въ періодъ отъ 1830 до 1854 г. Николай былъ тѣмъ, чѣмъ ранѣе былъ Меттернихъ: представителемъ абсолютизма, врагомъ революцій и Франціи.

Въ западнымъ парламентарныхъ монархіяхъ внѣшняя политика уже болѣе не зависѣла отъ одного правительства; ему приходилось считаться съ палатами и общественнымъ мнѣніемъ буржуазіи. Во Франціи, Луи-Филиппъ, желавшій упрочить свой тронъ и устроить своихъ дѣтей, лично стоялъ за миролюбивую политику соглашенія со старыми монархіями; но принужденный изображать изъ себя парламентарнаго короля, онъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ по внѣшности, предоставлять управленіе своимъ министрамъ. Онъ обходилъ затрудненія, призывая въ министерства сторонниковъ его же политики (К. Перье, Брольи, Гизо), или людей безъ всякой политической программы (Моле, Сультъ), или-же мѣшая дѣйствовать министрамъ

лѣвой, когда ему приходилось имѣть дѣло съ ними (Лафиттъ, Тьеръ). Фактически французская политика была политикой Луи-Филиппа, политикой мира и бездѣйствія, изрѣдка прерывавшаяся воинственными демонстраціями для успокоенія національнаго самолюбія. То-же самое было и послѣ революціи 1848 г., до восшествія на престолъ Наполеона. Отъ 1830 и до 1852 года, за исключеніемъ бельгійскихъ событій, Франція не оказывала никакого существеннаго вліянія на европейскую политику.

Въ Англіи, государи Вильгельмъ и Викторія предоставляли министрамъ руководить даже иностранными дѣлами; вслѣдствіе этого англійская политика зависѣла отъ того, какая партія находилась у власти, и измѣнялась вмѣстѣ съ перемѣной большинства. Консервативная партія держалась политики мира и невмѣшательства; но она пользовалась властью только въ короткіе промежутки (1834—1835 г.; 1841—1846 г.; 1852 г.). Такимъ образомъ международное положеніе Англіи зависѣло отъ либеральной партіи, а эта партія предоставляла почти все время руководить внѣшней политикой министру иностранныхъ дѣлъ, Пальмерстону, по его усмотрѣнію. Пальмерстонъ выставлялъ себя одновременно поборникомъ англійской національной чести и либеральнаго образа правленія; его тактика заключалась въ устрашеніи великихъ державъ выставленіемъ напоказъ морскихъ силъ Англіи и угрозами войны, — а также въ тайныхъ переговорахъ съ недовольными либералами всѣхъ странъ съ цѣлью возбудить ихъ противъ ихъ правительствъ. Втеченіе болѣе тридцати лѣтъ (онъ умеръ въ 1865 г.) ему удавалось маскировать военное безсиліе Англіи и дѣлать изъ нея руководящую державу, соперницу Россіи. Въ періодъ отъ 1830 до 1854 г. въ европейской политикѣ главное значеніе имѣло соперничество между Николаемъ I и Пальмерстономъ, олицетворявшими собою абсолютистскій востокъ и либеральный западъ.

Кромѣ этихъ офиціальныхъ вождей Европы, второстепенную роль въ европейской дипломатіи играла новая владѣтельная семья, Саксенъ-Кобургская. Ея возвышеніе началось съ брака Леопольда на англійской принцессѣ, сестрѣ Вильгельма IV. Онъ потерялъ ее въ 1821 г., но попрежнему пользовался поддержкою англійскаго двора. О немъ вспоминали при замѣщеніи вакантныхъ троновъ. Ему была предложена сначала Греція, отъ которой онъ рѣшился отказаться, а затѣмъ Бельгія. Сдѣлавшись бельгійскимъ королемъ, онъ женился на дочери французскаго короля и сталъ заботиться объ устройствѣ своей семьи. Одинъ изъ его племянниковъ, Фердинандъ, женился на королевѣ Маріи и сдѣлался родоначальникомъ португальскаго царствующаго дома; другой, Альбертъ, женился на королевѣ Викторіи и сталъ соправителемъ Англіи; одинъ изъ Кобурговъ чуть не женился на испанской королевѣ. Семейная политика Кобурговъ установила родственныя связи между многими дворами, а эти родственныя связи иногда позволяли имъ играть роль посредниковъ между дворами великихъ державъ.

Кромѣ правительствъ и палатъ, во внѣшней политикѣ принимали участіе нѣкоторыя революціонныя группы, иногда возбуждая общественное мнѣніе, иногда-же воздѣйствуя на членовъ правительства. Наиболѣе активными изъ такихъ группъ были: «польская эмиграція» 1832 г., республиканцы Молодой Европы, позднѣе—революціонеры 1848 г., затѣмъ нѣмецкіе, итальянскіе и венгерскіе эмигранты.

Агитація и переговоры этого столь разнообразнаго персонала европейской политики сдѣлали ее гораздо сложнѣе и неустойчивѣе, чѣмъ какою она была въ эпоху реставраціи. Это былъ періодъ дѣятельныхъ и запутанныхъ интригъ, перипетій и демонстрацій, заполнявшихъ собою газеты, страшно интересовавшихъ общественное мнѣніе, но въ общемъ приводившихъ къ незначительнымъ перемѣнамъ.

Внѣшняя европейская политика офиціально выражалась нѣсколькими формулами. *Поддержаніе трактатовъ* означало сохраненіе территоріальнаго распредѣленія 1815 г. *Вмѣшательство* означало для великихъ державъ право вмѣшиваться во внутреннія дѣла второстепенныхъ государствъ съ цѣлью поддержанія образа правленія, установленнаго въ 1815 г.; если же вмѣшательство происходило съ противоположною цѣлью, то оно предполагало борьбу вліяній, если только не оканчивалось конференціей, имѣвшей въ виду возстановленіе *европейскаго концерта. Европейское равновѣсіе*, старая формула эпохи стараго порядка, заключалось въ недопущеніи ни одной изъ пяти великихъ державъ къ расширенію своей территоріи, особенно на счетъ Оттоманской имперіи, оставшейся внѣ трактатовъ 1815 г.

Всякое внутреннее осложеніе какой-либо изъ странъ давало поводъ великимъ державамъ обсуждать, не слѣдовало ли имъ вмѣшаться для поддержанія трактатовъ или европейскаго равновѣсія, побуждало ихъ къ вмѣшательству ради расширенія своего вліянія. Такимъ образомъ возникали послѣдовательно вопросы: французскій (1830 г.), бельгійскій (1830—32 г.), польскій (1831—32 г.), итальянскій (1830—35 г.), испанскій и португальскій (1834 г.), дважды восточный (1833, 1839—40 г.), краковскій (1836 г.), швейцарскій (1847 г.) и, наконецъ, общіе вопросы по поводу революціи 1848 г. и реставраціи 1849—50 г.,—до тѣхъ поръ, пока возстановленіе имперіи во Франціи совершенно не измѣнило условій европейской политики.

Признаніе іюльской монархіи 1830 г.— Революція 1830 г. во Франціи была наруше-

ніемъ трактатовъ 1815 г.; изгнавши Бурбоновъ, тронъ которыхъ былъ гарантированъ державами, она создавала *casus belli*, предусмотрѣнный конвенціей 1818 г., и, слѣдовательно, ставила вопросъ о вмѣшательствѣ Союзниковъ для противодѣйствія революціи.

Но Союзники не чувствовали себя достаточно сильными для этого. Луи-Филиппъ ставилъ имъ на видъ, что онъ принялъ тронъ только для того, чтобы прекратить революцію, что его присутствіе одно спасало Францію отъ республики и обезпечивало поддержаніе трактатовъ 1815 года. Англія, гдѣ торійское министерство Веллингтона сдерживалось сильнымъ меньшинствомъ виговъ, отказалась отъ вмѣшательства; она приказала своему послу остаться въ Парижѣ, а затѣмъ признала правительство Луи-Филиппа. Меттернихъ не рѣшился даже требовать выполненія конвенціи 1818 года, такъ какъ ни одна изъ державъ не имѣла арміи, готовой къ походу. Миръ съ Луи-Филиппомъ казался ему меньшимъ зломъ, нежели новая революція. «Мы вынуждены желать, чтобы удержался Луи-Филиппъ, писалъ его агентъ Генцъ, потому что послѣ него—потопъ». Прусскій король, всегда склонявшійся къ миру, желалъ дѣйствовать только совмѣстно со всѣми Союзниками. Такъ какъ Англія отказалась отъ вмѣшательства, то онъ покорился необходимости и призналъ Луи-Филиппа.

Одинъ русскій императоръ желалъ войны для подавленія революціи; онъ приказалъ русскимъ подданнымъ покинуть Францію, запретилъ въѣздъ въ Россію французамъ, запретилъ трехцвѣтный флагъ въ русскихъ портахъ и послалъ своихъ агентовъ къ австрійскому и прусскому дворамъ, чтобы склонить ихъ къ вмѣшательству. Но когда всѣ другія правительства признали узурпатора, то онъ рѣшился сдѣлать то же самое. Онъ удовольствовался тѣмъ, что для выраженія своего презрѣнія отказался называть его «мой братъ», какъ это было принято между государями. Остальныя европейскія государства послѣдовали примѣру великихъ державъ; Испанія рѣшилась на это, когда французское правительство пригрозило, что окажетъ помощь испанскимъ эмигрантамъ, приготовлявшимъ экспедицію. Одинъ герцогъ Моденскій упорствовалъ въ своемъ отказѣ.

Такимъ образомъ французская революціонная монархія, не смотря на трактаты 1815 г., вступила въ европейскій концертъ. Но «король баррикадъ» остался чужимъ среди другихъ государей; они дали у себя убѣжище представителямъ законной династіи, Карлу X и Генриху V, продолжая обращаться съ ними, какъ съ королями. Луи-Филиппъ всегда считался въ Европѣ узурпаторомъ и выскочкой; желаніе выйти изъ этого положенія было однимъ изъ постоянныхъ двигателей его политики.

Устройство Бельгіи (1830—1832 г.).— Бельгійская революція была второю брешью въ трактатахъ 1815 г. Король Вильгельмъ требовалъ, чтобы великія державы снова подчинили его власти территоріи, гарантированныя ему въ 1814 г. Нидерландское королевство, созданіе Англіи, пользовалось покровительствомъ англійскаго министерства Веллингтона и прусскаго короля, зятя голландскаго короля. Англія созвала въ Лондонѣ конференцію, чтобы спасти королевство, убѣдивши бельгійцевъ удовольствоваться однимъ административнымъ отдѣленіемъ. Прусскій король сосредоточилъ на границѣ армію. Императоръ Николай предложилъ своихъ 60,000 солдатъ, а его посланный, Дибичъ, прожилъ два мѣсяца въ Берлинѣ, побуждая короля начать войну.

Но французское правительство, подъ давленіемъ партіи *движенія*, стало на сторону бельгійцевъ. Дѣло шло о томъ, чтобы удовлетворить національному самолюбію патріотовъ-либераловъ, ниспровергнувшихъ, хотя бы даже во второстепенныхъ статьяхъ, трактаты 1815 г., выдвинувши принципъ невмѣшательства и добившись разрушенія бельгійскихъ крѣпостей, воздвигнутыхъ противъ Франціи, а быть можетъ даже и присоединенія небольшого клочка территоріи. Партія движенія находилась тогда у власти и допустила манифестаціи въ пользу войны съ Европой во имя революціонныхъ принциповъ. Франція остановила Пруссію, заявивши, что если прусская армія вступитъ съ востока, то французская армія немедленно же перейдетъ западную границу. Русскій императоръ былъ задержанъ польскимъ возстаніемъ.

Когда открылась лондонская конференція, торійское министерство уже уступило мѣсто министерству виговъ. Пальмерстонъ вступилъ во власть и сталъ держаться политики соглашенія между двумя либеральными государствами, Франціей и Англіей. Онъ условился съ Талейраномъ, представителемъ Франціи, отстаивать полное отдѣленіе Бельгіи. Уполномоченные восточныхъ державъ, не получивши точныхъ инструкцій, поддались ихъ вліянію; и конференція, обязавши предварительно обѣ стороны заключить перемиріе, признала независимость Бельгіи (20 дек. 1830 г.),

Конференціи осталось только опредѣлить территорію новаго королевства, подѣлить долгъ между двумя государствами и избрать для Бельгіи короля. Талейранъ потребовалъ по этому случаю для Франціи территоріальнаго присоединенія (Люксембурга или, по крайней мѣрѣ, Филиппвиля или Маріенберга); это дало бы возможность удовлетворить французское національное самолюбіе. Пальмерстонъ изъ англійскаго національнаго самолюбія отказалъ. Было рѣшено устранить отъ кандидатуры на бельгійскій тронъ всѣхъ принцевъ пяти великихъ державъ.

Конференція приняла послѣдовательно слѣдующія три постановленія:

1) 20 января 1831 г., *основы раздѣла*: весь Люксембургъ отдается голландскому королю; половина общаго государственнаго долга возлагается на Бельгію. — Голландскій король согласился; бельгійскій конгрессъ воспротивился и избралъ королемъ сына Луи-Филиппа. Пальмерстонъ пригрозилъ Франціи войной, если она признаетъ этотъ выборъ, и Луи-Филиппъ, вопреки своему министерству (изъ партіи движенія), принужденъ былъ отказать. Тогда предложили королевство Леопольду Кобургскому, который, прежде чѣмъ дать свое согласіе, потребовалъ смягченія условій 20 января.

2) 26 іюня 1831 г., *восемнадцать статей*: *statu quo* для Люксембурга, возложеніе долга, сдѣланнаго ранѣе сліянія 1816 г., на одну Голландію. На этотъ разъ Бельгія согласилась, но голландскій король воспротивился и двинулъ свою армію въ Бельгію. Леопольдъ обратился за помощью къ Франціи; французская армія перешла границу, чтобы привести въ исполненіе рѣшенія конференціи. Пальмерстонъ, встревоженный присутствіемъ французскихъ войскъ въ Бельгіи, потребовалъ удаленія ихъ и началъ переговоры о перемиріи; но французская армія осталась, ожидая постановленія конференціи о разрушеніи крѣпостей, построенныхъ противъ Франціи. Конференція опредѣлила разрушить пять крѣпостей и измѣнила условія въ пользу голландскаго короля.

3) 15 октября 1831 г., *двадцать четыре статьи*: возвращеніе Голландіи части Люксембурга и Лимбурга, ежегодная выплата 8 милліоновъ флориновъ Бельгіей; свободное плаваніе по Шельдѣ.

Бельгія примирилась съ этимъ рѣшеніемъ, но голландскій король продолжалъ упорствовать. Тогда конференція постановила окончательный трактатъ. Великія державы признали Бельгійское королевство нейтральнымъ государствомъ (1832 г.). Оставалось только отобрать у Голландіи укрѣпленный Антверпенъ. Два западныхъ государства согласились между собой прибѣгнуть къ силѣ и подписали конвенцію вопреки другимъ державамъ. Англія блокировала голландскіе берега; французская армія повела правильную осаду Антверпена (дек. 1832 г.).

Заключеніе окончательнаго мира между Бельгіей и Нидерландами тянулось до 1839 г. Бельгія не хотѣла разставаться съ частью Люксембурга и Лимбурга; она дѣлала видъ, что готовится къ войнѣ, и раздражила Австрію и Россію до такой степени, что тѣ отозвали своихъ пословъ. Затѣмъ она уступила, но добилась уменьшенія ежегодной выплаты до 5 милліоновъ.

Устройство Бельгіи разбило великія державы на двѣ коалиціи, изъ которыхъ западная, Франція и Англія, настояла на своемъ рѣшеніи, вопреки тремъ восточнымъ монархіямъ.

Польскій вопросъ (1830—32 г.).—Поляки, возставшіе противъ Россіи, обратились за помощью къ западнымъ правительствамъ. Либеральныя партіи поддерживали ихъ изъ ненависти къ Николаю I, общественное мнѣніе всей просвѣщенной Европы горячо высказывалось въ ихъ пользу. Министерство Лафитта пыталось побудить султана къ войнѣ. Министерство Казимира Перье поручило Талейрану предложить Англіи совмѣстное посредничество. Но ни Франція, ни Англія не имѣли возможности противодѣйствовать русской арміи въ Польшѣ, и Пальмерстонъ отказался принять участіе въ безплодной попыткѣ.

Такимъ образомъ все ограничилось сочувственными манифестаціями. Французская палата включила въ свой адресъ королю фразу, выражавшую убѣжденіе, что «польская національность не погибнетъ».

Восточныя державы раздѣлились по этому вопросу. Австрія заявила себя нейтральной и скорѣе сочувствовала полякамъ, хотя и возмутившимся. Пруссія, враждебная полякамъ, помогала русской арміи; она доставила ей провіантъ и дала возможность подойти къ Варшавѣ со стороны прусской границы.

Война въ Польшѣ свелась къ борьбѣ между польскою и русскими арміями и окончилась подавленіемъ возстанія. Пальмерстонъ попытался вмѣшаться и, ссылаясь на трактаты 1815 г., требовалъ сохраненія привилегій, гарантированныхъ полякамъ союзными державами. Россія отвѣтила, что Вѣнскій трактатъ не связалъ ея никакими условіями относительно внутренняго управленія, и что конституція 1815 г., будучи самопроизвольнымъ актомъ русскаго императора, уничтожалась самымъ фактомъ мятежа.

Во Франціи взятіе Варшавы оплакивалось, какъ національное бѣдствіе; въ Парижѣ были пріостановлены всѣ дѣла и заперты театры; заявленіе министра иностранныхъ дѣлъ: «Въ Варшавѣ царствуетъ порядокъ», было сочтено за оскорбленіе національнаго чувства.

Значительная часть польскихъ солдатъ и патріотовъ перешла границу, укрываясь отъ мести Россіи. Они нашли убѣжище преимущественно во Франціи, гдѣ *польская эмиграція* оказывала вліяніе на общественное мнѣніе въ вопросахъ иностранной политики. Эта эмиграція раздѣлилась на двѣ группы: католическую аристократію (бѣлые), центромъ которой была семья Чарторижскихъ, жившая въ своемъ парижскомъ отелѣ, и демократію (красные), основавшую въ 1832 году *польское демократическое общество*.

Это общество, наполовину соціалистическое, издало въ 1836 году манифестъ, подписанный 1,100 членами, заявлявшій, что оно признавало собственность продуктомъ труда.

Лишенные средствъ существованія и воинственные по натурѣ, поляки поступали въ большомъ числѣ въ регулярную армію или примыкали къ революціоннымъ партіямъ; во Франціи, Германіи и Италіи они доставляли солдатъ и генераловъ каждому изъ инсуррекціонныхъ движеній и прославились своею храбростью.

Вмѣшательство Австріи и Франціи въ итальянскія дѣла (1831—33 г.).—Въ Италіи революція въ центральныхъ государствахъ (папскихъ владѣніяхъ, Моденѣ и Пармѣ) закончилась учрежденіемъ временныхъ правительствъ. Лишившіеся владѣній государи обратились за помощью къ Австріи. Во Франціи «партія движенія» агитировала за поддержаніе либеральныхъ инсургентовъ.

Меттернихъ обратился къ Луи-Филиппу съ вопросомъ: что сдѣлалъ бы онъ въ случаѣ австрійскаго вмѣшательства? Министерство Лафитта отвѣтило, что Франція позволила бы занять Парму, но не Папскія владѣнія. Меттернихъ пригрозилъ тѣмъ, что онъ выдвинетъ противъ Луи-Филиппа бонапартистскую партію въ лицѣ герцога Рейхштадтскаго (Наполеона II), сына Наполеона I и Маріи-Луизы, сдѣлавшагося австрійскимъ принцемъ. Затѣмъ австрійская армія заняла всѣ возставшія страны (мартъ 1831 г.). Министерство Казимира Перье не противилось и ограничилось тѣмъ, что послѣ усмиренія возстаній потребовало удаленія австрійской арміи. Для удовлетворенія національнаго самолюбія французовъ оно заявило, что займетъ часть Папскихъ владѣній, если австрійцы не очистятъ ихъ до открытія палатъ.

Исполнивши свою миссію, австрійская армія покинула Папскія владѣнія. Но когда она вернулась туда (январь 1832 года), вновь призванная папой, французскому правительству пришлось привести въ исполненіе свою угрозу. Оно отправило на трехъ корабляхъ 1,200 солдатъ, которые заняли цитадель Анкону. Австрія воспользовалась этимъ, чтобы продержать свои войска въ Папскихъ владѣніяхъ до 1838 г. Это послужило также поводомъ для нея и Россіи угрожать Франція войною. Но все ограничилось однѣми демонстраціями, каковою было также и занятіе Анконы.

Вмѣшательство въ дѣла Испаніи и Португаліи (1833—36 г.).—Франціи и Англія вмѣшались сначала съ цѣлью прекратить злоупотребленія властью со стороны Мигюэля, неограниченнаго государя Португаліи, жертвами котораго сдѣлались англійскіе и французскіе подданные. Франція послала эскадру, которая блокировала устье Таго и взяла въ плѣнъ португальскіе корабли. Англійская эскадра заставила Мигюэля освободить арестованыхъ англичанъ, лишить должностей чиновниковъ, виновныхъ въ ихъ арестѣ, и напечатать эти условія въ его офиціальной газетѣ (май 1831 г.). Послѣ этого Англія помогла дону Педро снарядить экспедицію, которая окончилась изгнаніемъ Мигюэля.

Въ Испаніи, такъ-же какъ и въ Португаліи, вмѣшательство было вызвано споромъ изъ-за престолонаслѣдія. Въ обѣихъ странахъ тронъ оспаривался у малолѣтней королевы, поддерживаемой либералами (Изабеллы въ Испаніи, Маріи въ Португаліи), претендентами, опиравшимися на абсолютистовъ (Карлосомъ въ Испаніи, Мигюэлемъ въ Португаліи). Великимъ державамъ предстояло заявить, какое правительство онѣ признавали законнымъ; уже самое это заявленіе въ пользу одного претендента и противъ другого представляло извѣстную форму вмѣшательства. Державы рѣшили вопросъ, сообразуясь съ своими политическими симпатіями. Два западныхъ парламентскихъ государства признали обѣихъ королевъ; три восточныя неограниченныя монархіи поддержизали двухъ абсолютистскихъ претендентовъ, не рѣшаясь однако признать ихъ офиціально.

Либеральное испанское министерство обратилось за помощью къ Англіи. Пальмерстонъ посовѣтовалъ правительствамъ обѣихъ королевъ вступить въ союзъ между собой и съ Англіей; Талейранъ добился того, что и Франція вошла въ эту комбинацію. Такимъ образомъ въ 1834 году былъ заключенъ *союзъ четырехъ державъ*. Союзники обязались изгнать изъ Португаліи обоихъ претендентовъ, причемъ Англія должна была дѣйствовать своимъ флотомъ, а Испанія—своей арміей; участіе Франціи должно было быть установлено позднѣе, если-бы въ немъ представилась надобность. Что касается Испаніи, то въ трактатѣ не говорилось ни о какомъ вмѣшательствѣ на ея территоріи. Пальмерстонъ не хотѣлъ дать Франціи случай утвердиться на полуостровѣ.

Пальмерстонъ гордился этимъ союзомъ, который онъ считалъ своимъ созданіемъ, и смотрѣлъ на него, какъ на лигу четырехъ конституціонныхъ западныхъ державъ, предназначенную уравновѣшивать лигу трехъ неограниченныхъ монархій. Это было также скорѣе политической манифестаціей, нежели рѣшающимъ актомъ, и дало результаты только въ Португаліи.

Въ Испаніи карлисты были очень близки къ побѣдѣ, и либеральное министерство было такъ испугано, что рѣшилось обратиться за помощью къ Франціи. Но Пальмерстонъ не желалъ французскаго вмѣшательства и предупредилъ французское правительство, что онъ не отвѣчаетъ за послѣдствія. Луи-Филиппъ, самъ не особенно желавшій вмѣшательства, воспользовался этимъ, какъ предлогомъ для отказа. Помощь, доставленная Испаніи, ограничилась снаряженіемъ иностраннаго легіона.

Восточный вопросъ (1832—1837 г.).—Послѣ трактата 1829 г. Оттоманская имперія подпала вліянію Россіи, армія которой все еще оста-

валась въ Румыніи; императоръ Николай выговорилъ себѣ денежную контрибуцію, и султанъ былъ его должникомъ.

Франція поддерживала египетскаго пашу, Мехмета-Али. Въ числѣ его приближенныхъ находились французы, и во Франціи ходили разсказы, очень впрочемъ преувеличенные, о его прогрессивныхъ мѣрахъ и о распространеніи имъ цивилизаціи среди египетскаго народа, что завоевало ему симпатіи общественнаго мнѣнія. На него смотрѣли, какъ на будущаго реформатора Оттоманской имперіи и вѣрнаго союзника Франціи.

Пальмерстонъ снова пришелъ къ тому убѣжденію, что цѣлость Оттоманской имперіи необходима для поддержанія англійскихъ интересовъ на востокѣ. Это былъ для него догматъ, не подлежавшій обсужденію.

Онъ не желалъ оставить Оттоманскую имперію во власти Россіи, но не довѣрялъ также и Мехмету-Али, которому приписывалъ намѣреніе создать арабское государство. «Само по себѣ это не составило бы большого зла, говорилъ онъ; но это повлекло бы за собою расчлененіе Турціи, на которое мы не можемъ согласиться». При такомъ положеніи дѣлъ походъ Ибрагима въ Сирію произвелъ сильное впечатлѣніе на общественное мнѣніе. Взятіе Акры, передъ которой потерпѣлъ неудачу Бонапартъ, показалось выдающимся военнымъ событіемъ. Затѣмъ получилось извѣстіе, что египетская армія перешла Тавръ, разсѣяла турецкую армію при Коніи, въ Малой Азіи (дек. 1832 г.), и двинулась къ Босфору. Султанъ обратился за помощью къ морскимъ державамъ. Англія отвѣтила отказомъ, потому что она была занята блокадой Голландіи; Франція—потому что она покровительствовала Мехмету-Али. Тогда султанъ обратился къ Россіи, которая послала войска (1833 г.). Чтобы отстранить эту опасную помощь, французскій посолъ сталъ хлопотать о заключеніи мира; но Мехметъ-Али отказался, и русская армія высадилась противъ Константинополя.

Тогда Франція и Англія употребили всѣ усилія, чтобы напугать султана, и достигли того, что онъ согласился на условія, предложенныя Мехметомъ-Али. Мехметъ получилъ пожизненное управленіе Сиріей и призналъ верховную власть султана надъ всѣми своими провинціями: Египтомъ, Аравіей, Кипромъ и Критомъ. Россія не воспротивилась этому, но воспользовалась раздраженіемъ султана, чтобы заключить съ нимъ союзный договоръ (въ Ункіаръ-Скеллесси, іюль 1833 г.), въ секретной статьѣ котораго императоръ обязывался, въ случаѣ войны, доставить войска, а султанъ—запереть проливы для всѣхъ иностранныхъ кораблей.

Англія и Франція были извѣщены объ этомъ и протестовали, но не могли дѣйствовать сообща противъ Россіи. Франція продолжала поддерживать Мехмета. Англія проявила свое раздраженіе выраженіемъ неодобренія событіямъ въ Польшѣ, а потомъ предоставила палатѣ вотировать субсидію польскимъ эмигрантамъ.

Секретарь англійскаго посольства Уркварлъ началъ походъ противъ Россіи въ печати, обвиняя Россію въ желаніи подготовить завоеваніе всего Востока; онъ даже поощрялъ контрабандную доставку оружія кавказскимъ горцамъ, воевавшимъ съ Россіей; захватъ русскими англійскаго корабля, нагруженнаго оружіемъ, вызвалъ въ Англіи воинственное возбужденіе; но Пальмерстонъ предпочелъ отозвать Уркварда и сблизиться съ султаномъ.

Эмигранты и союзъ неограниченныхъ монархій (1833 г.).—Три восточныхъ державы, Россія, Австрія и Пруссія, были недовольны коалиціей западныхъ государствъ и ихъ вмѣшательствомъ въ дѣла Бельгіи, Испаніи и Португаліи. Ихъ безпокоила агитація польскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ эмигрантовъ, укрывавшихся въ Швейцаріи и Франціи. Послѣ политическихъ манифестацій 1832 года, нѣмецкіе демократы, преслѣдуемые правительствами, вошли въ сношеніе съ революціонерами. Вооруженное нападеніе на Франкфуртъ, мѣстопребываніе Сейма (апрѣль 1843 г.), было задумано вмѣстѣ съ иностранцами; польскіе эмигранты, находившіеся во Франшъ-Конте, двинулись на Невшатель, чтобы отнять его у прусскаго короля. Метгернихъ убѣдилъ государей войти въ соглашеніе между собою и произвести манифестацію противъ революціи.

Въ Мюнхенгрецѣ произошло свиданіе между русскимъ императоромъ, австрійскимъ и прусскимъ наслѣднымъ принцемъ. Тамъ былъ составленъ манифестъ; но прусскій король отказался подписать его изъ боязни навлечь на себя войну; вслѣдствіе этого удовольствовались тайнымъ берлинскимъ трактатомъ 1833 г. Три государя, «принимая въ соображеніе опасности, продолжавшія угрожать порядку, установленному въ Европѣ публичнымъ правомъ и трактатами 1815 г.», объявляли себя «единодушно рѣшившимися поддерживать *охранительную систему*, составляющую незыблемое основаніе ихъ политики». Вслѣдствіе этого они «признавали, что каждый независимый государь имѣлъ право, въ случаѣ внутреннихъ смутъ или внѣшнихъ опасностей, грозившихъ его странѣ, обратиться за помощью къ тому изъ другихъ государей, который, по его мнѣнію, наиболѣе способенъ оказать ее, и что этотъ послѣдній будетъ имѣть право оказать помощь или отказать въ ней, сообразуясь со своими интересами и удобствами. Въ случаѣ, если-бы такая помощь была оказана, никакая держава, къ которой не обращалось... государство, находящееся въ опасности, не будетъ имѣть права вмѣшаться ни для того, чтобы противодѣйствовать помощи, ни для того, чтобы дѣйствовать во враждебномъ направленіи. Въ слу-

чаѣ, еслибы была потребована матеріальная помощь одного изъ трехъ дворовъ, и еслибы какая-либо изъ державъ захотѣла воспротивиться этому оружіемъ, всѣ три двора считали бы всякое враждебное дѣйствіе, предпринятое съ этою цѣлью, какъ бы направленнымъ противъ каждаго изъ нихъ». Это было обязательство поддерживать доктрину *вмѣшательства*, формулированную въ 1820 г.; это была восточная лига, противопоставленная западной.

Польскіе и нѣмецкіе эмигранты предприняли еще одну экспедицію, на этотъ разъ въ Италію. Они вышли изъ Женевы и вступили въ Савойю съ цѣлью поднять ея населеніе противъ Сардинскаго короля (февр. 1834 г.), но не имѣли никакого успѣха. Однако восточныя державы и Сардинія воспользовались этимъ случаемъ, чтобы потребовать отъ Швейцаріи изгнанія эмигрантовъ; послѣ манифестаціи нѣмецкихъ эмигрантовъ онѣ порвали дипломатическія сношенія съ Швейцаріей. Позднѣе съ тою же цѣлью вмѣшался Луи-Филиппъ, послѣ покушеній на его жизнь, и добивался изгнанія эмигрантовъ; имъ позволили проѣхать черезъ Францію, чтобы отправиться въ Англію или Америку.—Въ Германіи, Австрія и Пруссія вошли въ соглашеніе между собой относительно того, какія мѣры слѣдовало принять противъ конституціонныхъ германскихъ правительствъ, палатъ, печати и университетовъ (1834—35 г.).

Послѣ смерти императора Франца соглашеніе между тремя дворами было возобновлено на двухъ свиданіяхъ, въ Калишѣ и Теплицѣ, въ 1835 г. Было рѣшено не обнародывать никакого манифеста. «Желанія трехъ дворовъ обыкновенно бываютъ извѣстны всѣмъ, писалъ Меттерних; повтореніе ихъ безполезно и могло бы только ослабить ихъ непоколебимое положеніе».

Разрывъ союза между Франціей и Англіей (1836—40 г.). — Соглашеніе, установившееся между Франціей и Англіей въ 1830 г., распалось само собою, вслѣдствіе различія интересовъ обоихъ правительствъ.

1) Оба правительства были парламентарными, основанными на цензѣ и принужденными считаться съ мнѣніями и страстями буржуазіи. Но въ обѣихъ странахъ еще были живы воспоминанія о долгихъ войнахъ между Франціей и Англіей. Въ Англіи національнымъ героемъ былъ Веллингтонъ, побѣдитель при Ватерлоо; во Франціи—Наполеонъ, смертельный врагъ англичанъ. Въ тѣ времена, когда одни бѣдные поступали въ армію, либеральная французская буржуазія охотно говорила о войнахъ и завоеваніяхъ, объ уничтоженіи ненавистныхъ трактатовъ 1815 г. и о возвращеніи «естественныхъ границъ», Рейна и Альпъ. Она все еще была привязана къ наполеоновской легендѣ, созданной противъ Бурбоновъ, и апплодировала въ оперѣ *Карлъ VI* словамъ: «Никогда во Франціи не будетъ царствовать англичанинъ».—Англійскій парламентъ также любилъ слушать, когда ему говорили о военной славѣ Англіи, о ея господствѣ на моряхъ, о ея преобладаніи въ Европѣ. Англійскій патріотизмъ заключался въ уваженіи только того, что было на его островѣ, и въ употребленіи слова *континентальный* въ презрительномъ смыслѣ.— Затрудненіе увеличилось, когда великіе политическіе вопросы, поглощавшіе вниманіе обѣихъ странъ, мало-по-малу были разрушены: въ Англіи реформами, во Франціи—утвержденіемъ монархіи. Внутренняя политика, сдѣлавшаяся неподвижной, перестала возбуждать общественныя страсти и давать пищу газетамъ. Весь интересъ перенесся на внѣшнія дѣла; печать обсуждала ихъ съ жаромъ; оппозиція, особенно во Франціи, не находя болѣе во внутреннихъ событіяхъ матеріала для возбужденія буржуазіи противъ правительства, обратилась къ внѣшней политикѣ и искала въ ней случая воспламенить національное самолюбіе. Между этими завистливыми націями, преисполненными самолюбія, соперничество не прекращалось никогда, и столкновенія случались постоянно. Правительства, изъ страха навлечь на себя опасную непопулярность, должны были быть всегда готовыми «поддержать національную честь», т. е., на практикѣ, отказывать во всемъ, чего требовала соперничествующая нація. Однихъ этихъ чувствъ было достаточно, чтобы сдѣлать согласіе невозможнымъ.

2) Луи-Филиппъ желалъ добиться своего признанія законными государями и, путемъ союзовъ со старыми династіями, ввести свою семью въ общество монарховъ; онъ лично стремился пріобрѣсти расположеніе восточныхъ монархій, дававшихъ тонъ всѣмъ европейскимъ дворамъ, и избавиться отъ компрометтирующаго союза съ либеральными англійскими министерствами.

Охлажденіе стало замѣтнымъ съ 1836 г. Въ странахъ, въ дѣла которыхъ вмѣшивались одновременно и Франція, и Англія, — въ Греціи, Испаніи и Португаліи,—каждая изъ нихъ поддерживала партію, находившуюся подъ ея вліяніемъ, а ея агенты тайно дѣйствовали противъ партіи, поддерживаемой другою стороною. Талейранъ жаловался на недостаточное уваженіе къ нему со стороны Пальмерстона, который заставлялъ его ждать въ своей пріемной и говорилъ съ нимъ непочтительно; вернувшись въ Парижъ, онъ побуждалъ Луи-Филиппа отдаляться отъ Англіи.

Разногласіе обнаружилось по поводу Испаніи. Регентша Христина, принадлежавшая къ католической семьѣ Бурбоновъ, сестра королевы Амаліи, находившаяся въ личныхъ сношеніяхъ съ французскимъ дворомъ, охотно слѣдовала совѣтамъ Луи-Филиппа; ея партія, *умѣренные*, подчинялась французскому вліянію.

Англійское правительство поддерживало противную партію *прогрессистовъ*.

Испанское правительство, поставленное карлистами въ очень опасное положеніе, обратилось за помощью къ «четверному союзу» (1836 г.). Англія отдала приказаніе своей эскадрѣ оказать содѣйствіе войскамъ Изабеллы. Луи-Филиппъ обѣщалъ увеличить французскій легіонъ; министерство Тьера добилось даже усиленія пограничнаго корпуса. Но когда прогрессисты овладѣли властью путемъ революціи, Луи-Филиппъ отказался что-либо дѣлать для нихъ, разошелся съ Тьеромъ, котораго онъ заставилъ выйти въ отставку, и объявилъ въ тронной рѣчи, что «Франція бережетъ кровь своихъ сыновъ для собственнаго дѣла». Фактически Луи-Филиппъ занялъ нейтральное положеніе между Изабеллой и донъ-Карлосомъ. Пальмерстонъ написалъ, что онъ «считаетъ Францію какъ бы покинувшею союзъ» съ Англіею; что она «теряетъ довѣріе либеральной партіи въ Европѣ», оставаясь презираемой «людьми Священнаго Союза».

Луи-Филиппъ продолжалъ сближаться съ восточными державами. Онъ хотѣлъ женить своего старшаго сына, герцога Орлеанскаго, на нѣмецкой принцессѣ, и послалъ его посѣтить прусскій и австрійскій дворы. Въ Вѣнѣ герцогъ былъ принятъ холодно; легитимистское австрійское дворянство даже не представилось ему; попросивши руки дочери эрцгерцога, онъ получилъ отказъ. Обиженный Луи-Филиппъ долженъ былъ согласиться на бракъ съ принцессой изъ второстепеннаго дома, предложенною прусскимъ королемъ, Еленою Мекленбургскою, которая и сдѣлалась герцогиней Орлеанской. Затѣмъ онъ выдалъ свою дочь за принца Вюртембергскаго.

Восточный вопросъ и конвенція о проливахъ (1839—41 г.).—Офиціальный разрывъ между Франціей и Англіею произошелъ по восточному вопросу. Всѣ великія державы объявили о своемъ намѣреніи поддерживать цѣлость Оттоманской имперіи. Въ 1833 г. (въ Мюнхенгрецѣ) русскій императоръ и его два союзника обязались защищать Турцію противъ Мехмета-Али и дѣйствовать въ восточномъ вопросѣ согласно. Англія также стояла за сохраненіе власти султана; Пальмерстонъ говорилъ, что раздѣлъ имперіи между султаномъ и Мехметомъ-Али привелъ бы къ тому, что одна доля сдѣлалась бы русской, а другая—французской.

Одна Франція не имѣла твердо установленной политики; она колебалась между своимъ традиціоннымъ союзникомъ, султаномъ, и покровительствуемымъ ею Мехметомъ-Али.

Вопросъ былъ мало-по-малу запутанъ личными интригами представителей Англіи. Сначала они заключили съ султаномъ торговый трактатъ, уничтожавшій монополіи и внутреннія таможенныя пошлины во всей Оттоманской имперіи. Мехметъ-Али, задѣтый въ своихъ интересахъ, не осмѣлился противодѣйствовать трактату, но началъ готовиться къ войнѣ. Султанъ Махмудъ, поощряемый англійскимъ посланникомъ Понсонби, подумалъ, что ему представляется удобный случай отмстить за пораженіе 1832 г., и приказалъ своей арміи, которая только что усмирила курдовъ, вторгнуться въ Сирію (1839 г.); египетская армія стояла на границѣ.

Англія и Франція, все еще дѣйствовавшія въ согласіи, захотѣли принудить обѣ стороны къ миру; но когда французскій посланный пріѣхалъ въ Константинополь, чтобы остановить враждебныя дѣйствія, Понсонби отказался помогать ему, потому что не получилъ инструкцій; турецкое правительство заключило изъ этого, что Англія желала войны, и отдало приказъ двинуться впередъ. Оттоманская армія потерпѣла пораженіе; затѣмъ оттоманскій адмиралъ перешелъ на сторону побѣдителя, увелъ съ собой флотъ и присоединилъ его къ флоту Мехмета-Али (іюль), Махмудъ въ это время умеръ, и Хозревъ-паша отъ имени новаго султана, Абдулъ-Меджида, предложилъ миръ. Мехметъ отказался вести съ нимъ переговоры.

Русскій императоръ готовился вмѣшаться въ силу трактата 1833 г. Чтобы помѣшать ему дѣйствовать одному, другія великія державы заявили султану, что онѣ берутъ на себя рѣшеніе этого вопроса, и обязали его не вступать въ переговоры, не дождавшись результатовъ ихъ попытки. Но между Франціей и Англіей возникло разногласіе по поводу условій, которыя слѣдовало предложить Мехмету-Али. Пальмерстонъ хотѣлъ требовать возвращенія турецкаго флота и послать Мехмету ультиматумъ; французское правительство отказалось употребить противъ него силу.

Пальмерстонъ, измѣнивши тактику, отказался дѣйствовать вмѣстѣ съ Франціей и вступилъ въ переговоры съ восточными державами, сначала съ Австріей, предлагая ей потребовать отъ Мехмета возвращенія флота, а въ случаѣ отказа блокировать берега Египта и Сиріи; онъ прибавилъ, что Англія могла бы дѣйствовать и «менѣе чѣмъ съ четырьмя державами». Императоръ Николай, пользуясь случаемъ изолировать Францію, предложилъ Англіи свое содѣйствіе; онъ отказывался отъ своего отдѣльнаго трактата 1833 г. съ султаномъ и объявилъ, что готовъ послать флотъ и дѣйствовать въ согласіи со всѣми союзниками, но предпочтительно безъ Франціи.

Пальмерстонъ предложилъ одновременное движеніе трехъ флотовъ: англійскаго, французскаго и русскаго. Французское правительство (Сультъ) согласилось. Но когда собрались французскія палаты (янв. 1840 г.), министерство Сульта пало, и общественное мнѣніе рѣшительно вы-

сказалось противъ всякаго ультиматума Мехмету-Али. Въ этомъ вопросѣ французская политика была несогласима съ англійской, но Англія имѣла то преимущество, что предложила такое же рѣшеніе, какъ и другія державы. Англійскій агентъ въ Парижѣ, Бульверъ, еще болѣе раздражалъ Пальмерстона, сообщая ему, что французское правительство обманывало его, что оно тайно поощряло Мехмета и предлагало свое посредничество султану.

Пальмерстонъ рѣшилъ вести переговоры помимо Франціи. Четыре остальныя державы заключили между собою и съ султаномъ Лондонскій трактатъ (15 іюля 1840 г.), опредѣлявшій ультиматумъ, который слѣдовало поставить Мехмету-Али: султанъ предлагалъ ему въ наслѣдственное владѣніе только Египетъ и въ пожизненное—часть Сиріи, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ далъ свое согласіе въ десять дней; по истеченіи этого срока у него отнималась Сирія; по прошествіи еще десяти дней султанъ не былъ связанъ ничѣмъ. Державы обязались поддерживать эти условія силою.

Такъ же, какъ и въ 1815 г., Франція оказалась изолированною передъ лицомъ четырехъ Союзниковъ, а ихъ рѣшеніе принимало видъ ультиматума, обращеннаго черезъ голову Мехмета-Али къ Франціи. Восточный вопросъ становился вопросомъ національной чести. Палаты были сильно возбуждены; стали говорить о новой борьбѣ съ Европой, объ отмѣнѣ трактатовъ 1815 г., даже о возвращеніи рейнской границы,—что вызвало перемѣну въ общественномъ мнѣніи Германіи. Министерство Тьера, державшееся только на національномъ чувствѣ, начало вооруженія, а Австрія и Пруссія заключили договоръ на случай войны (ноябрь). Но ни Луи-Филиппъ, ни палаты не хотѣли войны. Мехметъ-Али отвергъ ультиматумъ. Франція предоставила державамъ полную свободу дѣйствовать противъ него и отозвала свой флотъ въ Тулонъ. Англійская, австрійская и турецкая эскадры бомбардировали сирійскіе порты и въ три часа разрушили Акру, считавшуюся неприступною; затѣмъ онѣ блокировали Александрію. Мехметъ, покинутый Франціей, покорился (ноябрь 1840 г.), вывелъ войска изъ Сиріи и вернулъ турецкій флотъ. Султанъ призналъ его наслѣдственнымъ правителемъ Египта.

Тогда державы согласились уничтожить Лондонскій трактатъ и замѣнить его общимъ договоромъ всѣхъ державъ и *конвенціей о проливахъ* (іюль 1841 г.), въ силу которой проливы объявлялись закрытыми для всѣхъ военныхъ кораблей. Но самолюбіе Франціи было уязвлено, и буржуазія не могла простить этого Англіи.

«Сердечное согласіе» (1841—45 г.).—Переходъ иностранныхъ дѣлъ во Франціи въ руки министерства праваго центра (Гизо), а въ Англіи—консервативнаго министерства, причемъ и то, и другое держалось политики мира и согласенія, привелъ къ сближенію двухъ правительствъ; они попытались возобновить согласіе между двумя государствами. Государи обмѣнивались визитами: Викторія была во Франціи (1843 и 1845 г.); Луи-Филиппъ—въ Англіи (1844 г.); министры вели дружескія бесѣды и офиціально говорилось о *сердечномъ согласіи*.

Но согласіе было пока только между правительствами, и имъ приходилось бороться съ общественнымъ мнѣніемъ, чтобы избѣгнуть столкновенія между націями. Во Франціи общественное мнѣніе возстало противъ *права осмотра* торговыхъ судовъ обѣихъ націй, признаннаго конвенціями 1831 и 1833 гг. за крейсерами обѣихъ странъ, съ цѣлью противодѣйствовать торговлѣ неграми, и расширеннаго въ 1841 г.; оно добилось того, что осмотръ былъ ограниченъ констатированіемъ національности корабля. Еще болѣе взволновалось французское общественное мнѣніе по поводу согласія Франціи на вознагражденіе миссіонера Притчарда, бывшаго консула на Таити; министерство могло добиться благопріятнаго вотума только большинствомъ 8 голосовъ (1844 г.). Въ Англіи общественное мнѣніе протестовало противъ проекта таможеннаго союза между Франціей, Бельгіей и Швейцаріей. Лордъ Абердинъ объявилъ, что Англія увидѣла бы въ этомъ союзѣ посягательство на независимость Бельгіи; она не могла позволить французскимъ солдатамъ, переодѣтымъ въ таможенныхъ чиновниковъ, распоряжаться въ Антверпенѣ (1842 г.). Англійское общественное мнѣніе взволновалось также по поводу войны, начатой Франціей противъ Марокко; министерство было вынуждено дать формальныя инструкціи, чтобы заставить марокканскаго султана понять, что онъ не можетъ разсчитывать на поддержку англичанъ (1844 г.).

Въ это именно время императоръ Николай лично пріѣхалъ въ Англію (1844 г.) и предложилъ торійскому министерству войти съ нимъ въ соглашеніе для совмѣстнаго рѣшенія участи Оттоманской имперіи, въ близкой гибели которой онъ былъ убѣжденъ. Онъ объявилъ, что не желаетъ никакихъ пріобрѣтеній, но не допустилъ бы, чтобы какое либо другое государство расширилось насчетъ Турціи. Англійское министерство отказалось обсуждать вопросъ.

Испанскіе браки (1846 г.).—Испанская королева Изабелла и ея младшая сестра Луиза достигли брачнаго возраста; ихъ мать желала выдать ихъ за французскихъ принцевъ. Луи-Филиппъ хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы устроить своего сына, герцога Монпансье. Оба правительства, французское и англійское, условились устроить эти браки съ общаго согласія; они рѣшили въ принципѣ, что королева Изабелла должна была выйти замужъ

за Бурбона; бракъ же инфанты съ герцогомъ Монпансье долженъ былъ быть отложенъ до рожденія у королевы ребенка. Въ мужья королевѣ предложили одного изъ ея двоюродныхъ братьевъ: Франція — Франсуа Ассизскаго, Англія — его брата Генриха. Христина презирала Франсуа, слабаго тѣломъ и умственно, и ненавидѣла Генриха, который скомпрометтировалъ себя сношеніями съ прогрессистами; она предпочла бы европейскаго принца. Оба правительства условились добиться ея согласія.

Но представители Франціи и Англіи въ Испаніи, Брессонъ и Бульверъ, личные враги и соперники старались мѣшать одинъ другому. Брессонъ побуждалъ королеву выдать замужъ своихъ дочерей одновременно; Бульверъ стремился помѣшать браку инфанты и склонялъ Христину выбрать для Изабеллы другого принца, одного изъ Кобурговъ. Христина обратилась къ отцу этого принца за согласіемъ. Гизо предупредилъ, что еслибы кандидатура Бурбоновъ была отстранена, то Франція признавала-бы себя вправѣ дѣйствовать въ пользу Монпансье. Лордъ Абердинъ сдѣлалъ выговоръ Бульверу, дѣйствовавшему безъ его инструкцій, и сообщилъ объ этомъ Гизо.

Но когда торійское министерство пало (іюнь 1846 г.), во главѣ англійской политики сталъ Пальмерстонъ, который измѣнилъ постановку вопроса депешей, сообщенной имъ Франціи. Онъ объявилъ, что признаетъ трехъ кандидатовъ, двухъ двоюродныхъ братьевъ Изабеллы и Кобурга; но онъ прибавлялъ, что испанское правительство стало деспотическимъ, и что министры должны были бы вернуться къ конституціи. Луи-Филиппъ счелъ конвенцію 1845 г. нарушенною. Между тѣмъ Брессонъ уже старался, безъ инструкцій, добиться *одновременнаго* брака королевы съ Франсуа и инфанты съ Монпансье; Луи-Филиппъ не только не выразилъ ему порицанія, но велѣлъ продолжать переговоры. Христина, относившаяся враждебно къ англійскому вліянію, побудила Изабеллу согласиться (какъ говорятъ, напоивши ее пьяной), и обѣ свадьбы были объявлены, а затѣмъ и отпразднованы одновременно. Французское правительство объявило, что кандидатура принца Кобургскаго уничтожила конвенцію 1844 г. Англійское правительство обвинило Францію въ недобросовѣстности и считало согласіе порваннымъ.

Краковское дѣло (1846 г.). — Союзники создали въ 1815 г. изъ Кракова аристократическую республику, управлявшуюся сенатомъ, подъ наблюденіемъ Австріи. Разгромъ польскаго королевства сдѣлалъ Краковъ центромъ національнаго польскаго движенія; тамъ основалось въ 1831 г. «общество польскаго народа», которое имѣло развѣтвленія во всѣхъ польскихъ земляхъ.

Патріоты-революціонеры рѣшились произвести одновременно возстанія въ прусской и австрійской Польшѣ. Но предупрежденная прусская полиція арестовала вождей этого заговора, и возстаніе произошло только въ Галиціи. Краковскій сенатъ заявилъ, что онъ не можетъ отвѣчать за порядокъ; Австрія послала войска, чтобы поддержать его. Патріоты возмутились, выгнали австрійцевъ и образовали въ февралѣ 1846 г. временное правительство, которое издало соціалистическій манифестъ, приглашавшій гражданъ создать общество, «въ которомъ каждый могъ бы пользоваться богатствами сообразно своимъ заслугамъ, и въ которомъ не существовало бы привилегій ни подъ какою формою».

Австрійская армія скоро вернулась въ Краковъ въ подавляющемъ числѣ, и три восточныя монархіи рѣшили уничтожить краковскую республику, не смотря на протесты Англіи, ссылавшейся на трактаты 1815 г. Меттернихъ сообщилъ о присоединеніи Кракова къ Австріи, объясняя, что три державы не могли допустить существованія между своими владѣніями географическаго атома, едва видимаго на картѣ Европы; что Краковъ, разрушивши своими собственными руками свое политическое существованіе, тѣмъ самымъ возвращалъ себя подъ власть державы, которой онъ принадлежалъ ранѣе. Англія и Франція ограничились протестами.

Португальскія и итальянскія дѣла (1847 г.). —Испанскими браками завершилось сближеніе Луи-Филиппа съ восточными консервативными монархіями; изолированное англійское правительство стало дѣйствовать отдѣльно, въ направленіи, противоположномъ другимъ державамъ.

Въ Португаліи оно вмѣшалось съ цѣлью прекратить гражданскую войну между правительствомъ и инсуррекціонной юнтой Оппорто. Англійскій парламентъ чуть не вотировалъ Пальмерстону порицаніе за нарушеніе принципа невмѣшательства.

Въ Италіи Пальмерстонъ вмѣшался съ цѣлью содѣйствовать либеральному и національному движенію, приглашая государей вводить реформы. Меттернихъ, встревоженный этимъ движеніемъ, явно враждебнымъ Австріи, послалъ ноту четыремъ державамъ; онъ повторялъ въ ней свое знаменитое выраженіе: «Италія—только географическій терминъ», и спрашивалъ, желаютъ ли онѣ поддерживать трактаты 1815 г., раздѣлившіе Италію на независимыя государства.

Пальмерстонъ отвѣтилъ, что независимость итальянскихъ государей гарантировала имъ право вводить реформы, не встрѣчая помѣхи со стороны чужеземцевъ; что эти реформы были необходимы для успокоенія недовольныхъ, и что онъ приглашалъ Австрію употребить свое вліяніе для достиженія ихъ въ Неаполѣ. Въ силу

трактатовъ 1815 г. Австрія имѣла право держать гарнизонъ въ феррарской крѣпости, въ папскихъ владѣніяхъ; она увеличила его и заняла *весь городъ*, не смотря на протесты папы, который заявлялъ, что право Австріи ограничивалось одною *цитаделью*. Итальянскія правительства чувствовали, что Австрія ждала только предлога, чтобы прибѣгнуть къ вооруженному вмѣшательству. Сардинское правительство было еще болѣе встревожено нотою, съ которою она обратилась къ Тосканѣ. Извѣщенный объ этомъ, Пальмерстонъ послалъ чрезвычайнымъ уполномоченнымъ лорда Минто, который увѣрилъ Сардинскаго короля въ дружбѣ Англіи, завелъ переговоры о таможенномъ союзѣ между папою, Сардиніей и Тосканой, и остановилъ гражданскую войну въ Сициліи, заставивши короля заключить перемиріе. Англійское правительство являлось защитникомъ итальянцевъ противъ абсолютистской Австріи.

Швейцарскія дѣла (1847—48 г.).—Трактаты 1815 г. гарантировали швейцарскую конституцію; предложивши ея пересмотръ, радикальная федералистская партія угрожала созданію Союзниковъ; она тревожила монархическія правительства своею демократическою внутреннею политикою. Прусскій король имѣлъ прямой интересъ препятствовать превращенію Швейцаріи въ федеральную республику, несогласимую съ его положеніемъ невшательскаго государя; кромѣ того, подъ вліяніемъ христіанскаго піэтизма и монархическихъ чувствъ, онъ лично ненавидѣлъ «нечестивую демократію».

Въ 1845 г. Австрія, Пруссія и Франція пришли къ соглашенію отосительно необходимости помѣшать успѣхамъ революціи въ Швейцаріи и поддержать Зондербундъ; но онѣ не могли сговориться въ вопросѣ о средствахъ. Меттерних предложилъ вмѣшательство путемъ вооруженной силы; Гизо—мирное давленіе изъ «боязни оскорбить во всѣхъ швейцарцахъ, консерваторахъ и радикалахъ, чувство національной независимости». Чужеземное вмѣшательство было бы допущено Швейцаріей лишь въ томъ случаѣ, еслибы «его необходимость являлась очевидной, безусловной; она сдѣлается таковою только тогда, когда зло анархіи и гражданской войны предстанетъ не въ видѣ одного опасенія... а въ видѣ реальнаго факта».

Гизо хотѣлъ ждать войны, прежде чѣмъ вмѣшаться, и добивался совмѣстнаго дѣйствія всѣхъ державъ, гарантировавшихъ трактаты, не исключая и Англіи. Онъ не позволилъ французскому послу принять на себя какія-либо обязательства. Когда союзный Сеймъ готовился вотировать распущеніе Зондербунда, Меттерних предложилъ вручить, до голосованія, коллективную ноту, съ цѣлью напугать депутатовъ. Гизо не согласился на это и ограничился тѣмъ, что велѣлъ французскому послу въ Швейцаріи представить теоретическія соображенія о свойствѣ договора и трактатовъ 1815 г. Пальмерстонъ воспользовался случаемъ, чтобы одурачить послѣдовательно всѣ четыре державы. Онъ не отказался отъ вмѣшательства, но старался затянуть переговоры и въ то же время тайно предупредилъ швейцарскій Сеймъ о необходимости торопиться. Пока державы составляли коллективную ноту, съ цѣлью не допустить нарушенія мира, швейцарское правительство объявило войну (4 ноября). Пальмерстонъ выигралъ еще болѣе времени, предложивши контръ-проектъ, отвергнутый другими державами; тогда онъ, съ своей стороны, отказался подписать проектъ Гизо, а англійскій агентъ въ Швейцаріи сообщилъ генералу Дюфуру о необходимости скорѣе окончить войну. Когда коллективная нота была наконецъ получена, война уже кончилась. Державы ограничились однимъ протестомъ (янв. 1848 г.).

Невшательскій кантонъ, сохранившій нейтралитетъ, былъ присужденъ Сеймомъ къ денежному штрафу; затѣмъ онъ также произвелъ революцію, изгналъ прусскаго губернатора и учредилъ у себя республику (1848 г.). Прусскій король горячо протестовалъ, требовалъ вмѣшательства другихъ державъ, но въ концѣ концовъ согласился предоставить рѣшеніе конференціи. Революція 1848 г. прервала это дѣло.

Революція 1848 г.—Революціи начались въ Швейцаріи въ 1847 г., а въ Сициліи въ январѣ 1848 г. Французская революція не была первой; но она вызвала своимъ примѣромъ рядъ демократическихъ и національныхъ возстаній. Правительства, еще неопытныя въ искусствѣ подавленія народныхъ движеній, охваченныя мистическимъ страхомъ передъ *революціей*, этой таинственной и неизмѣримой силой, потеряли хладнокровіе и едва сопротивлялись. За исключеніемъ крайняго запада (Англіи, Испаніи и Португаліи), Швеціи, Норвегіи и Россіи, движеніе охватило всѣ европейскія государства.—Въ Бельгіи, Нидерландахъ и Даніи оно приняло мирную форму избирательной или конституціонной реформы.—Во Франціи (февраль), Австріи, Пруссіи (мартъ), Германіи и центральной Италіи произошла внутренняя революція.—Въ сѣверной Италіи, Шлезвигъ-Голштиніи и Венгріи движеніе приняло форму національной войны.

Революція перевернула всю европейскую политику, преобразовавши внутренній строй трехъ центральныхъ державъ. Она вырвала Францію изъ коалиціи съ консервативными монархіями (онѣ только что назначили на 15 марта конференцію съ цѣлью остановить революцію въ Италіи); она парализовала Австрію и Пруссію. Только Англія и Россія сохранили свободу дѣйствія и воспользовались ею, чтобы принять на себя роль посредниковъ, но въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ.

Былъ моментъ, когда думали, что Французская республика возобновитъ традиціи первой революціи и предприметъ войны во имя республиканской пропаганды; въ Парижѣ происходили манифестаціи въ пользу вмѣшательства въ дѣла Италіи и Польши. Временное правительство рѣшило держаться мирной политики, и Ламартинъ сообщилъ объ этомъ Европѣ официальной нотой. Но такъ какъ воинственныя манифестаціи продолжались (возстаніе 15 мая имѣло цѣлью потребовать вмѣшательства въ польскія дѣла), то европейскіе революціонеры продолжали надѣяться на помощь французскихъ революціонеровъ, которыхъ новая революція могла призвать къ власти.

Пальмерстонъ, довольный паденіемъ Гизо, призналъ республику; остальныя державы не имѣли времени сговориться между собою для борьбы съ нею. Австрія была поглощена революціей въ Вѣнѣ и въ своемъ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ (мартъ). Въ первый разъ Сардинское правительство, побуждаемое національнымъ итальянскимъ движеніемъ, осмѣлилось напасть на Австрію. Послѣ возстанія въ Миланѣ, Сардинская армія, не объявля войны, вступила въ Ломбардію (апрѣль), и австрійское правительство, изъ состава котораго исчезъ Меттернихъ, обратилось къ парламенту съ просьбою сдержать его сардинскаго союзника. Пальмерстонъ сдѣлался посредникомъ между Австріей и итальянскими государствами. Сначала онъ посовѣтовалъ Австріи отказаться отъ своихъ итальянскихъ владѣній, но потомъ согласился начать переговоры о перемиріи, котораго Сардинія не приняла. Затѣмъ начали обсуждать проектъ объ основаніи автономнаго ломбардо-венеціанскаго королевства съ австрійскимъ эрцгерцогомъ во главѣ (іюнь), но итальянцы отвергли этотъ проектъ.

Когда австрійское правительство оправилось отъ своего страха, армія Радецкаго, оставшаяся неприкосновенной въ укрѣпленномъ четырехугольникѣ и усиленная 20,000 человѣкъ, перешла въ наступленіе, снова заняла венеціанскую область, за исключеніемъ Венеціи, и затѣмъ аттаковала сардинскую армію. Одно сраженіе (при Кустоццѣ, 25 іюля) рѣшило исходъ войны; сардинская армія отступила и позволила австрійской занять всю Ломбардію. Сардинія обратилась за помощью къ Франціи и Англіи, которыя вошли въ соглашеніе, чтобы предложить свое посредничество. Было заключено перемиріе, и рѣшено созвать конференцію въ Брюсселѣ. Но побѣдоносная Австрія отказалась отъ всякой территоріальной уступки, и переговоры остались въ неопредѣленномъ положеніи.—Англія вмѣшалась также, чтобы заставить заключить перемиріе неаполитанскаго короля, бывшаго въ войнѣ съ своими подданными въ Сициліи (сентябрь).

Въ Германіи революція закончилась созваніемъ національнаго парламента, который учредилъ въ іюнѣ 1848 года имперское правительство. Но новое правительство не было признано ни Англіей, относившейся враждебно къ коммерческому объединенію Германіи, ни Франціей, желавшей германскаго единства только при условіи демократической конституціи,—ни русскимъ императоромъ, противникомъ всякой революціи.

Въ герцогствахъ Шлезвигѣ и Голштиніи революція, сначала мѣстная, установила нѣмецкое правительство и закончилась національною войною между датчанами и нѣмецкимъ населеніемъ герцогствъ, поддержаннымъ сначала германскими волонтерами, а затѣмъ прусскими войсками, которыя заняли Шлезвигъ и вторглись въ Ютландію.

Сѣверныя державы стояли за сохраненіе датской монархіи; Англія—чтобы помѣшать распространенію Таможеннаго Союза и возникновенію нѣмецкаго военнаго флота; русскій императоръ изъ вражды къ революціи, а также потому, что датскій король былъ его родственникъ. Англія, Россія и Швеція организовали Лондонскую конференцію, которая заставила обѣ стороны заключить перемиріе и признать временное рѣшеніе.

Реставрація (1849 г.).—Австрія, держава, наиболѣе потрясенная революціей 1848 г., подала примѣръ военной реакціи; князь Шварценбергъ, руководившій австрійскою политикою, систематически стремился разрушить все, что было сдѣлано революціонерами.

Реставрація началась съ Австріи (окт. 1848 года); прусскій король послѣдовалъ ея примѣру (дек. 1848 г.). Реставрація была прервана венгерской революціей и попыткой создать германскую имперію съ прусскимъ королемъ во главѣ,—отвлекшими Австрію.

Въ Италіи республиканцы воспользовались этимъ, чтобы провозгласить республику (февр. 1849 г.) въ центральной Италіи; а Сардинія—чтобы снова начать войну. Но австрійская армія аттаковала сардинскую, и одного сраженія было достаточно, чтобы принудить Сардинію просить мира.—Австрія потребовала уничтоженія итальянскихъ республикъ и сама занялась Тосканой. Въ Римѣ вмѣшательство потребовало бо́льшаго времени; католическія государства спорили между собой о томъ, кому взять на себя эту задачу; ее взяла на себя Франція, чтобы удержать Австрію. Но большинство французскаго собранія желало возстановленія папской власти; президентъ же хотѣлъ возвратить папѣ Римъ, реформированный въ свѣтскомъ направленіи, и только съ согласія жителей; это разногласіе отразилось въ противорѣчивыхъ военныхъ операціяхъ. Французская экспедиція получила приказъ явиться съ предложеніемъ примиренія; высадившись, она объявила, что ея цѣль—устранить

опасность австрійскаго вмѣшательства, и бралась съ солдатами римской республики; но она нашла ворота Рима запертыми, а когда попыталась овладѣть ими, то была отброшена. Тогда на помощь папѣ пришли неаполитанская, испанская и австрійская арміи. Австрійцы заняли Романью. Французскій агентъ де-Лессепсъ вошелъ съ римлянами въ сдѣлку, въ силу которой Франція отказывалась отъ занятія Рима; но французское правительство отвергло ее; французская армія, получившая подкрѣпленіе, осадила наконецъ Римъ и принудила осажденныхъ капитулировать. Реставрація была полной. Наполеонъ, совѣтовавшій папѣ принять конституцію 1848 года, выразилъ свое недовольство открытымъ письмомъ къ полковнику Нею.

Въ Германіи столкновеніе между демократами и правительствами перешло въ возстаніе. Прусскій король путемъ оружія произвелъ реставрацію въ Баденѣ и Саксоніи. Парламентъ разсѣялся.—По истеченіи перемирія вопросъ о герцогствахъ возникъ снова, но прусскій король почувствовалъ отвращеніе къ этой войнѣ и вступилъ въ переговоры. Конференція, перенесенная въ Берлинъ, не могла придти къ окончательному рѣшенію и ограничилась перемиріемъ.

Въ Венгріи, гдѣ за революціей послѣдовало провозглашеніе республики, реставрація произошла путемъ правильной войны съ венгерской арміей. Австрія, которой грозилъ вторичный переходъ въ наступленіе со стороны Венгріи, обратилась за помощью къ императору Николаю, и Венгрія была усмирена русской арміей.

Николай выступалъ въ роли возстановителя законныхъ монархій; Пальмерстонъ являлся защитникомъ патріотовъ-революціонеровъ. 5,000 венгерцевъ укрылось въ Турціи; Австрія и Россія требовали ихъ выдачи. Пальмерстонъ заставилъ султана отвѣтить отказомъ и, несмотря на угрозы обоихъ императоровъ, даже прервавшихъ дипломатическія сношенія, добился того, что они удовольствовались однимъ изгнаніемъ венгерцевъ. Около тридцати изъ нихъ султанъ отправилъ въ ссылку, но Пальмерстонъ велъ переговоры втеченіе двухъ лѣтъ и заставилъ ихъ освободить. Англія также протестовала противъ жестокаго обращенія съ политическими узниками въ Неаполитанскомъ королевствѣ.

Торжество Австріи надъ Пруссіей (1850 годъ). — Австрія, занятая дѣлами Италіи и Венгріи, дала возможность прусскому королю занять руководящую роль въ германскихъ дѣлахъ. Ему предложили императорскую корону, онъ подавилъ возстанія, организовалъ унію, взялъ въ свои руки вопросъ о герцогствахъ. Но Австрія и Россія одинаково хотѣли полной реставрація и уничтоженія всего, что было сдѣлано Пруссіей.

Прусскій король находился подъ вліяніемъ противорѣчивыхъ чувствъ: нѣмецкій патріотизмъ заставлялъ его поддерживать германское населеніе герцогствъ; изъ задѣтаго самолюбія онъ отстаивалъ унію, потому что Австрія хотѣла разрушить ее; но его уваженіе къ законности не позволяло ему принять сторону возмутившихся подданныхъ противъ ихъ государя и защищать конституцію, вотированную парламентомъ. Онъ согласился измѣнить конституцію уніи, но только путемъ конференціи между Пруссіей и Австріей, безъ участія Сейма, который онъ считалъ распущеннымъ. Австрійское правительство сдѣлало видъ, что обращается къ Сейму; оно не желало одно воевать съ Пруссіей, но пыталось вовлечь въ эту войну Россію и германскія государства.

Политика Шварценберга, резюмированная въ знаменитой фразѣ: «сначала унизить, а потомъ уничтожить Пруссію», состояла въ томъ, чтобы компрометтировать прусскаго короля въ глазахъ императора Николая, заставивши его высказаться противъ реставраціи. Николай, недовольный прусскимъ королемъ, который далъ «демократическую» конституцію своему народу, и расположенный къ датскому королю, желалъ однако избѣжать войны между двумя консервативными нѣмецкими монархіями. Онъ объявилъ, что приметъ сторону того, кто останется вѣрнымъ трактатамъ 1815 года.

Берлинской конференціи не удалось уладить вопроса о герцогствахъ. Англія и Франція требовали его окончательнаго рѣшенія. Въ этомъ запутанномъ вопросѣ всѣ державы склонялись къ тому, чтобы вернуться къ положенію, существовавшему до 1848 г. Устрашенный прусскій король рѣшился покинуть нѣмецкихъ жителей герцогствъ. Конференція была перенесена въ Лондонъ. Англія, Франціи и Россія обязались поддерживать цѣлость датской монархіи, сдѣлавши такимъ образомъ вопросъ о герцогствахъ европейскимъ. Впослѣдствіи они разрѣшили вопросъ о престолонаслѣдіи (1852 г.) въ смыслѣ сліянія Даніи съ герцогствами.

Затѣмъ Австрія, поднявши вопросъ объ Уніи, потребовала, чтобы прусскій король объявилъ Эрфуртскую конституцію уничтоженной. Король призналъ ее неосуществимой, но не хотѣлъ отказаться отъ ея принциповъ. Шварценбергъ началъ мобилизировать армію; вюртембергскій и баварскій короли соединились съ Австріей противъ Пруссіи; между тремя государями произошло въ октябрѣ свиданіе, на которомъ былъ провозглашенъ воинственный тостъ.

Прусское правительство раздѣлилось на двѣ партіи, изъ которыхъ одна стояла за миръ, а другая за мобилизацію. Король сначала предоставилъ министерству высказаться большинствомъ голосовъ за миръ (принцъ Вильгельмъ находился въ меньшинствѣ); но потомъ, узнавши, что австрійскія войска вступили въ Баварію, приказалъ мобилизовать армію. Войну считали уже начавшей-

ся; произошла даже одна стычка. Тогда Шварценбергъ потребовалъ удаленія прусскихъ войскъ. Король повиновался; затѣмъ, уступая въ вопросѣ объ Уніи, онъ велѣлъ своимъ союзникамъ объявить ее распущенной. Онъ просилъ только, чтобы на него было возложено выполненіе рѣшеній Сейма въ Голштиніи и Гессенѣ (дѣло шло объ отмѣнѣ гессенской конституціи). Австрія не согласилась, и Россія поддержала ее.

Встревоженный и покинутый всѣми, прусскій король снова уступилъ; онъ потребовалъ у Шварценберга свиданія; это было знаменитое ольмюцкое свиданіе 1850 г., ознаменовавшее пораженіе Пруссіи. Прусскій посолъ согласился на разоруженіе; взамѣнъ этого Пруссія получила только обѣщаніе конференціи, которая происходила въ Дрезденѣ (1851 г.) и окончилась одними протоколами.

Отъ прусскихъ проектовъ не осталось ничего, и Германія, видѣвшая ея публичный позоръ, надолго сохранила такое впечатлѣніе, что ей было не по силамъ сопротивляться Австріи.

Признаніе Французской имперіи (1852 г.).— Возстановленіе монархическаго образа правленія во Франціи было сочувственно принято великими державами. Россія одобрила государственный переворотъ, впрочемъ заранѣе протестуя противъ императорскаго титула; австрійское правительство признало даже и императорскій титулъ, «какъ ни могло показаться противнымъ достоинству старыхъ династій признаніе равнаго сана за индувидуумомъ, подобнымъ Людовику-Наполеону»; оно даже предложило Наполеону занять Швейцарію, эту берлогу революціонеровъ. Наполеонъ отказался, но хотѣлъ потребовать изгнанія эмигрантовъ; однако, послѣ вмѣшательства Англіи, удовольствовался однимъ обѣщаніемъ. Въ Англіи Пальмерстонъ одобрилъ государственный переворотъ; это подало поводъ къ столкновенію между нимъ и его товарищами по министерству, а также съ королевой Викторіей, которая упрекала его въ томъ, что онъ дѣйствовалъ противно рѣшенію кабинета. Прусскій король, лично нерасположенный къ узурпатору, послѣдовалъ примѣру другихъ правительствъ. Когда распространился слухъ, что Наполеонъ замышляетъ присоединеніе Бельгіи, Англія и Пруссія заявили, что онѣ будутъ защищать ея независимость.

Провозглашеніе имперіи снова возбудило французскій вопросъ. Трактаты 1815 и 1818 гг. навсегда устраняли семью Бонапарта отъ французскаго трона; такимъ образомъ восшествіе на престолъ Наполеона составляло *casus belli*. Наименованіе Третій, принятое Наполеономъ, отягчало нарушеніе трактатовъ, такъ какъ при этомъ считался законнымъ государемъ Наполеонъ II, никогда не признававшійся Союзниками. Но выгоды, связанныя въ глазахъ правительствъ съ возстановленіемъ монархіи во Франціи, заставили ихъ примириться съ новою имперіей; Наполеонъ Ш, такъ-же какъ и Луи-Филиппъ, формально увѣрялъ ихъ въ своемъ намѣреніи сохранять миръ.

Четыре великихъ державы ограничились заявленіемъ (дек. 1852 г.), что онѣ принимаютъ къ свѣдѣнію миролюбивыя обѣщанія Наполеона и будутъ попрежнему сохранять *status quo*. Послѣ этого сначала англійское, а затѣмъ и всѣ остальныя правительства признали имперію. Но Россія согласились только на титулъ «добрый другъ», говоря, что русскій дворъ употреблялъ обращеніе «дорогой братъ» лишь по отношенію къ государямъ, права которыхъ покоились на однихъ принципахъ съ правомъ русскаго императора.

Но даже и признавши Наполеона, европейскіе государи не обращались съ нимъ, какъ съ равнымъ себѣ. Когда онъ искалъ для себя невѣсты, ни одинъ владѣтельный домъ, даже Гогенцоллернъ-Зигмарингенскій, не пожелалъ выдать за него своей принцессы. Тогда онъ рѣшился жениться на Евгеніи Монтихо, происходившей изъ старой испанской дворянской семьи (янв. 1853 г.).

Императоръ Николай и восточный вопросъ (1852—53 г.).—Покончивъ съ возстановленіемъ порядка на западѣ, Николай I пожелалъ уладить восточный вопросъ. Онъ думалъ, что можетъ разсчитывать на покорность Австріи и Пруссіи; оставалось только сговориться съ Англіею. Онъ не хотѣлъ вести переговоровъ съ покровителемъ революціонеровъ, Пальмерстономъ; но, когда вступило во власть торійское министерство Абердина (1852 г.), онъ возобновилъ свое предложеніе, безуспѣшно сдѣланное имъ въ 1844 году предшествовавшему торійскому министерству,— совмѣстно рѣшить восточный вопросъ. Онъ сказалъ англійскому посланнику, что «больной человѣкъ» (Турція) былъ близокъ къ смерти, и что онъ полагалъ, что наступилъ моментъ сговориться съ Англіей относительно его погребенія; что касается его, то онъ рѣшилъ занять Константинополь, не для того чтобы оставить его за собой, а только въ видѣ залога. Затѣмъ онъ предложилъ Англіи Египетъ и Критъ.

Англійское министерство, слѣдуя своимъ традиціямъ, стояло за сохраненіе Оттоманской имперіи. Англійскій посолъ въ Константинополѣ, Стратфордъ Каннингъ, лично враждебный къ Россіи, поощрялъ султана къ сопротивленію. Въ 1850 г. возникло столкновеніе между католическими монахами, которымъ покровительствовала Франція, и православными, находившимися подъ покровительствомъ Россіи, по вопросу объ обладаніи Святыми Мѣстами; турецкое правительство, очутившееся между двумя соперничествующими государствами, составило два противорѣчивыхъ документа (янв. 1852 г.); Фран-

ція и Россія обѣ требовали благопріятнаго для каждой изъ нихъ рѣшенія и угрожали султану силою.

Николай, подъ предлогомъ разрѣшенія этого вопроса, отправилъ чрезвычайное посольство съ Меньшиковымъ во главѣ, который пріѣхалъ въ Константинополь съ огромной свитой и держалъ себя, какъ повелитель (апрѣль 1853 г.). Англійскій посолъ узналъ, что онъ пріѣхалъ для заключенія тайнаго трактата, который призналъ бы Россію покровительницею православныхъ церквей во всей турецкой имперіи; онъ посовѣтовалъ Портѣ рѣшить вопросъ о Святыхъ Мѣстахъ въ пользу русскихъ, что и было сдѣлано, но отвергнуть трактатъ о гарантіи греческой церкви. Тогда Меньшиковъ поставилъ ультиматумъ. Султанъ отвѣтилъ отказомъ, и Меньшиковъ уѣхалъ, порвавши дипломатическія сношенія (май 1853 г.).

Раздраженный отказомъ, императоръ Николай хотѣлъ начать войну; его министръ посовѣтовалъ ему миръ; императоръ остановился на полумѣрѣ. Онъ послалъ армію занять румынскія княжества, не не объявилъ войны султану; такой способъ давленія уже употреблялся ранѣе. Эта мѣра возстановила общественное мнѣніе Англіи и возбудила недовольство Австріи. Правительства великихъ державъ, все еще мало расположенныя къ войнѣ, согласились между собою составить примирительную ноту. Россія приняла ее; но Стратфордъ Каннингъ убѣдилъ султана требовать измѣненія въ ея редакціи, которое было отвергнуто императоромъ Николаемъ (сентябрь).

По просьбѣ султана англійскій и французскій флоты вошли въ Дарданеллы, вопреки конвенціи 1841 г.; Россія протестовала. Англія отвѣтила, что Турція, послѣ занятія княжествъ, не находилась въ мирномъ положеніи. Султанъ приказалъ турецкой арміи перейти Дунай и объявилъ Россіи войну (4 ноября). Восточный вопросъ возникъ снова; но султанъ стоялъ передъ Россіей уже не одинъ: въ первый разъ послѣ 1815 г. великія державы вступали въ войну между собой. Европейскій концертъ окончательно распался.

ГЛАВА XXVI.

Преобладаніе Франціи и національныя войны (1854—1870 г).

Поворотъ въ европейской политикѣ.—Крымская война.—Парижскій конгрессъ.—Преобладаніе Наполеона.—Союзъ между Франціей и Сардиніей.—Итальянская война.—Миръ съ Австріей.—Территоріальныя присоединенія и итальянскій вопросъ.—Польскія дѣла.—Война изъ-за герцогствъ.—Разрывъ между Пруссіей и Австріей.—Война 1866 года.—Пражскій миръ.—Люксембургское дѣло.—Скрытый конфликтъ между Франціей и Пруссіей.—Объявленіе войны.

Поворотъ въ европейской политикѣ. — Періодъ европейской исторіи отъ 1814 до 1854 г. былъ временемъ внутреннихъ революцій и внѣшняго мира. Втеченіе сорока лѣтъ не было ни одной большой войны, и за все это время въ Европѣ 1815 г. не произошло другихъ измѣненій, кромѣ созданія двухъ небольшихъ королевствъ, Греческаго и Бельгійскаго, и уничтоженія Краковской республики. Австрія пользовалась временемъ своего вліянія для поддержанія *statu quo*; Англія и Россія, не смотря на дипломатическія и воинственныя демонстраціи, ограничивались тѣмъ, что раздѣлили Европу на два лагеря: конституціонный западъ и монархическій востокъ, которые уравновѣшивали другъ друга, не приходя въ столкновеніе.

Вмѣстѣ съ Крымской войной начинается періодъ войнъ и территоріальныхъ измѣненій; въ шестнадцать лѣтъ между великими державами происходятъ четыре европейскія войны (не считая мѣстныхъ войнъ въ Италіи и Даніи),—и вся центральная Европа переустраивается въ территоріальномъ отношеніи.

Эта перемѣна произошла вслѣдствіе перехода въ новыя руки власти въ двухъ большихъ государствахъ, не принимавшихъ до тѣхъ поръ дѣятельнаго участія въ европейской политикѣ, во Франціи и Пруссіи, и въ одномъ второстепенномъ государствѣ, Сардиніи, поднявшемся до уровня европейской державы.

Во Франціи, Наполеонъ, ставши неограниченнымъ государемъ, покидаетъ пассивную и осторожную политику конституціонной монархіи и стремится играть руководящую роль въ Европѣ. Имѣя возможность объявлять войну и заключать трактаты своею собственною властью, независимый отъ палатъ и общественнаго мнѣнія, онъ вполнѣ свободенъ въ своей внѣшней политикѣ; его армія, воспитавшаяся среди романическихъ алжирскихъ войнъ, слыветъ за очень сильную, и онъ не отступаетъ передъ мыслью о войнѣ. Франція, вслѣдствіе подавленія ея внутренней политической жизни, снова получаетъ преобладающее вліяніе въ Европѣ. Но Наполеонъ III пользуется этимъ вліяніемъ, сообразуясь съ своими личными взглядами. Онъ покидаетъ традиціонную монархическую политику мира и практическихъ интересовъ; этотъ бывшій итальянскій революціонеръ, сторонникъ національнаго единства, лично придерживается революціонной политики; заклятый врагъ трактатовъ 1815 г., противникъ Австріи, защитникъ права самихъ народовъ располагать ихъ судьбами, онъ стремится разрушить дѣло Союзниковъ 1814 года. Онъ хочетъ употребить силы Франціи на безкорыстную помощь націямъ, стремящимся къ объединенію, и на полученіе въ награду за это коекакихъ территоріальныхъ приращеній (Бисмаркъ иронически называлъ это *получкой на чай*). Это была «націоналистическая политика», въ сочетаніи съ политикой присоединеній. Но приближенные Наполеона раздѣлялись на двѣ враждебныя партіи: революціонная партія, руководимая принцемъ Жеромомъ, требовала вмѣшательства въ національную политику и войны съ Австріей; консервативная партія, представляемая императрицей, хотѣла мира и поддержанія католическихъ державъ. Наполеонъ, легко поддававшійся личнымъ вліяніямъ, колебался, переходилъ отъ одной партіи къ другой, принималъ противорѣчивыя мѣры; иногда онъ даже таился

отъ своихъ министровъ и, безъ ихъ вѣдома, осуществлялъ черезъ тайныхъ агентовъ свои личные планы, несогласные съ офиціальною политикою его правительства; вслѣдствіе этого политика Наполеона казалась несвязной и какъ бы пробиравшейся извилистыми путями.

Въ Сардиніи, новый король, Викторъ Эммануилъ, располагалъ хотя и небольшой арміей, но готовой къ войнѣ. Онъ былъ занятъ исключительно военнымъ дѣломъ и предоставилъ завѣдываніе иностранной политикой Кавуру, итальянскому патріоту, рѣшившемуся достигнуть объединенія Италіи какими бы то ни было средствами: войною, революціей, обращеніемъ за помощью къ иностраннымъ державамъ.

Пруссія оставалась пассивной до восшествія на престолъ Вильгельма. Хотя лично и миролюбивый, Вильгельмъ былъ прежде всего главою арміи, вслѣдствіе чего его можно было заставить рѣшиться на войну. Съ 1862 г. онъ ставитъ во главѣ прусской политики Бисмарка, нѣмецкаго патріота, рѣшившагося достигнуть объединенія Германіи путемъ оружія. Прусская армія, благодаря всеобщей воинской повинности, своему усовершенствованному вооруженію, своей быстрой мобилизаціи и искусной тактикѣ, оказывается сильнѣйшею въ Европѣ.

При наличности этихъ трехъ державъ, вступившихъ на путь активной политики, роль государствъ, господствовавшихъ до того времени въ Европѣ, обратилась въ пассивную. — Австрія, ослабленная національной оппозиціей венгровъ, стѣсненная въ своихъ финансахъ, держится оборонительной политики. Императоръ Францъ-Іосифъ, лично завѣдывавшій внѣшними дѣлами, не могъ избѣжать войны, хотя не любилъ ея, и долженъ былъ вести ее при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: съ арміей дурно экипированной, неумѣло руководимой и медленной въ своихъ движеніяхъ.—Въ Россіи, послѣ смерти Императора Николая въ 1855 г., на престолъ вступилъ Александръ II, миролюбивый и гуманный государь, не воевавшій въ Европѣ втеченіе двадцати лѣтъ.—Въ Англіи, Пальмерстонъ продолжалъ руководить внѣшней политикой до самой своей смерти (1865 г.); но его пріемы запугиванія уже болѣе не дѣйствовали на державы, рѣшившіяся воевать. Англія съ ея небольшою арміею волонтеровъ не могла бороться съ континентальными арміями, основанными на обязательной военной службѣ. Англійское правительство примирилось съ этимъ безсиліемъ, скоро сдѣлавшимся очевиднымъ, и отстранилось отъ воинственной политики.

Такимъ образомъ въ этотъ періодъ Европою руководили Франція, Италія и Пруссія, т. е. Наполеонъ, Кавуръ и Бисмаркъ, и европейская политика зависѣла отъ ихъ взаимныхъ отношеній. У всѣхъ троихъ была общая почва: принципъ національности и вражда къ Австріи. Прежній европейскій концертъ покоился на «поддержаніи трактатовъ», но революція 1848 г., на мгновеніе создавши новыя націи (итальянскую, германскую и венгерскую), поколебала порядокъ, установленный трактатами, и во всей центральной Европѣ поставила на очередь новые національные вопросы. Реакція подавила національныя движенія, но не разрѣшила этихъ вопросовъ. Они скоро возникли снова; только на этотъ разъ консервативная Австрія должна была одна бороться съ Наполеономъ, Бисмаркомъ и Кавуромъ, сдѣлавшимися союзниками національной революціи. Этотъ союзъ съ революціонерами казался до такой степени удивительнымъ, что нѣкоторые католики видѣли въ немъ дѣло франъ-масоновъ, съ которыми всѣ трое находились въ сношеніяхъ.

Крымская война (1853—1856 г.).—Война между Турціей и Россіей не осталась мѣстной, какъ въ 1828 г., а скоро перешла въ европейскую. Наполеонъ III, желая создать себѣ положеніе въ Европѣ, вступилъ въ союзъ съ англійскимъ правительствомъ для защиты Оттоманской имперіи. Франція и Англія послали свои флоты защищать Константинополь. Русскій флотъ уничтожилъ турецкій флотъ при Синопѣ (40 ноября 1853 года). Въ Англіи общественное негодованіе обрушилось на министра Абердина и принца Альберта, желавшихъ сохранять миръ; англичане не хотѣли позволить русскимъ господствовать на Черномъ морѣ. Англійское правительство рѣшилось принять предложеніе Наполеона. Французскій и англійскій флоты вошли въ Черное море (янв. 1854 г.), получивъ приказаніе пригласить русскіе корабли вернуться въ Севастопольскую гавань. Императоръ Николай, раздраженный этимъ, рѣшилъ порвать съ Франціей и Англіей.

Разрывъ былъ замедленъ переговорами съ двумя нѣмецкими державами. Прусскій король, связанный родствомъ съ англійскимъ дворомъ, предлагалъ свой союзъ Англіи, но подъ условіемъ возвращенія ему Невшателя, права на который были признаны за нимъ конференціей великихъ державъ въ 1852 г.; Англія не согласилась на это. Австрія отказалась отъ проекта подѣлить съ Россіей Турецкую имперію и хотѣла избѣжать какого бы то ни было рѣшительнаго шага; императоръ Николай предложилъ ей обязаться сохранять нейтралитетъ, но не гарантировалъ при этомъ цѣлости Оттоманской имперіи. Австрія отказалась, а потомъ потребовала, чтобы Россія очистила румынскія провинціи. Это было непредвидѣннымъ разочарованіемъ для императора Николая.

Франція и Англія кончили тѣмъ, что потребовали удаленія русскихъ войскъ изъ румынскихъ княжествъ. Императоръ Николай отказалъ. Онѣ заключили трактатъ съ султаномъ, обѣщая ему вспомогательную армію и обязавшись не заключать от-

дѣльно отъ него трактатовъ Затѣмъ онѣ объявили Россіи войну (27 марта), обязавшись взаимно не добиваться отдѣльныхъ выгодъ. Онѣ пригласили присоединиться къ нимъ другія державы. Прусскій король отказался; онъ отдалилъ отъ себя партію, стоявшую за союзъ съ Англіей, изъ отвращенія къ революціоннымъ проектамъ Наполеона и Пальмерстона. Австрія, желая добиться очищенія румынскихъ провинцій, склонялась къ союзу съ западными государствами; чтобы удержать ее, прусскій король предложилъ ей сохранять нейтралитетъ, обязавшись поддерживать ее, если она подвергнется нападенію.

Союзники не пожелали сначала освободить румынскія провинціи, такъ какъ ихъ оккупація составляла единственную причину, заставившую Австрію держаться политики, враждебной Россіи; союзники боялись вызвать революціонное движеніе въ Польшѣ; они ограничились оборонительной войной. Небольшая англо-французская армія была послана къ Галлиполи защищать Константинополь; кромѣ того была послана экспедиція въ Пирей, чтобы остановить грековъ. Такъ какъ русскія войска не приближались, то союзная армія, по просьбѣ турокъ, была вновь посажена на суда и отвезена сначала въ Варну, а потомъ въ Добруджу, гдѣ среди нея начала свирѣпствовать холера. Всѣ эти передвиженія происходили медленно и съ большимъ замѣшательствомъ.

Императоръ Николай колебался еще болѣе; онъ снова попытался вступить въ соглашеніе съ своими бывшими союзниками, Пруссіей и Австріей. Онъ предлагалъ очистить Румынію, еслибы Австрія обязалась воздерживаться отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій; Австрія отказалась отъ такого обязательства. Николай отозвалъ свои войска; предлога для войны больше не было. Нѣмецкія государства, желавшія мира, предложили общую эвакуацію Оттоманской имперіи. Но Франція и Англія хотѣли установить гарантіи относительно будущаго. По соглашенію съ Австріей они рѣшили предписать Россіи слѣдующія условія: 1) гарантія румынскихъ княжествъ всею Европой (вмѣсто одной Россіи); 2) свободное плаваніе по Дунаю; 3) пересмотръ конвенціи о проливахъ (нейтрализація Чернаго моря); 4) покровительство христіанскимъ подданнымъ султана безъ ущерба для его верховной власти. Россія отвергла эти четыре пункта, заявивши, что она будетъ ждать событій. Ея войска отступили на русскую территорію; австрійцы и турки заняли румынскія провинціи.

Пруссія и Германскій Союзъ провозгласили нейтралитетъ; Австрія практически осталась также нейтральной: она поддерживала четыре пункта, но объявила, что не употребитъ силы противъ Россіи.

Оборонительная война была кончена. Франція и Англія начали обсуждать новый планъ кампаніи. Наполеонъ предложилъ поднять возстаніе на Кавказѣ; Англія предпочла аттаковать Севастополь, русскій военный портъ и арсеналъ на Черномъ морѣ. Война, имѣвшая цѣлью защиту Оттоманской имперіи, обратилась въ экспедицію противъ Крыма.

Русскіе не ожидали нападенія съ этой стороны; они выставили 200,000 человѣкъ по Балтійскому побережью, 140,000 въ Польшѣ, 180,000 на Дунаѣ и только 50,000 въ Крыму. Маленькая русская армія не могла помѣшать высадкѣ союзниковъ; но она заняла очень сильную позицію по крутому склону за рѣкою Альмой, и сраженіе при Альмѣ (20 сентября) было такъ кровопролитно, что англо-французская армія остановилась и дала время Севастопольскому гарнизону привести крѣпость въ оборонительное положеніе, затопивши корабли въ бухтѣ и воздвигнувши земляныя укрѣпленія. Французскій генералъ Канробер не рѣшился идти на приступъ и повелъ правильную осаду.

Это была медленная и кровопролитная осада, длившаяся около года и поглотившая всѣ силы союзниковъ. Осаждающіе принесли съ собою холеру, которая задерживала ихъ операціи. Когда союзники приготовились къ приступу, подошла русская вспомогательная армія въ 100,000 человѣкъ и заставила ихъ дать кровопролитныя сраженія при Балаклавѣ и Инкерманѣ (ноябрь 1854 г.). Пришлось вести зимнюю кампанію въ пустынной странѣ, среди жестокихъ холодовъ, не успѣвши ничего приготовить. Англійская армія, дурно размѣщенная и страдавшая недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, потеряла половину своихъ солдатъ; зимнія одежды, посланныя войскамъ, были получены только весною. Общественное мнѣніе въ Англіи взволновалось и вызвало паденіе министерства.

Союзники послали новыя войска и получили въ подкрѣпленіе турецкую армію, которая выдержала сраженіе, когда подошла къ Евпаторіи,— и сардинскій корпусъ. Сардинія приняла участіе въ войнѣ, желая угодить Наполеону. Австрія также заключила наступательный союзъ и приглашала Пруссію и Сеймъ готовиться къ войнѣ. Но Сеймъ, до тѣхъ поръ всегда послушный Австріи, обнаружилъ сопротивленіе, и Австрія не рѣшалась двинуть свои войска.

Императоръ Николай неожиданно скончался 2 марта 1855 г. Война, начатая противъ него, потеряла свой *raison d'être*; въ Вѣнѣ начались переговоры объ ея прекращеніи. Она продолжалась потому, что Александръ II отвергъ третій «пунктъ», требовавшій отъ него ограниченія числа кораблей на Черномъ морѣ,—пунктъ, на которомъ упорно настаивала Англія; принцъ Альбертъ объявилъ, что отказаться отъ этого требованія значило бы легализировать русское преобладаніе. Австрія провозгласила свой нейтралитетъ. Союзники докончили осаду Севастополя. Для этого по-

требовалось еще одно бомбардированіе (250,000 пушечныхъ выстрѣловъ и 8,000 убитыхъ, апр.), сраженіе при Черной (май),—нападеніе на Зеленый курганъ (іюнь, 13,000 убитыхъ),—неудавшійся приступъ, — второе бомбадированіе и взятіе приступомъ Малахова кургана. Русскіе очистили крѣпость, предварительно уничтоживши все въ ней (сентябрь 1855 г.).

Овладѣвши Севастополемъ, союзники не знали, какъ заставить Россію заключить миръ. Наполеонъ предложилъ поднять національныя войны въ Польшѣ, Финляндіи и на Кавказѣ, или вести войну на морѣ, блокировавши Балтійское побережье. Но англо-французскій флотъ въ Балтійскомъ морѣ могъ бы только взять или бомбардировать отдѣльные пункты. Швеція не рѣшалась вступать въ войну; Англія хотѣла локализировать ее. Наполеонъ рѣшилъ заключить миръ, противъ желанія Пальмерстона, который грозилъ, что будетъ продолжать войну одинъ, вмѣстѣ съ Турціей (ноябрь). Австрія взялась представить Россіи ультиматумъ, состоявшій изъ четырехъ пунктовъ; Англія заявила о своемъ недовольствѣ и добилась измѣненія ультиматума: былъ точнѣе опредѣленъ способъ сдѣлать Черное море нейтральнымъ и прибавленъ пятый пунктъ объ уступкѣ полосы земли на лѣвомъ берегу Дуная съ цѣлью отрѣзать Россію отъ устьевъ. Императоръ Александръ принялъ ультиматумъ, и заинтересованныя державы рѣшили опредѣлить условія мира на конгрессѣ въ Парижѣ.

Парижскій конгрессъ (1856 г.).—Парижскій конгрессъ (мартъ—апрѣль 1856 г.) составился изъ двухъ уполномоченныхъ отъ каждой изъ шести державъ: Франціи, Англіи, Россіи, Турціи, Австріи, Сардиніи,—подъ предсѣдательствомъ французскихъ уполномоченныхъ. Пруссія была исключена; но для рѣшенія вопроса о Черномъ морѣ она была приглашена, какъ подписавшая конвенцію 1841 года.

Конгрессъ собрался со спеціальной цѣлью уладить восточный вопросъ; но имъ воспользовались также для обсужденія другихъ вопросовъ, представлявшихъ общій интересъ.

Конгрессъ начался съ восточнаго вопроса.

1) Цѣлость Оттоманской имперіи была гарантирована всѣми державами; султанъ обѣщалъ произвесть реформы, а державы отказались отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла имперіи.

2) Плаваніе по Дунаю было объявлено свободнымъ. Комиссія изъ представителей семи державъ должна была принять мѣры, чтобы сдѣлать рѣку судоходной и организовать сборъ для покрытія издержекъ; надзоръ за судоходствомъ долженъ былъ перейти къ прибережнымъ государствамъ, включая въ ихъ число Сербію, Молдавію и Валахію.

3) Черное море было признано нейтральнымъ, никакое государство не могло имѣть на немъ ни арсеналовъ, ни военныхъ кораблей, кромѣ десяти легкихъ судовъ для береговой полиціи.

4) Княжества Молдавіи и Валахіи сдѣлались автономными.

Подписавъ миръ, конгрессъ занялся вопросомъ о морскомъ правѣ, и принялъ четыре рѣшенія, вошедшія въ международное европейское право: 1) былъ уничтоженъ захватъ непріятельскихъ торговыхъ судовъ (каперство); 2) всякій непріятельскій товаръ, плавающій подъ нейтральнымъ флагомъ, признанъ нейтральнымъ; 3) всякій нейтральный товаръ подъ непріятельскимъ флагомъ признается нейтральнымъ; 4) для блокады недостаточно простого объявленія о ней: она дѣйствительна только въ такомъ случаѣ, если она установлена фактически.

На конгрессѣ говорилось о многихъ другихъ вопросахъ, по отношенію къ которымъ не было принято никакого рѣшенія: о Греціи, объ Италіи, о нападкахъ бельгійской печати на коронованныхъ особъ, о Невшателѣ (Россія не позволила говорить о Польшѣ). Сардинскій представитель, Кавуръ, старался, не смотря на противодѣйствіе Австріи, поднять итальянскій вопросъ и вошелъ въ соглашеніе съ представителями Франціи и Англіи. Когда зашла рѣчь объ очищеніи Пирея отъ французскихъ войскъ, они заговорили о все еще продолжавшейся оккупаціи Тосканы австрійцами. Англія потребовала прекращенія этой оккупаціи; но Австрія отказалась отъ обсужденія вопроса. Тѣмъ не менѣе Кавуръ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ описать бѣдственное положеніе Италіи. Затѣмъ онъ представилъ Англіи и Франціи ноты о реформахъ, въ которыхъ нуждалась Италія. Такимъ образомъ былъ поставленъ итальянскій вопросъ.

Преобладаніе Наполеона (1856—59 г.).—Парижскій конгрессъ былъ личнымъ успѣхомъ Наполеона и его націоналистической политики. Ему не только удалось ввести Францію въ составъ европейскаго концерта, но онъ добился того, что европейскій конгрессъ въ первый разъ собрался на французской территоріи и подъ его предсѣдательствомъ. Онъ добился также автономіи для румынской націи и поставилъ національный итальянскій вопросъ, воспользовавшись въ интересахъ націй орудіемъ, созданнымъ Меттернихомъ для противодѣйствія національнымъ стремленіямъ. Онъ остался подъ впечатлѣніемъ достигнутаго имъ успѣха, и его дальнѣйшая политика была направлена къ тому, чтобы вызвать новый конгрессъ для территоріальнаго переустройства Европы и отмѣны трактатовъ 1815 г.; но ему никогда не удалось осуществить этого плана.

Парижскій конгрессъ измѣнилъ положеніе Наполеона въ Европѣ. Видя его прочное положеніе внутри Франціи и его вліяніе во внѣшнихъ дѣлахъ, государи сблизились съ нимъ.

Примѣръ былъ поданъ принцами Кобургскаго дома. Эрнестъ Кобургъ-Готскій первый сдѣлалъ ему визитъ; затѣмъ его посѣтили король бельгійскій, Леопольдъ, и португальскій король; наконецъ, на свиданіе съ нимъ согласился принцъ Альбертъ, мужъ королевы Викторіи (сентябрь 1854 г.). Наполеонъ и императрица съѣздили въ Англію (апрѣль 1855 г.); Викторія и Альбертъ отдали имъ визитъ (съ 1422 года это было первое посѣщеніе Парижа англійскимъ государемъ). Примѣръ, поданный Кобургами, заставилъ рѣшиться Виктора Эммануила, до тѣхъ поръ отказывавшагося отъ свиданія съ Наполеономъ. Послѣ конгресса пріѣхали государи Вюртемберга, Баваріи и Тосканы (1856—57 г.).

Наполеонъ захотѣлъ воспользоваться своимъ положеніемъ для возобновленія активной политики. Онъ старался вовлечь въ нее Пруссію; поводомъ къ этому послужило невшательское дѣло; въ сентябрѣ 1856 г. невшательскіе роялисты сдѣлали попытку вооруженною рукою возстановить власть прусскаго короля; они были арестованы, и Швейцарія отказывалась освободить ихъ, если *сначала* прусскій король не признаетъ независимости Невшателя; король считалъ для себя вопросомъ чести добиться *сначала* освобожденія узниковъ, своихъ вѣрноподданныхъ; онъ порвалъ сношенія съ Швейцаріей, мобилизовалъ армію и потребовалъ у Наполеона пропуска для своихъ войскъ. Наполеонъ предложилъ свое посредничество и убѣдилъ Швейцарію освободить узниковъ; тогда король отказался отъ своихъ правъ. Во время конференціи въ Парижѣ Наполеонъ заговорилъ съ прусскимъ уполномоченнымъ Бисмаркомъ о войнѣ въ Италіи и о расширеніи Пруссіи. Но король отказался отъ союза. Затѣмъ Наполеонъ началъ переговоры съ англійскимъ дворомъ о пересмотрѣ трактатовъ 1815 г., но встрѣтилъ холодный пріемъ. Тогда онъ сблизился съ Россіей и имѣлъ въ Штутгартѣ свиданіе съ императоромъ Александромъ II (октябрь 1857 г.). Въ 1858 г. Франція и Россія дѣйствовали вмѣстѣ въ вопросѣ о румынскихъ княжествахъ, въ пользу объединенія Румыніи, противъ Турціи и Австріи, поддерживаемыхъ Англіею; въ Сербіи онѣ поддерживали Обреновичей противъ Австріи. Наполеонъ колебался въ выборѣ между освобожденіемъ Польши и Италіи; онъ отказался отъ Польши (какъ онъ заявилъ объ этомъ Кларендону) и занялся исключительно итальянскимъ вопросомъ.

Союзъ между Франціей и Сардиніей (1858 года).—Кавуръ былъ въ Англіи съ цѣлью найти союзниковъ противъ Австріи; онъ вернулся съ убѣжденіемъ, что ему не удастся склонить Англію къ войнѣ. Но онъ заявилъ публично въ палатѣ, что принципы Вѣны и Турина не согласимы между собою. Австрія отвѣтила, что императоръ будетъ попрежнему пользоваться своимъ правомъ вмѣшательства; однако она приняла въ Италіи нѣсколько примирительныхъ мѣръ: замѣнила Радецкаго, непопулярнаго побѣдителя сардинцевъ, эрцгерцогомъ; вернула секвестрованныя имущества эмигрантовъ; даровала амнистію; вывела свои гарнизоны изъ Пармы и Модены. Но національная агитація въ Италіи возрастала; мадзинисты пытались поднять Сицилію и убить неаполитанскаго короля (ноябрь—декабрь 1856 г.); они составили заговоръ въ Генуѣ и послали корабль съ цѣлью поднять возстаніе въ неаполитанскомъ королевствѣ (1857 годъ). Кавуръ тайно сносился съ революціонерами *Національнаго Союза*; онъ даже участвовалъ въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью провозгласить при помощи Наполеона неаполитанскимъ королемъ принца Мюрата. Австрія прервала дипломатическія сношенія съ Сардиніей. Кавуръ сблизился съ Россіей, позволилъ ей имѣть въ Генуэзскомъ заливѣ станціи для снабженія углемъ ея кораблей. Австрія сблизилась съ Англіей; распространился даже слухъ о заключенномъ между ними трактатѣ. Такимъ образомъ произошла новая группировка державъ: съ одной стороны Франція, Россія и Сардинія, съ другой—Австрія и Англія. Пруссія колебалась.

Наполеонъ все еще не рѣшался. Одинъ изъ мадзинистовъ, Орсини, совершилъ покушеніе на его жизнь (январь 1858 г.) за то, что онъ не сдержалъ клятвы, данной имъ въ молодости,—работать въ пользу итальянской независимости. Покушеніе произвело сильное впечатлѣніе на Наполеона; онъ позволилъ напечатать письмо Орсини и вызвалъ къ себѣ Кавура. На тайномъ свиданіи въ Пломбіерѣ они заключили союзъ и начали приготовляться къ войнѣ.

Они легко сговорились относительно практическихъ условій: всѣ австрійскія владѣнія въ Италіи должны были отойти къ Сардиніи, Савойя—къ Франціи; была предусмотрѣна возможность присоединенія Пармы и Модены къ Сардиніи; въ такомъ случаѣ Франція должна была получить Ниццу. Но имъ трудно было согласиться относительно повода къ войнѣ; Наполеонъ не хотѣлъ выступить въ роли пособника революціи; рѣшено было начать жалобою подданныхъ герцога Моденскаго.

Въ награду за союзъ Викторъ Эммануилъ согласился выдать принцессу Клотильду за принца Жерома, двоюроднаго брата императора и сторонника націоналистической политики. Наполеонъ надѣялся воспользоваться національнымъ возстаніемъ въ Италіи, чтобы доставить Тоскану своему двоюродному брату, а неаполитанское королевство—принцу Мюрату.

Съ цѣлью изолировать Австрію, Наполеонъ послалъ принца Жерома къ русскому императору, который обѣщалъ свой нейтралитетъ, и предложилъ союзъ прусскому королю, разсчитывая на Вильгельма, только что замѣнившаго окон-

чательно сошедшаго съ ума короля. Пруссія отказалась.

Въ то же время Наполеонъ, тревожимый заговорами, направленными лично противъ него, велъ дипломатическую кампанію противъ французскихъ эмигрантовъ. Онъ добился проведенія Кавуромъ въ Сардиніи и новымъ либеральнымъ министерствомъ въ Бельгіи спеціальнаго закона, каравшаго за оскорбленія иностранныхъ государей, а также изгнанія французскихъ эмигрантовъ изъ Швейцаріи. Но въ Англіи законопроектъ, внесенный Пальмерстономъ, оскорбилъ національное чувство. Палата общинъ вотировала порицаніе, и министерство пало (февраль 1858 г.); новое торійское министерство Дерби сблизилось съ Австріей.

Итальянская война (1859 г.). — Проектъ войны съ Австріей держался втайнѣ. Онъ обнаружился внезапно двумя манифестаціями, удивившими европейское общество: словами Наполеона, обращенными къ австрійскому посланнику на пріемѣ 1-го января 1859 г., въ которыхъ онъ выразилъ сожалѣніе, что отношенія между Франціей и Австріей стали менѣе дружественными,—и слѣдующей фразою въ тронной рѣчи Виктора Эммануила: «...стоны, доносящіеся изъ столькихъ частей Италіи». Обѣ стороны стали вооружаться.

Англія, занятая тогда возстаніемъ сипаевъ въ Индіи, старалась поддержать миръ. По просьбѣ Австріи она предложила свое посредничество, пригласила Францію и Сардинію изложить причины ихъ недовольства, предлагала очищеніе итальянскихъ государствъ отъ иностранныхъ войскъ и реформы. Кавуръ потребовалъ свободныхъ учрежденій и національнаго правительства для австрійскихъ провинцій. Наполеонъ повидимому колебался. Во Франціи война была популярна преимущественно среди либеральной и республиканской партій, т. е. среди враговъ правительства; министры, императрица, салоны, католики и дѣловой міръ относились къ ней неодобрительно. Наполеонъ черезъ посредство Россіи предложилъ конгрессъ; это была его излюбленная мысль; Кавуръ уже считалъ войну неосуществившейся. Примиренію помѣшала сама Австрія, потребовавъ, чтобы Сардинія не была приглашена на конгрессъ и чтобы она приступила къ разоруженію.—Англія предложила пригласить всѣ итальянскія государства и одновременное разоруженіе обѣихъ сторонъ; Наполеонъ не могъ обнаружить своего желанія войны; онъ долженъ былъ присоединиться къ предложенію Англіи и телеграфировалъ Кавуру, чтобы онъ также далъ свое согласіе; приведенный въ отчаяніе, Кавуръ отвѣтилъ, что онъ будетъ повиноваться. Но Австрія вызвала войну, послави ультиматумъ сардинскому королю, съ требованіемъ отъ него обѣщанія произвести разоруженіе въ трехдневный срокъ. Сардинія приняла видъ обиженной; она отказалась отвѣчать. Австрійская армія вступила на сардинскую территорію. Австрія оказалась начавшей войну и осталась изолированной.

Объявляя войну (3 мая), Наполеонъ высказывалъ полное нежеланіе какихъ либо завоеваній. «Цѣль этой войны,—говорилъ онъ,—возвратить Италію ей самой... Мы идемъ въ Италію не для того, чтобы поддерживать разрушительное элементы или колебать власть святѣйшаго престола, а для того, чтобы освободить ее отъ чужеземнаго гнета, тяготѣющаго надъ всѣмъ полуостровомъ».

Война 1859 года состояла изъ двухъ операцій, въ которыхъ съ обѣихъ сторонъ обнаружились почти въ одинаковой мѣрѣ неурядица и отсутствіе общаго плана. Австрія съ ея двухсотъ пятидесятитысячною арміею могла выставить только 110,000 человѣкъ; 32 французскихъ полка имѣли въ наличномъ составѣ менѣе 1,400 человѣкъ; съ обѣихъ сторонъ мобилизація была медленною и неполною.

1) Австрійская армія (100,000 человѣкъ) вмѣсто того, чтобы напасть на сардинскую (70,000 человѣкъ), дала время французской (130,000 человѣкъ) соединиться съ сардинцами въ Александріи; затѣмъ предполагая, что непріятель готовится двинуться на югъ и занять Парму, она послала туда отрядъ (отбитый при Монтебелло); между тѣмъ франко-сардинская армія, пройдя черезъ сѣверныя области, перешла въ наступленіе и вступила въ Ломбардію. Чтобы защитить Миланъ, австрійская армія стянула свои силы и заняла позицію на равнинѣ, подъ защитою одного канала. — Рѣшительное сраженіе при Маджентѣ имѣло видъ хаотической борьбы, безъ общаго плана. За отдѣльнымъ нападеніемъ французовъ на мосты канала послѣдовалъ рядъ сраженій между подкрѣпленіями, посланными съ обѣихъ сторонъ. Австрійскій генералъ уже телеграфировалъ о своей побѣдѣ, а Наполеонъ считалъ себя побѣжденнымъ, когда корпусъ Мак-Магона, подошедшій къ концу битвы, заставилъ австрійцевъ отступить. Французская армія въ безпорядкѣ провела ночь на своихъ позиціяхъ, не преслѣдуя непріятеля. Результатомъ было отступленіе австрійцевъ изъ Ломбардіи и затѣмъ національная революція.

2) Австрійская армія, переформированная въ Венеціи, куда пріѣхалъ императоръ, чтобы стать во главѣ ея, и получившая подкрѣпленія (220,000 человѣкъ), послѣ нѣкоторыхъ колебаній снова перешла въ наступленіе, чтобы отвоевать Ломбардію. Франко-сардинская армія, въ нѣсколько меньшемъ числѣ, двинулась къ Минчіо. Обѣ арміи столкнулись невзначай; ни одна изъ нихъ не знала о движеніи непріятеля. Неожиданное сраженіе при Сольферино (24 іюня) состояло изъ трехъ отдѣльныхъ сраженій: на сѣверѣ, гдѣ сардинская армія была остановлена; на югѣ, гдѣ Ніель удержалъ свои позиціи и

обвинялъ Канробера въ томъ, что тотъ не поддержалъ его (между ними чуть не произошла дуэль); въ центрѣ, гдѣ находились оба императора, и гдѣ взятіе Сольферино вызвало отступленіе австрійцевъ.

Миръ съ Австріей (1859 г.).—Наполеонъ, разстроенный зрѣлищемъ полей сраженія, тревожимый ссорою между своими генералами, почувствовалъ отвращеніе къ войнѣ. Онъ не считалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы овладѣть четыреугольникомъ. Онъ еще ранѣе думалъ, для борьбы съ Австріей, вызвать въ Венгріи революцію; онъ вошелъ въ личныя сношенія съ Кошутомъ, главою венгерскихъ эмигрантовъ, и пригласилъ его въ Парижъ, гдѣ былъ основанъ венгерскій революціонный комитетъ (май); теперь онъ вызвалъ его для совѣщанія въ Италію; венгерскіе эмигранты вели переговоры съ Обреновичами и княземъ Кузою, чтобы вооружить противъ Австріи Сербію и Румынію. Но Наполеонъ боялся разрыва съ Англіей.

Въ Германіи, общественное мнѣніе, устрашенное успѣхами Франціи, побуждало Пруссію стать на сторону Австріи. Вильгельмъ выжидалъ, чтобы заставить Австрію принять его условія; но наконецъ онъ приступилъ къ мобилизаціи и угрожалъ рейнской границѣ. Встревоженный Наполеонъ, котораго извѣстили о трудностяхъ, съ которыми была бы сопряжена посылка подкрѣпленій въ Италію, уступилъ партіи мира и, чтобы не дать времени державамъ предложить ему свое посредничество, вступилъ непосредственно въ переговоры съ австрійскимъ императоромъ. Условія мира были установлены на личномъ свиданіи двухъ императоровъ въ Виллафранкѣ (11 іюля). Сардиніи была уступлена только Ломбардія; Тоскану и Модену предполагалось вернуть ихъ государямъ (о Пармѣ не была упомянуто); во всѣхъ итальянскихъ государствахъ должны были быть произведены реформы, было обѣщана итальянская федерація. Наполеонъ отказался отъ пломбіерскаго договора.

Окончательный миръ, замедлявшійся переговорами о денежномъ вознагражденіи, былъ заключенъ только въ ноябрѣ (въ Цюрихѣ). За исключеніемъ уступки Ломбардіи, ни одна его статья не была выполнена.

Территоріальныя присоединенія и итальянскій вопросъ (1860—1862 г.).—Не рѣшаясь своимъ непосредственнымъ вмѣшательствомъ, изъ опасенія другихъ державъ, создать объединеніе Италіи, Наполеонъ предоставилъ дѣйствовать итальянскимъ революціонерамъ, которымъ помогало сардинское правительство. Онъ сдѣлалъ попытку водворить въ Тосканѣ принца Жерома, но тосканцы не согласились на это; онъ хотѣлъ созвать конгрессъ; но папа отказался принять въ немъ участіе. Тогда онъ вернулся къ проекту территоріальныхъ пріобрѣтеній и въ награду за свой нейтралитетъ получилъ Савойю и Ниццу.

Это присоединеніе вызвало воспоминаніе о прежнихъ французскихъ присоединеніяхъ и возбудило со стороны державъ общее недовѣріе къ Наполеону; онѣ дѣлали видъ, что не придаютъ серьезнаго значенія плебисцитамъ, которыми сопровождались присоединенія и санкціонировались революціонный принципъ народнаго самодержавія и право жителей располагать судьбами страны. Это присоединеніе встревожило также небольшія государства, сосѣднія съ Франціей. Швейцарія потребовала части Савойи, объявленной нейтральною трактатами 1815 г. Въ отвѣтъ на это Наполеонъ выставилъ депутацію отъ Савойи, протестовавшую противъ всякаго раздѣла. Швейцарскій федеральный совѣтъ заговорилъ о военной оккупаціи Савойи; національный совѣтъ ограничился обращеніемъ къ державамъ съ просьбою созвать конгрессъ, который впрочемъ не состоялся; но въ Швейцаріи происходили патріотическія манифестаціи. Въ Бельгіи, провинціальные совѣты обратились съ адресами къ королю, прося его охранять независимость страны; Англія обѣщала свою поддержку Бельгіи; голландскій король, бывшій въ ссорѣ съ Бельгіей съ 1830 года, посѣтилъ бельгійскаго короля и говорилъ о братствѣ двухъ государствъ. Въ Германіи *Національный Союзъ* протестовалъ противъ присоединенія; но Австрія раздражила Пруссію прокламаціей императора, въ которой послѣдній заявилъ, что онъ былъ покинутъ своими союзниками.

Наполеонъ старался успокоить нѣмцевъ. У него лѣтомъ 1860 г. произошло въ Баденѣ свиданіе съ Вильгельмомъ прусскимъ, четырьмя германскими королями и тремя великими герцогами; онъ увѣрилъ ихъ въ своихъ мирныхъ намѣреніяхъ и объяснилъ, что присоединеніе уже было условлено ранѣе. Вильгельмъ отвѣтилъ, что его безпокоило то, что Наполеонъ находился во главѣ своей арміи.

Въ Англіи общественное мнѣніе было возбуждено предположеніемъ о возможной высадкѣ французовъ; образовались милиціи волонтеровъ для защиты береговъ; Пальмерстонъ говорилъ о воинственныхъ наклонностяхъ Франціи. Наполеонъ протестовалъ, заявляя, что онъ думалъ только о мирѣ и согласіи. Онъ дѣйствовалъ вмѣстѣ съ Англіей въ Китаѣ, Сиріи и въ Турціи,—когда шла рѣчь о томъ, чтобы напомнить султану объ обѣщанныхъ имъ въ 1856 г. реформахъ,—и заключилъ торговые трактаты 1860 года.

Но недовѣріе къ Наполеону и Кавуру продолжало существовать. Между государями происходили свиданія. Англія, Пруссія и Австрія обязались обсуждать сообща всякое сообщеніе

международнаго характера, исходившее отъ Франціи. Когда вспыхнула революція въ Неаполѣ, Англія, традиціонная союзница Сардиніи, предупредила послѣднюю, что она не будетъ поддерживать ее; русскій императоръ, также союзникъ Сардиніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ покровитель неаполитанскаго короля, объявилъ, что только географическое положеніе удерживало его отъ вооруженнаго вмѣшательства.

Созданіе Итальянскаго королевства, выдвинувши римскій вопросъ, поставило Наполеона въ очень затруднительное положеніе. Во время войны онъ убѣдился въ слабости своей арміи и сдѣлалъ распоряженіе (1861 г.) о томъ, чтобы довести ея численность до 400,000 человѣкъ. Онъ добивался созванія конгресса для мирнаго разрѣшенія итальянскихъ вопросовъ, ссылаясь на то, что такъ какъ Церковная Область была передана папѣ трактатами 1814 г., то новое положеніе вещей могло быть установлено только обще-европейскимъ соглашеніемъ. Но Европа не желала конгресса. Наполеонъ находился въ нерѣшительности, колеблясь между принцемъ Жеромомъ и императрицей, не рѣшаясь ни отозвать изъ Рима гарнизонъ, остававшійся тамъ съ 1849 г., ни признать Итальянское королевство,—созданіе революціи, подвергшейся папскому осужденію.

Онъ остановился на компромиссѣ. Несмотря на нежеланіе императрицы, онъ призналъ Итальянское королевство (15 іюня 1861 г.), но съ тою оговоркою, что онъ не гарантировалъ его и не хотѣлъ ослабить значеніе протестовъ папской куріи. Онъ лично написалъ Виктору-Эммануилу, что прошлое обязывало его оставить свои войска въ Римѣ; но онъ замѣнилъ посланника, принадлежавшаго къ католической партіи (Грамона) сторонникомъ Италіи (Лавалеттомъ) и предложилъ папѣ произвесть реформы и передать свои владѣнія итальянскому королю, какъ намѣстнику. Римскій Дворъ отвѣтилъ, что папа и кардиналы были обязаны въ силу данной ими клятвы поддерживать цѣлость Церковной Области: «даже конклавъ не имѣлъ бы права сдѣлать эту уступку». Наполеонъ еще разъ попытался предложить примиреніе (май 1862 г.), но папа отвѣтилъ протестующею рѣчью. Послѣ попытки Гарибальди—Наполеонъ перешелъ на сторону католической партіи и призвалъ въ министерство сторонниковъ мира и соглашенія съ Австріей (сент.—окт. 1862 г.).

Онъ надѣялся воспользоваться возстаніемъ Герцеговины и бѣлградскимъ конфликтомъ, чтобы удовлетворить Италію, передавши Австріи Боснію въ обмѣнъ за Венецію. Но этотъ вопросъ былъ улаженъ конференціей державъ въ Константинополѣ (сент. 1862 г.).

Польскія дѣла (1863 г.). — Утомившись итальянскими дѣлами, Наполеонъ вернулся къ національному польскому вопросу. Польская эмиграція пріобрѣла расположеніе всѣхъ европейскихъ партій: на консерваторовъ и католиковъ вліяла польская аристократія, группировавшаяся вокругъ Чарторижскихъ; на революціонеровъ и либераловъ—эмигранты-демократы.

Послѣ національныхъ манифестацій, продолжавшихся нѣсколько лѣтъ, поляки подняли возстаніе съ цѣлью добиться вмѣшательства иностранныхъ державъ; банды повстанцевъ приходили изъ-за границы, особенно изъ Австріи. Общественное мнѣніе во всѣхъ великихъ державахъ энергично требовало вмѣшательства; французскій сенатъ отвѣтилъ благопріятно на петиціи о вмѣшательствѣ; принцъ Жеромъ высказалъ увѣренность, что «императоръ сдѣлаетъ что-нибудь для Польши». Наполеонъ колебался, желая сохранить союзъ съ Россіей.

Русскій императоръ, почувствовавъ себя изолированнымъ, лично обратился къ прусскому королю. Бисмаркъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы установить прочный союзъ между Пруссіей и Россіей; онъ заключилъ договоръ (февраль 1863 года), имѣвшій цѣлью объединить военныя дѣйствія обоихъ государствъ противъ инсургентовъ, и открыто заявилъ о своей враждѣ къ полякамъ, не взирая на общественное мнѣніе всей Германіи и протесты прусскаго ландтага. Три другія великія державы, Австрія, Англія и Франція, стали на сторону поляковъ.

Наполеонъ обратился сначала къ императору Александру II съ личнымъ письмомъ, приглашая его возстановить польское королевство; получивши отказъ, онъ предложилъ объявить общую войну Россіи; Англія отказалась. Три державы могли согласиться между собой только въ томъ, чтобы повліять ва Россію дипломатическимъ путемъ и предложить ей произвести въ Польшѣ реформы; но онѣ не хотѣли доводить дѣло до войны. Русское правительство знало это, и все ограничилось обмѣномъ нотъ.

1) Апрѣльскія ноты. Австрія жаловалась на происходившія для нея осложненія; Франція говорила объ отраженномъ вліяніи польскихъ революцій; Англія ссылалась на трактаты 1816 г., гарантировавшіе Польшѣ независимую конституцію.—Россія отвѣчала, что возстаніе было дѣломъ космополитической революціонной партіи, нашедшей поддержку у самихъ державъ.

2) Общій отвѣтъ 27 іюня. Три державы изложили въ шести пунктахъ тѣ реформы, которыхъ требовали для Польши. Россія отвѣтила, что инсуррекціонныя банды набирались за границей, и что это была игра, организованная революціонными комитетами, преимущественно парижскими, съ цѣлью произвести впечатлѣніе на общественное мнѣніе и втянуть Россію въ войну; она отказывалась отъ обсужденія реформъ до возстановленія порядка, заявляя впрочемъ, что находила противнымъ своему достоинству согласиться на европейскую конференцію и мо-

гла-бы вести переговоры только съ державами, участвовавшими въ раздѣлѣ Польши. Императоръ Александръ II написалъ прусскому королю, предлагая ему вести войну вмѣстѣ.

3) Августовскія ноты. Три державы объявили, что дѣлаютъ Россію «отвѣтственной» за тѣ послѣдствія, которыя могутъ быть вызваны продолженіемъ смутъ.

Затѣмъ Франція и Англія объявили Россіи, что, нарушивши свои обязательства 1815 г., она теряла права на Польшу. Но Наполеонъ не могъ добиться отъ Англіи никакихъ практическихъ мѣръ. Австрія, увѣдомленная, что Россія смотритъ на ея присоединеніе къ послѣдней нотѣ, какъ на объявленіе войны, потребовала, чтобы двѣ другія державы гарантировали ея владѣнія. Получивъ отказъ, она сблизилась съ Россіей и объявила Галицію въ осадномъ положеніи, чтобы содѣйствовать окончательному подавленію возстанія. Англійская депеша, уже отправленная, была остановлена въ Берлинѣ вслѣдствіе угрозъ, послѣдовавшихъ со стороны Пруссіи. Англія, занятая вопросомъ о Шлезвигѣ и Голштиніи, покинула Польшу. Наполеонъ попытался еще разъ прибѣгнуть къ своему излюбленному средству: онъ пригласилъ державы на конгрессъ, чтобы разрѣшить всѣ стоявшіе на очереди вопросы (Польша, герцогства, Римъ) и заняться пересмотромъ трактатовъ 1815 г. «Трактаты 1815 года перестали существовать», говорилъ онъ. Англія взялась отвѣтить на это и доказать безполезность конгресса.

Наполеонъ остался изолированнымъ и безсильнымъ въ ссорѣ съ Россіей, въ большомъ затрудненіи относительно римскаго вопроса. Онъ потерялъ свое преобладаніе въ Европѣ; оно перешло къ Пруссіи, союзницѣ Россіи.

Война изъ-за герцогствъ (1864 г.).—Вопросъ о герцогствахъ Шлезвигѣ и Голштиніи, возникшій въ 1848 г. и улаженный рѣшеніемъ державъ въ 1852 году, снова выступилъ на сцену, когда прекратилась датская династія. Возникъ споръ изъ-за престолонаслѣдія между Глюксбургами и Аугустенбургами. Германскія государства поддерживали Аугустенбурга; европейскія державы защищали цѣлость датской монархіи; вопросъ сдѣлался общеевропейскимъ. Бисмаркъ не хотѣлъ допустить возникновенія нѣмецкаго Шлезвигъ-Голштинскаго герцогства, которое было бы враждебнымъ Пруссіи. Онъ убѣдилъ Австрію добиваться вмѣстѣ съ Пруссіей средняго рѣшенія: признать права Глюксбурговъ, гарантированныя Европой, но отвергнуть конституцію (янв. 1864 г.). Такимъ образомъ образовались три партіи: 1) датская, поддерживаемая всѣми нѣмецкими державами; 2) партія герцога Аугустенбурга, поддерживаемая жителями герцогствъ и германскими государствами; 3) Пруссія и Австрія.

Датское правительство, въ которомъ преобладала національная партія, отказалось отмѣнить конституцію. Оно надѣялось на вмѣшательство Европы. Англія, стоявшая за сохраненіе герцогствъ Даніей, объявила Пруссіи, что она не ручалась за свой нейтралитетъ, и предложила созвать конференцію державъ, подписавшихъ трактатъ 1852 года (дек. 1863 года). Но Наполеонъ, недовольный тѣмъ, что Англія покинула его въ польскомъ вопросѣ, думалъ о примѣненіи «принципа національности» путемъ присоединенія къ Германіи нѣмецкихъ областей герцогствъ. Онъ отказался помогать Даніи оружіемъ. Королева Викторія не желала войны, и англійское министерство не рѣшилось послать ультиматумъ. Тогда Пруссія и Австрія начали войну. Она состояла изъ двухъ эпизодовъ.

1) Датская армія (35,000 человѣкъ), укрѣпившаяся за Даневиркомъ, получила приказаніе затягивать войну, чтобы дождаться вмѣшательства Европы, но не подвергать себя опасности, такъ какъ это была единственная армія у Даніи. Прусско-Австрійская армія (70,000 человѣкъ) получила инструкцію уничтожить датскую армію, ранѣе чѣмъ та успѣетъ достигнуть береговъ моря: она аттаковала укрѣпленія Даневирка, но датчане, не позволяя прорвать себя, отступили ночью и избѣгнули опасности. Союзники заняли весь Шлезвигъ (январь—февраль 1864 г.). Тогда датская армія, расположившись за укрѣпленіями Дюппеля, загородила проходъ въ Ютландію. Военныя дѣйствія противъ Дюппеля (мартъ, апрѣль) состояли въ блокадѣ, продолжавшейся пять недѣль, бомбардированіи и генеральномъ приступѣ шести колоннъ на редуты. Прусская армія, въ первый разъ участвовавшая въ войнѣ послѣ 1815 г., имѣла случай обнаружить замѣчательную точность своихъ движеній. Ютландія, очищенная датчанами, была занята союзниками.—Англіи удалось наконецъ организовать въ Лондонѣ конференцію; она должна была открыться 12 апрѣля; но такъ какъ уполномоченный отъ Германскаго Сейма еще не пріѣхалъ, то уполномоченные Пруссіи и Австріи воспользовались этимъ, чтобы затянуть открытіе конференція до 25 числа, когда взятіе Дюппеля уже фактически разрѣшило вопросъ. Конференція постановила перемиріе; но самое разрѣшеніе вопроса встрѣтило противодѣйствіе со стороны побѣдоносныхъ Пруссіи и Австріи; онѣ болѣе не хотѣли признавать трактата 1852 г. и требовали полнаго отдѣленія герцогствъ. Англія предложила раздѣлить Шлезвигъ между Даніей и герцогомъ Аугустенбургомъ и приглашала Францію дѣйствовать вмѣстѣ, чтобы предложить ультиматумъ. Франція напоминала о «плачевномъ исходѣ» ихъ попытокъ въ польскомъ дѣлѣ и спросила, желаетъ-ли Англія заключить наступательный союзъ. Англія не отвѣтила, и кон-

грессъ разошелся, не достигнувъ никакихъ результатовъ.

2) По окончаніи перемирія (іюнь) союзники овладѣли островами. Датское правительство просило мира; Вѣнскій миръ (30 октября) рѣшилъ вопросъ о герцогствахъ, передавши ихъ въ руки Пруссіи и Австріи.

Разрывъ между Пруссіей и Австріей (1864—1866 г.).—Конфликтъ между Австріей и Пруссіей начался еще въ 1860 г., когда происходили попытки преобразованія Германскаго Союза. Въ 1862 г. Бисмаркъ совѣтовалъ Австріи устраниться отъ германскихъ дѣлъ. Но когда между Австріей и Германскими государствами возникло несогласіе по вопросу о герцогствахъ, она сблизилась съ Пруссіей.

Конфликтъ возобновился, когда зашла рѣчь о судьбѣ герцогствъ, завоеванныхъ соединенными усиліями. Въ іюлѣ 1865 г. Бисмаркъ говорилъ французскому посланнику и баварскому министру, что война неизбѣжна. Экстренный совѣтъ прусскихъ министровъ въ Регенсбургѣ, 21 іюля, призналъ уступки Австріи недостаточными и объявилъ, что Пруссія готова въ войнѣ. Бисмаркъ зондировалъ Наполеона, чтобы узнать, останется-ли онъ нейтральнымъ, и спрашивалъ у Италіи, что она предприняла бы въ случаѣ войны. Но король Вильгельмъ не хотѣлъ нападать; Австрія-же, не имѣя денегъ, желала избѣжать войны. Гаштейнскій договоръ (августъ) временно разрѣшилъ вопросъ, подѣливши герцогства. Франція протестовала противъ этого акта, нарушавшаго принципъ національностей, попиравшаго народную волю и возобновлявшаго пріемы, отъ которыхъ новѣйшая Европа уже отвыкла. Такъ была формулирована французская теорія права народовъ и *плебисцита* въ противоположность традиціонной теоріи *права завоеванія*, которой держалась Пруссія *). Англія протестовала въ подобныхъ же выраженіяхъ.

Мексиканская экспедиція, предпринятая въ 1862 г., разстроила французскую армію и отвлекла Францію отъ воинственной политики въ Европѣ.

Наполеонъ сблизился съ Италіей, отсрочивъ рѣшеніе римскаго вопроса сентябрьской конвенціей 1864 г. и совѣтуя Италіи приступить къ разоруженію. Партія мира, вернувшаяся къ власти въ 1862 году, надѣялась примирить Италію съ Австріей, убѣдивши послѣднюю отказаться отъ Венеціи. Австрія должна была бы получить за это Румынію. Но итальянское правительство хотѣло держать свою армію наготовѣ, а Австрія упорно отказывалась признать Итальянское королевство.

Бисмаркъ стремился заключить съ Италіею союзъ противъ Австріи. Италія не могла дѣйствовать противъ Франціи, слѣдовательно надо было добиться разрѣшенія Наполеона. Чтобы испросить его, Бисмаркъ пріѣхалъ въ Біаррицъ. Свиданіе въ Біаррицѣ (октябрь 1865 г.) имѣло рѣшающее значеніе въ этихъ переговорахъ. Наполеонъ вернулся къ своей личной политикѣ, состоявшей въ томъ, чтобы достигнуть національнаго объединенія Италіи, усилить Пруссію насчетъ Австріи и воспользоваться ихъ конфликтомъ для территоріальнаго пріобрѣтенія, которое уничтожило бы трактаты 1815 г. Задача Бисмарка заключалась въ томъ, чтобы поддерживать эти надежды, не связывая себя формальными обязательствами. Онъ убѣдилъ Наполеона обѣщать свой нейтралитетъ.

Съ Италіей переговоры тянулись долго. Итальянское правительство уже дважды получало предложеніе союза (въ 1862 и 1865 г.); за вторымъ немедленно же послѣдовало примиреніе Пруссіи съ Австріей; итальянское правительство болѣе не вѣрило въ искренность Бисмарка, подозрѣвая, что онъ пользуется Италіей только съ цѣлью запугать Австрію; оно даже начало уменьшать свою армію. Когда конфликтъ обострился по поводу управленія Голштиніей, Пруссія стала зондировать итальянское правительство, которое прислало въ Берлинъ своего генерала. Но переговоры затянулись; Италія надѣялась получить Венецію безъ войны въ обмѣнъ на Румынію, сдѣлавшуюся вакантной послѣ изгнанія Александра (февр. 1866 г.), и откладывала свое рѣшеніе, пока державы не отвергнутъ этой комбинаціи; кромѣ того ее безпокоило то, что Бисмаркъ выставлялъ теперь поводомъ къ войнѣ уже не вопросъ о герцогствахъ, а преобразованіе Германскаго Союза. Въ Пруссіи король Вильгельмъ и его правительство желали мира. Однако Бисмаркъ послѣ мѣсячныхъ переговоровъ добился трактата о *наступательномъ* союзѣ на три мѣсяца (8 апрѣля). Италія обязалась поддерживать оружіемъ предложенія Пруссіи, касавшіяся реорганизаціи Германскаго Союза; Пруссія обязалась добиваться уступки Венеціи. (Италія требовала «итальянскихъ земель, подчиненныхъ Австріи», что предполагало также и итальянскаго Тироля, принадлежавшаго къ Германскому Союзу; Бисмаркъ отказалъ.) Наполеонъ, вопреки желанію принца Жерома, не согласился вступить въ союзъ, но обѣщалъ сохранять нейтралитетъ.

Тактика Австріи заключалась въ томъ, чтобы замедлить разрывъ въ Германіи, съ цѣлью заставить Пруссію взять на себя роль нападающей стороны, чѣмъ она создала бы себѣ враговъ между германскими государствами (что и случилось); въ Европѣ же она стремилась изолировать Пруссію, удовлетворивши требованія Италіи. Она предложила Пруссіи обоюдное разо-

*) Согласно знаменитой формулѣ Бисмарка: *сила выше права.*

руженіе, кромѣ Италіи, гдѣ Австрія должна была поставить свою армію на военное положеніе. Франціи она подавала надежду, что уступитъ Венецію, если Италія останется нейтральной; она говорила, что намѣрена вознаградить себя за это отнятіемъ у Пруссіи Силезіи.

Наполеонъ, на котораго съ одной стороны оказывалъ вліяніе принцъ Жеромъ, а съ другой—австрійская и католическая партія, колебался. Онъ надѣялся разрѣшить вопросъ о Венеціи безъ войны. Затѣмъ онъ вернулся къ своей любимой мысли о конгрессѣ, долженствовавшемъ измѣнить карту Европы. Онъ обратился съ этимъ предложеніемъ къ Россіи и Англіи. Три державы рѣшили созвать конгрессъ, пригласивши на него Пруссію, Италію и Австрію. Бисмаркъ, такъ же какъ и Кавуръ въ 1860 г., пришелъ въ безпокойство. Пруссія и Италія, изъ уваженія къ Наполеону, объявили заранѣе, что присоединяются къ конгрессу. Онъ не состоялся благодаря Австріи, которая потребовала, чтобы на немъ не поднимался вопросъ ни о какихъ территоріальныхъ расширеніяхъ, и чтобы на него былъ приглашенъ папа.

Разрывъ произошелъ въ Германіи, на Сеймѣ. Наполеонъ въ письмѣ, прочитанномъ въ палатѣ, объяснилъ возникновеніе войны тремя причинами: географическимъ положеніемъ Пруссіи, необходимостью лучшей конституціи для Германіи и стремленіемъ Италіи къ независимости; онъ прибавилъ, что Франція будетъ сохранять безкорыстный нейтралитетъ. Пруссія, обезпеченная со стороны Франціи, направила всѣ свои силы противъ Австріи и ея союзниковъ.

Война 1866 г.—Война велась одновременно въ Богеміи, Венеціи и въ Германіи, между Пруссіей, союзницей Италіи, и Австріей, поддерживаемой большинствомъ германскихъ государствъ. Наполеонъ, какъ и вся Европа, думалъ, что силы обѣихъ сторонъ были почти равными, и что война будетъ нерѣшительной и протянется долго; онъ разсчитывалъ вмѣшаться, когда воюющія стороны будутъ утомлены, въ качествѣ всемогущаго посредника, и, даже не имѣя нужды воевать, продиктовать свои условія. Этотъ разсчетъ оказался ошибочнымъ вслѣдствіе одного, никѣмъ непредвидѣннаго, условія: безпримѣрной быстроты всѣхъ движеній прусской арміи.

Противъ Австріи Пруссія мобилизовала 300,000 человѣкъ, образовавшихъ три арміи: армію Эльбы, первую силезскую армію и вторую силезскую армію; онѣ вступили съ трехъ сторонъ въ Богемію и, заставляя отступать передъ собой саксонцевъ и австрійцевъ, стремились соединиться. Австрійская армія (220,000 человѣкъ), мобилизовавшаяся медленнѣе, не успѣла защитить проходовъ и должна была перейти въ оборонительное положеніе; она сосредоточила свои силы въ укрѣпленной позиціи близъ Кёниггреца, но была уже деморализована быстрымъ наступленіемъ пруссаковъ и скорою стрѣльбою ихъ игольчатыхъ ружей. Главнокомандующій, Бенедекъ, телеграфировалъ императору о необходимости заключить миръ въ виду неизбѣжной катастрофы. Ему было приказано отступать, сохраняя порядокъ.

Исходъ войны былъ рѣшенъ однимъ днемъ. Двѣ изъ трехъ прусскихъ армій (Эльбы и первая силезская) соединились и ожидали третьей, которой пришлось преодолѣвать болѣе трудные переходы. Онѣ аттаковали австрійскую армію, занявшую укрѣпленную позицію на крутыхъ возвышенностяхъ въ лѣсистой странѣ, защищенныхъ артиллеріей, расположенной въ нѣсколько ярусовъ. Сраженіе при Садовой было продолжительно и кровопролитно. Оно было рѣшено прибытіемъ третьей прусской арміи, которая проникла въ самую средину австрійскихъ позицій, не будучи замѣченной Бенеденомъ (онъ говорилъ, что ее скрывалъ отъ него туманъ). Австрійская армія, потерявъ 25,000 человѣкъ убитыми и 20,000 плѣнными, отступила въ безпорядкѣ. Она не могла болѣе задержать движенія непріятеля къ Вѣнѣ.

Въ Италіи австрійская армія держалась въ оборонительномъ положеніи, охраняя Венецію. Итальянская армія, болѣе многочисленная, аттаковала ее, но была отброшена. Это было сраженіе при Кустоццѣ, заставившее итальянцевъ отступить въ Ломбардію. Послѣ извѣстій о Садовой, итальянцы считали вопросомъ чести самимъ завоевать Венецію; но итальянская армія не одержала ни одного рѣшительнаго успѣха, а итальянскій флотъ былъ уничтоженъ при Лиссѣ австрійскимъ флотомъ.

Пражскій миръ (1866 г.).—Австрійское правительство, желая сосредоточить свои силы противъ Пруссіи, уступила Венецію Наполеону, прося его начать переговоры о мирѣ съ Италіей. Наполеонъ являлся въ роли рѣшителя судебъ Европы. Министръ иностранныхъ дѣлъ, сторонникъ Австріи, побуждалъ его мобилизовать свою армію, чтобы остановить Пруссію, угрожая ей занятіемъ лѣваго берега Рейна, покинутаго прусскими войсками. Но военный министръ долженъ былъ признаться, что армія была дезорганизована мексиканской экспедиціей, и что онъ не могъ бы выставить болѣе 40,000 человѣкъ. Больной Наполеонъ колебался между двумя рѣшеніями: заставить Пруссію заключить миръ, или вступить съ нею въ переговоры, чтобы добиться выгодъ для себя *); такимъ

*) 4 іюля въ одиннадцать часовъ вечера онъ подписалъ декретъ о созывѣ палатъ для вотированія кредита на мобилизацію; 5 іюля въ пять часовъ утра онъ отмѣнилъ это распоряженіе. 5-го же происходилъ совѣтъ; по совѣту министра иностранныхъ дѣлъ Друэнъ-де-Люиса и императрицы онъ рѣшилъ продолжать приготовленія къ войнѣ; но когда Лавалеттъ выставилъ на

образомъ былъ упущенъ моментъ, когда еще можно было надѣяться устрашить Пруссію военной демонстраціей на Рейнѣ. Тактика прусскаго правительства состояла въ томъ, чтобы убаюкивать Наполеона неопредѣленными обѣщаніями и удерживать его въ бездѣйствіи, въ то время какъ прусская армія двигалась къ Вѣнѣ.

Наполеонъ объявилъ, что онъ принимаетъ роль посредника, и началъ съ того, что попытался остановить Италію, угрожая ей, что онъ вступитъ въ союзъ съ Австріей. Италія отвѣтила, что она связана обязательствомъ ничего не рѣшать безъ Пруссіи, и отказалась отъ перемирія. Прусскій король потребовалъ, чтобы перемиріе гарантировало условія мира, переговоры о которомъ уже начались. Россія предложила соглашеніе трехъ нейтральныхъ державъ. Наполеонъ возразилъ, что уже принялъ на себя посредничество. Война продолжалась.

Тогда Наполеонъ послалъ въ прусскій лагерь просить у короля разрѣшенія для Италіи заключить перемиріе. Затѣмъ онъ предложилъ условія мира: цѣлость Австріи; распущеніе Германскаго Союза; Сѣверо-Германскій Союзъ; уступка герцогствъ. Относительно этихъ условій соглашеніе состоялось; но затрудненія возникли по вопросу о присоединеніяхъ: Пруссія хотѣла присоединить нѣсколько германскихъ государствъ; Австрія не рѣшалась покинуть своихъ союзниковъ; Наполеонъ желалъ пріобрѣсти нѣкоторыя области, чтобы уравновѣсить расширеніе Пруссіи. Но Бисмаркъ понималъ, что Пруссія, благодаря своей арміи, являлась госпожею положенія, и заставилъ принять всѣ свои условія.

Въ силу прелиминарнаго договора (Никольсбургъ, 26 іюля), Австрія устранилась отъ германскихъ дѣлъ, уступивъ герцогства и предоставивши Пруссіи право на созданіе германской конфедераціи и на присоединеніе сѣверо-германскихъ государствъ (за исключеніемъ Саксоніи). Бисмаркъ сдѣлалъ нѣкоторыя чисто формальныя уступки: 1) германскія государства, расположенныя къ югу отъ Майна, исключенныя изъ будущей конфедераціи, получили право образовать отдѣльный союзъ; 2) Сѣверные округа Шлезвига должны были возвратиться Даніи, если бы ихъ населеніе пожелало этого. При заключеніи окончательнаго мира въ Прагѣ (23 авг.) эти статьи были сохранены; но онѣ не были выполнены.

Такъ какъ Франція отказалась подписать мирный договоръ, чтобы не выходить изъ роли посредника, то статья о Шлезвигѣ находилась подъ гарантіей одной Австріи, которая не особенно настаивала на ея выполненіи и въ концѣ концовъ отказалась отъ нея.

Наполеонъ потребовалъ у Пруссіи территоріальныхъ уступокъ въ пользу Франціи, и прусскій уполномоченный поддерживалъ въ немъ этого рода надежды. Когда Россія предложила созвать конгрессъ, чтобы уладить германскія дѣла, Наполеонъ отвергъ это предложеніе, разсчитывая добиться большаго отъ Пруссіи. Онъ предложилъ ей войти съ нимъ въ тайное соглашеніе, чтобы взаимно помогать расширенію своихъ владѣній; Франція должна была бы получить баварскія и гессенскія земли по лѣвому берегу Рейна. Бисмаркъ потребовалъ письменнаго проекта, потомъ не согласился на него и огласилъ его въ разговорѣ съ французскимъ корреспондентомъ газеты *Siècle*. Общественное мнѣніе въ Германіи заволновалось; Наполеонъ взялъ свой проектъ назадъ, велѣлъ опровергать слухи о переговорахъ и обратилъ свои замыслы на Бельгію. Онъ предложилъ Пруссіи помочь ему въ пріобрѣтеніи Люксембурга и Бельгіи. Бисмаркъ велѣлъ изложить этотъ проектъ подъ его диктовку и опубликовалъ его въ 1870 г. съ цѣлью поссорить Бельгію съ Франціей.

Изолированныя южно-германскія государства скоро почувствовали на себѣ тяжелую руку Пруссіи. Они сначала обратились за посредничествомъ къ Франціи; но Бисмаркъ показалъ имъ проекты Наполеона о присоединеніи части ихъ владѣній и убѣдилъ ихъ заключить съ Пруссіей тайные трактаты о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ (августъ).

Такимъ образомъ Наполеонъ не достигъ никакихъ положительныхъ результатовъ; Пруссія же, одною войною, пріобрѣла господство надъ Германіей, причемъ Европа не сдѣлала ничего, чтобы помѣшать ей въ этомъ. Ея новый способъ войны сдѣлалъ европейскій концертъ безсильнымъ.

Люксембургское дѣло (1867 г.).—Послѣ распаденія Германскаго Союза, великое герцогство Люксембургское оказалось въ неопредѣленномъ положеніи; оно не вошло въ новую конфедерацію и было занято прусскимъ гарнизономъ, стоявшимъ въ крѣпостяхъ Союза. Его государь, голландскій король, всего охотнѣе согласился бы продать его. Наполеонъ хотѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобы присоединить къ Франціи по крайней мѣрѣ эту территорію. Онъ думалъ, что Пруссія только ждала предлога, чтобы вывести изъ Люксембурга свой гарнизонъ, не оскорбляя общественнаго мнѣнія Германіи.

Бисмаркъ оставлялъ Наполеона въ этой надеждѣ, не принимая на себя никакихъ обязательствъ. Наполеонъ снесся съ Россіей и Ан-

---

видъ плохое состояніе французской арміи и превосходство игольчатыхъ ружей, онъ отмѣнилъ это рѣшеніе. Министръ иностранныхъ дѣлъ настаивалъ, говоря, что будетъ достаточно одной военной демонстраціи; Жѣромъ возражалъ, что послѣ поощренія Пруссіи враждебная политика произвела бы дурное впечатлѣніе. Наполеонъ остался въ нерѣшительности.

гліей, которыя не выразили протеста; тогда онъ вступилъ въ переговоры съ голландскимъ королемъ, который согласился продать Люксембургъ, если Пруссія не воспротивится этому. Бисмаркъ не далъ категорическаго отказа, но выбралъ этотъ моментъ (19 марта 1867 г.) для опубликованія трактатовъ, заключенныхъ Пруссіей съ южно-германскими государствами въ 1866 г., какъ бы желая показать силу Пруссіи,—и сказалъ голландскому королю, что онъ оставляетъ на немъ отвѣтственность за его дѣйствія. Король подумалъ, что Бисмаркъ хотѣлъ только, чтобы какой нибудь рѣшительный шагъ снялъ съ него самого эту отвѣтственность, и послалъ Наполеону свое согласіе (30 марта).

Трактатъ объ уступкѣ былъ уже составленъ и оглашенъ въ Европѣ, когда въ рейхстагѣ былъ сдѣланъ запросъ правительству по поводу слуховъ о томъ, что однимъ государемъ нѣмецкой крови заключенъ торгъ относительно одной нѣмецкой страны. Бисмаркъ отвѣтилъ, что ничего еще не было рѣшено, и велѣлъ сообщить голландскому королю, что, въ виду возбужденія общественнаго мнѣнія въ Германіи, уступка Люксембурга могла бы послужить поводомъ къ войнѣ. Король, не смотря на настоянія Франціи, взялъ свое согласіе назадъ. Наполеонъ какъ бы отступилъ съ поля сраженія. Это было дипломатическою побѣдою Пруссіи.

Вопросъ о союзной крѣпости былъ разрѣшенъ конференціею пяти великихъ державъ, Италіи, Бельгіи и Нидерландовъ; конференція пересмотрѣла трактатъ 1839 г., объявила великое герцогство нейтральнымъ и сдѣлало постановленіе о разоруженіи крѣпости.

Скрытый конфликтъ между Франціей и Пруссіей (1870 г.).—Благодаря превосходству своей арміи, Пруссія фактически пріобрѣла преобладающее вліяніе въ Европѣ и подготовляла полное объединеніе Германіи. Другія великія державы не мирились съ этимъ двойнымъ переворотомъ, грозившимъ нарушить европейское равновѣсіе; но Австрія упала духомъ, Англія была безсильна, а Россія настроена миролюбиво. Одна Франція, сдѣлавшаяся при Наполеонѣ III военнымъ государствомъ, считала себя достаточно сильною, чтобы остановить Пруссію и возстановить свое преобладаніе въ Европѣ. Французское общественное мнѣніе внезапно сдѣлалось враждебнымъ германскому единству; начались разговоры о «реваншѣ за Садову». Въ Пруссіи національное самолюбіе, возбужденное одержанными успѣхами, проявлялось въ палатѣ и газетахъ угрозами противъ «наслѣдственнаго врага». Но какъ съ той, такъ и съ другой стороны эти воинственныя чувства уравновѣшивались боязнью войны, которую всѣ представляли себѣ ужасной.

Вслѣдствіе этого наступилъ періодъ колебанія. Посѣщеніе русскимъ императоромъ и прусскимъ королемъ парижской всемірной выставки (1867 г.), казалось, предвѣщало миръ; но свиданіе Наполеона съ австрійскимъ императоромъ въ Зальцбургѣ встревожило общественное мнѣніе, особенно когда Наполеонъ, вернувшись во Францію, заговорилъ въ офиціальной рѣчи о «черныхъ точкахъ на горизонтѣ». Старая партія мира (съ Австріей) сдѣлалась воинственной и искала союзовъ противъ Пруссіи. Въ Австріи императоръ передалъ завѣдываніе иностранными дѣлами Бейсту, прежнему министру саксонскаго короля, врагу Пруссіи, не отказывавшемуся отъ мысли вернуть Австріи ея мѣсто въ Германіи.

Французское правительство попыталось составить коалицію противъ Пруссіи и отвлечь Россію, чтобы помѣшать ея вмѣшательству. Тогда произошелъ рядъ волненій на востокѣ, поддерживавшихся, какъ говорили, французскими агентами: возстаніе Крита, которому помогала Греція (1866—1868 г.), движеніе въ Болгаріи, вызванное бандами, появившимися изъ Румыніи, румынская агитація и вооруженіе Румыніи, заговоръ въ Сербіи, съѣздъ польскихъ эмигрантовъ въ Галиціи. Но Россія осталась въ миролюбивомъ настроеніи, и все успокоилось. Державы, подписавшія трактаты 1855 г., собрались на конференцію въ Парижѣ (янв. 1869 г.) и заставили Грецію и Турцію заключить между собою миръ.

Французское правительство разсчитывало на Данію, какъ на союзницу противъ Пруссіи. Бисмаркъ, прежде чѣмъ организовать въ Шлезвигѣ плебисцитъ, обѣщанный Пражскимъ миромъ, потребовалъ спеціальныхъ гарантій для нѣмецкаго языка; затѣмъ подъ тѣмъ предлогомъ, что соглашеніе относительно территорій, подлежавшихъ уступкѣ, не могло состояться, онъ прервалъ переговоры. Тогда датское правительство послало своего военнаго министра въ Парижъ.

Австрійское и итальянское правительства также желали союза съ Франціей. Но въ Австріи Бейсту мѣшали венгры, желавшіе мира, и нѣмцы, враждебные Франціи; въ Италіи министерство *консорторіи*, стоявшее за сближеніе съ Франціей, боялось радикальной партіи, раздраженной ментонскимъ дѣломъ и расположенной заключить союзъ съ Пруссіей, чтобы заставить Францію покинуть Римъ. Такимъ образомъ все ограничивалось тайными переговорами, значеніе которыхъ истолковывалось различно, и которые не привели ни къ какому практическому результату.

Однимъ изъ поводовъ къ переговорамъ послужило дѣло о бельгійскихъ желѣзныхъ дорогахъ, купленныхъ французской Восточной Компаніей. Наполеонъ проектировалъ таможенный союзъ съ Бельгіей и заставилъ французскую компанію купить двѣ линіи бельгійскихъ желѣзныхъ дорогъ; но либеральная бельгійская партія подняла

по этому поводу такой протестъ, что правительство провело законъ, запрещавшій покупку бельгійскихъ желѣзныхъ дорогъ иностранцами. Французское правительство приписало эту неудачу Бисмарку. Раздраженный Наполеонъ предложилъ Австріи и Италіи тройственный союзъ, ставившій цѣлью остановить захваты Пруссіи и вернуть Австріи ея прежнее положеніе въ Германіи (мартъ). Переговоры велись черезъ пословъ. Австрія согласилась на оборонительный союзъ, но выговорила себѣ право остаться нейтральной въ случаѣ, если бы Франціи пришлось начать войну (апрѣль). Итальянцы потребовали удаленія французскихъ войскъ изъ Рима; они удовлетворились обѣщаніемъ Наполеона удалить ихъ въ возможно скорѣйшемъ времени; но, когда настало время подписывать проектъ договора, итальянское министерство потребовало немедленнаго удаленія войскъ и заявленія, что Франція признаетъ принципъ невмѣшательства. Австрія поддерживала это требованіе; но больной Наполеонъ не могъ принять австрійскаго посла, а французское правительство отказалось подписать оборонительный союзъ, который не принесъ бы ему никакой пользы. Переговоры остались неоконченными. Три государя только пообѣщали другъ другу не заключать никакого союза, не предупредивши объ этомъ остальныхъ. Посѣщеніе наслѣднымъ прусскимъ принцемъ Вѣны (по дорогѣ въ Суэцъ, гдѣ онъ долженъ былъ присутствовать на празднествахъ по случаю открытія канала) показалось признакомъ мира. Наполеонъ призвалъ парламентарное министерство, глава котораго Олливье опредѣленно высказался въ пользу мира и соглашенія съ Германіей. Это министерство снова выдвинуло на сцену (янв. 1870 г.) проектъ, имѣвшій въ виду гарантировать безопасность Европы одновременнымъ разоруженіемъ Франціи и Пруссіи. Англія согласилась передать это предложеніе. Франція предложила уменьшить на 10,000 человѣкъ контингентъ своихъ войскъ. Бисмаркъ возразилъ, что военная организація Пруссіи дѣлала для нея всякое разоруженіе невозможнымъ (февраль 1870 г.).

Предложеніе, сдѣланное въ рейхстагѣ (24 февраля), допустить великое герцогство баденское въ Сѣверо-Германскій Союзъ снова вызвало агитацію противъ Пруссіи и германскаго единства. Бисмарка упрекали за то, что онъ не указалъ въ своемъ отвѣтѣ, что сдѣланное предложеніе противорѣчило Пражскому трактату, гарантировавшему независимость германскихъ государствъ, расположенныхъ къ югу отъ Майна. Бисмаркъ отвѣтилъ черезъ газеты, что Пражскій трактатъ не препятствовалъ южнымъ государствамъ войти въ Сѣверо-Германскій Союзъ. Австрійскій эрцгерцогъ Альбертъ провелъ нѣсколько недѣль въ Парижѣ, изучая военныя силы Франціи, и предложилъ Наполеону планъ компаніи. Французская армія слишкомъ слаба, говорилъ онъ, чтобы вести *одной* войну съ Пруссіей; она должна была бы вторгнуться въ южную Германію, куда вступили бы также черезъ Баварію австрійская и итальянскія войска. Наполеонъ сохранилъ этотъ планъ въ тайнѣ.

Витиканскій соборъ, а затѣмъ плебисцитъ отвлекли вниманіе французскаго правительства. Католическія державы не препятствовали созванію собора; но, когда былъ предложенъ проектъ провозглашенія непогрѣшимости, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Дарю, съ согласія Наполеона, составилъ ноту, въ которой подтверждалъ права государства и объявлялъ, что французское правительство посылаетъ на соборъ своего представителя. Олливье воспротивился этой нотѣ, такъ какъ папа ссылался на право церкви свободно распоряжаться своими дѣлами. Дарю составилъ мемуаръ, одобренный Австріей; но римская курія отказалась передать его собору (апрѣль). Франція могла повліять на папу угрозою удалить свои войска изъ Рима; Олливье убѣдилъ Наполеона отказаться отъ этого средства. Дарю окончательно разошелся съ Олливье по вопросу о плебисцитѣ.

При частичной перемѣнѣ министерства, Дарю, сторонникъ мира, былъ замѣненъ Грамономъ, врагомъ Пруссіи. Наполеонъ сообщилъ планъ кампаніи эрцгерцога французскимъ офицерамъ и послалъ въ Вѣну генерала Лебрена, безъ офиціальной миссіи, для обсужденія съ эрцгерцогомъ измѣненій въ его планѣ въ слѣдующемъ пунктѣ: такъ какъ Австріи и Италіи потребовалось бы шесть недѣль для мобилизаціи, то Франція, которая была бы готова скорѣе, должна была, согласно этому плану, начать войну одна въ Южной Германіи; Австрія и Италія приступили бы къ вооруженію, сохраняя нейтралитетъ. Лебренъ былъ принятъ въ частной аудіенціи австрійскимъ императоромъ, который сказалъ ему, что не можетъ взять на себя обязательство объявить войну одновременно съ Франціей (іюнь). Наполеонъ, повидимому, отказался отъ войны, такъ какъ военный министръ потребовалъ у палатъ на 10,000 меньше солдатъ, а Олливье заявилъ, что миръ никогда еще не былъ болѣе прочнымъ, ибо всѣ правительства поняли необходимость уважать трактаты, на которыхъ покоится миръ Европы: Парижскій трактатъ для востока и Пражскій для Германіи (30 іюня).

Объявленіе войны (1870 г.).—Миръ казался обезпеченнымъ. Наполеонъ былъ боленъ, вожди прусскаго правительства предавались лѣтнему отдыху, когда произошелъ дипломатическій инцидентъ, неожиданно вызвавшій усложненіе, за которымъ черезъ нѣсколько дней послѣдовала война между двумя первыми военными державами въ Европѣ.

Временное испанское правительство искало короля съ 1869 г. Оно предложило престолъ

католическому принцу, Леопольду Гогенцоллернъ-Зигмарингену, связанному свойствомъ съ французскимъ императорскимъ домомъ. Предложеніе дѣлалось отцу принца четыре раза; онъ отказывалъ три раза, а на четвертый согласился (іюль 1870). Французское правительство, предупрежденное о переговорахъ еще въ 1869 г., было офиціально извѣщено Испаніей; оно не отвѣтило непосредственно ей, изъ боязни оскорбить національное чувство испанцевъ, какъ бы мѣшая имъ свободно избрать себѣ короля. Оно обратилось къ прусскому правительству, заявляя ему, что этотъ выборъ произвелъ дурное впечатлѣніе во Франціи. Общественное мнѣніе смотрѣло на воцареніе въ Испаніи Гогенцоллерна, какъ на вызовъ и угрозу со стороны Пруссіи; Франція, говорили тогда, не могла допустить возстановленія имперіи Карла V. Въ Берлинѣ, напротивъ того, говорили, что выборъ испанскаго короля не касался прусскаго правительства, что это было частное дѣло семьи Гогенцоллерновъ, и что Вильгельмъ не имѣлъ никакой власти надъ вѣтвью Зигмарингеновъ.

Во французской палатѣ былъ сдѣланъ запросъ о кандидатурѣ Гогенцоллерна на испанскій престолъ. Французское министерство, въ большинствѣ своемъ сочувствовавшее миру, приготовило миролюбивый отвѣтъ. Но Грамонъ, усматривавшій въ этомъ дѣлѣ интригу Бисмарка, настоялъ на прибавленіи одной фразы по адресу Пруссіи; эта фраза была встрѣчена патріотическими восклицаніями въ палатѣ (6 іюня), и газеты заговорили о войнѣ.

Европейскія державы не одобряли кандидатуры принца и желали сохраненія мира; англійское правительство заставило испанское взять свое предложеніе назадъ. Наполеонъ лично поручилъ бельгійскому королю заставить принца взять назадъ свое согласіе. Принцъ сдѣлалъ это въ формѣ офиціальнаго заявленія. Дѣло считали оконченнымъ. Оливье объявилъ, что миръ обезпеченъ; рента поднялась на два франка.

Но Грамонъ уже перенесъ вопросъ на другую почву и создалъ новое осложненіе. Убѣжденный, что гогенцоллернскій принцъ дѣйствовалъ подъ тайнымъ вліяніемъ прусскаго короля, онъ настоялъ на томъ, чтобы просить Вильгельма запретить принцу принимать эту кандидатуру, оскорбительную для Франціи. «Никто, говорилъ онъ, не повѣритъ, чтобы прусскій принцъ могъ принять испанскую корону безъ разрѣшенія короля, главы семейства... Если король не разрѣшалъ, то пусть онъ запретитъ». Король находился въ Эмсѣ на водахъ; французское правительство послало Бенедетти отыскать его тамъ. Король отвѣтилъ, что дѣло не касалось его правительства и что ему нечего было запрещать принцу. Грамонъ, убѣжденный, что прусскій король затягивалъ дѣло, чтобы дать себѣ время приготовиться къ войнѣ, захотѣлъ заставить его снять маску и приказалъ потребовать отъ него категорическаго отвѣта. Вопросъ шелъ о томъ, чтобы показать Европѣ, что Пруссія руководила этимъ дѣломъ и что Франція заставила ее отступить. Король, напротивъ того, держалъ себя, какъ безучастный свидѣтель; онъ сказалъ, что ждалъ отвѣта отъ принца (11 іюля).

Послѣ отказа принца, Грамонъ, не имѣя болѣе повода требовать запрещенія, хотѣлъ добиться отъ короля заявленія, которое удовлетворило бы національную честь Франціи. Въ палатѣ группа воинственной правой заявила, что сдѣлаетъ министерству запросъ о гарантіяхъ, принятыхъ относительно будущаго. Тогда правительство послало Бенедетти сказать королю, что отказъ принца не былъ достаточнымъ отвѣтомъ на заявленныя требованія, а еще менѣе того гарантіей относительно будущаго, и что король долженъ былъ обѣщать, что онъ не позволитъ принцу снова принять кандидатуру. Между тѣмъ совѣтъ министровъ отвергъ мобилизацію, потребованную военнымъ министромъ.

Рѣшающій актъ произошелъ въ Эмсѣ (13 іюля). Король былъ въ паркѣ. Бенедетти пришелъ туда утромъ передать требованіе относительно гарантіи. Король отвѣчалъ: «Вы требуете обязательства безъ ограниченія времени и на всѣ случаи; я не могу взять этого на себя». Бенедетти настаивалъ; король сказалъ въ концѣ концовъ, что онъ отвергаетъ разъ навсегда такое неожиданное требованіе. Затѣмъ пришла депеша отъ прусскаго посланника, сообщавшая, что Наполеонъ требовалъ, чтобы король написалъ ему собственноручное письмо съ увѣреніемъ, что онъ не желалъ причинить ущерба интересамъ Франціи. Раздраженный Вильгельмъ рѣшилъ не принимать болѣе Бенедетти и передалъ ему черезъ своего адъютанта, что пришло письмо отъ принца Зигмарингенскаго, подтверждающее отреченіе, и что онъ считаетъ это дѣло оконченнымъ. Бенедетти настаивалъ на ауденціи; адъютантъ отвѣтилъ, что король остался при своемъ рѣшеніи.

Вернувшійся изъ деревни въ Берлинъ, Бисмаркъ, раздраженный заявленіями Грамона и статьями французскихъ газетъ, объявилъ англійскому посланнику о своемъ намѣреніи потребовать отъ Франціи объясненій и гарантій. Онъ получилъ по телеграфу разсказъ о свиданіи въ Эмсѣ съ разрѣшеніемъ сообщить его прессѣ. Онъ немедленно же напечаталъ его въ своей офиціальной газетѣ *Norddeutsche Zeitung* въ сокращенномъ и точномъ изложеніи *), изъ ко-

*) Такъ какъ Бисмаркъ хвалился впослѣдствіи тѣмъ, что измѣнилъ редакцію замѣтки, чтобы сдѣлать войну неизбѣжной, то германскіе соціалисты упрекали его въ томъ, что онъ *фальсифицировалъ* эмскую депешу, а французская пресса повторила это обвиненіе. Достаточно сравнить оба текста, чтобы убѣдиться въ отсутствіи фальсификаціи. Депеша, посланная Бисмарку отъ имени короля, составлена въ конфиденціальныхъ и туманныхъ выраженіяхъ, не годившихся для печати,

тораго отчетливо выступилъ отказъ короля отвѣтить на требованія Бенедетти.

Эта статья, разосланная по всей Европѣ, сдѣлала разрывъ неизбѣжнымъ. Она была встрѣчена Германіей, какъ національная манифестація, Франціей же—какъ оскорбленіе. Совѣтъ министровъ, собравшійся утромъ 14 іюля, все еще пытался сохранить миръ; онъ ухватился за любимое средство Наполеона — конгрессъ державъ для установленія въ принципѣ устраненія отъ кандидатуры всѣхъ принцевъ королевской семьи. Совѣтъ министровъ, происходившій въ десять часовъ вечера (въ Сенъ-Клу), еще обсуждалъ этотъ вопросъ, когда Грамонъ получилъ и прочелъ депешу, которая заставила немедленно же признать необходимость мобилизаціи: это было новое оскорбленіе, нанесенное Франціи *). Война была объявлена на другой день (15 іюля) въ палатѣ, въ формѣ отвѣта на запросъ относительно гарантій. Правительство объявило, что оно призвало резервы, и потребовало вотированія кредита на мобилизацію. Немедленно же назначенная комиссія выслушала военнаго министра, который объявилъ себя готовымъ къ войнѣ; Грамонъ далъ ей объясненія относительно оскорбленія и далъ понять, что можно было разсчитывалъ на Австрію и Италію. Затѣмъ палата вотировала кредитъ.—Въ Берлинѣ, въ тотъ же день, по полученіи извѣстія о заявленіи Грамона, король отдалъ распоряженіе о мобилизаціи.

Франція 19 іюля офиціально объявила войну.

и кончалась такъ: «Его величество предоставляетъ судить вашему превосходительству, не должны ли новое требованіе Бенедетти и нашъ отказъ быть сообщены нашему посланнику и прессѣ».—Замѣтка, напечатанная Бисмаркомъ, не прибавляетъ ничего такого, чего не было-бы въ депешѣ; она только сокращаетъ ее.

*) Въ чемъ заключалось это оскорбленіе, осталось невыясненнымъ. Нѣмецкіе историки смѣшиваютъ его со статьею объ эмскомъ свиданіи. Устное преданіе, сохранившееся во французскомъ дипломатическомъ мірѣ, приписываетъ королю Вильгельму такую фразу, которую никогда не рѣшились бы напечатать.

ГЛАВА XXVII.

Преобладаніе Германіи и вооруженный миръ.

Французская война. — Лондонскій и французскій трактаты. — Новыя условія европейской политики 1871 г. — Союзъ трехъ императоровъ. — Восточныя дѣла. — Турецкая война. — Санъ-Стефанскій миръ и Берлинскій конгрессъ. — Образованіе Тройственнаго Союза. — Возникновеніе франко-русскаго соглашенія. — Вооруженный миръ.

Французская война (1870—71 г.).—Франція объявила войну только Пруссіи, и во Франціи питали смутныя надежды, что отъ союза съ Пруссіей отдѣлятся нѣкоторыя изъ германскихъ государствъ. Но національное германское чувство проявилось съ такою силою, что бороться съ нимъ было невозможно даже въ Баваріи. На сторонѣ Пруссіи оказались, кромѣ Сѣверо-Германскаго Союза, всѣ независимыя южно-германскія государства, въ качествѣ ея союзниковъ. Въ первый разъ Германія одна и во всемъ своемъ составѣ сражалась противъ Франціи.

Французское правительство пыталось найти союзниковъ. Англія, предложивши сначала свое посредничество, объявила себя нейтральной и добилась отъ воюющихъ сторонъ гарантіи нейтралитета Бельгіи.—Русскій императоръ, связанный личной дружбой съ прусскимъ королемъ и желавшій отдѣлаться отъ трактата 1856 г., объявилъ, что остается нейтральнымъ, но далъ понять, что онъ объявитъ войну Австріи, если она будетъ поддерживать Францію.

Съ Австріей и Италіей французское правительство вело переговоры до первыхъ пораженій. Оно требовало, чтобы эти государства готовились къ войнѣ, офиціально не покидая нейтралитета и объясняя свое вооруженіе желаніемъ заставить принять свое посредничество. Въ Австріи Бейстъ хотѣлъ выжидать, но президентъ венгерскаго министерства, Андраши, настоялъ на нейтралитетѣ. Однако Бейстъ не рѣшился объявить его открыто французскому правительству и обѣщалъ войти въ соглашеніе съ Италіей для предложенія совмѣстнаго посредничества. Въ Италіи, Викторъ Эммануилъ желалъ войны, но министерство не считало ее возможной при тогдашнемъ состояніи арміи и финансовъ. Тѣмъ неменѣе онъ вступилъ въ переговоры съ французскимъ правительствомъ, но римскій вопросъ помѣшалъ имъ прійти къ соглашенію. Наполеонъ хотѣлъ вернуться къ сентябрьской конвенціи 1864 года; итальянцы желали удаленія изъ Рима французскихъ войскъ безъ всякихъ условій. Такимъ образомъ Франція осталась одна, имѣя противъ себя всю Германію.

Война раздѣлилась седанскимъ пораженіемъ на два періода.

I.—Обѣ стороны хотѣли стать въ наступательное положеніе; мобилизація была закончена въ двѣ недѣли. Нѣмцы, согласно плану кампаніи, приготовленному еще въ 1868 г. (Мольтке), должны были «искать главныхъ силъ противника и аттаковать ихъ при первой встрѣчѣ» на линіи Меца-Страсбурга. Они не пытались защитить баденскую территорію и сконцентрироваться въ Пфальцѣ. Они раздѣлились на три арміи, численность которыхъ, когда онѣ были вполнѣ укомплектованы, доходила до 500,000 челов. Первая армія (75,000) и вторая (болѣе 200,000) двигались долиною Сарры къ Мецу; третья (болѣе 150,000 человѣкъ, преимущественно южногерманцевъ, подъ начальствомъ прусскаго наслѣднаго принца) шла на Страсбургъ.

Французы хотѣли проникнуть въ Германію, перейдя Рейнъ (вѣроятно ниже Раштатта) такъ, чтобы отдѣлить южно-германцевъ отъ Пруссіи. У нихъ были двѣ арміи: рейнская (главная, при которой находился Наполеонъ III)—въ Лотарингіи, на Саррѣ, и армія Макъ-Магона въ Эльзасѣ. Но дѣйствующая французская армія, насчитывавшая на бумагѣ до 750,000 человѣкъ, въ дѣйствительности не достигала и 250,000; подвижная гвардія, въ 600,000 человѣкъ, не была организована вовсе. Мобилизація состояла въ томъ, что на границу были посланы полки въ томъ составѣ, въ какомъ они находились на мирномъ положеніи, до прибытія людей, кото-

рые должны были бы ихъ пополнить. Въ полкахъ едва насчитывалась половина ихъ военнаго состава. Въ рейнской арміи было не болѣе 110,000 человѣкъ; въ арміи Макъ-Магона—не болѣе 40,000.

Наполеонъ долженъ былъ отказаться отъ наступательной войны. Французская армія, составленная изъ солдатъ долгосрочной службы, храбрыхъ и опытныхъ, была дурно снабжена провіантомъ, военными припасами и врачебными средствами; ею командовали офицеры, привыкшіе въ Алжирѣ къ иррегулярной войнѣ, безъ заранѣе составленнаго плана, безъ свѣдѣній о силахъ и положеніи непріятеля, безъ топографическаго знанія мѣстности и даже безъ картъ (имъ были даны только карты нѣмецкихъ областей). Арміи двигались медленно, въ безпорядкѣ; корпуса были плохо связаны одни съ другими; не гарантированы отъ неожиданныхъ атакъ; двигались безъ развѣдчиковъ, а иногда даже безъ прикрытія. Приблизительно то же самое было въ Крыму и Италіи; но тамъ и противникъ находился въ томъ же положеніи. Въ 1870 г. война происходила между небольшой арміей стариннаго покроя и огромной арміей, организованной по всѣмъ правиламъ современнаго военнаго искусства. Эта война распалась на три момента:

1) Германцы, ставши въ наступательное положеніе, аттаковали одновременно какъ эльзасскую, такъ и рейнскую арміи (6 августа). Эльзасская армія, разбитая на голову при Фрешвиллеръ-Рейхсгоффенѣ, въ хаотическомъ сраженіи, непреднамѣренно начатомъ баварцами, очистила въ безпорядкѣ Эльзасъ и отступила черезъ Саверское ущелье къ Шалону. Рейнская армія, аттакованная первой нѣмецкой арміей при Форбахѣ (въ этомъ сраженіи пруссаки взяли приступомъ крутое возвышеніе), отступала къ Мецу. Результатомъ всего этого было: оставленіе Эльзаса, гдѣ нѣмцамъ пришлось только осаждать Страсбургъ; паденіе министерства Олливье; удаленіе французскихъ войскъ изъ Рима и впечатлѣніе непоправимаго пораженія Франціи, произведенное на Европу. Италія, все еще продолжавшая переговоры, рѣшила остаться нейтральной; у нея былъ заключенъ съ Австріей трактатъ о нейтралитетѣ, но вооруженномъ; чтобы легче сопротивляться настояніямъ Наполеона, она заключила съ Англіей трактатъ, обязывавшій обѣ страны оставаться нейтральными.

2) Всѣ три германскія арміи аттаковали рейнскую армію, численность которой была доведена до 150,000 человѣкъ, и, чтобы остановить ея движеніе, дали три сраженія, самыя кровопролитныя въ эту войну: при Борни (14 авг.) на востокѣ, при Марсъ-Латурѣ (16 авг.) на югозападѣ и Гравелоттѣ (18 авг.) на сѣверо-западѣ; въ то же время вторая армія обогнула Мецъ и отрѣзала ей отступленіе. Результатомъ этого была иммобилизація главной французской арміи, состоявшей изъ отборныхъ солдатъ (императорская гвардія), единственной способной остановить непріятеля. Германцы оставили передъ Мецомъ первую и вторую арміи, соединивши ихъ въ одну (200,000 человѣкъ) и окружили французовъ линіею укрѣпленій. Третья армія двинулась на Шалонъ; четвертая армія (75,000 человѣкъ) осталась на Мозелѣ, чтобы задержать подкрѣпленія, посланныя французамъ.

3) Армія, наскоро сформированная въ Шалонѣ изъ остатковъ эльзасской и подкрѣпленій, состоявшихъ изъ хуже обученныхъ солдатъ, выступила подъ начальствомъ Макъ-Магона освобождать съ сѣвера армію, осажденную въ Мецѣ; но она двигалась такъ медленно, что дала время подоспѣть третьей нѣмецкой арміи. Остановленная мозельской арміей, а затѣмъ отброшенная къ сѣверу, она была заперта въ Седанѣ, гдѣ и капитулировала вмѣстѣ съ Наполеономъ III (2 сентября). У Франціи не было больше арміи. Италія заняла Римъ.

II. Второй періодъ войны былъ продолжительнѣе и сложнѣе, но гораздо менѣе важенъ въ военномъ отношеніи. Франція, подвергшаяся нашествію, оставшаяся безъ регулярныхъ войскъ, продолжала сопротивляться, чтобы спасти свою національную честь. Она выставила новыя арміи, сформированныя изъ запасныхъ солдатъ, моряковъ, *мобилей* и поголовнаго ополченія всѣхъ жителей отъ двадцати до сорокалѣтняго возраста; эти арміи были вооружены оружіемъ, купленнымъ въ Англіи, и удивляли нѣмцевъ своею стойкостью *). Но въ окончательномъ исходѣ сомнѣваться было невозможно, не смотря на иллюзіи французовъ. Война свелась къ осадѣ Парижа и попыткамъ освободить его. Она дѣлится на три акта:

1) Третья и четвертая нѣмецкія арміи двинулись на Парижъ, въ то время какъ вторая осаждала мецскую армію. Французское правительство послало въ Европу Тьера (12 сентября) искать союзниковъ. Общественное мнѣніе Европы, относившееся неблагопріятно къ Наполеону III, стало на сторону Франціи, когда послѣдняя очутилась во власти нѣмцевъ, сдѣлавшихся внезапно слишкомъ могущественными; это проявилось выраженіями симпатіи и частными подписками; но ни одно правительство не рѣшалось на вмѣшательство. Ж. Фавръ поставилъ условіемъ мира: «Ни одной пяди нашей территоріи, ни одного камня крѣпостей». На свиданіи въ Ферьерѣ, Бисмаркъ потребовалъ Эльзаса; соглашеніе не могло состояться даже относительно перемирія. Нѣмцы овладѣли высотами Шатильона—что давало имъ возможность

*) По свидѣтельству Фрейсинэ, всего было выставлено до 230,000 линейной пѣхоты, 30,000 кавалеріи, 110,000 мобилей, 180,000 ополченцевъ, 30,000 вольныхъ стрѣлковъ и 1,400 пушекъ.

съ юга бомбандировать Парижъ (19 сент.), и обложили Парижъ. Базенъ, желая сохранить армію, запертую въ Мецѣ, не пытался прорвать блокаду, вступилъ въ переговоры съ нѣмцами и въ концѣ концовъ доведенъ былъ голодомъ до капитуляціи (27 окт.). Россія объявила, что она болѣе не считаетъ себя связанной трактатомъ 1856 г. о нейтралитетѣ Чернаго мора и будетъ снова дѣйствовать свободно. Тьеръ былъ посланъ вести переговоры о перемиріи; Бисмаркъ требовалъ Эльзаса и трехъ милліардовъ; переговоры, уже близившіеся къ окончанію, были прерваны (5 декабря). Этотъ перерывъ объяснялся различными причинами: возстаніемъ 31 октября, заставившимъ временное правительство опасаться безпорядковъ въ случаѣ перемирія; новыми требованіями Бисмарка относительно гарантій противъ Парижа; недовольствомъ короля Вильгельма прокламаціей Гамбетты о Базенѣ.

2) Луарская армія, сформированная въ Орлеанѣ (болѣе 150,000 человѣкъ), стала приближаться къ Парижу, вопреки совѣту своего главнокомандующаго, который не питалъ довѣрія къ этимъ импровизованнымъ войскамъ. Она была скоро остановлена второю нѣмецкою арміею, освободившеюся послѣ взятія Меца, и послѣ трехдневной битвы (1—3 декабря) отступила, дезорганизованная, за Луару. Армія, сформированная въ Парижѣ, преимущественно изъ мобилей и національныхъ гвардейцевъ (300,000 человѣкъ) попыталась двинуться съ юга навстрѣчу луарской арміи, но была остановлена и вошла обратно въ Парижъ (30 ноября—2 декабря).

3) Зимняя кампанія, благодаря исключительнымъ холодамъ, окончательно разстроила французскую армію. Луарская армія (Шанзи), аттакованная второй нѣмецкой арміей, отступила къ Мансу (16 декабря). Восточная армія (Бурбаки), сформированная изъ части луарской, должна была пройти черезъ Франшъ-Конте къ Бельфору, чтобы заставить нѣмцевъ отступить, угрожая ихъ сообщеніямъ съ тыла. Сѣверная армія (Федерба) должна была идти на Парижъ. Луарская армія была обращена въ бѣгство при Мансѣ (10—12 января). Сѣверная—при Сенъ-Кентенѣ; восточная армія, задержанная холодами, наткнулась на небольшую нѣмецкую армію, расположенную за сильными окопами, была окружена съ юга и укрылась на швейцарской территоріи (1 февраля). Парижъ, бомбардируемый съ 27 декабря, не имѣя болѣе съѣстныхъ припасовъ, сдѣлалъ безцѣльную вылазку и затѣмъ капитулировалъ 24 января.

Лондонскій и французскій трактаты (1871 годъ).—Отвергнувши трактатъ 1856 г., Россія создала *casus belli*. Англія и Австрія заявили протестъ *). Англія даже угрожала. Но ни одна изъ державъ, гарантировавшихъ трактатъ, не имѣла возможности начать войну. Бисмаркъ предложилъ уладить вопросъ путемъ конференціи. Россія признала въ принципѣ, что никакая держава не имѣетъ права отказаться отъ подписаннаго ею трактата; но это была только формальная уступка. Лондонская конференція отмѣнила статьи, отвергнутыя Россіей, и составила новый трактатъ, возвращавшій Россіи ея свободу на Черномъ морѣ. Султанъ согласился на это безъ протеста.

Переговоры между Франціей и Германіей происходили въ такомъ порядкѣ:

1) Сначала было заключено *перемиріе*, чтобы дать время избрать Національное Собраніе, которому предстояло обсудить условія мира; на восточную армію это перемиріе не распространялось (28 января).

2) Затѣмъ между Бисмаркомъ и Тьеромъ были заключены въ Версалѣ *условія предварительнаго мира* (26 февр.); Тьеръ дѣйствовалъ отъ имени Національнаго Собранія. Бисмаркъ потребовалъ всего Эльзаса, вмѣстѣ съ Бельфоромъ, части Лотарингіи и 6 милліардовъ; Тьеръ настоялъ на удержаніи Бельфора и на сбавкѣ одного милліарда. Нѣмецкая армія должна была вступить въ Парижъ и оставаться тамъ до принятія условій мира. Національное Собраніе, 546 голосами противъ 107, вотировало трактатъ, признавши неотложность этого вотума; нѣмцы успѣли только занять Елисейскія поля.

3) Переговоры объ окончательномъ трактатѣ начались въ Брюсселѣ (конецъ марта). Оставалось условиться относительно способа уплаты контрибуціи, выкупа желѣзныхъ дорогъ въ уступленныхъ областяхъ и торговыхъ сношеній. Нѣмцы требовали уплаты контрибуціи золотомъ, уступки желѣзныхъ дорогъ безъ всякаго вознагражденія и возвращенія къ торговымъ трактатамъ 1862 года; соглашеніе не состоялось. Коммуна прервала эти переговоры; нѣмцы остались нейтральными; но Бисмаркъ говорилъ въ рейхстагѣ о необходимости держать армію на готовѣ. Встревоженный Тьеръ возобновилъ переговоры во Франкфуртѣ. Франкфуртскій трактатъ (20 мая) установилъ новыя границы, способъ уплаты пяти милліардовъ и время удаленія нѣмецкихъ войскъ съ французской территоріи.

Бисмаркъ согласился на выкупъ желѣзныхъ дорогъ у Восточной компаніи за 325 милліоновъ; онъ согласился также на уплату части военной контрибуціи обезпеченными бумажными цѣнностями и отказался отъ торговаго трактата 1862 г., потребовавъ, чтобы таможенные

*) Кронпринцъ разсказываетъ въ своемъ *дневникѣ*, что король Вильгельмъ былъ очень недоволенъ русскимъ циркуляромъ, говоря, что это дѣло нешуточное, и что онъ не подалъ бы болѣе руки Горчакову, автору этого «предательскаго удара». Въ 1878 г., на берлинскомъ конгрессѣ Горчаковъ разсказывалъ, что онъ сильно безпокоился, такъ какъ Россія не была готова къ войнѣ.

тарифы между двумя странами были понижены до уровня тарифовъ, примѣняемыхъ къ наиболѣе покровительствуемой націи.

Новыя условія европейской политики съ 1871 г.—Французская война перевернула вверхъ дномъ европейскую политику. Она создала Германскую Имперію, т. е. единство Германіи подъ военнымъ господствомъ Пруссіи. Она доставила послѣдней неоспоримое преобладаніе въ Европѣ. Она уничтожила свѣтскую власть папы и довершила объединеніе Италіи. Она прекратила нейтральность Чернаго моря и вновь открыла восточный вопросъ. Во Франціи она низвергла имперію и установила въ ней первое прочное республиканское правительство. Она лишила Францію трехъ департаментовъ (1.500,000 гектаровъ земли и болѣе 1.500,000 жителей) и создала *эльзасъ-лотарингскій вопросъ*.

Кромѣ того она во многомъ измѣнила отношеніе европейскихъ правительствъ и народовъ во внѣшней политикѣ. Всеобщая воинская повинность, введенная, по образцу Германіи, всѣми большими государствами континента, призывая въ армію сыновей состоятельныхъ семей, заинтересовала лично членовъ правительствъ и парламентовъ въ томъ, чтобы избѣгать войны. Новая система войнъ, съ громадными массами войскъ, нашествіями, реквизиціями, полной остановкой дѣлъ и новыми разрушительными орудіями, сдѣлала войну до такой степени ужасной, что всѣ народы стремятся избѣжать ея, и ни одинъ политическій дѣятель не рѣшается болѣе принять на себя отвѣтственности за нее. Представительныя собранія, сдѣлавшіяся одновременно болѣе могущественными и болѣе демократичными, принимаютъ во вниманіе желанія мирно-настроенныхъ массъ населенія и оказываютъ вліяніе на правительства, отклоняя ихъ отъ войнъ.

Личная воля государей и министровъ, отъ которой зависѣли войны предшествовавшаго періода, была теперь парализована чувствами и желаніями самихъ народовъ. Хотя послѣ 1871 г. среди государственныхъ дѣятелей были очень выдающіеся люди (Бисмаркъ, Андраши, Горчаковъ, Дизраэли и Гладстонъ), но вліяніе ихъ на событія стало менѣе замѣтнымъ. Войны и дипломатія играли прежнюю роль только на востокѣ, въ странахъ, стоявшихъ внѣ условій современной жизни, съ неограниченными правителями и плохо обученными арміями; вся политическая исторія Европы съ 1871 г. сосредоточивается на Балканскомъ полуостровѣ. Въ цивилизованной Европѣ дипломатія, лишенная своего единственнаго дѣйствительнаго оружія—войны, свелась къ заявленіямъ симпатій и антипатій. Дипломаты продолжали создавать союзы, лишенные военной санкціи; газеты продолжали передавать сенсаціонныя новости, исходившія изъ дипломатическаго міра; публика находилась въ непрерывной тревогѣ; но уже не происходило никакихъ крупныхъ внѣшнихъ событій.

Нѣмецкое нашествіе измѣнило представленіе французовъ о войнѣ: она является для нихъ теперь въ формѣ не «экспедиціи», а «нашествія». Депутаты, руководящіе теперь внѣшнею политикою, знаютъ, что ихъ избиратели *ни въ какомъ случаѣ* не хотятъ наступательной войны.

Но Франкфуртскій трактатъ, въ силу котораго къ Германіи были присоединены Эльзасъ и Лотарингія, несмотря на явное нежеланіе ихъ жителей, создалъ въ Европѣ новый вопросъ. Сначала онъ ставился общественнымъ мнѣніемъ Франціи въ очень неопредѣленной формѣ, въ формѣ *реванша;* это было все еще старое представленіе о войнѣ, какъ о дуэли между народами, въ которой побѣжденный считаетъ для себя вопросомъ чести снова начать поединокъ. Эта формула производила на Германію, а быть можетъ и на всю Европу то впечатлѣніе, что протестъ французовъ противъ Франкфуртскаго трактата исходилъ изъ тѣхъ же чувствъ, какъ нѣкогда ненависть къ трактатамъ 1815 г. Правда, въ 1815 г. было задѣто только одно національное самолюбіе, между тѣмъ какъ присоединеніе эльзасъ-лотарингцевъ *противъ ихъ воли* поднимало вопросъ о политической справедливости; попирая основной принципъ демократіи, оно дѣлало невозможнымъ признаніе законности Франкфуртскаго трактата, нарушавшаго права присоединенныхъ. Но формула реванша, слившаяся съ требованіемъ возвращенія Эльзаса и Лотарингіи, придала этому требованію видъ простого территоріальнаго притязанія, основаннаго на чувствѣ національнаго соперничества. Даже и теперь еще французскому общественному мнѣнію не удается перенести этотъ вопросъ съ полной отчетливостью на раціональную почву права народовъ. Представители Франціи, даже желавшіе сохранить миръ, никогда не могли заявить, что французы признаютъ трактатъ 1871 г., и вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не могли объяснить, почему они не принимаютъ его. Европа видѣла ясно только одно, что Франція, сдѣлавшаяся непримиримымъ врагомъ Германіи, ждала лишь случая начать съ ней войну и держалась политики, выраженной формулою Гамбетты: «Будемъ думать объ этомъ всегда, но не будемъ никогда объ этомъ говорить».

Какъ и послѣ 1815 г., европейская политика имѣла цѣлью удерживать Францію въ мирномъ положеніи. Подобно Австріи 1815 г., теперь эту роль взяла на себя Германія. Не будучи въ состояніи выставить еще какія-либо требованія, «насыщенная» *), какъ нѣкогда Австрія, Германія стремилась къ одному: удержать *status quo*, т. е. свои завоеванія и свою гегемонію.

---

*) Выраженіе Меттерниха, повторенное Бисмаркомъ.

Но Австрія 1815 года съ ея дипломатіею безъ арміи скоро утратила преобладающую роль; Германія же, владѣющая самой сильной арміей въ Европѣ, прочно сохраняетъ свое положеніе.

Союзъ трехъ императоровъ (1871—76 года).—Агрессивная политика Бисмарка въ 1864 и 1866 годахъ, а равно присоединенія 1866 и 1870 годовъ, основанныя исключительно на одномъ правѣ завоеванія, произвели на Европу впечатлѣніе, что Германія стремится, какъ нѣкогда Наполеонъ I, воспользоваться безспорнымъ превосходствомъ своей арміи и будетъ продолжать присоединенія; отъ нея ожидали завоеванія всѣхъ нѣмецкихъ областей: Нидерландовъ, нѣмецкихъ провинцій Австріи, нѣмецкой Швейцаріи. Императоръ объявилъ (въ прокламаціи отъ 18 января и въ тронной рѣчи 21 мая), что объединенная и могущественная Германія будетъ стремиться только къ поддержанію мира въ Европѣ; но къ этимъ заявленіямъ относились недовѣрчиво. Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ небольшихъ государствахъ, прилегавшихъ къ Имперіи, въ Голландіи, Бельгіи, Люксембургѣ, Швейцаріи, Даніи, встревоженное общественное мнѣніе не довѣряло нѣмцамъ. Въ дѣйствительности же германское правительство, съ 1871 г., не начало ни одной войны, не сдѣлало ни одного завоеванія и ни разу не отступило отъ своей миролюбивой программы.

Другія державы признали преобладаніе Германіи, и правительства начали сближаться съ нею на почвѣ общаго желанія сохранить миръ. Примѣръ подала Австрія. Такъ какъ созданіе имперіи отняло у нея всякую надежду на возможность играть прежнюю роль въ Германіи, то она обратила свое вниманіе на востокъ (слѣдуя совѣту, поданному ей Бисмаркомъ въ 1862 году); а въ восточныхъ дѣлахъ она нуждалась въ Германской имперіи, какъ противовѣсѣ Россіи. Сердечное согласіе между Австріей и Германіей, никогда не прекращавшееся съ тѣхъ поръ, обнаружилось еще въ 1871 г. рядомъ манифестацій: заявленіемъ Бейста австрійскимъ делегаціямъ о дружбѣ Австріи съ Германіей и Италіей, дѣлавшей среднюю Европу оплотомъ мира,—свиданіемъ между Бисмаркомъ и Бейстомъ въ Гаштейнѣ, свиданіемъ двухъ императоровъ въ Зальцбургѣ. Это согласіе было упрочено паденіемъ Бейста и вступленіемъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ Андраши, представителя Венгріи и естественнаго союзника Германіи противъ славянъ (дек. 1871 г.).

Въ Россіи среди славянофильской партіи и въ мірѣ чиновниковъ общественное мнѣніе уже начало высказываться противъ Германіи; но русскій императоръ, связанный личною дружбою съ императоромъ Вильгельмомъ, желалъ сохраненія дружественныхъ отношеній, установившихся въ 1863 году, во время борьбы съ поляками. Онъ проявилъ свои чувства въ тостѣ въ честь императора, причемъ напомнилъ о братствѣ германской и русской армій и о дружбѣ между двумя государями, «этой лучшей гарантіи мира и порядка въ Европѣ» (8 дек. 1871 г.).

Италія, встревоженная манифестаціями католической партіи во Франціи въ пользу возстановленія свѣтской власти папы, начала сближаться съ Германіей. Это движеніе было отмѣчено посѣщеніемъ наслѣднымъ принцемъ Гумбертомъ германскаго императора въ Берлинѣ.

Согласіе между тремя великими державами проявилось свиданіемъ въ Берлинѣ трехъ императоровъ и ихъ министровъ (сент. 1872 г.). Бисмаркъ такъ объяснилъ его значеніе: «Европа признавала новую Германскую имперію оплотомъ общаго мира». Это былъ такъ называемый «союзъ трехъ императоровъ», хотя это названіе неправильно, такъ какъ между ними не было заключено никакого трактата. Произошли еще и другія свиданія: на вѣнской всемірной выставкѣ (1873 г.),—въ Петербургѣ (1874 г.),—въ Ишлѣ (1874—75 г.),—въ Зальцбургѣ (1876 г.),—въ Богеміи (1875—76 г.).—Итальянскій король посѣтилъ Вѣну и Берлинъ (1873 г.); оба императора отдали ему визитъ (1875 г.), но не были въ Римѣ, въ виду конфликта между итальянскимъ правительствомъ и папой; отношенія оставались только вѣжливыми.

Англія и Франція держались въ сторонѣ и изолированно. Это мирное положеніе не нарушалось никакимъ инцидентомъ вплоть до возникновенія восточнаго вопроса (1876 г.),—если не говорить о слухахъ о войнѣ между Франціей и Германіей (апрѣль—май 1875 г.), достовѣрная исторія которыхъ неизвѣстна.

Вотъ безспорные факты. Національное Собраніе вотировало военный законъ о кадрахъ арміи. Германскій генеральный штабъ (Мольтке) заявилъ, что этотъ законъ можно понять, только предположивши, что Франція готовится къ близкой войнѣ. Германское правительство поручило своему послу въ Парижѣ, Гогенлоэ, потребовать объясненій; Гогенлоэ явился вечеромъ къ министру иностранныхъ дѣлъ, Деказу, и сказалъ ему: «Мнѣ поручено моимъ правительствомъ заявить вамъ, что оно смотритъ на ваши вооруженія, какъ на угрозу; не угодно-ли вамъ принять къ свѣдѣнію это заявленіе». Деказъ отказался, утверждая, что подозрѣнія несправедливы.—Одна офиціальная нѣмецкая газета («Post») напечатала статью «Возможная война», въ которой обсуждала шансы войны.—Около того же времени Радовицъ поѣхалъ со спеціальнымъ порученіемъ отъ Германіи къ русскому императору.—Въ дипломатическихъ сферахъ всей Европы распространился слухъ, что Франціи угрожала война; Деказъ обратился за помощью къ русскому послу Орлову и заявилъ, что, если-

бы французы подверглись нападенію, они отступили бы за Луару. Въ одной статьѣ англійскаго *Times* разсказывалось, что военная прусская партія хочетъ объявить войну, идти на Парижъ и потребовать новыхъ милліардовъ.—Въ Россіи, канцлеръ Горчаковъ, извѣщенный французскимъ посланникомъ Лефло, отвѣтилъ ему: «Крѣпитесь! Вы слишкомъ богаты, чтобы не возбуждать зависти». Лефло добился ауденціи у императора, высказалъ свои опасенія и спросилъ, защититъ-ли онъ Францію своимъ мечомъ; императоръ отвѣтилъ, что достаточно будетъ одного его слова, что онъ поѣдетъ въ Берлинъ и заявитъ тамъ о своихъ желаніяхъ въ пользу сохраненія мира.—11 мая онъ видѣлся съ императоромъ Вильгельмомъ въ Берлинѣ, и слухи о войнѣ немедленно же прекратились.—Черезъ нѣкоторое время императоръ Вильгельмъ говорилъ французскому посланнику, что всѣ слухи были результатомъ биржевыхъ махинацій, а французскому военному агенту онъ сказалъ: «Насъ хотѣли поссорить». Бисмаркъ заявилъ въ рейхстагѣ (февраль 1876 г.), что газеты слишкомъ много занимаются иностранными дѣлами.

Эти факты истолковываются двояко. Горчаковъ давалъ понять, а французскій посолъ Гонто-Бирон прямо говорилъ, что прусское правительство рѣшилось на войну, что оно послало Радовица, чтобы узнать мнѣніе русскаго императора, и что безъ вмѣшательства послѣдняго Германія напала бы на Францію. Таково, повидимому, было мнѣніе большинства европейскихъ дипломатовъ.—Бисмаркъ, напротивъ того, заявлялъ, что ни онъ, ни императоръ не желали войны, которая была бы «колоссальною глупостью»; что весь этотъ инцидентъ былъ созданъ стараніями Горчакова и Гонто-Бирона, его личными врагами, съ цѣлью причинить ему непріятности и явиться самимъ въ роли охранителей мира; что они воспользовались миссіею Радовица, и поѣздкой императора Александра II въ Берлинъ, о которой Горчаковъ зналъ заранѣе, чтобы заставить повѣрить въ намѣреніе объявить войну и во вмѣшательство Россіи.

Восточныя дѣла (1875—76 г.).—Со времени пораженія Франціи, Россія получила преобладающее вліяніе на турецкое правительство. Она добилась учрежденія *болгарскаго экзархата*, что отнимало религіозную власть надъ православными болгарами у греческаго патріарха и передавало ее славянскому духовному лицу, находившемуся подъ покровительствомъ Россіи. Въ Россіи образовалось націоналистическое общество освобожденія славянъ, руководимое центральнымъ комитетомъ и подъ-комитетами, которые вели агитацію среди православныхъ славянъ въ Босніи и Болгаріи и находились въ сношеніяхъ съ агентами русскихъ консульствъ.

Православные сербы Герцеговины въ концѣ концовъ произвели возстаніе (апрѣль 1875 г.) съ помощью волонтеровъ, явившихся изъ Черногоріи и Австріи. Европейскія державы, желая избѣжать восточнаго вопроса, поручили своимъ консуламъ вступить въ переговоры съ инсургентами. Но инсургенты объявили, что положатъ оружіе только въ томъ случаѣ, если имъ будутъ даны гарантіи. Такимъ образомъ державамъ пришлось потребовать контроля надъ дѣлами Оттоманской имперіи. Австрійское правительство было наиболѣе заинтересовано въ этомъ вопросѣ, такъ какъ его владѣнія прилегали къ возставшей странѣ. Андраши составилъ ноту, въ которой перечислялись требуемыя гарантіи; но, чтобы не оскорблять самолюбія турецкаго правительства, три императора отказались отъ формы коллективной ноты; ихъ послы представили отдѣльныя ноты (31 дек.); остальныя державы объявили, что не находили въ нотахъ никакого посягательства на верховную власть султана.

Между тѣмъ возстаніе разрослось, и инсургенты потребовали реформъ, въ которыхъ Порта отказала; потомъ они отразили турецкую армію, при помощи черногорцевъ (апрѣль 1876 г.). Султанъ, опасаясь Россіи, не рѣшался объявить войну Черногоріи; но все-таки выслалъ на границу свою армію. Черногорскій князь открыто объявилъ войну. Тогда возбужденіе противъ турокъ достигло крайней степени; въ Сербіи и Румыніи преобладающее вліяніе перешло въ руки партій войны; Болгарія возстала (май 1876 г.). Въ то же время убійство мусульманами германскаго и французскаго консуловъ въ Салоникахъ заставило державы вмѣшаться. Онѣ послали корабли потребовать удовлетворенія; три имперіи составили сообща *берлинскій меморандумъ*, къ которому присоединились Франція и Италія; державы разсчитывали на то, что единодушіе всей Европы заставитъ Порту дать реформы, которыя могли бы остановить волненія на востокѣ.

Но въ Англіи министерство Дизраэли, вступившее во власть въ 1874 г., вернулось къ традиціонной англійской политикѣ въ восточномъ вопросѣ, признававшей необходимымъ всегда защищать Оттоманскую имперію противъ Россіи. Англія отказалась присоединиться къ *меморандуму* и послала отдѣльно свой флотъ къ Константинополю, что заставило турокъ думать, что она поддерживала ихъ. Запоздавшій *меморандумъ* былъ полученъ уже послѣ низложенія султана и не оказалъ никакого вліянія. Но «болгарскіе ужасы» привели въ такое негодованіе англійское общественное мнѣніе, что англійское министерство обѣщало Австріи воздержаться отъ вмѣшательства.

Сербія объявила войну: небольшія сербскія арміи, составленныя изъ милиціи, вступили на турецкую территорію, но скоро были отброшены въ Сербію. Русскій императоръ, традиціонный

покровитель сербовъ, разрѣшилъ славянскимъ комитетамъ набирать волонтеровъ въ Россіи и говорилъ на одномъ смотру о возможности близкой войны. Чтобы предупредить русское вмѣшательство, англійское правительство заставило Турцію согласиться на перемиріе съ сербами; побѣдоносные черногорцы продолжали войну. Когда перемиріе кончилось, сербская война возобновилась; разбитые сербы обратились за помощью къ Россіи, которая принудила Турцію снова заключить двухмѣсячное перемиріе.

Тогда Дизраэли сдѣлалъ угрожающее заявленіе; Россія начала мобилизовать свою армію и сдѣлала заемъ (ноябрь). Она вошла въ соглашеніе съ Германіей съ цѣлью добиться разрѣшенія восточнаго вопроса путемъ конференціи. Англія должна была согласиться на это. Въ Константинополѣ состоялась конференція изъ посланниковъ шести державъ; они составили проектъ реформъ; турецкое правительство отказалось принять его; державы отозвали своихъ пословъ (янв. 1877 г.).

Россія обратилась къ державамъ съ вопросомъ о томъ, что онѣ намѣревались дѣлать, и въ концѣ концовъ убѣдила ихъ подписать лондонскій протоколъ, которымъ державы обязывались разоружиться, если султанъ съ своей стороны обяжется произвести обѣщанныя реформы. Несмотря на совѣты Франціи и Англіи, Порта отвергла протоколъ. Тогда Россія объявила циркулярною нотою (апрѣль), что такъ какъ всѣ проекты реформъ наталкивались на непреодолимое сопротивленіе турецкаго правительства, то ея собственные интересы заставляли ее положить конецъ смутамъ. Александръ II, несмотря на желаніе сохранить миръ, въ концѣ концовъ уступилъ настояніямъ славянской партіи, которая втеченіе двухъ лѣтъ вела въ печати кампанію (руководимую Аксаковымъ) съ цѣлью убѣдить правительство подать помощь братьямъ славянамъ, угнетаемымъ турками.

Турецкая война (1877—78 г.).—Ни одна изъ европейскихъ державъ не захотѣла начать войны въ защиту султана; всѣ они объявили себя нейтральными. Англія протестовала, во имя трактатовъ, противъ поведенія Россіи, но прибавляла, что вмѣшается только для защиты англійскихъ интересовъ: Суэцкаго канала, Константинополя и Дарданеллъ.

Россія, кромѣ Черногоріи, все еще продолжавшей войну, имѣла своимъ союзникомъ Румынію. Горчаковъ, при свиданіи съ Братіано (въ 1876 г.), заявилъ, что русская армія должна будетъ пройти черезъ Румынію. Румынское правительство, не имѣя возможности добиться нейтралитета, предпочло войти въ соглашеніе съ Россіей и предложило ей проходъ подъ условіемъ, что она гарантируетъ цѣлость румынской территоріи. Затѣмъ она объявила войну султану и провозгласила свою независимость (май 1877 г.). Планъ войны состоялъ въ томъ, чтобы перейти Балканы и двинуться къ Адріанополю, какъ въ 1828 г. Война раздѣлилась на четыре акта:

1) Русская армія вступила въ Румынію (апрѣль-и медленно переходила Дунай (май—іюнь), не) смотря на турецкую флотилію; она пользовалась при этомъ матеріальнымъ составомъ румынской арміи, но отказалась отъ ея содѣйствія.

2) Русская армія вторглась въ Болгарію и, оставивши въ сторонѣ четыреугольникъ турецкихъ крѣпостей, пошла прямо къ Балканамъ. Авангардъ (Гурко) овладѣлъ Шипкинскимъ проходомъ и пытался спуститься на другую сторону горъ, но былъ отброшенъ; однако удержалъ проходъ. Турецкая армія укрѣпилась въ Плевнѣ при скрещеніи главныхъ болгарскихъ дорогъ. Русская армія, послѣ двухъ отраженныхъ приступовъ (конецъ іюля), должна была начать правильную осаду и потребовала помощи румынской арміи. Такъ какъ румынскій князь не могъ быть поставленъ подъ начальство русскаго генерала, то командованіе союзной арміей было вручено князю.

3) Осада Плевны была продолжительна и кровопролитна (сент.—дек.). Турецкіе солдаты, въ большинствѣ албанцы, разбившись на небольшія группы, имѣя хорошія ружья, а также огромный запасъ патроновъ въ арсеналахъ Плевны, и прикрытые окопами, защищались ружейнымъ огнемъ, нанося большой уронъ противникамъ (было убито 16.000 русскихъ и 5.000 румынъ). Русская армія была недостаточно снабжена необходимыми припасами и не имѣла саперныхъ принадлежностей для того, чтобы рыть траншеи. Пришлось ждать прибытія подкрѣпленій (окт.), чтобы обложить со всѣхъ сторонъ крѣпость; въ концѣ концовъ союзники окружили ее линіей въ 75 верстъ и рѣшили принудить къ сдачѣ голодомъ. Вспомогательная турецкая армія была остановлена. Армія, защищавшая Плевну, начала голодать, вышла изъ окоповъ, аттаковала осаждающихъ, была окружена и капитулировала (10 дек.). Сербія, уже давно вооружавшаяся, объявила войну. Великій визирь обратился за посредничествомъ къ Бисмарку, который посовѣтовалъ ему обратиться къ Россіи.

4) Русская армія, несмотря на снѣгъ и холода, перешла Балканы, овладѣла плохо охранявшимися проходами, окружила въ горахъ и взяла въ плѣнъ турецкую армію; затѣмъ спустилась въ долину Марицы, двинулась къ Филиппополю, гдѣ разсѣяла послѣднюю турецкую армію (14 и 17 янв. 1878 г.), и подошла къ Адріанополю. Въ Азіи русская армія также преодолѣла сопротивленіе турокъ.

Санъ-Стефанскій миръ и Берлинскій конгрессъ (1878 г.).—Султанъ, не имѣя болѣе арміи, послалъ просить мира, заявляя, что по-

ручаетъ себя великодушію Россіи. Россія выставила свои условія въ адріанопольскомъ протоколѣ (31 января); она требовала: независимости и расширенія Румыніи, Сербіи и Черногоріи, основанія княжества Болгарскаго и автономіи Босніи. Англія пришла въ безпокойство; миролюбивое меньшинство министерства вышло въ отставку; большинство готовилось послать флотъ и требовать вотированія кредита (28 янв.). Греція, раздраженная тѣмъ, что она не участвуетъ въ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ, объявила Турціи войну, но остановилась передъ угрозами державъ; однако въ Фессаліи, Эпирѣ и на Критѣ греки подняли возстаніе.

Австрія предложила созвать конференцію для мирнаго разрѣшенія вопроса; но англійскій флотъ вошелъ въ Дарданеллы, несмотря на протестъ султана; Россія отвѣтила на эту манифестацію заявленіемъ, что она считаетъ себя въ правѣ занять Константинополь (февраль). Конфликтъ былъ устраненъ временнымъ соглашеніемъ. Такъ какъ турецкое правительство затягивало переговоры, то великій князь Николай Николаевичъ Старшій перенесъ свою главную квартиру въ Санъ-Стефано. Тамъ русскій уполномоченный, графъ Игнатьевъ, и заставилъ принять свой ультиматумъ.

Санъ-Стефанскія *прелиминарныя условія* (3 марта 1878 года) установляли миръ на основахъ протокола 31 января. Россія освобождала изъ-подъ власти султана всѣ славянскія провинціи, обращая ихъ или въ автономныя владѣнія, какъ Болгарію и Боснію, или же присоединяя ихъ къ Сербіи и Черногоріи. Для очищенія турецкой имперіи отъ своихъ войскъ она назначала двухлѣтній срокъ. Она должна была получить военное вознагражденіе въ размѣрѣ 1,400 милліоновъ рублей, изъ которыхъ только 300 милліоновъ деньгами, остальное-же территоріальными уступками: она пріобрѣла небольшую часть турецкой Арменіи и Добруджу, которую уступала Румыніи въ обмѣнъ на принадлежавшую ей часть Бессарабіи. Румынія протестовала, обратившись съ мемуаромъ къ державамъ.

Россія дѣйствовала исключительно въ интересахъ защищаемыхъ ею славянъ. Англійское правительство отвѣтило воинственными демонстраціями; оно сформировало два экспедиціонныхъ корпуса, въ 35.000 человѣкъ каждый, послало эскадру въ Мальту и объявило объ отправкѣ войскъ въ Индію. Остальныя державы, желая избѣгнуть войны, предложили созвать въ Берлинъ конгрессъ; но Англія хотѣла пересмотра всѣхъ статей санъ-стефанскаго договора; Россія же оставляла за собой право отказаться отъ ихъ обсужденія. Уже съ 1854 г. интересы Англіи и Россіи казались непримиримыми. Однако Англія колебалась вызвать конфликтъ, въ которомъ ея не поддержала бы ни одна изъ остальныхъ державъ. Австрія только что (конецъ марта) вошла въ соглашеніе съ Россіей, которая приняла всѣ ея условія: занятіе австрійцами Босніи, уменьшеніе Болгаріи, ускоренное удаленіе войскъ. Россія, истощенная войной, нуждавшаяся въ деньгахъ, желала мира. Въ концѣ концовъ англійское и русское правительства сошлись на *меморандумѣ* 30 мая, который устанавливалъ вопросы, подлежавшіе обсужденію. Чтобы уравновѣсить пріобрѣтенія Россіи въ Арменіи, Англія заключила секретный трактатъ съ султаномъ (4 іюня); она обязывалась въ случаѣ, еслибы Россія удержала свои присоединенія, защищать Малую Азію; султанъ же обѣщалъ за это произвести въ этой странѣ реформы въ пользу христіанъ и уполномочивалъ Англію занять Кипръ. Такимъ образомъ Англія пріобрѣла право вмѣшательства въ азіатскихъ владѣніяхъ Турціи и отнимала у Россіи монополію покровительства армянамъ.

Берлинскій конгрессъ, составленный изъ министровъ и посланниковъ шести великихъ державъ (Россіи, Германіи, Франціи, Англіи, Австріи, Италіи) и султана, подъ предсѣдательствомъ Бисмарка (іюнь—іюль 1878 г.), обнаружилъ преобладаніе Германіи въ Европѣ, такъ же какъ Парижскій конгрессъ свидѣтельствовалъ въ свое время о нарождавшемся преобладаніи Франціи. Бисмаркъ заявилъ (18 февраля, въ рейхстагѣ), что онъ беретъ на себя роль не посредника, но «честнаго маклера», съ цѣлью способствовать возстановленію мира.

Конгрессъ разрѣшилъ всѣ вопросы, поднятые возстаніями и войнами въ Оттоманской имперіи. Всѣ державы были согласны между собой относительно занятія австрійцами Босніи, независимости вассальныхъ княжествъ, увеличенія Сербіи и Черногоріи; на протестъ Румыніи они отвѣтили небольшою прирѣзкою къ ея территоріи; занятіе Босніи было выставлено Турціи, какъ условіе *sine qua non*. Разногласія возникли главнымъ образомъ по поводу Болгаріи, Малой Азіи и Дуная. Въ болгарскомъ вопросѣ державы принудили Россію уступить. Горчаковъ отсутствовалъ, возложивши на русскаго посланника тяжелую миссію принять рѣшенія конгресса. Противъ территоріальныхъ уступокъ Россіи въ Малой Азіи протестовала Англія, но только формально; она воспользовалась ими для оглашенія тайнаго трактата, передававшаго въ ея руки Кипръ. По вопросу о Дунаѣ, Австрія обязала Россію согласиться на нейтрализацію его и на разрушеніе крѣпостей.

Конгрессъ занялся также Греціей. Онъ пригласилъ ее прислать своихъ представителей, которые потребовали Ѳессаліи, Эпира и Крита. Франція и Италія поддерживали Грецію, но уменьшили ея требованія и отказались провести ихъ въ видѣ обязательныхъ рѣшеній конгресса; конгрессъ ограничился тѣмъ, что *пригласилъ* Турцію войти въ соглашеніе съ Греціей. Наконецъ

конгрессъ обязалъ Порту и христіанскія балканскія государства дать политическія права всѣмъ своимъ подданнымъ, безъ различія религіи, и заставилъ Сербію и Румынію признать политическія права за евреями.

Образованіе Тройственнаго Союза (1879—1883 г.).—Рѣшенія, принятыя въ Берлинѣ по восточному вопросу, нарушили согласіе между тремя имперіями. Горчаковъ не могъ простить Бисмарку, что тотъ не поддержалъ требованій Россіи. Австрія, сдѣлавшаяся обладательницей Босніи, стремилась увеличить свое вліяніе на балканскихъ христіанъ, особенно на Сербію, и проложить себѣ торговый путь черезъ Салоники, что вызвало соперничество между нею и Россіей. Вражда проявлялась въ Россіи газетными статьями противъ Германіи и вооруженіями на австрійской границѣ. Бисмаркъ тѣснѣе сблизился съ Австріей, чтобы поддерживать ее на востокѣ противъ Россіи. Австрія отказалась отъ статьи Пражскаго мира, касавшейся Шлезвига (1878 г.). Затѣмъ она тайно заключила съ Германіей (окт. 1879 г.)—«для безопасности обѣихъ имперій и спокойствія обоихъ народовъ»—«взаимный мирный и оборонительный союзъ», спеціально на тотъ случай, еслибы кто-нибудь изъ нихъ подвергся нападенію со стороны Россіи, такъ какъ при нападеніяхъ со стороны другихъ державъ эти государства обѣщали другъ другу лишь благожелательный нейтралитетъ,—если только нападающій не находится въ союзѣ съ Россіей.

Личная дружба Александра II къ Вильгельму все еще поддерживала наружное согласіе; между императорами по прежнему происходили свиданія (1879 г.); Александръ провозгласилъ тостъ въ честь «своего лучшаго друга Вильгельма» (мартъ 1880 г.). Но русское правительство дѣлало военныя приготовленія въ Польшѣ, какъ бы предназначавшіяся для западной войны, и допускало въ русскихъ газетахъ враждебныя выходки противъ Германіи и дружественныя заявленія по адресу Франціи. Мысль о сближеніи Франціи съ Россіей, возникавшая нѣсколько разъ до 1830 года (у Наполеона, Ришелье, Полиньяка), была покинута на цѣлыхъ полъ вѣка подъ вліяніемъ впечатлѣнія, произведеннаго русской политикой въ Польшѣ. Теперь же эта мысль начала снова возникать въ общественномъ мнѣніи Франціи, озабоченной пріисканіемъ союзника противъ Германіи, и въ общественномъ мнѣніи Россіи, раздраженномъ нѣмецкой гегемоніей. Это проявилось въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ эпизодахъ: въ статьѣ *Голоса* въ честь генерала Шанзи, въ бесѣдѣ Горчакова съ сотрудникомъ роялистской газеты *Soleil*, въ статьяхъ *Nouvelle Revue*, въ частныхъ заявленіяхъ Гамбетты, въ пребываніи въ Парижѣ и рѣчахъ русскаго генерала Скобелева (1882 г.).

Восточный вопросъ разстроилъ согласіе между тремя восточными монархіями и подготовилъ новую группировку. Колоніальная политика закончила эту эволюцію. Оправившись отъ катастрофы 1870 г., Франція вышла изъ «политики сосредоточенія въ себѣ», но, не рѣшаясь возобновить активную политику въ Европѣ, стремилась расширить свои владѣнія въ Африкѣ и Азіи. Это привело ее къ столкновенію съ Италіей. Съ 1870 г. Италія колебалась между недовѣріемъ къ Франціи, которую она подозрѣвала въ желаніи возстановить свѣтскую власть папы, и враждою къ Австріи, владѣвшей итальянскимъ Тиролемъ и Тріестомъ. Она слѣдовала «политикѣ свободныхъ рукъ», избѣгая всякихъ обязательствъ и выжидая благопріятнаго случая; послѣ торжества французскихъ республиканцевъ она склонялась къ сближенію съ Франціей и къ поддержкѣ *ирредентистовъ*. Завоеваніе Туниса рѣзко измѣнило ея политику. Она порвала съ Франціей, отказалась отъ *ирредентизма* и сблизилась съ Австріей; король сдѣлалъ визитъ императору (окт. 1881 г.).

Англія, со времени вступленія во власть либеральнаго министерства, измѣнила свою политику на востокѣ. Гладстонъ, ранѣе чѣмъ вошелъ въ министерство (1870 г.), горячо протестовалъ противъ Австріи по поводу занятія Босніи. Будучи открытымъ врагомъ Турціи, онъ сталъ на сторону Черногоріи и Греціи. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ Бисмаркомъ, чтобы организовать берлинскую конференцію (1881 г.), которая заставила, наконецъ, Порту сговориться съ Греціей относительно уступки ей земель. Султанъ, недовольный Франціей и Англіей, сблизился съ Германіей и пригласилъ къ себѣ нѣмецкихъ чиновниковъ.

Смерть Александра II окончательно уничтожила согласіе между тремя императорами. Александръ III былъ лично враждебенъ нѣмецкому вліянію. Но онъ желалъ прежде всего сохранить миръ и на первыхъ порахъ не измѣнилъ политики своего отца. Онъ поддерживалъ обычай свиданій между императорами и поручилъ министерство иностранныхъ дѣлъ сторонникуу мира, Гирсу.

Итальянское правительство, вѣроятно съ цѣлью упрочить монархію, пожелало примкнуть къ оборонительному союзу, заключенному между Германіей и Австріей. Такъ возникъ въ 1883 г. *Тройственный Союзъ*, имѣвшій цѣлью поддержать миръ путемъ коалиціи трехъ державъ центральной Европы противъ вооруженныхъ попытокъ, предполагавшихся со стороны Франціи и Россіи. Общественное мнѣніе во Франціи не хотѣло вѣрить въ чисто оборонительный (и слѣдовательно мирный) характеръ Тройственнаго Союза и привыкло видѣть въ немъ угрозу.

Возникновеніе франко-русскаго соглашенія.—Тройственный Союзъ является сначала центромъ, вокругъ котораго группировались всѣ

монархическія государства: короли Румыніи, Сербіи и Испаніи посѣтили Берлинъ; Англія, столкнувшаяся съ Франціей по вопросу объ Египтѣ и Индо-Китаѣ, а съ Россіей по поводу Афганистана, сблизилась съ Италіей; даже Россія, желая сохранить миръ, которому грозили афганистанскія дѣла, заключила тайный договоръ *), по которому Россія и Германія обѣщали другъ другу доброжелательный нейтралитетъ въ случаѣ, еслибы одна изъ нихъ подверглась нападенію (свиданіе трехъ императоровъ въ Скерневицахъ, сент. 1884 г.); изолированная Франція, поглощенная своими колоніальными предпріятіями, рѣшилась также вступить въ соглашеніе съ Германіей по вопросу объ африканскихъ владѣніямъ (берлинская конференція 1884—85 года).

Перемѣна въ европейской политикѣ была вызвана тѣмъ же восточнымъ вопросомъ. Возстаніе Румеліи въ 1885 г. заставило державы выйти изъ пассивнаго положенія. Онѣ начали съ того, что объявили сліяніе Румеліи съ Болгаріей недѣйствительнымъ, такъ какъ оно было противно трактату 1878 г. Но Австрія стала въ концѣ концовъ покровительствовать Болгаріи. Бисмаркъ хотя не призналъ официально Фердинанда, но отказался отъ активнаго вмѣшательства въ дѣло, въ которомъ Германія не была заинтересована. (Онъ сказалъ, что это дѣло не стоило костей померанскаго гренадера).

Александръ III, ставшій относиться враждебно къ болгарамъ, былъ раздраженъ противъ Австріи и Германіи. Общественное мнѣніе въ Россіи воспользовалось этимъ, чтобы проявить свою непріязнь къ нѣмцамъ. Эта агитація совпала съ агитаціей, вызванной во Франціи инцидентами на германской границѣ **) и кампаніей *Лиги Патріотовъ*. Въ обѣихъ странахъ стали говорить о войнѣ съ Германіей и о союзѣ (1887 г.). На эти манифестаціи (практическое значеніе которыхъ можно оспаривать) Бисмаркъ отвѣтилъ обнародованіемъ союзнаго договора 1879 года съ Австріей (февр. 1888 года) и увеличеніемъ контингента германской арміи. Это не былъ разрывъ съ Россіей, какъ думали тогда, потому что договоръ о нейтралитетѣ оставался въ силѣ до 1890 г. Но нѣмецкіе кредиторы стали сбывать русскія государственныя кредитныя бумаги, и общее впечатлѣніе получилось такое, что Тройственный Союзъ упрочился, а Франція и Россія остались изолированными. Пораженіе Буланже ослабило агитацію во Франціи. Александръ III сохранилъ миролюбивую политику; онъ имѣлъ свиданіе съ Вильгельмомъ II (1888 г.) и ограничился тѣмъ, что выразилъ свое неудовольствіе тостомъ въ честь черногорскаго князя: «Единственнаго искренняго и вѣрнаго друга Россіи» (1889 г.). Но послѣ паденія Бисмарка германское правительство отказалось возобновить трактатъ съ Россіей, срокъ которому истекъ въ 1890 г., и вызвало недовольство Россіи, примирившись съ познанскою польскою партіей.

Англія, управляемая съ 1886 г. консервативнымъ министерствомъ Солсбери, слѣдовала традиціямъ Дизраэли, склоняясь болѣе въ сторону монархій Тройственнаго Союза. Соглашеніе обнаружилось уступкой Германской имперіи маленькаго нѣмецкаго острова Гельголанда, занятаго Англіей со времени континентальной блокады. Это доставило удовлетвореніе національному самолюбію; Германія отвѣтила уступками въ пользу Англіи въ восточной Африкѣ *). Тройственный Союзъ былъ подтвержденъ официальнымъ заявленіемъ о возобновленіи трактата съ Италіей въ 1891 г.

Тогда Александръ III рѣшился, наконецъ, на открытое сближеніе съ Франціей. Это проявилось въ публичныхъ демонстраціяхъ. Французская эскадра, отправленная въ Балтійское море, была торжественно встрѣчена въ Кронштадтѣ; русскій императоръ заставилъ играть *Марсельезу*, слушалъ ее стоя и послалъ телеграмму президенту республики, въ которой говорилъ о «глубокихъ симпатіяхъ, связывающихъ Францію съ Россіей» (іюль 1891 г.). Русскій заемъ былъ открытъ во Франціи и покрытъ французскими подписчиками. Визитъ, который Александръ III долженъ былъ отдать германскому императору, былъ замедленъ и ограничился нѣсколькими часами, проведенными въ Килѣ при возвращеніи русскаго императора изъ Даніи (іюнь 1892 г.). Русская эскадра, приплывшая въ Тулонъ, откуда она послала часть своего экипажа въ Парижъ, была встрѣчена празднествами и овраціями (окт. 1893 года); русскій императоръ и президентъ республики обмѣнялись телеграммами; императоръ говорилъ «объ узахъ, соединяющихъ двѣ страны». Общественное мнѣніе во Франціи предполагало, что Россія и Франція были связаны формальнымъ союзомъ. Во всякомъ случаѣ существованіе франко-русскаго соглашенія представлялось несомнѣннымъ; истинный характеръ этого

*) Этотъ договоръ сдѣлался извѣстнымъ только въ 1896 г., благодаря сообщенію официозной газеты Бисмарка, которая передала смыслъ его, но не подлинный текстъ; повидимому договоръ имѣлъ въ виду столкновеніе съ Англіей.

**) Арестъ французскаго полицейскаго комиссара Шнебеле на границѣ въ 1887 г.; германское правительство освободило его, причемъ мотивъ ареста остался невыясненнымъ. Инцидентъ съ Раономъ, охотникомъ, убитымъ на французской территоріи нѣмецкимъ солдатомъ въ томъ же году; Германія уплатила вознагражденіе.

*) Международная конференція для изученія законодательства въ пользу рабочихъ, предложенная Швейцаріей въ 1889 г. и происходившая по желанію Вильгельма II въ Берлинѣ подъ предсѣдательствомъ самого императора, не привела ни къ какому практическому результату (мартъ 1890 г.).

соглашенія остался неизвѣстнымъ. Англія отвѣтила дружественной манифестаціей по отношенію къ Италіи, которую посѣтила англійская эскадра (1893 г.).

Съ тѣхъ поръ въ европейской политикѣ преобладающее значеніе имѣла глухая оппозиція между Тройственнымъ Союзомъ центральной Европы и франко-русскою лигою. Такъ какъ и тотъ, и другая открыто ставили своею цѣлью поддержаніе мира, то ихъ оппозиція производила въ Европѣ такое же практическое дѣйствіе, какъ и общеевропейское соглашеніе. Но Россія, увѣренная, что она будетъ во всѣхъ случаяхъ поддержана Франціей, пріобрѣла нѣкотораго рода гегемонію въ дѣлахъ европейскаго и дальняго востока, увлекая за собой Германію, не желавшую остаться изолированной, и принудила Японію заключить миръ (1890 г.). Англія, не принимавшая участія въ этомъ вмѣшательствѣ, а потомъ столкнувшаяся съ Германіей по вопросу о Трансваалѣ (декабрь 1895, январь 1896 г.), оказалась изолированною.

Когда снова возникъ восточный вопросъ, вызванный избіеніями армянъ, Россія и Англія какъ бы перемѣнились своими традиціонными ролями. Англія предложила Европѣ вмѣшаться съ цѣлью принудить султана къ реформамъ въ пользу его христіанскихъ подданныхъ; но Россія стала на сторону султана, чтобы воспрепятствовать вмѣшательству и реформамъ *). Поддерживаемая Франціей, Россія парализовала Англію. Австрія и Германія, желая избѣжать осложненій на востокѣ, присоединились въ русской политикѣ, и европейскій концертъ не сдѣлалъ ни одного рѣшительнаго шага по отношенію къ султану. Россія, снова пріобрѣвшая вліяніе въ Болгаріи и отстранившая европейское вмѣшательство въ дѣла Оттоманской имперіи, повидимому, получила прежнее преобладаніе на Балканскомъ полуостровѣ. Она упрочила франко-русское соглашеніе посѣщеніемъ Парижа императоромъ Николаемъ II (октябрь 1896 года), которое произвело впечатлѣніе полнаго союза между двумя странами. Преобладаніе Германіи на западѣ уравновѣсилось преобладаніемъ Россіи на востокѣ; это была новая форма европейскаго равновѣсія.

Вооруженный миръ.—Послѣ окончательнаго объединенія Германіи и Италіи, втеченіе четверти столѣтія, во всей Европѣ—за исключеніемъ полуварварскихъ странъ Балканскаго полуострова—не произошло ни одной войны, ни большой, ни малой. Въ первый разъ Европа прожила такой длинный періодъ полнаго мира. Но этотъ миръ прикрываетъ собой постоянную вражду.—Между Германіей и Франціей, это—вражда по вопросу объ Эльзасъ-Лотарингіи, не вполнѣ выяснившемуся для французскаго общественнаго мнѣнія, но коренящемуся въ непримиримомъ противорѣчіи между двумя противоположными правовыми понятіями: принципомъ нѣмецкой монархіи, признающимъ суверенитетъ правительства, основаннаго на правѣ завоеванія,—и принципомъ французской демократіи, признающимъ суверенитетъ народа, откуда вытекаетъ право населенія данной области рѣшать вопросъ о своей принадлежности тому или другому государству.—Между Австріей и Россіей, это—старый конфликтъ по восточному вопросу, принявшій форму борьбы за вліяніе на страны Балканскаго полуострова.

Боязнь войны, сдѣлавшейся теперь гораздо ужаснѣе, чѣмъ какою она была прежде, парализуетъ враждебныя дѣйствія; всѣ народы чувствуютъ такой ужасъ передъ войной, что правительства не рѣшаются даже пользоваться ею, какъ угрозою, для поддержанія своей политики. Всѣ согласились признать поддержаніе мира основнымъ правиломъ политики.

Но этихъ единодушныхъ заявленій недостаточно для того, чтобы вполнѣ успокоить общественное мнѣніе; втеченіе пятнадцати лѣтъ Европа каждую весну ожидала войны. Взаимное недовѣріе, существующее между націями, такъ глубоко, что каждый народъ отказывается вѣрить въ искренность своего сосѣда и принимаетъ его миролюбивыя увѣренія за военную хитрость, имѣющую цѣлью усыпить противника, прежде чѣмъ напасть на него. Между тѣмъ въ современной войнѣ мобилизація происходитъ такъ быстро, а преимущества нападающей стороны такъ рѣшительны, что для того, чтобы имѣть шансы на успѣшное сопротивленіе, необходимо быть всегда готовымъ къ войнѣ. Быстрое развитіе военнаго искусства обязываетъ каждое государство, не желающее отстать отъ сосѣдей, часто измѣнять вооруженіе и увеличивать число солдатъ; наличный контингентъ мирнаго положенія теперь равенъ прежнему контингенту военнаго положенія. Много разъ высчитывались военные расходы европейскихъ государствъ; при этомъ не могли быть, однако, опредѣлены тѣ потери въ производствѣ, которыя причиняются тратою времени на военной службѣ. Много разъ указывалось также на экономическую опасность для Европы, вытекающую изъ конкуренціи Америки и Азіи, свободныхъ отъ этихъ расходовъ. Международная лига мира предлагала разоруженіе и признаніе принципа третейскаго суда между націями. Эта агитація оказала вліяніе только на правительства Америки и Норвегіи. Въ Европѣ она наткнулась на недовѣріе, существующее между націями, и на трудность разоруженія при системѣ всеобщей и краткосрочной военной службы (на что уже было указано Бисмаркомъ въ 1870 г.). Ни одно изъ правительствъ не согласилось принять рѣшенія, предложеннаго фран-

*) Эта политика объясняется слѣдующими словами, приписываемыми русскому послу: «Мы не хотимъ, чтобы изъ Арменіи намъ создали вторую Болгарію».

цузскими республиканцами въ 1867 г.; а именно: настолько уменьшить срокъ военной службы, чтобы армія обратилась въ національную милицію, подобно тому, какъ это сдѣлано въ Швейцаріи. (Двухлѣтняя служба, введенная для пѣхоты въ Германіи и казавшаяся первымъ шагомъ въ этомъ направленіи, была принята съ единственною цѣлью увеличить контингентъ арміи во время войны).

Нынѣшній европейскій миръ, это — *вооруженный миръ*, сопряженный съ военными издержками и не гарантирующій безопасности.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Политическая эволюція въ Европѣ.

XIX вѣкъ былъ для всѣхъ странъ Европы вѣкомъ соціальныхъ и политическихъ измѣненій, идущихъ болѣе глубоко и болѣе быстро, чѣмъ тѣ, которыя совершались въ какую бы то ни было предшествующую эпоху всемірной исторіи. Всѣ государства со времени 1814 г. измѣнили свое политическое и соціальное устройство. Почти во всѣхъ *) эта эволюція если не была вызвана революціями и междоусобіями, то по меньшей мѣрѣ сопровождалась тѣми и другими, а во многихъ къ нимъ присоединялись еще и національныя войны. XIX вѣкъ былъ эпохою внутреннихъ революцій. Съ другой стороны, если сравнить современный періодъ съ предшествующими вѣками, то онъ оказывается періодомъ мира между отдѣльными государствами: сорокъ лѣтъ прошло безъ большой войны (съ 1814 по 1854 г.); затѣмъ еще четверть вѣка (съ 1870 г.), втеченіе которой миръ былъ нарушенъ только разъ, восточною войною; въ общей сложности оказывается не болѣе какихъ нибудь пятнадцати лѣтъ, ознаменованныхъ большими войнами въ періодъ отъ 1814 до 1870 гг. (Въ этотъ разсчетъ не включены восточныя войны, 1828, 1854, 1877 гг., которыя почти не имѣли вліянія на общеевропейскую эволюцію). Эти революціи и эти войны распредѣляются очень неравномѣрно. Почти всѣ онѣ сосредоточились въ кратковременныхъ бурныхъ періодахъ: 1820—23 гг., 1830—35 гг., 1847—50 гг., 1859—1870 г., раздѣленныхъ продолжительными промежутками затишья.

Современная исторія начинается всеобщей реакціей противъ революціонной Франціи и противъ Наполеона; возвращеніемъ территорій, завоеванныхъ Наполеономъ; реставраціей правительствъ, низвергнутыхъ имъ. По всей Европѣ политическая власть возвращается наслѣдственнымъ государямъ, опирающимся на аристократію. Почти во всѣхъ государствахъ государь и его министры становятся полными господами правительствъ; нѣтъ ни конституціи, ни представительныхъ собраній, ни какого бы то ни было контроля; лишь нѣкоторыя государства *) имѣютъ выборное представительство, обладающее правомъ конституціоннаго контроля, съ гарантіями противъ произвола; но повсюду, даже въ Англіи, представительное собраніе остается на практикѣ подчиненнымъ министрамъ.

Порядокъ, установленный во всей Европѣ въ 1814 году, представлялъ собою личное управленіе государя, при помощи своихъ чиновниковъ (а въ нѣкоторыхъ странахъ южной Европы просто господство *камарильи*). Землевладѣльческая аристократія, еще въ то время болѣе богатая, чѣмъ только что нарождавшаяся промышленная, сохраняла за собою экономическую силу, первенствующую роль въ обществѣ, вліяніе на государя, а въ странахъ, гдѣ существовали представительныя собранія,—избирательное право; она раздѣляла правительственную власть съ чиновничествомъ. Армія, набиравшаяся посредствомъ добровольной вербовки или обязательной рекрутчины, не была національною силою. Она являлась лишь орудіемъ власти въ рукахъ правителя. Духовенство, подчиненное свѣтской власти, утратило вездѣ, за исключеніемъ южно-европейскихъ государствъ, свою прежнюю церковную власть; оно повсюду превратилось въ корпорацію чиновниковъ на службѣ у государства. Этотъ порядокъ вещей защищался коалиціей всѣхъ тѣхъ общественныхъ группъ, которыя имѣли доступъ къ власти. Офиціальный союзъ великихъ державъ возлагалъ на правительства всѣхъ государствъ обязательство сохранять въ неприкосновенности территоріальныя дѣленія, установленныя въ 1815 г.; австрійское правительство, благодаря вліянію Меттерниха, заправляло общеевропейской политикой и старалось распространить гарантіи, обезпечивавшія *status quo*, и на

*) Единственными государствами, избѣжавшими революцій, были Англія, Россія и Швеція.

*) Англія, Франція, Нидерланды, государства Южной Германіи, Швеція, Норвегія, Польша, Венгрія.

внутренніе порядки во всѣхъ государствахъ, съ цѣлью предотвратить какія бы то ни было политическія измѣненія въ Европѣ. Въ каждой странѣ существовало молчаливое соглашеніе между государемъ, чиновничествомъ, аристократіей, духовенствомъ и арміей, клонившееся къ сохраненію существующаго политическаго строя во всей его неприкосновенности.

Въ виду этой всемогущей коалиціи, силы оппозиціи были очень незначительны; онѣ ограничивались буржуазіей, въ то время еще малочисленной и нерѣдко занимавшей зависимое положеніе,—народною массою въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, учащейся молодежью, небольшимъ числомъ журналистовъ и патріотами-націоналистами въ тѣхъ странахъ, которыя были раздроблены или подчинены иноземному владычеству. Эти недовольные, не имѣвшіе ни средствъ для политическаго дѣйствія, ни матеріальной силы, ни общаго руководительства, казались безсильными по сравненію съ консервативными элементами, образовывавшими мощное цѣлое. Во всѣхъ странахъ масса націи—крестьяне и мелкая буржуазія—оставалась инертною, чуждою политической жизни, и не могла оказывать никакой поддержки оппозиціи.

А между тѣмъ этотъ порядокъ, установленный, повидимому, такъ прочно, просуществовалъ лишь полвѣка. Объясняется это тѣмъ, что предшествующій революціонный періодъ оставилъ не одни воспоминанія и сожалѣнія; онъ выработалъ цѣлый персоналъ дѣятелей, которые, группируя недовольныхъ всевозможныхъ категорій въ либеральныя и національныя партіи, вели непрерывную борьбу противъ реставраціи насильственными средствами: заговорами, движеніями въ городахъ, военными бунтами, національными возстаніями. Правительства отвѣчали на это судебными процессами, строгими приговорами, казнями и системою политическихъ преслѣдованій, которая во Франціи и въ центральной Европѣ имѣла перемежающійся характеръ, а въ южноевропейскихъ странахъ дѣйствовала непрерывно. Но правительства могли противопоставить своимъ противникамъ лишь слабыя и плохо вооруженныя арміи и неопытную полицію. Революціонеры воспользовались также раздорами, происходившими между защитниками установленнаго порядка, между аристократіей по происхожденію и высшей буржуазіей, между духовенствомъ и чиновничествомъ, между офицерами и Дворомъ, а больше всего національными враждебными чувствами и соперничествомъ между государствами.

Повсюду борьба шла изъ-за тѣхъ же основныхъ вопросовъ политической жизни: какому органу должна принадлежать верховная власть *съ точки зрѣнія права?* Какая партія будетъ пользоваться этою властью *фактически?* Вотъ почему во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ мы видимъ приблизительно одинаковое дѣленіе партій. Если откинуть національныя партіи и кружки, державшіеся чисто личными связями, и не считать промежуточныхъ группъ, то останется четыре большихъ партіи, которыя почти вездѣ составлялись изъ одинаковыхъ элементовъ и держались одинаковыхъ программъ.

1) Консервативная абсолютистская партія, членами которой были высшіе чиновники и землевладѣльческая аристократія, желала сохраненія абсолютизма въ управленіи, власти духовенства и цензуры; она преобладала въ государствахъ центральной, восточной и южной Европы. Въ Англіи ея уже болѣе не существовало; старая абсолютистская (якобитская) партія упразднилась послѣ цѣлаго столѣтія политической свободы. Это обстоятельство было одною изъ причинъ мирнаго характера эволюціи Англіи и незначительнаго количества партій въ этой странѣ. Въ Нидерландахъ, а также въ Швеціи и Норвегіи она не возникла вовсе; во Франціи она никогда не пользовалась властью безраздѣльно.

2) Консервативная либеральная или конституціонная партія (тори, правый центръ), состоявшая изъ высшей буржуазіи и либеральнаго чиновничества, требовала контроля представительнаго собранія надъ правительственной администраціей, особенно финансовой. Ея идеалъ—личное управленіе государя, при парламентѣ, составленномъ изъ двухъ палатъ, изъ которыхъ одна была бы аристократическая, а другая — выборная; составъ избирателей, ограниченный высокимъ цензомъ; ежегодное голосованіе бюджета въ парламентѣ, причемъ однако же государю предоставлялось выбирать министровъ по своему усмотрѣнію и руководить общимъ ходомъ политическихъ дѣлъ; отсутствіе цензуры, но такая свободная печать, которая была бы доступна только для богатыхъ классовъ; писанная конституція, гарантирующая права страны. Эта партія пользовалась властью въ конституціонныхъ странахъ; въ абсолютистскихъ странахъ она требовала конституціи, представительнаго собранія и отмѣны цензуры.

3) Либеральная парламентарная партія (виги, лѣвый центръ), вербовавшая своихъ приверженцевъ въ рядахъ буржуазіи, требовала не только контроля выборнаго собранія надъ правительствомъ, но и перевѣса власти этого собранія надъ властью государя, министровъ и аристократической палаты. Ея идеалъ былъ парламентарный образъ правленія; министерство, назначаемое изъ рядовъ большинства палаты, управляющее отъ имени государя, но руководящееся желаніями выборныхъ представителей націи; конституція, признающая суверенитетъ народа, всѣ виды политической свободы (свобода печати, ассоціацій, сходокъ и полная религіозная свобода). Для огражденія вышеупомянутыхъ правъ матеріальною силою, партія эта требовала (въ континентальныхъ странахъ) учрежденія націо-

нальной гвардіи, т. е. буржуазіи, вооруженной для защиты своихъ политическихъ правъ. Она допускала избирательное право, лишь обусловленное цензомъ, но стремилась къ пониженію этого ценза для того, чтобы включить въ ряды избирателей и мелкую буржуазію. Партія эта за весь періодъ реставраціи была повсюду устранена отъ правительственной власти и получила доступъ къ этой послѣдней лишь начиная съ 1830 г.

4) Демократическая *(радикальная)* партія, состоявшая изъ студентовъ, рабочихъ, писателей, адвокатовъ, требовала, сообразно съ формулой французской революціи, суверенитета народа и политической равноправности. Къ программѣ парламентарной партіи она прибавила требованіе всеобщей подачи голосовъ, жалованья депутатамъ, отмѣны всѣхъ политическихъ привилегій имущихъ классовъ, отдѣленія церкви отъ государства. Ея идеаломъ было демократическое представительство въ томъ чистомъ видѣ, въ какомъ оно понималось конвентомъ, предпочтительно въ формѣ республики, или даже непосредственнаго управленія самимъ народомъ, съ учредительнымъ плебисцитомъ. Въ 1815 г. партія эта не только не стояла у кормила правленія, но даже нигдѣ, кромѣ Англіи, Швейцаріи и Норвегіи, не имѣла права гласно формулировать свою программу.

Обѣ крайнія партіи, абсолютистская и демократическая, придерживались двухъ діаметрально противоположныхъ представленій какъ о правительствѣ, такъ и объ обществѣ. Абсолютисты желали такого общества, которое было бы основано на наслѣдственномъ неравенствѣ, и такого правительства, въ основаніи котораго лежала бы верховная неограниченная власть государя, причемъ всѣ низшіе правительственные органы являлись лишь делегатами этой верховной власти; одновременно съ этимъ упомянутая партія требовала и обязательности государственной религіи. Демократы не допускали ни наслѣдственности политическихъ правъ, ни политической власти духовенства. Они требовали общественнаго равенства, причемъ власть должна была исходить снизу, путемъ полномочія, полученнаго отъ гражданъ; они желали свѣтскаго государства и суверенитета народа. Тѣмъ не менѣе та или другая страна могла перейти отъ одной изъ этихъ противоположныхъ формъ государственнаго устройства къ другой путемъ постепенной эволюціи, такъ какъ между перечисленными четырьмя партіями существовала непрерывная градація.—Абсолютистскій порядокъ управленія превращался въ конституціонный, когда государь соглашался *даровать* конституцію (какъ то было въ германскихъ государствахъ съ 1816 по 1819 г.). Конституціонный порядокъ незамѣтно преобразовывался въ парламентарный, по мѣрѣ того, какъ государь начиналъ болѣе сообразоваться съ желаніями выборной палаты (какъ это произошло въ Англіи послѣ 1830 г.). Парламентарный порядокъ правленія переходитъ въ демократическій режимъ по мѣрѣ того, какъ расширяется избирательное право и выборное собраніе пріобрѣтаетъ надъ всѣми остальными правительственными органами такой перевѣсъ, которому ничто не можетъ противостоять (какъ напримѣръ въ Швейцаріи). Расширеніе состава избирателей совершилось посредствомъ цѣлаго ряда переходныхъ мѣръ; переходъ отъ ученія о суверенитетѣ государя къ ученію о суверенитетѣ народа,—переходъ, непостижимый въ теоріи, на практикѣ совершился путемъ медленнаго усиленія вліянія парламента, которое незамѣтно превращало парламентскій контроль въ непосредственное управленіе парламента.

Указанная нами градація дѣлала возможными коалиціи между смежными партіями. Партіи естественно стремились вступать другъ съ другомъ въ союзы противъ той партіи, которая находилась у кормила правленія. Такъ, для борьбы съ абсолютистскимъ режимомъ, возникла коалиція трехъ либеральныхъ партій; съ конституціоннымъ режимомъ боролась коалиція парламентской партіи и демократовъ Традиціонная тактика крайнихъ партій заключалась въ томъ, чтобы стать подъ защиту партіи, наиболѣе близкой къ правительству, чтобы сдѣлать вмѣстѣ съ нею шагъ впередъ. (Такъ, французскіе либералы кричали: «да здравствуетъ Хартія!»; англійскіе радикалы участвовали въ манифестаціяхъ въ пользу реформы, предлагаемой вигами; нѣмецкіе и итальянскіе демократы требовали конституціи). Оппозиція всегда, даже въ Англіи, была скорѣе коалиціей, чѣмъ однородной партіей.

Англія и Франція, обладавшія конституціей, парламентомъ и политической прессой, были въ глазахъ либераловъ образцовыми государствами, и вся Европа заимствовала отъ нихъ политическія ученія. Борьба противъ правительствъ началась въ Англіи неудавшейся кампаніей радикаловъ въ пользу реформы (1816—19 гг.); во Франціи, послѣ 1816 г., — избирательной кампаніей либераловъ; въ Германіи—движеніемъ въ университетахъ. Затѣмъ она приняла форму военныхъ революцій (въ Испаніи, въ Португаліи, въ Неаполѣ, въ Сардиніи), совершавшихся во имя суверенитета народа. Союзныя правительства быстро подавили эти революціи вооруженною силою и воспользовались этимъ случаемъ, чтобы провозгласить ученіе о вмѣшательствѣ, направленномъ противъ революцій 1820 — 1823 гг.

Торжество абсолютистской партіи было непродолжительно. Союзъ между правительствами, расшатанный несогласіями изъ-за вопросовъ, которые остались нерѣшенными въ 1815 г. (вопросъ объ испанскихъ колоніяхъ и объ Оттоманской имперіи), окончательно распался вслѣдъ за

революціей 1830 г. Эта революція была дѣломъ малочисленной демократической и республиканской партіи въ Парижѣ, которая воспользовалась для возстанія парламентскимъ столкновеніемъ между Карломъ X и средними партіями. Эта партія установила во Франціи ученіе о суверенитетѣ народа, парламентарный образъ правленія, основанный на цензѣ, политическую власть національной гвардіи, свободу печати. Параллельная, но мирная эволюція окончательно установила въ Англіи (путемъ реформы 1832 г.) парламентарный режимъ, палату, имѣвшую дѣйствительно представительный характеръ, и болѣе широкое избирательное право.—Французскій и англійскій государственный строй, сдѣлавшійся идеаломъ либеральныхъ партій, былъ перенесенъ въ Бельгію путемъ національной революціи, которую поддержали правительства Франціи и Англіи (1831 г.). Параллельное движеніе, совершившееся въ Швейцаріи, низвергло правительственный персоналъ консерваторовъ, оставшихся безъ всякой опоры, и водворило въ большихъ «возрожденныхъ» кантонахъ демократическій представительный образъ правленія.

Въ Италіи движеніе потерпѣло неудачу. Въ восточной Европѣ оно повлекло за собой уничтоженіе польской націи и той конституціи, которою пользовалось царство Польское. Во Франціи демократическая партія, пожелавшая возобновить революцію, была раздавлена бывшей ея союзницей, парламентарной партіей. Въ государствахъ Пиренейскаго полуострова два столкновенія по вопросу о престолонаслѣдіи привели къ учрежденію конституціонной формы правленія и къ возникновенію партій, являвшихся копіей тѣхъ, которыя существовали въ другихъ странахъ Европы; но дѣйствительной политической силой осталась армія.

Европа раздѣлилась на двѣ части: востокъ и центръ ея остались абсолютистскими, западъ же ввелъ у себя парламентаризмъ. Бывшій союзъ державъ также распался на двѣ коаліціи: франко-англійскій союзъ, продержавшійся вплоть до столкновенія по восточному вопросу, въ 1840 г., и коалицію трехъ консервативныхъ монархій. Въ Швейцаріи продолжались революціи до пораженія католиковъ Зондербунда и до введенія союзной конституціи 1848 года, которая установила во всей странѣ демократическій образъ правленія. Въ Англіи этотъ періодъ былъ ознаменованъ рядомъ политическихъ агитацій: рабочей, чартистской, ирландской (1830—1848), и грандіозными мирными манифестаціями, не приведшими однако ни къ какимъ реформамъ. Остальная Европа оставалась почти въ состояніи неподвижности (1835—47 гг.), а Франція отступила назадъ къ конституціонному личному порядку управленія.

Этотъ періодъ затишья имѣлъ рѣшающее значеніе въ смыслѣ подготовки тѣхъ партій и идей, которыя наполнили собою вторую половину вѣка. Возникли двѣ новыя партіи, имѣвшія международный характеръ: католическая и соціалистическая (коммунистическая); обѣ онѣ по своему происхожденію были связаны со старыми политическими партіями, но уже смотрѣли на политику лишь какъ на средство для осуществленія своихъ религіозныхъ или соціальныхъ идеаловъ. Католическая партія, служившая кадромъ для консервативныхъ массъ, въ особенности же для крестьянъ, относившихся до этого безучастно къ партійной борьбѣ, работала надъ возстановленіемъ политической власти Церкви. Соціалистическая партія, приверженцы которой вышли изъ рядовъ демократіи, требовала всеобщей подачи голосовъ, но лишь какъ средства достигнуть соціальной революціи. Одновременно съ этимъ во всей центральной Европѣ организовывались національныя партіи (въ Австріи, въ Германіи, въ Италіи). Основанныя на ненависти къ иноплеменникамъ и на общности языка (которую неправильно называли *расовымъ* единствомъ), партіи эти вербовали въ свои ряды патріотовъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, отъ аристократовъ-монархистовъ до республиканцевъ-демократовъ. Но въ своей борьбѣ противъ правительствъ онѣ примкнули къ оппозиціоннымъ политическимъ партіямъ и приняли революціонный характеръ.

Французская революція 1848 г., произведенная соціалистической партіей, дѣйствовавшей за спиною демократической и парламентарной партій, поставила у кормила правленія коалицію демократовъ и соціалистовъ, которая разомъ установила во Франціи вполнѣ демократическій образъ правленія, всеобщую подачу голосовъ, республику, выборное собраніе, пользовавшееся верховною властью, народную національную гвардію, свободу дешевой періодической печати (отмѣною фискальныхъ мѣръ, стѣснявшихъ ея развитіе), свободу политическихъ ассоціацій (клубовъ). Первыя попытки реформы въ соціалистическомъ направленіи (признаніе права на трудъ, національныя мастерскія), навязанныя соціалистическимъ меньшинствомъ, исчезли вслѣдъ за подавленіемъ іюньскаго возстанія.

Французская революція, въ силу подражанія, вызвала общее демократическое движеніе во всей центральной Европѣ; правительства, испуганныя этими внезапными волненіями и преувеличивая силу революціонеровъ, предоставляли революціи идти своимъ ходомъ и даже соглашались быть ея покорными орудіями. Нидерландское королевство перешло отъ конституціоннаго къ парламентарному образу правленія; Данія замѣнила абсолютизмъ конституціоннымъ режимомъ. Въ Германіи, въ Пруссіи, въ Австріи, революція ввела демократическія формы правленія (всеобщую подачу голосовъ, равенство

правъ, учредительное собраніе, газетную прессу, доступную для народныхъ массъ, клубы),—не касаясь однако ни монархіи, ни арміи. Она сочеталась съ націоналистскимъ движеніемъ въ пользу объединенія Германіи, которое колебалось въ выборѣ между двумя формами: демократической федераціей и имперіей подъ гегемоніей прусскаго короля. Въ Австріи революція, имѣвшая демократическій характеръ въ центрѣ, приняла націоналистскій отпечатокъ въ мадьярскихъ, славянскихъ и итальянскихъ областяхъ. Въ Италіи Сардинское королевство перешло къ конституціонному образу правленія, съ избирательнымъ правомъ, основанномъ на очень широкомъ базисѣ, и стало во главѣ національнаго движенія, направленнаго противъ Австріи; республиканцы-демократы провозгласили республики въ центральной Италіи.

Реакція восторжествовала при помощи армій, сохранившихъ свою организацію и оставшихся вѣрными правительствамъ; эти арміи подавили революцію въ большихъ городахъ. Реакція началась въ Австріи (при содѣйствіи славянскихъ національностей, помогавшихъ правительству противъ мадьяръ и нѣмцевъ); затѣмъ ее продолжалъ прусскій король, сначала въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ, а потомъ и во всей Германіи. Завершилась она въ Италіи—при помощи иноземныхъ армій; въ Венгріи — при помощи русскихъ войскъ (1849 годъ); въ Германіи торжеству реакціи способствовали угрозы русскаго правительства, а въ герцогствахъ Шлезвигѣ и Гольштиніи — вмѣшательство европейскихъ державъ (1850 г.). Во Франціи внутренняя реакція поставила во главѣ исполнительной власти представителя фамиліи Бонапартовъ, а затѣмъ и законодательная власть была отдана въ руки католической консервативной партіи. Сначала Наполеонъ и консервативные католики дѣйствовали за-одно; затѣмъ между ними произошло столкновеніе, закончившееся возстановленіемъ имперіи; Франція такъ далеко отодвинулась назадъ, что въ ней установился военный абсолютизмъ. Испанія хотя и сохранила конституціонныя формы, но въ сущности вернулась къ личному управленію.

Правительства послѣ урока, преподаннаго имъ революціей, организовали союзъ всѣхъ консервативныхъ силъ; въ этотъ союзъ вошли и буржуазія, напуганная соціалистическимъ движеніемъ, и папа, испуганный римской республикой. Мѣры, принятыя для подавленія революціонныхъ партій и для отнятія у нихъ ихъ орудій, прессы и общественныхъ собраній, парализовали въ то же время и всѣ остальныя партіи, олицетворявшія собою политическій контроль, не исключая и приверженцевъ чистаго парламентаризма. Абсолютизмъ распространился по всей Европѣ, за исключеніемъ Швейцаріи и странъ, не затронутыхъ революціоннымъ движеніемъ 1848 г.: Англіи, Бельгіи, Нидерландовъ и Норвегіи. Затишье это продолжалось десять лѣтъ, втеченіе которыхъ оно только разъ было нарушено въ Испаніи, мѣстною революціей, возстановившей конституціонный образъ правленія.

Но отъ революціи 1848 г. остались слѣды въ трехъ государствахъ: во Франціи—всеобщая подача голосовъ и официальное признаніе принципа суверенитета народа; въ Пруссіи—конституція 1850 года, которая отъ своего бельгійскаго образца и отъ своего революціоннаго происхожденія сохранила теорію различныхъ видовъ свободы и почти всеобщее избирательное право; въ Сардиніи—статутъ 1848 г., которымъ устанавливался почти парламентарный образъ правленія, почти демократическій цензъ и почти свѣтскій режимъ въ отношеніяхъ между церковью и государствомъ. Кромѣ того неудавшіяся попытки создать національное единство оставили въ Сардиніи стремленіе къ единству Италіи; а въ Пруссіи—желаніе объединить Германію; даже Наполеонъ, бывшій революціонеръ, оставался лично приверженцемъ «политики національности». Наполеонъ началъ съ того, что заключилъ союзъ съ Англіей, остановилъ дѣйствія русскаго правительства на Востокѣ и воспользовался переговорами державъ по восточному вопросу, чтобы заложить фундаментъ національнаго румынскаго государства и поднять итальянскій вопросъ. Затѣмъ три правительства составили коалицію противъ Австріи,—этой консервативной державы, препятствовавшей объединенію Италіи и Германіи. Наполеонъ своею арміей помогъ Сардиніи положить начало итальянскому единству и изгнанію Австріи изъ предѣловъ Италіи; своимъ нейтралитетомъ онъ помогъ Пруссіи положить начало германскому единству исключеніемъ Австріи изъ Германскаго Союза (1866 г.). Эти объединенія завершились пораженіемъ Франціи въ 1870 году.

Первая національная война 1859 г. положила конецъ періоду реакціи. Абсолютистскій режимъ, фактически установившійся съ 1849 г., уже болѣе никѣмъ не защищался въ теоріи; общественное мнѣніе культурныхъ классовъ еще продолжало отрицательно относиться къ демократической революціи на французскій манеръ, но оно было проникнуто англійскими либеральными ученіями, бредило англійскимъ самоуправленіемъ и аристократическими представительными учрежденіями. Втеченіе десяти лѣтъ, при содѣйствіи правительствъ, почти во всей Европѣ совершилось возрожденіе либерализма, что повлекло за собою преобразованіе политическихъ учрежденій. Изъ этой то мирной революціи и вышла современная Европа.

Англія, посредствомъ избирательной реформы 1867 г., перешла къ системѣ демократическаго парламентаризма.—Франція, рядомъ уступокъ,

сдѣланныхъ императоромъ, вернулась къ конституціонному образу правленія, близкому къ парламентаризму, почти либеральному и вполнѣ демократическому.

Австрія, подъ давленіемъ финансовыхъ затрудненій, приняла конституціонный образъ правленія, съ избирательнымъ правомъ, обставленнымъ аристократическимъ цензомъ и «представительствомъ интересовъ». Затѣмъ она пережила кризисъ, ознаменовавшійся рядомъ столкновеній между господствующей нѣмецкой національностью, желавшей централизованной системы управленія, и національностями, занимавшими подчиненное положеніе (мадьярами, чехами, поляками и словаками), соединившимися съ партіями приверженцевъ стараго порядка (аристократіей и духовенствомъ), чтобы требовать союзнаго устройства. Окончательная организація имперіи привела къ раздѣленію послѣдней на два государства, соединенныя только по отношенію къ иностраннымъ державамъ; Венгрія при этомъ вернулась къ аристократическому парламентарному режиму, установленному во время революціи 1848 года; Австрія же сохранила конституціонный централизованный образъ правленія съ преобладаніемъ нѣмецкаго элемента и порвала союзъ съ духовенствомъ.

Въ Пруссіи, послѣ продолжительнаго конфликта съ парламентарной партіей, консервативное министерство (1862—66 года) воспользовалось своей военной побѣдой, чтобы установить, путемъ компромисса, военно-конституціонный порядокъ, оставлявшій перевѣсъ власти на сторонѣ короля и чиновничества. Въ Германіи оно установило единство при общемъ конституціонномъ режимѣ съ демократическимъ избирательнымъ правомъ, съ воинской повинностью по прусскому образцу, имѣвшею демократическій и монархическій характеръ, и съ преобладаніемъ власти прусскаго короля и канцлера (1867 г.). Созданіе Имперіи (1871 г.) ввело въ рамки этихъ учрежденій всѣ германскія государства; каждое изъ нихъ сохранило свой прежній конституціонный образъ правленія съ администраціею чиновниковъ, контролируемыхъ выборными собраніями полудемократическаго характера.

Италія, созданіе которой было подготовлено соглашеніемъ, состоявшимся во имя національнаго единства между революціоннымъ сардинскимъ правительствомъ и республиканцами, образовалась путемъ постепеннаго присоединенія къ Сардинскому королевству (1860—1870 гг.) всѣхъ итальянскихъ государствъ съ формально выраженнаго согласія самого населенія и не взирая на протестъ папы. Она сохранила конституціонный образъ правленія, который, благодаря добровольному устраненію католическихъ консерваторовъ отъ участія въ выборахъ, развился мало-по-малу, подъ вліяніемъ радикаловъ изъ южныхъ провинцій, въ демократическій парламентаризмъ.

Россія, оставшаяся до этого внѣ общеевропейской политической эволюціи, была преобразована реформами Александра II: освобожденіемъ крестьянъ, созданіемъ земскихъ учрежденій, либеральными реформами судебныхъ учрежденій и законовъ о печати, способствовавшими національному самосознанію и развитію общественнаго мнѣнія. Поляки, поощряемые европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ, пытались произвести національное и демократическое возстаніе; но европейскія правительства не рѣшались поддержать ихъ съ оружіемъ въ рукахъ, и возстаніе было подавлено.

Данія, отъ которой война отторгла герцогства, вышла наконецъ изъ конституціоннаго кризиса, начавшагося еще въ 1848 году, и приняла конституціонный демократическій образъ правленія, въ которомъ дѣйствительная власть осталась за королемъ (1866 г.), какъ это показалъ конфликтъ 1886—92 г.—Швеція преобразовала свое старинное собраніе представителей государственныхъ чиновъ въ парламентъ по современному образцу и перешла къ конституціонному демократическому режиму.

Новыя христіанскія государства, отдѣлявшіяся отъ Оттоманской имперіи, преобразовались по европейскому образцу. Греція послѣ революціи 1862 года окончательно перешла отъ конституціоннаго образа правленія къ демократическому парламентаризму съ единою палатою (такъ какъ аристократіи въ Греціи не существуетъ).—Румынія путемъ революціи (1866 г.) свергла правительство, имѣвшее личный характеръ, и ввела у себя почти парламентарный образъ правленія, хотя еще сохраняющій аристократическій отпечатокъ.—Сербія, нація крестьянъ, оставшаяся подъ режимомъ личнаго правительства, получила, во время одного изъ регентствъ, бывшихъ въ ней, монархически-демократическую конституцію.

Испанія, посредствомъ военнаго возмущенія (1868 г.), вступила на путь быстрой эволюціи, которая привела ее отъ свѣтской монархіи со всеобщимъ избирательнымъ правомъ къ демократической федеральной республикѣ по американскому образцу; но военная реставрація (1874 г.) вернула ее къ конституціонной монархіи, съ преобладаніемъ власти министерства и духовенства.

Швейцарія рядомъ пересмотровъ кантональныхъ конституцій произвела опытъ введенія непосредственнаго участія народа въ законодательствѣ.

Абсолютизмъ, устраненный изъ центральной Европы, удержался только въ двухъ восточныхъ имперіяхъ, въ Россіи, въ формѣ бюрократической монархіи, и въ Оттоманской имперіи, въ формѣ личнаго деспотизма. Будучи съ 1815 по 1852 гг. господствующею формою, общею почти всѣмъ государствамъ, личный деспотизмъ превратился теперь въ простой пережитокъ. Либераль-

ный порядокъ сдѣлался нормальнымъ для Европы; на западѣ онъ принялъ парламентарную форму, а въ центральныхъ странахъ—конституціонную. Сами правительства призывали либеральныя партіи раздѣлить съ ними власть. При этомъ порядкѣ правленія, обезпечивавшимъ свободу, снова организовались демократическія партіи: во Франціи радикальная республиканская партія; въ Италіи—радикальная, признавшая монархію; въ Германіи соціалистическая; въ Скандинавскихъ странахъ—крестьянская.

Обѣ международныя партіи, католическая и соціалистическая, также снова выступили на арену борьбы. Католическая партія, которую новая свѣтская политика правительствъ вынуждала держаться оборонительной тактики, проявляла сопротивленіе революціи въ протестахъ папы противъ итальянскаго королевства и противъ современныхъ видовъ политической свободы (1864 г.); она вступила въ борьбу со всѣми правительствами изъ-за правъ церкви; повсюду, кромѣ Бельгіи, она вынуждена была уступить, но при этомъ она организовывалась для новыхъ политическихъ битвъ.—Соціалистическая партія, организованная за-ново уцѣлѣвшими дѣятелями 1848 г., послѣ попытки основать международную ассоціацію, отлилась въ форму національныхъ партій, дѣятельность которыхъ направлялась руководителями, безсмѣнно оставшимися на своемъ посту; партія эта, придерживавшаяся соціалистической и демократической программы, организовалась сначала въ Германіи (гдѣ она заступила мѣсто радикальной), а затѣмъ и въ другихъ странахъ.

Между тѣмъ равновѣсіе европейскихъ державъ было нарушено войнами.

Пруссія, бывшая ранѣе второстепенною державою, сохранила послѣ своихъ войнъ съ Наполеономъ монархически-демократическую военную организацію, которая, въ связи съ научною тактикой и съ усовершенствованной системою вооруженія, доставила ей въ военномъ отношеніи первое мѣсто въ Германіи, начиная съ 1866 года, и во всей Европѣ, послѣ 1870 г.

Война 1870 г. положила конецъ національнымъ войнамъ. Германія, получившая перевѣсъ въ Европѣ, вынудила остальныя государства заимствовать у нея ея военную организацію, и прекратила войны, сдѣлавъ ихъ слишкомъ ужасными. Присоединеніемъ Эльзаса и Лотарингіи она создала хронически-враждебныя отношенія между Германіей и Франціей,—отношенія, которыя сводятъ всю внѣшнюю политику Европы къ дипломатическимъ комбинаціямъ, имѣющимъ въ виду поддержаніе мира. Воинственная дѣятельность перенеслась на Востокъ и за предѣлы Европы. Восточный вопросъ, раціональному рѣшенію котораго препятствовало соперничество европейскихъ державъ, мало-по-малу распутался; но нельзя считать окончательнымъ его рѣшеніемъ образованіе христіанскихъ государствъ, постоянно волнуемыхъ соперничествомъ державъ изъ-за вліянія въ нихъ, а также столкновеніями между европейской цивилизаціей и національными традиціями.

Войны прекратились; усовершенствованіе полиціи и громадное увеличеніе военныхъ силъ, состоящихъ въ распоряженіи правительствъ, сдѣлали революціи невозможными. Такимъ образомъ каждое государство осталось при тѣхъ формахъ правленія, которыя были въ немъ установлены въ моментъ, когда совершалось преобразованіе военной организаціи. Одна только Франція могла ниспровергнуть Имперію, лишившуюся своихъ армій, и установить парламентарный демократическій образъ правленія, въ которомъ, послѣ продолжительнаго конфликта съ монархически-католическими группами, радикальная партія одержала верхъ и постепенно направила эволюцію правительственной системы въ сторону управленія непосредственно народнымъ представительствомъ. Остальныя государства сохранили тотъ порядокъ правленія, который въ нихъ существовалъ ранѣе: парламентаризмъ на западѣ, конституціонализмъ въ центрѣ.

Національныя партіи въ центральной Европѣ (въ Германіи, въ Италіи, въ Венгріи), примкнувъ къ новымъ національнымъ правительствамъ, ослабили силы оппозиціи. Но внутренняя эволюція, хотя и замедленная, продолжалась мирнымъ путемъ, и католическія партіи подверглись постепенному видоизмѣненію, которое ихъ демократизировало. Правительства отказывались отъ абсолютизма. Консервативная партія, вынужденная идти вслѣдъ за правительствами, перешла къ той программѣ, которой когда-то держалась либеральная конституціонная партія. Парламентарная партія, будучи не въ силахъ сохранить ограниченія избирательнаго права, приблизились къ демократической программѣ. Такимъ образомъ обѣ промежуточныя партіи либеральной буржуазіи почти вполнѣ слились: конституціонная партія съ консервативной, а парламентарная съ демократической.—Норвегія воспользовалась отсутствіемъ постоянной арміи и своей революціонной конституціей 1814 года, чтобы принудить короля принять систему правленія, основанную на демократическомъ парламентаризмѣ. Въ Англіи либеральная партія, распавшаяся вслѣдствіе союза съ ирландцами, смѣшалась съ радикалами.—Въ Бельгіи старая либеральная партія, стоявшая за избирательный цензъ, была сметена установленіемъ всеобщей подачи голосовъ, которую Палата вынуждена была принять подъ угрозою рабочей революціи.—Во Франціи, въ Италіи, въ Германіи старыя парламентарныя партіи, не будучи въ состояніи выдержать въ избирательной борьбѣ соперничество радикальныхъ демократическихъ партій, превратились въ какіе-то обломки. Въ

сущности можно сказать, что въ Европѣ остаются лишь двѣ партіи, стоящія лицомъ къ лицу: консервативная и демократическая; но разстояніе между ними гораздо меньше, чѣмъ оно было въ 1815 году, такъ какъ эволюція, увлекшая консерваторовъ на почву либераловъ, толкнула ихъ затѣмъ въ сторону демократіи. Бисмаркъ и Вильгельмъ II, Дизраэли и Наполеонъ III и графъ Парижскій дали новую формулу демократической монархіи, идеаломъ которой является личное управленіе государя, опирающееся на традиціонную преданность народа и на постоянное согласіе между государемъ, руководящимъ политикою страны, и подданными, одобряющими его дѣйствія всеобщею подачею голосовъ.

Обѣ международныя партіи, католическая и соціалистическая, окончательно организовались, заняли прочное положеніе въ политической жизни, и принципы ихъ начинаютъ проникать въ программы старыхъ политическихъ партій. Консервативная партія клонится къ тому, чтобы слиться съ католическою или вступить съ нею въ протестантскихъ странахъ въ союзъ для возстановленія охранительной власти католической церкви. Демократическая партія проникается идеями соціализма, и въ тѣхъ странахъ, гдѣ собственная ея программа исчерпана, партія эта стремится обновить свою программу внесеніемъ въ нее требованій соціальной реформы.

Такимъ образомъ всѣ партіи стремятся повсюду, какъ мы это видимъ въ Бельгіи, сосредоточиться въ двѣ компактныя группы: консервативную и демократическую, и каждая изъ этихъ группъ получаетъ теоретическую свою программу отъ двухъ крайнихъ фракцій, для которыхъ политика есть лишь средство осуществленія ихъ идеаловъ. Эти двѣ крайнія фракціи придерживаются въ теоріи двухъ діаметрально противоположныхъ воззрѣній, которыя онѣ съ неуклонною послѣдовательностью примѣняютъ къ собственной своей организаціи и стремятся провести въ политическую жизнь; церковь остается вѣрна абсолютистской традиціи свыше исходящей верховной власти, представителями которой являются вожди, облеченные священными полномочіями; соціалисты, оставаясь вѣрными демократическому принципу, допускаютъ лишь власть, исходящую отъ народа и облекающую полномочіями выборныхъ делегатовъ. Но практическое руководительство политической жизни остается повсюду въ рукахъ среднихъ партій, парламентаристовъ или либеральныхъ консерваторовъ: это—партіи компромисса, болѣе озабоченныя практическими дѣлами, чѣмъ теоріями; онѣ смягчаютъ столкновенія между противоположными взглядами и поддерживаютъ, среди горячей полемики, общественное спокойствіе и свободу, какими Европа никогда еще не пользовалась.

Естественное стремленіе объяснить крупныя послѣдствія столь же крупными причинами побуждаетъ насъ объяснять и политическую эволюцію, такъ же какъ и геологическую, вліяніемъ глубоко лежащихъ и непрерывно дѣйствующихъ силъ, болѣе могущественныхъ, чѣмъ индивидуальныя вліянія. Но исторія XIX вѣка не подтверждаетъ этого воззрѣнія.

Только въ Англіи, Норвегіи и Швейцаріи политическая эволюція имѣла почти правильный, спокойный ходъ, и была обусловлена непрекращающимся внутреннимъ развитіемъ. Въ остальной Европѣ съ 1814 по 1870 г. происходитъ цѣлый рядъ кризисовъ, вызванныхъ внезапными событіями: 1) революція 1830 г., которая разрушила союзъ европейскихъ державъ, направленный противъ революцій, ввела на Западѣ парламентарный образъ правленія и подготовила возникновеніе католической и соціалистической партій; 2) революція 1848 года, осуществившая на практикѣ всеобщее избирательное право, подготовила національное объединеніе центральной Европы, организовала соціалистическую и католическую партіи; 3) война 1870 г., создавшая Германскую имперію, доставила ей преобладаніе въ Европѣ, разрушила свѣтскую власть папы, измѣнила самый характеръ войнъ и установила систему вооруженнаго мира.

Революція 1830 года была дѣломъ группы республиканцевъ, которымъ помогала неопытность Карла X; революція 48 года была дѣломъ небольшой горсти демократическихъ и соціалистическихъ агитаторовъ, которымъ помогъ внезапный упадокъ духа, овладѣвшій Людовикомъ-Филиппомъ; война 1870 года была личнымъ дѣломъ Бисмарка, подготовленнымъ личною политикою Наполеона III. Въ подкладкѣ этихъ трехъ непредвидѣнныхъ фактовъ нельзя найти никакой общей причины, которая объяснялась бы состояніемъ умовъ, политическимъ или экономическимъ положеніемъ континентальной Европы. Политическая эволюція современной Европы была обусловлена тремя случайными событіями.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Къ главѣ I.

Читатель найдетъ хорошо и точно составленную библіографію, относящуюся къ событіямъ, изложеннымъ въ первой главѣ, у Дальмана-Вайца (Dalmann-Waitz, *Quellenkunde der deutschen Geschichte*, 6-ое изд., пересмотрѣнное Штейндорфомъ, 1894 г.; стр. 544, 549—550).

Главнѣйшіе источники:

Для исторіи наполеоновскихъ нашествій: *Correspondance de Napoléon I-er*, 1858 — 70. — W. Oncken, *Oesterreich und Preussen im Befreiungskriege*, 1876—79 (документы находятся въ приложеніи).—Metternich-Winneburg, *Oesterreichs Theilnahme an den Befreiungskriegen*, 1887; составленъ по австрійскимъ документамъ.

Для исторіи вѣнскаго конгресса: J. L. Klüber, *Akten des Wiener Kongresses*... 8 томовъ, 1815 — 35 (сборникъ офиціальныхъ документовъ.—G. Pallain, *Correspondance inéd. de Talleyrand et du roi*..., 1881 г., разсказъ о дѣйствіяхъ конгресса съ французской точки зрѣнія.—*Memoirs and correspondance of*... *Castlereagh*, 12 томовъ въ трехъ серіяхъ, 1848—53.—*Despatches of Wellington*, 8 томовъ, 1844—47. *Supplementary despatches and memoranda*, 15 томовъ, 1858—72. Депеши Веллингтона изображаютъ исторію конгресса съ англійской точки зрѣнія.—Pozzo di Borgo, *Correspond. diplom. du comte Pozzo di Borgo*, 1890 г. (съ русской точки зрѣнія).—Нѣмецкіе документы, *Münster, Stein, Gagern* (см. Дальманъ-Вайцъ), менѣе важны.

Историческія сочиненія:

Дающія полный очеркъ событій: W. Oncken, *Das Zeitalter der Revolution, des Kaiserreiches und der Befreiungskriege*, t. II, 1887 г.; это наиболѣе точная общая исторія эпохи.—*Исторія XIX вѣка*, Гервинуса (т. I) очень подробна, но даетъ мало указаній на источники.

О наполеоновскихъ нашествіяхъ: H. Houssaye. *1814*, 1888 г.—Id., *1815*, 1893 г.

О конгрессѣ и трактатахъ: Ongeberg, *Le congrès de Vienne et les traités de 1815*, 1864.—Bernhardi, *Geschichte Russlands und der europäischen Politik*, t. I, 1863. Это два наиболѣе подробныхъ изложенія переговоровъ, но ихъ авторы не могли воспользоваться всѣми извѣстными въ настоящее время документами.—A. Sorel, *Les Traités de 1815*, 1873 г.—A. Debidour, *Histoire diplom. de l'Europe*, 1874—1878, т. I, 1891 г.

Библіографія по исторіи Англіи, помѣщенная въ сочиненіи Gardiner'a и A. Mullinger'a *Introduction to the study of english history*, 2-е изд. 1894 г., останавливается на 1822 году. Съ этого года не существуетъ никакой общей библіографической работы по исторіи Англіи. Приходится искать указаній въ періодическихъ изданіяхъ: *Jahresberichte der Geschichtswissenschaft* съ 1878 г., *English historical Review*, съ 1885 г. (см. Langlois, *Manuel de bibliographie historique*. 1896 г.),—и собирать библіографическія замѣтки въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ *National Biography*, гдѣ заглавія сочиненій обыкновенно не сопровождаются указаніемъ года ихъ появленія.

Къ главѣ II.

Источники. Невозможно, да и безполезно было бы перечислять здѣсь всѣ источники по новѣйшей англійской исторіи; я ограничусь указаніемъ на главнѣйшія категоріи документовъ.

1) Парламентскія изданія, раздѣленныя (съ 1801 г.) на три разряда: *Bills* (парламентскія рѣшенія), *Reports of select committees* (доклады слѣдственныхъ комиссій), *Accounts and papers* (отчеты и документы). Ежегодно появляется каталогъ этихъ изданій; доклады слѣдственныхъ комиссій составляютъ одинъ изъ главныхъ источниковъ по внутренней исторіи Англіи. Сюда слѣдуетъ присоединить еще отчеты о парламентскихъ засѣданіяхъ, печатающіеся въ *Таймсѣ* и выходящіе съ 1803 г. отдѣльнымъ изданіемъ подъ названіемъ Hansard, *Parliamentary debates*.

2) Офиціальныя изданія административныхъ вѣдомствъ. Списокъ ихъ помѣщается въ *Statesman's year-book*, выходящемъ съ 1864 г., хотя не ежегодно.

3) Ежегодники.—*Annual register*, ежегодное изданіе, начавшее выходить еще въ XVIII столѣтіи, даетъ подробный перечень политическихъ и всякихъ другихъ событій.

4) Журналы и газеты. Политическія и періодическія изданія вмѣстѣ съ парламентскими документами, даютъ самый обильный матеріалъ по политической исторіи XIX вѣка въ странѣ съ непрерывавшеюся парламентскою жизнью и свободою прессы. Относительно библіографіи англійскихъ періодическихъ изданій см. Langlois, *Manuel de bibliogr. historique*. Лучшими журналами до 1832 г. были *Edinburgh Review* и *Quarterly Review*.

5) Въ Англіи очень часто издаются письма, дневники, рѣчи, замѣтки и автобіографіи политическихъ дѣятелей. Вотъ списокъ важнѣйшихъ изданій, относящихся къ интересующей насъ эпохѣ *): Canning, 1828. — Peel, 1891. — Lord Ellenborough, 2 т., 1881.—Lord Colchester,

*) Я ограничиваюсь указаніемъ имени автора и года появленія книги.

3 т. 1861. Russel, 1875.—Grey, 1867 (переписка съ королемъ по поводу избирательной реформы 1832 г.).—Liverpool, 1868.—Palmerston (въ видѣ біографіи, написанной Бульверомъ), 1871.—Lord Holland, 1854.—Croker, 3 т., 1884.—Greville, 3 т., 1874. (Авторъ, тори, передаетъ придворные разговоры и слухи).—Grattan, 1839—1846 (по вопросу объ Ирландіи).—Bamford, 1840—1844.—Horner, 1853 (о радикальной агитаціи).

Сочиненія. По общей исторіи Англіи: S.-R. Gardiner, *A student's history of England, t. III*, періодъ отъ 1689 до 1885 г., новое изданіе 1894 г.; очень хорошее, подробное и точное руководство. (Исторія Англіи Грина останавливается на 1815 г.).

National Biography (продолжающаяся печататься). Біографическія статьи этого изданія, всегда *подписанныя* ихъ авторами, составлены по первоисточникамъ и замѣчательны по точности и достовѣрности свѣдѣній; нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ цѣлыя монографіи. См. біографіи королей, министровъ, реформаторовъ и агитаторовъ.

По новѣйшей исторіи Англіи: Martineau (miss Harriett), *History of England*, 1816—1846, 2 т., 1849; очень цѣнится въ Англіи.—Walpole (Spencer), *A history of England since 1815*, 8 т., 1878 — 1890; наиболѣе полная исторія, съ подробными свѣдѣніями о внутреннемъ состояніи Англіи; авторъ—радикалъ.

На французскомъ языкѣ: H. Reynald, *Histoire contemporaine de l'Angleterre*, весьма неудовлетворительное сочиненіе.

По устройству государственнаго управленія: May (Erskine), *Constitutional history of England*, 1876, сборникъ историческихъ данныхъ (прецедентовъ) по конституціоннымъ вопросамъ.—Todd (Alpheus), *On parliamentary government in England*, 2 т., 2-е изд., 1887 — 1889 г., превосходная исторія парламентскаго правленія.

На французскомъ языкѣ: Fischel, *La Constitution d'Angleterre*, 1863, хорошее описаніе конституціоннаго строя Англіи.—Glasson, *Histoire du droit et des institutions politique de l'Angleterre*, t. VI, 1883.—G.-C. Lewis, *Histoire gouvernementale de l'Angleterre jusqu'à 1830*, переводъ; оригиналъ 1854 года. — Franqueville, *Le gouvernement et le Parlemant britannique*, 3 т., 1887, гораздо лучше и полнѣе всѣхъ другихъ; даетъ много подробностей объ избирательныхъ реформахъ.

По мѣстному управленію до реформы 1832 г.: Gneist (Rud.), *Das englische Verwaltungsrecht der Gegenwart.—Selbstverwaltung, Kommunalverfassung und Verwaltungsgerichte in England.* Это сочиненіе, въ своемъ первоначальномъ видѣ и подъ общимъ заглавіемъ, появилось въ 1857—60 г.; затѣмъ оно было передѣлано и издано въ видѣ трехъ отдѣльныхъ сочиненій подъ различными заглавіями; оно все переведено на англійскій языкъ; одинъ изъ томовъ стараго изданія переведенъ на французскій. Это—наиболѣе полное и точное описаніе мѣстныхъ англійскихъ учрежденій.

По исторіи рабочихъ движеній: Webb (Sidney и Beatrice), *History of trade unionism*, 1894; сопровождается подробной библіографіей; одно изъ наиболѣе поучительныхъ историческихъ сочиненій нашего времени; содержитъ необычайное количество новыхъ свѣдѣній не только о ремесленныхъ союзахъ, но также и о всей политической дѣятельности рабочихъ.—Von Schulze-Gaevernitz, *Zum socialen Frieden*, 2 тома, 1890 г., излагаетъ, съ практическою цѣлью, исторію „политическаго и общественнаго воспитанія англійскаго народа въ XIX вѣкѣ".

По экономической исторіи англійскаго общества: W. Cunningham, *The growth of english industry and commerce in modern times*, 1892, съ общей библіографіей по экономической исторіи; эта книга даетъ точное и ясное изложеніе предмета.

По вопросу о налогахъ: A. Wagner, *Finanzwissenschaft*, 1887; даетъ библіографію и общее знакомство съ предметомъ.—S. Dowel, *History of taxation and taxes in England*, 1884.

По Ирландіи: de Pressensé *L'Irlande et l'Angleterre*, 1889; популярное сочиненіе, написанное въ очень благопріятномъ смыслѣ для ирландцевъ.

Къ главѣ III.

Библіографія и источники: См. библіографію главы II.

Документы, относящіеся къ этой главѣ—того же рода, какъ и для предыдущаго періода. Періодическія изданія становятся болѣе многочисленными и интересными; къ уже указаннымъ выше надо прибавить: *Saturday Review, Fortnightly Review, Westminster Review.*

Главнѣйшія изъ изданій, относящихся до переписки, мемуаровъ, рѣчей, кромѣ общихъ обоимъ періодамъ и указанныхъ въ предъидущей главѣ (Пиль, Россель, Пальмерстонъ, Гревиль, Крокеръ)—слѣдующія: Malmesbury, 1884 г.; Iddesleigh (Stafford Northcote), 1890 г.;—Cobden, сочиненія, 1867 г.; рѣчи, 1870 г.; — Ashworth, 1876 г., оба относятся къ агитаціи за свободную торговлю;—O'Connel, J. Davis, 1890 г. (оба объ ирландской агитаціи);—Cammage, *History of chartism*, 1854 г. (чартистская агитація).

Сочиненія по общей исторіи Англіи: см. гл. II.

Кромѣ Гардинера, Мартино, Вальполя и *Національной Біографіи*, упомянутыхъ въ гл. II, существуетъ еще общая исторія Англіи съ восшествія на престолъ Викторіи: Mac Carthy (J), *History of our own times*, переведенная на франц. яз.; это сочиненіе радикальнаго ирландскаго журналиста поверхностнѣе предыдущихъ. — Серія изданій, вышедшихъ подъ общимъ заглавіемъ *Prime ministers of queen Victoria*, 1890—1891, представляетъ сборникъ біографій министровъ; Пиля, Эбердина, Пальмерстона, Гладстона, Биконсфильда, Солисбери,—написанныхъ различными авторами.

О сочиненіяхъ по центральному и мѣстному управленію, см. библіографію гл. II.

Главнѣйшія изъ этихъ сочиненій — Todd, Gneist и Franqueville.

По рабочему и чартистскому движенію: кромѣ S. Webb, см. статьи и библіографическія указанія въ *Національной Біографіи* объ *Овенѣ* и чартистскихъ вождяхъ (*Lovett, O'Connor, O'Brien, Jones, Frost*). Полной исторіи чартистскаго движенія еще не существуетъ, надъ нею работаетъ въ настоящее время Graham Wallas.

По ирландскому движенію: кромѣ Pressensé, см. въ *Національной Біографіи* библіографію при статьѣ *O'Connel.*

По агитаціи въ пользу свободной торговли: I. Morley, *Life of Cobden*, 2 т., 1881.—L. Brentano, *Anfang und Ende der englischen*

Kornzölle, 1892.—Richebot, *Histoire de la Reforme commerciale en Angleterre*, 2 т., 1853—1855, популярное сочиненіе.

По внутреннему развитію Англіи, — сборникъ, озаглавленный *The reign of queen Victoria, a survey of 50 years of prosperity*, 6 т., 1888; каждымъ отдѣломъ занимается особый авторъ: Huxley (естественныя науки), Hatch (религіозный вопросъ), Courtney (финансы), Garnett (литература), Caird (земледѣліе), Matthew (народное образованіе).

По характеристикѣ нравовъ,—романы Теккерея, Дикенса, Дж. Элліота и Дизраэли; въ романѣ послѣдняго *Sybil*, 2 т., 1845 г. (перев. на франц. яз.) описано чартистское движеніе.

О бѣдствующемъ населеніи Англіи: Karl Marx. *Das Kapital*, t. II, 1885. — Engels, *Die Lage der arbeiten den Classen in England*, 1845. Оба автора—соціалисты.

Къ главѣ IV.

Источники. См. библіографію главъ II и III.

Къ указаннымъ уже періодическимъ изданіямъ слѣдуетъ прибавить: *National Review*, *Fortnightly Review*, *XIX-th Century*, *Contemporary Review*, *Free Review* (*Reviews* и *Annual Register* становятся для этого періода главнѣйшими источниками).

Сочиненія.—По общей исторіи Англіи: Mac Carthy, *England under Gladstone, 1880 — 1884*, 1884 г., продолженіе современной исторіи того же автора.

По избирательной реформѣ: Franqueville (см. библіогр. гл. II).

По учрежденіямъ современной Англіи: *The english citizen*, 1881—1891 г., сборникъ монографій различныхъ авторовъ; большинство этихъ монографій отличается ясностью и точностью: Traill (центральное правительство), Walpole (порядокъ выборовъ и законодательство), Wilson (финансы), Chalmers (мѣстное управленіе), Maitland (правосудіе и полиція), Elliot (церковь), Fowle (общественное призрѣніе), Jevons (законы о рабочихъ), Farrer (торговля и промышленность), Craik (народное просвѣщеніе).

По вопросу объ обструкціонизмѣ: Reynaert, *Histoire de la discipline parlementaire*, 2 т. 1884 г.

По политикѣ Дизраэли: Brandes, *Lord Beaconsfield*, перев. съ нѣмецкаго, 1879 г.—Cucheval - Clarigny, *Lord Beaconsfield et son temps*, 1880.—Kebbel, *History of toryism*, 1886.

По Ирландіи: см. въ *National Biography* библіографію, приложенную къ статьѣ о Парнеллѣ.

По исторіи соціалистическихъ партій: кромѣ S. Webb, *Hist. of trade unionisme*, см. двѣ библіографіи, обнародованныя соціалистическими группами: 1) Fabian Society, *What to read*, 1893; 2) Clarion, *Catalogue of books of socialist literature*, 1895; (читатель найдетъ здѣсь списокъ изданій соціалистическихъ обществъ). На французскомъ языкѣ: de Rousiers, *Le trade-unionisme en Engleterre*, 1897 г.

Къ главѣ V.

Библіографіи по новѣйшей исторіи Франціи еще не существуетъ. *Catalogue de l'Histoire de France* Національной Библіотеки, томъ III и IV; 1856 — 1857 г. и т. XI дополненія, 1879 г., даетъ списокъ всѣхъ находящихся въ библіотекѣ сочиненій по исторіи Франціи до 1878 г.; но этотъ списокъ слишкомъ великъ, чтобы имъ можно было пользоваться, какъ библіографіей. Для сочиненій, появившихся между 1840 и 1890 годами, можетъ также пригодиться Lorenz, *Catalogue de la librairie française*, t. VII, VIII, XI и XIII.

Источники. Главнѣйшіе источники могутъ быть раздѣлены на шесть категорій:

1) **Парламентскіе документы.**—*Отчеты* засѣданій палатъ и *приложенія* (обслѣдованія, доклады, бюджеты, документы, законопроекты) печатались день за днемъ въ *Moniteur*, а съ 1869 г. въ *Journal officiel* (въ февралѣ и мартѣ 1871 г.—въ *Moniteur de Bordeaux*). Они отчасти воспроизведены въ позднѣйшемъ изданіи: *Archives parlementaires*, „Полное собраніе преній", которое должно обнять періодъ отъ 1800 до 1860 г. (т. LXXXV, появившійся въ 1893 г., доходитъ до 1834 г.), а также въ ежегодномъ сборникѣ, выходящемъ съ 1861 года подъ заглавіемъ *Annales* (документы касаются сената, законодательнаго корпуса, національнаго собранія и палаты депутатовъ). Отчеты о преніяхъ палатъ — стенографическіе, за исключеніемъ періода отъ 1852 до 1860 г., для котораго они существуютъ только въ сокращенномъ изложеніи. Существуетъ систематическій указатель съ 1831 г., раздѣленный на 7 категорій; для періода, предшествующаго 1830 г., онъ можетъ быть замѣненъ хронологическимъ и алфавитнымъ указателемъ, находящимся при *Archives parlementaires* (t. LXII).

2) **Законодательные документы.**—Всѣ офиціальные акты напечатаны въ *Bulletin des lois* и у Duvergier, *Recueil des lois*. Всѣ конституціи собраны у F.-A. Hélie, *Les Constitutions de la France*, 1879.

3) **Судебные документы.**—Важные политическіе процессы передъ судомъ палаты пэровъ составляютъ предметъ спеціальныхъ изданій (см. *Catalogue de l'Histoire de France*). Отчеты о процессахъ даются двумя спеціальными газетами: *Gazette des tribunaux*, съ 1826 г.; *Droit*—съ 1836 г.

4) **Ежегодники.**—*Annuaire historique universell* даетъ краткое изложеніе событій за каждый годъ отъ 1818 до 1860 г.

5) **Газеты и журналы.** — Списокъ ихъ находится въ *Catalogue de l'Hist. de France*, t. IV. Главнѣйшія газеты за періодъ 1814 — 1848 г. слѣдующія: *le Journal des Débats*, *le Constitutionnel* (либеральныя); *la Quotidienne*, *le Drapeau blanc* (легитимистскія); *le Courrier français*, *le Globe* (лѣвая); *le National*, *la Tribune* (республиканскія); *le Siècle*, *la Presse*.—Журналы имѣли гораздо меньшее значеніе, чѣмъ въ Англіи; важнѣйшіе за этотъ періодъ: *Revue britannique*, *le Correspondant*, *Revue des Deux Mondes*.

6) **Мемуары, переписка, рѣчи.** Вотъ списокъ наиболѣе важныхъ *):

Періодъ реставраціи: Vitrolles, 1883.—Duc de Broglie, 1886.—De Barante, 1890.—Pasquier, 1893.—Villèle, 1890.—Hyde de Neuville, 1889.

Царствованіе Луи Филиппа: Guizot, 1858—1867.—H. Heine, *Lutèce* (частныя корреспонденціи отъ 1840 до 1843 г.).—S. Bérard, 1834. Broglie, Doudan, Tocqueville.—Giquel, *Mémoires d'un préfet de police*, 1840 (подробности о тайныхъ обществахъ)—Tachereau, *Revue rétro-*

---

*) Я ограничиваюсь именемъ автора и указаніемъ года выхода перваго тома.

spective, 1848, собраніе секретныхъ документовъ правительства Луи-Филиппа.

Сочиненія. Общая исторіи Франціи: Henri Martin, *Histoire de France de 1789 à nos jours*, 8 т., 1878—1885; — Dareste, *Histoire de France*. Обѣ не имѣютъ научнаго значенія.

Исторіи наиболѣе важныхъ періодовъ:

Реставрація: Viel-Castel, *Histoire de la Restauration*, 20 т. 1860 — 78, преимущественно для внѣшнихъ сношеній.—Duvergier de Hauranne, *Histoire du gouvernement parlementaire en France, 1814—1848*, 10 т. съ 1857 г. (сочиненіе останавливается на 1830 г.), преимущественно для внутренней исторіи,—Dulaure et Auguis, *Histoire de la Révolution... depuis 1814 jusqu' à 1830*, 8 т., 1834 — 38, для исторіи заговоровъ противъ Бурбоновъ. (Всѣми остальными исторіями почти нельзя пользоваться, какъ - то: Lubis, Nettament, Capefigue, Rittiez, Hamel, Petit, Rochau; Vaulabelle годится только для ознакомленія съ либеральными легендами).

Царствованіе Луи-Филиппа: K. Hillebrand, *Geschichte Frankreichs*, 2 т., 1877—1879 (collection de Gotha); начинается съ 1830 г., обрывается, по причинѣ смерти автора, на 1848 г.; лучшая исторія этого періода; написана въ весьма монархическомъ духѣ, но научно. — Thureau - Dangin, *Histoire de la monarchie de juillet*, 7 т., 1887—92, въ очень монархическомъ духѣ, заключаетъ нѣкоторыя новыя подробности.—L. Blanc, *Histoire de dix ans 1830 — 1840)*, 5 т., 1841 — 44, соціалистическая, мало научная. (Не всегда заслуживаетъ довѣрія).

Важнѣйшія монографіи:

О бѣломъ террорѣ: E. Daudet, *La Terreur blanche*, 1878 г.

О католической партіи: кромѣ Montlosier, *Mémoire à consulter*, 1826 г. (о полемикѣ, вызванной этою книгою, см. библіографію въ *Catalogue de l'Hist. de France*, t. III),—De Grandmaison, *La Congrégation, 1801—1830*, 1889 г.—A. Leroy-Beaulieu, *Les catholiques libéraux... de 1830 à nos jours*, 1885. — De Riancey, *Histoire critique... de la liberté d'enseignement en France*, 2 т., 1844; *Compte rendu des elections de 1846*, 1846 г.—Всѣ эти сочиненія въ католическомъ духѣ.

О соціалистическихъ партіяхъ: L. Stein *Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich*, 3 т., 1850 г. (исправленное изданіе), остается основнымъ сочиненіемъ.

О парламентскихъ учрежденіяхъ: E. Pierre, *Histore des assemblées politiques en France*, 1877.—G. Weil, *Les élections législatives depuis 1789*, 1895.

Объ администраціи: E. Aucoc, *Conférences sur... le droit administratif*, 3 т., 1878.

О финансовомъ управленіи: См. библіографію въ соч. A. Wagner, *Finanzwissenschaft*, т. III, 1888.—Для документовъ см. D'Audiffret, *Système financier de la France*, 2 т., 3-е изд., 6 т., 1863 — 1870. — R. Stourm, *Le budget, son histoire et son mécanisme*, 3-е изд., 1896 г., общее изложеніе.—L. Say, *Dictionnaire des finances*, печатается съ 1889 г.

О рабочихъ классахъ: E. Levasseur, *Histoire des classes ouvrières en France depuis 1879*, 2 т., 1867.

Къ главѣ VI.

Относительно библіографіи см. гл. V.

Источники. Относительно парламентскихъ, законодательныхъ и судебныхъ документовъ, а также ежегодниковъ см. предыдущую главу. Изъ парламентскихъ документовъ наиболѣе важный — слѣдствіе о 15 маѣ и іюльскихъ дняхъ. Относительно газетъ, очень многочисленныхъ между 1848 и 1851 гг., см. *Catalogue de l'Hist. de France*, t. IV. Главнѣйшія газеты за періодъ имперіи слѣдующія: *Journal des Débats* (либеральная), *le Siècle* (республиканская), *le Temps* (съ 1861 г.), *le Pays* (имперіалистская), *l'Univers* (католическая).

Мемуары и переписка:

Періодъ отъ 1848 до 1851 г.: Odilon Barrot, 4 т., 1875 г. Tocqueville, 1893 г. — Proudhon, 1849 г.—Caussidière, 2 т., 1849 г. (подробности о полицейской префектурѣ). — De la Hodde, *La naissance de la République*, 1850 г. (авторъ былъ шпіономъ, проникшимъ въ тайныя общества). — L. Blanc, *Révolution de février au Luxembourg*, 1849. — E. Thomas, *Hist. des ateliers nationaux*, 1848 г. — На исторіи революціи 1848 г. Ламартина (1849 г.), Гарнье Паже (1861 г.) и Луи Блана (1870 г.) можно смотрѣть только какъ на личныя воспоминанія.

Государственный переворотъ: Pascal Duprat, *Les tables de proscription de L. Bonaparte*, 2 т., 1852 г.

Періодъ отъ 1851 до 1870 г.: De Maupas, 2 т., 1884.—H. de Viel-Castel, 6 т., 1881 — 84 (очень сомнительный источникъ). Granier de Cassagnac, 3 т., 1879.—Hausmann, 1890 г., Persigny, 1896 г. (оба—мало интересны). — Darimon, нѣсколько сочиненій, каждое съ особымъ заглавіемъ, образуютъ серію воспоминаній.—Ollivier, нѣсколько выпусковъ подъ различными заглавіями. — Ebeling, 1891 г. — Beaumont-Vassy, 1874 г.—Ranc, 1878.—См. особенно Senior (N. W.), *Conversations with Thiers, Guizot*, etc. 2 т., 1878 г., собраніе интервью съ политическими дѣятелями различныхъ партій, за періодъ отъ 1852 по 1860 г., подробности о внутреннемъ управленіи Франціи за періодъ, когда газеты не могли писать свободно.—*La censure sous Napoléon III, 1852—66*, 1892 г.,— доклады о театральной цензурѣ; — *Papiers et correspondance de la famille impériale*, 2 т., 1870—72 г., дополненная R. Halt'омъ, *Papiers sauvés des Tuileries*, 1871 г. Сборникъ всякаго рода документовъ, найденныхъ въ Тюильри и опубликованныхъ республиканскимъ правительствомъ.

Сочиненія. Нѣтъ ни одной удовлетворительной общей исторіи этого періода.

Революція 1848 г.: Dan. Stern (графиня d'Agout), *Histoire de la Révolution de 1848*, 3 т., 1850 г. (въ республик. духѣ).—V. Pierre, *Hist. de la République de 1848*, 2 т., 1873 — 78 (консервативн.)—L. Stein, *Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich*, 1850 г., остается наиболѣе научнымъ сочиненіемъ по революціи 1848 г.

Республика: V. Pierre, уже упоминавшаяся. — P. de la Gorce, *Hist. de la 2-e république française*, 2 т., 1887 г. (очень консервативн.). — E. Spuller, *Hist. parlement. de la 2-e république*, 1891 г.—Thirria, *Napoléon III avant l'Empire*, t. II, 1895.

Имперія. P. de la Gorce, т. I и II, 1894—96, печатается (консервативн.). — Taxile Delord, *Histoire du 2-e Empire*, 6 т., 1870 г. (республиканск.); остается до сихъ поръ наиболѣе полнымъ сочиненіемъ.—Bulle, *Geschichte des zweiten Kaiserreiches und des Königreiches Italien* (coll. Oncken), научно-популярное сочиненіе.

Монографіи отдѣльныхъ эпизодовъ: E. Ténot, *La province en décembre 1851*, 1865 г., *Paris en décembre 1851*, 1868 г., исторія госу-

дарственнаго переворота (республиканск.).—E. Ténot, *Les suspects en 1858*, 1869 г.

Конецъ имперіи: D'Abrantès, *Essai sur la régence de 1870*. 1879.

Финансы: G. du Puynode, *L'administration des finances en 1848—49*, 1849 г.—De Nervo, *Les finances de la France de 1852 à 1860*, 5 т., 1861 г.

Къ главѣ VII.

Для библіографическихъ указаній, см. главу V. О Коммунѣ, A. Schulz, *Bibliographie de la guerre franco-allemande et de la Commune*, 1886. См. также библіографію А. Адлера въ *Handwörterbuch der Staatswissenschaften* при словѣ *Commune* (1891 г.).

Источники: См. библіографію главы V. Изъ парламентскихъ документовъ наиболѣе важные: 1) *Enquête sur les actes du gouvernement de la Défense nationale*, доклады, свидѣтельскія показанія, офиціальныя депеши (см. протесты и поправки въ *Annales de l'Assemblée*, t. XXV), 2) *Enquête sur l'isurrection du 18 mars*, въ Парижѣ и провинціяхъ (см. возраженія и поправки, *Annales*, t. XI).

Ежегодникъ: Daniel (псевдонимъ А. Лебона) *L'Année politique*, начиная съ 1874 г.

Къ газетамъ, указаннымъ въ гл. V, слѣдуетъ прибавить: *le Français* (либерально-роялистическая, играла важную роль въ періодъ Національнаго Собранія) для періода отъ 1871—78 г.; *la République française*, органъ Гамбетты, *le Soleil*, *le Gaulois*, *le Figaro*, *le XIX-e Siècle*.

Къ журналамъ слѣдуетъ прибавить *Revue politique et littéraire*, извѣстный подъ именемъ *Revue bleue* *).

Мемуары, воспоминанія и переписки мало интересны: I. Simon, *Souvenirs du 4 septembre 1874; Le gouvernement de M. Thiers*, 1879—Hérisson, *Journal d'un officier d'ordonnance*, 1885.—J. de Gastyne, *Mémoires secrets... de la Commune*, 1871.—H. Pessard. *Mes petits papiers*, 2 серіи, 1887—88.—Jourde, *Souvenirs d'un membre de la Commune*, 1877.—Beslay, *Mes souvenirs*, 1873.

Сборникъ афишъ за 1870—71 гг.: J. Claretie, *Les murailles politique de la France*, 1870—71, 1880, in 4. — *Documents pour... l'histoire de la Commune*, 1871, сборникъ офиціальныхъ актовъ Коммуны.

Сочиненія. Общее изложеніе событій: Zévort, *Histoire de la 3-me République*, t. I, 1896 г. (останавливается на 24 маѣ 1873 г.)—Oncken, *Das Zeitalter des Kaisers Wilhelm*, 2 т., 1890—1892 (coll. Oncken).

О Коммунѣ: научной исторіи не существуетъ; главнѣйшими сочиненіями надо признать: Maxime Du Camp. *Les convulsions de Paris*, 5 т., 1878—79, (съ консервативной точки зрѣнія). — Arnould, *Hist. de la Commune*, 3 т., 1878; — Lissagaray, *Hist. de la Commune*, изд. 1896 г. (оба—сторонники коммуны).

О попыткѣ реставраціи 1873 г.: Chesnelong, *La campagne monarchique d'octobre* 1873, 1895.—E. Daudet, *Trois mois d'histoire contemporaine*, 1873.

О шестнадцатомъ маѣ: *Du 16 mai au 2 septembre 1877*, 1877 (изданъ H. Monod).

Описаніе французскихъ учрежденій: A. Lebon, *Das Staatsrecht der französischen Republik*, 1886 (сборникъ Marquardsen),—Block, *Dictionnaire de l'administration française*, 3-e édit., 1891.—Въ настоящее время печатается сборникъ *La vie nationale*, серія популярныхъ сочиненій, содержащихъ нѣкоторыя свѣдѣнія.

О финансахъ: Mathieu Bodet, *Les finances françaises de 1870 à 1878*, 2 т., 1881.—Amagat, *Les finances françaises*, 1881.—L. Say, *Dictionnaire des finances*.

*) Для исторіи соціалистическихъ партій Франціи существуетъ богатая коллекція въ *Musée social*, основанномъ графомъ де-Шамбрюнъ (Chambrun).

Къ главѣ VIII.

Нидерланды и Люксембургъ.

Библіографія: См. Langlois, *Manuel de bibliogr. hist.*, параграфы 66 и 133.

Сочиненія: Главнѣйшія сочиненія по новѣйшей исторіи Нидерландовъ слѣдующія: Nuyens, *Geschiedenis van het nederladschen Volk van 1815*, 4 т., 1883—86.—F. de Bosch-Kemper, *Geschied. van Nederlad na 1830*, 5 т., 1873 — 82 (оба автора—консерваторы).

Основанія королевства: Th. Juste, *Le soulèvement de la Hollande et la fondation des Pays-Bas*, 1870.

Политическія учрежденія: De Hartog, *Das Staatsrecht d. K. Niederlande*, 1886 (сборникъ Marquardsen), юридическій обзоръ съ библіографіей.

Религіозныя партіи: Chantepie de la Saussaye, *La crise religieuse en Hollande*, 1860 г.—Fr. Nippold, *Römisck Kathol. Kirche im K. d. Niederlande*, 1877.

Люксембургъ: Eyschen, *Das Staatsrecht d. Gr. H. Luxemburg*, 1890 (сборн. Marquardsen); даетъ библіографію, исторію и обзоръ учрежденій.

Бельгія.

Библіографія: См. Langlois, *Man. de bibliogr. hist.*—Pirenne, *Bibliogr. de l'hist. de Belgique*, 1893 (останавливается на 1830 г.). — Lorenz, *Catal. de la librairie franç.*, указаны бельгійскія сочиненія.

Источники: Ихъ можно расположить въ такомъ порядкѣ: *Парламентскіе документы.* — Huyttens, *Discussions du Congrès nation. de Belgique*, 5 т., 1845 г. Затѣмъ *Annales parlementaires de Belgique*, со времени учрежденія палатъ. Изъ приложенныхъ документовъ—*Enquête scolaire*, 5 т. 1881—84 г.

Частныя воспоминанія и бумаги: L. de Potter, *Souvenirs*, 2 т., 1839 г. (республиканецъ).—P. de Decker, *15 ans, 1830—45*, 1845 г. (либералъ).—Discailles, *Charles Rogier*, 4 т., 1895 г. (либералъ).—Nothomb, *Essai sur la révol. belge*, 2 т., 4-е изд., 1876 г. (либеральный католикъ).—Von de Weyer, *Mémoires*, 2 т., 1871 г.

Газеты и журналы.—Наиболѣе важныя газеты: *l'Indépendance belge* (либеральная); *le Bien publik* (католическая).—Либеральные журналы: *Revue de Belgique; Flandre libérale.*

Сочиненія. Большія общія исторіи: За періодъ отъ 1814 до 1830 г.: De Gerlache, *Hist. du royaume des Pays-Bas*, 3-е изд., 3 т., 1859 г. (катол.); исторія всего королевства до раздѣленія.—Hymans, *Hist. parlement. de la Belgique de 1814 à 1830*, 1869 г.—Бельгія послѣ 1830 г.: J.-J. Thonissen, *La Belgique sous le règne de Léopold I*, 4 т., 1855—58 (консерваторъ)—Hymans, *Hist. parlement. de Belgique de 1830 à 1880*, 1877—80. (Это — самая документированная исторія Бельгіи; она состоитъ изъ разбора всѣхъ парламентскихъ преній).

Революціонный періодъ: Сочиненія Th. Juste, *La révol. belge*, 1870. — *Fondateurs de la monarchie belge*, 22 т., 1866 — 78 г. (біографіи политическихъ дѣятелей 1830 г.)—*Congrès national de Belgique*, 2 т., 1880 г. — *Les frontières de la Belgique*, 1886 г.

Религіозная борьба: De Laveleye, *Le parti clérical en Belgique*, 1874 г. — *La Belgique et le Vatican*, 3 т., 1880—81 г.,—сочиненіе, приписываемое Фрэръ Орбану (оба — либералы).— Woeste, *Vingt ans de polémique*, 3 т., 1885 г. (католикъ).

Политическія учрежденія: Thonissen, *Constitution belge*, 3-е изд. 1879. — A. Giron, *Droit public de la Belgique*, 1884 г.—*Droit administratif de la Belgique*, 2 т., 1881 г.—Vauthier, *Staatsrecht d. K. Belgien*, 1892 (Marquardsen).—Hymans, *La Belgique contemporaine*, 1880 г., хорошее историческое изложеніе политической эволюціи.

Общественное развитіе: *50 ans de liberté*, 4 т., 1881 г. Сборникъ монографій разныхъ авторовъ о прогрессивномъ развитіи различныхъ сторонъ бельгійской жизни за періодъ отъ 1830 до 1880 г.: Политическая жизнь (Goblet d'Alviella), Науки, Искусство, Литература, Образованіе, Политическая Экономія.

Къ главѣ IX.

Библіографія. См. Ch.-V. Langlois, *Manuel de bibliogr. historique* (1896 г.).

Документы. Читатель найдетъ въ швейцарскихъ библіографіяхъ подробныя указанія о сборникахъ парламентскихъ документовъ отдѣльныхъ кантоновъ.—Конституціонные документы собраны въ офиціальномъ изданіи *Sammlung der Bundesverfassung und der... 1880 in Kraft bestehenden Kantonsverfassungen, 1880 г.*, а федеральные законодательные документы—въ *Offizielle Sammlung der das schweizerische Staatsrecht betreffenden Aktenstücke... seit... 1848*. 20 т., 1849—87 г.—Послѣ 1890 г. см. *Annuaire Statistique de la Suisse* (издаваемый статистическимъ бюро).

Изложеніе политическихъ событій см. у Müller-Friedberg и Escher, *Schweizerische Annalen*, съ 1830 г.; а послѣ 1886 г.—*K. Hilty, Politisches Jahrbuch der schweizerischen Eidgenossenschaft* (1 т. ежегодно); это, быть можетъ, самый научный политическій ежегодникъ во всей Европѣ.

Мемуары, воспоминанія и письма слишкомъ многочисленны, чтобы можно было дать подробныя указанія. См. особенно *Ludwig Snells Leben und Wirken*, 1858 г.; интересныя свѣдѣнія о происхожденіи радикальнаго движенія.

Сочиненія. Новѣйшая политическая исторія Швейцаріи, сравнительно съ другими государствами Европы, наиболѣе извѣстна и, что весьма удобно, она изложена въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ общаго характера; достаточно указать эти сочиненія, и читатель найдетъ въ нихъ ссылки на монографіи и на исторіи отдѣльныхъ кантоновъ.

Общая исторія событій: Henne am Rhyn, *Geschichte der Schweizervolkes*... t. III; радикальная и патріотическая; даетъ очень одушевленный разсказъ о политической борьбѣ.—Daendliker, *Geschichte der Schweiz*, новое изд., т. 3, 1895 г., либеральнаго направленія; даетъ очень хорошую библіографію, особенно по экономической исторіи. — Vuillemin, *Hist. de la Confédération suisse...*, 2-е изд., т. II, 1881 г.

Исторія отдѣльныхъ періодовъ: Hilty, *Oeffentliche Vorlesungen über die Helvetik* (періодъ отъ 1798 до 1803 г.). Tillier, *Geschichte der Eidgenossenschaft*, 2 серія, Реставрація и періодъ отъ 1830 до 1848 г.—Van Muyden, *La Suisse sous le Pacte de 1815*, 1890 г. (хорошее изложеніе). — Baumgartner, *Die Schweiz und ihre Umgestaltungen 1830—50*, 1863—65 г. Feddersen, *Geschichte der schweizerischen Regeneration*, 1867 г.

Исторія отдѣльныхъ эпизодовъ: Dufour, *Campagne du Sonderbund et événements de 1856*, 1875 г. (Авторъ былъ главнокомандующимъ федеральной арміи въ войнѣ съ Зондербундомъ).—Crétineau-Joly, *Histoire du Sonderbund*, 2 т., 1850 г. Esseiva, *Fribourg, la Suisse et le Sonderbund*, 1882 г.;—оба автора католической партіи.

Исторія католической партіи: Woeste, *Histoire du Culturkampf en Suisse, 1871—86*, 1887 г. (авторъ — бельгійскій католикъ). — Keller, *In rei memoriam*, 1882 г., католическое сочиненіе.—Gareis und Zorn, *Staat und Kirche in der Schweiz*, 3 т., 1877 г. и слѣд. Трактатъ объ отношеніи церкви къ государству; авторы—сторонники верховенства свѣтской власти.

Исторія соціалистической партіи: Berghoff-Ising, *Die socialistische Arbeiterbewegung in der Schweiz*, 1895. Наиболѣе полное и научное изложеніе.

Исторія учрежденій: По исторіи федеральныхъ учрежденій см. превосходныя научныя руководства: J. Meyer, *Gesch. des schweizerischen Bundesrechtes*, т. II, 1878 г.;—Blumer (перевед. на франц. яз. и пересмотр. Морелемъ), *Handbuch des schweizerischen Bundesstaatsrechts*, 3 изд., 1891—92 г.—L. von Salis, *Schweizerisches Bundesrecht*, 2 т., 1891—92 г. перев. на франц. яз., излагаетъ дѣйствующее государственное и административное право съ 1874 г.—Hilty, *Les constitutions féderales de la Suisse*, 1891 г., очень основательное историческое изложеніе. — Статья Orelli въ коллекціи Маркварда сена представляетъ популярное изложеніе. Ch. Borgeand, *Etablissement et revision des Constitutions*, 1893 г., даетъ очень толковый обзоръ развитія федеральнаго государственнаго права.

Исторія референдума и законодательнаго почина: Curti, *Geschichte der schweizerischen Volksgesetzgebung*, 2-е изд., 1885 г. Очень поучительное сочиненіе.—Stüssi, *Referendum und Initiative in den schweiz. Kantonen*, 1894.—A. Keller, *Das Volksinitiativrecht nach den schweiz. Kantonsverfassungen*, 1889 г. Описанія Швейцаріи иностранцами (H. Dixon, Tissot, Adams и Cunningham, Winchester) не прибавляютъ ничего новаго къ сочиненіямъ швейцарскихъ авторовъ.

Къ главѣ X.

Библіографія *). См. Ch.-V. Langlois, *Manuel de bibliographie*, 1896 г. До сихъ поръ еще не существуетъ исторической библіографіи ни для Испаніи, ни для Португаліи. Относительно испанскихъ учрежденій см. Torres Campos, *Bibl. espan. contempor. del derecho y de la politica*, 1883.

*) Мнѣ невозможно, при тѣхъ средствахъ, которыя доступны въ Парижѣ, составить удовлетворительную библіографію сочиненій на испанскомъ и португальскомъ языкахъ.

Испанія.

Документы. Относительно событій до 1840 г. читатель найдетъ разсказы современниковъ, приводимые у Баумгартена (см. ниже); наиболѣе важныя изъ этихъ сочиненій: Miraflores, *Memorias para... le hist. contempor. de... Isabel II*, 1843; Burgos, *Annales del reinado de Isabel II*, 1850; оба консерваторы. — Для послѣдующей эпохи наиболѣе точные разсказы находятся въ иностранныхъ ежегодникахъ: *Annual register;* — *Annuaire des Deux Mondes*, до 1870 г.;—Schulthess, *Europ. Geschichts - Kalender*, съ 1860 г. См. также политическія статьи въ *Revista de Espana* *).

Относительно правительственныхъ актовъ и документовъ кортесовъ, см. Torres Campos, *Staatsrecht d. K. Spanien*, 1889 г.

Сочиненія. Общія исторіи Испаніи: Большая общая исторія Испаніи, M. de Lafuente, *Hist. general de Espana*, 28 т. (нѣсколько изданій) останавливается на смерти Фердинанда. Она продолжена Pirala, *Hist. de la guerra civile*, 2-е изд. 1868 г. — *Historia contemporanea* (отъ 1843 г. до 1875), 6 т., 1875. Общіе недостатки этихъ авторовъ—многословіе и отсутствіе критики. — Для періода, предшествующаго 1839 г., всего лучше обратиться къ Baumgarten, *Geschichte Spaniens*, 3 т., 1865 — 71 г. (coll. Staatengesch). — На французскомъ языкѣ—Hubbart, *Hist. contemp.*, 4 тома, 1882—84 г.; особенно интересна для исторіи политическихъ нравовъ.—Reynald, *Hist. de l'Espagne jusqu'en* 1873, краткое руководство.

Отдѣльные эпизоды: H. Brück, *Die geheimen Gesellschaften in Spanien*, 1881 г. (католич., мало критики). — De Mazade, *Révolutions de l'Esp. contemp.* (съ 1854 до 1868 г.), 1869 г. (нѣтъ ничего, чего не нашлось бы въ *Annuaire des Deux Mondes*). W. Lauser, *Gesch. Spaniens von dem Sturz Isabella's*, 2 т., 1877 г., довольно хорошая исторія революціоннаго періода отъ 1868 до 1875 г., гораздо точнѣе, нежели Cherbuliez, *L'Espagne politique, 1868—73*, 1874 г.— О карлистской войнѣ: Valras, *Don Carlos VII et l'Espagne carliste*, 2 т., 1876 г. (авторъ—карлистъ). — Wedel, *Die carlistische Armee und Kriegsführung*, 1876 г., много точныхъ подробностей о веденіи войны.

Учрежденія. Torres Campos. *Das Staatsrecht d. K. Spanien*, 1889 г. (coll. Marquardsen), общая картина современнаго государственнаго строя съ нѣкоторыми подробностями изъ исторіи XIX вѣка.—**О корсетахъ:** Borrego, *Hist. de las Cortes de Espana durante el Siglo XIX*, 2 т., 1885.—**Объ администраціи:** Colmeiro, *Derecho admin. de Espana*, 4-е изд., 3 т., 1876—80 г.

Португалія.

Документы: Періодъ развитія конституціи: *Documentos para a historia das cortes geraes da nacão portuguesa*, 1820 — 28, 4 т., 1883 — 87 г. Для дальнѣйшаго періода см. Ежегодники. (*Annuaire des Deux Mondes* даетъ много свѣдѣній).

Сочиненія. Мнѣ неизвѣстна ни одна общая исторія. Schoefer, *Geschichte von Portugal*, т. 5, 1854 г. (coll. de Gotha) останавливается на 1820 г.—Arriaga, *Hist. da ravolução portuguesa de 1820*, 4 т., 1886—89, очень многословна.

Политическія учрежденія: Tavares de Medeiros, *D. Staatsrecht de K. Portugal*, 1892 г. (coll. Marquardsen) даетъ хорошій историческій очеркъ и библіографію.

*) Я отказываюсь перечислять многочисленныя повѣствованія объ Испаніи и Португаліи вродѣ книги De Amicis, гдѣ передаются политическіе анекдоты и черты нравовъ, недопускающіе провѣрки.

Къ главѣ XI.

Библіографія. Относительно очень сложной библіографіи по исторіи Италіи см. Ch.-V Langlois, *Manuel de bibliogr. histor.*, 1896 г. (стр. 61, 120, 157, 167). Свободной библіографіи по новѣйшей исторіи Италіи не существуетъ. Библіографія *Risorgimento* скорѣе походитъ на каталогъ книжнаго магазина. *Rivista storica italiana* даетъ хорошую періодическую библіографію книгъ, выходящихъ съ 1884 г.

Документы. Относительно законодательныхъ документовъ см. Brusa, *Staatsrecht d. K. Italien.*—Относительно парламентскихъ документовъ (Сардинскаго, а затѣмъ Итальянскаго королевства) см. Mühlbrecht, *Wegweiser durch die Literatur der Rechts-und Staatswissenschaften*, 1893 г.

Самую обильную категорію документовъ составляютъ мемуары, воспоминанія, переписки. Вотъ наиболѣе важные изъ нихъ: Pepe, *Mémoires*, etc., 1847 г. (Неаполитанская революція). — D'Azeglio, *Souvenirs*, 2 т., 1867 г. (франц. перев. 1876 г.); *Lettere*, 1883 г. (революція 1848 г.). La Farina, *Epistolario*, 1869 г.— Manin, *Lettere*, 1859 г. (венеціанская революція).—Гарибальди, *Автобіографія* (на англ. яз.), 3 т. 1889 г.—Ricasoli, *Lettere e documente*, 10 т., 1888 — 1895 г. (Тоскана и основаніе королевства).—Cavour, *Discorsi*, 12 т., 1863 — 72; *Lettere*, 6 т., 1883—87 г.; *Nouvelles lettres*, 1889 г.—Persano, *Diario*, 1870 г. франц. перев. Garnier, подъ заглавіемъ *Journal de bord de Persano*, 1870 г.— Mazzini (существуетъ особая библіографія его сочиненій, составленная G. Canestrelli, 1892 г.).

Важнѣйшіе сборники политическихъ документовъ слѣдующіе: *Carte segrete et atti uffiziali della politica austriaca in Italia, 1814—48*, 3 т., 1851 г., изданіе, направленное противъ австрійскаго правительства: Bianchi, *Storia documentata della diplomazia europea in Italia*, 8 т., 1865—72 г., сборникъ документовъ, касающихся отношеній между Италіей и европейскими правительствами.

Относительно самаго послѣдняго періода см. *Annual* и *Geschichtskalender*, а также біографіи, указанныя въ Rivista historica и имѣющія наполовину характеръ панегириковъ. О политическихъ нравахъ см. Laveleye, *Lettres d'Italie*, 1880 г., *Nouvelles lettres*, 1884 г.

Главнѣйшими политическими журналами были *Antologia italiana*, т. I, 1846 г.; потомъ *Rivista contemporanea* отъ 1853 до 1870 г., *Nuova Antologia*, съ 1866 г., *Revue internationale* (на франц. яз.), съ 1883 г.

Сочиненія. По общей исторіи Италіи: существуетъ нѣсколько сочиненій на итальянскомъ языкѣ, но всѣ они страдаютъ многословіемъ и недостаткомъ критики.—Cantu, *Storia di cente anni*, 3 т. (доходитъ до 1850 г.); ея продолженіемъ служитъ *Della indep. italiana cronistoria*, 3 т., 1872—77 г. *Histoire des Italiens*, франц. пер., 1862 г., останавливается на 1861 г. Канту католикъ и патріотъ.—Muratori, *Annali d'Italia*, исторія XVIII в., доведенная до 1870 г., хронологическій сборникъ. — Един-

ственная критическая исторія Италіи—Reuchlin, *Geschichte Italiens*, 4 т., 1859 — 73 г. (коллекція *Staatengeschichte)*; она доходитъ до 1870 г. (авторъ — немного галлофобъ). — На французскомъ яз., Sorin, *Hist. de l'Italie*, 1888 г. Zeller, *Pie IX et Victor-Emmanuel*, 1879 г.; оба сочиненія носятъ популярный характеръ.

Исторія отдѣльныхъ періодовъ: Nisco, *Storia d' Italia*, 3 т., 1881 — 85 г., доходитъ до 1830 г.—Tivaroni, *Storia critica del risorgimento*, 9 т., 1891—96 г. — Costa de Beauregard, *Dernières années du roi Charles-Albert*, 1890 г. Perrens, *Deux ans de révolution en Italie (1848—49)*, 1857 г.—Chiala, *Dal Congresso di Plombières al Congresso di Berlino*, 1892 г.—Bersezio, *Il regno di Vittorio Emmanuele*, 8 т., 1878—95 г.—Mistrali, *Da Novara a Roma*, 5 т. 1870 — 79 г. (періодъ отъ 1849 до 70 г.) — Retrucelli della Gattina, *Storia d'Italia*, 1882 г. (періодъ отъ 1866 до 1880 г.).—Treitschke, *Histor. und polit. Aufstäze*, т. II, 5-е изд. 1886 г., очень живое описаніе объединенія Италіи и дѣятельности Кавура.

Исторія отдѣльныхъ государствъ: Brofferio, *Storia di Piemonte*, 3 т., 1849—52 г.—Farini, *Lo Stato romano*, 4 т., 1850—53 г.—Nisco, *Ferdinand II...* 1884 г. (Неаполитанское королевство).

Исторія учрежденій: Brusa, *Staatsrecht d. k. Italien*, 1890 г. (коллекція Marquardsen), даетъ кромѣ картины современнаго государственнаго строя Италіи много очень подробныхъ историческихъ указаній и перечень спеціальныхъ сочиненій. — Изъ нихъ самое важное— S. Palma, *Corso di diritto constituzionale*, 3 т., 1884—86 г.—О финансахъ — J. Sachs, *L'Italie, ses finances... 1859 — 84*, 1885 г.; даетъ много свѣдѣній, но плохо классифицированныхъ.

Къ главѣ XII.

Библіографія. По исторіи всѣхъ нѣмецкихъ странъ (Германіи, Пруссіи и Австріи) можно, съ полной увѣренностью, обратиться къ Dahlmann-Waitz, *Quellenkunde der deutschen Geschichte*, 6-е изд., пересмотрѣнное Штейндорфомъ 1894 г.; это лучшая изъ всѣхъ національныхъ историческихъ библіографій. Относительно сочиненій, появившихся послѣ 1893 г., см. періодическую библіографію, печатающуюся при *Deutshe Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* *).

Документы. Офиціальные документы Союзнаго Сейма изданы слѣдующими авторами: Klüber, 1830 — 33 г.. — G. von Meger, 1821 — 27 г.,—Zöpfl, 1858—69 г.; конституціи отдѣльныхъ государствъ—Pölitz и Bülau (1832—47 г.) и Zachariae (1855—62 г.).—Относительно парламентскихъ актовъ за 1848 и 1849 гг. см. *Quellenkunde*, нумера 6.066 — 6.073. — Относительно дѣятельности Сейма послѣ 1850 г. — сборникъ документовъ Poschinger'a (доклады прусскаго уполномоченнаго, Бисмарка).

Авторы наиболѣе важныхъ мемуаровъ и переписокъ — Gentz (довѣренное лицо Меттерниха, состоялъ на службѣ у австрійскаго правительства,—Varnhagen von Ense (либералъ).

*) Высокое качество этихъ сборниковъ позволило мнѣ ограничить библіографическія указанія по исторіи всѣхъ нѣмецкихъ государствъ только главнѣйшими документами и лучшими общими сочиненіями, при чемъ даже и здѣсь я ограничиваюсь указаніемъ имени автора; чтобы узнать подробное заглавіе, достаточно обратиться къ *Quellenkunde*.

Сочиненія. Наиболѣе подробная исторія— Treitschke, *Deutsche Geschichte im XIX-ten Jahrhundert*, 5 т., послѣднее изданіе 1886 — 95 г. (остановившееся по случаю смерти автора на 1848 г.); очень пристрастно написана (авторъ— пруссакъ и консерваторъ), но даетъ много свѣдѣній и легко читается.—Наиболѣе точное резюме даетъ C. Bulle, *Gesch. der neuesten Zeit*, 2-е изд, 1886—87 г. — Соотвѣтствующій томъ коллекціи Онкена (C. Flathe, *Zeitalter der Restauration und der Revolution*, 1883 г.) посредственъ. — *Allgemeine deutsche Biographie*, печатающаяся съ 1875 г. и уже подходящая къ концу (40 томовъ), состоитъ изъ статей *за подписью авторовъ*, настоящихъ біографій, имѣющихъ научное значеніе. — На франц. языкѣ: Gervinus, *Hist. du XIX siècle* (пер. съ нѣмецкаго) останавливается на 1830 г., уже устарѣла.—Van Deventer, *Cinquante années de l'histoire fédérale de l'Allemagne*, 1870 г., бельгійское, популярное сочиненіе.

О Союзномъ Сеймѣ: K. Fischer, *Die Nation und der Bundestag*, 1880 г., хорошее изложеніе недостатковъ союзной организаціи.

О движеніи послѣ 1830 г.: J.-R. Mücke, *Die politischen Bewegungen in Deutschland von 1830 bis 1835*, 2 т., 1875 г.

О революціи 1848 г.: Haym, *Die deutsche Nationalversammlung*, 3 т., 1848 — 50 г. — S.-R. Taillandier, *Etude sur la révol. en Allemagne*, 2 т. 1853 г.

О періодѣ реакціи: A. Bernstein, *Revolutions- und Reaktions-Geschichte*, и т. д., 3 т., 1882—84 г.

О движеніи въ пользу объединенія: F. Jastrow, *Geschichte des deutschen Einheitstraumes...* 4-е изд., 1891 г.—Levy-Bruhe, *L'Allemagne depuis Leibnitz*, 1890 г.

Къ главѣ XIII.

Библіографія. Кромѣ указаннаго въ гл. XII Waitz, *Quellenkunde*, см. Krones, *Grundriss der Oesterreichischen Geschichte*, 1882 г., гдѣ читатель найдетъ подробную библіографію сочиненій, появившихся до 1881 г.

Документы. Главнѣйшими офиціальными документами служатъ отрывки, напечатанные въ Metternich, *Nachgelassene Papiere*, 8 т., 1880 — 84 г. (существуетъ французское изданіе); протоколы комиссіи Рейхстага 1848—49 г. изданы Springer'омъ, 1885 г.

Изъ переписки и мемуаровъ, см. особенно: Metternich; — Gentz; — L. von Wirkner, *Meine Erlebnisse (1825 — 52)*, 1879 г. — von Prokesch Osten, *Aus den Briefen (1849—55)*, 1896 г. (письма министровъ за періодъ реакціи).

Сочиненія. Лучшей общей исторіей остается A. Springer, *Gesch. Oesterreichs*, 2 т., 1865 г. (Сборникъ *Staatengesch. der neuesten Zeit);* авторъ—нѣмецкій либералъ. — Krones, *Grundriss der österr. Gesch.*, 1882 г. и *Gesch. der Neuzeit Oesterreichs*, 1879 г.; точное, но сухое изложеніе.—На французскомъ языкѣ: L. Leger, *Hist. de l'Autriche-Hongrie*, 4-е изд. (1895 г.); авторъ— федералистъ и славянофилъ (сборникъ Duruy): это одна изъ лучшихъ исторій этого сборника (при ней находится библіографія избранныхъ сочиненій.—Wurzbach, *Biographisches Lexicon des K. Oesterreichs*, 60 т., 1856 — 91 г.., хуже, чѣмъ *Allg. deutsche Bibliographie.*

О революціи 1848 г.: G.-A. von Helfert, *Gesch. Oesterreichs*, etc., 4 т., 1869—86 (очень консервативна).—Iranyi et Chassin, *Hist. politique*

de la revol. de Hongrie, 2 т., 1859 г. (очень проникнута мадьярскимъ патріотизмомъ).

О періодѣ реакціи: W. Rogge, *Oesterreich von Vilagos bis zur Gegenwart*, т. I, 1872 г. (произведеніе журналиста).

О финансахъ: Beer, *Gesch. der österr. Finanzen im XIX-ten Jahrh.*, 1877 г.

Объ освобожденіи крестьянъ: см. *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, слово *Bauernbefreiung*.

Къ главѣ XIV.

Библіографія. — Dahlmann-Waitz, *Quellenkunde der deutschen Geschichte*, изд. 1894.

Документы. — Главные офиціальные документы: *Протоколы собраній 1848 г.* (см. Дальманъ-Вайцъ, изд. 1894. №№ 6081 — 82) и *Gesetzsammlung* (офиціальный сборникъ прусскихъ законовъ).

Самыя важныя изъ записокъ и воспоминаній: Hardenberg, 5 томовъ, 1877, Friedrich-Wilhelm IV, 1873 г., переписка съ его другомъ Бунзеномъ. (Извлеченіе изъ нея въ S.-R. Taillandier, *Dix ans de l'histoire d'Allemagne*, 1875).—Th. von Bernhardi. Томы I, II, 1893.

Сочиненія.—Главная общая исторія. Treitschke, *Deutsche Geschichte*, 5 томовъ, 1886—95, остановившаяся на 1848 г.; онъ передаетъ, по документамъ прусскаго архива, секретную исторію правительства; ярый пруссакъ, всегда пристрастенъ къ Фридриху-Вильгельму III.—Резюмировано у Bulle, см. гл. XII.—Превосходныя статьи въ *Allgemeine deutsche Biographie*. На французскомъ языкѣ:—Veron, *Histoire de la Prusse* (популярная).

О реформахъ 1807—1814 г. см. монографіи о преобразователяхъ: Pertz, *Leben des Fr. v. Stein*, 6 томовъ, 1849—55 г., преувеличиваетъ роль своего героя.—Seeley, *Life and times of Stein*... 3 тома, 1880. (Резюме у Cavaignac, *Formation de la Prusse contemporaine*, 1896 г.).—Lehmann, *Scharnhorst*, 2 т., 1886 — 87 гг. — Oncken, *Zeitalter der Revolution*, т. II, 1887 г. (коллекція Онкена).

По исторіи учрежденій: Von Rönne, *Staatsrecht der preussischen Monarchie*, 4 т., 1-е изд. 1856 — 63 гг., 4-е изд. 1881 г., юридическое и историческое описаніе всѣхъ учрежденій Пруссіи, самое полное изъ сочиненій этого рода; предпочтительнѣе первое изданіе, гдѣ описанъ режимъ до преобразованій 1867. — Bornhak, *Geschichte des preussischen Verwaltungsrechts*, 4 т., 1884—92 гг.

Объ общественной и политической жизни: v. Bülow-Cummerow. *Preussen, seine Verwaltung*, 2 т., 1842 — 43 (аристократическое). — F. Fischer, *Preussen am Abschlusse der ersten Hälfte des XIX Jahrhunderts*, 1876 (либеральное.—K. Hillebrand. *La Prusse contemp. et ses institutions*, 1867.

Объ освобожденіи крестьянъ: G. F. Knapp, *Die Bauernbefreiung... Preussens*, 2 т., 1887, точное изложеніе освобожденія крестьянъ.

О таможенномъ союзѣ: W. Weber, *Der deutsche Zollverein*, 1869 г. — Библіографія въ *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*.

Къ главѣ XV.

Библіографія. См. Waitz, *Quellenkunde*, изд. 1894 г.

Документы. Главные сборники: — Отчеты палатъ.—*Die innere Politik der preussischen Regierung*, 1886; сборникъ правительственныхъ актовъ во время конституціоннаго конфликта.—L. Hahn. *Fürst Bismarck*, 5 т., 1878—91 гг., сборникъ всѣхъ рѣчей и заявленій Бисмарка.—H. Kohl, *Die politischen Reden des Fürsten Bismarck*, 9 т. 1892—64.

Всѣ важные документы и подробное изложеніе фактовъ можно найти у Schulthess, *Europäischer Geschichtskalender*, по 1 тому въ годъ, начиная съ 1860 года.

Главные политическіе журналы этого періода: *Grenzbote* и *Preussische Jahrbücher*.

Сочиненія.—Есть послѣдовательный перечень у Sybel, *Die Begründung des deutschen Reiches*, 4 изд., 7 том. 1893 — 94; онъ имперіалистъ, офиціозенъ, но даетъ мало ссылокъ.—Oncken, *Zeitalter Wilhelms I.*—E. Simon, *l'Empereur Guillaume* 1886. *Histoire du prince de Bismarck*, 1887.

Для учрежденій: Rönne (см. главу XIV) и Laband, *Das Staatsrecht des deutschen Reiches*, 3 т. 1876—82.—Mohl, *Das deutsche Reichsstaatsrecht*.

Къ главѣ XVI.

Библіографія. См. Waitz, *Quellenkunde* до 1894; о самыхъ послѣднихъ сочиненіяхъ см. періодическую библіографію *Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*.

Документы. Для сборниковъ та же библіографія, что въ главѣ XV. — Главные документы — парламентскіе отчеты. Hahn, Kohl, кромѣ того Poschinger, *Dokumente zur Geschichte der Wirthschaftspolitik in Preussen und im deutschen Reich*, 5 томовъ, 1889 — 91, сборникъ для исторіи идей и экономической политики Бисмарка.

Всѣ важные документы можно найти у G. Schulthess, *Geschichtskalender*, изданіе Delbrück 1885 — 94. — Къ указаннымъ уже журналамъ (*Grenzbote*, *Preussische Jahrbücher*) добавить либеральный *Deutsche Rundschau* (съ 1874); *Deutsche Revue* (съ 1877); соціалистическій *Die neue Zeit* (съ 1883).

Сочиненія. Общія исторіи не идутъ далѣе 1890 г.—Oncken, *Zeitalter des K. Wilhelm*, т. II, 1892 г. (колл. Oncken), научно - популярная, останавливается на 1888 г.—H. Blum, *Das deutsche Reich zur Zeit Bismarcks*, 1893 г., доходитъ до 1890 г.; Blum, — близкій къ Бисмарку человѣкъ. — *Geschichtskalender* даетъ въ концѣ каждаго тома политическій обзоръ года въ національно-либеральномъ духѣ.

О Бисмаркѣ см. Busch, *Unser Reichskanzler*, 1884 г.; и цѣлый рядъ этюдовъ за подписью *** (Waitz, *Quellenkunde*, №6461).—Біографіи Вильгельма I (W. Müller. 1888 г.; L. Hahn, 1888 г.), офиціозныя и льстивыя. — R. Simon, *L'empereur Guillaume*, 1866 г.—Laviss, *Trois empereurs d'Allemagne* (1888 г.).

О Культуркампфѣ: L. Hahn, *Gesch. des Kulturkampfes in Preussen*, 1881 г., сборникъ документовъ, протестантскій и правительственный. — F. X. Schulte, *Gesch. des. Kulturk. in Preussen*, 1882 г., католич.—Majunke, *Gesch. des Kulturk. in Preussen-Deutschland*, 1876—1888 гг. катол.

Объ учрежденіяхъ: Marquardsen, *Handbuch des öffentlichen Rechts der Gegenwart*, т. II и III, подробное описаніе правительства и администраціи имперіи и каждаго изъ государствъ.—Для Пруссіи, Bornhak, *Gesch. des preussischen Verwaltungsrechts*, дополн. 1892 г. — Rönne,

Staastsrecht der preussischen Monarchie, 4 т., послѣднее изданіе и дополненіе Schopen'a *Recht der Kommunalverbände in Preussen* (1897 г.), для послѣднихъ преобразованій.

О соціальномъ законодательствѣ: подробныя и спеціальныя библіографіи въ *Handwörterbuch der Staatswissenschaften.*

О соціалистической партіи: см. библіографію гл. XXIII.

Къ главѣ XVII.

Библіографія. Библіографію можно найти въ сочиненіяхъ, указанныхъ въ гл. XIII, Waitz, Krones, Leger.

Документы. Парламентскіе отчеты и сборники законовъ указаны у Mühlbrecht, *Wegweiser zur Literatur der Staatswissenschaften.* Всѣ документы и важные факты приведены у Schulthess, *Europäischer Geschichtskalender*, по 1 т. въ годъ съ 1860 г.; событія Австро-Венгріи тамъ хорошо изложены въ духѣ, весьма враждебномъ славянамъ и мадьярамъ. См. также *Annuaire de deux Mondes*, до 1870 г., и *Annual Register.*

Для исторіи партій см. журналы *Grenzbote*, *Preussische Jahrbücher*, *Deutsche Rundschau* съ 1874 г., *Deutsche Revue* съ 1877 г., *Unsere Zeit*, *Revue politique et parlementaire* съ 1894 г.

Сочиненія. Для общей исторіи Krones, Leger, см. гл. XIII. — W. Rogge, *Oesterreich von Vilagos bis zur Gegenwart*, 3 т., 1872—73; *Oesterreich seit der Katastrophe Hohenwart-Beust*, 2 т. 1879; останавливается на восточномъ кризисѣ; сочиненіе журналиста, очень пристрастное по отношенію къ нѣмцамъ.

О народностяхъ: существуетъ сборникъ описательныхъ монографій.—*Die Völker Oesterreich-Ungarns.*

Объ учрежденіяхъ: см. библіогр. Ulbrich, *Oesterreichisches Staatsrecht* 1892 (колл. Marquardsen). Jellinek, *Ungarisches Staatsrecht* (та же колл.) Ulbrich, *Lehrbuch des Oesterr. Staatsrechts* 1883; *Handbuch der Oesterr. politischen Verwaltung*, 2 т. 1888—92.—Съ 1895 г. издается словарь подъ руководствомъ Mischler и Ulbrich, *Oesterreichisches Staatswörterbuch.*

Къ главѣ XVIII.

Библіографія *).—Относительно періодическихъ библіографическихъ указаній по скандинавской исторіи см. Ch.-V. Langlois, *Manuel de bibliographie historique*, стр. 157.

Библіографія по исторіи учрежденій указана въ монографіяхъ марквардсенской коллекціи.

Документы.—Офиціальные документы указаны въ библіографіяхъ марквардсенской коллекціи (тексты конституцій приведены у Dareste, *Les Constitutions).* Читатель найдетъ воспроизведеніе и разборъ главнѣйшихъ изъ нихъ, также какъ и разсказъ о событіяхъ, въ трехъ ежегодникахъ: *Annuaire des Deux Mondes* до 1870 г., Schulthess, *Europ. Geschichtskalender*, съ 1860 г. (скандинавскимъ странамъ отведено въ немъ недостаточное мѣсто), и особенно — *Annual Register*, дающій наибольшія свѣдѣнія о скандинавскихъ странахъ.

Сочиненія.—Общія исторіи: Allen, *Hist. de Danemark*, франц. перев., 1878 г., останавливается на 1866 г.—Thorsäe, *Den danske Statspolitiske Histoire*, 2 т. 1872 — 78 г., начинается съ 1800 г. и доходитъ до 1848 г. — H. Weitmeyer, *Le Danemark, Hist. et géorg.*, 1889 г., краткое популярное сочиненіе.—Boyesen, *The history of Norway*, 1886 г.; краткое, но толковое изложеніе.—Säve, *Sveriges historia under den nyaste tiden*, 1890 г.; популяризація.

Относительно герцогствъ Шлезвига и Голштиніи см. Waitz, *Quellenkunde der deutschen Geschichte*, изд. 1894 г.; № отъ 6174 до 6203 и отъ 6272 до 6286; указаны сочиненія на всѣхъ языкахъ.

Читатель найдетъ свѣдѣнія о политической жизни скандинавскихъ государствъ въ нѣмецкихъ и англійскихъ журналахъ (см. библіогр. главъ II—IV и XV—XVI).

Исторія учрежденій: Aschehoug, *Staatsrecht d. K. Schweden-Norwegen*, 1886 г.—Goos и Hansen, *Staatsrecht Dänemarks*, 1889 г.; оба сочиненія входятъ въ коллекцію Марквардсена.—Berencreutz, *Droit constitutionnel du royaume de Suède*, 1886 г. Стокгольмъ.

Къ главѣ XIX.

Библіографія.—Относительно сочиненій на французскомъ языкѣ см. Lorenz, *Catal. de la librairie franç.*

Документы. — Читатель найдетъ офиціальные документы и разсказъ о событіяхъ въ ежегодникахъ: *Annual Register*, *Annuaire Lesur* и *Ann. des Deux Mondes, Geschichtskalender;* офиціальные документы послѣ 1861 г.—въ *Staatsarchiv.*—Среди многочисленныхъ личныхъ воспоминаній и наблюденій см. особенно De Moltke, *Lettres sur la Turquie*, переводъ съ нѣмецкаго, 1877 г. (пребываніе отъ 1835 до 1837 г.); среди политическихъ манифестовъ, см. Midhatpacha, *La Turquie, son passé, son avenir*, 1878 г.

Сочиненія.—Лучшая общая исторія E. Engelhardt, *La Turquie et le Tanzimat. Histoire des réformes depuis 1826*, 2 т. 1882—83 г.; умно написана и отличается точностью.—Rosen, *Gesch. der Türkei*, 2 т. 1866—67 г. (Серія *Staatengesch. der neue Zeit*), обнимаетъ событія отъ 1826 до 1856 г. — Juchereau de Saint Denys, *Hist. d l'Empire ottoman*, 4 т., 1844 г., останавливается на 1844 г.—De la Jonquière, *Hist. de l'Empire ottoman*, 1881 г., не вполнѣ связная популяризація, даетъ библіографическія указанія.

Относительно событій, имѣвшихъ общеевропейскій характеръ, см. сочиненія, указанныя въ главахъ XXIV, XXV и XXVI. Относительно греческихъ странъ и Крита читатель найдетъ библіографію у Герцберга; см. библіографію гл. XX.

Относительно царствованія Абдулъ-Гамида, см. F. Charmes, *L'avenir de la Turquie*, 1883 г.; Georgiadès, *La Turquie actuelle*, 1892 г., и особенно—V. Bérard, *La Turquie et l'hellenisme contemporain*, 1893 г., *La politique du sultan*, 1897 г. (армянскія дѣла).

Относительно Босніи, *Die Occupation Bosniens* 1879—80 г., офиціальное австрійское изданіе.—*Bosnien unter österreichisch-ungarischer Verwaltung*, 1886 г., анонимное офиціозное изданіе.

---

*) Не зная скандинавскихъ языковъ, я могу дать только очень краткую библіографію, не дающую никакого представленія о литературной производительности скандинавскихъ странъ.

Къ главѣ XX.

Библіографія.—Lavisse et Rambaud, *Histoire générale*, т. IX, стр. 737 (указываетъ общія исторіи).—См. Lorenz, *Catalogue de la librairie franç.*, относительно французскихъ сочиненій; относительно Греціи: Hertzberg, *Gesch. Griechenlands* (можетъ служить библіографіей); относительно Румыніи: Bergener, *Rumänien*, 1887 г.; J. Bengesco, *Bibliogr. franco-roumaine du XIX-e s.*, 1895 г.—Относительно послѣднихъ сочиненій см. *Jahresberichte der Geschichtswissenschaft* (съ 1873 г.).

Документы.—Большинство документовъ и свѣдѣній находится въ трехъ *Ежегодникахъ* и *Staatsarchiv* (см. Предисловіе) или въ журналахъ, выходящихъ въ Германіи, Франціи и Англіи (указанныхъ въ библіографіяхъ этихъ странъ). Относительно Румыніи см. Petrescu et Stourza, *Actes et documents relatifs à l'histoire de la régénération de la Roumanie*, 7 т., 1889—92 г.

Сочиненія.—Общія исторіи: Bamberg, *Gesch. der oriental. Frage* (коллекц. Онкена), періодъ 1856 — 78 г.—Oncken, *Zeitalter d. K. Wilhelm* (колл. Онкена).

Картина политическихъ нравовъ: E. de Laveley, *La péninsule des Balkans*, 1886 г., бѣглыя путевыя замѣтки.—Sp. Gopcevic, *Der turkomontenegrinische Krieg. 1876—78*, 3 т., 1879 г.; *Serbien und die Serben*, 1881 г.; *Oberalbanien und seine Liga*, 1881 г.; *Bulgarien und Ostrumelien, 1876 — 86*, 1886 г.; *Makedonien und Alt-Serbien*, 1889 г.; произведенія журналиста, пристрастныя, но полныя интересныхъ подробностей.

Румынія: Prince Bibesco, *Roumanie 1829—49*, 2 т. 1893 — 94 г. — Samuelson, *Roumania*, 1882 г. (на англ. яз.).—R. Bergner, *Rumänien*, 1887 г.; Blaramberg, *Essai sur les institutions de la Roumanie*, 1885 г.

Греція: Mendelson-Bartholdy, *Geschichte Griechenlands*, 2 т., 1870—74 (коллекц. *Staatengesch. d. n. Zeit.*—Hertzberg, *Gesch. Griechenlands*, т. III и IV, 1879 г. (Готская коллекція), доведена до 1878 г.; объ критическія и научныя.

Кромѣ сочиненій, появившихся до 1878 г., указанныхъ у Герцберга, см. Thouvenel, *La Grèce du roi Othon*, 1890 г. (частныя письма дипломата).

Сербія: Ranke, *Serbien und die Serben*, 1879 г., главнѣйшая исторія освобожденія Сербіи.

Болгарія: Jirecek, *Das Fürstenthum Bulgarien*, 1891 г. (главное сочиненіе по общей исторіи Болгаріи).—Kanitz, *Donau-Bulgarien*, 3 т., 1877—80, для турецкаго періода.—Для времени княженія Александра: A. Koch, *Prinz Alexander of Battenberg*, 1887 г.; авторъ былъ духовникомъ князя. — A. v. Huhn, *Der Kampf der Bulgaren um ihre Nationaleinheit*, 1886 г.; *Aus bulgarischer Sturmzeit*, 1886 г., написаны въ нѣмецкомъ духѣ.—Sobolew, *Der erste Fürst v. Bulgarien*, 1886 г., перев. съ русскаго.—Draudar, *Le prince Alexandre de Battenberg*, 1884 г.

Къ главѣ XXI.

Библіографія.—См. *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, 1890 — 94 г. и дополненіе 1895 г.; статьи: *Börse*, *Eisenbahnen*, *Eisen*, *Gold*, *Anleihen*, *Staatsschulden*, *Silder*, *Telegraphie* и т. д. (тамъ же читатель найдетъ библіографію по каждому вопросу). — См. также W. Cunningham, *The growth of english industry and commerce...*

Сочиненія.—Мнѣ не извѣстно общей *научной* исторіи новѣйшихъ изобрѣтеній. Читатель найдетъ много подробностей во французскихъ популярныхъ сочиненіяхъ: Figuier, *Les merveiles de la science; L'année scientifique* (выходитъ ежегодно съ 1855 г.); на нѣмецкомъ языкѣ: *Das neue Buch der Erfindungen...* 6 т., 1864—67 г.

Относительно сравнительной статистики богатствъ и населенности: Kolb, *Handbuch der vergleichenden Statistik*, 1-е изд. 1857 г., 8-е изд. 1879 г. (англійскій перев. *Condition of nations.* 1880 г.), самое надежное изъ сочиненій этого рода. — Mulhall, *Dictionary of statistics*, новое изд. 1889 г.; удобно, но возбуждаетъ сомнѣнія, C. D. Wright, *The industrial evolution of the United States*, 1895 г., умно написанный очеркъ міровой промышленной исторіи въ связи съ промышленной исторіей Соединенныхъ Штатовъ. Относительно промышленнаго развитія Франціи: Rambaud, *Histoire de la civilisation contemp. en France*, 1888 г. Относительно Англіи: W. Cunningham, *The growth of english industry and commerce...* 1892 г., очень поучительная книга, съ указаніемъ на спеціальныя сочиненія по исторіи торговли (Levi, Yeats) и различныхъ отраслей промышленности (Baines-хлопокъ; Bischoff, шерсть, и т. д.).

Къ главѣ XXII.

Библіографія.—Funk, *Hist. de l'Eglise*, франц. перев. 2-е изд., 2 т., 1895 г. (католическ.).—Kurtz, *Lehrbuch der Kirchengeschichte*, 2 т., 9 изд., 1885 г. (протест.).

Документы. — Главнѣйшіе сборники офиціальныхъ актовъ, кромѣ *Recueil des allocutions... des pontifes*, слѣдующіе: Walter, *Fontes juris ecclesiastici...* 1862 г. (по вопросу о конвенціяхъ съ римскимъ престоломъ). — *Acta et decreta sacr. conciliorum recentiorum*, 7 т., 1870—90 г. (т. VII. Ватиканскій соборъ).—Энциклика 1864 г. и Силлабусъ изданы отдѣльно: Raulx, *Encycl. et document...* и т. д., 2 т., 1865 г. *).

Рѣчи Пія IX и Льва XIII находятся въ итальянскихъ сборникахъ (Discorsi).

Относительно Собора: Friedberg, *Sammlung der Aktenstücke zum Vatikan. Concil*, 1872 г. (старокатолич.).—Frond, *Actes et hist. du concile*, 8 т., in-fol. — Friedrich, *Documenta ad illustrandum Concil. Vatican.*, 1871 г., — Veuillot, *Rome pendant le Concile*, 2 т., 1872 г.

Главнѣйшія періодическія католическія изданія: *Civilta catolica* (съ 1850 г.), *l'Univers* (ранѣе 1848 г.). *Stimmen aus Maria Laach* (нѣмецкіе іезуиты), съ 1865 г.; *Etudes réligieuses*, съ 1856 г. (іезуитск.); *Le Correspondant*, съ 1829 г. (либерально-католическ.).

Сочиненія.—Общія исторіи церкви: Funk (католич.); Kurtz (протест.); оба нѣсколько кратки.—Rohrbacher, *Hist. de l'Eglise*, 1842 — 49 г. продолжена Chantrel et Chamard, *Annales ecclésiastiques*, компиляція безъ критики.

Исторія новѣйшей церкви: Gams, *Gesch. der Kirche Christi*, 3 т., 1854 г. (католич.).—Nilsen, *Gesch. des Papstthums im XIX Jahrh.*, 2 т., 1880 г. (авторъ датчанинъ).

Спеціальныя исторіи: Относительно Германіи: Nippold. *Handb. der neuesten Kirchengesch.*, 3-е изд., 4 т., 1883 — 92 г.; Brück, *Gesch. der*

*) Читатель найдетъ большія энциклики папъ (и Силлабусъ) въ популярномъ католическомъ сборникѣ (съ франц. перев.). *Lettres apostol. de Pie IX, Gregoire XVI, Pie VII* и *Lettres apostol. de S. S. Leon XIII*, 4 т.

Kathol. Kirche im XIX Jahrh., т. I—III, 1887—96 г. (доведена до 1870 г.).

Біографіи папъ (см. Kurtz и Funk). Главнѣйшія слѣдующія: Artaud, *Hist. de Pie VII.* 2 т., 1837 г., *de Léon XII*, 1843 г., *de Pie VIII.* 1844 г.—Pougeois, *Hist. de Pie IX*, 6 т., 1877—86 г. (многословна).—O'Reilly, *Vie de Léon XIII*, перев. съ англ., 1887 г.

Ватиканскій соборъ: Cecconi, *Storia del Concilio*, 1873 г. (франц. пер. *H. du Concile*, 4 т., 1887 г.). — Friedrich, *Gesch. des Vatikanischen Concils*, 2 т., 1877—83 г. (католич. оппозиц.),—Friedberg, *Sammlung der Aktenstücke*, уже указанн. выше, даетъ краткій историческій очеркъ (оппозиціонн.).—Arthur, *The Pope, the Kings...* 2 т., 1877 г. (протестантск.).

Старо-католики: Schulte, *Der Altkatholicismus...* 1887 г.

Либеральные католики: A. Leroy-Beaulieu, *Les catholiques libéraux... de 1830 à nos jours*, 1885 г., даетъ интересный очеркъ.—Minghetti, *L'Etat et l'Eglise* (перев. съ итальянскаго), 1882 г., излагаетъ доктрину итальянскихъ либеральныхъ католиковъ

Церковное право: Liberatore, *La Chiesa e lo Stato*, 1871 (перев. на франц. яз.); *Le droit public de l'Eglise*, 1888 г.—Tarquini, *Juris. eccles. publ. institutiones; Principes du droit public de l'Eglise*, 1891 г.; оба излагаютъ доктрину папства.—Hergenroether, *Lehrb. des kathol. Kirchenrechts*, 1888 г., католич.—Philipps, *Kirchenrecht*, 8 т., 3-е изд., 1872—89 г., католич. — Richter, *Lehrb. des katholisch. und evangel. Kirchenrechts*, 8-е изд., 1886 г. (протест.); излагаетъ преимущественно нѣмецкое право.

Къ главѣ XXIII.

Библіографія. Stammhammer, *Bibliographie des Socialismus*, 1895 г., въ алфавитномъ порядкѣ. Всего удобнѣе обращаться къ библіографіямъ *Handwörterbuch der Staatswissenchaften*, 6 т., 1890 — 1894 г. и Дополненія 1895 г., въ статьяхъ: *Anarchismus*, *Sozialdemokratie*, *Internationale*, и въ статьяхъ, озаглавленныхъ собственными именами.

Документы. Главнѣйшими документами, кромѣ сочиненій основателей школъ и вождей революціонныхъ партій, служатъ преимущественно протоколы съѣздовъ партій, печатающіеся въ газетахъ и спеціальныхъ брошюрахъ (для Германіи см. каталогъ *Vorwärts'a*), которыя было бы невозможно перечислить (см. библіографію къ вышеупомянутой статьѣ Адлера *Sozialdemokratie*). Наиболѣе важныя періодическія изданія слѣдующія: *Vorwärts*, *Sozialdemokrat*, *Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik* (1879—1891 гг.), *Die Neue Zeit*;—во Франціи, *Revue Socialiste*.

Сочиненія. Относительно несоціалистическихъ революціонныхъ движеній: Deschamps, *Les sociétés secrètes et la Révolution*, 2 т., 3-е изд., 1880 г.; Claudio Jannet. т. III, подзаглавіе: *Notes et documents*, 1883 г., несвязное сочиненіе, написанное страстно и безъ критики, со ссылками на документы и предыдущія работы о франмасонствѣ, карбонарствѣ, Мадзини и пр. Главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: Diamilla-Müller, *Politica segreta italiana*, 1880 г., — Menacci, *Memorie docum. p. la Storia della revol. ital.*, 1879 г.,—Th. Frost, *The secret societies of the European Revolution*, 2 т., 1876 г.

Относительно соціалистическихъ партій, общія исторіи носятъ характеръ популяризацій: Laveley, *Le socialisme contemporain*, 10-е изд., 1896 г., ясно изложенная и поучительная книга съ оригинальными подробностями о южныхъ странахъ.—B. Malon, *Hist. du Socialisme*, 5 т., 1880 — 1885 г., компиляція безъ достаточной критики, однако можетъ быть полезна. — Stegemann и Hugo, *Handbuch des Socialismus*, 1894 — 1895 г., соціалистическое изданіе въ видѣ словаря; даетъ огромную массу свѣдѣній, но, къ несчастію, безъ указаній на источники.

Относительно періода, предшествовавшаго 1848 году: Stein, *Gesch. der Sozialen Bewegung in Frankreich*, 3 т., 1850 г. (передѣлка сочиненія *Sozialismus und Communismus des heutigen Frankreichs*, 2 т., 1848 г.) остается до сихъ наиболѣе полныхъ сочиненіемъ для Франціи.—G. Adler, *Gesch. der ersten sozialpolitischen Arbeiterbewegung in Deutschland*, 1885 г., для Германіи.

Относительно возникновенія Интернаціонала и нѣмецкихъ партій, кромѣ біографій Лассаля и Маркса (указанныхъ въ *Handwörterbuch der Staatswissenschaften)*, см. капитальную исторію R. Meyer, *Der Emancipationskampf des vierten Standes*, 2 т., 1874—75 г. (авторъ — консерваторъ-соціалистъ).

Относительно позднѣйшаго періода: Zacher, *L'Internationale rouge*, 1885 г.—Winterer, *Le socialisme international*, 1890 г.—J.—Bourdeau, *Le socialisme allemand et le nihilisme russe*, 1892 г. (популяризація).—Wyzewa, *Le mouvement socialiste en Europa*, 1892 г. (популяризація).

Общей исторіи анархизма не существуетъ; G. Adler, статья *Anarchismus*, указанная выше, 1890 и 1895 г., даетъ краткій очеркъ и подробную библіографію.—E. Zenker, *Der Anarchismus*, 1895 г.

Относительно соціалистическихъ ученій, *Handwörterbuch der Staatswissenschaften* даетъ, при имени каждаго автора, очень подробную библіографію его сочиненій и очень точное резюме его теорій. Наиболѣе научную общую характеристику соціалистическаго идеала даютъ: Schaeffle, *Quintessenz des Socialismus*. 1875 г., франц. перев. 1886 г., и особенно A. Menger, *Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag*, 1886 г., 2-е изд. 1891 г., образецъ логики и ясности.

Относительно исторіи соціалистическихъ партій каждой страны см. библіографіи различныхъ странъ.

Къ главамъ XXIV—XXV.

Общія исторія международныхъ сношеній.

Библіографія. Waitz, *Quellenkunde der deutschen Geschichte*, изд. 1894 г.;—Krones, *Grundriss der österr. Geschichte*, 1882 г.; эти два сочиненія могутъ служить библіографіей для исторіи внѣшнихъ событій. (Относительно самыхъ послѣднихъ сочиненій см. Ch.-V. Langlois, *Manuel de bibliographie histor.*, 1896 г., § 161, 163, 183, 184). — Для спеціальной исторіи войнъ, *Catalogue de la Bibliothèque du Dépôt de la guerre*, т. III, 1885 г., представляетъ собой болѣе удобную библіографію, чѣмъ J. Pohler, *Bibliotheca historico-militaris*, 3 т., 1887 — 95 г., всеобщій каталогъ, еще не оконченъ печатаніемъ.

Документы. Дипломатическіе документы собраны у Martens, *Recueil des traites, Nouveaux Suppléments*, 3 т., 1839—42, *Nouveau recueil* въ

двухъ серіяхъ (см. Waitz, *Quellenkunde*, № 688 и 6078). Съ 1861 г. лучше обращаться къ періодическому изданію *Das Staatsarchiv* (см. предисловіе).

Главнѣйшіе офиціальные документы и разсказы о событіяхъ находятся въ ежегодникахъ (см. предисловіе), а также въ серіи изданій, выходившихъ подъ двумя различными заглавіями: *Die Gegenwart*, 12 т., 1848—56 г.;—*Unsere Zeit* съ 1857 года.

Сочиненія. Общія исторіи. C. Bulle, *Geschichte der neuesten Zeit*, 4 т., 1886 г. (см. предисловіе.—G. Weber *(Allgemeine Weltgeschichte)*, *Gesch. des XIX-ten Jahrhunderts*, 2 т., 1879—80 г., полунаучная популяризація. — Flathe, *Die neueste Zeit*, 3 т., 1888—91 г. коллекція *Allgem. Weltgeschichte)*. (На франц. языкѣ существуютъ только школьныя руководства).

Коллекція Oncken. *Allgem. Geschichte in Einzeldarstellungen*, серія исторій отдѣльныхъ періодовъ (см. предисл.), все еще остается наиболѣе научнымъ сочиненіемъ.

Относительно дипломатической исторіи, Debidour, *Histoire diplomatique de l'Europe*, 1814—1878, 2 т., 1891 г., даетъ разсказъ и библіографическія указанія.

Періодъ 1815—1830.

Документы. Относительно политики Меттерниха: Metternich, *Papiers*, 8 т., 1880 — 84 г. (письма и документы) составляетъ главный сборникъ;—F. Gentz, меттерниховскій агентъ, издалъ нѣсколько сборниковъ писемъ и мемуаровъ (подробности см. у Вайца, № 5799).— Относительно русской политики: Pozzo di Borgo, *Correspondance diplomatique*, 1890 г. — Относительно англійской политики: Castlreagh, *Memoirs and correspondance*, 12 т., въ трехъ серіяхъ, 1848—49, 1851, 1853 г.; — Stapleton, *Canning and his times*, 1835 г.—Относительно французской политики, кромѣ уже указанныхъ ранѣе мемуаровъ Villèle, Pasquier, Vitrolles, Hyde de Neuville, указанныхъ въ библіографіи къ главѣ V, см.: de Serre, *Correspondance*, 6 т., 1876—77; L. de Crousaz-Crétet, *Le duc de Richelieu...* 1897 г., извлеченія изъ архива иностранныхъ дѣлъ.

Сочиненія. Общія исторіи: Stern, *Geschichte Europas*, т. I, 1894 г. представляетъ наиболѣе надежный руководитель, но останавливается на 1820 г.—Gervinus, *Gesch. des XIX-ten Jahrhunderts*, 1855 — 66, франц. изд.: *Histoire du XIX-e siècle*, 22 т., 1864—74 г., останавливается на 1830 г., очень подробна, но не всегда вѣрна.—Flathe, *Das Zeitalter der Restauration und der Revolution*, 1883 г., (колл. Онкена) не особенно умно написано и даетъ мало ссылокъ.

Наиболѣе подробные разсказы объ этомъ періодѣ можно найти въ національныхъ исторіяхъ, написанныхъ для каждой страны: Treitschke (Германія),—Springer (Австрія) — Bernhardy (Россія), особенно важна для европейской политики,—Viel-Castel (Франція), наиболѣе значительная изъ французскихъ исторій внѣшней политики, — Sprencer Walpole (Англія),—Reuchlin (Италія),—Baumgarten (Испанія),—Hertzberg и Mendelssohn (Греція),—Rosen (Турція),—Pault, *Geschichte Englands*, 2 т., 1864 — 67 г. (колл. *Staatengesch. d. n. Zeit*), на которую я не считалъ нужнымъ указать для исторіи Англіи, полезна для исторіи внѣшнихъ событій.

Отдѣльные эпизоды: E. Muhlenbeck, *Etude sur les origines de la Sainte-Alliance*, 1888 г. — A. Hugo, *Hist. de le guerre d'Espagne en 1823*, 2 т., 1824 — 25 г. Prokesch-Osten, *Gesch. des Abfalls der Greichen...* 6 т., 1867 г., описываетъ греческую войну. — De Moltke, *Campagnes des Russes en Turquie d'Europe 1828—29*, перев. съ нѣм., 2 т., 1854 г. (нѣмецкое изд. 1845 г.).